

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
по отдѣленію этнографіи.
Т. XX.

7

СМОЛЕНСКІЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ.

СОСТАВИЛЪ

В. Н. ДОБРОВОЛЬСКІЙ.

ЧАСТЬ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Е. Евдокимова, Б. Итальянская, № 11.

1891.

Евдокимовъ
26875

4. Soc. 100. 54. 2. 141
Exchange-gift from the
U.S.S.R. Geographical Society
Rec. April 21, 1933

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго
Общества.

XX томъ Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго
Общества по Отдѣленію Этнографіи изданъ подъ редакціей дѣйствительнаго
члена В. И. Ламазскаго и члена-сотрудника И. Н. Половинкина.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Предлагаемый XX томъ «Записокъ по Отдѣленію Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» содержитъ въ себѣ первую часть обширнаго «Смоленскаго Этнографическаго Сборника», составленнаго неутомимымъ, беззаветно преданнымъ своему дѣлу, наблюдателемъ и изыскателемъ народнаго быта, языка, памятниковъ народной словесности Смоленскаго края, чл.-сотр. Императорскаго Русскаго Географическаго Общества В. Н. Добровольскимъ. Весь доставленный до настоящаго времени трудъ его рукописи представляетъ пять большихъ фоліантовъ, изъ коихъ одинъ первый составилъ настоящій томъ. Въ остальныхъ фоліантахъ содержатся истинныя пѣсни, свадебныя пѣсни, свадебный обычай, погребальныя обычаи, причитанія, очерки семейныхъ нравовъ, игрища, колядныя пѣсни, масленица, веснянки и т. д.; припѣвки, пѣсни голосовыя, круговыя и т. д.; духовскія пѣсни и др.; пословицы.

Редакцію и наблюденіе за печатаніемъ этой первой части „Смоленскаго Сборника“ принялъ было на себя Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Этнографіи проф. В. И. Ламанскій, но, по недостатку времени, принужденъ былъ оставить редакцію, доводя печатаніе „Сборника“ до 20 листа, и съ 1 мая 1890 г. передалъ это дѣло чл.-сотр. Общества И. Н. Половинкину, который и закончилъ печатаніе 1-й части въ Февралѣ 1891 г.

Редакція главнымъ образомъ старалась сохранить все особенности мѣстной рѣчи, отмѣченныя въ рукописи, отступая отъ подлинника только въ тѣхъ (немногихъ) случаяхъ, гдѣ ошибка переписчика или неточность записывателя были очевидны.

19 Февраля 1891 г.

Предисловіе.

Предлагаемый трудъ—этнографическій.

По мнѣнію собирателя, такой трудъ съ внутренней стороны своей долженъ быть отображеніемъ народнаго міросозерцанія, а съ внѣшней представлять точную передачу народнаго говора со всѣми оттѣнками и оборотами народной рѣчи.

До сихъ поръ еще въ народныхъ воззрѣніяхъ живетъ много слѣдовъ миѣческой старины; дѣло собирателя—замѣтить ихъ и привести въ извѣстность.

Собиратель былъ совершенно чуждъ стремленія дѣлать научные выводы и обобщенія, хотя нѣкоторые научныя соображенія руководили имъ, по необходимости, при группировкѣ довольно значительнаго матеріала; главная же забота собирателя заключалась въ томъ, чтобъ собрать возможно большее число разнообразныхъ этнографическихъ фактовъ.

Указатель къ этимъ фактамъ и указатель къ лексическимъ даннымъ наглядно знакомятъ съ содержаніемъ сборника и даютъ возможность легко найти, что нужно.

В. Добровольскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

№ 1. Замѣтка къ изслѣдованію «Различія гово- ровъ Смоленскаго нарѣчія»	1
№ 2. Особенности Смоленскаго нарѣчія	6
№ 3. Матеріалы для словаря и теоріи ударенія.	29
№ 4. Разсказъ Матрешки Антоненковнѣи а сваей жисти.	45
1) Дятинныя годы	—
2) У дѣвочистви	49
3) За первыиъ мужемъ	51
4) Заутарога мужа зайшла.	52
5) Марка войтииъ стаѹ	54
6) Матрешка у прочкахъ ать Марки. Маланья и валасней пупикають Марка.	57
7) Абыжная хвароба. Валѣсть и смерть Марки	59
8) Вытица Матрешки на мужу	60
9) Суита у дварѣи дѣлешка	61
10) Сходка и асмотрѣ Матрешкииыга двара	62
11) Дѣлешка. Постройка хаты.	64
12) Валасней сходѣ. Уплата доѹга	65
13) Суита съ Правосымъ послѣи пажара	—
А сѣлѣиашней жисти Матрешки	67
№ 5. Лукьянѣи Андреевѣи изѣи Бѣликова, Бѣлскаго уѣзда.	68
№ 6. Еупрей Набажний	71
№ 7. Якѣи Арина здѣлалась знахаренію	74
№ 8. Якѣи празрѣла и здѣлалась знахаренію Стипаннѣиуна, што ѹ Дамарачини	75
№ 9. Савѣты Дамарачини	76

№ 10.	Дахтаря прабъзднмъ	77
№ 11.	Лисная дѣвка	78
	1) У паўдни збываецца клятба матуры. Лѣшій уводіць у матку дачку.	—
	2) Жыцьё-быцьё дѣвки у лѣшлага. Лисавэй учыць дѣву знахарству и усяму пырадеу	79
	3) Возвращеніе къ родителямъ	81
№ 12.	Знахари приваражюць	81
№ 13.	Чарненне къ драки прыводіць на свадьбѣ	82
№ 14.	Состязаніе знахарей на свадьбѣ	84
№ 15.	Добры знахари Божымъ імнемъ пумагаюць лю- дѣмъ, а злы знахари тирыць аггала чарадѣй- ству	—
№ 16.	Знахари заломы дѣлаюць	85
№ 17.	Знахырѣ унистыжаюць поддѣль	—
№ 18.	Змѣи повинуюцца знахарю. Знахарѣ наказываюць змѣю.	86
№ 19.	Атчаво ета лисавыи завялісь, вадяныи, палявыи, дамавыи?	87
№ 20.	Атеуль лисавэя?	—
№ 21.	Лисавэй	88
№ 22.	Лисавыха	—
№ 23.	Лисавыха даеъ бабѣ трубку палатна	89
№ 24.	Пятрокъ прыкрываеъ у лясѣ рабѣнка и палучаеъ за ета знаньа ать смышныи ляснэй дѣвки.	—
№ 25.	Дамаха твееъ	90
№ 26.	Дамаха и Паляха	91
№ 27.	Лисавыха выеъ	92
№ 28.	Русалки	—
№ 29.	Крыеъ русалокѣ	93
№ 30.	Прыспаннныя дѣти русалкама дѣлаюцца, и замѣстѣ ихъ хто-та пурбанѣ падкыдаеъ	—
№ 31.	Домовой похищаеъ дѣтей	—
№ 32.	Нигадытца ругатца у лясѣ	94
№ 33.	На Здвжыныи нигадытца у лѣсѣ хадіць	—
№ 34.	Скрабѣ у лясѣ сабачій и ваўчыныи	96
№ 35.	Змѣи насылаюць усякыгѣ бѣгатства	—
№ 36.	Нилъзя раскладываць игна на гумнѣ падѣ чуды (5 сентабры). Видѣныя падѣ чуды	97

- № 37. Нильзя рубить падсялибныга древа 97
- № 38. Суевѣрія при насыпкѣ платины 98
- № 39. Якъ бабка Марьяха угадала, атчаго ета баба
торчмя паятѣла у чулани и нагѹ у дваѣмъ
мѣсти зламала —
- № 40. Ибѹ Марскомѹ Игемани. Нильзя пить набгомѹ 99
- № 41. Знахырѣ-нчилаводѹ 101
- № 42. Прапускатѹ пчолѹ тиризѹ ваучиную пастѹ іостѹ ня-
угодна Богу, хотѹ чужея пчолы на тваю паси-
ну залитатѹ ня будутѹ —
- № 43. Прудниковѹ сынѹ, при помощи незнакомаго пруд-
ника, принимаетѹ образѹ шпанскаго королевича
и женится на дочери короля; за услугу прудника
прудниковѹ сынѹ 12 іорданѹ водою прогоняетѹ
сѹ мѣста (сѹ—подѹ мельничнаго колеса) атамана
чертой и ставитѹ на его мѣсто прудника 102
- № 44. Пачѣмъ вѣдѹму узнатѹ 105
- № 45. Знахарѹ-атрошникѹ —
- № 46. Видьмаки, што малѣки у кароѹ атымаютѹ 108
- № 47. Якъ паренѹ (іонѹ троху шупилѹ) изѹ вѣдьминны
даенки малако у абротѹтя пиришанилѹ, и якъ
надѹ тымѹ малакомѹ, што вѣдьма у кароѹ аты-
мала, поцѹ заклѹчиння дѣлалѹ 109
- № 48. Дѣўка-вобративѹ 110
- № 49. Якъ на мужика найшло, што іонѹ жонку свою
було зѣўѹ 112
- № 50. Калдунѹ,—людаѣдѹ—кравашіўца 113
- № 51. Папокѹ-кулдунокѹ 115
- № 52. Якъ сынаўя батьку, видьмака, харанили 117
- № 53. Похарыны видьмака 118
- № 54. Якъ Голубѹ хараніў свайго сусѣда Увароуськыга
видьмака и назнарѣшня лѹпти пирибуваў, штобѹ
атѹ яго утѹкатѹ 119
- № 55. Якъ рылѣтыга чорта изѹ видьмаковнѹ шкуры ва-
рымѹ праганыли, ажно загагатаў аттѣлѹ 122
- № 56. Способѹ погребенія змѣя-чудовища: мальчики и
дѣвочки запрягли вѹ телѣжечки пѣтушковѹ и ку-
рочекѹ и возили землѹ на могилку змѣя 124
- № 57. Якъ хазяинѹ кладища (первыи пакойникѹ, схарѣ-

- нитий на кладбищи) съ прочими радителями раз-
говоръ мѣу 124
- № 58. Якъ жанихъ изъ мѣртвѣхъ, съ того свѣта, за явѣтний прїѣхау, явѣсту съ сабой увѣзъ и лѣдва ни стрѣтилъ, да, болозе, покойная хрѣстная матка парѣила дѣуки, якъ збавитца атъ чорта . . . 126
- № 59. Якъ покойница старуха дитѣмъ своимъ спякою ни давала, наколъ ей явѣстея свой престолъ на неби отказала 127
- № 60. Якъ мѣртвецъ гнаѣся за войтымъ, а другой мѣртвецъ заступіѣся за войта 128
- № 61. Якъ старуха идного салдата змарила и заѣздила, а другой салдатикъ самъ съ ею пайграу 130
- № 62. Якъ вѣдьма, скинуушисъ сукою, хатѣла салдата зѣбсь, а салдатъ ей лани атѣбь 132
- № 63. Якъ вѣдьма, зъ мѣртвѣхъ устауши, свайго сусѣда за волостыя патигала —
- № 64. Якъ вѣдьмы на Кармилицкую гору литали . . . 133
- № 65. Якъ вѣдьма у трубу литала, а салдатъ уси яе штуки прїузышолъ —
- № 66. Какъ мужъ, перенявъ ухватку жены своей, вѣдьмы, въ трубу за ней леталъ 135
- № 67. Якъ вѣдьма салдату паддѣлала, што юнъ на липинки за тынчу версть слитау и сваю родину пувѣдау . 136
- № 68. Мужикъ съ ваўками гаворить 137
- № 69. Якъ сивенькій старичекъ мужицѣнга сабачку прутивымъ забіѣу, што тѣй сабачка дужа ваўчкоу забиждау —
- № 70. Собственныя дѣти колдуна, по его неосторожности, поддѣлались волками; отъ удара налкой объ мѣялицу они могли бы принять прежній образъ . . 138
- № 71. Мужичекъ-оборотень 139
- № 72. Поводокъ у оборотней —
- № 73. Дѣвушка, чтобъ избавиться отъ нелюбаго мужа, скинулась козой и убѣжала 140
- № 74.
- № 75. Дѣвичьи посидѣлки 141
- № 76. " " I. —
- № 77. " " II. 142

№ 78. Ибъ скамарохи	142
№ 79. Сѣммарохъ	143
№ 80. Якъ жонка малалѣтнго мужа свайго забиждала, а потѣмъ мужъ яе, по людѣмъ пахадіўши, узду- жїѹ и сваей жонки паказаў, што іонъ ей му- жикъ іостъ	145
№ 81. Ибъ скамарохи съ тыварышами	146
№ 82. Фараоны аднаглазны—людѣды	147
№ 83. Людѣды, похожіе на коня, изъ двухъ половинокъ; когда они въ полномъ видѣ, половинки соеди- няются, то людѣдовъ по ихъ быстротѣ никто не можетъ догнать	—
№ 84. Деревня Медвѣдовка Смоленскаго уѣзда.	148
№ 85. Ибъ гарошинки да нѣби, ибъ ковычкахъ обѣ од- нымъ, двухъ и трехъ глазахъ	149
№ 86. Өедыръ Барма-Пьяница	150
№ 87. Варливока. Якъ жолудъ, бичовычка, слязень и старикъ супрати Варливоки ваявать пашли.	152
№ 88. Мачиха съ своей дачкой обѣ трехъ глазахъ пад- чирку пагубить хатить, а падчирки матушкина карова пасабляить	153
№ 89. Вилѣня.	154
№ 90. О кривыхъ недѣляхъ	157
№ 91. Вьюнушъ дабывантъ калѣцо, што яго мать атдала чорту	158
№ 92. Зима съ лѣтнимъ стрѣлася	161
№ 93. Мухи скрываютъ кладъ отъ проходящихъ	—
№ 94. Якъ черти падманули мужикѹ, када яны чорную папорытъ стирагли	—
№ 95. Листокъ волшебнаго папоротника, дающїй возмож- ность видѣть кладъ	162
№ 96. О слободскомъ кладѣ	—
№ 97. Кладъ водли Хмары-ряки	163
№ 98. Кладъ-вобратинь: каму хатить, таму кладъ и здаецца.	—
№ 99. На кладъ церкву построить надаби; кладъ съ за- рокымъ.	—
№ 100. Кладъ даецца извѣстному чилавѣку	164
№ 101. Кладъ къ смерти	—
№ 102. Кладъ къ багѣсти	—

№ 103. Кладъ здастца таму, хто сполнить тоя, што на- дыби	165
№ 104. Старикъ убивають адинъ за аднымъ двинацѣхъ разбойникиу и дабро ихъ атдасть купецькому сыну	—
—	
№ 1. Атъ Стя	166
№ 1. Св. Авксентій заключають сестеръ-лихарадокъ въ колодези, потомъ выпускають изъ колодезя, пред- варительно выпросивъ заговоръ отъ лихарадки . 167	167
№ 2. Отъ лихарадки (заговоръ)	—
№ 3. Отъ лихарадки	168
№ 4. То-же	169
№ 5. То-же	170
№ 6. Атъ лихарадки	172
№ 7. То-же	—
№ 8. То-же	173
№ 1. Атъ суроць	—
№ 2. Атъ уроць (суроць)	—
№ 3. То-же	174
№ 4. То-же	—
№ 5. То-же	175
№ 6. То-же	—
№ 7. То-же	177
№ 8. Атъ глазу	—
№ 1. Атъ тимяннаго зубищи	—
№ 2. Атъ криесу	178
№ 1. Атъ криесу (село Даньково)	—
№ 1. Обращеніе къ водѣ	179
№ 1. Отъ укушенія ужа	—
№ 1. Атъ змяи	180
№ 2. То-же	—
№ 3. Отъ укушенія змѣи	182
№ 4. То-же	—
№ 5. То-же	184
№ 6. Атъ змѣи	—
№ 7. Отъ укушенія змѣи	185

№ 8.	Ать змѣн	186
№ 9.	То-же	—
№ 1.	Ать шалу	187
№ 2.	То-же	—
№ 3.	Ать бѣшиньга пса	188
№ 1.	Ать чемири	189
№ 2.	То-же	—
№ 3.	Заговоръ ать чемери	190
№ 4.	Ать чѣмери	—
№ 5.	Ать чемири	191
№ 6.	Отъ чемери	192
№ 1.	Ать ламоты	—
№ 1.	Ать грыжи	193
№ 2.	То-же	—
№ 3.	Ать дѣтскыи грыжи	194
№ 1.	Ать урюмъи скулки	195
№ 1.	Ать зубнѣи боли	—
№ 2.	То-же	196
№ 3.	То-же	197
№ 4.	Ать боли зубоу	—
№ 1.	Отъ перелома костей	198
№ 1.	Ать усикъ хваробъ	—
№ 1.	Ать вогника	—
№ 1.	Ать жабы	—
№ 1.	Ать ичмяню на глази	199
№ 1.	Ать притча	—
№ 2.	Ать притки	—
№ 1.	Ать порчи	200
№ 1.	Кровь загаваривать	201
№ 2.	Отъ кровотеченія	—
№ 3.	Ать крови	—
№ 4.	То-же	—
№ 5.	Отъ кровотеченія	202
№ 6.	То-же	—
№ 7.	То-же	203
№ 1.	Женщинѣ на благополучное разрѣшеніе младенцемъ	—
№ 1.	Заговоръ идущему на судъ	—
№ 2.	Заговоръ, чтобъ быть оправданному на судѣ	204
№ 3.	Штоба власти и судьи были милостивы	205

№ 4.	Чары на успѣхъ въ судѣ	205
№ 5.	Ать несправедливыга абвиненія ,	—
№ 1.	Штобъ дѣла сайшлось	—
№ 1.	Ать нипріятнастей, нидабражилатиля и ниудачь	206
№ 1.	Отъ воровъ	—
№ 1.	Серца заговаривать	—
№ 1.	Къ любви	207
№ 1.	Малитва ать злога чаруванія	—
№ 1.	Штобъ конь быу здароу	—
№ 1.	Ать ляганья каровы ва время даенья	208
№ 1.	Отъ болѣзни телятъ, отъ притки	—
№ 2.	Ать падежа телятъ	209
№ 1.	Ать болѣзни ската	—
№ 2.	Штобъ скотъ ни падау	—
№ 1.	Ать звѣря	210
№ 1.	Отъ пожара	—
№ 1.	Насланіе червей	—
№ 2.	Отъ червей	211
№ 3.	Ать чарвей	—
№ 4.	Якъ капустныхъ чарвей унистажать	—
№ 1.	Якъ канашлю сѣять	212
№ 2.	Штобъ канопля хорошо зародилась	—
№ 1.	Штобъ жалось спорна	—
№ 1.	Чтобъ коровы были молочны	—
№ 1.	Штобъ хазяинъ-дамовой и хазяюшка-дамавая сахра- няли скотъ отъ наброжихъ хляўникоу и хляў- ницъ	213
№ 1.	Хазяина упрашивають када дома ни благополушна	214
№ 1.	Отъ притки	—
№ 1.	Ать усихъ хваробъ	—
№ 1.	Отъ звѣря	215
№ 1.	Штобъ урожай на хлѣбъ былъ, бабы катаютца раз- дѣтыя по пылу, штобъ хлѣбъ у трубку йшолъ	—
№ 1.	Какимъ святымъ крестьяне молятся въ извѣстныхъ случаяхъ	—
	Травникъ	216
№ 1.	Абъ царѣўни-красавицы, абъ ваўшебнымъ зеркальцы, абъ птицы колпицы; якъ Иванъ, купеческій сынъ,	

- двумя камушками здѣлаўся, ать царѣуны сху-
ваўся, а потѣмъ зъ ею жаніўся 223
- № 1. Вражда Саваоха и Саваула, свѣтлаго и темнаго
духа. 224
- № 2. Громъ гремитъ—Богъ поражаетъ дьявола стрѣлами —
- № 3. Споръ Бога и сатаны. Аткуль грамавыя стрѣлы, и
якея яны бывають —
- № 4. Михаила Архангила Гаспотъ изъ кремня высикуъ,
якъ искрыку 227
- № 5. Громъ гримитъ—Ильля на калясницы ѣдитъ, Бож-
жія Матирь ни звантъ, хто громъ призводитъ,
а Иванъ Вагаслоу скривантъ ета. —
- № 6. Ни руби суровыя палатно рубцомъ: пашкадуншь—
замѣстъ тогда ўрага Гаспотъ Бохъ громнымъ забѣтъ. 228
- № 7. Якъ два брата: Петръ и Павелъ, жинатый и халостый,
суетились праміжда собе. Камары музыканты
съ Питра доўтъ узыскивають —
- № 8. Сотвореніе міра. Бохъ и чертъ, въ образѣ лебеда,
творятъ міръ. Волота созданы чертомъ—чертъ
нахаркалъ ихъ 229
- № 9. Сотвореніе челоувѣка. 230
- № 10. Смерть и сабака, у двюхъ, рай стирягутъ ать ни-
каяннива 231
- № 11. Происхожденіе горъ, трясинъ: всѣ эти неудобства
чортъ понадѣлалъ 232
- № 12. Абъ Воўги, Днѣпрѣ и Сажѣ, и батыки ихъ Ни-
висномъ, якъ Нивиснѣй ихъ у путь-дарогу бѣчъ
благаславляю —
- № 13. Прежде было 2 солнца: луна—солнце, высосанное
змѣею, оттого лишившееся яркаго цвѣта—
блѣдное 235
- № 14. Отчего жену свою Адамъ назвалъ Евой —
- № 15. Грѣхопаденіе Адама и Евы —
- № 16. Прѣжда у Адама и Евы была тѣла кожанныя, якъ
ногаты, патомъ, сагрязніўши, крапіўнымъ прядіў-
нымъ накрывались, а тады ужъ ленъ пашоу . 236
- № 17. Якъ прѣжда, послѣ Нойвыта потопа харанили жи-
выхъ старикоу; атчаго ихъ харанить пиристали. —
- № 18. Ибъ Нои Правиднымъ 237

- № 19. Адамъ и Ева сагрѣшили: пакушили ать запрет-
ныга древа яблчкыѹ 239
- № 20. Божія Матирь абманулась: листападъ атдала чор-
ту (а ета ни листападъ былъ, а души). Христу
нада на мученья паступать, вярэчать ихъ,—ду-
ши пакойныкыѹ 240
- № 21. Нячистый духъ у Бога людей просить —
- № 22. Адамъ мяртвыхъ чорту записаѹ и самъ ашукаѹся. 241
- № 23. Якимъ родымъ Іуда жидамъ Христа показаѹ. Ат-
чаво ложки нигадитца кверьху дномъ клась. . 242
- № 24. Христа мучуть. Жидоѹка прикрывають личинна
Христа кисейкыю. Христось отъ жидоѹ выр-
ваѹся —
- № 25. Свиныя жидоѹскаѹ тетка. На жидоѹскаѹ школу
нада жерствувать, штобъ свиньни хорошо вались. 243
- № 26. Жиды за Христомъ гонютца. Жѣнщина сванымъ ра-
бенкымъ жервуйть, штобъ Христа спасти—аб-
манила жидоѹ: жиды рады. —
- № 27. Христось воскресъ ужу, и съ апосталами и съ Ма-
тирью трапезуйть. Божія Матирь ни пазнаеть
сына и загадыть абъ ёмъ на рыбки камбали
и на сухимъ дуби 244
- № 28. Отчего мы яйцами христосуемъ —
- № 29. Отчего осина листьями „трапечить“ 245
- № 30. Христось хочеть оказать Іудѣ милосердіе —
- № 31. Объ Царѣ Саламонѣ. —
- № 32. Абъ Саламонѣ 258
- № 33. Купецъ увозить прачку на караблѣ. Яе мужъ и
сыны шукали яе, да разблудились па разнымъ
вастравамъ. 267
- № 34. Абъ Андреи Бритскимъ 269
- № 35. Ибъ Андреи Привазваннымъ 270
- № 36. О купчихѣ, пустившей по обѣщанію сына своего
на воду 272
- № 37. У кожыга чилавѣка три матири. 276
- № 38. Происхожденіе кукушки —
- № 39. О происхожденіи кукушки 277
- № 40. Происхожденіе соловья, кукушки, лягушки. Козни
лютой тещи, убійство нелюбыхъ зятя. —

- № 41. Якъ соколъ и кукушка, и другія пташки супрати
Бука ваявались, што на трехъ дубахъ сѣдючи,
приножества птицъ пажиралиъ. 278
- № 42. Якъ варона ястриба вывила. Съ якихъ поръ ва-
рона кричить: урода, урода 279
- № 43. Абъ лягушки. —
- № 44. Якъ мужикъ богатый тараканоу спекъ и жиўся,
потѣмъ за ихъ бальшея деньги атдау 280
- № 45. Происхожденіе ячменя и рака. Асоть да либида—
чортава ида 282
- № 46. Не пчелы убиваютъ трутней, а „посѣкаетъ“ ихъ
матка —
- № 47. Атчаво ета слиза котитца изъ глаза, якъ табакъ
нюхаютъ? Па чортавыи матки плачутъ —
- № 48. Якъ Никола съ Пятромъ научились у чорта вотку
гнать 283
- № 49. Чортъ съ жидымъ перва уздумау вотку гнать изъ
жалуда. Атчаво ёлка и сасонка зиму и лѣта
зиляненьки. Микола заўжда чорту и жиду дау-
жонъ —
- № 50. Пьяница, исполняя приказаніе чертей, жарить въ
аду души грѣшниковъ; освобождаетъ души за
чарку горѣлки; черти прогоняютъ пьяницу изъ ада. 284
- № 51. Пьяница въ рай попадаетъ. Переговоры пьяницы
съ апостолами: Петромъ, Павломъ и Іоанномъ. 285
- № 52. О святомъ Зосимѣ. Откуда у насъ пчолы? . . . 286
- № 53. Зосиму удалось пчолъ изъ Ягипца принесть, а Ми-
коли ніудалось 287
- № 54. Укушеніе пчелы было прежде смертоносно . . . —
- № 55. Павукъ ябидникъ—чорту правидникъ. —
- № 56. Баба хатѣла Бога спужать—мядвѣдицей здѣлалась. 288
- № 57. Якъ Никола бабу разымалъ у драки съ чортнымъ.
- № 58. Отчего теперь у ржи маленький колось 289
- № 59. Атчего колось у ржи таперъ нибольшой —
- № 60. Касьянъ косо глядитъ 290
- № 61. Якъ Микола и Петръ лашадей на Украйну за-
купляли. —
- № 62. По какому поводу дана была когда-то власть жен-

- щинамъ и отнята у нихъ (за грубое обращеніе одной женщины съ Петромъ) 291
- № 1. Гаспотъ храмы со свами угодниками закладають . 292
- № 2. Якъ купецъ хатѣ работника спагубить, и замѣсь того самъ себе спагубиу — и присказанія прарокнѣ сполнилась. 293
- № 3. Якъ Кузьма-Димьянъ сказали купцу, што іонъ женитца на валюватый дѣвушки и, действительна, купецъ жаніуся 295
- Купецъ женитца супрати своей воли на гарлуватый дѣвушки. У свадьбы яка каму судьба. 297
- № 4. Абъ Ивани Визшастнымъ. Абъ Николи, абъ Ягорыи. 298
- № 5. Ибъ святымъ Николи и Ягорью. Якъ Микола пумагау мужику, а св. Ягорій, насупрати Миколы, усякую уразу дѣлау 302
- № 6. Якъ Никола помохъ бѣдному мужику, а пѣтѣмъ бѣдный мужикъ, стауши тѣмаримъ, нѣважча супрати Миколы пустушѣ 306
- № 7. Гурій-Самойла за несчастную женщину заступились. 307
- № 8. Старець съ ангеломъ путешествуеть, и ангель показываеть старцу справедливость Божию, гдѣ старецъ не признаеть ее и не видитъ . . . 308
- № 9. Абъ судьи Правиднымъ, абъ лягушки, вугри, смерти и Николи угодники 310
- № 10. Абъ Ивани Сямѣныви, якъ іонъ искау правидныа члавѣка и са смертію надружіуся; якъ са смертію Иванъ Сямѣну сабѣ багатства нажіу, потѣмъ самое смерь надуу и ящо трехъ не дачокъ. 311
- № 11. Якъ мужикъ искау кумоу справядливыхъ . . . 316
- № 12. Якъ сыны батьку варили, што іонъ у церкнѣ ня ходить 318
- № 13. Атчаго Бохъ плахому мужику даеть харошую жонку и харошій жонки плахога мужика. Святни ланивному мужику вѣку прибавили, штобъ яму наработать. И за одну часинныку своей смерти ни угадаишь. Святни наказують жаднаго и гордыга мужикоу 319
- № 14. Када члавѣкъ багатъ—нихай тутъ нахарчуйтца, а на тымъ свѣти муку аттерпнть; а бѣдный тутъ

- аттерпѣть-за то яму на тымъ свѣти прасвѣт-
 лый рай 321
- № 15. Отъ пьянства всевозможные грѣхи —
- № 16. Якъ братъ нависъ на шни брата. —
- № 17. А брати, каторый назваў сестру зняѣй 322
- № 18. Разсказъ абъ адной жѣнщины. Якъ у вангиля крылыя
 атабрани, и хадіў іон на землѣ 323
- № 19. Вары стали калікамі піяхожімі 325
- № 20. Разбойникъ, страннапріиміць, нимиласерный ви-
 дють видѣнья, икаво имъ будить на тымъ свѣти. 326
- № 21. Якъ мальчикъ старику сказку сказываў (ня то што
 сказку, а былъ). Старикъ абъясніў, мальчпеку што
 ёъ чаму у тымъ видѣньи, што здалось мальчику:
 што тады бываить, якъ у сямѣъ свара, ниліобоў,
 якъ хазайства вадетца спуся рукавы, зря и лян-
 ва, и нячиста, — и што тады бываить, якъ у
 сямѣъ миръ и добрыя сагласія. 327
- № 22. Какъ прахожиму чилавѣку хазяинъ загадки загады-
 валь, ды былъ яго,—посли таво прахожій хазяй-
 скій домъ заждѣъ и самъ хазяину загадчыки за-
 гадываль 331
- № 23. Якъ мужикъ съ жонкыю паклялись ниправидно,
 сами пра сябе думаўши: „Богъ ня видъ, и ня
 чуй“—и жистъ сваю скоро паконъчили 333
- № 24. Вопытныи манахъ раить сямейному чилавѣку кинуть
 манастиръ и жить у сваей сямѣъ. 334
- № 25. А манахи, што рано фў да службы 335
- № 26. Счастье зависить не отъ богатства и благополучія,
 а отъ спокойствія совѣсти 336
- № 27. А чилавѣчиской нирадитильности, ниабдуманности,
 ниразумію —
- № 1. Абъ упириный жонки и абъ бабскихъ уверткахъ.
 Отголоски Новгородскаго преданія о Щилѣ.
 Историческія повѣсти. Якъ купецъ Гулиты и
 Ваксонскій каралевиць фздили умѣсти и ёъ жен-
 скимъ уверткамъ присматривались. 337
- № 2. Абъ бабскихъ уверткахъ. Штобъ показать, што
 ина дужа хитра, баба мужу вочи туманить. . 340

- № 3. Якъ бурмистръ штобъ пану свайму выличить воки, малако даставаў ать частной бабы 341
- № 4. Абъ женскихъ уверткахъ. Якъ мужъ казау, што яго жонка ни ўвертлива, а ина за то надъ имъ увертку представила. 344
- № 5. А благочасливыхъ мужи и жонки, и чорти. Якъ чортъ ать сваго начальника пулучіў поду и дѣхтю за то, што пассоріў благочасливыхъ: мужа и жонку. Жонка свайго мужа бутцахъ зарѣзать хатѣла—увираў іонъ 346
- № 6. Какъ нявѣрная жина притварила мужа ворыннымъ и сабакой 348
- № 7. Якъ мужикъ абмираў, а пдѣмъ жонку свою паду-чилъ, што ина дужа любаньтна 354
- № 8. Мужикъ мертвымъ притворился, штобы узнать, любить-ли его жена. 355
- № 9. Якъ дваровый чилавѣкъ вѣрнысть сваей жонки спытывалъ —
- № 10. Якъ споріў мужъ съ жонкы: стрыжина или голина; ни пиряспоріўши жонки, утапить яе паряшіў; утапіўши жъ, чартей ею пужаў. 357
- № 11. Упирливая дѣўка; якъ Иванъ Вѣдний жаніўся зъ ею, потѣмъ яе атхадіў 359
- № 12. О чеботарихъ. 361
- № 13. Абъ купечиский дачкѣ, якъ ина атмстила прика-щиму 366
- № 14. Отрывокъ изъ сказанія о князѣ Петрѣ и Февро-ніи Муромской 372
- № 15. Якъ сынъ клапатіў и стараўся, штобы пакойный батька пиристаў вобратнимъ-канѣмъ бытъ и спѣсення пулучіў ба 373
- № 16. Якъ панъ праваліўся у тѣй церкви, што самъ вы-стрыў. Мужикъ праатвѣдываить пана и видить, што панъ канѣмъ стаў и на емъ аггалы ка-таютца. Барыня варачаить пана милыстынію . 374
- № 17. А шемяеинымъ сѣди. 376
- № 18. Витовтъ 378
- № 19. Св. Меркурій быў кажимяка. Лютву побиваў, са-

	маму галаву атрубилі, на кашіи несъ буйную го- лаву, стрѣўшисъ съ багатыркыю, абраніў яе. . .	379
№ 20.	Лютва	—
№ 21.	О происхожденіи растенія „Иванъ Безголовый“ (<i>Veronica officinalis</i>)	—
№ 22.	Меркурьева лошадь	380
№ 23.	Петръ загаднѣтъ сваимъ синатѣрамъ, якъ неба ви- сока и якъ знизя глыбока. Мужикъ Пятру раз- скажытъ, куда іонъ зарабатыкъ дывантъ: якія деньги за доўхъ платитъ, якіи у доўхъ отдаеъ, якіи на вѣтиръ пуцайтъ	—
№ 24.	Какъ на охоту Петръ вѣдиль	381
№ 25.	Якъ Петръ у Риги присматриваўся къ литью пу- шакъ. Якъ іонъ утѣкъ изъ Риги. Пріймантъ у Масквѣ гостя рижскаго купца. Мѣдникъ раитъ пирялитъ балаколы на пушки	383
№ 26.	Воръ збаўляитъ Питра атъ смерти	384
№ 27.	Петръ вялитъ принесть у дварецъ пьяныва мужика и 'бѣўляитъ яму, што іонъ на неби; хатитъ знать, што будитъ казать и рабѣтъ мужикъ . . .	385
№ 28.	Петръ манастыръ асматриваитъ, вялитъ жирному манасу у кузницы паработать	386
№ 29.	Рыбакъ умѣсти съ царимъ асвабѣждають сына Петра І атъ яго жонки, презлѣй вѣдѣмъ . . .	388
№ 30.	Ирусалимскій патріярхъ и яўрейскій дохтаръ при султани сунятца абъ тымъ, икая вѣра луччи: ти магамитаньская, ти яўрейская, ти христіянъ- ская	393

С К А З К И.

№ 1.	Ильѣ Мурамець	397
№ 2.	Якъ Ильѣ Мурамець пубадіў Салаўя разбойника, Абжору, Алькадима	—
№ 3.	Богатырь Димьянъ Ельнинскаго уѣзда Канопльскоѣ волости	402
№ 4.	Депа быгатырь Спасо-Деминскага приходу . . .	403

- № 5. Абъ рыбки-балакрыки и трехъ багатыряхъ: царичнымъ, кароуимъ и служебнымъ сынауяхъ. Якъ багатыри Салауя-разбойника пубадили и яго семейства. 405
- № 6. Сказка абъ Ивани Кабыльимъ сыни 410
- № 7. Абъ Ваньки Ширамышки, сучкинымъ сыни, абъ яго братьтихъ: поварывымъ и царскимъ сыни, абъ трехъ малайцахъ—воласъ у воласъ, голасъ у голасъ; пабѣда ихъ надъ разбойнымъ Салауемъ и яго семействомъ 416
- № 8. Абъ Ивани Гадимовичи, Алексѣи Гадимовичи, Стаури Гадимовичи—Самъ-Малагѣтинъ-Пьяници. . . . 433
- № 9. Якъ Иванъ-дуракъ паймау у рѣни латучига старика. Иванъ-дуракъ съ кримсалымъ латучига старика зачичаить каралеўства и женитца на каралеўни. Каралеўна са спуюбоўнымъ атери кримсала и загубили Ивана-дурака. Выкъ и баранъ ать латучига старика (тожа латучин) атжѣуляють Ивана-дурака 444
- № 10. Абъ Игри Игравичи, абъ старикъ пахугримн . . 455
- № 11. Абъ старикъ—„самъ на кутъ, носъ на кряку, ноги на градкахъ“; якъ той старикъ двумъ братьямъ на паласъ мяса изъ спины вырizaу, а третій братъ старику тоя жъ здѣлалъ. Сказка, што мяншой братъ старику баіу; у той сказки дубъ да нибѣсь. 467
- № 12. Абъ діунымъ латучимъ старикъ самъ съ кокыть, а барада семьдесятъ сажонъ; абъ яго лапшадяхъ, скидываушихся сароками и воронами. Иванъ Царевичъ 471
- № 13. Гаспотъ посылаить святыхъ узнать, сколько правдинныхъ душъ іостъ на свѣти. 478
- № 14. Ибъ трехъ братьтихъ ахотникахъ, двухъ изъ нихъ у каминь абрацонныхъ, и абъ Бабъ-Ягъ, кастаней назъ 492
- № 15. Якъ Ивана Ивановича, русскаго царевича, сестра съ нѣкимъ злодіимъ загубить хатѣла 495
- № 16. Ибъ трехъ братьтихъ, аднымъ изъ нихъ дуракъ, Бабъ-Ягъ кастаней нагъ и яе дачкахъ . . . 498

- № 17. Ибъ Игри Игравичи, якъ іонъ сабѣ жонку дабы-
ваў ажно нѣз Царь-града, якъ іонъ жа съ пад-
земнаго царства царёуну атъ 12 — галовыга зтѣя
свабадіу 501
- № 18. Якъ купецъ атыскаў прападлага сына на вастрыви;
якъ сынъ яго Ирыду падписаўся, абъизжаў
Ирыдскыга ваўшебныга жирыбца 511
- № 19. Абъ смущенныи Мильяни, удовымъ сыни, ваўшеб-
нымъ кальцы, ваўшебный алмазки, игуменьи
Исаули и птицы Камъ 517
- № 20. Ибъ Ивани Миласернымъ 530
- № 21. Ибъ Ивани Бизчастнымъ 533
- № 22. Якъ купецъ у Двини (у Двинѣ) пабыў, споръ
мижъ рачнымъ царёмъ и царичьй рашіу (споръ
мижъ Нѣпамъ и Нявой) и разбагатѣў атъ да-
роў Нѣпра (Нѣпа) 540
- № 23. Сказка абъ Ивани Иванывичи, купечыскымъ сыни. 547
- № 24. Якъ салдатъ три начи старажіу пакойницу у бани,
и яго хатѣли пагубить храмая, сляпая, кривая
и абъ 12 галавахъ; якъ потѣмъ у церкви іонъ
яе старажіу и жаніўся зъ ёю 554
- № 25. Абъ Егари бизчастнымъ, якъ іонъ дочъ индійскага
царя даставаў 556
- № 26. Якъ двѣ сястры брата загубили, а дудычка зъ
липинки тоя дѣла усимъ разказала 560
- № 27. Абъ чилавѣки, што ни паспнѣ — сто залатыхъ падъ
падушкый яўляйтца; абъ царёуни — ина па ком-
нати бѣгайтъ, а жанихъ ей деньги сыпѣ, пака-
мнѣ ина ни притомитца; якъ ана жаниха свайго
правадила, а потѣмъ іонъ яе атхадіў, рохъ при-
садіў; потѣмъ, атхадіўши, выличіў я жаніўся зъ
ёю. Абъ ваўшебныхъ: 1) типлятахъ, 2) шапки —
вивидимки, машнѣ — трасейки, шлети, 3) яблочкыхъ. 561
- № 28. Суита мышки съ вирыбѣмъ, абъ багатырѣ — орлѣ,
абъ купечыскымъ сыни Василю Иванывичи и
сыни яго Ивани Васильевичи, абъ приспанки,
нявѣсти Ивана Васильевича 568
- № 29. Якъ вихыръ и вѣтирѣ дарували мужуку жаренцы;

- якъ етѣи дары вапрасіу у мужика попѣ, и якъ
малайцы изъ торбы праучили жадныга пупа. . 585
- № 30. Якъ изъ трохъ братьіу меншіи пакойныга батьку
старажіу, ать яго валшебную лашатку пулучіу, а
лашатка тая пумагла яму на царёуни жанітца. 590
- № 31. Илья Мурамецъ 594
- № 32. Сказка а бѣдныи и багатыи брати, ваушобини
курицы, скатирти, трубачки 597
- № 32. Черешинка 601
- № 33. О купеческомъ сынѣ, собакѣ, котѣ и змѣѣ, мыши-
номъ царѣ, ракѣ Хаберѣ, царѣ раковѣ, и Лука-
пѣрѣ 607
- № 34. Якъ старуха свайго сына Воху на обученіе атдала,
а потѣмъ яго узнавала; научившись, старушкинѣ
сынъ самаго Воха прихитріу 615
- № 35. А царёуни Нисміяни 620
- № 36. Оама-Широкая Барада, багатырь магучій и хитрѣй. 622
- № 37. Катигарошинка 624
- № 38. Ибѣ чатырехъ царёунахъ, змѣихъ абъ трехъ, шасті,
дивяти, двинацѣи галавахъ, абъ шкляннѣй гар-
рѣ, абъ мядвѣдихъ, ваўкахъ, ильвахъ, пу па-
рачки, у дварцахъ; абъ зялѣзныхъ пиршатыч-
кахъ, абъ ваушобини тростычки 630
- № 39. Шавра 632

Ч О Р Т Ъ.

- № 1. Якъ чортъ мужику мельнику дачку высватау, а
потѣмъ мужика загубіу и яго сусѣда. 633
- № 2. А бѣдныи и багатыи брати.—Якъ бѣдныи братъ
разжіўся ать игня, што дау яму якоѣ-та дѣ-
душка; а багатыи братъ пагарѣу ать таго-жѣ
аганьку. 635
- № 3. Якъ три браты спорили, хто помохъ имѣ хату сру-
бить: Бохъ или чортъ 637
- № 4. Якъ мельникъ чорта надувау 638
- № 5. Жадныи бабыль 640

- № 6. Абъ лисавымъ и ахотники. 642
 № 7. А бѣднымъ и богатнымъ брати 644
 № 8. Якъ мужикъ пириспориу чорта, хто пѣсно падаужѣй
 затынить, и якъ чортъ атъ мужика ажно за ва-
 блаки утикау. 649
 № 9. Якъ дякынъ чорту падписауся, а потѣмъ чортывы
 деньги спажиу. 650

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХЪ.

(Шутливый).

- № 1. Якъ мядвѣдъ, воукъ и пятаухъ лисицу изъ зайчыга
 домика турили, и якъ лисица вымудрилась мядъ-
 вѣдъ загубить. 652
 № 2. Якъ воукъ хазяина заставиу кармить сабачку и якъ
 сабачка ваука абманиу 653
 № 3. Якъ котъ и сабака съ ваукомъ дружбу вадили, и
 воукъ ихъ кармиу, пдѣмъ сабачку зѣу. 655
 № 4. Абъ хвѣрый свинки. 657
 № 5. Якъ старикъ ваука забіу 658
 № 6. Ерасть Ерастовичъ и Хворастъ Хворастовичъ. . . —
 № 7. Шутливая (дер. Чепищево Смол. у.). 659
 № 8. „ (село Пречистое Духовщ. у.) 660
 № 9. „ (Пра ахотникиу) 661
 № 10. Атчаго ахотникъ пиристау ахотню займатца 662
 № 11. А мужикъ, што лоука ўратъ умѣу 663
 № 12. Лгала и Палагала 665

Б Ы Т О В Ы Я.

- № 1. О добросовѣстномъ бѣднякѣ 669
 № 2. Якъ старуха съ сынымъ деньги зарабляла: сынъ
 чужии вещи хуваить, а старуха схову атгадаить. 673
 № 3. Якъ попъ съ дяканымъ дянгу наживали: дяканъ
 чужей вещи хувалъ, а попъ атгадывалъ. 675

№ 4. Абъ убогихъ старцахъ, якъ ихъ мазурикъ надуу.	676
№ 5. Якъ Андреа Хвадей за грошъ мучіу.	677
№ 6. Якъ храмѣй, слѣпѣй и глухей царю служили.	679
№ 7. Ибъ чудакъ Никули: якъ іонъ праучіу любоўника купчихи, паўтапіу глупыхъ мужикоу, папу шутку шутіу и ў батрачки, замѣсть бабы, у пупа наймаўся.	681
№ 8. Шутъ Шутенинъ, якъ іонъ пупа, мужикоу и пана правѣу.	686
№ 9. Якъ мужикъ съ салдатымъ папоу губили.	690
№ 10. Якъ мужикъ съ цыганымъ деньги сѣили.	692
№ 11. Якъ попъ абманіу аднажды, а Тарасъ яго дважды.	693
№ 12. Якъ папоу батракъ пупадью праучіу и дьякана, яе спалубоўника, и пупа нацотъ пупадью абразуміу.	696
№ 13. Якъ мужикъ свайго батюшку паднадуу.	700
№ 14. Абъ паповымъ батракъ.	701
№ 15. Якъ попъ казломъ здѣлаўся.	703
№ 16. Какъ попъ таліўся.	704
№ 17. Якъ панъ атіяу у мужика пирохъ да гуся, а му- жикъ за ета трожжи набіўся пана.	—
№ 18. Мужикъ паву шутчыку спутилъ.	707
№ 19. Баринъ — яму мужикъ параіу — ланадей сабѣ изъ тыквѣ высиживау.	708
№ 20. Калядны гость.	709
№ 21. Хлѣбъ-соль! — Просимъ пакорна пакупать!	710
№ 22. Подъ порогомъ иголка.	—
№ 23. Химя — дренна имя.	—
№ 24. Розвисня.	711

Б Ы Л Ь.

№ 1. Дѣўка викавуха, якъ яе цыгани абманили.	711
№ 2. Дильба.	712
№ 3. Съ зарабыткѣу вярнуўся.	713
№ 4. Шерстобить.	714

УКАЗАТЕЛЬ

къ изслѣдованію: „Особенности Смоленскаго нарѣчья. Различія говоровъ Смоленскаго нарѣчья“.

(Стр. 6).

1) А и ѧ = Ѧ.	20) Ъ — я.
2) Ъ — е — Ѣ — о.	21) Ъ — и.
3) Ѣ — е.	22) Перепѣръ.
4) э — Ѣ — е.	23) Опущеніе гласной.
5) е — о.	24) Паѣхыля.
6) а — и.	25) еч.
7) и — а.	26) пчол-и-ви.
8) я — и.	27) ен — ѣн.
9) я — е.	28) ец.
10) и — Ѣ.	29) ндрау (нравъ).
11) я — Ѣ.	30) кѣки — какъ.
12) Ѣ — ѡ (вм. е).	31) Дъ въ началѣ слова.
13) Ѣ — о.	32) ем — им.
14) Ѣ вм. конечнаго е.	33) ер — ир.
15) Ѣ — е — я — і.	34) е — и.
16) е вмѣсто Ѣ.	35) и — е.
17) я — е и Ѣ.	36) и — а — о.
18) о — о.	37) у — и.
19) ъ — ѣ.	38) и — у.

- 39) и — и.
 40) ы — и.
 41) еч — ич.
 42) ес — ис.
 43) эй — ый.
 44) я — а.
 45) ей, ой = ёу, оу.
 46) ём — ем.
 47) ён — он.
 48) ий — ей.
 49) іа, ій — ёя, ѳя.
 50) о — а.
 51) ьск.
 52) у — в
 53) опущеніе гласнаго.
 54) стяженіе гласныхъ.
 55) приставка (и, а, у).
 56) въ (а).
 57) вставное в.
 58) удвоеніе согласнаго.
 59) умягченіе к.
 60) жд — ж.
 61) жж — жд.
 62) д = н.
 63) д — т.
 64) дн = нн.
 65) дм = дм; дн = дм.
 66) ня = на; ню-ну.
 67) нм = нн.
 68) отвердѣніе н.
 69) нъ = нь.
 70) ж — г.
 71) з — г.
 72) г (мягкое по произноше-
 нію) = з.
 73) г = ж.
 74) ш = х.
 75) с = х; х = с.
 76) ч = щ.
 77) ц = с.
 78) щ = ст.
 79) ст = чт.
 80) ст = щ.
 81) сл = ст.
 82) ч = ц.
 83) л = р.
 84) л = й.
 85) отвердѣніе л.
 86) умягченіе р.
 87) ль — л.
 88) пра = пре.
 89) рь = р: ръ = р.
 90) ру = рю.
 91) ря = ра; рю = ру; ру = рю.
 92) ры = ри.
 93) тя.
 94) тю.
 95) с — ш.
 96) ш — с.
 97) ск — зг.
 98) ск = сх.
 99) к = х.
 100) к = в.
 101) т = н.
 102) же = жа, жи.
 103) ща = ще.
 104) щ = ч.
 105) ск = щ.
 106) тб = бб.
 107) з (опущеніе).
 108) т (опущеніе).
 109) д (опущеніе).
 110) г (опущеніе).
 111) г (опущеніе въ началѣ сло-
 ва и срединѣ); опущеніе
 слога.
 112) измѣненіе сочетанія дн.
 113) дч = ч.

114) сокращенныя слова.	133) Глаголь.
115) тц = цц.	134) Союзъ.
116) л, в = у.	135) Предлогъ.
117) отсутствіе вставного н.	136) Междометіе.
118) метатезисъ.	137) Отрицаніе не, ни, ня, нѣ.
119) р = в.	138) Объ особенномъ значеніи отрицанія ня, ни.
120) з = г.	139) Образованіе дифтонговъ и удвоеніе гласныхъ въ живой народной рѣчи.
121) с (вставное).	140) Синтактическія замѣчанія:
122) р (вставное).	а) „іость“ при подлежащихъ всѣхъ лицъ и чиселъ,
123) ч (вставное).	б) проlepsисъ.
124) ми = мл.	в) дѣепричастіе безъ вспомо- гательнаго глагола,
125) льи = ни.	г) неправильное согласованіе,
126) Дзеканье (д, т = дз, ц).	д) слѣды греческаго и сла- вянскаго въ живомъ народ- номъ говорѣ.
127) Склоненіе существитель- наго.	
128) Прилагательное.	
129) Мѣстоименіе.	
130) Мизъ себе, соби.	
131) Нарѣчье.	
132) Числительное.	

СМОЛЕНСКІЙ
ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ
СБОРНИКЪ.

Замѣтка къ изслѣдованію «Различія говоровъ Смоленскаго нарѣчья».

1) Отвердѣніе *л, р* замѣтно болѣе по сосѣдству съ Могилевской губерніей, но и въ смежныхъ уѣздахъ оно не проявляется во всей полнотѣ.

2) Въ Бѣльск. у. *е* рѣже замѣняется чрезъ *я* и сохраняетъ часто твердое произношеніе.

3) Въ Дорогобуж., Бѣльск., Рослав. уѣздахъ *е* въ 3 лицѣ ед. числа смягчается въ *ѣ*.

4) Въ Бѣльск., Духовщ., Сич. *е* смягчается въ винит. пад. отъ „ина“ (См. яѣ).

5) *и* вмѣсто *е* въ Росл., Бѣльск. у.

6) *е* вмѣсто *и* въ Бѣльск. у.

7) Замѣтна въ достаточной степени наклонность къ удержанію гласнаго: одни гласные являются, какъ *survival* глухихъ, другіе принадлежатъ полногласію, третьи, вставочные, вводятся для устраненія неблагозвучнаго стеченія согласныхъ.

8) Примѣчательно произношеніе слова *вѣюнъ* (рыба)—*вѣюнъ-ваюнъ*. „Юноша“ произносится иногда *юнош* съ приставкою въ началѣ слова „въ“ *юноша* = *вѣюнушъ* (*ваюнушъ*?).

Есть слово „*ваѣнчики*“ (*plug*)—вѣроятно, растеніе. „На ѹ поли два *ваѣнчики* *вѣютца*“.

Въ деревнѣ Свалы, гдѣ я записалъ это слово, мнѣ не могли объяснить его значенія. Въ селѣ Даньковѣ крестьянка Матрѣна Антоненкова сказала мнѣ, что „*ваѣнчикъ*“ относится къ орлу и къ ястребу, когда они, распластавъ свои крылья, кружатся въ небѣ.

9) Д прибавляется къ нѣкоторымъ словамъ, начинающимся съ плавнымъ н, произносится съ „придержкой“— послѣ произношенія д слѣдуетъ нѣкоторая пауза. Такой фактъ указываетъ на слѣды глухихъ.

10) Слышалось разъ ь глухое (звукъ произносился какъ ь и какъ е—трудно было опредѣлить, какъ передать его начертаніемъ): зват. пад. отъ сынъ: „Христосъ воскрѣсь сыне (ь) Божій.“

11) Въ произношеніи замѣтна наклонность къ протяжности, особливо когда рѣчь крестьянина находится подъ вліяніемъ какого нибудь аффекта: гнѣва, огорченія; протяжность замѣтна и при обыкновенномъ теченіи рѣчи, въ нѣкоторыхъ словахъ.

Протяжность выразилась двумя явленіями: удвоеніемъ гласныхъ, образованіемъ дифтонговъ; иногда второй гласный, образовавшійся въ слѣдствіе удвоенія, протягивался въ дифтонгъ, такъ что два вышеприведенныя явленія существовали одновременно.

12) Оканье разбивается по мѣрѣ приближенія къ сѣверу; оно замѣтно по всюду у людей грамотныхъ, оно замѣтно въ тѣхъ памятникахъ народнаго творчества, которые болѣе или менѣе соприкасаются съ грамотностью и письменностью (апокрифы, заговоры).

13) Въ Смоленскомъ уѣздѣ, въ трѣхсложныхъ словахъ изъ 2-хъ а (одного съ удареніемъ, другаго безъ него); 1-е одинъ звукъ = а, другой ъ; оба звука произносятся отчетливо. 2-е о безъ ударенія = а . . . ъ; такая-же отчетливость въ произношеніи. Такое сочетаніе звуковъ крайне любимо: а . . . (1-й слогъ) + ъ (2-й слогъ) . . . + ъ (3-й слогъ).

14) Въ связи съ оканьемъ измѣняется постановка ударенія: часто, гдѣ въ акающемъ говорѣ оно стоитъ въ концѣ слова, въ окающемъ—въ самомъ началѣ на о.

15) Къ сѣверу произношеніе ь становится болѣе твердымъ. Въ нѣкоторыхъ словахъ въ См. у. ь произносится очень мягко: нильга (нелзя).

16) Умягченіе к—въ Бѣльск. и Смч. уѣздахъ.

17) Въ Бѣльскомъ уѣздѣ въ склоненіи замѣчаются слѣдующія черты, принадлежащія сѣв.-велик. нарѣчью:

1) Въ им. ж. р. вмѣсто ѣ предлож. ы; предл., какъ и дат., смѣшивается съ родит.

2) Во множ. твор. употребляется въ формѣ дат.

3) Употребленіе окончанія *а* въ им. множ. ч. въ словахъ мужск. р.

4) Иногда вин. мн. = им. мн.

18) Черта великорусск. и южнорусск. смѣшеніе род. и дат. женск. и мужск. именъ на *а*.

19) Творит. оканчивается на *и*.

Можетъ быть, это винит. внутр. дѣйствія, заимствованный изъ греческаго черезъ славянскій *) (см. ист. грам. Буслаева); можетъ быть, это такія-же архаическія окончанія для винит., какія встрѣчаются въ языкѣ былинь: „шутки блануитиса“ (Б. у.), сравн.:

Заросла дорога лясы бравскими
Собиралися стады они стадами.

20) Въ южной части Рославльск. у. на окончанія склоняемыхъ именъ вліяетъ неорганическое умягченіе согласныхъ *н* и *т*.

21) Нѣкоторыя особенности въ спряженіи обусловливаются измѣненіемъ глагольной темы; большею частію замѣчается сокращеніе, а на сѣверѣ и югѣ (Бѣльск., Рославл. у.) иногда къ темѣ прибавляется гласный.

22) Пафыхля 1 разъ встрѣтилось. Сравн. виленск. была господа, хадзила стральцы (я изъ ѣ) (изслѣдованія въ области русской грамматики А. Соболевскаго стр. 34).

*) Историч. грам. Буслаева.

Особенности смоленского нарѣчья.

Различія говоровъ смоленскаго нарѣчья.

(Исслѣдованіе первое).

1) а и ѧ——ò.

ѧ=ò

Скòмь (plur. пот. отъ скамья), брòнить, брòнютца (отъ бранить), падòримъ, ня брòнсья, кургòнь (курганъ), кургòнушикъ, жòдний (каждый).

1) а=ò

ѧ . . . а+3 слогъ——а . . . ò—3 слогъ.

а—а+3 слогъ——а . . . ò—3 слогъ.

Сахарный=сахòрный, гаварить=гавòрить, халастой=халòстый.

2) а=ò.

Перескачиль=перескòчилъ, вèчерамъ=вичарòмъ, вйжанъ=кижòнь.

2) ѣ—е——ѣ——о.

Чепъ, чѣпкій, чòпкій, чопъ; цòдить.

3) ё——о

а) чйей, маей, твайей, свайей; абъ ей, абъ ёмъ (родит. и дат., притяжат. мѣстоим., предлож. личного мѣстоим.), ей чаще, чѣмъ ей, напр., я „дала ей“ (дат. пад.). Въ Бѣльскомъ уѣздѣ: надъ „ей“, но у „ёмъ“ (село Шоптово).

б) склон. сущ. 1) предлож. и дат. пад., им. сущ. свинь-нёмъ, чартёмъ, галаўни (рыба и прозвище мужик.) галаўнёмъ; объ чартёхъ, галаўнёхъ.

2) родит. множ. числа

Палёу, наздёръ.

с) 2 лиц. множ. числ. будущ. и наст. вр. смитёсь, пишитё, возмнитё; въ Бѣльскомъ уѣздѣ — ни наймитё? = ни наймитё (Шоптово).

Говорять: умёръ, памёръ, да нёби (до неба), сёмый (седьмой).

4) э——ѣ——е.

Слэдствіе, плаждёніе, утварждёніе, асвятёніе, напущённикъ, вартёпы, здёсь, вучённый.

5) е—о.

Пёпилъ и пѡпилъ, скелѣпакъ и скелопакъ, шѡстый, задѡргай те воуѣъ.

6) а——и

амбѡръ, аўса, аднаѡ, абъ и имбѡръ, іўса, иднаѡ, иѡъ; абѡдѡи, аўца = иѡѡдѡи, іўца, астрѣтъ = истрѣтъ.

7) и——а

индыкъ — андыкъ.

8) я ——— и

ячмѣнь, дьявалѣ, смирѣтѣный, явѣса, языкъ, якъ = ичмѣнь, дьявалѣ, смирѣтѣный, ивѣса, изыкъ (рѣдко), изыка, икъ.

9) я ——— о

мѣкчи, дрянъ = мѣкчи, дренъ.

10) и — ѣ.

Сивирка: стрѣлять, усмѣшка, бѣда, твѣу, змѣя, баби Кулини (не баѡъ и—Кулинѣ—дат. пад.), въ чисти поли (Лѣт. Р. у).

С. Лѣтошники Рославскаго уѣзда.

пѣять (такую же форму мнѣ пришлось слышать отъ переселенцевъ изъ Виленской губерніи, живущихъ въ деревнѣ Киселевкѣ Смоленскаго уѣзда). Будущ. время припиѣте (припиѣте).

11) я — ѣ.

Твяѡкъ, сяѡѡтца, лясина, рязникъ.

Лѣтошники Р. у.

Твѣты.

Бѣльскій уѣздъ, Шоптово.

Надѣтъ = наѡѡѡтъ.

12) ѡ = ѡо вм. е.

іонъ, іоеть.

13) ѡ ————— о

душѡ, нутрѡ.

14) ѡ ————— вмѣстѣ конечнаго о.

питинѡ, идинѡ.

15) ё = е = я = і.

ёё (село Никола Ядренчъ Духовщ. уѣзд.) = яе = её = іё.
(Бѣльскаго уѣзда).

16) е _____ вмѣсто _____ ё.

3 лицо ед. чис. наст. врем. дярѣтца, смяѣтца, вядѣть

2 лицо множ. числа наст. вр. дярѣтись, смяѣтись, вядѣтя.

Отступленія.

Село Еюрье Дорогобужскаго уѣзда.

абатрѣтца, сатрѣтца.

Село Лытошники въ юго-восточной части Рославльскаго уѣзда.

перепіѣте; ведѣть, но и видѣть (вм. вядѣть), сикѣть.

Ча вы стаетѣ? Эта форма настоящаго времени, имѣющая удареніе на послѣднемъ слогѣ, совершенно сходна со Смоленскою.

Село Шоптово Бѣльскаго уѣзда.

надіѣть (надыѣть), однако несѣть, несѣть, нясѣть; наймите = наймитѣ.

Далѣе, въ Смоленскомъ уѣздѣ встрѣчаются формы: зернушка, перушка; въ Бѣльскомъ уѣздѣ „разжѣхъ“.

17) я _____ е и ѣ.

1) я вм. е и ѣ, предшествующихъ ударяемому слогу. Ягѣрій, заплятѣся плитень, сястрѣю, ляжѣть, лясѣ.

2) вм. е и ѣ, слѣдующихъ за удареннымъ слогомъ. Слухайтя, падѣтя, палѣжѣтя, за синія (ее) моря (е).

Бѣльскіи уѣздъ, село Шоптово.

яё (вмѣсто яё) — её.

Но больше е замѣняется и: вирьхоѣя (спускаемый лентъ), змиртвился (змартвился), ляжѣть (ляжить), ривѣть (рывѣть), развирнись (разварнись).

ѣ — и

надіѣть = надыѣть.

Иногда е = е:

мечѣ, несѣть, летѣть (мечѣ, нясѣть, лятѣть).

Рославскій уѣздъ, село Лытошники.

е = е

Батымъ тебе закати, палету, селезенья—vosat. (силязенья).

и = е, я, ѣ

Вырѣзу, девирилъ, твиты, видѣть (и ведѣть = вядѣть).

18) О = о.

Освященіе, вѣдаснулся, пѣплы, пѣзабылъ. С. у. побиваю Б. у.

19) Ъ — — ъ.

Христось вѣскрѣсь! Сынъ(ѡ) — Божій.

При пѣніи волочебнаго стиха крестьянинъ деревни Медвѣдовки въ высшей степени неотчетливо произносилъ Сынъ: нѣсколько разъ я прослушалъ вышеприведенный стихъ и не могъ опредѣлить, какъ слѣдуетъ передать блуждающій звукъ Ъ-ю или е. (Крестьянинъ Семенъ Григорьевъ).

УДЕРЖАНІЕ ГЛАСНОЙ (случаи различныхъ категорій).

Силязенья, смѣселъ, шапѡчить и шапѣчить, вѣсимый, лавѡчи, смѡрадъ, наравѣнца, вѡюнъ, аскарѣтыѣ, калѣнулъ, даражѣйшій, припѡлакъ (полка), съ дѣтѣми, смѣрѣтнѣй, салодкѣй, быгатаства, жѣрдака, жамѣнька (жмѣнька), бѡлыка (ѡ)болыка). хуудѣць.

20) Ъ — — а

вьюнъ — вѡюнъ

21) Ъ — — и

восьмѣй — вѣсимый, быгатаства, сѣмѣрѣтнѣй (смѣрѣтнѣй).

22) Перепѣръ (трипятиня) — берѣста, колеблемая вѣтромъ и трепещущая — верхніе листки на березовой корѣ. По поводу этого слова сдѣлаю сближенія: Сербск. прѣпор (такого-же корня), coitus piscium, „кад се риба бије.“ Сербск. прапорац, звонокъ (прѣти въ знач. бить, ср.-било); ст.-слав. прапоръ = чешск. ргарог, ргарог. Польск. рггорозес, Русск. (потер.) поропор („надымаяся поропоръ. . . надымаяся яко водный говоръ“). Въ исторіи звуковъ русскаго языка А. Потебня 134, 136 стр.

23) Опущеніе гласной. (Случаи различныхъ категорій).
Пхнулъ, древа, жаврѣныѣ, умѣръ, терть, блахѣнь, замѣать,
блѣки, спали (сосали), солный, тыйный (смуглый, темноватый)
брадныѣ, браничка.

Ѣ.

(1 изъ формъ на ѣ).

24) Паѣхныя (встрѣтилось 1 разъ).

Рѣдкая форма на ѣ. Виленск.: быля господары, хадзеля
стральцы (я изъ ѣ) (Исслѣдованія въ области русской грам-
матики А. Соболевскаго стр. 34).

25) Еч

канечиеѣ (Д. у.).

и.

26) Пчол—и—ки

27) Еи = ѣи (е = ѣ, удерживается, какъ постоянный звукъ)
молебены, кѣрена.

28) Ец.

Сердецами.

29) О словѣ нѣраѣ (нравъ).

Нѣраѣ (нравъ). Ныравитца, спыныравитца. Но отъ этого-же
самаго слова „нарть“ — упрямый, вздорный; „нартитца“ —
упрямиться.

30) Кѣки = какъ.

Кѣки ѣ мори,

Кѣки ѣ бори;

Кѣки ѣ баркатѣни,

Кѣки ѣ маркатѣни,—

Засунъ, атеунъ, присунъ,

Христе Боже нашъ.

(Сельцо Лѣтошники, Рославльскаго уѣзда).

Кѣки = какъ — въ старинномъ заговорѣ — образовалось,
вѣроятно подъ вліяніемъ смягченія звука к, замѣчаемаго, если

не въ данной мѣстности, то немного южнѣе. *К* умягчается и передъ *а*, и передъ *о*.

31) Д въ началѣ слова.

Прощай, прости, дз мая Марына,
Роща-й зелиная. . . .

Въ другой пѣснѣ:

Надъ Кистринимъ слаўнымъ горыцымъ,
Надъ Кистринскими варотами,
Тамъ стыла дз нова свѣтилка.

(Ср. дщанъ, по Тцну, отъ усть Тцны, по Тцснѣ (Дог. гр.) отъ зъль, дньсь... Къ исторіи звуковъ русскаго языка. А. Потебни.

Длительное произношеніе *д* въ началѣ слова я встрѣчалъ всего у одного пѣвца — Тимофея Григорьева изъ Смоленскаго уѣзда, села Данькова. Тимофей Григорьевъ старикъ очень древній. Въ сѣверныхъ уѣздахъ Смоленской губерніи мнѣ приходилось встрѣчать приставку *д* въ началѣ слова. Факты мною будутъ приведены при указаніи особенностей, встрѣчающихся въ языкѣ народныхъ пѣсенъ.

32) ем _____ им.
нацаёмши.

33) ер _____ ир.
мундёръ, хватёра.

34) е _____ и
пренеси (Бѣльскій уѣздъ, Шоптово)
эле = зли (Рос. у.).

35) и _____ е
лижать, дивирѣ, брихала, вичаромъ, твитить (3 л. ед. ч.).

С. Лытошники въ юговосточной части Рославльскаго уѣзда. Сибѣна е на н чаще: видѣть, бирёзу, тимнѣ тучу, тирѣмъ, плитѣнь.

Сѣверная часть Черниовской губерніи, южная часть Ровенскаго уѣзда Смоленской губерніи.

Вичаруха.

Бѣльскій уѣздъ, село Шоптово.

i—e

блѣтъ, кримса (огниво, отъ кремь), однако же кремишѣтъ, а не кримашѣтъ (Смол. уѣздъ), ривѣтъ.

36) н _____ а _____ о

тадѣ, вадѣ, заўсягдѣ, выривать, нивыинный, брѣтъ (не употребляется), ѣ, брѣтъ... вѣтъ, вырнѣтъ, кызѣ, мынастырь, бырыда.

37) у _____ н.

Булѣ (былѣ), бувайтъ, бѣтъ и бѣтъ.

38) н _____ у.

Глыбина, слыхъ.

39) и _____ н

висѣй, висѣка (Смол. уѣздъ); крѣтъ, забѣтъ (Сыч. у.), стѣдѣный (студѣный, стыдѣный), дѣрка.

40) н _____ н.

примѣй, тавѣрыши, сѣйчасъ.

41) ѣч _____ ич

яѣшня, яѣчна.

42) ес _____ нсѣ.

Купаресъ.

43) эй _____ ѣй

бялѣй, чарнѣй; но другѣй.

44) я _____ а

акѣянь.

45) еѣ, оѣ = ѣѣ, оѣ

пнѣѣ (genit. plur.), дахоѣ (далоѣ), дамѣѣ.

46) Ѣм——ем.

твор. п. ед. ч. сущ. и. м. р.
камянѣмъ, прѣстѣмъ, гагалѣмъ.

47) Ѣн——он——

сасѣнъ.

48) іѣ——ей.

Кѣній, грѣшій (genit. plur.), пій (сокр. пи).

49) іѧ, іѣ——ѣѧ, ѣѣ

шіѧ, зміѣ=шѣѧ, змѣѣ.

50) О——а.

О безъ ударенія произносится, какъ а.

Люди грамотные окаютъ противъ обыкновенья; оканье замѣчается въ словахъ, заимствованныхъ изъ священнаго писанія; оно поддерживается среди раскольниковъ, начитанныхъ въ святомъ писаніи. Оканье начинается въ сѣверныхъ уѣздахъ Смоленской губерніи, а въ Тверской губерніи говорятъ уже совсѣмъ отиѣнно.

Захожіи коновалъ деревни Виселевой Осташковского уѣзда говорилъ: холодно, великолѣпно хорошо, говорка, однако — мажно.

51) ѣск.

быгатѣрьскій, мищаньскій, диравѣньскій, царьскій.

52) у——в.

Усѣ, уремя, устанъ, укѣсна.

Коновалъ деревни Виселевой Осташковского уѣзда Тв. г. мѣнялъ у на о въ началѣ словъ: отгодна.

(Семенъ Васильевъ).

53) *Опущеніе гласнаго.*

Быска (обходъ звѣря), (о) болыка, (и) скуситель, скусный.

54). *Стяженіе гласныхъ.*

ирусалимъ, призвадить.

55) *Приставка (и, а, у).*

и.и-льну, и-ржи, и-ржа.

а. а-залъ, а-лишился, а-расина, а-змустить, а-лгешъ = аѣгешъ.

у. у-красивый. Ні-у-вѣга (Бѣл. у., Шостово) у-вѣжливый. См. у.

56) въ.....(а)
въ-юнущъ, младѣи в-ъюнущ-ъ (юноша).

57) *Вставное в.*
вос-в-а, в-ужу-жъ, в-ужака, в-окны, в-окунь.
В-ольга, ни-в-одинъ, в-оби, в-аттуль.

58) *Удвоение согласнаго.*
Юрь-р-я, Ягорь-р-я, зварь-р-ѣ, лошад-дю,
Малань-н-я, каравать-т-ю.

И с к л ю ч е н і е .

Анисья = Анись-ся = Анись-т-я.

Кажется, вслѣдствіе подобной же причины (требованія большей крѣпости фонетическаго состава слова) являются слѣдующія замѣны с на т.:

2 лицо ед. ч. выдасишься = выдасисься = выдасисья, праснешься = праснесься = праснесья. Атугуляишься = атугуляисься = атугуляисья. Сосеешь = сьсешъ = сьтешъ.

3 лицо ед. ч. Сьсеть = сьтеть.

59) *умягченіе в.*
Вѣльскій уѣздъ грѣшнике (accus.).

60) жд — ж.
праваждать, забиждать.

61) жж = жд
трожжи (Вѣльскій уѣздъ) = трожды (Ельн. у.)

62) д = н (уподобленіе)
мидвяненыкъ.

63) д ————— т
сныдычка и снытычка
дн = нн; напр. маладня и маланный.

64) т ————— д
лотыча, вотыча.

65) ды = ди; ди = ды
жолуды, жалуды; дирка.

66) ня = на

ванешня

ню = ну.

выню.

67) ны = ни.

ни ўныкали.

68) *отверденіе* н

деньги, конѣчили.

69) нѣ = нь

Аминѣ.

70) ж _____ г

спужаѣся.

71) з _____ г:

у парози.

72) г (мягкое по произношенію) = з

нильга почти нильха.

Нужно замѣтить, что есть нѣсколько степеней твердости и мягкости произношенія г. Въ сѣверу усиливается твердость г, сопровождаясь оканьемъ: на сѣверѣ Смоленской губерніи — говорка; го — совершенно твердо.

73) г = ж

бѣгутъ.

74) ш = х: дышаніе.

75) с = х; х = с

у гароси, цалѣхинькѣй, цалѣхтинькѣй = цалюсинькѣй.

76) ч = щ

ваабчѣ; амчарина,

щ = ч; напр. атвѣщать.

77) ц = с.

цапаги, божецкѣй.

78) щ = ст

блищить.

79) ст = чт
унистожить.

80) ст = щ
приабыть.

81) сл = ст
благачасливый, учливый.

82) ч = ц: чарствія, чепъ, чирамонія, чопѣй.

83) л = р: калидоръ, калаурить.

84) л = й
л-ѣдва.

85) *Отвердѣніе* л
сильный См. у., малъцы Кр. у.

86) *Умѣченіе* р
зырнѣты.

87) ль ————— л
архангиль.

88) пра = пре: прасвѣтлый.

89) рь = р: рѣ = р
дохтарь, сталяръ; угоръ (Дух. у.).

90) ру = рю
румѣа.

91) ря = ра; рю = рю и ру = рю (рѣдко)
крипѣа, дрюхъ (Бѣльскій уѣздъ), румѣа.

92) ры = ри
таварыщи, трызнѣть (бредѣть).

93) тя
тяперъ, Кастѣантинъ.

94) тю
хатю.

95) с ————— ш
штаны = пастання.

96) ш ————— с
шпекушъ, шклянка = спекушъ, склянка.

97) сѣ ————— зг
роска, пабрнскай.

98) сѣ = сх
паска.

99) к = х
брамъ, клапатить, мозыкъ, кѣкыть.

100) к = в.
кукшинъ.

101) т = я:
стрѣннмъ.

102) Же = жа, жи = жизломъ, жазломъ, жарѣбъ и жерибъ.

103) Ща = ще: шамель, щемель = шмель.

104) Щ = ч: пирщатки; шамель.

105) Ск = щ: искить
лья (при удвоеніи-л) = льня (рѣдко).
келья = кельня.

106) Тб = бб.
Сялибба = сялитба.

107) З (опущеніе): драстуй (Б. у.).

108) Т (опущеніе).
радысь.

109) Д (опущеніе).
сѣмй (седьмой).

110) Г (опущеніе): кады, усяды. тады = вагды, усягды,
тагды.

111) Въ началѣ слова и въ срединѣ, опущеніе слога — адѣ, ляди, застанн. Чаго = ча, ча вы здикайтесь?

112) Измѣненіе сочетанія: дн = сянни (сенни изъ седни). абѣня.

113) Дч = ч — пачирка; ане (го) жъ = анѣжъ = няжъ.

114) Сокращенныя слова: прихмать, босла (благослови) Б. у. катца = кажется (См. у.).

115) Тц = цц; бытца = быцца.

116) Л, в = у: атцоўскій, ва ўбу.

117) Отсутствіе вставнаго н.: у ёмъ, у ёй.

118) *Метатезисъ.*

Нымастырь.

Балмата (суета) = клум = клумата = кулмата = въ слѣдствіе аналогіи у—ата—балмата. (Клумъ изъ тумъ, тумитцо).

119) р = в : хвабрый

120) з = г : Зоргій

121) Вставныя согласныя.

с.

жер(с)тва, запра(с)титъ, естѣмъ (Б. у)

122) р (Бѣльскій уѣздъ)
щук(р)ѣныкъ

123) ч
товариш(ч)имъ (Бѣльскій уѣздъ)

124) мн = мл
Самливатца

125) лън = нн
Цулуванниъ

126) Дзеканье.
Д и т = дз и ц.

Порой д и т только приближается къ ц; является звукъ, не передаваемый транскрипціей—дрожащій—не дз и не ц, но не д и не т.

Въ мѣстностяхъ бѣлорусскихъ д и т явственнѣе замѣняются въ произношеніи дз и ц.

Люди грамотные совершенно отвыкаютъ отъ дзеканья—считаютъ дзеканье принадлежностью „пушнова“ („мужицкыга“) нарѣчья.

127) Склоненіе существительнаго.

Пахвалъ (nomin.) вмѣсто сущ. ж. р. похвала. Капель = капля. Мечъ вострая (жен. р.), багатель (богатый человѣкъ), архангиль, угоръ (Дух. у.), акіянь, жораў, журавель, журушка. Сынъ (о) „Христось васкрѣсь, сыне Божій“,—канѣчикъ. Питинѣ—идинѣ, ржище, аўсянице. Касьсѣ (палка, къ которой прикрѣплено лезвіе косы), быгатества, вѣдѹче = вѣче. Свекра, снашна. „Нядѣля свакры, нядѣля снашны“. Сахвѣя (Софья), жадоба, гразѣтба (угроза), влѣтба, мѣтца, подпирѣза, пѣкота, гримота, гулявизна, любавизна (мясо безъ костей), шія.

Genit. Кузьмѣ = dat. „Кузьмѣ нѣту“, у Кузьмѣ, у мушцини, паталока, малебена, кореня.

Паліў, зайцоў, чуду (accusat.). смѣш. женск. и ср. рода. Съ наздѣръ, вѣдѣмѣ. Якога ты роду племя? да нѣби.

Vocat. Аўдуль, бабѣ, занужѣ (отъ жена) абака, хотя и мужескаго рода съ окончаніемъ женскаго рода, имѣетъ зват. абакѣ.

Зват. муж. р. сына, сынку, Адаме.

Dt. Божиеньку, гасѣмѣ, сянѣмѣ.

Accus. юнуша, Гасподя.

Ablat. Листимѣ = лѣстью, меччу.

Nom. плуг. пчолики.

Ablat. плуг. пчалми, курми, сердецами. Предл. у гасѣхѣ, у сянѣхѣ.

Рославльскій уѣздѣ, сельцо Лѣтошники (юговосточная часть Р. у.).

Жанчонка, родѣ—племи (nominat). Каршунѣ и свекѣръ = свѣкырѣ, вѣршунѣ. Селезеня (vocat.).

Да синій панѣве, да сахьянѣ сапогѣ (genit.).

Accus. На цвѣти, салоуѣ, каралеѣню.

Ablat. Съ прачистною мать.

Предл. въ чисти поли.

Село Еюрье, Дорогобуж. уѣзда.

Съ кудирь = съ кудріў.

Село Никола Ядрейчъ, Духовиц. уѣзда.

Вышинѣй.

Бѣльскій уѣздъ, село Шоптово.

И. ждраў, ждраўля (genit.), зятѣ—зити (въ см. зятьѣ, какъ вароноўя, братьѣ и друг.), два мечи, двѣ звѣри, время (genit.) къ рѣшѣ (dat.), бабамъ, батькамъ, мальчикамъ (dat. и ablat.), грѣшнице (accusat.), на гары (предлож.), у сусѣдихъ = у сусѣдихъ или у сусѣдіў. Симианоў (genit. plur.).

Я видилъ два, какъ приближали (форма именит. пад.).

Бѣльскій уѣздъ, с. Дунаево.

Им. мн. пана (отъ панъ), лошады, раскольничики, дириўна, драўна (дрова).

128) *Прилагательное.*

Аўдотыно братья, бялѣй, чарнѣй.

Купецку сыну.

Даражѣйшій, сильнѣйшій. Сильнѣйшій *за* мене.

не, ни, ня (во множ. ч. окончанія для всѣхъ родовъ):

добрыя кони, крупныя птушки, неучливыя мужики.

ширакѣга, бялѣга.

Льтошники Рославльскаго уѣзда.

Съ Пречистую мать. У чисти поли.

129) *Мѣстоименіе*

ей, абъ ей, абъ имъ (безъ вставнаго н)

чей, чіагѣ, чіаму. Якій, якага. Тѣй, тѣга. Ніякій, ніякинѣ-

кій. Самъ, саминѣй. Мизъ соби = между собою. Иногда слышится мизъ себе.

130) *Мизъ себе, соби.*

Мизъ (между) употребляется и съ творительнымъ, и съ родительнымъ, и притомъ какъ въ древнемъ и народномъ языкѣ, такъ и у позднѣйшихъ писателей; промежду, промежъ особенно употребительно въ старинномъ и народномъ языкѣ.

а) съ творит. „по ямамъ промежъ своими землями изгороды ставити вобчѣ“ Юрид. акт. 1518.

б) съ родит. „Крымская орда промежъ моря Азовскаго и моря Чернаго“ кн. Больш. Черт. 76.

в) съ винит. падежомъ; напр. въ олон. былин. — „И бей бурка промежу уши, и бей бурка промежу ноги“ — „хлснулъ промежъ ясны очи.“ Рыб. 1,126,344. (Историческая грамматика Вуслаева стр., 274).

Какой падежъ соби, себѣ?

Сябе (родит. и винит. пад.): никто сябе ниударить. Дат— сабѣ, сдби и собѣ. Мы предполагаемъ, что сдби и сдбѣ послѣ „мизъ“—затерявшаяся форма родительнаго падежа, сходная съ формой дательнаго: такое сходство замѣчается при склоненіи именъ существительныхъ мужскаго и женскаго рода:

— „Я дамъ Кузьмѣ хлѣба“;—„Кузьмѣ нѣту“; у Маланѣ и еъ Маланѣ.

Каторые... каторые = нѣкоторые... нѣкоторые, одни... другіе. Каторыи пупришли, каторыи нѣ = одни пришли, другихъ нѣтъ. „Тѣй“ часто употребляется въ значеніи члена, не указывая на опредѣленный предметъ. Тѣя чарцы (пьянство) увядуть у старцы. Пріѣхаѹ іонъ у тоя чарства, у тѣй змяинный горать.

Маиго и магд; свайго и свагд.

Нѣшта, нѣштачка = что-то.

Я пакажу табѣ нѣштачка.

Бѣльскій уездъ, село Шоптово.

падъ ей, ево, на ево = на яго,
ѣстьимъ, зъ ѣстьимъ, у ѣмъ, онъ и іонъ,
іѣ, яѣ = (См. у.) яѣ.

С. Никола-Ядрейчъ, Дух. у

ѣѣ.

С. Лытошники, Р. у.

Чиво, кае-што.

131) *Нарѣче.*

Кагда и кадѣ,
тагда и тадѣ,
заўсигда и заўсяды,
ногды = нойды (иногда),
негди = нойды; вѣроятнѣ и гдѣ-то:
нейди я паклаў касу;
нейди юнѣ пришоў
сѣлита = теперь,
пазадѣ = позади.
тка присоединяется къ нарѣчю:
аттулитка, тяперитка.
Змалку, патику; патихѣнѣку, паляхѣнѣку.
Некали = нѣтъ времени,
абашылѣ = съ 2 сторонѣ.

132) *Числительное.*

аднае (асс. fem.), абѣдвѣ и нѣдвѣ, абадвѣ = двѣ;
двумѣ, трѣмѣ и тремѣ: у пятѣхѣ, у шастѣхѣ; вѣсмирѣ конѣй.
Адинѣ, ни водинѣ, вѣднѣга и ни вѣднѣга.
У двюхѣ, у дваихѣ.
Семѣй, шѣстѣй, вѣсимѣй.
Трождѣ (Е. у.), трождѣ, двождѣ (Б. у.), троичѣ (См. у.) =
трождѣ.
За двѣнацѣтѣмѣ двѣремѣ (Б. у.).

133) *Глаголъ.*

ОСОБЕННОСТИ, УСЛОВЛЕННЫЯ ИЗМѢНЕНІЕМЪ ГЛАГОЛЬНОЙ ТЕМЫ.

Тема а вѣ. ива, ива.
Натягаѣтъ = натѣгиваѣтъ.
і вѣ. ива
пасматрѣтъ (пасмѣтриваѣтъ),
пахѣжѣтъ (пахѣживаѣтъ).
и вѣ. ив
приказѣтъ (приказываѣтъ).

Бѣльскій унѣдѣ, Шоптово.

Усиленіе глагольной темы посредствомъ гласнаго.
Яснѣ—я—итѣ (яснѣитѣ).

Южная часть Рославльскаго уѣзда.

Пі—я—ть (пѣть).

Духовицкій уѣздъ, село Никола Ядремч.

Сіяють, зіяють сократилось въ зѣють.

Замѣчательно, что форма зѣють употребляется отъ глагола совершенно другаго значенія для выраженія крика сокола.

Въ народной сказкѣ: „конь зарзаѹ,
Хортъ завылъ, а соколъ зазыаѹ,
—Ты, лошадинныя сѣмя, чаго зарзаѹ?
А ты, песья мяса, чаго завылѹ?
А ты, истрибинныя перья чаго зазыаѹ?—

Въ малороссійской повѣи употребляется для выраженія крика сокола глаголѣ тхилить, проквилать:

—„Стый, пся стерво, не спотыкайся;
Ты, бурсуча шерсть, не надымайся,
Ты, соколе, не тхили; ты, хорте, не вый!“—
(Сказка про Сучченка).

Пій, пи=пей. Палѣжтя, далѣжтя=положите, доложите. сѣтѣть (сосѣтъ), вѣдасѣтя—отвердѣніе темн, какое является въ случаяхъ=Анисѣя=Анисѣся=Анисѣтя.

Смяѣшся, смяѣтисъ 2 л. ед. и мн. наст. врем. || сміѣтѣсь, ча вы смяѣтисъ и ча вы сміѣтѣсь (2 якая форма). Глядитѣ, пишитѣ 2 л. мн. ч. наст. врем. Идѣть, насѣть, дмѣть, арѣть (пашетѣ), тѣщитѣ (тащитѣ) 3 л. ед. наст. врем. Яси наст. вр. 2 лицо (ѣшь); даси будущ. 2 лицо. Пронадлый (пропавшій).

Дорогобужскій уѣздъ, Егорье.

Абатрѣтца, сашѣтца (абатрѣтца, сашѣтца) См. у.

Льтошники, Рославльскаго уѣзда.

Перепіѣтѣ (перепіѣтя, пирипѣтя, пирипіѣтѣ. Смол. у.

56) въ.....(а)

въ-юнушъ, младѣи в-юнуш-ъ (юноша).

57) *Вставное в.*

вос-в-а, в-ужу-жъ, в-ужака, в-окны, в-окунъ.

В-ольга, ни-в-одинъ, в-оби, в-аттулъ.

58) *Удвоение согласнаго.*

Юрь-р-я, Ягорь-р-я, звярь-р-ѣ, лошади-ю,

Малань-н-я, каравать-т-ю.

ИСКЛЮЧЕНІЕ.

Анисья = Анись-ся = Анись-т-я.

Кажется, вслѣдствіе подобной же причины (требованія большей крѣпости фонетическаго состава слова) являются слѣдующія замѣны с на т.:

2 лицо ед. ч. выдасишься = выдасишься = выдасишься, праснешься = праснешься = праснешься. Агтуляишься = агтуляишься = агтуляишься. Сосеешь = сесеешь = сетеешь.

3 лицо ед. ч. Съесть = съетъ.

59) умягченіе в.

Вѣльскій уѣздъ грѣшникѣ (accus.).

60) жд——ж.

праваждать, забиждать.

61) жж = жд

трожжи (Вѣльскій уѣздъ) = трожды (Ельн. у.)

62) д = н (уподобленію)

мидвяноныкъ.

63) д—————т

сныдычка и снытычка

дн = нн; напр. маладня и маланный.

64) т—————д

лотычка, вотычка.

65) ды = ди; ди = ды

жолуды, жалуды; дирка.

66) ня = на

канешня

ню = ну.

выню.

67) ны = ни.

ни ўныкали.

68) *отверденіе* и
деньги, конъчили.

69) нъ = нь

Аминъ.

70) ж _____ г

спужаѣся.

71) з _____ г:

у парози.

72) г (мягкое по произношенію) = з

нильга почти нильха.

Нужно замѣтить, что есть нѣсколько степеней твердости и мягкости произношенія г. Къ сѣверу усиливается твердость г, сопровождаясь оканьемъ: на сѣверѣ Смоленской губерніи — горка; го — совершенно твердо.

73) г = ж

бягутъ.

74) ш = х: дышаніе.

75) с = х; х = с

у гароси, цалѣхинькѣй, цалѣхтинькѣй = цалюсинькѣй.

76) ч = щ

ваабчѣ; амчарина,

щ = ч; напр. атвѣщать.

77) ц = с.

цапаги, божецкѣй.

78) щ = ст

блнщить.

79) ст = чт
унистожить.

80) ст = щ
приобстить.

81) сл = ст
благачасливый, учливый.

82) ч = ц: чарствія, чепъ, чирамонія, чопкій.

83) л = р: калидоръ, калаурить.

84) л = й
л-ёдва.

85) *Отвердѣніе* л
сильный См. у., мальцы Кр. у.

86) *Умиченіе* р
зирьняты.

87) ль ————— л
архангиль.

88) пра = пре: прасвѣтлый.

89) рь = р: ръ = р
дохтарь, сталяръ; угоръ (Дух. у.).

90) ру = рю
румка.

91) ря = ра; рю = рю и ру = рю (рѣдко)
кряпива, дрюхъ (Бѣльскій уѣздъ), румка.

92) ры = ри
таварыщи, трызнить (бредить).

93) тя
тяперь, Кастянтинъ.

94) тю
хатю.

95) с ————— ш

штаны = пастання.

96) ш ————— с

шпекушъ, шклянка = спекушъ, склянка.

97) ск ————— зг

роска, пабрыскай.

98) ск = сх

паска.

99) к = х

брамъ, клапатить, мозыкъ, кѣкыть.

100) к = в.

букшинъ.

101) т = в:

стрѣнимъ.

102) Же = жа, жи = жизломъ, жазломъ, жарѣбъ и жерибъ.

103) Ща = ще: шамель, щемель = шмель.

104) Щ = ч: пирщатки; шамель.

105) Ск = щ: искить

лъя (при удвоеніи-а) = лья (рѣдко).

келья = келья.

106) Тб = бб.

Сялибба = сялитба.

107) З (опущеніе): драстуй (Б. у.).

108) Т (опущеніе).

радысь.

109) Д (опущеніе.)

сѣмий (седьмой).

110) Г (опущеніе): кады, усяды. тады = кагды, усягды,

тагды.

111) Въ началѣ слова и въ срединѣ, опущеніе слога — адѣ, ляди, застяни. Чаго = ча, ча вы здикайтесь?

112) Измѣненіе сочетанія: дн = сянни (сенни изъ седни). абѣния.

113) Дч = ч — пачирка; ане (го) жъ = анѣжъ = няжъ.

114) Сокращенныя слова: прихмать, босла (благослови) Б. у. катца = кажется (См. у.).

115) Тц = цц; бытца = быцца.

116) Л, в = у: атцоўскій, ва ўбу.

117) Отсутствіе вставнаго н.: у ёмъ, у ёй.

118) *Метатезисъ.*

Нымастырь.

Калмата (суета) = клум = клумата = кулмата = въ слѣдствіе аналогіи у—ата—калмата. (Клумъ изъ тлумъ, тлумитцо).

119) р = в : хвабрый

120) з = г : Зоргій

121) Вставныя согласныя.

с.

жер(с)тва, запра(с)титъ, естѣимъ (Б. у)

122) р (Бѣльскій уѣздъ)
щук(р)ѣныкъ

123) ч
товариш(ч)имъ (Бѣльскій уѣздъ)

124) мн = мл
Самливатца

125) лън = нн
Цулуванниѣ

126) Дзеканье.
Д и т = дз и ц.

Порой д и т только приближается къ ц; является звукъ, не передаваемый транскрипціей—дрожащій—не дз и не ц, но не д и не т.

Въ мѣстностяхъ бѣлорусскихъ д и т явственнѣе замѣняются въ произношеніи дз и ц.

Люди грамотные совершенно отвыкаютъ отъ дзеканья—считаютъ дзеканье принадлежностью „пушнова“ („мужицкыга“) нарѣчья.

127) Склоненіе существительнаго.

Пахвалъ (nomin.) вмѣсто сущ. ж. р. похвала. Капель = капля. Мечъ вострая (жен. р.), багатель (богатый человекъ), архангилъ, угоръ (Дух. у.), акіянъ, жораў, журавель, журишка. Сынъ (е) „Христосъ воскресъ, сыне Божій“,—канѣчикъ. Питиннѣ—идиннѣ, ржище, аўсянище. Касьсѣ (палка, къ которой прикрѣплено лезвіе косы), быгатества, вѣдѣче = вѣче. Свекра. снашна. „Нядѣля свакры, нядѣля снашны“. Сахвѣя (Софья), жадоба, гразѣтба (угроза), клѣтба, мѣтца, подпирѣза, пѣкота, гримота, гулявизна, любавизна (мясо безъ костей), шія.

Genit. Кузьмѣ = dat. „Кузьмѣ нѣту“, у Кузьмѣ, у мушцины, паталока, малебена, корени.

Паліў, зайцоў, чуду (accusat.). смѣш. женск. и ср. рода. Съ наздѣръ, вѣдѣнѣ. Якога ты роду племя? да нѣби.

Vocativ. Аўдуль, бабѣ, занужѣ (отъ зена) абака, хотя и мужскаго рода съ окончаніемъ женскаго рода, имѣетъ зват. абакѣ.

Зват. муж. р. сына, сынку, Адаме.

Dt. Божиньку, гасѣмѣ, сянѣмѣ.

Accus. юнуша, Гасподя.

Ablat. Листимѣ = лѣстью, меччу.

Nom. plur. пчолики.

Ablat. plur. пчалми, курми, сердцама. Предл. у гасѣхѣ, у сянѣхѣ.

Рославльскій уездъ, селѣцо Лѣтошники (юго-восточная часть Р. у.).

Жанчонка, родѣ—племи (nominat.). Каршунѣ и свекѣръ = свѣкырѣ, кѣршунѣ. Селезени (vocat.).

Да синій панѣве, да сахянѣ сапогѣ (genit.).

Accus. На цвѣти, салоўю, каралеўню.

Ablat. Съ прѣчистую мать.

Предл. въ чисти поли.

Село Егорье, Дорогобуж. уѣзда.

Съ вудирь = съ вудріу.

Село Никола Ядревичъ, Духовиц. уѣзда.

Вышиней.

Бѣльскій уѣздъ, село Шоптово.

И. ждрау, ждрауля (genit.), зятѣ—зити (въ см. зятьѣ, какъ вароноуя, братьѣ и друг.), два мечи, двѣ звѣри, время (genit.) къ рѣшѣ (dat.), бабамъ, батькамъ, мальчикамъ (dat. и ablat.), грѣшникѣ (accusat.), на гары (предлож.), у сусѣдихъ = у сусѣдихъ или у сусѣдіу. Сикмяноу (genit. plur.).

Я видилъ два, какъ приближали (форма именит. пад.).

Бѣльскій уѣздъ, с. Дунаево.

Им. мн. пана (отъ панъ), лошады, раскольничики, дигріуна, драуна (дрова).

128) *Прилагательное.*

Аудотыинэ братья, бялэй, чарнэй.

Купецку сыну.

Даражѣйшій, сильнѣйшій. Сильнѣйшій *за* мене.

не, ни, ня (во множ. ч. окончанія для всѣхъ родовъ):

добрыя кони, крупныя птушки, неучливые мужики.

ширакѣга, бялѣга.

Льтошники Рославльскаго уѣзда.

Съ Пречистую мать. У чисти поли.

129) *Мѣстоименіе*

ей, абъ ей, абъ имъ (безъ вставнаго н)

чей, чіагѣ, чіаму. Якій, якага. Тѣй, тога. Ніякій, ниякинъ-

кій. Самъ, саминькій. Мизъ соби = между собою. Иногда слышится мизъ себе.

130) *Мизъ себе, соби.*

Мизъ (между) употребляется и съ творительнымъ, и съ родительнымъ, и притомъ какъ въ древнемъ и народномъ языкѣ, такъ и у позднѣйшихъ писателей; промежду, промежь особенно употребительно въ старинномъ и народномъ языкѣ.

а) съ творит. „по ямамъ промежь своими землями изгороды ставити вобчѣ“ Юрид. акт. 1518.

б) съ родит. „Брымская орда промежь моря Азовскаго и моря Чернаго“ кн. Больш. Черт. 76.

в) съ винит. падежомъ; напр. въ олон. былин. — „И бей бурка промежу уши, и бей бурка промежу ноги“ — „хлеснулъ промежь ясны очи.“ Рыб. 1,126,344. (Историческая грамматика Буслаева стр., 274).

Какой падежь соби, себѣ?

Сябе (родит. и винит. пад.): никто сябе ниударить. Дат—сабѣ, соби и собѣ. Мы предполагаемъ, что соби и собѣ послѣ „мизъ“—затерявшаяся форма родительнаго падежа, сходная съ формой дательнаго: такое сходство замѣчается при склоненіи именъ существительныхъ мужскаго и женскаго рода:

— „Я дамъ Кузьмѣ хлѣба“;—„Кузьмѣ нѣту“; у Маланѣ и къ Маланѣ.

Каторые... каторые = нѣкоторые... нѣкоторые, одни... другіе. Каторыи пупришли, каторыи нѣ = одни пришли, другихъ нѣтъ. „Тѣй“ часто употребляется въ значеніи члена, не указывая на опредѣленный предметъ. Тѣя чарцы (пьянство) увидуть у старцы. Пріѣхаѹ іонъ у тоя чарства, у тѣй змяинный горать.

Маиго и магѣ; свайго и сватѣ.

Нѣшта, нѣштачка = что-то.

Я пакажу тябѣ нѣштачка.

Бѣльскій уѣздъ, село Шоптово.

падъ ей, ево, на ево = на яго,
ѣстѣимъ, зъ ѣстѣимъ, у ѣмъ, онъ и іонъ,
іѣ, яѣ = (См. у.) яѣ.

С. Никола-Ядренчъ, Дух. у

ѣѣ.

С. Лытошники, Р. у.

Чиво, кае-што.

131) *Нарѣче.*

Кагда и кадѣ,
тагда и тадѣ,
заўсигда и заўсяды,
ногды = нойды (иногда),
негди = нойды; вѣроятно и гдѣ-то:
нейди я паклаў касу;
нейди іонѣ пришоў
сѣлита = теперь,
пазадѣ = позади.
тка присоединяется къ нарѣчью:
аттулитка, тяперитка.
Змалку, патику; патихѣнку, паляхѣнку.
Некали = нѣтъ времени,
абѣпылѣ = съ 2 сторонѣ.

132) *Числительное.*

аднае (асс. fem.), абѣдвѣ и нбѣдвѣ, абадвѣ = двѣ;
двуми, трѣми и тремя: у пятѣхъ, у шастѣхъ; вѣсмирка коній.
Адинѣ, ни водинѣ, вѣдныга и ни вѣдныга.
У двюхъ, у дваихъ.
Сѣмий, шѣстий, вѣсимый.
Трожды (Е. у.), троужи, двоужи (Б. у.), трончи (См. у.) =
трожды.
За двинацѣтми двирам (Б. у.).

133) *Глаголъ.*

ОСОБЕННОСТИ, УСЛОВЛЕННЫЯ ИЗМѢНЕНІЕМЪ ГЛАГОЛЬНОЙ ТЕМЫ.

Тема а вм. нва, ива.
Натягаеть = натѣгивають.
і вм. ива
насматрѣить (насмѣтривають),
пахѣжѣить (пахѣживають).
н вм. нв
приказѣить (приказывають).

Бѣльскій уездъ, Шоптово.

Усиленіе глагольной темы посредствомъ гласнаго.
Яснѣ—я—ить (яснѣить).

Южная часть Рославльскаго уезда.

Пі—я—ть (пѣть).

Духовищинскій уездъ, село Никола Ядренчъ.

Сіаить, зіаить сократилось въ зѣить.

Замѣчательно, что форма зѣить употребляется отъ глагола совершенно другаго значенія для выраженія крика сокола.

Въ народной сказкѣ: „конь зарзаў,
Хортъ завнѣль, а сокылъ зазѣў,
—Ты, лошадиныя сѣмя, чаго зарзаў?
А ты, песься мяса, чаго завнѣў?
А ты, истрябиныя перьря чаго зазѣў?—

Въ малороссійской поэзіи употребляется для выраженія крика сокола глаголь тхилить, проквивлять:

—„Стый, пся стерво, не спотыкайся;
Ты, бурсуча шерсть, не надымайсь,
Ты, соколе, не тхили; ты, хорте, не вый!“—
(Сказка про Сучченка).

Пій, пи=пей. Палѣжты, далѣжты=положите, доложите.
сѣтѣ (сосѣтъ), вѣдасѣтъ—отвердѣніе темы, какое является въ случаяхъ = Анисѣ = Анисѣся = Анисѣтя.

Смяѣсься, смяѣтись 2 л. ед. и мн. наст. врем. || смяѣтѣсь, ча вы смяѣтись и ча вы смяѣтѣсь (2 якая форма). Глядитѣ, пишитѣ 2 л. мн. ч. наст. врем. Идѣтъ, нясѣтъ, дмѣтъ, арѣтъ (пашетѣ), тѣщитѣ (тащитѣ) 3 л. ед. наст. врем. Яси наст. вр. 2 лицо (ѣшь); даси будущ. 2 лицо. Пропадлый (пропавшій).

Дорогобужскій уездъ, Егорье.

Абатрѣтца, сашѣтца (абатрѣтца, сашѣтца) См. у.

Льтошники, Рославльскаго уезда.

Перепіѣтѣ (перепіѣтя, припяѣтя, припіяѣтѣ. Смол. у.

Бѣльскій уѣздъ.

Закричали = закричѣли (С. у.) прамоучалъ = прамѣучилъ (С. у.)
пѣбивалъ = пѣбивалъ, пѣчали = пѣчали, неситъ и несѣтъ = неситъ.
Хѣдичи = хѣдючи, тѣпишся = тѣписья, надѣтъ = надѣтъ.

134) *Союзъ.*

Иногда употребляется о вѣсто а; въ этомъ о есть отгѣнокъ указанія.

Юнъ и многа и приданата бяреть:

Гарады съ пригородачками,

Ящо селы и съ приселачками,

О деревни и съ памѣщичками.

(Пѣсня объ Иванѣ Васильевичѣ, грозномъ царѣ).

О употребляется въ Дмитровскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи:

— „О яе роза раствила“.—

Ажно, въ Рославльскомъ уѣздѣ Айно = однако, но

— „Сказали пра молайца,

Да што безъ вѣстей прапалъ,

Айно добрый моладицъ

Вдоль на улицы прайшолъ...“

Усиленное ажно, ажну = ажну—тъ.

Въ Рославльскомъ уѣздѣ употребляются частицы ся, та, ни но; въ Бѣльскомъ уѣздѣ та.

Ся = то.

Хто ся са мною у свахахъ поѣдитъ?

Прячистия Мать са мною у свахахъ поѣдитъ.

Ни но = не то, не то.

Нино тепло, Нино халадно.

та заключаетъ въ себѣ отгѣнокъ противоположности, соответствуетъ „а, то, же“, но сильнѣе же, произносится съ нѣкоторою важностью.

Мая жъ та матеа

На баярскимъ на дварѣ.

Няўкомъ, няўкомъ-жа = однако, съ оттѣнкомъ неудовольствія:
— „Няўкомъ жа вотку сами напили“. —

135) *Предлогъ.*

Въ Смоленскомъ уѣздѣ „гаварить на кого“, а въ Бѣльскомъ уѣздѣ отказывать (отвѣчать) на кого (кому).

У — въ изби.

Въ Смоленскомъ уѣздѣ мнѣ всего разъ попался предлогъ „зле (для) одно;“ этотъ предлогъ мнѣ встрѣчался въ Рославльскомъ и Бѣльскомъ уѣздѣ, но произносился „зли“ и сочетался съ родительнымъ падежомъ „зли мяне.“

136) *Междоиміе.*

Цопъ (цапъ), цалинѣкъ.

137) *Отрицаніе* не, ни, ня, нѣ.

Не иногда соответствуетъ литературному ни, и, наоборотъ. ни замѣняетъ часто не.

Я ни хачу. Іонъ табѣ и ни свать, и ни братъ. Якей бы іонъ сабѣ не былъ, якъ бы тамъ сабѣ не была.

Коновалъ деревни Виселевой Осташковского уѣзда Тверской губерніи говорилъ:

— „Какъ бы то ни было“.

Въ ни иногда скрывается вопросительное ли. Ни мой ета Ягорька идеть?

Ни мыя ета matka? (ни = не *ли*).

Ня замѣняетъ ни и не:

Ня мой и ня твой братъ. Ни я и ня ты. Употребляется ня, какъ ни, и въ вопросахъ, поглощая ли.

Нѣ въ односложныхъ отвѣтахъ:

— „Ти былъ ты у кабакѣ?“

— Нѣ, нѣ, нѣ... Ни Бойжа мой (нисколько) гарѣлки ни ѣживаю (не употребляю).

— „Ти видилъ ты што?“

— Ничагеничка и никагусинька ни видаѣ?

- Ти прывёс жа ты съ сабой што?
— „А ни калива, ни злыдни (ничего), ни трасцы“.

Нима = не имѣется.

- Ти іось у табе табака?
— „Нима: ниўживаю“.

Ни, ни = и... не

— Ни батька мой ни куріў, ни дѣдъ ни куріў—уси мае сродычи ни курили.

138) Обь особенномъ значеніи ня, ни.

Отрицаніе ня, ни, присоединяясь къ словамъ особенно отрицательнаго значенія, имѣетъ иногда характеръ частицы утверждающей, а не отрицающей; бываютъ такіе случаи, что ня и ни не отрицаютъ, а подтверждаютъ цѣлыя мысли и предложенія.

Вопратитътю = скоро; нивопрамитю (якъ ня можна скарѣй).

Въ приведенномъ выше выраженіи— „якъ ня можна скарѣй“—ня имѣетъ тоже усиливающее значеніе.

„Ніўдалэй“ сильнѣе, чѣмъ „удалэй“ (смѣлый, отчаянный).
Никаянный = акаинный, самый акаинный:

Отрицаніе ня усиливаетъ цѣлую мысль:

Лѣпи сѣвба ранняя—
Ня чимъ тая поздняя:
А на ранней пшаница,
А на поздней мятлица.

(Бѣлорусскія пѣсни, собранныя
П. В. Шейномъ, № 216).

139) Образование дифтонговъ и удвоеніе гласныхъ въ живой народной рѣчи.

Интересно наблюдать за произношеніемъ словъ во время различнаго настроенія говорящаго.

Когда крестьянинъ находится подъ вліяніемъ какого нибудь аффекта: удивленія или испуга, въ рѣчи его замѣчается протажность.

Протяжность эта выражается двумя фонетическими явлениями: удвоением гласных и образованіем дифтонговъ въ срединѣ слова.

Выраженіе юря и испуга.

Боджинька, Бажуутухна, Боойжа, гаалуубынька.

Удивленіе.

Званы зазваниліи, папы запѣли.

Во многихъ словахъ замѣтно присутствіе дифтонговъ въ обыкновенномъ теченіи рѣчи.

Бойжа (Божа).

Дайжа (даже).

Въ слѣдующихъ выраженіяхъ г предшествующее д опущено, а гласная предшествующая гд протянулась въ дифтонгъ.

Ногды (иногда) = пойды.

Негди = нейди (вѣроятно). Нейди ты прозябъ.

Ажно = айно. Айно употребляется въ южной части Рославльскаго уѣзда.

Сказали пра молайца,
Да што безъ вѣстей прапалъ,
Айно добрый молайдиць
Вдоль па улицы прайшолъ.

Синтаксическія замѣчанія.

а) При всѣхъ трехъ лиц. множ. и ед. числа употребляется іость (3 лицо ед. ч. наст. вр. отъ гл. быть).

Ты іость судья правидный.

б) Пролепсисъ:

Атрубила дѣўка голыву
Ивану Бизгаловому.

в) Дѣепричастіе для выраженія прошедшаго времени употребляется одно, безъ вспомогательнаго глагола.

— „Астаўши у атца адны клешни“.

Един. ч. вмѣсто множ.:

г) — „Двѣ курицы нясетца“.

Матеріалы для словаря и теоріи уда- ренія.

- Аббѣтикъ** — кувшинъ, немного разбитый.
Абрѣминна — бременна.
Абиждать, абиждѣйтца.
Абидна супроти кагѡ.
Абаду узвестъ на кого. — **На-**
праслину взвестъ на кого.
Абаѣъ зват. отъ абака.
Абрѡтъя обротѣя.
Абрадува́лась — обрадовалась.
Агражѹся, часто ягражѹся.
Ада́ме (vocat.) — отъ Адамъ.
Ада́лѣтъ — отдалѣтъ.
Анѡшка — Аннушка.
Анѡтка.
Ажнѹтъ — ажнѡ — ажнѹ } такъ что
Ажъ. } однако.
Азмустѣтъ — смутитѣ.
Азбаѹ (Бердибаки Е. у) — избавь.
Аза́ль — за́ль.
Аканція — условіе.
Акѣйнь — океанъ.
Амѣлѣтъ — обѣдѣтъ.
Амчарина — низина, поросшая
 ихомъ.
Аминь — аминь.
Алишился — лишился.
Ангыль — ангель.
- Аплашѣль** — оплашалъ.
Архангиль — архангелъ.
Арысйна хворостина.
Аскарбила — ускѡрбила.
Асалапѣла — осто́лбенѣла, лиши-
 лась силъ.
Асѹмитца — опечалитѣся.
Астанувѣлась — остановилась.
Атвѣщали — отвѣчали.
Атвищай — отвѣчай.
Атказать — отвѣчать.
Атрошникъ — чарадѣйникъ
Аттѡль
Аттѹль } оттуда.
Аттѹлитка
Атщапѣтъ — оттворитѣ.
Атарацѣлась поспѣшила.
Атрячитѣ — даватѣ отвѣтъ.
Атъ (итѣ) шутѣ (шутыкъ)
Ахаживатѣ — битѣ кого
Аѹгешъ = а — лгешъ.
Аявитца — явитѣся.
- Ба́ба, ба́би (dat), бабѣ (vocat).**
Бага́тѣй, багатѣй.
Бада́й (малоросс.). Дай, Боже!
Балаѹства — непристойная жизни,
 кутѣжъ.

Балёнъ.	Воздуху, па воздухѣхъ — по воздуху.
Барана } на роунымъ мѣсти, якъ на баранѣ.	Возьмутъ, возьмимъ — возьмѣтъ.
Болазе — хорошо.	Вальною — валною.
Боджинька. } Зват. отъ Бога.	Водить — вѣить — вѣтъ.
Бойжа мой! }	Вѣдмѣ (genit. plur.) — вѣдмѣ.
Божецкій — божескій.	Вздорѣи, ва — (въ ссорѣ);
Бойла — избіеніе.	Ваўшебный — волшебный.
Болыка — блаки, обдолаки — облака.	Вада, у вадѣ, у водѣ — въ водѣ.
Блищѣтъ — блестятъ.	Въ, у-въ избѣ въ избѣ.
Блазнутися шутки — шутите.	Вдоби — оба.
Бать — зват. отъ батька.	Вирядѣтъ — командуетъ.
Братѣйникъ — братъ.	Вѣдаси — выдать.
Браничка — бараночко.	Вопрыма, ни-вопрыма — поспѣшно.
Брднѣся — бранисѣ.	Выспѣткымъ — ударомъ ноги.
Брадникъ — бородникъ.	Валю дать — побить.
Бѣтца, бѣтца, бѣтцакъ — будто.	Вдѣля — валюватый — болѣзненное строеніе шеи.
Было, було — было.	Ваўчаненныхъ — волченоеъ.
Бурныхъ и сивыхъ считать. — Уто- нутъ (встрѣчается и въ Са- марской губерніи).	Вонки — у вонкахъ — вѣтъ избѣ.
Бымыши ихъ работниковъ — будучи.	Висѣдѣля — радость, пиръ.
Бягѣтъ — бѣгутъ.	Вобчій — общій.
	Вожаснѣуся — испугался.
Вѣдѣоче — вѣче.	Гаворить на каго 3 л. един. числа — говорить кому.
Вучѣнныхъ — учѣнныхъ.	Гаворка — говоръ.
Вѣмудры = затѣи.	Гамынь — дьяволъ, чортъ.
Вотча — зв. вѣтчий и вѣтчимъ.	Гѣмынь — говоръ.
Воднаму, ни водинъ.	Гардшинка, гордхвинка, гордх- вина.
Вѣтрывать, травѣтъ, травѣлый.	Глаздѣ (genit. plur.) — глазъ.
Вѣчирамъ и вѣчарѣмъ.	Гратъ = играть.
Вѣню — выну.	Глаголь, ни глаголь — не говори.
Вѣлій — лучше.	Гняздѣ, у гняздѣ, у гняздѣ — гнѣздо.
Вары — воры.	Гнявой — навозный.
Вѣюнушъ — юноша.	Гребѣжный — награбленный.
Вѣкылытырить — выпросить всѣ- ми силами.	

Грудѣхъ на—на груди.

Гѣлава—голова.

Грѣбувать—пренебрегать.

Губашичка—нарость на березѣ.

Дайжа—даже.

Дамоу—домой.

Данрѣжда—прежде.

Дарѣзи, у дарѣзи—въ дорогѣ.

Дазнаўся—вызвалъ.

Держить, дяржить—держитъ.

Деньги—деньги.

День—да Патрѣвыга дни—genit.

Диричка—дыра (уменьш.).

Двѣми—двумя.

Двѣхъ, у—(вдвоѣмъ—объ женщинахъ, двѣхъ genit отъ двѣ).

Дирявоиъ—деревомъ.

Другѣй, у другѣи—другой.

Другѣ, другѣѣ, другоу—другъ.

Дахтарѣ—докторъ.

Дитѣмъ—дѣтямъ.

Да вѣжныга миласердинъ—къ каждому.

Дарить, дарувать—дарить.

Дно—дѣна—дно.

Дѣубакомъ сидить = ничего не дѣлаетъ.

Дѣубить, дѣубѣть—долбить.

Дѣтинный—дѣтскій.

Дѣсыть, у дѣсталь—вдоволь.

Дѣить, придумѣть—дуетъ, задуть.

Дѣвѣчій—дѣвушкѣнъ.

Дѣдичка—уменьш. слово отъ дѣдъ.

Дрѣнь—дрянь.

Дѣдинъ—старикъ, дѣдъ.

Даужѣнъ—долженъ.

Дѣхатъ—дышать.

Дастѣ—дадите.

Дяржитца—держится.

Дѣмшій—думчій.

Души паслушаўши бить = изъ всей силы.

Дрыжить = дрожить.

Е. Зѣ етимъ, зѣ естимъ—съ этимъ.

Ѣю, зѣ Ѣю—съ нею.

Жарѣта—жаръ.

Жарѣха—жареное изъ рѣбръ свиньи.

Жардѣ—жерди.

Живатѣ—plug отъ животъ: „подвело ему животы“.

Жиренъ, жирувать, жиры—кормиться на волѣ.

Жизломъ (Е. У)—жезломъ.

Жѣунысть (при жѣунысти)—жизнь.

Живитѣ—живете.

Жѣнщина, у жѣнщини.

Жѣрау, жаравѣ журавль.

Жѣлудъ, жалудъ, жалудѣ—жолудь.

Жѣрствуитъ, жѣрства—жертвовать.

Живыи—живой.

Жѣуда—жгучая печаль.

Жѣрѣбъ, жѣрибъ—жеребій.

Жѣднѣй—каждѣй.

Жѣрдѣю—жердѣю.

Зачѣтѣ, съ зачѣтѣю вѣка—начало, возникновеніе.

Зѣмистъ—вмѣсто.

- Забиждау—обижалъ.
 Завистунтъ хазяйкыю—зависитъ на челоуѣка).
 отъ кого.
 Зайстриль—заострилъ.
 Звярьё—звѣри.
 Зладѣиу, злѣдиу—(genit. plur. отъ злѣдѣй).
 Зѣмельна—(много земли).
 Зазвизжѣть—(ѣть... ать).
 Звястѣть—увѣдомитъ.
 Запаяю—запою.
 Зѣрь, зярѣчикъ=просвѣтъ въ лѣсу.
 Загнѣтка—мѣсто въ печи, гдѣ остается зола, уголь.
 Збавитъ; нпр. съ свѣту—убить, умертвить.
 Зѣль=золъ.
 Здарѣу, здарѣвинька вамъ—здравствуй!
 Зѣрнушка—золъ.
 Запѣзуха ср. пупрыньникъ (вмѣсто прыньникъ, какъ и за пазуха вмѣсто „пазуха“).
 Засилѣть—зацѣпить.
 Забавитца—замедлитъ.
 Заусягды—всегда.
 Заклячиння—заклятіе.
 Здалику—издали.
 Замистъ—вмѣсто.
 Займѣитца—занимается.
 Зачиниу—затворилъ.
 Заѣмши—(м. вмѣсто в. въ при-частіи).
 Запрастѣль—Запретилъ.
 Застѣлась—осталась.
 Змустѣль—соблазнилъ.
 Затанули—утонули.
 Знатѣць—Знатокъ.
 Зварцѣть—(о дѣйствиіи рвоты).
 Займѣть—занимать.
 Зле одно дѣла—(ради одного дѣла).
 Зачау—началъ.
 Зѣнитъ,—блеститъ.
 Зазьяу—ятъ (о соколѣ).
 За распорѣжатца (за распорѣженіе).
 Зацѣувау—(сталъ травитъ со-баками, наускивать ихъ).
 Змія—змѣя.
 Зачапитъ—зацѣпить.
 Зялѣзний—желѣзный.
 Зварѣтъ, возварѣтъ—возвраще-ніе.
 Загавѣрю—заговариваю.
 Зауридитъ—повредитъ.
 Заужда—всегда.
 Зблышитъ—сказать неправду.
 Злѣдин—злѣди.
 Звярьё дикіи—mon. plur. отъ звѣрь.
 Заклумитца.—засуетится.
 Зрадѣть—испортитъ, повредитъ.
 Злучай—случай сглазить.
 Здѣсь—здѣсь.
 Змѣрный—смирный.
 Замыжъ—замужъ.
 Икѣанъ, на икѣани—океанъ.
 Ищѣ—еще.
 Иминня—имя.
 Ичмяню—ячмень, dat.
 Ирусалимъ—іерусалимъ.
 Ивангѣлистъ—евангелистъ.
 Ивился (Росл. у.)—явился.
 Имбаръ—амбаръ.

Итца — отца.	Камѣга — комѣ.
Идѣтя — идете.	Канѣпея — диванъ.
Икаянный — окаянный.	Кукшинъ — кувшинъ.
Имъ и емъ — <i>abl.</i> отъ іонъ (онъ).	Крѣзбины — хрѣзбины.
Ибъ — абъ — объ.	Кургѣнушикъ — курганъ.
Искитъ — ищитъ — ищетъ.	Калауритъ — караулитъ.
Извиняйтѣ — извините.	Кіанъ-мѣра — океанъ.
	Кладѣща — кладбище.
	Кужурѣна — кожа.
Іюсть, іюсь, есь — <i>зл. ед. чл.</i> отъ бытъ.	Клапатѣтъ, клапаты — безпокоиться, тужить, безпокойство.
Што ты іюсть за члавѣкъ?	Каптѣръ — ноготь.
Хто ты такей іюсь? — вмѣсто <i>еси</i> .	Кѣжинъ — каждый.
Іуца — овца.	Купецку сыну (<i>дат. пад.</i>).
Іѣргій (Георгій).	Катца — кажется.
Іуляйтца — является.	Кѣкыть — коготь.
Іуса — овса.	Кѣлихъ — рюмка.
	Кѣлида — колыда.
Нупарѣсь — кипарисъ.	Калидѣръ — коридоръ.
Курѣйца — курѣжка.	Клятба — клять.
Канчѣніе — конецъ.	
Карѣзынычка — цвѣтная ру- башка.	Лѣдва — едва.
Канчѣня — конечно.	Личиння — лицо.
Катѣрыя... Батѣрыя — нѣкото- рыя... нѣкоторые.	Лѣчухна — ум. лицо.
Кѣльня, у кѣльни — въ кѣльѣ.	Любоу — ать любви.
Куплѣтъ — покупать.	Лаптѣхъ-у — въ лаптяхъ.
Кѣтъчѣся.	Лажомшисъ — ложась.
Клапатѣтъ — безпокоиться, ту- жить.	Левъ — лева — левъ, льва.
Кѣждѣна — ежедневно.	Лѣхъ — лѣкъ — расолъ отъ селедокъ.
Крѣмѣнь, крѣмня — кремень.	Лѣннѣ — кишки, желудокъ, „пар- вила яго луння“.
Крѣывѣтъ — кровать.	Лѣтвѣ — литва
Кѣжнѣй — каждый.	Лѣбъ — ва ўбѣ.
Кучарѣ — кучера.	Лѣкѣтъ — лакѣтъ.
Крѣсивѣй, у — красивый.	Лѣвянѣныкъ — уменьш. отъ левъ.
Крѣу, да крѣвѣ — кровь.	Лѣзбѣнь — лѣбъ.
Клѣушитъ — попрекать.	Лѣшитъ — скородить.
	Мѣтца — матушка (уменьш.).

Мѣмши—прич. отъ мыть.	Ни — не; напр. ни хачу.
Мѣйся — мойся.	Иногда не соотвѣтствуетъ ни:
Мѣлудня — молонья.	Якіи бѣ яны не были.
Мѣччу — мечемъ.	Нутрянѣй — внутренний.
Мѣній — меньше.	Нибальшѣнскій — небольшой.
Мѣжда соби, собѣ, мизъ сабою.	Нѣскальки — нѣсколько.
Мужьёу (genit. plur.) — мужѣу.	Никѣды — никогда.
Мѣтирь, съ мѣтирью — звать.	На двай — на двѣ части.
Мѣстѣна — мѣстечко.	Нѣйдѣ — нигдѣ.
Малѣтабойца — кузнецъ.	Найдѣть — найти.
Мужучкѣй — мужички.	Никѣды — никогда.
Магѣтъ, магѣтъ, магѣтъ — можетъ.	Никаліи — никогда.
Малатѣвъ и бѣрдущъ (оружье богатирей).	Нильгѣ — нельзя.
Маланья — молонья.	Набѣдмъ, пить — пить изъ большой посуды черезъ край.
Мушѣни (dat.) — мушина.	Нѣмастѣрь — монастырь.
Михайли (у) genit.	Ничѣга ни бяретъ — ничего не беретъ.
Мѣччимъ (ablat.), съ голымъ мѣччимъ — отъ мечъ.	Нѣжъ — неужели (въ вопросахъ).
Мѣчимъ — мячѣмъ — (ablat отъ мечъ).	Нѣго жъ — а то какже (въ отвѣтахъ).
Махтурычка — маленькій горшечекъ.	Нѣбѣнавенный — необыкновенный.
Моспѣне — господинъ (зват.).	Нѣшта — что то.
Мамъ (зват.) — отъ мать.	Нѣмычъ, нѣ сила мая.
Матимъ, благимъ матимъ кричѣтъ.	Нѣвалымъ — этажъ.
Малѣки plur. — молоко.	Нашнѣй — ночной.
Махѣимахѣй — (мохъ — plur. nom.).	Нагавѣръ (пов. накл.).
Мѣртвѣхъ — мертвыхъ.	Нутрѣ (внутренности).
Мѣить — моеть.	Ни наслѣу (не наговори).
Моучинька — молча.	Нѣудѣмѣть.
Мѣхъ, махѣхъ — plur. ablat.	Нѣудѣлая, нѣудѣлающій.
Мищанъ (genit. plur.) — мѣщанъ.	Наклѣнчивать — навѣючивать.
Музданѣтъ — ударить сильно.	Нѣба, да нѣби.
Мѣдвѣнѣныкъ — медвѣженѣкъ.	Начнѣтъ — начнѣтъ — начнете.
Мѣшка.	Найтѣтъ — найти.
Мохъ съ балотимъ — чушь, вздоръ.	Наччу — ночью.
Масѣлъ — голая кость.	Назарѣшнѣя — нарочно.
	Наймѣтца — найдется.

- Нужны — нужны.
 Надѣби — нужно.
 Наздѣрь съ — (genit plur. отъ „ноздри“).
 Нихай — пускай.
 Нахристь — накрестъ.
 Никайный — икаяный — окаян-ный.
 Нѣскалки. Тиризъ нѣскалки — время.
 Нивисной — низрачій, слѣпой.
 Набажинъ да кѣжныга — почти-теленъ къ каждому.
 Нечій — чей-то.
 Нищинкій — нищій, бѣдный.
 Нораіу — насовѣтовалъ.
 Освѣтила — освѣтило.
 Ѧнасли — послѣ.
 Ѧпадъ — умершіе люди (особливо о скотѣ).
 ПѦчау — началъ.
 Па рай, у рай, у рай.
 Прати начй — ночью, предъ на-ступленіемъ ночи.
 Присѡдъ — (ъ-и).
 Прасвѣтлый (рай).
 Подѡбствіа — подобное.
 Пильнѣуть — бережетъ.
 Пиривинъчали — перевѣчали.
 Пинавѣхъ (съ-подъ пня).
 Пришѡмши — прійдя
 Прашнаѡтца — просыпается.
 Припгула — перецѣпла.
 Приблѣжса — приблизься.
 Пирапѣчка — булочка (печется на свадьбѣ).
 Пазычѣть — брать взаймы.
 Питиннѣ — идиннѣ — пища, ѣда.
 Пиривинъчауся — перевѣчался.
 Призвѡдитъ — производить, при-чинять.
 Пуварѡчаисѣтя — поварачиваешъ-ся.
 Прашнаѡтца — просыпаются.
 Пискляты — ципляты.
 Пайлся — подѣлся.
 Прѡстыня — простынь.
 Полугримъ — странникъ.
 Пупирѡшка — палка.
 Пасашѡкъ — послѣдняя прощаль-ная рюмка.
 Пакляняха, пакляняга — чело-битчикъ.
 Поль, у поль чилавѣка (въ $\frac{1}{2}$).
 Партупѣя (Перпетуя).
 Пирярѣзъ — большой чанъ.
 Пасматрѣть — смотреть.
 Пирискачѡмши — перескачивъ.
 Панагатувау — понаготовилъ.
 Пѡплыаа — поплылъ.
 Паклѡнѣся — поклонись.
 Патурѣть — погнать.
 Пѣрѣть — подзадориваетъ.
 Прядіуца — прядево.
 Призвѣлъ — причинилъ.
 Плаждѣніу — gen. plur.
 Пакладина — положено.
 Пакѣлича, пакѣуль — покуда.
 Прѣжда — прежде.
 Пойдимъ — пойдѣмъ.
 Падшолъ — подошѣлъ.
 Падгатуваѣть — подготовить.
 Праглѣтитъ — проглотить.
 Прибразѣлся — преобразился.
 Прѣжда — прежде.
 Павутѣна, пивучѣнна — паутина.

- Пайграу — пошутить, натѣшился. Прѣпить — пропитаніе.
 Памрѣте — помрѣте.
 Пойдимъ, пойдить — поидеть.
 Прибстѣть — приобщить.
 Пѣшилъ, пипялище — пепель.
 Патѣнуть — потонуть.
 Прасѣдіу — прослѣдилъ.
 Пѣтръ — Пѣтръ.
 Пѣшли — пошли.
 Пазайстрина — заострены.
 Платѣмши — платя.
 Пригутауаный — приготовленный.
 Пѣра — перо.
 Паѣхля — поѣхали.
 Пѣрва — сначала, сперва.
 Пунадыа — попадаа.
 Пролыбка. } прорубь.
 Панаука. }
 Паслухиный — послушный.
 Патихѣнку — потихоньку.
 Падыдѣть — поворожить.
 Притулитца — спрятаться.
 Приабстѣть, прибстѣть — при-
 общить.
 Падивѣ — сглазить.
 Падыдѣть — поворожить.
 Пѣсадъ — садить невѣсту на
 посадъ — садить на повозку къ
 жениху.
 Пасѣживать — (отъ сидѣть).
 Праваждать — провожаетъ.
 Паузучихъ — ползучихъ.
 Падкурить — подкурить.
 Пупугалися — пупужалися.
 Пауугъ — шпугъ.
 Прѣжиръ — добыча хищной рыбы.
 Приукрасный — прекрасный.
 Приганять — пересказывать нѣ-
 сколько разъ.
- Пирипиръ — береста, трепещущая
 на вѣтрѣ.
 Пириѣпы — пересуды.
 Пищина — пища.
 Примѣть — принимать.
 Притка. Атъ прѣтки и атъ
 прѣтча.
 Природа. Природѣкъ (им. пад.
 почти не употреб.) съ при-
 родку.
 Пуириадѣть. Пуириадѣу таво дни
 идать — поспѣшилъ.
 Пѣрша — сперва.
 Пѣршій разъ — первый разъ.
 Пѣшта — для чего.
 Пламя — атъ пламини, атъ пламя.
 Пунаускѣчили — вскочили.
 Пазыкъ — заѣмъ.
 Паталочина — мостница въ по-
 толѣхъ.
 Пѣштуить, пѣштувать — угощать.
 Привагромный — огромный.
 Пѣсадъ — разное добро, разныя
 вещи.
 Патрѣкъ — уменьш. отъ Петръ.
 Пѣидить — поидеть.
 Пѣтѣмъ — потомъ.
 Плати genit. съ платѣ.
 Пирипѣчка — пирохъ.
 Приузышѣлъ — превзошелъ.
 Приукрасный — прекрасный.
 Прамѣзъ, прамѣзъ — между.
 Пахвалъ (Е. у) — похвала.
 Праглытилъ — проглотилъ.
 Пѣлѣкъ — на палку — на полѣхъ.
 Пиршѣтка — перчатка.
 Паталѣка — потолка.
 Пайзволь — позволю.

- Прати — пратиу — противъ.
 Пасякѣть — пасякѣть — (будущ. отъ посѣчь).
 Приганаѣть — рассказывать вторично, повторять).
 Пусудина — посуда.
 Прять — прѣчуца — (прять прѣдущая).
 Прапаѣдлий — пропавшій.
 Пѣминки — поминки.
 Пирѣйдить — перейдетъ.
 Пѣнисъ — понесъ.
 Прѣжда — прежде.
 Причулась — послышалось.
 Пѣчали — начали.
 Пойдимъ — пойдѣмъ.
 Пабрыскай — побрызгай.
 Пиряскаѣу.
 Придасы — передать.
 Племя. Якого ты роду и племя?
 Пляменница — племянница.
 Пыль — мука.
 Парѣ. Са ѣсей парѣ — со всей силы.
 Привыдиць.
 Пракаѣзнуть — прокатить.
 Пристѣить — остановиться, постоять.
 Пирѣхѣдний — перекрещенный.
 Паавѣу — повелѣть.
 Радая, радѣсая — веселая.
 Размуздѣть — разуздать.
 Рѣту, къ рѣту, отъ ротъ.
 Рѣмка — рюмка.
 Рѣзскѣй — рижскѣй.
 Рѣсть — ревѣть.
 Разнапѣрний — (ѣ — ѣ).
 Рѣна (жен. род.).
 Разгѣль — разгуль.
 Рѣйскѣй — гуманный.
 Рада — совѣтъ.
 Раѣтца. } совѣтоваться.
 Радѣтца. }
 Рѣтивѣга сѣрца.
 Распрашалисьотка — распрощались.
 Раздѣлимъ — раздѣлимъ.
 Раждѣить — рождѣнь.
 Сакрачаю — укрошаю.
 Сыня — vocat — отъ сынъ.
 Спѣлнить, суполнить — исполнить.
 Стѣрпъ, стѣрпу нима — терпѣнье.
 Смирѣячѣй — вонючѣй.
 Сидрадъ — смрадъ.
 Свѣтка — свидѣтель.
 Спрасѣнку — спросонья — не оправившись отъ сна.
 Стратѣить — погубить.
 Святѣй — святой.
 Смирѣтний — смертный.
 Супратѣ — противъ.
 Сѣрибра — серебра.
 Слязмѣ — слезами.
 Спусташѣить — опустушить.
 Сирдувала — сердилась.
 Съ — зъ.
 Съ ею, зъ ею жаниѣса.
 Самаѣ (accus отъ сама).
 Сапѣль — сопли.
 Старѣхъ (зват. отъ старуха).
 Суѣта — споръ.
 Судѣкъ — (сутовъ).
 Сѣвалка.
 Спасѣить — спасти.
 Сѣмѣй.
 Сѣрца — сердце.

- Спажѣть — похитить.
 Сѣвнй — сѣвалка.
 Сваей — своей.
 Сувалка — „костра“ отъ пеньки, льна. Перезрѣлыя волокна посконней (мужской экземпляръ конопля — „пасконни“) и ломающіяся.
 Скатерѣтка — скатерть уменьш.
 Сухавѣица — „вѣтряная погода бизъ дажда — ядриная пагода; сухая мятелица идетъ — снѣгъ мятеть. Сухавѣица“.
 Сдрагнулъ — дрогнулъ.
 Слабѣда — свобода.
 Синаторъ — сенаторъ.
 Сладкій, салодкій, салажѣишій.
 Сасѣди, у сасѣди.
 Самлювѣица — сомнѣваться.
 Смѣшна — смѣшно.
 Сквѣртца, скварѣтца — пищитъ пронзительно (о птицахъ); 2) о непріятномъ разговорѣ людей.
 Слйшний — прекрасный.
 Сзѣду — сзади, позади.
 Сухей — сухой.
 Стыяѣши. Тамъ стыяѣши 12 апосталѣу, и кала ихъ ишло 12 сястрицъ дявицъ.
 Садиржаить — закричать — держать.
 Стѣшникъ — стѣшница — источникъ.
 Спасѣніе — спасеніе.
 Схарѣнитый — похороненный.
 Сынаѣ — сыновья.
 Стѣрпѣу — вынесъ.
 Сагласѣсья — согласишься.
 Супоѣнить — исполнить.
 Схватаѣу — схватилъ.
 Скѣрысть, у скѣрыстихъ — вскорѣ.
 Стѣла са — со столѣ.
 Спахвѣй, сбѣица спяхвѣй; 2) спанталѣку — лишиться состоянія, подѣупастъ; 2) лишиться разсудка.
 Систра — сестра.
 Сѣнни — сегодня.
 Скаварѣда — сковорода.
 Сурѣицы — дѣйствіе человѣческаго глаза на людей и животныхъ, по народному повѣрью.
 Сярѣдина — спина.
 Сакрушитъ (въ народн. загов. „сакрушитъ небо и землю, также лихорадокъ-трясовицъ“).
 Старина, старану.
 Сильнамѣи — сильный, могучъ.
 Спраѣдѣи — сказать правду.
 Сблѣшѣи — сказать неправду, вздоръ.
 Сѣдыкъ — сутокъ.
 Сѣ. и-сѣ сынымъ.
 Сѣпухъ — мѣсто на печкѣ, куда кладутъ дрова.
 Судѣ — сюда.
 Спакусѣи — искусить.
 Спасѣние — спасеніе.
 Сынаторы — сенаторы.
 Сваѣмъ обѣ — также абѣ свѣимъ.
 Силѣпъ — силипать — глотать жидкое кушанье — супъ, крупеню.
 Спагубѣи — погубить.
 Стальниѣца — брусъ, что поддерживаетъ потолокъ — „подмостники“; доски, образующія потолокъ — „стольница“.

Схватау — схватилъ.	Требаить пувинчатца — требуетъ.
Скольки времени — сколько времени.	Трѡвуръ — трауръ.
Сватѡцъ — разщѡцъ, куда лучину вставляють — обыкновенно желѣзные клещи.	Трѡчи — трижды.
Слага — бревно, шесть.	Тѡды — тогда.
Сѡрцамъ крикнуть — съ гнѣвомъ.	Трипятничка — береста.
	Татѡль — уменьш. отъ Татьяна.
	Таухануу см. талкануу.
	Ужѡ — уже.
Трѡмя, трѡми — ablat.	Угѡжій, угадѣть — пріятный, угодить.
Трипичѣть, трипѣчить — трепещеть.	Унистѡжить — уничтожить.
Трипѣзывать, трипѣза, трипѣза.	Устрѣча, устрикѣть — встрѣча.
Тѡя — то.	Умирѣть — умереть.
Тѡй, тѡга, тѡму, тагѡ, тѡмъ, абъ тѡмъ; тѡи, тѡхъ, тѡми, абъ тѡхъ.	Урѡми (genit.) отъ время.
Та, тѡй, тѡй, ту, таѡ, абъ тѡй, тѡи, тѡхъ, тѡмъ, абъ тѡхъ.	Ужасна — ужасно.
Тѡльки, тѡльки што.	Уряжда, урижда — вредъ.
Тѡкма — ня тѡкма што.	Усѣ 12 Ивѡнуу.
Три раза, три разѣ.	Ульянѡя.
Трай сѡдныкъ.	Упирливый — упорный.
Тѡмаръ, тѡмаръ — богачъ.	Умѡри.
Тѡлува — туловище.	Ужѡлѣѡся — сталъ жалѣть.
Твитѣть, твитѣть — цвѣтѣть.	Ужѡхнууся — испугался.
Тѡхинько, патѡху — тихонько.	Умримъ — умремъ.
Трѡжды (Бердибяки, Е. у.) — трижды.	Ускѡчѣу — вскочилъ.
Тавѡрыши — товарищи.	Уплутѡтца — запутаться.
То царства, тѡй змайный горадъ.	Уружѡйтца — собирается.
Талкануу и таухануу.	Уватнѣть, пуватнѣть — отпѣть.
Требаить — требуетъ.	Угнѡуть — сгнѡуть, пропасть.
Трисѡница — лихорадка.	Упрѡтѣуникѡ — врагъ.
Тѡрьяить — торкаеть.	Ускѡчить — якъ — вскочетъ.
Тавѡрышка — подруга.	Увѣтлѣу — привѣтливъ.
Тѡетъ, тѡачуца — тѡетъ, тѡущая, способная тѡать.	Утѡить — утаить.
	Хворъ — болѣзнъ.
	Хвартѡкъ — фартѡкъ.
	Худаба — худая година, несчастье.
	Хвароба — болѣзнъ.

Хитращи — хитрость.
Хлапѣць — мальчикъ.
Халостный — холостой.
Хвабрыи — храбрый.

Цалмыкъ — пуцулуваѹ.
Цыцкѣй — грудь женщины.
Царю, царимъ — дат. отъ царь.
Цинувать — цѣнить.
Цѣрьква — церковь.
Цулуванникъ — цѣловальникъ.

Чимъ — чемъ. А чимъ, а чомъ.
Чепъ, чипать, чапать — цѣпъ.
Чимъ-ся — чѣмъ.
Чуднѣй — удивительный.
Чарства, чарствія — царство.
Чинить, чинить поля — (богатыри создаютъ поле предъ сраженіемъ — мѣдное поле).
Чарѣдъ — очередь.
Чіѡ лошаты и сабака — чьи.
Чуракъ — палка.
Чистѡ поля.
Чатыри угалочка, Е. у.
Чимъ (тв. п.).
Чвѣртка — четвертка.

Чѹду (accus.) — чудо.

Шавѡлитца. Шавали = ѣшь (въ переносномъ значеніи).
Шметья — шматьтя.
Шабля — сабля.
Шерстю — шерстью.
Што — завуть, што Иванъ Бизщастный — „што“ указываетъ на чужія слова.
Шію — за шію — за шею.
Шіють — шьють.
Шѹпить — понимать.
Шѡпчить — шапочить.
Шкляннѣй — стеклянный.
Ширакѣйстый — широкій.
Ширъ шеренга.
Шивальнуѹся.
Щипчинникъ — колючій кустарникъ.

Юнуша (accus.) — юношу.
Яркихъ — яркихъ.
Яѣчикъ — яиць (genit. plur.).
Яблამить — обламить.
Яблитать — обломить.
Янѡ — оно.

Бѹльскій унѣдъ, Шоптово.

Алгала — лгала.
Адалбала — аддѣбала.
Атвичать на хазяина.
Абтиральникъ — полотенце.
Ангиль — ангель.

Асѣняль — асѣнилъ.
Абапаль — также и въ См. у. — съ двухъ сторонъ.

Астаѹши у атца адны клешни.
Атказать на отца (аткузати въ С. у. безъ предлога съ дат. атказати ваму).

Бальшакъ — большій братъ.
Бѡдра адѣѹшисъ — красива, нарядна одѣѹшисъ.

Байсьтя—бойшься.

Быўши. Патомъ іўлянтца ина, Емъ у—въ немъ.
яво быўши жина.

Братя—братья.

Бліать—блеать.

Болазе (какъ и въ См. у.).

Великоднюю.

Вениощную.

Вирьхоўя (слусеяный лёнь).

Ватцоўскій.

Вить—вить, вѣдь.

Вага—бревно.

Валю дать.

Времи (genit.).

Вина—Авина.

Ваиватца.

Выжить—выжечь.

Гласить—вѣщать.

Гнилѣтья—гнилая часть бревна.

Грунтъ—бумага, документъ.

Грѣшнике (accus.).

Галстукъ—галстикъ.

Гаварить—говорить.

Дворѣкъ—дворъ.

Дохтаріу } докторъ.

Доhtarъ } докторовъ.

Двинаццимъ двирямъ, за.

Драстуй—здравствуй.

Дрюхъ любезный.

Два. Я два видилъ какъ про-
бияли.

Даложьтя—доложите.

Ей—надъ ей.

Ево—на ево—на яго.

Естьимъ—зъ естьимъ.

Есь—есть.

Ждраўля.

Ждравъ (ждраў).

Ждотка ѣдишь—ѣшь грубую
пищу.

Жерствую—жертвую.

Жалѣзный—зялѣзный.

Зитѣ—зятѣя.

Зятѣ мае.

Закричали—закричѣли.

Захрибѣтниеъ—отецъ или дѣдъ,
не могущій работать въ слѣд-
ствіе болѣзни или пожилыхъ
лѣтъ и находящійся на попе-
ченіи сына, внука или зятя.

Забахать—убить.

Звярьѣ accus. Біу разные звярьѣ.

Звѣри двѣ—два звѣря.

Змиртѣйлся—помертѣлъ.

Зосиччу—защищу.

Зялѣзнымъ—желѣзнымъ.

Зимлитрисеніе—землетрясеніе.

Ищѣ—ещѣ.

Іѣ—сѣ.

Клешня (нога по самый задній
составъ у людей и скота, и—
клюшня).

Кашѣлка—корзинка.

Кажный—кѣжный.

Кричать ва весь горать.

Калѣдья—калѣдьдя.

Кутній угиль—кутъ.

Кишкѣмъ. Ablat. plur.

Конскимъ — коньскимъ.

Крыкать (о крикѣ ворона).

Кримсала (огниво).

Кремашѣкъ (уменьш. отъ кре-
мень).

Лошадѣ (ном. plur.).

Лижить — ляжить.

Лѣтитъ — летитъ.

Мижѣ сѣбе, мизъ сѣбе, пра-
межъ сѣбѣ.

Маладица — маладуха.

Мущина. Ли мущина пакорна
баби, ли баба мущини.

Майка — шалапъ на баркѣ.

Мечи — два мечи.

Мѣситъ — можетъ быть.

Мѣста. Есть адно мѣста.

Мысѣтъ — мысѣтикъ.

Нѣпръ } Днѣпръ.

Нѣпа } Днѣпръ.

Надѣтъ — надѣваецъ.

Ніувѣга — невѣжа.

Несѣтъ, несѣтъ, нясѣтъ — несетъ.

Ни наймите — не найметѣ ли.

Ніабнакинавѣнная — нібніакна-
вѣнна — необыкновенная.

Пачирка — падчерица.

Пренеси — принеси.

Плѣхатъ — болтать, вести
вздоръ.

Пражилѣй — пажилѣй.

Паказалась ни у лицѣ (ня у нось).

Притварить ворынымъ — обра-
тить въ ворона.

Пражаждѣй — проходимецъ.

Писать подъ каго — за кѣмъ.

Подзѣміе — пу падзѣмію.

Прикрасный — прекрасный.

Прихмать — вредъ, препятствіе,
происходящіе отъ заклѣтія.

Пріузашолъ — превзошолъ.

Пѣчали — начали.

Побивалъ — побивалъ.

Пайгры — музыка.

Палитѣлъ — полетѣлъ.

Побиваю — пабиваю (См. у.) —
побиваю.

Прамоучалъ — прамоучилъ.

Раўнить — дѣлать.

Рябю — рябую.

Рѣпы — къ (dativ).

Развирились — разварились — раз-
вернулись.

Разжѣгъ — разжегъ.

Ривѣтъ — ревьѣтъ.

Снуватъ — бить. П. (См. пря-
тать въ перенос. знач.).

Саракавица (бочка) — сарака-
вуха.

Сикѣтъ — сякѣтъ.

Споръ дѣлать — порить.

Сидѣтъ — сядѣтъ — сидѣтъ.

Сусѣдихъ — у сусѣдихъ — у со-
сѣдей.

Спѣны на (предл. пад.) — на
спины.

Сѣпка — кочка; на сѣпки.

Сабака етѣй, masculini generis.

Стѣдникъ — пастухъ.

Симяноу купить — купить сѣ-
мянъ.

Састрикалъ — сустрикалъ —	Ударить свое мысли — утвер-
встрѣчалъ.	диться въ какой-нибудь мысли,
Страженъ — сраженіе.	принять извѣстное рѣшеніе.
Смѣотрѣть, сматрѣть — смотреть.	Узлитѣль — узлятѣль.
	Узился — узился.
Трипѣзывать — трапезовать.	Умѣстихъ — вмѣстѣ.
Таваришчимъ съ — товарищемъ съ.	Убаялся — убаялся.
Требувай — повел. накл. — требуй.	
Тирибить — Тирибить — пер. зн.	Хулудѣць — хворостина.
бить. Ударили вотчину тири-	Хѣдичи — ходя.
бить.	
Тописья — тописья.	Цопъ — отъ цапнуть.
Трѣжи — трижды.	Цану дѣлать — условливаться о
Трѣуръ — трауръ.	цѣнѣ.
Тетевина — листья въ стеклѣ.	
Ти ни тигантъ ли яѣ хто? —	Шин — шин (См. у).
Ти ни тигантъ яѣ хто?	Шарпъ — шарпъ, шорѣхъ.
Той — то.	
Убаявши — таго.	Щукреныхъ — щученокъ.
Упунилась — упунилась — устре-	Яѣ — яе — сѣ.
мили глаза.	

Село Пречистое Духовщинскаго уѣзда.

Асирцали — осерчали.	П. На печи — на печи.
Атшѣбъ — отъѣмникъ.	
Арванъ — оборвышъ.	Узнялся итѣть — пошолъ.
Адалитца — удалиться.	
Цатварыхъ — четверыхъ.	Бурдѣть — шумѣть.
Цатѣри — четыре.	Т. На три года.
Нрицѣть — кричить.	
Кажухъ — чалѣ — (сводъ въ	Угѣръ (угорь — рыба).
отверстіи почки).	
Хѣдитъ — хочетъ.	Закачивать хату. (Запоталочи-
	вать).

Лягушка—лягашка.

Я есть Судья Правидный.

Хрухты—фрувты.

Малѡжи — молодыя зарости, молодой лѣсъ.

Есть.

Хто ты такая есть?

Г. На гваздѹ—на гвоздѣ.

Село Иньково Портьскаго уѣзда.

Х. Съ хитрыстими = съ хитры- Вириѣница (эпитеть змѣи, въ
щами. Б. у.).

Хляўникъ, хляўница (эпитеть Смолѣнскомъ уѣздѣ названіе
змѣи въ заговорѣ) въ. рыбы)

М. За ихѣ—см. махи.

Р. За ржаўцы патопы—за боло- та, покрытыя ржавчиной.

Атрыхъ, пакратъ—возвращеніе.
Атвидитя—отведете.

Падкурчѣжный — (водящійся Урѡцы — суроцы — „призоръ“
подъ курчачами). очесъ“ —сглаживанье.

Нѡнимъ—(dat. plur.).

Ч. На чѡмъ—начймъ.

№ 4.

Разсказъ Матрешки Антоненкавой а сваей жисти.

1) Дятѣнныя годы.

Малинѣи, паночикъ, были мы хитруваты. Якъ бывала на
малыа выйдимъ, и ўсё гавѣримъ:

— „Мой гѣрадъ,
Мой гѣрадъ!
Я на гѣради стаю,
Калачики прадаю!“ —

И пихаемъ одна другую съ горада.

Приходють мальцы:

— „Нашъ горать! Ахъ, вы, чиріпахі!...“

Турнуть насъ — и бягимъ мы на возиру, якъ каторому
видна.

Тады будимъ бѣчъ, а пѣтэмъ сами сабѣ:

— Зачимъ мы будимъ бѣчъ етага карнаухыга?!

— Карнаухій, даўганосый, тупаносый, криваногій, крива-
ротый! —

Усимъ хвамилию наложимъ, и начinemъ мы на кулачики,
да и атў малыцѣ съ горада. Ипать яны за насъ примутца,
мы на ухоть. Ипать жа мы узбигимъ на малыа, — малыа за
нами. Начанемъ ипать на кулачики.

— „Ну, стойта, досытъ — будимъ на миръ!“ —

Запьемъ пѣсню на расходъ, идѣ каму ночку начувать:

— „Краснымъ дѣвушкамъ на тѣримъ,

А робятѣшкамъ на с.....!“

— А ды вотъ якъ вы намъ? —

Тады мы изнову ихъ дражнимъ:

— На паповы лазни дымъ казломъ,

За рибятами чортъ зъ ражномъ,

А за дѣўкамі попъ съ хрястомъ...

Ипать у насъ валка тады. А то:

— „Квачъ бильмачъ,
А усьи квачи бильмачи,
Адинъ я нѣ!...“

А то:

— „А йшла свинья пу бару,
И рвала траву—либяду;
Друженьчики—бярвеньчики,
Я шишіу, а вы вышіу.“—

Вотъ и застанитца идна.

Якъ купаймся, кричимъ:

— „Казѣ, казѣ, дай малака;
Кузнецъ, кузнецъ, дай дѣхтю!“—

Нѣскальки ашмѣтакъ зачепимъ, запрягемъ, свяжемъ у поля,
сложимъ ихъ, якъ гной, и паямъ:

Паѣхыли, паѣхыли:
Хто пражйра,
Хто пражарѣныкъ,
Хто жлукта,
Хто гѣнецъ,
Хто карыта...
Стой, дубина!...

Што ты ѣдишъ, дубина, у катку?

Хто несмысиль, тѣй сматрять, а хто и панимаить, што ка-
токъ бизъ дубины (оси) ни бываить.

Хто наслѣдню клѣцку съѣсь, тога у барану качать.

Пѣтэмъ разсорютца:

— „Не хади къ намъ на дворъ: а тябе сабаками за-
цукую.“—

— Ни баюсь я сабакъ.—

— „Я батьки скажу.“—

— Ни баюсь я твайго батьки.—

— „Забаясьта, якъ хахолъ надѣметь.“—

Забралась я разъ у макъ съ братымъ, а іонъ, братиць
мой, и малинкій, и картавий, іонъ яще щиплить макъ, а я
ужу досыть; хажу, да кричу:

— „Хади скарѣй двору—а то увидють!“—

— Падажжи, падажжи, Маерѣска: во яще макъ садить,
во іонъ! Ого, го, Матрѣска, во сколько нарвали.. Яще няѣсѣ!..

— „Хади скарѣй, мышъ — велій другимъ разымъ сходимъ.“ —

Якъ мы придимъ двору, большін и спрашіють насъ, атеуль мы набрали маку и гароху. Я ни сказала, а маханькій братицъ ать чистыга сердца усѣ рассказау: „тамъ еще іостъ, вичаромъ ящо туды собѣгаймъ съ Матрѣской, яще болій нащипимъ“.

Забяретца малый у гародъ, хозяйинъ ловить яго, ловить, да и лавить яго баитца—іонъ отъ хазяина на канопляхъ хувантца и канопли топчить; дагонять яго — ящо болій пакомситъ канопли. Ужу хазяинъ хатѣу яго за ручиньку схватать, — іонъ ипать шархъ у канопли.

Тѣй хазяинъ:

— „Госпади, твая воля! Што тутъ дѣлать?! Хади ка мнѣ, душичка дѣтчыка: я яще табѣ болій гарошку падщиплю на рубашичку, зайді ка мнѣ“...

— Да ты жъ пасякѣшь!...

А то зайдимъ мы на гумно, на хливарычнѣ, тамъ ли лошади усигда будить дѣгать.

Во напали дихтарку—квачъ вонъ, и кожная бернушка мазать. Приходить дѣдъ.

— „Што вы надѣлали?! во золатарі, такъ золатарі! яжъ возьму крапиву, да пасяку васъ“... Мы у канопли...

Мы якую штуку ящо удрали... Вылазилъ дѣдъ пчолъ начоуки и поставилъ въ амбари. Мы пасабрали къ сабѣ другихъ дятишнѣ: дачаковича, да Ганну, — знаете Ганну Артемиѣну.

Миску узали, меду наклали; кулпанію собрауши, за столъ сѣли. Дачковичъ у етнй кулпаніи. Принзжаить дѣдъ изъ поля.— Мы пируемъ.

— „Ну, што жъ вы, дѣтки, ета дѣлаить? Кто жъ вамъ мядку далъ?“

— Сами узали, дѣдичка.

— „Ну, што жъ зъ вами таперя дѣлать? Якоя вамъ наказанія налажить?—Медъ етнй паѣсьтя!“

Мы ѣсть етнй мѣдъ (дѣдъ нашъ надъ нами стаить) — ни сила наша яго ѣсть: мы давай яго падъ столъ брасать.

Дѣдъ нашъ и гаворить:

— „Ну, ѣсьтя жъ, ѣсьтя, штобъ паѣли!...“

Паглядить падъ столъ: мы падъ столъ яго набрасали. Мы мижда себе засуятились. Тады дѣдъ ипать гаворить:

— „Хто махантъ падъ столъ—ета грѣхъ!“

Мы на дачковича:

— „Ета етый даўгагривый махантъ падъ столъ“.

Дѣдушка гаворить на дачковича:

— Иванъ Василичъ, такъ нихарашо дѣлать: я твайму батюшки скажу...

А, дачковичъ плачить, просить ни гаварить. Тады мы што дачковичу етому здѣлали? Засадилы яго у букъ, давай яго качать—іонъ кричить. Закачали мы было яго.

Хто-та намъ—ужъ ня помню—крикнуў:

— Што вы дѣлаіта?

Такъ мы и разышлись: дачковичъ пашолъ сваей дарогый, а мы сваей...

Таперича вотъ идѣ гумница, тамъ садъ былъ бальшей—вишанникъ; паспѣли вишни и стали такея—ажно чорныя, причорныя. Я была ладная ужъ дѣвчачка, а систра мая наменій, да ящо Степашка Маркина, да ящо мальчикъ—и забарисъ мы у вишни, и ни замѣтили, што баринъ, вашъ дядуна, паўзѣтъ къ намъ. А у дядуни вашита былъ сабака Балабонъ (бальшущій у няго ищѣ былъ такей калтунуватый хвостъ); Балабонъ забрехалъ на насъ.

— Балабонъ, Балабонъ, што ты на насъ брешішъ, Балабонъ?

(Балабона мы харашо знали).

А тутъ глянъ—ажно и самъ баринъ усталъ пиридъ наик:

— „Ну, мадинькін, идитя за мною!“

Каторыи паболіи, тыхъ іонъ узялъ за рученки и павѣлъ за сабою.

Мы идемъ, а баринъ вядетъ насъ по саду, у горницу увѣ сы парадныга сы крыльца у залъ. Печка у зали была такая красивая, кафельки у етый печки такея нарядныя.

Мы и разсматриваемъ, што усѣ тутъ такъ харашо, пригожа.

Приходить барыня (чарствія ей нябесныя!), а баринъ ей гаворить:

— „Тоська, палавилъ я дятей у саду!“

— Што яны у саду здѣлають? Ты ихъ нейди перипужалъ... На што ты ихъ пупривѣлъ?!

Вотъ баринъ гаворить:

— „Я васъ буду сѣчь!...“

Якъ справили мы гукъ у зали етымъ; тѣй гаворить: „я ни щипаль!“ И тая — „я ни щипала!“ Баринъ гаворить: „нада бѣ задать и маткамъ!“ — А барыня:

— „Ну, ужъ поўна табѣ пужать ихъ! Ти спужались вы яго?“

— Нѣ, ни спужались, а спужались сабаки Балабона!

Баринъ смяетца. Барыня намъ сахарцу дала, и пошли мы двѣру такае радны, што минула насъ граза.

Идѣмъ пирящитнымъ вишни и сваримся мижда себе.

Якъ пришла я двѣру, матка мая якъ забрѣнитца:

— „Чаво у вишни лѣзла? Мнѣ супрати барина и барыни совисна, што ты такае сваяволка!“

За роску, да за мяне.

— Мамычка, баринъ и барыня знаютъ, што мы у вишнихъ были...

А дѣдъ съ печи кричить:

— Паддай, паддай!

Такъ мнѣ и паддали. Потѣмъ сыйшоўшисъ и спрашнимъ друхъ у дружки:

— Ти сѣкли тябе, Стяпашка?

— „Ды, нѣ!“

— А мнѣ такъ пунала.

2) Удавѣчистви.

Я была дужа гульлива, была бойкая, бядовая дѣўка. Была и на работу хараша, хазѣ, ну, и на гульну тожа дока.

Идѣ свѣчи, крезбины, свадьба — тамъ я; пирушки-гулюшки безъ мене ни бѣхадись. Паскавать-пагулять то я, — ну, и на работу жъ ни была я „вилій“.

Бывала Филиппыўцамі у насъ пасидѣлки. Аткунимъ у хазяина хату за паўштохъ гарѣлки, на стисканни сабярѣмъ, набарѣмъ крупы, муки, картошкѣ, блиноў, пирогоў. Къ намъ придутъ рыбятки — ну, мы ихъ угацаймъ.

Хохатъ такае справимъ, вазню; асирчаимъ на рыбать, прагонимъ ихъ, а то воўси у хату ня пустимъ.

Божжа мой, во ли ихъ наказанія!

— Такѣя, сякѣя, красавицы, пуститя насъ!

Ходють кала хаты и просяють насъ. Ну, зжалимся, пустимъ:

— „Ну, што ужъ дѣлать зъ вами?!“

Темины, ночь, а у насъ страшня—идѣмъ за вадю. Ипятъ валка: палимъ идна у другей мычки, играимъ у жмурки, у скубкы.

Прядѣмъ ночь, прядѣмъ другую, прядѣмъ и третю.

Маханькая я была литами и ростамъ; ну, за маю висялость-удалость узали мяне кумою, только дужа и горька, и абидна была мнѣ, што кумъ былъ кривѣй.

Ирмакъ и Андрей давай прасмихать мине:

— „Съ кривымъ кумымъ крестить,
Съ кривымъ кумомъ щигалиха!“

Я плакыть наўзрыдъ.

Хуть любила я дужа жартувать зъ ребятами, ну, никто мнѣ ни знаравился. Ахъ, только бядовый—прибядовый быў Карней Якушоу.

Якъ пирыскочить съ воза на возъ,—пиримахнеть, словакъ тэй хортъ, альба гонѣчій; ну, такой жа былъ маладцуватый изъ сябе и галузливы! Мы зъ имъ зажартувались на сѣни, да абан и грякъ съ воза на полъ у саран, а полъ былъ усланъ мостамъ.

Больна прибольна, да плакыть пастыдна: ета ребятамъ на гару.

Нѣ, нѣ! нихай ни даруть кверьху насъ эти пастрялы, нярушъ имъ ни патачка!

Стиснула губы и змоўчила.

Прасватали мяне за ўдаўца. Адно дѣла, што іонъ старъ, другоа, што ўдоў, третія — палавина галавы стрыжиная (іонъ, сардешный, ариштантну упустіў; хуть и ни знарошня, а три гады атсѣдіў у астрози—тамъ яго и абкарнали).

Во горя, такъ горя, ня сѣиная и ни скарожиная—навалилась жа на мяне ніўсхадимая горюшка, ніўталиная пичаль.

Во ребятушки на сѣни кала мине рягочуть таўхаютъ адинъ водныва подъ бакы.

Адинъ гавѣрить:

— „Палюбуйся на сваё соўнушка, любезная, якъ яно свѣтитъ!“

А другой;

— „Во твой дихтарь!“

Ета, вы думаетя, мнѣ дужа харашо была!... Ну, тады я была молады, тато, тѣй праўды ни панимала:

— „Хуть іонъ трубачистъ,
Да душою чистъ!...“

Кривѣй кумъ, жанихъ, галава стрнжиная — плавала я и заливалась па етыхъ горюшкахъ гарючими слязми.

То-та былъ разумъ, то-та разсудыкъ дывоччій!...

3) З а п е р в ы м ъ м у ж и м ъ .

На свѣти бывають: и харошія свѣданца худымъ и худоя харошимъ, а пра харошія ни скажешъ дурнова.

Нечива Бога гнявить; харошъ былъ первый мой мужъ—ня тольки ня приняла я атъ яго таўчка альба саўчка, дайжа дурнова и глупыва слова ни паслышала — сказать такъ: жалѣль іонъ мне, якъ рябенка, проста трѣсса нада мною, якъ мать.

Ну, и я жъ жалѣла и пригладала яго дятишнѣкъ: прихолю и пирямню ихъ, штобъ пиридъ людьми совисна не была. Адинъ бальнѣй былъ. Мать мнѣ сказала:

— „Ты жъ яво присматривай: тябѣ совисна будить, када ты яво ни присмотришъ!“

Ну, я и пригладала яво. Дѣти за мой приглядъ жалѣли мяне, а бальной мальчикъ больши усихъ. Я дятишекъ ня била и ни бранила, была мизъ ихъ ня то, што старшая, а какъ роўница: приемъ умѣсти зъ ими пѣсни, жартуимъ, работнимъ тожа умѣсти.

Была мнѣ харашо. Дома тиха, съ самѣй ладъ, мужъ мне никѣму въ обиду ни даеъ.

Адвализь мы ня то штобъ багата, ну, и ня хужа за людей: дастатыкъ быў, дайжа свѣчи спраўляли.

Пріятна была, што я была хазяйкый у доми, „крышилый“ — хуть маладая я, да хазяйка жъ я, а ни бабылка, усихъ рас-паряжаюсь: „и миски, и латушки—ўсѣ мае клапатушки“.

Другея мае таварки пунавышли замыжъ. Сыйдемся ужѣсти и талкуимъ пра жытьѣ-бытьѣ. И жалкуютца уси, што тапершнія жытьѣ-бытьѣ хужій за дявоцкыва: паруть нашига брата: бють насъ наши мужики биза ўсякій причины, ни наскипаўши лучины.

Хто жаны ня бють,
Тэй и домныѣ не живеть.

Разъ я забрала сабѣ ў голыву, якъ эта мужьѣ дарутся. Усигда дратца эта нихарашо, такъ ни нада, а разъ нихай прибѣть, чортъ зъ имъ, нихай пагляжу, икаво дастаетца другимъ бабамъ.

Узила: кравать разграмастила падъ имъ — маўчить, каўбу зъ лаўки вынила — маўчить, падушку зъ-падъ голывы вытащила, а іонѣ смяетца — што ты думаишь? да ўстаець, бытца ужъ и за пушку примаитца, хатить троху паўчить мне; а дѣти у гуль, потѣмъ якъ ускочуть, якъ згрябли яго усѣ троѣ — іонъ знову хахочить.

А маладѣй мужъ (етыть вумиръ — за другога зайшла), тэй, красивый и видный, паўчіў, братъ, якъ на свѣти жить.

Во и таперъ слышу въ усахъ: дзынъ, дзынъ! бытца хто съ калакаломъ ѣдить.

4). За ўтарога мужа зайшла.

Помиръ Паўлюкъ, стала мяне забиждаць Паўлюкова радня. Знаю я и то, што худоя нада ваясти зѣмистъ харошнга: када затишна — и слава Богу, — такъ мадѣй, да мадѣй!

Ну, якъ ни стала силы маеѣ тярпѣть абиды, такъ я и пашла къ барыни и рассказала ей пра своѣ жытьѣ-бытьѣ.

— „Нада тябе замужъ атдать!“

Гаворить барыня (а ина, пакойница, мяне любила):

— За кого бѣ?

И начала прибирать жинихоў.

— Нравитца тибѣ Марка Антонинкыў?

Я бойкая была и гаварю прями, што нравитца:

— „Чаму ни наравица?“

Іонъ быў бойкій, красивый, видный изъ себе, ну, успыльчиватый: у пылу адно слова скажыць, а другога ня жжи. Ну, правилась мнѣ толькі яго красатость: іонъ быў гаразда ўкрасивый майго пакойныга мужа.

Сыйграли свадьбу. Іонъ ўкрасивый и видный изъ себе вькнушъ, а я удава, и у мяне троя дзятей, и гаразда я за яго старій.

Стали жить. Вотъ Марка мнѣ и признаетца:

— „Нѣтъ у насъ сѣминъ, нѣтъ у насъ ѣминъ, што дѣлать намъ, чимъ и якъ жить?”

А у маладыхъ людей умъ-разумъ расхожій: три братѣ, маладая парни—хутъ работники, ну, прижились такъ, што хутъ на каго, призадуманься пулумаишъ галоўку.

А у насъ, у мужичестви, такая палаженія: якъ упустишъ и ни надточишъ, такъ потѣмъ ня будишъ знать, чимъ надтачить.

Зѣрнушка за зѣрнушка. Нынишній годъ адно застанитца, а на другой гарчикъ, а на третій асминку нави намалотишъ, и старыва ища іостъ съ асминку.

А худабина тожа якъ варветца, дастъ памити: злыдни прасились у каво та на три дни, ну, ихъ за цѣлый годъ ня вывидишъ,—ня вывилъ ихъ тѣй чилавѣкъ за ўсю свою жистъ.

Якъ падупалъ, такъ и на вѣки запрапалъ. Якъ худабина, забудутъ пра тябе и дядьки, и тѣтки, и твае близкіи родныи искоса, изъ-падъ лакта, будутъ на тябе паглядывать.

Правють усѣ и годы.

Нѣту хлѣба, нѣту и скатинки, а бизъ скатинки плахая жистъ: живеть чилавѣкъ, якъ тая былина у поли: абѣдъ абѣдаў, а животь пра то ня вѣдаў!...

Якъ стаў мнѣ Марка жалкуватца, я и гаварю яму:

— „Ты адинъ, мой Марка, у мене за хазаина: пади, разстарайся у сусѣдѣ, у радни, у добрыхъ людей!”

Іонъ ни пайшоў: ти яму совисна, ти што? ни пайшоў мой Марка, сѣў и призадумаўся.

Дѣлать нечига: пашла я къ сваей раднѣ, дастала сѣминъ-ѣминъ, грачихи, іўса.

Многа нужды приняли. И теперь помню, якъ мы естины спраўляли.

Спрятаўся мой Марка—нѣтути яго, хазаина. Потѣмъ я яго знайшла, а іонъ гаворить:

— „Ня буду звать кумоў? На што я ихъ буду звать: ти у насъ гарѣлка будетъ, чимъ добрыхъ людей привѣтитъ, ти што?“

Матка мая тадѣ двѣ халстины вынила и атдала:

— „Сыночикъ, мой сыночикъ, мы жъ твайму горю пумагёмъ, тольки жъ ты ни хувайся!“

Іонъ съ печи злесь, три рубли узяў, нашоў у кабаць, принёсъ гарѣлки; пазвали кумоў и начали кстины гулять.

Ну, якъ жили мы щитна, то стали заганыць зѣрнушка за зѣрнушка. Радня насъ вызвалила у нѣжди, барыня ни кидала у бядѣ, харошіи были годы. Усёму двару я была апорый. Я раіла блазнамъ, якъ што и къ чаму прыгнать, приладить; идѣ што укаратить и идѣ надтачить; раіла харашо и сама была лоўкая работница.

Наступила вольница, и тёмныхъ людей перестали тярпѣть, стали яны прибиватца на сваю старонушеу: пришоў съ прѣчкѣ Антипъ, старшій братъ Марки — ета намъ тожа надспорья у дварѣ.

И вотъ да чаго дастукались мы мамѣ умомъ-разумнымъ, мамѣ старанымъ.

Прежда не была сѣминъ и ѣминъ ни на душу, ни ў душу; была одна лошадь и адна карова; — якъ разжились: сѣминъ и ѣминъ удосталь, атъ аднѣй да диватѣрки лапшадкѣ дагналі; пристали мы у людей пазычатца, а люди у насъ пазычаютца. Тольки къ самѣму житью пришло!

5) Марка войтымъ стаў.

Стаў нашъ Марка войтымъ.

Извѣсна, што войту ни такая жистъ, якъ нашему брату, асаблива у бальшей вотчини: вайтамъ и вотычка припадетъ и угашенія, яны и бабами радують: и старыми, и маладухами.

Серца ни камянъ: хутъ якѣй ни наесть чилавѣкъ, а, пабыўши войтымъ, звихнетца.

Гарѣлычка ня свой братъ; што красная дѣвычка, ина пріушина.

Звихнуўся и мой Марка, якъ стаў ходитъ пу вайтахъ. Пакуль низнама ничагеничка, тольки стала примичать: тотъ, да ня тотъ мой Марка, слоўна мизъ насъ чорная кошка прабіжала.

Якъ яму ласкатца съ сыномъ, іонъ сабѣ ласкайтца, а на глазахъ вижу, што душою къ намъ ня лѣнеть, ни прилигайтъ яго душа да свой да сямейки. Сама сабѣ думаю: што-та ниладна!

Нядобрыя чула маѣ сердца.

Далій и далій мы болій пратіўны: ни пригалубитъ насъ, ни публагадарить никали, ни угадимъ мы яму ни якъ—ужъ іонъ насъ съ сердцамъ атпихаитъ атъ сябе.

Што за акказія? Пакаль што худоя вялось у насъ зѣмистъ харошита.

Тольки была разъ я на прыгони, брали мы канопли. Приващилъ узалъ мне за руку и гаворитъ:

— Пасматритка, Хаминишійна, што твой милый Марка падѣлываитъ. Ти ни праказникъ іонъ? ишь ты!—Глянѣла—ажъ іонъ пьетъ вотку у казлѣ су маеі сыпратіўницый.

Ёкнула маѣ сердца, и забилась, и затрипитала, якъ птушка. Хуть у мне у груди во якъ прикипѣла,—ну, тады я змоўчила, стиснуўши зубы, сябе ня выдала.

Якъ іонъ пришоў, тады я гаварю:

— „А што у Паўлюковыхъ ти уси дабры—здоровы?“—

— А?! у Паўлюковыхъ?!

И давай мяне бузывать, и давай—тады заварилась тоя пива,—и ни дай Богъ ни якому хрыщоньму ня токма што пить яго, дайжа видить, якъ другіи пьютъ.

Далій вошто была. Накапали мы съ свякровый картошкы и скоблёмъ ихъ. Приходитъ мой Марка у шляпи, якъ тѣй купецъ, разадѣтый, и гаворитъ іонъ:

— „Мамъ, дай миѣ пайдать!“—

А я падъ тоя слова:

— „Хараша жъ Улья: день прадержила, а ёсть ни дала... Вить ты у ле былъ“... Во іонъ тады мяне за валосьтя, да выспѣткымъ, и ня вѣдаю ужъ далій ничога. Посли ужъ разгѣдила я, што іонъ усѣ мае добрая пакаверкаў и пулумаў, сундуки мае паразбилъ и пакримсаль. Ашнулась и ляжу я, уся избитая, тужу ни на имъ, а на горю: у мне мать застаецца и дѣвачка. Ночъ, а на дворѣ мѣсячина и видна, якъ днѣмъ. Закапашісѣя Марка, надѣў сапажонки, усхватуіў куртеньку на плечи и пабѣхъ. Якъ у тѣй пѣсни пьютца:

Святи, святи, ясенъ мѣсяць
Усѣе темную ночь!
Пашоу мой милый
Удоль дареуни у банецъ,
Іонъ у крайній у дварець,
Тамъ честна ўдовушка жила.
.
Ночь свитла и мѣсячина,
Пираходы іостъ.

Знову у мине Марка зъума найдеть:

— „Крутись сабѣ! Нихай нялѣхкая тябе нясеты!“—Нѣ, ня вытиршила лизать—хто-та мине слова падтаўхнуў: якъ падхвачусь, коя што на сябе, што подъ руку пупалась—и услѣдъ за Маркай.

Крадусь за имъ и думаю:—„а што якъ аглянитца? Вить укинить мине у возира бурныхъ щитать, и радныи ни знайдутъ, идѣ я“.—Иднача іонъ ни аглянуўся, вярнуўся назадъ, яго саслядїуши, и гаварю:

— „Мамъ, вы усѣ гаворятъ, што я нясу на яго напраслину, лабаду... Ну, пайдемъ.“—

Узбугуражили свою свякрову и прижажу къ чулану, идѣ садѣў Марка са сполюбоўницый. Свякрова на мяне говоритъ:

— „Глупая ты! Што будимъ мы здѣсь дѣлать: іонъ тябе паложить и мяне; тутъ абоемъ намъ будить юкъ. Иди-ка ты, кали уздумала ихъ пастрамить, къ Иванынымъ рабятамъ: яны свѣтѣаю будутъ.“

Я ушлажила на чуланѣ чепъ, а мать засталась на мѣсти. Дастучалась таки у Иваныныхъ:

— Што прати начи насъ бизпакоитъ? ти на пажаръ!

— „Нѣ, пажару Бохъ милуваў; а, мае милиньѣи, роднинь-кін, ходитъ вы са мною!“

Праўда, Кастюкъ уважїў мяне, приходитъ со мною да мѣста.

— „Глянѣа, ты глянѣ, што я пакажу табѣ.“

— Ну, што будить?—Паглядимъ!

А што тамъ глядѣтъ? Двери настїжъ расчинины, Маркѣ тамъ и ни завадилась: мать яго выпустила.

А ина, псѣўка, ходитъ на чулану, ищѣ прихарашиѣтца.

— Ахъ, ты, бестія, змія ты падкалодная, кроў мою сьтѣдшъ!

— „А ты битыва ищишъ“.

Я палкою замахнула, ударила бѣ змаху, ну, кумъ Кастюкѣ придержилъ:

— „Стой, кума, ни дярись!“

Ну, пассорились, пассорились; приходимъ двору:

Марка мой сидитъ на лаўцы, у трубучки пакурить. Хатѣла было сказать на свякрову:

— „Вотъ, мамъ, якъ ты мне прадала!“

Пубаялася: сичасъ начанетъ бить—змоўчила.

Тады да заўтрига іонъ маўчалъ—ничога, назаутрига іпять:

— „Ты каго шукала? Чаго ты ходишъ па чужымъ имбарамъ? Каго табѣ нада?“

Пачаў трипцать. Я у дымъ, на печку—тады чорныи избы были.

Сядѣла, сядѣла у дыму—хутъ прападай!

Приходить на нашу сутылку Саўка (яго Бохъ принёс): пилы прасить:

— „Што ты эта дѣлаишъ? Ина жѣ затхнётца у дыму, усимъ будить намъ плоха“.

Я тады съ печи на загнётъ саскачила, да за парохъ пракаўзнула.

Якъ пустить у мене завалымъ, завалъ такъ и вагудѣлъ. Нима мяне.

6) Матрешка у прочкахъ атъ Марки. Маланьня и валаснѣй пупикають Марку.

У прочкахъ была и зѣ малинькимъ: святѣами чутъ галаву: прочъ было ни тваратіу и малинькыва у снягу затаптаў.

Приходить іонъ за мной, люльку зѣ малинькимъ сняў, узяў на руки и гаворить на мене:

— „Ступай дамой!“

Гонить мене двору. Прихажу; послали пастель, малинькыва у люльку.

Марка гаворить:

— „Я пайду на йгрища“.

(Надрыгайтца нада мною).

— А я пайду къ своимъ.

— „Ты ня смѣишь идить къ своимъ“.

— Ты пайдѣшь на игрища, а я пайду къ своимъ.

Ни пашоу жа: тѣй разъ нучуваѹ дома.

Пришла жъ Маланья, покойная мая сестра (вы жъ яе помин-
тя), стала выгаваривать яму и свякрови.

— „Якъ вамъ, сватѣя, ета ня стыдна и табѣ, Марка?
Мы тады табѣ гаварили, што ина табѣ ня роўница, якъ ты яе
браѹ—нна старій тябе; а ты даваѹ клятбу на сонца глѣдючи,
што я яе буду бярець... Ажно бирагѣшь ты яе харашо!...“

И зъ дитѣнкымъ ей атъ тябе пакою нѣтути и у чужимъ
дварѣ.

Ни паможить Бохъ за тваю клятбу у здароўи, што ты
клятбу сваю злумаѹ и прѣсигу, што ина у гори залилася за
табою. Якъ ина вывила тябе на люди?!..

А якъ была у тябе худуба, ясною аблуписьтя ты хужѣй
за рака пачоныга, а тяперь, якъ вывила ина тябе на люди, а
ты яе вычипшь.

Ды хужъ бы у яе дитѣнка ни було бѣ, — дакъ у яе жъ
руки абкашонны! Чимъ ты ею нидаволинъ? Ты ходишь ни каряѹ,
ни дирѹ. Вывили мы тебе на люди, а ты еще насъ вучить“!..

Тады гаворить на свякрову:

— „А ты, старая карга, куды жъ ты глядишь?

Вить ты прихадила разъ пять у сваты и казала, што
Матрѣшка будить у насъ ни абижина. Ажно жъ во якъ вы яе
ни абижантя“?!...“

Пуправилась и я:

— „И я жъ табѣ, Маркѣ, казала:

Што жъ ты ак мнѣ свѣтаишься? Дитѣныкъ ни ўзрацоннѣй,
и ты будишь гребувать. Я казала табѣ, што ни захачу, штобъ
дитѣныкъ идѣ нибыть валяѹся, а быѹ ли мне напнѣю справню:
я захачу къ сабѣ палажить яго, а ты ни захочишь. А ты хри-
стился, на сонца глѣдючи:—„Я етыва ни разу ни падумаю.“—
Ажно таперь, ты ня токма што ни даволинъ приваднымъ ра-
бѣнкымъ, дакъ и съ тваимъ дѣтца атъ тябе нейди!

За што жъ я етакая горюшка тярцлю; што ты, якъ па-
лачь якей, што глянуѹ, то и грянуѹ; што я табѣ ни ўлажу
ни спечъ, ни зварить, ни принять, ни падать; пускаишь ты

на мине и пирагами, и блинами; мечишъ у мине и мисками, и ложками — ни улажу я табѣ и ну масницы прайдить?!...

Зачимъ упярѣдъ у насъ съ табою была усѣ харашо? Чатыри года мы жили съ табою, якъ золыта важили; а тяперя и дятей нажили, и атъ дятей ты атчураўся, бытцакъ яны ни твае. Я жъ тябе ни нуждаю, каторыхъ привила, бизпакоитца абъ сванхъ — хуть ба ты ихъ ужъ ни забиждаў: — дакъ ты пьѣшъ и гуляишъ и съ чужими жонками и баранычки мѣишъ чужимъ дитѣмъ, сванимъ жа крошички павытрисишъ съ кармана и бросишъ: якъ сабаки кусокъ хлѣба, дакъ ты имъ. За што жъ я такая горюшка тярплю, за увесь родъ свой? Знать, за то, што я вывила тябе на люди, а ты мине вучишъ и казнишъ, якъ палачъ?!...“

Іонъ вѣдайтца къ зубамъ:

— „Я тябе убью, и самъ у Сибирь пайду“.

Я яму атказаю:

— „Дай Бохъ табѣ етыга мѣста давидатца, куда ты жиляишъ самъ, а мнѣ, видна, атъ чаво нибуть разъ пумирать!..“

Свякрова гаворить:

— „Бойжа мой, Бойжа мой, што ты ета, Марка, уздунаў, якей ты ета дуръ на галаву сабѣ навалокъ?! Вить у васъ зайшло, што больши худога ня будить ничога!..“

А сынъ матки атказантъ:

— „Сказаў: убью! дакъ и убью“.

А я ў атвѣтъ:

— „Дакъ и я на ета пущуся — пумирать разъ“.

Марка ка мнѣ; а свякрова и систра яго придержили. Тады я смялѣй ицѣ кричу:

— „Злодѣй ты, злодѣй! нй баюсь я тябе“.

Путріў и валасоў Марку (Муўра Тиханыўна пупрашла); пришоў іонъ тады, на печку лёхъ и, якъ добрый, уздыхаетъ. Ахъ, ты мой бѣднинекий!..

Такъ мы усѣ и били барану.

7) Авлыжная хварова. Балѣсть и смерть Марки.

Стала па ўсей нашій дярёўни качать авлыжная хвароба; стали мы мертвѣ, слова мухи, двары наши запусѣли: у тымъ

двару хворэй, у тымъ покойникъ; у тымъ выздаравіў і знову захвараў, а па ўторому разу узвароту ужо не была—ужі мёрлі.

Аткуль наваялілася на насъ такъ пошастъ? знатъ прагнѣвали мы Бога миластывыга, і наказаў насъ Гаспотъ милосерный, Царица Нябесная. Ахъ, лихабыла у ту пору: работай, да і за бальнымі хади, а на сэрцы такъ і ныць, такъ і ныць.

Пѣсенъ ня слышна, а на кладішчы гудуць нашы па сваіхъ радзіліхъ: хто па сыну, хто пу брату—і жё больші бѣдны; заможныхъ—тыхъ Бохъ милуваў.

Съ тыхъ поръ і замялѣла наша дыравенюшка: памѣры сильны, спраўны работнікі, а атсталася адна милюзга, подскрѣбушкі.

Забалѣў і мой Марка. Я дужа харашо хадила за нѣ, прыгладала яго—выкачаўся іонъ, толькі галава аблѣзла, якъ качанъ; ну, устаў якъ мядзьвѣдъ.

Яму і гаворюць таварышы:

— „Косишъ ты слова у три касы!..“

Даўжно зглазілі: ізнову захварѣў, мочитца у жару, па тѣлу виступілі краснінкіі мѣткі; рветца ізъ рукъ манхъ: пусти, пусти! такъ і пылань такъ і пылань. Вывраўся, выбіжаў на хлѣў, разварнуў навозъ і лѣхъ на лёдъ грудыні.

Падушчыку разстало я падъ павѣтнімі, штобъ іонъ успоўзъ; ўспаўзетъ, ды і ляжыць. Чатыры насъ, пятая сваякрова, нясемъ яго у вѣ избу, а іонъ ругань насъ, самъ нічога ня вѣдаць. Во якая хвароба была!

Ачунаіць, станіць жалкуватца:

— „Стерпу майго нѣтуті!“

— Якъ жа ты ня хочишъ атъ Бога трыпѣць?

Я жъ нѣ табе трыпѣла...

А іонъ:

— „Госпиди падymi! Вѣрна, за ея ты мне і наказаў!

Никада ня буду!...“

Кончѣўся.

8) Вытнйца Матрешки па мужу.

— Марычка Тимафейчъ, што ты ета уздумаў, што ты мяне нищастныю съ дитѣнычкымъ здѣлаў? А я жъ думала, што я дитѣнычка узращу, і ты будишъ мнѣ у помычъ. Ажно ты скоро

ать мене атказаўся! На каго мнѣ надѣйтца? Якъ мнѣ свой вѣкъ давяковывать? Съ кимъ мнѣ дитёнка растити-гадувати!...

Бабы мяне утишають:

— „Досыть табѣ убиватца такъ, Хаминишіўна, досыть: ета пѣсня доўга—ни разъ ища павынешь!...“

— Ачуналь ты, Марачка, падняў тябе Гаспоть Бохъ на ноги, а пахадіў ты послѣ таго трохки—и зачымъ ты, Госпади, ипять мяне сказніў: майго Марычку къ собѣ узяў? Куды жъ вы ета нашига гаспадаречка вязета? Каму жъ вы сваю дамовычку кидаета? Каму жъ ты мамухну кидашь? Каму дѣтку? Няжъ мы тибѣ уси и ня больны, и ни жалки? Зачимъ хаділа я за табю, бйригла тябе—только къ жисти самѣй пришло, и ты къ намъ сваимъ серцымъ пириварнуўся, а потѣмъ ать насъ ты атлитаў, павинуў насъ наўсцягды. Плахую думушку ты задумаў! Хуть ба біў, абы жиў! Гарькуша я бѣдная!...

9) Сунта у дварѣ и дялѣжка.

Ипять пайшла мая жистъ тымъ жа вагымъ, якъ па смерти Паўлючка.

Пракопъ, мой девиръ, быў за хазяина; плахоа была зъ имъ жила: ета студѣнный печи загнетъ, кривы ни ложки, жалысты ни крошки.

Пашоў мой сынъ Иванъ на заработки вяликимъ пастомъ, пришоў пиридъ Праздникымъ Христовымъ днѣмъ, принѣсь хазяину пользы адинъ рубъ, а сабѣ купіў саяѣру, купіў пилу. Хазяинъ за ета узсердіўся, што мала пользы принѣсь іонъ, а праработалъ мой Иванъ только три нядѣли.

Ни давать намъ за то хлѣба. Ета была на святѣй нядѣли.

Сами павужинали, хлѣбъ спрятали ить мяне и ать датеи. Приходють дѣти мае ить пастоялику: Зена, Иванъ и Хрузка. Была святая нядѣля и люди влумились вокыла пастаялику.

— Што эта ти ашалѣў ты, Пракопъ: сами павужинали, а я зъ дитяи и такъ.

— „Твой сынъ быў у заработкахъ—можитя купить“.

— Што жъ табѣ ить сына маяво нада? три нядѣли праработаў и за три нядѣли купіў сабѣ пилу 1½, рубля и саяѣру

девять гривинъ съ питачкомъ и табѣ рубѣ принёсъ, а табѣ дужа многа надаби.

Лягли спать мае дѣти ня ужинаўши. Пуплакали, пуплакали... Што дѣлать? На заўтрива устали, я нагнала скотъ на рани.

Приходить ка мнѣ мая нявѣстка. Яны печки павытпили, пабѣдали, хлѣбъ спрятали—ни дають дятѣмъ маннѣ.

— Такъ и такъ, мамычча!

Плачуть и заливаютца гарючими слязми.

Я и гаварю:

— „Бўши, вы, ня бўши, дѣтки, а пахатъ нибхадима, работать нада!“

Яны павѣхали пахатъ ня ужинаўши, ни бѣдаўши.

Увидала Пракопа:

— „Пракопъ, што ты ета дѣлаишь? Што ты ета маннѣ дитѣмъ хлѣба ни даешъ?“

— И ни дамъ.

— „За што жъ ты такъ ни даси?“

— Вы мнѣ ни нада.

Я заплакала, нашла хлѣба даставать. Принесла крайчикъ хлѣба, паташила у поля. Принашу имъ хлѣбъ.

Плачуть мае дѣти, заливаютца. Сынъ плачить и абиждаецца, зачимъ яго зъ батькиныа дома вывила.

Нявѣстка абиждаецца:

— „Зачимъ ты дольника жанила, чужую галаву завизала?“

Ахъ, Божа мой мыслывый, што я приняла тольки гора—адинъ Гасподь знаеть!

Такъ мы уси плакали.

— Пашитя зямельку! Нильзя ни пахаўши: бизъ сахи и бизъ бараны и царъ хлѣба ни пойдантъ.

Прийхали дамой вичаромъ. Ипать іонъ павужиналь, а хлѣбъ вонъ вынись:

— „Ты мнѣ ни нада!“

Назаўтрига сходка.

10) Сходка и асмотръ Матрѣшѣниныа двара.

Пашла я на сходку, павланилась міру.

— „Ну, што жъ, рибатушки, хлѣба мнѣ ни дають и зъ дитями?“

— Правопъ, што ты ета дѣлаишь? Ти ашалѣу ты, ти што?

— „Ды ни дамъ: яны мнѣ ни нада“.

— Вамъ жа грѣхъ яе абидить: ина вамъ дворъ нажила. Бизъ яе у васъ ничога не была: семира варотъ и усѣ на гародъ, таперъ жа у васъ дивятерка коній, ня бывши прежда куска хлѣба. Ина васъ жить заставила, а вы яе гонитя.

— „Ну, дакъ дялитца!“

— Што жъ ты имъ даси?

— „Адинъ надѣлъ дамъ“.

— Нѣтъ, я съ аднымъ надѣлымъ дялитца ня буду, —луччи душой да тѣлымъ выду, а ета ня жила: адинъ надѣлъ ни кусокъ хлѣба.

— „Ну, Правопъ, такъ ня будить, якъ ты думаишь. Если дялитца, вамъ абаймъ роўна по 2 надѣла — и усѣ пупаламъ“.

— Зачимъ я Матрешкиному сыну два надѣла дамъ? іонъ привыдиць, іонъ ни природный двару.

— „Хутъ іонъ ни природный, дакъ на яго зимля дадина у вашимъ доми па рывизіи, а другой надѣлъ старухинъ; ни магѣш ты яго атабратъ, а кали ни хатишь ты умѣсти жить, тоже пупаламъ“.

— Нѣ, я вашимъ судошъ нидаволинъ.

— „Нѣ, нѣ, ня будить на тваимъ, а на нашимъ. Якъ бѣ ни йна, распаўзлись бы вы якъ мыши, стогъ зѣвѣши“.

Са сходки пришло къ намъ у дворъ усѣ вобчиства нами-чать, што мнѣ, што яму.

Идѣ? ни за што! Іонъ зъ ими беда;

— „Ни дамъ вамъ далить! ня быть таму!“

Пубыли, пубыли, міръ идеть сваей дарогый, я яго права-жаю съ Правопымъ Силюкомъ.

— Ну, старухъ, хлѣба табѣ ни дають; идѣ нибуть вазьми, да раздабуть!

Ипятъ яго бранить:

— „Ты жъ хазинъ, а мы табе нїйдѣ съ сахой ни видали: сынъ яе, да нявѣстка яе“.

— Што яны мнѣ? Я забылъ и думать па етыхъ работ-никахъ.

Шли мы, шли, сѣли на бернушкахъ:

— Ну, што жъ, рибятушки, якъ мнѣ жить? Настырна такая житьтѣ-быттѣ!

— „Разживись на хлѣбъ, а будить сходъ валасной; тада патребуймъ у валасной правленія.

Што зъ имъ дѣлать, ни саобразисьятъ: настиринъ іонъ, якъ воузь“.

11) Дялѣжка. Пастройка хаты.

Иднака міръ пастойлѣ на сванимъ; началась у насъ дялѣжка. Сала дѣлили усімъ вобщиствѣмъ:

— „Я васъ знать ни хачу!

Кричить намъ Пракопъ:

— „Ня вы мнѣ сала наживали, ня вы и дѣлать будитя!“

Самъ іонъ мнѣ хунтъ узяў и атвѣсіў, а самъ іонъ сасѣду у дежку сала спрятаў—такъ яно тамъ и пошло шутывню кашію:

Ни ў гаршке, ни ў машку,

Ни у торбачки на крѣчку.

Лападей была четвира: яму пара и мнѣ пара; мнѣ жиробѣначикъ другачѣкъ, якъ печь, и конь читвиртакъ.

Кароў яму двѣ сямейскихъ, а мнѣ идна сямейская, да идна нывѣстинна.

Свинню мнѣ атдали нывѣстину, трѣхъ авецъ, да имбаръ адинъ, пуцьку на гумнѣ, пуцьку ящо на хлѣў, сѣнницу.

А яму: хлѣў увесь, іўчарникъ, два имбары, два разнамѣты (два наугольники умѣсти), увесь дворъ старый.

Съ пасудины мнѣ ничога: ни бажницы, ни кадучки,—ничагусинька. А якъ стали гарѣть, такъ увесь посудъ пагарѣў, што іонъ узяў съ сабою.

— Пракопъ, што ты ей даешъ изъ пастройки?

А я прашу Пракопа:

— „А ты мнѣ уступи хутъ двѣ стѣнки бани!“

А іонъ ни мичить и ни телитца.

(Баня ета была у насъ за хатку, своихъ денегъ 9 рублѣў а на яе стратила).

Миръ говорить:

— Ина жъ съ тебе налишнія просятъ: уступи ей двѣ стѣнки.

— „Ну, дакъ нихай сабѣ пирядъ ею.“

А я приплатила за итстальныя 2 стѣнки девить рублѣў авила баню на изобку. Гумно разбили на двѣ части.

Зняли по два надѣла, и навозъ пупаламъ. Иванъ сабѣ здѣлазъ триножичку ли корму: чатыри сошки (малинькіи шуньцы) поставили, на сошкахъ шлапины, на шлапинахъ пятажички, на пятажички чяпѣлачку (диржаву крыши), потомъ крѹчики и папѣтъ; тады здѣлали саломинную крышу. Иванъ привѣзъ мелкыга бязезнику, да и заплѣлъ увакругъ, штобъ ни дуло уси три стѣнычки; на четвертую здѣлаў воротцы, куда бяруть кормъ. Печку въ изобки пупрасили поставитъ пакойника Прошку. А крытъ яе нечимъ: кали дождъ у въ изби, такъ и тянетъ пряма у въ избу — хуть ты ать яе откажись. Палавиначку изобки пакрыли, идѣ печку залажили. Ни якой пристройки не была — стайтъ наша хатка идна, якъ булдырь: задметъ, замятеть, хуть три дни ня ѣшь и съ печи ня лѣзь. Тады паходимъ усѣ утраѣмъ падъ дверь, аттваряимъ яе, хуть нямножка атсунимъ; а то Иванъ босый изъ хаты вылизитъ, дверь аткапаетъ; — посли живѣмъ, пашли работать, што нужна. Даждаўшисъ лѣта, нажали саломки, пакрыли избу усю, поставили проти избы имбаръ, пастроили хлѣў, пастроили яще имбаръ, пастроили паѣтъку, завѣсили ворота. И дай Бохъ, штобъ посли пажару такъ жить, якъ стали жить посли раздѣлу, хуть горя многа приняла я, якъ камышъ — горькая трава.

Валастнай сходъ. Уплата доўга.

Иднака жъ пришлось намъ съ Пракопымъ пубывать у валастнымъ правленіи.

Пракопъ затрубіў:

— „Иванъ, Матрешкинъ сынъ, привадиць у етымъ дварѣ“. Яму гаворють.

— „Была крипастная права, што гаспада хатѣли, то и дѣлали; а теперъ іонъ усѣ раўно палавинникъ дому, якъ и ты“.

Нильзя яму пупатца: ни ў сваимъ вобществи. Распрасили инне усѣ абъ нашимъ хазяйстви, патомъ стали пупикать Пракопа, што іонъ ни даў намъ нашій палавинки пагноя и свой пагной ня вывизъ на ніўку.

— „Якей жа ты хазяинъ, што навозъ застаўся зимувать у хлѣви? Якую ты пользу пулучиў зъ яго? И самъ ты ня житишь, и ей ни даѣшь. Нада была падылить навозъ на хлѣви;

— „Разживись на хлѣбъ, а будить сходъ валасной; тада патребуимъ у валасной правленія.

Што зъ имъ дѣлать, ни саобразисья: настыринъ іонъ, якъ воуеъ“.

11) Дялѣжка. Пастройка хаты.

Иднака міръ настѣилъ на сванимъ; началась у насъ дялѣжка. Сала дѣлили усимъ вобщиствымъ:

— „Я васъ знать ни хачу!

Кричить намъ Пракопъ:

— „Ня вы мнѣ сала наживали, ня вы и даять будитя!“

Самъ іонъ мнѣ хунтъ узяў и атвѣсіў, а самъ іонъ сасѣду у дежку сала спратаў—таеъ яно тамъ и пошло шутывню кашю:

Ни ў гаршку, ни ў мяшку,

Ни у торбачки на крючку.

Лападей была четвира: яму пара и мнѣ пара; мнѣ жиря-бѣначикъ другачѣкъ, якъ печъ, и конъ читвиртаеъ.

Кароў яму двѣ сямейскихъ, а мнѣ идна сямейская, да идна нывѣстнина.

Свинню мнѣ атдали нывѣстнину, трехъ авецъ, да имбаръ адинъ, пуньку на гумнѣ, пуню ящо на хлѣў, сѣнницу.

А яму: хлѣў увесь, іўчарникъ, два имбары, два разнаѣтъ (два наугольники умѣсти), увесь дворъ старый.

Съ пасудины мнѣ ничога: ни бажницы, ни кадычки, — ни чагусинька. А якъ стали гарѣтъ, таеъ увесь посудъ пагарѣў, што іонъ узяў съ сабою.

— Пракопъ, што ты ей даеъшъ изъ пастройки?

А я прашу Пракопа:

— „А ты мнѣ уступи хуть двѣ стѣнки бани!“

А іонъ ни мичить и ни телитца.

(Баня ета была у насъ за хатку, своихъ денегъ 9 рублѣў а на яе стратила).

Миръ говорить:

— Ина жъ съ табе налишнія просить: уступи ей двѣ стѣнки.

— „Ну, даеъ нихай сабѣ пирядъ ею.“

Тадъ я приплатила за итсальныя 2 стѣнки девить рублѣў и поставила баню на изобку. Гумно разбили на двѣ части.

Зямли по два надёла, и навозъ пупаламъ. Иванъ сабѣ здѣлалъ триножичку ли корму: чатыри сошки (малинныя шунцы) поставили, на сошкахъ шлапины, на шлапинахъ пятажички, на пятажички чыпѣлачку (диржаву крыши), потомъ крючки и пашлѣтъ; тады здѣлали саломинную крышу. Иванъ привёзъ мелкыя бярэзники, да и заплѣлъ увакругъ, штобъ ни дуло уси три стѣнычки; на четвертую здѣлаў воротцы, куда бяруць кормъ. Печку въ избѣ пупрасили наставить пакойника Прошку. А крыць яе нечымъ: калі дождъ у въ избѣ, такъ и тянѣтъ прамѣ у въ избѣ — хутъ ты атъ яе аткажись. Палавиначку избѣ пакрыли, идѣ печку залажили. Ни якой пристройки не была — стаить наша хатка идна, якъ буддырь: задмѣтъ, замажѣтъ, хутъ три дни ня ѣшь и съ печи ня лѣзь. Тады падходимъ усѣ утраѣмъ падъ дверь, аттваряимъ яе, хутъ нямножка атсунимъ; а то Иванъ босый изъ хаты вылизить, дверь аткапайтъ; — послѣ живѣмъ, пашли работать, што нужна. Дагдаў-шись лѣта, нажали саломки, пакрыли избѣ усѣ, поставили проти избѣ имбаръ, пастроили хлѣў, пастроили яще имбаръ, пастроили павѣтку, завѣсили ворота. И дай Бохъ, штобъ послѣ пажару такъ жить, якъ стали жить послѣ раздѣлу, хутъ горя многа прыняла я, якъ камышъ — горькая трава.

Вала́стна́й схода́. Уплата доўга.

Иднака жъ пришлося намъ съ Пракопымъ пубывать у вала́стнымъ правленіи.

Пракопъ затрубіў:

— „Иванъ, Матрешкинъ сынъ, привадиць у етымъ дварѣ“.

Яму гаворють.

— „Была крипастная права, што гаспада хатѣли, то и дѣлали; а теперъ іонъ усѣ раўно палавинникъ дому, якъ и ты“.

Нильзя яму пупятца: ни ў сваимъ вобщистви. Распрасили лине усѣ абъ нашимъ хазайстви, пачомъ стали пупикать Пракопа, што іонъ ни даў намъ нашій палавинки пагноя и свой пагной ня вывизъ на ніўеу.

— „Якей жа ты хазяинъ, што навозъ застаўся зимувать у хлѣви? Якую ты пользу пулучиў зъ яго? И самъ ты ня житиль, и ей ни даѣшь. Нада была падылѣть навозъ на хлѣви;

тады бы въ сваей части якъ бы хатѣ; а ина бы вывизла—
можа бы и тебе, на яе глядя, зависть узила. А ета ты здѣ-
лалъ атъ криваты: тебе, братъ, паддаты нада бѣ за ета и ха-
рашенька. А таперь какой ета навозъ?—іонъ ужу мукою здѣ-
лаўся, тольки што добрая пагамбили. Правядлива сазана:—
„сѣ дурнымъ члавѣкымъ у бани ни памынься!“ Суютитесь вы
яще абъ доўгу. Хлѣбный доўгъ пупаламъ, а денижнага, старухъ,
ты ни плати,—скажи дворниці, штобъ ей была извѣсна!“

Иднача деньги мнѣ пришлось заплатить. Стала мне пупи-
кать Маўра Тиханыўна.

— „Пракопъ мнѣ никали ни заплотить, а ты умна, ты
дужа дѣйшла, атвиливайшъ“.

Я и уплатила, штобъ мнѣ глаза ни калоли, часть доўга—
8 рублей. Ета ужъ два года атдѣлѣмшисѣ.

Пятнить мяне усѣ Пракопъ.

— „Звязу, да связу Гарбатику четверть иржи!“

— Такъ я дурна, штобъ сваѣ добрая атдала табѣ везъ,
я сама связу.

И пришлось мнѣ на поли сѣ Гарбатинымъ видитца. У поли
іонъ грачиху забираить.

— „Памаги Бохъ, Васильевичъ!“

— Благадарю, Хаминишіўна — (такъ пратягаить грубымъ
баскомъ). Ну, якъ жа ты паживаишъ, Хаминишіўна? Нѣшта
ета дѣламъ ты пришла?

— „Сѣ извиненіемъ пришла винуватца вамъ: винуватый
праў ни бувайть.“

— Абъ чимъ жа абъ харошимъ?

— „Да вотъ што: я вамъ даўжна; больши ждали—меньши
ждать вамъ. Серца мяне мучить абъ маѣмъ даўжку“.

— Слушай, Хаминишіўна: мнѣ уси люди раўны; мнѣ нада
пиридъ Богомъ итвѣтитъ. Ты мнѣ ни даўжна ни калѣва—ета
я пу прашенію сказаў; а ты мнѣ ни даўжна.

Я яму пакланилась:

— „Спасибо вамъ, Васильевичъ: мае сердца мучіў вашъ
даўжокъ“.

А іонъ мнѣ атказайть:

— Я яму на деньги атдаў, а ни узаймы. Дакъ іонъ мне
прасиль, штобъ я сѣ тебе четверть жита узай и яму атдалъ;
а я ни хачу.

— „Ну, спасиба жъ табѣ, што ты развизаў маё серца: судьдзини была присуджона, штобъ табѣ атдать“.

13) Сунта съ Пракопымъ послѣ пажара.

Якъ задалі Пракопу ходу у волости, іонъ носъ падъ сябе, сѣў и задумаўся.

Я іду абѣдъ даваць талакѣ сваеё и гаварю на яго:

— „Пракопъ, ходи гарѣлки стаканъ выпить!“—

— Вужі, кроў тваю такъ ші, якъ ты пьёшь маё добрае.—

— „Памилуй, Бохъ, мяне чужоа пить и чужымъ пользавацца, а мяне итъ чужова атвядзі, Бохъ, и атъ харошыва, и атъ дурнова; а што мнѣ Гаспоть даець и худоя, и хорошія,— за то бѣими рукамі“.—

Пагарѣлі мы. Пріѣхнуў нѣкій панъ и ни вяліць намъ строитца у пражнію старану. Ідѣ намъ нужна строитца, на новымъ мѣсти, Пракопъ засѣіў буракі—узыйшли яны щетачкою.

Іванъ ставіць шульця на буракахъ, а Пракопъ яго атпихаць.

— „Пастройтись только на буракахъ—тады паглядитя, што вамъ будить“.—

Пріѣхнуў валаснуй, праміраў нѣшта усю старану.

— „Тиміфей Андрейчъ, ідѣжъ намъ строитца?“—

Іонъ выміріў, якъ два двары, памѣста такая и гаворить:

— Ета вамъ, а ета яму. Ахъ, ты сляпой Марушь—и самъ ни живёшь, и людѣмъ ни даёшь!—

И таперъ, паслухайта вы, Пракопъ ни завѣтъ майго сына хазинымъ, а дольнікымъ, и хатить атабратъ надѣлѣ. Ну, якъ ни скажуць пра ета якому умному, то и гаворють, што нильзя атабратъ надѣла.

14) А сѣліташній жисти Матрешки.

Притамились мае ножиньки, апускаютца мае ручиньки, патусѣнѣли мае глазыньки; балить мае усѣ тѣла,—якъ псеюкъ падъ калѣвками кусаить: пара адубливать, пара даць спакой старымъ кастѣмъ.

Сайдусъ съ пражными падружками и ужъ болій ни хвастаю.

Свати, свати, ясенъ мѣсиць
Усѣе темную ночь!
Пашоу мой милый
Удоль дареуни у канецъ,
Іонъ у крайній у дварець,
Тамъ честна ўдовушка жила.

.
Ночь свитла и мѣсичина,
Пираходы іось.

Знову у мене Марка зъума нийдетъ:

— „Крутись сабѣ! Нихай нялѣхкая тебе нясеть!“—Нѣ, ня вытиршила лизать—хто-та мене слова падтаўхнѣль: ябѣ падхвачусь, коя што на сябе, што подъ руку пупалась—и услѣдъ за Маркай.

Крадусь за имъ и думаю:—„а што ябѣ аглянитца? Вить увинить мене у возира бурыхъ щитать, и радныи ни знайдуть, идѣ я“.—Иднача іонъ ни аглянулся, вярнулась назадъ, яго саслядіўши, и гаварю:

— „Мажъ, вы усѣ гаворита, што я нясу на яго напраслину, лабаду... Ну, пайдемъ.“—

Узбугуражили свою свякрову и прихажу къ чулану, идѣ сядѣу Марка са сполюбоўниціи. Свякрова на мяне говорить:

— „Глупая ты! Што будимъ мы здѣсь дѣлать: іонъ тебе паложить и мяне; тутъ абоймъ намъ будить юбѣ. Иди-ка ты, кали уздумала ихъ пастрамить, къ Иванывымъ рабятамъ: яны свѣткаю будутъ.“

Я узлажила на чуланѣ чепъ, а мать засталась на мѣсти. Дастучалась таки у Иванывыхъ:

— Што прати начи насъ бизнакоитя? ти на пажаръ!

— „Нѣ, пажару Бохъ милуваў; а, мае милинькіи, роднинькіи, хадита вы са мною“!

Праўда, Кастюкъ уважѣу мяне, приходитъ со мною да мѣста.

— „Глянѣка, ты глянѣ, што я пакажу табѣ.“

— Ну, што будить?—Паглядимъ!

А што тамъ глядѣтъ? Двери настижъ расчинины, Марке тамъ и ни завадилась: мать яго выпустила.

А ина, псѣўка, ходитъ па чулану, ищѣ прихарашитца.

— Ахъ, ты, бестія, змїя ты падкалодная, кроў мою сытѣшь!

— „А ты битыва ищишь“.

Я палкою замахнулась, ударила бѣ змаху, ну, кумъ Кастюбѣ придержилъ:

— „Стой, кума, ни дярись!“

Ну, пассорились, пассорились; приходимъ двору:

Марка мой сидитъ на лаўцы, у трубучки пакурить. Хатѣла было сказать на свякрову:

— „Вотъ, мамъ, якъ ты мене прадала!“

Пубаялась: сичасъ начанетъ бить—змоўчила.

Тады да заўтрига іонъ маўчалъ—ничога, назаўтрига іпать:

— „Ты каго шукала? Чаго ты ходишь па чужимъ имбарамъ? Каго табѣ нада?“

Пачаў трипать. Я у дымъ, на печку—тады чорнымъ избы были.

Сядѣла, сядѣла у дыму—хутъ прападай!

Приходить на нашу сутылку Саўка (яго Бохъ принёс) пилы прасить:

— „Што ты ета дѣлаишь? Ина жѣ затхнѣца у дыму, усимъ будить намъ плоха“.

Я тада съ печи на загнѣтъ саскачила, да за парохъ пракаўзнула.

Якъ пустить у мене завалымъ, завалъ такъ и вагудѣлъ. мина мяне.

6) Матрешка у прочкахъ атъ Марки. Маланьня и валаснѣй пупикають Марку.

У прочкахъ была и зѣ малинькимъ: святѣми чуть галаву: прочъ было ни тваратіў и малинькыва у снягу затапталъ.

Приходить іонъ за мной, люльку зѣ малинькимъ сняў, узяў на руки и гаворить на мене:

— „Ступай дамой!“

Гонить мене двору. Прихажу; послали пастель, малинькыва у люльку.

Марка гаворить:

— „Я пайду на йгрища“.

(Надрыгантца нада мною).

— А я пайду къ своимъ.

— „Ты ня смѣишь идить къ сваймъ“.

— Ты пайдѣшь на игрища, а я пайду къ сваймъ.

Ни пашоу жа: тэй разъ нучувау дома.

Пришла жъ Маланья, пакойная мая сестра (вы жъ яе помни-
тя), стала выгаваривать яму и свякрови.

— „Якъ вамъ, сватѣя, ета ня стыдна и табѣ, Марка?
Мы тады табѣ гаварили, што ина табѣ ня роўница, якъ ты яе
брау—ина старій тебе; а ты давау клятбу на сонца глѣдючи,
што я яе буду бяречъ... Ажно биягѣшь ты яе харашо!...“

И зъ дитѣнкымъ ей атъ тебе пакою нѣтути и у чужимъ
дварѣ.

Ни паможить Бохъ за тваю клятбу у здароўи, што ты
клятбу сваю злумау и прѣсигу, што ина у гори залилася за
табою. Якъ ина вывила тебе на люди?!..

А якъ была у тебе худуба, вясною аблуписьтя ты хужѣй
за рака пачонгта, а таперь, якъ вывила ина тебе на люди, а
ты яе вычишь.

Ды хужъ бы у яе дитѣнка ни було бѣ, — дакъ у яе жъ
руки абкашонны! Чимъ ты ею нидаволинъ? Ты ходишь ни каряу,
ни дирѣу. Вывили мы тебе на люди, а ты еще насъ вучить“!..

Тады гаворить на свякрову:

— „А ты, старая карга, куды жъ ты глядишь?

Вить ты прихадила разъ пять у сваты и казала, што
Матрѣшка будить у насъ ни абижина. Ажно жъ во якъ вы яе
ни абижагта“?!...“

Пуправилаась и я:

— „И я жъ табѣ, Маркѣ, казала:

Што жъ ты ак мнѣ свѣтаишься? Дитѣнымъ ни ўзрацоннѣй,
и ты будишь гребувать. Я казала табѣ, што ни захачу, штобъ
дитѣныкъ идѣ нибуть валяўся, а быў ли мне нашнѣю справню:
я захачу къ сабѣ палажить яго, а ты ни захочишь. А ты хря-
стился, на сонца глѣдючи:—„Я етыва ни разу ни падумаю.“—
Ажно таперь, ты ня токма што ни даволинъ приваднымъ ра-
бѣнкымъ, дакъ и съ тваймъ дѣтца атъ тебе нейди!

За што жъ я етакая горюшка тярплю; што ты, якъ па-
лачъ якей, што глянущ, то и грянуу; што я табѣ ни ўлажу
ни спечъ, ни зварить, ни принять, ни падать; пускаишь ты

на мине и пирагами, и блинами; мечишь у мине и мисками, и ложками — ни улажу я табѣ и ну масницы прайдить?!...

Зачимъ упярѣдъ у насъ съ табою была усѣ харашо? Чатыри года мы жили съ табою, якъ золыта важили; а тяперя и дятей нажили, и атъ дятей ты атчураўся, бытцакъ яны ни твае. Я жъ тябе ни нўждаю, каторыхъ привила, бизпакоитца абъ свапхъ — хуть ба ты ихъ ужѣ ни забиждаў: — дакъ ты пьѣшь и гуляишь и съ чужими жонками и баранычѣи мѣишь чужимъ дитѣмъ, сваймъ жа крошичѣи павытрисишь съ кармака и бросишь: якъ сабаки кусоѣ хлѣба, дакъ ты имъ. За што жъ я такая горюшка тярплю, за увесь родъ свой? Знать, за то, што я вывила тябе на люди, а ты мине вучишь и казнишь, якъ палачъ?!...“

Іонъ вїдайтца къ зубамъ:

— „Я тябе убью, и самъ у Сибирь пайду“.

Я яму атказаю:

— „Дай Бохъ табѣ етыга мѣста давидатца, куда ты жиляишь самъ, а мнѣ, видна, атъ чаво нїбуть разъ пумирать!..“

Свякрова гаворить:

— „Бойжа мой, Бойжа мой, што ты ета, Марка, уздукаў, якей ты ета дуръ на галаву сабѣ навалокъ?! Вить у васъ зайшло, што больши худога ня будить ничога!..“

А сынъ матѣи атказанть:

— „Сказаў: убью! даѣ и убью“.

А я ѣ атвѣтъ:

— „Дакъ и я на ета пущуся — пумирать разъ“.

Марка ка мнѣ; а свякрова и систра яго придержили. Тады я смялѣй ицѣ кричу:

— „Злодїй ты, злодїй! нї баюся я тябе“.

Путрїў и валасоѣй Марку (Муўра Тиханыўна пупрашла); пришоў іонъ тады, на печку лѣхъ и, якъ добрый, уздыханть. Ахъ, ты мой бѣднїнскїй!..

Такъ мы усѣ и били барану.

7) Авлыжная хварова. Балѣсть и смерть Марѣи.

Стала па ўсей нашїй дярѣўни качать авлыжная хвароба. стали мы мертвѣ, слова мухи, двары наши запустѣли: у тымъ

двару хворэі, у тымъ покойнікѣ; у тымъ выздаравіў і знову захвараў, а па ўторому разу узвароту ужо не была—ужы мёрлі.

Аткуль наваялілася на насъ такъ пошастъ? знатъ пражгнѣвалі мы Бога миласцівыга, і наказаў насъ Гаспоть милосерный, Царица Нябесная. Ахъ, лихабыла у ту пору: работай, да і за бальнымі хади, а на серцы такъ і ныць, такъ і ныць.

Пёсенъ ня слышна, а на кладіцы гудуць нашы па сваіхъ радзіліхъ: хто па сыну, хто пу брату—і жё большы бѣдны; заможныхъ—тыхъ Бохъ мілуваў.

Съ тыхъ поръ і замялѣла наша дыравенюшка: памѣрлі сильны, спраўны работнікі, а атсталася адна мілюзга, подскрѣбушкі.

Забалѣў і мой Марка. Я дужа харашо хадила за ній, прыгладала яго—выкачаўся іонъ, толькі галава аблѣзла, якъ качанъ; ну, устаў якъ мядвѣдъ.

Яму і гаворюць таварышы:

— „Косішъ ты слова у три касы!..“

Даўжно зглязілі: ізнову захварѣў, мечітца у жару, па тѣлу вступілі краснінскіі мѣткі; рветца із рукъ мані: пусти, пусти! такъ і пылаіць такъ і пылаіць. Вывраўся, выбіжаў на хлѣў, разварнуў навозъ і лѣхъ на лёдъ грудымі.

Падушнічку разсталаю я падъ павѣтнімі, штобъ іонъ успоўзъ; ўспаўзетъ, дыі ляжыць. Чатыры насъ, пятая свякрова, нясемъ яго у вѣ избу, а іонъ ругаіць насъ, самъ нічога ня вѣдаіць. Во якая хвароба была!

Ачунаіць, станіць жалкуватца:

— „Стерпу майго нѣтуті!“

— Якъ жа ты ня хочішъ атъ Бога тярпѣць?

Я жъ ітѣ табе тярпѣла...

А іонъ:

— „Госпиди падымі! Вѣрна, за ея ты міне і наказаў!
Нікада ня буду!...“

Конъчіўся.

8) Вытнйца Матрешкі па мужу.

— Марычка Тимафенчъ, што ты ета уздумаў, што ты мяне нішастнымъ съ дитѣнычкымъ здѣлаў? А я жъ думала, што я дитѣнычка узращу, і ты будішъ мнѣ у помычъ. Ажно ты скоро

а́ть ми́не атказа́ўся! На каго ми́ѣ надѣ́йтца? Якъ ми́ѣ свой вѣ́къ давако́вываць? Съ кимъ ми́ѣ дитѣ́нка растити-гадува́ти!...

Бабы мяне утишають:

— „Досыть табѣ́ убиватца такъ, Хамини́шіўна, досыть: ета пѣ́сня доўга—ни разъ и́ща павыи́шт!...“

— Ачуна́ль ты, Марачка, па́дняў та́бе Гаспо́ть Бохъ на но́ги, а паха́діў ты по́сли та́го тро́шки—и зачи́мъ ты, Госпа́ди, и́пцать мя́не сва́зніў: майго́ Мары́чку къ сабо́ѣ узя́ў? Буды жъ вы ета на́шига гаспа́даречка́ вяза́та? Ка́му жъ вы сваю́ дамо́вычку́ кидаета́? Ка́му жъ ты ма́мухну́ кидаета́? Ка́му дѣ́тку? Ня́жъ мы́ ти́бѣ́ у́си и на́ больны́, и́ ни жа́лки? За́чимъ ха́дила я́ за та́бою, би́ригла́ та́бе—то́льки къ жи́сти са́мо́й при́шло, и ты́ къ на́мъ сва́имъ се́рдцы́мъ пи́ривя́рнуўся, а по́тѣмъ а́тъ на́съ ты атли́таў, па́кинуў на́съ наўса́гды. Пла́хую́ ду́мушеу́ ты за́ду́маў! Ху́ть ба́ біў, абы́ жиў! Га́рькуша́ я́ бѣ́дная!...

9) Суні́ѣ у́ двара́ и дя́лѣ́жка.

И́пцать па́йшла́ ма́я жи́сть ты́мъ жа́ ва́гымъ, яе́къ па́ сме́рти Паўлю́чка.

Пра́копъ, мой де́вирь, быў за ха́зяина; пла́хоя́ была́ зъ нѣ́мъ жи́ла: ета́ студѣ́нный пе́чи за́гнетъ, крыви́ ни ло́жки, жа́лысты́ ни кро́шки.

Па́шоў мой сы́нъ Ива́нъ на за́раба́тки вя́ликимъ па́стомъ, при́шоў пи́риць Пра́здникы́мъ Хри́стовымъ днѣ́мъ, при́нёсъ ха́зяину́ поль́зы а́динъ ру́бъ, а сабо́ѣ купі́ў сякѣ́ру, купі́ў пилу́. Ха́зяинъ за́ ета́ у́зсерді́ўся, што́ ма́ла поль́зы при́нёсъ іо́нъ, а пра́работа́ў мой Ива́нъ то́льки тры́ на́дѣ́ли.

Ни́ дава́ть на́мъ за́ то́ хлѣ́ба. Е́та́ была́ на́ свя́тѣ́й на́дѣ́ли.

Са́ми па́вужи́нали, хлѣ́бъ спры́тали и́тъ мя́не и а́тъ дате́й. При́ходьт дѣ́ти ма́е и́тъ па́сто́ялику́: Зе́на, Ива́нъ и Хру́зка. Бы́ла́ свя́тая на́дѣ́ля и́ лю́ди влү́милі́сь во́всѣ́ма па́сто́ялику́.

— Што́ эта́ ти а́палѣ́ў ты, Пра́копъ: са́ми па́вужи́нали, а я́ зъ дитя́ми и́ такъ.

— „Тво́й сы́нъ быў у́ за́раба́ткахъ—мо́жита́ купі́ть“.

— Што́ жъ та́бѣ́ и́тъ сы́на ма́яво́ на́да? тры́ на́дѣ́ли пра́рота́ў и́ за́ тры́ на́дѣ́ли купі́ў сабо́ѣ пилу́ 1¹/₂ ру́бля и́ сякѣ́ру

девить гривинъ съ питачкомъ и табѣ рубѣ принёсъ, а табѣ дужа многа надаби.

Лягли спать мае дѣти на ужинаўши. Пуплавали, пуплавали... Што дѣлать? На заўтрива устали, я пагнала скотъ на ранен.

Приходить ка мнѣ мая нявѣстка. Яны печки павытпили, пабѣдали, хлѣбъ спрятали—ни дають дятѣмъ маймъ.

— Такъ и такъ, мамычка!

Плачуть и заливаютца гарючими слязми.

Я и гаварю:

— „Бѣуши, вы, на бѣуши, дѣтки, а пахатъ нибхадина, работать нада!“

Яны пабѣхали пахатъ на ужинаўши, ни бѣдаўши.

Увидала Пракопа:

— „Пракопъ, што ты ета дѣлаишь? Што ты ета маймъ дитѣмъ хлѣба ни даешъ?“

— И ни дамъ.

— „За што жъ ты такъ ни даси?“

— Вы мнѣ ни нада.

Я заплакала, пашла хлѣба даставать. Принесла крайчикъ хлѣба, патацила у поля. Принашу имъ хлѣбъ.

Плачуть мае дѣти, заливаютца. Сынъ плачить и абиждаецца, зачимъ яго зъ батькиныа дома вывила.

Нявѣстка абиждайтца:

— „Зачимъ ты дольникя жанила, чужую галаву завизала?“

Ахъ, Божа мой милысливый, што я приняла тольки гора—адинъ Господь знаетъ!

Такъ мы уси плакали.

— Пашитя зямельку! Нилъзя ни пахаўши: бизъ сахи и бизъ бараны и царъ хлѣба ни пойдаить.

Прѣхали дамой вичаромъ. Ипать іонъ павужиналь, а хлѣбъ вонъ вынисъ:

— „Ты мнѣ ни нада!“

Назаўтрига сходка.

10) Сходка и асмотръ Матрёшкиныа двара.

Пашла я на сходку, пакланилась міру.

— „Ну, што жъ, рибатушки, хлѣба мнѣ ни дають и зъ дитяи?“

— Пракопъ, што ты ета дѣлаишь? Ти ашамѣу ты, ти што?

— „Ды ни дамъ: яны мнѣ ни нада“.

— Вамъ жа грѣхъ яе абидить: ина вамъ дворъ нажила. Бизъ яе у васъ ничота не была: семира варотъ и усѣ на городъ, таперь жа у васъ диватерка коній, на бымши прежде куска хлѣба. Ина васъ жить заставила, а вы яе гонитя.

— „Ну, дакъ дялитца!“

— Што жъ ты имъ даси?

— „Адинъ надѣлъ дамъ“.

— Нѣтъ, я съ аднымъ надѣлымъ дялитца ня буду,—луччи душой да тѣлымъ выду, а ета ня жила: адинъ надѣлъ ни кусекъ хлѣба.

— „Ну, Пракопъ, такъ ня будить, якъ ты думайшь. Если дялитца, вамъ абанымъ роўна по 2 надѣла — и усѣ пупаламъ“.

— Зачимъ я Матрешкиному сыну два надѣла дамъ? іонъ привыдиць, іонъ ни природный двару.

— „Хуть іонъ ни природный, дакъ на яго зимля дадина у вашимъ доми па рязизи, а другой надѣлъ старухинъ; ни магешъ ты яго атабратъ, а кали ни хатишь ты умѣсти жить, тоже пупаламъ“.

— Нѣ, я вашимъ судомъ нидаволинъ.

— „Нѣ, нѣ, ня будить на тваимъ, а на нашимъ. Якъ бѣ яни йна, распаўзлись бы вы якъ мыши, стогъ зъѣўши“.

Са сходки пришло къ намъ у дворъ усѣ вобчиства намичать, што мнѣ, што яму.

Идѣ? ни за што! Іонъ зъ ими беда:

— „Ни дамъ вамъ дялить! ня быть таму!“

Пубыли, пубыли, міръ идеть сваей дарогый, я яго праважаю съ Пракопымъ Силюкомъ.

— Ну, старухъ, хлѣба табѣ ни дають; идѣ нибуть вазьми, да раздабуть!

Ипать яго бранить:

— „Ты жъ хазяинъ, а мы тябе нійдѣ съ сахой ни видали: сынъ яе, да нявѣстка яе“.

— Што яны мнѣ? Я забылъ и думать па етыхъ работникахъ.

Шли мы, шли, сѣли на бернушкахъ:

— Ну, што жъ, рибятушки, якъ мнѣ жить? Настырна такая житѣ-бытѣ!

— „Разживись на хлѣбъ, а будить сходъ валасной; тада патребуимъ у валасной правленія.

Што зъ имъ дѣлать, ни саобразисья: настыринъ іонъ, якъ воуеъ“.

11) Дялѣжка. Пастройка хаты.

Иднака миръ настѣилъ на сваймъ; началась у насъ дялѣжка. Сала дѣлили усимъ вобщиствымъ:

— „Я васъ знать ни хачу!

Кричить намъ Пракопъ:

— „Ня вы мнѣ сала наживали, ня вы и дялить будите!“

Самъ іонъ мнѣ хунтъ узяў и атвѣсіў, а самъ іонъ сасѣду у дежку сала спратаў—такъ яно тамъ и пошло шутывныю кашію:

Ни ў гаршку, ни ў мяшке,

Ни у торбачки на крючку.

Лападей была четира: яму пара и мнѣ пара; мнѣ жира-бѣначикъ другачѣкъ, якъ печъ, и конь читвиртакъ.

Кароў яму двѣ сямейскихъ, а мнѣ идна сямейская, да идна нывѣстѣина.

Свинню мнѣ атдали нывѣстѣину, трѣхъ авецъ, да имбаръ адинъ, пуньку на гумнѣ, пуню ящо на хлѣў, сѣвиницу.

А яму: хлѣў увесь, іўчарникъ, два имбары, два разнамѣты (два наугольники умѣсти), увесь дворъ старый.

Съ пасудины мнѣ ничога: ни бажницы, ни кадычки,—ни чагусинька. А якъ стали гарѣть, такъ увесь посудъ пагарѣў, што іонъ узяў съ сабою.

— Пракопъ, што ты ей дадешъ изъ пастройки?

А я прашу Пракопа:

— „А ты мнѣ уступи хутъ двѣ стѣнки бани!“

А іонъ ни мичить и ни тѣлитца.

(Баня ета была у насъ за хатку, своихъ денегъ 9 рублѣў я на яе стратила).

Миръ говорить:

— Ина жъ съ тябе нялишнія просить: уступи ей двѣ стѣнки.

— „Ну, дакъ нѣхай сабѣ пирадъ ею.“

Тадъ я приплатила за итстальныя 2 стѣнки девять рублей и поставила баню на изобку. Гумно разбили на двѣ части.

Зямли по два надѣла, и навозъ пупаламъ. Иванъ сабѣ здѣлалъ тріножычку ли корму: чатыри сошки (малинькіи шунцы) паставили, на сошкахъ шлапыны, на шлапынахъ пятажычки, на пятажычкі чыпѣлачку (диржаву крышы), потымъ крычкіи и пашлѣтъ; тады здѣлалі саломінную крышу. Иванъ прывёзъ мелкага бярэзніку, да і заплѣдъ увакругъ, штобъ ні дуло уси три стѣнычкі; на четвёртую здѣлаў воротцы, куда бяруць коры. Печку въ избікі пупрасілі паставіць пакойніка Прошку. А крыць яе нечымъ: калі дождъ у въ избі, такъ і тянеть пріама у въ избу — хуть ты атъ яе аткажысь. Палавіначку избікі пакрылі, ідѣ печку залажылі. Ні якоі прастройкі не была — стаіть наша хатка ідна, якъ буддырь: задметъ, замятеть, хуть три дні ня йшъ і съ печи ня лѣзъ. Тады падходімъ усѣ утравімъ падъ дверь, аттваряімъ яе, хуть нямножка атсунімъ; а то Иванъ босый ізъ хаты вылізіть, дверь аткапайть; — послі живёмъ, пашлі работатъ, што нужна. Даждаўшысь лѣта, нажали саломкі, пакрылі избу усю, паставілі проти избы імбаръ, пастроілі хлѣў, пастроілі яще імбаръ, пастроілі павѣтку, завѣсілі вороты. І дай Бохъ, штобъ послі пажару такъ жыть, якъ стали жыть послі раздѣлу, хуть горя многа пріняла я, якъ камышъ — горькая трава.

Вала́стна́й схода́. Уплата доўга.

Іднака жъ прішлось намъ съ Пракопымъ пубываць у вала́стнымъ правленіі.

Пракопъ затрубіў:

— „Иванъ, Матрешкінъ сынъ, прывадыць у етымъ дварѣ“.

Яму гаворюць.

— „Была кріпастная права, што гаспада хатѣлі, то і дѣлаі; а теперъ іонъ усѣ раўно палавінникъ дому, якъ і ты“.

Нільзя яму пупятца: ні ў сваімъ вобішці. Распрасілі ініе усѣ абъ нашимъ хазяйстві, пачомъ стали пунікаць Пракопа, што іонъ ні даў намъ нашій палавінкі пагноя і свой пагной ня вывизъ на ніўку.

— „Якей жа ты хазяинъ, што навозъ застаўся зімуваць у хлѣві? Якую ты пользу пулучіў зъ яго? І самъ ты ня жыть, і ей ні даешъ. Нада была падыліть навозъ на хлѣві;

тады бы въ сваей части якъ бы хатѣ; а ина бы вывизла—
можа бы и тебе, на яе глядя, зависть узила. А ета ты здѣ-
лалъ атъ криваты: тебе, братъ, паддаты нада бѣ за ета и ха-
рашенька. А таперь какой ета навозъ?—іонъ ужъ мукою здѣ-
лаѣся, только што добрая пагамбили. Правядлива сказана:—
„съ дурнымъ чилавѣнымъ у бани ни памнысьта!“ Суютитесь вы
яще абъ доўгу. Хлѣбный доўгъ пупаламъ, а денижнага, старухъ,
ты ни плати,—скажи дворниці, штобъ ей была извѣсна!“

Иднача денгги мнѣ пришлось заплатитъ. Стала мне пупи-
кать Маўра Тиханыўна.

— „Пракопъ мнѣ нивали ни заплотитъ, а ты умна, ты
дужа дѣйшла, атвиливайшъ“.

Я и уплатила, штобъ мнѣ глаза ни калоли, часть доўга—
8 рублей. Ета ужъ два года атдялѣмшись.

Пятнить мяне усѣ Пракопъ.

— „Звязу, да связу Гарбатыку четверть иржи!“

— Такъ я дурна, штобъ сваѣ добрая атдала табѣ везъ,
я сама связу.

И пришлось мнѣ на поли съ Гарбатыкымъ видитца. У поли
іонъ гряхиху забирайтъ.

— „Памаги Бохъ, Васильевичъ!“

— Благодарю, Хаминишіўна — (такъ пратягайтъ грубымъ
баскомъ). Ну, якъ жа ты паживаишъ, Хаминишіўна? Нѣшта
ета дѣламъ ты пришла?

— „Съ извиненіемъ пришла виноватца вамъ: виноватый
праў ни бувантъ.“

— Абъ чимъ жа абъ харошимъ?

— „Да вотъ што: я вамъ даўжна; больши ждали—меньши
ждать вамъ. Серца мяне мучитъ абъ маѣмъ даўжку“.

— Слушай, Хаминишіўна: мнѣ уси люди раўны; мнѣ нада
пиридъ Богомъ итвѣтитъ. Ты мнѣ ни даўжна ни калѣва—ета
я пу прашенію сказаў; а ты мнѣ ни даўжна.

Я яму пакланилась:

— „Спасиба вамъ, Васильевичъ: мае сердца мучіў вашъ
даўжокъ“.

А іонъ мнѣ атказантъ:

— Я яму на денгги атдаў, а ни узаймы. Дакъ іонъ мне
прасилъ, штобъ я съ тебе четвирть жита узяў и яму атдалъ;
а я ни хачу.

— „Ну, спасибо жъ табѣ, што ты развизаў маё серца: судьдими была присуждона, штобъ табѣ атдать“.

13) Суита съ Праконымъ послѣ пажара.

Якъ задали Пракону ходу у волости, іонъ носъ падъ сябе, сѣў и задумаўся.

Я иду абѣдъ давать талабѣ сваеѣ и гаварю на яго:

— „Праконь, ходи гарѣлки стаганъ выпить!“—

— Вужі, кроў тваю такъ пи, якъ ты пьёшь маё добрае.—

— „Памилуй, Бохъ, мяне чужоѣ питъ и чужимъ пользавацца, а мяне итъ чужова атвяди, Бохъ, и атъ харошыва, и атъ дурнова; а што мнѣ Гаспотъ даеъ и худое, и хорошія,— за то бѣими руками“.—

Пагарѣли мы. Пріѣхыў нѣкій панъ и ни вялить намъ строитца у прежню старану. Идѣ намъ нужна строитца, на новымъ мѣсти, Праконь засѣіў бураки—узыйшли яны щетачкою.

Иванъ ставить шульѣя на буракахъ, а Праконь яго атпихаить.

— „Пастройтись только на буракахъ—тады паглядитя, што вамъ будить“.—

Пріѣхыў валаснѣй, прамираў нѣшта усю старану.

— „Тимѣѣй Андреичъ, идѣжъ намъ строитца?“—

Іонъ вымиріў, якъ два двары, памѣстя такое и гаворить:

— Ета вамъ, а ета яму. Ахъ, ты сляпой Мѣрусь—и самъ ни живёшь, и людѣмъ ни даёшь!—

И таперъ, паслухайта вы, Праконь ни завѣтъ майго сына хазяиннымъ, а дольникамъ, и хатить атабратъ надѣлѣ. Ну, якъ ни скажутъ пра ета якому умному, то и гаворють, што нильзя атабратъ надѣла.

14) А сѣлиташній жисти Матрешки.

Притамились мае ножиньки, апускаютца мае ручиньки, патусѣѣли мае глазыньки; балить мае усѣ тѣла,—якъ псоукъ падъ калѣнками кусаить: пара адубливать, пара дать спакой старымъ кастѣмъ.

Сайдусъ съ прежними падружками и ужъ болій ни хвастаю.

— Глядишъ ты весила и ходишъ бодра, Хаминишїѹна, а сагнулась на нашиму у клюку.—

— „Ни мнѣ вамъ ни ста атвичать, и ни вамъ у мене спрашивать. Тарплю я горюшка пашти што збрання да вечира.“—

— Праўда, праўда, Хаминишїѹна.—

Вспомнимъ старая, пупланимся и усмѣхнемся, панюханимъ троху табачки, позюканимъ, прочъ разыйдемся.

Маладость—буйндсть, а падъ старость кайнысть. А благодарю Бога на Вышняга, усигда благодарю яго. Сыта, одѣта; ни я пазычаюсь у людей, а болїй сасѣдї съ добрымъ и дурнымъ ка мнѣ. Сына даўно жанила. Нявѣстка ня рѣдная, ня рѣдная дачка, ну, женщина ища парядашная. Дачку замужъ выдала у своей дивавеньки: хуть за плута, такъ тута. Ина мнѣ рубашку памыить, ина мяне праатвѣдаить.

Пирушки и гулюшки и теперъ я ище люблю.

На пасидѣлкахъ съ дѣўками пупридаю, дитенка прибаблю и на кситинахъ гарщѣкъ каши разабью, на свадьби пупляшу ня хужи за маладыхъ, на хаўтурахъ павью—павьють и пу Матрешки добрыя люди. Во якъ ты, мой паночикъ!

№ 5.

Луканянъ Андреевъ изъ Бѣликова Бѣльскаго уѣзда.

Старикъ лѣтъ 80, роста высокаго, съ просторною грудью, съ замѣчательно свѣжей для своихъ лѣтъ памятью и бодрой силой. Говорить громко и протяжно, словно выкрикиваетъ:

— „Званы зай-гра-лїй,

Папы за-пѣ-лїй“.—

Работаетъ и теперъ отлично, наравнѣ съ молодыми сильными парнями, но думами совсѣмъ ушолъ въ прошлое.

Самое прїятное воспоминаіе Луканяна отмѣна крѣпостнаго права, открытіе вольницы; однако старое время, по его мнѣнію, было тоже хорошо въ нѣкоторыхъ отношенїяхъ.

Веселїе и беззаботнїе жилось въ старину; не было вредной роскоши; люди были проще и чистосердечнѣй, да и ростомъ крупнѣй нынѣшнихъ во многихъ отношенїяхъ:—„теперь народъ муха, комаръ“...

Моладежь прерывала рассуждения и назойливыя сѣтованія Лукьяна:

„Дѣдъ, а, дѣдъ, ты бѣ намъ сказку бѣ велѣи салгаў, а то ужъ очень ты разбалтаўся... Пріятна намъ ета, дѣдичка, слышать, какъ вась пароли... Да, вѣрна, ужъ таво вы стѣили, што вамъ такъ пупадала—ни задарамъ выть ета.“—

— Нѣ, нѣ, вы перва былъ паслуханта, наўчитись чаму нибудь ладному, пѣтнму, якъ жить, якъ быть...

Слушалъ ли кто дѣда или нѣтъ, а онъ нѣсколько разъ съ обычнымъ энтузіазмомъ возвращался къ любимой темѣ.

— „Вы всѣ-народъ обалдѣлый!“... говорилъ Лукьянъ:

— „Старшихъ ни пуважаи! Нада паслать каво, маладова ни дашлесья. Хто зъ бародою, тѣму итти за вадю. Шагу ни ступить дарымъ. шагъ яму рубъ. Кали што здѣлаў—нидарымъ, ни на Божьму.

За большимъ барышомъ, милымъ мае, ни ганитись,—и малынькій барышокъ клади яго въ мяшокъ.

Бабамъ падай цапаги, хвартушокъ, а няхошъ, какъ да-преждо, лапатки, да бѣленькій сарахванокъ.

Мужики услѣдъ за бабамъ—дай яму цапогъ, 5 рубликомъ заплаати. И што жъ выходитъ? пагляди ты у ихніи горшки—постныи щи, хуть галаву палащи;

На брюхи шоўкъ, а ў пузи щоўкъ;

Сапохъ скрипить, а у гаршкѣ трясца кипить.

Стала, стала сирябро, а ў симъ жить ни добро.

Я стану помѣщикъ!... Ахъ ты, чушка, ты етакій, а ни на-мѣщикъ!.. Ищѣ даяко, братъ, табѣ да памѣщикъ, дужа даяко; У памѣщика ума три, чатыри. А у тебе сколько умоў—ну, скажи! За то жъ и живутъ плоха, и мала живутъ: 30, 40 лѣтъ праживеть, а потѣмъ вазьмѣтъ и пакалѣить.

Малы, слабасильны... Што-о?! Праўда гнида, да Богу мила—ана падъ елкій и сасонкый начувала, а мы асинку да линку гладали, ѣли и мезычку, куль жа на плячо—и пашли. Прежда у наша ўреми, жили багатыри, такихъ таперича нѣтъ: возьмѣтъ стравова бряўно—и паднялъ. Стали жить послѣ ихъ тѣжикѣ. Вотъ вы тужики. Въ старину хадили бодра и сматрѣли весела (Лукьянъ шею вытянулъ и посмотрѣлъ на своихъ слушателей довольно величаво).

А таперь харашо ли вамъ *ай худа, усѣ тужитя, ходитя, какъ вароны подстрѣлённыя, слоўна въ воду апушдныя (презрительная гримаса вдругъ появилась на лицѣ Лукьяна).

Посли жъ тужикѣ будуть жить пѣжники. Мы на булю насили, а тѣ у двайхъ иза ўсей мѣчи мѣрку хлѣба будуть паднмать—охъ—и абарвутца.

За то вы грамотныи, пишитя, читатя — вамъ присылать бумаги ни управютца; учёныхъ дивать нейди,—а у стари куды луччи была, якъ грамоти ни знали.

Писаў Минка,
Писаў и Яўтухъ;
Писалій бѣ болій,
Да агонь патухъ...

Старинный крестъ во якоѣ, а таперь крестъ только што мухъ атганять. (Старикъ помахалъ рукою около носа). Пржеда за вирсту:—„Здрастуй, батюшка!“—А таперь устричаитисъ съ кимъ, паклону ни тдаея! Дурнѣя, дурнѣя вы! Ни чилавѣку кланіитисъ, а яво ангилю; ни кланіўшисъ, ня Бога, а ангиля узвислянтя. У хмяли сярдиты, Божжа мой, какъ сярдиты: чилавѣка на мѣсти палажить гатовы, а съ кабака припоўши, жонкѣ у бальницы кладете. Карманы—ета биряги.

Ниблагадарны. Сказать такъ: на нонишнему вѣку чилавѣка бойся болій за таво звѣря; кабыльлю галаву велій рятуй, а ни чилавѣччу. Скажу а сваёй жисти.

Папоў я 12 лѣтъ у пританѣ и работалъ во якѣ. Змалатіўши, два вазы дроў насыаку, а тавариши мое только возъ насыакутъ. Стануть ихъ пароть, а мнѣ благодаренія: „вотъ старательный чиловѣкъ!“

Пошлютъ мине къ папѣ—я работаю и папѣ, яны жъ увайдутъ съ работы. Попъ мнѣ падаріў рубаху красную, и баринъ мине благодаріў. Зѣбли мы 8 кулей у барина хлѣба пу биднатѣ.

— „Вывизи мнѣ за зиму 50 сажонъ дроў!“ Пара лошадей у мине было. Я, бывало, атсяку и вывизу; мнѣ баринъ 50 палковыхъ и хлопъ денихъ. Да вазьму за десятину издержу 26 палковыхъ, да пакаструю еты ўси дрови на сорахъ капѣикъ сажинѣ. Бывала, на динь 2 сажня тройнику ссяку и слажу у закладъ. Бывала, валасы на рубахи макры отъ пота. Десятину круглую за день испашу 50 и 50 саж. во ўсѣ углы. Жить

пайду — три сотни снапоў іржи; и тяперь ищѣ магу жать.
Да заўтрика кашу дома, а съ заўтрика пайду три вазы нажну.
Прызываить баринъ.

— „Штоба сжата была дсятина!“

— Сажну, сажну ід.

И заўрима къ барину прихажу. Баринъ благодарить мине
и дадѣть нагрѣдцн 2 рубля денныхъ узвыши цаны, што, ржи, ни
упустилъ іе ва ўремя у дожъ.

— Ти увязешъ пару сотъ за день?

— „Увязу, баринъ.“

— Когда увязѣшъ, на рубъ тибѣ нагрѣдцн.

Пріѣхалъ на дной лошади и увѣзъ, а тяперь у дваихъ ни
ўвязуць.

(Одинъ изъ слушателей проговорилъ: „правда, правда!“)

— Дома кашу да заўтрика.

— „Што ты, Лукьянъ, забаўляйся—снопы ни ўвязѣшъ.“

— Увязу!

Какъ начну увазить, какъ у карты играю.

— „Ти многа асталась вазоў вазить?“

Спрашиваить баринъ вичаромъ.

— Вазоў 5.

— „Хто тибѣ пумагаить?“

— Гасподь пумагаить.

— „Ну, прихади ка мнѣ у домъ.“

Прихажу у домъ—далъ іонъ мнѣ 2 стаканы вотки и рубъ
сирѣбра денныхъ; благодарить.

Барыня жъ говорить:

— „Ни кидай ты етыва чировѣка: такова больши у насъ
у вотчини нѣтъ.“

Ж 6. Купрей Наважный.

Купрей быў нибальшенькага росту, рыжынѣй, —ня то, што
рыжынѣй, а такъ свѣтларусый. Етавыга добрыга у свѣти я
ня видила и никада ня ўвижу. Нѣтъ, нѣту таперича такихъ
людей: таперича усѣ съ хитринкыю, усѣ ладють, якъ бы аби-
дать, надуть друхъ дружбу; — а штобъ часымъ ать свайго ат-
ступитца, да падылитца зъ раднымъ сусѣднымъ... А, Божжа мой!

нѣ, нѣ, етыга и ў памини у насъ нима, и ни на томъ нинчи свѣтъ стаить...

Купрей — такъ тѣй да кажныга быў набажинѣ. Бохъ сказаў: „пупрасящиму нада дать.“ Якъ прйдить къ яму нищая братія, тады тольки аткажить ей Купрей Патровиць, калі у яго самога нічога нѣтъ, — а сымить съ сабе паслѣднюю рубаху и атдасть. Гастей приближныхъ и дальнихъ дужа любіў. Якъ праздникъ, и нікога у яго нѣтути, такъ іонъ и кляпатить.

— „Татюль, Татюль! (старуху яго звали Татьянъй). Нада жъ такъ: праздникъ, а адны мы съ табою ядимъ, — некыга накармить!“ А якъ у яго гостіки, такъ іонъ упрашиванть ихъ:

— „Астанѣтись вы ў мяне, пабудѣть ў мяне надѣньку, што Бохъ даў, то и будимъ спаживать, на ўсіхъ Господь родить, и усѣ, хто и ня сѣить, хатать ѣсть.“

Хлѣба Купрей нікоды ни прадаваў, а скармлива ў яго на нищихъ и добрыхъ людей. Хуть су ўсякимъ добрымъ члавѣкымъ пилъ вотчычу, — ну, пьянъ ни напиваўся и ракымъ на поўзаў, якъ мы грѣшныи. Чаго вы смяѣтись? Ей Богу, праўда-жъ! Съ сусѣдими и су ўсѣми людymi: и съ старымъ, и зъ малымъ, и зъ роўнымъ быў дужа увѣтліў, ласкыў, и усѣ яго шанували и пуважали, — усѣ звали дѣдушкымъ:

— „Здароў дѣдушка!“

— Здароў, дитятка, здароу!

Ну, ў сѣлиташнія ўремя пашы малый на ніўцы и ни знай, якъ работать, заливайся гарючими слизами: ніхто яму ни покажить, нікому да тога дѣла нѣту, што іонъ гародить мохъ съ баготымъ, и ніхто таперъ ни разсудить такъ:

— „Іонъ блазинъ, — такъ ни пакажи яму пахатъ, нічога ни будить путнага, дельнага, тольки самъ іонъ сябе измучить и скатинку притомить.“ А Купрей Патровиць, тѣй калі замѣтитъ, што малый ни сьумѣить сахи падладить, либа разладитца у яго што, то сичасъ на падмогу.

— Чаго ты, дититка, плачешь?

— „Нялоўка: саха дрянъ, ни пашить.“

— Пастой, дѣтутка, я пумагу табѣ. Ну, такъ работай, такъ! Ну, што пашла писать, хараша саха?!.. То-та жъ!.. Ни съ кѣмъ іонъ на мѣў суюты. Чужей свиньи, бывала, гуляють на яго ніўцы; а іонъ ни прагонить ихъ, да яще принасеть имъ вадицы напитокца:

— „Што жъ вы паѣли, а ни напились?“

Жина Купреива сярдуить:

— „Што ты дѣлаишь? Кала насъ люди будуть сміятца, што ты чужихъ свинней кормишь?“

— Пускай люди смяются, а намъ Бохъ дастъ. Абиды ня помніў. — И атродки Купреевы ни ругаютьца. Платонішка Хражэй, тэй нікоды ни зругантца, а абидна яму што станить, заплачить.

Купрей учіў сваихъ дѣткѣ:

— „Глупѣя, за динимъ тарчкомъ ни ганайся: Бохъ зъ имъ, Бохъ зъ имъ! Ни ‘гдавай у вѣ атвѣтъ, ня ўди и ня ўди ў драку!..“ Тарчокъ! А иншія якъ разахотунтца, такъ и пять, шесть тарчкоу дастъ. Разъ пьяный якъ напаў на Купрея, біў яго, біў,—потомъ и говорить Купрею:

— „Приняси мнѣ калчишку: пачану тебе калчишкыю бить!..“

Принѣсь. Барыня замѣтила—загразилась: тады тылу, прочки нтъ Купрея удалей мядвѣнникъ. Злучалась, што крали злѣя люди у Купрея, и зналъ Купрей, хто крадитъ,—тольки скажыть:

— „Нихай сабѣ! Бохъ зъ имъ: кали яму многа нада, ни хай бярець!..“

Да службы Божьей быў дужа усердинъ. Буды бѣ ня ѣхаў, злучись ета вичаркомъ, пидъ святѣй день, застанаўливаўся и атпригаў лышадей. На святѣй день нипримѣнна пайдеть у церкнѣ, будь стужа, будь зимна,—и ни аднѣй службы ни прапунтъ.

Баринъ ета знаў и захатѣў шутить шутычку: влѣў пустить лышадей у Купрееву пышаницу и пыслаў яму сказать у церкнѣ. Када іонъ стыаў на службы Божьей, што „панскія лошади тваю пышаницу пріѣталочили.“

А што жъ Купрей атвѣтилъ:

— „Нихай ядуть на здароўя—и намъ застанитца!“ Панъ узналъ ибѣ етымъ и призвалъ яго къ сабѣ.

— Купрей Пятровичъ, а тебе тольки хотѣў спытать, а за пышаницу а табѣ заплачу.

— „За ета благодаримъ васъ, баринъ!“

Што ни дѣлаў Купрей, то усѣ чинна, больши іонъ знаў насъ грѣшныхъ, якъ дѣлать налѣжить (мы тога ни знаимъ)—быў слова тѣй знахырѣ. Заборъ гародить ни такъ, якъ мы, а наложить у суколы забора маслѣ коньскіи и кароўи, штобъ ни

разъизжались. Дивіу іонъ насъ ящо чимъ. Жырыбѣнка яго воўкъ тѣщить, а іонъ и ня думайть даганянь.

— „Што у ваўка на зубахъ, то святѣй Ягорій даў!..“

На хляву никада ни зругаўся. Кали бъ хто такъ упускаў своё дабра ни за шта, ни прѣд шта, да пумагаў бы людѣмъ усею душою, зжился бъ да паслѣдній нитычки, а Купрею, видна, Бохъ пумагаў — ни иначе — я такъ сама сабѣ думаю.

Лападей Купреивыхъ, бывала, арканамъ ня здержишь! А чимъ яны сыты? Падъ часъ іўнику наложить — и тольки; а пу-падетца яму икая, работайть на ей три дни бязсмынна. А ў каво таперъ изъ нашига брата такея кони?

Жита яго заўжда, якъ трасникъ; пышаница ярушка — хутъ ты яе на йглу нанижи; хлѣбъ атыфный, якъ стена, на ўсѣ поля.

Пчила сильная. Мясa у ва весь годъ: свяжина, пырысятца, телятина.

Люди ни запомяють, што хто такъ смашна піў, да вѣ, якъ Купрей.

Баринъ нашъ любіў Купрея и хадіў зъ имъ у зинію пугльгу лавить вирабѣў съ хванаремъ и мятелкю.

№ 7.

Якъ Арина здѣлалась знахаркю.

Арина панясла работникамъ вѣсь; сустричайца зъ ёю сивенькій, пресивенькій старичекъ.

— Здрастуй, дѣтычка! кудажь ты ета идешъ?

— „Нясу на пакосъ работникамъ вѣсь“. —

— Пастаў ряжички: я табѣ траўку пакажу. —

— „Дѣдичка, нада мнѣ несть“. —

— Да ты жъ ни забависьця: ну пайдёмъ!

И три дни іонъ яе вадіў и усе іонъ паказываў травы, каторыя атчаво и усе угавариваў:

— „Ня йди ты замыжъ... но ты выйдишь — ня вытир-нишь, — ни паслушаишь мене!..“

И усе іонъ вадіў яе и паказываў травы и вывѣі іонъ яе на прежнія мѣста.

Тожа и выйшла (Ина яще жива).

Съ тыхъ поръ, якъ пыгаварила ина сы старичкомъ — дите-

нычкѣ забалѣвить, ина дитенычку пользу дасть; ать глазу, ать ламоты, и если वोыла сердца ныть—ать усяго пользу: усѣ та҃хи юнѣ ѡй паказаѣ.

Стала ина сама сабѣ кусокъ хлѣба зарабатывать. А якъ выйшла замужъ, усѣ знанія забыла и зѣ мужимъ ина ни живётъ, и таперъ ина яще жива, только нашти што слѣпа: глаза яе стали низки, только зяровичѣ нямнога видить приѣд сабою.

№ 8.

Якъ прарѣла и здѣлалась знахаркыю Сטיפаньюна, што ѣ Дамарачини.

А ета ти жива, ти нѣ, што у Дамарачини Сטיפаноўна? Во якъ ина сама мнѣ казала, якъ стала видить.

— „Ни видала я ничагеничка и ужъ замужимъ была. Вотъ на самый на Христоў день хто ѣ церкнѣ, хто куды;—застались только я и мужъ мой дома, и говорить на мяне мужъ:“

— „Хутъ ба ты, слипая, вады принисла, а то сядишъ діубакомъ, да сядишъ!..“

Я пуплакала, ведры на плечи и пашла пу ваду; иду и плачу. Сустрикайтца са мной чилавѣкъ.

— „Здароў!“—

— Здароў!—

— „Чаво ты плачишъ?“—

— Да якъжа мнѣ ни плакыть? Ня вижу воды, идѣ тая вада.

— „А хади: я тябе давяду.“—

Привѣѣ мяне къ калодисю и даѣ мнѣ палычку убросить у калодисъ.

— Што ты думайшъ, галубынька моя? я и видить стала, и палычка ета плавайтъ паверхъ вады у калодиси. Я бухъ тому старичку у ноги: рада—радѣшанька, што увидила свѣтъ Божій!

— „Чирпай вадицу!..“

Я пачарпнула.

— „Костычку ету вазьми къ сабѣ: и будишъ ты знать многа, дужа многа знать, станишъ атхаживать ать балѣсти скотъ и людей, станишъ атгаваривать ать злога чилавѣка и

дурнога призору;—табѣ вѣдамна будить, якъ здѣлать, штобъ скотъ вѣўся, у каво ни вядетца,—якъ домъ строить нужна.. тольки гляди, дѣтычка, штобъ костычку ету ить табе не атєрали!..“

А мужъ слушанть разговоръ нашъ и любутца, на жонку глѣдючи (у тоя уремя Дамарачиха, яго жонка, дужа была у слави), да и гаворить:

— Вить жа дайшла!.. во слиная, такъ слиная! — А ина (Дамарачиха) такъ сабѣ скромнинька сказать:

— „Ета Бохъ Милыстивый мнѣ показаў!..“

№ 9.

Савѣты Дамарачихи.

I.

Каровы у насъ стали падать якъ забытыя на самый праздникъ. Навѣстка мая схадила къ знахарки.

— „Ета вы такъ ни абиждайтись на Бога: Богъ такъ ни бѣеть, а ета ить лукаваго, ать урага — злѣй усигда тиризь Бога. А Гаспотъ зъ имъ, Гаспотъ миласливый! Гаспотъ миласливый усѣ вамъ будить пасылать, и вы будитя жить, ну, усѣ будутъ вамъ паддержки ить злова, усѣ іонъ будить давать вамъ тычѣкъ...“

И сказала ина намъ:

— „Стаўтя хлѣў на паўдни!..“ Да вотъ яще чаго мы не здѣлали:

— „Падъ чатыри вирии упуститя живога серибра: ни якія урахъ вамъ ничога не здѣлаить, и будитя жить харашо см сваймъ мужимъ, будитя имѣть кусокъ хлѣба... Я знаю: твой мужъ чилавѣкъ змирный, іонъ привидиць, не здѣсь іонъ радонъ и ать юнысти приывадонъ у етый домъ..“

И праўду сказала Дамарачиха: дѣйствительна, іонъ привидиць.

II.

Я сама была у яе. Етакая костычка у яе чудесная: вадцу ильеть тиризь яе и ў вадцу глядить.

И сказала йна майму Паўлюку:

— „Ты ня вытрывайш; а калі паможить, ни паможить табѣ пылявой часнокъ!..“ Водивилась я ей. Дварочикъ быў нибольшенькій, а то повинъ дворъ лышадей, и дваровни люди, и усикъ ина атгадаить.

— „Знаю я,“ гаварила ина мнѣ: „и прато, идѣ што украдиння, и хто яго украў, тольки сказать ни магу—а то мне сажуть.“ —

Варожить ина, а мужъ аблакатіўся, глядить и дивитца, и ухмылка у яго такая довольная.

Ина яму и гаворить:

— „Якъ слѣпа была, тады я табѣ ни нада была—помниш, якъ гаваріў ты: валакитя спячую пу дурахъ!..“

— Э—до, Стипаныўна, мала што была! Атказанть ей мужъ.

— „А мнѣ, Антоньўна, ажъ абидна!..“ Гаворить мнѣ старуха.

А купцы то и дѣла падходють къ ей:

— Стипаныўна, Стипаныўна, што намъ здѣлать?—

Падашла къ ей дачка, да гаворить:

— „Мамачка, пасматри на ихъ (ета на мяне съ Паўлюкомъ маймъ): ета жъ здалѣка къ намъ заѣхали!..“

— Да нада паглядѣть, што имъ нужна ѣхать дамой далѣка.—

— „Что жъ выздоровѣлъ твой Павлюкъ?“— спросилъ я у разскащицы.

— И годъ ни пабыў: хиріў, хиріў—и схиріў!—Дамарачиха вѣрна гаварила, што іонъ надарваўся.

№ 10.

Дахтаря праѣздымъ.

Бальна была баба гады три и съ пастели ни ўставала; мужъ яе бывала кричить на яе:

— „Валакитя яе пудурахъ! Сабаками бѣ яе, хворую, за-
травить—на што ина?—А сабакамъ и то ниўгодна яе зѣсть: высыхла на былинку.

Заѣхали у дворъ къ имъ нѣмцы, траў ликарствинныхъ.

вязуть вазы бальшущіе. И зайшоу разговоръ, даѹноу хазяйна бальна.

— „Надабъ ей помычи дать!..“

Стала прасить:

— „Сдѣлайти Божецкую милость!..“

Дали ей травы на три разы:

— „Три раза натапнати!..“

И сказали, икаво будить ить травы:—Перша спать будить, а тада скарѣжить яе, и дужа худа будить — ну, усѣтаки, три раза здержита!..“ Третій разъ якъ дали, звярнула морду у патылицу—мужъ ажъ дивитца:

— Во уродъ, такъ уродъ! Ну, ужъ ета ни самимъ глядѣть, ни людѣмъ показати!..“ Захатѣлысь ей у баню, — пашла, и сыйшла у ей шкура, якъ рубаха. Выздараѣла жъ, и стала сама знахаркый и кастапраўкый.

№ 11.

Лисная дѣѹна.

1) У паўдни зываюцца клѣтва матери. Лѣшій уводитъ у матки дачку.

Была идна дачка у матки. Стала ина прасить ў паўдни ѣсть и надаѣла матки. (А ў паўдни матка ня брѣнься на свайго рабенка и ни клани яго, а рабѣныкъ ни давади да брани: іосьть такая минута у паўдни—што матка ни прагавѣритъ, то ўсѣ збудитца).

А матка гаворить:

— „Иди ты къ чорту, убирайся! Чаво ты ка мнѣ привизалась?!..“

Якъ стояла дачка у въ избы, лѣшіѹ узяѹ яе за руку и павѣѹ съ избы.

Матка ня видитъ лѣшига, а дѣѹка видитъ яго, хазяина,—іонъ яе—и паавѣѹ, и паавѣѹ! Сабрались ужу съ поля, палуднувать пупришли; матка гукають дачку палуднувать.

— Идѣ жъ ана дѣлася? Ина жъ тутъ была,—са избы пашла нидаѹна. Пагукантя ея: ина нѣйди тутъ на колицы.—

Тутъ яны на колицу гукать яе: и туды, и сюды—дѣўки нѣту нйдѣ.

Тронула матку у сердца. Усѣ стали палуднувать, а матка сидить и плачить. Дѣўки тѣй нѣту и нѣту: яны туды пойдуть прапытывать—нѣту; яны сюды—нѣту;—куды ни пойдуть нйдѣ нѣтути. Стали у вѣди испать, стали ужу панахвиды служить и помянъ спраўлять—яеъ нима, дакъ нима...

Ужъ и годъ прайшоў нѣтути и другой прайшоў нѣтути. Яеъ пуминають, яеъ службу спраўляють—матки буцакъ на серци лехчи.

2) Жыцьё-быцьё дѣўки у лѣшига. Лисавѣй учить дѣўку знахарству и усяму пырядку.

Семъ лѣтъ дѣўки не была: вадіў яе лѣшій по лису. Чимъ она тольки питалася, чимъ тольки яе душухна жива была?!

Дастъ ей лѣшій губашичку. Губиначка, словна яеъ прасви-
рачка, смашная такая—сказывала послі: «яеъ зѣмъ, ипать да заўтри ёсть нихачу и падумать на хочитца». Спать урема прѣдить. Придуть яны къ купинки—ей и мякка, и тепло. (А она усё у аднѣй рубатенычки, усё у аднѣй рубашички).

Прайдуть на виселья. Будить тамъ тиха, хмурна чаво та,—уси призадумаютца, призатуманютца, словна темный воблакъ на ўсехъ понадвинить,—уси маўчать:—Сичасъ, яеъ придуть, аткозь што возьмитца: вяселья, игры, шутки—растабары, хохытъ; пра-
каўзнутъ мина стола—и пѣсни, и шумъ, и гоманъ, малады и цалуватца.

„Ну, ужъ и ў хати“, сказывала: „мой путивадитиль пы-
рядку глядять: кали што ни ў парядки дужа морду свою кри-
вить—ни пу нутру яму.—Кадажъ хлѣбъ изъ сѣинный, ладныи муки—прістойтъ, пажалуѣ, аткушантъ;—а ужъ изъ насѣинный—
надумаѣ: ни зашта ни возьмать (нужна муку непремѣнна пра-
сивать).

Хто жъ абѣдаўши хлѣбъ на лаўцы кладеть назадъ—сау-
симъ нихарашо—да таво хлѣба ни притронитца. Ящо жъ, брат-
цы, хто воду працѣдять, удажу ліўшей—и хлѣбъ дужа споринъ,
и ёсь яго пріятна. Ящо жъ, братцы, у закрамыхъ нада накрыв-
вать муку накрывшею.

Входимъ мы разъ въ йзбу.

Адны спяць нямалёмнісь, а тыя пумалёмнісь ляглі. То ныхарашо. а эта харашо. Ложомнісь, нада еститца и Богу малитца. Кады дитеныкь ляжить пиряхшоный эта лаўка, када ни пиряхшоный — эта нѣтъ. Узыйшомши у хату, сичась якь свары нѣтъ,—пастаить, пабудить. паглядить и павернитца вѣдрухъ; а если свара, то ни дай Бохъ—таропить: „здѣсь ня будишь, ня будишь—тутъ и Бохъ ни бываить“.

Ну, ня больши, якъ у двухъ дварахъ, пабудимъ тутъ снѣчасъ и лѣсъ; у лѣсъ іонъ и пойдить са мною.

Якъ пристоль у сялѣ, якъ ярманка—мы ужу и тутъ,—будимъ хадить на рынку. Ибѣдня идеть, народъ молитца. Пайдѣтъ іонъ кала лавыкь и тавару ня будить братъ бумажныга, а толькы што глядить на яго.

Адинъ платокъ махынъ, другой швыргинъ—словакъ гуляить.

Пайдѣтъ—прайдѣтъ кала лавыкь, кала ўсихъ: послышитца крикь: вотку пьютъ и льютъ, якъ разліўноя моря; таргоўля удашная, купцы дярутца ажно атъ азарту, народъ на пирябой расхватаить таваръ, а Бохъ цѣны строить.

Возьмить и мнѣ дасть пупраникь, баранька и арѣхи со два и со три: ну, тутъ зѣмъ, а ў запасъ ничога ни бяри...

Будить, словакъ назнарошны, вадить па ярманки, вокала матки, вокала усей маей раднѣ. Якъ гляну я—слезы покатымъ изъ глазъ, ноги подкашіютца, жалка мнѣ,—стараюсь тирнутца, задѣтъ ихъ хуть лакаткѣмъ. Эта назваляить;—ну ни батьки, ни матки я ня видна.

— „Табѣ радни ни нада, давольна—пайдѣмъ!“—Увидеть мине атъ ихъ! Ти чутно то ихъ серцу, што я такъ близинька была вокала ихъ...

Стаимъ мы разъ пиридъ вакномъ. Агонь гарѣў, а то загасъ. Садить матъ надъ балынымъ дитѣнычкымъ, а дитѣнычкы кричить—и день, и ночь усе кричить.

— „О, Господи миласливый, наняси челоўчика—хуть ба таўхануў нямножка, да дурь збіў!..“

А іонъ усѣ стаить и слушаить.

Пайдѣмъ, дѣўка,—калыхнемъ дитенка! Дитѣнычкы успокоіўся и затихъ. якъ іонъ увайшоў у хату; три разочки калыхнуў—даець спать матки.

— Благодарю Господа на Вышнита!—Слава Богу: мой дитѣнычкы спить,—Ну, и спить три дни. Приходить іонъ.

три дни пагадѣмши—дитѣнычыкѣ ипать заерікываіть.

— „Господи Миласливый, хуть бы іщѣ чілавѣка етыва Бохъ принеся—я бѣ малебінѣ благода́рный отслужила бѣ!..“

— Зайдѣмъ жа, дѣўка, іпать — калышнѣмъ яго, пакуль жисть прыкончыть іонѣ: іонѣ нямнога паживесть.

Іна Богу молитца—памолитца и за наша здароўя. Дитѣныкѣ стішнітца, а намъ будить атъ маткі благода́рнысть!.. Аба ўсехъ іонѣ падумаіть, добрый, ти падумаіть жа аба мнѣ, ти прывядець калі къ маей маткі сѣ батькыню!..

3) Возвращеніе къ родителямъ.

Якѣ сѣмный годъ вышй, прішли мы къ кабаку, што выставя бывають лавычки.

Пьетъ матка зѣ батькынъ гарѣлку. Батька выпить стакань и маткі даеъ, матка што-та ня пьетъ.

— Пей ты самъ!

Батька наліў другой стакань, іпать даеъ маткі, а я усѣ патаўхиваю матку: а матка якѣ крикнула:

— Гарѣлка ікая пратіўная!

Да шлѣпъ тиризъ плячо прѣма мнѣ въ очі. Тады лѣшій:

— Во кадѣ тибѣ матка вѣзьміть.—Атпихнулъ мине атъ себе. Видна я стала людѣмъ и кинулась нѣ груди матіри..

— Дачушка мая радимая!..

Схватала яе за шыю—ни разымишь! Якѣ убярѣзи трипѣтнічка тряпцѣйтца—такая стала іна изъ сябе блѣдная...

— Ажно жѣ сы мохымъ абрасла и шматкі атъ адѣжи пріраслі къ твайму тѣличку!.. Наахадилась, дѣтчыка?

— А наахадилась, а наахадилась, мамычка!..

Сталъ народъ пріхадить дивітца ляснѣй дѣўкы; стала варажить и сказывала усимъ усю щірую праўду.

Тимохъ нашъ Михаль быў у ёй. Сказывалъ: дѣўка изъ сябе звязная, ну, сурьѣзна, дужа сурьѣзна.

№ 12.

Знахари приваражіють.

У Чарненка была жонка, іщѣ нічего—баба слаўная, а спалюбоўніца куда хужѣй: и ета, сабѣ, танкуватая, а тая ащѣ танѣй.

Сама спалюбоўница мнѣ признавалася:

— Съ тыхъ поръ якъ іонъ мне приваражѣў и ня вижу яго дни со три, со два—тошна мнѣ, ажно мўтарна—дѣтца нѣйди! А калі увижу яго—ничога.

Выду я на крыльцо, плачу—хуть ты птушкыю лати кь яму! Матка бьётъ мне, брѣнить: такая, сякая!

Саскрябѣтъ машулку—и машулкую.

Маўчу и плачу,—рада-бъ скинутца сѣрыю пирипалкыю или сизыю какушкыю, да лятѣтъ кь яму пу вуздухахъ.

Выбрала минутку—я за сѣнцы; стричаютьца са мною два ваўки—и пувядуць мне да стрѣчи или кь яму у дярёўню.

Іонъ самъ мнѣ казаў:

— Хуть ты ни пайдѣшъ па сваей воли, узнѣсься, а пойдѣшъ, прйдѣшъ: мае сабачки тибѣ мнѣ руками даставють!

Сичасъ яны мне вядуць подь руку, іду я съ ними, сястрица, іду—и горюшка мала.

Якъ прихажу у дярёўню—слова якъ назнарошныя упихнуць мне—ти яны, ти другей нѣхта таўханѣтъ мне кь яму на парохъ.

Ну, назадъ атъ яго атъ чаго-та храбрюсь, сама ни знаю атъ чаго, іду прاما, ни баюсь ни матки, ни рода—племини, дайжа горюшка мала,—іду слова законъ, слова жонка.

Ти чула ты ета?! Прихажу двору—и матка ня кривитца, ни бранитца.

Ну, и я ужу сублюдаю сибѣ ни якъ нябутъ, усѣ гажу ей,—да таво ужъ выбиваюсь, пильную.

Тады матка гаворить на нявѣстку:

— „Ни кривися и ты на яе (ета на мене): пуста яе бутъ—ина усѣ дѣлаить: и мяшки аграменныи носить и на малатьбу ходить.

Умѣрла Чарненкыва жонка—спортеў яе: высохла, высохла, на былиначку, ляжить у гроби якъ дѣвчыца, галоўка слова махтўрычца. Жаниўся іонъ потѣмъ съ храмѣю.

№ 13.

Чарненыкъ кь драки призводитъ на свадьби.

Была свадьба у Крутялёвыхъ: нашъ Васька пляменника жаниў. Висялились, висалились; во Чарненыкъ и гаворить:

— „Ти хочита вы: зъ етыхъ шапыхъ ажно пухъ пасы-
плитца, и сичасъ яны палитять?“

— А ни яли ты пустова.

— „А во глядита, глядита; глядита жъ, бабы!“ Падышли
сичасъ адинъ къ водному, бѣхъ, бѣхъ новуху.

— „Паѣхали, паѣхали... Глядита, глядита! И стала прас-
тора у изби. Вотъ тяперь вѣту никога; во харашо, дакъ ха-
рашо!“ А жонка гаворить:

— Яхмычка, вить ета на нашимъ Гараськи паѣхали!..
Чортъ суить усѣ ни чужими, а нашими.

— Цѣлъ, цѣлъ, дудить... Нярушъ, нярушъ пагуляють...
Ня босѣтись!..

Вышилъ тады:

— Ахъ, такъ васъ, етакъ! Што вы ета забясились... Што-жъ
вы ета уздумали сами сабѣ?!.

Гаворить ета іонъ, стоичи ли ихъ—и захыхаталъ.

— „Ту, ту, ту, пфу, пфу, пфу! (Заплювалъ на ихъ).

Чаго ета васъ забрала? Ни дуритя, а хадитя, дураки, у
въ избу. Што вы ета раздикались: ти шалъ якої на васъ на-
палъ, ти што?!

Идетъ у избу, и яны мужикымъ за имъ:—„изнову я вяду
свадьбу къ вамъ“.

Стаў тады Чарненыхъ играть на скрипки; стали изнову
пить гарѣлку, и пашла выселья.

Чарненыхъ весилъ и шутить.

Пришолъ Чарненыхъ у гости и дядька, уся радня. Якъ
яны налили стаканъ гарѣлки, стаить етый стаканъ; зазюкались.

Што ты думаишь? Аглянулись: стаканъ троху припадняўся,
гарѣлка къ паталоку, и дно вывалилась у стакана.

Дядька зъ-за стала побѣхъ:

— Я, братъ, баюсь; братъ Дмитрыў, ей Богу баюсь.

— „Ня бось, ня бось, садись за столъ“.

Гаворить хазяинъ:

— Мамъ, а мамъ, благаслави гарѣлку пить.

— А Бохъ тябе благаславить. Ня бось, мой сынокъ: у тя-
бе многа помирла радитиліў—пригукни ихъ!

Сталъ пригукивать:

— Батюшка мой Дмитрокъ Оедоровичъ, благаслави, Мирёнъ Дмитривичъ, брахнинька мой, благаслави!..

— Паднаси таперь, мой сынокъ, паднаси: нярушъ съ Богымъ пьють...“

Стали пить, стали гулять, паусакоились, а Чарненнѣъ биз-паконтца ня думаў: сядить у углушкѣ и смяётца.

№ 14.

Состязаніе знахарей на свадьбѣ.

Была свадьба у Мачулахъ, и были на тѣй свадьбѣ скымарохи, а двоя изъ ихъ троху шўпили—ну, урахъ на урага и найшолъ,—то я вы сабѣ замѣтъя, што воба съ крючками.

Адни на свадьбу прошины, другея нѣтъ.

Дзынь! У прошинныхъ скымарохнѣ струны парвались адъ разу.

— Пагады, пастой: идѣ Марачи, тажѣ ж... ни тачи! Марачъ траху падыдїў, падыдїў: во тѣй знахарь якъ начаў зъ лаўки и да парогу и абъ парохъ и абъ другой парогъ и за варотами битца—бѣётца, а устать ни магїть.

— Стаў тады знахыръ прасить прашдїення у Марачѣ.

— Ты жѣ мала смыслишъ, ты бѣ ня трогаў луччи: Идѣ Марачи, тамъ ж... ни тачи—и дитѣмъ сваймъ закажи. Мы забыли, братъ, што ты знаишъ. Ты магїшъ спортить и ни атдѣлаишъ; а я спорчу и атдѣлаю; разлажу и налажу; мы сами зъ вусами, а у тебе только носъ паабрось!..

Стали пить гарѣлку.

№ 15.

Добрыи знахари Божымъ иминимъ пумагають людѣмъ, а злыи знахари тиризь аггала чарадѣйствуютъ.

Скорчила у Рудни у Лапоткина Ганну, високую яе звали—усѣ ета въ поддѣлу. Стали малебны служить,—вуднѣ, вуднѣ ни кидались—прикарѣжила: готъ пабыла и умѣрла.

Тады дойжа и знахари пуприкали и бранили того злого видѣ-мака, што поддѣлъ здѣлаў.

Памилуй, Госпыдъ, и пакрый атъ злыхъ слоў; саврути, Госпыди, зло ли дабра!

№ 16.

Знахыри заломы дѣлають.

Систра мяя ни видамши да сжала заломъ. Стала ей мутарна, и мужъ яе на лугахъ кричить:

— Ай, жиў ня буду, ай, жиў ня буду!

Стаў битца, якъ зямля почарнѣла. Привяли знахаря: іонъ былъ нидалёча.

— Ну, таланътвая, братъ, што ты скоро щипянуўся—а было бъ табѣ, братъ, акаливать скоро: дужа лоўка здѣланъ заломъ на тябе и на твою жонку.

Таланъ, таланъ, што захавили и тябѣ, бабѣ, былъ ба рядъ; ящо таланъ што плоха здѣланъ заломъ—битца кѣ на скотъ.

№ 17.

Знахырь унистыжаить поддѣлъ.

Балѣла у мине рука и нага нахристь: правая нага, лѣвая рука,—балѣла у мине такъ, ажно стерпу не была: кричала, рубаху на сабѣ драла.

Привяли ка мнѣ Лаўриненка мине атхаживать.

— Охъ, падшутіў надъ табой нѣхта Маркыўна, слаўна падшутіў!

Паставіў жбанъ вады прида мною.

— Гляди у етый жбанъ и калі у етый жбанъ, у личинна, што тамъ увидишь: ета тэй, што табѣ поддѣлаў; а то рѣжъ руку. Ти баіеся ты грѣху?

— Нѣ, Васильевичъ, баюсь грѣху, ни хачу братъ грѣху на сваю душу.

— Гляди: сюда придить тая баба;—ни давай жа ей ничога.

Приходить сусѣдка, приносить мнѣ рыбки солинны:

— Натка табѣ: у тябе двоя дѣтыкѣ;—ты подкрѣписься, табѣ будить харашо.

— Дай-ка ты мнѣ луччи етый рыбки.

Сичасъ іонъ яе узялъ и падъ печъ бросилъ.

Ина атмоўчила, ни слова ни твѣтила: видно яще хатѣа поддабрить; узяла сичасъ и пашла за двери. Якъ выпила я Лаўриненьквыи вады, стала у мене ирвота—думала, што жива ня буду, пѣтѣмъ палѣвшила, а стала я пумаленьку аздараўливать.

№ 18.

Змѣи повинуются знахарю. Знахарь наказываетъ змѣю.

Ѣхалъ мужикъ па дароги, атпрѣхъ лошаты вокала Бернискай гати.

Укусила лошаты яго змѣя, и плачуть мужикъ, што лошаты дымѣть.

Ѣдитъ кучиръ на лошадахъ, адинъ, паражнѣмъ.

Іонъ спрашай:

— Што ты, мужичекъ, плачешъ?

— Какъ, батюшка, ни плакать? Атпрѣхъ лошаты накаарить, а гадина яе укусила: уся лошаты распухла.

— Іось у тебе тапоръ? Бари, атруби асиनावую палку.

Іонъ побѣхъ, атрубилъ асиनावую палку; узялъ кучиръ паву, зайстрѣлъ, убилъ у землю, узяў зверьху канецъ разщипъ и кляпѣнь палажѣ, штобъ канецъ ня слизкываўся:

— Ня бойся ничова! Хади—ни рабѣй...

Свиснуў—крикнуў кучиръ:

— Сабирайтисъ уся гады ко мнѣ!

Змѣи паўзи, якая вутрымъ собирались!..

— Ня бось, ня бось!

Яны поўзали кала ихъ.

— Хуть и станишь, ня бось, ни рабѣй—ня ўкусить! Ну, ну, ну? ня ўси ящо...

А тая паўзетъ и схуванца.

— Ну, винуватая, падходи ближе!

Падпаўзывай.

— Ну, винуватая, лѣзь у клящотки, што разнаў!

Улѣзла въ розники,—кляпѣнь и выніў.

— Падарожнига ни кусай, а такова!

— Ну, па свайхъ мѣстахъ!

Тада каторыя буда...

— Бари лошаты, паизжай зъ Богымъ!..

№ 19 а.

Атчаво ета лисавыи завялись, вадяныи, палявыи, дамавыи? Ета ать дятей Адамовыхъ, что онъ посовѣстился Богу показъ за тымъ, што яго жонка цѣлую араву нарадила.

У Адама нарадилась многа дятей. Вотъ разъ и гаварить Гаспотъ Адаму:

— Пакажи ка мнѣ свайхъ дятей!

Ева пасавѣтывала:

— Ни вяди ихъ усихъ къ Богу, а застаў у ситники, у камыши: совистна паказывать такую араву.

Вотъ іўлянтца Адамъ къ Богу ну, ни са ўсѣми своими дятъми; а ужъ Гаспотъ знаить, што яны ни ўси и знаить, идѣ атстатнія дѣти.

Какъ шолъ Адамъ ать Бога, думайть:

— Дай: зайду, вазьму свайхъ дятей у камышй!

А ихъ ужъ тамъ и званія нѣтъ,—паложимъ сабѣ яны ни прапали, а эдѣлались силнй темный: хазяевами па дамамъ, лисавыми па лисамъ, палявыми па палямъ, вадяныи па вадамъ—идѣ которому Бохъ жить пріизвелъ.

№ 19 б.

Атчаво ета лисавыи завялись, водяныи, полявыи, дамавыи? Ета ать дятей Адамавыхъ, што іонъ пасовѣстился Богу показъ за тымъ, што яго жонка цѣлую араву нарадила.

Бохъ вялѣў Адаму паказать свайхъ дятей. Адамъ пасовѣстился усихъ вести къ Богу, што ихъ дужа многа—цѣлая арава. Абярнуўшись назадъ, іонъ ни знайшоў ихъ знова—стали яны силнй темный: лисавыми па лисамъ, водяныи па вадамъ, дамавыи, па дамамъ, лугавыми па лугамъ.

№ 20.

Аткуль лисавэя?

У зачатіи свѣту, якъ ища Сусъ Христось на муку ня шоў, ходють нихращоныи за Госпыдымъ Богымъ, ни дають яму спакою. Гаспотъ гаворить:

— Аткаснитись вы ать мине, акаянныи, будьтя прокляты ать мине ать нынѣ да вѣку.

Яны застались: каторый у вадѣ, каторый у лѣси, каторый у поли, каторый у дварѣ, каторый у гумнѣ. Даўжно быць, у нихъ іось и дѣти.

№ 21.

Лисавэй.

Хадили у лѣсѣ мушчыны; дядька мой съ сваякымъ, родныя, сѣкли смалу при маладику, ноччу.

— Братъ, ти баісься ты?

— А ни мяли ты! чаго баяцца?—А ты ти баісься...

— Ды, нѣ, ни баюсь.

Таеъ сабѣ пагаварили, сякуць ета яны—у вадну минуту надъ ими якъ свиснить—и уши ажнѣ заклала.

Спужались абая, стали утیکать. Якъ свиснуль знова,—им бягимъ, а лѣсѣ надъ нами слова валіцца.

Бягимъ мы, а іонъ снова нагибаць и надъ нами пугню.

Зъ лѣсу выбігли, а іонъ усѣ надъ нами хлещить; видить—нибогда ня видили.

Кинули усѣ,—ледва сами ушли.

Таеъ лисавэй ганяць пугню и птушкѣ, и звярѣў: ваўкоў, мидвядѣў, зайчыкѣў, лисичкѣ; надъ усіми іонъ хазяинъ, уси яму падвластны.,

№ 22.

Лисавиха.

Хадила жэнщина у лѣсѣ, у ягады и слухаць, што дѣтчыкѣ маханькѣи плачуть.

— Госпиди Милысливый, што тутъ такая?

Сичасъ глянула, падходить къ бярѣзи—бярѣза бальшая, у бярѣзи тѣй сядить двоя дѣтчыкѣ.

Ина удыва—наметку далоў съ галовы и завяртѣла, пупаламъ раздраўши, абоихъ; сама двору пашла.

Ни паспѣла ина двору прйдить, идеть лисавиха услѣдъ за ёю:

— Ахъ ты, мая бабычка, пратапи ты мнѣ баню.

— Ахъ, галубачка мая, я и рада бѣ пратапила, да ўда-

винны маѣ дѣла, мнѣ и свайей нечимъ тапить—я усѣ нараўлюсь: кали такей дянѣкъ вытыплю, кали ни такэй, ни таплю.

— А нѣ, бабычка, мнѣ твае дровы ни нада: ты иди, щепычкѣ у фартукъ назбирай—во и зѣ насѣ; аганьку вазьми, затани—зѣ насѣ духу и дѣть нейди будить.

Щепки пагарѣли, а ина сидить, даждаить. Вѣничикъ намачила, вадицы поставила—духу и дивать нейди: цѣлая баня. Вымались. Памыла яе, пушарила:

— Спасибо тябѣ, мая бабычка: я ужѣ тябе за усѣ атблагадарю и за свайхъ дѣтычѣ, што яны голинькин ни сидять. На жѣ табѣ за труды палатенца. Гляди жѣ ты, бабычка: на што надаби, на усѣ рѣжѣ, будить сѣ тябе и зѣ дятѣй твайхъ на вѣкъ. Кто напросить на нужду, можно дать—тольки ни раскатывай, рѣжѣ да и рѣжѣ.

Ня утѣрпила, раскатила—хочитца ей паглядѣть, што тая: Трубачка ни вяликаая, а усѣ Бохъ спорѣ дасть.

Яѣз раскатила, усѣ и кончиласѣ.

№ 23.

Лисавиха даѣтъ баби трубку палатна.

Нашла баба на голинькихъ лисавыхъ и накинула на ихъ квартукъ; за ета лисавая (матка ихъ) гаворить:

— Дарю я табѣ трубку палатна—никогда ни раскатывай яе—и во вѣкъ яе ни раскотишь.

№ 24.

Пятрокъ прикрываить у лясу рабенка и получаить за ета знанья атѣ слишный ляснэй дѣуки.

Касіу Пятрокъ сѣна па аборку; стала яго кѣ пазднотѣ атамливать сномѣ. Видить іонѣ ужѣ ти ва снѣ, ти на яву: ляжить рабенычкѣ голинькій, голинькій—и весь у твитахѣ.

Дужа жалка яму стала того рабенка, прикрыў іонѣ яго сваю куртку. Посли таво, быцца кѣ ва снѣ, ти на яву, яўляить кѣ яму слишная, прислишная дѣвица, волысы распустѣмши—и гаворить:

— Што дать табѣ, Пятрокъ, за ета, што ты приверѣ майго рабенка: ти багатыя ты хочишъ, ти власти, ти знанья!

— Ни хачу я власти, ни багатыя тога;— а ти ня можна мнѣ пулучить знанья?

Спадабалася ета слишний дѣвицы.

— Ну, харашо, Пятрокъ! Ли тябе я ета здѣлаю: ты будишь шупить, многа шупишъ—и многа дашъ спалъзѣння и людѣмъ, и скату.

Съ тыхъ поръ нашъ Пятрокъ и стаў знахаримъ, и слишная дѣвица яго ни забывала, а часта атвѣдывала, и іонъ рался зъ ёю и многа тулкуваў—абъ чимъ—ета ужъ ихъ дѣла, а намъ ниязвѣсна. Мнѣ сама яго жонка баняла:

— Лажу съ Питракомъ, а къ Питраку падходить слишная дѣвица, волысы распустемши, уся ў бѣлымъ—и я ляжу ни жива, ни мёртва, притулѣмшись.

— Што ты, кумынька моя?!..

То страшна мнѣ, а то ни хачу пумишать ихъ бясѣди, якъ ины свае таўхи наводюць, што къ чаму налѣжить. Охъ, хитра, дужа хитра!..

Такъ и скромненька пайдеть ина атъ яго, якъ пришла. Такъ ета вылось у ихъ.

Разъ Пятрокъ пассажирку на чугунки астануваў. Ти чуи вы ета?

Пьяный яшакубитца:

— Застанаўлю и застанаўлю!

И, даяствитильна, пассажирка цупъ и стала. Потѣмъ іонъ изъ горыда, куда яго связли, пиряѣзда со два мясѣ па грази.

№ 25.

Дамаха тнеть.

Баня ли двара стаить, теплая баня. Пажилая маладуха пайдеть у баню и начуить. Мушчины слова пригаварили:

— Чаго ты пресься у баню—слова ни банься?!!

Ина дятей паукладеть, узила и пайшла. Пашла у баню и ляжить на полку: тамъ тепло и харашо, спить крѣпка таково, харашо. Заснула ти многа, ти спала,—агонь гарить, лучинка тарчить у грядки: Пришла хазайка (а ина прашнулася и гля-

дять: аткуль ета свѣтъ узяўся, и аткуль ета хто пришоў). Хозяйка забивантца кросны ткеть, толькѣ цѣўка звизжить у чіўнаку, якъ ина пракидыванть—такъ и гримить, якъ ина прибаванть дужа бѣрдами. Ина и думанть:

— Хуть кали яе прашла бѣ—баюсь.

А Дамаха хуть и видить, што ина ня спить—бытца на іе ни глядять. Баба потиху атторнула вяршокъ и глядять, ти гарить агонь на дареўни. Дамаха задомъ сядить и усе видить.

— Куды бѣ мнѣ утечь?

Паўночъ, самая глушъ, уси спять, агни патухли. А Дамаха усѣ знанть, што баба и думанть. Минуўся у баби сонъ: ни заснеть ина.

Дамаха удрухъ загаварила:

— Маладухъ, маладухъ, што ты ета усѣ у вяршокъ глядишъ?

— Ахъ, Божа мой, чаго я гляжу у вакно? Дуброва шумить, и дѣти кричать нечѣи.

— Ты ни мае ета дѣти?!

Згарнула кросны нахапыкъ и папѣрла, патуль и была; а за ею и баба ни вопримить до двору.

— Зарякусь и вырикусь у баню хадить.

А мужины ей гаворють:

— Мы казалі, што ты смѣла, и марозъ тябе дойжа ни бареть!

№ 26.

Дамаха и Паляха.

Пашли бабы тилать искать. Хадили, хадили—кусты растарбы. Доугавечира ужъ, а маладикъ свѣтитъ.

— Ни найдишъ тилать—пайдѣмъ ужъ двору!

Выходитъ жѣнщина съ кустоў праставалосая, бѣлинькая, губанть ихъ:

— Маладухи, маладушечки, вярнитесь: вонъ ваши тилатчѣки—идитя па стежечки, у права.

Яны глянули—спужались.

— Ня босьтя, маладушечки, ня босьтя! вонъ тилатчѣки—ганитя ихъ двору—и скажитя у дворѣ, маладушечки, скажитя, маладушечки, Дамахи, што умѣрла Паляха.

Пригнали двору тилятъ, и горюшка мала; сѣли вѣчерить. Стали мушныны спрашивать:

Маладухи, идѣ вы тилятъ нашли?

— А, Божа мой, хадили, хадили—хатѣли ужу такъ двору идить. Бохъ яе вѣдаить, выходить жѣнщина съ кустоу бѣльня-кая такая, стогнить, стогнить:

— Ахъ, мае маладушнички, скажитя Дамахи, што умѣрла Паляха.

Якъ прагаворили ета, што-ты якъ у ладошки хлопнула—сичасъ што-та загаласила и завыла—голысъ такой прѣятный, слова тая какушничка, дварьми хлопнула, зашагала па гароду у поля.

Припужались дѣўки, а мушныны старшіи:

— Ня бойтись, ня бойтись—Бохъ зъ ёю, нихай сабѣ идеть.

№ 27.

Лисавиха выить.

Яеъ маладая я была, пашла у малину у Асмолкава. Бару, идуть Даньбаўсьвоя дѣўки у малину; я дай ихъ спужать: кала пня хряпъ, хряпъ: мумъ, мумъ!

Бойжа мой, мядвѣдъ—маршъ на уходъ мае дѣўки; а я радаая такая, што спужала: набяруся малинки.

Чутна мнѣ тольки:

— Хлопъ хто-та у ладошки, „выю, выю—низнаю, каго мнѣ искать“.

Тады и я шарпнула за сваними на ўходъ.

№ 28.

Русалки.

Русалки качаютца на вѣткахъ дарѣў и кричать:

Рели, рели!

Чилавѣкъ имъ ни пупадайся: у воду утощутъ и зашакочутъ.

Злучалась у старину, што дѣти русалкѣкъ прибивались къ мужукамъ; ихъ нада кармить парью атъ гарячига. Таперъ русалкѣкъ мала: ихъ запрастили.

№ 29.

Крикъ русалонъ.

Разгудь русалкамъ, загавѣвшись у Патроуцы; качающны
аны на развитыхъ винкахъ и кричать:

Гутыньки, гутыньки.

Дѣву пиймають зашакочуть—и усѣ будутъ кричать:

Гутыньки, гутыньки.

№ 30.

**Приспанныя дѣти русалками дѣлаются, и замѣсть ихъ
хто-та цурбанъ паднидаить.**

Приспанныя дѣти, по народнымъ воззрѣніямъ, не умирають,
а ихъ уносить какое-то сверхъестественное существо, потомъ
они дѣлаются русалками.

Одна баба приспала ребенка. Она, конечно, думала, что
онъ умеръ, и плакала по немъ, какъ по мертвомъ, а ребенокъ-то
не умеръ: его колдунья унесла, а виѣсто ребенка чурбанъ
положила.

Чурбанъ, подкинутый колдуньей, былъ очень похожъ на
ребенка: только не дохнѣтъ и слова не скажетъ. Къ счастью
прохожій, остановившійся у несчастной бабы, видѣлъ, какъ ея
малютку похищала колдунья, одѣтая въ бѣлую одежду.

Прохожій отнялъ ребенка у вѣдьмы, припряталъ его, по-
томъ отдалъ матери:

— Ну, не огорчайся, баба; вотъ твой ребенокъ, а надъ ко-
торымъ ты причитываешь, тотъ чурбанъ.—При этихъ словахъ
прохожій бросилъ чурбанъ въ огонь, а ребенка, поданнаго
прохожимъ, мать признала за своего.

№ 31.

Домовой похищаетъ дѣтей.

Одна мать, потерявъ пятилѣтняго сына, пришла къ зна-
харѣ спросить:

— Правду ли говорятъ, что мой сынъ утонулъ? Нельзя-ли его какъ нибудь возвратить?

— Твой сынъ похищенъ царёмъ домовымъ.

Потомъ знахарка дала калачъ, совѣтуя положить его въ уединенномъ мѣстѣ, произнося слѣдующія слова:

— Царь домовой, царица домовая, возьмите хлѣбъ-соль! (Вѣроятно, для того, чтобы покормить ребенка).

№ 32.

Нигадитца ругатца у ласу.

Тягло расклали бальшоя у ласу, привѣвши кони. Рубятеи въ адныхъ рубашѣнкахъ бѣгаютъ, ругаютца; ругались, ругались, спать лягли, Богу палѣвшись.

Чую я: змѣя трясетца—идеть, идеть, сичасъ галавешки уси у кучу скидывать. Тягло снову запылала, потѣмъ, находитиши вокрыла агня (стала видна, видна) говорить:

— Полна вамъ сюда вадить: а то вы, привѣвши сюды, только спакую ни дастя!

Три раза такъ прагаварилъ, пашолъ на лухъ, къ конимъ. Лажу и ня сплю: чутна мнѣ, якъ атъ яго шагаѣ змѣя трясетца.

— Слышишь, Анистичка?

— Маѣчи, маѣчи!

Пришомши, дѣду рассказываю.

— Дурачки, дурачки: ета лисавзѣй, іонъ гнѣвантца, што у ласу вы на сасонки лазятѣ, друхъ друга чурками шкубунянтя; ета хазяину ня дужа прятна...

№ 33.

На Здвижиння нигадитца у лѣсъ хадить.

Якъ мужикъ на Здвижиння пашоѣ у лѣсъ и проваліѣся у лѣску, потѣмъ са змѣями питаѣся отъ бѣлаго камня; якъ главная змѣя подхапила тогда мужика и изнову вынисла на свѣтъ Божій. На самага Ягорья.

На Здвижиння нигадитца у лѣсъ хадить; иднакажъ му-

жнѣ узалъ и пашолъ. Ишоу, ишоу по лѣсу, стушѣ нагою и пралѣлѣ у яму; ама тая закрылася—улатѣлѣ іонѣ у яму, слова якѣ у авинѣ.

Тамѣ іонѣ стантѣ нагами стаячкомѣ. Ляжить тамѣ большая змѣя, и галава у яе балышуща, слова якѣ у кабыли.

Ина, якѣ зашпѣла,—другіи змѣи паменьши мѣста пупустили сѣсть—якѣ кателки стали атѣ яво катитца; и сядить іонѣ—ня трогайтѣ, и яны яго ня трогають. Сядить день, сядить и другой ня ѣшпи, сядить и третій. Ляжить тамѣ каминь такей бѣлый.

Сичасѣ большая змѣя атхинитца, тѣй каминь атѣ станы лизнетѣ; ну, и станутѣ уси лизатѣ, пирявернутца да аднѣй.

Глядѣу, глядѣу—душа вонѣ лѣзятѣ: ѣсть хочитца.

— Погади-жѣ папробую и я: што мнѣ Бохѣ дастѣ.

Злѣзѣ—яны ничѣга: мѣста уступають яму. Становитца чиризѣ ихѣ, узалѣ пригнулся кѣ тѣму камню, три раза лизнулѣ и пайдалѣ—и дѣсѣтѣ кѣ тому камню лѣзѣ.

Да Ягорѣя саминькава да ясеннива каминь тѣй, якѣ асѣтитѣ, имѣ такѣ виднинька у ями.

Дастѣ Бохѣ день; большая змѣя устаѣтѣ лукымѣ, три раза якѣ лизнетѣ—и сыта; три тысичи змѣй паменьши уси такѣ пирявернутца.

— Слава Богу, што я ѣсть ищѣ ни хачу!

Иднакажѣ приляжить и іонѣ кѣ камню, лизнетѣ. Самѣ сабѣ думайтѣ:

— Госпади Божа, што мнѣ Гасподѣ дастѣ? Ти доўга я тутѣ буду сядѣтѣ?

Даждаўся Ягорѣя, сичасѣ яма ета свѣтлѣитѣ: тиризѣ щелачку свѣтѣ идетѣ.

— Слава тибѣ, Госпади, свѣтѣ я увидѣі!

И пашли змѣи у тѣѣ диричку: во и лѣзутѣ, и лѣзутѣ, агла ета уся—ажно ужасна глядѣтѣ на ихѣ, слухатѣ ихѣ шелистѣ. Идутѣ, идутѣ, идетѣ и большая змѣя, паднила голува яму—и зямля раздвинулась, расшитнулась на бакѣ, и видна яму стала усѣ. Сама сипитѣ и хвастомѣ яго абгарнула.

Госпади, што тутѣ будитѣ? Вѣрна, мнѣ канченіе приходитѣ!..

Ина, якѣ абхапила яво вокругѣ, стиснула дужа и, выпазши назнаружу, выкинула яго вонки—бутца кѣ вярхамѣ яго вывизла на сабе изѣ зѣми.

Я пирякстися: слава-жъ тибѣ, Госпади! ня думалъ и ня гадалъ на свѣти жить; благодарю Госпыду и Царицы Нябесный, што узвярнули мине на свѣтъ Божій. Идетъ іонъ двору; рады яму жонка и дѣти:

— Атеуль ета Гаспотъ тибѣ узвярнулъ, радимый нашъ! Мы жъ и ня думали што ты живиникъ, мы жъ прамизъ живыхъ тибѣ ни щитали и ужъ цуминали!

— Ну, мае радныи, што мнѣ люди казали, я тѣму вѣрн ни няў, а таперъ зарякусь и вырикусь, и вамъ дѣти заважу: на Здвижанья у лѣсъ ни хади!...

№ 34.

Скрабъ у лясу сабачій и ваўчыный.

Идетъ челавѣкъ па дарози и видить: исчерчина, исцарапана дарога; па тѣй дарози прахадить нильзя: а то уступишь ў скрабъ, будить чисатца тѣла. Скрабъ бывають сабачій и ваўчыный.

№ 35.

Змѣй, наситиль усяныга быгатства.

Змѣй выводитца изъ питушиныва яйца. Насеть яго пятыхъ пяти годоў. Лйцо ета, какъ гулубиныя. Лво бяруть надъ паху, падвѣзюють, шесть надѣлъ носюють, ня ходюють ни ў храмъ, ни ў баню—тада змѣй выходить изъ яйца.

Лво узращаюють и борюють да вырыста малакомъ, саблюдаюють, штобъ ни хто ни видалъ—успитаюють лѣтъ да сами. Тада іонъ начинають литать и носить, што прикажуть: носить хлѣбъ, малако, дэнги, вотку,—только зирнятеки, што змѣй носить, стыять кверху вострымъ канцомъ, пяткою унизъ.

Разъ у хазяина, каторый змѣя вырыстилъ, была талоква, ў яго навозъ вазили, наступила пара-ўремя заўтрикать. Хазяинъ паслалъ змѣя за вотьню.

Мушики гаварять:

— Пара-урема заўтрикать!

— Пагадита—вотки нѣту!

Прилитаить змѣй.

— Што ты доўга былъ?

— Закрепичная вотка — насилу знайшолъ; адинъ кабаць вотка ни закрепичная.

Если съ диньгами идеть — ясинъ; съ хлѣбнымъ идеть — тѣмянъ, съ малакомъ — бѣлѣ.

№ 36.

**Нильзя раскладывать игня на гумнѣ падъ Чуды (5 сентября).
Видѣнья падъ Чуды.**

Пашоу адинъ мужикъ на гумно начувать. Вотъ іонъ разлажіу агонь и лехъ спать. Падходить дѣла къ паўночи (а ета была падъ самыи Чуды); приходитъ къ яму чилавѣкъ нѣизвѣсна якей, у бѣлый адежи, а валасы пу пята. Стаить іонъ кала вина и гаворить на етыга хазяинна, каторый тамъ начувау на вини.

— Хазяинъ, загаси ты агонь!

А іонъ быу малый ни рабавитый, и гаворить:

— А хто ты такей?

— А я чуды: сяводни мой праздникъ; а ежили ты ни загасишь авина, то будить дѣла ниладна.

Во іонъ загасіу агонь, вылизъ изъ-падъ авина и пашоу дамой.

Во тутъ и спрашіють у яго дома:

— Што ты ета пришоу?

— На мяне тамъ вышіу нищасный злучай: еслибъ ни пашоу дамой, гумно бъ згарѣла.

№ 37.

Нильзя рубить падсялибныга древа.

Пракопъ Лупавокій захатѣу срубить древа, што стыяла ли яво гумна. Якъ стау іонъ рубить аграменную сасну, што ища дяди яго садили, — пріутамился и лѣхъ атдыхнуть. Уво снѣ налатѣлъ на яго конь и чуть было ня ссѣкъ капытами. Скора іонъ послѣ таго захварау и Богу душу отдау. Якъ бы ни рубилъ сасны, былъ бы жиу. У Шаталыви атець и сынъ Кастылевы помирли, срубіуши на гароди ябланки. Бохъ правидный

знать съ якимъ приговоромъ сожина древа,—што въ умѣ държау тѣй чилавѣтъ, хто яго садіу.

№ 38.

Суевѣрія при насыпкѣ платины.

Штобы насыпать платину, непремѣнна нужна палажить въ основаніи яе сабачую или коньскую голову; послѣ таго въ тѣй дярѣуни сабаки и лошади будутъ вадитца плоха, ну, платина будить държатца крѣпка. Прахожій слыхау разговоръ чартей, начаму у тѣй дярѣуни, идѣ іонъ занучувалъ, ни магутъ ни якимъ годымъ аснувать платину; черти тутъ жа и казали, што нади бы сдѣлать ли яе атсыпки. Потѣмъ прахожій видить, што мужики дужа впапатыть радъ атсыпкѣй платины: ета была въ ўрѣмя крипаднаго права, а баринъ былъ ихъ дужа строгій.

Прахожій и разскажи мужичкамъ, што іонъ падслушау у чартей. На ета ўрѣмя бягить бѣлая сабака; мужики яе царапъ, да хлудомъ яе у платины и завалили. Тады платина устояла; ну сабаки у тѣй дярѣуни ни вадились.

№ 39.

Якъ бабка Марьяха угадала, атчаго ета баба торчмя палтѣла у чулани и нагу у дваѣмъ мѣсти зламала.

Мой батька былъ ища ни великъ. Баба пакойница замарилась, вячеріють варива падъ сериду.

— Сынокъ мой, сходи: тамъ на сундуку малако стаятъ гарлачики.

Пашоу у чуланъ. Аттѣль якъ идеть, якъ сунитца у сѣнцахъ.

— А, нутя, васъ съ малакомъ—я буду васъ искать, у патемкахъ, у сѣнцахъ!!!

Съ естыми славами бухъ у ямку.

Бабка на яво забранилась.

— Вы же идѣта, ни зная, идѣ стаятъ што: вамъ и ямки, вамъ и палки. Атчаго-жъ я иду,—я чую и ямку, я чую и палку падъ нагами, а вы дакъ ничога ня чуитя.

Сморхъ, пабѣгла у чуланъ, узила тѣй гарлачъ и насетъ.

Якъ нисла, такъ и сунилась; малако падъ ноги; нагу у двѣхъ мѣсти зламилъ.

Ляжить сама, ни ўстанитъ. Дѣда звали Димьянъ Храменькій.

— Дѣдичка Димьяничко, хадиты ка мнѣ, рятуй ты мене!

— Чаго ты, чаго ты?—Ну, каки жъ твой языкъ такой запатливый: тихинька нїйдѣ ни прїйдешъ...

— Мине, дѣдичка, слова хто якъ дастъ подъ калѣна и пувалилѣ.

Палажили бабу на калѣсы и ѣдутъ къ Марьянни, а Марьянна якъ завидила маю бабу, прарячить:

— Ти чуишь ты палку и ямку?

Ти слышали вы ета, а?!

Назадъ наччу ни паѣхали — забаялись палки и ямки: у Марьяхи заначували.

№ 40.

Ибъ Марскомъ Игемани. Нильзя пить набгѣмъ.

Въ нѣкаторымъ царствѣ, ў нѣкаторымъ гасударствѣ, а ня имнина ў томъ, ў томъ, ў каторымъ мы живемъ, какъ жиў быў кароль, или гасударь, патомъ іонъ и паѣхаў ў сваю имперію, а хазайка яво асталась у яго царскимъ дворцѣ и была нна обременна. Патомъ іонъ абѣѣхаўши ўсю сваю имперію, и ѣдитъ іонъ ужъ дамой; нямнога іонъ праѣхаўши, и захатѣлсь яму пить. На дароги, канешна, нейдѣ искать ни кружки, ни стыкана, то іонъ слѣзъ съ свасей кареты и пашоў ў ряку напитца. Толька іонъ пригнуўся къ рякѣ, хатѣў напитокца, а яго вадяной машенникъ хватъ за бараду и гаворить:—„Стой, ты ни пу правилу дѣлаишь: разви можна тябѣ изъ ряки набгѣмъ пить ваду?—ты-жъ называеься гасударь,—ты-жъ принимаў карону!“ Вотъ іонъ и гаворить:—Ну, идѣ жъ мнѣ была искать у дароги пасуды? — Пусти мене! — А іонъ гаворить:— „Я тебе пуцу, толька атдай мнѣ тоя, чаго ты дома ни знаишь!“—Іонъ думаў, думаў:—чаго я дома ни знаю?—У мене кажетца ў доми усѣ на пиричоти, и гаворить:—ну, бяри сабѣ!—Патомъ и гаворить:—„ну, изволь расписатца!“—Кароль расписаўся, патомъ сѣў на каня и паѣхаў къ свайму дому; принзжантъ дамой: тутъ яму усѣ рады. Іонъ и спрашїить:—„Усѣ-ли у насъ тутъ бла-

гапалушна? — А слава Богу ўсё, и ящо во што: мы тебе предвѣщаніѣ и зъ наслѣдникымъ паздраўляимъ! — Патомъ іонъ самъ сабе кусъ за языкъ и гаворить самъ сабѣ: — „Да, во што я дома ни знаю! — Ну, таперь ужъ ни варотишь? — Патомъ и гаварить: — „Да, ўсяму то я радъ, и ўсё балапалушна, и ўсё слава Богу, а зле адно дѣла я нидаволинъ.“ — Тутъ ў яго спрашють: — што вы ета такъ? — У насъ кажитца ў доми глуыны нѣтъ ничаво! — Патомъ іонъ и гаварить: — „Да во чѣмъ я нидаволинъ, што ў мяне радіўся наслѣдникъ, — то я яму ни радъ.“ — За чѣмъ такъ? — спрашють ў яго. — „Да, во зачѣмъ“, гаворить іонъ: „Я яго атдаў вадяному валшебнику; таперь я и самъ ни знаю, што мнѣ дѣлать.“ — Вотъ (скора ета гаваритца, да и скора дѣлаитца). — приходить уремя, какъ яны расписывались, да какога года атдавать сына сваяго. Вотъ іонъ заплакаў и гаворить: — „Ну, сынъ мой любезный, я тебе атдаў вадяному валшебнику, за тридесать земель, въ тридсятны царства, марскому гасударю, гаспадину Игеману. Вотъ іонъ навёў яго и атдаў. Патомъ прашло таму тридцать лѣтъ, пашомъ и гаворить етытъ гасударь: — „Пастой: паѣду за сынымъ, ваторыга я атдаў марскому царю Игеману.“ — Вотъ іонъ и паѣхаў. — Паѣизжаить къ таму дому, идѣ жиў марской Игеманъ, пасматрить: увесь дворъ абторканъ кольемъ, усё пазастроина, и понабыти кольля вострымъ канцомъ, и на каждыѣмъ калу тарчить па чилавѣчій галавѣ, и адинъ толька ѣсть коль низаняный. — „Во идѣ маей жизни канецъ будить!“ — падумаў кароль. Патомъ іонъ прихристіўся и пашоў туда; паходить іонъ къ дому, а наўстрѣчу идеть марской царь Игеманъ. — „Здрастуй, гаспадинъ марской Игеманъ!“ — Здрастуй Гасударь! — Што ты ка мнѣ пріѣхаў: вѣрна за сынамъ? — „Да!“ — гаворить гасударь — „іонъ ба нужинъ мнѣ быў!“ — Ну, вазьми, да сматри: етыга самъ ня дѣлай, и дитѣмъ сваймъ прикажи, и ўсей сваей имперіи, и ўсей сваей Расеи, штобы ня пить набгомъ, съ рьки, ни съ видра, ни съ возира: на то намъ Богъ даў руки, штобы мы имѣли паднось къ сваймъ устамъ!

Сказка ўся, и расказывытъ нильзя.

Знахырь-пчилаводъ

У аднаго пупа харашо вялісь пчолы. Мужыку захатѣлась разжыцца у батюшки на испраўныхъ пчалишнхъ.

Паѣхаць мужыкъ къ пупу, да и купилъ у яго вуліі пчоль, ну, и пажидаць атставить вуліі да вѣснѣ: ныхай іонъ палѣтуніць.

Осинню пріѣхаў, када батюшки дома не была: іонъ уѣхаць у горыдъ за пакупкамі. Пупадѣя сказала, што батюшка будить ни сяннѣ вичаромъ, дакъ заўтри вутрымъ нипримѣнна.

Пасіка батюшкіна была вярсты за двѣ; пашоў туды мужыкъ, думайць сабѣ: значую у батюшкіны пасікі! Пріѣда у пасіку, узаяь курніцу, куражку, глядять: у пчоль ни сатинкі мѣду... Камедія!

Вичаромъ батюшка пріѣхаў благаслаўляць мужыка, да гаворить: — „Ты жъ, сматри, начуй у мине, Пятроў: заўтри пчалишнхъ паглядимъ!..“ Пірыкстыліся, апахмяліліся, запаліли курніцу, атваріли уліі: уліі повинъ мѣду, и мѣдъ, якъ кроў.

— Бѣжжа мой, Госпади, Царица ты мая Нябесная, нѣ, нѣ, нѣ! сколько я жилъ бязъ пчоль—и жить буду. И денігъ вашнхъ ни хачу и улыля вашива ни хачу!..

— Што, што ты?—А нічога, батюшка!

— Смотри жъ ты, сматри: нікому ни глаголь!...

Прапускатъ пчоль тиризь ваучиную пасть іось нягодна Богу, хотъ чужей пчолы на тваю пасіку залитать ня будутъ.

Жѣчь щучы зубы и подкуривать дымомъ чужихъ пчель во время нападенія ихъ на пастьбу считается средствомъ „вражымъ и не особенно симпатичнымъ“.

Во избѣжаніе этого несимпатичнаго средства совѣтують обходиться „дядовникомъ, орловыми перьями, иглами ежа“.

Пропускають чужихъ пчель черезъ волчиную пасть; но это тоже „іось не угодно Господу“. — Разъ одинъ мужыкъ сдѣлалъ

такъ, смотритъ: пчелы сыплють ужъ не изъ волчиного, а изъ змѣинаго рта.— „Э, э, э! Спаси и памилуй ать етыга, Госпади!“

№ 43.

Прудниковъ сынъ, при помощи незнакомаго прудника, принимаетъ образъ шпанскаго королевича и женится на дочери короля; за услугу прудника прудниковъ сынъ 12 іорданъ водою прогоняетъ съ мѣста (съ-подъ мельничнаго колеса) атамана чертей и ставитъ на его мѣсто прудника.

Якъ жиѹ прудникъ, и у прудника былъ сынъ Иванъ. Якъ дайшолъ Иванъ ды сываршенналѣтій, уздумалась батьки жинить сына. Савѣтуйтца съ жаною прудникъ:— „што я задумагъ, жана? женимъ мы нашита сына“.

Прудницкая жонка и гаворить:— „што нада, то нада; я и сама то-жъ думаю—атправляйся у сваты!...“

Прудникъ и паѣхаѹ у сваты; быѹ іонъ у разныхъ мѣстахъ, и нихто ни тдаеть дѣўки за яго сына; сыннимъ хуть и ня гребуютъ, а яго бѣднастью: у яго идна кабыла; да и ту порши стачили.

Пріѣхаѹ двору; жана пытаить у яго:— „ти высватаѹ адѣ дѣўку за сына?“—Нѣтъ, жина, нійдѣ ня высватаѹ: вишь сыннимъ нашимъ нихто ня гребуютъ, ну, толька яго бѣднастью: у яго идва кабыла, да и ту порши стачили.

Нихай таперъ самъ іонъ ищитъ сваей талани!

Итправляйси-ка, сынокъ, у сваты, ищи сабѣ навѣсту; толька адѣ будить платина, саскакивай съ лошади и правади яе ну платини у рукахъ!

Падѣѣхаѹ къ платини, слизайтъ прудникѹ сынъ съ лошади, бяретъ лошадь у руки, а лошадь ни съ мѣста; іонъ падантъ на платину и черезъ галаву прикувыркнуѹся.

Тады узаяѹ за повадъ лошадь, и лошадь пышла пу платини, и тольки што прайшолъ платину, аўлянтца яму на ўстрѣчу чилавѣкъ.— „Здароѹ, Иванъ, прудникій сынъ!...“—Здароѹ, добрый чилавѣкъ!... Гаворить яму и Иванъ.— „А куды ты ѣдишь?“

— Ъду, братъ, у сваты.— „Да разви у табе батьки нѣту, што ты самъ ѣдишь?“—Батька былъ у сватахъ, да нихто дѣўки ни тдаеть ни на инѣ, а на бѣднати нашій.

— Вазми, мяне сватымъ: я табѣ высватаю нявѣсту.

— Да я съ радыстію тябе вазьму, гаворить яму Иванъ.

— Давай-ка ты мнѣ паршивую сваю кабыду.

Узяў мельникъ лошадей и павѣў за кусть, сказаў:—сароки, вароны, пулучайта сабѣ мяса, а кожу кабылину на кусть: во табѣ, кусть, теплыя адіянiя.—Свиснуў патомъ маладецкымъ посвистымъ; яўлянтца къ яму тройка лихихъ лашадныхъ. А прудниціному сыну сказаў:—„скынся муху, улижай у лѣвыя уха лошади, а у правыя вылизай: тады ты будишъ такей маладецъ и такей красавица“.

Абразина яго тэй часъ сдѣлалася, якъ шпаньскага каралевица, и уся адежа на ёмъ и карона царская. И гаворить яму (прудниціному сыну) мельникъ:—„умъ твой, разумъ мой. Таперь паѣдимъ у сваты къ царю Дадону Дадоничу у чужоа царства; и смотри ты: ничога ни гавари тамъ, а я буду уси дила запраўлять“.

И пріѣхали къ Дадону. Дадонъ Дадоничъ прымаить жиниха за шпаньскага каралевица да чести; и гости начинаютъ свататца къ царскій дачкѣ. Дадонъ Дадоничъ заветъ дачку сваю и гаворить ей:—„ти нравитца табѣ шпанскій етій каралевичъ и ти сыгласна ты идить за яго замужъ? Когда нравитца, будимъ дѣла дѣлать; а ни нравитца и ня думайшъ выхадить за яго, то нада яму ужу отказывать“.

— Батюшка, гаворить дачка: пазволь мнѣ нямнога времени падумать; тады я табѣ скажу сваё намѣреніе.—И пайшла у сваю апачивальню.

Схватила нижнюю галавную падушку, а падъ падушкы лижалъ чартѣныкъ, и спрашiить у яго: ти идить ёй за шпаньскага каралевица, ти тказать яму. Чартѣныкъ гаворить ёй: — „Цареўна, тябе абманяють: ета ни шпанскій каралевичъ, а прудницікій сынъ“.—Дочъ Дадона ибыўляить итцу, што ета ни шпанскій каралевичъ, а прудницікій сынъ, што „сватъ съ женихомъ насъ праводють“.—Пака Дадонъ съ дачкою разгавариваў, сватъ смѣтіў, у чѣмъ дѣла: схватаў зялѣзныи пруть да у пачивальню цареўны и давай бизувать чартенка, избизуваў усяго и прутуріў яго изъ дыму вонъ, а самъ написаў на бумагахъ:

— Прости мнѣ за мою шутку, цареўна: я хуть и сказаў табѣ, што жанихъ прудницікій сынъ, но сказаў шуткою: етій

жанихъ, дѣйствителна, шпанскій каралевицъ, “ — и палажнѣ іонъ записку ету подъ падушку, да яще написаў: — „ты кали мѣнешъ желанія идить за яго замужъ, ступай!...“ Сватъ и гаворить каралеўни: — кали думна идить за каралевица замужъ, давай намъ слова; а ня думна, отказывай!

„Ну, минуту времени патяршита: сійчасъ буду къ вамъ и скажу рѣшителныя слова“.

Ина прачитала записку; а какъ чартенка тога ни було пыдъ падушкю, то ина и прычла, што іонъ ушолъ атъ стыда. Приходить цареўна, гаворить рѣшителныя слова: — „сыгласна итить замужъ!“ И атець яе сыгласилъ. Начинають пива варить и свадьбу играть. Свадьбу сыйграли, пувисалились и нагулялись. Пажили яны можа мѣсиць, а можа и два. Сватъ Ивану царя Дадона задушилъ, а за нмъ у скорости и жану яго каралеўну; а шпанскій каралевицъ застаецца царствывати у етнмъ царствѣ.

Сватъ Ивана и гаворить Ивану: — „я тябе сдѣлалъ каралемъ, а ты мяне пастаў атаманимъ. У етнмъ царствѣ іостъ мельница пустая и ляжить сярѣдъ мельницы калода, и тамъ сидить нашъ атаманъ, мы уси яму винуемъ: у нашимъ бѣту ни такъ, якъ у вашимъ: хто идѣ мѣста займеть, ништо яго ни спихнуть“. — Но якжа мнѣ наставить тябѣ атаманимъ? — „А вотъ якъ“, гаворить яму сватъ: „сыщи двинацѣ папоў и асвати двинацѣ Іорданъ вады, вазьми яе у тазъ и крапи па ўсей мельницы — яны уси будутъ сыпатца падъ кола, якъ градъ; а мяне спрячъ падъ адѣжу; а якъ кончишь акрапленія на мельницы, тады лей святую ваду на калоду, — и іонъ, якъ сѣнная капа, пакотитца падъ калоду, а я тады сяду на калоду на яго мѣста.“

Шпанскій кароль сабралъ двинацѣ папоў свѣтитъ двинацѣ іорданскія воды; и асватили и пашли крапить усю мельницу — и уси черти и чертията сыпались, якъ сильныи градъ, подъ кола. Падходить мельникы сынъ къ калоди и линуў вадою на калоду сы ўсяго судна, атаманъ ни ўсѣдѣў, а пабѣгъ падъ кола, якъ сѣнная капа, а сватъ яго и сѣў на калоду на яго мѣсти; съ тога времени сдѣлаўся атаманимъ.

Прудницкый сынъ Иванъ сдѣлаўся шпанскимъ каралевицимъ, а сватъ яго атаманимъ; съ тыхъ поръ жили яны дружна и часта адинъ другога навѣдывали.

Пачёмъ вѣдъму узнать.

Якъ раздялились браты, одна у ихъ карова; карова тая хадила, хадила и забаўталася у Хмѣри, Пашоу у горныдъ старшій братъ Аўсей и купіў карову, карова тиризъ два мѣсицы и прапала. У яго дѣти—ипяты пашоу куплять; купіў карову ящо луччи за 30 руб. Тая жъ пубыла, ни гарѣла, ни балѣла—акалѣла. Бупіў ипять нетилка, пахадила да восени и прапала.

Фетисъ, меньшій братъ, гаворить:

— Я табѣ безъ денехъ атдамъ карову, што яны у тебе ни вадутца: съ маеі руки пайдуть.

Іонъ приносить усѣ таки брату 17 руб. денехъ и гарниць гарѣлки.

Сичасъ свѣчку запалили, стали Богу малитца.

— Нярушъ, якъ я запраста прадаю, штобъ табѣ была и мѣѣ.

— Вазьми деньги.

— Нѣ, ни вазьму за адинъ парокъ, што ты кажишъ вѣдъма на маю жонку.

Теща забранилася:

— Ни вымудрай ты: мала, што люди гаворють.

Стали пить гарѣлку. Девирь и гаворить:

— Ну, хади: я узнаю, кали ты вѣдъма.

Цирякстилася, падходить.

— Гляди мнѣ у вочи! Я буду глядѣть на тебе ярка, и ты на мене гляди.

Хто знаить, чилавѣчки у глазахъ ня будутъ галоўками, а вверьху нагами.

Саддаты и шурьякъ стали глядѣть.

— Мелють-ста пустоя: чилавѣчки, якъ чилавѣчки.

Знахарь—атрошникъ.

Якъ знахарь атрошникъ маладога парня збиваў атъ Бога атречца; якъ паринь забіў знахаря; якъ пиродъ панымъ заступилася за парня сама матъ св. Бугуродица.

Быў у барина ляснікъ, знаўся съ ікаяннымъ; шлі къ яму харашо на стрѣль звярѣ—усіхъ биль, и баринъ имъ даражѣ, такъ даражѣ, што имѣніимъ такъ ни даражѣ.

Толька гаворить іонъ (знахарь):

— Мнѣ нада помнчъ: иднаму тижало хадить по лису!..

Баринъ абабраў яму харошига малыга въ имѣніи, прива-
заль тѣму малыму явитца на лицо.

Далажили барину, што прійшоў.

— Слушай етыва лясніка, пумагай служить яму у лису!..

— Слушаю, баринъ!..

Приставилъ яго къ лѣсу. Старый ляснікъ бѣѣтъ, а іонъ
ничаво у глаза ня видить. Падзѣляйтца къ барину у вечери.

Старый гаварѣ:

— Я бѣу стольки мядвѣдѣ—ваўкоў!..

Спрашѣть баринъ у маладога:

— Ты што, братицъ, убѣу?

— А ничаво, баринъ, ни видау у глаза.

Старому пахвалъ, рюмка водки, маладому пени и выга-
выръ бальшей:

Ты, аселъ, дуракъ, ня видишь ничаво!..

Звярѣ пасабаруць вичаромъ, етыва благодарить баринъ, а
тому падзубники даеъ.

Просить маладѣй ляснікъ старика:

— Будь такей добрый: научи мене, штобъ и я бѣу!..

— Што будить за ета? я научу: будутъ къ тибѣ идить
звярѣ усякыя.

— Яжъ ни знаю, што зъ мене патребуютъ..

— Тридцать рублей—научу.

Прадау атоцъ карову; мала ни хватила—приплатили.

— Ну, на, сыночикъ, нясѣ!.. (Худа и батюшки прихо-
дють пени).

Панѣсь, атдау тридцать рублей.

— Пайдѣшь на постъ гавѣтъ, ня ѣшь крошки святыхъ та-
инъ, а приняси мнѣ!..

Онъ кроу праглатѣлъ, а тѣла аставилъ ва рту и атдау
яму. Пайшли у лѣсь хадить. Тольки старикъ—лясникъ атка-
вырилъ шкуру асины и залажилъ тѣла.

Хадили, хадили; приходють къ асины, и знаютъ, што ля-
жить тамъ.

— Стрилай у асину у тоя—то мѣста!..

Кричить лясникъ. Кладеть малый ружьё на плачо старика и стволъ приставилъ къ етому самому мѣсту, идѣ клалъ тайны. Ружьё на плачѣ у старика.

Кричить сзади:

— Бей!..

Маладой лясникъ прицѣлился; стаить Божія Матирь и Спаситиль—нильза бить.

— Бей!..

— Нѣтъ, дѣдушка, ня буду!...

— Атчаво?

— У Бога ни сагласинъ бить!

Я тебе убью!..

Утарой разъ прицѣлился—и усе Спаситиль и Божія Матирь.

— Будишь бить?

— Ня буду!..

Ну, я тебе забью!..

Атварнулся малый и самаво убилъ старика: жисть кончилъ старикъ. Узваратился вечирнымъ у гасподскій домъ. Далажили барину, што лясникъ пришолъ.

— Што жъ ты убилъ што сянни?

— Убіў, баринъ... мядвѣдя!..

Сичасъ ѣхать за мядвѣдимъ. Пріизжають на тоя мѣста—ляжить убитый лясникъ.

— Ета старикъ убитый! Біў за мядвѣдя: мядвѣдимъ іонъ мнѣ придаўся...

Паклали старика на тядѣгу и вязуть дамой.

— Будить, братъ, тебѣ 'за старика Сибирь!..

Привозють дамой. Далажили барину. Идетъ къ яму баринъ дуза гнѣбный, вялить закувать яго у калодки и приставить къ яму стражу. Патребываў судъ.

Наѣхалъ судъ судить у Сибирь, падъ наказанія.

— Гаспада, пазвольта мнѣ сказать адно слова!..

— Кали мене Гаспотъ—Божья Матирь сбирагетъ, ня пайду у Сибирь!..

— Атчаво?

— Іонъ мене застаўлялъ тѣла Христова бить тамъ и тамъ.

Ѣдитъ судъ на тоя мѣста, къ таму древу; пріизжають.

Тамъ вырсла пашанишная прасфара и подпись Божїи Матири. Сказали судъ:

— Сабаки сабачья честь!

Аправили и дали двацѣть пять цалковыхъ и вольную:
Ищо маладецъ: убіу чародѣйника и атрошника!...

№ 46.

Видьмаки, што малѣки у кароу атымають.

Ишоу старикъ са старухю малитца Богу у Кііу. Ишли яны па дароги, пупалась имъ третія таварышка; садились ян адыхатъ падъ бярезкю. Старикъ са старухю сѣу падъ бярезкю, а женщина, третія, вотдалъ атъ ихъ. Старуха гаворитъ на старика:

— Што будимъ палуднивать?

А старикъ гаворитъ:

— Мы найдемъ, што палуднивать!

И гонитъ старикъ па тымъ баку большака кароу.

Старикъ торькантъ ножъ у бярэзу.

Якъ торнуу, карова закричѣла у стади благимъ матымъ, раўнула—пабѣгла зъ ножика малако; іонъ ряжу падаставилъ.

Пастухъ видить, што малако бягить съ бярэзи па нажу, и карова, услыхалъ, крикнула благимъ матымъ;—скидываить съ себе хаханъ, кладеть на землю, складаить кнутъ удвой—и ну па хахану цудить кнутомъ. Па хахану сякоеть, а старикъ кричитъ падъ бярэзый:

— Памилиуй!...

Да таво пробралъ кнуттимъ. што старикъ упустился кричауши:

— Баатюшка, ня буду!...

— Ну, зарякися и вырикися дѣлатъ—брошу сѣчь!..

— Зарякуся, батюшка, и вырикуся!...

Камокъ зямли зѣвлъ—тада сѣчь бросаилъ.

№ 47.

Якъ парень (іонъ троху шупиль) изъ вѣдьминны даенки малако у абротѣя пириманиль, и якъ надъ тымъ малакомъ, што вѣдьмау кароу атымала, попъ заклѣчиння дѣлалъ.

Быль чилавѣкъ на нашлеги и устау бѣчъ лашадей искать. Зарѣю убѣганть на пыля, нападанть на жѣнщину: станть жѣнщина и маханть хвартукѣмъ: „Малако у даѣнку!..“ А іонъ бѣгши гаворить

— Урешъ: у абрѣти малако!...

Ина ипять:

— У даѣнку малако!...

Іонъ тады ипять:

— Урешъ: у вабротѣя малако!

Жѣнщина утѣкать—іонъ дыгынѣть. Пришодши дамоу, никому ничога ни гаваря, абротѣя павѣсіу, лѣхъ, прибуватца сталъ. Бягить сабратѣй малако.

Сямейства пытанть:

— Што съ тваихъ абратей малако бягить?

Іонъ гаворить:

— А я знаю, чаво бягить. Икая-та баба (я напалъ яе на пыли—далѣка прашла на пыля) махала на расѣ хвартукомъ, казала:

— У даѣнку малако!...

А я пачуѣши сказалъ:

— У абротѣя малако!...

Ина трѣжды пракричѣла, и я кричалъ сваѣ за ёю у слѣдѣ. Ну, ина, замѣтя мене, ударила на ўхадалую.—Атъ етыва, знать, у мене малако у абрѣтьтихъ.

Поставили сѣдны—поуны вѣдрн набѣгла малака етыва, нитѣ-жъ яво ня ѣсть. Далажили священнику. Пріѣзжанть іонъ къ нимъ у домъ, приказныть:

— Няситя тоя малако, што бягить у васъ низнама аткель!..

Принясли усѣ малако у хату.

Попъ заклѣтнюю молитву читалъ надъ малакомъ. Атчитауши молитву, хрестомъ хрестилъ на суднахъ, идѣ тоя малако.

Малако абярнулася кроу. Во яно што!...

№ 48.

Дѣўка-вобратинь.

Якъ дѣўка-вобратинь пана заѣла, якъ тѣй панъ атъ судьбѣн сваей ни хуваѣся.

Ѣхаў баринъ па дароги. Мужичекъ рождъ сѣить, сѣить рождъ и пасѣживаить: кинить—и посадить.

— Што-нибудь, іонъ примичаить:—знать етъй мужичекъ!..—Паслалъ лакея:—спроси, што эта іонъ пасѣживаить!.. Вѣрно, што нибуть знаить!..

Приходить лакей:

— Здрастуй, дѣдушка?!.. Што эта, дѣдушка, садить, а тамъ инить начнеть сѣить?!..

— Вотъ, дитя, пачемъ: нихарошая минута узыйдетъ, а абнараўливаю.

Пашоль съ етымъ къ барину, барину гаворить:

— Онъ знаить минуты нихарошія—абнаравливаить!

— Сходи къ яму, штобъ онъ ка мнѣ пришолъ.

Онъ (мужикъ) приходитъ.

— Здрастуй, баринъ!..

— Што ты, братецъ, знаишь минуты?

— Знаю, баринъ!..

— А знаишь ли смерть сваю и маю?

— Знаю, баринъ, сваю и вашу знаю.

— Какъ мы ўмримъ?

— Расскажу, баринъ: васъ воўкъ зѣѣсть у такей та годъ и день.

Баринъ записалъ ета.

— А ты какъ памрешъ?

— А я послѣдпива сына жанить буду, дакъ пайду за водный въ имбаръ—мине жолыбымъ убѣть, буря устамши съ крыши.

Баринъ и эта записаў. Баринъ ращитау, што мужикъ будить упаредъ яво умирать.

— Пажалуста, мужичекъ, када сына будить жанить, а вамъ падарю харошинькіи падарычки—дайти мнѣ вѣдама!

Мужикъ сагласіўся. Приходить тоя ўремя, тэй годъ. Мужикъ свадьбу сабираить и за баринымъ паслау.

Яўляйтца баринъ на свадьбу.

Принили барина да чести, угащали хорошими водьками. Ночь гуляли. Падарки даріў маладымъ. Пашоў старикъ за водкою въ имбаръ—устала буря и убила старика жилабомъ.

Баринъ узналъ, што праўда и то, што яму бытъ зъѣденымъ. Баринъ дожидаў тога время. Дождаўся.

Заказаў ружейникамъ, штобъ окала дома съ сабаками пастали. Челавѣкъ да триста пастала, штобъ воўку къ дому нильзя была приступитца.

Схараніўся баринъ у дальнюю комнату.

Праваждаить уремя, чаннишній день, и на возира смотритъ: За возирамъ дѣўка выить жаластна.

Узжалъўся баринъ, што ина выить харашо.

Ужахнуўся баринъ, што выить жаластна—приказаў, штобъ съѣздили на лотки, узнали. чаво она вѣить. Поѣхаў адинъ члавѣкъ на лотки. Подъизжаить къ ей и спрашіить:

— Ибъ чомъ ты, дѣвица, плачишь?

Ана атказыить:

— Какъ мнѣ ни плакать? мене сянни воўкъ зъѣсть.

Онъ съ етымъ паѣхылъ назатъ къ барину дакладать.

Пріизжаить далажить барину, што воўкъ яе зъѣсть, а томъ ана слезна плачить.

Баринъ приказалъ:

— Привясти яе ка мнѣ!..

Онъ сѣлъ на лотку:

— Галубучка, прижайтя къ барину—и яго саводни воўкъ зъѣсть—у кучу: сахранять васъ будимъ умѣсти. Привезъ къ барину. Пузяли яе у комнату, падводють къ барину; баринъ гаворить:

— Пажалуй сюды, тябе воўкъ зъѣсть и мене—такъ будимъ, душичка, умѣсти праваждать день.

Сядѣли нѣкатырныя ўремя. И ета дѣўка ваўкомъ скиналась и заѣла барина, заѣла—и сталъ народъ входить. а воўкъ прашолъ мима народа и утѣкъ.

№ 49.

Якъ на мужика найшло, што іонъ жонку свою було зѣў.

Якъ жиў-быў адинъ мужичекъ, и была у яго жина ни туд, ни сюда, ниѣ женщины парядышня. Вотъ іонъ адинъ разъ пашоў у кабаекъ и напіўся вотки. Патомъ приходитъ іонъ да мой; усё яго семейства садитца вужинать, а іонъ найдеть.

Яны на яго и гаворють:

— Што ты найдешъ зъ нами вужинать?

А іонъ гаворить:

— Нѣтъ, я вужинать ня буду, патаму што хачу саводни жонку зѣвсть.

Што ты ета гаворить, што ты ета уздумаў? Пирякестись ты!...

А іонъ гаворить:

— Ну, што вы мяне унимають? Я што уздумаў, то и здѣлаю.

Яны жъ думали, што ета іонъ шутить: паужинали и лягли спать.

Сиряди начй яго мѣтца и гаворить:

— Што ета нашихъ ня чутъ? Ти іонъ сміяўся, а, можа, и праўду гаваріў? Дай-ка пайду, пасматрю... Ти живы вы?...

Маўчавъ. Пашла ина на постель пащупаить: нѣтъ ни водныга.

Вотъ ина и гаворить:

— А, Божжа мой, идѣжъ ета наши? Нѣтъ ни водныга.

Тутъ сичасъ уси пуцаўскачили и давай ихъ шукать—нѣтъ нийдѣ. Патомъ іонъ вытарнуў галаву изъ-падъ печки увесь у криви. Яны и спрашіють:

— Што ты ета?

А іонъ гаворить:

— Да жонку ѣмъ.

Вотъ яны и гаворють:

— Вылизай вонъ!

А іонъ ня лѣзить, да плачить, а усё ѣсть.

Патомъ яны и гаворють:

— Ну, што намъ таперь дѣлать?

Вотъ яны узали яго аттуда вывынели: увесь іонъ у криви;

потомъ выжилики яго жонку съ-падъ нечкы. Вотъ у яе наѣ-
дныи уся груди и уся пярсты на рукахъ.

Вотъ яны спрашюць у яго:

— Што ты ета уадунаў?

— Я и самъ ни зналъ, што са мной случилось,— я и самъ
ни знаю.

№ 50.

Калдунъ,—людаѣдъ—краваніўца.

Якъ калдунъ людей заідаў, каторны. спатъ лажомнісь, на-
кстались, ворыта ни растагивали и ни распаясьивались; заѣвши
тнхъ людей, калдунъ кроў ихъ лаетаў.

Странника у дарозы обняла ноць. Видить іонъ рошу, пу-
варатилъ къ ей и значувалъ тамъ, падъ днравомъ.

Ноччу видить: идѣтъ къ яму чылавѣкъ у бѣлымъ адіянніи
и новыхъ лаштѣхъ; яму стала што-та ўжасна.

Низнакомый падшоў къ яму, талкнуў яго и гаворить:

— Уставай, пайдемъ!

— Да, кудажъ мы пайдемъ?

— Гаварыть: пайдемъ!—такъ пайдемъ—ну, иди!

Прахожій са страхымъ ишоў за низнакомымъ.

Пришли у дареўню. Падашли къ иднаму дому; калдунъ
паглядѣлъ на вароты (ета калдунъ быў), гаворить:

— Пашоў бы сюды, да запырта крѣпка.

Прахожій видить, што саўснимъ ня крѣпка, атказанть:

— Да яны лёдва прыперты.

— Да, гавари ты мнѣ! еты вароты хазяинъ заклилъ на
нчѣ, а тиризъ хрестъ и мнѣ нильзя прахадить.

Такъ ивообмиръ са страху прахожій: видить, што чылавѣкъ
етый итука ни якая нибудь.

Пришли къ другому двору; вароты етыга двара были крѣпка
завѣрты.

Калдунъ тольки нагой таўхануў, уся запоры урозъ: варотъ
тнхъ хазяинъ ни захстилъ.

Уходюць у вѣ избу, уся спятъ крѣпка. Калдунъ свѣчку
палилъ, падшоў къ иднаму чылавѣку и гаворить:

— Етыга и іосьць узяць за што, да нільзя: іонъ на нымч хата и ворыта ни растягнуль и ни распаясася, ну, прихри-стился.

Къ третьему пидходить, каторый спалъ съ жонкою, калдунъ гаворить:

— Ну, етыга узяць можна, да и іосьць за што: іонъ ни прихестился на нымч, да и ворыта ни растягнуль и ни распаясася.

Узяль калдунъ этыга чилавѣка адзёй рукой за поясъ, а другой за ворытъ и вынісь яго сонныга на сярёдку избы, сѣль на яго вярхошъ, якъ на барана, узяль у руку ножъ и гаворить прахожиму:

— Ну-ка падай вядро!

Прахожій подаль яму вядро.

Калдунъ хазяина зарѣзаль и кроў у вядро спустиль, потѣмъ пачаў жадна лаятатъ кроў, а ина такъ и таякѣтъ и таякѣтъ пу барадѣ и жупану.

До сыта напіўся, тады падаѣтъ прахожиму вядро съ кроўю и вялітъ пить.

Прахожій и туды и сюды атвѣливать, ну, атказыватца нильгѣ: паказнытъ для виду, што пьеть, а самъ льѣтъ кроў на груди.

Потѣмъ прахожій паставиль вядро и гаворить:

— Ну, я напился!

— Даўно бы такъ!

Тымъ часымъ калдунъ бросиль мертвыя тѣла на прѣжнія мѣста, а самъ изъ хаты вышилъ.

Тольки яны вышли на вулицу, а тутъ зацѣль патухъ. Калдунъ „залапатѣў“, пылятѣў прѣма ёъ кладбишу. Прахожій улазни застаўся и да вутра праспалъ крѣпкимъ сномъ.

Прасыпантца прахожій, слышитъ: выють у дароўни, и пайшоў у тѣй дворъ, идѣ бабы галасили.

Были у тымъ самымъ дварѣ, идѣ калдунъ заѣль чилавѣка: да яще на жонку пабойника абѣду узвали, што ина мужика загубила. Бѣдная баба клялася, што ни ина, а ёй вѣрн нима.

Прахожій у хату увайшоў и гаворить, што самъ видѣль.

Тады мужики атказываютъ:— „Такъ и будить! у насъ нѣдаўна памѣр калдунъ—Мартынъ—такъ яго прадѣлка.“

Сичасъ сабрамшись, на кладбища пайшли, калдуна атрыли, видють: іонъ акраваўлинь. Маладуху аправили.

Калдуна асиннымъ колымъ прабивать. Якъ яго прабивали, изъ магилы гукъ вышіў, слова карова ряветъ.

Ниприимѣина заўжда, якъ спатъ ложысься, крестись, распасивайся, и ворыть растягивай.

Отъ крестьянина деревни Медвѣдовки
Емельяна Данилова.

№ 51.

Папокъ-кулдунокъ.

Салдतिकъ паўчилъ пупца-калдунка за то, што онъ на свадьбахъ добрыхъ людей ваўкулаками дѣлалъ: папокъ-кулдунокъ ать салдатскыга паддѣлу падали абажрался са сваею старухой.

Стаили пастои салдатскіи. Мужичекъ уздумалъ свадьбу играть,—пашолъ къ священнику, пумирилъ священника:

— Я тибѣ благаслаўляю свадьбу играть—только праси тогда старика видьмака!...

Приходить ать священника дамой и гаворить:

— Аднаво пупа пумиріў—и таво нада мирить!

А салдате, што на пастои быў, спрашінть яго:

— Якой жа у васъ ящо пошъ?

А іонъ атказыть:

— А, служивинькій! тэй хитрѣй пупа—таво нада мирить.

— Чимъ?

— А вотъ чимъ: бальной калдунъ—паддѣляить свадьбу усю ваўкулаками.

— Харашо, хазинъ! Праси мене у ротныва, штобъ я тибѣ дружкомъ ѣхаў—ни утрачивай ты денныхъ на видьмака: мы бизъ яво свадьбу сгуляимъ.

Іонъ пашоў къ ротному:

— Ваша блугородія высокая, увольнитя майво салдата-пасталяца на свадьбу мнѣ: я вамъ за ета подарачикъ подарю—подарю парасенка и мядку дамъ!

(Онъ тада ища панѣсь парасенка и жѣдъ къ яму).

Публагадарилъ ротнива, што атипустилъ салдата и пришоу дамоу. Тада служивый гаворить хазяину:

— Хазяинъ, іостъ ли у васъ на дареўни сродичъ-братъ?

— Іостъ родный братъ.

— Што у яво лошади будуть пахужій тваихъ?

— Пахужій.

— Ну, пуминнай! яму атдай харошую, а худую вазьни: пада мной адна лошадь пранадоть.

Онъ сибѣ лошадь пиремѣнилъ—у брата худую узялъ. Служивый дружкой поѣхалъ у свадьбы падъ вянецъ.

Ѣхали терезъ тѣе дареўню, идъ папокъ—колдунокъ.

Ѣдутъ прати яго двора. Яны, старикъ са старухой, глядять у вакоека. Старикъ атвичантъ салдату:

— „Ты малалѣтний на свадьбахъ ѣздить!“...

— А идѣ жъ старыхъ набратца? малалѣтнимъ надоби ѣхать.

— Ни сирасяся у мене, идить!...

— О, будимъ мы сирашиватца у старыхъ чартей?!.

Прапустилъ ихъ да храма. Раўняютца пиривинчаньис прати вакна. Какъ ѣхалъ прати вакна, лошадь бухъ и упалъ падъ салдатымъ. Приказалъ лошадь валочъ къ акну. Палажили лошадь прати вакна; сани привизали къ другимъ санѣмъ.

Выхадіу старикъ вонки са старухой умѣсти и стали лошадь эту грызъ зубами, вѣби. Сыны узнали, што атець зъ матерью лошадь ядуть, нашли у хату за цѣпью. Яны жъ атрвутца атъ лошади и знову ѣсть, морда у нихъ у крыви—сѣбуть. Привязывали сыны атца съ матерью на цѣпь на вярѣўки, штобъ лошадь ня ѣли,—ничога ни ѣзяло: вярѣўки пирандали зубами и усѣ къ лошади бѣгали—лошадь ѣли.

Сыны нашли къ етыму салдату прашення прасить:

— Прасти, служивый: наши атець зъ матерью абѣѣлись канятины.

— Я имъ ни працу ва вѣки вякоу: яны многа зла панадѣлали людѣмъ. Идить дамой—нѣтъ прашення! Ни прасить—и па мнѣ хто нибуть Богу памолить, што я злодѣіу зжїѣ.

На нычъ сынаўѣ привязали кулдуноу у вѣ йзби. Сарвалися ноччу и абѣѣлись кабылатины; оба ранились.

Якъ сынауя батьку, видьмана, харанили.

Жію адинъ мужучокъ, и такей іонъ быу багатина, што іонъ прина ни знау своей казны. Було у яго три сына: два жина-
тыхъ, а третій халбестнй. Вотъ іонъ забалѣу, патомъ сабрау
усихъ сванхъ сыноу и давай ихъ благаслаўлять: каторыга хлѣ-
бнымъ, каторыга диньгами, а каторыга скатомъ; патомъ и гаво-
рить: „Ну, дѣти мае, ня гнѣвайтись вы на мяне: а какъ я
буду памирать“. Патомъ, черизъ нѣскалька ўремя, чувстванть
іонъ сваю слабасть и смерть. Вотъ іонъ сазвалъ своихъ сыноу
и нявѣстыкъ. Стаять яны и жаластна плачуть. Патомъ іонъ и
давай имъ приказывать: — „Ну, сыночки мое, галубчичи, што я
буду гаварить, и буду васъ прасить, то вы и здѣлайтя. Какъ
я буду умирать, то вы вазьмитя, да нада мною разбярить
стальницю: тада я сканчаюсь.“ — Патомъ и началъ ужю прасить
службу, и гаворить: — „Дѣтачки мае, ящо буду прасить васъ
здѣлать адну службу: какъ я скончусь, то вы вазьмитя, выта-
пнтя печку, и нагрѣйтя три катлы вады, да какъ ня можна
пажарчѣй, патомъ палажитя мяне ў карыта и ваду ету узлейтя
на мяне.“ — Патомъ и начау канчатца. Вотъ яны, думали, думали: —
„ну, какъ ацоўскага пувяленія ни исполнить?“ — Узяли, сталь-
ницю разабрали — іонъ и кончіўся. Патомъ думали, думали: —
„ну какъ можна мертвыя тѣла варить варымъ?“ — Старшій братъ
гаворить: — „ну, какъ можна атцоўская приказанія ни 'спол-
нить?“ — Узяли, затопили печку, накіпятяли воды; патомъ унясли
карыта, и палажили яго туда, да какъ линули варымъ на яго
тѣла: патомъ іонъ какъ зашавелитца, какъ выскачить изъ яго
ни извѣстна хто, какъ захахочить, какъ засмяетца, какъ пуба-
жить низнама куда. Патомъ яны вынули ета тѣла изъ карыта.
абыли яго и палажили на кўтъ. Патомъ пашли за священни-
кымъ и схаранили. А ежили бѣ яны етаго ня сдѣдали, што
іонъ имъ приказау, то іонъ ба ни давау имъ пакою дома: па-
тому што ў яго тѣли сядѣу акаянный духъ, и іонъ бы ў яго
тѣли хадіу.

Похарыны видьмана.

Быў адзін старык, і было у яго 2 сына; аднаво атдалі у службу. Старык быў большай видьмак. Етны старык намерь; якъ яго схувалі, то іонъ пришоў сь кладыща і павыгнуў усихъ зь дярёўні. Изъ другой ужъ дярёўні насилі яму вужынъ у сваю хату. Пришоў яго сынъ са службы, і была у яго сыбачка. Заходить іонъ у свой дворъ, нѣту ні кога—гарить адзін аганекъ; пасматрыць: станць гробъ сяредь хати. Приходить іонъ у хату, садитца на вугъ. На сталѣ на етны станць водка (навѣсткі вужынъ яму прынасилі), блины, каша. Давай салдатъ етны вужынъ прибіраць. Павужынаў іонъ, падходить полнычъ. На грабу на томъ было 12 абручоў. Упалночъ еты вубручи уси палопали. Устаець етны старык зь гробу: — „во хто ета у мой дворъ пришоў?... Хто мой вужынъ паѣль?“ — Сталі еты батька сь сыннымъ дратца, а салдатыва сабачка усё етыга старика за ногі кусаць. Дрались яны да свѣту. Сынъ спрашійць: — „тата, идѣ палажить тебе?“ — Старыкъ яму нічога ні гаворить, толькі усё дяретца. Якъ питухи прапѣлі, старыкъ етны заваліўся: яго і палажій сынъ у гробъ. На другой день кь вечіру, салдатъ ипять пришоў старецъ атца. Ипять упаўночъ абручи на грабу палопали, старыкъ вышій изъ гробу: — „а-а, ты тутъ?“ — Ды тутъ. — Ипять яны сталі дратца. Сынъ ипять спрасіў: идѣ тебе схувать? — Старыкъ усе зь імъ дяретца, а нічога ні гаворить. Ныканецъ видьмакъ гаворить: „ну, я табѣ скажу, идѣ мяне схувать, а толькі ты заўтри привязи мнѣ 40 ведиръ вотеи, да 60 валоў.“ — Вотъ яму за динь мужуки усё ета даставили. Салдатъ на третью ночъ ипять у етны хати. У паўночъ старык зь гробу устаѣ. Находить, находитъ на хати, — падъ бочку падляжить, ды й гарѣлки папѣць; пола раздареть, да й зѣбѣць. Усё ета іонъ папій, паѣў і гаворить на сына: „іось сысна на поли, падъ тэю сасною мяне схувайця: тамъ мнѣ мѣста“, Ні заўтрича павѣзъ сынъ атца; за динь звезъ толькі на $\frac{1}{2}$ вярсты. Абхватила ночъ. Салдатъ етны пярэбуў пятами упередъ лапти, штоба яго па слядахъ ні нашоў батька. Узлѣзъ іонъ на блу. У паўночъ старык изъ гроба устаець. Искаў іонъ яго, искаў,

нашоу на ёлем. — „Э-э-э, братъ, во йдѣ ты!...“ И. пагѣзъ къ яму на ёлку. Нямнога іонъ да яго ни дагѣзъ, запѣли питухи — іонъ абъ землю брякъ! Салдатъ яго у гробъ палажѣу. Приходить вутрынь салдатыу братъ, салдатъ гаворить: — „ну, братъ, пристау миѣ 6 лапшадей.... Привяли яны шесть лапшадей, запрягли и пувязали етыга видьмака. За динь уѣхали тольки адну вярсту. Абнила ихъ ночь. Салдатъ гаворить: — ну, братъ, заўтри, привяди миѣ 12 лапшадей.“ — Салдатъ ипять пирабуѣся питами напярѣдъ, наслядѣу кала гроба и узлѣзъ на сасну. Старикъ у палночъ устайши зъ гроба, доўга искаў яго, нашоу на саснѣ и лѣзить къ яму. Чуть чуть яго ни дастау, запѣли питухи. На заўтрича запрягли ужу 12 конѣй и вязуць видьмака харанить. Насилу даѣхали къ паўночи къ саснѣ — ужу абручи на грабу стали лопать. Тольки падвязали къ саснѣ: сасна паднилась. Яны яго падъ сасну; душа тады ў видьмака вонъ.

Отъ кравца Лаврина Егорова.

Ж 54.

Якъ Голубъ хараніу свайго сусѣда Увароусьныга видьмана и назнарбшнѣ лапти пирибуваў, штобъ атъ яго утукать.

Іостъ сяло Ляхава, дярѣня Уварава. Быў вѣ Уварави бальшой видьмакѣ, и быў тамъ мужикѣ бѣдны, хвампілія Голубъ. Тольки іонъ съ видьмакомъ пастаянна быў у vzdоріи, и дужа видьмакѣ на Голуба етыва былъ сярдитъ.

Чуўствуваў видьмакѣ сваю скорню смерть.

Были у видьмака три сына. Призывають къ сабѣ сынѣу на лицо:

— „Вотъ, дѣти мае любезныя, приказываю вамъ при жі-внѣсти, если я памру скоро, супоўнить мой приказъ, што я буду приказывать.“

Ни харанить мине ў Ляхави“!..

— А гдѣ жъ, батюшка, тебе схувать?

— „Наймита мѣста у Хмарѣ и выкыпайта яму, штоба къ вечиру была гатова... И наймита священника, штобъ іонъ мине ў ночь схуваў, заплатитя, што яму стоить...“

Наймита Голыба мине везть туды. Если-жъ ни наймитца,

то съ тога свѣту ни дамъ вамъ житѣть; если вы насъ привезли сумоуניתа, то на тѣхъ свѣти выми буду доволенъ...

Многа ль, мала ль, пожію видѣмакъ, сабирають сванхъ дѣтей да кучи ипать:

— „Дѣти насъ любезныя, ни астаўти жъ насѣй просьбы, абъ чомъ я васъ ужъ прасію: Голуба найнѣти! я скоро намру“. — Кончію захвараўши жистъ.

Приходють яны къ Голубу.

— Братъ Голубъ, што ты зъ насъ возымѣнъ атца нашыва звестъ у Хмару? тамъ яво будимъ харанить.

— Вы даванта Бохъ знать што, я атца нашыва ни пувязу, натаму что іонъ видѣмакъ, мине зѣбсть.

Што тутъ дѣлать? Павѣхли у Хмару, атвунили мѣста, священника запросили, штобъ ноччу харанить, када придитца. Священникъ пытанъ:

— Якую ночь будитя привазить?

— Батюшка, найзвѣсна—када найнемъ каво везть.

Ипать приходють къ Голубу.— „Ну, штожъ, Голубъ, сагласісья нашыва атца везть?

— Нѣтъ!

— Вотъ табѣ сто рублей!..

— Нѣ-ѣ!..

— Вотъ табѣ двѣста рублей!..

— Нѣ-ѣ!..

Ну, Голубу чалавѣкъ надраіу:

— Абуй лапти напярэдъ пѣтамы, тольки прижажи гробъ крѣпка скрутить клипными, а штобъ ихныя лошади были. Иди кала гроба,—ни садисъ нїйдѣ,—и таноръ съ сабой зѣ паксъ вазьми!..

Приходють сынаўбъ къ Голубу:

— Ну, што, Голубъ, ти раздумаўся везъ атца?

— Раздумаўся.

— На якій акѣнціа?

— Триста рублей—пувязу!..

— Ну, триста и триста!

— Вашыхъ пара лашадей, штобъ была!

— Будуть!..

— Гробъ скрутить клипными харашенька!..

Къ начѣ усеѣ приготовили:

У гробъ иридъ вичаромъ батьку улажили, канатми гробъ скрутили, пару лошадей запрягли.

Приходятъ къ Голубу:

— Собирайся, Голубъ: са ѳеникъ усѣ спраўлина—начику!..

Голубъ узяў разуўся, галоўки у лантѣхъ разрѣзаў, пярэшѣ у пятахъ лыкамі; іўлянтца къ імъ пярэбуўнісь. Тапоръ за паньс заторнуў, и атпраўлянтца са двара съ пакойнікымъ.

Штоу усѣ кала гробу, дайшолъ да Ладаккина сасонника—астанаўлюнтца лошади—ни зъ мѣста!.. Какъ еты вярѣўки уси на гробу параскачились, а Голубъ удариў бѣчъ атъ страху у сасонникъ—вылазитъ мяртвецъ изъ гроба.

— Ну, ужъ танерь ты мнѣ пупаўся, Голубъ! я тебе даўно ажидалъ...

Глядъ, слѣдъ пашоў назатъ—іонъ удариў за імъ у дагонъ. (А Голубъ улѣзъ тымъ часымъ на сасну). Пабылъ видьмакъ, нѣдъ думалъ найтѣть Голуба, абхадилъ—нѣту яво. Прибигантъ къ гробу, разсматрѣу: слѣдъ пашоў у сасонникъ; падходитъ къ саснѣ—слѣдъ кончіўся. Усматрѣу на сасну.

Голубъ на саснѣ. Кричить:

— Лѣзь, Голубъ, далоўки!..

— Нѣтъ, ни палѣзу!..

— Ни палѣзнішъ—я самъ къ тибѣ палѣзу!..

Маўчить и трисѣтца, якъ асиновый листъ.

— Лѣзь далоўки!..

Кричить Голубъ не ў галаву:

— Рятуйти, ай, рятуйти: видьмакъ заандайтъ.

Аткель яшчѣкъ ѳдитъ на дароги, кричить:

— Атстранай дарогу!..

— Батюшка, памилуй: видьмакъ заандайтъ!..

Саскакнвантъ кучиръ, падбигантъ къ саснѣ, чаво кричить.

— Што такая?

— Видьмакъ на сасну лѣзь.

— Лѣзь, ня бось: тутъ никѣва нѣтъ у низу.

Слѣзь; папили туды, къ тятлѣги, къ лошадамъ.

Приходятъ.

— Идѣ жъ твой видьмакъ?

— Ни знаю, батюшка! а іонъ заандайтъ мине.

Пасматрѣтъ: падъ павозкѣю ляжить.

— Тащи яво съ павозки, клади яво у гробъ!

Палажили у гробъ. Злазить сидакъ съ лошадей, каторыи па дароги ѣхаў:

— Накрывайта крышку!

Крышку накрыли. Сидакъ выйманъ шаблю съ-падъ боку, сикануў нахристь грабницу и гаворить:

— Цѣль будить таперь, галубчикъ, ня вылезить—вези!

Ни стала ни иищика, никова ли яво близка.

Іонъ и павезъ пакойника у Хмару, балапалушна привозить; далажили священнику, што мертвеца привезъ чиларѣкъ, а попь ужъ знанть, што харанить нада. Пубудили причетникиў, паши у храмъ, провѣды атслужили и схаранили начѣю.

Голыбъ астаўся балапалушинъ, триста рублѣу пудучилъ.

№ 55.

Янъ рылатыга чорта изъ видьмаковый шкуры вѣрымъ пра-
ганияли, ажно загагатау аттѣль.

Сынъ ничога ни знанть видьмавства, а батька дужа знанть.

— А, сынокъ, миѣ столько жить и столько!..

А сынокъ гаворить:

— Што ты сваю смерть знаншь? Илья ты прарокъ, ти што?

— Када бъ я ни знаў, ни казаў-ба; а то я знаю, да яког урёми жить буду.

Приходить яму тоя уремя.

— Я сянни буду умирать.

— Што ты такъ сянни будишь умирать?

— Я чуўствую, што миѣ жить нямнога застаетца.

И лѣхъ іонъ.

— Хадитка ка миѣ, сыночикъ, хади!

Іонъ падышолъ, пришолъ къ яму.

— Сыночикъ мой, паслухай ты мене: я такъ ни умрѣ.

— Ну, якъ жа ты такъ ни умрѣшь?—Якъ Бохъ дастъ, то и умрѣшь.

— Узлѣзь на паталокъ: ты увидишь увесь мой трудъ!

А нявѣстка гаворить:

— Уси сміятца будуть! нярушъ-ка нярушъ-ка такъ паляжить!

Ляжить іонъ день, ляжить и другей—усѣ такъ.

Стали люди сына угаваривать:

— Якъ такъ ни паслухатъ батьки? просить, такъ нада паслухатъ.

Узлѣвъ сынъ на хату, паталѣчину паднялъ и глядитъ, у двери якъ идуть акаынны. Ня тутъ то будь сказана: и усѣ крѣчча залѣзныя нясутъ съ сабою, а іонъ на лаўен ляжить нямытнй.

Чартоў па десять засилють крѣччами рябро и нясутъ яво засилѣмши, усѣ идуть, усѣ идуть, зашлють и валакутъ, зашлють и вылакутъ—и чиста уси ребры паразабрали.

Снчасъ идеть зъ елемю и у двери ня лѣзить (ета былъ павѣшеникъ, іонъ на ели задавіўся — апасля чартомъ здѣлаўся и зъ елемю пастаянна, якъ часавой ходіў и къ тому видѣмаку пришоў. Мой дядя казаў: дужа страшны павѣшеники. Повѣсіўся у аднымъ лѣси парень съ дѣвушкой, тамъ дасѣль абухѣдачикъ іось. Бѣлозе, дядя крестную молитву знаў. Адинъ къ вѣдному качаютьца—и неподалеку отъ дяди, якъ іонъ прахадіў—и гукаютьца: татошій, татошій.

Завярнулся тѣй чортъ назадъ, а хрибетная кость ужъ адна асталася—астатнія усѣ да чиста абабрали.

Шкура тожа лѣжить.

Во тады лѣзить и самыи атаманыцкы, — галавюга матирая у шляпи, — идеть; тады узлѣвъ шкуру, надѣлъ на сябе, слова чахоль, лѣхъ и ляжить.

Нявѣстка и завыла:

— Батичка мой, галубчикъ!..

Во сынъ лѣзить съ паталоку (іонъ видіў, якъ грибатый и рылатый чортъ залѣвъ у батькину шкуру), на жонку забранился:

— Вытницы ни видать — выть будить! нада за мушчинами иттить: мыть нада.

— Да, надаби схадить.

Пришли мушчины, чилавѣкъ съ шастокъ, назвалъ назнарошныя ихъ, на жонку закричѣлъ:

— Клади скарѣй дровы у печку!

— Што ты адурѣў?

— Стаў чугуны зъ вадой у печь!

— Да, у мене вада тѣплая іось.

— Икая ето вада? ни горяча, ни калива.

Дроў наклали, два чугуны бальшихъ налили.

Мушчины сидять.

— Пагадита, братцы, пагадита! нярунѣ, закинуть бѣлыѣ ключимѣ.

Кинять чугуны бѣлыѣ ключимѣ; во тады ихъ вынимать. Самъ узялъ чугуны и другога сусѣда затѣиу.

Мушны глядять, што такая будить.

— Глядита, ребяты, будьта свѣтаню!

Несеть чугуны, и лице мушны абы чугуны нясуть. Іонѣ ляжеть.

Якъ зашоу сынѣ, сичасѣ съ лысны якъ шархнуу твирѣ галаву чугуны—уса мушны видили, якъ нѣхѣ загагатау: го-го. го-го—и пашоу кверху, и пашоу.

Аднеѣ шкуры съ пригорци засталась; усе патухла, ничаво на кутѣ нѣтути.

Во якъ мой батька помирѣ—и папоу звать ня нужна!

№. 56.

Способъ погребенія змѣя-чудовища: мальчики и дѣвочки запрягли въ телѣжечки пѣтушковѣ и курочекѣ и возили землю на могилку змѣя.

Около Боровскаго (деревушки Смоленскаго уѣзда Прудковской волости) околѣлъ огромный звѣрь.

Никакъ не могли похоронить праха чудовища, отъ котораго распространялось нестерпимое зловоніе. Наконецъ, одинъ колдунѣ далѣ совѣтъ, какѣ похоронить чудовище. По совѣту знахаря, отрядили маленькихъ мальчиковѣ и дѣвочекѣ, которые запрягли въ телѣжечки пѣтушковѣ и курочекѣ и возили на могилу змѣя землю, пока безслѣдно засыпали его прахѣ.

№ 57.

Якъ хазямѣ кладѣща (первый пакойникѣ, схарѣднитый на кладѣщи) съ прочими радителими разговорѣ мѣу.

Ишоу старичекѣ старинькій; ишоу, ишоу.

Узвалися:

— Дай-ки ляжу на кладѣщи.

(У лѣтку ета дѣла была).

выли, а дярёўна нідалёва. Самъ сабѣ и думантѣ етый старый:

— Жалка, што да дярёўні ні дайшолъ ли нашлега: дярёўна близка.

Стаў, пумаліўся—пиріначую тутъ.

Якъ заблўн тагъ, усѣ къ яму надходють пакойнікі.

— Нада у хазянина спраситца, ти можна намъ итти у дярёўню, на поминь.

(А тамъ, у тэй магилкі, идѣ лижаў старикъ, быў хазяинъ кладица, первый пакойникъ, схаронитый на кладици).

Хазяинъ—пакойникъ и гаворитъ прочимъ пакойникамъ:

— Идита, идита—идита сабѣ зъ Богымъ!

— Пайдешъ жа и ты?

— Мнѣ сяводни нильзя: у мне нашлежникъ начуитъ.

— Нярушъ съ Богымъ начуитъ: чужей чылавѣкъ пришоў нада яго баречъ.

Идутъ съ поминныкъ къ хазяину, ниятъ надходють.

Хазяинъ пытайтъ:

— Ти многа народу была?

— Было-тки народу давольна.

— Ти харашо жъ вамъ тамъ была?

— Усе харашо, слаўна была—тольки адно дѣла: парядку бальшого нѣтъ, хутъ сабѣ и харчоў давольна. Нясуть кашу, нясуть и блинцы. Блинцы ниразрываны нясуть на столъ. Узыскались ножика, ишуть—порють: яны и тамъ, яны и тамъ.

Узспирчаліся за етый ножикъ, ни найдуть нажа и гаворють:

— А ня йщитя нажоў: ета радитили надивили!

Такъ ета жалка намъ стала, нихарашо: мы усѣ сичасъ узали съ-за стала и пашли—и ни пакушали мы етый ни каші, ни блинцоў.

А хазяинъ гаворитъ:

— Ахъ, имъ ни нада было такъ гаворитъ на васъ, а вамъ ни нада было ужу гнѣватца, нада было дасѣдитъ да кашца.

Ляжеть. Тольки якъ стала тѣмна, сонца зайшло—во и за-

№ 58.

Якъ жанихъ изъ мятвыхъ, съ тѣга свѣта, за нявѣстымъ
приѣхау, нявѣсту съ сабой увѣзъ и лѣдва ни стратилъ, да
болозе, пакойная хрѣстная матка парамла дѣўки, якъ зба-
витца атъ чѣрта.

Засваталисъ паринь съ дѣўкаю; паринь тѣй захварау и умиръ.
Дѣўка тая ташнуить — бядуить, гудѣтъ па ѣмъ; матка зъ бати-
каю ничога: умиръ дакъ и умиръ — женихоу многа.

А ина сядить падъ акномъ — плачить. Вотъ іонъ и ѣдить —
лошаты харошая.

— Што ты ти байсѣя мине?

(А ночь видная).

— Чаго жъ я буду баяца тибѣ? я рада, што табе увидила.
рада да смерти.

— Напрятайся патяплѣя, штобъ тепла была.

Шубу-жупанъ напранула, сѣла на лошаты; ѣдутъ зъ нѣмъ.
ѣдутъ.

Мѣсицъ свѣтитъ,

Мертвый зъ живымъ ѣдить.

Ти байсѣя ты? — ипаты проѣдутъ:

Мѣсицъ свѣтитъ,

Мертвый зъ живымъ ѣдить.

Ти байсѣя ты мине?

— Чаго я буду баяца съ табою? Я рада да смерти, што
тибе увидила.

Мѣсицъ свѣтитъ,

Мертвый зъ живымъ ѣдить.

Ти байсѣя ты мине?

ѣдутъ; у церкви свѣчи гарять.

— Ну, иди жъ ты у церкау, а ви становись на правый
рукъ, а стань на притвори, а туды ня йди.

Пришла у церкау, стала на притвори. Глядитъ: блѣдный
такой народъ, блѣдный, а матка хрестная стайтъ ли царьскихъ
дварей, ли самыга круга. Глядь назадъ: ина стайтъ.

— Боджинька, ты мой, што ты ета пришла? — Ахъ, мая
дачушка, ета мертвый народъ, ви живой.

Ина ни кажитъ ей.

— Што ты ета ни кажишь?! А ета ты прѣхала, знаю, зъ женихомъ сваймъ. Вить іонъ тибѣ стратить, іонъ ни прастый чилувѣкъ, а глупить. Ня стой жа ты тутъ: а то сичасъ перкаў запретца, выходи съ церькви скарѣй и бяги. Гляди: будить агонюшникъ гарѣть и ли етыва агонюшка будить ихъ троя сядѣть: тэя и тэя—ихъ мать зимля ни приманть. А ты напрань адежу, а руки ни ўдивай у рукавы, ни ўдивай!

Іонъ тибѣ саскребеть:

— Куды жъ ты идешъ? Што ты мнѣ ни даждалась?

— А ты кидай адежу, спускай яе съ плечъ, а сама сколькои юсть у тибѣ силы, утикай ать ихъ: ты ня близинька завезина; и бяги, и бяги: у такой дареўни сидать—старикъ умиръ.

Ина бѣгла, бѣгла; іонъ схватаў яе и усѣ адежу зъ ей, комкаў, комкаў—на лускуты парвау, сама жъ ина убижала.

Бягить, бягить; сама сабѣ думанть:—„ня бытъ мнѣ у живыхъ!“ Сѣнцы атпѣртыи. Якъ бѣгла, у ту избу; народъ сядить многа надъ тымъ члавѣкамъ. Глянули на іѣ и спужались.

— Што ты ета дѣўка зъ лица змянилась?

— Ахъ, вы, мае тетычки и дядички, на силу Бохъ унесъ.

— Ахъ, ты, такая и сякал, ета сатана змустиль тябѣ: честный члавѣкъ, якъ ўмреть, такъ іонъ и ляжить сябѣ спакойна.

Прашнулися матка зъ батькай, уздули лычинку: дѣўки нѣту.

— Божжа мой кармилиць, ета дѣўка дурная нѣшта уздумала! Чаво ина у голува заходитца, што ей женихоу нѣту!..

Дали ей тамъ напранутца; идетъ жа, идетъ.

Батька зъ маткый стали бранитца; рассказала имъ:

— Праститя мине: ня буду тяперитка на имъ плакать: нихай паѣмъ лиха плачить, а ни я. Спасибо матки хрестный кармилицы: вѣкъ яе буду пуминать—када-бъ ни ина, на свѣтъ бѣ мине не была.

№ 59.

Якъ панойница старуха дитѣмъ сваймъ спакую ни давала, пакель ей нявѣстка свой пристоль на неби отказала.

Идна баба умѣрла. У вагароди яе сына зъидантца капу-ста,—за нычъ качаноу пять и шесть. Жана и гаворить мужу:

— Сходи и падварауль, хто эта нашу капусту ёсть?..

Лехъ у баразні, ляжыць. Приходзіць маты съ таво свѣту, узшла капусту ёсть.

— Мамъ, што ты насъ асалажашы?

— Сыночъ мой, скажы сваей жонцы, маея нявѣстка, што у ёй три прыстола на томъ свѣти, а у мне ни воднива; няхай мна мѣ атыжыць адны.

Приходзіць у хату, нашоу жонку, расказау ёй: такъ и такъ; потѣмъ и просыть яе: — „атыжы маты адны прыстола, — падумай!..“

— Пажалый сибѣ ёй адны!

Пырыстала хадыць на зыгѣ... А маты ета ни давала нлыстны ннычымъ, а нявѣстка, скоуькы лны ни хадыць къ ёй, заўжда атыжыць и падасть хуць адны лотычкы.

№ 60.

Янъ мартвецъ гмауся за вейтымъ, а другой мартвецъ заступуся за вейта.

Пасылау барынъ зъ дныгмы, у другоа нмѣнла, свайго вейта: Іонъ садылся вярхоу. Многалъ, мала праѣхну, снырькатыца; лѣтныя время: пріѣхну у дареуно усь спыць — въ адной хаты агонъ гарыць.

Падъызжаны къ хаты, прывызываны лошады; пашоу у хату:

— Здрастуйте вамъ!

Хозыйка атычыаць:

— Здрасты, друхъ!

— Што жъ ета у васъ мужъ помырь, ай ящо што?

— Мужъ помырь, дядюшка...

— Нѣтъ ли у тебе іѣса алы сѣна? Лошаты подварылы ба...

— Пагады, галубчыкы: я спраулюсь счасъ...

Пашлы, Атмѣрыла яму два гарца іѣса и 10 фунты сѣна атыпустила; палажылъ іонъ лашадымъ кормы.

— Ты ня хочышь, самъ галубчыкы, ёсть?

Када млысть ваша — я заплачу — деныгы — пажалуйты...

Налываыть мна яму малака чанку. Іонъ садіуся ёсть; публагадаріу яе найушы за хлѣбъ, за сымъ. Паслѣдѣ тѣя ўрѣмъ.

паканістѣ лошаты паѣла кормѣ; атдаеѣ хазяйкы ращотѣ за сѣна и за вѣсѣ, за ўси прадукты.

— Што, галубушка, можна мнѣ пиринучуваты, щажнуѣ са-
маму маленичка?

Дала мѣстичка на дворѣ патдыхнуѣ.

Приходить у хату хазяйка. Паднаравя, устаеѣ мяртвецѣ
и гаворить:

— Што жѣ ты, такая-сякая, при живымѣ ты дѣлала дила
нихароніи,—и тыперѣ ты чужова приласкала кѣ сибѣ, каторый
ѣдит у дароги!

Падняли драку—шумѣ, врикѣ у хаты. Ета услышалѣ ста-
рыста, што шумяѣ — кричаѣ. Пасматрѣу теризѣ парохѣ, што
за шумѣ у хаты. Пасматрить: мужѣ сѣ жаной диретца. Тады
онѣ атвязываѣу лошаты и садіўся, (урабѣў, што пакойникѣ устаў),
іѣхнѣу шибка, и при имѣ сабака быў. Даганыяѣ пакойникѣ
етыга старысту. Сабака зѣ имѣ нагрудки—паступіўся. Якѣ па-
койникѣ хатить за старысту—сабака на пакойника; пакойникѣ
сѣ сабакнѣй здѣлаѣѣ драку, а старыста увайдеѣ даліѣ. Ну,
толькы што старыста пріизжаѣѣ у скорыстахѣ кѣ мельницы,—
привизалѣ лошаты вокыла крыльца, на печѣ ускачіў, схараніўся:
агонѣ гарить: адинѣ іонѣ ляжить, пакойникѣ — мяртвецѣ (патаму
адинѣ, што усе сѣ напугу зѣ имѣ быѣ, изѣ хаты паразбѣ-
гнѣсь.

Прибѣжаў и тѣй мяртвецѣ, што гнаўся за старыстнѣй, разар-
ваў лошаты старыстину и сабаку разарваў. Идеѣ у хату:

— Ни схаронисѣѣ ты у мяне!.. Ишѣ куда на нычѣ за-
браўся!..

А етнѣй пакойникѣ-прудникѣ устаеѣ яму на ўстрѣчу.

— Якѣ жа ста табѣ ня совѣстна, што ты сколькы верстѣ
гонисѣѣѣ за чилавѣкнѣмѣ, перво жѣ яѣ пирипужалѣ?!..

И здѣлаѣѣ драку сярѣдѣ хаты. Падралисѣ. Прапѣѣѣ питу-
хи—яны и ударилѣсь ибѣ полѣ.

Даеѣѣ Бохѣ свѣтѣ. Приходить народѣ у хату. Ляжаѣѣ мир-
твацы на масту (Етыѣѣ прудника палажиѣ на свае мѣста, а
абѣ тымѣ яўку дали—жана кѣ яму и призналасѣ). Глидаѣѣ
сѣ боку хаты: лошаты и сабака разорваны.

— Даўжно іоестѣ хѣѣ у хаты. Чіѣѣ лошаты и сабака!..

Іонѣ на печи ледѣѣ прарячилѣ и разсказалѣ, якѣ было;
потѣмѣ казаў:

— Пажалуйта мнѣ священника!

Причастіўся, ускорысти съ напугу умиръ. Деньги, што везъ, уси аказались; атдали ихъ барину.

№ 61.

Янъ старуха иднаго салдата змарила и заѣздила, а другой салдатинъ самъ съ ею пайграў.

Салдаты жили на пастой, на дярёуни. Адинъ салдатикъ сбился саўснимъ спавхвѣй: ня ѣлъ ничаво на квартири.

Таварышъ яму и гаворить:

— Братицъ ты мой, што ты, словна низдаровый, сланяйся-тя? Увесъ жа ты учарнѣлъ! Што ты такъ аплашѣлъ, братъ!..

— Братицъ, сяду за столъ—ничаво ня ѣмъ; када два раза укусилъ, дакъ и сытъ!..

— Ну, харашо, я тибѣ пириваду на сваю хватуру!..

Пашли вѣбн къ ротному; сталъ таварышъ гаварить ротному:

— Ваша блугородіе, етый салдатъ ня можить служить на служби.

— Пачомъ такъ?

— Ваша блугородіе, ничаго пици ни патрибляить.

— Низдароў?

— Нѣтъ, ваша блугородіе, гаворить: ѣсть до смерти хачу! а сядить за столъ, ничаво ня ѣтъ.

— Што съ ѣстымъ дѣлать?

— Нада яго на мою хватуру пиривести, а мине на яго. Ета, ваша блугородіе, хазяйкыю завѣстуйтъ.

— И ты, братъ, тамъ будишъ галодинъ.

— Я ни баюсь: я буду сытъ у яе.

— Примянить-ета можна примянить!..

Привозють другога салдата на хватуру.

— Бабушка, сѣнни пириѣна у васъ—новый салдатъ!

— Ну, што-жъ, ничога и свѣжинькій!

(А ина таго заѣздила: день іонъ ня ѣсть, а ноччу юшадью абернитца и возить яе).

Пришоў абѣдать.

— Давай абѣдать!...

Наливають яму кушання. Тѣрькають ножикъ падъ столъ,

у стальнойну. Салдаты садіўся за столъ, сѣў за столъ—запретъ здѣлюся у ядѣ: то хатѣў, а то и шабашъ. Пасматрѣў: падъ столомъ ножикъ тарчить. Узяў ножъ выбрасіў, — пайдаў салдаты, якъ бытъ. Даждалися вѣчера. Падторнула падъ салдатнымъ ипать ножикъ. Салдаты пощупалъ: ножикъ падъ столомъ тарчить. Узяў бросіў яго, паўжинаў салдаты съ сямействымъ, якъ бытъ. Приходить тоя ўремя, што спать лажитца. Падабраў салдаты чуракъ, роўна съ собою, и паставіў яго у сѣнцахъ. Лажіўся спать, накрыўся шинелью; выходіў на дворъ, выносіў въ избу чуракъ, клаў на своё мѣста, якъ ложіўся, и накрыў шинелью. Приходить пулначъ. Прашнаецца эта старуха, беретъ съ-падъ полу вузду и сякеть па етымъ чуракъу и приговарить:

— Быў ты маладцомъ,—
Стань ты буланымъ жиряцомъ!..

А іонъ выскакываить съ-падъ лаўки, выхватываить у ея съ рукъ вузду, сякеть яе самое и приговариваить:

— Была ты маладицый,—
Стань ты сѣрый кабылицый!..

Стала кабылицый. Абрываѣў іонъ яе, садіўся на яе и укижаў у чисто поля. Абѣвдіў уси паля, сколько знаў; на зарѣ приизжаить у дярёню. Кують кузницы у кузни рана и гаворить іонъ имъ:

— Братцы-кузницы, бросьта свою работу: падкуйта кабылицу. Вотъ вамъ плата па рублю ать наги!

Жива падкували на чатыри наги. Садіўся салдаты и паѣхаў. Приизжаить дамой на хватеры, узъизжаить на дворъ, слизантъ съ кабылицы, скидываить узду.

Сикануў па кабылицы:

Была ты кабылицый,—
Стань теперя маладицый!..

Пашла у хату хазяйка—подкованы руки и ноги.

Дайшло да начальства: такъ и такъ. Ряшили старуху са свѣту.

№ 62.

Якъ вѣдьма, скинуўшись сукою, хатѣла салдата зѣсь, а салдаты ей лапы атсѣнь.

Якъ были цастои, палюбилъ салдаты хазайскую дачку. Узнала хазайка-вѣдьма, што любить салдаты яе дачку, бросилась сукою и кинулась у пуню, куды салдаты хадилъ къ яе дачкѣ, — ну, салдаты грызь.

Салдаты ускочіў, пуправіўся зъ ею, узяў за передні лапы, и падводитъ суку къ калодки, а у калодки тарчѣл тапоръ; узяў тымъ тапаромъ атрубіў суку лапы:

— Воўкъ те зѣшь: ня будишь болій мине грызь!

На заўтрига пасмотріть: у старухи руки заверчины.

№ 63.

Якъ вѣдьма, зъ мятвухъ устауши, свайго сусѣда за валосья патигала.

Въ Бердибавахъ гады три пумирла вѣдьма. Пашоў атсѣ съ сыннмъ снать на гумно. Іўлянтца кошка и кличить батьку за валосья. Батька атъ валасоў яе атарваў, шмякъ абъ тобѣ. Ина, нямнога уремени пагады, ипять увиалась у валосья. Батька на сына и гаворить:

— Кастюкъ, дай-ка мнѣ цѣпъ: я яе паряшу!..

Кастюкъ палѣзъ за цѣпнмъ, — скрипнула хвортка съ гумна, ни стала кошки.

— Дай-ка пасматрѣть, хто эта скрипнуў!..

Ночь была видная: замѣтна была, якъ на сасѣдскій дворъ узабралась чорная кошка.

Батька сказаў:

— Таперича я ни діўлюсь: у тымъ дварѣ умѣрла вѣдьма (эта ина къ намъ на гумно прибигала). Ишо пиридъ смерту яе братъ гаверіў:

— Вы сябѣ и ня думайте, што мая систра такъ умреть, а нужна ища перва паталокъ у хати разабратъ!..

Такъ яно и выходитъ...

№ 64.

Якъ вѣдмы на Кармилицкую гору литали.

Быѹ у кристьянина на хватори салдаты. У мужука была дачка. Вотъ етытъ салдаты и пиривинчаѹся зъ етыю дѣвкыю. И патомъ іонъ стаѹ примичать: — што такая? Ноччу прашна-ютца жонка и теща, и тайкомъ ата ѹсихъ некуды ходють“. У вадну ночь, а иминна падъ Ивана Купала, іонъ притваріѹся спящимъ. Къ самый паўночи адиваитца жонка и теща. Іонъ ета усё и видить. Вынимають яны съ падпечча кукшинъ, берутъ изъ яго теща и жонка на руки парашкѹ, и брасають на жаръ. Закричаѹ удругъ нѣхтѣ страннымъ голысымъ: „ляти, лати, лати!..“ Во яны и палятѣли воби у трубу. Салдаты узяѹ съ кукшина зелья и бросіѹ на жаръ. Во и яму нѣхтѣ закричаѹ страннымъ голысымъ: — „ляти, лати, лати!“ — Палятѣѹ за ними у трубу салдаты. Іўляитца іонъ на Кармилицкую гару. Во тамъ дужа многа видьмакоѹ, сидить тамъ на креслахъ бальной 7-ми главный змѣй и смотреть у ва ѹси сторыны. Тиха такаво було, змѣй свиснуѹ: удругъ узнилась бальная музыка, пѣсни, скоки: уси видьмаки пустились у скокъ. Салдаты етый стаить и глядять, и видить, што яго теща скачить праставалосая са старикомъ бизъ штаноѹ, бизъ шапки, бязъ поуса. Стала яму смѣшна: салдаты разсмѣяѹся. Мядвѣдъ етый якъ свиснуѹ у 7 галоѹ, сичасъ усё стихла: хто ротъ разинуѹ пѣсни пѣтъ, — тѣй такъ и астаѹся; хто нагу падняѹ скакать, — тѣй тожа. Мядвѣдъ крикнуѹ: — „Эй, узнайта, хто тутъ іосъ съ прастыхъ людей!“ — Падходить къ салдату жонка и гаворить; -- „Чаво ты тутъ? Ляти дамой!“ — Тольки іонъ пириварнуѹся, — глядъ на постели ляжить. Черизъ нѣскалька ўремя, іўляитца, и жонка, и теща. Во яны у яго спрашіють: — „ты чаго тамъ быѹ?“ — Іонъ гаворить: — „и я сыпнуѹ таго зелья на жаръ.“ — Яны яму тоя зелья запрастили братъ.

Отъ старика Емельяна Даниловича.

№ 65.

Якъ вѣдма у трубу литала, а салдаты уси яе штуки приу-зышдѣль.

Стаялъ на пастои салдаты. Прашнулса салдаты наччѹ падъ тоя ўремя, какъ хазайка устаеть. Хазайка дунить агонь

(салдатъ ня спить — слышать). Сичасъ кладеть ли мужа голый галень, вѣникъ, падымаить у хати мастницу, выймаить бутыль съ мастини: мажить мастію падъ калѣнками, суставы, мажить падъ пахами, падохить къ печки паdmaзашу — и патащила яе духымъ у трубу.

Салдатъ ета дѣла усѣ и видиу. Прайшло нѣскольки урмени, (салдатъ ни спау), ипять у трубу вѣдма улятѣла и явилася въ изби, дунть агонь, примаить ать мужа галень, лажилася спать къ мужу. Салдатъ ета ўрежя стѣршиу — ничаво ни гавариу. — Даждася салдатъ вечера, лажіуся спать; самъ ни спалъ, а притулился соннымъ.

Уставала хозяйка. Устаеть и дунть агонь. Кладеть ли хазина голый вѣникъ, атваряить ипять масницу, выймаить масти съ бутылки: мажить падъ калѣнками суставы и падъ пахами мажить, падохить къ печки — пувалакло яе у трубу.

И хатѣлыъ салдату пулюбащитствывать идѣ ина бываить.

— Дай, и я тамъ пабуду!..

Вниіу салдатъ бутѣль и мазау сябѣ пу яе примѣру, станавіуся къ печи, къ трубѣ — и яго патащила.

Прилитаить салдатъ на сасну, на Кііуѣскимъ большаку, на гарѣ. Гара та „Лыся“ заветца, и на той гарѣ большоя бываить сабранія вѣдмыу. Тамъ служивыга яго хазайка и наслѣдила.

— А, служивый, напрасна ты такъ здѣлау, патаму тутъ тибѣ разарвуть, а мине абѣ тибѣ спрашиваить будутъ. У етнй кадушки матила усихъ вѣдмыу, а у етнй мази.

Падвадила салдата къ кадушки съ мазями, изнову яво угаваривала:

— Ступай дамой: тутъ ни твае дѣла бытъ.

Пѣтѣмъ паdmaзала яму падъ калѣнками и падъ пахами — палятѣу салдатъ дамой, прима у трубу, на сваю хватуру, и лажитца спать на сваймъ пакои, на лауки.

Услѣдъ за салдатымъ прилитаить хазайка, принимаить галень ать мужа, лажитца спать.

На заўтрива устають. Была салдату харашо, а то ящо палуччила пища и абхажденіе (ладила хазайка салдату, штобъ іонъ маўчау).

Дажидаючи вечера, лажилися спать.

Салдатъ ни спалъ, штобъ калаурить яе, якъ ана палятить.

Устаеь хазяйка, дѹить агонь, дастаеть масти, падмазѹить падъ калѣнками и падъ пахами, становитца ли трубы, ли печи — патянула яе у трубу—палатѣла на свои мѣста.

Салдату дастаѹ масти и сонныва хазяина мазаѹ падъ калѣнками, падъ пахами, будіѹ яво:

— Устань, прашнись!..

Разбудіѹ; падводитъ яго къ печи:

— Хади къ печи, пагляди!..

Патащила яво хазяина у трубу. Прилитанѹ на зборища, идѣ вѣдьмы собраны; пасматрѹть: жана яво тама разгуливантца.

Вѣдьма-хазяйка тада загаварила:

— Законный друхъ, тибѣ тутъ сѣчасъ рѣшатъ—я ни хачу етѣва: зварачивайся дамой назатъ!..

Падвадила яго къ кадкѣ, идѣ масти.

Іонъ сѣчасъ палатѣѹ, и ина услѣдъ за имъ; становилися лятѣмши абои сяредъ избы.

— Такая сякая, идѣ ты была?

— Нїйдѣ! ты у ва снѣ ета видалъ!..

Увѣрила мужа, што яму саснилась;—іонъ и павѣріѹ.

А салдату сначала гразила, — послѣ, распіѹши водку, гадѣла—и жили харашо.

№ 66.

Какъ мужъ, перенявъ ухватку жены своей, вѣдьмы, въ трубу за ней леталь.

Была лихая вѣдьма. Скидывалась она сорокой и улетала въ трубу, да постоянно отнимала здоровье у мужа, такъ что онъ сдѣлался блѣдный, какъ смерть, еле живой.

Разъ таки мужъ замѣтилъ, какъ его жена дѣлается сорокой: обольетъ себѣ кругомъ лицо чѣмъ-то жидкимъ изъ какого-то горщоночка, скинется послѣ того сорокой, да и нырь въ трубу—и полетѣтъ.

Мужъ сдѣлалъ, какъ и жена, сталъ сорокой и умчался вслѣдъ за вѣдьмой.

За сорокъ верстъ отъ дома вѣдьма замѣтила мужа и упрашивала его вернуться: дальше ужъ ему было опасно летѣтъ.

Мужъ вернулся домой, да заложилъ юшкой трубу. Приле-

тѣла утромъ вѣдѣма и упрасивала мужа впустить ее въ избу. Какъ впустилъ онъ ее, ему была отъ жены большая честь, и перестала съ тѣхъ поръ жена летать сорокой, да отнимать здоровье у мужа, стали супруги жить дружно.

№ 67.

Якъ вѣдѣма салдату паддѣлала, што іонъ на липинки за тысичу верстъ слитау и сваю родину пувѣдаў.

Были пастои. Адинъ салдатикъ и гарюить:

— Гаспада усихъ диньщиکوу дамоу атпущають у пабыўені, а какъ мой домъ у атдаленнѣсти, мне ни пушають.

Хутьба на часиничеу; на адинъ часокъ, атвѣдаў бы сваихъ радныхъ!..

Старушка яму и гавдирить:

— Што будить? атпущу на нычъ да дому.

— Какъ ты, бабушка, мне атпустишь?

— Галубчикъ, пабудишь ноччу дома и назадъ узваротѣсьта!..

— Ахъ, бабушка, ти у Бога ты была за пазухый, штоли мне здѣлаишь такая адалженія!?

— Ну, ну, будишь ты нѣччу тамъ и усихъ радныхъ увидишь—ни разсказывай зъ ими; усихъ пирягдѣишь и ў ночь назадъ обернѣсьта!..

Выводить на дворъ, выводить яму съ канюшни буланую лошадь:

— Садись на яе, служивенькій,—смотри: на во шта ина будить дорогой лѣзть—ня тпрукай: тиризъ ёлку—нихай сабѣ ина тиризъ ёлку!..

Паѣхнуў, падъѣзжаиць къ полю, къ гародамъ; лошадь прина на згароду узѣхала—дый тпрукнуў іонъ на яе. Мизъ нохъ, тѣй часъ, тую минуту, у яго липина—нѣту лошади—буду падѣлалася, а іонъ няможить узнатца, суступить, ноги атбіў. Ходить у дареўню, пазнаў свой домъ, дабудіўся радныхъ. Радни рады, исто свой аявился къ имъ; стали иба ўсемъ распрашивать. Іонъ же имъ разсказаў, а самъ балѣнъ здѣлался. Далажили становому, што балѣнъ салдаты; атдали яво у казенную бальницу, списали пахождѣнія яго, якъ іонъ ѣхаў съ хватері; съ полку увѣдамили, штобъ іонъ аздоровіўши падъявился.

Пять мѣсяцѣ салдаты пралежилъ. Якъ показалъ свою хватуру, присудили старуху къ разстрѣлу, што калдуння: яе вальшабствомъ салдата за тысичу верстѣ шуты насили.

№ 68.

Мужики съ ваўками гавдрить.

Ишоу мой батька съ карчебнью воткню. Наѣхну на ихъ разѣздъ у лясу Чирнаўскаму. Знають уси стежки и дорожки—такъ яны паразбѣглись уси адинъ на воднымъ у лѣсъ.

Даждались начи. Адинъ водныга ни знають, куды парашли— „а што Богъ дастъ—я идинъ пайду: ишо гуртымъ хужи вышѣши кричать.“

Ну, іонъ идеть. Сичасъ на дарогу узыйшоу, прайшоу тольки троя гони:

— Што тутъ такая? Кто ета на дароги стаить?

12 ваўкоу стали и стаить пасярѣдъ дароги.

— Я ношку паставіу: два вядры на пирывѣсь, на калѣначкахъ сталъ, руки сащапіу. Вухъ имъ у ноги (аны атъ мине нидалеча—разоу 5 ступить).

— Малайцы, прупуститя мнѣ дарогу! Идитя жъ вы зъ Богымъ, куды Бохъ вамъ дарогу наказау.

Яны сичасъ смотрять, што старый воўкъ будить лѣлатъ, а іонъ на ихъ „гаррр!“ и души у мине нѣтути, што-та Бохъ мнѣ дастъ.

Якъ прайшоу, вярнуўся: дай, публагодарю ихъ:

— Спасиба вамъ! дай Бохъ вамъ здароўя, малайцамъ, што вы мине прапустили. Вы идитя сваей дарогый, а я сваей патащусь.

№ 69.

Якъ сивенькій старичекъ мужицныга сабачку прутынымъ забіу, што тэй сабачка дужа ваўчноу забимдау.

У иднаго мужука щанилась сучка. Ахотникъ паслышау и пашоу куплять сабѣ сабачку. Выбрау іонъ сабѣ сабачку воякъ. Адинъ задался такой бряхунъ: якъ зыбрешиць, другея въ чямѣ

припадуць. Того сабачку брихуна іонъ и купіў. Якъ узяўса сабачка у ахотника такей злющій, призлющій; якъ уздўжіў, нападець на ваўка, удариць объ земь — у ваўка духъ вонъ. Ахотникъ ужу ладныга пубраў денихъ за ваўкоў; дакъ устрѣтіўся іонъ аднажды съ сивымъ старичкомъ.

Сядить етый сивый старичекъ надъ ваўкамі; а яны и лжати и сидять: и малыи, и аграменныи, и сивыи, и сѣрыи, а прамезъ ихъ усихъ бѣлый царикъ. Тѣй бѣлый царикъ, какі тронить чилавѣка, то и уси на яго: а ня тронить, то ни водинъ ня тронить.

Во сивый старичекъ и гаворить на ахотника:

— Пазволь, душичка, маимъ сабачкамъ пубаротца съ твоимъ; и ня то, штобъ усѣ мае сабачки на твайго гуртожъ наваялихъ, а па диночки будутъ выходить.

— Изволь!

Ахотникиў сабачка десить ваўкоў приидушилъ.

Тады старичокъ атдаў ахотнику задўшинныхъ ваўкоў и гаворить:

— Вазьми сабѣ ихъ, и то я табѣ прашаю, што ты забихдаў маихъ сабачикъ дапрежда и таперишнія абида; ну, таперъ, галубчикъ, ни давадетца табѣ болій ахотитца на ихъ, — будь жа доволинъ, што пулучіў.

Съ етими славами старичекъ, якъ сикануў ахотникыва сабачку сванимъ прутивымъ, тѣй издохъ.

№ 70.

Собственныя дѣти колдуна по его неосторожности подѣлались волками; отъ удара палкой объ мяльлицу они могли бы принять прежній образъ.

Какой то колдунъ изготавилъ питье съ злою цѣлью сдѣлать „поддѣлъ“ на свадьбѣ. Но собственныя дѣти колдуна выпили волшебный напитокъ и стали волками.

Послѣ того колдунъ просилъ сосѣдей не стрѣлать волчатъ, а ударить, при видѣ ихъ, палкой объ „мяльлицу“; случись при этомъ оборотни, они могли бы принять прежній образъ.

Мужичекъ-оборотень.

Любовница, колдунья, превратила мужичка въ волка; долго мужичекъ „страждалъ“, покамѣстъ не узналъ, что нужно, чтобъ сдѣлаться человѣкомъ, перекинуть черезъ себя три раза рѣзвини.

Во время вѣрнопостнаго права спознался одинъ мужичекъ съ колдуньей; а какъ пересталъ онъ любить ее и знаться съ нею, покинутая любовница превратила его въ волка.

Много лѣтъ „страждалъ“ мужикъ.

Только съ виду онъ казался волкомъ, а думалъ и чувствовалъ, какъ человѣкъ.

Помолю странствовать. Подерается къ жнеямъ, стащить у нихъ кусочекъ хлѣбушка, выпьетъ водицы, — тѣмъ бывало и сытъ.

Особенно плохо было оборотною зимою, когда по глухимъ снѣжнымъ полямъ и лѣсамъ бродили одни звѣри; весною, когда „разставалъ“ снѣгъ, тутъ ужъ ему было ничего. Пробовалъ ѣсть даже падло. Къ настоящимъ волкамъ онъ не прибывался, и тѣ къ нему не подходили, будто его чуждались.

Разъ оборотень замѣтилъ волка, крадущагося къ стаду овецъ. Волкъ укралъ овечку и потащилъ на гумно; съѣвъ ея тамъ, такъ что пастушекъ не замѣтилъ похитителя, онъ три раза перебросилъ черезъ себя рѣзвини и сталъ человѣкомъ.

Замѣтивъ невольнаго оборотня, мужика, волшебникъ угрозою убѣждалъ его никому не передавать видѣннаго.

Мужикъ, поступивъ по примѣру колдуна, принялъ прежній образъ и вернулся къ пану.

Панъ хотѣлъ наказать за „сбѣги“ мужика, провинившагося долгимъ отсутствіемъ, однако простилъ, когда мужикъ указалъ уцѣлѣвшій у него на груди клочекъ шерсти, какъ доказательство превращенія.

Поводокъ у оборотней.

Продающій скотину хозяинъ для прочности купли отдаетъ проданное животное съ поводкомъ; отдача поводка особый актъ

продажи, послѣ котораго продажа считается завершонною — продавецъ и покупатель пьютъ „могарычъ“.

Вѣдьма обратила свою дочку въ козу и вывела ее продавать на рынокъ.

Красивая съ виду козочка была вѣдьмина дочка — точно золотая. Сколько разъ продавала ее колдунья, она постоянно возвращалась домой, принявъ свой прежній образъ.

Купилъ на этотъ разъ козочку солдатъ, самъ смыслившій кое-что въ колдовствѣ, — онъ не отдалъ вѣдьмѣ поводка, безъ котораго козочка уже не могла убѣжать, и повелъ козочку въ ковалю.

Видитъ колдунья, што „ея дѣло не полоса“: въ крѣпкія руки попала ея дочка.

Между тѣмъ ковали куютъ козочины копытники, а гвозди больно вонзаются въ руки и ноги вѣдьминой дочки, — и терпитъ козочка страшную муку.

Въ горѣ мать упала кузнецу въ ноги и стала просить его помиловать дочку. Существуетъ народная примѣта, по которой продающій скотину хозяинъ, для прочности купли отдаетъ ее съ поводкомъ, а послѣ этого акта продажи торговецъ и покупатель пьютъ водку за „поводья“.

№ 73.

Дѣвушка, чтобъ избавиться отъ нелюбаго мужа скинулась козой и убѣжала.

Однажды случилось одному крестьянину отдавать свою дочь замужъ. На свадьбѣ подмѣнили молодого жениха старымъ: дѣвухѣ пришлось перевѣнчаться съ хилымъ старикомъ.

Когда молодой нужно было лечь спать съ мужемъ, она попросила отпустить её на короткое время съ брачнаго ложа; отпущенная (привязанная однако крѣпко веревкою), скинулась козой и убѣжала.

№ 74.

Када мальчикъ надѣннѣ на гѣлыу дѣвочкѣ — яго дразнятъ: — Кабыла галаву аткусить!

Когда мальчикъ надѣнетъ на голову платокъ, а дѣвочка шапку; то ихъ дразнятъ словами: кобыла голову откусить! „чтобъ мальчикъ не надивалъ дѣвочки, а дѣвка мальчишка!“

№ 75.

Дѣвичьи посидѣлки.

Для своихъ посидѣлокъ дѣвушки выбираютъ обыкновенно нежилыя избы, а то просто бани. Свободно, вольготно имъ тамъ: никто не мѣшаетъ имъ предаваться веселью; шутятъ онѣ и поютъ самыя разудалыя пѣсни, какія только придутъ имъ въ голову.

Вдругъ какой нибудь проказникъ подкрадется посмотрѣть на ихъ веселье—съ крикомъ и визгомъ прогонять его отъ себя: поднимется возня, громкій хохотъ.

Угмонятся наконецъ; одна, другая, третья расскажетъ страшную быль или волшебную сказку,—пойдутъ всё такіе страшные рассказы, что самимъ рассказщицамъ станетъ отъ нихъ страшно.

Полночь, всеобщая тишина... Вотъ, вотъ къ нимъ заглянетъ домовой, волкодлакъ, лаума, какая нибудь нечистая сила. Да и отъ бабоекъ, тѣтокъ и дѣдовъ не разъ слышали онѣ, что именно на посидѣлкахъ и сдаются дѣвушкамъ разные страхи; но снова смѣхъ, веселая молодость беретъ своё. За рѣзвыми шутками, за работою, за розсказнями и за страхомъ, не замѣчаютъ дѣвушки, какъ летитъ крылатое время. пока лучина гаснетъ въ избѣ и блѣдный разсвѣтъ приходитъ на смѣну длинной зимней ночи.

№ 76.

I.

Разъ дѣвушки собрались на посидѣлки; въ скоромъ времени къ нимъ подошли и парни. Самая маленькая изъ собравшихся дѣвушекъ пригнулась за чѣмъ-то къ полу и вдругъ, къ немалому своему удивленію и страху, замѣтила у всѣхъ ребятъ волчьи хвосты.

Тотчасъ, не говоря ни слова, побѣжала она къ своей теткѣ, разсказала ей, что видѣла. — „Ахъ, ты, моя душинька!“ воскликнула тетка: — „якъ же эта тебе Бохъ пронесъ? жива ты, здоровинька!.. Ахъ, Божжа мой, эта жъ ваѹкудлаки, а ни парни, — яны жъ пазаядуць нашихъ дѣвушекъ“... Скорѣе за мущинами, за народомъ; но когда народъ сбѣжался въ хату, гдѣ дѣвушки справляли свои посидѣлки, было уже поздно: волкодлаки переѣли дѣвушкамъ шеи, а сами куда-то ушли.

II.

Разъ дѣвушки собирались на посидѣлки. Идя въ баню, назначавшуюся по временамъ для игрищъ и для супрядокъ, дѣвушки замѣтили лежавшую тутъ дохлую кобылу. Одна шалунья обратилась къ кобылѣ съ такими словами: — „Приглашаемъ тебя на наши посидѣлки“. — Въ полночь, среди самага разгара посидѣлокъ, идетъ въ баню къ дѣвушкамъ кобыла и спрашиваетъ, зачѣмъ ее звали. Дѣвушки оторопѣли отъ страха; однако старшая изъ нихъ нашлась, что отвѣтить: предложила кобылѣ сосчитать нитки въ такой-то рубашкѣ. И вотъ кобыла принялась считать, отхватывая зубами отсчитанныя нитки.

— Если сосчитаю, то я васъ переѣмъ!... грозила кобыла дѣвушкамъ. Оставалась несосчитанною всего одна нитка; но тутъ ужъ наступилъ разсвѣтъ, пѣтухъ пропѣлъ, и кобыла была принуждена удалиться изъ бани.

№ 78.

Ибъ скамарохи.

Ва днѣй дареўни быў притлишнй скамарохъ: идѣ тольки свадьба ни была бѣ, усѣ яго зовутъ на свадьбу.

Скамарохъ етый зъ дьявылымъ знаўся: на сколькои-то гадоў дьявылу подписаўся.

Вотъ и выскалась разъ идна дѣвица, яниральская дочка, итти за яго замужъ; ина етыга дѣла и ни знала, што скамарохъ съ дьявылымъ сазнаўся.

Приходить дьявылъ за скамарохомъ. Скамарохъ съ жаною спить и гаворить іонъ жанѣ:

— А што ты, жина моя милая, а што ты знаишь? Приходить мнѣ худа.

А ина гаворить яму:

— Ну, лажись за мене!

Дьявиль гаворить:

— Ну, выходи, друхъ: а то и сы убою зѣмь.

А скамарохава жонка атричала:

— Нѣ, ни зѣси! Вырви-ка съ голыви волюсь, чтобъ іонъ закрутіўся.

Дьявиль, якъ ня вырвить берижна, такъ іонъ и ня крутитца.

Жонка скамарохава и гаворить тады:

— Кали волюсь вырвишь и іонъ закрутитца, — тоды я атдамъ табѣ мужа.

Дьявиль абсеубъ усю сваю галаву, а волюсь усѣ ня крутитца; тады скамарохава жонка яму и говдрить: „кали волюсь у тябе ни закрутитца, то и дѣла наша у расходъ съ табою“.

№ 79.

Скымарохъ.

Якъ жонка свайго мужика абманывала и дѣйжа съ свѣту хатѣла збавить, а іонъ яе усм вѣмудры спалняў, пѣкамість добрый чилавѣкъ яго ни брызуміў. Якъ мужикъ сы скымарохама жонкиныхъ увѣртыкъ (наслухаўся), а потѣмъ жонку стаў ахаживать.

Была жонка харошая, а мужикъ плашѣй. Ня хочить жонка съ мужикомъ жить, — другихъ пазнайшла хорошихъ: Такъ ина притваритца, захварить, а яго (мужука) пасылаить за зельнѣмъ и пасылаить падаліѣ, штобъ іонъ тамъ даўжѣй быў, а мужикъ са ўсиыхъ силъ выбиваитца.

Якъ іонъ зелья принасеть, ина знову притваритца; тады яще даліѣ пашлетъ; знову яму закажить урокъ да якова дни.

Іонъ знову принѣсь.

— Нѣтъ, душичка, калибъ ты дастаў мядвѣжжива малака, а бѣ и была здарова.

Іонъ идеть, а сусѣдъ стаить:

— Здароў!

— Здароў!

— Идѣ быў?

— Да хадіў жа жонки за зельнымъ: жонка мня ляжить.

А сусѣдъ гаворить:

— Дуракъ, дуракъ, ни выбивайся ты са ўсѣхъ силъ: ина у тебе ляжить, а балѣсти водить съ другами.

(А іонъ пупірядіў таво дни идить, каторый ина приказала).

— Хади-ка ты къ намъ: мы научимъ, што табѣ дѣлать ей, якъ яе атхадить

У мяне начуять старецъ са скрипкаю, а ина такихъ людей ищить, штобъ были съ музыкей.—Пришолъ іонъ сюды къ сусѣду. Сусѣдъ яго у мяшокъ усадилъ, да саломню заторнулъ.

Тады хазяинъ памохъ скамароху узять мяшокъ на плечи. Приходить скамарохъ; у яе гуляють.

— Галубушка, ти ня пустишь на нычъ?

— Не, у мяне гости, бясѣда.

— Галубушка, када бясѣда, я и съ музыкей хажу.

— А, дѣдичка, оты жъ и харашо, што ты съ музыкей ходишь...

Во тады гаворить (ана яго пустила):

— Няси мяшокъ, у тую избу пастаў.

— Нѣ, галубушка, я тутъ ли углушка пастаўлю.

А самъ паставилъ мяшокъ падъ лаўкей, у вуглушку.

— Ну, дѣдушка, ладъ-ка ты сваю музыку!... Играй, дѣдушка!

Іонъ играить, а ина скачить и пригаварить:

— Хто па яблычкі пашоў,

Штобъ тэй вѣкѣ ни пришоў!...

Скамарахъ сваё завядеть:

— Ти чуишь ты, салома,

Ти видишь ты, салома,

А што дѣятца дома?

— Да не, дѣдичка, ти такъ играй:

— Хто па яблычкі пашоў,

Штобъ тэй вѣкѣ ни пришоў!...

А хазяинъ сусѣдъ наўчылъ, када іонъ вылѣзить изъ мѣшка, што дѣлаць:

— Пёрша другоўя хватай, а тады яе атходишъ и хваробу атгонишъ. и ня будить ина за ливарствомъ пасылаць.

Вылизъ изъ мѣшка мужикъ и атхватае пёрва яе другоў, а ина станць, слова тая дурныча, руки сацаця.

Сусѣдъ тада гаворить на сусѣда (а іонъ пришоў палюбапытствываць и свади стаеў).

Што глядишъ?!.. вазьми яе харашенька, атгонь хваробу!..

Такъ атхадилъ жонку мужикъ, што и пасичасъ, ища здарова.

№ 80.

Якъ жонка малалѣтнига мужа свайго забимчала, а потѣмъ мужъ яе, по людѣмъ пахадіўши, уздуніў и сваей жонки паказаў, што іонъ ей мужикъ іостъ.

Жаили малалѣтныга. Хазяйка и пазвала малалѣтныга мужа братъ лёнь. Іонъ стаў лёнь етнй братъ — и ня стольки лёнь бареть, сколько съ сабакню гулянь.

Жана видить балаўства, падбѣла еъ мужу, сяцамила мужныка прамезъ нохъ, да давай яго парить и пригавариваць:

— Бяри, бяри бѣлый лёнь —

Ни гуляй съ Сабалемъ!

Разабидіўся мужъ тады и пашоў у лабравольцы, и прахадіў іонъ лѣтъ 15. съ годымъ 20. Хадѣвши па свѣту, наўчіўся у скрипычку гратъ; приходить дамой, а у жонки вичаринка, другіў панайшла.

Іонъ пупрасіўся пустить яго на нычъ, бытца инастраннаго гостя. Пустили.

Ветъ іонъ и гаворить:

— Пайзвольти, хазаяшка, у скрипычку пайгратъ!..

— Ета жъ намъ будить дайжа вочинь пріятна!

Гостъ тады запѣла и зайгралъ:

— Што при стѣри бывала,

Што мужъ жаны байтца;

То тыпера становитца:
Жана мужа бантца.
Висить кистень на стянѣ—
Будить гасѣмъ и жанѣ!
Тады и пачаў базувать и жану, и другоў.
Съ тыхъ поръ и стаў хазяинимъ у дварѣ, яеъ нада бытъ.

№ 81.

Мбъ скамарохи съ тыварышами.

Ва днѣй дярѣўни ни было скамароха. Во у святки дѣўи
дыравеньскія хатѣли вичаринку справить.

Скамарохъ пытаить:

— Ти у багатыва мужука будить вичаринка?

Да ти многа у яго коній?

Дѣўки кажутъ:

— Сивый, бурый, билагровый!

И пашоў скамарохъ съ тыварышами на вичаринку.

Во скамарохъ и гаворить на тыварышіў:

— Вы идититка на хлѣў,

Вы барититка каней:

Каня сивыга, билагровыга;

А бурый самъ пайдетъ

И у сихъ пывадеть.

Во яны пашли съ избы и стали коній брать; кони застучѣли.

Пачуў хазяинъ, зажѣхъ пукъ лучины и на хлѣў идетъ.

Скамарохъ ящо заиграў:

„Во жъ ты, шапычка,

Во жъ ты, ярычка,

Ты пригнись, прикланись:

Во хазяюшка идетъ,

Пукъ лучиницы насеть“.

Тады тыварыши скамарохывы узали да за камью и брнѣ.
Хозяинъ пашоў у вѣ избѣ; яны и вывели кони.

Потѣмъ тыварыши падашли къ скамароху подѣ вакошка и
говорють па-тиху:

— Сала набрали, да неўвашта клась.

Скамарохъ жа на скрипички зайграѹ:

А и бабская рубаха
Ти ня мѣхъ жи жъ то?
Я рукавы завязжу;
Сколько хочишь, улажу.

Яны такъ и налажили, да пайшли. И вичаринка пакончилась, и дѣўки разыйшлись; а коній скамарохи павывили и сала паѣли.

№ 82.

Фараоны аднаглазыи—людаѣды.

Ягипицкіи цыгани што за жидами гнались, у мори затанули, да фараонами аднаглазыи падѣлались. Яны людаѣды, чишуя на ихъ рыба, абъ нинастю свайго Фараона просять.

Ягипитскіи цыгани гнались за жидами, которыхъ изъ Ягипта Маисей увадилъ. Жидаы узышли на моря, вада разступилась пирядъ ими и идуть яны по суху; цыгани услѣдъ за жидами.

Маисей якъ пиряхститъ жазломъ, такъ цыгани и патѣнють.

И таперъ тыи цыгани живы у вѣди, тольки на палавину на людѣй пахожи: голывы и руки у ихъ челаѣвѣчы, на аднаму глазу, а кара рыба; яны людаѣды, ажидають свѣтапристаўленія и даѣуль жить будутъ. Якъ нинастя, цыгани давольны, што дажжовъ; якъ пагода, тады яны гаворють: — „Пупрашу свайго Фараона объ нинастю.“ Такжа яны у Фараона спрашють:

— Ти скоро будить пристаўленія свѣта, Фараона, Фараоня?

Ихъ ловють и пристаўляють у чанахъ: на суши яны травать ни магуть, патаму что полурыбы.

№ 83.

Людаѣды, похоніе на коня, изъ двухъ половинокъ; когда они въ полномъ видѣ, половинки соединятся, то людоѣдовъ по ихъ быстрѣ никто не можетъ догнать.

Въ старину были людоѣды. Одинъ людоѣдъ головою, туловищемъ, ногами былъ похожъ на лошадь и распадался на двѣ

части. Когда сходились одинаковыя половинки людѣда и составляли одно тѣло, то въ полномъ своёмъ видѣ людѣдъ отличался необыкновенною быстротою: по народному повѣрью, никакое существо въ свѣтѣ не могло его догнать.

№ 84.

Деревня Медвѣдовка Смоленскаго уѣзда.

„Прилятали маленькіи дѣвчички да ребятики, узали душиньку, Пасажили на каласку и пувазли на нибаску.“

У нѣукатарымъ царстви, у нѣукатарымъ гасударстви,
Паявился сильный магучій багатырь Курнабиль,
Воласть яго да земли, а голась да нѣби;
И пришла къ яму матеръ-лисица и гаворить:

— Сильный магучій багатырь Курнабиль, я тибѣ зъямъ!
Разсярдіўся и абразуміўся сильный магучій багатырь Курнабиль
Пашоў ать яе и знайшоў карову здохлую;

Стаў думать и гадать, што съ каровы зработать,
И здѣлаў съ карови чатыри вещи:

Шкуру, мѣхъ, а съ трибуха торбу...

И пайшоў дарогю и пайшоў широкю

И знайшоў три пуды зялѣза.

Стаў думать и гадать, што съ зялѣза зработать.

Здѣлаў тапоръ три пуды вѣсымъ,

И тапарница съ кымарова стягнища.

И пашоў у лѣсъ искать тоўстага древа,

Да знайшоў тоўстую крапиву.

Іонъ разъ сиканулъ,

Іонъ два сикануў,

Ни пунаў на тымъ древу,

Да пунаў на бѣлыму калѣну;

Іонъ день лижаў,

Нихто къ яму ни приходить:

Ни батька, ни matka, ни тая жонка

К... б.

Тольки прилятитъ камаръ да муха,

Пузвинить када вуха да и паятитъ.

Прилятали маленькіи дѣвачки да ребятики, узали душиньку.

Пасадили на каляску и пувязли на нибяску.

Тамъ донь хадіў и другой хадіў,

Ничога тамъ ни нашоў,

Толька нашоў церкаўку

Сь пирагоў зрублена,

Приснакамі вымащина,

Блинами пакрыта,

А ладкамі расшита,

Калбасою замкнута,

Баранкамъ зашчеплена.

Калбасу тутъ прикусіў,

Баранка тоя приламіў

И вайшоў у тую церкаўку.

Тамъ стаіць папокъ

Саўсянны снопокъ,

Гарошавыя кудри,

Цибульны...

Пастырначій...

№ 85.

Ибъ гарошинка да нёби, ибъ козычнахъ обь однимъ, двухъ
и трехъ глазахъ.

Жіў дѣдъ зъ бабёю. Разъ, яе яны абѣдали, у ихъ упала
гарошинка са стёла. Гарошинка ета рости да расти; вырасла
падъ палати — дѣдъ палати разабраў; гарошинка вырасла да
патапока — дѣдъ патылыкъ разабраў; гарошинка вырасла падъ
крышу — дѣдъ крышу разабраў. Дарасла гарошинка да самый
до нёби.

Старуха гаворить дѣду:

— Узлѣзь-ка ты, дѣдъ, на гарошинку, да пагляди, што
дѣтца на макушцы.

Дѣдъ, лѣзъ, лѣзъ, узабраўся наконецъ, сматрыть: хатка, а
ў тэй хатки што масла, што сыра: лаўки и столъ усё ета изъ
малознага. Дѣдъ налѣўся — и подъ лаўкуй схувайся.

Вярнулись дамоў козы, хазяйки хатки, видють, што нѣхта
ў ихъ пашаліў, — завыви:

— Хто наши сырныя печи яблалалъ

Хто наши масляныя лаўки яблизалъ?

Козычки, якъ имъ итить наўругу, вягѣли домикъ свой старечъ аднавокий казѣ.

Старикъ усе пригаваріить:

— Спи вочка, спи вочка!

Козычка и заснула—закрылась вочка.

Старикъ изнову наѣлся, да падъ лаўку шмыхъ.

Козы вярнуўшися запароли сонную козу, а замѣсть яе поставили казу а двухъ глазахъ, и съ тѣю казою тѣтъ жа злучай.

На третій разъ старажила каза нбъ трехъ глазахъ: старикъ и праглядилъ на убѣ глазокъ, а іонъ усѣ старикоўськіи праказіи видѣлъ.

Хатѣли козычки было запароть старика, а патѣмъ адумались и ўзяли старика пастивить ихъ, а старику даить, да малачко сабирать.

№ 86.

Өедырь Барма-Пьяница.

Өедырь Барма достаецъ царю скипитръ-диржаву у заморскымъ змяиннымъ царствіи, атплыўши на караблѣ бритвенныя снасти. Прислужника Өедыра Бармы царица зѣбла, таварыши яго затунали. Казымъ кривому послѣднія вока выпикъ, а самъ атъ яго утѣкъ. Леў са змѣимъ дяретца; милуить лева, а змѣя пасикаить, приплываить на лѣви къ свайму царю, привозить скипитръ-диржаву, просить у яго награду, штобъ царь яго и другоў яго апахмялилъ.

Өедырь Барма пьяница быў у кабацѣ; нечимъ яму была апахмѣлитца, а іонъ дужа вотичку любіў: якъ увидить яе, такъ и трясетца.

На ту пору царь найшоў:

— Я бѣ тѣбе апахмялилъ, Өедырь Барма, якъ ба ты мнѣ дастаў скипитръ и диржаву!..

Апахмялилъ царь Өедыра Барму. И стаў Өедырь Барма гатовитца къ атпраўки за скипитрнымъ - диржавымъ.

— Прѣжда усяго, ваша вяличества, закажитя мнѣ карабль—бритвинныя снасти!

Якъ карабль быў гатоў, Барма набраў сабѣ таварышіў и паплыў у змяинныя царства.

А Барма ухватился за брюха казлова; такъ казёль и бѣ-
гають зъ нмѣ.

Казёль маўчинька тыканть Касьму, только ни проговорить:

— „Барма тутъ“!

А Казьма на казла сирчаить: згрѣбъ яго и пиракинуѣ за
стану умѣсти съ Барною.

Барма жъ кричить Казьмѣ:

— „Спасибо, што выкинуѣ“!

Казьма притвариўся тады добринькимъ:

— Дѣлать нечига съ табой: на, нiasi своему царю у па-
даркеъ шаблю!

Якъ узяѣ шаблю—ина къ пальцу прикипѣла.

Атсѣкъ сабѣ Барма палицѣ и далій пайшоѣ.

Видить на дароги: дяретца леѣ са змѣимъ.

Леѣ просить памочъ, и змѣй просить памочъ.

Барма выхватуѣ саблю, разсѣкъ змѣя пупаламъ;

Леѣ тады парваѣ тыя палавинки на шматьтя.

Сѣѣ Барма на льва и паѣхаѣ на ёмъ къ свайму царю ти-
ризъ моря, явиўся къ яму, привезъ скипитръ-диржаву, катор-
гня таперъ у нашига царя хранятца.

— Чимъ наградить тябе, Оедырь Барма?

— „Ничога мнѣ ни нада, акрамя того, ваша вяличества,
штобъ у якей кабаекъ увайду — была бѣ мнѣ тамъ вотка, —
сколько народу ни привяду, уси были бѣ пьяны“.

Ж 87.

Варливока. Якъ жѣлудъ, бичовычна, смязень и старикъ
супрати Варливоки ваювать пашли.

Жиѣ старикъ са старухню, и було у яго три ѣнучки. Па-
сѣили ани гарохъ, патомъ старикъ большію ѣнучку паслаѣ га-
рохъ старечъ, ина сядѣла, сядѣла ѣ гарохи—идеть Варливока
на днѣй нагѣ, ѣ диявымъ сапагѣ, на галавѣ щатина, на лѣѣ
смарщине, носъ врючкомъ, барада влачкомъ, зъ зялѣзнымъ ва-
стылькомъ, идеть къ ей и зубы скалить. Іонъ тую дѣѣку за-
біѣ да смерти. Старуха дажидала, дажидала яе съ поля, а яе
нѣтути. Паслала ина сяреднію дачку и яе тожа нѣтути. И
меньшую паслала, и яе нѣтути. Старуха лижала на печени, съ

печи звалилася, на парогъ пакатилася зъ вотырнпу, што нѣтутн ѳнучикъ, ѳзила у парогн кѣѳчикъ и пашла сама къ гароху, прущла ѳ гарохъ и сѣла. Идетъ къ ей Варливока, на днѣй нагѣ, ѳ дирявымъ сапагѣ, на галавѣ щатина, на морди смарщина, носъ врючвомѣ, барада клачкомѣ, зъ зялѣзнымъ кастылькомѣ, идетъ и зубы скадитъ; яекъ стаѳ битъ старуху, и забіѳ яе да смерти. Старикъ дажидаѳ, дажидаѳ старуху: нима. Узяѳ старикъ кѣѳчикъ и пашоѳ на судъ на Варливоку. Идетъ іонѣ кала пруду и видать, што на пруди плавають силязень купный. Іонѣ и гаворить на старика: — „здрастуй, дѣдѣ, на сто лѣтъ, пайду и я съ табой и іонѣ (Варливока) мнѣ вырваѳ хвостъ“. — Ишли яны, ишли, ляжить бичовычка и гаварить: — „здрастуй дѣдѣ, куда идешъ?“ — Старикъ сказалъ. — Бичоѳка и гаварить: — „пайду и я съ табою“, тады старикъ сказаѳ: — „платись за мною ѳслѣдъ“. — Идитъ яны, идить кала дубу, жалудъ и гаворить: — „пайду и я съ табою“. Пашли. Ишли аны, ишли, штоба Варливоку битъ. Жалудъ бягить напарѣдъ и пѣсни пѣетъ: „пиѳи, пиѳи Варливоку битъ пришли!“ — Пришли къ Варливоки ѳ хату. Уходятъ у хату, а ѳ хати нѣтъ никога. Силязень узлѣзъ на пирявозину и сѣѳ; бичовычка на лаѳку, а жалудъ узлѣзъ у печку и ѳлѣзъ у гарщоникъ, идѣ Варливокина каша вариаласъ, старикъ лѣгъ на печь. Идетъ Варливока: — „хто ѳ маемъ доми?“ — А жалудъ съ печи и гаворить: — „пиѳи, пиѳи, Варливоку битъ пришли!“ — Варливока и говорить: „пагади, только каши падѣмъ, я зъ вами спраѳлюсь!“ — Вынимаить кашу, только стаѳ ѳсть яе, а жалудъ скакнуѳ яму ѳ глазъ и выбіѳ паслѣдній. Іонѣ только хатѳу утѣчь, а бичовычка уплилась яму ѳ ноги, силязень саскаѳ, старикъ съ печи саскакнуѳ и стали яго битъ, — забили яго да смерти.

№ 88.

Мачиха съ своей дачкой обѣ трехъ глазахъ падчирну пагубить хатить, а падчирки матушкина карова пасабляить.

Одна мачеха преслѣдовала свою падчерицу. Давала она тяжелую работу сиротѣ, а за исполненіемъ велѣла присматривать своимъ дочерямъ. Падчерица должна была въ одинъ день къ вечеру сныкать нѣсколько павѣсть льну, спрясть и въ тру-

бочку скатать. Двѣ старшія дочери не могли усмотрѣть, кто помогаетъ бѣдной дѣвушкѣ исполнить трудную возложенную на нее задачу.

А дѣвушкѣ помогла справиться съ работою приданка покойной ея матери—корова. По совѣту коровы, дѣвушка становится искать въ головѣ сестры и приговаривать:—„спи вочка, спи другая“!—сестра заснетъ; потомъ дѣвушка въ одно ухо коровы влѣзетъ, а изъ другаго вылѣзетъ и, вылѣзши, вынуть готовую трубочку холста.

Но за третьимъ разомъ уловка падчерицы не могла ускользнуть отъ наблюденій младшей сестры ея.

Сестра эта была уродъ: у нея было три глаза, и третій то глазъ во лбу—его позабыла убаюкать сирота; онъ все и видѣлъ.

Мачеха, къ великому очорченію падчерицы, велѣла убить ея благодѣтельницу—корову. Но передъ смертію корова дала дѣвушкѣ совѣтъ вынуть изъ ея требуховъ камень. Дѣвушка сдѣлалась обладательницей камня, который помогъ ей скоро выйти замужъ и сдѣлалъ ее счастливою во всевозможныхъ трудныхъ случаяхъ жизни.

Село Шоптово Бѣльскаго уѣзда.

№ 89.

Билеия.

Карова пумагаить сиратѣ. Ваўшебный садъ—буды хатить, туды и двигнитца; у тымъ саду птички—нялюбага чилавѣка саўсिमъ заклюють. Мачиха рысью сирату здѣлала. Мачихину дочку къ коньскимъ хвостамъ привизали.

Была у хазяина Билеия—карова. Атираўляить мачиха па-чирку у поля и дасть путъ вярхоўя (спусканный лень):

— „Среди жъ ты, падчерка, вытѣи и принеси мнѣ халстинку у дворъ“!..

И гонить ина у поля и несѣть путъ ильну и гуканть ина карову:

— „Билеюшка-матушка, приди ка мнѣ у поля и вынь мине зъ гора-гарамышница.—

Карова атвѣчаить челаўѣчьимъ голасомъ:

— Што табѣ за горя?

— Дадина мнѣ горя, штобѣ етытъ ленѣ пупрясть и выт-
вать и халстину несть маеѣ матушки.

— Пализай у лѣвыя ушка—у правыя вылизись. У лѣвыя
палѣзла, у правыя вылизла—ляжить халстина спрадина, вы-
тѣзана.

Гонить карову дамоу и несеѣт матки халстину.

Атпраўляить назаўтри у поля ящо, даеѣт пудѣ ильну—и
мачеха идеть калаурить яе. И видить ина, какѣ падчарица
гукаить Биленю. Карова пумагла ей апать, а мачеха и видить
посли таво: на сопки (курганѣ, вочекѣ) халстина.

Хазяйка пашла дамоу и захварала. Приходить хазяинѣ
зѣ лѣса.

— Баба, идѣ ты?

— У пастели бальна, дѣдѣ!

— Чимѣ жа ты бальна?—ти ня хочишь чаго?

— Ничога я на свѣти ни хачу—хачу билениныва мяса.
Зарѣжишь Биленю—буду жива, а ни зарѣжишь—памру.

Ионѣ атвичаить:

— Баба, ни умирай: заўтри зарѣжу.

Дачка пашла кѣ каровы:

— Биленюшка, моя матушка, батюшка тибѣ заўтри за-
рѣжить:

— Гарямышница, ни плачь! Праси у батюшки мае кишки!..

— А што я буду сѣ тваимѣ кишкамѣ дѣлать?

— Дастѣ тибѣ батюшка кишки, пасадѣ на ўсемѣ гораду—
и вырыститѣ садѣ—паѣдутѣ гиниралы у сваты и скажутѣ:

— Каторая принесетѣ мнѣ изѣ сада яблока,—тую я за-
мужѣ вазьму.

Принѣзжаить гиниралѣ у сваты кѣ етому хазяину.

— Хазяинѣ, каторая изѣ трехѣ дачокѣ принѣсетѣ мнѣ
яблакыѣ на блюди,—тую буду за сына замужѣ свататца.

И нарижаить ина свою дочку сѣ саду принѣстѣ яблакыѣ, и
пошла яе дачка радная за яблакымѣ у садѣ, и навалились
на ету дачку птицы, издаўбали усѣ лицо, здѣлали еѣ рябою.

Гаварить гиниралѣ:

— Што жѣ ета яблоки ман ня скоро идутѣ сѣ саду?

А ана отвичаить гиниралу!

— Больна здѣлалася мая дачка.

А іонъ гаварить:

— У тябѣ три дачки; пасылай другую.

Послала другую, усе сваю.

— Што же ета мае яблаки ня скоро идуть съ саду?

— Вальна здѣлалась.

(И ету дачку птицы обдаўбали чиста).

Патомъ падчерку паслала. Ета пашла, узяўши блюда. Пришла у садъ—птушнички паюць разныя пѣсни и яблочки съ само́й вярхушнички наклали ей цѣлая блюда.

И гаварить гинираль:

— Вотъ ету я возьму заму́жъ нявѣстку за свайго сына.

На третій день прінзжантъ и бяретъ заму́жъ падчерку. Узяў, павезъ, и садъ за ей пашоў.

Ина, какъ вохнула, мачиха,—надѣлю па саду пралижала:

— Яблаки не намѣ ѣсть, а царямъ, да панамъ.

Забеременила падчерка, радила сына и дачка тожа.

Пашла мачиха „въ цвѣтки“ и павила падчерку, и гаварить на хазяина:

— Я павиду яе парить, животь спраўлять“.

Парить и пригаваривають:

— Рысью ў лѣсъ!...

Ана галая и побѣгла у лѣсъ, и приводить ана свою дачку и палажила съ гинираломъ.

А дитя noci ни ўсыпаять, а сиси ни ўсысають, и гаварить онъ, гинираль:

— Няситя дитя у чистоя поля прагуляцца: што ино намѣ спать ни даеъ.

Пувезли у чисто поля, бѣгить воўкъ и спрашяють у ваўка слуга:

— Ваўкъ, ти ни видалъ рыску?

— Видилъ ды далёка.

Бягить лисица.

— Лисица, ти ни видала ты рыску?

— Сзаду вонъ идеть.

А ана идеть галая. Палажили дитя на мяжу, сами прочь пашли атъ дитя. Накармила и успакоила, такъ што цѣлыя сутки и разу ни кричала, на другія стала кричать дитя. Панясли другей разъ и пашоў атець караулить, какъ яны дитя спакаивають у поли. И гукають слуги:

Рыска, рыска ступай дамой:
Дитя ночи ни ўсыпять,
Сися ни ўсысать.

И бязить рыска гола. Человѣкъ идетъ. Видить, што идетъ
жана кармить дитя: палажила дитя на мяжу и стала кармить.
Мужъ тулунамъ яе и абхватилъ—и рвѣтца ана ать яго вонъ.

— Што ты, дрюхъ любезный, ать мине рвѣстятъ?

— А што жъ. когда рыскый мине атправила начеха?

— Ня бось, жина; ни упущу тябе—пайдемъ са мною дамой.

Приводить юнъ яе дамой, а тую жану узяў съ сабой у
чистыя поля и привизаў къ конскимъ хвастамъ, штобъ яе кони
разбили и разодрали.

№ 90.

О кривыхъ недѣляхъ.

Особыми суевѣрїями сопровождаются двѣ недѣли святокъ,
святая недѣля послѣ Христоваго дня, Духовская, также мас-
леница.

Въ эти недѣли нельзя чинить ничего стараго, починаеть что
либо изъ „пѣсада“, нпр. кадки; нельзя городить згородъ, нельзя
ничего вить, поправлять въ колесахъ, что нужно.

Если всё это дѣлать, то какая-то волшебная сила караетъ,
влїя дурно на нарождающееся поколѣнїе—„молодятину“: все
молодое (и скотина, и человѣкъ) родится уродливымъ, (нпр.
кривоногое или съ шестью пальцами (шмистареньком).

Недѣли эти называются кривыми. Разъ этими недѣлями
свили заверту—котилась овечка, а у нея одна нога назадъ.

— Бременная женщина ни владѣ на кривѣй нядѣли къ
галому тѣлу ни якій краснаты: рабенныкъ народитца съ пятномъ.

Карпиха палажила заблать за пазуху, и Ягоръ собственна
ать таго и нарадился краснащокимъ. Мало того: — „Карова
аталилась, и малако ни пайшло съ саскою.“

— Итець Икатарины Падгрудкавый святками прибилъ у
коляды чинялу, а жина яго была бременна.

Ина:— „Ни прибывай, ни прибывай!...“

И братъ:— „Ни прибывай: паспѣимъ, абыйдѣмся!“

Іонъ ни паслухаў. То-та падгрудки настырны:

Падгрудки ети усигда наўгрѣдн. Прибилъ.

И таперъ жива дачка яго — радилась тригубая. Другая жъ дачка Лукерья сядѣла на загнети, да припаўзла къ пачурки, засадила нялоўка руку, ажъ заўрядила яе.

У Ривонавыхъ, у Атрога, радіўся мальчикъ, и у яго на парету слова калакольчикъ съ гарохывую бубычку, а бубычка краснинькая, слова якъ налитая, и жилачка краснинькая, краснинькая, якъ кроў.

У другога крестьянина за несоблюденіе кривой недѣли овца котилась — „адинъ глазъ съ кулакъ, а вуши большае, большае, — такъ и висать.“

Въ с. Бороўськомъ крестьянинъ здѣлалъ грабли на Духовской недѣли — невѣстка радѣла дитенка съ аднѣй санычкѣй, три недѣли только побылъ. „На послѣднюю кутью (Хращенскую) раскиваютъ галенчичъ: іонъ туда и туда пакотятца — и Бохъ памилуитъ“.

Этимъ обрядомъ снимается языческое закланіе двухъ недѣль святокъ.

№ 91.

Вьюнушъ дабываитъ калыцо, што яго мать атдала чорту.

Узнакъ тѣй, што сынъ яе сатаньскій, а ни христіянскій: служить у прудника; потѣмъ, угадіўши службѣй пруднику, ѣдитъ зъ имъ къ куму, чартоўськыму атаману; тамъ вилать чартенку храму принесъ изъ воды калыцо. Ваўшебная грабница; прудникъ, па яе савѣту, штобъ збавитца ать зялѣзныи кравати на тымъ свѣти, самъ сябе спалилъ.

Дѣўку замужъ выдали сѹпрати яе воли, дакъ ина съ дасады падписалась сатанѣ и ў знакъ тѣй, што сынъ яе будитъ „сатаньскей“, ватдала чорту сяребриная калыцо.

Ня успѣла йна калыцо винуть, якъ ужъ чортъ схачилъ яго и прапаў зъ нимъ у води.

Атукаўшись, мужъ съ жонкыю стали жить у любви и добрымъ сыгласіи, — тижало имъ была только падумать, што аднѣй сынъ чорту принадлежить.

Када сыну ихъ вышла 20 лѣтъ, мать призналась сыну:

— Такъ и такъ, сынокъ: ты сатанскій, а ни христіянскій. Вьюнушъ вочинъ абизнакоился и пашоу къ папу, што тѣй яму парайтъ.

— Батюшка, таперъ я сатанскій; — парай миѣ, якъ миѣ быть христіянскимъ!

Ну, етій попъ, якъ и другіи, ни знали, што скызать вьюнуши, только адинъ старецъ-пустынникъ во што яму присавѣтывалъ:

— Ступай ты, млáдый вьюнушъ, у такая-та и такая мѣста; тамъ вѣситъ грабница, падайди къ ей тихинька и кашляни: грабница панизитца, и, када ты спросишь, парайтъ табѣ, што нада дѣлать.

И, дѣйствителна, идѣ старикъ казау, вьюнуша знайшоу грабницу; только іонъ пирьхануу, грабница панизилась, а изнутри яе тиха зигамонила:

— Якой бѣсъ тутъ ходитъ!

Парай миѣ: я сатанскей—якъ миѣ быть христіянскимъ?

Грабница атказантъ:

— У такимъ-та и такимъ мѣсти живетъ прудникъ; паступай къ яму у батраки и старайся якъ няможна луччи яго приказаніи спалнять!

Вьюнушъ заставился къ пруднику у батраки и служилъ яму съ усимъ усердіимъ.

Разъ прудникъ замѣтилъ, што работникъ навесилъ. .

— А чомъ ты тужишь, млáдэй вьюнушъ?

Разсказау іонъ пруднику, якъ мать яго чорту запродала и у залогъ сяребриная калыцо ватдала.

— Ти ня можно, дѣдичка, якимъ нибудь родымъ раздабыть то калечко? Научи мяне, радимый!

— Ли другова бъ я ня здѣлалъ етыга — ли тябе, галубчикъ мой, здѣлау!

Выводитъ прудникъ вьюнушу на платину:

— Во мы сичасъ нырнемъ съ taboo у вадяную глыбъ, у вадяноя царства—дяржись жа дужѣй за мой поясъ!...

Три раза яны атступили, а патѣмъ бросились разныи у воду. Яны ужъ на днѣ, видють тамъ палаты атамана надъ усими чертями.

Атаманъ етій буу бальшой пріятель и дайжа кумъ мель-

нику: іонъ да чести привау сваихъ гостей. Выпили, закусили: тады мельникъ свайму куму стау рѣчь держать:

— Ну, кумъ, слухай: ни тѣтау ты маей просьбы, а чомъ а тибѣ дакучать буду! а ни паслухайшъ, кумъ — тоды ня гнѣвайся: уся дружба между нами, што пасенчасъ вядетца, урозь пайдетъ.

— Усе ли тѣбе, кумъ, здѣляю... А чомъ жа ты просишъ?

— Видишъ ли якоя дѣла. Хто-та изъ твоихъ чертвкн! калыцо стаціу вотъ такая и такая. Такъ, кумокъ, вали яго намъ прядаставить намедлнина.

Троху жалка атаману была калечка, иднача атъ свайго слова атступатца была ніувазможна.

Крыкнулъ-гаркнуу на чартей атаманъ:

— Падать калыцо сію минуту!

И тѣй кричить: ни брау! и тѣй.

Зыстаетца вочирить за храмымъ чортымъ, а іонъ, ня будучи глушъ, ни дажидантца свайго черида: хуваѣся идѣ-то у вуглушки. Принужданы яго доўга аыскивать.

— Ну, слухай, казау яму атаманъ: если ты мнѣ сію минуту калыцо ни прядаставишъ, то палажу сичасъ тѣбе на кумуву постель.

Храмыи чортъ сійчасъ калыцо атдалъ.

Тутъ ужъ прудникъ палюбапыствывау:

— А якей ты постели гаваришъ, кумъ?

— А, куманекъ, ты ни знаишъ ища сваей постельки... Да а тѣй, каторая тибѣ пригатувана.

— Ну, пакажи-ка, кумъ, маю постель.

Падходють къ постели, сматрять; а постель та убита палюсинька залѣзнымъ гвоздямъ.

— Даўно ужу, кумъ, ты намъ падписался! — Абъяснилъ атаманъ мельнику.

Када прудникъ дамой вратился, стау свайго слугу упрашивать:

— Во, дѣтка, а дабылъ тѣбѣ калыцо: таперь, дѣтка, ты ни принадлежишъ ужу нячистымъ силы: ты ни сатаньскій, а христіаньскій. Научи жъ ты мене ради самага Бога, якимъ родымъ мнѣ здѣлатца христіаньскимъ, якъ збавитца атъ залѣзныи крывати!

Вьюнушъ паравилъ хазяину абратитца къ пустыннику, парадитца зъ имъ харашенька, пабыватъ у валшебный грабини.

Быў ужо прудникъ у пустынника, надходить къ грабниці. Якъ падашоў прудникъ къ ей, якъ кашлянуў, грабница сталъ панижата: якъ заgrimить, слова грошъ, — ажно зима задрыжѣла.

— Якую ты на мине паложышъ пакуту!

— А во якую: нанасить, залажа руки назадъ, семъ сажонъ хвораста.

Доўга трудіўся прудникъ у поти лица, сабираў сухія сучки. Работа споўнина. Мельникъ стаў сради хворыста и зажѣхъ яго. Пламя ахватила мельника, тольки ворыны съ крикомъ на-
силісь вакрухъ яго:

— Баркѣ, каркѣ! во, во: куманекъ нашъ гарить.

Мельникъ атъ грахоў ачистился и во святыхъ сталъ.

№ 92.

«Зима съ лѣтымъ стрѣлася».

Зима съ лѣтымъ стрѣлася. Вотъ зима гаворить:

— „Вонъ, лѣта, ты панворка: пунатворила ты людей, што идуть, да падъ кустомъ ляжуть—адалить ихъ жаръ.

А, якъ я зима, да у мяне и старый луччи за маладога, насетца, ажъ барада трясетца—ужъ ни ляжить падъ кустомъ“.—

№ 93.

Мухи скрываютъ кладъ отъ проходящихъ.

Разъ мухи скрыли кладъ отъ проходящихъ: такъ обѣли волшебную папороть, что послѣдняя была незамѣтна для глаза.

№ 94.

Якъ черти падманули мужикѣ, нада яны чорную папороть стирягли.

Какъ жили были три товариши, значить, сусѣди. Яны искали, искали къ Ивану Купалу чорный папарати, хатѣли яе штобы састаречъ, якъ ина твѣтѣть, и хто то имъ сказаў хто чорный папарати твѣтъ сарветъ, тотъ усѣ клады найдетъ. Вотъ

яны нашли ету чорную папарать, уняси яе ў хату, и давай яе старечъ. Вотъ яны стирагли, стирагли, только падходить ужъ дѣла къ полначи: сичасъ, какъ зашумить вѣтирь, какъ узни-митца съ таго канца дярёўни, и дальшій, ближій даходить да ихъ.— Яны етаму ня вѣрють, патомъ ужу заниматца огнемъ ихъ хата, идѣ яны караулили, а яны ўсё етому ня вѣрють. Патомъ ета кончилася; сичасъ заряить, усходить сонца, и идутъ рибяты касить и смяютца кала ихъ; тоя ны думали, што ета праўда и гаворють другъ на друга:— „Братцы, ти видитя вы, што кала насъ смяютца: вить ета ужу большой день, найдець дамой!“ Вотъ яны какъ бросили и пашли дамой, пасмотрють: свѣту таго ища ни завадилася, а дня и воўси нѣтъ, а ихъ та папарать ужу атцвила, а твѣту ужу нѣтъ; яны и гаворють:— „Ну, какъ мы ни хитрили, а черти хитрѣй насъ: во какъ насъ яны паднадули!“

№ 95.

Листокъ волшебнаго папоротника, дающій возможность видѣть клады.

Одинъ крестьянинъ получилъ способность видѣть, гдѣ клады лежать, потому что къ нему попалъ въ лапоть листокъ чудеснаго папоротника.

Зашилъ мужикъ въ избу переодѣться, чтобы уже итти за кладомъ; въ это время изъ лапта выронился листокъ папоротника,—куда дѣвалось способность мужика видѣть клады!

№ 96.

О слободскомъ кладѣ.

(Кладъ не дался братьямъ, потому что они скрыли его отъ сестры).

Въ селѣцѣ Слободѣ существуетъ такое преданіе о кладѣ, приуроченное къ одному колодезю.

Два брата съ сестрою замѣтили кладъ въ колодезѣ; тотчасъ вибѣсть пошли они добывать его. Сестра уснула подлѣ колодезя въ ожиданіи клада, а братья нарочно не будили сестру,

чтобъ кладъ достался имъ однимъ — за такую жадность не дался кладъ никому и навсегда ушелъ изъ колодезя.

№ 97.

Кладъ водли Хмары—ряки.

Существуетъ преданіе, что изъ рѣки Хмары появляется кладъ въ видѣ бочки, выкатывающейся изъ русла.

Это преданіе главнымъ образомъ принадлежитъ деревнѣ Руднѣ.

— Разъ 10 мужикоу—руднякоу сидятъ водли Хмары. Выходить къ имъ дѣвица, выить, что никто ни бяреть яе замужъ.

Подходить къ иднаму мужичку:

— „Возьми мяне замужъ!“ —

— Ды я жинать.—

(Бмѹ жа іонъ удоу и жинать на другой жонки). Три раза пу-
ѹтарила свое слава дѣвица, потѣмъ скрылась у гарѣ, а изъ гары
посли таго выкатилась бочка; ина прарачйла:

— „Лижала тридцать лѣтъ въ гарѣ, таперь паляжу трид-
цать лѣтъ въ Хмарѣ“.—

№ 98.

Кладъ вобратинъ; каму хатить, таму кладъ и здаецца.

Два братѹ знали, што іость кладъ: и бѣдный, и багатый.

Багатый пайшоу у здабычу, а бѣдный гаворить:

— „Самъ кладъ прйдить ка мнѣ, када надаби.“ —

Багатый клада ни знайшоу, а зъ дасады, у насмйшку,
швырнулъ бѣдному у вакно дохлую собаку.

Дохлая сабака скинулась бѣдному багатымъ кладымъ.

№ 99.

На кладъ церкву пастроить надаби; кладъ съ зарокымъ.

Дѣвушка изъ сила Черипыва знайшла кладъ, а абъ тымъ
клади была сказана, што церкву нужна пастроить на тѣй
кладъ.

Пастроили церкыўку ни тэй кладъ, разъ у годъ у ней служба бывае.

№ 100.

Кладъ даеца извѣстному чилавѣку.

Умираў багатый мужикъ.

А якъ ва ўсехъ багачоў атымаеца языкъ пирядъ смерти, то іонъ ня мохъ сказать, идѣ деньги схуваў.

Приснилась потѣмъ сынамъ, што кладъ схуванъ у душиныстый липи, што близъ рѣки; только кладъ дастца, ни дастца Двумъ Иванамъ,

Да двумъ канямъ буланымъ.

Иднача сами сыны узались рубить липу; только срубленнымъ древа имъ ни даеца у руки — пакатилась атъ ихъ у рѣку.

Плыветъ и плыветъ — ни даеца имъ, застанувалась ли дареўни.

Входятъ сыны у дареўню, находятъ двухъ Ивану, а у ихъ два каня буланыхъ.

Привяли Ивану съ канями къ липи — липу вытигнули: кладъ дали, не разрубиўши.

Сыны атказыютьца атъ атпоўскага клада, гасять день и другой и третій у Ивану: приняли ихъ да чести.

Иваны у благодарность имъ закатали золота у хлѣбъ, и тей хлѣбъ дали на дарогу. Што ты думаешъ?

Никто того хлѣба ня зѣў и на разнымъ случаямъ тирезъ сколько рукъ іонъ къ Иванамъ вараѣся.

№ 101.

Кладъ къ смерти.

Када свѣчка гарить и приздаеца на кладу; тей кладъ къ смерти. Такей кладъ, гаворють, іостъ у Прудкаўскимъ гаю.

№ 102.

Кладъ къ балѣсти.

Аднаму мужичку присниўся сонъ: возьми кладъ води ручай: только тады тебе чемирь забьеть да смерти.

№ 103.

Кладъ здастца таму, хто сполнить тоя, што надыби.

Присніўся маладухи сонъ (у яе у то ўрэмя свежырь пумираў).

— „Паскачъ па ёмъ, якъ іонъ памреть, галая: кладъ тады знайдешъ“.—

Ина давай плісать па ёмъ, якъ іонъ прыкончіўся.

Усе думали, што ина тронуўшися. Ну, ина кладъ такі знайшла.

№ 104.

Старинъ убиваить адинъ за аднымъ двинацать разбойникыў
и дабро ихъ атдаеть купецкому сыну.

У аднаго купца былъ сынъ. Ни давалась таргоўля купецкому сыну: сколько ни таргувалъ іонъ, ничага ня вытыргывалъ, а пачти усё атцоўская стратилъ.

Забраў іонъ астатніі дзяньжонки и у паслѣдній разъ щастя спитать захатѣль: ипать на торхъ паѣхаў.

На дарози видить купецкій сынъ, што якей-та чилавѣкъ вадъ мертвымъ тѣлымъ наругайтца.

Пакойный быў даўжонъ етому чилавѣку, да ни атдаў деныги, што у пазыкъ бралъ; вотъ етытъ чилавѣкъ надъ пакойникымъ и наругайтца: таскаить яго за валасы.

Купецкій сынъ усе сваи деныги атдаў, штобъ тольки іонъ ни наругаўся, мертвыя тѣла схараніў и дамой зваратіўся. Батьку свайго абманиль, што на свае деныги скату накупилъ, и што яму за пакупкай ѣхать нада.

Ипать паѣхалъ іонъ бязъ денихъ, самъ ня вѣдая куды.

Ўдितъ іонъ тиризь темный сасновыи боръ.

На дарози вышіў къ яму пріагромный чилавѣкъ.

Праѣхаўши яго, па лашадамъ: дужа страшонъ іонъ.

Ухадіў, ухадіў, а іонъ усё знай вричить:

— „Стой! ни увайдешъ, купецкій сынъ!“...

Увайти купецкому сыну ни пришлоситки, аглянуўся іонъ: а великанъ стаить на запяткахъ саней и каньми править.

Великанъ привезъ купецкага сына прамя у свой домъ.

У доми вилекана шолъ пиръ гарю. Вилеканы, ну, тольки галавой панижи, за сталомъ сядѣли, за пансами у ихъ нажи, слова, якъ у разбойникиѹ.

Спужался Иванъ купецкій сынъ.

— „Ня бойся, Иванъ купецкій сынъ!“ —

Сказаѹ яму старикъ; ножъ узяѹ и усимъ разбойникамъ, наменій за яго, головы пасрубіѹ, потѣмъ ихъ усе быгатества, нѣскальки бочикъ золата, атдаѹ купецкыму сыну; паѣхаѹ іонъ дамой багатый, прибагатый.

№ 1.

А т ь С т н я.

Стень, якъ хто сохнить, худѣить.

Пасади рабенка бальнова стнемъ на дежку, но смятьти, тропчи абсѣй яго зирнятками и пумяни курмѣз усихъ мастей, штобъ яны падбিরали зирнятки — стѣнь бального; нужно бальнога и вадіцыю абдать; нужна, штобъ бальнай быѹ падпирязанъ трохлѣтнюю уймию (пряжю, атставшію атъ красенъ). Падпирязки ни сымай, пакаль што видна будить: када на пользу пайдеть, вуйма урѣжитца у тѣла, а ни на спальзѣніе, чшавѣкъ схудніить еще болий, — сама уйма спаўзеть и сброситца.

Мужицкія пагаворки:

Высыхъ, якъ стѣнь, на былинку.

А ты мне высушіѹ, — штобъ тебе такъ стѣнь сухой сушіѹ (асоблива жина на мужика бронитца).

П р и м ѣ ч а н і е.

Стѣнь отъ сущ., «тѣнь»; склоняется какъ сущ. муж. род. пень, лѣнь и др.

Отъ Матрены Антоненковой.

№ 1.

Св. Авксентій заключаєть сестеръ — лихорадокъ въ колодези, потомъ выпускаєть изъ колодезя, предварительно выпросивъ заговоръ отъ лихорадки.

(Бердибяки).

Хадіу угодникъ на землѣ, прапавѣдывау.

Нашолъ лихарадокъ у глубокимъ, абрубленнымъ колодцы: палешутца, вричать у вадѣ.

Іонъ узаяу, приходши, хрестъ и палажіу:

— „Госпади, што ета за смятенія?!“...

Затваріу лихарадыкъ у калодцы.

Спрашють сестры: — „Хто затваріу насъ?“ —

— Я затваріу васъ. Хто вы такея? —

— „Родны сестры лихорадки“. — Чимъ же вы занимаетесь? — „Народъ затрасаниъ на тэй свѣтъ.“ — Тутъ же вамъ и сядѣть. —

— А ты хто такой затваріу насъ? —

— „Я отча Авксентій“. —

— Ты насъ выпусти: насъ Господь сатваріу. —

— „Вы скажита, чимъ спользуватца (спальзитца) атъ васъ!“

— Вотъ мы тибѣ скажимъ. Будита вы жывы, и, васъ будить хто наздраўлять — у тэй домъ ня пойдимъ; а памрѣте, пуминать васъ будить хто, — у тэй домъ мы ня пойдимъ.

№ 2.

Отъ лихорадки.

(Заговоръ, который Св. Авксентій узпалъ отъ сестеръ-лихорадокъ).

(Бердибяки).

Пресвятая мати Бугуродица, пасабі у маміъ нагавори, абъ чомъ тибѣ буду прасить, буду малить.

Пумяни Госпади отча Аксентія у царстви нябеснымъ, сатвари яму Госпади царства нябесная, свѣтлый рай.

Сакрутилъ іонъ (отча Аксентій) 12 сестеръ у калодцы.

Сакрути ать раба 12 сестеръ лихарадыкъ:

Арину, Польку, Батьку, Аудотью, Праскою, Дамнеку, Амнiаду, Ховру, Марюшку, Хрузку, Яўгешку, Фяклушку.

На ваду духъ пустишь.

Пумяни Госпыди отча Аўксентiя, у царстви небесныхъ, сыблюди яму свѣтлый рай.

Отча Аксентiй, тебе прашу, тебе маю: вышли лихарадку па чести зъ кастей, зъ мащей, зъ жылъ и съ суставыѣ, изъ буйный главы, изъ ясныхъ вачей.

Выхадитя вы у пуховыя пярины къ гаспадамъ: тамъ вамъ чай, кахвяи и стулья мяхкая—а то я буду прасить отча Аксентiя: заганить васъ у маха, у гнилыи балота гнилыи калоды гладить.

Нагаварилася вада на 12 зорь ать 12 васъ лихарадыкъ, ата ўсихъ.

Арина, большiя систра, ты упрасивай усихъ сванхъ систѣрь. Пириганйишь заговоръ и дуишь на вадѣ.

Ж 3.

Отъ лихорадки.

(Сухой Починокъ Е. у.).

На святой гарѣ,
На Синаи,
Тамъ стняўши
12 апостымыѣ,
И кала ихъ шло
12 сястрицъ дявицъ.
Святѣй Исманъ у ихъ,
И спрашивають:
— Куда вы идѣта?—
Святѣй жа у ихъ
Спрашиваетъ Маисей,
Святѣй жа у ихъ
Спрашиваетъ Симионъ,
Святой у ихъ
Спрашиваетъ Бузьма—
И спрашиваетъ у ихъ

Святѣй Михаилъ,
И спрашиваетъ у ихъ
— Святѣй Пётръ,
И спрашиваетъ у ихъ
Святѣй Андріянъ,
И спрашиваетъ у ихъ
Святѣй Кирикъ,
И спрашиваетъ у ихъ
Усѣ 12 Ивану—
И ѱсѣмъ янн.
Атвѣщали:
— Идемъ мы
У христіянску вѣру
Бить-калатить,
Къ смерти варатить,
Штобъ онъ страдау-скарбѣу,
Да смертію умиръ.—

№ 4.

(Сухой Починокъ Е. у.).

Усѣ апостылы
На ихъ узсирчались,
Узсирчались и сказали:
— Если вы будите бить-калатить
И не выступитя у раба
Зъ буйнѣй галавы,
Зъ ретивога сердца,
Зъ чуткихъ вушей,
Зъ нутря зъ живата —
То, истинна, мы вамъ гаваримъ
(Узяли яны 12 зялѣзныхъ дубинъ):
Пабѣмъ мы васъ
12-ю зялѣзными дубинами,
Загонимъ васъ
У махи и у ва рѣки,
Гасподь жа васъ
Будить бить каменными

И будить бить грамами
И палить мѣланьями
И сашлетъ за вами Гаспотъ,
Съ неба на землю,
Вѣтрыѣ и вихрыѣ:
— „Вѣтры и вихры,
Сыйдита зъ неба на землю!“...
Вѣтры и вихры
Попилъ вашъ разнясутъ
И размятутъ:
Ня будить васъ на земли.
И прашу я на памычъ
Всѣхъ святыхъ:
Утишита-сакратита,
Избаѣтя раба
Ать 12 сястрицъ
И разныхъ трисяницъ!
Прашу я на помычъ
Святую Зарю Зарницу,
Вечернюю Марью,
Нашнюю Дарью,
Увутреннюю Мархву,
И прашу я на помычъ
Царя Давыда, царя Кастянтина,
И сына Саламона.
Вы укратили зямлю и ваду,
Укратита рабу 12 сястрицъ
Нутряныхъ, кашавыхъ
И ўсякыхъ.
Аминь.

№ 5.

Отъ лихорадки.

(Ельнинскій уѣздъ, Сухой Починокъ).

У горыди, у Піулани,
Стать святая ябланка,
Падъ тѣю святою ябланкаю

Ляжить три листа,
 У тыхъ листахъ трехъ апостылы:
 У первымъ листу
 Святога Бузьмѣ,
 У другомъ листѣ
 Святога Михайли,
 У третьимъ листѣ
 Святога Исимана.
 Бѣ святому ка Исиману.
 Пришло 12 сястриць дявиць
 Разныхъ трисяницъ;
 Пришли аны
 Ка святому бѣ Исиману
 Разадѣтны, распаясанны.
 Святой Исиманъ
 У ихъ спрашиваетъ:
 —Буда вы идете?
 —„Мы идемъ у христіанску вѣру,
 Идемъ битъ-калатить,
 Бѣ смерти варатить,
 Штобъ іонъ страдаѹ-скарбѹ
 И смертію вумиръ.
 Святой жа Исиманъ
 На ихъ жа узсирчаѹся;
 Аны жа пупугалися
 И назвали святога Исимана
 Госпыдамъ:
 —„Святой Исиманъ, Госпыди,
 А не бей ты насъ 12-ми
 Зелѣзными дубинами:
 А ня будимъ мы
 Бить-калатить
 И кѣ смерти варатить.“—
 А святой Исиманъ атвѣщаль:
 —„Хто будить ету ваду патреблять
 Три раза у день,
 То удалятца и сакратятца 12 сястриць-дявиць
 И разныхъ трисяницъ
 На вѣки вѣшныя! Аминь.

№ 6.

Ать лихарадни.

(Бердибаки Е. у.).

Если мущина ў лихарадки, зними съ передній наги лошади дичъ, самую корачку; если жъ баба у лихарадки, нужна снятъ дичъ у кабылицы. Потѣмъ корачку высуши и сатри у парашокъ, развяди у стакани зъ водою и пастау прати бального и гавари:

— „Ты, лихарадка с.... а дочка, Ирадыва ты дочъ, пугбила Придтечу Ивана чиризъ сваю пляску, — зрубили яму голыву: но табе святая галава праклила и паслала митатца кала лѣсу, кала кустоу, кала лошади, кала гривы и каштоу..... Ты ступай, лихарадка, ать р. В. (имя) — я табе высылаю праклятую — ступай ты ни путями, ни дарогами — усѣ махами и патопами, да кривыми згородами — на ласы на дрямучи, на диравы на скрипучи; — тамъ ты живи, паживай, да назадъ ни бувай. Питайся ты камарами и машкарою, а только р. В. (имя) астау! Аминъ.

Посли етыва заговору нужна бальному: мущини или баба, выпить ету ваду; но только штоба ни знау бальной, чимъ ина разведина. Паймать потѣмъ рыбу и найдить у яе прѣжиръ, высушить яе и потѣмъ на игни яе пакурить пиридъ бальной.

Теризъ згароды бальному ни лазить, а можна — ли у дирьку, ли ў вароты.

Ета средствія самыя вѣрныя!

Ать старика Василия Михайлова.

№ 7.

Ать лихарадни.

(С. Митюли Рославльскаго уѣзда).

Варагуша, атыди ты, варагуша праклятая, ать такова-та челаѣвка, — иди ты, праклятая, ниизжапыми дарогами, кривыми згородами, на мхи, на балота, на скрипучи дирина.

Отъ Лиганька.

№ 8.

Ать лихарадки.

Ва имя Ата и Сына и Святога Духа. Аминь.

У началѣ бѣ Слова, и Слова бѣ къ Богу, и Бохъ бѣ Слова.

Напиши слава на верхній корки хлѣба и давай натащахъ
ѣсть яго на вутренний зарю.—

№ 1.

Ать суроць.

Вадица, красная красавица! Хто етыю вадицью памытца,
избавитца ать 12 причинныхъ ссудныхъ глазоу.

Прашу я на памычъ усихъ Божжихъ матиріу: Святую Бож-
жую Матирь Кирсанскую, и Ивирскую, и Сипидаускую, и Нижага-
родскую, и Валадимірскую, и Тиханскую, и Смалѣньскую, и
Старопольскую—и усихъ Божжихъ Матиріу прашу я на памычъ
святую зарю-зарницу, вечернію Марью, нашу Дарью, вут-
реннюю Мархву—и сидитя ка мнѣ 12 зорь, зарницъ—вечер-
нихъ и раннихъ. — Утишита, сакратитя ать 12 причинныхъ
и ать чарадѣйскихъ и ать асудныхъ глазоу—ать сѣрыхъ, ать
бѣлыхъ и ать красныхъ!

Што на іость на свѣти глаза, усѣ, утишита, сакратитя и
избаўта (имя) — укратитя у яво у нутрѣ, у живатѣ и ў ка-
стахъ, и ва усѣхъ тѣлесахъ, и ва ўсімъ яго серцы. Прашу я
на памычъ!

Пумани, Госпыди, царя Давыда, царя Кастянтина, и мать
ихъ Алену, и сына Саламона!

Укратили вы зямлю и ваду, укратитя рабу 12 глазоу!

И прашу я на памычъ: сидитя ка мнѣ, хирувимы и са-
рахвимы, зѣ неба на зямлю, на памычъ.

А утишита—сакратитя 12 глазоу усякихъ на вѣки вѣшнихъ!

№ 2.

Ать уроць (суроць).

(Село Иньково Порѣчскаго уѣзда).

Уроцы урошныя пуцярешныи и стрѣшныи пуцярешныи, на
чомъ вы стали, на чомъ вы пристали; ни на торный дароги,

ни на мягкій пастели, ни на витягннн, ни на идяннн, ай ать злова чилавѣка, нинавистнаго глаза, ать бѣлыга, ать шѣрыга глазу и ать синига глазу и ать бѣлазорага глаза, ать кривога глазу и ать слапога глазу, ать бѣлыва волыса, ать русыва волыса, ать чорныга волыса, ать сивага волыса, ать рыжиг волыса—атвидитя, аткаситись уроцы ать етыва раба чилавѣка, выхадитя изъ кастей, изъ мащей, изъ жылъ, нажилыкъ сустаўцыў, полусустаўцыў, ать буйный галавы, ать быстрыхъ глазъ и ать румяныва лица, ать рабочихъ рукъ, ать быстрыхъ ногъ и ать усей нутриннасти чилавѣческой—атвидитя уроцы ать етыва раба чилавѣка,—идитя вы за мхи, за балоты, за ржаўцын-патоны!

Ни трыгатца вамъ ни на маладзёу, ни на палнатѣ, ни на пирякрай мѣсца, ни на сходи витаха!

№ 3.

Ать суроць.

Сыйди, глаза сѣрыи,
Бурни, карни,
Нада ўсими чорный глазъ,—
Сыйди уси пирятѣны,
Пирясуды, пирягаворы,
Ать старыхъ, ать малыхъ,
Ать нижинатыва, ать перважёнца,
Ать другажёнца.—
Атийди на етытъ часъ,
На ету минуту,
Уси хваробы, уси балѣзны,
И съ пальчыкыў, и съ сустаўчыкыў,
И съ буйной галавы, и съ хрыбетный васты,
Ать ретивога сердца!

№ 4.

Ать суроць.

(Сельцо Рудня).

Святая матъ Бугуродица Суса Христа парадилла, ни видала ни крыви, ни боли, ни якій муки надъ сабою.

Слаўна рика Вутя, слаўна рика Саламанида выхадила зъ вастока, съ биластока и са ўсихъ чатырехъ старонъ, атыгвала крутны биратї, аткрывала жаўты пяски:

Атерный етакыму-та рабу атъ чирна глазу и сѣра глазу, сива глазу и крива глазу, желты глазу и баса глазу, и атъ усихъ разныхъ глазоў.

Сахрани, Госпыди, и памилуй раба Божья. (Хукнуть и—справа на лѣва трончи).

№ 5.

Атъ суроць.

(Бердибяки).

„Пирикстить у вадрѣ каўшомъ на хресты, Госпади блаблави“ прагаварить, тада кѣ абразамъ становитца.

— „Пресвятая Бугородица, пумаги нбѣ маѣмъ нагавори, нбѣ чомъ я буду прасить, нбѣ чомъ я буду малить.

Пумани, Госпади, царя Давыда, царя Кастянтина, царя Саламона и матирь ихъ Алену, всю кротость ихъ, помани ихъ, Госпади, въ царствїи нябеснымъ, сатвари имъ царства нябесная, свѣтлы рай.

Сакрутили яны ваду и землю, сакрути суроць: стрѣшныи, пуцарешныи, нашинны, палуношныи, дянынны, старикоўськїи, старушниччи, женьскїи, мужецкїи, рибяччїи, дятинныи.

(Дуть на ваду).

Чатыре угалѣчка укнунуть у коўшъ, адинъ засипить—тада дать напить челаваўкеу и нахристь верхнюю часть руки умывать лицо, руки, пратї сердца. Тада са рта брызнуть на бальнова:

Съ гуся вада,

Съ тибѣ худоба.

Тада вылить изъ каўша воду у тей угалокъ, гдѣ завѣсм дварей.

№ 6.

Атъ суроць.

(Сельцо Бердибяки Ельнинскаго уѣзда).

Ва имя Атца и Сына и Святога Духа. Аминь.

Присвятая Бугородица Дѣва Марїа,

Ты хадила и гуляла на ўснмъ на лугамъ и на райскимъ
садамъ са сванмъ сыннмъ Сусымъ Христомъ, съ ангиланн, са
архангиланн и са ўсннн апосталамн.—

Вн разннн травы нскалн и ўсн тваты сабнралн; ты, При-
святая Бугуроднца, усн тваты тапнла н ўснхъ бальннхъ ля-
чнла,—палячнтя н пасабнтя атъ суроць;—

Госпннн Сусъ Христосъ н Матн Прнчнстая Бугуроднца н
внлнкая, ты, Спамошннца, н ўсаму мнру Памощннца, пумагн н
пасабн, нбъ чомъ мн тѣбе проснмъ.

Умнть раба Божнѧ (нмѧ) атъ зломнава глазу, атъ злова
пнрнговору, атъ вучѣннхъ кулдуноў, атъ ураждѣнннхъ, атъ
жѣнскава роду, атъ мужскова пола, атъ рнбѧцкнхъ шутъ, атъ
дѧвнчннхъ прасмѣхнў н атъ старнка, сѧдѣй бароды—н какѣя
бн яны не бнлн: дѧннн, палудѣннн, нашнѣя, палуношннн, а
тажѣя пу внчарамъ н пу вутрамъ.—

Слѧўная рнка Ирданъ Саламанида, ты ншла на свѧтымъ га-
рамъ, на жаўтымъ нскамъ, пу крутымъ бнрнжкамъ, пу злѣ-
ннмъ лужкамъ, пу махамъ, пу балотамъ, на гннлымъ кало-
дамъ, — ты змувала н мхн, н балоты, н гннлѣя калодн, —
зннн зъ р. Б. (нмѧ) суроцы пнрнгаворннн!

Ну, я пайдуну у рѧку—Ирданъ вадуну братъ, я нн самъ са-
боюн—Божнѧ Матнрь са мноюн.

Ана буднтя умуватъ, пнлннамн утнратъ, ўсн яго балѣзнн
уннматъ атъ вндмавнщнў, атъ учѣннхъ, атъ ураждѣнннхъ, атъ
жѣнѣскнхъ, атъ музѣськнхъ, атъ дѧвоччнхъ, атъ рнбѧччнхъ, атъ
старнка, сѧдѣй бароды—якѣя бн яны не бнлн.

Ты свѧтымъ Сванмъ Духымъ Ты насъ н пнтанншь, Ты нтъ
ўснхъ балѣзннй нзбаўланншь—свѧтымъ сванмъ духымъ—ва вѣкн
вѧкоў. Амннь.

Пумянн, Госпннн, царѧ Давыда, царѧ Саламона, царѧ Ка-
стантнна н матнрь Алѣну н кротысть нхъ!

Сакратнлн агнн н вѣтры н крутѣя горы—

Сакратн, Госпннн, р. Б. (нмѧ), атъ р. Б. (нмѧ загова-
рнвающѧ), атъ суроць! Амннь.

Отъ старнка Васнлнѧ Мнхѧйлова.

№ 7.

Ать суроць.

Блючь-свѣча съ край свѣта выхадилъ, круты берега выривалъ, жолтый песокъ вымывалъ,—у р. Б. суроцы умывалъ съ буйный галавы, зъ русыхъ бравей, съ ясныхъ ачей, съ румянаго лица, съ ретиваго сердца, съ бялыхъ рукъ, съ барзыхъ нохъ, съ спинны, изъ сярединны, съ пальцеў, съ суставнў:

Суроца зависная, радосная, падуманая, паглядная, денная, пулудѣнная, нашная, пулуношная, вятохавая, маладиковая.

Па, сичасъ, па сію минуту, мнѣ свѣтъ свитаить, заря заряить, мѣсяць ўсходить.

Какъ ня будить вѣку канца, у р. Б. (иня) ни бывать суроцамъ па сійчасъ, па сію минуту.

№ 8.

Ать глазу.

(С. Михайловка Рославльскаго ўѣзда).

На мыри, на кыяни, стняў дубъ съ каринями; съ-падъ тога дуба бягить вадица кипучая и гримучая.

Божія Матирь вадицу брала, на Сояньскей гарѣ пасвищала, такога то чилавѣка па галавѣ умывала.

№ 1.

Ать тимяннога зубищи.

Балѣсть ета дятіная.

Атыщи дубовыя шула съ сухымъ (балѣсть пайдетъ къ суку). Вазми вады свѣжій и ня мѣриный и привяжи тряпычку къ суку, ваду жъ пастаў вокала шула; вазми пѣтэмъ рабенка на руки, пѣтэмъ патискывай тимянной зубища и гавари:

Ва имя Атца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Благаслави, Госпыди Христось и Пресвятая Багародица, ты, Великая Стопница, усимъ диламъ Помошница, пумаги намъ и пасаби своимъ Святымъ Духымъ выгнать теминной зубища

и зубъ на зяленый дубъ у рату натискивать, а на дубъ вадъ выливать.

Вы, зубы, зубища, идитя на дубища, но ты, тимянной зубъ, ступай на зяленый дубъ!

На зяленымъ дубу, на дивятымъ суку, тамъ царица Маря и присвятая Праскавѣя.

Аны шатры разбивали, кравати становили и вяночки савивали: но ты, тимянной зубъ, ня будь тупъ — паспишай туда; саўють и табѣ — а то табѣ бясѣдывать зъ ими некуда.

Я тебе пувяду на Чорныя моря.

На Чорнымъ мори тамъ стоять вострыѣ.

На томъ вострыи ляжить сѣрый каминь.

Тамъ ты стань, приживись, вальною ты умувайся, — рыбю ты питайся; — только рыбы ѣшъ тѣй сортъ, якої ня ѣсть грищоный народъ.

Штоба табѣ и звароту аттѣль ни було.

Ваду вокала шула вылій.

№ 2.

Ать криксыѣ.

Берутъ бальнаго ребенка на руки, берутъ голень и идутъ на „крусадню“. Слегка ударяя ребенка гальнѣмъ, приговариваютъ:

Устрѣшныя криксы, пушарешныя криксы, падушныя криксы, пагодныя криксы, батькины криксы, маткины криксы, каландиковы криксы, витаховыя криксы, вячерніи криксы, ранніи криксы, дянины криксы, нашныя криксы, палунѣшныя криксы, рябаччи криксы, дядвѣччи криксы, рябы куры, бѣлы куры, крапѣстенскіи куры, чорны куры, жолты куры, хахлатны куры.

Царь Давыдъ, сакратилъ свѣтъ — сакрати и криксы!

(Послѣ этого говорятъ имя ребенка, отца, матери).

№ 1.

Ать криксыѣ.

(Село Даньково).

Криксы, вярксы,

Атхаживаю младенцу Блаудію,

Бурки бѣлыя, курки сѣрыя, курки рябыя,
Бурки жоўтыя, кричѣть вы на крусадни, а младенцу Кла-
удіи дайте сонъ на ўсё время!

№ 1.

Обращеніе къ водѣ.

(Самохотовка Смоленскаго уѣзда).

Вадица царица
Красная дьявица,
Пріѹкрасная Ульянѣя,
Идѣ жъ ты, зъ рѣкъ затокъ,
Съ крутыхъ бирагоѹ,
Съ жаўтыхъ пяскоѹ,
Я тебе бяру на збаўленіе,
Души сваей на спасеніе.—
Стань ты, Госпыди, на памычъ,
Мать Прачистая, на раду,
Святай Спасъ, памилуй насъ грѣшныхъ!

Отъ Лукерьи Бѣляевой.

№ 1.

Отъ умушненія уха.

(С. Мнѹли Р. у.).

Царь кудыка, царь мудыка, унимай вужа, слушнага мужа;
и унимай, и вынимай юнысти, ярысти, гадысти съ такей та
скатини!

Ня ўнимишь и ня вынишь сваю янысть, ярысть, гадысть —
што пайду къ усимъ святымъ, буду прасить Госпыда Бога
Ісуса Христа и Масіера зъ нябесными силами:

Наидеть Госпади три тучи грозныхъ: одну камянную, дру-
гую витравую, третію агняную, — агнѣмъ пупалить, камнимъ ра-
забѣтъ, вѣтримъ подиль разнясѣтъ.

Отъ Лиганька.

№ 1.

А т ь з м я и.

(Село Иньково Порѣчскаго уѣзда).

Царь змѣй Скурупей и царица змѣица Скурупица, сабирайтѣ своихъ змѣй и спрашивайтѣ, каторыя хадили, каторыя брадили и такую-та животную кусали и злая жигала пускѣли и лютую ярысть.

И вы сабирайтѣ и спрашивайтѣ, змѣи балотныи, змѣи лугавыи, и змѣи куставѣи, и змѣи падкалодныи, и змѣи падкурчѣжныи, и змѣи дамавѣи падугольныи, и змѣи чорныи, и змѣи рудныи, и змѣи припалѣсны, и ты, лютия змѣя, злая вира-тѣнница.

Сабирайтись, уси змѣи, вынимайтѣ свое злоя жигала и лютую ярысть, штобъ вамъ тутъ на быть и на жить и такую животную скатину ни нудить и ни марить и яе кожу ни кусать и вопуху ни пущать.

Вынимайтѣ свое лютия жала и лихую ярысть ать етнѣй животный изъ кастей, изъ мащей, изъ жилъ, изъ пажилнѣ. изъ сустаўцы, изъ полъ-сустаўцы и малинькихъ сустаўцы, и ать буйный галавы, и ать быстрыхъ нохъ, и ать хребетнѣй касти и ать длинныга хваста,—то мы будимъ прасить святого Михаила Архангила и небесныи силы, напругающихъ усѣхъ ўрагоу и супастаты: святой Михаилъ Архангилъ и небесныи силы усѣхъ змеевъ пажгеть, пупакеть, святымъ своимъ кѣпимъ пасябеть; сями огниная кадила агнемъ запакеть и витрами и вихрами у паганна моря попилъ знясеть.

№ 2.

А т ь з м я и.

(Сельцо Бердибяки Ельнинскаго уѣзда).

Ва имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

На мыри, на кїяни, на гарѣ на Сїани, тамъ stanno яблань, залатоя яблѣка и сребреная.

Тамъ хадила и гуляла Мать Присвятая Богародица са своимъ Сынымъ Иисусымъ Христомъ.

Мы придемъ, приклонимся къ Матери, Пресвятый Багародица:

— „Пресвятая Мать Багародица, памилуй насъ ать акаыннй силы, ать змѣи“!...

— Нѣтъ. ни памилую, а памилуйть васъ Самъ Гаспотъ Бохъ Исусъ Христосъ.

„Мы прѣйдимъ, приклонимся къ самому Госпаду Богу Исусу Христу:

— Госпади, памилуй насъ ать акаыннй силы, ать змѣи!..

Памилую! Я сашлю трехъ вапостылыу: первыга апостыла святога Іоргія (Ягорья) съ вострымъ капьемъ, другога апостыла Николу Чудатворца съ востру меччу, третьяга апостыла Михайла Архангила съ грамкѣмъ громымъ, съ жаркю молнію, съ буйными витрами.—

Вотъ выизжалъ святой Ягорій на сванимъ бѣлымъ конику, съ вострымъ капьемъ, у чистыя поля.

— „Што ты, змѣя Шкурунея, што ты, змѣя Тарупея, распустила дѣтей сванихъ дьявалоу? если ты ихъ ня будишь унимать, будить тебе Мать Прячистая карать; — я тебе прабю вострымъ капьемъ. прати злога тваяго сердца“.—

— О, святой Ягорій храбрый! Я униму сванихъ дѣтей— дьяволоу: ня бей мне вострымъ капьемъ, прати злога маяго сердца,—униму: падъ дарогню и падъ згародню, палявыхъ, мижавыхъ, лугавыхъ, падеупныхъ, балотныхъ, баровыхъ, лисавыхъ, пинавыхъ, курчавыхъ, пискавыхъ, дваровыхъ, гнаявыхъ, стрихавыхъ, лятучихъ, арыхъ, перерыхъ, и каторыя на Сияньскихъ гарахъ.

И унуки, и праўнуки—и тѣхъ будимъ унимать, змянныя жала выбирать, мы изъ такой та масти, мы изъ длиннаго хваста, съ буйный галавы, съ чорный печини, съ красный криви, съ ретивога сердца, изъ такей-та шерсти.

Выизжалъ святой отча Никола Чудатворецъ на сванимъ бѣлымъ коники, зъ острымъ мѣчимъ, у чистыя поля...

Такимъ пырядкымъ гывари етытъ загывыръ три разы: сначала съ именимъ Ягорія, потѣмъ съ именимъ Никалаа Чудатворца и наканецъ съ именимъ Михайлы Архангила.

Якъ скончишь заговоръ, читай малитву:

Пумяни, Госпыди, царя Давыда, и царя Бастантина, и царя Саламона, матирь Алену и кротыть ихъ!

Сакратили агни и вѣтры и крутии горы — сакрати, Госпыди, рабу скатину (такой та масти) ать раба Вожжига (имя знахара).

Ва имя Атца и сына и Святаго Духа.

Аминь.

Отъ старика Василя Михайлова.

№ 3.

Отъ унушенія змѣи.

(С. Митюли Р. у.).

Змія Шкурупея, унимай своихъ дѣтей и вынимай свою змииную ярнсть съ такой та скатины!

Ня ўнимишъ свою змииную ярнсть, буду прасить Госпыда Бога и зъ небесными силами! Госпыди пашаеь три тучи грозныхъ: адну камянную, другую витравую, третію агняную. — агнѣмъ пупалить, камнемъ разабѣть, вѣтрымъ попилъ разнясеь.

Отъ Лиганька.

№ 4.

Отъ унушенія змѣи.

(Сухой Починокъ Е. у.).

На ржаномъ на жнивищи
Стаять кустъ ракитывый,
Падъ тышъ кустымъ ракитывымъ
Стаять кровати тисавыя,
Перины пухавыя,
Адіялы шелкавыя,
Ляжить руно шерсти;
И ў томъ руни шерсти
Сядить змія Шкурупея,
Змія Шкурупея,
Змія Паргупея,
Змія Настасея,
Змія Мардея.---

И прашу я васъ
Всѣхъ змѣевъ набальшихъ:
Унимайтя вы
Всѣхъ сванхъ змяѣу:
Падзутныхъ,
Вуглавыхъ,
И дамавыхъ,
И паднавозныхъ,
И палявыхъ,
И мнжавыхъ,
И выдяныхъ,
И усѣхъ гадыѣ,
Палзучихъ на зямли,
И махавыхъ,
И балотныхъ,
И плавающихъ на рѣкахъ,
И летающихъ на воздухахъ:
Што аны ходя
Збрѣдничаютъ,
Распутничаютъ:
Укусили скатину разный шерсти
И сваѣ змянныя жала упустили.—
И скажита вы имъ,
Штобы аны
Взяли къ себѣ свае жала;—
А если аны не възьмутъ
Къ себѣ свайво жала,
То я буду прасить Спасителя
И Михайлу,
Великыга Архистратига.
Михаилъ,
Великій Архистратихъ,
Придѣть судить
Съ сванмъ страшнымъ судомъ,
Съ жизломъ зялѣвнымъ—
Разабѣть кравати тисавы,
И пяринны пухавыи,
И руну шерсти—
И ваши будить на зялѣза

Матать кишки,
И васъ самихъ будить бить
Малатами,
И васъ самихъ будить
Агнѣмъ палить,
Штоба васъ не была
На земли—
Ня будить васъ
На земли,
И ня будить вашига змяинага жага.
Аминь.

№ 5.

Отъ укушенія змѣи.

(Ельнинскій уѣздъ, озеро Лукино).

На мыри, кіяни, на вострыви на Буяни, stanno дубъ.
Падъ тымъ дубымъ stanno ракитыу кустъ; падъ тымъ ку-
стомъ ляжить бѣлъ каминь алатырь; на томъ камни ляжить
рунецъ; падъ тымъ рунцомъ ляжить змѣя Скарпея;
Гость у ней сестры: Арина, Катерина.
Мы Богу памалаяемся, на ўсѣ чатыри сторони накланяямыся—
вазьмита сваю лихысть ать раба или ать скатинны (сказать
цвѣтъ шерсти), на сей день, на сей часъ!
Нахристь дунуть.

№ 6.

А т ь з м ѣ и.

(Бердубяки).

Станавись къ абразамъ.
Присвятая Мать Богородица, пасаби въ мамѣ нагавори.
На мари, на Буяни, на вострыви, на Кіяпи, stanno ракиты-
вый кустъ.
Падъ ракитывымъ кустомъ ляжить змѣя Шеурупея.
— „Што ты, змѣя ляжишь?—
Што ты тутъ сядишь?—

Унимаѣ сваихъ змѣй, змѣнятъ: палявыхъ, лисавыхъ, пад-
калодныхъ, мижавыхъ, стрихавыхъ, дваравыхъ.

Если ты ня ўнимишъ и ня вынишъ ярая жала съ ачей и
съ крывей, и изъ жилъ, и съ сустаў, и съ буйный галавы,—
то буду малить Михайлу Архангила: прїѣдѣть іонъ съ голымъ
мѣччимъ, съ молнію и грозою, пасякѣтъ васъ и парубить и
молнію пажгѣтъ и попилъ размятѣтъ.

(3 раза).

Наговоръ на вѣтру и на хлѣбъ.—

№ 7.

Отъ унушенія змѣи.

(Рудня).

На мыри, на кіяни.
Стать кустъ,
Липавый кустъ,
У томъ кустѣ
Ляжить скаварода;
Падъ скавародый
Ляжить чорныя руна.
У томъ чорнымъ руни
Ляжить змѣя Шкурапѣя.
Унимаѣ сваихъ лютыхъ дѣтей,
Если штобъ они ни кусали:
Сипѣху, хрѣпѣху,
Падстрѣшную, падмежную,
Лугавую, палявую,
Зимляную, щипяную,
Дравяную,
Ня ўнимишъ,
Буду прасить
Михайлу Архангила.
Громымъ забѣтъ,
Праскайцый
Сквозь гняздо
Тябе возьмѣтъ.
(Дунуть три раза (троичи) у

тую старану, идѣ челаѣка
змія укусила).

№ 8.

А т ъ з м ѣ и.

(Село Лобково (Смоленскаго уѣзда).

Хадилъ Бохъ
Съ Мать-Прячистый
Па зялёнымъ лугамъ,
Сабирали— ирвали
Разныи травы
И прикладали къ змииний рани.
Божжія трость
Абламилась,
Змииная жала
Атвалилась
Атъ раба....
Атъ скатини (такой-та шерсти)

Передъ началомъ заговора и въ концѣ трижды читается
„Отче нашъ“; молитву произносятъ, обращаясь къ восходу
солнца.

№ 9.

А т ъ з м ѣ и.

(С. Проверженка Е. у.).

На мари, на мари, на бѣлымъ лугамари, станутъ ракиты-
вый кустъ; у тымъ у ракитывымъ кусту есть змиинныя гняздо.

У тымъ гнѣздѣ ляжить змія Шкуруея, Палагея, усинъ
зміянь мати (старая змія съ природку).

Змія ты, Шкуруея, Палагея, унимай свайхъ гаднѣ: пад-
курчижныхъ, падкалодныхъ, падстѣнныхъ, паднавозныхъ.

Унимай, Шкуруея—Палагея, свайхъ гаднѣ!...

А ежили ты ня ўнимишь свайхъ гаднѣ, будимъ прасить
апостылы, Ильяю надиящага, штобъ тебе ня толька штобъ
громнымъ убить,—ну, и маланьёю бѣ спечъ.....

А на вынишь ты жала съ гнядѣй лошади ядъ свой, — то будить табе на ўсихъ систеръ на вашихъ аванчѣнію: на Палагею, на Сихвею, на Малгариту, на Стипаниду.

Унимайтя своихъ гаднѣ, а то будимъ прасить Михайлу-Архангу зялѣзнымъ жезлымъ, штобъ васъ и пасѣчь, и пурубить, и ў грудахъ пупалить.

Отъ Хатуля.

№ 1.

А т ъ ш а л у.

(С. Митюли Р. у.).

Ишолъ Исусъ Христосъ сы рдоу.

Христосъ варатися рыбація Артема (3 разы пригаворьни тдыхаючи) потѣмъ:

Христосъ варатися, Госпади не отстаѣ.

Отъ Лиганьба.

№ 2.

А т ъ ш а л у.

(Сельцо Бердбяки Ельнинскаго уѣзда).

На синимъ на мори
Стать дубъ кудравый,
Падъ тымъ дубымъ кудравымъ
Стать кровати тисавыя
И залатыя пярины пуховыя
И адіалы шалковыя.
У тыхъ у пяринныхъ пухавыхъ
Ва діялахъ шалкавыхъ
Ляжить рѹна шерсти,
У той руни шерсти
Сядить плица
Садяржица и Сакратица, каторая садиржаить
И закричаить
Всѣхъ своихъ птицъ палетныхъ
И сабакъ забѣжныхъ.

И захожихъ,
Разныхъ шарстей,
Што ины
Ходя збродничаютъ,
Распутничаютъ:
Укусили скатину,
Свое жала упустили.
Скажита имъ,
Штобъ ины ўзали къ сабѣ,
А если яны ня возьмутъ яго къ сабѣ,
То я буду прасить Михайлу,
Вяликуга Архистратига.
Онъ придить судить
Сванмъ страшнымъ
И грознымъ судомъ,
Съ жазломъ зялѣзнымъ, —
Разабѣть кровати тисавыи,
И пярины пуховыя.
И адіялы шалковныя,
И руку шерсти,
И будить васъ бить
Па галавахъ малатами,
И будить ваши матать
Кишки на калясо,
И агнѣмъ палить,
Штоба васъ не было на земли
И вашига шалу.
Аминь.

Атъ Василия Михайлова.

№ 3.

Атъ бѣшиныга пса.

(Лукино Е. у.).

На мыри, на кіяни, на вострыви на Буяни, стаить домъ;
у томъ доми стаить стаить старйца и держить ана жала.

Ты, старйца, вазьми свое жала и приди къ р. Б. (имя),
вынь изъ р. Б. (имя) жала смертныя!

Загаварію раны калючія на рукахъ, на нагахъ, на галавѣ, ва ўбу, на затылки, на брывахъ и на падбародки.

Будьця ва вѣки вякоў на сабаки чорный, сѣрый, красны, сядой, рыжій, бѣлы—сядита и ва вѣки ни схадыта!

Ж 1.

А т ь ч е м и р и .

(Сельцо Михайловка Рославльскаго ўѣзда).

На мыри, на кыаніи, ляжить каминь Ардынъ; на тымъ камни сядить сизэй арёлъ съ зялѣзнымі каптюрами.

— „Польна табѣ, арель Ардынъ, каминь дратъ!

Михаилъ Архангилъ на памычъ—пиристанъ чемирь бить.

Ж 2.

А т ь ч е м и р и .

(Село Иньково Порѣчскаго ўѣзда).

Басла Божа, басла Божа, басла Божа!

Есть у свѣти есть у свѣти, есть у свѣти три цари, три цари, три цари: первый царь, первый царь, первый царь—мѣсицъ на неби, мѣсицъ на неби, мѣсицъ на неби; утарой царь, утарой царь, утарой царь—ракъ у мори, ракъ у мори, ракъ у мори; третій царь, третій царь, третій царь—сѣрый воўкъ у балоти, сѣрый воўкъ у балоти, сѣрый воўкъ у балоти.

Какъ еты цари адинъ у аднаго ни бывають и напитеи и наѣдки ни кушають и ни бесѣдывають—такъ етый чемири у р. Б. ни бывать и р. Б. ни нудить, ни марить и пу румянному тѣлу ни хадить и бѣлую кость ни ламить и гарючу кроў ни разганянь, пухавова волоса ни раздумать.

И ты выходи, чемирь злая, чемирь лихая, ать етыва раба изъ кастей, изъ мащей, изъ жилъ, изъ пажилыкъ; ать буйный галавы, ать быстрыхъ глазъ, ать рабочихъ рукъ, ать быстрыхъ нохъ, ать нутринастей чилавѣчнскихъ!

Ни трыгатца тябѣ, чемири, ни на маладину, ни на палнатѣ, ни на пиракрой мѣсица, ни на сходи востока!

№ 3.

Заговоръ отъ чемери.

(Рославльскій уѣздъ, Митюли).

Ишла Божія Матирь сы усимъ сванимъ архангельскимъ
саборымъ на ярскія луги гулять, вялыхъ твятоу сарвать, раба
такого прикладать, у Ярдани ряки вадицы набирать, такова
рабацію умывать.

Отъ Лиганька.

№ 4.

А т ъ ч е м е р и .

(Ельнинскій уѣздъ Сухой Починокъ).

Падъ карянѣмъ карянистымъ,
Падъ листымъ ширакистымъ,
Сядить ваперъ,
Рылымъ пашить,
Зубами рветъ.
Што ета онъ дѣлаить?
Ета онъ дѣлаить:
Искить таго кариня,
Што выгннать
Атъ асудныхъ причинныхъ
Двинацать чемерей,
Зъ буйный галавы,
Съ чуткихъ вушей,
Зъ наздѣръ и зъ жилъ,
Изъ пажилыкъ, изъ сирядины,
Изъ нутря, изъ живата
И су ўсаго сердца,
Зъ нохъ, са капытоу,
Рыжая, буланая (разнаго цвѣта).

Аминь.

№ 5.

А т ь ч е м и р и .

(Ельнинскій уѣздъ (Сухой Починокъ).

На синимъ на мори
Стаить церкнѹ Саламанида;
На тѣй деревѣ Саламаниди
Стаить Божїя Матирь,
Въ рукахъ дѣржать (ви. дяржить)
Живатварящїй крестъ. —
Ина сваймъ Живатварящимъ крестомъ
Атганяить три раза (ви. три разы)
Чемиръ дянную,
Пулудѣнную, нашуную.
Палунѣшную,
Зѣ буйнѣй галавы,
Зѣ ретивого сердца,
Сѣ чуткихъ вушей,
Зѣ нутрѣ нѣз живата
И сѣ сяредины
И су ўсихъ разныхъ тѣлесъ
(о человекѣ)

И рясиныхъ ачей
Са ўсихъ разныхъ копытоў
(о скотѣ)

Атгднѣ три разѣ чемеръ
Зѣ разный шерсти!
Ну, не самъ я сабою
Утѣшаю и сакрачаю
12 чемерей,
А Божїю Матирью:
Чисанныхъ
И полчасовыхъ,
Минутныхъ
И полминутныхъ,
И усякыхъ
На вѣки вѣчныя. Аминь.

№ 6.

О т ъ ч е м е р и.

(Проверженка Ельнинского уѣзда).

На мари, на мари,
На икани,
Стаять ракитыный кустъ,
На тымъ кустѣ лажить галъ каминь,
На тымъ камни сидять 12 маладцоў.
12 богатырѣў,
Диржать 12 малатоў,
Вьютъ, какъ день, какъ ночь,
Выбиваютъ чемирь
Зъ рыжій шерсти, изъ буйный галавѣ,
Изъ яркихъ вачей,
Изъ жилъ, изъ пажилъ,
Изъ лехкыга вздыханія....
И просимъ тебе
Прасвятую Багародицу....
—О, Госпыди, закрой и памилуй
Ать усякыга упадку!
Михаила Арханла
Су ўсею небесною силою....
Пумаги!....

Отъ Хатуля.

№ 1.

А т ъ л а м о т ы.

(Бердибяки).

Нужны красныя суконныя нитки.

Сичасъ узять пять хлѣбѣў зирнать: іўса, иржи, ячменя,
пышайцы, гречихи у адну чашку.

Тада палажить нитки на чашки, стать къ иконамъ Божь-
имъ и сказать:

— „Присвятая Бугуродица, азбаў, абы чомъ тибѣ буду
прасить и малить: (имя чловѣка) избаў ать боли, ать ламоты

кастяннѣй, жильный, сустаўный: Асвитѣтя сваей святѣю рукою
пять хлѣбѣу ибѣтитъ свайми святыми зирятыми челаѣвка.

Скачиваѣтца съ яго пять хлѣбѣ съ галавы—и скатися ла-
мата изъ кастей, изъ мащей и жилъ, и суставыѣ, изъ ачей,
изъ глазъ и буйный галаѣвѣ!

Пресвятая Бугуродица, вазьми ать свайво сына слащай-
шига свае золаты ключи и ать Госпада Бога и замкни яму
ламоту ламотнѣю балѣсть на вѣки вѣшныя.

Аминь балѣсти.

Узять красны нитки, завязать руки и ноги, нахристь за-
вязать на чатыри узла руки въ кистяхъ и ноги въ кистяхъ,
и на ниткахъ крести 4 раза, палагая крестъ и пригаваривая:
„ва вѣки вѣковъ аминь балѣсти!“...

№ 1.

А т ь г р ы ж и.

(Сухой Починокъ Е. у.).

На мыри, на кѣни,
На тѣй рѣчки на Сѣяни,
Лижаѣ каминь Латырь.
На томъ ками Латыри
Дѣѣ сѣстры Марьи,
Третѣй братъ Микѣфырь.
А у брата Микѣфыра
Конь каръ.
Грызъ пиристанъ
На етѣй часъ, на ету минуту
У раба...

№ 2.

А т ь г р ы ж и.

(Ельвинскѣй уѣздъ Сухой Починокъ).

Грызъ, грызица, идѣшъ,
Идетя вы
Пу путяхъ и на дарогахъ,

И ни спускаются вы
 Ни стрѣшному, ни пуярешному,
 И приключаются вы
 На вѣтри и на дыму и на вадѣ,—
 Утѣшиться и сакратиться (утѣ-
 шиться вѣсто утишиться),
 Нутрянны, кашавны,
 Асудны и причинны.
 А если вы ни сакратиться,
 Ни утишиться,
 То я буду прасить
 Усѣ святыхъ:
 И святую зарю зарницу, Марью,
 Нашнюю Дарью,
 Вутринную Мархву
 И светого маладика.
 Пумяни, Госпыди,
 Царь Давыда,
 Царя Кастянтина,
 И мать ихъ Алену,
 И сына Саламона!
 Вы укратели
 Зяблю и ваду,—
 Укратитя рабу
 И 12 грызіѹ-грызицыѹ.
 Утишаю я и сакрачаю
 Всѣми святыми,
 Всею силою небесною.—

№ 3.

Ать дѣтскый грыжи.

(Ельпинскій уѣздъ сельцо Лукино).

Бабушка Саламанидушка у Пресвятой Багародицы грыжѹ
 загаваривала (или заѣдала) мѣдными щиками, зягѣзными зѣ-
 бами,—такъ и я загавариваю у раба Божія.

Имярекъ.

№ 1.

Ать урюмый скулки.

(Заговоръ на водѣ).

Вада даўжна бытъ свѣжая, пусудина чистая; приидѣ тѣмъ какъ пириганятъ заговоръ, вымый чиста руки. Если изъ ряки бярешъ ваду, черпай яе на тяченію за разъ и изъ калодца, если бярешъ ваду, бяри яе сразу. Няся ваду маўчинька, на стѣроны ни паглядывай. Патомъ гавари, якъ принясешъ ваду.

Ва имя Итца и Сына и Святова Духа. Аминь!

— „Ты, заря зарица, ты раса расица, раннія и вячернія, ты, скулища ты, асудища, ты, скула бѣлая, ты скула черная, ты, скула синія, ты скула багровая, ты, скула жоўтая, ты, скула зависная, ты, скула радѣсная, ты, скула урошная, ты, скула угрюмая, ты, скула грудыща, ты, скула залатныца — якая бы ты ни была — ну, я, рабъ Божій, я тебе вупрашаю. я тебе высылаю изъ касты, изъ мащей, изъ ясныхъ вачей, изъ буйныхъ галавы, изъ ритивого сердца, изъ ўсныхъ жилъ, изъ ўсныхъ пулусустаў, штоба р. Б. балѣсть пристаў.

Ты стунай, скула, на синія моря: на синимъ мори ляжить бялой каминь, на бяломъ камни сидить тамъ дывица, ана ни шить, ана ни мѣить, ана ни ткеть, ана ни прядѣть, только рабу Божию поможъ ать скуль даѣть.

Мы же просимъ:

— „Красная дывица, сама чистая вадица, ты йшла зъ марекого ключа, изъ зимляного нутра, ты размывала жалтыя пяски, ты падмывала крутыя биражки, — змый зъ р. Б. (имя болящаго) скулу ўрюмую и ўсю балѣсть!“.

Якъ прагаворишь, улей у втарую пусудину 21 ложку вады и давай тѣя вады пить и мачигъ ёю грудь семь зорь утреннихъ и вячернихъ.

Изъ избы тоя время выхадить нильзя.

№ 1.

Ать зубнэй боли.

(Бердибаки Ельнинскаго уѣзда).

У каво балить зубы, вазьми явырный коринь, разрѣжь яго на три части. Када будить видны звѣзды, вывиди балынова на

сирядину двара, вазьми у правую руку вырешовъ и абвади кругомъ бальной шаки и гавари малитву:

— Вы, святѣя святитили, вы, Божія угодники и скорыи пашошники, пумагитя и пасабитя, абъ чомъ васъ просимъ—выганяте боль изъ зубоу на щиры бары, на темны ласы, на мхи, на балоты, на гнилыя калоды.

На щирахъ барахъ, на темныхъ лисахъ, на мхахъ, на ба-
лотахъ, на гнилыхъ калодахъ станть избенка, у той избенки
ляжить тамъ рабъ Божій (имя послѣдняго похороненнаго на
кладбищѣ).

— „Рабъ Божій мартвецъ, балятъ ли у тебе зубы?“

— Нѣтъ, ни балятъ.-- „Ну, кѣму я загавариваю, нихай вѣкъ
ни балятъ“.

— Маладикъ маладѣй, што мы тебе трѣ дни ни видали—
идѣ ты дасюль былъ?— „Быў я далеча на томъ свѣти“.

— Каво ты тамъ видіу— „Видіу Бога, усихъ святыхъ и
усихъ мартвыхъ“ — Што ты зъ ими гаваріу тамъ? — Пра
зубы“.

— Ти балятъ у ихъ зубы?— „Нѣтъ“, гаварили: „ни балятъ“.

— Ну, нярушь у раба Б. (имя) и вѣкъ ни балятъ.—
Аминь.

(Послѣ этага узять часть кориня и дать бальному у пра-
вую руку, тольки прагаваріуши малитву или загаворъ. Посли жъ,
прагаваріуши у другѣй разъ загаворъ, и дай у другую руку, у
лѣвую, 2-ю часть. Прагаваріу у третій разъ загаворъ, палажи
бальному третію часть у ротъ, на ту старану, идѣ балятъ зубы.

Коринь дяржи ва рту усю ночь, потѣмъ вазьми и палажи
у ротъ тѣй коринь, каторный у правый рукъ—на день, съ лѣ-
вый руки коринь палажи на нычъ.

Отъ старика Василія Михайлова.

№ 2.

Атъ зубнѣй боли.

(Бердибики Ельнинскаго уѣзда).

Хто приходитъ за загаворымъ, тѣй даўжонъ абаўдить
пабу знаружи и найдить барно на вуглу съ сучками нахристь,

атцацить атъ етнхъ сочкоу щепычеу и зъ ею загаваривать будить знахаръ зубы.

Щепку даўжонъ принести бальнэй.

Када балить правая старана, вазьми яго за лѣвую руку, кала кисти; если жа забалить лѣвая старана, то вазьми за правую руку, кала кисти.

Кали щепкый у томъ мѣсти, идѣ узяў, у жиы, и гавари:

— „Вы, жиы, астипянитися!

Ты, кроу, разайдися па тѣлу и па жиламъ!“...

Тады приядвинь руку далѣй, напалавину атъ лактѣ, накалывай у жиы и гавари:

— „Ты, кость, крипка, якъ залѣза, якъ самая быстрая сталь; но вы, зубы, балѣть пристацьця у р. Б. (имя).

Узять руку вокала лакта, накалывать у жиы и гаварить:

— „Ты, чирвякѣ, чирвячища, выходи на верхнія вакно, зъ верхнига вакна на нижній вянецъ бирна: тамъ табѣ будить тѣпла, тамъ табѣ будить мякка, штоба табѣ извароту ни булѣ.“—

Щепку приставить, идѣ ана была.

Отъ старика Василя Михайлова.

№ 3.

Атъ зубнэй боли.

Каинъ, Каинъ, Каинъ, вали спрасить брата сваяго Авиля, ни балить ли у яго зубы.— „Нѣтъ“.—Такъ и у р. Б. нѣтъ.

Ва имя Итца и Сына и Святага Духа.

Аминь, аминь, аминь.

Наговоръ на соль и клади на зубы.

№ 4.

Атъ боли зубоу.

(Бердибяки).

— Быў на томъ свѣти?— „Быў“.

(Гляди на мѣсицъ, звѣзды).

— Мартвыхъ видіў?— „Видіў“.

Што жъ яни?— „Лижать замартвѣўши“.

— Штобъ и зубы замартвѣли у такого то!...

№ 1.

Отъ перелома костей.

Радней бальнова или знакомый становитца пиридъ иконами,
хреститца, хрестить пирыломъ у бальнова и гаворить:

Иштоу Бохъ мяжоу, на чистому полю.

Святѣй Михайла Архангиль, стань Богу на нагу.

Ни пашатнулся, ни пакіуууся:

Сустау суставымъ, вость костію, жила жилию.

Царь Давидъ, сакратилъ неба и землю — сакрати и насъ
грѣшныхъ.

Аминь.

№ 1.

Атъ усихъ хваробъ.

Хади, уси хваробы, съ пальчикиу, съ сустаучикиу, и съ
кастей, и съ машей, и съ буйнѣй галавы, и зъ хрябетныи
касти, и атъ ретивѣга сердца!

№ 1.

А т ъ в о г н и н а.

Агонь, агонь, гарючій, балючій, табѣ макрата, а мнѣ сѣ-
хата—па етій часъ, па ету минуту.

Прагаворъ надъ бальнымъ три разы.

№ 1.

А т ъ ж а б ы.

У горыди Русалини, на рякѣ Ирдани, стоятъ древа купа-
рестъ; на томъ древи садить птица арѣлъ, щипить и тирабить
нахтями и нахтями и падъ щиками и падъ забрами у р. Б.
(имя) жабу.

Ва имя Итца и Сына и Св. Духа. Аминь. (Когда этотъ
заговоръ будешь говорить, то въ это время нужно тыкать въ
горло указательнымъ пальцемъ и проговорить слова три раза).

№ 1.

Ать ичмяню на глази.

Штобъ унистожи́ся ячмень, тольки ни ў примѣту таму
хто яго мѣить, у бальной глазъ плюнь зѣтыву или падняси
къ бальному глазу купишь и гавари:

„Ячмень, ячмень!

Вотъ табѣ купишь,

Што хочишь, то и купишь;

Купи сабѣ тапарокъ,

Сяки сябе пуцарекъ!“...

№ 1.

А т ь п р и т ч а.

(Бердибяки).

Барешь красныи нитки и вербу атлонишь, положишь ету
вербу у чистую пасуду съ зирятами ить пяти хлябоў.

Нитки даўжны быти суконныи.

Пресвятая Бугуродица, посаби у мнимъ нагавори, а чомъ-
тибе буду прасить и малить:

— „Асвятитя пять хлѣбѹ абсѣить такому-то!“...

Пресвятая Бугуродица по саду гуляла, ить Госпада Бога
Сына ключи брала и замкала притча:

Кастанная, нутрянная, жильная, сустаўныя (три раза про-
говорить).

Приривязавъ нитками нахристь руки и ноги:

Пресвятая Бугуродица, завязывавца балѣсть и ўсякая
притча на вѣки вѣкоў.

Тада етымъ хлѣбнымъ (прежде яго поставить къ ибразамъ)
исбываишь челаѣвка, а куры, штобъ зерны выбирали, куры
тольки,—больши жъ нихто.

№ 2.

А т ь п р и т к и.

Куры рябыи, хахлатны, разнапѣрны, выбирайтя боль и
притча изъ жилъ—сустаѣвъ у рабы, раба....

У вербы атламить три сучки и патроя, штобъ девить сучкоу была, тапить у печки, абтапить, штобъ накинѣла вада,— вербу вынить вонки, жижку прастудить, а прутья сѣйчасъ сушить:—тада маладенца, проти абразоу, у стерпѣ тепленькю вадичкю вербныю абдать; а рубашка тутъ шгобъ лежала надъ кутомъ; тада сухю вербау курить: гдѣ дирка у лауки жарку накатить, сухихъ прутыкыу ать вербы набрасать, тутъ рабенка падекурить—Бохъ и милуйть!

Ж 1.

А т ь п о р ч и.

(Ссло Иньково Порѣчьскаго уѣзда).

Пумяни, Госныди, царя Давыда, царя Саламона, прамудрысть ихъ и съ хитростими ихъ.

Царь Давыдъ, царь Саламонъ, сакратили зямлю и ваду и весь міръ православный—сакратитя етыва раба, чилавѣа, ать вѣдмы калмыка и ать калдуна чарауника и ать вѣдмы калмыцы и ать калдуницы чарауницы.

И вы, вѣдмы калмыки и калдуны чарауники, на чомъ дали, на чомъ саздали етому рабу порчу и нарядъ: или вы на питянии, или вы на ядыни, или у паходи, или на работи, или на торный дароги, или ни мяекій пастели, ти на пищи давауши или слѣдъ вынимауши—выхадитя, порчи и наряды. ать етыва раба и чилавѣа, изъ кастей, изъ мащой, изъ жилъ, пажилъ, суставуу и малинькихъ сустаучыкыу, ать буйный галавы, ать рабочихъ рукъ, ать быстрыхъ нохъ.

Я васъ пасылаю, порчу, ать етыва раба за мхи, за балоты, за ржауцы-патопы, на Чорныя моря.

На бирагу Чорныга моря, тамъ стайть избушка; у той избушки сидять двѣ Анны-панны, яны ни гуляють — ету порчу принимаютъ ать такова-то раба Божія; маладыхъ малайцоу женють, а дявиць замужъ атдають.

Тамъ етый порчи гуляння, тамъ ей красування!

№ 1.

Кровь загаваривать.

(Бердибяки).

Пресвятая мать Бугородица на золотую пряслицу пряха,
нитку атарвала, кроў завизала.

Аминь три раза скажи, дунь шесть разоў.

№ 2.

Отъ кровотеченія.

(Сельцо Рудня).

Чиризь моря-акіянь

Ишла Божія Матирь.

Сгрѣўся зъ ёю Сусь Христось,

Самъ Господь Бохъ.

— Куда, Божжа матушка, идёшь

Куда золоты ключики нясешъ?

— Такому-та рабу кроў замкнуть.

№ 3.

А т ь к р о в и.

Ва имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Даселева были при Агарянъ царъ неба мѣдна, зямля зя-
лѣзна и ни дала плоду ать себе.

Какъ утихнулись и ужаснулись рѣки и ручьи малыи источ-
ники—такъ бы утихнулась у р. Б. (имя) щипата и ламата.

Многа пасабляить сіе слова.

Блючь неба, а замокъ зямля.

Аминь, аминь, аминь.

№ 4.

А т ь к р о в и.

Пумяни, Господи, царя Давида и ўсю кротость яго, —
украти, Господи, варову сію крѣпастями своими ва имя Отца
и Сына и Св. Духа. Аминь.

Утреннія заря Марія, вѣчернія Маріеанія, уталита на
таску-кручину. Нынѣ и присна и ва вѣки вѣкоу. Аминь.
Аминь.

№ 5.

Отъ кровотеченія.

(Село Даньково).

Тякеть рѣчка крававая,
На тѣй рѣчки бѣлѣй кѣминь,
На ѣмъ три дявицы;
Яны шіють красною нитачкою.
Нитычка пирвалась,
Кроу увирвалась.

Праговоръ 12 разоу надъ бальнимъ, кроу пиристанить тѣтѣ.

№ 6.

Отъ кровотеченія.

(Ельнинскій уѣздъ, Сухой Починокъ).

На гарѣ, на Сіянѣ,
На рякѣ на Ирдани,
Станть древа купарѣсь.
Падъ тымъ древнымъ купаресымъ
Стаять стали дубовыи
Ни тясовыи;
За тыми за сталами
За дубовыми, за нитясовыми,
Сидять три сястрицы,
И дѣвицы красавицы,
И прядуть красный
Разный шолѣъ,
Прядуть, выпридають
И ўзоры набирають.
Сястрицы дявицы,
Прядитя красный
Разный шоуѣъ,
Выпридайтя—

И ўзоры вабирайця,
И красныга шоўку
На зямлю ні ўраняйця,
И съ зямлі ні падымайця!
У раба крови ні бываць!
Аминь.

№ 7.

Отъ кровотеченія.

(Сольцо Рудня).

На мыри, на кіяни,
Три дѣвушки сидять,
Нитычки прыдаць,
Па нитычки тарвали
... рабу кроў завизали
(Дунуць трончы).

№ 1.

Женщинѣ на благополучное разрѣшеніе младенцемъ.

Напиши на бумагѣ:

— „Пушяни, Госпыды, сына Едомскіи, въ дни Ирусалимскіи глаголющии: истащайця да аснаванія яго“.

Письмо палажи ражденицѣ у пазаху.

№ 1.

Заговоръ идущему на судъ.

Иду я р. Б. (имя) къ р. Б. (имя) ать Духа Свята и ать Христовый пичати и ать Спасавый руки, ать Прячистага замка, ать Престола Гасподня.

Ангель мой Хранитель, сахрани маю душу, мой домъ, сердца мае прими къ себѣ, въ пріятіе, р. Б. (имя).

Влючь неба, земля замокъ. Аминь.

(Прочествь до конца „Багародица Дѣва, радуйся!“...

Съ востоку идеть Гаспотъ нашъ Іисусъ Христосъ, изъ па-

лудня Михаилъ Архангелъ, съ вечерній зари Никалай Милостивый; гарадять каминную аграду вокала р. Б. (имя идущаго въ судъ), замыкають трѣмя замками, трѣмя ключами; ключи атносятъ въ акіянъ-моря, падъ вить-каминъ, въ щуку-рыбу.

Хто можить акіянъ моря выпить, тѣй можить и мине р. Б. (имя) асудить и агаварить. Ключъ неба, земля замокъ.

Аминъ, аминъ, аминъ!

№ 2.

Заговоръ, чтобъ быть оправданному на судѣ.

(Бердябки Е. у.).

Ва имя Итца и Сына и Святога Духа. Аминъ.

Устану я р., Б. (имя идущаго въ судъ), ранѣшанька, я умнюся бялѣшинька, я уватруся жаркымъ соўнышнемъ, падпаяшуся яснымъ мѣсцнымъ и пайду я къ самому Госпаду Богу, и вазыму я на престоли тридевить замоку, тридевить ключоу и тридевить подзамку, и пайду я, р. Б. (имя), на сходъ міра, кругомъ уси сходи абѣйду, уси сирца ихъ лихѣа пазамкну — усимъ, атъ верхниха чилавѣка да паслѣднита: сборщику, дисацкыму, сельскыму, уряднику, валасному, становому, испраўнику и ўсимъ тымъ, каторыя при сходи будутъ.

А самъ пайду, р. Б., (имя) къ самому Госпаду Богу и палажу на престоли тридевить замоку, тридевить ключоу и тредивить подзамку.

А самъ пайду; рабъ Божій, звѣрію двери зъ варотъ и ў вароты и ў чистыя поля; на выстрѣчу ка мнѣ, къ р. Б., звѣрлеу. Я сяду на звѣря-лева и стану пиридъ усимъ мірымъ — краши краснага сонушка, яснѣй асныга мѣска, — быу бы я милѣй ихъ атцоу и матирій, — быу бы я милѣй ихъ жонъ идятей, — быу ба я милѣй усяго роду ихъ!...

Живатварящій нашъ хрестъ заўсигда ныни и присна и ва вѣки вякоу, аминъ.

Защитина зимля небисами, — защити мяне, Господи, харошими слависами. Заўсигда — ныни и присна и ва вѣки вякоу. Аминъ.

Отъ старика Василия Михайлова.

№ 3.

Штоба власти и судьи были милостивы.

Госпади, благослави, Отча! Адѣюсь свѣтымъ яко ризю, пакрыюсь воблакомъ, препашуся поясомъ Пресвятыя Багародицы, милостивыя заступницы.

Свяжи уста, и языкъ, и гартанъ у князей и боярей, у правитилей, и у всѣякихъ властей, и у приказныхъ служителей.

№ 4.

Чары на успѣхъ въ судѣ.

Якъ идешъ на судѣ, вазьми съ бязезки „пиряпиръ“, каторый трасетца и гавари:—якъ сей „пиряпиръ“ трасетца, такъ бы мойго супустата (имя) языкъ трепитау!...

№ 5.

Агъ несправедливыйга абвиненія.

Иду я. р. Б. (имя), изъ избы въ дверь, изъ двара въ вара, въ зялённы луги, въ чистыя паля, въ темныя лясъ; нашоу тридисять пруту. Лажить тридисять грабоу, тридисять миртвацоу; въ тыхъ тридесяти миртвецахъ сирдца ни разгараютца, руки ни припадничаютца, уста ни атваряютца—такъ и на мене (имя) пусть сирдца ни разгараютца, руки ни припадничаютца, уста ни атваряютца.

Аллилуа, аллилуа, аллилуа.

Христось съ нами астауся вчера и днесъ и нынѣ.

Ты если Бохъ вяликъ—пашли пубадить деманскіи силы, и нынѣ, р. Б. (имя), пубадить всѣхъ врагоу, востающихъ на мя неправидна.

Аминъ, аминъ, аминъ!

№ 1.

Штобъ дѣла сайшлось.

Какъ отый вузилъ завязынъ, такъ у насъ, рабовъ Божьихъ, дѣла (такая-та) сыйшлось бы. (Гавари эти слава три разы,

завизаўшы узёлъ на нитки и палажѣўшы узелъ тиризъ парохъ.
— Якъ прагавдоришь, иди куды табѣ нужна).

№ 1.

Атъ нипріятнастей, нидабражилатиля и ніудачъ.

Пніймать лося, урѣзвать правый наги капыта, здѣлать пер-
стань, насыть на рукѣ: на тѣбе ни прѣдѣть ни йкая злая при-
года, ни зѣль чилавѣеъ.

№ 1.

О т ъ в о р о в ъ .

(Ельнинскій уѣздъ, сольцо Лукино).

На мыри, на кійни, на вострави на Буяни, stanno зялѣз-
ный сундукъ, а ў зялѣзнымъ сундуки лижать нажи булатни.

— „Падитя вы, нажи булатни, къ такому-та и сякому-та
вору, рубитя яго тѣла, калитя яго сердца, штобы іонъ, воръ.
варатилъ накражу такога-та, штоба іонъ ни утаилъ ни сини
поруха, а выдаў бы усѣ спална“.

Будь ты, воръ, проклитъ маймъ сильнымъ заговорнимъ у
землю преисподнюю, за горы Араратскіи, у смалу выпучую, у
залу гарючую, у тану балотную, у домъ бяздонный, укуушнимъ
банний,—будь прибитъ у приталки асиновымъ каломъ,—изсу-
шимъ суши травы, замарожимъ суши ильду,—акривѣй, ахрамѣй,
ашалѣй, адирвянѣй, абязручій, агаладѣй, атащай, валийси ў
гязи, съ людъми ни звыкайси и ни сваей смертью умри!

№ 1.

Серца загаваривать.

(Бердбяки).

Иду я къ сваяму начальнику, гаспажѣ, судѣ, яснымъ мѣ-
сичнымъ падпаяшуся, сонцу ягражуся, начальнику я свайму яв-
люся.

Другей разъ:

Мѣсичнымъ падпаяшуся, сонцымъ ягражуся, неўталима сердца
яго утишу.

№ 1.

Н Ъ Л Ю Б В И.

Зари мое ясни,
Зари мое красни,
Палудѣнни
И палуношны,
Придѣтя!
Какъ у печи ать синю жарка.
Штобъ я была жалка
Па етѣй часъ, па ету минуту!

№ 1.

Малѣтва ать злога чаруванія.

Ва имя Атца и Сына и Св. Духа. Аминь.

Правамъ причастникъ и апосталамъ намѣстникъ, апосталамъ
быу, дѣянїя абрѣлъ еси, боговдохновенне, въ видѣнїихъ восходъ,—
сего ради слова истинное исправляя, вѣры ради пострадавъ еси
даже да криви, священномучениче Кипріане.

Священномучениче Кипріане и Іустине, малѣтя Христа Бога
избавити р. Б. ать всякаго злога волхаванія и калдаванія, ать
врага и супустата и всякихъ вѣрдовъ, казней и золь.

Ликъ ангильскій ать художества волхаванія абратился, Бо-
гомудре, къ пазнанію Бажественному, паказался еси міру, врагъ
мудрѣйшій, исцѣленія даруя чествующимъ тя, Кипріане и Іу-
стине; съ нею же малѣся челаваѣкалюбчу Владыцѣ ачиститися
и избавитися рабу Божію ать всякаго злога ачараванія, аба-
янїя, калдаванія и валшебства, козни и всѣхъ злыхъ дѣйствій—
аь сего часу и минуты па весь яго вѣкъ и на ўсю яго жизнь
ва вѣковъ вѣкъ. Аминь.

№ 1.

Штобъ конь быу здароу.

Устану пу вутрѣ, пу ранниму,
Па вечарѣ па поздниму,
Выйду на сильный вѣтирь,

На лехкій воздухъ,
Вазьму я асиньву вѣтку,
Пайду я къ добрымъ хазяину,
На честѣнъ пиръ.—
Изъ-падъ лѣвнй наги,
Изъ-падъ правыга копыта,
Аблажу и абвяжу
И кругомъ абнясу,
Штоба быу на старнму,
Па прежнему,
Чищей и луччій,
Штобы не была болій недуга,
Буды бъ ни паѣхали.

Ж 1.

Ать ляганья каровы ва время даенья.

Госпади Божа; благаслави!

Какъ аснована зимля на трехъ китахъ и на трѣхъ кити-
цахъ, какъ съ мѣста на мѣста зимля ни шаволитца—такъ бы
любимая скатинка (чарнушка, паструшка) съ мѣста ни шаво-
лилась.

Ни дай ей, Госпади, ни нажнога ляганья, ни хвостовага
маханья, ни рагавага баданья!

Стай гарой, дой рякой, озира сметаны, рѣка малака, ключъ
и замокъ словамъ маймъ.

Нагавдриныю вадюю абмывають вымя коровы.

Ж 1.

Отъ болѣзни телятъ, отъ притни.

(Рославльскій уѣздъ, Митюли). —

Царь вадица Аликсандра Паўлаўна, парица вадица Али-
ксандра Паўлаўна, ты мышьъ круты бияги, сырая карення,
жолтыя паски; измий рабацію ать женскихъ притчіу, ать муз-
скихъ притчіу, ать рыбацкихъ притчыу, ать дявоцкихъ притчіу.

Божжія Матирь кала Ирдани ряки хадила, вярбовныя пру-

тики лумала, въ Ирѣани-вады вадицу брала, рабацію умывала:
Зимій, Божія Матирь, зъ буйной галавы, зъ ясныхъ вачей,
зъ ламучихъ кастей, су усихъ жылъ, пажилъ, зъ бялога тѣла,
съ сердца, съ пичанѣу, и зъ лехыга и съ усихъ нутрѣу.

Отъ Лиганька.

№ 2.

Атъ падежа тиятъ.

(С. Лукино Е. у.).

Пумани, Госпыди, царя Давида, матери Алены....

Какъ бѣлая березынька стантъ вѣки по вѣки, ни тронитца,
ни варохнитца — такъ бы и тияты жили вѣки по вѣки, на
дрогнулись, ни варохнулись.

№ 1.

Атъ балѣзни ската.

(С. Лукино Е. у.).

Святѣи мучиники и чудатворцы великіи: Мадестъ, Хролъ
и Лавѣръ, Власій и Харлампій, Никалай Чудатворецъ и Ягорій
Пубиданосецъ, вашими всеисильными молитвами къ Госпаду Спасу
Всемиластивау исцалитя и избаўтя ската сего (такога-та) атъ
павѣтрія, атъ падежа, атъ тлѣтворнага воздуха, атъ смерта-
носнага недуга, атъ смертаносный язвы, атъ усякый немащи,
хворі, скорби и балѣзни и атъ усякага зла, — спаситя, сохра-
нитя и памилуйтя Матерью Божію, Пречистую Владычицю,
и Багародицю, и Приснадѣвную Марією — сатваритя и явитя
мишъ, купна же ваздвигнута съ сабою святыхъ бязсребре-
ныи: Кузьму и Даміана, Кира, Іоанна — весь скотъ памилуйтя
и сохранитя, са Атцомъ и Сынымъ и Святимъ Духымъ.

Нинѣ и присна и ва вѣки вѣковъ. Аминѣ.

№ 2.

Штобъ скотъ ни падаў.

(С. Лукино Ельнинскаго уѣзда).

Христось съ нами уставися вчера и днесъ и нинѣ.

Ты еси Богъ великъ — пашли, Госпыди, Пубидителя Архан-

гилѣ Михаила побудить деманскіи силы заштити щитоу сва-
нѣ ать тлѣтворнаго воздуха и апасный балѣзни и ать падижа
скотскаго — и благаслави скотъ сей, избави его ать всякаго
зла и абстоянія: видимыхъ и не видимыхъ враговъ и губи-
тельныхъ смерти, падежа и всѣхъ дьявальскихъ зладѣній — и
умножи ниминѣ Тванѣ Святимъ и воспользуй симъ исцѣле-
ніимъ и даруй здравіа.

Ва имя Атца и Сына и Святога Духа. Аминѣ.

№ 1.

А т ь з в ѣ р я.

(С. Митюли Рославльскаго уѣзда).

Царь Аронъ прашу я тибѣ и жану тваю прашу Маланѣ:
унимай сваихъ дѣтей и маленъкихъ дитинятыкъ, — унимай на
западъ солнца: гнилюю калоду на сніданія, а скатину, штобъ
ни тримать.

Отъ Лиганька.

№ 1.

О т ь п о ж а р а.

(Сухой Починокъ).

Ва имя Атца и Сына и Святога Духа.

Сядить багатиръ огромный и магучій.

Сядь, багатиръ, ни кверху, ни внизу, ни на стыряну!

Надъ табою стыять тучи грозныи, падъ табой стаять моря
синія, агаражѣны вы зялѣзнымъ тынымъ.

Пумяни, Госпыди, царь Давыда, царя Кастянтина, вы ук-
ратили зямлю и ваду — укратитя етыга багатыга багатыря на
етымъ мѣсти.

Ва имя Атца и Сына и Святога Духа.

Аминѣ.

№ 1.

Насланіе червей.

(Сельцо Понизовка Ельнинскаго уѣзда).

На дворъ чарвей,

На гародъ чартей.

№ 2.

О т ъ ч е р в е й.

(С. Лукино).

Татаринъ, Татаринъ, зладѣйскій пароды, уродъ изъ уроднѣ!..
Зачѣмъ, Татаринъ, сѣишь чарвей у маей лошади?

Если ня вывидишь чарвей, то вырву тябе съ карнѣмъ,
заброшу за синю далъ,—ты засохнишь, якъ парашинка!..

Успомнишь сваю ашибку—да будить позна!...

№ 3.

А т ъ ч а р в е й.

(С. Лукино).

Если чирвякъ на лошади или челаѣвки, дѣлай вотъ што:
плюнь на камень или на руки и гавари надъ масломъ или
надъ солью:

— „Сѣдла гримать, вузды бринчать, въ парожній мѣхъ
ѣхати на хмѣль, на легкій тываръ чирвямъ!

Лятитя за мыря: тамъ у чарвей свадьба, іѹца ялывица—
пищина ;—о здѣся чирвямъ агонь, сѣра гарючія, смала кипучія—
бягитя, черви, атселя за мыря!“...

№ 4.

Якъ напустныхъ чарвей унистажать.

1. Сабяри чарвей у атопачиѣхъ (истрепаннѣй лапыть) и
вывизи ихъ на чужоя поля и высиши.

2. Якъ увидишь первый разъ чарвей на капусти,—ня
дыхаѹши, вазьми чирвичка, нитыченѣй вокрыла яго завязжи, да
и павѣсь на згароду, пригаваривай:

— „Якъ на згароди пагода трясетца, такъ штобъ чирвякъ
трѣсся, а на капусти штобъ не была“.

3. Сабяри чарвей у тряпычку, пахарани ихъ, и, закапаѹши
у землю, причитывый па ихъ и вый якъ пу пакойникахъ:

— „Вы, чирвячки, ня ѣсьтя бѣлу капусту; вы, чирвячечки,
ваша смерть тутъ закапана, а нихай бѣла капуста мѣ!“

№ 1.

Якъ канаплю сѣить.

Бада ня ўсходють канапли. мима ихъ три разы правдѣ на качарьгѣ и гукни:

— „Канашельки, гу!“

Хто сѣить канапли (канашельки дужа упирливы), прайди мима ихъ ничога ни гаворь, а хто скажить табѣ што, атна-учись.

№ 2.

Чтобъ канапля хорошо зародилась.

(Духовщинскій уѣздъ село Никола Ядренчъ).

Дай, Божа, штоба канашельки зарадились, какъ мядвѣжій хвостъ!

№ 1.

Чтобъ жалось спорна.

(Духовщинскій уѣздъ, село Никола Ядренчъ).

Шипка супурыжка,
Абыйди вагругъ палати,
Пасаби мнѣ жати;
Пади къ намъ полудничать
И съ сваею лустычкю.

№ 1.

Чтобъ коровы были молочны.

(Бердубяки).

Нада у баню идить, вымытца, тада адѣтца саўсѣмъ; тада узять вады, абдаты полнкѣ чиста и абдаты вѣнникъ и паставить на палкѣ съ чистюю вадою и палажить вѣнникъ на вадро, кланитца въ уголъ ни хрѣстѣмшись и гаварить:

— „Хазяинъ частной и хазяюшка честная, хазяинушка дамавой и хазяюшка дамавая, вотъ вамъ чистый вѣнникъ и чистая вадица: парьтись на добрыя здароўя!“...

На заўтрига идить рана утримъ у баню и гаварить:

— „Здраствуйта вамъ, добрымъ людѣмъ честнымъ!“...

Кланитца ва ўсѣ чатыри углы ни храстимши.

— „Хазяинушка батюшка дамавой, хазяюшка матушка дамавая, честныя вы люди, благодаримъ васъ за вашу вадицу; вамъ на добрая здароўя, а маеі скатны на злячєніє!“...

Идить съ бани и благодарить:

— „Аставайтєсь дабры-здоровы и пращайта!“...

Тады етый вадой падмыть кароўя судно и змачить етый вадицый атъ рохъ на морду, патомъ на хвостъ вадицую етый пляснуть, змыть—всѣ благопалушна будить, малако прибудить.

№ 1.

Штобъ хазяинъ-дамавой и хазяюшка дамавая сахраняли скотъ атъ наброжихъ хляўникоў и хляўницъ.

(Село Иньково Порѣчскаго уѣзда).

Дамавой хазяинъ и дамавая хазяюшка, прашу васъ-упрашиваю, маю васъ-умаливаю, што у етымъ доми живитя и животныхъ ни абиждайтя: каней и кароў,—и кармита, паитя и пригидайтя, а нахожихъ и наброжихъ хлѣўникоў и хляўницъ, и дамавигоў и дамавицъ да етыва хлѣва ни дапускайтя — и вѣдьмыў калмыкыў и калдуноў чаріўникоў, вѣдьмыў калмыцкыў и калдуницъ чараўницкыў да етыва дома ни допускайтя, што ланы падносы падносять и падыклады падыкладають и ў благачастивымъ доми скотъ умалаяють.

Вы, вѣдьмы калмыки, калдуны чаріўники, выбирайтя зъ благачастивыга дому у свае падносы падыносящїи и падыклады падыкладащїи.

Вѣдьмы калмыки и калдуны чарыўники, выходитя изъ благачастивыга дому у шары бары, на тямны ласы, за мхи, за балоты, за ржаўцы балоты—а у етымъ доми ни трыгатца вамъ ни на маладику, ни на палнатѣ, ни на сходи витаха, ни на пярэкроу мѣсица,—ни бытъ имъ атрыгу, ня бытъ имъ пакрату!

№ 1.

Хазяинна упрашивають нада дома ни благополушна.

(Бердибяки).

Атрѣзашъ хлѣба крайчикъ и соли узепишъ на бѣлую тряпичку, завѣрташъ и выходишъ на дворъ у домъ, становишъ на калѣнки:

Хазяинъ батюшка частнай, дамавой, хазяюшка дамавая, матушка частная, вотъ я вамъ хлѣбъ-соль принѣсъ — примитя!

(Къ шулу даръ нада класть),

Можить, сказау глупая слова, — хлѣбъ-соль примитя, прастита и бирагита статку и падворья. Можить, юнъ васъ унизиу глупымъ словымъ, — прастита!

№ 1.

О т ъ п р и ѣ н и.

(Рудня).

Жію быу Захаръ Магдалиновичъ, жана Дарья, а сынъ Никита.

Памагитя и пасабитя челаѣвѣку у кистяхъ, у нутрахъ, у жилахъ и у пажилкахъ, прашу я тебе!

(Вазми наклонься ни ксясь низка у землю).

Такжа прашу дамавога, и пылявога, и лисавога, и вадянога (нипять у землю наклонься); хазяюшникъ: дамавую, палявую, лисавую, вадяную; дѣтныкъ вашихъ: князей и княгинь — абъ етымъ челаѣвѣки.

(Наклонься низка ва землю, всѣ стипки праговоръ на чатыри сторыны трончи и ни ксясь, руки унизъ апустѣиши).

№ 1.

Атъ усихъ хваробъ.

Хазяинушка дамавой, и мижавой, и лисавой, и гуменный (рейскій).

Хазяинушки и хазяюшки, и прашу пакорна: придитя, ўсн хваробы вазымитя — на махи, на балоты, на гнилыя калоды.

№ 1.

О т ъ з в ѣ р я.

(Сельцо Рудня).

Призвать имя удавленника столько разъ, сколько скатинъ
ѣвшишь у себе и просить яго збиречь стада.

Паклонься на чатыри стороны, и, дасть Бохъ, цѣль бу-
дить скоть, и на тронить яго звѣрь съ Ягорья да Йвана.

№ 1.

Штобъ урожай на хлѣбъ былъ, бабы катаютца раздѣтыя
по пыли, штобъ хлѣбъ у трубку йшолъ.

(С. Медвѣдовка).

На Ягорья бабы выходятъ толпами въ поле и катаются
раздѣтыя по полю, приговаривая:

— Какъ мы катаемся по полю, такъ пусть хлѣбъ растетъ
въ трубку.

Въ Медвѣдовѣ существуетъ повѣрье, что на Ягорья злые
люди могутъ дѣлать поддѣлы, если они знахари; напр. отнять
у коровъ молоко.

Одинъ парень сдѣлалъ такъ: собралъ молоко въ кнутъ;
оно послѣ такъ и сочилось изъ кнута.

№ 1.

Накимъ святымъ крестьяне молятся въ извѣстныхъ случаяхъ.

(С. Лукино Ельнинскаго уѣзда).

Атъ зубной боли св. Антипію,
Атъ вара и абидчика Іоанну Ваинственнику,
Абъ лападахъ св. Хралу и Лаўру,
Ибъ іѹцахъ св. Анастасію,
Ва ўсѣхъ Божіей Матири
 (Образу Всѣхъ Скорбящихъ),
Абъ скатъ св. Власію,
Абъ даждъ св. Ильи Прароку,

Абъ свиньняхъ св. Василью Вяликому,
Абъ пчалѣ св. Зосиму и Саватью,
Абъ гусахъ св. Никити Мучинику.

Т р а в н и к ъ.

1. Тихоня.

Растеть окала зелени, листичи маленькія рядышкыиъ, рядышкыиъ, твѣточикъ сининькій.

Растеть кала земли, стелитца у разныи сторыны.
Атъ скулы топють, пьють; голыву мыють.

2. Расходникъ.

Листикъ круглинькій, слова насиканинькій.
Топють, голыву мыють атварыиъ и пьють.

3. Чаборъ.

„Атъ грудей пьють“.

4. Пижа.

Атъ боли надъ ложечкыиъ.

5. Братъ съ сестрой.

Дядей абдають.

6. Таѣстушки.

Шишички высокинькій, листъ длининькій — яныи „твѣтуть“.
Топють и абдають, вада рабѣныиъ худняиъ: атъ пѣтыя
станитъ у яго тѣльца прибываъ.

7. Занахтица.

Листъ насиканинькій, твѣтъ глишеа дудею, жоѣтинькій.
Въ злучаи перетъ балить, перетъ имъ мажутъ.

8. Валасникъ.

Листъ длининькій, касматинькій, коленкииъ, твѣтъ жоѣ-
тинькій, шишка кала зямли ў роди подбѣла.

Въ злучаи персть балить, таўкутъ яго въ нутрянымъ са-
ламъ и прикладають персть. Бывають польза.

9. Рѣпка.

Твѣтъ сининькій, листъ яе круглинькій, насеканинькій.
Польза ать яе, если малинькаму мача займанть.

10. Падбѣль. Юсть красная падбѣла и бѣла.

У жёнскихъ балѣстяхъ пьють.

11. Палявѣй хмилѣкъ.

Пахожъ на правядливый хмель, тольки мяльчѣй.
Маханьбихъ абдають хмилѣкомъ; скарѣй растуть ать яго.

12. Звирабой ать боли груди.

13. Трилистникъ на балотахъ.

Ать грудей пьють.

14. Мижипарщица.

Высокая на каряни, словаеъ пять пальцѣу.

Твѣтъ на ей растеть лапню.

Если мизъ пальцѣу здѣланца пухлина, такъ яё укла-
дають сухими листими мижипарщицы.

Лѣтнимъ яе сушуть; у случаи надѣбнысти размачивають
теплинькай вадицѣй и смѣшивають съ масломъ.

15. Прастрѣль-травя.

Растеть бизъ сукалѣна, шишка съ кулаеъ загарнуўшись.

Если скатина на скоро телитца, прапускають ваду тиризеъ
весь стволъ прастрѣла (юнь хуть вочинь високъ пашти што
съ чилавѣка, да у имъ нѣтъ сукалѣна), — прапустіўши поють
кароў.

Бывають спальзѣнія и чилавѣку.

16. Дѣдъ, дядовникъ.

Пьють ать калотѣта.

Нипримѣнна пастаў дѣда на скотинимъ дворѣ у варотъ,
скатина будить харашо вадитца.

17. Шальникъ.

Атѣ боли зубоў.

18. Крапива глухая.

Атѣ кашлю.

19. Пчалинны маташникъ.

Атѣ прастуды.

20. Гарлянка.

Атѣ боли у глотки топоў, пьють и укладывають.

21. Елыча.

Якѣ мятѣлыча, твяточникъ, палавину краснинькѣй, палавину
сининькѣй. Топоў и пьють атѣ радоў, атѣ крывѣй.

22. Залатникъ.

Слова Зоричка.

Атѣ боли живата.

23. Палявай чеснокъ.

Топоў и пьють атѣ нутраныхъ болѣзниў.

24. Чернабыль.

Кунають залатушныхъ дятей.

25. Званецъ.

Атѣ младенца.

26. Бранецъ.

Атѣ вошѣй на голыви

27. Сныдычку.

Ли кушання варюць.

28. Василёкъ дятей курить.

29. Надошникъ.

Бабы натираютца, штобъ красными быть.

30. Ягады зимляники.

Ать груди.

31. Малинникъ.

Ать прастуды.

32. Мохъ съ саломинной крыши.

Ать вадяной балъзани.

33. Лапухъ.

Ать вадяной боли.

34. Виха.

Ать валасня.

35. Трипутникъ.

Ать скулы.

36. Пижма ать глистоу.

37. Патруха.

(Тертое сѣно)

Ать кашля.

38. Осинка.

Ать удушья.

39. Мудычки.

(Маленькія ягоды по ельнику).

Ать кашля.

40. Грудникъ.

(Трава ў родѣ чарнишника).
Атъ боли грудей.

41. Кураслѣвъ (бѣлый и красный).

Атъ паносу.

42. Дрима.

На духавѣй надѣли дятѣй ею пакуришь и абдаси.

43. Чертапалохъ.

Курють имъ скатину, если чужѣй хазяинъ нападетъ на яе
и начнеть тамить яе: дай жа ина мабра станить.

44. Вагунъ-трава.

Атъ клопоу кури ею.

45. Дурнишникъ

Атъ боли у нутрѣхъ.

46. Смородникъ.

Атъ залатухи.

47. Якъ каўтунъ лячить.

Выбири съ старыхъ ризъ пазументы и убей у галаву, штобъ
здѣлаўся блокъ; яго ни разчешишь и атривать его нилзя: га-
лава будить дужа балѣтъ—іонъ самъ атвалитца якъ придиць
ўремя.

48. Явырь.

Пьють яго атъ калтуна; грызуть яварывы каренна.

49. Калакалуша.

Пьють яе атъ пухины.

50. Елянецъ.

Пьють атъ вопуху.

51. Древа топиль.

Пьютъ листь ать вопуху.

52. Сярёну (сирень) пьютъ ать кашлю.

53. Крушину.

Пьютъ и ядутъ ать кашлю. Ни ўсякій зѣѣсть: супратіўна
дужа, ну, якъ тривога да самыга Бога.

54. Щавель-ли пици.

55. Палынь.

Топють ать боли живата.

56. Бѣлая лилія.

Мавну́ки зѣ яе идать.

57. Зябяръ.

Якъ атвитить, идать.

58. Сныдыча.

Идять.

59. Рѣпку идать.

60. Заяччюу капустку идать.

61. Арѣхи зимляноя идать.

Капають ихъ, идѣ ручей бальшей; лижать яны тамъ агу-
лымъ и платёнкею, такоя идрянысты, сошныи.

62. Брушничныѣ.

63. Чарнишныѣ.

64. Клюевышныѣ.

65. Папкы.

66. Ракавыи шыи.

67. Живакасть.

68. Дуброўки.

69. Брючки.

70. Конскій щавѣль.

71. Воўчья лыка.

72. Божьи слёзки.

73. Лапѹхъ.

74. Лягушичья икра.

1. Трутца ею, штобъ руки ни скипались,

2. Трутъ ею щеки ать боли зубоў.

75. Мачѹ.

Пьють яе ать лихарадки.

76. Атваръ асиनावый кары.

Пьють ать лихарадки.

77. Пятроў хрёстъ трава.

Краска зялёнилька, сининькин твяточки, а роставъ наа
нибальшая, вершка два, три, растеть у ясу. Коринь на христъ
у тоўстий переть.

Накапать карення зъ естой травы, нарубить яго, уснпавъ
у зирнати съ аўсомъ парубѣвши и тады давать каровамъ.

Каровы ать естой травѹ малошны бывають и тѣла диржать.

78. Бадыга.

Бадыгу высушить, съ іўсомъ смишавъ и давать лашадѣмъ:
будить у живатѹ у ихъ здарова.

79. Журавиный гарохъ.

Корень у имъ два аршина у зямли.

Капають яво, дастають, а у ванцу корня булка бѣлая

фунтиъ пять. Тае булку вазьмутъ, парубють, у авѣсь лапаша-
дямъ дадутъ: тѣла будутъ кони держать хорошія.

80. Мижи паризица, заног- } болѣзни рукъ и пальцевъ.
тица, волосникъ }

81. Зѣнычка рыбъ, птиць ѣсть, штобъ ѣсть хатѣлась.

82. Знахари не всегда пользуются знаніемъ травъ ради
хорошей цѣли,—иногда они злоупотребляютъ своими свѣдѣ-
ніями, имѣя отвратительное напѣреніе повредить людямъ или
животнымъ.

Не только травами пользуются они, но и насѣкомыми.

Берутъ, напр. водяного паука, живущаго на днѣ водъ
(изъ числа пауковъ *Argyronetida*), *Argyroneta*, закатываютъ
его въ хлѣбъ и даютъ животнымъ,—немедленно мрутъ отъ него
собаки, коровы, лошади; паукъ этотъ вреденъ и людямъ.

83. Скрабъ-травя.

Атъ падерациіуницы.

№ 1.

Абъ царейни красавицы, абъ ваўшебнымъ зеркальцы, абъ
птицы колпицы; якъ Иванъ, купеческій сынъ, двумя камуш-
ками здѣлаўся атъ царейны схуваўся, а потѣмъ зъ ёю
жаниўся.

Одна царевна была такая красавица, что ни въ сказкѣ
сказать, ни перомъ описать; но никто не могъ ее взять замужъ,
хотя и было много жениховъ.

Всѣмъ искателямъ своей руки царевна задавала задачи, да
такія трудныя, что всѣ ея женихи погибли: волшебница-царев-
на поставила условіемъ, что кто къ ней посвѣтается, а задачи
не отгадаетъ, тому смерть.—„А кто отгадаетъ мою задачу, за
того замужъ пойду“.

Наконецъ прінскивается женихъ Иванъ, купеческій сынъ;
вотъ волшебница и говоритъ ему:

— „Объ трехъ разъ спрячься, чтобъ тебя не нашли!“...

А волшебница, какъ посмотреть въ волшебное зеркало,
такъ тамъ ей все видно, о чемъ только она вздумаетъ — все
какъ на ладони.

Иванъ самъ былъ волшебникъ оборотень.

Сначала онъ разсыпался на 12 зорь по всѣмъ цвѣтамъ (чтобъ скрыть свои слѣды) и сталъ ракеткой, потомъ здѣлался рыбкой.

Во всѣхъ этихъ превращеніяхъ волшебница отыскала купеческаго сына при помощи своего волшебнаго зеркальца; но въ третій разъ онъ былъ ловко спрятанъ птицей-коллицей.

Купеческій сынъ защитилъ птенцовъ коллицы отъ каменнаго града. прикрывъ ихъ отъ града своимъ платьемъ; за то Иванъ въ свою очередь былъ хитро спрятанъ коллицей отъ волшебнаго зеркальца царевны.

Коллица превратила Ивана, купеческаго сына, въ два камушка, да положила тѣ камушки въ карманы царевнѣ.

Напрасно царевна велитъ зеркальцу отыскать и подать купеческаго сына, а онъ изъ кармана:

— „Я тутъ, я тутъ!“ Дѣлать нечего, — соиграли свадьбу.

№ 1.

Врамда Саваоха и Саваула, свѣтлаго и темнаго духа.

(Сельцо Шаталово Смоленскаго уѣзда).

Низверженіе Саваула въ «пучину о тьма». Грѣхъ и смерть произошли отъ Саваула во время его паденія. Саваулъ бесѣдуетъ съ своими дѣтьми: грѣхомъ и смертью. Грѣхъ пропускаетъ Саваула къ смерти, а смерть пропускаетъ своего «отчу» въ рай. Но райскія птицы съ ожесточеніемъ вьхачутъ на темнаго духа за его «смеродъ», и Михаилъ Архангелъ жезломъ изгоняетъ Саваула изъ рая.

У Госпада „Саваоха“ былъ помошникъ Саваулъ. Гаспотъ сѣлъ на востоки упраўлять небесный калясиный, помошника сваяго Саваула априядялилъ на запади.

Саваулъ сталъ развратна дѣлать напротиу Бози, тада Гаспотъ Саваохъ проклялъ яго:

— „Будь ты проклять, нечистый духъ, уйди отсюда: ты не долженъ быть здѣсь!“...

Нячистый духъ, низвергнутый Господымъ, лятѣлъ тройсѣтыкъ и ўлятѣлъ іонъ у тьму крамѣшную, и тамъ пучина о тьма.

У нечистыга духа пумрачилась башка атъ паденія: знать іонъ, што іостъ рай, да ни знать идѣ.

Утаился нячистый духъ, „ваздохнуль“ и са рта у яго выскачилъ грѣхъ, и сталъ іонъ на стражи у варотъ межда свѣтлай и темнай пучинай (пучина о тьма).

Станть на стражѣ грѣхъ, утаился и ваздахнуль, и изъ яго, грѣха, выскачила смерть, и стала ина межда раю и свѣтлай пучины.

Нячистый духъ, летаючи па темный пучины (пучина о тьма), увидилъ грѣхъ ва образи стаящаго челаваѣка, и началъ іонъ жечъ грѣхъ пламеннымъ игнѣмъ.

Грѣхъ вартѣлся, вартѣлся—стѣрпу нѣтъ яму ать пламя, просить нячистыга духа болій яго ня мучить:

— „Отча, пачаму ты мяне палишь?“

Ужаснулся нячистый духъ:

— „Пачаму ты мяне вотчій называишь?“

— Пачаму: я ать тебе созданъ.

— „Какимъ парядкомъ ты ать мне созданъ?“

— Када вы литали по пучины о тьмы, нѣскальки уреми астановились вы и „ваздохнули“ — изъ васъ, са рта, выскачилъ я, грѣхъ;— вотъ пачаму я отчимъ васъ называю.

— „Но када жа я вѣтча твой, пакажи, идѣ іость рай!“...

Грѣхъ растварилъ варота отъ тьмы къ свѣтлай пучины— нячистый духъ влятѣлъ у свѣтлую пучину и, даўга летаючи па ней, увидѣлъ смерть ва образи стаящаго челаваѣка.

Приступилъ къ смерти нячистый духъ и началъ жечъ яе пламеннымъ игнемъ—смерть стала пажиматца ать пламени, пажалась ина у „нѣскальки рядей“: ни ў магату ей стала тярпѣть лютый жаръ. Тада ана, абратясь къ нячистый силы, гаварить:

— „Отча, да пѣ шта мяне жгѣшь?“

Нячистый духъ возжаснулся.

— „Да пачаму ты мяне отчій называишь?“

— Да я ать тебе созданъ.

— „Да па какой причини ты ать мне созданъ?“

— Када вы литали по пучины о тьма, утаились и ўздахнулі, то у васъ выскачилъ са рта грѣхъ, и сталъ іонъ между тьмою и свѣтлай пучинай;—грѣхъ стыялъ у варотахъ, утаился, уздахнуль—и тада я, смерть, выскачила у яго са рта: вотъ пачаму я васъ называю отчимъ.

— „Да, када ты ать мене, то пакажи мнѣ, идѣ іость рай!“...

Смерть аттварила двери рай—и нячистый духъ влятъль у рай.
Удрухъ атъ яго пашоль смирдячій духъ — райскім птици
завапѣли и заклохотали:

— „О, Госпади, духъ смирдячій ванить“.

— Подь, Михаилъ Архангелъ, изгонь нячистый духъ!

Михаилъ Архангелъ взялъ жезлъ и загналъ нячистыга духа—пакатился іонъ, якъ клубокъ, кубаримъ, падъ стѣну.

№ 2.

Громъ гремитъ—Богъ поражаетъ дьявола стрѣлами.

Святъ, святъ, святъ Гаспотъ Бохъ нашъ!

Такъ гавари, када громъ гремитъ — ва ўремя гразы. То Бохъ паражаетъ дьявыла стрѣлами и ни щадить іонъ члавѣка, если ва ўремя гразы схувайтца у яво сатана: убьетъ Гаспотъ такога члавѣка; ну, гряхи яму атпустить.

Бьетъ Гаспотъ такихъ (у каторыхъ чортъ схувався) и животныхъ, палить страенія.

— Ни падаражу члавѣчымъ — убью яго, гряхи жъ яму атпушу!

№ 3.

Споръ Бога и сатаны. Аткуль грамавыя стрѣлы, и яны бывають.

Якъ хадіў Гаспотъ па зямлі, зъ дьявылымъ споріў.

Стаў Гаспотъ гразить дьявылу.

Дьявыль.

— Я ухитрюся змяѣи скинутца.

Гаспотъ.

— Я усѣтаки убью тибѣ.

Дьявыль.

— Я скинуся житнымъ зарномъ.

Гаспотъ.

— Я, чимъ ня скинѣся, узнаю: што думаешъ, усѣ твае мысли угадаю.

Дьявыль.

— Я на двинадцать сажанъ у зямлю увайду.

Гаспоть.

— Я землю растварю, ўсё ўрага убью.

Дьявыль.

— Я увайду у чылавѣка, укажуся зѣрнышымъ: ти за шню, ти за пазуху.

Гаспоть.

— Я чылавѣку тѣму грѣху атпушу, а, ўсѣтаки, имъ ни падаражу, штобъ ўніштожить тябе.

П р и м ѣ ч а н і е.

Народъ думаетъ, что Господь поражаетъ дьявола громовыми стрѣлами на камни особаго рода народъ указываетъ, какъ на громовыя стрѣлы:

— Бремунешъ съ абанхъ бакаў замстрины, свѣтлинъки, бытца на ихъ паромъ подписъ падписана:

— „Стрила, што Бохъ ўрага бьетъ“.

№ 4.

Михайла Архангила Гаспоть изъ кремня высики, янъ искрынку.

Михайль Архангиль ни съ платѣ, а съ кремнѣ.

Гаспоть яго высики съ кремня, сикануў—іонъ и стаў чылавѣкымъ.

№ 5.

Громъ гримить—Ильля на калясницы ѣдить, Божія Матирь ни знанть, хто громъ призводить, а Иванъ Багаслоў скрываить ета.

Громъ гримить—Ильля на калясницы ѣдить.

Божія Матирь ни знанть, хто громъ призвѣдить.

„Што ета гримить?“

Спрашійтъ Божія Матирь у Ивана Багаслова.

А Ильля Прарокъ и Михайль Архистратихъ просятъ Ивана Багаслоў ни казать!

— „Иванъ Багаслоў, да ни наслоў?“

Иванъ Багаслоў цапъ сябе за уста и змоўчіў.

№ 6.

Ни руби суровыя палатно рубцомъ: пашнадуишь—замѣсть
тѣмъ ўрага Гаспотъ Бохъ громымъ забьѣть.

Не руби суровыя палатно рубцомъ!

Въ рубецъ прячетца сатана—ўрахъ. Иной разъ пашка-
дуишь хто атрѣзати и упустити сатану у рубаху—тогда чина-
вѣка ва ўремя гразы громымъ можать убить.

№ 7.

Якъ два браты: Петръ и Павелъ, жинатый и халостый,
суятились прамийда сѣбе. Камары музыканты съ Питра
доўгъ узыскивають.

Жили-были два браты: Петръ и Павиль; Петръ былъ жи-
натый, Павелъ халостый.

Якъ уздумаў Петръ жанитца, паназваў къ сабѣ музыканты-
камароў на свадьбу.

Музыканты пашли, а Петръ имъ ни заплатиў:

„Прихадитя на Ильлю:

Придись Ильля—

Заплотить за миня!“

И на Ильлю ни заплатилъ:

— „Придись Спасъ—заплотить за насъ!“

— Нѣтъ ужъ, гавѣрють камары Пятру:

Придись Спасъ,

Ня будить и насъ!

Якъ пиривинчаўся Петръ, Павелъ и стаў суятитца зъ имъ:

— „Таперъ ты грѣшнѣй мене: я твой старшій братъ“.

Пасуятились и пашли къ ибѣдни. А вышли жъ, што да
ибѣдни тваріў грѣхъ ни жанатый, а халостый братъ.

За то Бохъ сдѣлаў Петра старшимъ братымъ и подаріў
яму ящо карову:

— „У тябе сямейства: табѣ кароўка ни мишанть“.

Абидна наказалась Паўлу — и съ тыхъ поръ у браты
пасейчасъ суита вадетца за карову.

№ 8.

Сотвореніе міра. Бохъ и чертъ, въ образѣ лебедя, творять міръ. Болота созданы чертомъ — чертъ нахарналь ихъ (болота въ нѣкоторыхъ мѣстахъ зовутся «Крахаვენня»).

Чортъ ўлѣзъ у лебидя и хатѣу Бога падбить падъ ноги (зямли ища не была, а была усё моря, и па тымъ морю лебидь плаваць—чортъ, и Бохъ хадиць, іонъ собирався зямлю тварить).

Ни ўдалось чорту падбить Бога падъ ногі, и самъ чортъ застраў у лебиди, нимагить изъ яго выбратца.

— „О, Госпади Божа, выпустите мене вонъ!

Взмаіўся чортъ Богу.

— Дастань пяску са дна моря—тады я тибѣ выпущу.

Пагади: я наўчў тибѣ, якъ пяску дастать“:

Якъ нырнѣшь на дно марскоя и набярѣшь пяску у носъ, тольки скажу: Госпади благаслави!

Чортъ одинъ разъ нырнуў, набраў пяску у носъ якъ ня можна болій, и, пакуда вынырнуў, вымыла у яго пясокъ изъ носу.

— „Да, ты скажи: Госпади благаслави! а то ня вынисишь!“

Чортъ у другой разъ нырнуў у бездну марскую, больши прежнига набраў пяску, а наружу ничаго ня вынись.

— Да чуднѣй жа ты! вить я гаваріў табѣ, што ня вынисишь, када ни скажишь „Госпади благаслави!“

Тада чортъ нырнуў на марскоя дно и прихрястіўся, начаў гаварить „Госпади благаслави!“ и ни даказаў, а тольки „Божа Васла... И поўна: далей пастыдїўся.

Якъ вынись изъ вады пяску, часть атдаў, а часть за-таіў у насу, да и думанть сабѣ:

— „Што Гаспотъ будить дѣлать съ етимъ пяскомъ, то и я: такія надобствія“.

Гаспотъ кидаў пясокъ кругомъ себе пу вадѣ, и съ етыга пяску начала заплатыватца зямля.

— „Прастѣрь Гаспотъ зямлю, яко кляновыи листь!“

Началось и рашеніе у насу у лебидя: Больна яму дужа,

узмалиўся къ Богу. (Зимля ища ни заплаталась: была яну идѣ плавать).

— „Харкай-плюй, занимай няўдобныя мѣста!“

Сказаў Гаспоть чорту.

Запливаў-захаркаў чортъ, и, куды яго пляўки пупадали, тамъ занимались балотныя трясины, мхи;—аттаво и таперъ у нѣкатырыхъ мѣстахъ, и пасейчасъ, лужины-топи завутца „каржавенными“.

Тиризъ нѣскальки ўрэмени Гаспоть выпустиў чорта изъ лебидя.

№ 9.

Сотвореніе челоуѣка.

Съ какихъ поръ на собакѣ шерсть. Отчего собаку непускають въ церковь, а кошку пускають. Съ какихъ поръ у челоуѣка кашель.

Думають Госпоть:

— „Што жъ я сатваріў неба и землю, — нужна сатварить людей!“

Сатваріў Бохъ Адама и ватлучіўся, патаму што была иидастаўка матерьяла (для дальнѣйшаго творенія).

Боясь, што аггаль аскварнить сатвареннава челоуѣка, Гаспоть сатваріў „абаку“ и приставіў караулить Адама:

— „Ни пускай никога къ етому чилоуѣку, пакелича я ни приду!“

Яўлянтца аггаль:

— „Пусти мене, абаъкъ, къ Адаму!“

Абака гримить.

— „Пусти мене: а то я тебе смарожу!“

Дьявыль напустиў холыда на абаку, а абака (іонъ бнѣ галѣй и дужа холыду бадѣся) сагнуўся и стаў дрыжѣть.

— Пусти мене: тибѣ шубу дамъ!

Абака дапустиў дьявыля къ чилауѣку, за то яго дьявыль шерстю пакрнѣў.

Атъ тово та што абака Божьяго пувалѣнія аслушаўся, яго у церкнѣ Божьюю ни дапускають, а кошку (ана у етнѣ нипавинна) запирають частонька у церкви мышей лавить.

Съ тыхъ то поръ абака правывантца ужъ ни „абака“, а „сабака.“

А сатана удаліўся, толькі ахаркаў, апливаў, агадіў чилавѣка.

Приходьць Гаспоть.

— „Што, абака, сагрѣшіў ты? Аткуль на табѣ такая шерсть?“

— Госпади, виновинь я прйдѣ тобою: смутіў мине сатана. Дьявыль злучіўся на близысти.

— Якъ ты смѣў, дьявыль, чилавѣка змушчаць?“

— „Ни извольтя, Госпади, бизпакоитца: я здѣлаў хорошо.“

— Какъ такъ?

— „Вазьмита скверну зъ етыга чилавѣка и вываратята ме во внутрь.“

Если ать унутренній ничастаты здѣлаитца у яго кашиль, то юнѣ кашляючи перва на васѣ уздуманьт и васѣ пумянонь:

— Ахъ, Госпади, какой кашиль!.

Ну, какъ плюнять, потомъ нагою разатреть:

— „Пфу, нячистая сила ка мнѣ привизалась!“...

Какъ чертъ пасавѣтываў, такъ Бохъ и здѣлаў. Потому чертъ говоріў:

Если Адамъ будить здароў, то на васѣ, Господи, и на мине юнѣ пазабудить.

Съ тыхъ порѣ у чилавѣка бывають кашиль.

№ 10.

Смерть и сабана, у двюхъ, рай стирягутъ ать никаяинныва.

Дьявыль падкасаўся къ смерти: двюхъ яе сабакъ шерстю адѣў, а смерть яму щелачку рай атварила. Са смертю дьявыль спазнаўся, дачокъ отъ дьявыля смерть прижила. Прежнюю смерть Госпоть пратуріў, а, замѣсть яе, наявѣр- ный паставіў смерть правильную, вѣрную.

Гаспоть поставіў смерть старечѣ рай итѣ никаяинныва и даў ей на памычѣ двюхъ сабакъ. Лятѣў акаянный на ваздухахъ—сабаки забрихали. Станьт никаяинный на ваздухахъ проти смерти, напустиў на сабакъ бальшей холыдѣ—сабаки голыи пагнулись и ни магли брихатѣ (у ихъ тады ища шерсти не была).

Апуцаитца дьявыль унизѣ, ну, и гаворить:

— „Здрастуй, сторижѣ райскій!“...

Мѣў съ ёю разговоры:

— „На што табѣ сабаки еты?“

—Ета сторожи мае на помычъ рай старечъ.

— „Пазвольта мнѣ хуть у щелычку рая пасматрѣть!“...

—Нѣтъ, Гаспотъ ни приказау дайжа двярей аттварять.—

—Ну, ваши сабаки памерзнуть: вы видитя, якъ съ холціу яны трыснутца—тады некыму будить калаурить рай—адны застанитись. Аттваритя мнѣ рая пасматрѣть: я и сабакъ адѣну—шубы дамъ.“

—Разви я за ета табѣ щелачку аттварю, када сабакъ адѣнишь.

Узяу и адѣу ихъ у шерсть, шубы адѣу икаянный.

— „Ну, типерь ваши абаки цѣлы будуть“.

Сабаки стали хадить свободна, нигуда ни прычутца: теплы стали. И смерть абрадавалась:

— „Я нямножка малинькую щелачку тибѣ аттварю пасматрѣть!“

Аттварила щелочку,—икаянный и глянуу у рай. Смерть зъ икаяннымъ пазналась, хадила усюдахъ и такъ—доўга, рай жа затварила и замками замкнула, туда ни вадила и радила отъ икаяннава трехъ дачарей.

Гаспотъ приходитъ къ смерти,—дьявыль скрыўся.

— „Хто жъ, смерть, ета твоихъ сабакъ адѣу?“

А смерть гаварить:

— „Яны такея были.“

—Я жъ тибѣ голыхъ давау.

— Дакъ, Госпади, сама шерсть на ихъ вырысла“.

Тада Гаспотъ гаварить:

—Зачѣмъ икаянному рай сматрѣть давала?

— „Госпади, сагрязила!“

—Ну, када сагрязила—иди къ икаянному жить!

Ну, яе прагнау, а смерть сатварилъ ужъ правильную, вѣрную.—та смерть осталась и пасейчасъ.—

№ 11.

Происхожденіе горъ, трясинъ: всѣ эти неудобства чортъ понадѣлалъ.

Дьявыль дабыль пяску са дна моря, а Гаспотъ съ етыва пяску простѣръ зямлю роўна—ширако, якъ клановый листъ.

Дьявль (іонъ быў у вобразі лебідя) утаіў у насу зямлі і панатваріў сь тэй зямлі балотъ, трясинъ, горъ.

— „Зачѣмъ ты панадѣлаў такіхъ горъ?“

Спрасіў Гаспотъ у чорта:

— „Якавд-та чалавѣку будить падыматца на ихъ?“

Ахъ, Госпади, ета и харашо, што трудна, гаворить чертъ:
Абъ васъ успомнить чалавѣкъ и мяне то ни забудить...

Вотъ, якъ іонъ будить задыхаючись на гару падыматца, скажись:

— „Пумаги, Госпади!“...

А какъ сь горы станить спускатца, вѣрна, и мяне успу-
мянеть:

— „Чортъ мяне пѡнісь на такую высоту: тутъ голову сла-
мать можна.“

Абянмъ намъ будить ня плоха.

№ 12.

Абъ Воўги, Днѣпрѣ и Сажі, и батьки ихъ Нивисномъ, якъ
Нивиснэй ихъ у путь—дарогу бѣчъ благаславляў.

Сожъ и Воўга была раднэя сестры, а братъ Днѣпръ. Отець
ихъ былъ ихъ Нивиснэй. Вазвращались яны. Воўга Нивисному
была любезная дочка, а Днѣпръ быў яму упратіўникъ. При-
зваў къ сабѣ Нивиснэй Воўгу и Сожъ, а Днѣпръ, хуть яго батька
ни зваў, падъ двірями слушаў, што будить отецъ дачкамъ
гаварить.

— „Вотъ вы, мае дочки любимы! Вотъ ты, Воўга, приходи ка-
мнѣ у паўночь!“

Я тебе пашлю прекрасными гарадами; прекрасныя барки па-
табъ будутъ хадить.

Ну, и ты, Сожъ, приходи! Пашлю тебе прекрасными мѣ-
стами, а Днѣпра пашлю махами, балатами:“

У паўночь Воўга ускочила и приближала къ итцу:

— „Батюшка, пора посылать!“...

А ета ты, Воўга?

„Я.“

(А старикъ быў Нивиснэй).

— „Падайди, дачушка, ближій!“

(Дачушки были касматы — щастливы).

Пашунаў яе.

Благаслаўляю тебе прекрасными мѣстами итти: сяленіямі и гарадамі!“

Загримѣла — пашла.

А Днѣпръ прашнуўся, побѣхъ, пасматрѣў на крываті: Воўгі нѣту, а Сожъ спить. Нильзя Дняпру падъявитца замясть сестры: у яго была тѣла чистыя — пашупають и узнають.

Абвартѣў руки посканнями, бягить къ атцу:

— „Батюшка, батюшка, пара идить!“

— Ты, Сожъ?

(Пириманіў гаворку, якъ систра).

Ну, падайди сюда, дачушка!

Падайшла.

Ипать спрасіў:

— Ты, Сожъ?

— „Я, батюшка.“

— Пара пуцать: а то скоро свѣтъ будить.

Руки падиржаў, видить, што касмата.

— Благаслаўляю тебе, дачушка, итти прекрасными гарадамі — мѣстами!

Днѣпръ, якъ махнуў — знаить, што систра прашнется — ирваў горы, дѣлаў калѣны.

Прашнулася Сожъ — нѣтъ ни воднива на кравати. усхвятилася бижать къ батюшки подъ благаславенія.

— Батюшка, пара пуцать!

— „Ты жъ хто?“

— Ды Сожъ.

— „Я жъ тебе пасылаў.“

— Даўжо Днипра и Воўгу — я праспала!

— „А, дачушка, вѣрна, Днѣпръ — кашенниекъ, абиманіў мяне — пашоў на твоимъ мѣсти... Ну, дачушка, видна, пойдеш на Дняпровымъ мѣсти — иди ужъ махамі — балатамі!“...

Усе махамі — балатамі идеть Сожъ.

№ 13.

Духовщинскій уѣздъ, село Ядрейчъ.

Прежде было 2 солища; луна—солнце, высосанное змѣемъ, оттого лишившееся яркаго цвѣта—блѣдное.

Прежде было два солища, но Богъ, разгнѣвавшись на одно изъ нихъ, наслалъ змѣя, который такъ высосалъ солнце, негодное Богу, что оно стало совершенно блѣднымъ—и зовется оно съ тѣхъ поръ уже мѣсяцемъ и свѣтитъ только ночью.

№ 14.

Отчего жену свою Адамъ называлъ Евой.

Ужъ Гаспотъ придѣлау Адаму рай, и Адамъ ужъ нѣсколько времени прасіуся у рай.

Адумался Гаспотъ, што у Яго адинъ члавѣкъ:

— Давай, ви́ню у Адама ва ўремя сна дивятня рябро и сатварю изъ ребра яму жану.

Гаспотъ палажіу сатваренную Имъ жэнцину окыла спящаго Адама.

Адамъ прашнуванца:

— Е—во! што такая значить? лѣхъ я адинъ, а таперъ жу двоя.

Гаспотъ и ни примяніу названія Адамынъ жанѣ — такъ и засталась ина „Ева“.

№ 15.

Грѣхопаденіе Адама и Евы.

Гаспотъ пувадіу Адама и Еву на рай и указау имъ, каторыя винаграды можна кушать, а каторыя нѣ.

Доуга Адамъ и Ева жили у рай согласна, наконецъ „аггаль“ падкасаўся къ Еви и злустіу яе.

— Всѣ вы винаграды кушантя, а етытъ винаградъ за то што іонъ самы́ хароші́, Гаспотъ вѣжъ яго запрастіу.

Ева, на савѣту аггала, сарвала винаградъ съ непаказаннаго древа и Адаму дала.

Винаградъ етытъ ни удалосъ праглытѣть настѣяща ни Адаму, ни Еви: юнѣ такъ и застряѹ у ихъ у горли костычкѣй, и съ тыхъ поръ у чилавѣка, у горли, и сядить ета костычка.

№ 16.

Прѣжда, у Адама и у Еви была тѣла кожанныя, якъ ногать, патомъ, сагрѣшіѹши, крапіѹнымъ прядіѹцымъ накрывались, а тады ужъ ленъ пашоѹ.

Прѣжда у Адама и у Евы была тѣла кожанная, якъ ногать, а какъ сагрѣшили яны, то снялась ета кожа,— и стали яны стыдъ имѣть.

Брали яны листочки съ крапивы и насаживали ихъ на крапіѹныя прѣдевца и давай сябе закрывать.

Патомъ ужу Господь наказаѹ Адаму и Еви лѣнъ, якъ яго сѣвить, прѣсть, ткать.

№ 17.

Якъ прѣжда послѣ Ноивыга потопа харанили живыхъ стариноѹ; атчаго ихъ харанить пиристали.

(Дер. Проверженка Ельнинскаго уѣзда).

Какъ жиѹ на зямли аднинъ старикъ¹ правидный скоро послѣ Ноивыга потопа. Тады старики жили на 700 гадоѹ и смерть сваѹ знали, калѣ умирать. Какъ станить батька каторага шохъ, то, ни дажидаѹши смерти, садили на лубочикъ, да у роѹ. Аднинъ сусѣдъ такъ звезъ и абаратіѹ и другой звезъ. Вотъ старику вышли лѣта, сколько слѣдунть, сынъ пасадіѹ яго на лубочки, да и вязеть прѣма у роѹ. А ѹ яго быѹ ѹнукъ и бягить юнѣ глядѣть, што будить дѣлать батька дѣду. Привезъ яго къ рову и брасанть яго зъ лубочкымъ, а етѣй унукъ стоя: — „бать, дѣда сабѣ видай, а лубочки ни нада: аны пригадатца: на чимъ жа я тѣбе пувязу у роѹ.“ Стада етѣму мужуку жалка: — „Госпиди, ить жа и мнѣ ета будить!“ — „А што, сынокъ, пувяземъ ми дѣда двору!“ — „А пувяземъ, татычка“. — Привязли яны дѣда дамой и бѣятца, што имъ будить за ета, што дѣда назадъ привязли. Злажили яны яму у погриби печичку; етытъ дѣдъ тамъ

и жіў нёсколькі гадоў. И вышлі гады плахея: три гады уражаю нёту: за тысичу верстё ни ў кога ни було жита. Старикъ етій гаворить:— „снйть, сймай салому съ крыши, сёй на свайхъ нивахъ: будить жита“.—Пришла пара жита сёить. Іонъ возить ету салому, да па нивахъ разстиланть, а сусёди кала яго смяютца:—Во хазяинъ! Уси крыши пазлупіў: яму зъ гнилэй саломы жита вырыстить?!... Прайшло нядэлькі паўтары, прайшоў дожджикъ, стала усахадить съ саломы такая зелинь, што луччи ни нада. Даў Богъ выясну. Къ Ильи рожъ вырысла луччэй затёй, якъ упредъ радились: на каторый ніўки упярёдъ набирали два вазки, а то три-чатыри. Намалатіў іонъ хлѣба многа, и стали у яго сусёди пытать:

— „Братъ, скажи ты намъ, хто ета нарѣіў табѣ саломый сёить!“—Іонъ бантца, ни кажить. Данѣсли ибъ етіймъ да самыга царя; а царъ приказаў:— „Засадить яго у тямницу,—скажить“.—Сядѣў іонъ ти многа, ти мала, пака у яго стали дапрашивать. Тада іонъ признаўся. Съ тыхъ поръ и старикоў вазить у роў пиристали.

Отъ старика Евдокима Хатуля.

18.

Ибъ Нои Правиднымъ.

Ной калчехъ строить, а чортъ любашествуить. Дьявль къ Ноивый жонки падкасаля и у калчехъ мышъ прашмыгнуль. Леў, кошка, мышъ, таганрохъ (идинарохъ).

За тридцать лѣтъ Гаспотъ сказаў Ною, што потопъ будить и влѣль яму калчехъ дѣлать, а прагавариватца запрастйў, дай жа штобъ іонъ работу надъ калчегымъ призвадйў тайна и штобъ свая жонка абъ яво Ноивыхъ работахъ ни знала ничаво.

Дьявль видить, што Ной Правидный суятитца, клапатйть и клапатйть надъ чймъ та важнымъ и скрытничанть, — такъ и пѣрить дьявля узнать, надъ чимъ Ной бьетца.

Скинулся прекраснымъ статнымъ молнийцымъ и къ жанѣ Навый падъявиўся. Ноя на ту пару-времичка дома ни злучилась,

Пытаить:

— Расскажи, галубушка, чимъ ета твой мужъ зайидитца!

— „Ни магу знать!“

— Вотъ вижу я: вы нисагласна съ мужимъ живите: іонъ криу, да табѣ ни гаворить ничаво. Пупытай ка, пупытай ка, куда ета іонъ ходить каждыдна.

Ной приходитъ абѣдать. Жина, какъ стала спрашивать яго, куда іонъ ходить, то іонъ, зѣмистъ атвѣта, крикнуу, топуу нагою:

— „Какая табе дѣла?“

Пакушау и ипать на работу ушоу.

Чортъ ипать пріобразиуся у молыйца, пришоу къ Нойнѣ жанѣ и спрашиваить у ей а томъ, а чомъ и ў первый разъ.

Нойна жонка ипать чорту ничаго ни твѣтила.

— Якъ гавариу табѣ, што вы нисагласна живите зъ мужимъ. Вазми-ка завари къ заўтриму бражки, а я табѣ траўки принасу.

Жонка бражку сварила, а дьявыль принёсъ хмелю падеыпать у ету бражку.

Падгатувала бражку съ хмелимъ.

Приходитъ Ной Правидный къ абѣду; жонка набиваѣтъ бражкѣй:

— „Ня можна ли бражки выпить?“

— Ахъ, я замариуся: я велій бы паўу што, чѣмъ ся бражку пить.

Жонка зачарпнула коўшикъ и поставила пирядъ нѣ:

— „Панюхай, яней тольки духъ харошій идеть атъ бражки!“...

Спанаравилась Ному; чарка за чаркѣй—іонъ ахмялѣу.

Якъ пувисялѣу Ной, жонка ипать у яго распытывать абъ тымъ жа.

— „Ну, вотъ, жина мая, Гаспотъ ни вялѣу мнѣ сказывать, што будить затоу сораку дней и сораку начей, и приказау іонъ мнѣ калчехъ стронить, штобъ прочіи люди ни знали“.

Пазюкаўши съ жонкѣй, Правидный Ной пришоу къ своѣй пастройкѣ, а калчехъ развалиуся. Упау на калѣнки:

— „Госпади Правидный, што я надѣлау—прастить!“

— Я табе пращаю! Штобъ ты здѣлау калчехъ у три года, и дамъ табѣ помачи са ўсѣми нябесными силами.

Ной Правидный хадиу у двѣ сутки разъ кушать къ жанѣ, а то и два раза у надѣлю: ўсе ўремя быу на работѣ. Нада ужъ калчехъ атдѣлывать

Чортъ здаливу сматрѣў; сталъ ближій падыўляцца; но ўнукнуць у дѣла, пумишась Ною Гаспотъ ни дапусціў.

Дьявыль приходить къ Ноивый жонки:

— „Скора мужъ твой калчехъ кончить, то какъ придить іонъ за табою, штобъ у калчехъ садитца, у „дўхи“ ня йди, а пакажи злѣ“.

Стаў Ной сваю сямью у калчехъ убирать.

Была у яго семъ сынавей, семъ нявѣстыкъ — усѣ яны сагласна пашли у калчехъ; Ной узяў у калчехъ ящо пу пари усѣхъ плаждэнііў—толька дѣла за Ноивый жонкой.

Ужу достычка пакладина, штобъ у калчехъ увайти; ужу достычка ета стала пу вадѣ падыматца, а жонка Ноива—слова на яе затинка найшла—ня йдеть и ня йдеть.

Ной схватаў яе за руку и патаціў, тутъ и зругнуўся:

— „Ахъ, ты, нячистая сила, што жъ ты са мной ня йдешъ?!“

Якъ пумануў Ной нячистую силу, ана мышью и прашмыгнула на калчехъ и пубижала пу палу.

Леў, якъ стнаў, чихъ на нячистую силу, а изъ носа лъва выскачіў сапель, изъ сапля кошви, царапъ мышъ и зѣла.

Ужъ вада стала ападать.

Адинъ звѣрь таганрохъ (идинарохъ) ни пашоў у калчехъ—духаў іонъ:

— „Праплаваю сорокъ дней и сорокъ начей“.

Какъ стала вада спадать, идинарохъ пупалъ пашинный лѣвый наги на пень—и съ тыхъ поръ нѣтъ яму плаждэнія: супратіў Бога итить нильзя! Атъ Ноя Правидныва стали пладитца на-роды.

Посли Ноя жили люди на 500 лѣтъ, а Адамаўскіи на тысячи.

№ 19.

Адамъ и Ева сагрязили: пакушили атъ запретныга древа яблычныў.

Адамъ и Ева жили у раю. Дьявыль падашоў къ имъ и стаў ихъ змушать. Подыйшоў къ Еви и гаворить:

— „Дѣва—Ева, ня слухай ты сваго Адама, што іонъ гаворить: съ двухъ етыхъ дрявоў кушайтя, а зѣ естыга не... Не, тѣ дравы дренъ, а слащи за етыва у свѣти нѣгути“.

А якъ покушала Ева, а услѣдъ и Адамъ запретныга яблѣка, тѣла ихъ стала другая: то адіянiя ихъ была, якъ ногать на рукѣ, а то адіянiя ета такъ и обѣхала;—застались тольѣя ногтики на пальцахъ на рукахъ и на ногахъ, — и стали люди галы и стали стыдъ имѣть и отъ стыда было поразбѣглись адіянъ ать водныва.

№ 20.

Божiя Матирь абманулась: листопадъ атдала чорту (а ета ни листопадъ былъ, а души). Христу нада на мученья паотупать возрatchet ихъ,—души пакойникиу).

Потѣмъ гаворить дьявыль на Божью Матирь:

— „Вотъ ета древа зялѣная, ета угодiя ета табѣ, а листопадъ то ета мнѣ!..“

(А якей ета листопадъ?! ета ни листопадъ, а души пакойникиу).

Божiя Матирь сама сабѣ думанть:

— На штобъ той листопадъ каму нужинъ?!..

Да и распишись ина. што:

— „Уступаю дьявылу листопадъ!“

Посли таго стали души пакойникиу паступать въ адъ: усѣ туды падають и терпють тамъ муку вѣшную.

Приходить Гаспотъ и гаворить на Божью Матирь:

— Што ты панадѣлала?

— „А што?“

— Да души челаѣческiя дьявылу атдала.

— „Я атдала дьявылу тольѣя што листопадъ—сухѣя листя“.

— Да, какей листопадъ—ета души пакойникиу: анѣ прѣзда были Богавы, а таперъ стали дьявылывы.

Ну, таперъ паступать тваяму Сыну на муку, а то тымъ дѣшамъ узвароту ня будить!..

№ 21.

Нячистый духъ у Бога людей просить.

Нячистый духъ стау прасить Господа:

— „Дай ты мнѣ людей!“

Гаспотъ пасѣвѣтывау схадитъ къ Адаму:

— „Адамъ, дайте мнѣ людей!“

Говорить іонъ, пришоўши къ Адаму.

Адамъ самъ сабѣ думанть:

— „Атдать малалѣтннга— іонъ будить мнѣ у пользу; атдать мнѣ старыга— самъ старъ буду; атдать мнѣ мертвыга— на што мнѣ тѣй мертвый? Памѣрь. дакъ и памѣрь“.

Адамъ атдаѣтъ нячистому духу мертвыхъ.

Гаспотъ іулянтца къ Адаму:

— „Атдаў народу?“

— Атдаљ, Госпади!

— „Якихъ жа ты атдаў?“

— Мертвыхъ, Госпади:

— „Ну, няўжели самъ пумирать ня будишь“.

— Госпади, сагрятимъ я придь Табою.

— „Да, ошибся, Адаме“.

№ 22.

Адамъ мертвыхъ чорту записаў и самъ ашунаўся.

Нячистый духъ стаў прасить Госпада:

— „Дай ты мнѣ людей!..“

Гаспотъ пасавѣтывалъ:

— „Абратись къ Адаму!..“

Нячистый духъ приходитъ. идѣ жиў Адамъ.

— „Адаме, дайте мнѣ людей!“

Адамъ самъ сабѣ думанть:

— „Атдать малалѣтннга— онъ будить мнѣ у пользу: атдать мнѣ старага— самъ старъ буду, атдать мнѣ мертвата— мертвый бесполезинъ: умиръ и умиръ“.

Адамъ атдаў нячистому духу мертвыхъ.

Гаспотъ іулянтца къ Адаму:

— „Атдаў народу?“

— Атдаў, Госпади.

— „Якихъ жа ты атдаў?“

— Мертвыхъ, Госпади.

— „Но неўжели, Адаме, самъ умирать ни собираешься!“

— Госпади, сагратиў я придь Табою.

— „Ашибся, Адаме!..“

№ 23.

**Янимъ родымъ Іуда жидамъ Христа покажаў. Атчаво ложки
нигадитца кверху дномъ клась.**

Сѣли трапезовать святѣя апостылы съ Сусымъ Христомъ, —
сѣў трапезывать и Юда. —

Во пьетца:

— „Яко Юда, яко разбойникъ!..“

Запрѣдаў іонъ Суса Христа жидамъ, узяў зъ ихъ трид-
цать сребреникыў.

Жиды пытаютца, якъ признать Христа мизъ апостылыў, а
Юда имъ твичанть:

— „Во якъ! Мы усп будимъ ложки барачивать, а Хри-
стось. якъ хлябнеть, паложить ложку кверху. (Аттаго-та ни-
гадитца ложку кверху дномъ класть—ета грѣхъ).

Когда замѣтитя ета, вы баритесь за яго!..“

Узалися за Христа жиды: узнали яго, — и пашоў іонъ на
муку вѣшную.

№ 24.

**Христа мучуть. Жидоўка прикрыванть личиния Христа ки-
сейкою. Христось атъ жидоў вырваўся.**

Вотъ Суса Христа Јѹреи вядуть на муку вѣшную—злѣдін
абсѣли у яго на плечанькахъ капою, мучуть яго; а ў тоя ўреми
яўрейка сядить у вакна и дяржить у рукахъ кисю бѣленькую,
прѣбѣленькую.

А у Спасителя губы засмягли, пылью занясло Яго личуха,
а яўрейка, сѣдючи у вакна, и говорить:

— „За што мучуть етыта челаѣѣка?!

За што іонъ вѣшную муку примѣеть?!

И губы твае крававую смагтю занясло, и глаза твае пы-
лью запылила!..“

Кинула сваю кисейку жидоўка на Госпада:

— „Пратри ты, Госпади, личинька своеѣ святоя, свѣтлая!
За што яны Табе такъ мучуть?!“

Тада Гаспотъ вырваўся атъ никаянныхъ жидоў, а жидоўка
периставилась: приставиў яе Гаспотъ у святыхъ.

№ 25.

Свинья жидоўская тетка. На жидоўскую школу нада жертвувать, штобь свиньи хорошо вались.

Якъ мучили Ісуса Христа жи́ды, то никаинны чимъ тольки ни зму́щали яго, ну, іонъ ать ихъ усіми документами атбиваўся.

Во їдутъ на їмъ капою зло́ди́н, а упиради засадили у кораби сваю тётку и гаворють:

— „Ну, кали ты Бохъ нашъ—атгадай, што у кораби!“

— А што у кораби—а свинья!

— „Вить зблышйль!..“

Закричали жи́ды.

Атрыли корыбъ,—думили увидать сваю тетушку, ажно праўду свинья на ихъ такая страшенная, якъ лось — „у-ухъ, у-ухъ!“

Са страху жи́ды усь свае пантохвильки растирали.

Съ тыхъ поръ яны ня молюцца у хати, кали тамъ свинья находитца, а просятъ:

— „А їзу, паздэслыста, выгынѣя свиньню!“

Кали свинни у тябе ни вядутца, пожертвуй на жидоўскую школу со 2 или со 3 капѣйки — будуть весца свиньи, парасить пашногу, и поводъ будить харошій“.

№ 26.

Жи́ды за Христомъ гонюцца. Жѣнщина своимъ рабенымъ жертвуйть, штобь Христа спасти—абманила жидоў: жи́ды рады.

Гаспотъ ать акаинныхъ жидоў ускачіў у горницу, а тамъ жѣнщина кормить грудью дитѣнка.

Гаспотъ крикнуль на жѣнщину:

— „Дитѣнка брось у печь, а мяне вазьми!“...

— Божжа мой, да іонъ згарить!

— „Нябось! ничога нябудить твайму дитѣнку, толька тоя дѣлай, што я скажу“.

Баба бросила свайго дитѣнку у печь, а Христа узяла къ сабѣ на руки.

Жи́ды то́я видю́ть, што баба укинула дитёнка у въ агонь, а то́га ня видю́ть, што Христо́сь на рукахъ, а дитёныкъ тѣй на тую пару-ўреми́чка бутца кривнуў у печи.

Забилы жи́ды у ладони:

— „Христа спалили, спалили, спалили!“...

Дитёныкъ прироста́ўся весь у твитахъ и ста́лъ у святихъ, а Христо́сь пашоў съ двинацѣтью апосто́лами.

№ 27.

Христо́сь Воскресе́ уму, и съ апосто́лами и съ Матирью своею трыпезу́ють. Бо́жия Матирь ни пазна́тъ сына и загады́тъ абъ ёмъ на ры́бки камбали и на сухи́хъ дуби.

Христо́сь васкресе́ ужу, и сяди́тъ Іонъ съ Бо́жю Матирью и съ апосто́лами, трыпезу́ють зъ ими. А Бо́жия Матирь ни пазна́тъ свайго Сы́на: то Іонъ ма́ль быў, а то стаў вели́къ; апосто́лы жъ ни кажу́тъ ей.

Атку́сила Бо́жия Матирь палавину ры́бки:

— „Какъ а́тживетца эта ры́бка, ускряснё́тъ Христо́сь!“

Ры́бка трё́пъ, трё́пъ—у́стрипиталась, Бо́жия Матирь узра́дувалась.

Ры́бку ету Бо́жия Матирь броса́ла у моря—и живётъ эта ры́бка съ тыхъ поръ у мори; у е́тй ры́бки гла́зъ выи́днѣтъ, и ў бачку выи́мка.

— Стаи́тъ дубъ сухи́й пири́дъ ва́кномъ:

— „О, Госпа́ди Миласли́вый, ка́да е́тй дубъ сухи́й ста́нѣтъ зели́нъ и листьа пу́ститъ,—та́ды ускряснё́тъ мой сы́нъ у́злюбле́нный!“...

Та́ды стаў дубъ зели́нъ и приго́жъ, и листьа на ёмъ ши́рока.

— Апосто́лы паказа́ли Бо́жй Матери́ Суса Христа, и и́на ста́ла рада́я, рада́я.

— „Слава́ жъ тя́бѣ, Госпа́ди, што васкресе́ Сусъ Христо́сь, сы́нъ мой ва́злюбле́нный!“

№ 28.

Отчего́ мы́я яйцами́ христосу́емся.

Ка́да Иису́съ Христо́сь воскресе́, то ме́лкое ка́меньа а́бра-
тила́сь у яйцы; а́ттаво мы́ яйцами́ христосу́емся.

№ 29.

Отчего осина листьями «тряпечить».

Іуди тошна стала, што іонъ продаў Христа.

Када онъ хатѣ удавитца, то Гаспотъ упизъ палажіу у сѣ дравья, а адна асинка легла пупарекъ рва; на ней Іуда и удавіўся.

Съ тыхъ поръ асина, якъ витарокъ, хутъ сабѣ и нибаль-шёнѣй, трыпачить листьями, слоўна ать страху,—такъ и бьетъ у ладошки.

№ 30.

Христось хочетъ оказать Іудѣ милосердіе.

Какъ удавіўся Іуда, то весь адъ зарывѣў: испужаўся Іуды. Гаспотъ сказаў: „ни ряви — пагади: я пупами и панамы запалаю тябе, а старцами, якъ гонтамъ, пакрыю“. Гаспотъ Іуду къ сабѣ у рай звалъ, а Іуда, лежа на пачи, гаворить: „миѣ и тутъ харашо“. Гаспотъ яму сказалъ: „ну, такъ, какъ хочешъ“.

№ 31.

Объ Царѣ Саламонѣ.

Во чревѣ матери возбуждаетъ противъ себя ея гнѣвъ, рѣшая споръ между ковалемъ и гончаромъ.

Спасенъ отъ гибели и мести матери ея служанкой.

Отданъ ковалю, воспитывается вмѣстѣ съ его сыномъ, а сынъ коваля воспитывается царицей, которая выдаетъ его за своего сына.

Отрокомъ Соломонъ удивляетъ мудростью своихъ сверстниковъ и избранъ ими старшимъ за рѣшеніе слѣдующихъ задачъ: 1) чтобъ березка согнулась и разогнулась, 2) чтобъ коровы не „зикали“, 3) чтобъ лягушки вдругъ замолчали и снова закричали по приказанію.

Приказалъ повѣсить мальчика-вора и вытребованъ за это къ царю.

Удивляетъ царя находчивостью въ отвѣтахъ. Царь задаетъ

ему слѣдующія задачи: 1) чтобъ изъ варенныхъ яицъ пылать повывелись, 2) чтобъ воли потелились.

Соломонъ очень остроумно отвѣчаетъ на всѣ вопросы, а волю, присланныхъ царемъ, поѣдаетъ съ товарищами.

За эту продѣлку и за прочія царь хочетъ казнить Соломона, но, по условленному сигналу изъ рожка, является войско Соломона и освобождаетъ отъ гибели начальника.

Восторжествовавъ надъ врагами, Соломонъ казнить мать и бабушку, признается отцу въ своемъ происхожденіи и рассказываетъ ему свою исторію.

Заѣхавъ гаршеникъ къ кавалю са своими гаршками, и проситца у кавалья на нычъ. Каваль и гаворить яму;

— „Братъ ты мой, и радъ бы пустить тебе на нычъ, да у мене на дварѣ стоятъ кабыла, да къ таму жъ жарѣбная“.

— Я свой возъ съ лошадыю пастаѣлю къ старанѣ, а ты сваю кабылу пусти на воли, говоритъ ганчаръ.

— „Паизжай сабѣ!..“ Паставилъ гаршеникъ сваю лошадь надъ павѣтью и занучувалъ. Каваль легъ въ адномъ мѣсти, а ганчаръ окала сваей лошади у другомъ.

Каваль усе сматрѣѣ лошадь, кабы убяречь жирябенка; только іонъ ни убяречь кабылицы—ина и жирябилась.

Ганчаръ упирѣдъ яго прашнуѣся и видить, што кабылица ужу жирябилась, и жирябенкъ падбѣѣся надъ возъ ганчару.

Ганчаръ и гаворить: „ну, слава Богу, мое гарчки жирябились!“

Прашнуѣся и каваль и гаворить гаршенику: „што ты мелишъ?—эта мая кабылица жирябилась“.

А гаршеникъ твѣрдитъ, што яго гарчки жирябились, и стали спорить. „Ну, найдемъ на судъ: якъ присудють, такъ и будить“. Пашли яны на судъ къ царю, царя не была у доми, а только цареѣна, и цареѣна была абременна.

Цареѣна и гаворить имъ: „што ты, каваль, пришолъ и ты, ганчаръ?“ Каваль обьяснить цареѣни.

— Вотъ якая дѣла. Ганчаръ учора нупрасіѣся ка мнѣ на нычъ. Я, праѣда, и ни хатѣѣ было яго пускать, што мая кабылица часъ отъ часу жарѣбитца, а іонъ мнѣ сказалъ, што іонъ свой возъ паставить у аднымъ мѣсти, а кабылицу, говоритъ, пусти на воли. Мы такъ и сдѣлали. Ганчаръ легъ у сваго воза, а я у другомъ мѣсти. Ганчаръ упяредъ прашнуѣся и

увидіу, што мая кабылица жирибилась, и жирибеныкъ падбіўся падъ яго возъ. Вотъ и пашоу у насъ споръ объ жирибенку.

Царица разсудила такъ: „кабы твая кабылица жирибила жирибенка — іонъ ба и быў ли кабылійцы; а то жирибенка нашоу ганчаръ падъ сваимъ возымъ,— стала бытъ, жирибились яго гарчехи, а ни твоя кабылица“.

Рабеныкъ ва чреви царицы и говорить: „за то бабы и дещивы, што глупы. Даўно сказана, што у жэнщины воласъ долагъ, а вумъ каротыкъ. Жирибила жирибенка кабылица, а ни гаршехи ганчара: никада ня слыхивана, штобъ горшки жирибать жирибили“.

Царица и думантъ: „калі іонъ ва чреви маемъ да што бантъ? А родитца, да вѣдить на свѣтъ — ня то ужу будить ать яго“. Ина у скорымъ времени радила сына и, абярнуўши у прѣстѣню, прислужнию дѣвкѣю атпраўляить затапить етыга сына у рѣкѣ. Дѣвка панисла царскага сына тапить у рѣчки и пажалѣла яго;—думантъ сама себѣ: „вить большой грѣхъ ангельскую душу пагубить!..“ А у етне самыя часы родила сына и жана кавала. Царская прислуга занесла царскага сына на гумно къ кавалю и захувала у саломѣ; тады приходить къ кавалю и гаворить: „царъ приказалъ принесть вашита сына къ царицы“. Каваль съ кавалихыю и гаворють: „царская воля велика. Хуть и жалъ намъ нашига сына, а, калі требують царъ и вадить атдать яму нашига сына — дѣлать ужу нечига: бяри сына и няси!..“ И атдали яны сваяго сына царскій прислуги; пушалакали и погарювали па сваємъ сыну.

Бяреть каваль рѣзвинны и атпраўляйтца на гумно за кормахъ. Толька разлажилъ рѣзвинны, бяреть крючекъ наскубывать саломѣ и запустиў крючекъ у салому, а царскій рабеныкъ и гаворить яму изъ саломѣ: „тиши, каваль: глазъ выкылишь!..“ Каваль испужаўся и атваліўся атъ саломѣ, да самъ сабѣ и дивунцца, што ета значить. Апомніўся каваль, да и гаворить самъ сабѣ: „што жъ я буду быятца? Вить ета жъ протіу дня, а не протіу ночи—запущу-ка я крючекъ падалій у салому“. И запустиль. А царскій рабеныкъ и гаворить ипять яму:—Да, што ты, каваль? Ты жъ мнѣ усю кожу сдырешъ!.. Каваль, якъ тисвануў крючкомъ харашенька и вытащиль изъ саломѣ рабенка.

Сталъ каваль радъ и гаворить: „Слава Богу! Хуть царъ у насъ сына атабрау, а на то мѣста Богъ другога рабенка паслау!..“

Бросіў на гумнѣ и рѣзвыны свае, схватиў у палу рабенка и панибѣс да своей хаты. Приносить у хату и гаворить своей жанѣ: „Ну, жана! Хуть царь у насъ сына и атабраў, а намъ г'аспотъ на яго мѣста паслаў другога рабенка;—я нашоў яго на гумнѣ, у саломѣ. Будимъ яго кармить и паять, и пускай іонъ будить намъ сынымъ! Нада бѣ намъ таперь хрезбины спраўлять и кумоў сазывать“. Пазваў каваль кумоў, пирихрястили рабенка и назвали яго Саламонамъ. Хрезбины атгуляли. Кукобить кавалиха рабенка, холить и кормить яго, и рабеныкъ растеть и часъ атъ часу прибываить. У семъ гадоў іонъ атражайнѣй тога, катораму и питнадцать гадоў.

Іонъ ужу сями гадоў вадіў лашадей на нашлегъ, и воить ихъ у поля. Саламонъ и ставаріить дярвенскыхъ своихъ хлопцѣ!—„а, што вы думаетя, ребятѣ? Давайти-ка изъ насъ самихъ заводить набольшага: вить стада бизъ пастуха ни бываить.“

И начали придумывать, якъ имъ избрать набольшаго и каго паставить. Саламонъ имъ говорить:—„чуйтѣ: лягушки сквярутца у балоти; хто ихъ уйнимить, тога и наибольшаго паставить.“

Мальчуганы начали чирядомъ унимать лягушникъ, и ни водинъ ни уняў ихъ.—„Нѣтъ, мальцы,“ гаворить:—„нихто изъ васъ ни уняў ихъ; ну, глядитика: я стану ихъ унимать.“—Саламонъ и гаворить:—„ну, тварь бяздушная, замолчать—ни дна штобъ ня кухнула!“

Лягушки ни дна ня кухнула.

Тадѣ Саламонъ и гаворить мальцамъ:—„ти видитѣ, ребятѣ: вить лягушки маўчатъ?“—Чуимъ!

Атвѣтили мальцы!—„Таперь, хто ихъ затѣить ипить кричать, тога уже паставимъ набольшаго.“—Малцы пачаредна стали застаўлять лягушникъ кричать и ни дна ни закричала. Дашоў чередъ и да Саламона.

Саламонъ началъ зативать кричать лягушникъ:—„Ну, бяздушная тварь; начинайтѣ ипать свае пѣсни распивать!“

Лягушки изнову пѣсни зайграли.

—„Таперь чуитѣ, што лягушки вить ипать запѣли?“

Мальцы и говорятъ Саламону:—чуимъ, уси чуимъ!

—„Вотъ вамъ третія приѣта. Пришоў къ бирезки, гля-

дята на бярезу и застаўта яе сагнутца и разгнутца,—застаўляюць такъ павочыриди!“

Мальцы павачаредна і пачынаюць крычаць бярези:

— „Сагнись, бярезанька, сагнись. зеленая!“.. А бяреза стаіць і ня гнетца. Дашла вочаридь да Саламона. Іонъ і кажаць бярези:— „ну, бяреза, сагнись у калцо!“ Бяреза і сагнулася у калцо.— „Ну,“ гаворыць мальцамъ: — „видитя: береза сагнулася?“— Дя, кажуць мальцы: сагнулася.

Саламонъ іпять гаворыць бярэзи— „разагнись!“

І бяреза разагнулася:— „Ну ти видитя уся: бяреза разагнулася?“

Уся закричали во адінъ голасъ мальчуганы:— „видимъ, видимъ примудрый Саламонъ!“—Вотъ вамъ чатыры примѣты!..

Пастухъ близка къ імъ пасъ кароў. Была жаркая урэмя, і каровы пачали бѣгаць: зыкъ на ихъ напаў.

Саламонъ і гаворыць мальчуганамъ:— „мальцы, хто изъ васъ уніміць кароў, штобъ яны стыялі, а ня бѣгали?“—Мальчуганы изнову павочыриди стали каровъ унімаць, а каровы ихъ ні водная ні паслухала. Тады Премудрый Саламонъ і гаворыць каровамъ: „пирьстаньтя бѣгаць,—станьтя і стойтя на дномъ мѣсти!“.

Уся каровы перистали бѣгаць і стали, якъ укопанніы.

Премудрый Саламонъ і гаворыць мальчуганамъ:

— „Мальцы, ну, видитя? каровы перистали бѣгаць і стали якъ укопанніы.“

Мальцы уся въ адінъ голасъ:—видимъ, видимъ, премудрый Саламонъ!—Таперъ мы уся далаемъ тябе набальшимъ, і, што ты будишъ намъ приказывать, будимъ і выпыняць слухатца і пувіноватца тябѣ.

Саламонъ ихъ пачынаюць учыць военнымъ артикуламъ, і долгая время училъ ихъ военному искусству. Уся мальчуганы у примудрага Саламона научились военнымъ диламъ і вялі сябе честна; адінъ толькі мальчуганъ аказался ворамъ: іонъ у водныга мальчыка украў кнутъ.

Мальцы і вядуць яго къ примудрыму Саламону на расправу. Примудрый Саламонъ раяніл такъ: первую вину прастить мальцу. І прастілі.

— „А если у другой разъ украдишъ, тады уже накажу і ни прашу.“

Мальчуганъ етій укралъ у мальчика узду, мальчуганы приводятъ яго къ Примудрому Саламону на судъ.

Саламонъ приказалъ принести розакъ и наказать мальчика-варешку розгами, па военному. Мальцы и усныпали яму, скольби пришлось—пу военному.

—Ну, гляди-жъ: кали яще што украдишь у третій разъ, тады тебе я павѣшу!..

Вядуть хлопцы домой лашадей и говорить батька мальчугана-варешки:—„Өедоръ, тваго сына Аляксѣя нашъ Примудрый Саламонъ за варавство залупилъ до смерти—будить поминить вѣкъ вѣшний.“—Өедаръ и распрашнть у ихъ: „за што такъ?“

—А якъ жа! гаворють мальцы. Учора твой сынъ Аляксѣй укралъ кнутъ, а сяводни узду;—Саламонъ первую вину прастіу яму, а за узду и нахлабучіу, да вить па дѣломъ вару и муча: ни крадь, ни варуй! Да, яще сказау Саламонъ:

Кали ни прирстанить варувать, то павѣснть, якъ сабаку!

—„Пастой жа: кали іонъ такей, то я яму вастасую за сына?“..

Приходить къ кавалю, сталъ бранитца и скварнитца разными славами: „за што мужъ твой Саламонъ маяму сыну кожу спароу? етакъ жа ужъ нильзя мальцамъ и у поли лашадей гонять!“..

Каваль и гаворить Өедору: „Ну, за што ты такъ разсирчалъ? и хочишь ты разбирать датеі? Вишь у поли двѣ воли; дѣти у щепки, а батьки у хахлы... Тряспа ихъ разбяреть! саводни, може, и Саламону такжа поддадутъ!“..

Разгаворамъ такимъ и кончилась суета мушннъ.

Каваль патомъ сталъ ругать Саламона:

—„Што ты за воинъ у поли?!.. Гляди жъ, што бы ета у первый и у паслѣдній разъ: а то я табѣ кожу слуплю... За што ты яго дралъ?“

—А за то, што іонъ разъ укралъ кнутъ—тады нхай такъ: мы яму прастили. У другой разъ вузду—за ето яго и абадрали.

А кали у третій разъ што украднть, то мала етыга заўсѣмъ повѣсимъ: ни варуй!

Привалось яще надѣли двѣ и три. Усе у ихъ была тнх. Займались яны военною маршироўкою.

Іонъ имъ за ета время надѣлалъ изъ палыкъ и ружья.

Въ адно время Ляксѣй утянуў у мальчика полдень.

Мальцы начали произвадить обыскъ и нашли у торбачки Ляксѣя полдень мальчика, и. многа ни разговаривая. Саламонъ приказалъ малца-варшкѣ павѣсить. Мальцы сагнули асину и павѣсили мальчика-варшкѣ: „сабаки сабачья честь!“..

Саламонъ сдѣлалъ приказъ мальчуганамъ: узять лашадей Аляксѣевыхъ и сдать Оедару на руки. Вичаромъ мальчуганы пригнали у дярёўню лашадей и кричать: „Оедоръ, на твоихъ кони!“.

Оедаръ спрашiнть у ихъ:—а дѣжъ мой Аляксѣй?

— „А табѣ вишь казали: кали ни пристанить вурувать, то будить повѣшанъ? а iонъ украў поўдинъ,—за то и павѣсили!—Саламонъ сказау:—Ляксѣй своей дураты ни брасаить и приказаў намъ яго повѣсить;—мы на горькiй асини яго и павѣсили: вонъ тамъ на ляди.“

Оедоръ написаў прозьбу царю, што Примудрый Саламонъ павѣсiу на ляди яго сына Аляксiя.

Стаў Саламона батька каваль бранить: „я думаў, што ты будишь мнѣ падъ старость кармилицъ, а ты вышiу разбойникъ. Кали ты стаў людей вѣшать, царъ павѣсить и тебе—ужъ такъ табѣ ня пройтить.“

— Батюшка, за што мяне бранишь и журишь?

Вить и царъ адну вину пращанть, за другую наказыванть, а за третiю, вѣрна, вѣшанть.

Ну, такъ и я паступилъ съ варомъ!

Царъ присылаить канвойныхъ. Узали канвойные Саламона Примудрага падъ судъ. Царъ и спрашiнть у Саламона:— „Што ты начаў тварить и сванъ адумаъ вѣшаешь людей?“

— Свѣтъ вяликъ гусударъ, винувать придъ вами!

Мальцы и я дѣлали разныи примету, вышла такъ, што уснiъ мальцамъ мяне слушатца.

Я ни гуляю и ни гуляў,—я учiу сванхъ мальцiу военному искуству и военному учениу.

Ляксѣй малицъ былъ прабоиствъ: начаў вурувать; iонъ украў у первый разъ кнутъ—ету вину я яму прастiу; у другой разъ узду—за то наказаў яго розгами; а у третiй укралъ у мальчика полдень: тутъ ужъ, якъ iонъ, якъ ни кался—и усѣ варунть, приказаў мальчуганамъ Ляксѣя павѣсить. Вить-жа и

ты, царь, такъ же дѣлаишь: первую вину прощайшь, за ўтарую наказываешь, а за третію: ти кѣ растрѣлю, ти на виселицу!...

Видитъ царь, што Примудрый Саламонъ паступилъ справядлива, только натвардилъ яму, штобъ еще такъ ня дѣлалъ.

Царица и гаворитъ царю, якъ іонъ прастіѹ Саламона и атправіѹ дамою бизнаказанна. Царь и атвѣчають:

— „Якъ же судить яго, кали іонъ справядлива паступіѹ!“

— Такъ-то такъ, кажитъ царица: а надо-бъ яго была павѣсити: іонъ, якъ выростити, ня то сдѣлаить!

Царь гаворить: „я и самъ вижу, што іонъ астрауминъ.

Нихай-ка падаіѹ: можна, и пуцадетъ на виселицу!“

Пасылаить царь паслоѹ кѣ кавалю съ приказымъ, штобъ каваль быѹ съ Саламонамъ на лапашахъ верхами у царскій дворець.

— „Во што ты надѣлаѹ! „гаворить каваль Саламону: во царь не такъ насъ требуетъ ва дворець: таго и гляди, што и мяне патынуть на виселицу за тябе.

Саламонъ кажитъ: „да, ни рабѣй: цѣлы будимъ“.

У назначенный царемъ часъ каваль съ Саламонамъ атправились кѣ царю. Царь приказаѹ падать двухъ асѣдланыхъ лапашей: одну ли себе, а другую ли свайго сына, и царь съ сынымъ, и каваль съ Саламонамъ паѣхали у поля за гарадъ.

Примудрый Саламонъ у поли любутца аднымъ мѣстамъ и гаворить кавалю: „Батюшка, вотъ богатныя мѣста ли манеѹрнѹ!“ А царскій сынъ царю гаворить: „мѣста ета харошее и удобное: приказать бы распахать ета поля и засѣить льномъ-растуномъ: то-та былъ бы лень!“

Ѣдутъ далій. Падѣхали кѣ темному лѣсу.

Премудрый Саламонъ увидѣлъ толстый арѣшникъ и гаворить кавалю: „превасходныя даярвѣя! Изъ етихъ даярѣѹ вышли бы привасходныя ложи для ружій малимъ мальчуганамъ салдатамъ; а то мы терпимъ недастатокъ у ружьяхъ“. Царь же ета слышитъ и дивитца яго нибачайный смегливости.

Падъызжають яны кѣ сасновому дериву, царскій сынъ и гаворить царю: „якея діѹныя сосна! изъ етихъ сасонъ, пурубіѹши ихъ, можна выгнать много дегтю и пріабрѣсть угалыя; дегать бы пашоѹ на памазку фуръ, а вугиль на военныя кузницы!“

Царь пасматрѣѹ на свайго сына и улыбулся.

Царь атдаеъ приказъ Саламону, штобъ іонъ заўтри утримъ былъ къ яму ва дварець ни сытъ, ни галодинъ; ни голый и ни дѣтний, ни конный и ни пѣшій, и штобъ яму, царю, былъ гастинчикъ и не гастинчикъ.

Приказалъ имъ ѣхать дамой, а самъ вазвратился дамой.

Каваль и гаворить Примудрыму Саламону:

— „А вить сколько ня вяртись, а ня выкрутись атъ бяды и горя: ужъ видимыя дѣла!“

А Примудрый Саламонъ атвѣчаить: „ни рабѣй, казакъ: будишь атаманамъ! Што будить, то увижу!“

Саламонъ просить мать утварить къ заўтришнему дню кислю. Мать утварила кисель; кисель якъ-та ни удаѣся. Саламонъ сватиў яго ложки двѣ, да и досытъ. Сняў съ себе рубашку и абкрутиўся рыбачью сѣткою, паймалъ сабѣ варабейку, сѣлъ на казла и атправился да царя.

Царь спрашиить у Примудрыга Саламона: „Што ты сяводни заўтризвалъ?“ Саламонъ атвѣчаить:

— „Мать сварила кисельку, да ни ўдачна—укись!“

И гаворить: „я раза три, пять хватіў, да и досытъ: ни сытъ, ни галодинъ“.—Ну, маладецъ Саламонъ!

А ти привезъ жа ты мнѣ гастинчикъ?—„Привезъ“.

Выймаить изъ пазухи варобья, а варабей пыхнуў съ руки и палатѣў на комнатамъ царскимъ.

Тада царь пахвалилъ уси яго примудрыи увертки и атпустиў яго дамой.

На вутро присылаить царь сто яйцъ варинныхъ и приказиить кавалю, штобъ іонъ Саламону сказалъ, штобъ къ такому-та дню были цыпляты, а ня будить выпалнита приказанія, снмуть съ плечъ галаву Саламону. Саламонъ у ета время быў на поли, учіў стрелять свайхъ салдатъ.

Явиўся Премудрый Саламонъ, каваль и гаворить Саламону: „царь прислаў табѣ варинныхъ яйцъ и приказаў, штобъ изъ ихъ вышли цыпляты; а найсполнить приказаніе царя, слятиить съ плечъ и галава твоя“.

Примудрый Саламонъ въ атвѣтъ кавалю-батюшки:

— „Не бѣда! Спасибо парю, што яйцы прислаў: я ими заўтри свайхъ салдатъ пахристосываю“.

Забраў яйца у кателъ и атправіўся у поля.

— „Рабята! царь прислаў мнѣ 100 яецъ: палучайта каждый па яйцу и кушайта за здароўя царева“.

Премудрый Саламонъ, паўчiўши свайхъ салдатъ, насыпанъ у мяшки паринный гарохъ и вьзетъ на ниву сѣить, и пара трубой валить изъ мяшкоу и изъ сѣвалки. Царская прислуга идетъ къ Саламону за пискатыми, а Примудрый Саламонъ сѣить гарохъ. „Богъ у помачъ, Саламонъ Примудрый!“

Што ты ета дѣлаишь? „Гарохъ сѣю.— „А такъ можить, якъ изъ царскихъ варенныхъ яицъ могутъ выйти пискаты: кали мой паринный гарохъ узыйдить, тады и изъ варинныхъ яецъ выдутъ и писелятъ“.

Царская прислуга пашоу къ царю. — Што принесть пискаты?— „Я“, гаворить прислуга:— „Йда двара Саламоныва и дашоу. Иду къ Саламону, а iонъ сѣить на поли паринный гарохъ, изъ сѣвалки пара стаўбомъ валить. Гаварю яму:

— „Што ты, Саламонъ, сѣишь?“—Гарохъ. гаворить: до яице паринный.— „Я и гаварю яму: паринный гарохъ усхадить ня можить; а iонъ мнѣ у вѣ атвѣтъ: iонъ такъ же можить узайдить, якъ изъ варинныхъ царскихъ яицъ могутъ выйти циплаты. Я далiй съ Саламонымъ и тулкувать ни стау — вярнуўся“.

Царь присылаетъ Примудрыму Саламону сто валоу, штобы валы къ такому-та времени патялились, а ни пателютца — Саламону галава съ плечъ слятить. Саламонъ быу у поли.

Пришоу Саламонъ дамой, каваль-атецъ и гаворить:

— „Прислау царь сто валоу, штобы валы патялились. а ня будить исполнена приказанiе царя — галава съ плечъ слятить“.

— Ахъ, батюшка, не рабѣй. Спасибо царю за валоу!

Начинаетъ Саламонъ валоу рѣзать, свайхъ салдатикъ падекармливать, кожи у горади предавать, салдатикамъ амуниции и сапаги спраўлять.

Гвардейскаму сваяму палку сдѣлалъ Саламонъ усю красную адѣжу, 2-му палку усю бѣлую, 3-му палку усю черную. Саламонъ приказываетъ сваймъ салдатушкамъ: „мяне скоро будить царь казнитъ; — штобы первый поукъ мой гвардейскiй паспѣшу ка мнѣ на ражокъ; заиграю у втарой разъ; штобы явиўся втарой поукъ въ бѣлый адѣжи; а кали у третiй разъ,—штобы ямедленна аўляўся третiй поукъ у черной адѣжи“.

Приходить царскій посланецъ за валами и тилятами, Саламонъ замѣтіў яго издали, и гаворить сваяму батюшкѣ— кавалю:

— „Пализай скарѣй на печь и кричи тамъ: животь баить!“ Посланецъ гаворить Примудриму Саламону: „Здрастуй, Саламонъ!“ Саламонъ гаворить яму:—Здрастуй!— „Хто ета у тябе на печи кричить?“—А ета мой батюшка усхадіўся радить.— „Ты, Саламонъ Примудрый усѣ ты чудишь: мущины ня родють.“—А Саламонъ гаварить:—калі мущины родють, тады и быки тилать пателють.— „А дѣжъ быки царскіе?“—А спасѣба царю, што пуприслаў ихъ: войска маѣ накарміў и адѣў!..

Посланецъ, пришедши къ царю, разсказаў яму усѣ, што гаваріў яму Премудрый Саламонъ.

Узнаў Саламонъ, што яму ни здубрувать на свѣти, што царъ за валю яму ни прастить;—пупрастіўся съ кавалемъ— батюшкыи и тайкомъ ушоў изъ города, пришюў у дареўню и наняўся свиней паастивить.

Царъ узнаў, што Саламонъ ушоў изъ города; приказаў сдѣлать залатую карету и атправіў своихъ кучароў вазить ету карету па свѣту: пускай у свѣти цанўють люди, чаго стоить залатая карета, а хто луччій адѣвнить карету, тоґа узять и даставить къ царю.

Пасланцы їдутъ полимъ, вязуть залатую царскую карету, іонъ пригнуўся и заняўся необходимымъ дѣлымъ: ноў накладанть, а старъ выкладанть, на гарѣлыи корки злодііў пабиванть. Кучары и гаворють яму: „пастухъ, што ты дѣлаишь?“— На гарѣлыи корки злодііў пабиваю.— „Ти ня можишь ты цанувать карету?“—Чамужъ ни магу? Кали ни даяси, за ету корачку атдаси.

Кучары и гаворють: „етый пастухъ якей-та дуракъ: Ти можна жъ за ету корачку залатую карету атдать? Дешива цануишь, пастухъ!“

И пувязли карету ва дварець. Привязли карету и гаворють царю: „адинъ только пастухъ и адануваў твою залатую карету корачка!“..

Царъ асерчаў нямнога на свайхъ кучароў; „етый цѣнаўщикъ кареты быў Премудрый Саламонд; нада была яго брать и вестъ ва дварець.“

Царъ атдаєть приказъ атыскать Саламона и даставить яго

къ царю, Гарадовни разсылными сдавили Саламона и даставили къ царю.— „Ну, Саламонъ, полна табѣ мною уродавать: заўтри тебе на виселицу.“

Приказаў пригатовать виселицу.

Саламонъ и гаворить царю: „Батюшка царь, я ў одной пятли ни задаўлюсь, а сдѣлай двѣ пятли: одну дратяную, а другую шалковую.“

Приказана вьсти аго къ ишафоту; аго праважають и иштушка, и бабушка.

Саламонъ вищантъ: „пярэднія калясо лошаты вьзеть; а чаго чортъ задніе вьсеть?“ Царица гаворить:—ахъ, какой дуракъ Саламонъ! Устройства у калясахъ харашо: здѣсь тройня іость, и рисоры устроины, и связаны калесы накрѣпка.

Вазводють Саламона на ишафотъ. и прачитантъ указъ. царскій. Саламонъ просить царя дазволить яму у послѣдній разъ пувисалитца у дудычки пайграть.

Царь дазволилъ: „пайграй и пувисались!“

Саламонъ зайгралъ у ражекъ и придвинуўся красною тучю гвардейскій паўкъ къ Саламону на ражекъ.

Царь гаворить Саламону: „што ета красѣить?“

Саламонъ атвичантъ царю: „Ета красная туча іость моя кроў.“

Саламонъ зайграў во 2-й разъ во ражокъ, и надвинулася туча бѣлая. Царь гаворить Саламону:

—А што ета такая?— „Бѣлая туча іость слезы мои.“

Саламонъ зайграў яще у ражокъ, надвинулась темная туча. Царь спрашійтъ: „што такая?“—Ета туча іость смерть моя. —Саламонъ тутъ какъ зайгралъ у ражокъ, уси тучи сдѣлались салдатами.

Саламонъ сичасъ скамандывалъ сваяму войску: „узять царицу павѣситъ у дратяной пятлѣ, матку царицыну—бабушку у шолкавай!“ И павѣсили.

Царь гаворить Саламону: „Што ты ета сдѣлаў?“

—Свѣтъ вяликъ государь, батюшка мой родный, мене мать хатѣла стратить съ свѣту,—такъ я таперь яе стратіў. Мать моя на томъ свѣти за мене ни твичантъ, а я за яе гатоў атвичать и придъ taboo и придъ Богамъ. А бабушку павѣсѣў за то собственна, што ина усе знала, а вашій милости ни ска-

зала. Васъ, батюшка, знаѹ и уси ваши загадки разгадаѹ. прашу васъ мене выслушать.

„Въ адно время ганчаръ начуваѹ у кавала. У кавала ночью жирибила кабылица жирибенка.

Каваль и берегъ кабылицу, якъ ина будить жирибитца, но праспаѹ. Кабылица кавалева жирибилась, и жирибенекъ падбіўся падъ талѹгу ганчара. Ганчаръ гаворить кавалю: „жирибенка жирибили яго гаршки.“

А каваль гаворить, што жирибила яго кабылица.

Спорили, спорили, да и пашли на судъ къ вашій милости, а, якъ васъ дома тады ни було, то моя матушка — царица разсудала такъ:

— Калибъ жирибила жирибенка кабылица, то жирибенекъ быѹ бы съ кабылицю, а то жирибенекъ найденъ подъ гаршками; стало бытъ, жирибенка жирибили гаршки, и принадлежить жирибенекъ ганчару, а не кавалю. Я тады быѹ у чреви матери, чуѹ, якъ она разсудила, и сказаѹ:

— „За то бабы дошавы, што глупы, и што у жѣнщинѣ воласть длиннѣ, да умъ каротакъ.“

Мать-царица и тады жъ ище на мене разсирчала, и, якъ я радіўся, ина мене у прастьяну завярнула и отдала служанки снести мене ў рѣчку и затапить.

Служанка мене пажалѣла. Слышила ина, што у кавала радіўся сынъ у тымъ жа часи, якъ и я; — мене на гумни у саломѣ спрятала, а сама пашла къ кавалю и атъ имини вашига атабрала у яго сына и принисла къ моей матери-царицы; ина тогда рабенка и васпитала, а вы яго таперъ называють сынымъ. Каваль, атдаѹши сваяго сына во дворецъ, пашоѹ на гумно за саломой, пашоѹ мене у саломѣ, принесъ у свою хату и воскармиѹ мене.“

Царъ Саламона выслушаѹ и астаѹляють яго во дворцы, атдають Примудрому Саламону паловину своего царства. Царъ пасылають за кавалемъ, гаворить кавалю: „я сваяго сына Саламона узяѹ сабѣ, и ты бяри сваяго сына сабѣ.“

Каваль, пулучиѹ сваяго сына и привѣѹ яго у свой домъ: прислугу царскую за то, што ни затопила царевича у рѣчки, щедра наградіѹ Примудрый Саламонъ, а кавала наградіѹ деньгами, асвободиѹ атъ рякрутскій павинности и атъ усѣхъ падатей и сдѣлаѹ яго вольнымъ.

Абъ Саламонѣ.

Абъ царѣ Саламони, яго отцѣ, няѣрнымъ царѣ, бабушки, матушки, куз-
няцѣ, обѣ Саламоновыхъ памошникахъ: Ананѣ, Азаріи и Мисанѣ.

Въ нѣкоторымъ царстви, въ нѣкоторымъ гасударстви, жи-
бу царь, а нейзвѣсна какой, и была у яго царица, и была
ина красивая. Яшо ў нѣкоторый дареўни или сялѣ жили двѣ
удава; и було у ихъ па мальчику. Яны лягли спать и идна
изъ ихъ приспала сваяго рабенка, патомъ сряди noci прашну-
лась, да узила свайго ниживого мальчика и паделала къ той
удавѣ, каторая спала съ живымъ рабенкомъ, а у яе узила жи-
вого рабенка и падажила къ сабѣ. Патомъ ета удава прашну-
лась, пасматрѣть: мальчикъ ниживой. Тутъ ина загаласила и
пашла на улицу. Патомъ уходитъ ипать у хату, хатѣла яго па-
мѣть и прибрать, пасматрѣть: етатъ рабенакъ ни яе. Тутъ ина
и гаворить на ету удаву: „Што ты ета мнѣ сдѣлала?! Ета твой
мальчикъ, а ня мой: ты приспала. а мнѣ падажила!“... А ета
гаворить: Што ты ета на мяне наносишь? Ты сама такая соня.
— „Нѣтъ!“ гаворить: Я ни упушу свайго рабенка: мнѣ яго
жалка!“... А ина гаворить: „Ну, што хочишь дѣлай, а ета
мой сынъ!“ Вотъ яны и гаворють: „Ну, етага пахаронимъ, а
за етыга мы будимъ съ табою судитца“. Патомъ яны пахара-
нили етыга мертвага, а за етыга пашли судитца къ царю. При-
ходятъ яны къ царю и гаворить ета удава, у каторый маль-
чикъ живой: „Гасударь нашъ, батюшка, сдѣлайта мильсь: раз-
бярита вы наша дѣла! вотъ у етый удава буѣ мальчикъ, а у
мяне другой, то ина што сдѣлала: сиряди noci свайго дѣти
приспала и узила, падажила ка мнѣ ниживого, а майго жи-
вого узила къ сабѣ“. Вотъ яны спорили, спорили, патомъ га-
сударь и гаворить: Я ужъ ни магу васъ разсудить! Патомъ
приходитъ царица, а ина была бремнина атъ невѣрнага царя
етымъ самымъ Саламонимъ. Царица и гаворить: Ну, а вамъ
разсужу ета дѣла, будита ли вы согласны на мой судъ: вы
возьмита етыга живого рабенка и разрубита папаламъ!.. Ета *)
удава и гаворить:—Ежили вы судита рубить на двѣ части, то

*) Которой принадлежалъ живой мальчикъ.

пускай лучши ей увесь!.. Патомъ гасударь говорить:—Вотъ, вѣрна яе рабеныкъ, када ина ня хочить, штобъ яго на двѣ части рубили!.. А у царицы у брюхи етытъ самый Саламонъ сказаў на сваю мать: Б...ъ, по б...и и пагадавантъ! (За то, што мать сказала пупыламъ рубить). Ина сама сабѣ и думантъ: Ну, будить хорошій сахаръ!.. И думантъ сабѣ, какъ ба яго стратить! Када іонъ радіўся, то ина призывантъ повара и гаворить: Ну, я табѣ приказываю, штоба ты мнѣ етыга рабенка сгатуваў,—сичасъ раскладай агонь!.. Поваръ и думантъ, какъ можна ангыльскую душу гатувать, да ящо царьская калѣйна. Узяў забіў сабаку и аблупіў яго, а галаву прочь атрубіў, патомъ и затапіў печку, и сгатуваў. Паслыхаў, што ў аднѣй дярѣўни радила кузняцова хозяйка, то іонъ паслаў туда етага рабенка и приказаў ей: „Скажи, што пару радила!“... Такъ ина и сказала. Патомъ призывантъ іонъ къ сабѣ лакея и гаворить: „На, няси царицы етыга сабаку и скажи, што ета рабеныкъ, а, голыву, скажи, што утащили сабаки“. Вотъ іонъ приносить етага сабаку на падноси къ царицы. Ина и спрашінтъ. А галава идѣ? А іонъ гаворить: Какъ я къ вамъ нѣсь, только у кухни съ крыльца саскачіў, а галава и звалилась. Аткуда быўши сабака и схватіў. Вотъ ина и гаворить: „Ну, сабаки сабачія и честь: чимъ араў, тымъ и падавіўся“. Патомъ царица ўзнала, што кузнячиха радила пару дятѣй, то ина, штоба яе мужъ ни ўзнаў, паслала сваихъ вѣрныхъ слугъ, штоба у етнѣй кузнячихи узятъ аднаго рабенка. А поваръ приказаў ей, штоба ана ни атдавала ей тога рабенка, каторага іонъ ей перидаль. Тада ина узила и атдала свайго сына, а етыга воспитанца аставила сабѣ. Патомъ етнѣй воспитаникъ ростъ, да ростъ, вырась ужъ парядашный, такъ, што ужъ и каней могъ вадить пастивить. Ну, какъ іонъ Саламонъ примудрый,—то іонъ и давай заниматца военными дилами. Бувала, пувядетъ коніи пастивить; патомъ и давай тамъ учить мальчику. Вотъ іонъ такъ училъ нѣскалька ўремя, патомъ одинъ разъ такъ учіў, учіў, такъ што аднаму мальчику и галаву атарваў прочь. Патомъ падали жалабу царю на етыга Саламона. Гасударь требуйтъ яго къ сабѣ и гаворить яму: „Ну, што, братиць, какъ ета ты могъ сдѣлать такъ, што и галаву атарваў прочь?“... Саламонъ и гаворить царю: Ваша вяликия ампиратарства, што жа мнѣ дѣлать съ дуракомъ?—вить сами вы знатя, што за

аднаго чилавѣка ўчинага дають десить научинныхъ и то ни баруть!.. „Праўда!“ — гаворить гасударь, стаў яго хвалить и гаворить яму: „Старайся, братъ: я тябе за ета публыгыдарю“... Черизъ нѣскалька ўремя гасударь слышитъ пра Саламонави нѣдрости, пасылаить іонъ сваихъ вѣрныхъ слугъ къ яму и приказаў: „Штоба вы привяли тога самыга кузница, у которага находитца сынъ Саламонъ: то іонъ сильна примудрый!“... Яўляйтца къ гасударю етытъ самый кузнецъ, вотъ гасударь и гаворить на етыга кузница: „Во братъ, што я табѣ приказываю и прашу: дамъ я табѣ двадцать яецъ вароннихъ и штоба съ етыхъ яецъ вышли типляты!“... Нясетъ кузнецъ еты яйцы и скучаить, принесъ дамой. Вотъ Саламонъ и гаварить: „Ну, што ты, батюшка, скучаишь!“ — Да какъ жа мнѣ ни скучать? разни можна ета сдѣлать, што мнѣ гасударь приказаў; — штоба зъ вароннихъ яецъ вывистъ типляты?... А іонъ и гаворить: „О, батюшка, ни рабѣй! Ета намъ гасударь прислаў закуску: а съ етымъ дѣлымъ спраўлюсь!“... Вотъ іонъ даждаить тога ўреня, када гасударь прйшлитъ за цыплятыни. Падходить тотъ день, Саламонъ и гаворить на атца: Батюшка, ты сяводни куда-нибудь увайди!.. Вотъ іонъ запрөгъ лошадь и паѣхаў у другую дареўню. Прйѣхали атъ гасударя вальможи за типлятыни, а Саламонъ гаворить: „Ахъ Божа мой, батюшки майго таперъ нѣтъ!.. Мае вы галубчики, прйѣдты вы другимъ разымъ, а ня то я самъ вамъ придастаўлю етыхъ типляты!.. А таперъ я вамъ ихъ ни магу дайжа паказать, патаму, сами вы зпанты, атца майго сляни нима, типляты замкнуты, а ключи у яго“. Патомъ ети посланныя атпраўляютьца и гаворють: Послушай, братъ: какъ ты чилавѣкъ мыладѣй, а мы пастаршій тябе, то ты прйшли нахъ атца свайго съ типлятыни!.. Патомъ яны паѣхали. Ну, какъ Саламону доўга думать нечига, то іонъ и гаворить на атца: Ступай къ царю и скажи, што типляты вышли: толька ни вамъ сматрѣтъ и ни намъ паказывать. Патомъ гасударь и гаворить: „Ну, какея бы не были, да мае, — зачѣмъ ты ихъ ня прйнесъ!“ А іонъ гаворить: Ваша вяликия ампирадарства, яны саўсмы падохли на ѣмши. Патомъ царь требуить сваихъ слугъ и гаворить: Ну, слуги мае, во што я вамъ приказню: сваритя вы нѣрку гароху и атдайтя кузцяцу: пускай іонъ яго пасѣить и выварить сваихъ типляты. Вотъ іонъ узяў етый гарохъ и вязетъ яго дамой и сильна гарюить. Пришоў дамой и думантъ самъ сабѣ:

што тутъ будить? Приходить Саламонъ и гаворить на яго: Батюшка, што ты такъ сильна задумаўся? А іонъ яму ня 'твѣтіў ни слова и заплакаў. Батюшка, чаво ты такъ сильна плачешъ? А іонъ яму и гаворить: „Божа мой, Божа, таперь мы съ табомъ прапали на вѣки! Даў миѣ гасударь мѣрку гароху, штоба яго пасѣить и типлять выкармить, да ящо и варинага; то самъ ты знаишъ, сыночикъ: типлять у насъ нима, и гароху ня будить: какъ можна варинному узайти?“.

—Ну, малчи-ка, батюшка, ни таранись сильна: мы съ табомъ ети яйцы паѣли и гарохъ паядимъ, а я съ етымъ самъ пау-праўлюсь.

Патомъ яны узали и гарохъ етытъ паѣли, патомъ етытъ Саламонъ купиў сабѣ гарниць гароху и гаворить на атца: „Ну, батюшка, ты атставайся дома, а я пайду!“ Только приходитъ тотъ день, у каторый гасударь абищаўся пріѣхать за типлятами, тоі онъ узяў съ сабою каталокъ и пашоў па дароги, куда будить ѣхать гасударь; іонъ када етнй дароги завѣсіў каталокъ и усныаў ў яго гароху и давай варить,—то и дѣла памѣшиваить.

Їдить тѣю дарогую самъ гасударь и спрашнить у яго:—Што ты ета дѣлаишъ?—А іонъ гаворить: „Ваша благородія, гарохъ варю!“—На што?—„Буду заўтри сѣить.“—Што ты адурѣў? Іонъ жа ни ўзыдеть!—А іонъ гаворить:—Ваша благородія, намъ прислаў гасударь варинныя яйцы и варинный гарохъ, то, вѣрна, типляты ня будутъ съ тыхъ яецъ, а тотъ гарохъ, вѣрна, ни ўзыдеть.“—Патомъ астанавіўся тотъ гасударь и думанть самъ сабѣ:—да я ни харашо сказаў!—патомъ и гаворить на кучира:—Заварачивай лапашей дамой! и паѣхаў.—Патомъ черизъ нѣскалька ўремя паслыхалъ пра Саламона ипать падобныя нѣкатырныя штуки: Стау іонъ на дярѣўни вайска призвадить, стаў іонъ народъ абучать лѣ военный павинности. То гасударь посылаить своихъ слугъ или вальможъ:

—Паизжайта: идѣ найдета Саламона, то видить яго ка иѣ!.. Вотъ яны и паѣхали; ѣхали, ѣхали, падъизжають близка къ дярѣўни, пасматрѣли на лугъ: тамъ мальчики пасутъ лапашей. Яны падъѣхали близка къ имъ, а протіў ихъ бальная и широкая лужа. Думали яны, думали, якъ тутъ лужу пиряѣхать: глубока ли ина, или нѣтъ?

Яны и гаворють: „дай спросимъ у етнхъ мальчнкыў: идѣбъ намъ пиряѣхать:—“Яны и спрашивають:—“А што, мальчики, глу-

бока ета лужа? — А Саламонъ выбигантъ къ имъ и гаворить: „Ина ни глубока, ни мелка, а будить сто пакалѣнь!“ Утарапились яны и гаворють между сабою: — Да, сто пакалѣнь — ета глубина парядашная. — И варатились назадъ. А сто пакалѣнь ета глубина ни слишкомъ большая: какъ угонишь сто скатинъ, то каждый будить на калѣни, — такъ ба и имъ была.

Вотъ яны приѣзжаютъ къ гусударю и гаворють: — Ваша великия ампиратарства, мы да той дареѹни ни даѣхали. — „Пачаму такъ?“ — А тамъ была лужа, сильна шурака и очинь глубока. Намъ сказаѹ мальчикъ, што будить тамъ сто пакалѣнь. — „Ахъ вы, дураки!“ — гаворить на ихъ гасударь: — „Ета самый Саламонъ: вамъ нужна была его брать!“

Патомъ и приказаѹ іонъ имъ: — „Ну, паизжайтя жа вы ипать, вазьмита мою самую хорошую карету; то вы, какъ будить ѣхать када тыхъ мальчикуѹ, то сматрится, каторый изъ ихъ, даражѣй апанить мою карету, таго и возьмита: то будить самый Саламонъ.„ Вотъ яны узали и ипать паѣхали; паѣзжаютъ ближи къ етымъ мальчикамъ и гаварють на ихъ: — А што, рабятки, ти хараша ета наша карета? — А яны гаворють: — Ахъ, мае вы дядинки, ваша карета дужа хараша! — Патомъ яны и гаворють: — „А што, дорага ипа стоитъ?“ А Саламонъ паѣбигантъ и гаворить: — Нѣтъ, ваша благородія: ваша ета карета ни дорыга, ни дешива, а какъ ни паѣяси, то и за гарѣлую скаринку атдаси! — Патомъ яны ипать дамой паѣхали. — Ну, што? гаварють: — Нихто дорага ни апаніѹ! — Патомъ приѣзжаютъ къ гасударю и гаворють: — Ваша ампиратарская величества! Аднѣзъ только сказаѹ:

— „Ни дорыга, ни дешива; а какъ ни паѣяси, то и за гарѣлую скаринку атдаси!“ Гасударь и гаварить: „Ахъ, вы, дураки; ета самый іонъ быѹ, — нада було яго брать!“ Патомъ гасударь и гаворить: — Ну, призавита мнѣ яго атца кузница! Патомъ сейчасъ къ кузнецу паѣѣстка: — „Штоба быѹ къ гасударю!“.. Иѹляйтца етѣтъ кузнецъ къ царю. Вотъ царь и гаворить — „Ну, братъ кузнецъ, харошій ты мнѣ чилаѣѣкъ! послужи вти мнѣ службу: приказываю я табѣ, штоба ты мнѣ придастаміѹ свайго сына: мнѣ бы хатѣлись съ имъ пра што нибудь пагазипить.“ — Кузнецъ приходитъ дамой и гаворить: — Ну, сынъ, гасударь тябе што-та требуютъ. — А іонъ сичасъ пишить къ яму рисьмо: — „Ваша великия ампиратарства! Я ни магу къ вамъ я-

шой идить, а я буду къ вамъ на конницы; извольте пригнать мнѣ лошадей станки, штоба была ў адномъ бряўни сто станкоў. — Государь думаў, думаў, пашоў къ своимъ синаторамъ, какъ тутъ примудритца, штоба ў адномъ бряўнѣ сдѣлать сто станкоў: синаторы ни магли етыга дѣла расхлѣпатаць. Такъ и аставили; сдѣлали сто станкоў для лошадей. А іонъ што сдѣлаў? Сабраў сто мальчыкѣў и даў имъ усимъ па кѣбчку; каждый мальчикъ сѣў на кѣбкѣ и паѣхали къ царю съ Саламонымъ. Тутъ етымъ лошадямъ ни бальшея и станки нада: убіў-ба ў адно бряўно сто колицыкѣў и анѣ бы пумястились. Вотъ іонъ прінзжаить къ государю съ сваей конницею. Государь удивіўся такой примудрысти. Патомъ царь пашоў у садъ прагуляцца са своимъ сыномъ, каторый быў узять у кузница, а Саламонъ тожа у слѣдъ за нимъ. Патомъ шли яны, шли, даходють да сирадины сада; государь и гаворить на свайго сына: „А штоба ў етымъ саду можнѣ сдѣлать?“ А іонъ, канешня, какъ мужикъ, хамъ, знанть только саху да барану; а садъ тотъ стоить, можить быть, нѣскалька тысячъ или милліоноў, то іонъ и гаворить: „А калі бъ яго вырубить, то была ба такая мѣста хлѣбапахатныя!“ Тады царь гаворить Саламону: „Ну-ка, разсуди, што мнѣ ў етымъ саду сдѣлать?“ Вотъ Саламонъ и гаворить: „Ахъ, ваша ампиратарская высочества! Здѣсь мнѣшанть только адно дерива, а то ба можна сдѣлать такую харошую баттарею, а мѣста мнѣ наравится, — ни знаю якъ вамъ! Ежли бъ вашу яблынь срубить, то была ба харошая батарея и мѣста харашо!“ Патомъ государь узяў и прагнаў свайго сына изъ дому. „Вонъ!.. Какъ ты могъ такъ сказать, штоба такой харошій садъ вырубить на пахатную землю, каторый мнѣ стоить милліоны, а вотъ Саламонъ сказаў очинъ харашо: ета яго дѣйствительныя праўда!.. „Патомъ іонъ яго выгнуў изъ свайго царскыга дварца вонъ, а съ Саламонымъ стаў жить, какъ са своимъ роднымъ сыномъ. Патомъ іонъ Саламону атдаў усю сваю давѣрію. Нѣскалька ўремя яны прожили, патомъ Саламонъ удаліўся къ своимъ вайскамъ упраўлять тамъ своими назначинными дѣлами. Патомъ и пупались къ яму плотники или ахотники: Ананій, Азарій и Мисаиль. Вотъ яны и давай заниматца разными пастройками. Строили яны па гарадамъ и пу пачотнымъ снѣдъ, патомъ яны какъ-то и пупали ў адъ; тамъ ихъ и затварили“. Ну вотъ када я прапаў, и са мною три брата: Ананія, Азарія и Мисаиль! гаворить Саламонъ. Патомъ приходють черти и да-

вай кала ихъ ужъ пахарашиватца и гаворють: Ну, таперь нашъ Саламонъ Примудрый: какъ ня быу мудиръ, да нуауся къ намъ ў адъ!.. Вотъ іонъ и гаворить: „Ну, братцы, што мы таперь будимъ дѣлать?“ Ну, какъ Саламонъ сильна мудиръ, то іонъ и гаворить: „давай-ка мы тутъ выстраи́мъ саборъ!“ И давай ужъ размирать тамъ аршиннымъ: „Во тутъ будить саборъ, а во тутъ будить пристоль“. И давай яны разсужать ў ади, и гаворить Саламонъ на Ананію: „Ты будь каваль; а ты, Азарія, будь сталаръ, а ты Мисаилъ, будь плотникъ! А я буду вашъ рядчикъ!“ Патомъ выстраи́ли яны тамъ кузню и давай кувать, а Мисаилъ давай размирать аршинамъ, идѣ што нада строи́ть. Вотъ ети черти сматрѣли, сматрѣли, и гаворють: Ну, што мы будимъ дѣлать? Яны насъ и атсюда выганю́тъ! Пайдемъ жалитца свайму старшину!.. И пашли; а Саламонъ съ Ананією давай кувать тоўстѣй ланцугъ. Патомъ, скуваўши етѣй ланцугъ, ўбили кальцо сиради кузни у столь и сдѣлали яны двѣ брызготачки на етымъ кальцы. Патомъ идеть самый старшій чортъ, такой сивѣй и такой, страшный, што и глядѣть нильзя; вотъ іонъ падходить къ имъ и гаворить на ихъ: Што вы тутъ дѣлаі́те, ета ни ваша мѣста! А яны гаворють: Падайди-ка къ намъ! Чортъ падайшоу. Яны и гаворють на яго: „На-ка, пашавали етими калечками!“ Іонъ и давай за еты калечки брызжеть, а яны цапъ яго етымъ ланцугомъ и давай кувать: „Куй, рибаты!“ криенуу Саламонъ. Такъ яны ували яго и закували, и таперь іонъ сядить закованный и ўсѣ грызеть етѣй ланцугъ. Какъ приходить праздни́къ Христоу день, то астаецца яму грызъ нямнога: чуть-чуть какъ ни пиригрызеть; но какъ и скажуть на Христоу день у цереві:—„Христось Вакреси!“ „То етытъ ланцугъ астаецца ипять на сваёмъ мѣсти: усе раўно, што грызеть, што и ни грызеть. Такъ яны и вышли изъ ада: Саламонъ, Ананія, Азарія и Мисаилъ; пришли у свае царства, стали яны на прежниму житъ и заниматца свайми дѣлами, а гасударъ стау имъ радъ, какъ сваймъ дѣтѣмъ. — Какъ пожили яны нямнога, и стала имъ заниматца нечимъ: вайска ихъ стали испраўна. Патомъ Саламонъ и гаворить на свайхъ братію: Ананію, Азарію и Мисаила;—Што я хачу сдѣлать? пайду и пувѣдаюсь са сваёю родною матирью!—(А ина жила съ навѣрнѣмъ царемъ у чуждѣй зямлі). Яны и гаворють:— Да, ета бы було ня дурна! — Только мы знаимъ, што табѣ аттуда живому ни

зварятца.—А іонъ и гаворить.—Можить быть, я аттуда живой ни зварацусь; а можить быть яны живеза ни атстанутца!—И приказавъ, штоба яго вайска стыяла на каравули строга и джражали цѣпъ вѣрна.—„А я съ сабою никакихъ припасуъ ня буду брать,—толька вазьму адинъ ражокъ, бизъ каторыга я ни магу и аднаго часу быть“. И гаворить: „Сматрять жъ: какъ я первый разъ пратрублю то вы сабирайтиса ў паходъ; другой разъ пратрублю, садитиса на коніи; третій разъ пратрублю, лятитса на каняхъ безатмѣнна, каситса па дароги ўсякую травинку, штоба нашъ пакося быў чистъ и штобы были ка мнѣ!“ Приказавъши ета, іонъ паѣхаў у чужой царства, идѣ жиў нявѣрный царь са яго матушкаю родныю.—Черизъ нѣскалька ўрѣя пріѣхаў іонъ туда: нявѣрныга царя дома нѣту, а застаў іонъ сваю мать и ящо нявѣрныга царя мать (ужу старинькую). Вотъ іонъ, якъ пріѣхаў у дварець, такъ, никаму ни слова ни гаворя, пашоў прѣма у комнату. Приходить іонъ у комнату и гаворить:—Зрастуй, драгацѣнная матушка! я ужу даўно сабираюсь къ вамъ у гости пріѣхать!—Ина и гаворить:—Милости просимъ, мой любимый сыночикъ!... Патомъ и спрашѣть:—„А гдѣ жа вашъ сѣпругъ, ябы хатѣў зъ имъ павидатца?“ А ина гаворить:—Да паѣхаў куда-та у сваю вармю.—Патомъ ина и гаворить:—„А мой ты сыночикъ, якъ пріѣдѣть мой нявѣрный царь, іонъ тябе и зарубить“. Толька ина ета сказала, а іонъ стуеъ и пріѣхаў. Ина и гаворить:—А Божа мой, куда мнѣ тябе дѣтъ?—Атвараида ина большой сундукъ и гаворить:—Пализаў у сундукъ!—Патомъ етѣтъ нявѣрный царь уходитъ у комнату. Вотъ ина и спрашѣть:—А што ты, ѣздилъ па разнымъ старанамъ ни слыхалъ ли ты пра Саламона?—А іонъ гаворить:—Да, ахъ, какой воинъ и багатырь, а какая у яго примудрысть!... А ина гаворить: „Да какой ни багатырь, какой ня вумный, а таперь падъ бабскую ж... ю садить“. Какъ такъ? Можна жъ таму быть: такому вумнаму и напасть падъ бабскую ж...у?.... А ина гаворить:—такъ вотъ іонъ падамною, у сундуки садить!“—Пакази! Вотъ іонъ пасмотрѣть:—правда! Сичасъ тутъ яго закували ў залѣза и ни дають аму ни пить, ни ѣсть. День яго праджаржали и другей, а на третій день день яго вядуть на висилицу. Абступили яго вайска нявѣрныга царя, самъ царь идѣтъ, мать яго идѣтъ, и мать нявѣрныга царя идѣтъ. Вотъ іонъ пириварнуўса, узлянуў и гаворить на ету старушку: „ѣускай пярѣднія

катки конь вязеть, а заднія чаво чортъ нясеть?“ А ина и гаворить на яго: „Ну, ступай, ужу, ступай, када пунаўся ў нашы руки!“ Патомъ падводюць яго къ висилицы, а тамъ пилля ўжэ сдѣлана; іонъ и гаворить: „Пазвольта, гаспада, што я вай буду гаворить! вы мнѣ дѣлайта ящо двѣ пятли, а то я на аднэй ни пависну, Вотъ етытъ нявѣрный царь приказаў яшо сдѣлать двѣ пятли: патомъ и гаворить:—Ну, давольна съ табе будить.

— Да, давольна!—гаворить Саламонъ.—Ну, таперъ пай-
жай!—Вотъ іонъ палѣзъ. стаў на первую пятлю и гаварить;—
Дайта мнѣ, рибаты, у трубачку патрубить, атца зъ матирью
пумануть: вотъ мая жисть канчаитца!—Вотъ іонъ первый разъ
патрубіў—усё войска сбирантца; патомъ стаў на другую пятлю
и гаворить:—Пазвольта, гаспада, другой разъ патрубить, атца
съ матушку пумануть: мяя тутъ жисть канчаитца!—Во паку-
да была слава Саламонова!.. Вотъ іонъ другой разъ патрубіў,—
уси вайска яго на коніи пасѣли, уси гатовы. Патомъ ўдѣзъ
іонъ у третію пятлю и гаварить:—„Пазвольта мнѣ, гаспада, у
третій разъ патрубить, атца зъ матушкю пумануть: тутъ мяя
жисть канчаитца!.. Патрубіў іонъ у третій разъ, какъ на-
тѣли яго войска, какъ начали паласкать, а іонъ ета ўсе ви-
дить. Патомъ и гаворить:—„Ахъ, нявѣрный, ты, царь, дуракъ,
какъ ты многа сѣишь пшаницы, а убирать некаму,—лянисся!..
Пасматри ка назадъ, какъ мае голуби пшаницу падбирають, такъ.
што аднаго и зернушка ни брасають!“—Пасмотрить етытъ ня-
вѣрный царь: толька самъ, и яго мать, и яго любоўница, а то
усё пабиты и пакошины, у вучи пасложины. Вотъ іонъ сп-
зантъ съ пятель, патомъ у адну пятлю залажіў сваю матушку,
а ў другую нявѣрынга царя, а ў третію нявѣрынга царя ма-
тушку, матушку старуху и гаварить старухѣ:—„О табѣ гаварі:
пускай пярэднія катки конь вязеть,—да зачѣмъ чортъ заднія
нясеть?“—Вотъ и табѣ асталась адна пилля!“—И ету павѣсіў.
Патомъ самъ и паўхаў у сваё царства, стаў жить да паживать,
какъ и ў пяредъ жиў. Сколько не была у яго ўрагоў, усіхъ
іонъ пярэжіў и мать сваю павѣсіў; за то іонъ и проклятъ стаў:
праўда гаворитца: пакорную галаву и мечъ ни бярець.

№ 33.

Купецъ увозить прачку на карабѣ. Яе мужъ и сыны шукали яе, да разблудились па разнымъ вастравамъ.

Па случаю прачка съ купцомъ и радня яе сходятца умѣств, купца къ разстрѣлу присудили.

Съ заграницы купецъ прѣвѣзжаеъ къ портавому горыду, па-сылаеъ прикащика свайго атыскать харошую прачку бѣльѣе пиримыть.

Прикащикъ пашоуъ у горыдъ; показали яму харошую прачку. Онъ спугался той прачки: думалъ, што ета барыня какая или асоба: красавица изъ себе. Приходитъ апять назадъ къ купцу и гаворить: „кала мине пасмѣялись вѣрна: паказали мнѣ прачку,—яеъ пришоуъ пасматрѣть на няе, ета ни прачка—ета какая ни на естъ асоба разадѣтая“.—И гаварить хазяинъ прикащику: „ты дуракъ, атчаво ты ей ни сказалъ ета?—Харошая прачка!“

Пашоуъ втарой разъ за ней и гаворить, пришоуши, ей:—Просить купецъ притить въ карабъ, забрать грязныя бѣльѣ, пиримыть и павыгладить.—Прачка идѣтъ немедленна у карабъ. Купецъ на яе красату и умъ улюбился въ няе, ана забрала все грязныя бѣльѣ, панесла дамой, пиримыла, перигладила и пасылаить свайво мужа: „пади въ карабъ, скажи купцу, што бѣльѣе готова! Вотъ сколько денныхъ заработала—пришлится прикащикомъ, бѣльѣе получить!“

Отъ и гаворить мужу яе купецъ: „штоба принисла ў карабъ сама прачка!“ А када принесла ў карабъ, такъ началъ пири-сматривать бѣльѣ, а рабочимъ приказалъ, штоба атправить карабъ у путь.—Расчиталась прачка за бѣльѣе и гаворить:—благодарю, прашай!—Онъ ей атвѣчаетъ, купецъ:—Куда жъ таперича, што мы ужъ далеко очень у пути. — А што жъ мнѣ таперъ дѣлать?

— „А таперича будишь мня, а я буду твой!“

Ина атвѣчаетъ:—какъ жа мнѣ быть: у мяне астался мужъ и пара сынавей?

— „А таперича не бросисся у моря, — будишь жить са иноу!“ Приходитъ мужъ прачкимъ спрасить у свайхъ мальчи-шекъ:—а гдѣ жъ мать?—„Панесла у карабъ бѣльѣе.“ Онъ пашоуъ на пристынь, пасматрѣть: ужъ карабля нѣту, ужъ тамъ

и слѣдъ прастылъ, и жану увѣвъ купецъ. Тагда онъ абратился апять въ горыдъ, нанялъ лѣгкую шлюпку, забралъ сванхъ сынавей и 'тправился вслѣдъ за караблѣмъ, штоба нагнать свая жану. Аткуда ўзилася свирѣлая буря, волны, и разбили ево шлюпку и разблудилися на три острова: атецъ на адинъ острѣу, и еты на разнымъ астравамъ.

Въ скорымъ времени ихъ нашли на астровахъ.

Прачкинъ мужъ думалъ, што сыновья ево пазалилися, а сыновья думаютъ, што онъ залился, и знайдены аны по разнымъ мѣстахъ.

Атецъ жа предѣлился въ царскимъ дворцы въ малую должность; сынавей знапомши, атдали ихъ въ салдаты, и ане друхъ друга ни знаютъ; всѣ атчаиваютъ, думаютъ адинъ пра другова, што тотъ залился, и тотъ залился,—и ане всѣ живы.

Черезъ нѣскалька время пріѣзжають етытъ жа купецъ къ етому горыду и съ жаною и съ прачкою.

Жена жъ яво пашла на горыду и атчала: думала, што нѣтъ ни сыноу, нѣтъ ни мужа.

Санилися два салдаты и начали межда сабою разгаваривать, а прачка у близи стыла и паслышила. Салдаты гаварятъ: „здрастуй, зимлякъ! какова, зимлякъ, горыда?“—Я такова-то горыда.—„Атца жъ твайво чѣмъ звали?“—Вотъ тѣмъ-та.—„А мать“.—А мать вотъ тѣмъ звали.—„Ахъ братицъ, и майво атца тѣмъ звали и мать—мы съ табою братья!“

—А идѣ жъ нашъ атецъ?—„А, вѣрна, залился!“ А мать, ета паслыша разговоръ, ублизы стыявши, и пришла къ нимъ, начала ихъ цалувать: „Ахъ, вы, мае сыночки, а гдѣ жъ ваши атецъ, а мой мужъ?“ Мы тада паѣхали въ легкый шлюпкѣ вдагонь за вами.—Купцу дали знать въ карабль, што твня купчиха цалунтца, съ салдатами абниматца.

Купецъ, какъ прибѣжалъ, такъ яе въ уха ударилъ: „непатребная ты женщины, смѣла ты съ салдатами цалуватца и абниматца?“ Сейчасъ яе приказалъ посадить и присудилъ яе къ разстрѣлу.

Толька и гаварятъ начальства:—Приказана тибѣ разстрѣлить.—Ана и гаварить:—„дапуститя миане до цара!—ня то, што разстрѣлять,—тагда хучъ пу кувалку маѣ тѣла парубить!“ Дайшло ета дѣла да самаво цара, патребовавъ на лицо. Ана рассказала, што я невинна етому, штобъ я чужихъ салдатъ

цалувала: а ета ^{маи} сынавьѣ, а етнѣ купецъ не мой мужъ: онѣ мине увѣръ ничаянна—обманымъ,—мой мужъ вотъ такой-та.

Патребовалъ купца и атыскалъ яё мужа (онѣ былъ при дварцы), и началъ спрашивать у купца: „ета твѣя жина?

— Мья.—Ана-шѣ атыскала яе сынавей, каторыи въ салдаты атдадины.—Ета ти твае сыннѣвѣ?—Нѣтъ.—„Дакъ, какжа ета яе сыннѣвѣ, а твае ни сыннѣвѣ?“ Значить, пы времени, патребовалъ прачкинава мужа и спрашиваетъ: „твае ета сынавьѣ?“—Маи, такова-то горыда.—Какъ увѣзъ купецъ жану. мы поплыли вслѣдъ за нею, и свирѣлая буря разбрасала насъ; мы не вѣрили адинѣ аднаму, атчаявали, што мы пазаливши.

Патребовалъ онѣ ету прачку, спросилъ:—твой ли ета мужъ?—„мой, сынавьѣ маи“.

Тада на етыга купца гаварить:—Што жѣ ты ета сдѣлалъ, што ты разбилъ семейства беззаконна? Какъ ты судить къ разстрѣлу называющую сваею жаною, но ана ни нашлась твая жана, дакъ вотъ къ етому присутствію самъ долженъ пулучить етнѣ судъ.

Ж 34.

Абъ Андреи Критскимъ.

Купецкій сынъ пущинъ бабкыю у карзинки на рякѣ, прплылъ къ женскому монастырю, воспитанъ монашвами, уйшоуши аттолѣ, забіу, на маткѣ жаніусѣ.

Матка узнала яго па шраму—развяли ихъ законимъ.

Жилъ купецъ са сваей жаной. Купчиха забреминила и мучилась родами и здѣлала ина абищаніѣ: када Бохъ распрастае яе, родить ина—тады етыва рабенка, штоба йстратить.

Радила купчиха и приказала бабки, штобы рабенка зарѣзать, у карзинку палажить и пустить на ряку, а бабка яво пажалѣла, палажила на няво табличку съ надписью: „съ таковой та города пущинъ на рякѣ младенецъ“.

Младенецъ на вострывъ прплылъ. На вострови былъ монастырь дѣвичій.

Монашки, мѣиши бялѣлѣ, и паймали маладенца; узали, начали воспитывать; воспитали да симнацыти лѣтъ; у монастырѣ аткрылся блудъ.

Яво съ монастыря прагнали. Іонѣ пашолъ у етнѣ самый

горыдъ, изъ которыва былъ пущинъ маладеццымъ ни раяѣ. Приходитъ къ самшму свайму атцу.

Атецъ яво ни знаятъ, што іонъ яму снѣтъ, наймантъ яво калауриць саду и далъ яму ружжѣ:— „Вотъ табѣ ружжѣ“.

И'тдалъ приказъ:

— „Два разъ спраси, хто такей у майнѣ сади, а ў третій разъ, када іонъ ни твѣтитъ, валай зъ ружжа на мой атвѣтъ“.

Іонъ и пайшолъ, взявши ружжѣ, и калаурилъ саду нѣскальки начей, и захатѣлъ купецъ палюбапытствывать, яго сторижъ ти вѣрна стирягетъ садъ, и пайшолъ купецъ у садъ.

Работникъ кричитьъ адинъ разъ: „хто такей?“

Іонъ другой разъ кричитьъ: „Хто такей?“

Іонъ ни твѣтилъ ничаво; работникъ хазяина зъ ружья и забилъ. Такъ конецъ яму.

Застаетца работникъ жить у етымъ доми и съ приглашеніи ближнихъ сусѣдѣ, штоба етыва самыва работника принять у зити.

Жанились.

У снѣ, када іонъ былъ раздѣвши, жонка сощупала шаранъ на шнѣ (а ета бабка ужъ ризанула яго троху, а потѣмъ адумалась).

Спрашнѣтъ: „Аткуда етытъ шрамъ?“

— А ета я ни знаю, а толькы я былъ у такеймъ манастыри, у карзинки; мене тамъ воспитали, а послѣ атверыласъ нипріятность у манастыри. Такъ мине аттеда прагнали,— и вотъ вамъ доказательства: и табличку нашли са мною.

— „Пакажи жъ ты мнѣ ету табличку“.

Іонъ показалъ. Пасматрѣтъ кунчиха, и дагодалась.

Развали ихъ тада закономъ.

№ 35.

Ибъ Андреи Привазваннымъ.

Мать младенцымъ яго, у бочку засадѣвши, на моря пустила, патаму іонъ ипца ва чреви матери абъявіу: атца забью, на матки жанюся. Изъ бочки самъ Гаспотъ яго спасъ и воспиталъ сваймъ духымъ. Атца па случаю забіу, на матери жаніуся. Старинькій папокъ запираетъ яго у манастырь ли пакуты, ключъ у моря кидаетъ. Трицать лѣтъ апасля вымають ключъ изъ нутра рыбы, атирають Андрея—іонъ жиу. Разымъ са стариньнымъ папкомъ приростаюся.

Была жэнщина беременная на дняхъ.

Рабѣныкъ у чреви яе прарячіу за троя сутыкъ, какъ яво радить: „Батку убью, матку за сябе замужъ вазьму!“ Ина

ета ужаснулася:—Чимъ-ся ты мяне будишь бить — мяне някто ня ўвидить, какъ я тебе паражу, ды на синее моря знаясу!..

Якъ парадила, у бѣлую палѣнку увяртѣла саўсѣмъ, приходить къ морю: бочка стаить; ина и палажила яво у бочку, бочка подплыла съ нимъ у чужей край, у чужей земли.

Какъ прѣхаў іонъ къ берегу, стаў іонъ маладецъ большой (самъ Гасподь питаў яво своимъ духымъ и гадуваў и кармиў).

Стали яво спрашивать у чужихъ зимляхъ, якъ твае йминня, чимъ радитиліў тваихъ завуть.

Якъ іонъ йминня свайго ня мохъ назвать, то акрестили яго законимъ.

Многа ли мала пражіў, саскучіўся на чужей старонки — пашоў искать сваго рода-племини.

Приходитъ снова къ морю, сѣў на судно и паѣхаў; призвать у сваю землю, прѣхнуў, аявіўся, Бохъ знаетъ якей и атеуля, приставили яго старечъ къ лугамъ, къ зимли. Тутатъка данасли барину (а у етыга барина такей пригродимный садъ). Іонъ призываютъ яго къ сабѣ. Мужички яму данасли, што игдѣ бѣ іонъ ни хадилъ, у нево нѣтъ пабою ни якихъ лугоў, хѣба, а іонъ можить вамъ садъ сберечъ. Призываютъ яго къ сабѣ: „какъ ваша имя, атечества?“—Я Андрей Привозванный.— „Ну Андрей Привозванный, наймѣтисъ вы у мяне саду бяречъ?“—Са ўсѣмъ удавольствомъ, баринъ.— „Сбирагѣте жъ вы мнѣ яго?“—Атчаво жъ? На то я станавлюсь, штоба сбяречъ. „Дамъ тебѣ ружѣ двухъ-стольныхъ; хто только на яблынь ету дарагую узыйдетъ, то и бей! Разъ спраси, хто такой, и другой разъ спраси, хто такой; если жъ іонъ табѣ не скажетца, то за третимъ разымъ бей, хто ба только ня быў!“ За третьимъ разымъ бахъ и забіў яго; Іонъ и зваліўся съ яблынки: забилъ. Ну, назаўтрига абъявіў, што забіў челаѣвка, — а матеръ яво жила у етыхъ гасподѣ. Гаспада-имянистая, а матиръ хараша, и у етыга барина живеть, а батьку схували.

„Звинчатъ съ естыю женщиною етыга парня!“ Звинчали, лягли на лажницу,—такъ ина сійчасъ шупъ, шупъ (а какъ палажили яго ў бокау, са ўсею хутрыю, ни бабленага)—ина яго шупъ, шупъ, зашупала: „Ахъ, душичка, што у тебе ета такая на живатѣ?“ А іонъ и гаворить: „какъ мать мяне парадила, такъ и снесла на мыря ни бабленыга и ни абмыван-

ныга“. Такъ ина тады уздумала: „А я яго мать, а ты мой сынъ!...“ Съ лажницы далоу—далъ Богъ свѣтъ—за священникомъ! якую пакуту накидывать. Священникъ пришоу, на мохъ распалажить: ни накинуу имъ пакуту ни якую, яны за другимъ священникомъ, и тэй на мохъ яму ни якей пакуты накинуть. А быу старенькій папокъ, іонъ ужъ ать службы далоу: и старъ, пристаръ;—такъ іонъ гаворить: „я желаю стна священника: тэй мнѣ пакуту якую наложить.“ Атыскали таго священника, старенькага батюшку: „я такъ и такъ саграшіу. Якую вы мнѣ пакуту пакинитя?“—Матери твоей хадить па мнстыряхъ Богу малитца, пакуда яе Бохъ прыбяреть, а вась—іось пады саборымъ капліца... Такъ іонъ яго узяу, да ў капліцу тую павѣу, паставіу яму столикъ, образъ, свячу бальшу, палажіу яму книгу, запечатывалъ яго Богу малитца на тридцать лѣтъ. Тады шолъ кала рѣки и укинуу у рѣку ключики, што печатывалъ тую капліцу. — Іонъ тамъ Богу малитца, а батюшка жіу, и дужа ужъ батюшка старъ. Выходять годн яму тридцать лѣтъ. Тэй батюшка стау слабъ, и захатѣлася яму рыбы при жіюности, штоба рыбы мнѣ налавилі сичасъ рыбаковы. Пашли, паймали бальшую шуку. Сичасъ ету патрашты шуку; сичасъ патрашили яе, нашлі ключики, што укинуу у рѣку батюшка. Такъ онъ тады батюшка уздумау: „ахъ, у мяне страдникъ нѣкій страдантъ,—Богу молитца“. Такъ іонъ сейчасъ: „вядитя мяне къ кельни, къ капліцы тэй!“ Сейчасъ пувал яго. Какъ атпечатывау тую капліцу, слова якъ тады: и свѣча гарить, и книга ляжить, и іонъ Богу молитца.—„Ахъ, Андрей Привазванный, ти ни прадоужіу я время?“ А іонъ гаворить: „нѣ, батюшка. Сколька вы на мяне налажили пакуты, столька я и пакутывау: маліўся Богу.“ Аны зъ имъ распрасціліся. Андрей и батюшка такъ яны и переставіліся. Андрей переставілся у тэй кельни, тамъ яго моцн ў залатымъ гроби, и матка переставілася.

Ета скоро намъ сказать, а тридцать лѣтъ не палцнмъ прикивать.

№ 36.

О купчихѣ, пустившей по обѣщанію сына своего на воду.

Купчиха пу обещанію пустила свайго сына на воду у яныки. Дякынъ знайшоу яго, васпитау са сваймъ сынымъ. Ушоу

ать дьякына и на случаю жаніўся съ маткыю; дѣла атерыласъ; и уйшоў іонъ у монастырь, тамъ быў запертъ, паваль ключъ ать кельни, укинутый у моря, изъ рыбы вынули. Здѣлали яго патріархымъ. Пувидаўся зъ маткыю — и вабоя жить разныъ кончили.

Была у адномъ горади: купчиха трудилась радами цѣльную надѣлю. Здѣлала абищанія пиридь Богымъ: — „Распластай мине! Госпыди: етыва рабенка акрящу и пущу на ваду у ящикъ и палажу яму дла примѣты табличку съ подписью.“

Радила купчиха. Абыли, прикрестили рабенка, палажили у ящикъ, а съ нимъ и табличку съ подписью и пустили на вазморы, іонъ и паплыў.

Близъ моря была сяло; у тѣмъ сялѣ быў дьяканъ ахотникъ рыбу лавить и паймаў младенца въ ящiku на вазморы и уздѣ етыва маладенца. Узрадуваўся: — „Слава Богу! у мине датеи нѣту—мнѣ Бохъ паслаў!“

Начаў питать. У скорымъ времени и дьяканица радила, и у яво ужъ здѣлалась пара мальчикнѣ, и іонъ васпитываў обихъ—усе раўно, якъ свайхъ датеи;—росъ собственный дитѣныкъ, съ найдиннымъ.

Павырысли да дсяти лѣтъ. Начаў атець обихъ грамати учить. Обихъ граматы панаўчиў, толькои найденнышъ етый байчѣя читайть и пишеть, а сынъ яво пахужій.

И назваў яво сынъ етыва знайдѣна: — „выблюдыкъ ты!“

Іонъ, ишомши са школы, сказаў ета, а ужъ яны панаўчилисъ парядашна. Найденъ, пришомши дамой, и расплакаўся.

— „Батюшка, за што іонъ мине называють выблюдымъ!“

Іонъ, кажитца, мнѣ братъ—я такъ палагаю.“

Дьякынъ атвичайть:—„Усѣ равно: я щитаю тебе за сына пу васпитанію: я тебе нашоў на вазморы у ящiku малинькыва и васпитываў.“

Абидіўся на атца дьякына, што іонъ знайдѣнъ — стаў праситца у дьякана:—„Батюшка атець-дьякынъ, благаслави мяне и атпусти мине: а то мнѣ совѣстна ета слышить, што мине сынокъ вашъ радный называють выблюдымъ.“

Онъ яво благаславіў и наградіў, чѣмъ мохъ, и атпустиў: „Пращай, мой сынъ! хучъ ты и знайдѣнъ, но я тебе жалѣю; идѣ на будишь, папомни аба мнѣ.“

Онъ гаварить, знайдѣнъ, атцу—дьякану: „Хушь ты мине и

ни радіу і нашоу мине на вазморьі малинькава і васні татъ—я васъ да вѣку никада ни забуду; благодарю васъ—и пращайтя!“

И пашоу путемъ-дарогий і пряма пришоу у тотъ горьдъ, съ каторьіва пущень у ящiku, у етымъ жа горьди нашоу сибѣ должнысть у купца, наніўся у прикащики тыргувать у лаўки, и етыва ни знаить купецъ, што ета къ яму пришоу сынъ, а сынъ ни знаить, што етытъ купецъ, каторый нанялъ ево у прикащики, яво атець. Нѣскальки пражіў, тыргуваў у лаўки.

Купецъ пажимши помиръ. Пришомши сасѣди купчихи купчи гаворють:—„Тиѣ такъ, купчиха, ни пражить вѣкъ, а етытъ каторый у васъ прикащикъ, хушъ іонъ и мляжи васъ, да челаўѣкъ вумный.“

Пу приглашенію купечества, приняла купчиха къ сибѣ у зати. Ажанились. Нѣскалька время іонъ имѣу сибѣ асобенную комнату, и спальня тамъ была у яво, и іонъ жиў съ жаною, можить, палѣсица и къ жанѣ ни ютіўся.

Какъ придѣтъ исъ лаўки, павужинаить, и тады у вѣ асобенную комнату и читаить книжку бажественную или исторіи какіи.

Купчиха за етымъ слѣдывала, пачаму онъ такъ, маладой мужъ, и ня ютитца ка мѣ—асобинна спить. Купчиха приша у комнату, схватила яво за шыю: онъ атъ няе атарваўся, і захватила ана—у маладова мужа табличка была на шыи, табличка съ подписью. Онъ атъ няе ушоу, а табличка атсталася у купчихи вѣ рукахъ. И тада іонъ ходу, ни паказаўся купчихи на глазы и пашоу путемъ-дарогий. Пасматрѣла ета купчиха каторую съ шыи сарвала табличку съ подписью, пасматрѣтъ та табличка самая, якую ина на сына палажила дый привазала пуститъ вѣ ящикъ на вазморье.

И тада купчиха ужаснулась и адумалась: „Што такая ета значить, што я съ сваймъ сыннимъ пиривинчалася?“

И начала хадить малитца къ священникамъ, къ святиѣ мащамъ, къ митрыпалитамъ, раскаявалася, а іонъ жа не мужъ (а іонъ находитца ей сынъ) абратіўся съ етыва горьда и нашоу у тотъ горьдъ, идѣ іонъ знайденъ и къ таму дьякану, каторый яво паймаў на вазморьі и успитаў и научіў.

Пришоў къ дьякану и сказаў: „Батюшка, ни знатя ль на мыри острыва такова?“

Іонъ и сказаў:—знаю.

— „Атвези мине нѣ лотки на той острѹ!“

Іонъ яво павёзъ на тотъ острѹ, привезъ іонъ, на острѹви астанавіўся и начаў сибѣ строить кельню.

Выстрѹіў, атцѹ сказалъ: „тиризь столька уремя прѣзжай ка мнѣ на острѹ и замокъ привязи“.

Дьякынъ паѣхаў къ яму и замокъ звёзъ и замкнуў ево кельню; тада онъ яму сказаў: „Батюшка, забрось-жа и ключъ у моря!“

И стаў іонъ тамъ малитца Богу, маліўся тридцать лѣтъ.

У старымъ Русалими патріархъ жистъ кончіў.

И тамъ, у Русалими, іостъ знающій народъ, съ чувствіемъ: па ланкарту узнали, што іостъ у етый старанѣ, іостъ угодный, достоинный чилавѣѣ, и можить іонъ паступитъ въ Русалимъ у патріархи. И када пашли изъ Русалима сы святыми у ету сторону и пришли у етытъ горыдъ, агдѣ дьякынъ затворіў знайдѣна, и спрашіють: „Не слыхали ли: іостъ пустынникъ — спа-саятца здѣсь?“

Гаворять житили: „Ни знаимъ мы: живемъ пабліжѣя, а ни знаимъ. У атца дьякона извольта спрасить!“

У дьякона спрашіють: „Ни знатя ли атець-дьякынъ такова чилавѣка?“

Таперъ тольки дьякынъ и ўспомніў абъ ѡмъ, што замкнуў яво, а ключъ у моря бросіў. И паѣхылъ дьякынъ на возморья ловить рыбу и паймаў рыбину парядышную, привезъ дамой; дьякыница начала чистить и нашла у етыъ рыбы ключъ; гаварить дьякыну: „Я ключъ нашла у рыбы“.

Тада дьякынъ ўспомніў, што іонъ яво атвезіў на острѹ и наказаў етымъ людѣмъ, што изъ Русалиму пришли за имъ. И тпавилися на етытъ вострѹ са службу, и іонъ зъ ими пашоў и тпавіўся въ Русалимъ.

Въ Русалимъ пришоў, паступіў патріархымъ на мѣста, нѣскалька служіў, а матъ яво усигда малилася Богу, хадила ка ўсѣмъ угодникамъ—и толька никто на мохъ етытъ грѣхъ разсудить.

Матъ и думыть: „Таперича пайду у монастырь къ патріарху, када тотъ мяне разсудить, мой грѣхъ“.

Атправилась у Русалимъ, приходитъ у Русалимъ, за нѣскальки гадоу пришла спавѣдыватци къ патріарху.

— Свѣтлыя ваша просвѣщенія, разсудитя вы мнѣ етнѣ грѣхъ! Мучилыся я радами и здѣлала абищанія, штоба рабенка етыва пустить на воду. Етыва рабенка приказала акреститъ и табличку на яво палажить съ подписью и на ваду пустить. Тиравъ нѣскольки урема, тиризь дваццѣ лѣтъ, ивиўся ка мнѣ чилавѣкъ маладой и былъ у прикащикахъ у майво мужа.

Мужъ мой помиръ.

Пригласили сасѣди—купечиства, штоба мнѣ прикащика принять къ сабѣ у зити. Такъ и сполнилась. И када іонъ жиу пиривинчамши са мною у асобенный комнатки, маладой мой мужъ ка мнѣ ни ютиўся нѣскальки урема. Я пашла къ яму, узила яго за шію—и табличка, каторую я клала, засталася у рукахъ маихъ, раздумала: іонъ сынъ мнѣ радной.

Тада патріархъ расслушаў и узяў за шію: „Ты мая мать, а я твой сынъ“.

Абнялись, ударились абъ зимлю и жистъ коньчили.

Же 37.

У ножныга чилавѣна три матери.

У каждого человекъ три матери: мать родна и двѣ великихъ матери: мать—сыра земля и Мать Богородица.

Дьяволъ „змустилъ“ одного человекъ: человекъ тотъ убилъ отца, а на матери женился.

Съ тѣхъ поръ и началъ человекъ ругаться, упоминая въ брани имя матери, съ тѣхъ поръ пошла по землѣ эта распута.

Же 38.

Происхожденіе кукушки.

(Село Хохлово Смоленскаго уѣзда).

Отчего кукушка жалобно кричитъ: Каптуръ, Каптуръ! Козни лютыхъ братьевъ противъ брата; скорбь вдовы.

Жилъ нѣкто Каптуръ съ своими младшими братьями.

Женившись, противъ желанія своихъ братьевъ, на страстно любимой имъ дѣвушкѣ, Каптуръ поселился на родинѣ своей жены, на берегу моря.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ брака, приглашенный своими братьями въ гости, Каптуръ былъ убитъ ими на пути. Жена долго дожидалась Каптура,—наконецъ узнаетъ, что онъ убитъ родными же братьями.

Такъ она была опечалена его смертью, что съ горя превратилась въ кукушку—и, съ тѣхъ поръ еще, всё перелѣтываетъ съ сучка на сучокъ, съ деревца на деревцо, все ищетъ своего супруга, всё понапрасну кличетъ его: „Каптуръ, Каптуръ!“...

№ 39.

О происхожденіи кнушки.

(Бердьяки Е. у.).

Была женщина, а у нея двоя дѣтныкъ: сынъ Максимъ, а дочка Анюшка.

И патиляли дѣти залатыя ключи ить сундука;—яны играли ими и куды-та забросили.

Мать сѣкла дятей прутымъ, дапрашивала дятей, идѣ ключи.

Потѣмъ, када мать силна узяла сердца, пражыла: Ты, сынъ, ити у свѣтъ салауѣмъ, ты, дачушка, будь какушка!..

Потѣмъ, мать знайшла ключи и узжалилась надъ дятими. узжалилась дачушки и сына — и заўжда наказыть дачушки: „Анюшка—дачушка—какушка, варатися, да гукай свайго братчика, салавейку-Максимку,—нихай и іонъ дамой лятить!“

Дачушка, какушка, съ тыхъ поръ и гукантъ свайго брата. салавейку:

Маѣ—симъ, вяр—нйсь:

Клю—чй, знай—шлйсь!

№ 40.

Происхожденіе соловья, кнушки, лягушки. Козни лютой тещи, убійство нелюбаго зятя.

Жила мать съ дочерью. Дочь вышла замужъ за лѣсничаго противъ воли матери; — оттого волшебница-мать не взлюбила зятя и рѣшилась извести его въ что бы то ни стало.

Лѣсничиха поселилась съ мужемъ за болотною рѣчкой, пе-

реходомъ служилъ мостикъ, тщательно скрывае́мый отъ колдуньи. Между прочимъ и своимъ маленькимъ дѣтямъ: сыну и дочкѣ, лѣсничиха приказала строго не обмолвиться бабушкѣ, не смотря на всѣ ея разспросы.

Однажды лѣсничаго и лѣсничихи не было дома, а дѣтки ихъ играли на песку, передъ хижинкой. Приходить бабушка, внучать обласкала.

„Гдѣ это вашъ отецъ переходить рѣчку?“ — спросила она какъ бы невзначай.

Внучекъ молчалъ, а досужая внучка свела бабушку къ заповѣдному мостику.

Вернувшись вечеромъ и не видя мужа дома въ урочное время, лѣсничиха узнать отъ сына, что безъ нея приходила бабушка и вызнала тайну у сестры.

Она спѣшить къ мостику и видить тамъ трупъ Якуба (или мужа), зарѣзаннаго матерью.

Въ порывѣ гнѣва и отчаянія лѣсничиха изрекаетъ проклятіе на самой себя и на своихъ дѣтей:

— „Ты, мой дорогой сыночекъ, будь соловьёчекъ, я буду кукушка, а ты, дочушка, — ты погубила отца — будь ты поганая лягушка, чтобъ на тебя люди плевали — харкали, полѣньемъ — роженъемъ швыргали — бросали!...“

И съ тѣхъ поръ сынъ лѣсничихи — соловей — поетъ въ рощахъ и болотныхъ тростникахъ, дочь — лягушка въохчетъ отвратительно въ болотахъ, служа предметомъ презрѣнія и ненависти людей, а сама печальная, безутѣшная мать — кукушка — порхаетъ по рощамъ, возлѣ болотъ, ищетъ супруга, жалобно кличетъ его по имени: — „Якубъ, Якубъ!...“

№ 41.

Якъ соныль, и кукушка, и другіи пташки супрати Куна ваювались, што, на трехъ дубахъ сѣдючи, примножества птицъ панираль.

Кукъ сидѣлъ на трѣхъ дубахъ и пажираль примножества птицъ. Птицы всѣ саглашались, какъ бы етыва Кука убить. Сабирали всѣхъ птицъ и думали, када онъ спить.

Здѣлали абѣщаніе: каторая птица узнаить, дакъ штобъ ина гнизда ни вила и дятей ни кармила.

Сагласилася кукушка:— „Я узнаю, када Кукъ будить спать. ., какъ я куку, такъ штоба былъ сокылъ гатѡу!“

Какъ какнула, сокылъ яво, Кука, и убилъ, и птицы ат-сталися усѣ довольны: присталъ іонъ ихъ пажирать, и кукуш-ка дѣла спѡлнила.

№ 42.

Якъ варона ястриба вывила. Съ янихъ поръ варона кричить: урода, урода...

Снесъ ястрибъ у вароньимъ гняздѣ яйцо.

Варона и вывила, и пасматривать ана, што дитеныкъ ни яв, када іонъ саўсими ужъ адѣжилъ, удіўляйтца, што ета за урода такая.

Принисла чарвей кармить яго, а іонъ варону кахтами за нисъ. Магла толька вырватца, сѣла на дерева и закричѣла: „урода, урода!...“

А истрибеныкъ атвичайтъ:— „Ета наша такая парода!...“

№ 43.

Абъ лягушки.

Ништо на свѣти ни пагана. Якъ Бохъ мужика, зѣмистъ куриныхъ, лягушкиными яечками, ажно атъ вясны да самыа Ильи, пракарміў.

Ишоў старичокъ—ня ўздолиять; идеть старикъ яму на су-стрѣчу:

— „Здрастуй, батюшка!“

— Здрастуй!

— „Што ты знать низдароў?“

— Стащаў: хачу ѣсь да смерти—зѣў-ба Бохъ вѣдаить што!

— „Ну, што жъ табѣ яечка бѣ зѣѣсь?“

— Яечка бѣ я зѣў су ўсею радысю.

— „Ну, таперъ жа висна—можна дыстать атъ каго ни-буть—курычѣу пупрасить“.

— Батюшка ты мой, галубчикъ, хто мнѣ дастъ бѣдному?

Вить багатыму дають за што нибуть, а мнѣ дать нечига.

— „Пайдѣмъ са мною: я табѣ курачку дамъ, ели ништо табѣ ни дасть“.

— Дай, батюшка,—здѣлный милынь: я самъ табѣ услужу,—
атвяди ты маю душухну!

Сичасъ приходють къ дѣму; узяў сажуўся, курычку пиймаў:

— „Ну, на—няси, питайся ею;—будить съ тебе!“

— Ты нясетца жъ ина?

— „Ина у сутки будить нясти па 2 яечки — съ тебе и
давольна. А тады ужэ дяржи, пакуль нада будить табѣ.

А паспѣвить усакій хлѣбушка, адужиншъ, дастъ Гаспотъ—
приняси назатъ; тольки гляди, атдай!“

— Атдамъ, атдамъ, батюшка — дай, Госпыди, табѣ здра-
роўика за ета—и чаго ты атъ Бога жилаишъ...

Ну, курычка знясетъ яечка у ранни и вечири — и ситна
яму; такъ и здаровитца яму.

Усѣ питаўся, питаўся, тыми яечкамі—паздаравѣў; даждаўся
Ильи и панесъ назадъ курачку, думанть самъ соби:

— „Дай Бохъ здароўика яму за то, старику тому!“

Нясетъ, а чилавѣкъ дажидантца ли дому. Тады пришолъ:

— Здрастуй, батюшка! на тваю курачку. Спасиба табѣ: атобъ
я галодныю смерцю памёръ, бали бъ ня ты—благодарю я тебе“.

Іонъ бяреть, благодарить. Яеў узяў на руки—Кить;—ина
заскакала—лягушка, якъ заскварѣтца, якъ заскварѣтца...

— Ахъ, батюшка, што жъ ты ета здѣлаў? Ты жъ маю
душухну апаганіў!...

„Чимъ жа я апаганіў? Вить жа кушалъ яечки — хараши
были. Ета, милый, усѣ Гасподня сазданія, — ета атъ Бога
паказана, чимъ питайтца... Вить жа ты видишъ: ета курычка,
ина прыганть, вонъ пабѣгла“...

(Гаспотъ яво утишанть, што ина пабѣгла)...

— Нѣ, нѣ, нѣ! ну, благодарю тебе усѣтаки, што ты мина
выпитаў. Пращивай...

Съ естымъ пашоў.

№ 44.

**Якъ мужикъ багатый тараканоў спекъ и змѣўся, потѣмъ
за ихъ большае деньги атдаў.**

Бохъ усимъ хатить добра, а совѣсть на пазавину.
Усыкны дыханія да хвалять Госпада Бога!

Нѣўкаторымъ то сядѣ жѣў быў мужикъ багатый, ба-
гатства іонъ имѣў большае: атдаваў деньгіў займу бу-

царь. Потѣмъ яго заѣли было саўсими пруссы и тараканѣ у хати.

Што дѣлать зъ ими? Стаў строить сабѣ новый дворъ, выстрѣи дворъ новый. Приходить у тѣй дворъ, и атстаўся у старымъ доми адинъ самъ начувать. Заходить къ яму старичекъ праситца на нычъ.

— „Ехъ, батюшка, идитя начувать у мой новый домъ!“

— Атчаво у новый домъ?—Мы будимъ начувать у старымъ.

— „А я са старыга саўсѣмъ вышѣи у новый“.

— А пачаму такъ вышѣи?

— „А патаму вышѣи, што мне гадось такая кусала, падобіа“.

— А што ты зъ ею хатишъ здѣлать?

— „Спалю етѣй домъ сичасъ“.

— Нѣтъ, молюдицъ, ни пали да заўтрива.

Назаўтрива устають—ни пруссоў, ни тараканоў нѣтути.

Старикъ гаворить:

„Ты съ тварью Гасподнію ни захатѣи жить—аставайся жить адинъ!“...

Мужикъ и спрашѣиць старика:

„Идѣ жъ эти пруссы дѣлились и тараканѣ?“

А иди—пасматри у пчильникъ у старымъ ульѣи бязъ пчолъ!“

Пришоў мужикъ у пчальникъ. Атварѣи уль, пасматриць: тамъ пруссы, тараканы—повинъ уль.

Іонъ тада на стариковымъ ня здѣлаў: узяў на сваѣмъ сдѣлаў. Узяў куль салома и зжѣгъ етѣй уль и съ пчилами и съ тараканѣи.

Апосли етыга стаў бяднѣть и збяднѣў да таво, што куска хлѣба ня мѣить.

Зайшоў ипать старикъ къ яму на нычъ.

Стаў свайму старику путешествіа рассказывать.

„Упиредъ я жиў богата, имѣў усяго многа—таперича куска хлѣба ни имѣю“.

— Ну, што жъ таперича зъ етымъ дѣлать? Што таперича деннихъ займешъ ли йдѣ?

— „Нѣтъ, я купцамъ упярѣдъ даваў—таперича мнѣ даўжны дать“.

— Ну, када дадутъ—иди займи рублей пятьсотъ.

А у сусѣдки-салдатки была пруссоў многа.

— „Иди сходи у сасѣдки пруссоу пару вазьми!“

Вотъ іонъ и пашоу, сѣу у сусѣдки.

— „Кума, я пришау ни гулять“.

— А што жъ ты, кумъ, пришоу?

„Прадай ка мнѣ пару пруссоу!“

Кума у шуткахъ и гаворить:

„Купи!“

— А што жъ табѣ за ихъ?

— „А триста рублей“.

— Ну, кума, лави!

Паймау пруссоу и атдаеть ихъ. Іонъ выніу триста рублей
.. атдау кумѣ.

— А, ну, кумъ, што ты шутишь? я смиялася: я тибѣ
хутъ десить паръ дарма дамъ.

Тада мужикъ принѣсь дамой, пустилъ у новую хату — съ
тогда урѣми стау багатить, зажіу ипать денихъ столъки, сколько
была.

№ 45.

**Происхожденіе ячменя и рана. Асотъ да либида — чортава
ида.**

Чортъ сдѣлалъ ячменя и сдѣлалъ рака и ни зналъ, якъ
назвать ихъ. Госпотъ имъ имя дау „ячень и ракъ“ и сказау:
„етѣ будить христіанскій прѣпнть, а табѣ, чортъ, „асотъ да
либида, чортава ида“.

№ 46.

Не пчелы убиваютъ трутней, а „посѣкаетъ“ ихъ матка.

По мнѣнію крестьянъ, не пчелы убиваютъ трутней, а убиваетъ „посѣкаетъ“ ихъ матка; при чомъ трутни не сопротивляются царицѣ пчолъ, а жалобно плачутъ: „Матужка, ни сажу мяне!“ ...

№ 47.

**Атчаво ета слиза нотитца изъ глаза, якъ табанъ нюханмъ?
Па чортавый матки плачимъ.**

Хто курить и сплевываить — харашо дѣлаить: на чортаву матку сплѣвываить

У нячистыга духа была матка. Када ина здохла, то некому
была па ней пуплакаты.

Чортъ вотъ што здѣлаў: табаки натѣрь, у табакерку успаў и говоритъ: „Хто будить нюхать табакъ, то у таго пайдѣтъ слиза изъ глазъ: усѣжъ пуплачить пу маей матки“. Бохъ, якъ обѣ етымъ даянѣся, саздаў кисетъ и трубку: хто будить вурить трубку, будить пливать на чортыву матку.

И, дѣйствиельна, таперь хто нюханть табакъ, у тога слиза котитца — абѣ чортывыи матки плачить тѣй; ну, хто курить и сплѣвывають — на чортову матку тѣй сплѣвывають.

№ 48.

Якъ Никола съ Патромъ научились у чорта вотку гнать.

Ишоу Бохъ са святыми па зачатіи свѣту; видють яны, што кўритца агонекъ.

Бохъ и пасылаить Николу съ Патромъ паглядѣть, што ета такая.

Пришли, сматрять: чортъ вотку гонить.

— Хатитя — паспробуйтя!

Поднесъ имъ вотычки изъ жалудовый чашички.

Спадабалась — выпили па другей.

Хорошая вотычка была у черта заматались святѣя, только што бадратца, усы свае приглажють.

Пришли къ Богу, хуть и ни гаварять, што аткушали троху чортавыи вотычки, ну, Гаспотъ ета харашо знаить.

— „Чортъ вотку гонить“.

— Ну, ладна! Идитя сабѣ къ яму, пахмялитись.

Пахмялились. Назать къ Богу идуть ужу бодра, весила; панаўчились, якъ вотку гнать и кажуть:

— „Устроимъ и мы такую штуку, якъ чортъ, штообъ вотку гнать“.

№ 49.

Чортъ съ жидымъ перва уздумаў вотку гнать изъ жалуда. Атчаго ёлка и сасонка зиму и лѣта зияненъни. Микола заўжда чорту и жиду даўжонъ.

(Бердбяки Е. у.).

Ишоу Бохъ и замѣтїу: дымъ идеть. Бохъ паслаў Миколу:

— „Схади пасматри, што ета такая дымъ идеть!“

Микола пайшоу, видить, што чортъ гонить вотку изъ жаладѣ и умѣсти и зъ жидымъ, и жидѣ іонъ приняу тѣрговать воткнѣ.

Тады Микола пупрасіу вотки накушать, а яны спрасили: „Ти іосѣ у тѣбѣ деньгѣ?“

— Я ишоу такъ, бязъ денѣхъ, и зъ Богымъ; мяне Бохъ паслау пасматрѣть, што вы ета такая рабѣтѣ.

— „Кали жъ ты намъ атдаси деньгѣ?“

— Атдамъ я вамъ деньгѣ ни ў забѣуки, сирѣди лѣта, кадѣ листъ пасыплѣтца зъ ѣлки и сасонки.

Яны на ета сагласились и пѣчали даждѣть, якъ листъ пасыплѣтца.

Микола пришоу къ Богу, а Бохъ яго спрашѣть:

— Што ты тамъ доўга забѣуся?

— „Госпѣди, глядѣу, якъ чортъ зъ жидымъ вотку гонить. да и самъ ня вѣдаю, якъ тутъ бытъ: узѣу я у ихъ шкаликъ гарѣлки, а грошѣй у мяне нѣтути, абищауся жъ я имъ доўхъ атдѣть, якъ пасыплѣтца листъ зъ ѣлки и сасонки“.

Тады Бохъ такъ сатваріу, што листъ на ѣлки и сасонки заўсѣгдѣ застаѣтца цѣлѣ, а Микола усѣ жъ даўжонъ чорту и жѣду.

Жѣ 50.

Пѣяница, исполняя приказаніѣ чертей, жарить въ аду души грѣшниковъ; освобождаетъ души за чарну горѣлки; черти прогоняютъ пѣяницу изъ ада.

Пѣяница попау у пекла. Черти дали яму варить у катлѣ триста душъ.

Но за ѣтыхъ душъ на тымъ свѣти усерна малились ихъ сродствѣнники.

Приходитъ къ пѣяницы ангѣлъ за тѣми душами:

— „Атдай мнѣ ѣтѣя триста душъ!“.

Пѣяница ни 'тдаѣтъ.

Ангѣлъ дагадауся, што пѣяницы нужна. Тиризе нѣскалькѣ урѣми приносить пѣяницы палуштохъ гарѣлки.

Пѣяница узѣу атъ ангѣла вотку и давай яѣ падѣть глатокъ за глаткомъ, — апѣянѣу и выпустіу ангѣлу изъ катла триста грѣшныхъ душъ.

Приходятъ черти, пасматрять—душъ нѣтъ.

— Идѣ души?

Спрашють у пѣяницы.

— Идѣ души, што мы варить приказывали?

Пѣяница маучить (іонъ ужъ атказывать ни магить), только палець къ рѣту падноситъ, идѣ души паказывать.

Черти пананужались:

— „Ахъ, абжора! у якихъ нибудь два часа слопаль триста душъ, да іонъ увесь адъ спусташить, ни днаго грѣшника намъ на мученія ни заставить. Ганитя яго вонъ!“

Патурѣли изъ ада. Дѣватца ему нейди—пустили яго у рай.

№ 51.

Пѣяница въ рай попадаетъ. Переговоры пѣяницы съ апостолами: Петромъ, Павломъ и Іоанномъ.

Приходитъ пѣяница къ чарству нябесному и у дверь стучить: „Атварита!“...

У апостыла Питра ключи атъ чарства нябесныга; такъ іонъ слышитъ стукъ, падходитъ къ двирямъ:

— Кто здѣсь?

— „Да я“.

— Кто жъ ты?

— „Да пѣяница“.

— Пусти мене у чарства нябесныя!

— „Ну, здѣсь пѣяницъ нѣтъ—нильзя!“

— А ты хто, што мене ни пускаишь?

— „Я апостылъ Петръ!“

— Я знаю тябе: ета тѣй, што атъ Христа атрикаўся, на ўспѣу пѣтухъ три раза пропѣтъ, а таперъ ты у милости у Бога. А я, хуть и пѣяница, а Христа не забываю: када пу-
падетца рюмачка вотки, то гаварю:

— „Госпади благодлави!“

А атъ Христа я ни разу ни атрикаўся, якъ ты.

И усѣ, братъ, знаю.

Нечива гаварить Пятру супрати етыга, назатъ варатіўся.
падшоў къ Паўлу:

— Иди, Павиль, пагавари ты зъ имъ!

Подходить Павлиъ къ двирямъ.

— „Хто здѣсь?“

— Я пьяница; пусти мяне у царства небесных!

— „Здѣсь пьяницъ ни принимаютъ“.

— А ты хто, што мене ня хочишь пустить?

— „Я апостыль Павлиъ“.

— А, Павлиъ! Знаю: ета тѣй самы, што гнаѹ за Христа ать Ирусалима да Дамаска; а таперь ты у яго у милости! А я жъ никогда Христа ни гнаѹ, а, када придетца рюмичка воткн, то сейчасъ: „Госпыди, благослави!“ А ни гнаѹ Христа на твойму.

Нѣчига атвичать Паѹлу проти етыга; варатиѹся назадъ и рассказаѹ Пятру пра ѹсѣ.

Гаворить Петръ:

— „Ну, пашлемъ Ивангелиста Іоанна: іонъ ать Христа ни разу ни атрикаѹся—пустъ ка зъ имъ пагавдорить?“

Подходить къ двирямъ Іоаннь:

— Хто здѣсь?

— „Я, пьяница; пустить мене у царства небесных!“

— А ты пьяница и яще просись! такихъ сюда ни принимаютъ.

— „А ты хто такей, што ня хочишь мене впустить?“

— Я Ивангелистъ Іоаннь!

— „А ты Ивангелистъ! Зачѣмъ же вы обманнители люди! вы написали въ Ивангиліи: стучити — и атворють вамъ; прасити — и палучити! Разви ета ни абманъ?! Я часа два стаю и стучу, а мнѣ ни 'твворяють. Если ты мене ня ѹпустишь у царства небесныхъ сейчасъ же, то я вараचусь на бѣлый свѣтъ и расскажу людямъ, што вы написали въ Ивангиліи нипраѹду“.

Спужаѹся Іоаннь страматы и ѹпустиѹ пьяницу у царства небесныхъ.

Ж 52.

О святомъ Зосимѣ. Откуда у насъ пчолы?

Святѣй Зосимъ вынись изъ египитской земли у трасти ичлиную матку; ать тѣй матки у насъ и пчолы развались.

№ 53.

Зосиму удалось пчолъ изъ Ягипца принесть, а Миколи ніудалось.

Въ Ягипци были пчолы. Якъ вышіў новый завѣтъ, патребывалась новая жертва—воскъ, нужна была пчалу завести.

И сказана: „іость пчолы у Ягипци, а нильзя узять: нѣту пропуску“.

Никалай Чудатвориць абѣщался ихъ даставить:

— „Я пранясу, Госпади!“

Хадилъ Никалай Чудатвориць у Ягипиць.

Хадіў на Ягипцу. Потѣмъ атписаў Госпыду:

„Нѣтъ, Госпыди, нильзя пріясти пчолъ“.

Зосимъ Салавецкій вызвался, ну, и послали яго.

Здѣлаў іонъ сабѣ изъ трасти патайнэй маташникъ (и для пчолъ и для матки у тымъ маташники была пумащенія) и пашоў у Ягипиць.

Па Ягипцу хадіў-гуляў, паймаў пчалиную матку, пасадиў у маташникъ, пасадиў десить пчолыкъ.

Ну, и утекъ іонъ, Зосимъ, ранинька — ніхто ни видаў. Даганяли яго Игиптяни, абтрисали, ни нашли пчолъ у яво, хуть сабѣ три разы абтрисали (а пчолы были у трасти).

Такимъ манерымъ принесть Зосимъ пчолыкъ, и пашоў развѣдъ на пчолъ, и пашла жертва Богу.

Микола прасіў у Бога райковъ:

— „И мае труды были: три разы я хадіў—хуть мнѣ первый рой“.

Первый рой Миколи абищаў Гаспотъ.

№ 54.

Укушеніе пчелы было прежде смертоносно.

Пчела сначала каго ня ўкусить, тѣй умираў. Гаспотъ думантъ: „ниладна таѣтъ!“

Пувялѣў пчалѣ: „велій ты умирай, якъ каго укусишь“.

№ 55.

Павукъ ябидникъ—чорту правидникъ.

Павукъ ябидникъ, чорту правидникъ, ходитъ пу павутини и даносить Богу, што видіў, што слышаў.

№ 56.

Баба хатѣла Бога спужать—мядвѣдицей здѣлалась.

Жила у аднѣй дярѣуни магучая жѣнщина. Ина на Бога сирдувала дужа, што людей изъ рая прагнаў. Захатѣла ина Бога спужать, штобъ іонъ на зямлѣ ни прахаживаўся.

Якъ Бохъ ишоў па дярѣуни, ана изъ за угла къ яму да и ну рывѣть па звяринному.

Бохъ ни спужаўся и правляў яе:

„Будь жа ты на вѣкъ вѣшныи мядвѣдицый!...“

Жѣнщина стала мядвѣдицый.

Аттаво, што мядвѣдица атъ бабы, цыцкѣ у яе на грудѣхъ, а ни на пузи, якъ у звярей.

№ 57.

Якъ Никола бабу разымалъ у драки съ чортымъ.

Аттаво кума пирядъ кумымъ галаву пакрыванцъ. Съ яеихъ ета поръ баба за.

Якъ ишоў Бохъ зъ Миколыю сваимъ усигдашнимъ паншеникымъ.

Слышитъ Бохъ, што трасниѣзъ тращитъ и лумантца.

— „Микола, пыгляди, што ета трасниѣзъ тращитъ!“

Микола пришоў, глядитъ: дяретца баба съ чортымъ. Микола атпраўляйтца назадъ къ Богу.

— „Ну, Микола, што ета тамъ дѣйтца?“

— Госпади, баба и съ чортымъ бьетца-дыретца.

— „Такъ ты, Миколушка, подъ разыми ихъ!“

Микола разымаў, разымаў бабу съ чортымъ — ни яѣзъ ни разымитъ.

— Ни разымишъ ихъ, Госпыди, ни якимъ родымъ.

— „Нѣтъ, Микола, разыми ихъ: якъ жа яны будутъ драцца?“

Узсардіўся Микола, пашоў скоринька, узяў и абонимъ, баба и чорту, паснаў гольвы.

— Ну, што разняў?

— „Нѣтъ, Госпыди, ни разняў, а узяў ды абонимъ гольвы пупаснаў“.

— Не, такъ жа ни нада! сичасъ жа подъ и присодъ иѣ

голыны, и падуѣ на ихъ мамѣ святымъ духымъ: голыны сичасъ приживутца.

Микола вочинъ разсърдіуся, шты ипять нада яму бизпакотца, прибѣхъ и изъ гарячки присадіу бабину галаву чорту, а чортаву баби—пупиримишау!

И съ етыга то ўрѣмени дужа зла баба: усѣ ина падбиваить и змуцаить чилавѣка на свари и брани: идѣ свара и драка—то усѣ баба; идѣ дильба и сута, то усѣ баба.

За то, што у бабы чортава галава, штобъ ни паказывать рожиѣ, даўжна баба заўжда прикрывать волысы, асаблива кума пиридѣ кумымъ.

№ 58.

Отчего теперъ у ржи маленький колосъ?

Неразуміе лѣнивой жнеи, роптавшей на Бога за тяжесть сноповъ. Богъ уменьшаетъ колосъ. Просьба собаки оставить немного зернять на макушкѣ стебелька.

Въ старину колосъ ржи не помѣщался на стебелькѣ—все растеніе представляло изъ себя цѣльный длинный зернистый колосъ отъ макушки до самаго корня.

Но однажды лѣнивая баба стала Богу жаловаться, что очень тяжело жать такую рожь.

Богъ разгнѣвался—и колосъ вдругъ сталъ замѣтно умаляться, подбираясь на макушкѣ; только макушка ржи оставалась усаженною зѣрнами.

Собака сидѣла возлѣ жнеи и поняла лучше своей хозяйки, что дѣло неладно.

Завыла собака, Богу взманилась:

— Застау—покинь, Божа, коласа хуть на собаччу долю.

Богъ не тронулъ больше колоса по просьбѣ собаки—и съ тѣхъ поръ на ржи колосъ маленькій, и рѣдко посылаетъ Богъ урожай неблагодарнымъ людямъ.

№ 59.

Атчего колысь у ржи таперъ нибольшдѣ?

Якъ гнали Адама и Еву изъ раю, сколько успѣли забрать рукою коласу, такой колысь и принесли съ собой на землю, та-

кей колысь таперь и родитца. А у раю колысь былъ на ржи приаграменный—да самый земли; нашъ колысь только самая макушка того колыса.

№ 60.

Касьянь косо глядитъ.

Касьянь бываить только у висакосный годъ. Іонъ, на што глянить, то усѣ пувянить: на народъ глявить, дакъ народъ;—на скотъ—дакъ скотъ.

№ 61.

Якъ Микола и Петръ лашадей на Украинѣ закупляли.

Атчаго ета какушка только да Пятровыга дни кричить, а варона круглый годъ кричить.

Гаспотъ завѣѹ свѣтъ ни такъ. штоба увиздѣ усяго была пораѹну: скыта, людей, коній. Сначала была усяго болій на Украини. Наступаеъ висна.

Видить Гаспотъ. што бѣлорусскому мужичку пахать нечимъ—кѣній нѣтути.

Ни прападать жа хуть сибѣ и нашему брату зъ голыду!

Даѹ Гаспотъ Миколи, апостылу Пятру, денихъ на ращѣту и паслаѹ ихъ вабайхъ на Украину закуплять коній.

Микола вочинъ любилъ выпить, и зайди іонъ съ Пятромъ у кабакъ. Узяли палштохъ, другей, — выпили. Какъ завяло у Миколи у галавѣ, Микола сталъ вочинъ простъ и прапѣ уся денъги, што яму Бохъ давалъ — да капѣйки. Микола съ Пятромъ таперь не нашта куплять лошадей. Смотришь: багѹтъ два табуны лошадей.

Микола сѣѹ на первую лошадь—табунъ за сабою гонить, а тамъ Петръ на лошадь изъ другога табуна—другей табунъ за сабою гонить.

И пыгнали яны етыхъ лашадей съ сабою, а видить етыга ништо ни видаѹ, только што были свидѣтили: первая варона, другая сарока, третія какушка.

Приводѹтъ яны етыхъ кони къ Богу и хатѣли яны, штоба Бога абманить.

Спрашишь у ихъ Бохъ:

— Што вы етыхъ кони купили?

— „Купили“.

— А свидѣтели у васъ были, якъ вы купляли?

— Не, свидѣтелиу не была.

Сичасъ жа прилитаить варона.

— А вы пра варону забыли! Што яны купили коніу?

— „Украали, украали!“...

Сядить на вѣтки, да сваё арѣть.

Прилитаить сарока.

— Што ты скажишь сарока?

Сарока зъ жердычки на жердычку перяпрыгиваить.

— „За ета имъ, Госпыди, чи, чи, чи!“...

Прилитаить третія какушка,—эта узмиливалась.

— Госпыди, яны купили, да ку-у-пили. да ку-у-пили, да ку-у-пили!..

Петръ и Микола узрадувались, што хуть какушка ихъ руку держить; тада и гаворють:

— Вотъ ты, кукуй только да Питра — тамъ табѣ далій свободна; а вы, сарока и варона, што сказали ниправильна — вамъ цѣльный годъ какувать: ня будить вамъ роздыху никды.

№ 62.

По какому поводу дана была когда-то власть женщинамъ и отнята у нихъ (за грубое обращеніе одной женщины съ апостоломъ Петромъ).

Припала у апостыла Питра жалысть къ бабамъ, што жѣньскій полкъ многа ать мужьбѣу своихъ тярпить; выпрысиль Петръ у Бога власть бабамъ надъ мужьями.

Такая воля бабамъ дадина, што мужикъ ва ўсѣмъ знай пляши лу бабинный дудки.

Посли таго апостыль Петръ зъ Богымъ па зямлѣ хадили и у мужицкый хати на нашлеги астунувались.

Хазайки дома ни було, только мужъ яе дома, дитенка калышнить, гаршки у печи варочаить.

— Можна пиринучувать?

— „Да аю можно сабѣ!.. Да я ни знаю, якъ баба!“...

— Што такъ ни знаишь!.. Идѣ жъ твоя жонка?

— У кабаѣ!... радимецъ яе забей: дома ни пильнутъ саѣсьмъ.

Такъ сабѣ пазюкали, спать палыгли: Петръ ляжить на палатахъ съ краю, а Бохъ къ стѣнѣи,

Приходють баба, а яны ужу спять. Баба перва мужа обругала:

— Якихъ ты ета хажанъ прѣти начй пустилъ? Визъ майво спроса пускать была ни нада.

Тода бяреть хлудину, и, ну, ахаживать Питра етню хлудиню.

Петръ жался, жался—приходитца яму ня ўстерпѣ.

Сламалась хлудина, и баба пашла за другѣм у сѣни.

Петръ думанть самъ сабѣ:

— „Прикачусь я за Бога: баба, даўжно, таперь за таго, што къ стѣнѣи приметца“.

Приходить баба изно́ву къ палатимъ и гавѣрять:

— „Ну, зѣ етыга сабѣ будить: я яго ладныга пупарола, а таперь нужна дальнига пуўчить!“

Изнову Пятру пупала.

Тадъ Петръ изнову умалилъ Бога взять волю у бабѣ,—якъ узмолитца:

— Нѣ, Госпади, такъ дужа нихарашо; нярушѣ велій бабѣ мужикоў слушаютьца, чимъ ся мужики бабѣ.

№ 1.

Гаспотъ храмы со свайми угодниками закладанть.

Када Гаспотъ хатѣлъ храмы устроить—и усе храмы строилъ, въ адинъ храмъ вялѣлъ сабиратца сваймъ угодникамъ, приказалъ яму Хряститилю прихадить, Никалаю Чудатворцѣ, Хамѣ, Луѣ и Маркѣ Ивѣнгелисту.

— „Прихадитя: будимъ храмъ закладывать, а я буду васъ учить, якъ абѣдно служить“.

Гаспотъ пришолъ упяредъ у храмъ, сабирались угодники усѣ къ яму, каторымъ приказалъ. Яны сами сабѣ и гаворють:

— „Баторый любимый апостылъ, яго нѣтуті!“

И Гаспотъ маўчить пра яво. Сичасъ и гаворить Гаспотъ:

— „Рибяты, ни судитя Никалаю: іонъ занить: на марѣ чизавѣкъ заливантца, а Никалай яго милунть“.

Приходить Микалай Чудатвориць у храмъ Божій.

— „Госпади, буди мине грѣшныва ждаты!...“

Стали аблачатца, абѣдню служить, Микалая Господь дяко-
лымъ паставіў, Ивана Хрыстителя дачкомъ. Атслужили абѣдню.

Микалай Чудатвориць быў дужа бальшой постникъ: якъ ма-
ханикъ былъ, па сридымъ и пятницамъ груди ни бралъ.

№ 2.

Якъ купецъ хатѣў работника спагубить, и затѣмъ тога
самъ сябе спагубіў—и прадказанія прарокыў сполнилась.

Въ нѣкаторамъ царствіи, ў нѣкатаромъ гасударствіи, а именна
ў томъ, ў каторомъ мы живемъ, жиў купецъ и такой богатый,
што нязнаў сваей казны.—Вотъ иднажды іонъ атпраўляйтца ў
дареўню или ў сало чимъ нибуть таргувать. Ъздіў, ѡздіў; при-
ходить дѣла къ вечиру,—нада праситца начувать. Іонъ заѣхаў
къ хазяину, хазяинъ богатый быў; у яго начували два какихъ-то
нищихъ, а ета были ня нищія, а два прароки Ильля и Ми-
кола, (када яны ища хадили па зямлі). Ночу Ильля вышіў на
дворъ, патомъ увыйшоў у хату и гаворить Миколи:—„Нашиму
хазяину даў Богъ щастя“.—А Микола гаворить:—„Какая щастя?“
—Катилась авечка). Ну, какъ ани прароки, то ўсё знаютъ).
Никола и спрашійтъ у Ильли:—„Какая яму щастя?“—А вазьметь
воўкъ.—А купецъ ета ўсё слышитъ. Патомъ ня многа пагада
ипяць вышіў Ильля. Уходитъ у хату и гаворить:—„Ну, Никола,
ящо Богъ даў щастя нашему хазяину“—Іонъ гаворить:—„Ка-
кая?“—А хазяйка радила сына.—„Какая жъ яму щастя?“—А
будить іонъ владѣтъ хазяйствымъ етыга купца.—Ета купецъ
и слышитъ. Патомъ даў Богъ утра, прароки еты пашли, а ку-
пецъ думайтъ, што тутъ сдѣлать: какъ можна, штобъ еткыга
мужука сынъ будить маймъ хазяйствымъ упраўлять? Падажди:
дай испробаю. Вотъ іонъ и гаворить етому хазяину:—Братъ,
хазяинъ, што я тябе буду прасить,—уважъ ты мнѣ“—А ха-
зяинъ гаворить:—„Атчаво жъ, можна“.—Спрасіў у купца: што
вамъ нужна?—„А во што! у тябе сыводни катилась авечка?“—
Да у мяне.—„Братъ, хазяинъ, уступи ты мнѣ етыга ягненка!“—
А хазяинъ и гаворить:—„Братъ ты мой, гаспадинъ купецъ, я
ба радъ вамъ яго уступить, только мнѣ вамъ яго стыдна пра-
дать и жалка дарымъ атдаты!“

— Ну, што хочишъ вазьми, а толька мнѣ уступи!—Вотъ іонъ прадаѣ етыга ягненка, патомъ и гаворить:— „Ну, хазяюшка, сгатуѣ ты мнѣ яго!“—Вотъ ина яго сгатувала, патомъ вытащила съ печи, патомъ поставила яго на вакно, штобы іонъ нямнога прастыѣ; а купецъ пахаживаить па хати, и думанть, какъ тутъ можна таму сбытца, што прароки гаварили: какъ тутъ можить воѣкъ узять, када ужъ сжаринъ и ляжить на вакнѣ? Аткуда ўзяўся воѣкъ, цапъ етыга ягненка и патащѣ; тутъ за имъ съ палѣннимъ, съ раженимъ, а іонъ, какъ пашоѣ, и пашоѣ. Патомъ купецъ сѣѣ, задумаѣся и гаворить ипять хазяину:— „Ну, братъ, хазяинъ, уступиѣ ты мнѣ адну вещь, уступи и другую“.—Хазяинъ и гаворить:— „Какую яще?“—А во, братъ, какую: прадаѣ ты мнѣ ягненка, а я имъ ни пуѣладѣ, —прадаѣ ужъ и мальчика; пускай, какъ я у васъ начуваѣ, даѣ Богъ вамъ два щасты, то я адно купѣ и ни папользаваѣся,—прадаѣ, братъ, и другая!“—Думалъ, думалъ хазяинъ и гаварить купцу:— „Ну, какъ можна мнѣ прадать свайго дитя раднога?“—А купецъ и гаворить:— „Ну, што жъ іонъ у мяне будить забижанъ, или што?“—Вотъ мужикъ думаѣ, думаѣ, узяѣ да ѣ прадаѣ; купецъ узяѣ етыга рабѣнка, и паѣхаѣ. Ъхаѣ, ѣгаѣ, уѣзжаить у лѣсъ, патомъ и думанть, што съ имъ сдѣлать. Стаить пустая липа и душлинатная; іонъ ўзяѣ яго и пасадѣ ѣ ету липу и крѣпка закалатѣ ету дирку. Вотъ іонъ сядѣ тамъ нѣскалька ѣремя, патомъ пашли ахотники на ахоту, прихो-дють ѣ лѣсъ и слышуть: кричить рабѣныкъ. Вотъ яны пах-о-дють къ етому дериву, пасмотрють: дырки закалочины. Вотъ яны узали, разрубили ета дерива и вытащили аттуда рабѣнка, патомъ принесли яго дамой.—Вотъ етытъ рабѣныкъ у тытъ ахотникиѣ жить, да жить, вырасъ ужу парядажныѣ, патомъ стаѣ находитъ сабѣ прапитанія, начаѣ наниматца то у падашки, то у работники; патомъ наняѣся къ етому купцу у пивныѣ за-водъ и спазнаѣся съ яго дочкаю. Патомъ иднажды у нѣхъ ви-шіѣ разговоръ съ купцомъ и спрасѣ купецъ у яго:— „Слышь, ты, галубецъ, аткуда ты родинаю находиеть?“—А іонъ и авичаить:— „О, братъ купецъ, мая родина далека; я радѣся ѣ міру, а нашли мяне ѣ лясу“.—Патомъ купецъ кусъ самъ слѣ-за языкъ и гаворить жанѣ:— „Ну, жана, какъ ни старатца, а етыга работника нада истрябить, да ня знаю какимъ родимъ“.—Патомъ сказаѣ:— „Ну, падажжи: я дабарусь!“—Вотъ іонъ на-

писаў писимъ ў другой заводъ, штоба яго тамъ спатрыблѣли и атдасть яму:— „На, братъ, снеси ета письмо ў такой-то заводъ и такой“.— Вотъ етытъ работникъ узяў письмо и панесъ. Вязить окала церкви, пасматрѣть: тамъ служенія идеть; тотъ іонъ и гаворить самъ сабѣ:— „Ну, какъ можна мнѣ прайдѣть кала церкви мима и ни пумалитца Богу, хотъ хазяинъ мнѣ и строга приказаў, ну, я пайду, пумалюсь Богу!“ — Патомъ къ яму подходитъ знакомый чилавѣкъ, и идеть іонъ ў етытъ заводъ, іонъ и гаворить яму:— „Скажи, братъ, пажалуста, куда ты идешь!“ — А іонъ и гаворить:— „Я иду на заводъ“.— Іонъ и давай яго прасить:— „Братъ, пажалуста, атняси ты маё письмо!“ — А, пажалуй, снясу! — Вотъ іонъ узяў письмо и панесъ на заводъ. Толька падаў письмо, такъ яго схватили и ўбросили ў кателъ; а работникъ етытъ и пашоў дамой. Етытъ хазяинъ увидаў, што іонъ пришоў, стаў удіўляцца и спрашивать у яго: — „Гдѣ ты письмо дѣў?“ — А іонъ гаворить: — „А я ўстрѣтіў знакомага чилавѣка, пупрасіў яго пиридать письмо ў заводъ“. — Купецъ, нямнога пагада, написаў ящо письмо и приказываетъ работнику:— „Ну, братъ, на табѣ ета письмо: нясѣ, да сматри: никуда ни захади!“ — Вотъ іонъ шоў, и шоў ипать кала церкви, видитъ: тамъ ипать служатъ. Вотъ іонъ пашоў у церкву; а купцу етому ужъ на терпитца; іонъ и гаворить:— „пайду ў заводъ, да хотъ пасматрю, какъ іонъ будить кипѣть у катлѣ. Вотъ іонъ только на парогъ, а ети заводчики и схватили яго, іонъ кричѣтъ, и шумѣтъ: — „Братцы, што вы: я вашъ хазяиў!“ — А яны гаворють: — „нѣтъ пардону ни хазяину, ни работнику, а твае приказанія нада исполнить!“ — Вотъ етытъ хазяинъ и скипѣў ў катлѣ, ўмѣста работника. А работникъ пришоў дамой, ажаниўся на яго дочери, стаў жить, да паживать, да добро наживать. Я тамъ быў, медъ, вино піў, па губамъ таяло, а ў ротъ ни капли ни пупала.

Ж 3.

Якъ Кузьма—Димьянъ сказали купцу, што іонъ женитца на валюватый дѣвушки, и, действительна, купецъ жаніўся.

Какъ хадіў Кузьма Димьянъ—па зямли. Какъ яны называютца апосталами, или Богапасланниками, то яны усѣ знали дажа, што ваму упередъ будить. Вотъ аднажды ѣдѣтъ купецъ

на дароги; наўстрѣчу къ яму Кузьма Димьянъ. Вотъ и гаворить Кузьма Димьянъ на купца:—„Здрастуй, гаспадинъ купецъ!“ — Здрастуй, здрастуй, старичокъ паштѣнный!.. „Буда ѣдишь, гаспадинъ купецъ?“—А іонъ гаворить:—Ахъ, мой ты старичокъ, я ѣду,—самъ низнаю куды... Хатѣу було жанитца, да и самъ ни знаю, куда ѣхать у сваты. Пасавѣтай-ка миѣ, мой милый старичокъ!—„Вотъ, я табѣ пасавѣтаю!“ гаворить Кузьма Димьянъ купцу:—„Паизжай-ка, идѣ ты заначуишь, то тамъ твая и дружка“. Вотъ іонъ ѣхаў, ѣхаў, падъизжантъ къ дареўни; ўремя ужъ начувать. Вотъ іонъ пріизжантъ къ знаёмаму мужуку и гаворить:—„Пазволь, братъ, пиринучувать!“... —А пажалуйтя!.. Вотъ узѣѣхаў на дворъ, приказаў работнику атлажить лападей, а самъ увайшоў у хату. Ну, какъ хазяинъ багатый, то іонъ приказаў сваей хазяйки или дочки паставить сумуваръ. Вотъ яны паставили, патомъ садятца пить чай. А купецъ ходитъ, ходитъ, да пасматриваить на яво дочку, а ина, такая валюватая, што на яе проста страсть сматрѣть. Патомъ іонъ и спрашнїть:—Хто ина вамъ?—„А ета мня дочка“. Патомъ етытъ купецъ кусъ самъ сабе зъ язытъ; сичасъ и ўспомнїў, што яму гаварїў Кузьма Димьянъ и думаить самъ сабѣ:—„Няжъ ета мня будить дружка?“ Сичасъ и тронула яво сердца:—„Падажжи“, гаворить іонъ самъ сабѣ.—„Вазьму яе и зарѣжу: патаму што, какъ миѣ, такому малайцу, да братъ жонку такую валюватую?“ А ина, какъ сидитъ сардепная ажъ хрипить, а воля ета на калѣннихъ ляжить. Вотъ іонъ уздумаў:—Какъ ляжуть спать, то я яе вазьму и зарѣжу!.. Вотъ іонъ найстріў ножъ и пасматриваить, идѣ ина будить лажитца. Вотъ ина лигла за сталомъ на лаўки, а іонъ на другой. Патомъ када уси успались, іонъ какъ выхватиў ножъ, да какъ парнеть у ету самую волю, ина брякъ падъ лаўку, а купецъ скарѣй на лошадей, только и быў такоў дамой. Тутъ справили takiej приналохъ:—„Хто тябе, хто тябе?“ А купца тога и слѣдъ прастнїў. Патомъ дѣўку выличили, воли етый ужъ ни стала: такая стала умная и красивая. Черизъ нѣскалька ўремя, черизъ годъ или черизъ два, призжантъ етытъ купецъ у сваты къ етому мужуку. Патомъ высватаў іонъ и ажаниўся. Патомъ черизъ нѣскалька ўремя замѣтиў іонъ у яе етытъ шарапъ и спрашнїть у яе:—Што ета такая, милая мая, у тябе на шей? А ина гаворить яму:—Ахъ, милый мой, на мене быў злучай. Аднажды замѣ-

жаны кь намь какой-та пранзжающій или разбойникъ. Вотъ іонъ хатѣу було мене зарѣзати: у мене на шны была ткая большая воля, іонъ мене якъ сикануу нажомъ у ету нарасть,— такъ, што я асталась чуть жива. Вотъ купецъ и гаворить ей:— Ну, милая мая, ета я у васъ тада быу: прости мнѣ, милая мая, я ни самъ сабою, а мнѣ случилась па дароги. Стрѣтіўся са мною Кузьма Димьянъ и гаворить мнѣ:—Ета твая нявѣста! Я пасматрѣу на тябе,—пряма и спужаўся:—вотъ я и хатѣу зарѣзати.—Вотъ яны узали пацулувались, стали жить, да паживать, да добра наживать.

№ 3.

Купецъ женитца супраті сваей воли на гарлуватый дѣвушни. У свадьби якая ниму судьба.

Какъ було у старня годы: то хадили апосталы и Богъ на зямли. Вотъ аднажды ѣдить купецъ, а кь яму на ўстрѣчу Богъ или апостылъ; канѣчна, какъ Святѣя духи, то яны знаютъ, што члавѣкъ не токма што гаворить, а дайжа што думанть. Вотъ яны и спрашіють у яго, ти халостый іонъ, или жинатый, а купецъ гаворить:—„А ящо халостый“.—Ну, а жанитца ты хочишь?—Спрасіў у яго Богъ, а іонъ ни знаў што ета Богъ и гаворить:—„Да, батюшка, хатѣуба, да никакъ ни найду нявѣсты“.—Богъ и гаворить яму:—„Панзжай ў такой-то горыдъ: на дароги будить садѣть дѣвушка, то твая нявѣста“.—Вотъ іонъ паѣхаў и гаворить самъ сабѣ:—„Дай узнаю сваѣ щастя!“ Только ўѣхаў ў горыдъ, на ўстрѣчу кь яму идеть ваданоска, каторая па гораду ваду носить, за кусокъ хлѣба, для прапитанія, и такая никуратныя и гарлуватыя; іонъ и думанть самъ сабѣ:—„Я какой маладецъ: и красіў, и багаты, да такая мнѣ дружка, — падажжи: вазьму я яе съ сабою, пувязу ў лѣсъ и убью“. Вотъ іонъ и гаворить ей:—„Паслушай, дѣвушка: пади ка мнѣ!“ Вотъ ина падходитъ кь яму, іонъ бяретъ яе съ сабою, павезъ, увезъ яе ў лѣсъ и давай яе битъ: біў, біў, біў, патомъ узяў и бросіў, а самъ паѣхаў. Вотъ ина тамъ качалась, качалась; патомъ хто та нашоў яе, и привязли яе дамой. Вотъ ина выличилась, такая стала красивая дѣвушка и павправилась етиму купцу. Вотъ іонъ и давай яе сватать за сябе, а ина согласна.

Патомъ яны привинчались; вотъ яны лягли спать. Патомъ етытъ купецъ прятанулъ на яе руку и зашупалъ у еѣ на тѣлу шарамы; вотъ іонъ и спрашнѣть: Што ета такое у тебе на тѣлу: ты сама сабою хараща, а у тебе на тѣлу какія шарамы? А ина и гаворить яму:— „А, мой ты милинькій, разсказать табѣ пра мой злучай, што на мяне было? Сказать праўду, я была ваданоскою. Вотъ я нясу ваду, только иду на вулицы, стрічайтца са мною какой то купецъ и гаворить на мяне:—Здрастуй, вумница!“—А я гаварю:—Здрастуй, баринь!.. „Садись са мною, паѣдимъ!“—А я гаварю:—А, мой ты галубчикъ, аѣз я съ табоемъ поѣду? Патомъ раздумалась, сѣла и паѣхала. Вотъ іонъ мяне вывизъ за городъ на поля, патомъ ссадіў даложъ съ тѣлѣги, да какъ узяў сваю карнатку, да какъ стаў дѣить,—дѣилъ, дѣилъ, такъ што зрубіў усю на шмѣття. Патомъ я то ракымъ, то бокымъ, припаўзла къ дареўни; вотъ я выличилась“. Купецъ и гаворить ей:— „Ну, милая мая, признаюся я табѣ: ета я тебе біў, и разсказать табѣ за што. Мнѣ сказаў одинъ, што ета твоя нявѣста, то я и думаю самъ сабѣ, какъ можна мнѣ, такому лицу, какъ я—называюсь купецъ, а ты была тады ваданоска, усё раўно, што нищя, жанитца на табѣ: такъ мнѣ и тронула серца“. Патомъ яны обнялись, пацалувались; стали жить, да паживать, да дабро наживать. Я тамъ быў, медъ вино піў; на губамъ тѣкло, а ў ротъ ни пупала.

№ 4.

Абъ Ивани Бизщастнымъ. Абъ Николи, абъ Ягоры.

Мать Ивана Бизщастныга аскарбила Ягорья: выкадала яму вока—за то Ягорья уряждѣ дѣлаить сыну абидчицы — Ивану Бизщастному, а Никола заступаитца за Ивана. Ягорья ніўку Иваныву градымъ пабѣть, скотъ яго паморить, изъ хлѣбушка споръ вынить; а Никола усю уряжду на пользу Ивану абричайтъ и, напаслѣдки, на пирушки, мирить Ягорья съ Иванымъ Бизщастнымъ.

Шли аднажды у субботній день Гаспотъ, Ягорій и Никола дарогаю окала бани, и спрашнѣть Ягорій у Госпада пазваленіа пасматрѣть, хто мытца у бани. Гаспотъ, знаючи, што мытца у бани жэнщины, и гаворить Ягорьюшки:— „Ягорій, ни гляди

и ни любаштствуй: такъ на слѣдуитъ табѣ“.—А Ягорій на-
стаиваитъ на свѣѣмъ,—кажитъ:—„нѣтъ, Госпади, пасматрю!“

Гаспотъ и гаворитъ яму:—„ну, пасматри сабѣ, да ѡпасли
ни кайся!...“ Ягорій и стаѹ сматрѣтъ у вяршокъ. Падъ вярш-
комъ сядѣла баба бяреженная. Ина усматрѣла, што сматрѣтъ
мужской полъ у вяршокъ и гаворитъ яму: — „ни палагайтца
мужскому полу сматрѣтъ на жѣньскій полъ и торнула яму у
глазъ пальцымъ, и пашоѹ Ягорій прочъ итъ бани заплакаѹши.

Гаспотъ и гаворитъ:—„што ты, Ягорій, плачишь?“ Ягорій
и гаворитъ Госпаду:

— „Жѣнщина торнула мяне у глазъ пальцымъ—чуть глазъ
ня выкалала“.—Гаспотъ гаворитъ Ягорію—„Я табѣ гаворилъ,
што глядѣтъ у баню ни палагайтца“.

— Ну, Госпади, ни пращу я етый жѣнщины: ина якъ ро-
дитъ сына—будитъ атъ яе сынъ Иванъ, Сынъ Бизчастный.

Гаспотъ и кажитъ Ягорію:—„да, чимъ жа рабеныкъ вину-
ватъ за матку? Іонъ яще у чреви,—ничаво на смыслить и ни
панимаитъ“.

— Нѣтъ, Госпади, ни пращу я ей етый вини: якаво жа
и мѣ таперь безъ глаза.

Жѣнщина радѣла сына; налагожили яму имя Иванъ. Иванъ
жѣѹ, жѣѹ и ужу дайшоѹ да савяршенналѣтѣй; заводитъ сабѣ
хазайства, якъ и добрый стаѹ хазяинъ—усѣкія живаты у яго
іостъ. Узнаѹ пра ету яго харошію жистъ Ягорій, пубядіѹ яго
усѣ хазайства; іонъ паслаѹ на скоть яго ѡпадъ, а на хлѣбъ
яго гразу. Живаты яго, адѣ хадили, тамъ и прапали; а на
паласахъ яго хлѣбъ, имъ засѣянный, градамъ пумясила и съ
зямлей. Заплакаѹ горькими слезами бѣдный и горькій Иванъ
несчастный, и кажитъ самъ сабѣ:—„знать, я Госпыду Богу
стольки ужу нагрѣшѣѹ, што Гаспотъ липіѹ мяне и жива-
тины, и хлѣбъ памѣсіѹ градамъ“. Дѹляйтца Ивану Нисчас-
тану Николушка батюшка, угодинокъ Божій, скорый памощникъ;
гаворитъ яму: „Што ты, Иванъ Нищастный, такъ гарюишь; а
чомъ ты такъ слезна плачишь и туга гарюишь? — Ни плачь,
Иванушка! дѹни кожи, вязи у горать прадавать; што запро-
сишь, то и палучишь. Запросишь за кожу цѹ пяти рублей,
дадѹтъ деньги; а запросишь па десяти рублей, дадѹтъ и па
десяти“. — Тады купляй пашаницу и сѣй сваю землю, и, идѣ

будить асаватца у сасѣдїй насѣинная зимля, засивай и чужую,—ня гляди на то, што зимля худая: Гаспоть зародить“.

Иванъ Нисчастный, разработаў земельку, забраў чужую землю у сасѣдїй, параспахавъ и пазасѣіў пашаницу. Гаспоть и ў праўду зародилъ такую пашаницу, што и срѣзу не была. Идутъ пу мяжи Гаспоть, и Никола, и Ягорій, якъ ужъ хлѣбъ зародіўся и начаў сазрѣвать. Ягорій спрашїить у Госпада: „чїя ета пашаница?“ А Гаспоть твичайт! — „Свѣтъ Ягорій, ня жъ ты, Ягорій, ни знаишъ, чїя ета пашаница?!“...—Нѣтъ, Госпада, ни знаю.—Гаспоть кажить яму: „ета пашаница Ивана Нисчастнага“.—Ау, Госпада! нашла я на ету пашаницу такую большую гразу—пабью ету пашаницу и съ зямлѣю смяшу. — И пашли атъ етїй пышаницы. Никола абратіўся къ Ивану Нисчастному и гаворитъ яму: — Иванъ Нисчастный, сматри: ни да-держивай пашаницу да большога успѣху, сабирай талаку, жи пашаницу, сваживай и клади у скирды!... Иванъ Нисчастный сабраў талаку, жнетъ пышаницу и сваживаитъ у скирды: пажали и у скирды памитали. Устали грозы сильныи, пашли грады буйныи: намасили ржищи пшонныи съ зямлѣю. Патомъ Гаспоть, Микола и Ягорій пашли па гумнамъ дасматрѣтца, сколько чернь убрали хлѣба.

Ягорій и кажить Госпаду: „сколько мы хадили па гумнамъ, но нигдѣ ни видали столько хлѣба, што у етыва хази-ина пышаницы: — адѣ іонъ будить дивать пашаницу?“

(А ета пышаница и гумно были Ивана Нисчастнага). Ягорій свѣтъ и ни знаў, чїя ета пышаница и гумно. И спрашїить у Госпада: „Госпада, чїя ета пышаница и гумно?“ А Гаспоть атвичайт: „Ахъ, ты, Ягорій, рази жъ ты ни знаешъ, чїя пышаница и чїе гумно? Вѣдъ все ета Ивана Нисчастнага“.

— Ну, кали ета пышаница Ивана Нисчастнага,—ня будить у ѡй спору: сколько іонъ ня будить садить на авинъ, усигда будить выхадить съ авина только пять мѣрѣ. — Атавратіўся угодинокъ Божїй къ Ивану Нисчастному и гаворитъ яму: — Иванъ Нисчастный, сади на авинъ пу пяти снапоу: у чатыри угла на снапу, а пятимъ снапомъ акно закрывай! Иванъ Нисчастный пакланиўся Миколушки батюшки и стаў садить пышаницу на авинъ пу пяти снапоу;—намадатіў столько пышаницы, што пазасыпаў ня то што амбары, а и всѣ сараи. Вздумаў Гаспоть асматрѣтъ, сколько находитца у черни хлѣба у закрамахъ,

узяў съ сабою Миколушку и Ягоріа. Хадили, хадили, дашли да дому и Ивана Нисчастнага и увидили у Ивана Нисчастнага столь многа пышаницы: уси закрамы у амбарахъ, уси сараи присыпаны.

Вотъ Ягорій и кажить Госпаду: „Госпади, адѣ будить етній мужичекъ дивать казну сваю?!... Сколька у яго пышаницы!...“ Гаспотъ ипять гаворить Ягорію: „Ягорій, ти знаишъ, чія ета пышаница?“ А Ягорій атвѣтствуютъ:—не знаю!

— „Ета пышаница Ивана Нисчастнага“.—Ня будить жаму спору!—гаворить Ягорій:—кали будить прадавать, то за адну мѣрку пышаницы у яго будить ухадить двѣ мѣрки. — Атавратіўся къ Ивану Нисчастнаму Микола и гаворить яму: „Иванъ Нисчастный, прасикай у имбара другую дверь у другой стянѣ, а ету дверь задѣлай: тады будить у тебе споръ, — ня бойся!... Прадавай пышаницу ды Ягорья и спраўляй двѣ свячѣ: Микольскую свячу паменій и Ягорыўскую паболій. Мы на гулянья ваша придемъ къ табѣ у домъ у траемъ, а ты насъ выжидай!“

Пасади насъ за столь: пастарѣйшага на самыи кутъ, а другога малажѣйшага пасярѣдъ, а третыи҃а рѣдамъ съ малажѣйшимъ, и старайся угащать сярэдни҃а малажѣйшага якъ нильза болій, а насъ хуть и паменій; — мы за то абиждатца на будимъ“.

Иванъ Нисчастный справіў двѣ свячѣ: Микольскую паменій, а Ягорыўскую паболій. Зазвалъ іонъ сасѣдіў на багамаленія; сабралісь уси и ажидають парядеу. Тутъ сусѣди и гаворють Ивану Нисчастнаму: „Што жъ ты зазваў насъ на шутку знать? Ни угащашъ ничимъ!...“ Иванъ Нисчастный и гаворить имъ; „пагадита, братцы: я дажидаю добрыхъ людей ящо къ сабѣ: хлѣба-соли хватить су ўсѣхъ! Ну, давайте Богу малитца: добры люди авось скоро падыйдуть“. Пумалились Богу, и яны утрамъ пришли. Иванъ Нисчастный радъ быў имъ такъ, якъ душѣ сваей; содить ихъ за столь, и увесь народъ пасадіў; стаў ихъ угощать разными наѣдками и разными винами: Госпаду Богу и Миколи па рюмки, а Ягорью двѣ и три. Стаў Ягорьи нависили, и гаворить Ягорій:—„Госпади, у якога-та хазяина мы нахадились на чести?“—Гаспотъ и гаворить Ягорію:—„Свѣтъ Ягорій, няго жъ вы ни знаи҃та, у якога хазяина мы на чести?—у Ивана Нисчастнага“.—Тады

Ягорій змилюваўся надъ Іванымъ Нисчастнымъ и гаворить:— „Госпади, пашли яму шастя и ў поли, и ў доми, и я пращаю яму, што яго мать мине ускорбила!... „Публагадарили за хлѣбъ-соль, за ўсё угащѣніе“: пашли табѣ Госпади шастя и ў поли, и ў доми, чаго ты ить Госпада Бога желайшь!...“ Съ тыхъ поръ и таперъ Іванъ Нисчастный живеть счастлива и багата.

№ 5.

Ибъ святымъ Николи и Ягорью. Якъ Ягорій пумагаў мужику, а св. Ягорій, насупрати Миколы, усякую уряжду дѣлаў.

Ишоў Никола святэй съ Ягорьимъ, идуть яны — мужикъ выѣхаў. пахать пашаницу—ляда.

— „Ягорья, пайдемъ пасобимъ яму — спасибо скажить!“ Приходють къ яму:— „Бохъ помачъ, мужичекъ! Што ты хатишь тутъ дѣлать? Мы тибѣ пасобимъ пахать“.

— Што жъ вы мнѣ пасобити—на аднѣй кабыленки? Я и адинъ запашу.

— Ни нада твая кабыленка: мы такъ успашимъ. Пусти яе на лухъ, а мнѣ ана ни нада. Ты, Ягорій, дяржись за рагачъ, а я стану у вобжи. Аtmѣтъ, мужикъ, намъ дисятину, сколькы тибѣ пахать“.

Аtmѣтіў имъ дисятину мѣста. Микола стаў у саху, а Ягорій за рагачъ и паѣхали; здѣлали хрестъ — зямля уся паднилася.

Мужикъ и благодарить ихъ:— „Благодаримъ вамъ пакорна!“

— Скажи, мужичекъ, хто важнѣй: што у сахѣ стаяў, ай, што за саху диржаўся—хто даражѣй будить стоить?

Іонъ думаў, думаў.

— „Дорахъ коникъ: бизъ каня пахать ня будишь, а съ канѣмъ и баба успашить“.

Пашли яны; Ягорій сказаў:— „Ты мине будишь бабыю звать, будишь сміятца кала мине“.

Гаворить Ягорій Николи:—Я яму зямлю ипять палажу: ляжить зямля и приживетца.

— „Слушай, Ягорья: іонъ ни знаить, што мы угодники Божии, и іонъ намъ абаймъ гаваріў спасибо. Брось—ня дѣлать етыва“.

Ипать вядеть Ягорья къ етому мужику. Мужикъ выихнуъ сѣить.

— „Пайдемъ мы къ яму, разсѣимъ: іонъ намъ спашиба абаимъ скажить“.

Приходятъ.— „Бохъ помачъ, мужичекъ! Што жъ ты хочишь пашаничку сѣить? Нихай мы тибѣ разсѣимъ“.

— Добрыи люди, што жа васъ бизупаконтъ? Я самъ ужъ пасѣю.— „Мы якъ пасѣимъ—съ троя пригарщиѹ Бохъ зародить.

А ету чвѣртку пумяли и накарми датеѹ паслѣднимъ. Намъ троя пригарщиѹ—болій ни нада!“

Микола усыпаѹ троя пригарщиѹ у сивалку.

— „А етий мѣхъ завяжи, дитямъ пумяли: ета дитямъ будить. Ты, Ягорья, палаши мѣ, а я пашаничку раскину!“

Ягорья стаѹ ляпнуть нахристь пу паласѣ, хрястомъ пирлсѣили.— „Ну, мужикъ, Бохъ съ трая пригарщиѹ зародить — убирай только!“

— А хто у насъ важинъ: ти сявецъ, ти лященникъ?

— „Ай, батюшки мае, важинъ у насъ сявецъ, а лященникъ—и баба, и тая лѣпшить!“

— Пращай, мужичекъ!

Ишедши, гаворить Ягорій:— „Стала быть я баба, а дорахъ—важинъ сявецъ—ты: таперича узварачу зямлю назадъ—ипать приживѣтца, ипать будить лухъ“.

— А, Ягорья, ня ссорься ты зъ мужикомъ, ня гнѣвайся: якъ ба іонъ знаѹ, што мы угодники, дыхъ ба абаихъ паважай—за низнанія іонъ сказаѹ!

— „Нихай сабѣ сѣить — будить яму зарысть, а владѣть ня будить—пусть растеть сѣинны!“

— Якъ ня будить владѣть?

— „Пущай растеть усе у мѣсицѣ, а тамъ увидимъ“.

Пашаница выросла якъ быть—двѣ четвирти колысъ.

Ягорій гаворить:— „Радантца мужикъ пашаницы, а владать еѹ ня будить“.

— Чимъ ня будить владать?

— „А я пользоваѣтца ни дамъ!“...

— Што жъ ты яму здѣлаишь?

— „Напрашу Илью Святова, штобъ наслаѹ іонъ бури—грозы,—штобъ навозымъ паклали яго хлѣбунга къ земли, — хлѣбъ пусть прѣить!“...

Никола іўляйтца кь мужику.— „Мужикъ, продай папу пашаницу: а то усю Ягоріѣ паложить!“

Мужикъ приходить кь папу.— „Батюшка, купи миѣ пышаницу! Видали вы яе?

— Видіў.

— „Купить вы яе у мене?“

— Што тибѣ за яе дати?

— „Што, батюшка, пажалантя“.

— Я дамъ тибѣ сто рублей.

Узяў сто рублей. Наканецъ пришла ночь, и Ильѣ паклаў усю пашаницу, приватіў, якъ барно, бурій—палигла уся.

На заўтрыва, деньги атдаўши, попъ выходитъ глядѣть пашаницы, глянуў—руками пляснуў:— „За што я 'тдаў дѣнги—за навозъ!“

Никола кь Ягорью приходить:— „Што ты, Ягорья, знаишь? А вить мужикъ хитрѣй за насъ угодникиў“.

— Чимъ такъ?

— „А іонъ папу пашаницу продаў“.

— Што іонъ узяў?

— „Да сто рублей.—Ты надѣлаў бяды: вить попъ помреть. Ты вить знаишь: папы жадны. Ты ета на себе грѣхъ узяў—попъ на диньгахъ жиў ня будить“.

— А дакъ іонъ папу продаў! Падуму же папу—и адинъ колысъ ня учинить.

И падняў у ночь усю пышаницу. Якъ была, такъ и стала ипать. Приходить кь мужику Никола:— „Наси папу дѣнги: ипать назаўтрига падымитца пышаница“.

Пабѣхъ пирядъ вечиримъ, яўляйтца кь папу, а попъ яму и гаворить:— „Ухади ты, с... сынъ—абманіў! пышаница палигла—а ты яе продаў“.

— Батюшка, нати ваши дѣнги назадъ: я принесъ да капѣйки.

Пашитаў попъ—уси дѣнги.

Пашоў мужикъ глядѣть пашаницы: уся пышаница, вакъ трость—ни адинъ колысъ ня ўгинуў.

Никола іўляйтца ипать кь мужику:— „Хади, мужикъ, ни зивай: ана, пышаница, паспѣить тибѣ у три дни,—только сабирай талаку бабъ сорахъ, и жни, и вази!“...

Іонъ сабраць на третій день талаку, бабъ сораць узяць и вазиць; наклади гумно и скирды змитаи.

Микола абарачаитца къ Ягорью:— „Што ты знаишь, Ягорья?“

— А што?

— „Етый мужикъ хитрѣй за насъ, угодникы Гасподнихъ“.

— Чимъ?

— „А вотъ чимъ. Пирикупилъ пышаницу у папа: сталъ поць абиждатца, іонъ знёсь палу дэнги... А ты поднилъ пышаницу мужику, мужикъ ею авладаетъ“.

— Ну, ня будить насъ хитрѣй! я здѣлаю яму такую шутку.

— „А што жъ ты яму здѣлаишь?“

— А я яму споръ выню.

— „Якой?“

— А хуть 10 копъ содь—усе асьмина будить выхадить.

Никола абарачаитца къ мужику ипать.

— „Мужикъ, сматри жъ ты содь пу пяти снапоу у авинъ: пу углахъ па снапу, а пятый у вакнѣ—усе асьмина будить выхадить“.

Мужикъ абарачивался садить пышаницу. Пять снапоу пасадить, васьмина выйдить.

Скольки времй малатиу, насыпау цѣльный имбаръ.

Микола абарачаитца къ Ягорью,

— „Што ты знаишь, Ягорья?“

— Што?

— „Мужикъ хитрѣй за насъ“.

— Чимъ?

— „А іонъ якъ падлидился пышаницу малатить: пять снапоу пасодить—асьмина выйдить“.

— Нѣ, ня будить іонъ хитрѣй угодникы: я яму здѣлаю шутку.

— „Яеую?“

— Утаню злыдню у вѣ имбаръ: усю пышаницу пиряносить.

Микола абарачаитца къ мужику.— „Што ты, мужикъ знаишь?“

— А што?

— „Сматри: забей двери старыи наглуха, а новыи праруби сзадѣ“.

Микола абарачаитца къ Ягорью:— „Што ты, Ягорья, знаишь? Мужикъ хитрѣй за насъ, угодникы Божыхъ“.

— Чимъ хитрѣй?

— „А вотъ чимъ. Забіў старыя двери наглуха — злыды твая сядить, даждаець, накедаць атворить, а сзаду-та мужикъ прарубіў двери и аттуда вышущаць пышаницу, прадасть у новыя двери“.

— „А дакъ іонъ хитирь—харашо жъ!“

— Што жъ ты яму здѣлаишь?

— „Пайду къ Ильи, штобъ іонъ панаслаў грозы—вѣтръ бури—моланни, штобъ яво домъ размяло и ни была ничаво на чистымъ полю, када іонъ хитирь“.

Никола абаратіўся къ мужику: — „Мужикъ, смотри: твоі домъ запалить Ягорья“.

— А чимъ жа мнѣ милуватца?

— „Я тибѣ научу. Придѣть васкрасення, иди у церькву, купи двѣ свѣчкы: одну грашавую, другую питаковую; грашавую умарай у сажу, — питаковый ни марай. Ставь къ Ягорью, къ образу и гавари:“

— Святѣй Ягорья Хвабрый, угодинокъ Божій, ты правдикъ Божій: вотъ тибѣ свѣчка чистинькая; а ету грашовую пастаўлю Миколи-обманьщику.

Падходить Никола къ Ягорью:— „Прасти ужъ ты яму: іонъ тибѣ праведнымъ апостылымъ пачитаить, а я абманьщикъ—а ты жъ нищо на мужика гнѣваксья!“...

Прагаваріў тада Ягорья:—Ну, Гаспотъ зъ имъ: пусть владаить дабромъ! Бохъ зъ имъ!“...

Ж 6.

Якъ Никола помохъ бѣдному мужину, а пѣтэмъ бѣднымъ мужикъ, стаўши тўмаримъ, нїўвѣмча супрати Микола пўступіў.

Никола угодинокъ скаліўся надъ мужицкѣй биднатою,—стаў прасить у Бога дазваленія памочъ мужику:— „Госпади, дазволь мнѣ такога-та мужика здѣлать богатымъ!“

Бохъ и гаворить:— „Да, іонъ жа, абагатѣў, тѣбе першымъ надуить“.

— Нѣтъ, Госпыди, іонъ глупа ня здѣлаить: я яго знаю.

— „Ну, паглядиць!“

Гаспотъ здѣлаў такъ, што мужикъ разбогатѣў..

Потѣмъ нашоу Гаспотъ зъ Миколу на зямли и зайшли у домъ тѣга мужика, каторыга здѣлали багатымъ.

У мужика была у тѣй день талака, была многа народу; Гаспотъ и Никалай угодинокъ пупрасились у хазяина на ничъ. Хазяинъ зъ гнѣвымъ на ихъ заарау: — „Даліѣй пашли! Няжъ вы, братцы, слѣпы, што у мене талака“.

Гаспотъ было ужъ мима ихъ прайшоу; а Микола давай стучатца, да стучатца. Хазяинъ таки ихъ пустіу. Лягли гости спать: Гаспотъ на печки, а Николу на лѣжанки.

На другой день ницѣ имъ развидѣла, а хазяинъ своихъ гостей ужу будить: — „Ну, гаспада нашлежники, пашли пумагать на гумно малатить!“...

Яны спрасонку патихоньку напратывались, а хазяинъ аскрчау: узяу пруть и давай тымъ прутымъ бизувать Николу, а, якъ пруть слумауся, нашоу за другимъ.

Бохъ тымъ часымъ приказау Николи лечъ на печки, а самъ лѣхъ на лѣжанки.

Хазяинъ, якъ зваратіуся, крикнуу: — „Што жъ вы ящо ни адѣлись?! Ну, теперъ задниму паддамъ — паредниму ужу паддау“.

Николи вить пупала: нихай за дурака ня просить.

Пашли на гумно.

Снапы съ авина выбрасили и насадили у пасадъ.

Бохъ узяу свячу изъ хванаря да и наджоухъ снапы.

— Што ты ета дѣлаишь? Спужауся мужикъ.

— „А ничога—гляди!“

Сматрѣть хазяинъ: салома сама па сабѣ, а зярно ляжить чистыя на таку. Зярно ўсыпали у машки; тады хазяинъ сказау спасибо нашлежникамъ.

Гаспотъ и Николу пашли сванымъ путѣмъ.

А на другой день вутрымъ хазяинъ хатѣу абмалатить снапы, якъ нашлежники — и падналиу салому: гумно згарѣла, хлѣбъ згарѣу, и стау хазяинъ бѣдинъ, якъ и даурѣжда.

№ 7.

Гуріѣ—Самойла за несчастную женщину заступились.

Гуріѣ и Самойла были священники при храме Божьимъ. Яны привиньчали па ашибки адну дѣвушку съ жинатымъ члавѣкомъ.

Якимъ-то родамъ у другимъ горади ужъ, а ни Сماعيلскы, не стали мучить и у землю закапали.

Пу малитви Гурія и Самойла, ина пиринислась живая у Сماعيلскъ и стала жить са своими сродственниками.

№ 8.

Старецъ съ ангеломъ путешествуетъ, и ангелъ показываеъ старцу справедливость Божию, гдѣ старецъ не признаеъ ее и не видитъ.

Адинъ чилавѣкъ сядѣу вѣдди дароги, ни мала прасядѣу— тридцать лѣтъ, и ужъ яму сдѣлалось наважденіа.— Пранжал два прикащика, падали яво, атѣхали, увиду яво лашадей атлажили, начали абѣдыть, агонь разлажили, шкатулку денегъ вынули, лашадей выкармили, лашадей залажили, паѣхали, а денги забыли. Скотникъ увидау аганекъ, пришоу къ агню, не- вагда яму абагриватца; узяу шкатулку падъ палу и пашоу. Въ скорымъ жа времени идеть чилавѣкъ етымъ жа путемъ за при- кашниками; разлажѣся къ готовому агню, штоба паабѣдять; а прикащики хватилися, што забыли денги, варатилися назадъ, начали спрашивать у етыва чилавѣка, каторыва дди агню зас- пѣли, спрашиваютъ у яво:— „Ты денги узяу?“— Іонъ атвичаеъ:— „Я ни видау“.— Аны начали яво нагайками сѣчь:— „Гавари!“ А іонъ атвичаеъ:— „Я ни брау!“— Аны яму прилумали руку:— „Ти ты?“— Нѣтъ.— Аны заваратили лашадей и паѣхали. А етытъ старицъ, што дди дароги сядѣу, ету бяду видитъ, што сказнили мылайца бизъ вины. Етытъ старицъ бросіу ета мѣста и атсюда ушоу, пубыаушись, што яво будутъ тигать за ета дѣла—пашоу дарогую. Случіуся къ яму тыварышъ, и яны наши у дваеъ. Абнила ихъ ночь, просютца яны у хазяина прирн- чувать. Хызяинъ ихъ принимау, гаворить:— Прашу пакорна: ваши, можа, ноги былять.— Сичасъ іонъ имъ паслау пастелю и паставіу имъ на столъ кушання, и паставіу имъ штохъ водѣ, и сярэбриную рюмку вызалачиную:— „Вотъ вы пейта и ѣшта, и атдыхайта!...“ Яны заснули нѣскалька ўремя, етытъ жа чилавѣкъ, каторый прилучіуся на дароги къ етому старцу, устаеъ рана и будить яво; гаворить:— „Пайдемъ, братъ!“— Старицъ етытъ гаварить, што нада публагадарить хызяина, а іонъ та-

ворить:— „О, будишь блыгдарить хазяина!“ И узяў етыть чилавѣкъ рюмку сребриную вызымычиную, уклаў у сумку; ипать пашли путемъ свазимъ. Толька у етыга старца ужъ на сердцѣ начиста, што іонъ прасидѣў для дароги тридцать лѣтъ, и тамъ чилавѣка да полусмерти прибили у яво виду, и у каторага хазяина начували, таварышъ уташіў рюмку за хорошую хлѣбъ-соль. Прайшли яны ящо день, просютца у другога хазяина пиринучивать. Хазяинъ ни пуцаить, етыть стариць гаворить:— Пайдемъ, братъ, дальши!... А етыть жа чилавѣкъ, баторый украў рюмку, гаворить:— „Будишь праситца на ничъ“. — Буда васъ пуцаить, лѣшихъ?— „Пажалуста, пуститя!“— Дакъ вонъ ступайтя у свинникъ, ляжтя!— Етыть стариць и гаворить:— „Пайдемъ дальшій: у свиннуху ни харашо“.— „Нѣтъ, пириначумъ, када пуцаить“.— Лягли яны у свиннуху. Пиринучували. На заўтрига етыть стариць будить раненька:— „Пайдемъ, братъ!“— Братъ, нада, публыгадарить хазяина.— Стариць етыть надаждаў, што таварышъ просить. Хазяинъ устаў, пашли яны благадарить хазяина:— „Блыгадарю, хазяинъ, за нашлегъ!“— Вынимаить яму рюмку, за нашлегъ дѣрить:— „Вотъ табѣ за нашлегъ рюмка!...“ Старца узяла зазноба: у хорошига чилавѣка были прилична приняты, а у етыга плута затворины у свиннухъ, и ету рюмку іонъ яму атдаў, а у добрыга чилавѣка уваруваў. Пашли ипать путемъ. Стариць большоя имѣў сумлѣніе, стаў расказывать и начаў гаварить:— „Богъ нашъ несправядліў“.— А таварышъ гаворить:— „Чимъ несправядліў?“— А я табѣ разскажу пра сваю дасаду. Я прасидѣў 30 лѣтъ водли дароги. Праизжали прикащики, мяне падалили, кармили ламадей у виду. Выкарміўши ламадей, паѣхали, а шкатулку денигъ забыли, а скотникъ пришоў къ агню, узяў шкатулку и пашоў за скатомъ.— За што яму дастались деньги?— „А за то, што іонъ пасеть вѣскалька лѣтъ, а яму плотють пазаднымъ хлѣбнымъ; за ета яму Господь и даў“.— А за то што жъ етому маладцу, руку пириламили?— „А за то, што іонъ ударіў атца и матирь; вотъ за то-та яму руку пириламили.— А еты деньги падсыланы, иминна, къ табѣ; еты деньги разбойницкія, грабѣжныя,—ни сагласисьтя ихъ узять, а ты ни сагласіўтя“. Тада іонъ и гаворить ипать на свайго таварыша:— „Аднача, братъ, и ты несправядліў.— У первага хазяина мы были приняты, и питаннѣ, и иданнѣ, и пастеля была паслана; а ты яво ни пуб-

лыгадаріў и рюмку у яво увакраў: а у плута-хызяна пупра-сіўся, дыкь іонъ намъ назволіў начувать у свиннуху, — и ти за свиннухъ публагадаріў, и рюмку узяў и падаріў, у добрыма чилавѣка увакраўши“. А стариць гаворить: Паслушай, братъ, ета рюмка хвалышывал: ету рюмку найдуть, дакъ за яе нака-жутъ кнутомъ и ў Сибирь аташлють. Тога хазяина, каторый насъ приняў харашо, тога ня стоить, а вотъ етыга стоить, каторый насъ пустиў у свиннухъ начувать, идѣ свинная вони. Када паживешъ, услышишь: яво пашлють на дароги — „А ти хто такой?— А іонъ яму гаворить: „Я ангиль!“ и улятѣ. Посли етыва етытъ чилавѣкъ, каторый ихъ затваріў у свиннухъ, быў посланъ по дароги.

Ж 9.

Абъ Судьи Правиднымъ, абъ лягушки, вугри, смерти и Николи угодники.

(Село Пречистое Духовшинскаго уѣзда).

Была ета время: таперь выбираютъ судій на три года, а выбрали Судью Правидныма на тридцать лѣтъ. и сядѣлъ іонъ 30 лѣтъ зъ глазами, никаму пашѣды ни давалъ, ни съ каво скупы ни бралъ, никаво ни скарбилъ, ни бругалъ; сколько скажить удары, столько и дастъ.

Атсѣдѣлъ 30 лѣтъ и здѣлалъ валастнѣй сходъ, штоба аставили яго или панавили.

— „Гаспада міряни, я и атъ міра ня прочъ, и атъ Бога ня прочъ. Кали хочитя, штобъ я у васъ сидѣлъ, выкалитя мнѣ глаза“.

Сагласился валастнѣй сходъ выкалать яму глаза:

— „Яму ни работать—будить сядѣтъ и спяшой“.

Какъ видушій судилъ, такъ и слѣпой, тожа тридцать лѣтъ. Здѣлался валастнѣй сходъ, штобъ яво панавить.

А онъ атправился въ баню. Только раздѣлся и узилъ на галаву вадн—шлепъ ему на ногу тяжка и холодна.

— Кто ты?

— „Лягушка я, Судья Правидный“.

— Зачѣмъ ты пришла?

— „Я прибрѣтала себѣ къ зимѣ теплую печурку, штобъ

была гдѣ зимовать. Аткель узялся угорь, выгналь мене изъ теплый пичуры“.

— Ека мущина да бабу выгнуль вонъ и ня мохъ призвестъ теплый пичуры. Привади яго сюды. Ступай къ Судьи Правидныму—скажи яму.

Сказаль лягушки перва:

— Ни баюсь Судьи Правидныва, ни пайдю къ яму.

Приводить угра къ Судьѣ. Шлепъ Судьѣ на ноги тяжка и холодна.

— „Привила?“

— Привила.

— Угарь, какъ ты ета мохъ здѣлать?—Лягушка баба, а угарь такой громкая названія?! Ударить тябѣ 5 ударнѣ.

Падай-ка, лягушка, изъ галени вытяну 5 прutoу и дамъ яму пять ударнѣ. Лажись, бестія! Какъ ты могъ бабу выгнать?!

Лехъ кала нохъ.

— И мене вамъ ни упрасить. И прасить вамъ мене—ни упрасить, и купить—ни закупить: я естъ Судья Правидный. Падняу сваю руку и прутынымъ стигануу—и стау іонъ видить лягушку и вугра.

— „Помни, бестія: за то тябѣ пращаю чатыри удары, што бабы-лягушки скоро паслушау, скоро пришолъ!“ (А за то іонъ прастилъ, што увидѣль бѣлый свѣтъ и низнама каго сикануу: ти угра, ти ящо каво).

— „Помни, бестія, штобы бабы-лягушки изъ печи ни выгнать!“...

И пашли на сваймъ мѣстамъ. Пришолъ въ власть, прирастился и шапку павѣсилъ на гвазду.

Сторажъ и гаварить другому:

— „Судья нашъ Правидный видить“.

— Какъ ета можна, штобъ іонъ видѣль?

Ну, видить сабѣ, такъ и видить!

Сазвали валастнѣй сходъ выбирать яго.

— „Я ать Бога ня прочъ и ать міра ня прочъ. 30 лѣтъ садѣль съ глазами и 30 безъ глазъ: пара старымъ кастямъ дать пакой—астау́та мене!“...

Пакланился міру и пашолъ прочъ. Дашолъ да маложъ.

— „Пириначую здѣсь! а то скажутъ сыны и унуки: плоха служить дѣдъ, што прагнали яво прати начи“.

Заначувалъ. Бурдятъ камары кала яво—ни дають спать. Теплушка разложилъ. Ляжить на баку.

Дуляитца Гаспотъ.

— Што вы начуита? Нильзя ли мнѣ съ вами परिначувать?

— „Ня будишь са мной начувать? Я за вами знаю причину“.

— Какую?

— „Свѣтъ равинъ и глядимъ мы раўна, другой чинловѣз сытъ и адѣтъ и абуть, а у другога нѣтъ ничаво — ни сытъ, ни голыдинъ“.

Гаспотъ адалился прочь отъ Судьи Правидныва.

Гаспотъ саздаеть яму Никалаа угодника:

— „Можить юнъ за табюу ни нашоу никакой причини? На мнѣ нашолъ“.

Дуляитца Никалаа угодникъ.

— Начуишь?

— „Начую“.

— Можна съ табюу परिначувать?

— „А хто ты такой?“

— Никалаа угодникъ.

— „Ня можишь. Я за табой причину знаю“.

— Какую?

— „Хвастливый за деньги купить свѣчку и несеть. а багатый съ свайго воску ставить. А тада ты брови задираишь, усы падымаишь, глаза выгалаишь, смотришь такъ прима на насъ, на багатыхъ, што харашо свѣчки ставить.“

А бѣдный чилавѣз сабѣтца и наставить свѣчку: тада ты ня смотришь на яго прима: глаза зажмураишь, брови алуцаишь, глаза закрываишь, усы вѣшайшь, — ня смотришь ты прима на насъ, бѣдныхъ, што нихарашо мы тибѣ свѣчки ставимъ. Иди—ня будишь са мной начувать!—и етыва атогналь. Ниболоай пришолъ къ Госпаду:

— „И за мной причину нашолъ!“...

— Саздадимъ яму смерть и женщину!

Смерть приходитъ къ яму.

— Здрастуй, Судья Правидный!

— „А хто ты такая есть?“

— Смерть.

Судья усталъ и пакланился ей: ни нашолъ за ней при-

чини:— „ета ни вазьметь ужъ скупы, прасить яе ни ўпрасить, купать яе ни закупить!“...

Пириначували. Узнялся итить Судья Правидный, сталъ глазы вымывать расою, и смерть на яго глядя такъжа.

Пумалился Богу и пашолъ. Смерть гаворить:

— Я съ табой пайду!

— „Прашу пакорна“.

Пашли виѣсти.

— Судья Правидный, я тебе умарю въ сараба сажиней ать дому.

— „Ахъ, гаспажа смертынька, мамухна, прасить тебе ни ўпрасить, купить тебе ни закупить,—ну, дапусти мине дамой, штобъ ни памеръ бизъ пакаянiя!“...

— Ступай, а усе таки я тебе умарю.

Патребывали священника. Паспавѣдалъ его, приобщилъ; аўлянтца къ яму смерть.

— Судья Правидный, я тебе пумарю.

— Ну, пазволь мнѣ, гаспажа смертынька, хуть разъ прайтись па масѣ садикеу. У мине у саду была пчела, разныя хрухты—хачу пасматрѣть, ти такъ у маихъ сыновей, якъ а мине была.

Приходить у садъ — такъжа гудеть пчела, такъжу цвितутъ разныя красачки, такъжа спѣють разныя хрухты.

Ну, Судья ужъ умиръ: смерть вывила яво душу изъ тѣла,—толька тѣла у дворѣ асталось.

Усѣ Судья Правидный хадилъ са смертью па свайму саду, усѣ, любувался садымъ.

— Што, харашо у тебе въ саду, Судья Правидный?

— „Усе харашо. Ну ступай—маря мине!“.

(А ина яго уже змарила).

Идутъ къ двару, а тутъ уже воють па яво тѣлу.

— Ахъ, смертыньки душа, што еты выють у маимъ доми?

— А ета па тѣлу па твайму, а у тебе осталась одна душа!

— „А гдѣ мнѣ быть велѣлъ Гаспотъ“.

— Вялѣлъ Гаспотъ пустить тебе у царства небесная.

№ 10.

Абъ Иванн Сямёныви, якъ іонъ искаў правидныва чилавѣка и са смертію падружійся; якъ са смертію Иванъ Сямёныў сабѣ багатства наміў, потѣмъ самое смерть надуїў и яще трѣхъ яе дачонѣ.

Жіў купецъ богатый, иминитый, мѣў три лаўки. Растащили прикащики усѣ яго добрая, стаў доўжинѣ, а мѣў биліёны, да таво дажіў—куска хлѣба нѣтуті. Зваріў сабѣ пару яецъ и сѣў на пиряхрѣствахъ.

— „Буду даждать кѣ сабѣ правидныва чилавѣка .яецъ скушать“.

Идетъ чилавѣкъ.

— „Здрастуй, добрый чилавѣкъ! Што ты здѣсь сядишь?“

— Ажидаю кѣ сабѣ правидныва чилавѣка пару яецъ зѣѣсть зѣ имѣ.

— „Я правидинѣ“.

— Кто жѣ ты такой есть правидный?

— „А я Микола, угодникъ Божій“.

— Хатя ты сабѣ Микола, у тебе праўды мала: ты вясною галодинѣ и халодинѣ—прахади дальши!

Идетъ чилавѣкъ ящо.

— „Здрастуй, добрый чилавѣкъ! Што ты тутъ сядишь?“

— Ажидаю правидныва чилавѣка пару яецъ скушать,

— „Я правидинѣ“.

— Кто жѣ ты такой есть?

— „Святой Ягорій“.

— Хуть ты святой Ягорій, праўды у тебе нѣтуті.

— „Па чомѣ такъ нѣтуті“.

— А ты вясною халодинѣ и галодинѣ и ваўку жырѣбать атдаешъ—прахади дальши: у тебе прауды нѣту!

Идетъ жанщина.

— „Здрастуй, добрый чилавѣкъ!“

— Здрастуй!

— „Што ты тутъ сядишь?“

— Жду правидныва чилавѣка пару яецъ зѣѣсть.

— „Ну, я правидна тольки“.

— Какая ты есть правидная?

— „А смерть смерти“.

— Праўда, смерть! Хуть праси, хуть мали, тибѣ ни атла-
жить дальши. Садись со мною, станимъ ёсть!

Сѣѣли яны пару яецъ. Смерть гаворить:

— „Иванъ Сямёнуу, ты быу багатый чилавѣкъ, — таперь
ты мѣшишь большае нужды!“...

— Ахъ, смертынѣка — матынѣка, большую тарплю нужду:
ня мѣю сабѣ куска хлѣба.

— „Я тибѣ дамъ, Иванъ Сямёнуу, багатства!“

— Будь миластива, дайтя — на вѣкъ вѣшний васъ буду
благодарить.

— „Накупиай сабѣ пузырькоу и падрасъ ихъ красна. У
васъ у горади будить хварать памѣщикъ багатый, іуляйся ты
къ яму, требуй:

— „Далуститя вы мине да самого гаспадина!“

Ты мине будишь видать, смерть, у галавахъ или нагахъ
я буду стыять;—то тады гавари, када я буду стыять у ныгахъ,
атвищай сваей гольныи, што жиу будить; если у галавахъ буду,
гавари, што памреть. Етний памѣщикъ жиу будить: у ныгахъ
буду стыять. Тада, если скажишь яму ета слова, іонъ тибѣ
тысячу рублей за ета пажерствунть.

Будишь ты дохтарь, у большей слави, будутъ тибѣ дѣнги
большае давать: ман слависа будутъ прихадитца“.

И пашоу Иванъ Семёнуу у большей слави на горыди, у
пять лѣтъ пуправіу свае лаўки, наняу прикащикуу и лаўки
уси пакрыу таварами, дѣти наглидали прикащикуу, а ў дви-
нацты лѣтъ Иванъ Сямёнуу большіи тыщи сабѣ зажиу на
сваей доўжнѣсти на дохтырьскій и на таргоули на сваей. Тольки
выжиуши пятнацты лѣтъ, памѣщикъ захварау у десяти вир-
стахъ. Шлеть лошадей Ивану Сямёнуу и съ запискюу кучира:

— „Пріѣдь ты ка мнѣ: я низдароу.

Пріизжають кучиръ къ Ивану Сямёнуу, докладають Ивану
Сямёнуу, требунть іонъ кучира къ сабѣ, кучиръ атдасть
яму записку.

— Я сабарусъ. Ёду.

Сабирауся Иванъ Сямёнуу вхать. Садіуся и паѣхау. Выиз-
жають за гарндѣ, сичасъ видить домъ, гуканть яво смерть у
вакошка (а кучиръ дома ня видить):

— „Иванъ Сямёнуу, пади ты ка мнѣ!“...

Приходить іонъ у домъ къ смерти.— „Здрастнй, смертынъка!“

— Здрастнй, Иванъ Сямёны! Буда їдишь?

— „Во, смертынъка, їду къ барину такому-та“.

— Іонъ тибѣ ажидаить. Тибѣ двѣ тысячи ужу атчитаѣ, када ты яго абрадуишь; тольки іонъ будить жиѣ — я буду у ныгахъ стыять.

— „Пращайта, смертынъка!“...

— Пагади!..

— „Чаво?“

— А вотъ што, Иванъ Сямёны: заўтри сабирайся самъ умирать.

— „Смертынъка-матынъка, ня можишь атлажить хуть на гадохъ?“

— Нильзя, Иванъ Сямёны: я у праўди састою.

Іонъ паѣхаѣ. Прінзжаить. Глянуѣ: смерть у нагахъ стыять. Варинъ пытаить: — Иванъ Сямёны, буду ли я жиѣ?

— „Будитя! наты майго ликарства, благопалушны будитя“.

— Да вотъ тибѣ, Иванъ Сямёны, двѣ тысячи рублей: ты мне абрадываѣ.

Иванъ Сямёны, палучомиши двѣ тысячи, прінзжаить дамой. Пращаѣся и съ дятъми сваними, и съ жаною, и сказываѣ ить:

— „Пращайта, мое дѣти! Пращай, мая супруга!“...

— Буда жъ ты, папаша, зъ нами пращайся?

— „Дѣти мое и супруга мая! Чинъ—ся миѣ заўтри умирать—атъизжаю я у чужу старану. Какъ ихъ чатыри смерти: мать и три дочири,—дакъ я атъ ихъ схаранюсь буду жиѣ, присылатъ вамъ буду гасинцы и деньги“.

Присылаить іонъ и таперъ деньги дѣтямъ и супруги: мать-смерть ни нашла яго у сванимъ участы. Живетъ Иванъ Сямёны ужъ болей ста лѣтъ и ўсе укрявантца.

№ 11.

Янь мужикъ искаѣ кумоѣ справядливыхъ.

Мужикъ искаѣ кумоѣ справядливыхъ. Панъ, попъ, святей нисправядливы, а смерть справядлива. Якъ пукѣмиѣся мужикъ са смёртю, зъ ёю усякея балѣсти лѣчиѣ, потѣмъ разными вымудрами атъ кумы сваей атдѣлатца хатѣѣ.

Жиѣ адинъ богатый чилавѣкъ, и ни було у яго датеи: на-родитца и памреть. Іонъ тада, када радила жонка, уздумаѣ:—

„Пайду: кума и куму вазьму справядливыхъ“. Вотъ идетъ іонъ дарогуй, стричаитца зъ имъ попъ. „Куда идешь, чилавѣкъ добрый?“ Иду или куму, или кума справядливыхъ узать. Священникъ и гаворить:—„Вазьми мяне кумынъ!“ Хто жъ ты такей?—„Я попъ!“—Нѣтъ, ни вазьму: ни справядлива бярешъ, съ живого и мертваго лупишь. Ишоу—стричаитца зъ имъ баринъ. —„Куды идешь, добрый чилавѣкъ?“ Иду кума или куму справядливую искать.—„Вазьми мяне!“—А хто жъ вы такея?—„Баринъ“. Нѣ, ни вазьму! нисправедлива бьешъ, народъ сябешъ. Ишоу, ишоу мужикъ; стричаитца зъ имъ святѣй.—„Куда идешь, добрый чилавѣкъ?“ — Иду куму или кума справядливахъ искать.—„Вазьми мяне!“—А хто ты такей?—„Святѣй“—Нѣтъ, ни вазьму: нисправядліу: у каво дятѣй многа, таму большій даешъ; у каво денигъ многа, таму большій даешъ: а у мяне дятѣй нѣту, такъ и ни даешъ. Идетъ дарогуй, стричаитца смерть:—„Куда, чилавѣкъ добрый, идешь?“—Иду искать кума и куму справядливыхъ.—„Вазьми мяне“.—А хто ты такей?—„Смерть“.—Вотъ тябе вазьму! ты справядлива: ты моришь и папоу, и паноу, и купцоу, и мужукоу,—и ни кому ни даешъ пащады. Пашла ина, пирихрестила рабенка. Смерть яму сказала:—„Сматри жъ, кумъ: ты мяне будишь видить; таперъ ты багаты,—будишь ящо богачи. Низдаровый будить чилавѣкъ,—ты къ яму приди и мяне увидишь. Ежели придешь къ низдаровому чилавѣку, и буду я стыять у галавахъ, то ты яво атхаживай: вадицью памый и скажи:—„аздарауливай!“—А ежли придешь къ низдаровому чилавѣку, и я буду стыять у нагахъ и буду сматрѣть низдаровому чилавѣку у глаза, то етыва и ни атхаживай,—скажи, што етытъ чилавѣкъ памреть. —Правіўся мужучокъ сильнымъ знатцомъ: яво начали вазить за сто версть и далій. Вотъ зазвала ета кума ў гости кума, папотчивала, и у кумѣ етій агромный азаль и ўсе гарять свѣчи. Іонъ и спрашітъ кумъ у кумѣ: — „Какѣя у тябе, кумычка, свѣчи?“—А ета ўсе дужи.—„Дли чаво жъ етня свѣчи?“—А вотъ, кумокъ: какъ каторая дагарить, я и паралъ яво.—Кумъ асуміўся.—„Кумычка, пыкажи маю свѣчичку!“ Кума яму паказала и яво свѣчичку, — а свѣчки етій нямножка астаетца ужъ гарѣть. Стау іонъ сваю куму прасить:—„Кумычка, можна ае трошку падлиннить?“—Нѣтъ, кумокъ, у мяне етыва ня будить: у мяне никому пащады нѣтъ.—Кумъ етытъ закланатіўся,

уздумнў пришомши дамоў сдѣлаць кырывать у воби стэранны галавашкамі. Многа ль, мала пажіў, сдѣлаўся низдароў і логъ: начаў слабѣць. Кума къ яму и готова: пришла. Іонъ видить, што ана у ныгахъ станць,—хатѣў пахитрить. (Ина яму сказыла, што вада будить у гылавахъ стняць, то жіў будить чылавѣкъ; а кыда у нагахъ, то памреть). Тады іонъ узяў, прыкулдыкнуўся къ ей галавею, штоба она стняла у гыливачъ: какъ іонъ прыкулдыкнуўся, то ина зайшла зъ ногъ и сатрить на яво,—іонъ нѣскалька разъ буртыкнуўся къ ей галавою: патуда буртыкаўся, накуль забуртыкаўся.

№ 12.

Якъ сыны батьку нарили, што іонъ у церькнѣ ня ходить.

Сыны батьку карили, што іонъ у церькоў ня ходить, а іонъ быў благачасливый и заўжда хадіў у церькнѣ, толькы што другею, якъ сыны, путинню.

— „Ты у церькнѣ никалы ня ходишь; ми никалы табе ни виданіѣ“.

— Што таѣ ни видантя?!..

Ну, ладна сабѣ! А батька запраўду у церькнѣ хадилъ.

Вотъ іонъ у церькви, и видить іонъ тоя, што ня видна другимъ людѣмъ—патаму іонъ правидникъ.

Во на патамоки тощутъ черти кожу и натыгивають, пишутъ усѣ пишутъ, хто быў у церькви, хто нѣ; хто зчырно станць, а хто нѣ.

Адинъ чортикъ, якъ яны натынули тую кожу што ни іостъ мочи натаганъ—и угранись (ти зъ натуги ета іонъ, ти штобъ правидника змустить, толькы здѣлаў іонъ ета сурьѣзна, быццѣкъ такъ надо).

Батька и прасмихнись: вить ета черти хуть ба наши бабы али ребяты, наѣўшись гароху—да за то тымъ чачары дяруть. Чиртамъ ета на руку — праписали яго сыйчасъ; ажно у ихъ перья скрипнули. Тады баста! У церькнѣ батька йшоў на во-виру, якъ по суху, а аттѣль пришоў на забаретинъ у води.

Тады толька сыны навѣрили, што батька ихъ ходить у церькнѣ.

Атчаго Бохъ плахому мужику дасть харошую жонку и харошій жонки плахога мужика. Святим лянивому мужику вѣку прибавили, штобъ яму паработать. И за одну часиничку своей смерти ни ўгадишъ. Святим наказуютъ жаднаго и гордыга мужику.

Какъ бувада у старинныя годы, то хадили апосталы на зямли; вотъ аднажду идуть два апосталы на зямли: Ильля прарокъ и Николай угодникъ. Ишли яны на поле; вотъ и жнеть адна дѣвушка на поли, да такой степени ина старантца, што съ яе потъ такъ и заливантъ, усѣ раўно, какъ зъ видра. Патомъ Ильля прарокъ и гаварить на Николу чудатворца:— „Ахъ, какъ ета дѣвушка сильна старантца“!... Патомъ нямнога прайшли, идуть яны кала саду, ляжить тамъ малицъ падъ яблыню и надъ имъ висить яблачка. Іонъ и гаворить самъ сабѣ:— „Ахъ, падымися большой вѣтирь, сарви мнѣ ета яблечка прямо у ротъ, то я бы и сѣлъ яго, а самъ я ни устану, патаму, што я лянюсь.“—Вотъ Ильля прарокъ и гаворить Николаю Чудатворцу:— „Вотъ етнѣ мальчикъ той дѣвушки, каторая на поли сильна убивалась, будить другъ“.—А Ильля прарокъ ужъ ета знаѣ. Никола и спрашнѣть:— „За што ета такъ: тая дѣвушка такая работница, а другъ ей такей лягъ?“—А іонъ и гаворить:— „А во на што: ежили сабрать абыхъ раўныхъ, то яны и на Бога пазабудуть, а ежили адинъ лягъ, а другой старательный, то усѣ хуть нямнога уздумаютъ на Бога.“—Патомъ ящо нямнога прайшли, гародить мужикъ згароду и колья пиривязнѣть аржаню саломню; яны идуть окала яго и спрашнѣть:— „Здрастуй, мужучокъ!“—Здрастуйся, гаворить іонъ: мне, вы, дѣдушки паштѣнныя!“—Яны и гаворють яму:— „Што ты ета дѣлаишъ, саломю колья пиривязашъ: няжъ у тебе лавы ни хватаишъ?“—А іонъ и гаворить:— „А патаму, што я свора буду памирать, то я вяжу саломню: пускэй мае ничога нѣдому ни дастанитца.“—Патомъ Ильля прарокъ и гаворить на Николу чудатворца: „Ну-ка мнѣ яму сдѣлаишъ такъ, штобы іонъ пражилъ столько, сколько жиѣ“.—Патомъ, яны яму ни сказали ни слова и пашли прочъ. Даживантъ етнѣ мужикъ да тога ўремя, каторая при-

ходитъ, што яму ужъ нужна умирать, то іонъ и давай при-
гатоўливать, што яму нужна було на смерть. Патомъ приго-
дитъ тоя ўремя и ужу праходить, а іонъ усё жиў и ви ўми-
раить, и думайт самъ себѣ, што ета такая: послѣ то҃га пражіў
адинъ годъ и другей, а смерти ўсё нѣтъ. А ящо каторыя
знали сваю смерть и свайми славами гаварили, што нара нѣ
умиравать,—и усё пристали знать.—Патомъ черизъ нѣскалька
уремя идеть Ильля прарокъ и Никалай угодникъ кала лѣсу и
видють, што мужикъ матычить сабѣ ляда. Вотъ аны подхо-
дють и гаворють:—„Богъ помачъ тваей милости!“ А іонъ на
нихъ и гаварить:—„А вялѣў Богъ, штобъ и ты памогъ!“—
Ну, какъ Вожжымъ угодникамъ, то имъ отказыватца нильза;
яны и гаворють:—„Ну, такъ што жъ дѣлать? Што Богъ вѣ-
лить, то нада дѣлать“.—Вотъ яны и давай матычить.—Што
етытъ мужучокъ матычить день или два, то яны узжатычуть
у адинъ часъ и таго меньшій. Вотъ яны нѣскалька ўремя пу-
матычили, патомъ и гаворить Ильля прарокъ и Никалай чу-
датовиць:—„Ну, мужучокъ, таперь што мы будимъ дѣлать?—
Какъ мы будимъ дялить ў пахати, или ў пасѣви, или ў па-
спѣхи?“—А мужикъ никакъ ни саглашанца, то яны и гаво-
рють:—„Ну, Богъ съ taboo“, а сами и пашли отъ яго.—
Какъ аташли нямнога, пасматрїть етытъ мужикъ: нѣтъ яго
матычинья нїйдѣ. А яны пашли, да пашли. Идутъ яны кала
дареўни, а багатый мужикъ сѣвить гряхиху на гародѣ. Вотъ
яны идуть кала яго и гаворють:

— „Во зямля харошая!“

А етытъ багачъ гаворить:

— А вамъ што тутъ за спрось?

А яны гаворють:—„Богъ помычъ, гаспадинъ хазяинъ!“

А іонъ гаворить:—„Спасибо!“

Вотъ яны и гаворють:—„Во на етыѣ зямли што нибудь
Богъ дастъ.“

А іонъ имъ и гаворить: „Тутъ бязъ Бога Богъ; када на
етыѣ зямли ни зародитца гряхиха?“

Вотъ какъ узнышла ета гряхиха, дыкъ кой-идѣ толь-
ка калива; тады и гаворить етатъ самый багачъ:—„Праўда
тѣхъ старичкоу, што бязъ Бога нѣтъ ничога: ни зародить ни
на плахой зямли, ни на харошій, если Богъ ни дастъ“!... Када
Богъ ни зарадіў, то и багачъ на Бога успомніў.

№ 14.

Када члавѣкъ багатъ—нихай тутъ нахарчунтца, а на тымъ свѣти муку аттерпить; а бѣдный тутъ аттерпить—за то яму на тымъ свѣти прасвѣтлый рай.

Катили на дярѣѣни бочку золыта самъ Гаспоть съ апосталями. Апосталь гаварить на Бога:

— „Куда мы пакѣтимъ бочку?“

— „А пакѣтимъ къ багатыму мужику.

— „А на што мы къ яму пакѣтимъ? У яго и такъ дабра многа, а веліѣ мы пакѣтимъ къ бѣднѣй удавѣ: у яе дѣти маленькія“.

— Пастой! Я сичасъ табѣ пакажу, якоя царства на тымъ свѣти багатыму и якоя бѣднѣму.

(А бочку пакѣтили къ багатыму).

Глядять апостыль: багатѣй у смалѣ кипить, а бѣднѣга душа у рай.

Када іонѣ багатъ, пущай тутъ нахарчунтца, а на тымъ свѣти муку патерпить, а бѣднѣй тутъ аттерпить,—за то яму на тымъ свѣти прасвѣтлый рай.

№ 15.

Отъ пьянства всевозможные грѣхи.

Спасался адинѣ угодникъ. Гаспоть яму сказалъ:

— Здѣлай адинѣ изъ трѣхъ грѣхоу: или гавядины зѣѣшь, или вина пьянѣ напейся, или члавѣка забей.

Угодникъ сагласился:

— „Веліѣ пьянѣ напьюсь!“

А какъ напился пьянѣ, то и гавядины наѣлся и члавѣка забилъ.

№ 16.

Якъ братъ павись на шѣи брата.

Были два брата. Жили, жили умѣсти, раздѣлилися. У аднаво дѣти іостъ, а у другога нѣту. Тѣй багатъ, у которага дѣтей нѣту; етытъ амалѣѣ, у которага дѣти іостъ: скоту нѣту, хлѣ-

ба нѣту,—іонъ дужа и бѣдинъ. Ну, жиу, жиу, захварау и па-
меръ.—А багатый па дарогамъ ѣздить. Жина пашла къ бага-
тыга жонки.—Сястрица, дай мѣрычку муки пахаранить чмъ
нибудъ!—Систра насыпала муки.—„Сястрица, дай мнѣ ящо три
рубли деннгъ“!.. — Ахъ, сястрица, іонъ жа прыбѣтъ мяне за
деннгы: можа, іонъ и падѣдить, пакуда харанить яво.—Вотъ,
толька ина тѣ деннгы панисла, грюкъ на дворъ багатый братъ
съ лападыми, а ина, какъ ишла, чиризъ яво палажила деннгы
на вакошка. Жонка выскачила лападей атпргать, да яму и
сказынтъ:—„Живи здарова: братъ твой пирпставіўся.“—А іонъ:
ну, Богъ съ нимъ!—„Дала ей мѣрку муки на похараны!“—
Ну, дала—и дала!—„Ящо деннгъ три рубли дала ей!“—А
іонъ якъ закипѣу:—На што ты деннгъ давала? — „Чаво жъ
ты кричишь?—Кали табѣ жалка деннгы, иди и вазьми ихъ:
аны на вакошки лизать!“—Ня успѣу іонъ лападей прибрать.
ина и падпарынтъ, штоба бѣгъ.—Какъ увышоу ў избу, пир-
хрястіўся, и нада яму пуцулывать брата, а другой рукой хо-
чить деннгы узять. Какъ за тѣя деннгы узяўся, братъ ускребся
за яго шыю и пависъ—и такъ моўка. Священникъ сказау ба-
гатаму брату:—Если ты пажалѣу деннгъ, табѣ и вѣшная мука!

№ 17.

А брати, наторый назваў сястру змяй.

Въ адномъ мѣсти, какъ жиу адннъ мужикъ багатый. И
такъ іонъ жиу багата, и ни було у яво никакихъ рѣднихъ,—
толька была у яго систра, и такая ина була бѣдная. Патомъ
іонъ узяу съ ею и раздѣліўся. А ина була да такой степни
бѣдна, што и сабаки було нечмъ выгнать. А іонъ яе ни лю-
біу; адннъ разъ толька іонъ сѣу абѣдать са сваею хазайку,
а систра яго задумала што-та къ яму прйдить, а іонъ толька
паставіу на столъ парасятину. А ина идеть па двару, и гаво-
рить іонъ на сваю хазайку:—Вонъ паўзеть тая змія, вазьми ка-
ты, прыбярн ету парасятину!... Вотъ ета хазайка схватила ету
парасятину и паставила ў судникъ, патомъ увайшла яго систра
у хату, пубыла ина у ихъ нямнога, патомъ и пашла. Вотъ
іонъ и гаворить:—„Во ходить змія падваруха, пакармѣха“!..
Патомъ и гаворить на хазайку:—„Ну, пдп-ка ўняси тую па-

парасятину*!.. А ина чимъ-то зайалась, пачомъ іонъ гаворить:—
Падажжи: я самъ ўнесу!... Толька іонъ пашоў у суднікъ за
етую парасятиную, пасматрить: идѣ лижала парасятина, тамъ
ляжить змїя. Іонъ спужаўся и гаворить на хазяйку:—Што ета
тутъ такая ляжить?—А ина гаворить:—Што ты ета шутишь,
штоль?—Тамъ ляжить парасятина.—А іонъ гаворить: „какая
парасятина? Тамъ ляжить змїя!..“ Толька іонъ хатѣў узять
тую тарелку, а ета змїя цапъ яму на шію. Іонъ яе хатѣў
атарвать, да никакъ ни сарветъ. Пачомъ гаворить:—Во, на-
зваў сястру змяёю: во, тутъ змїя и іостъ“.—И памеръ.

№ 18.

Разсказъ объ аднэй жэнщины.

Якъ у вангыля крыльля атабрали, и хадіў іонъ на зямлѣ.

Ишла жэнщина дарогую, на дарови радилла. Гасподь пасы-
лаетъ ангѣла:—„Пади вазьми у жэнщины душу“!... Ангѣль
прилѣтѣль къ жэнщины, пасматрѣль — малютка родился. Іонъ
сжалился нацѣ малюткою:—Што жъ я у ие вазьму душу?—
Малютка етѣй астаецца.—Падумалъ Гасподь, пасылаетъ утaro-
ма ангѣла:—„пади вазьми у жэнщины душу, а ў таво вангыля
атбари крыльля“!... Ангѣль прилѣтѣль, душу узяль и у ван-
гыля крыльля атабраў: атстаўся етѣй вангыль на зямли. Бязъ
крыльля, челаўѣчоцкимъ вѣд обрави. Етѣй ангѣль апридѣялся
къ архирею у кучира. Нѣскальки жылъ у архирея, хадилъ къ
абѣдни; тольки служители начали наджичать абъ архирейскимъ
кучиру, што, када абѣдня идеть, запають ета хирувимскую
нѣсню, то тады кучиръ архирейскій выходить ки храму; вонъ
служители ета дѣла падмѣтили:—„Какой ета у архирея чела-
вѣкъ?“—Далажили архирею, што іонъ выходить изъ храму на
ижахирувимскій нѣсени; нада класть паклоны, а іонъ выходить
съ цэрквы. Архирей требоать кучира сваго, каторава нанилъ
и схраніять у яво:—„скажи, братиць, што ты іостъ за чела-
вѣкъ“?

— Я кучиръ! и паходъ съ естымъ.

Када былъ праздникъ, была служенія, архирей апридѣялилъ
двухъ служителей паслѣдывать за кучирымъ, што іонъ будить
дѣлатъ, када будить абѣдня тить. Запѣли ижахирувимскую

пѣсню, іонъ выходитъ вонъ, узялъ кирпичину и бросилъ на самую главу; два служителя за имъ слѣдуютъ, дѣла ета видють. Тада и пашолъ кучиръ на улицы. Сядить калѣка нищій и кричить въ ўсѣ горла:—„падаритя, падаритя, ради Христа!“—Архирейскій кучиръ падайшолъ къ етому калѣки, саскрѣбъ яго за лобъ и начау палекую дунть, а два служители за имъ замичають, што іонъ калѣку атпряталъ. Пашолъ кучиръ на улицы, стричантца зъ имъ мущина, видный изъ себе маладецъ; кучиръ жа архирейскій падарилъ яму палтину сирибра, падарилъ, пашолъ на горыду. Усходить на мысть, стричантца зъ имъ младый вьюнышъ у бѣлымъ адіяннѣ. Іонъ зъ имъ пакланился и варатіўся назадъ.

Приходить у сваѣ мѣста, а служители, которыхъ пасылаъ архирей за своимъ кучирымъ слѣдвятъ. Явились къ архирею, рассказють яво приказы; архирей требантъ сваяго кучира: „скажи, братицъ, какой ты чиланѣкъ? Што ты дѣлаишъ, што за приказы нишадобныя, када ты выходишъ на вулицу изъ храма на ижахирувиньскій пѣсени и узялъ ты кирпичину и бросіў на главу,—въ ета время нужна паклоны влать!“

— Ета я выхажу на дворъ изъ храму: тада праклитыя духи выходють изъ сабора вонъ и митаютьа окыла креста и главы: дакъ я ихъ кирпичинный атбивалъ.—Архирей падумалъ, што такая значить.

„— Ета идна приказа. Ты, вѣрна, ни добрый якоу ни на есть: ишолъ ты на улицы, калѣка сядѣлъ, прасіў милыстии,—и ты яво ни падаріў, ды прибіў—вотъ ета другая приказа.“—Атвичау кучиръ архирейскій архирею:—„На што яму тому калѣки денги, када падъ имъ, идѣ іонъ сядить, паў мѣрки сирибра ляжить.“—Архирей уздумаў:—„Нада павѣрнть“—Павѣрилъ: нашли падъ имъ денги, съ паў мѣры сирибра. Тада архирей гаворить яму, кучиру свайму:—„Вотъ третію приказу ты сдѣлалъ: падарилъ маладца. Изъ сябе быў маладецъ: етій маладецъ могъ бы заработать, а ты яво падарилъ.“—За што ты яво падарилъ?“—Атвичантъ кучиръ архирею:—„іонъ третій день ходить на горыду и ищить работы; работы ни находятъ, а пупрасить совѣститца: вотъ за то я яму на прапитанія падарилъ палтину сирибра“.—Вотъ жа тябѣ четвертая приказія: Паўстричался ты на масту съ младымъ вьюнышимъ у бѣлымъ адіяннѣ, и ты пакланился и вратился назадъ.—Атвичантъ ку-

чиръ архирею:— „ета самый тэй, што у мяне атабрау крыль-
ла.“ — Кто такой у тебе атабрау крыльля? Кто ты такой
іось?

— „И ангылъ“. — Архирей спрашійть:

— „Можішъ ты сѣть ангильскую пѣсню?“ — Іонъ азви-
чантъ:— магу.— „Ну, спой-ка жъ“! — Нѣтъ, я такъ ни магу.—
„А какъ же ты можішъ?“ — Вотъ якъ я магу пѣть: прибажи-
ти сдѣлать гробъ, аббить парчою, и вы, владыка прасвящен-
ный, облачитись въ етакимъ палаженіи усею хормяю, якъ обѣд-
ню служить, и талы лажьти ва гробъ, и тады я запаю.

Заказау архирей сдѣлать гробъ, якъ даужно, архирей узяу
аблачіся, узяу хрѣстъ. вангэлія и лѣхъ ва гробъ, и народу
сборъ примножіеть, а были и тада: ангылъ запѣу вангильскую
пѣсню, и народъ весь пупадау ать звукуу, ать грубости пѣсни
ангильский. Тада саслау яму Господь крыльля, етому вангылу,
и архирей падняўся на ваздухахъ. и пашолъ и ангылъ съ пѣ-
сними за имъ, и нѣкатырныя народы пупадали, а справядливыя
вѣскалькы увидали, только ня усѣ съ народу видали, а като-
рыя были дастойны.

Ж 19.

Деревня Слобода
Смоленскаго уѣзда.

Вары стали наливками пиряхожими.

У старинныя годы жили два чплавѣки. Яны занимались
только тымъ, што крали у добрыхъ людей добро. Аднажды
яны ноччу сгаваридись аднаго мужука абакрасть; пашли, улѣзли
яны у клѣтъ и давай тамъ абчищать. Только паслыхау ета ха-
зяинъ и гаворить на сына:— „А што, сынъ, вить у насъ вары
у клѣтѣ?“ — А, тата, знать, што такъ! — „— Пу-ка пайдемъ!“ —
Пайдемъ.— „Сынъ, дай ка мнѣ иголку!“ — А на што? — „Уви-
дишь,—давай!“ — Узяу бѣтъка иголку и пашли яны у клѣтъ.
Были еты хазяинны вочинь сильны: яны етыхъ вароу пувизали.
Сынъ гаворить:— „Ну што мы будимъ таперь зъ ими дѣлать?“ —
А во што: выкалимъ имъ глаза и пустимъ: нихай вѣкъ мо-
лутца Богу и атмаливають свое гряхи.— Выкалали яны варамъ
глазы и пустили.

Многа ли, мала прашло, стали еты сляпэя вары хадить на

диреўни и пѣть стихи. Зашли яны аднажды у ту диреўню, идѣ жили батька съ сыныѣ, тѣ самыя, каторыя имѣ глазы выкалала. Пришли яны ў дворѣ ихній; имѣ гаворють:— „Съ чого вамѣ приключилась слѣпота“?—Ахѣ, любезныя!—Мы вамѣ признаемся:—нѣскалька лѣтъ таму назадѣ мы были такоя вари, какихѣ ни було нїдѣ. Аднажды мы сгаварились абабрась аднаго чилавѣка; насѣ хазяинѣ паймаў и... выкалаў намѣ глазы. Спасѣба яму: мы таперѣ расказались у сваихѣ григхахѣ, а если ба мы были видушія, то были ба варами. Спасѣба яму: мы и таперѣ за яво Богу молимся“!

Отъ крестянина Петра Васильева Егорѣнкова.

№ 20.

Деревня Слобода
Смоленскаго уѣзда.

Разбойникѣ, страннапрѣимницѣ, нимиласерный видють видѣнья, икавѣ имѣ будить на тымѣ свѣти.

Ета была суцая праўда. Аднажды три чилавѣка шли па дароги, захатѣлась кожному изѣ ихѣ узнать, што будить имѣ на тымѣ свѣти.

Адинѣ изѣ ихѣ быў разбойникѣ, другой даў абищанія принимать прахожихѣ, каторый ни папроситца на нычѣ, третій быў чилавѣкѣ, каторый никогда никѣгда ни примаў на нычѣ.

Стричантца съ ими чилавѣкѣ, а етій чилавѣкѣ быў Богѣ. Іонѣ имѣ гаворить:— „Куда идетья?“—А мы идемѣ, куды глазы глядять: хочитца намѣ узнать, што каму будить на тымѣ свѣти.— „Ну, я вамѣ во што скажу: идитья вы туды, куды я вамѣ пакажу; черизѣ три дни вы уси сабяритись на ета мѣста, приду суда и я,— што вы увидитя, то расказитя мнѣ“.— Развеў іонѣ ихѣ па разнымѣ мѣстамѣ и скрѣлся. Черивѣ три дни сабрались уси четвира на то мѣста. Разбойникѣ гаворить:

— „Быў я три дни у рякѣ, а рѣка гарячая, была итѣ ана па горла,—я думаў, што ни астанусѣ жїѣ.—Другей ба падумаў, што тамѣ прасядѣў три гадѣ“.—Ну, гаворить Богѣ:— ета ни рѣка была, а кроў людей, каторныхѣ ты пагубїѣ. Ета табѣ будить на тымѣ свѣти!—Другей, странапрѣимницѣ, гаворить:— „Я быў у такомѣ харошимѣ саду, што нѣбагда ни ви-

даў нічога луччы. Прабыў я тамъ три дни, а мнѣ паказалася, што толькі я быў три часы: дужа мнѣ было харашо“.—Ну, ета табѣ и будить на тымъ свѣти за тваѣ миласэрдія.—Третьй, нимиласэрный, гаворить: — „Пуцаў я у лѣсъ; найшла граза, дожджъ, градъ, снѣгъ, вѣтирь, а заначувать мнѣ нейди. Было мнѣ тамъ вочинь холадна и нихарашо. Прабыў я тамъ три дни, а паказалысь мнѣ, што я прабыў три гады“.—Ну, ета и будить табѣ на тымъ свѣти за тваѣ нимиласэрдія.—Тада разбойникъ пакаіўся у сваихъ грѣхахъ, было яму за ета на томъ свѣти харашо, а такжа и милосэрному. А нимиласэрный сказаў;—„Ни прিনিмаў я нікога на нычъ и ня буду прымать“.—Яму было на тымъ свѣти нихарашо. И ета была сущая праўда.

Отъ крестянина Петра Васильева.

№ 21.

Янъ мальчикъ старину сказку сказываў (ня то што сказку, а былъ). Старикъ абъясніў мальчику, што къ чаму у тымъ видѣньи, што здалось мальчику: што тады бывають, якъ у сямѣ свара, ниллюбоў, якъ хазяйства вядетца спуска рукавы, зря, и лянива, и нячиста,—и што тады бывають, якъ у сямѣ миръ и добрыя сагласія.

Хадилъ мальчикъ па хадоби и пупрасился начувать у старика. Старикъ атвечалъ:

— „Када сказку скажышь на нычъ, а то ни пуцу“.

Мальчикъ етытъ убывляся: пашолъ падяреўни праситца на нычъ; нихто ни пустилъ пириничувать яво, іонъ опятъ идеть къ етому старіку:

— „Дѣдушка, пусти пиринучувать!“

— Да ти скажышь ты мнѣ сказку?

— „Да, скажу“.

А самъ думайть:

— „Утяку ать дѣдушки“.

— Ну, раздивайся, садись ужинаць!

Потѣмъ старикъ убрался:

— „Пайди лажись спать, и я пайду на гумно“.

Многа ль, мала, малый палижалъ и задумалъ ухадить, што-ба сказку ни сказать старику. Потѣмъ только узался за дверь, за клямку—удрухъ вароты скрипають.

„Ну, вѣрна, знать, старикъ идеть съ гумна“!

Абаратился мальчишка ипять назатъ на свае мѣста, на лаўку.

Выходить дявица у хату, волысы растрепаны.

— „Дабрыдинъ, дабрыдинъ людямъ! Хто чутъ да видить, да на заўтрига будить пириказывать, тѣй па каўни акамянѣить“.

Мальчикъ етытъ изнова началъ ухадить атъ старика еты-ва. Потѣмъ только узался за сянѣшную дверь, скрипнуть варота.

— „Ну, знать старикъ идеть“!..

Мальчишка опять лѣхъ на лаўку. Уходитъ утарая дявица у хату, ина уходитъ у хату да палицы.

— „Дабрыдинъ, дабрыдинъ добрымъ людямъ! А хто и чутъ, и видить, да на заўтрига будить пириказывать, тѣй па пойсъ акамянѣить“.

Потѣмъ етому мальчишки ипять ухадить нада.

Только што узался іонъ за дверь, за сянѣшную, думать: ипять старикъ идеть—вароты скрипають.

Мальчикъ етытъ абаратился назадъ—лѣхъ на лаўки.

Уходитъ третія дявица, волысы растрѣпанный, потѣмъ да скамейки даходитъ дявица ета.

— „Дабрыдинъ, дабрыдинъ добрымъ людямъ! А хто чутъ, да и видить, да назаўтрига будить пириказывать, тѣй увесъ акамянѣить“.

Потѣмъ етытъ мальчишка сабраўся у путь ухадить атъ стариковый сказки: пабѣхъ, лѣхъ у поли, у жнивищи. У аржищи кричить:

— „Срѣжъ галаву“...

Іонъ убывался, пубижалъ къ згароди и лѣхъ падъ згароду. Кличить тамъ:

— „Вынь, да пириварни, да па старому бей“!..

Думалъ мальчикъ, што ета на няво на казни идеть—са страху ушолъ на гумно.

Гарить стохъ грячихи на таку.

Мальчикъ пубижалъ у падавинъ старика гукать.

Старикъ лажить наўзнычъ, и у яво тарчить у грудѣхъ тапоръ на самый абухъ. И аттуда мальчикъ ушолъ, пабижалъ теризъ агародъ, теризъ хлѣвъ; у хвортку.

Тамъ лажить яго сынаўя съ хазяйкыю; межда ихъ змяі ползайть, да пализывають ихъ абайхъ.

Патомъ падайшоў къ другой пари—и тамъ такжа змяі поўзайть, аднаво и другова пализывають. Третій лажамши на переклети, по тэмъ бѣгають гарнастайка, да прамежда ихъ ласкайца. Пашоў падъ павѣтъ етый мальчишка и уплуталъ ноги у кишкы.

Потэмъ захатѣлась яму папить—іонъ узяў коўшикъ зачарпнуть сибѣ, да и съ кадки кишкы валакутца вярѣўкыю.

Потэмъ идеть ужу старикъ изъ гумна, гукають сваихъ сынавей малатить.

Уходитъ у избушку и гукають сваю старушку:

— „Уставай, дми агонь“!

— Да, узадми ты тамъ, старикъ, аганька, пакаמיсть я адѣнусь.

— „Ну-ка ,мальчикъ, уставай, мыйся, Богу мались, да разскажи ты мнѣ сказку“!

— Дѣдушка, привяди-ка мнѣ лашатку у хатку!

Узялъ ету лошадь за поводъ, сталъ на лошадь стоймя; потэмъ и гаворить:

— „Убаялся я вашей казки, што казки ни якей я ни знаю и хатѣлъ увыйти атъ іе; потэмъ только што я узялся за дверь, скригнули вароты: я убаялся, што вы идете изъ гумна. Я ипать лехъ на сваё мѣста, на лаўку.

Идеть даявица, волысы растрѣпаны“...

Якъ разказаў мальчикъ старику пра ету даявицу, лошадь акамянѣла на пойсъ.

— „Пализамши, ипать я уздумалъ ухадить. Скригнули вароты, я ипать лѣхъ на сваё мѣста. Идеть даявица, волысы растрѣпаны“...

Якъ разказаў мальчикъ пра ету даявицу, лошадь акамянѣла саўсимиъ.

— „Я, дѣдушка, увыйшолъ у поля и лѣхъ у иржища на такомъ-та мѣсти, напрати такой-та улицы“...

— А ета мая паласа.

— „Вотъ, дѣдушка, на етай-та паласѣ и кричить:

— „Срѣжъ галаву“!

— А ета мае нерахи маладухи: якъ жали, такъ и заста-
вили валосья, ни сняўши имъ голывы.

— „Потѣмъ жа я, дѣдушка, убижалъ аттуда и лѣхъ падъ
згароду. Бличить члавѣчскимъ голыснѣ:—„вынь, да пири-
варни, да па старыму бей“!

— Ета мае бязпутныи сынаўя колыя зъ макушки заты-
сывають да убивають...

— „Потѣмъ я ушолъ на гумно са страху. Гарить стохъ
грачихи на таку“...

— А ета мае бязпутныи сынаўя да вазили грачиху, ни
пирикярнѣи мѣста тоя, идѣ грачиху класъ; да склалѣ грачиху,
да ни пирикярѣили стажокъ тѣй: во начистый духъ выбиранѣи
споръ съ зирнѣи;—атъ ныво ета полъ и шибанѣи. А нужна
была пиракятѣи: лубавый ни выбиранѣи бы споръ съ маяво хлѣба!...

— „Но ета, дѣдушка, што—таноръ у грудѣхъ у васъ па
самый абухъ“?

— Ета мае бязпутныи сынаўѣ ништитѣильныя: якъ атку-
да ня йдутъ, мусють таноръ убить у стѣну якъ ня можна
глыбшій: то яны ни ў хату убивають, а у груди мѣи.

— „Потѣмъ жа што упутался ты у кишкѣи нывами“?

— Ета мае бязпутныи сынаўя брысали у начистыя мѣста
рѣзвинѣи и давали у ихъ кормъ скату.

— „А ета—што ляжить падъ павѣтъю большій дядька и
тетка, и прамежда ихъ змѣи поўзанѣи, да пализывать ихъ
абанѣи?“

— Я тибѣи расказу. Яны живутъ нисагласна,— якъ кошка
съ сыбакый; адинѣи загурчить, а тѣй яго лапкую—яны толькѣи
што начистыга духа утишають.

— „А другая жъ пара“?

— Такъ же бязпутныи: адинѣи адъ аднаво блудъ сатварають
и бѣгають, и у ихъ начистая сила усилилась.

— „А у третѣйга дядькѣи гарнастѣи бѣганѣи, да пализы-
вать яго и жонку“.

— Ета мой меньшій сынокъ, и нявѣстка. Идѣ бы яны
толькѣи не были, сичасъ адинѣи къ водному садуть и разгавѣи-
рѣиють междѣи себе дабрасовистна, благачаслива—вотъ примѣиръ!
Паштѣиѣи атцу атдають и матири—и тутъ межда ихъ ангѣи
утишаютьца, у ихнымъ житьѣи...

— „Потѣмъ, дѣдушка, захатѣлась мнѣ папить вадицы: узялъ я кружку. Якъ пачарпнуль изъ кадки вады: якъ валакутца кишки, што ня вытащилъ изъ кадки вонъ“...

— А ета вотъ, дитятка, што: нигадитца апиўки уливать у кадку, изъ ваторый пьешъ, а даўжно вылить: либа ў лаванку, либо на землю. Благачасливому чилавѣку нильзя папить вады етый: самыя апиўки кишками дѣлаютца.

№ 22.

Бѣльскій уѣздъ
с. Понтово.

Накъ прахожиму чилавѣку хазяинъ загадки загадываль, ды биль яго,—посли таво прахожій хазяйснй домъ замѣгъ и самъ хазяину загадычки загадываль.

Ишолъ прахожій чилавѣкъ. Заходить на двѣрѣкъ праситца начувать. Хазяинъ гаварить на яго:

— „Я тибѣ пуцу начувать зъ дагаворымъ, када ты атгадаешъ маихъ три загадки; но када ни тгадаешъ, за кажную загадку па разу тибѣ по уху ударить мнѣ.“

Удрухъ приходитъ вечиръ; выдали агонь. Хазяинъ на яво гаварить:

— „Ета што такая?—на агонь. Ёнъ и думантъ:

„Ну, какъ мнѣ сказать, убавявши таго, што, па даравору, ударить мне у вуха, када ни тгадаю“.

Ну, ня мохъ ёнъ на атвѣтъ загадки етый атгадать. Гаворить:

— „Да, па нашиму, ета агонь!“

А хазяинъ у ета уремя яго у вуха—ёнъ абъ землю. Атвичаль хазяинъ.

— „А па нашиму—красата“.

Посли таво стали мижда себе гаварить харашо.

Нямнога изгада, бяжить кошка пу палу.

Хазяинъ апять гаварить:

— „Ета што такая?“

Онъ думалъ, думалъ, какъ сказать, прахожій—и гаварить:

— „Ета па нашиму кошка, хазяинъ!“

Ящо яво по уху. Какъ ударіў хазяинъ, гость ипять абъ землю за ўтарую загадку. Хазяинъ гаварить:

— „Ета чистата у доми“!

Посли таво хазяинъ у ласку сталъ гаварить съ ний.
Приходить тоя урема, што урема кушать садитца. Хазяинъ сталъ руки мыть и на прахожива гаварить:

— „Ступай жа и ты, мой руки: будимъ садитца кушать.“

Пришолъ прахожій, руки намылъ. Тада хазяинъ на яво и гаварить:

— „Што ета такая“?

На ваду наказалъ. Прахожій думалъ, думалъ:

— „Ну, какъ мнѣ сказать?“

И гаварить прахожій:

— „Па нашиму, ета вада“.

Яво хазяинъ ящо по уху—іонъ абъ землю, и съ носу и со рту кроу пашла дажа, за третію загадку ета.

А хозяинъ гаварить:

— „Па нашиму ета благадате Божія“.

— На воду. Съли кушать. Хазяйка кушання падавала, усѣ, што у нхъ была. Наканецъ спрашиваать хазяйка у хазяина:—„Падавать ли, хазяинъ, Курлынската?“

Хазяинъ ей атвѣтилъ:

— „Ни нада“!..

Ну, и лягли спать. На заўтрива хазяинъ устаеъ часа за три свѣту; пашли са ўсѣй сямьѣй на гумно малатить; былъ грудной маленькій — и таго съ сабой узали. Астаецца адинъ прахожій у вѣ избы, и уздумалъ прахожій:

— Пагади! прати твоихъ загадыкъ, дамъ жа и ятибѣ загадку“!..

Узаялъ прахожій палку, да у жаръ у ямку, да яе разжѣтъ, да узаялъ палку разщанилъ, узаялъ паймалъ яго чистату (кошку). да тую разщеплиную палку съ агнемъ кошки у хвостъ и ўщанилъ, до узаялъ яѣ на дворъ у салому съ агнемъ и выкинулъ. А самъ сичасъ жа у печку: желантъ узнать, што тоя за Курлынскій у печки. Пасматрить: staanъ гарщикъ, скаварадой накрытъ. Іонъ узаялъ гарщикъ тотъ вытащилъ вонъ, атерилъ скавараду; пасматрить: у гаршку ляжить жоравъ. Іонъ узаялъ таво жоравъ изъ гаршка вытащилъ вонъ, палажилъ жоравъ сибѣ у суму, а у гарщикъ узаялъ палажилъ лапаты, да скаварадой накрылъ и у печку наставилъ, самъ надѣлся и у ходъ пашолъ, ни даждава свѣту, за часъ свѣту. Пашолъ прахожій, заходить на гумно и гаварить:

— „Пращай, хазяинушка, благодарю тебе за хлибъ, за сьмь за тваю, за начлгъ и за угащеніе твое! А твая чистата панесла красату тваю на высату. а ты хватай благодать сваю, но ни ухватишь благодати, ни жить тибѣ у своей хатѣ. Твой Курлынскій ляжить у сумынскимъ за плячинскимъ, а у гаршинскій ляжить лыпятинскій надъ скаварадинскій и станть у пачинскій“...

Хазяйка на хазяина атвичала:

— „Вить вотъ ты яво забилъ: тибѣ будить грѣхъ—онъ у роди сумасшедшига.—Прахожій уполъ сію минуту.

Бяжить кошка на токъ зъ галауной прямо у тую салому, гдѣ ани малотють; анѣ, ни упустиўши кошку у салому, убили яѣ. Пасмотрють: крыша у доми гарить. Ани бросіўши пубижа-ли у домъ тушить агонь. Хазяинъ хватаить воду и тушить, гдѣ гарить, а хазяйка у печку; цопъ у гарщекъ—жоравля нѣту, а ляжить тама лапаты. Палавина двара згарѣла, а палавину едва магли потушить.

Хазяйка на хазяина нпять гаварить:

— „Ты съ сванмъ умомъ и съ хитрыстями палавину дому жѣгъ, а, наканецъ, када будишь такія загадки загадывать, да людей бить, то и тебе убьютъ самаво. Вить іонъ праѣду сказаль, тотъ чидавѣкъ, што твая красата чистату панисла на высату, а ты хватай благодать: а то ни уживати у сваей хати. Но мы съ табой ни дагадались: поставили яго у роди сумасшедшига, а, наканецъ, во всей исторіи астаемся мы съ табой сумасшедшіи и дуракн.“

№ 23.

Янъ мужикъ съ жонкою паклялись нправидно, сами прасябе думаўши: «Бохъ ня видъ, и ня чуй»—и жистъ сваю скоро панонъчили.

Кулі чатыри жита стянულъ Трѣхванъ изъ амбара, да тетю и спрятаў.

Патянула у вобыскъ,—пашли—ни нашли; а тесь узяў мость подняў, да надъ мость,—якъ пришли къ яму, абыскали—нѣтъ ничога.

Јурей Гирша, яго были кули (ничога, што пархыль, а дамышлинъ) гаворить:

— „Я сичасъ за священникамъ“.

Привезъ. Жидъ и гаворить, привезши священника:

— „Абъ аднымъ я васъ прашу: присягнута; уличать и пуникать ня буду“.

Священникъ Гиршу за парохъ вывѣ, а пѣтѣмъ и гаворить Трахвиму (тѣтю):

— „Трахвимъ! што ты, Трахвимъ, уздумау? Ни присяга: вить ета ни што нибуть: нужна хрѣстъ и ивангилья пупуловать—вить ета што нибуть да стоить“.

Матка съ Сяличина прѣѣхала, а у ихъ дѣўка выкавуха.

Матка гаворить патиху дѣўки:

— „Зачимъ ета яны будуть присягать?“

— „Сватѣя, ты, сватѣя, яны ня будуть праўдыю присягать, а такъ: Ня чуй Бохъ и ня видь!“

Присягнули. Паўгода ня выжили, стали сохнутъ жа тѣсть и съ жонкю.

Старуха мнѣ гаварила скоро посли таво, якъ ужъ ладѣя захворала:

— „Я сама словна дурачка хажу: куды иду, ни знаю, и за шта вазьмусь, ни знаю. Тяперъ, Сяргѣўна, вотъ я иду; а куды—ни знаю, и зачѣмъ иду—ни знаю. Вотъ у мине авѣчка-глумачка, я не вѣшу, и я такая... глумачка: паатвалилась мае усѣ нутрѣ, коньчились мае уси пупачѣшн“.

Ня доўга и мужъ не пажѣ. Тѣй якъ стау присягать, ивангилья падъ имъ хадаромъ ходить. Прабѣу годъ.

Якъ у праўди члавѣкъ присягаить, замирають 12 жылъ, а ў нипраўди, то ўси жылы.

Ж 24.

Вопытныи манахъ раить сямейному члавѣку кинуть на-настырь и жить у сваей сямѣѣ.

Адинъ маладѣй ища члавѣкъ, ну ужъ сямейный, толькы вочинь благачасливый, сталъ видить сны манашискіи.

И стау іонъ думать:

— „Нидарамъ снятца мнѣ еты сны“! думалъ іонъ: „ваступлю у монастырь“.

Бросилъ жонку и дѣтей, приходитъ къ настыятію:

— „Ти примѣя вы мине“?

— Суўсімъ удавольствіимъ: намъ добрыи люди нада.

Прикратились яму у манастырѣ сны манашискіи, а стали снитца сны грѣшныи: утрымъ снитца:

— „Здрастуй, ваперъ кормный“!

Вечирымъ снитца:

— „Пращай, ваперъ кормный“!

Заничаліўся маладэй манахъ; съ кимъ ни гаворить, нихто я не магетъ яму таго разъяснить, атчаво яво сны испортились.

Хто-та яму параніъ:

— „Паталкуй ты са старымъ и вопытнымъ манахымъ; за-сунулся іонъ абъ чимъ-та съ братіей и живеть отдѣльна.

Старый вопытный манахъ параніъ вьнууши:

— „Вярнись ты у сваю сямью: у сямѣ ты боліи трудился—аттаго тамъ и снились табѣ сны манашескіи. Якъ падумаишъ, якимъ родымъ накаришь жану, дѣтыкъ, да пумахаишъ касою и тыпаромъ, да цѣпамъ, скарѣи спастисься и пухудѣишъ, чимся ў манастырѣ—у манастырѣ стольки ни наживається, біўши зямни паклоны“.

№ 25.

А манахи, што рана ѣў да службы.

Адинъ манахъ рана ѣў да службы. Манахи яво падглѣдили, што рана ѣсть, далажили игумину, што такей-та рана ѣсть, паказали игумину, што кушаить рана. На заўтрива судить пришли братья: рана ѣсть да службы. Іонъ атказантъ:

— „Пайдемъ-тя, судитя, чаво я стою, судитя!“

Вядутъ яво къ престолу. Привяли. Судить стали.

— Стойта! ни адинъ я рана ѣмъ,—я знаю, хто ящо ранѣиш мине ѣсть.

Нашоў вонки. Литять гулубей стада.

— „Вы мине ранѣиш ясьтѣ—пушай мине ни водныва судить—лятитя на судъ“!

Уси литять у церкыў, на престоли сѣли. Гаворить іонъ:

— „Судитя мине съ гулубями“!..

— Стада быть, іонъ святой, што гулубей привель.

Пали на калѣйки.

— А, можить, іонъ служіў на нибисахъ и сюда паспѣў на службу!...

Прастіў ихъ и на третій день пириставіўся.

№ 26.

Счастье зависит не отъ богатства и благополучія, а отъ спокойствія совѣсти.

Идному учитилю пришлось видить бѣдныга старичка—іонъ, при усей сваей хворысти и биднатѣ, Бога хвалиль.

— Якъ магешъ ты Бога хвалить, будумчи такъ бѣдѣть и нищасліу?

Спрасіу учитиль у старика.

— А, милинькій мой, я Бога у сердца мѣю. Дайжа и ў ваду буду щастліу: схвачу Бога двумя рямами и буду диржать яго съ сабою и тамъ іонъ будить са мною. Щастя чилавѣка ня ў томъ, штобъ яго тѣлу была харашо, а ў дабрадѣтели, кротысти и змиреніи. Падъ якої бы ты планидый ни радился, щастліу будишь, если будишь дабрадѣтелинь.

Юнаша здивился старикоўському вуму и публагадаріу за навуку: ни я, а ты мой учитиль!

№ 27.

А чилавѣчисной нирадитильности, ніабдуманности, ниразумію.

Адинъ мудрый чилавѣкъ гуляль съ вьюнущій. Видють яны тащить чилавѣкъ браўно у церькнѣ жертву Богу.

Браўно длинныя—стала пупарекъ двери и ня лѣзять далій. Разъ примѣрилъ, другой примѣрилъ — и, ни падумаўши добре, якъ втащить браўно, вярнулся са сваимъ дарымъ назадъ.

Мудрецъ вьюнўши и гаворить:

— Душу-ль, такъ дѣлають тѣ люди, каторыи ня ищуть путя къ спасѣнью, а сбіўшись съ наво, живутъ якъ пумал. Изнову видють яны, прайшоўши далій: чилавѣкъ напрасна пдымаить визанку дроу: тижала ноша!

Надаба бъ атбавить дроу, а іонъ болій подбаўляить.

— „Усѣ мы такъ дѣлаимъ: многа на нашій душиньки грахоу—тижала ношка. нада адуматца, а мы болій и болій грахоу наклѣнчиваимъ“.

— Видють яны далій: чилавѣкъ напрасна ильѣть ваду ў диявую камью.

— Ли ниразумныхъ людей дарымъ прападають мудрии савѣты и правила.

№ 1.

Абъ упирамый жонки и абъ бабскихъ уверткахъ. Отголо-
ски Новгородскаго преданія о щилѣ. Историческія повѣсти.
Якъ купецъ Гулитыѹ и Ваксонскій наравловичъ ѣздили
умѣсти и нъ жонскимъ уверткамъ присматривались.

Была ета дѣла ў Питарбургѣ. Быѹ купецъ Гулитыѹ, а у
яво быѹ сынъ, бальней красавицъ. Атецъ яво наѣхаѹ у Вак-
сонію таргувать разными таварами. У Ваксонскава караля то-
жа быѹ сынъ, тожа красавица. Сынъ Гулитава и сынъ Вак-
сонскава караля воби были жинаты. Быѹ у Ваксонскава кара-
ля багъ, были у яво уси прочія карали. Кончіѹши абѣдъ, уси
гульню, были салдаты ў барабанъ сматрѣтъ великыя дива: бу-
дять вывадять Ваксонскій кароль на наказъ свайго сына, на-
казывать яво красату. Дли чаво іонъ яво вывадіѹ? —
А дли таво, што ти на выхвалитца проти яго хто красатомъ. —
„Карали уси и увесъ народъ, хто проти яго вызывитца ящо
подлинникымъ“? — Уси карали прамаѹчали и ни сказали ничаво.
А Гулитыѹ гаворить: — „Харонъ твой сынъ, пригожъ твой
сынъ, а у мене юсть сынъ, на будить хужій твайго!“ Гусу-
даръ разсердіѹся и гаворить усимъ: — „Гаспада, будьт уси
сандѣтили! привяземъ яво сына, насматрѣтъ: када яни краса-
томъ будуть роуны, та іонъ будить таргувать у Ваксоніи 7 лѣтъ,
а если яво сынъ будить хужій майво, то на площади яму отру-
бѣтъ голову“. — Купецъ Гулитыѹ сичасъ паслаѹ у Питарбургъ
штхвота съ нисемомъ къ свайму сыну: — „Штеба сичасъ при-
бѣѹ у Ваксонію“!.. Пулучомши нисемо, стаѹ сынъ Гулитыныра
сбиратца у Ваксонію. Апочалиѹся іонъ сильна, што пу вадѣ
нигада на вадіѹ. Пумалиѹся Богу и стаѹ на карабъ, — іва-
тіѹся, часоѹ карманныхъ нѣту. Пубижаѹ іонъ самъ за часами.
А ни такъ за часами, какъ захатѣѹ пупрашатца съ жаною.
Прибѣѹ у домъ; а часы яво были ў спальни. Іонъ какъ бѣѹ,
такъ прѣѹ ў спальню. Ускачіѹ у спальню и заспѣѹ принащи-
ка са сваею жаною. Іонъ вочинъ улякнуѹся и узгарѣѹ, но ни
сказаѹ ничота и наѣхаѹ у Ваксонію. Прибѣѹши у Ваксонію,
яво прѣѹ требуютъ къ царю. Атецъ, на яво какъ насматрѣѹ,
такъ и спужаѹся: увесъ іонъ стаѹ чоринъ и ниригожъ. Кароль

сабрау свидѣтелиу на площадь. Прибыли уси свидѣтели. Глянули свидѣтели: Гулитывыга купца сынъ ни пригожъ, а Ваксонскава караля сынъ, какъ маку твѣтъ. Говорить кароль:— „Ну, етыга купца пасадить у вострогъ, а сыну голыну атрубить, какъ и було сказано“.

Уси карали гаворють:— „Нѣтъ, ета ни пу правилу, штоба бязвинному чилавѣку голыну рубить: іонъ первыи разъ їздїу пу вадѣ, дыкъ іонъ спужаўся, а дайтя яму на 6 мѣсницїу сроку, харошія питаннѣ, иданнѣ,—тады увидимъ“!—Каралеўскїй сынъ ўзяў сына Гулитывыга къ сабѣ ў домъ, адно кушання зъ нимъ ѣли и хадилї у дваимъ гулять на саду. У саду была бясѣдка, а ў бясѣдкѣ стыяла канапея съ падушками.—Каралеўскїй сынъ гаворить на сына Гулитывыга:— „Мы на етнї канапеи, гулявши, атдыханімъ“!—Ета харашо.—У каралеви́ча была жина вяликыя красавица. Каралеви́чъ у ночь паѣхаў са свайнѣ атцомъ на троя судныкъ. Гулитывага сынъ быў празарліу. Гуляўши на саду, и думанть самъ сабѣ:— „Дайка, а палѣзу падѣ ету канапею: што тутъ случантца у паўдни“?—Падѣвъ пѣйвъ канапею и легъ. Часа у 2 дня приходить буда храпей шорникъ и лажитца на ету кравать. Чиризъ мину́ту приходить каралеви́чыва жина, а шорникъ гаворить:— „Што ты ета на ско́ра? Увидють, дыкъ будить нахлабучка.“—Извинитя; я толька што улажила свайво атца зъ матирью спать.—Палагли яны на кравать, и давай грѣхъ дѣлать. Атшибахали дѣла, пашили уси ўрозъ. Гулитыу сынъ вылизъ и думанть:— „Ну, чачо я улянуўся, када заспѣў сваю жану съ прикащикымъ?—Хутъ за прикащикъ, а то каралеўская дочка съ хранимъ чортимъ“!.. Стаў іонъ послї етыва весилъ:— „Значить ни адна мая жаня“!.. Стай Гулитыу сынъ пунраўлятца. Прибуванть каралеви́чъ дэмой. Пришли яны на заўтрига съ каралеўскимъ сынѣмъ ў садъ. Гулитыу зайшоу на кухню, ўзяў тамъ бальшей вострый ножъ, заторнуў яво за галынищу. Пришли къ канапеи, Гулитыу и гаворить: „Каралеви́чъ, давай ка мы ляжимъ падъ канапею: што мы увидимъ?—А толька, каралеви́чъ, када ня змоўчимъ, што будимъ видить, то я тебе закалю во етнѣ нажомъ“!—Буду маўчать. Магущимъ Богомъ клянусь, што буду маўчать!— „Ну, палѣзимъ!“ Лягли яны падъ канапею. Черизъ поўчаса приходить шорникъ и легъ на канапею. Черизъ мину́ту пришла и каралеви́чыва жина:— „Во, каралеви́чъ, видишь“?..—Братъ,

вижу!..— „Маўчи, а то во“!.. Вотъ и начали яны дѣла сваѣ дѣлать, ажну каравать стогнить... Кончили яны сваѣ дѣла и пашли урозь.— „Во, братъ, видіў?“—Видіў, братъ!..—Вотъ, каралевичъ, атчаво и я быў худъ: днѣз мнѣ жина съ прикащикымъ, а то каралеўская дочка и мужикъ“!.. Каралеўскій сынъ стаў худъ, а купечиский сынъ стаў ящо луччи. Каралеўскій сынъ и гаворить на купечискива сына: — „Пайдемъ у свѣтъ: калі найдѣмъ ящо такъ, то вѣрнимся двору, а ни найдѣмъ, то и ни найдѣмъ назадъ“!.. Вотъ аны и пашли. Узяли съ сабою золыта и сѣрибра. Зайшли яны версть за триста. Вышли яны на палянку; мужикъ пашить у адну саху, а за спиною у яво привязанъ мѣхъ. Аны сѣли и загаварили мизъ сабою: — „Братъ ты мой, мужикъ пашить и носитъ мѣхъ за плічями, што за аказія?“—Яны глядять. Мужикъ приростаў пахать, скинуў съ плечъ мяшокъ, развязаў, и вышла аттѣль жонка, стала яму давать абѣдать. Аны смотрять.— Мужикъ утаміўся и, абѣдаўши, заснуў. Какъ іонъ заснуў, то ина махнула платкомъ—изъ кустоў выбігъ паринь и давай зъ-ею грѣхъ дѣлать. Прашнуўся мужикъ и гаворить:— „Жонка, идѣ ты“?—А я тутъ!—Нечига парню дѣлать, шабоўтъ и іонъ у мѣхъ. Купечиский сынъ съ каралевичимъ видють, што іонъ завизаў ихъ обоихъ у мѣхъ. Мужикъ привеў и запрегъ у саху кабылу, завизаў мяшокъ на плечи и давай пахать.— „Ну, каралевичъ, пайдемъ памилуимъ яво“!—Пришли къ мужуку. — „Пумагай Богъ“!—Благодарю!— „Дядюшка, што ты ета за плічями носишь“?—А вамъ какою дѣла? Ну, ды я вамъ признаюсь: я яе третій годъ такъ нашу: боюсь, штоба чужея рибяты ни любили!— „Братъ, пакажи яе намъ: мы табѣ за ета дадимъ горсть золыта“!.. Іонъ развязаў мѣхъ, а аттудава выскачіў паринь, да ў кусты и схуваўся. Мужикъ давай сваю жонку пароть. Дали яны яму горсть золыта и пашли дальши. Приходють яны ў чужою каралеўства. Ихъ тамъ кароль сичасъ жа сдѣлаў министирами. — „Вотъ, гаспада“, гаворить на ихъ кароль: — „Я видаѣмъ за любога изъ васъ сваю дочку!“—Ахъ, царь, у насъ ни такъ!— „А какъ“?—А у нашимъ царстви у двухъ бувантъ адна жина!— „Ну, харашо: я васъ дваихъ на ей пиривинчаю!“ Часнымъ пиркомъ іонъ ихъ и ажаниў. Хадили яны по саду, ана и гаворить:— „Закажимъ мы сабѣ шурокую каравать!“— Сдѣлали шурокую каравать и паставили яе ў спальни. Ана ла-

жились наспради, а яны на краямъ.—Ина и гаворить:—„Ну, каторавя а таўкану, тогъ аткатыся, а съ другинъ а буду спать; а на другую ночь другога таўкану, а съ первынъ буду спать“.—У спальни у столи проти каравати було вакно, ано атипыралысь. Чаривъ надѣлю ети мужья, каралевичъ и Гулитнѣ, пашли ў садъ прагуливатца.—Кучечникѣй снычъ ударіў каралевича по вуху. Каралевичъ и гаворить:—„Ахъ, за што жъ ты мяне ўдаріў?“—А за чимъ ты усѣ съ жонкыю сиишь?—„А не, братъ, ина мяне ўсмыню ночь таўканы!“—Ну, братъ, кресты: ина и мяне усѣ таўканы. А мы санны пасматривъ: када ая таўканеть мяне.—я аткачусь, а када табе таўканеть, то и ты аткатыся; а пачомъ мы ўси смотимся ўмѣсти, пасматривъ, што тада будить!—Лягли яны и спрашивють:—„Милая, на што ея ваконка у столи?“—А ея, када будить жарка, то атипыратъ!—Яны замаўчали. Ина таўканула аднаго и другога, аны засапѣли и ать яе аткатылись, а чи спать: смотрють, што будить далій. Атрымысь вакно, на халстини спустиўся чилавѣкъ крима къ ей. Яны разныъ скатылися и паймали яво.—„Падай агну!“—Падали агну, наглядѣли: саможинецъ!—„Чимъ таба завуть!“—Юда.—„Ну, пращаймъ табе: а то бѣ було худо! Видна, какъ у насъ, такъ и ў васъ“. Пустили яго.—Вышли яны и гаворють:—„Ну, пайдимъ дамой: видна, какъ у насъ, такъ и ў ихъ!“—Приказали асидлать самыхъ лучинныхъ лампѣй, сѣли и укутали: каралевичъ у Ваксонію, а Гулитнѣ у Питарбургъ. Стали занятца сваими дѣлами.—А караль, тѣсть ихъ, гаворить на дочку:—„А идѣ жъ мае зятя?“—А пашли яны у садъ прогудатца и сказали:—„Штобъ нашъ вѣкъ ни видѣтца“.

Отъ старика Василія Михайлова.

№ 2.

Деревня Бердебяки
Ельнинскаго уѣзда.

Абъ бабскихъ уверткахъ. Штобъ паказать, што ина дума хитра, баба мушу вочи туманить.

Адинъ мужикъ захатѣў узнать бабскихъ увертокъ. Приходить у адну дареўню, заходитъ ў избу; у избѣ адна жонщина топить печку, а хата у яе курная.—„Куда, маладецъ, идешь?—

А иду искать бабенихъ увертыхъ.— „Харашо, я табѣ панажу увертку,—харашо, но только ты согласишься грѣхъ са мною дѣлать“!.. А нечка топитца жарна.— „Ну, посади троху“!.. Принисла вады и поставила на загнетку. Нидалеча було гумно, а съ хаты на гумно було красная вакошка.— „Ну, снатри: я тѣбе уяду у бяду и вывиду“. — Поставила двѣ скамейки къ заѣмъ, къ вакну. А сямейства усѣ малатила. Ана и гаворить.— „Ну, давай грѣхъ дѣлать“... — Давай! — Только іонъ начау грѣхъ дѣлать, ана яго схватала вругомъ надъ пахи и стала кричать:— „Каравуль!“—Іонъ и такъ, и сякъ выбиватца: ня-выбѣйтца никакъ. Іонъ уж и душа абрабѣу, а ана усѣ кричить. Паслыхали мушны и бѣгать съ цинами ў хату. Вотъ яны только ў сѣнцы, а ана схватала вядро вады, вылила на дровы, а астатки на етыа чилавѣка и притварилась, што будта плачить. Мушны и гаворить:— „Што тутъ такое!“— „Ахъ!“— гаворить ета баба:— „Када ба ня етытъ чилавѣкъ, ня бытъ ба нашиму дварочку!..— Загарѣлись дровы надъ сопухомъ, а етій чилавѣкъ ихъ затушіў!“—Яны яму сичасъ водки, угащеніе яму. Вотъ публыгадаріў іонъ ихъ и пашоу. А ета баба праважантъ яго и гаворить:—Ты иди двору, работай: уси бабы такея!.. Пасловица гаворить:— „Ня вѣрь лошади ў дароги, а бабы ў дварѣ!“

Отъ Василія Михайлова.

№ 3.

Деревня Бордбяки
Ельнинскаго уѣзда.

Якъ бурмистръ штобъ пану свайму выличить воки, малако даставаў атъ частной бабы.

Аднажды быў панъ, а у яго быў бурмистръ, вѣрный чилавѣкъ: панъ яму ва ўсемъ вѣріў. У бурмистра была жина, вочинь некрасивая: курносая, кривая,—станить гаварить, ажну слона тякеть. Съ ею на Христоу день никто ни христосаўся: уси грѣбували. Абувалась ана ня лоўна: анучи валачились, ана ихъ начала,—сказать такъ:—скверная баба! Аднажды баринъ лажіўся спать, найшла на яго главы черная вада, и іонъ аслѣпъ. Призывау іонъ усихъ дахтароу, дядоу,—яму ни कैसे дяди ни пумагли. Аднажды іонъ лажіўся спать сланой и видить у

васнѣ: будта приходить къ яму женщина и гаворить:— „А што, баринѣ, ня видишь?“—Ня вижу.— „Ну, я вамъ скажу адно ликарства; яно ня дорнга, а толька дастать яво трудна: воть, дастантя вы атъ благачастивый женщины груднога малака, пучачитя глаза тройчи и станитя видить“.—Прашнууся нашъ и ниракстїуся:—Госпиди, ти прайда то ета будить?..“ Призывають іонѣ бурмистра:— „Во, братъ, паслухай-ка ты мяне: найдти ты мнѣ атъ благачастивый женщины груднова малака; іостъ у мяне два имѣніи: адно мнѣ, а другая табѣ“. — Бурмистръ абнадежіу барина, што дастанить. Патаму іонѣ надѣіуся, што у яво жина была ни пригожія: яе ня могъ никто любить. Приходить двору. А яны жили парядашна. Сѣў за столъ, нагнууся и падгарюніуся. Жина никла блины и кала яво хадила. Ина и гаворить:— „Ти ня сдѣлаў ты якой бяды?“—Іонѣ ничога и гаворить, а толька плачить. Патомъ и гаворить на сваю жану:— „Воть, жина, паслухай: баринѣ нашъ таперъ аслѣпъ, а када ба мнѣ дастать груднова малака атъ бабы, у каторый іостъ чатыри любоўника: то баринѣ нашъ стаў ба видить“.—Ана и гаворить:— „Ну, днѣъ што?—У мяне сянни были Гринь, Пятрокъ, Максимъ, ды чатвертый пастухъ—ужу даў у задаткѣ ланты, хатѣў сянни придить—во й чатыри любоўника!“—Ударіў бурмистръ кулакомъ абъ столъ; ни стаў ѣсть и блиноў, и пашоў у свѣтъ искать груднога малака. Идетъ іонѣ кала рѣчки и видить, што на бриягу спить голый чилавѣкъ, а къ етиму чилавѣку крадитца воўкъ ужу вочинъ близка. Іонѣ и кричить:— „Ай, чилавѣкъ, чилавѣкъ, прашнися: табе воўкъ зѣѣтъ!..“ Чилавикъ етытъ ускочіу да ў ваду и нырнуў.—Бурмистръ и думанть:— „Ахъ, напрасна будіу я етыва чилавѣка: ета вѣра, чортъ: нихай ба яго воўкъ зѣў!“ Ишоў іонѣ, ишоў, дагалаить яго чилавѣкъ и кланіицца яму ў ноги: — „Благодарю, што пазбавіў мяне отъ ваўка“...—А хто ты такой?— „А я чортъ!“—А што жъ ты зъ ваўкомъ ни справиўся?— „А насъ ба було дужа многа, када ба ваўки насъ ни пандали. Мы у етытъ часъ купаніся,—аны насъ и пандаютъ.—Куда ты идешъ? Я табѣ какую хочишь службу саслужу!“—А иду я ў бѣлыи свѣтъ искать атъ благачастивый женщины груднова малака.— „Ну, знаю: у нашимъ царствіи іостъ толька адна благачастивая женщина за 500 верстѣ атсюда; садисъ на мяне и дяржисъ крѣпка: заўтришній день и яе спакуютъ паслѣднію!..“ Бурмистръ

сѣу на яго и отправи́ся ў путь. Дорогую у яво звалилась шляпа; іонъ и гаворить:— „Эй, чортъ, пастой: шляпа звалилась!“—Нѣтъ, ужу да твоей шапки 250 верстъ!.. Дагнали ету благачастивую бабу зъ мужимъ и зъ рабенкымъ. Еты благачастивны мужъ и жина ѣхали ка'бѣдни. Чортъ и гаворить: „Ну, бурмистръ, ты иди таперъ пашкомъ, а я улѣзу у пазуху къ етій баби и буду у яе кавирять рабенка“.—Дау чортъ яму 2 адинакихъ пузурька:— „Я буду кавирять рабенка; рабенкы будить кричѣть, яны у тябе будуть спрашивать, ти ни знаишь ты чаго, штоба выличить рабенка;—ты имъ гавари, што знаишь; только для етыга нада, скажи, грудноя малако. Яны у тябе будуть спрашивать, куда ты яго дѣнишь,—ты гавари, што выльлишь у ряку. Ана дастъ табѣ пузурекъ малака,—ты иди ў ряку, у другой пузурекъ зачарпни вады, а пузурекъ зъ малакомъ схувай. Тяди вадю пабрыскай рабенка, а я аттуль выду“.—Вотъ бурмистръ идетъ у слѣдъ; чортъ улѣзъ къ баби у пазуху и кавиряить рабенка. Рабенкы етытъ кричить. Вотъ етытъ благачастивый мужъ и гаворить бурмистру:— „Здрастуй!“—Здрастуй!— „Ти ня атходишь ты намъ рабенка?“—Знаю атхаживать, — только для етыва нужна адна вещь!— „Какая?“—А нада грудноя малако!—Жѣнщина и гаворить:— „Я никѣму ни давала груднова малака и ни дамъ!“—Бурмистръ пашоу, а рабенкы ящо хужій кричить. Мужъ и гаворить на жану:— „Ахъ, жана, какая ты нявѣрная!—Мы ў яво распросимъ, идѣ іонъ ета малако дѣнитъ!“—Ана заплакала и гаворить:— „Ну, ужу дамъ!“—Мужикъ и кричить на бурмистра:— „Эй, пастой: пагавѣримъ троху!“—Патомъ и гаворють:— „Скажи ты намъ прауду: идѣ ты ета малако дѣнишь?“—А во йдѣ: вы вотъ видита у мяне пузурекъ,—я паясѣу зъ малитвыю и выльлю.—Дали яму малака: іонъ и пашоу у ряку. Малако іонъ спрятау, а вады у другомъ пузурекѣ принесѣ. Збрызнуу у лицо рабенка, на яе и на яво, а астати атдау ей:— „Ты ў дварѣ рабенка пабрыскый!“—Атдау пузурекъ. Мужикъ и гаворить:— „Ахъ, чилавѣкъ, публугадаріу ба я тябе диньгами,—да у мяне нелєкихъ нѣту,—и ступай ты на пастаялный домъ: тамъ я расплачѣсь съ taboo.“—Пришоу іонъ на пастаялный домъ, а яны ужу са абѣдни пріѣхали. А чортъ и гаворить:— „У каво будить залатой вянецъ, то благачастивый,—у грѣшникыу ня будить“.—Узау паштофъ водки етытъ благачастивый мужъ и стау потчи-

вать бурмистра. Стаў панць жану и стаў пить самъ. Яго жина воднычкі падпила и стала пилать съ парнижъ. Пупилсали, искичили вонки, аттулитка вярнулася,—ужу у де нѣту вицца на галавѣ. Дьявылѣ и гаворить:—„Ну, танерь па ўсёй Рассеи нѣту часныхъ бабъ.—Садись, паѣдимъ!..“ Вотъ яни, какъ пилули, и нашли шапку, ваторую мужикъ патираў.—„Ну, вот твоя шапка!“ — Приѣхали на тоя мѣста, идѣ лижаў чортъ, и гаворить:—„Ну, слизай: танерь ми квиты“.—Чортъ исчезъ. Бурмистръ приѣхаў къ памѣшнику на сванхъ дванхъ, пумачіу яму малакомъ тройчи глазы,—памѣшникъ стаў видить. Падаріу яму адно кнѣнія, бурмистръ пирѣхаў—и таперъ тамъ живеть.

Отъ Василія Михайлова.

Ж 4.

Абъ женскихъ уверткахъ. Якъ мужъ каза, што яго жонка ни ўвертлива, а ина за то надъ имъ увертку придала.

Иднажды быў зборъ мужицкій, разгаваривали пра жоникъ. Адинъ гаворить:—„Отъ мая жина уина: бывають и виновата—ды здѣлаютца права. Увертлива: рискажить и ризглядить—и права бузавать“.—Нѣскальки мужикъ тожа гаворють. Адинъ быў мужина Аксентъ, іонъ гаворить:—„Моя жина никыда мине ни бманывають и ни якихъ женскихъ увертокъ ни придалають“.—Яму и гаворють мужики: Приди къ жанѣ, скажи ей:—Вулькъ, якая ета у бабъ увертки бузавать? Пупраси яе, то иа тибѣ и пыкажить“.—Жина отказанить мужу:—Дуракъ, якая у бабы магутъ бытъ увертки?! — Забунтувала яго слывами. Етнѣ жа Аксентъ змоўчить и мижда вушъ пустилъ. Етнѣ разгаворъ случился у полъ лѣта, а па восени жина уздумала яму паказать увертки. Наготовила кушання палуччій и сискала вотнички, пастелю бѣлую зыслала, а во ўремя ужина пудпала пуньянѣй:—„Аксеничка, раздивайся и лажись спать“.—Аксентъ отнѣ радѣўся и лѣхъ спать позна вечеромъ, варотъ ни затвориў. Сибакимъ справили лай. Ана и пасылантъ, жина:—„Аксеничка, вить жа наши вароты ни затворины!“—Аксентъ устаў и хатѣ адѣтца зытварить варата. Ана яму гыварить:—„Вязитка! Доўга ль тибѣ затворить? Якъ зайчикъ, прыгнуў и вароты затва-

ріу—и тади на теплуу постелю я ляжиль. Аксень толькы вы-
бѣжѣ изъ сѣнецъ, а жонка двѣри затварѣла за нѣмъ и зыва-
лыи завалила. Аксень вырѣта затварѣу и изъ сѣнямъ прышоу—
сѣни затворини. А жина лягла и духъ утаила. Нѣскыльни уре-
ки іонъ стучѣу,—ина усе ни твыряить. Падумѣу у вакошка
уѣлъ—вакошничка малинѣкая, старинни: у яго уѣлѣть нильѣи.
Ана ни захатѣла стукнутъ и кричить:— „Каго тамъ ляхачи но-
сютъ?“—Аксень тыда и падумау:— „Ти усвой а дворъ ета пу-
цау!“ Былъ вынѣиши пирядышна—пайшоу двѣри щитать:—ета
Исакѣу, а ета Пятапыу, а ета кумѣу!—Приходитъ на свой
дворъ ипать, а ина ни пуцаить—іонъ пайшоу гумни щитать.—
Начау съ краю:—Ета Пятапына, а ета Исакына, а ета куми-
на, а ета мае гумно!—Пашоу ипать на дворъ—жина ни
пуцаить. Іонъ и думанть самъ ни слѣбъ:—Што ета а зду-
рачѣуся? Ето, вѣрно, у гылавѣ у мине хмелина водить?“—
И пайшоу на дарѣиу съ другога канца; толькы етау заха-
дѣть, а священникъ ѣхау съ колѣдн. Священникъ нуѣстрѣчау
яго и кричить:— „Што за чылавѣкъ ногой ходить?“—Іонъ и
атказнить священнику:— „Я, батюшка!“—А хто ты?— „Да я,
Аксень“.—Што жъ ты такъ ета ходишь?— „А жина наслала
затварѣть вароты; я вароты зытвариу, а жина сѣни зытварила,
мине ни пуцаить“. Священникъ гаворить:— „Ахъ, ты, мой
Аксеничка, ногой ты ходишь! На тибѣ маю синѣтюгу и сѣди
на вазу, а я пайду жану тваю угаварю“.—Ульянъ, на што ты
свайго Аксена ни пуцаишь?— „Ти вы ета, батюшка?—Я.—
— „Ахъ, батюшка, мой Аксень са мною спить“.—А священникъ
гаворить:—Іонъ у мине на вазу спить.— „Ета, батюшка, вы
ти на чорта пѣймали?!..“ Священника тронула у мысли. Пашоу
къ свайму возу и гаворить:— „Ти ты ета, Аксень?“—Я.—
„Ти ли чортъ ты?“—Дн не,—Аксень.—Священникъ ипать па-
шоу къ жанѣ:— „Вазми, Ульякъ, свайго мужа!“—Што вы, ба-
тюшка, ти шутѣи, ти смяѣтѣсь, што вы мнѣ другога мужа
даѣта?—Священникъ пашоу къ Аксену и гонить яго дажоу.—
„Далой—ты чортъ!“—А іонъ таки найдеть. Днѣкъ іонъ узалъ
авѣда у шивырьтѣ и съ синѣтюгю, а самъ на лошатѣ дн на
ѣходъ. Аксень тада пашолъ на гумно къ сасѣду. Была налатѣ-
ба. Іонъ пирѣначувау, на вутра пашоу дамоу, а жина ужъ ноч-
ку тонить, абѣдъ гатуить. Аксень яе падумау пабить и заста-
вѣу, што абѣдъ ни згатуить—здумау: жака яго учѣла ночку—

„А я не паўчу ноччу, штобъ нхто ни ўзнаў.“ Жина послѣ абѣду пышла на дареўню, падгаварила маладуху:— „Пираси ты зъ маннѣ Аксённымъ адну ночъ: я тибѣ дамъ за эта намѣтку.“— Іонъ жа ўзнаць. — „А мы здѣлаемъ такъ, што ни ўзнаць. Приходи то ўремя, кыда будимъ ужинаць, и пагади, пакуь мы паужинаемъ. Якъ паужинаемъ, тыда са стола убяру, Богу пумалюсь, лучынку загашу, пайду на дворъ—и, нямножка пагодя, да йди жъ ты съ маннѣ Аксённымъ и лажись спать.“— Тольки дна пришла къ постели, Аксёнь прыгатуваць пагадку, саскребъ за валасы ету маладуху и начаў яе пароть. Маладуха эта кричить:— „Аксёнь, ты шалѣў ты?! я жонка ни твоя.“— Іонъ яе абругаў:— „Нѣтъ, ты ўчора гаварила:—Аксёнь ни мой, Аксёнь чортъ! И я чорта бью, и я чорта бью, и я чорта бью!..“ Маладуха эта вырвылась, немыда и съ Аксённымъ спать—и ушла. Аксёнь етытъ зымаріўся, пышнить, якъ жаробный воўкъ; жина, яво законная, приходить къ яму и лажитца зъ нимъ. Жина спрашнить:— „Аксёнь, што ты эта пышишь?“— Аксёнь гаворить:— „Я жъ тѣбе біў.“—Нѣтъ, Аксёничка, ты мяне ни біў.— „А каго жъ я біў?“—Ета ты біў чорта. Іонъ тады пхнуў:— „Ту, праклатный, якъ мяне нмустилъ!..“

Ж 5.

Деревня Бердєбия
Ельнинскаго уѣзда.

А благачасливыхъ мужи и жонки, и чорти. Якъ чортъ агъ сваго начальника пулучіў поду и дѣхтю за то, што пассоріў благачасливыхъ: мужа и жонку. Жонка свайго мужа бутцахъ зарѣзатъ хатѣла—увирайъ іонъ.

У аднымъ мѣсти жили благачастивны мужъ съ жаною; жили яны сагласна, какъ братъ съ сястрою. У эта ўремя аднѣ чортъ быў у ади бязъ доўжыности: яму ни давали ни кагога правянту. Чортъ приходить къ свайму начальнику. Начальникъ яму гаворить:— „Если ты ни змутишь такова-то благачастивна съ жаною, то я табѣ ни якій доўжыности ни дамъ; а када змутишь,—дамъ табѣ три бочки поду и дѣгтю.“— Вотъ чортъ етытъ сдѣлаўся харошимъ чилавѣчнымъ и пашоў прямиа къ етымъ благачастивнымъ у домъ. А благачастивный мужъ рана ушоў касить, а жана яго была дома. Чортъ уходить у хату:— „Зда-

роу вамъ!“—Здрастуй, галубчикъ!—„А мужъ твой идѣ?“—А
іонъ у поля косить. А на што іонъ табѣ?—„А я приноу яво
нажалѣть.“—Што такъ ты эта яго жалѣишь?—„А во атъ
чаго:—чигавѣкъ іонъ харошій, да памреть скоро.“—Атчаго?!—
„А во атъ чаво: у яво вырнела падъ шыю три бѣлыхъ вы-
инска.“—Жина яво сильна жалѣла, заплакала и гаворить:—
„Ахъ, любезный! Ты ни знаишь ты, якъ яво атъ смерти ’зба-
вить?“—Ну, ладна. Ты яму паясѣшь заўтрикыть?—А, вотъ,
только хешню сжарю—то паясу“.—Ну, ты во што сдѣлай:
вазьми вострый ножъ, усодъ у рукау, привяси яму заўтрикыть.
Када іонъ пазаўтриканыть, ты яму скажи:—„Давай я тябѣ
вѣдшій пайцу.“—Іонъ табѣ паложить сваю галаву на калѣни, а
ты пакапай у яво у голави, — тады патихоньку и вырѣжъ тыя
валаски: тада іонъ будить жнть болій.—„Ну, спасибо, добрый
чигавѣкъ, што наўчиу!“—Статувада ана заўтрикѣ и сабралась
идить.—А чортъ пашоу съ хаты, пашоу у поля къ благача-
стивному мужу:—„Здароу, мужикъ!“—Здароу!—„Садись, па-
зюкани!“—Сѣл. Чортъ пѣчау мужуку гаварить:—„Вотъ, ты
своей жонки у дома усѣ вѣришь, а ана ня вѣрна табѣ: сани я
захажу на чистыялнй домъ, а твоя жина съ цулуванникымъ
скачить, пляшеть, цалунца, а цулуванникъ ей гаворить:—„За-
рѣжъ ты свайго мужа: я тябе буду да вѣку любить!“—Ну,
какъ жа инѣ яго зарѣзать?—„А, во, я тябе наўчу: какъ па-
нясѣшь ты яму заўтрикыть, вазьми у рукау ножикъ,—какъ
іонъ пазаўтриканыть, то ты яму скажи:—„Давай я у тябе вѣдшій
пайцу!...“ Када іонъ паложить голыву къ табѣ на калѣни, то
ты яго и зарѣжъ!“—Охъ, ты праўда эта будить?... спра-
шайтъ у чорта мужикъ. — „Праўда: я, жалѣючи тябе, зай-
шоу. А када ня вѣритца табѣ, то ты сваю жонку абайши: у
яе, у рукавѣ, ты найдѣшь ножъ.“—Задражала у етыва мужука
серца. Чортъ атъ яво атайшоу, а іонъ въ кустахъ вырубіу хла-
базину и схувау ея падъ павосъ. Нясеть яму жина абѣдыть,
бегить шпарка, ища зъ даліка кричить:—„Брось ужъ, милый,
каситъ: атдыхни!“—Пришла ана къ яму и гаворить:—„Ахъ,
душка!—Ты дужа выбиваеся изъ силъ: паддыхни!“ Сѣу
іонъ заўтрикыть, ну, черизъ дысаду ни можить ѣсть. Ина яго
цалунить, гладить па шиі и па галивѣ, а іонъ усѣ думайтъ,
што ана ищитъ мѣста штоба яго лаўчѣй зарѣзать.—Ина яму
гаворить:—„Душка, давай я тябе у галавѣ пайшу?“—Уска-

чію юнѣ и гаворить:—„Давай-ка я тебе абынну: съ чѣмъ ти пришла?“—Юнѣ у не и кашоу у не рукавъ бальной вострой кожь:—„Ета што?!.. Юнѣ же у нуха и ў другоа, наднаў на сѣ адежу, явѣ почаў же дуть. Віў, біў,—нна ужъ и кричать на-ристала. Тада ений дэвилъ захакатаў, пубикаў ѣзъ сваіну на-чальнику. Тада, благачастивый мужъ пасликаў явѣ хохыт—дегадаўся:—„Ета вѣрна, падшутили надъ нами!..“ Окватаў на-дн, давай атлываць жонку сваю. Выздаравава явѣ жонка—ста-ли яны жить луччѣ прэжняга. А чортъ палучіў коду и скаръ 3 бочѣн за то, што благачастивыхъ людѣй змутаў.

Отъ старика Василя Михайлова.

№ 6.

**Село Шентово
Балыкаго уѣзда.**

Какъ няѣрная жина притварила мужа ворынымъ и сабакой.

Атось уздумаў сына жаніць—ну, вядзецца ў сваты. Ідзі за яво ідуть, онъ не хочить; а ідзі думаць бы браць, за яво ідуть. Ну, табъ какъ онъ на отца атказалъ:—маньжой-на ти свайму пріятлю, табъ онъ пазвалъ къ пріятлю.

Пріѣхавши въ пріятелю:

— „Здрастуй, пріятель!..“

— Что вы ка мнѣ ѣздитя?

— „Ни такъ и ни даринъ—у сваты, братъ.“

— Што жъ, братъ, я бѣ атдаць дачу—мая дачка ни воль-
ная, а гаспольская!

— „Ну, братъ, я 'бхлпачу дѣла, када на ладѣ найдѣтъ. Пайдѣмъ къ гаспадамъ: я гаспадамъ денуги атлажу.“

Гаспада приказали за дѣўку атлажить пнтьдсать рублѣй. Атлажіўнн денъгн, нн вно курятъ, нн пива варятъ—за свднбкѣ. Патѣмъ ошчасъ сваднбкѣ сннграўнн, живутъ янн харашо, друхъ у друга души нн чуўствутъ. Ну, такъ какъ праадіў у дареўнѣ кривой работннкъ н застаўлантца къ сусѣду въ той жа дареўнѣ.

Правдоу истомъ слыхъ, што Иванна жина живетъ съ кривымъ. Иванъ не вѣриу:

— „Ну, помилуй, братици, вамъ эта пляхатъ! Бада я самъ сабою увидаю жану свою, тада ей нєругаю!“

Въ великодну субботу атираўляўся атацъ съ снынымъ на великодну, дашли яны да рѣки, и краўіўся атацъ — донекъ нѣтъ.

— „Штожъ, сннъ, гадавой праздникъ — варачайся явадъ днмой, такъ какъ забыли дѣньги: лямать яны на бажницы.“

Приходить іонъ дамой у свой атраўскі домъ — сидитъ жана за сталомъ и зъ естимъ крывимъ палюбовникимъ.

— „Ни тибѣ бѣ то еста дѣлать, ни мнѣ бѣ то глйдѣть на тибѣ!..“

— Но малчи, ніуѣга!

Жана атказала:

— Пашоу вонъ!

Здѣлала она яво сабакнй. Онъ сабѣ у мысли биреть:

— „И яго то я сабака!..“

Вышій на вулицу и такъ прибрѣднѣўся; у той же дереўни и заходить къ тетеньки, кагда жъ жано тетинька назавѣтъ въ етнмъ видѣ сабакамъ.

Онъ приходитъ въ избу, тѣ тетинька и гаварить:

— „Пасмагри, маладица, какой звѣўся къ намъ сабака. Ну, такъ ана атламила яму шрага и падаеъ яму наданнѣ, етнму сабаки, такъ какъ етнтъ сабана съ агартеннѣ вышій вонъ.“

— Ну, куда жъ мнѣ теперъ вѣдзельца?

Атламіўся іонъ къ пастухамъ у стада и прибрѣўся іонъ жъ пастуху, къ етдѣннику, и пасеъ съ пастухомъ скотъ. И такъ жества сабана ниринимаетъ скотъ. Патомъ пастухъ, астаеъца да-вѣлннъ сабакню.

— „Вотъ што, распада дамужааннмъ, крѣму накерма да-вать нрѣнтаніе на етнѣа же сабаку!..“

Ну, патомъ какъ пастухъ видѣтъ сабакиа дасталнѣ, атл-чуўся у праздникъ у тую дереўню, гдѣ пасеъ.

Вдрухъ къ етнму сабаки іўдзельца двѣ звѣри: два ваўка, и хатѣнѣ наубить ската. Патомъ сабана ударіў етѣе мысли:

— „Што будить, такъ будить, и ужъ падырусь зъ ваў-комъ!“

Ваўкоу іонъ пабидіў. Приходитъ у тую жъ дереўню за свамнѣ стадинкамъ, узлѣў яво за паду и навѣў яво къ скату, приводитъ яво къ етнмъ ваўкамъ и паказываў ядинныхъ ваў-коу, патомъ сабираетъ яму стада и да кучи.

То ба у аднаво памѣщика была завиденія, едержн бын

лашадинний заводъ и многа у яго была звирья—пайибали лашадей; то етты пайиццкы атправляетца къ етиму стадинку купити етыва сабаку ли сбйраженія сванхъ лашадей.

Прйизжаны у дареуно:

— Есть у васъ прибудная сабака?

— „Есть; да ни у насъ—у нашива стадинка.“

— А кабы ннѣ лво разыскать?

— „А можна: юнѣ у мене на хватори.“

Приходить онѣ къ ему:

— „Што, братъ, есть у тебе сабака?“

— Есть.

— „Прадай ты мнѣ свайво сабаку!..“

— А давай сто рублей!

Ну, такъ пайиццкы ни жалѣль етыхъ доникхъ; атдау донги, узвѣ сабаку, привозитъ дамой у свой барскій домъ.

— Вотъ што, гаснада-канюхи, даю вамъ и сабаку, и мѣсишнау: сматрится бирагитя, какъ и сами снбе, такъ и сабаку.

Такъ пастухи бирагли сабаку.

Ну, видють пастухи: сабака харашо пасеть лашадей—самая малая ннѣ работа.

— „Давай гульню устроимъ!“

Ва время етйй самый гульни іуляютца двинаццѣ ваукоу. Сабака етты мохъ ба будитъ сванхъ стадинкѣу, ну, никакъ ни разбудитъ. Сабака съ сваей атвагнй напустѣся на ваукоу, ну, и паватѣ етыхъ ваукоу. Ну, такъ ранили и сабаку ети самыи вауки.

Какъ атпраудились пастухи ат испуга, што сабаку ни нашли, пришли въ гаспѣдскій домъ, абѣуляють пайиццкѣу:—прапау сабака, ни найдемъ лашадей!

Такъ пайиццкѣу строга пастушѣу:

— „Я за ета васъ бнзъ вачоту атдамъ у салдаты!“

Ну, такъ большій канюхъ ударѣся ушнрѣдъ исватъ лашадей.

— „Пастой, братія, сабаку нашоу, только увесь зранитый“.

Ну, пайиццкѣу атказау.

— „Дай мнѣ хуть раненнвал!..“

Приходить къ сабаки, лнжить жа сабака асабнякомъ, тутъ жа 12 ваукоу.

Забирають етихъ ваукоу и съ сабакамъ къ памѣщнику. Памѣщникъ давай сабаку етыва лачить; онъ многа на сабаку пралачну — двѣсти рублей. Патомъ етнѣ сабака пашоу у обьяву. Инпралъ узнау пра сабаку, што сабака вочинъ харошія, призначитъ къ етнму памѣщнику.

— „Прадай, братъ, мнѣ сабаку!“

— А купи—пятьсотъ рублей.

Онъ яму вынимаетъ деньги ни тургуваўши, атдасть яму. Павезъ сабаку къ сабѣ ли сбиряженія малыхъ дятѣй. И такъ сабака утишант малыхъ дятѣй. Сабралась сабранія. Онъ абыўлянтъ:

— „Гаспада, што вы пригласите мине, чимъ мнѣ сабаку наградить?“

Другіи лица:

— Ну, чимъ сабаку наградить? Да справить яму залатѣй галстукъ!

Ну, какъ справіу галстукъ, сабака и выходитъ на крыльцо и задумау бижать у сваю старану, у свой ватцовскій домъ и къ сваей жанѣ. Онъ приходить у ватцоўскій домъ, ана сидитъ пада'кномъ, распивант пѣсенки. Онъ забитантъ напрати вака:

— А здрастуй, Ванюшка, пади, будимъ жить, какъ жили!

Аттварила вака, бросіўся у вака. Она взяла галстукъ, сарвала, притварила яво воринимъ; взяла пруть, выгнала съ избѣ. Онъ улизтѣу на крышку и задумаўся:

— Што жъ типерь мнѣ будить?

Отпраўляйтна удалъ литѣть. Литѣлтъ къ аднаму памѣщнику, прилетѣу у садъ. И становють паничи плѣннычки ли варабѣў. Онъ увидау ету пленку—бухъ у пленку: ну, же-таки, иму любовантна было, што тамъ кананельки были. Приходятъ паничи. У моей ба пленнычки варабей, а у другога панича самый етнѣ ворыль.

Аны взяли и панисли. Варабейчикъ етнѣ. какъ пустили на гульню, такъ и палетѣу, но какъ воранъ нигада.

Аны мижа себе зассорились:

— „Мой улизтѣу, а твой нѣтъ!..“

Ну, на ихъ атець ускриенуѣ:

— Што жа вы ссоритись?—Нисита: я вамъ раздѣлю.

Прикисли етыва ворына и къ пунани. Онъ кыркырниу
яво и рвать.

— Охъ, ворынкъ, ды на тотъ!

Онъ яво абразувалъ чалавѣчїи видѣния.

— Давно жъ ты, братъ, страдаешь?

— „Ни знаю“.

— „Ну, я тибѣ скажу: Слава Богу, шесть лѣтъ прастра-
дау. Ну, што, братъ типерь будишь дѣлать? Паласа твая за-
расла, и бурыва каня нѣту, астауши у атца адны клѣшны бу-
рива каня.

Даетъ яму двѣ узды:

— И отправляйся дамой. Ну, насмѣялась жана,—пасмѣйся
и ты надъ ей!

Стантъ кала Ванькиныва вини сасна. Онъ приходитъ къ
сасны, іулянтца самый жа кривой подъ ету сасну и сказау:

Ніувѣга! абѣщалась придить упередъ.

Онъ какъ наадѣу на ово узду — сдѣлау ово жирябонъ.
Патомъ іулянтца нѣа, яво бѣуши жина.

Тынкъ жа нарядкинкъ надытъ узду и дѣлають іо кабылїнкї,
сидитца верахомъ, атправїуся у балата. Приходитъ къ атуу.

— „Здрастуй, бражїнай чалавѣкъ, створшї старичѣкъ!

А я вашъ сынокъ!..“

— Нїпраўда, сынокъ.

— „Нѣтъ, я вашъ сынокъ, атець — Иванъ Ивановичъ.“

— Што, атець, што у васъ донѣ астауши?

— „А што жъ, мой сынокъ? адны бурїны клѣшцы“.

— А на поли што дѣйтца?

— „Палоскы зарасли вустамы.“

— Ну, нїчаво, атець; хотьба былы тмы признаки, идѣ нама
паласа. Схади-ка, атець, мупрасн-ка памѣщїка плуга нзадрать
поля!

Ну, атець атправляуся къ памѣщїку и вынрасїу плухъ, ну, и
запрѣхъ ламадей и давай еты драть облоги у етыва памѣщїка.
Памѣщїкъ думау жанить сына. На упраўляющава гаворить:

— „Памѣ-ка насматри яво лошадей!..“

— Ахъ, баринъ очинь хараши лошада!...

— „Ни можна ли намъ ихъ на свадьбу узать?“

То приходитъ приказникъ:

— Што, братъ, васъ намъ просить ламадей ни свадьбу.

— „Су ўсिमъ удавольствіимъ, можна—цана будить сто рублей“.

Приводить лошадей на свадьбу. То памѣщикъ атвичаить:

— Што, братъ, нада дать лошадямъ пашаницы?

— Нѣтъ ни нада, павѣрѣть! а нѣтъ ли у васъ гнилэй саломы?

Снялъ съ крышки гнилэй саломы — и такъ смашна кони ядуть; нада ихъ напанть путрюю.

Памѣщикъ и гаварить:

— Вывизитя тарантасъ саўсिमъ лихкавой!

Онъ атвичаить:

— Нѣтъ, гаспада, какъ можна пагрузиѣй!

Вывизли яму читвириковный; онъ и залажилъ у тарантасъ пару сваихъ лошадей.

Просить гасподъ:

— „Паѣхали бы, гаспада, упяредъ!“...

Но гаспадамъ паказались ба ети слава какъ ба ни ў лицо:

— „Прасилибъ мы тибѣ выихать сколькои нибудь упирѣдъ!“...

Онъ ищо имъ пуўтарилъ:

— „Братъ, да ни ради мене—ради сами себе“.

Ну, и атправился ѣхать упирѣдъ ихъ.

Праизжантъ многа время упирѣдъ, часа палтара; атгуляўши свадьбу, приглашаить другихъ:

— „Паѣдимъ пакатаймся куда нибудь у прочіи гарада!“...

Ну, и атправились у горыдъ дальній, выизжають на скачку. Адинъ купецкій сынъ астанабливаить Ивана:

— Сѣрній мужикъ, эй, ты, што ты такъ жестка ѣдишь?

Ты паложъ перва деньги, патомъ выизжай жестка!

Онъ денюжки палажилъ тамъ нѣскальки. Проситца зъ имъ мужикъ расписатца, мижда себе расписались.

Атправились на абгонъ друхъ съ другимъ, то мужикъ абагналъ купческава сына.

Такъ купческыму сыну показалась ета ни у носъ—пустить етыхъ лошадей на'торгъ.

— Мужичекъ, продай мнѣ сваихъ лошадей!

— „Здѣсь нильзя: у мене іостъ старичекъ семъдисить лѣтъ. А хто можить лошадѣй пакупать, тотъ прибудъ ка мнѣ дамой“.—Сагласились нѣскальки лицъ етыхъ купить коній.

Іонъ отправила дамой, прїизжають къ свайму атпу и къ стараму старику.

— „Ну, што, атець, у мине пакунали лашадей“?

— Ну, досыть, сынъ, зругатца: атпусти іе на волю!— Ну, и атпустилъ іе на волю, здѣлалъ сваей жаной, давелъ яе да клятьбы, далъ ей комъ зямли зѣвсть.

— Тада я тибѣ павѣрю, када зѣяси етый комъ.

Но іе раскуваў и вузду зъ іе сняў, но яво ни раскуваў, пустиў кованага: задній капты раскаваў, а пирежні такъ и асталіся; жіў етытъ конь у сусадніхъ.

№ 7.

Янъ мужикъ абмираў, а пѣтэмъ жонку свою падучилъ, што ина дужа любапытна.

Какъ жіў адинъ мужучокъ, патомъ и помиръ. Яго узали памыли, прибрали и полажили на кутъ. Тутъ начали па ёмъ плакать уси раднѣя. Вотъ іонъ лижать день, лижать и другой; патомъ вырвали магілу, сдѣлали грабницу и дали знать священнику, штоба яго ужу сусимъ схаранить. Патомъ приходять священникъ, надивають ризу и давай тѣла падымать. Толька начаў іонъ, што тамъ нада було начинать, а етытъ пакойникъ устаў и гаворить:— „Ахъ, Божа мой, какъ крѣпка я усну!“— Тутъ усѣ и урабѣли: какъ можна мертвому устать; каторыя ужу и паразбижались. А іонъ гаворить:— „ня бойтися ви мене: я ета абмираў“. Тутъ его раднѣя стали такея раднѣя, давай угащать священника и увесъ народъ, каторый быў; патомъ, пакончаўши ета усѣ, давай аны раднѣя яго распрашивать, якъ яму тамъ було; іонъ нитъ усѣ паразсказаў. Патомъ и гаворить:— „Пра адно слоўца я ни скажу“. Етому многа ли мала ўремя прайшло, какъ падвизались къ яму жонка:— „Скажи ты мнѣ тоя, што я табе прасила, и што ты нікому ни говоришь!“— Думаў іонъ, думаў:— „ну што тутъ дѣлать? ежили сказать,— нужна умирать; а ежили ни сказать,— то жонка рассердитца“. — А іонъ знаў, хто што гаворить: што дѣсь гаворить, што трава гаворить, што какая скатина гаворить: то іонъ усѣ знаў, а ежили ети слава сказать, то нада умирать. Вотъ іонъ и гаворить жонке:— „ну, во што я табѣ скажу:

уныся маю смярётную адежу, — тада я табѣ скажу“. — Вотъ ина унысла яму смярётную адежу. Вотъ іонъ адѣўся и легъ на кутѣ, а пятаў ходитъ па хати и гаворить: — „Я семъ жонѣ маю, да ўсѣхъ унимаю; а ты и са 'днэю ня можышъ справитца!“ — Вотъ іонъ узяў адежу ету, якъ скинить съ сябе дадоў, да какъ узяў вярёўку, да какъ начаў яе дуть, — па туду дуў. пака ина сказала: — „ня буду я ў табе, мой милинькій, ні-када спрашываць, — нікада ни пумяну па смерць тваей жыццi!“ Тада іонъ ей прастіў.

№ 8.

Мужикъ мертвымъ притворился, чтобы узнать, любить ли его жена.

Хвараў мужикъ и притваріўся, што вумірѣ, сказаў на жонку:

— „Атвари мнѣ ядчикъ!“...

А самъ и лѣхъ — быдта кднѣчiўся.

Жонка и гаворить:

— „Милинькій ты мой, самъ ты ляжишъ на лаўцы, а яйцы твае падъ лаўкiй“.

Сама ина ни хатить выть, а наняла бабу; та и выить:

— „Вню, вню па чужомъ гарю,

А сама ни знаю, чимъ завуть“.

А жонка скокѣ, скокѣ:

— „Кандрашокъ, сястричинька, Кандрашокъ!“

Тады мужикъ устаў и пачаў арысинный ахаживать и пла-кальщицу, и жонку.

№ 9.

Якъ дваровый чилавѣкъ вѣрнысть сваей жонки спытываль.

Ета ища была ва ўремя крипаднаго права. Адинъ дваровый и разскажи сваей жанѣ, што баринъ плоха денъги прачить и што лоўка ихъ украсть. Съ тыхъ порѣ жана ни даѣтъ пакою мужу, — слоўна сатана тая шепчить яму на уха денна и ношна: — „пайдемъ, да пайдемъ у панскія денъги!“

Мужъ сначала упируваѣ, а потѣмъ ина и змугила яго—пашли гасподскія деньги красть. Только мужъ (іонъ знаѣ, што дѣлаѣ) упередѣ забѣгъ, бросіѣ сапогъ, далій на дарозі бросіѣ калачъ, а у неридѣ засадіѣ зайца, да и апустиѣ яго у воду, у ряки.

Идутъ жана съ мужимъ:—„Што ета сапогъ ляжить при ѣ дарозі?“ А мужъ жанѣ отказниѣ:—„разви ты ни знаишъ—ета шла туча сапожная, сапаги падали—адинѣ и застаѣся—ни подабрали.“

Идутъ далій—ляжить калачъ. Жонка и спрашиѣ мужа:—што ета значиѣ?“ А мужъ жанѣ мугиѣ: ета калачная туча шла—адинѣ калачъ и тстаѣся.

Идутъ далій, мужъ выиманиѣ зайца изъ нерита.

— „Лянъ-ка ты: заицъ у неритѣ пунаѣся“.—А ета заицая туча шла—заицъ и свалиѣся у мой неритѣ.

Потѣмъ пахдодютъ къ гасподскому дому и саду. Мужъ жанѣ и гаворитъ: — „постой-ты тутъ у згароды, а я пайду идинѣ у гасподскій домъ“. Паймаѣ іонъ пайшоѣши хряка да и давай яго гнести; — хрячокъ тѣй и виразжитъ благимъ матимъ. Узяѣ паньскія деньги и приходитъ къ жанѣ. Жана давольна, только спрашиѣ; „а што ета такая вирижала, якъ ты быѣ у паньскимъ доми“.—А ета напига барина пешча тармасіѣ—ледва баринѣ жиѣ атстаѣся.

Пражили яны нѣскальки ѣремя, разсориѣся мужъ съ жаном. Жана чѣмъ-та разабидилась на мужа и пришла къ яму, да і гаворитъ:

— „Што вы знаиѣ, панъ? Деньги, што вы ищиѣ. ета мой мужъ украѣ“.

Пасылаѣ баринѣ за своимъ дваровымъ челаѣвѣкамъ:—„ти украѣ мае деньги“.

— Никакъ нѣтъ.—„А вотъ послушай-ка, братецъ, што будиѣ гаваритъ твоя жина: привадиѣ-ка яе“.—Привали.—„Ну, што виѣ мужъ украѣ мае денги?“—Вѣрна, баринѣ, онъ. А мужъ гаворитъ:—вотъ такъ и луччи, жонуска: и глази твае ня лупютца, такъ гаваріѣши на мяне?—Кали жѣ я краѣ?—„А ни знаишъ ты, такой сякой разбязсовистный, кали краѣ?!.. время была дужа атиѣвная! помнишъ, тада на небу хадили тучи пирожниѣ, сапожниѣ, яще заицѣи...—„Слушайѣ, баринѣ. бабу, што ина трыяниѣ... у няе тутъ ня ѣсе... и паказниѣ са-

бѣ на лобѣ... — Ну, ну еще кали? — А, а, ня помнишь, каналья, и вамъ, баринъ, тоя ўремя даужно быть у памяти: вамъ тада дужа была ни па сябѣ: вы якъ хрякѣ виризжали. якъ васъ паганый шешка, ня тутъ будъ пумянутъ, мѣста свята — васъ тармасіў“.

Баринъ асирчаў дужа, якъ ета баба яго у ета дѣла упутала и нашла сходствія съ хрыкамъ, якъ крикнуў: — „на каюшню дуру!“...

По варіанту, записанному мною въ Сухомъ Починкѣ Ельнинскаго ўѣзда, мужъ отдаетъ деньги барину, прося барина простить его жену: — „ета, баринъ, я нарошна взяў деньги, штобъ испытать вѣрность своей жаны. Таперь вижу: правдива связана: жанѣ праўды ни кажи!“...

№ 10.

Якъ споріў мужъ съ жонкы: стрыжина или голина; ни пиряспоріўши жонки, утапить яе паряшіў; утапіўши жъ, чартей ею пужаў.

Какъ жиў адинъ бѣдный мужучокъ. и была у яго жина вочинна паслушлива. Вотъ была у ихъ нѣскалька аведъ. Вотъ ани, даждаўши восини или вясны, давай ихъ стрычъ; абстрыгли и гаворить етытъ мужучокъ сваей жонки: — „Вотъ таперь мы какъ ихъ абгалили“. — А жина яму атвичаить: — нѣтъ, абстрыгли. — Мужикъ гаворить ей нарошна, што съ яе будить: — „гавари, што голина“. — Нѣтъ, ни на тваѣмъ будить, а на маѣмъ: стрыжина“. — Вотъ ани спорили, спорили: — „я тябе вазьму, да утаплю: гавари, што голина“. — А жина гаворить: — „ну, тапи и тапи, а будить стрыжина“. Вотъ мужикъ узяў жану и павѣў у тапину; приводить у балота и гаворить ей: — „ну, ти будишь гаварить, што голина?“ — Нѣтъ, стрыжина. Вотъ іонъ узяў яе утапіў па калѣни и гаворить: — „ти голина?“ — Нѣтъ. стрыжина. — Онъ узяў и утапіў яе па пойсъ, и гаворить: — „ти голина?“ — Нѣтъ, стрыжина. — Онъ узяў патапіў яе па шію. — „Ну, што, ти голина?“ — Нѣтъ, стрыжина, — Онъ патапіў яе саўсѣмъ — чуть только астались адны руки, а ана, подлая, двумя пирстами шаводить, а ўсѣ сваѣ тварить. Онъ думаў, думаў, да ўзяў яе воўси затапіў. — Приходитъ іонъ дамой: то

была худа, а бизъ яе ящо хужій; и гаворить:— „пайду-ка я яе вытащу“.— Вотъ іонъ и пашоў, узяў съ сабою вярбѣу, приходить къ балоту, навизаў на вярбѣу каминь и пустіў яго у балота. Вытаскивайтъ іонъ чорта.— „Кто ты такой?“— А я чортъ.— Здѣлай милость, вытащи мяне: мнѣ тутъ баба ни дасть пакоя. Іонъ яго выташіў, чортъ и гаворить:— „што табѣ нада за ета: ти денигъ, ти хлѣба?“— Думаў, думаў:— давай хоть денигъ.— „Скольки жъ табѣ дать?“— А насыпъ мнѣ хоть ету маю шляпу; толька дай мнѣ адинъ часикъ атдохнуть. Вотъ чортъ атдалиўся, а мужикъ давай на етымъ мѣсти капать яму, выкапаў яму; приходитъ чортъ и гаворить мужуку:— „Ну, што, ти справіўся?“— Да, гатоў.— „Ну, выстаўлай сваю шляпу“.— Узяў мужикъ яе, да прарѣзаў, и паставіў на ету яму.— Ну, сыпъ.— Вотъ чортъ сыпаў, сыпаў, а поўну ни насыпаў. Мужучокъ и гаворить на чорта:— Ну, дасынай!— „Не чинъ.— Што за ета возмишъ, што я ни дасынай?“— А во што я вазьму съ тябе: у мяне въ адномъ мѣсти іосьт на вумѣ. Пастроіў гаспадинъ атлишняя харомы, да тольки іонъ у ихъ ни живеть;— вотъ ты мнѣ разскажи, што дѣлать?— А во што дѣлай: вазьми да загрази сваею бабаю, то и харомы стануть хараши.“— Вотъ пашоў мужикъ къ тому памѣщику, чіе харомы.— „А што, гаспадинъ, я ваши харомы атхажу,— што дадита?“— Вотъ табѣ двацпять пять тысячъ.— „Ну, харашо“,— сказаў мужучокъ. И пашоў за еты харомы ў садъ, да вырубіў тамъ сухую ябланку, да какъ тащить въ вако за макушку и кричить:— „утикай, чортъ, баба идеть!“— Вотъ тотъ чортъ какъ крикнеть на ўсехъ сваихъ друзей:— „Ухадита! — Ета тая баба идеть, каторая выгнула насъ изъ балота“. Черти паубрались. Вотъ патомъ тотъ памѣщикъ, который прасіў етыга мужучка, призваў яго къ сабѣ и заплатіў яму, што згаваріўся, патомъ узяў, пупрасіў священника, атслужіў тамъ, што яму слѣдувала, патомъ стаў жить, да паживать, да добра паживать, а худѣ праживать. Я тамъ быў, мѣдъ, вино піў, на губахъ таяло, а ў ротъ ни пупала. Дали мнѣ калача ў ж... намача, я быў смѣль, узяў, да й съѣў. Дали мнѣ смыкъ, я падъ вароты шыкъъ.

№ 11.

Упирливкая дѣўна; якъ Иванъ Бѣдный жаниўся зъ ёю,
потѣмъ яе атхадіў.

У багатыга мужика была три дачкѣй: двѣ старшія, ужъ замужнія, вумницы, рукадѣльницы, третія хуть и красавица, ну, лянивая и уздорная, яе и замужъ баялись брать.

Разъ къ тому мужику приходить у сваты сусѣдъ:

— „Атдай за мяне замужъ тваю мѣньшую дачку!“...

Старикъ здивіўся, да и гаворить жинику:

— „Я ужъ ня думаю выдавать яе замужъ, табе шануючи, да и яе жалѣючи: самыи добрыи мужъ забьеть яе за яе лѣнасть“.

Иванъ стаў упрасивать старика, а старикъ гаворить яму:

— „Я табе чимъ нибудь, душинька, спытаю: если ты споўнишь, то и съ маею дѣўкою справисься — вить у яе ни какая нибудь затинка!“!

А ина сядить на пачи, паколь што рада, што жанихъ къ ёй знайшоўся.

Падумаў старикъ, да и гаворить:

— „Паѣзди-ка ты на маей лашаткѣ; кали ты справисься зъ маею лошадыю, справисься и зъ маею дачкою. Спытай сибѣ“.

Была у старика приагрѣнная, свирѣпая лошадь; яе ни за-
пригали и баялись падайти къ ей, кармили съ крыши.

Иванъ Бѣдный лошадь на сваѣ пупяченія приніў, значала яе голыднимъ маріў, потѣмъ у трехсаженныи сани запрехъ яе; ѣздіў, ѣздіў—уси воры, дуры, трущобы изъѣздіў, абъѣздіў та-
ки: стала лошадь змирная, призмирная, якъ агнѣныкъ — слова бантца.

Старикъ Ивану дачку атдаеть, и трехсаженныи сани, и лошадь.

Звиньчаўшись жили харашо; жонка была своимъ мужимъ довольна, тольки работать ни хатѣла; якъ гаворитца: палиць абъ палиць ни ўдарить; яе дѣла—нила бѣ, да ѣла.

„Ниладна!“ думайть Иванъ и усими силами клапатить, якъ пріучить жану къ работи.

— Ахъ, жина, какой слаўный Бохъ даў намъ лянѣкъ!

Паўдимъ пасматрѣть, пулюбуимся на наша добрыя.

А жина и слухать ни хатить нѣ лянѣ: ета ей скушна.

— „Ну, такъ паўдимъ ягидъ пасабираимъ“.

— Во ты ета дужа харашо уздумаў—на ета я сыгласна.

Прыѣхали у лѣсъ. У ласу, ли ели, лижала агрёмная, пры-агрёмная муравейная куча.

— Идѣ жъ твае ягидки? Што-та ихъ ня видна.

— „А вотъ сичасъ будуць табѣ и ягадки“.

Съ естымъ славами іонъ крѣпка схватаў яе, рубашку на галаву задраў, абкруціў ёю голыву и завизаў, а руки привизаў къ ели, што ли муравейника была.

Стала жонка Ивана Бѣднага тарпѣть пасносную муку, усадились мураўи на ей хадаромъ и прабирають якъ надаби быць,

— „Иваничка, а, милинькій, а такой, сякой! узмилисердуйся ты нада мною, атвяжи мяне: буду и паслухмяна, и ткаха, и пряха и рукадѣльница!“...

Иванъ быца-къ ня слышитъ жонцы,—хуть самъ и зъ мѣста ня тронуўся; на лошаты жа крикнуў, быцца-къ ѣхатъ збярэйтца.

Тады тольки іонъ атвизаў жонку, якъ ина угамувалася, якъ голысць яе виризжаў жалыстна и замирать стаў.

Якъ сдѣлалася жа послѣ етнй науки жонка Ивана Бѣдныга такая работяга, такая рукадѣльница, што ни ў кога, нивали и нидѣ ни було таеі жонцы.

Другіи жонки тольки жнуть, а жонка Ивана Бѣдныга жнеть и косить, да ўзяўши цѣльную капу въ ахапку, сѣна носить, самъ Иванъ Бѣдныи за ёю ужъ ни пуспиванть, людѣи ни нахвалица.

Разъ зѣѣхались къ тстою Ивана Бѣдныга три зяті зъ нявѣстками, и кожны сваей жонкыи яшакубитца.

Ударились абъ завладѣть, чіа жонка паслухмяній. Вотъ; штобъ ета харашенька разузнатъ, батька рана вутрамъ пахдоть къ ѣзби, идѣ жила старшая дачка, да и кричить:

— „Дочухна, милая, выть ка мнѣ, паслухай, што я табѣ скажу“.

— Ахъ, батька, якой ты тольки? Табѣ и угаву нина! Падняўся ни свѣтъ, ни заря, и самъ ня спитъ, и людѣи спакую ни даешъ; я тольки прибиралася, а ты ужу гарѣлны бильмаки сваи заліў.

Атець двору тады, а 100 рублей атлажіў.

И ўтарой дачка тэй жа атвѣтъ атцу даеъ; батька ящо 100 рублей атлажіў.

Къ младшій дачкѣ старикъ забраўся дужа рана, тольки свѣтанька свитаить, а ина ужъ мылась. Якъ гукнуў яе батька, дакъ ина выбигла на улицу галая, рубатенку напаяливантъ.

Батька дужа абрадуваўся:

— „Дититка мае, спадабалася мнѣ, што зятѣкъ мой наўчіў табе вуму-разуму“.

И падаріў старикъ свайму зятю за харошую навукку усьихъ трыста рублей.

№ 12.

О чеботарихѣ.

Чеботариха выходить замужь за богатаго купца. Оклеветанная сосѣдомъ, выгоняется изъ дому. Дѣлается охотникомъ и, по приказу царской дочери, живетъ во дворцѣ. Царская дочь принимаетъ ее за мужчину и влюбляется въ нее. «Охотникъ» становится офицеромъ, открываетъ тайну мужу и убиваетъ клеветника—купца.

Жіў чибатаръ, було у яво многа мастароў, падмастерыў. Была у яво дочка, дочку іонъ атдаў у пансіёнъ. Чиризъ нѣскалька ўремя чыбытарева жина пумирла. Чыбытаръ атъ атарченія начаў пить и гулять, и уси падмастерья атъ яво аташли. Нечимъ яму було за сваю дочку заплаціть у пансіёнъ: яго дочку изъ пансіёну выслали. У етытъ горыдъ пріѣхаў купецъ-миліонеръ снятъ шотъ са свайхъ лавыкъ. Гаворить купецъ на етыга прикащика:— „Найди, братъ, харошнѣва, прикащикъ, сапожника!“—Атыіскали сапожника; сняў іонъ мѣры, кабы спить сапаги и съ калошими. Купецъ даў яму денгѣ и спрасіў, скоро ли будутъ гатовы сапаги. Хадіў аднажды купецъ етытъ па горыду и са свамъ прикащикамъ, и гаворить на яго:—Пайдемъ, братъ, къ сапожнику: я яго работу пасматрѣю.“—Увайшоў іонъ къ етому сапожнику, пасматрѣў скоро ли яво сапаги будутъ гатовы. А чибатарёва дочка у другой комнати шила и пѣсенки пѣла. Купецъ у сапожника спрашітъ:— „Хто ета тамъ паѣтъ?“—А ета паѣтъ моя дочка.—Пыныравились купцу ети пѣсни; захатѣў іонъ на яе узглянуть. Гаворить купецъ на сапожника:— „Што ета твѣя дочка такая харошія нотныя пѣсни

пасть? “ А мая дочка 6 лѣтъ у пинціѣни училась. — И ўрѣзаў купецъ у яво дочку. Сапожникъ етому купцу атдѣлаў синаги и съ калошами и панесъ къ яму у домъ. Купцу панаравились еты сапаги; атдасть юнѣ сапожнику асталнѣя деньги. Дасть юнѣ сапожнику ящо десить рублей и гаворить: — „Гаспадинъ сапожникъ, атдай за мяне сваю дочку!“ — Сапожникъ ета и ў разонъ ни приманить: думанть, што купецъ тольки смяетца надъ нѣмъ, и гаворить на етыва купца: — „Идѣ ета слыхана, што вы наю дочку вазьмета?“ — Пашоў сапожникъ дамой. Купецъ гаворить на прикащика: — „Привяди ка мнѣ сапожника!“ — Пришоў сапожникъ. — „Падумай, сапожникъ: я хачу быть тваимъ затимъ, — ты ни самлювайся: пасавѣтыйся съ купцомъ стѣдѣшнимъ, и спраси у яво, можна ли атдать за мяне тваю дочъ!“ — Сапожникъ пашоў къ тѣму купцу и спрашанть у яго: — „Вотъ у мяне сватайтца такой-то и такой купецъ за мою дочку, — можна ль мнѣ за яво атдать?“ Купецъ яму атвѣчаў: — „Ты дуракъ: Богъ ищитъ тваю дочъ въ жистъ. Я ба сваю дочку атдаў и даў ба приданова за яе миліѣнъ.“ — Пришоў дамой сапожникъ, послаў дочку за дядькою и теткою; сдѣлали яны разговоръ, што нада атдать. Выпили яны па рюмочки водки. Ни паспѣли яны выпить, — приходитъ прикащикъ атъ етыва купца, и заветъ юнѣ сапожника къ купцу. Приходитъ сапожникъ къ купцу.

— „Ну, гаспадинъ сапожникъ, сагласинъ?“

— Сагласинъ. — „Ну, такъ ба и сказаў“. — Дасть яму купецъ три тысячи рублей: — „Атдай сваей дочкѣ: пущай ана купитъ сабѣ усю адежу и ўсѣ, што нужна, а, када будить мала, то я ящо дамъ. У насъ будутъ заручины такей-то и такей день, и тада-то и тада свадьба“. — Пиривинчаўся купецъ, пабыў нѣскалька ўремя ў горыди, наградиў свайго тстя и наѣхаў са сваёю жаною ў другой горыдъ. Пражили яны тамъ годъ; адинъ разъ къ етому купцу пришло 20 писемъ, — пишуть прикащики изъ-за границы и паўсямѣсна, идѣ толька яво лаўки: — „Ни можимъ мы таргувать: таваръ падяшевѣў“... Етытъ купецъ пашоў за савѣтымъ къ сасѣду — купцу. Купецъ яму пасавѣтываў: — „Паизжай и парашитай усихъ прикащикѣў; табѣ за етымъ дѣлымъ нужна праизвести щотъ — цѣльный годъ“. — Выпили яны па рюмки вина, завяли разговоръ. Сусѣдъ — купецъ яму гаворить: — „Жану ты сваю вазьмешъ: а то ана близъ табѣ саблзнитца!“ — Купецъ яму гаворить: — „Мня жина на столѣа

глупа, штоба бизъ мяне ета ана сдѣлала“.—Завяли яны между сабою споръ: сусѣдъ гаворить, што саблазнитца, а яе мужъ гаворить, што нѣтъ. Сусѣдъ гаворить:—если ана ни саблазнитца, то я падъ закладъ кладу свой домъ!—Мужъ гаворить:— „Ну, када ана саблазнитца, то и я свой домъ кладу падъ закладъ!“—Сдѣлали яны законныя падписки и утвърдили ихъ да прїѣзду купца. Жина етыва купца абъ етымъ спору ни знала ничаво. Распрацаѣся купецъ съ нею и уѣхаѣ. Етытъ купецъ и думайтъ:— „какую бы яму машину пувасти?“—(А срокъ ужъ близыкъ: скоро прїѣдуть яе мужъ). Приказаѣ етытъ купецъ сдѣлать сундукъ, штоба у ѣмъ можна було садѣтъ и съ патайнымъ вакошкымъ. Пришоѣ къ купецкѣй жанѣ и гаворить:— „Пазвольта мнѣ у васъ паставить сундукъ съ вищами: а то у мяне мала мѣста!“— Можна!— „Ну, харашо: я яво пришлю рабочими, а толька вы яво, пажалуста, пастаѣтъ у спальню“.—Пришоѣ іонъ дамой, улѣзъ у сундукъ и приказаѣ:— „Вы мяне знаситя упярעדъ на адну ночъ и пастаѣтъ у спальни, а на вутра вазьмитя,—патомъ ипать на нычъ принаситя мяне у спальню“.—Принясли яво вечирнымъ и паставили у спальню. Купчиха павужинала, пумалилась Богу, снила винчальныя кальцо и палажила на вакно. Купецъ ета усѣ видить, што она дѣлаить. Патомъ ана падайшла къ постели, пиримянила рубашку свѣжую атъ блохъ. Онъ на яе голыя тѣла пасматрѣѣ и увидаѣ у яе, на тѣли, пятно. Купчиха лигла и заснула. Тада купецъ вышїѣ изъ сундука, узяѣ винчальныя яе кальцо на руку, патомъ ипать у сундукъ улѣзъ. На вутри купчиха прашнулась, кальца нѣту. Ана спрасила у дѣвушки, ти ня быѣ хто, она атвичала, што никога ни видала. Ина яво искала и ни нашла. Тада ана падумала, што ета мышъ затащила яго. или жа яно куда нибудъ закатились. Пу вутру приходѣтъ еты рабочія и гаворѣтъ:— „Ну, таперича сундукъ пажалуйта: хазяинъ приказаѣ узятъ.“—Узяли яны етытъ сундукъ и принясли дамой. У скорымъ уремени прїѣхаѣ купчихинъ мужъ. Сусѣдъ начай распрашивать, какъ яво дила. Выпили яны па рюмычки вина, паздравїѣ сусѣдъ яво са прїѣздымъ. Купецъ гаворить:— „Ну, какавы наши дѣла, абъ чомъ мы закладъ диржали?“— „А во пасматри: винчальныя ваша кальцо у мяне на рукѣ!“ Купецъ усумїѣся и гаворить:— „Кальцо можна украсть, или патираць,—дыкъ яно и пупадеть у твае руки... Можить ящо зна-

ишъ примѣты какея на яе тѣли?—Тада я табѣ скажу: у яе тамъ-то и тамъ пятно.—Купецъ етиму павѣриў и сильна аспрчаў на сваю жану. Жина услыхала, што пріѣхаў мужъ къ сусѣду, бягить яво туды сустрикать. Мужъ яе ни пустіў на глаза:— „Ни падхади, публичная валачуга!..“ Жина варатилась и пашла. Пиринучувала ана ночь; на заўтрига приходить тотъ купецъ, каторый сядѣў у сундукъ и гаворить:— „Выхади вонь!—Зачимъ?— „Домъ мой“—А я ня вѣрю.— „А вотъ тебе ў доказательства расписка.“—Ана прачитала расписку, вышла изъ дому и наняла сябѣ квартиру! И думанть ана сабѣ:—што ета значить?—Пашла ана за горыдъ, видить: мужикъ пашить. Ана яму гаворить:— „Мужикъ, давай минятца на адѣжу!“—Іонъ гаворить:— „Ну, пагади: я табѣ принясу адѣжу палуччи.“—Принесъ мужикъ адѣжу; ана гаворить:— „Приняси, мужикъ, мнѣ ножицы.“—Мужикъ принесъ ножицы. Ана гаворить:— „Абстрыги ты мяне пумужижки!“—Іонъ яе абстрыгъ; ана яво публыгыдарила и пашла. Купила ана сабѣ ружѣ и начала учитьца стрілять. Выўчилаась стрілять и начала заниматца диччю. Яе ужъ ни хто ня могъ узнать, што ана женщина. Стала ана стрілять дичъ и прадавать, и ўсигда была удачна охота. Пришла ана ў сталичный горыдъ, стала стрілять дичъ и прадавать царскому повару. Царъ кушаў и спрашиваў у повара:— „Идѣ ты ета бярешъ свѣжую дичъ?“—А тутъ праявіўся новы ахотникъ; чилавѣкъ іонъ харошій и чистый,—дынь я бару усигда у яго.“—Царъ гаворить:—Када придетъ ахотникъ, то зави яго ка мнѣ: ти ни найметца іонъ ка мнѣ распарижатца ахотью.—Приходитъ ахотникъ, царъ гаворить:— „Сколько ти у мяне вазьмешъ за распарижатца ахотью?“—Ана атвичаць:— „Радъ старатца!“—Начаў іонъ распарижатца ахотью: дѣлаў аблавы; идѣ царя ни паставить, на царя звѣри идуть—и царъ имъ усигда быў доволинъ. Улюбилась царская дочка у етнѣ ахотника. Гаворить ана чисавому:— „Скажи ахотнику, што яво требуютъ царъ, привяди яво къ моей спальни и скажи яму, што царъ здѣсь,—уталени яво у мою спальню и затвари.“—Часовой такъ и сдѣлаў. Цареўна, када іонъ увайшоў у спальню, гаворить:— „Пей водку и што дли васъ угодна!“—Ана выпила рюмку водки и гаворить:— „Што дли васъ угодна? Зачимъ вы мяне звали?“—А вотъ зачѣмъ: сдѣлай са мною сабщенія?—Тада ахотникъ разсказалъ царской дочери, кто онъ.

Царская дочь и гаворить:— „Я сама, царская дочка, увила у стыдъ сябе. Смотри, сестрица: никѣму ни аткрывай етыва.“— Ахотникъ етытъ пашоу у свае мѣста, и царскыя дочка атъ бальшова стыду начала гаварить атцу:— „Папа, атпраўтя етыва ахотника ў полеъ: іонъ чилавѣкъ вумный!“— Атецъ яе савѣту паслушаўся и атправіў етыва ахотника ў полеъ. Ахотнику етыму и тутъ счастья: чинъ за чинымъ—даслужіў іонъ шпектыра, начаў іонъ разъизжать и палкѣ асмаатривать. Мужъ яе быў вочинъ сярдитъ на яе, што ана праиграла сваё счастья, а таво и ни падумаить, што яво жина ни знаить абъ чомъ ета дѣла сдѣлалась. Мужъ яе атъ дасады прагуляў уси свае миліѣны и пусту-піў у ахотники, у салдаты. Вотъ жина яво разъизжала па шпектыр-скій части па гарадамъ и увидала у адномъ горыди, што яе мужъ ста-ить на часахъ. Ана яво узнала, а іонъ яе ни узнаў. Ана яму гаво-рить:— „Я замичаю, што вы ахотникъ?“—Точна такъ.— „А жина у васъ была?“—Была.— „А гдѣ ана таперича?“—А ни знаю.— Тада ана аткрываить свае груди и гаворить:— „Видишь ли, хто я?“—Салдаты арабѣў: думаить, што заўтри палкѣ будутъ за то, што на часахъ ни харашо стняў. Призываить яво шпек-тыръ:— „Ахъ ты мирзавиць, хто таперь тваю жану корьмить?“— „Ни знаю, ваша блугуродія.— „Ахъ ты мирзавиць, я тваю жану карьмлю. Пашоу вонъ!“—Вышіў салдаты и думаить, па-чаму іонъ знаить ета. На заўтрига быў смотрь салдатамъ. Иншпектыръ у голысъ врикнуў етыва салдата къ сабѣ ў динь-щики. Паѣхали у тотъ горыдъ, идѣ купецъ праиграў свой домъ. Пріѣхали яны къ етыму дому, шпектыръ спрашіить у хазянина:— „Скажи, братиць, чей ета домъ наўпроти?“—А ета, ваша блугуродія, мой домъ, а зъ етыва дому я выгнуў купца и купчиху.—Бупецъ и ни знаить, што ета пирядъ имъ ета самыя купчиха, а ина яго знаить. Тада ана закупила што нада для обѣда и пригласила усіхъ асобъ. Када ета було гатова, ана падсластила водки какъ можна пупьянѣй и пригласила къ сталу купца етыва и ўсѣхъ асобъ. Гаворить на купца:— „Ну, гаспадинъ купецъ, раскажитя, какъ вы палучили етытъ домъ.“ У етыва инспектыра была пригатоўлена женскыя адежа. Вы-слаў іонъ свайво диньщика и паставіў яго на часахъ ли спальни. Самъ пашоу у спальню, сняў свае ўси ардина, палажіў на блюда, адѣўся у женскыя плаття. Вотъ іонъ узяў блюда съ ардинами у руки и выходитъ къ гастямъ. Уси яны ўдіўляюцца:

пашоу мужина, вышла женщина. Ана гаворить:— „Я не му-
щина, а женщина, а етыть купецъ выгнуў насъ съ мужимъ изъ
дому, а дянщикъ мой—ета мой мужъ—іонъ упярѣдъ бнѣ
милуанеръ. Слышита, гаспада?“ — Слышимъ.— „Ну, гаспада,
етыть купецъ сабака, а сабаки сабаччія честь! іонъ мяне раз-
веў съ законнымъ мужимъ и патѣръ уси наши миліёны,—днѣъ
я яго сатру жистъ съ лица зямли.“—Вынула ана писталетъ,
прицѣлилась и убила етыва купца. Уси асобы удаставѣрили,
што эта дѣла была правыя. Дайшло ета да самыга ампиратыра.—
ампиратырь наградіў ету купчиху. Стала ана съ мужимъ жить.
какъ жила.

№ 13.

Деревни Бердѣяки
Ельнинскаго уѣзда.

Абъ купечиский дачкѣ, якъ ина атмстила прикащику.

Была, на роунымъ мѣсти, какъ на баранѣ, жиў купецъ ба-
гатый съ жаною. Доўгая ўремя ни було у ихъ датеи, яни
7 лѣтъ малились Богу. Радились у ихъ сынъ и дочъ, яни
пубищались на 7 лѣтъ ѣхать у монастырь Богу малитца. Дочки
ужу було 16 лѣтъ, а сыну було 14. Купецъ съ жаною види-
ли сонъ:— „Исполнита сваѣ абриканія: сѣздитя у монастырь
малитца Богу.“—Яны устали пумалились Богу и сабрались ѣхать
у монастырь, на 7 лѣтъ, на богамаленія. Сына яны узали съ сабою,
а дочку аставили. Наняли прикащика сматрѣть за домамъ. У доч-
ки ихъ были нянюшки и мамушки, штоба ей воли ни давать. При-
кащикъ етыть ни выдаў яе лица никада. Аднажды вытанили
баню, ана и идеть са свайми нянюшками и мамушками. Увай-
шла ана ў баню, а прикащикъ за ею услѣдъ. Прикащикъ,
увидаўши яе красату, улюбіўся у яе. Увыйшоў за ею у баню
и гаворить на нянюшкѣ и на мамушкѣ:— „Вы, дѣвушки,
ступайтя дамой, а съ етыю дамною памнюся я.“—Ахъ какая
у васъ совнсть, штоба мытца са мною?...— „А, ничога!—Па-
мнимся.“—У етый бани стаяў у печки на загнети кателъ зъ
вадою, вада кипѣла бѣлымъ ключимъ. Развила ина у тазъ
вады; прикащикъ гаворить:— „Дайтя: я васъ памню!..“—А,
нѣтъ, упярѣдъ я васъ памню.—Іонъ сѣў:— „Ну, мыйтя, а
тада и я васъ!... Ина яму намылила мылымъ голыву густа.
(А ина яму намылила голыву штоба іонъ ничѣва ни выдаў).—

Узяла катэль съ вадю какъ чубурахніть на яво. Ина сама пубижала дамой. А етнй прикащикъ скажаў тамъ три дни и рюў, якъ карова. Волысы съ галавы свалились далюў, стала яво галава гола, какъ калѣна. Іонъ, апомніўшись, лячіўся цѣлнй годъ, а ина яму цѣлнй годъ ни паказывалась на глазы. Іонъ и гаворить:— „Ну, ня выскычишь ты ать мяне! — Абварила ты мяне варымъ,—ну, и я тебе пагублю!“... Узяў и написаў яе атцу штрахова письмо:— „Ваша дочка збунтувалася: ни згароды, ни забору ни глядять. Напишита, што мнѣ зъ вашій дочкнй дѣлатъ: или сами прибудѣта, или мнѣ прикажита яе унать!“— Купецъ, палучомши ета письмо, сильна улякнуўся; доўга іонъ думаў, што яму дѣлатъ, да скоро придумаў: паслау свайго сына распарядитца ю и узнать уси дила. Приѣхаў яе братъ дамой ноччу, стукаить у калитку, а яе спальня была вакномъ къ калитки.— „Систра, аттварай!“— Выскакываить яво систра и гаворить:— „Што ты, мой братъ, ня воўрима буваишь?“— Управитила ў ту пору ни було дома. Запалила ина свѣчку пасматрѣть братыва лицо, а у яво глазы были, какъ у разбойника,—увесь іонъ трысетца и глядять сярдита:— „А, што, систра, ты пазабыла атцоўскыя приказанія, тебе на ўдержуть ни па заборамъ, ни па згародамъ?“... Систра, какъ услыхала ета, то ина саманилился са лица, а іонъ падумаў, што ана вочинь виновата. Узяў іонъ шаблю и гаворить:— „Систра, адивай смяретную адежу!“.. Іонъ привеў яе у глубокой роў и гаворить на яе:— „Систра, кайся: я табѣ сыну голува далюў!“—Ну, братъ, воля твоя: дѣлнй што хочишь!— Іонъ выхватиў шаблю, што ударить яе пд гылыви, а яво какъ ударить ать яе Святымъ Духымъ,—дыкъ іонъ бизъ памяти пралижаў цѣлнй часъ. Устами гаворить:— „Систра, скажи: Богъ ли ни дапусканъ, или ты знаишь нячистыва духа?— Братъ, воля твоя: я ни знаю ничаво, дѣлнй што хочишь.— Іонъ только ипять захатѣў ударить яе шаблнй, какъ ударила яво Святымъ Духымъ ать яе,—цѣлнхъ два часа іонъ пралижаў бизъ памяти. Іонъ ледва устаў ать етыва пабою, замахнуўся іонъ у третій разъ штоба ударить яе,—яво какъ ударила Святымъ Духымъ, цѣлнхъ 3 часа пралижаў бизъ памяти. Устаў и гаворить.— „Ну, систра, признайся: Бога ли ты знаишь, или нячистыга духа?“—Братъ, воля твоя: я ничога ни знаю!— „Ну, систра, када такъ, то иди куда видишь, а я скажу атцу, што атрубіў голыву табѣ.“—И пашла ина па ширыхъ барахъ, па темныхъ

лисахъ, и зайшла у чужоя царства. Зайшла ина у такую пушу, а тамъ усѣ щипчинникъ, усѣ арѣшникъ, падрала ина усю адежу, стала сусимъ нага. Была для моря глубокая яма, а кругомъ той ямы 12 дубоу. На ту пору чужаземный каралевичъ ганаѣ съ сабаками зайцыу. Сабаки, какъ увидили яе, такъ и бросились къ ей, а ина бросилась у яму и лигла ницъ. Сабаки у яму ни лѣзуть, а кругомъ ямы ходють и брешуть. Намъ-жанти туда каралевичъ; іонъ думаѣ, што тамъ іосѣ лютнй звѣрь. Видитъ іонъ, што у ямы ляжить чилавѣкъ голнй; іонъ спрашнтъ: „Хто ты іосѣ за чилавѣкъ: мущина или женщина?“—Женщина.—„Ну, вылизай ка мнѣ!“—Ахъ, каралевичъ! Я нага, а дайта мнѣ свой сюртукъ, то вылизу.—Іонъ сбросіу сюртукъ и кинуу ей у яму. Ана адѣлсь и выходитъ вонки. Ана на лицо была пригожа. Каралевичъ у яе и спрашнтъ:—„Какова ты іосѣ роду?“—Я дѣўка Рассейская; а роду купецкага.—„Ну, а чаво жѣ ты суда зашла?“—А насъ було многа, да пунгаѣ дикій звѣрь.—Іонъ и гаворить.—„Ну, пасяди ты ўетнй ям, пакуль я пріѣду.“—Каралевичъ паѣхаѣ на рыннекъ и кушѣ ей усю женскую адежу.—„Ну, дѣўка, адивайся палуччи!“—Вотъ ина сабралася, сурядилася, нарумянилася и яму ана направилася. Стала ана такая красавица, што у царствн нѣту такихъ. Пасадіу іонъ яе у карету и привезъ дамой. Снаѣ съ яе патреть и павѣсіу у сваей спальни, глядѣу іонъ на патреть и ня могъ насматрѣтца. Ходить іонъ па дому висялитца, што яму пара жанитца. Стаѣу прасить атца съ матирью:—„Панинька и маминька!—Позвольта мнѣ жанитца“—Яны и гаворють:—Пазваляимъ, наша чада, пазваляимъ: паизжай па ўсяму царству и найди па свайму нраву“—Панинька и маминька, пажалуйта ў маю спальню!—Паказывають имъ патреть и гаворють:—„Вотъ, панинька и маминька: када ина вамъ панаравитца, то и мнѣ!“—Аны и гаворють:—„Наравитца; идѣ ты ета такую захватиу, у каторнымъ царствн?“—А идѣ ни нашоу, а ина ў мяне ў доми.—Благаславили яны яво и пиривинчали на ей.—Пражили яны; ана ужу сдѣлалася бремнина.—У ету пору сдѣлалася сраженіа атъ царя Юрика у горыди Ирыслави. Варвали малатками и бердушами. Царъ Юрикъ и написаѣ етому каралу, штоба іонъ быу на савѣтъ усихъ каралей. Каралевичъ аставиу жану дома, а для распаряженіа аставиу маладога сината. Синатъ, астаўшисъ адинъ, увидаѣ яе красату. Узяѣ и пашоу къ ей на

ночку пагулять. Идетъ іонъ у палаты, а яму нянька и гаворить: — „Ваша сіятельства, ни хадитя: у насъ даў Богъ рады!“ — „Ну, ета ни ваша дѣла, пускайтя!“ — Яво пустили, а при іонѣ была палушабля. Приходитъ ана у спальню и гаворить: — „Ваша сіятельства, вы видитя, ў какомъ я палаженіи: зачѣмъ вы пришли ў маю спальню?“ — Синать, какъ услыхаў ета, то атъ арысти выхватиў палушаблю, уторнуў яе у рабенка, бросіў на полъ. — Ана и гаворить: — „Ну, маладѣй синать, ты аставайся тутя, а я пайду на кухню абмыюсь, — тады и я приду суда.“ — Схватила ана сваѣ царскія платья и бросилась у поля. Ина са страху бѣгла ўсю ночь. Ни многа, ни мала ана убѣгла, — на 100 верстѣ. Стала ужу свитать, ана напала на поли гарѣлый дуплистый дубъ и ўлѣзла туда, патаму што боялась пагони. Маладѣй синать сдѣлаў пыгоню: распустиў 7 палкоў саддаты яе искаць и самъ искаў, но ни нашоў. Ана сядѣла у етымъ вязу троя сутыкъ, пакудава пагона абайшлася. На чатвертинь сутки, вочинь рана пу вутру, играў пастухъ у трубу и выганяў скоть у поля. Ана публагадарила Бога, што дреўня нидалека. Подходить ина пу вутру къ пастуху, пастухъ быў у жупанѣ, у лаптахъ и плятенымъ тасемкымъ падпаясанъ, а на галавѣ быў валенный калпакъ. „Пастухъ, давай мы съ taboo барыши дѣлать!“ — А якея? — „А пуминянимся мы съ taboo на адежу!“ — Што ты ета выдумала? мене у вastroгъ за ету адежу засодють, — пристануть: атеуль етеая у мене адежа? — „Ня бось: я табѣ ящо денигъ дамъ.“ — Пастухъ сагласіўся. Пирадѣлась ина у пастухову адежу, падабрала валасы, намазала вугалемъ вусы: настоящій мужикъ! — Дала ана пастуху денигъ, патомъ пашла у горыдъ Ирыслаў. — А ў горыди Ирыслави ужу вайна утихла. Пришла ана ў горыдъ и давай хадить бала атцоўскава дому. А у яе атца сабрались уси карали, пили-ѣли, гуляли. Выходить яе атець и гаворить: — „Эй, мальчиъ, наймись ка миѣ ў работники!“ — Харашо, наймусь! — Толька я буду наниматца съ условіемъ. — „Съ какимъ?“ — А нивада ня скидывать шапки, ни за 'бѣдымъ, — нійдѣ и нивада. — „Ну, харашо!“ — Приходитъ іонъ у домъ; гости и гаворють: — „Гаспадинъ хазяинъ, ти ня можна вамъ найдить такова чилавѣка, штоба іонъ намъ разсказываў сказки?“ — А, гаспада карали, у мене іосъ работникъ; іонъ умѣить харашо сказки гаворить, но толька іонъ у мене нанять съ условіемъ: нивада и

нійдѣ ни скидывать шапки.— „Ну, дыкь што?— Ничога: ии будимъ яго слухать и ў шапки!“— Купецъ послаў етыва сына, а яе брата, за батракомъ.— Іонъ вышіў и кричить:— „Эй, батракъ!“— Чаво изволитя?— „Гаспада просятъ тебе ў домъ казки гаварить!— Ну, эта можна!— Уходитъ батракъ у домъ, пакланіўся усімъ каралямъ и гаворить — „Здрастуйтя!“— А батракъ, здрастуй!— „Ну, гаспада карали! Буду я гаварить казку, но хто яе пирабеть, то съ тога тысячу рублей!“— Ну, мы сагласны!— „Ну, харашо: станоўтя стулья кругомъ мяе и слухайтя!“— (А тутъ были: атець яе, братъ, лысый прикащикъ, катораму ана абварила голыву, мужъ яе, кароль и другея карали).

Вотъ батракъ начаў:

— „На роўнымъ мѣсти, слоўна на баранѣ, у горыди Ирыслави, жиў купецъ, быў іонъ вочинъ багаты и ни мнѣў дятей. Вотъ у ихъ радіўся сынъ и дочъ. Вотъ яны адинъ разъ лягли спать и видють сонъ:— „Вы абищали, када родютца у васъ дѣти, ѣхать малитца Богу у манастыръ на семь лѣтъ!“— Яны прашнулись, нанали прикащика распаряжатца домныи, узли съ сабою сына, а дочку аставили дома и паѣхали у манастыръ Богу малитца. Прикащикъ увидаў красату яе, сильна у яе улюбіўся. Аднажды, купецкая дочка ишла ў баню са свани нянюшками и мамушками; прикащикъ пашоў слѣдъ за нею и гаворить на яе:— „Ну, я съ вами памыюсь!“— Ана гаворить:— „Ахъ, какая у васъ совистъ мытца съ дамами?“— Ну, ничаво, я памыюсь!— Вотъ ина намылила етому прикащику голыву, катель у печки кипѣў бѣлымъ ключицъ,— ана яму намылила глаза, штоба іонъ ничога ни видаў, схватила катель и вылила яму на голаву,— сама пабѣгла дамой“....— Врешъ, дуракъ, нипраўда!— Гаворить лысый прикащикъ.— „Ну, гаспада, тысячу рублей: казка пирабита!“— Вотъ прикащикъ и уплатиў тысячу рублей, а батракъ стаў разказывать:— „Вотъ, прикащикъ етнѣ лачиўся цѣльный годъ, а ина яму цѣльный годъ на глаза ни паказывалась. Патомъ іонъ, када выличіўся, сказаў:— „Ну, ты мнѣ голыву абварила,— ну, я тебе пугублю!“— Написаў іонъ письмо къ яе атцу и написаў іонъ у имъ:— „Ваша дочка балутца: ни згароды, ни забору ни гладить.“— Атець яе падумаў, што эта праўда, прислаў свайго сына, а яе брата, штоба распарядитца ею.— Приѣхаў яе братъ

у ночъ, систра спугалась, а братъ падумаў, што ана винувата, узяў шаблю и павеў яе у роў. Тамъ іонъ яе хатѣў шаблію убити и гаворить:— „Систра, признайся ва ўсё!“—Ана гаворить:— „Воля твоя, братъ, я ничаво ни знаю!“—Іонъ замахнуўся, хатѣў ей атрубить голыву, а яво какъ ударила Святымъ Духымъ, іонъ пралижаў часъ. Другей разъ хатѣў ударить—пролежаў два часа; третій разъ хатѣў ударить,—яво какъ ударила, то іонъ пралижаў три часы. Устаў и гаворить:— „Ну, систра, признайся: нячистыва духа ты знаишъ или Богъ ни дапускаиць?“—Ана яму атвичала:— „Братъ, воля твоя: я ничаво ни знаю!“—А купечискій сынъ (яе братъ) гаворить:— „Урешъ! Ни праўда, мужикъ....“ Ну, гаспада карали, тысяча рублей,—патаму казка пирабита!—Братъ яе уплатіў тысячу рублей.

Батракъ гаворить:

— Тада яе братъ гаворить:— „Ну, систра, иди куды видишъ, а я атцу скажу, што атрубіў табѣ голыву.“—Пашла ина, куды глаза глидять, и зайшла ў чужоя каралеўства. Пришла къ морю. Кала моря была глубокая яма, а кругомъ ямы расло 12 дубоў. На ту пору чужаземный каралевичъ ганяў зайцыў. Сабаки увидили ету нагую женщину, бросились на яе. Ана спужалась и бросилась у яму и лигла ниць. Сабаки у яму ня лѣзуть, акала ямы ходють и брешуть. Каралевичъ наизжаиць на ету яму и видить, што тамъ ляжить нагой члавѣкъ. Іонъ гаворить:— „Какой ты, члавѣкъ: мущина или женщина? Какова ты роду іось?“—Я женщина, а роду купецкаво. Іонъ и гаворить на яе:— „Вылизай!“—Ахъ, ваша вяличства, я нага!—Бросься мнѣ свой сюртукъ, то я выду.—Вросіў іонъ ей свой сюртукъ. Ана адѣлась и вышла. На лицо ана каралевичу панаравилась. Іонъ ей вялѣў падаждать, а самъ паѣхаў и куціў ей усю адежу. Ана адѣлася, сурядилася, наруманилася, и яму ана панаравилася. Привезъ іонъ яе дамой и списаў съ яе патреть. Улюбіўся у яе іонъ сильна, глядѣў на патреть и ни наглядѣўся. Пупрасіў у сваихъ радитліў багаславенія и на ей жаніўся. Скоря послы тато каралеўска жана забреминила.—Атъ царя Юрика ў горыди Ирыслави прывзашла вайна; мужу яе нужна було туда ѣхать на савѣтъ у сихъ каралеў. Іонъ паѣхаў, а распарязатца аставиў маладога сината. Маладэй синатъ, увидіў яе красату, улюбіўся

у яе. Адинъ разъ, када ана ужу радила, іонъ пашоў кь ей. А у яво длі боку висѣла палушабля. Іонъ пришоў кь ей у спальню, а ина гаворить:— „Ваша сіятельства, зачѣмъ вы ка миѣ пришли,—вы видита, ў какомъ я палаженіи?“—Іонъ разсердїуся, выхватиў палушаблю, уторнуў у етыга рабенка и бросїу яво абъ полъ. Тада ана гаворить:— „Ну, маладэй сынатъ, падажжи ты тутъ, а я пайду на кухню, абмыюсь, тада и приду.“—Ина схватила сваю адежу и пабѣгла ў поля. Атъ страху ана бѣгла усю ночь и забѣгла за 100 верстъ. Утринъ ана увидала гарѣлый вязъ, дуплистый. Ана у яво улѣзла, патаму што баялась синатѣра, штоба іонъ ня сдѣлаў за ею пагони. Іонъ сдѣлаў пагоню, распустїу усю вармію, и самъ синатъ искаў яе; но ни нашли яе нїйдѣ. Рана пувутру, играў пастухъ у трубу и выганяў скоть у поля. Ана вылизла изъ дупла и атправилась кь пастуху. Падашла и гаворить:— „Пастухъ, давай съ табою барыши дѣлать!“—Какей?— „Давай пуминяимся адежїю!“—Пастухъ ни саглашаўся; но ина яму приплатила денїгъ, и іонъ ей атдаў свою адежу: жупанъ, лапти, тасемку, каўпакъ ваденый,—ина яму атдала своѣ плаття. Пришла кь старыму свайму двару атцоўскану и нанялась у свайго атца ў батраки:— „Здрастуйтя, гаспада!“—Ина збросила каўпакъ, каралевичъ стаў сваю жану цулувать, а лысыга прикащика и яе нимиласердныва брата растирзали. Уѣхала ана са свамъ мужимъ ў сваѣ каралеўства и таперъ тамъ живеть.

Отъ старика Василя Михайлова.

№ 14.

Отрывокъ изъ сказанія о князѣ Петрѣ и Февронїи Муромской.

Пришли сваты кь багатырки; ина тѣала кросны. Атаранилась, стала адиватца и стала у сватовъ извиненья прасить:

— „Извинїйтя мяне, сваточей: хата мая бизъ вачей, а двѣрой мой бизъ вушей.“

— Идѣ твае радныи, багатырка?

— „Братѣйникъ пашоў смерти искать (кошъ поставїу висока на деревїи); мать пайшла у займы плакать.“

№ 15.

Якъ сынъ клпатіў и стараўся, штобы пакойный батьна пристаў вобратнимъ-нанёмъ быць и спясення пулучіў ба.

Жіў купецъ харашо, дзятей у яго ни було—тольки сынъ быў. Радъ, што тэй сынъ нарадзіўся. Узростёмши сына, справадіў у Ригу. Тамъ сынъ таргуить, барки ганяить,—батьки деньги присылаить памногу, таргоўля идеть у путь харашо. Тамъ сынъ заняўся чимъ-та усё па дилахъ. Батька яму письмо адно пишить,—ня чутъ, іонъ и другога пишить—усё ня чутъ; третія паслаў письмо—идеть ёъ яму атвѣтъ, што вумирь твой сынъ. Іонъ вузахнуўся. Божжа ты мой, каму наша добрая дастанитца! Сичасъ батька зъ маткый заклапатіўся. Батька задавіўся; тольки іонъ задавіўся и ужъ на кутъ ляжать, прыскачіў и сынъ. Стаў матку унимать:

— Ни плачь, мамычка, ни плачь!.. Што жъ дѣлать? знать ни було добрыга чилавѣка разсудить яму, што іонъ такую бяду здѣлаў надъ сабою.

Схаранили яго. На дви хаты усё кушання варитца на поминъ. У горнди па ўсихъ цирквахъ идуть закупнѣя абѣдни да сарака дней. Што у Бога день, усе гатують. Наняў іонъ людей такихъ гатовить, никуды отъ двара ни атходить. Хто ня идеть, хто ня ѣдитъ,—усе гаворить:

— Прашу васъ на поминъ души.

Аўса конимъ даецъ и ихъ чистить. Што у Бога день, то ўсе такъ; жодныга дня пуминанть да сарака дней. Приходить саракаўсѣ. Катить на тройки—я три чилавѣки. Такея кони—и здержа имъ нѣтъ.—„Усе вамъ дастану—толька птичча малака ни дастану,“—гаворить гастёмъ. Заѣхали въ избу, идуть у хату. Іонъ сейчасъ ихъ за столъ:

—„Садитись, садитись!“

Сѣли са столъ. Што гость (одинъ изъ трѣхъ) скажить:

—„Тоя насытя!“

Насутъ. Іонъ загаданть мудрина, усе насыутъ. Паставили яму столъ цѣлый контыримъ дивать нейди, усе пирують.

— Досыта наѣлись—дѣтъ нейди!.. Ну, маладецъ, идѣ ня ѣзживали—такова питиння-идиння ни видаў, што у тебе. Вумна ты здѣлаў! Што жъ табѣ за обѣдъ?

— Я ли спасення души прашу васъ батиявкѣ пуминать.

— „Нѣтъ, я ни хачу, штобъ ты дарымъ насъ карміў! Бяри сабѣ сту лошаты; бяри, кали дають, скидавай вобратъ—вотъ табѣ ета лашатка.“

Якѣ скинуў вобратъ, сичасъ атець яво аявіўся. Подхилили яво сичасъ два ангеля и панясли.

— „Ну, ужъ, братъ, хитерь! Уздумаў, якѣ атца спасти са тымъ съ крамѣшной.“

№ 16.

Якѣ панъ правалиўся у тэй церкви, што самъ выстрыў. Мужикъ праатвѣдывае пана и видитъ, што панъ канешъ стаў и на емъ аггалы катаютца. Барыня варачае пана, милыстыню.

Строїў панъ церкыўку. Па абаньченіи съ священника раитца:

— „Батюшка, што будимъ дѣлать?“

— А што будимъ дѣлать? Ътъ къ алхирею.

Пріѣхыў іонъ къ яму:

— „Я церкыўку састроїў“.

— Кали съ усімъ усердіемъ строїў, ѣтъ дамой,—скажи священнику, штобъ іонъ выпывидаў тябе, пріабстїў, тады прикажи, штобъ склепъ тябѣ здѣлали и лажись у грабу. Кліи пириначуишь, то церкыў пасвятить можна.

Пріѣхыў дамой. Склепъ здѣлали и у церкыў знясли. Якѣ служенія зачалоса—абѣдня, падыйшоў къ священнику, а іонъ яго благаславиў:

— „Лажись, съ Богомъ, у склепъ!“

Лехъ—накрыли. Абѣдня атышла. Тады узали съ абѣдни пашли, церкыў замкнули. Пиринучували. Каму штѣ, а барыня картить баринъ, ти цѣль, ти нѣ. Пришла, глянула—церкыў нѣтути, только яма бяздонная на тымъ мѣсти. Спужалась, што тутъ дѣлать. Галовушка набѣдная! Тады ина на войта:

— „Ищи ты члавѣка такова, ти ни найдитца ахотникъ спуститца у пропасть.“

Войтъ знаходитъ пьяницу; тэй гаворить:

— „Праатвѣдаю твайго пана за поликъ гарѣлки.“

— Пайдемъ къ барыни: барыня табѣ што угодна дасть.

Гаворить барыни:

— „Сударыня, мнѣ деннихъ ни нада, а тольки апахмяли мине.“

Ина дала яму деннихъ гулять у кабакаѣ. Гуляють три дни.

— „Ну, сударыня, нада канатъ вить; звѣуши канатъ, якъ ня можна падаўжѣй, привизать бачоныѣхъ прасторый зъ вакномъ, штоба видна была,—штобъ узать харчей, хлѣба, гарѣлычки.“

Набраў хлѣба, закуски, гарѣлычки гарчикѣ; пашоў тады къ священнику благославления просить.

— „Ну, батюшка, благославляй мине на тѣй свѣтъ! Што будить, то и дѣйся,—палѣзу туды.“

Іонъ яво выпшывидаў, причастіў—усе раўно, якъ на смерть. Удамыи усѣ такѣ: ти вотку пить, ти кандалы терть. Усадили яво у бачоныѣхъ, палажили харчей, гарѣлки, штобъ усѣ была, завязали яво и пустили. Канатъ идеть день, идеть другой и третій, астанавіўся; іонъ у вакошичка глядить, прадирають вочи: стають перькнѣ.

— „Нѣ, я ни пайду такѣ, а нада падѣвсь, да выпить паболий: тада буду пасмалѣя.“

Падѣў, закусіў, узяў ключи, атперъ церькву. Уходитъ въ церькву, падыйшоў къ склѣпу къ таму, атернѣ грабницу, паглядѣў—пана нѣтути. Идеть, іўляйтца къ яму члавѣкъ:

— „Што ты тутъ ходишь?“

— А што жъ я хажу? Усе раўно прапала: наўдалую хажу.

— „Гавари, што ищишь.“

— Што надаби, то я ищу.

— „Ну, што жъ табѣ нада?“

— Мнѣ нада гаспадинъ мой.

— „Хочишь ты яво пувидать?“

— Хачу. На то я пашоў.—Пажалуста, покажита!

Котють на тройки три члавѣкы, у ихъ зялѣзний пруть; то и дѣла падстебывають каня, ажно галаву даржить крѣкымъ. Прізжають къ дому, каласку винули падъ вакномъ, а три лошади вядуть у домъ и дапрашють пьяницу:

— „Дужа ты хочишь итти пана глядѣть!“

— Да за тымъ пришоў!

— „Гляди, пулюбуйся!“

Скинуў повядъ съ каня, ачутіўся панъ.

— „Здрастуй, паночикъ, здрастуй, галубчикъ! Ти жиў ты?“

— Здрастуй, душа! Я душа табѣ радъ.

— „Тамъ жа барыня проста загаривалася па табѣ, идѣ табе искаць.“

— Хутъ ба я записку написаў барыни—нильзя писать: ты видишъ, у якихъ я рукахъ.

— „Да, вижу, паночикъ.“

— Прашу я табе: пригавари ты ей раччу, штобъ ина усю казну маю раздавала па нищій братъти, и хлѣбъ штобъ распускала весь и деньги па бѣдныхъ мужикахъ,—только штобъ пакинула ина сабѣ самую малыньсть.—Хто атвель ни пачуць—усѣ їдутъ къ ей; такъ три гадъ заставила сабѣ только абаротиць ни бальшей, штобъ сханила да нави.

Три гадъ якъ вышла, такъ и церква выйшла—и панъ тѣй цѣль—атдѣньчїу сваѣ. Стаў мужикоў жалѣть, якъ родный батька:

— „Я знаю тяперь, якъ сяеуть: саченню панаўчили.“

Якъ паѣздили на ёмъ, да пупароли, только и дѣлятъ панъ, што людей вызвыляють.

Ж 17.

Изъ рукописи.

А шемянинымъ сѣди.

Въ какой-то дярѣўни жили два брата, па имени ни магу назватъ. Адинъ жиў богата, а другой очинь бѣдна: не быа у яго ни каня, ни каровы. Пашоў бѣдный къ богачу пупрасить лошади сѣздить ў лѣсъ за дровами (но а богатый братъ ево хто бы ни пупрасїу, то іонъ ни аткажить, только съ тѣмъ на-мѣренїемъ праси ее, што нужна сразу, а другой разъ што ни праси, то іонъ ни дастъ). Бѣдный ўзяў лошадь; хамуть, дугу забыў. Стаў бѣдный запрягать лошадь богачову: какъ ни мѣ-рїу, ну, бизъ дуги никакъ ни приходитца. Онъ вздумаў: агло-бли выбрасїу вонъ; хвостомъ закрутїу за галоўку саней и па-ѣхаў въ лѣсъ; налажиў возъ дроў, немнога ни давезъ да дому,—ѣхаўши черизъ мастокъ, сани звалились ў канаву. Онъ снеа-нуў лошадь кнутомъ. Лошадь какъ дернула, хвостъ атарвала. Приводить бѣдный братъ къ богачу лошадь бизъ хвоста. Ба-гатый спрашивають:—„Гдѣ жа хвостъ маеи лошади?“—Випу-

вать, братъ я перидъ табою: взяў я у тебе лошадь, дугу забнў,—ўзяў, привизаў хвостомъ за сани и паўхаў ў лѣсъ за дравями,—нямнога ни даўхаўши да двара, сани завалились.— „Пагади жъ, братъ: пайду на судъ на тябе; пуваду съ сабою.“— Пашли ани абдя на судъ. Шли ани дарогаю; пришлось имъ начувать на дароги. Зайшли ани на пастаяльнй домъ; дворникъ быў знакомъ багачу. Бѣдный лѣгъ спать на палатихъ, а багача дворникъ пасадіў вчечерить съ сабою. Бѣдный на палатихъ паварачітца, и какъ-то на яво нищастья, абламилисъ палати, (а ўнизу палатъ дворникува жина кармила рабѣнка) палати ети вупали и задавили рабѣнка. Дворникъ етитъ гаварить:— „пайду и я, братъ, на тябе на судъ.“ Пашли ани черизъ ряку по масту; на ету парў рыбалоў ловить рыбу ў лодки.—Вздумалось винуватому:— „брошусь зъ маста ў ряку; усе раўно мнѣ прападать.“—Такъ іонъ и бросіўся. Ни пунаў ў ряку, а пунаў къ рыбалову ў лодку, лодку абаратіў, рыбалова заліў; а сынъ рыбалова садѣў на бирагу и видитъ, што винуватнй здѣлаў третію бяду, и гаворить:— „Пайду, братцы, и я на судъ!“ Идутъ ани ўчетверомъ, пахдоють ани близъ города, вздумаў винуватнй:— „вазьму съ сабою большой каминь: када судья будить гаварить у маю пользу, то я на буду яго бить; а када ни ў маю, то ўдарю каминимъ и судью.“ Падайшли ани къ судьдѣ. Стали ани разсказувать каждый сваю бяду, судья смотрить: што-то есть у винуватыга за пазухаю, падумаў самъ себѣ: „непремѣнно, што іонъ винувать, то принёсъ съ сабою многа денегъ“.—Судья, сняўши дапросъ у ва всѣхъ траихъ, и гаворить:— „Ну-ка, винуватнй, падайди, братъ, ближи и скажи мнѣ, што ты ета надѣлаў?..“ Винуватнй падайшоў и сказаў:— „Ну, гаспадинъ судья, суди судъ па закону: а то будить мнѣ и табѣ.“—Судья падумаў, што іосьт многа денегъ, и начаў судить па закону.— „Ну, братъ, багатнй, када бѣдный твоей лошади атарваў хвостъ, атдай бѣдному лошадь, пакуль вырастить хвостъ.—А ты, када іонъ задавіў твоего рабѣнка, атдай яму сваю жонку, пакуль іонъ здѣлаить табѣ рабѣнка.—А ты, када іонъ заліў твайго атца, пусть іонъ ѣдитъ на лодки, а ты бросься зъ маста къ яму ў лодку.“—И не даў винуватнй судьдѣ ничаво. Такъ ани и пашли усе дамой, а бѣднава аправили. Стаў винуватнй сміятца надъ правыми.

В и т о в т ь.

Быў у Польши кароль-багатырь, да помиръ. Якъ карам абабратъ, аткедыва? Вотъ што уздумали яны, усе начальства:

— „Акашируимъ мы лошаты багатырскую (прежняга карам) у сядло и паложимъ мечъ и острыя копія и пустимъ яго лошаты у свѣтъ и будимъ за ёю у слѣдъ сладить, идѣ ана сабѣ аббаретъ издака—таво крулимъ признаимъ.“

Сладили за лошады, у слѣдъ ѣхали, а яе пустили, два мѣсица за ёю сладили. Приходять лошаты у дареўню и паша прима зъ дареўни на гумно, и віў тамъ старикъ абрыўки за авинимъ. Лошаты, какъ ишла, пала передъ старикомъ на калѣна, и находятъ сладитили услѣдъ за лошады: стантъ лошаты на калѣникахъ.

— „Ну, яны сказали:—ты нашъ круль-царь—тибе признала лошаты и мы. Якъ ты абрыўки віў, будь краль Витыўтъ.“

Садіўся іонъ на лошаты, атираўляўся у каралеўства, къ царьскому дому. Присягнула Польша каралю Витоўту. Ну, іонъ саблюдаў ихъ харашо. Пачуўствуваў сваю смертъ, сабраў сваихъ палкоўныкыў и виниралыў малыхъ и старыхъ.

— „Ну, дѣти, я чуўствую сваю смертъ. Памру я, играйта музыку, пакель мне пахаронютъ, зямлѣ придадутъ саўсѣмъ. Ну, если хто васъ абидить, Польшу, вазьмита музыку и зайграйта надъ магилыю маю: я устану и пумагу вамъ.“

Сколько времени праваждалися, абабрали каралька на ўрелі, пана паставили каралькомъ. Тольки уздумалась имъ: — „ня можить быть, штобъ іонъ зъ мартвыхъ устаў!..“ Сабрали музыку всеі духавую, пашли на яво магилку, на Витаву каралеву. Заиграла музыка. Устаєтъ кароль съ таво свѣту.

— „Абъ чомъ, дѣти, мне будить? Хто васъ абиждантъ? А яны яму атказываютъ:

— „Кароль Вытыў, насъ ништо ни абиждантъ, а мы думали, ти праўда ета, што ты казаў, што устанимъ.“

— Ну, дѣти мае, ня гиѣвайтисъ! Вы мне съ това свѣту збунтували—и будьта вы прокляты атъ мне и вѣкъ вѣшнихъ бунтуйтисъ!“

Съ тыхъ поръ и пашли бунты у Польши.

№ 19.

Св. Меркурій быў кажимяка, Лютву побиваў, самаму галаву атрубили, на капіи несъ буйную голаву, стрѣўшись съ багатырною, абраніў яе.

Меркурій быў кажимяка; разъ іонъ мяў соракаъ кожь, якъ аспрчаў, рвануў кожи—и ўсѣ пупаламъ. Якъ пришла Лютва, сѣў на лошаты и давай яе пубивать. Самаму голаву сляли. Иднача іонъ ѣдитъ на лошади, а буйну голаву нясетъ на капіи, чѣмъ сражаўся. Падъизжають къ малахоўскимъ варотахъ. Нясетъ багатырка соракаъ ушатыў вады и гаворить:

— „Ахъ, Аврамій, патираў ты буйну голаву!“

Меркурій тутъ самгѣў—упала на зѣмель буйная голава.

№ 20.

Л ю т в а.

Навалилась на насъ Лютва нихрацоная. Божжія Матиръ стала просить Сына сваяго узлюбленнага, штобъ іонъ пакрыў насъ, защитіў. А Гаспотъ гаворить сваей Матери: — „Што жъ яны сами мяне ня просятъ?“—Божжія Матиръ гаворить:— „праситя сами!“—Стали просить,—Богъ даў помычъ, и съ тыхъ поръ стаў Пакроў.

№ 21.

О происхожденіи растенія «Иванъ Безголовый» (*Veronica officinalis*).

Дѣвка отрубила нѣкому Ивану голову. Иванъ пошолъ на жалобу къ Богородицѣ, неся свою голову на копѣ. Богородица превратила Ивана въ сивенькій цвѣтокъ Вероники, который представляетъ изъ себя кисть, помѣщается на обнаженномъ стебелькѣ и оканчивается заостренной макушкой. Въ такомъ положеніи, какъ шолъ къ Богородицѣ, Иванъ замеръ и былъ обращенъ въ цвѣтокъ; цвѣтокъ этотъ въ народѣ называется „Иванъ Безголовый“, а въ ботаникѣ— „*Veronica officinalis*“.

№ 22.

Меркурьева лошадь.

Меркурьева лошадь и таперь замурована у стянѣ; якъ за-
ржетъ: то увесь горадъ затрясется.

№ 23.

Петръ загадытъ сваймъ синаторамъ, якъ неба висока и
якъ зямля глыбока. Мужикъ Пятру разсказытъ, куда іонъ
зарабатыкъ диваить: яніи деньги за доўхъ платить, яніи
у доўхъ отдаеть, яніи на вѣтирь пушцаить.

Загадаў Петръ сваймъ синаторамъ:— „Какъ висока неба
и какъ глубака зямля?“— Ни магли яны етыга разсудить.
Петръ паѣхаў у поля. Мужичекъ пахаў; Петръ спрашійтъ му-
жика: „Разсудити мнѣ ети исторіи:— какъ неба висока?— какъ
глубака зямля?“— Мужикъ атвичаў:— Неба очень низка: какъ
громъ гранить, и глухой паслышитъ.— А зямля глубака: а
сваво дѣдушку пахараніў: къ етому время шистьдисятъ лѣтъ
прайшло, и іонъ ни паваратіўся.— Вотъ тады синаторы начали
разыскывать, хто бъ ета разсудіў. Спрашіють у лакея, каторнй
за царемъ ѣздіў;— идѣ царь быў?— „Быў царь у поля и съ
мужиномъ разгавариваў“— Тады ети синаторы паѣхали у поля
и начали разспрашивать у мужика:— Скажи намъ, пажалуйста,
ету загадку, какъ неба висока? какъ зямля глубака?— Му-
жикъ атвечалъ синаторамъ:— Я вамъ скажу,— што мнѣ будить
за ета?— „А што ты хатишь?“— Ета будить стодить дѣла сто
рублѣў, када я вамъ разскажу.— Дѣдушка у мене помиръ
шистьдисятъ лѣтъ, и узварету яму нѣтъ.— Такъ ана очинъ
глубака, зямля, а неба очинъ низка: громъ ударить— глухой
паслышитъ.— Тада ети синаторы заплатили мужику сто рублѣй
и варатилися къ Пятру и хвастають:— „Царь, ета, гаворють,
дѣла знаимъ!..“ и начали гаворить:— „Зямля глубака: мой
дядюшка помиръ лѣтъ сорынь и ни паваратіўся, а неба очень
низка: какъ громъ стукнуть и глухой паслышитъ.“— Тада
Петръ и гаворить сваймъ синаторамъ:— „Вѣрна, вы у мужика
распрасили.“ У етыва жъ мужика распрашиваў Пётръ:—
„Скажи мнѣ, мужикъ, пасколько ты бярѣшь у сутки за ету

пахатѹ?—А вотъ сколько, Пётръ: восьмиъ гривинъ.—„Охъ, много жѣ ты денѣхъ бярешь!.. куда жѣ ты еты денѣги диваишь?—„Двѣ гриўны долѣгъ атдаю, двѣ гриўны у долѣгъ закладаю, двѣ гриўны на вѣтирь пушаю, а двѣ гриўны питаюся съ жаной.—Царь и спрашѣить:—Што ета значить такая, што доўгъ атдаешъ двѣ гриўны?—„А ета у меня іость атецъ и мать: дакъ ане мяне малыва кармили, дакъ я и ихъ старыхъ за ета кармлю.—Вотъ ета имъ и доўгъ атдаю.“—Скажи, пажаласта, каму ты закладаишь у доўгъ?—„Мене іость два сына малыхъ; дакъ я ихъ питаю. Вотъ ета у доўгъ закладаю: када я буду старѣй, дыкъ ане тада мине будутъ питать и доўгъ будутъ атдавать.“—Ну, скажи, пажаласта, яще, што жа ета значить такая: двѣ гриўны на вѣтирь пуцаишь?—Атвѣчаѹ мужикъ Пятру:—Вотъ, царь, куды двѣ гриўны диваю—дачокъ питаю: я ихъ васпитаю и тады атдаю ихъ у люди. Вотъ ета на вѣтирь пуцаю.—Царь прѣйхаѹ у синатъ, загадаѹ синаторамъ мужикову загадку; ни дадумались яны и заплатили тѣму мужику, што іонъ имъ сказаѹ, двѣста рублей.

№ 24.

Какъ на охоту Петръ ѣздилъ.

Погнали гончія въ лѣсъ, и Пётръ паѣхаѹ по тропинки. Гончія загнали въ большой домъ: нильзя на лапади праѣхать. Іонъ узяѹ: съ лошади слѣзъ, лошадь привизаѹ, пубѣжаѹ на слухъ гончихъ. Заблудіѹ, выбіѹся на какую-то дорогу, нашоѹ салдата на дороги. Вотъ яны шли вмѣстѣ, и салдатъ тотъ тоже не знаетъ дороги: пошли оба блудить. Приблудилися въ пуши къ разбойническому дому, заходятъ у домъ,—въ домѣ нѣтъ, только одна женщина. Салдатъ гаворить:—„Начувать пустѣть!..“ Ина имъ показала:—„Вонъ пади на лѣстницы на чердакъ—на сѣни тамъ и отдыхайтѣ!..“ Пришли маладцы (разбойники, значить), съ ахоты, и гаворють мѣжду себе, што нѣдача сяводни: ни пупала никова загубить; а хазайка атвѣчаютъ имъ: „два рябцы сами прилѣтъли.“—Яны спрашѣють:—„А гдѣ жѣ яны?“—На чирдакъ я ихъ паслала, на сѣна, спятъ.—Начальникъ ихны аднаму приказьнить:—„Падѣ-ка, привяди ихъ сюды: мы съ ими расѣблаемся. Итѣть

тёмна, зажги свечу.“ — Вотъ іонъ и нашоу туды. Пётръ жа спау, а салдаты сваю службу знау: на часахъ стыяу и саблю у рукахъ държау. Якъ чуть паказаўся, такъ іонъ саблей голыву далой. Тада начальникъ етый ипять гаворить:—Што жъ аббареть адинъ іонъ тамъ ихъ?—Другова паслау. Другому сама ета жъ галава даюу и усѣхъ іонъ прибрау. Астаетца тольки адинъ начальникъ, и начальникъ нашоу туды, ни дыждаўся етыга время—и начальнику голыву зрубіу. Тады салдаты затваріу дверь, лёгъ спать,—да бѣлыга свѣту праспали. Салдаты устають и будить яго и спрашнѣть у яго, у Питра:—„Што ты іостъ за челаѣкъ?“—Іонъ ’тѣнчаить:—„Я слуга панская.“ — Лакей, салдаты гаворить:—ета самый лизаблюдъ, привыкъ блюды лизать, да спать... А пасматрика, сколько у насъ ляжить баранчикѣ!..“ (Двинацѣть іонъ ихъ зрубіу).—Пайдемъ таперича у домъ!..“ —Приходить у домъ и спрашнѣть:—„Дай-ка ключи атъ владыныхъ!“ Ключи атдала, нашоу салдаты искать денныхъ, нашоу мѣдъ; салдаты начау брать, Пётръ ни бареть.—„Я бару, а ты ни барешъ: скажишь, растакъ.....“—Принуждонъ и іонъ брать. Потѣмъ салдаты нашоу сирябро!..“ Выбрасывай вонъ мѣдъ и бари сирябро!“ Тады знайшли золыта. Салдаты камандунтъ:—„Бари золыта, а сирябро выбрасывай!..“ Такимъ родымъ набрауши многа золыта, пошли ибратна, и давай салдаты прасить Петра, штобы ни гаваріу етыва Пётръ; а Пётръ спрашнѣть у яго:—Якей ты, салдаты?—Чимъ тебе звать и якова палка?—Разказау іонъ Пятру имя и хвамилию; тады спрашнѣть у яго Пётръ:—„Пачаму жа ты зашоу у лѣсъ?“—А вотъ я пачаму зыйшоу. Нычальники ни дадали мѣ паўтара гарца крупъ привіянта, дыкъ я, якъ нашоу съ малыва начальства, мяне палками атдули, дашоу до самыа большова,—усе палками дули: дыкъ я нашоу у лѣсъ прахладитца, штобы мѣ ня лечъ у лазаретъ.“—Во тада пашли и распращалися, царъ сабѣ нашоу, а салдаты сабѣ. Пётръ напарѣдъ паспашіу на заставу, приказъ сдѣлау:—„Такой-та салдаты будить прахадить, сдѣлать яму честь усѣ раўно, якъ царю.“—На заставу пришоу салдаты, сдѣлали яму честь такъ, усѣ раўно, якъ царю. Салдаты тада и гаворить:—„Ека плутъ какой-та разказау, што у мяне денги іостъ.“—Іонъ имъ бросіу денныхъ горсть. Патомъ идить нужна салдату окныа царскыа дварца; тамъ яму сдѣлали честь, и самъ Пётръ выносить яму на блюды золыта:—„Благодарю тебе, служивый

кавалеръ, што ты мене избавиў ать смерти, а я твяхъ паўтара гарца крупъ узыщу, усе начальства разжалую.“

№ 25.

Якъ Петръ у Риги присматриваўся къ литтью пушакъ. Якъ іонъ утёнь изъ Риги. Пріймантъ у Масквѣ гостя рижскага купца. Мѣдникъ рантъ пирялить налаколы на пушки.

Када ў Расеи не была пушкѣ, и Петръ узнаў, што за границу пушки павылили. іонъ браў средствія, бы якъ етыва искусства разсматрѣть. Паѣхаў у Ригу: и Ризьскія купцы ѣздютъ за таварами у чужей земли, и іонъ наняўся у купца у работники и паѣхаў за границу съ купцомъ. Пріѣхаў у Ригу, и тутъ яго ужъ начинали падмѣчать, што іонъ Петръ; агдадинъ быў приказъ на усѣхъ заставахъ, штобы яго ня выпустить. Іонъ ета дѣла узнаў и начаў етыва самыва купца, у каторыва быў у работникахъ, начаў прасить, штоба быў ка мнѣ у Маскву: я самъ купецъ. Купецъ ризьскій спрашнть:—Какъ жа тебе узнать?—Масква вялика.—„А ты пріѣзжай, только спраси, идѣ здѣсь живеть Петръ купецъ: да када будишъ, дакъ дай частноя слова! Мня жина частинька ходить на рынку. и лаўки у мене іостъ. А я захатѣў узнать, какъ у васъ таргоўля. Частноя слова вы мнѣ дайтя, што будитя такова-та числа.“—Петръ распращаўся съ имъ, пашоў у горыдъ; мужичекъ бареть навозъ. Іонъ просить мужичка:—„Сбрасывай навозъ: я тябѣ уплачу болій, чѣмъ ты навозъ будишъ вазить.“—Петръ на сани, а мужикъ яво навозымъ прикрѣў и вывизъ яго съ горыда Риги; публагодариў яго, заплатиў яму горсть золта. Тада Петръ и уѣхаў въ Маскву, и приказаў Петръ разаслать ахвишки на ўсей Масквѣ: када будить ризьскій купецъ у Маскву, то тада показать на Петра купца. Вотъ и пріѣхаў ризьскій купецъ, и показали на Петра купца. Приняў яво:—„Гастюй у мене!..“ Павеў яго на лаўкахъ, наказаў пѣскалька лавыкъ:—„Вотъ у мене сколько лавыкъ: я самъ купецъ.“—Пришли дамой; показаў іонъ жану. Ризьскій купецъ гаворить:—„Да, чистинька жина ваша ходить!“—Два дня гастіў, Петръ быў ня ў хорми; а када на третій день адѣўся Петръ у хорму, а тада ризьскій купецъ абъ землю

ударіўся—спужаўся. Царь яго ни стращаў: — „Ня бойся: я тибѣ усё працаю, хушъ ты мяне и браніў: за нязнанія и цара бранють... Ну, вотъ, братицъ, прінзжай саусѣмъ у Маскву и таргуй—памѣстья дамъ...“

Царь ходить пу Масквѣ и думанть, якъ бы ета пушкѣ налить, думанть сабратъ зъ Расей старня питаки для лѣтѣйныхъ пушакъ. Ишоў пу Масквѣ у прастой адѣжи. Стричанца зъ имъ челаўѣкъ. Спрашнть: — „Што ты за мастиръ?“ — Я свайму дѣлу мастиръ. — „Хто жъ ты таковый?“ — Я мѣдникъ. — Іонъ яму рубъ падаріў. — Скажи мнѣ, братицъ, пра ета дѣла, што я ўздумаў: хачу сабратъ мѣд, налить пушкѣ. — „Царь, я тибѣ савѣтъ дамъ: вы у церквяхъ па колыкылу сымитя у каждый церкви и налейтя пушкѣ. — На што жъ тибѣ стольки пушкѣ?“ — Пайду Ригу заваю.

№ 26.

Воръ збаўляить Питра ать смерти.

Царь Петръ захатѣў узнать, што у Масквѣ дѣланца: вотъ іонъ ноччу адѣўся у худую адѣжу, пашоў па Масквѣ у темныя время. И стричанца съ челаўѣкымъ у дурнымъ играуку. Спрашнть: — „Што за челаўѣкъ?“ — Тотъ челаўѣкъ агвичанть Патру: — Я воръ, а ты хто такей? — „И я воръ“ — Ну, када воръ, пайдемъ ушѣсти красть. — Потѣмъ спрашнть воръ у Питра: — „Куда жъ мы пайдемъ красть?“ — А пайдемъ къ царю красть. — Воръ етнй Питра у уха зарядіў: — „Какъ жа къ царю идить красть? Яму многа денихъ нада“ — Петръ спрашнть: — „Куда жъ мы пайдемъ?“ — А пайдемъ къ виниралу, пу хваминаи Бѣларукиному; тѣй бареть дѣньги пачти дарымъ. — Вотъ яны прійшли къ дому. Воръ узяў, надѣў сабѣ лань на руки и на ноги и палѣзъ па стянѣ и падлѣзъ падъ асѣнка паслушать, што у яво тамъ тваритца. Ане саглашаюцца, нѣскальки асобъ, штоба заўтришній дѣнь сдѣлать балъ и пригласить царя Петра Аляксѣевеча и дать яму выпить стакаъ смертнй. Іонъ разслышаў и баратіўся унизъ и гаворить етнй воръ самаму Патру: — „Ахъ, братъ, кадабъ царю дать знать?!..“ — А што такая? — „А вотъ, братъ: хотать нашита царя абтравить.“ — Ахъ, братъ, и я бѣ паслушіў етнй статьи!.. — „А вотъ я и тибѣ привязу такжа лань.“ — И Петръ падпоўзъ

падъ ихъ саюзъ и слышитъ точна такъ, какъ воръ рассказы-
ваѣ. Нѣскалька ане увуравали ли примѣру, а тада итить у
расходъ. Петръ гаворить:— „Какъ ба, братъ, намъ быть съ
табой знакомымъ? Мы съ табою будимъ друзья... Дакъ вотъ,
братъ, на шапчыки пуминаемся, и штоба намъ съ табою быть
въ такой-та церкви у вутрени“.—Царь устаѣ, паѣхаѣ къ вутрени
и пригладываецца, хто у яво шапчыки будить итить. Увидаѣ
яво, приказаѣ жандармамъ, штобы за имъ слядили, съ глазъ
ни спущали. Якъ атыйшла вутрина, царь садитца у карету,
приказиць и вора етыга пасадить съ сабой; воръ етый сѣѣ
ни живѣй, ни мертвый; приэжають дамой. А за ету ночь сдѣ-
лали яму, етому вору инастранную адѣжу, адѣли, дажидають
время етыга, якъ етый винираль папросить на балъ.—Сматри жѣ,
братиць, хуть ты воръ, а я табе пращаю ета: хучъ ты мяне
ушибѣ, да ни ѣмариѣ... Икѣ насъ пазавуть на балъ, то и
табе съ сабою вазьму, начнють потчивать, то іонъ мнѣ будить
падавать упяредѣ, а я пить ни стану: я буду гаварить:—
„Прежда хазяину нада выпить, а тада гостю.“—Царь ня
пьеть. Винираль атвичаить:—Ваша височиства, я упяредѣ за
харапамазаника ни магу пить.—Петръ гаворить:— „Мы спро-
симъ: у мине инастранный зямли пасланикъ есть;—вотъ мы
спросимъ у яво, какъ у ихъ странѣ, хто упяредѣ пьеть: ти
гость, ти хазяинъ.“—Спрашють у пасланика. Пасланикъ
атвичаить:— „У нашій старанѣ никада гость ни начинанть, а
прежда хазяинъ выкушанть.“—Привалось выпить самѣму вини-
ралу. Якъ выпіѣ, такъ и ударіѣся абъ полъ: а тада Петръ
ихъ усяе шайку разбіѣ. Тады амператырь спрашить у вора:—
Чимъ тибя награлить?— „А ничаво я ни хачу, ни якей награды мнѣ
ня нужна, а прашу васъ ни устрашать вароѣ: варѣ, собственна, атъ
Госпада Бога... Кабы Богъ ни павѣѣ васъ на такую степень идить
узнавать абъ варахъ... Ну, только Богъ васъ свѣѣ са мною, штоба
вы, амператаръ Петръ I, магли прадаѣжать сваю жисть!..“

№ 27.

Петръ вялить принесь у дварець пьяныва мужика и 'бѣѣляить
яму, што іонъ на неби; хатить знать, што будить казать и
рабѣть мужикъ.

Прахадиѣ царь пу Масквѣ и увидаѣ мужика пьяныва: ли-
жаѣ іонъ у грязи. Іонъ яво приказаѣ узять свaimъ прислугамъ

и раздѣть искудную адѣжу и адѣть у хорошую, палажить яво у царскую спальню и приказау иднаму служитилю адѣтца у бѣлыя адѣянія. А мужикъ етій спау; и прашнууся и видить нибнакнавенныя сіянія, зиркала и наборъ атлишній; іонъ спужауся и узрадувауся и думанть смѣбъ:— „Идѣ я таперь?“—И кривнуу:— „Ой, ой! идѣ я таперь?“—Прибигають служитиль и гаворить яму:—А ужу, братъ, ты таперь у Бога.—Спрашнють у етыва служитиля мужикъ:— „А ты жъ хто таковой?“—Я англь.—Мужикъ етыть и спрашнють (у мужика галава бачить съ пахмеля):— „Даесть жа Богъ водку?“—Пайду, спрашу у Бога.—Приходить къ Патру служитиль и гаворить:— „Просить мужикъ водки.“—Дайтя яму двѣ рюмки, да пирога кавалыкъ.—Съ мужика етыва мала: хатить и ящо. Нямедленна закричау:—Англь!—Іонъ и бяжить, етій служитиль, спрашнють:— „Што ли васъ угодна?“—Спраси, братъ, у Бога, и дасть ли іонъ яще водки.—Петръ приказау:—Дайтя яму гравинъ и дайтя яму пирога цѣлый!.. Падали. Мужикъ етій напіуся и наѣуся и гаворить:—Слава тябѣ, Госпади, што мене Господь приняу у царствія етакія: тутъ буду жить да вѣку! И ящо выпіу и закусіу и лѣхъ спать. Царъ приказау яво, етыва мужика, ипять раздѣть и адѣть яво у искудную адѣжу и палажить пьянава у тую жъ грязь, аткуда яво узали. Мужикъ етій спау нѣскальки урема, а Петръ падаслау слугителей паделушать, што етыть мужикъ будить гаварить. Мужикъ прашнууся и глазъ ни пралунить и кличить:— „Англь!“—А глазъ ни пралунить. Іонъ паўтаріу и у третій разъ кличить:—Англь!—Пралуніу глаза, пасматрѣть: ляжить іонъ у грязи. Іонъ танди и уздумау:— „Госпади, прастя ты мѣ за ета, што я быу у царствіи, тамъ я сагрѣшіу, за то мене изъ царствія прагнау! но я яще водки пунрасіу, а булѣбъ съ нимъ и двухъ рюмкѣ, — я ужъ таперь атстауся на зямли.“

Ж 28.

Петръ монастырь асматриванть, вялить жирному мамаху у музницы паработать.

Петръ приажау пу Масквѣ, зайшоу у кузницу; увидау кузница худова и спрашнють у яго:— „Атчаго ты такъ худъ?“—Іонъ гаворить:— „Атъ трудоу.“—Петръ паѣхау у монастырь и

спрашіить у манаха, (пупаўся яму такой жирный манахъ):— „Атчаво ты такъ жиренъ?“—Іонъ атвичаў:— „Атъ трудоу правидныхъ: Богу малюсь.“—Іонъ яму и сказаў:— „Штоба быў ты къ такому-та кузняцу, на мѣсицъ, у малатабойцы!..“ И спрашіить у настятіля:— „Якей ета нымастыръ?“—Атвичаў настятіль яму:— „Ета биззаботный“—Я жъ вамъ заботу скажу: штоба узнали, сколько на небесахъ звѣздъ счотымъ, и што я стою (Петръ на себя гаворить), и што я думаю.—Вотъ тябе сроку на 'динъ мѣсицъ, а тада даўжонъ аявитца ка мнѣ и твѣтитъ: показать, сколько щоту звѣздъ.—И уѣхаў. Етний настятіль захадіўся у голыви и думаятъ, якъ ета дѣла исправить. Нѣскальки время думаў, усихъ манахыў спрашиваў,—ни магли ни адинъ етний щотъ пріизвести. Быў у яго адинъ манахъ (настятіль яво съ манастыря выслаў), и уздумаў іонъ пра яго, пра таго манаха, и ни хатѣў яво пазвать, какъ быў сярдитъ на яго,—ну пазваў:— „Вотъ, братъ, примиму тябе у манастыр и будишь у мене старшій за ўсѣхъ манахыў, только пасабн ету бяду.“—Іонъ гаворить яму, што „пажалуйта мнѣ сваю адѣжу.“—Іонъ адѣўся у настятіливу адѣжу. Время ета прайшло, какъ назначинъ быў срокъ атъ Петра Первыа. Явіўся къ самому Питру. Петръ у яго спрашіить:—Што жъ, братицъ, сащитаў ты на неби звѣзды?—Атвчаить:— „Сыщитаў.“—Многа ль жа?“— „Вотъ столько-то кадрильоныў,—большой щотъ—пашчитайта сами.“—Петръ атвчаить:— „Можить будить на вѣрна.“—А кыды на вѣрита,—извольта павѣрить.—Етиму іонъ щоту сагласинъ быў. Спрашіить Петръ:— „А што жъ я стою?“—А какъ небесный Богъ Спаситель быў прададинъ за тридцать сяребреникыў, а вы ни зямне бога,—дакъ вы стоята у палавину—цятнацать сяребреникыў.—Ета Патру панравилаась. Усмаатривать етыва настятіля.—А што жъ я думаю?— „А вы думалта, што я настятіль;—я манахъ.“—И ета царю панравилаась.

Успомніў іонъ пра жирныа манаха и захатѣў павѣрить и паѣхаў; заѣхаў у тую кузню, каторава манаха атдаў у малатабойцы и пасматрѣў на яво, што іонъ стаў худъ, и спраціў у яво:

— „Атчаво ты такъ худъ?“

Тады іонъ паў на калѣни:— „Праститя, царь!..“

Царь яму прастіў и сказаў яму:— „Вотъ труды!.. Богъ съ табою! иди у свае мѣста.“

Рыбакъ умѣсти съ цѣримъ асвабаждають сына Петра і аго
яго жонки, презлэй вѣдьмы.

Какъ быў бѣднѣй рыбалоў, и была у яго шестира дѣтей;
іонъ ни якими работами ни занимаўся акрѣмѣ рыбы лавить.
И быў у яго законъ: больши трехъ тонъ у день ни заклады-
вать: када за три разы што вытигнѣть, то прадасть и етѣмъ
кормить дѣтей. Тольки адинъ разъ на яго злучилася: три разы
закинуў, ни воднѣй рыбы нѣту, а хлѣба-то дома ни крошки:
дѣтей кармить нечимъ. Іонъ уздыгнуў тѣжало:— „Ну, што
будь, а закину черизъ законъ чатвертѣй разъ.“—Тольки у
чатвертѣй разъ тянуть изъ ряки кукшинъ мѣднѣй; етѣмъ кук-
шинъ закрытъ, царькоўнѣю пичатьтю запичатыванъ, и навярху
кукшина крестъ выбить. Рыбалоў узяў и пыднаў ету крышку
съ хрестомъ: у етѣмъ кукшини нѣтути ничаво, тольки изъ яво
пашоў гужикѣмъ дымокъ за узвалъ. Рыбалоў етѣй самъ съ са-
бою разсуждаить:— „Ну, хуть рыба ни паймаў, днѣз етѣй
кукшинъ прыдажъ: усе якей рушъ дадутъ.“—Тольки зъ-за узвала,
куды пашоў дымокъ, идеть аттуда къ рыбалоу чилавѣкъ агро-
нѣй и гаворить на рыбалоу:— „Я тѣбе, рыбалоў, убью.“—
Іонъ гаворить:— „За што ты мяне будишъ бить, навѣнныга чи-
лавѣка,— за якая дѣла?“—А за то: зачимъ ты мяне бязсрошна
выпустиў изъ кукшина?— „Якъ я тѣбе выпустиў бязсрошна, ни
какому дѣлу?— „А пы такому: я быў запыртъ у кукшини на
200 лѣтъ.“—Рыбалоў гаворить:— „Якъ ты магишъ пумастица
у кукшини, еткѣй хлябиница: я етому ня вѣрю, патаму што
твѣя нипраўда!— „Ну, када ты мнѣ ня вѣришъ, то гляди,
якъ я буду вонъ зъ-за тѣй гары идеть дымокъ у кукшинъ—
ты видаў, што изъ кукшина дымъ ишоў—ета быў я“.—Пашоў
іонъ за гару, скинуўся дымокъ и идеть у кукшинъ. Рыбалоў
даржить кукшинъ, а дымъ у яго убярѣтца, и думанъ рыба-
лоў: вазьму, какъ дымъ убярѣтца, закрою кукшинъ: а то ни
за што убѣеть. Тольки дымъ увубраўся у кукшинъ и гаворить:—
„Ну, рыбалоў, ты гаварѣў, што я ни убяруся, а таперь смотри:
я ўвесь увубраўся.“—Рыбалоў сичасъ хляпъ крышку, дѣ і
припичатываў, што какъ було, гаворить:— „Ну, никакайный,
сидѣў ты на 200 лѣтъ, а таперь я засадиў тѣбе на 300.“—

О, не, рыбалоу! гаворить дымъ:—за што настольки засадиў: нужна памилываць.—„А за што жь ты хатѣў убити мяне за нявинна, такъ и я тябе?“—Дымъ гаворить:—„Я жа зъ разу сказаў, ды ня ўбіў, а за што жа ты мяне атъ разу хочишь засадить на стольки?“—Нѣтъ, рыбалоу, ты мяне пусти: я тябе на вѣкъ писажу на хазяйства.“—Ты мнѣ салгѣшь, нипраўда, никыянны духъ!...—„Нѣтъ,“ гаворить:—„нашъ духъ вярнѣй вась: я праўду гварю,—тольки выпусти пажалуста.“—Ну, харашо сабѣ: выпущу, када спраўдишь тольки мнѣ.—Атерну рыбакъ кукушинокъ, изъ яго вышіў дымокъ и пашоў за узвалъ. Патамъ ідeть къ яму чылавѣкъ агромный и гаворить:—„Ну, вотъ, рыбалоу, ты мнѣ ня вѣриў, што я тябе пасажу хазяйнымъ на вѣкъ!.. Вотъ я табѣ пакажу амшарину, игдѣ табѣ лавить рыбу,—пиривалакывай у тую амшарину сѣть сваю и лодку, такая-то и такая мѣста,—тамъ и лави рыбу:—будишь ты тамъ многа витыгивать рыбы,—ну, ты больша трехъ щучикъ ни бярѣ: што за ихъ запробишь, то табѣ и дадутъ.—Рыбалоу пашоў у тую амшарину, закинуў сѣть сваю и витигнуў многа рыбы: тую рыбу назадъ пуўпускаў, а три щучки съ сабою узяў. Нясетъ іонъ на горыду ету рыбу, стричаитца зъ рыбаловымъ царскій поваръ:—„Што, рыбалоу, прадаешъ рыбку?“—Прадаю.—„Што жь ты за нае прасишь?“—По три чарвонца щучку.—Поваръ яму 9 чарвонцыў выкинуў, а щучки еты пазабраў.—Принесши ихъ на кухню, іонъ пригатуваў ихъ, якъ нада, штоба палажить на плиту ихъ жарить. Тольки пылажиў на плиту етыхъ іонъ рыбокъ, сичасъ идуть три дѣвушки изъ кухни и спрашюць:—„Рыбки-сестры, вы тутъ?“—Тутъ, атвѣчаютъ рыбки.—„Пайдемъ зъ нами!“—Сичасъ брыкъ,—у кухни адна стина вонъ; еты рыбки сыскачили съ плиты, скинулись дѣвушками и пашли съ первыми сьрозъ стяну. Поваръ етыхъ штукъ смотритъ ды й гаворить:—„Купіў було гусударю рыбн зготовить, а таперь нечига; Богъ знаить, што злучились!“—Сичасъ зачаў пригадывать, какою ба кушання сгатовать на рыбнымъ мѣсти, якою ба паслажій. Гусударю пашли ета кушання на рыбнымъ мѣсти: харашо! И гаворить:—„Ахъ, поваръ, якъ ба ты и заўтри етѣя кушання згатуваў!..“ Поваръ пашоў и на заўтрига пакупать рыбу. Етыгъ рыбалоу пиятъ нясетъ три щучки. Поваръ гаворить:—„Прадаешъ рыбку?“—Прадаю.—„Што прасишь за ихъ?“—

По три чарвонца.—Поваръ ипать выкинуў яму девить чарвонцыў. Приносить ихъ на кухню, готовить такъ, штоба палажить на плиту жарить. Тольки палажіў ихъ на плиту, апять идуть три дѣвушки:— „Што, сестры-рыбки, вы тута?“—Тута.— „Падѣмъ зъ нами!“—Ипать брякъ: адна стина вонъ; рыбы скинулись дѣвушками, узали и пашли. А поваръ смотритъ ета дива апять-жатеи. Апять поваръ зачаў гатувать кушання на рыбнымъ мѣсти, каторыя паўкуснѣй, какъ ба и ўчира. Рыбалоў жа, прадаўши ету рыбу, ипать атпраўляйтца у амшарину рыбу лавить. Падноситъ ипать поваръ царю кушання на рыбнымъ мѣсти сладены. Гусударъ апять спрашйтъ:— „Идѣ ты еткыя кушання наўчїѣся гатувать изъ рыбъ?“—(Іонъ знаў, што даваў повару деньги на рыбу). Поваръ гаворитъ:— „Пазвольта сказать, свѣтъ, вяликій гусударъ: я беру рыбу у знакомага, бѣднага рыбалова, и тольки вамъ, гусударъ, ни разу тѣй рыбы кушать ни дастаетца. Я рыбалова за три рыбы выкидываю пастаянна девить чарвонцыў, но я самъ примышляю готовить еткыя кушання на рыбнымъ мѣсти за свой капиталъ.“—А идѣ жа ваша ета рыбка дивантца?—гаворитъ гасударъ:—ты итѣ абъ етымъ ни талкуваў.—Онъ атвѣчаитъ:— „А придитя сами, свѣтъ, вяликій гусударъ: вы увидитя, идѣ ана дивантца.“—Ну, гаворитъ гасударъ: иди къ тѣму рыбалоу, старгуй у яго три рыбки и, деньги ни платѣвши, привяди яго суда зъ рыбкыю. Поваръ пашоў на рынныкъ и устрѣў тога рыбалова съ трима рыбкамы:— „Што, рыбалоў, прадаешъ рыбку?“—Да, ка-нешня, ни пакупаю: вы сами знантя пра маю нужду!— „Ну“, гаворитъ поваръ:— „няся за мною рыбку на кухню, тамъ тѣбѣ заплотють, а при мнѣ тутъ деннгъ нѣту.“—Приведши яго на кухню, узай у яго рыбку и давай абчищивать. Прибраў яе такъ, якъ ставитъ на плиту. Сичасъ пашоў и далажіў царю:— „Свѣтъ, вяликій гусударъ, падитя, пасматритя, якъ я вамъ рыбу гатую!“—Пришедши на кухню, царъ гаворитъ:— „Рыбалоў, ты итѣ рыбку прадаешъ, а я яе не кушаю.“—Рыбалоў етнй саўсимъ ета дѣла ни знантъ ничаво и гаворитъ:— „Свѣтъ, вяликій гусударъ! Я яе прадаю и ни знаю, идѣ жъ вы яе дивантца?“—Гусударъ гаворитъ:— „Ну, рыбалоў, я самъ ни знаю, идѣ ана дивантца, а таперь пыглядимъ умѣсти, идѣ она дивантца.—Поваръ сичасъ наставиў ету рыбу при ихъ на плиту. Сичасъ идуть три дѣвушки:— „Рыбы-сестрицы, вы тутъ?“—Тутъ.—

„Пайдемъ зъ нами.“—Брыкъ! стина адна вонъ вывалилась, три рыбки скинулись дѣвушками и пашли съ первыми. (Яны три разы выходили съ кухни, и стина три разы вываливалась и изнова становились на сваѣ мѣста). Гусударь спрашнѣть у рыбалова:— „Вотъ, рыбалоу, самъ видишь, идѣ ана дивантца!“— Рыбалоу гаворить:— „Свѣтъ, вяликій гусударь! Я самъ ни знаю, пичаму ета усѣ дѣлантца.“—Раскажи, рыбалоу, гаворить гусударь:—идѣ ета ты ловишь ету рыбу?— „Вотъ, вяликій гусударь, лаўлю я ў такомъ-то мѣсти, ў такой-та амшарини.“— Скажи ты мнѣ, хто табѣ тую амшарину паказаў?—(У тѣй амшарини изъ вѣку правалиўся горыдъ Питра I). Рыбалоу расказаў, якъ ета и што було.— „Ну,“ гаворить царь:—вотъ табѣ за рыбу три чарвонцы, и заўтри паизжай съ сѣтъю у тую амшарину, якъ можна ранній, и затяни сѣтъ,—тольки ни вытгывай, пакеля прїѣду я.“—Рыбалоу такъ и здѣлаў: закинуў сѣтъ у амшарини и стаў даждидать царя. Гусударь на заўтрига ранинька ўстаў, узаў сваю вострую мечъ и пашоў въ рыбалову. Стаў іонъ искать рыбалова и ни найдеть и біўся цѣлый день, искаў рыбалова и ни нашоў, а заблудіўся у тѣй амшарини. Прабмѣ да тѣмныга, ужу запалили агни. Аднака жъ іонъ замѣтіў пасряди амшарини аганекъ и дай къ етыму аганьку бляжи падайдить. Приходить въ етыму аганьку—стантъ домъ агропнїишій, парскія палаты. Уходитъ іонъ у палаты, тамъ нѣтъ никаво, тольки сидить Питра Первага сынъ: палавину ламарнага камни, а палавину чилавѣка. Гусударь увайшоў и скланявѣтца яму, а іонъ тольки галавою кїўнуў. Гусударь гаворить:— „Якъ такъ можна: я табѣ такъ низка кланіюсь. а ты мнѣ ни можнѣ накланитца?“—Питра Первага сынъ атвичаить:— „Эка, вяликій гусударь, разви вы ни видитя, якъ я суродуванъ: палавину ламырынта камня, а палавину чилавѣка?“—Гусударь и спрашнѣть:— „Хто ета тибѣ такъ асуродуваў, што ты страдаишь?“—Свѣтъ, вяликій гусударь! Мыя жина мяне такъ асуродывала: ана угаждаить ниеыннѣму духу, ана зъ имъ знаитца. Бада хатитя пасматрѣть, якъ ана нада мною зругантца, то извольта схаранитца за шкахъ и сматрѣть аттуда: ина мнѣ кажныя сутки на 100 лозаноу дасть и, какъ 100 лозаноу увалять, то на мнѣ суконную рубашку пиридиваить; а корьмить—пасматри чинтъ: аднѣю валоўю жылий.—Царь спрашнѣть:— „А идѣ ана таперъ?“—А ина вяликия валшебница и таперъ идѣ-

то литаць на руськаму царству и скоро даўжна прыляць.— Царь узяў и за шыахь спрытаўся, штоба пасматрѣть, што ана надъ нмъ будить дѣлать. Сичасъ ана прылятьла съ палету, сичасъ яму 100 лозаноу увалила и суконную рубашу пириминила и дала яму ў ротъ валоуу жилу жвать. Царь сматрѣу зъ-за шыахва, якъ ана яго наказывала. Патомъ ана падашла къ сундуку, идѣ лижау никааинный духъ, яе узлюбленный, и начала яго упрашивать. (Ана яго чимъ-то разгнѣвала). Патомъ ана улятьла. Царь вышіу зъ-за шыахва и гаворить на сына Питра I:— „Какъ ба тебе спасти атсюда, и штоба здѣлать горыдъ горыдынь, а чилавѣка чилавѣкнымъ?“—(Вѣдьма, ў угодиньсть узлюбленному, абаратила людей у рыбу и горыдъ у вѣзира). Питра I сынъ гаворить:— „Вотъ, вазьми и пирируби никааиннага духа сваею вострыю меччу крестъ на крестъ, ни больши,—схувайта яго падъ мостъ, а сами ляжыта у сундукъ: када ана апять прылятитъ,—мнѣ 100 лозаноу увалить, суконную рубашу пирадѣнить, то, думаўши, што ў сундукѣ никааинный духъ, то станить упрашивать васъ... Царь никааиннага духа крестъ на христъ пирасѣкъ, а іонъ закричау:— „Прибау, вяликий гусударь, ящо разъ!“—А царь гаворить:— „Будить съ тебе и етыга!“—Яго съ сундука выкинуу, падъ мостъ схувау, а самъ у сундукъ легъ. Вѣдьма прылятьла съ палету, даеъ у хрибеть мужу сто лозаноу, пириминяить суконную рубашу, даеъ у ротъ валиную жилу, а сама идеть къ сундуку упрашивать никааиннага духа, ни зная, што іонъ спатряблень, и гаворить:— „Што ты на мяне сердисся, што ты мнѣ ни атвичайшъ, сколько ўвремя я тебе спрашіу?“—Царь гаворить:— „Што жа буду табѣ атвечать: какою я изъ тебе вижу давольствія?“—Какъ какою? Я усе, што ты мнѣ приказнишъ, а ўсе выпалиаю.—Царь гаворить:— „На што ты свайго мужа сдѣлала палавину ламирнага камня, а палавину чилавѣка?—Ета намъ ни падъ нужду.—И горыдъ ты здѣлала возирымъ, а людей рыбами? А вотъ ты мнѣ здѣлай удавольствія: мужа свайго—якъ быу іонъ 35 лѣтъ, такъ и здѣлай такимъ жа,—горыдъ, якъ быу іонъ горыдынь, такъ и здѣлай горыдынь, людей сдѣлай людми!.. Пайдеть тады на нашиму горыду таргоуля: вотъ ета и будить мнѣ удавольствія,—а то сядимъ мы тутъ, якъ у востроги, и свѣту ня видимъ.“—Ана думала, што ета гаворить зъ ею никааинный, сичасъ и гаворить:—Я сама знаю, што

мы таперъ живемъ у ни ўдавольствіи, ну, я дѣлала, якъ ты мнѣ приказываѣ. — Сичасъ зъ радыстю набѣгла усе пирядѣлывать. Падѣлала, якъ ей царь гаваріў, прибѣгла къ никаянниму духу и гаворить:— „Ну, усѣ падѣлала, якъ ты мнѣ приказываѣ: выйди, пагляди!“ — Царь гаворить:— „Ну, ти вѣрна жъ ты здѣлала?“ — Вѣрна. — Царь гаворить:— „Ну, бяри мяне за лѣвую руку: я залежился и ни ўстану!“ Ана узила яго за лѣвую руку, а іонъ яе якъ сикануў меччу, такъ галава и пакадилася. Патомъ сынъ Питра І абнялись съ царѣмъ и пацалувались. Сынъ Питра І гаворить:— „Ну, таперъ руби яе на мелкія кусочки: благодарю, што избавіў мяне.“ — Такъ яны узали и пурубили яе зъ никаяннымъ духымъ на мелкія кусочки, вывизли яе на поля, кастеръ дроў злажили и ихъ спалили; пошилъ размяли и на мыря на вѣтру пустили, — хто таго смуроду набраўся, на вѣкъ видѣмакомъ астаўся. Сами пашли па етыхъ палатахъ расказивать и усѣ разглядывать, усе ли такъ стала, якъ прежди. Тольки идуть у ва залъ у свой и видють: сядить у зали рыбадоў, што царю прадаваѣ рыбу, и сядить іонъ, абтануўшисъ сѣтъю кыла стѣнъ. Сынъ Питра І спрашнѣть у царя:— „Свѣтъ вялікій гусударь, хто жа ета?“ — Маўчи, братъ, етый табе атсель и вывіў. — Ну, собирай, рыбадоў, сѣти, пайдемъ атсель изъ залы! Благодарю табе, што ты ўказаѣ мнѣ ету мястину: мы тутъ спасли горыдъ, царя и народъ, запаланѣтыя никаяннымъ духымъ. Стали яны тады пить да гулять, да дабро наживать. Рыбадова паставили первыи гильдін купцомъ: дитямъ яго на вѣкъ палажили жалавання. Пасѣіў мужикъ аўса, а басня мая ўся.

№ 30.

Ирусалимскій патріархъ и яўрейскій дохтаръ при султани сумятатца абъ тымъ, икая вѣра луччи: ти магамитаньская, ти яўрейская, ти христіянская.

Въ слаўнымъ Ирусалими быў у турецкыма султана яўрей дохтеръ, и захатѣлись етому яўрею, штоба не была пруву-слаўный вѣры въ Русалими, и начаў турка угаваривать, штобы яны приняли или вѣру яўрейскую, или турецкую магаметскую. Дакъ туракъ и сказаѣ яўрею:— „Я баюся старца; етытъ ста-

рицъ патріархъ. — Призваў іонъ патріарха етыга и сказаў яму: — „Прими ты вѣру или яўрейскую православную, или турецкую магаметанскую!..“ Патріархъ сказаў: — „Я вашій вѣры не хую и сваей не хвалю, а іось наша прувуслаўная вѣра.“ — Царъ замаўчаў, а яўрей дохтырь падбѣжаў, (а ў ихныхъ книгахъ іось — смертная выпить — и здраў будишь), даеъ на шасьць дней сроку: — „а на сядьмой явися са ўсѣми манахами на турецкій замкъ, и ли тебе састаўлю за шасьць дней стаканъ мѣду.“ — Приходить патріархъ су сваей братіей, гаворить имъ: — „сагласны вы са мною памареть: мнѣ выпить смертныи стаканъ, а васъ будутъ казнить, када вы ня будите сагласны у яўрейскую или у турецкую вѣру.“ — Сагласилися: рады пумареть усь, а на етымъ мы ни сагласны. — Вотъ и гаворить патріархъ: — „дакъ будьте гатовы: шесьць дней гавѣята, спавѣдуйтись, причищайтись!“ — Ане выпылили ета. Патріархъ рабѣу. Стаў на вутрени; яму явилась Божія Матирь и сказала яму: — „Ня бойся, старча: я табѣ ў помнчъ.“ — Тады іонъ сдрагнѣу и пу- висалѣу. На сядьмой день су усей сваею братією пашоу у турецкій замкъ. Турки пригутавали разныхъ мученііу: пикы и винжалы. Манахи атстались на дварѣ, а патріархъ приша у присутственныи турецкій домъ пришоу: стаить стакны на сталѣ пригутаваанныи съ ядымъ, яво турецкая присутствія садить у атдаленности, и усѣ роты пазакрывши, штобъ воздуху етыга ни набратца. Патріархъ три раза агрузилъ христомъ и на три сторныи пакланіўся, и свалилась ета пѣра са стакана далоу, ка- торая была верхъ стакана: спиртъ и вишнѣу, и панаваўся яму етнй злой сустаў луччій за сладкыга мѣду, и астанавилася ту- рецкая присутствія, усматринть, снора ли іонъ упадетъ. — Іонъ патребуваў вады принясти. Принясли яму вады. Царъ думаў, што яму сдѣлалась дурна. Патріархъ узяў, наліў вады у стаканъ и сказаў турецкому салтану: — „вы напу вѣру хулий прувуслаўную: выпіў я увесь азвительныи стаканъ; — прикажи вы яўрею хуть вадицы замѣсть етыга стакана выпить.“ — Яўрей ни хатить зъ етыга стакана вады пить. У турецкымъ присутствіи принудили выпить вады; выпіў вады яўрей, — нимедленно пубижаў у сваю хватуру, аттваріў двери, на парогы унаў. Турецкій султанъ садить долгыи время, ажидають яўрея док- тыра, што завѣу дѣла; манахи тожа ажидають ти суда, ти смерти. Пасылають винирала за етымъ яўреимъ: — „пади, штоби

іонъ сичасъ быу!..“ Винираѣ пашоу, приходитъ къ двирямъ,—
двери растворены, и іонъ ляжить — трябухъ лопнуу. Тада и
говорить царю: “— Бадай етыга жидюгу парвала яго усѣ луння!..“
Тада царь срабѣу и думау, што яму нужна пупрасить у па-
тріярха извиненія:— „Што ты атъ мине хатишъ за ету вину:
ти золыта, ти серибра, ай, ти дарагога камення?“— Ничаво ни
нада: у нашего Бога усяго многа...— „Падумай!..“— Вотъ што,
царь, штобъ вашимъ судомъ ни судить нашихъ прувуслаўныхъ
(у ихъ голыву далой).—Толька и выгрыу ета.

СКАЗКИ.

№ 1.

Ильля Мурамець.

Ильля Мурамець ляды пряталь и ў мора дубы брасаль. Гасподь яму сказаў: разсѣвай ляды!

№ 2.

Якъ Ильля Мурамець пубядіу Салаўя разбойника, Абжору, Альнадима.

Жіў пудъ Брянскимъ мужичекъ, и только радіўся у няво снѣтъ, врястили яво Ильлею. Росъ Ильля тридцать лѣтъ, нидвижимъ быў ни руками, ни нагами. Только атець яво сабраў талаку разсикать ляда, дубы—гатовіў іонъ ибѣдъ къ талакѣ; матъ нашла у чужой дворъ сабирать талаку, несть абѣдать. Заходить къ Ильлѣ у хату старичекъ.

— Здрастуйта вамъ!

Ильля атвичаить:

— „Здрастуйта, дѣдушка..!“

— Дай мнѣ, галубчикъ, напѣтка! нѣтъ ли чаво у васъ?—

— „Дѣдушка, я нидвижимъ ни руками, ни нагами. Іостъ жа у насъ квасокъ напѣтъ харошій.“—

— Абапрись руками: можить бытъ, прайдешъ.—

— „Нѣ, дѣдушка! тридцать лѣтъ ужъ я сѣжу.“—

— Можить, ты устанѣшъ! Абапрись, абапрись руками!—

Абперся Ильля руками и нагами и падаеть яму квасу кружку:

— Пей, дѣдушка!—

— „Папей ты, галубчикъ, самъ, Ильля!“—

Іонъ выніў кружку квасу етыва.

Спрашѣить старичекъ у в'Альлѣ:

— Якъ ты тяперъ чуѣствуишь, Ильля Мурамець, у сибѣ силу?

— „Госпади, еслибы Господь утвардіў стоўбъ у небу и землю, тобъ я мохъ матъ сыру землю пуварнуть уверьхъ нагами..!“

— Парни, Илья, ящо квасу кружку!—

Іонъ падаєть дѣдушки. Дѣдушка узяў:

— „На, пей палавину кружички!“—

Илья папіў палавину кружки.

— Какъ ты чувствуишь, Илья, силу?—

— „Госпади, палавину силы атбуло.“—

Ни стала старика въ избѣ. Приходитъ мать Илья съ дѣреўни и абрадавалася, што сынъ ходитъ, и спужалася:

— „Сыночикъ ты мой, хто тибѣ сздаў ноги и руки?“—

— Маминька, сздаў мнѣ Гаспотъ усѣ.—

Потѣмъ и гаворить:

— Ну, мать мая, я абѣдать самъ панясу своимъ рабочимъ къ атцу.—

Абчапіў ушаты вареўками:

— „Лей варива ета въ ушаты!“—

Налили варива. Падчапіў іонъ заборину падъ еты ушаты и узяў бачонныѣ пять ведиръ вотки, пять хлѣбыў,—узяў усѣ съ сабою, приносить на дубы, на ляда, къ имъ, паставіў за кустами шалашокъ, варива и вотку, и пашоў къ своимъ тудѣ, идѣ сакутъ, разчищають ляда.

— „Бохъ помачъ вамъ, атець!“—

Уси кликнули:

— „Благодаримъ пакорна, Илья!“—

— Ну, пайдѣмъ: я принесъ вамъ абѣдать, кушать и вотки.—

Приходятъ къ шалашу, стали вотку пить, стали закусывать.

— Ъсьтя, добрыя люди, и лажитесь атдыхать.—Пабѣдали и лягли атдыхать. Іонъ пашоў на работу: двадцать пять днѣсятинъ за два часа вырваў дубоў, паўкладаў усѣ ў Дясну, да павнасіў дубы. Приходитъ къ имъ ребятѣмъ:

— „Ну, уставайтъ, атець!“

Паатдыхнули, ўстали яны. Илья и гаворить:

— „Ну, атець, будить съ тебе етыва, што наработана.“

Глянули: чистая поля здѣлана. Пашли дамоў. Ради атець-мать, што сынъ ходитъ. Тада сынъ посылаить атца къ сасѣду. Дижала кобыла тридцать лѣтъ нагами нидвижна.

— „Купи ты ету кобыленку, батюшка!“

— На што ина табѣ, сынокъ?

А Илья зачастіў:

— Купи да и купи!

Пашоу батька къ сасѣду:

— Здрастуйтя вамъ!

— „Здрастуйтя!“

— Што, братъ, жива ли твоя кабыла?

— „Я хатѣу ужу убить яе даубиѣю!“

— Прадай ты мнѣ яе!

— „На што ина тябѣ, калѣка, спанаравились?“

— Ня мнѣ ина спанаравилась, а майму сыну Ильюхи.

— „Ну давай пятерку!“

Смѣхымъ сказау. Вынимають іонъ аму пятерку денныхъ и атдаеть аму на руки. Тада приходитъ дамоу:

— „Ну, сынокъ, купиу кабылу?“

— Купиу? Я самъ за ею пайду.

Приходитъ на домъ тѣй, идѣ кабыла. Сичасъ кругомъ яе абыйшоу:

— „Польна, кабылица, лижать—надо у бѣлый свѣтъ би-
жать!“

Кабылица сыкачила, зарзала; іонъ яе авуздау, приводитъ дамой:

— Атецъ, вы сказывали: кабыленка калѣка;—а вотъ ина, ина устала; я устау, и ина устала... Иди, кабылица, гулять у чиста поля, атпрауляйся!... Тада іонъ пашоу, справіу сабѣ луку и стрялу, справіу сабѣ багатырскыя сядло и привеу кабылицу съ поля, асидлау яе, садіуся на яе, брау сабѣ у руки стрялу, луку, падъизжау къ сваямъ радитилимъ, хадіу у хату, наліуся Богу и сказау:

— „Пращайтя, мае радитили: атецъ и мать!...“

— А куда жъ ты, сынокъ, дитя наша?

— „О я, атецъ и мать, вамъ ни кармилица! благословитя мне у бѣлый свѣтъ ѣхать—и прашантя!...“

Слышау іонъ на вописяхъ, Илья Мурамъ, што іостъ на Кривымъ лясу Салавей разбойникъ, — нѣту пропуску тамъ ни пашкомъ, ни на лошади,—нихто ни прахадіу мима яво близъ двинацать верстъ: свистымъ убивау Салавей,—за тымъ туды и пропуску ни было, ни ходу: боялись Салаѣя. Хатѣлась Ильѣ Мураму атвѣдать Сылаѣя, што за Салавей. Падъизжау къ Кривому лѣсу и спрашють, идѣ Салавей-разбойникъ живеть. Слышна, што у етымъ лясу живеть,—только нѣту ни ходу, ни

ѣду: убивають. И паѣхаў Ильля Мурамецъ ни путями, ни дорогами, а ѣхаў іонъ прѣма на яво, на Салаѣ-разбойника. Разбойникъ слышитъ: упратіўникъ ѣдитъ къ яму, и ударіў громкій свистъ, штобъ яво убить. Только яво лошадь дригнулась падъ имъ ать свисту. Падъѣзжають близка. Видитъ Салавей-разбойникъ, што ѣдитъ супратіўникъ близка, ударіў свистѣть ящо награмчѣй: лошадь Ильли пала падъ имъ на калѣнки. Іонъ падхватуі лошадь:

— „Ни рабѣй! Ни такъ ты свистишь, Салавей разбойникъ!...“ Сичасъ стральнуў, наведши лукъ, яво у глазъ ударіў, осадіў яго съ гнизда на 12 дубоў, — и сваіўся Салавей разбойникъ. Привизаў яго къ садлу живого, и паѣхаў іонъ у царскій домъ, къ царю.

У каралеўскымъ домѣ багатырей сборища.

Ѣдитъ іонъ. Глидять багатыри съ окна и удіўляютьца, какой багатырь ѣдитъ, Салаѣ разбойника вязеть.

— Уси багатыри, мы собраны, а хто жъ іостъ ящо багатырь па описи, какей багатырь пубадіў Ильлю Мурамца?

А сильный багатырь магучій гаворить у чуланчику:

— Што вы забыли пра Ильлю? Іонъ даўно ужъ нарадіўся, а ни чудіў ящо нейдѣ.

Близъ падъѣзжають варотамъ—навѣли багатыри доски чугуныя, кверху падняли: када плахой къ имъ падъѣдитъ—даска раздавить яму голову. Въѣзжаў Ильля у варота, и даска ударила яво па шляпи; на имъ шляпа чугунная—урида яму, галавѣ, ни дала. Ильля злѣзъ съ лошади, пустиў сваю кабылицу, и яво кабылица усихъ ламадей атагнала ать корму. Уходитъ Ильля у домъ. Багатыри гаворють:

— Екай навѣжа идеть: твая лошадь усихъ ламадей атагнала!

— „Здрастуйта жъ вамъ усимъ! нечива ссоритца! надвиньтиська, дайте мястечка!“

— Да, скажи пунраўди, хто ты такей преѣхаль: ты Мурамъ?

— „Станемъ зюкать, только дайте мястечка!... Чимъ хочишь, называють“...

— Идѣ стайшь, тамъ и сядь!...

— „Вотъ, ребяты, я іостъ Ильля Мурамъ! я ни хачу сидитца, идѣ стою—а надвиньтись, гаспада!“—Якъ падвинуў—

стина выскачила вонъ: каторыхъ пазадавіў, каторыя павн-
катылісь.

Абжора багатырь сядіў асабліва; іонъ три вёла зъідаў адінъ,
пять вушатыў нива выпываў. Гаворить Абжора:

— Ильля Мурамъ, падайди на мнѣ, пубратанімся, пур-
каймся!

Ильля падходить къ яму, у чуланчикъ, ня быў яму пакло-
нинъ, багатырю таму, называў яго Абжораю.

— „Абжора, што ты сядишь тутъ?“

— Што такая ета, Ильля Мурамъ, я упративинъ табѣ?
давай пубратанімся!

Ильля падаеъ яму руку; Абжора схватаў яво за руку ру-
ватца. Ни ўзлюбіў Ильля, што іонъ тиснить дужа,—свинувъ
сваю шляпу зъ галавы лѣвую рукою, ударіў Абжору: права-
тіўся Абжора скрозь стѣну. Далажили караю, што Ильля Му-
рамъ пріѣхаў, пабядіў богатырѣў, сильнага магучага багатыря
шляпню убіў. Кароль паслаў къ Ильлѣ людей, штобъ Ильля
прима на чести прішоў къ караю, на лицо. И узяў іонъ ат-
визаў ать сидла Салаўя-разбойника, засадіў яво за пазуху; ну,
приходить у каралеўскій домъ, здрастунтца съ каралемъ:

— „Здрастуй, кароль и каралеўна!..“

— „Здрастий, Ильля Мурамъ. Буды ты пріѣжаў у мой
домъ, якимъ путемъ ѣхаў на Кривой лѣсъ, ка мнѣ? — Якъ
тибе пранустиў Салавей разбойникъ?“

— „А што, вамъ хочитца разви Салаўя пувидать? Я мина
яво ѣхаў, пубядіў яво, нищ глазь выбіў. Дакъ во іонъ!..“

— Прикажи яму, Ильля Мурамъ, свиснуть, якъ іонъ сви-
ститъ!..

— „Нѣтъ, вы ни утравантца ать яво свисту! Дайтца мнѣ
вы, кароль и каралеўна, свае голывы падъ пахи: а то плоха
вамъ будить!“

Узяў голывы карали и каралевы падъ пахи и приказаў
Салаўю самымъ малымъ свисткомъ сыйграть. Салавей якъ сви-
снуў, паталокъ ать свисту разламіўся и крыша звалідась.
Тада Ильля Мурамъ асирчаў на яво, узяў шаблю, пурубіў Са-
лаўя на мелкія штуки. Тада узяў крошичку парубеиши и ду-
ветъ на крошичку—салавейкый та крошичка и палятитъ, са-
лаўеиъ, а кажный салавейка съ крошичку, а, якъ чокнитъ.
аглушантъ — и пустиў ихъ усихъ у свѣтъ. Тада атправіўся

Ильля Мурамъ караля искать сабѣ супратіўника. Паѣхаў у Кііў, у ту сторону, идѣ, па слыхамъ, живеть Алькадимъ багатырь Низрацій, сильный, магучій. Ильля искаў яго па лѣсу: іонъ, Алькадимъ, жиў у ясу. Алькадиму снилась всѣ нѣшта, што атъ Ильли іонъ памреть. Тольки наніў іонъ загади сабѣ гробъ дѣлатъ. Ильля ѣдить по лѣсу, слышитъ бальной стукать, при-изжаить: дѣлають гробъ робяты.

— „Богъ помачъ, робяты!..“

— Благодаримъ пакорна, добрый чилавѣкъ!..

— „На каво дѣлаиця дамавину?“

— На багатыря Алькадима.

— „Но вотъ же я самъ яво ищу, идѣ іонъ находитца, на якимъ путю“.

— „Што жъ вы такъ зажива гробъ дѣлаиця няѣмер-выму?“

— Яму у ва сняхъ сказана атъ Ильли Мурамца пунирать—такъ іонъ загади и заказаў.

— „Дѣлаиць жъ паскарѣй, гаспада: самъ я Ильля Мурамецъ, ѣду къ яму у гости.“

— Паизжайця етнй трапой: прамя къ яму у гости и преѣдита!

Домъ агромный запертъ накрѣпка завалами: нильзя къ яму надыйтить. Ильля, ни на шта ни ўпываўши, пачаў двери разбивать, выпсѣткимъ разламаў семира дварей.

— „Здрастуй, багатырь Алькадимъ!..“

— Здрастуй!.. Кто ты такой іось?

— „Ильля Мурамъ.“

— А Ильля Мурамъ!.. Хади парубаимся!

Падаваў Ильля Мурамъ правую руку. Пажаў Алькадимъ крѣпка. Ильля Мурамъ ни ўзлюбилъ: браў лѣвый рукой свад шляпу и біў багатыря Алькадима—придаў яво смерти. Алькадимъ кончѣиу жисть, а Ильля паѣхнў у смерть искать Бохъ знаять чаво.

№ 3.

Багатырь Димьянъ Ельнинскаго уѣзда Канопльской волости.

За Ельнею, въ Канопльской волости, мужики служили багатырю Димьяну. Іонъ лубья драў, мачалы мачіў. Разъ Димь-

ягъ валакеть лубья на тотъ боѣхъ ряки; идуть салдаты:— „Ти пувалакешъ ты насъ?“— Іонъ пувалокъ ихъ, пувалокъ и лубья.— „Што тебе за ета?—спрашіить царь.—А што аббѣгу за динь, та зимля мая.—Што за день аббѣгъ Димьянъ, то и стала яго зимлей, стала зимля та называтца Дѣменьщина, Канопльскій Приказъ.

№ 4.

Дѣма, быгатырь Спаса-Деминснага приходу.

У Спаса-Деминскимъ приходи были бальшея ласы, и жиу тамъ Дѣма. Пашоу іонъ лубья драть, штобъ накрыть гумно. Надрау іонъ длиннага лубья, што теризъ крышу хватала, валокъ іонъ яго на сибѣ. Даганяить памѣщикъ шестирикомъ Дѣму, на кучира гаворить:

— „Узганай на лубки!..“

Узагналь. Дѣма валакеть шистярикъ лашадей и лубки. Тады баринъ гаворить на кучира:

— „Зварачивай далой!..“

Кучиръ зваратиу, да и подличъ яво заѣхау.

— „Здрастуй, мужичекъ!“

— „Здрастуй, баринъ!“

— „Куды ты лубья валакешъ?“

— „Накрыть гумно, баринъ!“

— „Яно жъ длинна.“

— „Я хачу, штобъ тиризъ усѣ гумнохватила.

— „Чимъ тебе завуть?“

— „Дѣмью.

— „Якой дярѣуни?“

(Такей-та).

— „Якога пана?“

(Такого-та).

Паѣхау баринъ. Аписау потѣмъ царю, што іостъ у такова-та памѣщика мужикъ Дѣма, сильный магучій багатырь.

— „Самъ я узнау, што іонъ силянъ дужа: на плачи несѣ десять лубкоу аршинъ на тридцать и шистярикъ мой везѣ лашадей съ акинажымъ.“

Патребувау гасударъ яво, жива, къ сабѣ. Даставили Дѣму къ царю. Явиуся къ царю. Царь спрашиваить у яво:

— „Будишь-ли жить у мене? Ты, Дема, живи у мене, будь ты мнѣ защитникомъ нашоѣ войски!“

Іонъ астаѣся у царя. Радъ старатца Дѣма, но живетъ у асобенный комнаты, мала харчу патреблять Дема—скучать Дема. Гасударъ велитъ послушать, ты ня думаетъ іонъ абъ чомъ. Падъ двярьми слушали пасланныки. Слушаютъ, а Дема разгавариваетъ самъ собѣ:

— Если бъ Дѣма да быў ба дома, дакъ яво бъ картошки надивили бъ, и харашо бъ была!..

Разъ послушали гавѣрки яво, царю далажили, и два паслушали, ужъ и три раза слыхали яво рѣчь—адна гаворекъ.

Дакладають царю, што Дема гаворить. Три раза паслухивали падъ двярьми падъ комнатами, што гаворить усе адно:

— „Быў ба дома, да падъ авиннымъ, да ѣў ба картошки!“

Требуютъ Дѣму на лицо къ сабѣ.

— „Ну, Дема, абъ чомъ ты скучаешь?“

— Ваша амператарства, быў ба я дома, да покъ ба картошки у падавини—была бъ харашо!..

— „Ну што жъ, ты дамой хатишь, Дема?“

— Хачу, ваша амператарства.

— „Што жъ, ты мяне паслушайшь на помачъ, если у мене няустойка будить?“

— Паслушаю усигда васъ.

— „Што жъ табѣ палажить за ета?“

— Пожалуйтя мнѣ землю и лѣсъ: свая будить у мене земля и лѣсъ.

— „Вотъ какъ я тебе пожалую: сколько абайдѣшь за днѣ казенную пушу, то и тваѣ.“

— Многа доволенъ етымъ.

Атпавіўся Дема дамой, дали яму расписанія: Павелъ Дема зачуруить, абайдетъ, патѣль яво владѣнія. За имъ были сладитили, царскіи давѣреннии. Абхада, іонъ выдѣргиваў дрови съ карянемъ, ламаў макуши и убиваў на складахъ свани. Абайшоу іонъ Деминыщину, Спасъ-Деменскій приходъ и зачуруваў: вырваў древа съ карянемъ и паставіў яго вверху карянемъ.

№ 5.

**Абъ рыбы-билакрылки и трехъ багатыряхъ: царицынымъ, нароуимъ и служебнымъ сынаѹхъ. Якъ багатыри Са-
лаѹ-разбойника пубядили и яго семейства.**

Въ нѣкатарымъ царстви, въ нѣкатарымъ гасударстви, а ня
иминна ў томъ, въ каторымъ мы живемъ, жила-была царица. И
пахатѣлася ей радить. Скольки ина на дидяхъ, на бабкахъ ни
хадила, нѣтъ ей пользы ни ў чомъ; саснѹся ей сонъ:— „Ты
паймай рыбку-билакрылку и сжарь, то родишь сабѣ сына!..“
Ина на заўтрига вѣлѣла паймать рыбку-билакрылку и сжарить.—
Слуги паймали рыбку-билакрылку и атдали служебнѣ сжарить.
Ина, сжарѹши, карови атдала памыйки, а сама сѣла кры-
лушка, а царицы атдала усю зѣсть, и забременили яны уси
три: царица, служебка и карова; на сыну радили. Вотъ яны
рость, да ростъ, ни на часахъ, а на минутахъ. Скорѣ то сказка
важитца, да ня скорѣ дѣлаитца. И выросли яны большея, и
прасили яны у матери сваей благославитца:— „Ахъ, матушки,
вы, наши, багаславия вы насъ у чужей царства идить паваю-
ватца!..“ А имъ жалка було растратца са свайми сынами, жалка
ихъ была атпустить.— „Нѣтъ, матушки, багаславия!..“ Якъ
ни жалка було имъ сынавей свайхъ атпустить у чужей царства
пувуватца, яны ихъ багаславили. Яны и пашли на дароги,
а съ сабою узали каня, хартѣ и сокала. Ишли яны день и
другой, а на третій пришли ў лѣсъ; тамъ стыать трехъатаж-
ныя харомы. И зайшли яны ў тѣ харомы, пить, да гулять цѣ-
лый день, а яны щитались родныя братья: царскій сынъ боль-
шій братъ, служебкынъ сынъ сяредній братъ, а каровинъ сынъ
меншій братъ.—День праходить, и ночъ приходить: нада мен-
шому брату идить на службу... Узяѹ каня, хорта и сокыла, и
пашоѹ, сѣѹ падъ мость. Ъдитъ Чуда-Юда на трехъ галавахъ:
конь зарзаѹ, хортъ завнѹ, а сокыль зазыаѹ. Вотъ Чуда-Юда и
говорить:— „Ты, лашадинныя мяса, чаво ты зарзаѹ? — А ты, песья
мяса, чаво завнѹ? — А ты, истрябинныя мяса, чаво зазыаѹ? — Ну,
я ў етымъ царстви никога ни баюсъ, толька баюсъ аднаго ка-
роѹига сына, а яго сюда ворынъ кастей ни занясетъ.“ — Ня во-
рынъ восты заносить, самъ добрый молыдицъ заходить! — А
Чуда-Юда говорить:— „А, ты тутъ?“ — А каровій сынъ гаво-

рять:— „Тутъ!„ — А Чуда-Юда гаворить:— „Када ты тутъ, то давай поля чинить!..“ Вотъ яны чинили, чинили: каровій сынъ падкачѣнтца гарохывымъ зарномъ, якъ ударить булатнымъ нажомъ,—три галавы зняў. Тады на галавахъ на записчыкы напасаў и ў сваё царства кинуў ў варага:— „Ахъ, матушка моя, служыця малебны, какъ ваши дѣти ваюўца!..“ И матери служили малебны абъ свайхъ дѣтахъ. А братыя кароўига сына етыга ни знають; какъ меншій братъ ваюўца, яны пьють, да гуляють. День праходить, ночъ приходить: нада сяредину брату убиратца на службу; а братыя ета ничаво ни знають, пьють, да гуляють; а меншій братъ и гаворить:— „Ахъ, рибаты, дѣвица пей да гуляй, а дѣльца помни: пара катораму нибудь на службу убиратца!“—А большій братъ гаворить:— „Меншій братъ схадиў, а таперъ сяредину идить.“—А сяредній братъ гаворить на меншига брата:— „Ты схадиў, братъ, за сябе на карауль падъ мостъ, то схади и за мяне!..“ Меншій братъ, ни гаваря имъ ни слова, вылизанть изъ-за стада, бяреть каня, бяреть хорта, бяреть сокыла и сѣў падъ Чудинь-Юдинъ мостъ. Якъ ѣдить Чуда-Юда на шасці галавахъ: конь зарзаў, сабака завуў, а сокылъ зазыў. Чуда-Юда и гаворить:— „Ты, лападинныя сѣмя, чаго зарзаў?—Ты, песья мяса, чаго завуў?—А ты, истрябинныя перья, чаго зазыў?—Я ў етымъ царствіи никаво ни баюсь, только апасаюсь кароўига сына,—яго суда ворынъ касті ни занясць!“—Каровій сынъ выходить и гаворить:— „Ня ворынъ кости заносить, а самъ добрый молюдиць заходить.“—А Чуда-Юда гаворить:— „А ,ты тутъ?“—Тутъ.— „Ну, давай поля чинить!“—Вотъ яны чинили, чинили: каровій сынъ падкотитца гарохывымъ зарномъ, якъ ударить булатнымъ нажомъ, три галавы сняў; ящо чинили, чинили: каровій сынъ якъ падкотитца гарохывымъ зарномъ, якъ ударіў булатнымъ нажомъ, ящо три галавы зняў. Тада падписачки падписаў и ў сваё царства у варты укынуў:— „Ахъ, матушка, служыця малебны, якъ ваши дѣти ваюўца!“—Пашоў къ сваймъ братыямъ, а яны етыга ничога ни знають, пьють да гуляють. День праходить, ночъ приходить: нада большиму брату идить на службу. Меншій братъ гаворить:— „Дѣвица гуляй, а дѣльца помни!.. Пара табѣ большій братъ на службу идить!“—А большій братъ и гаворить:— „Схадиў ты, братъ, за сярединга брата, схади и за мяне!..“ Ну, ладна!—

Съ такимъ условіемъ я найду, братъ, за тебе: пастаўлю вамъ три кубки;—калі еты кубки спалиѣють, тады прихадитя ка мнѣ на падмогу.“—Вотъ меншій братъ пашоў, узяў бана, узяў хорта и сокыла, и сѣў падъ Чудинъ-Юдинъ мостъ. Якъ ѣдить Чуда-Юда на двинацати галавахъ: конь зарзаў, хортъ завьў, а сокылъ зазьяў.—„Ты, лашадиныя сѣмя, чаго зарзаў?—А ты, песья мяса, чаго завьў?—А ты, истрибинныя перья, чаго зазьяў?—Я ў етымъ царствіи нікога ні баюсь, а апасаюсь аднаго кароўига сына, да яго сюда ворынъ касті ні занясётъ.“—А каровій сынъ выходить и гаворить:—„Ня ворынъ бости заносить,—самъ добрый молыдиць заходить!“—А, ты тутъ?—„Тутъ!“—Чуда-Юда гаворить:—„Дуй на двинацать верстъ, штобъ быў сярэбринный мостъ, а на бакахъ сярэбринныя квѣтачки!“—Каровій сынъ якъ дунуў, сдѣлаў сярэбринный мостъ на двинацать верстъ и квѣтачки на імъ паставіў; а Чуда-Юда якъ дунуў, на двинацать верстъ сдѣлаў сярэбринный мостъ, а квѣтачки ні паставіў.—Тада каровій сынъ увазнаў, што яго братъ спятъ, и гаворить:—„Чуда-Юда!—Кошка мышку валочить—и то даеъ атъ трехъ разъ атдышку.“—Чуда-Юда на ета сагласіўся. Патомъ каровій сынъ и гаворить:—„Ну, давай поля чинить!“—Ну, давай!—Чинили, чинили: убиваить Чуда-Юда кароўига сына па забарстенъ у землю.—„Ахъ, Чуда-Юда! Кошка мышку валочить, и то атдышку даеъ: пара атдышку даеъ!“—Чуда-Юда заваліўся, пѣсинки напиваить, а каровій сынъ якъ дунуў, такъ па столь сняў харомы, идѣ яго братъ были, патомъ на Чуду-Юду гаворить:—„Ну, давай іпять поля чинить!“—А Чуда-Юда гаворить:—„А давай!“—Чинили, чинили; убиваить іонъ кароўига сына па калѣни ў землю. Каровій сынъ іпять гаворить:—„Ахъ, Чуда-Юда!—Кошка мышку валочить, а ўсѣ атдышку даеъ: пара атдышку даеъ!“—Вотъ Чуда-Юда заваліўся и пѣсинку залѣў, а каровій сынъ па калѣни ў зямлі, и яго аткапываить конь, хортъ и сокылъ: тады якъ дунуў іонъ у трубачку, такъ верхъ сняў харомъ, идѣ яго братъ спали, а яны ўсѣ спятъ. Патомъ каровій сынъ гаворить:—„Ну, давай поля чинить!“—Давай!—Чинили, чинили, убиваить Чуда-Юда кароўига сына па поісь у землю. Патомъ іонъ и гаворить:—„Ахъ, Чуда-Юда! Кошка мышку валочить,—и то атдышку даеъ: пара атдышку даеъ, у трубачку затрубить, атца зъ матушкыю пумануть: вѣрна мнѣ тутъ пуми-

раты! — А Чуда-Юда гаворить: — „А вѣрна тутъ пужирать!“ —
 Патомъ Чуда-Юда заваляся и пѣсинки пупивантъ, а кароѹнга
 сына конь аткапывантъ, хортъ аткапывантъ и сокылъ аткапывантъ.
 Тады каровій сынъ якъ дунуѹ у трубычку, такъ па
 вокны снаѹ харомы, идѣ яго братья спали. Тады братья
 прашнулись и пашли къ свайму брату на надмогу. Тада давай
 поля чинить: чинили, чинили; выбили брата сваяго изъ зямли.
 Тады ящо чинили, чинили; каровій сынъ какъ падкотитца гаро-
 хывымъ зарномъ, якъ ударить булатнымъ нажомъ, — три га-
 лавы снаѹ. Ящо чинили, чинили: якъ падкотитца гарохавымъ
 зарномъ, ящо три галавы снаѹ; ящо чинили, чинили; каровій
 сынъ ящо три галавы снаѹ; ящо чинили, чинили; каровій сынъ,
 какъ падкотитца гарохывымъ зарномъ, якъ ударѹ булатнымъ
 нажомъ, — ящо три галавы снаѹ. Патомъ надписачки надписаѹ
 и гаворить: — „Ну, братья мае, скатитя ета тулава ў мора, а
 голавы у сваѣ царства укынѣта, у вароты!..“ А братья ета ни
 могуць изъ мѣста патронуть. Тады каровій сынъ и гаворить: —
 „Ахъ, братцы, вы, мае, какая у васъ сила?!“ Якъ катнуѹ
 іонъ выпитымъ, такъ ета тулавища у мора пакатилась, а го-
 лавы укинуѹ у сваѣ царства, у вароты: — „Матушки, служити
 малебны, якъ ваши дѣти ваюютца!..“ Тады гаворить каровій
 сынъ: — „Слушали царскага сына, — ну, таперъ слушайта мяне!.. —
 Ну, вы, братцы, идитя па дароги, а я скинуся мухыю и па-
 лячу на Чудинъ-Юдинъ дворъ, и паслухаю, што Чудины-Юдины
 сестры гаворють!..“ Сѣѹ на вакнѣ, а яны сѣли на печки, вѣ-
 дѹчу сабраўши, и гаворють. Первая гаворить: — „Я скинуся
 садамы, а ў саду ябланкою; каровій сынъ будить суда идить, —
 захатятъ яны ѣсть, на ябланки будить висѣть яблочка, ста-
 нутъ яны ѣсть, — то я ихъ и паѣмъ.“ — Другая гаворить: — „Я
 буду ў саду калодисъ: якъ нагнутца пить, то я ихъ и па-
 ѣмъ.“ — Третія гаворить: — „Я буду ў саду каравать: якъ за-
 хочутъ яны спать, ляжуть на ету каравать, то я ихъ и па-
 ѣмъ.“ — А карова-гадина гаворить: — „У мене адинъ грибъ да
 неба, а другой да зямли: такъ я наскочу, аднаго схвачу сѣмъ, —
 схажу ў мора напьюсь, и за другимъ приду, — такъ усихъ ихъ
 и паглатаю. Тада адна увидила яго на вакнѣ и гаворить: —
 „Вонъ іонъ, каровій сынъ на вакнѣ сядить мухыю!..“ Патомъ
 ина схватила кирпичину и бросила ў яво и чуть-чуть да ни
 пупала: такъ іонъ и палатѹ къ сваймъ братьямъ. Тада яны

и пашли; даходють яны да саду, и захатѣлись имъ ѣсть. Висѣть на яблани яблочки; яны и гаворють:— „Ахъ, братцы, давайта мы эта яблочка зѣдимъ!..“ А каровій сынъ и гаворить:— „Пазвольта, братцы, перва инѣ зѣсть!..“ А братьята гаворють:— „А изволь, сѣѣшы!..“ Вотъ каровій сынъ какъ выну свой булатный ножъ, какъ ризануу,— кроу и пабѣгла. Патомъ и гаворить:— „Ну, ѣсьта, братцы!..“—Нѣтъ, мы на хочимъ.—Яны и гаворють:— „Ну, пайдѣмъ!“—Ишли яны, ишли, и захатѣлись имъ пить. Станть у саду калодисъ; яны и гаворють:— „Ну, братцы, давайта мы напѣмса!..“ А каровій сынъ гаворить:— „Пазвольта мнѣ напѣмса!“—А яны гаворють:— „А пей!“—А іонъ какъ выну свой булатный ножъ, якъ ризануу,—кроу и пабѣгла.— „Пейта, братцы!“—Не, на будимъ!..—Ишли яны, ишли, захатѣлась имъ спать; пасмотрють: у саду станть каравать. Яны и гаворють:— „Ахъ, братцы, давайта-ка паспимъ!“—А каровій сынъ гаворить:— „Пазвольта, братцы, упаредъ мнѣ лечъ!“—А изволь!—Вотъ іонъ якъ выну свой булатный ножъ, какъ ризануу на етый каравати: кроу и пубижала.— „Ну, братцы, лажитесь!“—Не, на хочимъ!—Ишли яны, ишли, даганяить ихъ карова-гадина: адинъ грибъ да неба, а другой да земли; царскага сына ухватила, пашла у моря, напилась. Ипять прибѣгла карова-гадина, схватила служебина сына, пашла у моря и напилась. И ипять даганяить кароўига сына. Патомъ дабигаить каровій сынъ у кузницу, а тамъ Кузьма-Димьянъ куеть въ двинацать малатоу и кузинъ: вотъ іонъ и гаворить:— „Ахъ, Кузьма-Димьянъ, ни дай кароўигу сыну пагибнуть!..“ Ускачѣу каровій сынъ у кузницу, Кузьма-Димьянъ затварѣу за имъ двери. Наскакиваить карова-гадина и гаворить:— „Ахъ, Кузьма-Димьянъ, атдай мнѣ кароўига сына, а то я тебе сѣмъ!“—А Кузьма-Димьянъ и гаворить:— „пралжи стану ать трѣхъ разъ,—то я табѣ кароўига сына пасажу на языкъ!..“ Вотъ ина разъ лизнула, другой лизнула, третій лизнула и прализала стану:— „Ну сяди мнѣ на языкъ кароўига сына!“ и выставила языкъ. Тада Кузьма-Димьянъ узяу яе клищами за языкъ и давай бить у двинацать молытыу; били, били яе, тада гаворють:— „Кархай служебиныга сына!..“ Патомъ били, били:— „Кархай царскага сына!“—Выхаркнула. Тады били, били и забили, и вывалакли на поля. Каровій сынъ спатрашѣу яе изъѣу. Въ сяредку при-

лятѣу воранъ:— „Кроу, кроу!“—А каровій сынъ схватиу етига ворана.— „Ахъ, каровій сынъ, ни сиротъ маихъ дятей: што табѣ угодна, я пристаю!..“ А каровій сынъ гаворить:— „Пристау мнѣ живей и мертвей вады!..“ А ворныъ гаворить:— „Ну, падвѣжи мнѣ падъ крылья пузурьки!“ Каровій сынъ падвѣзау пузурьки и гаворить:— „Атдай мнѣ свайго вараненка падъ заставу!“—Ворныъ атдау свайго вараненка, а самъ палѣтѣу, дастау вады живей и мертвей: приносить кароуиму сину. Каровій сынъ придрау вараненка на двѣ части, мертвую вадою линуу,—абыртвиу; живую вадою линуу,—аживиу.—Тадионъ свайхъ братѣтиу мертвую вадою линуу,—абыртвиу; живую линуу,—аживиу. Вотъ яны пашли на дароги къ сваймъ матерямъ жить. Сказка ўся,—и далій казать нильзя. Я тамъ быу, медъ-вино піу, на губамъ тѣкло, а ў ротъ ни пупала.

№ 6.

Сельцо Киселевка, Смоленскаго ўѣзда.

Сказка абъ Ивани Кабыльимъ сыни.

(Иванъ Кабыльій сынъ на палавину лопать, на палавину члавѣкъ).

Дубина. Гарныя. Салныя. Иванъ Кабыльинъ сынъ пубкадаить Чуду-Юду ибъ 3, 6, 9 и 12 галавахъ, идеть у падземный міръ на злѣзныи цапи, ищить Бабу-Ягу съ помашу трехъ дѣвушикъ. Каждая дѣвушка кросны ткеть: якъ махнеть чиунакомъ, выскачить салдаты съ тисакомъ. Баба Ига спить на Сіянскей гарѣ, абашылъ яе двѣ бочки вина.

Жиу-быу мужикъ, було у яго семь сынавей. У етива мужика была кабыла. Кабыла жирибила мужуку семь жирибцоу. Аднажды пришли къ яму сыны и гаворють: „Кабыла ужъ старилась,—пускай ана атдыхаить, а жирибаты будутъ служить за яе.“—Мужикъ сагласіўся. Пастроили яны ей такой хлѣбъ, штоба туды ни прахадіу свѣтъ. Чиризъ нѣскалька ўремя кабыла жирибила жирибенка, на палавину члавѣка, на палавину лошади. Жирибеныкъ падрость, жирибеныкъ на кабылу гаворить:— „Какъ ба мнѣ прабератца на свѣтъ Божій!“—Стань на мою спину, прадиари крышу и увидишь свѣтъ.“—Прадрау крышу жирибеныкъ и пашоу, куды глаза глядять. Идеть Иванъ Ка-

былинъ сынъ и видить, што багатырь Салыня варочить дивитириковыя камення. Падходить іонъ и гаворить:— „Харашо варочіишъ, да ня дужа!“—Салыня бросіў варочить дивитириковыя камення, гаворить:— „А, здароў, Иванъ Кабылинъ сынъ, куда идешъ?“—Иду, куды глаза глядять.— „Вазьми и мяне съ сабою.“—Пайдемъ. Ишли, ишли, видють: у ласу чилавѣкъ вырвить дубъ изъ зямли и бросить яво на паляну. Кабылинъ сынъ гаворить:— „Харашо кидаишъ, да ня дужа!—Бросіў Дубина ирвать дубы, падходить къ яму и гаворить:— „Здрастуй, Иванъ Кабылинъ сынъ, куды ты идешъ?—Иду я, куды глаза глядять.— „Вазьми мяне съ сабою?“—Пайдемъ.—Ишли яны, ишли, видють: чилавѣкъ капаить горы,—вазьметь гару, да за 'болыки и закинить. Кабылинъ сынъ гаворить:— „Харашо ты брасаишъ, ды ня дужа!“—Падходить Гарыня къ Ивану Кабылину сыну:— „Здрастуй, Кабылинъ сынъ, куда идешъ?“—Иду я, куды глаза глядять.— „Вазьми и мяне съ сабою?“—Пайдемъ.—Приходють яны ў лѣсъ; стаить тамъ избушка на куриныхъ ножкахъ, на бараннихъ рожахъ. Гаворить Иванъ Кабылинъ сынъ:— „Ну, рибяты, будимъ мы тутъ атдыхать.“ — Стали яны ў етнй избушкѣ жить. На другой день Иванъ Кабылинъ сынъ гаворить:— „Ну, Салыня, ты сянини аставайся тутъ гатувать абѣдъ, а мы утраѣмъ пайдемъ на ахоту.“—Пашли яны на ахоту, а Салыня стаў гатувать абѣдъ. Только што пригатовіў іонъ абѣдъ, лехъ на лавычку и заиграў у дудычки,—прилитайт Баба-Ига (ета яе была избушка):— „Ти пѣкь кашу, ты варіў блины?“—Пѣкь кашу, варіў блины, ды ни табѣ ѣсь.—Ина яго схватила, падъ лаўку падлажила, камнимъ наваратила, сѣла, блины и кашу паѣла, и сама палятѣла. Вылизъ Салыня изъ-падъ лаўки, паклаў дроў знова, затапіў; ища и дровы ни разгарѣлись харашо,—приходють яны ужу съ ахоты:— „Э, братъ, ня скоро жъ ты паварачиваеся!“—Ахъ, братцы, ета мнѣ паниздаровилась,—А етыва іонъ и ня хочить сказать, што сдѣлала съ имъ Баба-Ига: стыдна було.—Иванъ Кабылинъ сынъ гаворить:— „Ну, братцы, ета случантца!“—Гуляли яны да вечпра,—пара идить каму-нибудь на старожу. Пасылаить Иванъ Кабылинъ сынъ Салыню. Салыня пашоў, легъ и заснуў на старожи. Иванъ Кабылинъ сынъ ета знаў. Пашоў и стаў самъ на старожу. У самую поўнычъ ѣдить Чуда-Юда на трехъ галавахъ. Коць яво зарзаў, сокылъ зазяў, сабака завыў.— „Ты, лаша-

диння сѣмя, чаво зарзау?—А ты, истрябиння перья, чаво зазяу?—А ты, песься мяса, чаво завну?—Я нікога ні баюся,—баюся толька аднаго Івана Кабылінна сына,—ды яво суда ворынѣ касті ні занясеть.“—Кабылінъ сынъ вышіу і гаворыт:—„Ня ворынѣ кости заносить, самъ добрый молыдицъ заходить.“—А када ты тутъ, дуй поля!—„Нѣтъ, Чуда-Юда, дуй ты.“—Чуда-Юда дунуу: вымистіу мостъ на двинадцять верстъ, а вѣтычикъ ні паставіу. Кабылінъ сынъ дунуу—вымистіу сярэбринный мостъ на двинадцать верстъ, а на бакамъ сярэбринныя вѣтычкі. Сталі яны ваюватъ: Іванъ Кабылінъ сынъ Чуда-Юди атрубіу тры галавы і бросіу у ряку. Пришоу дамой і легъ спатъ. На другой день аставілі Гарыню гатуватъ абѣдъ, а самі пашлі на ахоту. Гарыня сгатувау абѣдъ, легъ на лаўку і заиграу у дудычкі. Прылитаѣ Баба-Ига:—„Ти пѣкъ кашу, ти варіу блины?“—Пѣкъ кашу, варіу блины, ды ні табѣ ѣсь.—Іна яго схватила, падъ лаўку падлажила. каминимъ наваратила. блины і кашу наѣла і сама палатѣла. Вылизъ Гарыня нѣпадъ камня, налажіу дроу; толька што затапіу печку, приходъ яны съ ахоты:—„Эй, братъ, ня скоро жа ты пуварачиваеся!“—Ахъ, братцы, паниздаровились мнѣ.—„Ну ета случайтца.“ Гулялі яны да вечіра,—нужна ужу Гарыни ідтѣ на старожу. Пашоу іонъ на старожу, легъ і заснуу. Іванъ Кабылінъ сынъ знау, што будить,—пашоу на старожу самъ. У самую полночь ѣдить Чуда-Юда на шасті галавахъ. Конь яго зарзау, сокылъ зазяу, сабака завну.—„Ты, лашадиння сѣмя, чаво зарзау?—А ты, песься мяса, чаво завну?—А ты, истрябиння перья, чаво зазяу?—Я у етымъ царствіи нікога ні баюся, а толька баюся аднаго Івана Кабыліна сына, ды яво суда ворынѣ касті ні занясеть.“—Выходить Кабылінъ сынъ:—„Ахъ, ты, Чуда-Юда! Ня ворынѣ кости заносить,—самъ добрый молыдицъ заходить!“—Ну, када ты тутъ, выхаді!—Дуй сичасъ поля!—„Нѣтъ, дуй ты.“—Чуда-Юда дунуу і вымистіу сярэбринный мостъ на двинадцять верстъ, а вѣтычикъ ні паставіу. Іванъ Кабылінъ сынъ дунуу і вымистіу сярэбринный мостъ на двинадцять верстъ, а пу бакамъ сярэбринныя вѣтычкі. Сталі яны битца. Кабылінъ сынъ атрубіу Чуда-Юди шестъ галоу і бросіу у ряку, а самъ пашоу дамой. Утрынѣ аставілі гатуватъ абѣдъ Дубіну, а самі пашлі на ахоту. Дубіна сгатувау абѣдъ, легъ на лаўку і заиграу у дудычку. Лятѣтѣ

Баба-Ига:— „Ти пѣкъ кашу, ти варію блины?“—Пѣкъ кашу, варію блины, да ни табѣ ѣсь.—Ина яво схватила, падѣ лаўку падлажила, каминиѣ наваратила; сама ина сѣла, блины и кашу паѣла и улятѣла. Вылизѣ Дубина изъ-падѣ лаўки, навлаў дроў. а аны ужю пришли сѣ ахоты:— „Эге, братъ, што такъ на скоро пувурачиваньсѣ?“—Ахъ, братцы, пализдаровились!—А признатца ня хочиѣ, што сѣѣлала Баба-Ига. Гуляли яны да вечера.—Нада Дубини атираўлятца на старожу. Дубина пашоў и заснуў на старожи. А Иванъ Кабылины сынъ знатѣ, што случитца: пашоў и сѣў самъ на старожу. У самую поўничѣ ѣдѣтъ Чуда-Юда абѣ дивяти галавахъ. Конь яво зарзаў, собыѣ зазыаў, сабака завнуў.— „Ты, лападинныя сѣмя, чаго зарзаў?“—А ты, истрабинныя перья, чаго зазыаў?“—А ты, песься мяса, чаго завнуў?“—Я никога ни баюся ў етнѣ царстви, — баюся толька Ивана Кабылины сына, ды яго суда ворныѣ касты ни занасѣтъ!“—Вышю Иванъ Кабылины сынъ: — „Ня ворныѣ кости заносиѣ, а самъ добрый молюдицѣ заходиѣ.“—Ну, када ты тутъ, то выходи!—Дуй снѣчасѣ поля!— „Нѣтъ, Чуда, дуй упаредѣ ты!“—Чуда-Юда дунуў и вымастиў сярэбрыны мостъ на 12 верстѣ, а вѣтычѣкѣ ни паставіў. А Иванъ Кабылины сынъ дунуў, вымастиў сярэбрыны мостъ на 12 верстѣ, а па бакамъ сярэбрыныя вѣтычѣкѣ. Стали яны битца. Кабылины сынъ атрубіў Чуди-Юди девѣтъ галоў и убросіў у рѣку, а самъ пашоў дамой. Вутрыѣ пашли уси на ахоту, а Иванъ Кабылины сынъ астаўся гатуватѣ абѣдѣ. Пригатуваў абѣдѣ, легъ на лавычку и зайграў у дуднычѣкѣ. Прилѣтали Баба-Ига:— „Ти пѣкъ кашу, ти варію блины?“—Пѣкъ кашу, варію блины, ды ни табѣ ѣсь!—Ана хатѣла лѣзѣ у печку, а іонъ яе схватиў, біў, біў, біў, біў, ажну ина и кричатѣ пиристалала. Тады іонъ яе узяў и закинуў. Пришли яны сѣ ахоты, паѣдѣли. Гуляли яны да вечера, —пара ужю идѣтъ Кабылиному сыну на старожу, іонъ гаворѣтъ на етнѣхъ рѣбятѣ:— „Ну, рѣбятѣ, вы снѣны ня спѣтъ, —вотъ вамъ калода картѣ, гуляйтѣ; вотъ вамъ залатая чарка: када будѣтъ у ей кроў, то ка мнѣ на падогу паспишайтѣ!“—Пашоў іонъ на старожу и сѣў. У самую поўничѣ ѣдѣтъ Чуда-Юда абѣ 12-ти галавахъ. Конь яво зарзаў, собыѣ зазыаў, сабака завнуў.— „Ты, лападинныя сѣмя, чаго зарзаў?“—А ты, истрабинныя перья, чаго зазыаў?“—А ты, песься мяса, чаго завнуў?“—Я у етнѣхъ царстви никога ни баюся,—

только баюся аднаво Ивана Кабылина сына,—ды яво суда ворынъ касты ни занясеть.“ Выходить Кабылинъ сынъ:—„Ну, када ты тутъ, выходи, дуй поля!“—„Нѣтъ, дуй ты!“—Чуда-Юда дунуѣ и вымастиѣ сребринный мостъ на 12 верстъ. а вѣтычникъ ни паставиѣ. Кабылинъ сынъ дунуѣ, вымастиѣ мостъ на 12 верстъ, а на бакамъ маста сребринныя и залатыя вѣтычкы. Стали битца. Чуда-Юда убиѣ Ивана Кабылина сына на калѣни у землю, а Кабылинъ сынъ яму атрубѣи три галавы. Гаворять Кабылинъ сынъ:—„Ахъ, Чуда-Юда! Цари и каралы ваюютца, и то роздыхъ мѣють, а мы съ табою ни памѣнитъ!“—Ну, атдыхай!—А багатыри тѣя сядѣли, сядѣли—и заснули. Вотъ выбраѣся Кабылинъ сынъ изъ земли, сняѣ съ лѣвнѣ наги сапогъ, ударѣи у тую избушку и сняѣ съ яе крышу, а багатырей ни разбудѣи. Стали яны ипать битца: Чуда-Юда Кабылиныва сына на поимъ у землю убиѣ, а ионъ яму ящо три галавы сняѣ и гаворить:—„Ахъ, Чуда-Юда! Кошка мышку валочить, и то роздыхъ дасть, а мы съ табою ни памѣнитъ!“—Ну, атдыхай!—Вотъ Иванъ Кабылинъ сынъ сняѣ съ лѣвнѣ руки пирчатку, ударѣи у избушку и сняѣ столъ у избушки, а багатыри усѣ спять. Стали яны ипать битца: Чуда-Юда Кабылина сына убиѣ у землю пу пахи, а Кабылинъ сынъ яму атрубѣи ящо три галавы:—„Ахъ, Чуда-Юда!—Давай роздыхъ имѣть!“—Ну атдыхай!—Кабылинъ сынъ выбраѣся изъ земли, сняѣ съ правнѣ наги сапогъ и бросѣи у хатку: на вокны снаѣ. Усвочили багатыри: у чарки ужу кривы поѣна! Схватили яны свае струменты и пабѣгли къ Ивану Кабылину сыну, а ионъ ужу дабиѣ Чуду-Юду.—„Ну, братцы, намнога вы апаздали.“—Ну, ужу прасты!—„Ну, рибаты, вазымити-ка утраѣмъ ета тулувища, ды укинѣта у ряку!“—Яны брали, брали: ни патро-гали съ мѣста.—„Ну, видна, ета ни пу вастъ!—А вазымити-ка вы утраѣмъ голымы, укинѣта у ряку.“—Яны утраѣмъ и галавы ни патронули съ мѣста, а Кабылинъ сынъ аднѣю рукою усѣ паѣвидаѣ у ряку.—„Ну, рибаты, таперь пайдемъ искать Бабу-Ягѣ!“—Пашли яны къ кузняцу и приказали яму скувать залѣзную цѣпь у 12 верстъ длинны. Узяли яны ету цѣпь, пришли къ дирки, а по етѣй дирки можна було прабратца на тотъ свѣтъ. Кабылинъ сынъ гаворить:—„Ну, рибаты, вы яно спуститя на етѣй диркы на тотъ свѣтъ, а сами аставайтисъ

тутъ; када я за ету цѣнь диргану, то вы мене тягнута на верьхъ.“—Яны яго спустили, іонъ стаў на дно и пашоў. Падходить іонъ къ залѣзному горыду, видитъ: сядить красивыя дѣвушка и ткеть кросны: какъ махнетъ чилнакомъ, такъ и выскачить салдатъ съ тисакомъ. Іонъ гаворить:—„Красавица, здрастуй!“—Здрастуй, Кабылинъ сынъ! Куда идешъ?—„Иду я искать Бабу-Ягу!“—Ну, харашо! вотъ табѣ залѣзная яйцо: куды яно пакотитца, туды и иди. Узяў іонъ залѣзныя яйцо и и бросіў: яно пакатилсь, а іонъ услѣдъ пашоў. Падходить іонъ къ сяребринному горыду,—видитъ: сядить дѣвушка и ткеть кросны.—„Здрастуй, красавица!“—Здрастуй! Куды идешъ?—„Иду я искать Бабу-Ягу!“—Ну иди. Вотъ табѣ сяребринныя яйцо: куды яно будить катитца, туда и иди. Кабылинъ сынъ публагадаріў и пашоў. куды пакатилсь яйцо. Прикатилсь яно къ залатому горыду. Видитъ іонъ: сядить дѣвушка и ткеть кросны: махнетъ чилнакомъ,—дыкѣ и выскачить салдатъ съ тисакомъ. Падходить іонъ къ ей и гаворить:—„Здрастуй, красавица!“—Здрастуй, Иванъ Кабылинъ сынъ. Куды идешъ?—„Иду я Бабу-Ягу искать.“—Ну, харашо, я табѣ пумагу: вотъ табѣ залатая яйцо: куды пакотитца, туды и иди. Увидишъ ты Бабу-Ягу на Сіаньскей гарѣ; ана будить спать крѣпкимъ сномъ, абаныль яе будутъ стыять двѣ бочки вина; ты падыйди и выпій вина, каторны будутъ стыять пу правую руку: ано удвай табѣ силы дасть; а на лѣвую руку вино—атымавать силу. Выпіўши вина, ты Бабу-Ягу убьешъ.“—Публыгдаріў яе Иванъ Кабылинъ сынъ за савѣтъ и пашоў услѣдъ за яйцомъ. Приходитъ іонъ на Сіаньскую гару, а на той гарѣ спить Баба-Ига, абаныль стыять двѣ бочки вина. Іонъ ихъ узяў и прикатіў: съ правый руки на лѣвую, а съ лѣвый руки на правую. Упередъ іонъ выпіў вина съ правый руки и стау сильнѣй удвай прежнѣга. Прашнуласъ Баба-Ига:—„Ага, пунаўся у мае руки!“—Выпила ана вина съ правый руки и у яе силы удвай паменшила. Стали яны битца: Кабылинъ сынъ яе сичасъ жа убіў. Сняў у яе съ галавы чапець, надѣў на галаву и пашоў назадъ. Приходитъ у залатѣй горыдъ, дѣвушка гаворить:—„Спасибо, Иванъ Кабылинъ сынъ! Таперъ и я пайду за табою. Выводи мене на бѣлыи свѣтъ: я тябе атблагадарю!“—Узяў іонъ дѣвушку изъ залатова горыду, изъ сяребриннава, изъ залѣзныва и пашоў къ тѣму мѣсту, идѣ висѣла цѣнь. Привизаў іонъ

ушаредъ адну дѣвушку, яе вытинули, патомъ другую и третю и наконецъ самъ сѣў. Толька іонъ да палаванн ужу быў виднѣ, — завидили багатыри ету шапку Бабы-Яги, думали што эта лѣзить ина сама: узали и бросили тянуть. Иванъ Кабылинъ сынъ ипять астаўся на томъ свѣти. Пашоў іонъ бродить, искать выхыду. Видить іонъ: стаить дѣрева, а ў тыхъ дѣревахъ сядить птица. Іонъ прицѣлюся, штоба птицу убить; ая гаворить: — „Ахъ, Кабылинъ сынъ! ня бѣй мяне: што табѣ нада!“ — А выпиши мяне на бѣлыи свѣтъ! — „Ну, я вынису тебе, во толька ты пасали 12 чаноў мяса!“ — Кабылинъ сынъ пасалі 12 чаноў мяса, птица гаворить: — „Ну, ты эта мяса ва мѣ падвяжи и самъ садисъ. Када я разину ротъ, то ты кидай мѣ кусокъ мяса.“ — Иванъ падвизаў эта мяса, сѣў и палатѣ. Многа-ли, мала-ли лятѣў іонъ, толька прикидаў іонъ усѣ мяса, — ничаво ни асталысь. Разинула ротъ птица; іонъ атрѣзаў лѣвыю нагу сваю и бросіў у ротъ птицы. Прилятѣли яны на бѣлыи свѣтъ; птица гаворить: — „Ахъ, Иванъ, ни було мяса ўкуснѣй паслѣднѣва куса, — идѣ ты яво узаяў?“ — Иванъ признаўся. Птица кашлянула и вывинула нагу яго, присадил яму, и нага сраслась. Пашоў Иванъ Кабылинъ сынъ, куды глы глядять. А багатыри тѣя ужу захотѣли жанитца и бѣли ужу винчатца на тыхъ дѣвушкахъ. Пришоў іонъ у тотъ горыдѣ, идѣ яны хатѣли винчатца. Увидали яво дѣвушки, каторыхъ іонъ збавіў, закричали: — „Во іонъ, нашъ избавитель!“ — Привинчаўся на ихъ Кабылинъ сынъ и стаў жить, паживать, да добро наживать.

Ж 7.

Абъ Ваньки Ширамышки, сучиннымъ сыни, абъ яго братыхъ: поварывымъ и царскимъ сыни, абъ трехъ малачахъ — волась у волась, голась у голась; пабѣда ихъ надъ разбойнымъ Салаўемъ и яго семействамъ.

У нѣкаторымъ царстви, въ нѣкаторамъ государствѣ, а ни минина ў томъ, у каторымъ мы живемъ, жиў сабѣ царъ и нѣмѣў іонъ сабѣ дятѣй. Штобъ жонка дятѣй радила, іонъ наладіў сабѣ дядоў: дяды дидами, а ликары ликарствами, — и ничаво эта дѣла ни бяреть. Ну, нашоўся такей чиливѣтъ сѣ

апрастанародья:—Ну, свѣтъ вяликій гусударь! Я магу сдѣлать, штоба ваша царица радила: пажалуйта мнѣ невадѣ у двѣсти сажаней и народу, сколько я требую. — И паѣхали яны на ряку, затынули яны рыбы бальшую силу, пирибрали ету рыбу, а рыбы па ихъ нѣту. — „Ну,“ гаворить: — „гаспада, пускайта ету рыбу у ряку, а сами пайдемъ у трахтирь пить и гулять!“ — На другой день атправились сваймъ парядкымъ на ряку; затынули рыбы меній тѣй тони; пирибрали ету рыбу, — нѣту па ихъ рыбы. — „Ну, гаспада рибаты, пускайта и ету рыбу у ряку!“ ... На третей сутки атпраўляютьца ипать на ряку, затынули рыбы только три шуки. — „Ну, гаспада рибаты, ступайта ўси па сваймъ мистамъ, а я панясу ету рыбу на царскую кухню!“ ... Падаеть іонъ повару и гаворить:— „Ну, сматри, поварь: чисти ету рыбу и гатуй, — только ни давай никому кушать!“ — Ну, поваръ ету рыбу пачистиў и вымаў; ети памыйки у лаханку выдїў, а бывшая при царскій кухни сучка памыйки етня пахлибала. Патомъ това поваръ пакушаў ету рыбу, солина ли, али нѣтъ. Ну, патомъ падаеть іонъ змінный каралеўни ету рыбу. Упярעדъ хлябнула сучка етыхъ памый, стала щенна. Ну, якъ поваръ пакушаў етій рыбы, солина ли ана, сталъ и поваръ абреминъ. Якъ дасталась змінный каралеўни послѣ усихъ кушать, стала и змінная каралеўна абреминна. Приходить тоя ўремя: пара сугѣ щанитца; щанила сука мальчика. Дакладають царю:— „Вотъ, свѣтъ вяликій гасударь, што прикажита дѣлать? Щанила ваша сучка мальчика; — што съ имъ дѣлать: ти саблюдать, или стратить?“ — Гасударь сказаў:— Хуть іонъ атъ сучки щанїўся, да христіанскій крови — прибирагитя! — Ну, таперъ падходить тоя ўремя: пара повару радить; радїў поваръ тожа мальчика. Ну, дакладывають гусударю:— „Ну, свѣтъ вяликій гусударь! Радїў поваръ мальчика.“ Царъ приказаў яго абмыть, абхолить, и 'тдать на васпитання. Патомъ таго дакладають гусударю:— „Радила ваша жана мальчика“. — Патомъ гасударь гаворить:— „Якъ будимъ етыхъ мальчикѣў хрястить? поваравага и царицынага можна и священнику хрястить, — ну а сучкинага нїўважно.“ — Далажили ў синоть:— „Што будимъ дѣлать съ сучкинымъ сынымъ?“ — Синатъ атказаў:— „Дадимъ яму имя Ванька-Ширамышевинъ, Мядвѣжжа ушка, Сучкинъ сынъ.“ — Патомъ повараваму сыну палажили имя „Алешка,“ а царскому

насліднику имя „Петръ,“ и дали имъ мамикъ. Якъ яны, оты мальчики, узались ростъ ни гадами, а часами, ни часами, а минутами, — выросли яны у годъ, што растеть чилавѣтъ 30 лѣтъ. Ну толька Ванька-Ширамышка, Мядвѣжка вунка, Сучкинъ сынъ быу пабыстрѣя ўсикъ! Толька яны дайшли да савяршенналѣтій, пашли яны на гуляння. Ванька-Ширамышка, Мядвѣжка вунка, Сучкинъ сынъ гаворить сваимъ братьямъ: — „Што вы, братъя, знантя?“ — А што, Ванька-Ширамышка? — Мы ничаво ни знаимъ. — „Штожъ мы будимъ жить на бяломъ свѣти такъ, што мы никада ня будимъ знать никога, и насъ никто ня будить вѣдать? Намъ нада у чужая землі пранзжать. усякихъ людей увидать и сваю красату паказать. — Ну, какъ па закону, то вамъ нужна у батикъ благаславенія прасить.“ — Царъ имъ гаворить: — „Ну, дѣти мае, Богъ васъ благаславіў. и я васъ благаслаўляю! И спрашнѣ Ванька-Ширамышка: — „Ну, што вамъ батюшка сказаў? — Такъ и такъ. — Ну, хутъ ты царскій сынъ, да младшій за мяне (гаворить Ванька-Ширамышка): на табѣ иголачку и булавучку и ступай у кузню, — скажи кавалю, штоба сдѣлаў намъ цупираўску двинадцѣ пудоу и штобъ у такихъ-то часахъ принесть яе у запавѣдныя сада!.. Стаў етыи каваль думать думу: — якъ зъ етыга матырыялу сдѣлать еткую штуку: балдаву 12 пудоу — са йголки и съ булаўки? — Узяў іонъ уваратіў у бумагу иголку и булаўку и уторнуў у щель, а патомъ начаў іонъ работать съ свайго матырыялу: съ самаго мягкага зялѣза сдѣлаў балдаву 12-ти-пудовую; прыкинуў на вѣсъ — выходить аккурать двинадцѣ пудоу; прывесить яе у запавѣдныя сада. Ванька-Ширамышка стаў пробувать булаву: ету булаву пустиў у гору. Гуляли яны, можа, часъ али два, и спускайтца ета булава ўнизъ, толька падхватіў Ванька-Ширамышка яе сваєю рукою, и разсыпалась ета булава на мелкія части. Такъ іонъ и гаворить на кавалю: — „Ну, братъ, спадманіў ты мяне: здѣлай жа таперъ булаву зъ найго зялѣза!“ Каваль апять абабраў свайго самаго мягкага зялѣза сдѣлать булаву у 12 пудоу; атираўляйтца зъ етыю булавою у запавѣдныя сада, атдаеъ булаву Ваньки-Ширамыжки: — „Ну, што, Ванька-Ширамышка, булаву сдѣлаў!“ Якъ падбросіў булаву Ванька-Ширамышка, ина гуляла часы три, апускайтца ина ў низъ: Ванька апускаить свае правыя калѣна, ловить булаву, — разсыпалась булава на мелкія части. — Ну, каваль, ну

бманывать таперь: если ня сдѣлаишь булавы изъ тѣга, што я табѣ дау, то табѣ тапоръ да плаха, да красная рубаха!—Ну, ступай: штоба сдѣлана была булава зъ майго матирьяла!.” Приходитъ каваль у кузницу, беретъ іонъ етытъ матирьялъ у свае руки. и заплакау горькими слизами, и гаворить:—„Ну, што, сколько ни плачь, сколько ни гарюй, а Масква слизамъ ня вѣрить!.” Узяу іонъ етый матирьялъ, уклау у клещи. Въ клещахъ иголычка и ня видна: нада зялѣва падбаўлять. Вотъ іонъ ущаміу иголычку у клещи и кладеть у горинтъ; іонъ дуить, а иголычка растеть; стау кувать, а йна растеть. Прикинуу на вѣсъ, вышла булава двинадцять пудоу; іонъ стау Богу малитца: — „Слава Табѣ, Божя: ни аставиу мяне Гасподь страдничивать па бѣламу свѣту!.”

Іонъ ету булаву панесъ Ванька-Ширамыжки у запавѣдныя поля.

Ванька-Ширамышка якъ запустиу ету булаву ни на многа, ни на мала—на цѣльныя сутки. Приходють яны у тую пору, якъ пускали прежда булаву, стали на тоя мѣста, аткуль пускали: лятить ета булава изъ гары усе дно, якъ быстрая стрила. Падставиу Ванька сваю лысину, булава ударилаь, и Ванька атвалиуся: — „Ну, каваль, благодарю тебе за тваю службу и дарю тебе бальшимъ жалованнимъ”.—(По совѣту Ивана-Ширамыжки, братья его испрашиваютъ у отца благословенія отправиться въ путь; потомъ всѣ вмѣстѣ ѣдутъ „людей насматрѣть и себя наказать”.) Пріизжають яны у чужей земли, у чужой царства. Стала братьямъ Ширамышкинымъ екушна, стала и грусна, и гаворють яны:—„Вратъ Ваня-Ширамышка, пуваротися мы дамой!.. Што намъ нада болій?!.. Ужъ мы пувидали худого и харошига”.—А іонъ имъ гаворить:—„Ну, братья, слыню ништо никаво ни смагеть диржать: ступайта сабѣ дамой, но только будиятъ вы мнѣ пакланяхи”.—Яны яму атвѣчаютъ:—„Ну, братъ Ванюша-Сучкинъ сынъ, пакланяхи вамъ мы будимъ, дакъ и пакланяхи: мы ужъ нужды-горя многа притарпѣли”.—„Ну”, гаворить:—„братцы, я вамъ ни таварышъ: братцы, прашайта!.. Іонъ и атпраўляйтца, Ванька Ширамышка. Узжаиът іонъ у чужой царства, у чужой накалѣння, у тридивятня гусударства, къ нѣкаму караю. У етыга караля была крѣпасть и застава, — нильзи тамъ ни прайдить, ни прѣхатъ, только стантъ тамъ дубъ; на томъ дуби сидить Салавей разбойникъ;

у двинадцати вирстахъ убиваѹ іонъ своимъ голысимъ чинавѣа. Толька замѣтїѹ, што, вѣрна, воинъ въ ихня царства убиратца, іонъ якъ свиснуѹ своимъ буйнымъ голысимъ, такъ што ни магла вынисть лошадей Ваньки-Ширамыжки: пажа на кагѣни. Толька іонъ усхватуѹ своимъ скорымъ поспыхимъ: пустиѹ іонъ на дубъ свою стрялу булаву, іонъ яго тамъ и збіѹ—скалатїѹ и зъ землею змисїѹ, а самъ паѣхаѹ у горадъ. Узжантъ іонъ только у етїй горадъ, только яму нильзя ни прайднѣти, ни праѣхати за народымъ. Вотъ іонъ хадїѹ, можа, день, кожа, два; ну только нашоѹ у другомъ мѣсти, напримѣръ, сказать, у аўраги старика.—„Здрастуй, старичокъ!.. А што ета, старичокъ, у вашимъ горьди случилась?“—А я самъ ни знаю, што случилось, только слышаѹ здрыженїя земли, а ни магу сказать, зъ якимъ паремъ, зъ якимъ каралѣмъ, зъ якимъ богатиремъ. ета дѣла падѣлалась.—„Ну, вотъ я табѣ скажу, съ кимъ ета дѣла падѣлалась—Ванькою-Ширамышкаю, Мядвѣжжикъ вупыкмъ, Сучкинымъ сынимъ“.—Ну, во, братъ, старичокъ: даю я табѣ сваѣ рукаписанїя, штоба ты у етымъ горьди быѹ гарадничимъ, а я паѣду на пушу спасатца: можа я винныхъ и ивинныхъ душъ пагубїѹ.—Ну, ежели съ такога-та и такога царства будутъ табѣ письмы слатца, атписывай на абароти, што Ванька-Ширамыжка у тридиватыя царства атправїѹся у пушу на страдъ Вожїй“.—Страдничиваѹ іонъ, можа, годъ аи два, только унадились пубадитили у батюшкина царства: приходитъ яго атцу и съ братими худа. Батька и гаворить:—„Што, мае дѣти, што будимъ дѣлать?“—Яны яму и тѣазывають:—„А што, батюшка, мы ничаво ни магимъ придумать: нашъ ища розумъ маладѣй“.—Ну, вотъ, дѣти, якъ ба намъ майго сына, а вашига брата разыскать, Ваньку-Ширамыжку?—Стали яны письмы пасылать па разныхъ гарадахъ. Пришоѹ икъ атвѣтъ изъ того горада, што у тридиватымъ царствїи:—„Вашъ сынъ у тридиватымъ царствїи спасатца, ну только іонъ частъ ать часу, минута ать минуты думантъ на воздухахъ иднѣ: стаѹ іонъ у святыхъ и ни паступантъ у кравалитїю“.—Атсмылають старикъ у яго царства письмо. Атець читантъ и слезна плачнѣть:—„Вы, дѣти мои, паѣдимъ у тридиватыя царства!“—Прїизжають яны у тридиватыя царства, къ етому гарадничиму.—Бяруть яны своихъ папоѹ—патїярхѹ, бяруть святыхъ, атпраўляютьца яны на пушу; служатъ яны малебны. Стали яны

малить, стали яны упрашивать Ваньку-Ширамыжку: — „Эхъ, братицъ нашъ, Ванька-Ширамыжка, ни пупусти ты насъ у ва-биду“!.. Іонъ и рачить:— „Братѣя мае, братѣя, я вамъ гаваріу и рачіу, што будитя вы мяне прасить, и умалать, и упрашивать, а таперь я часъ атъ часу, минута атъ минуты думаю на воздуху идить, а миѣ нада идить у кравалитіа.“— Іонъ варужаитца съ сваей кельни; кланяются яму братѣя низкими паклонами; стали яны милуватца, стали яны цалуватца: гаворить яму атецъ: — „Ну, Ваня-Ширамыжка, я на ета ни вубражау, што вы на бѣлымъ свѣти находитися... Стала у нашихъ царстви ни ладна: наваліўся бальшей дубядитиль,—пубиздаить усе наша царства, и атпраўляитца у сваѣ царства“... Вотъ Ванька-Ширамыжка абмыўся, абхолиўся, сдѣлаўся хорошимъ молайцымъ, якъ ба и быу упредъ; патомъ и гаворить:— „Ну, батюшка, дай миѣ народу, сколько миѣ нада“... И выбрау іонъ сабѣ трехъ чилавѣкъ голасъ у голасъ, воласъ у воласъ и ростъ какъ адинъ; сидлаить іонъ трехъ лышадей, и паѣхали яны сами у чужоя царства, у чужоя гасударства, къ таму пубядитилю. Абхватываить ихъ темная ночь. Видють яны горадъ малъ, а дворъ великъ. Ванька и гаворить: — „Ну, што жъ намъ тутъ начувать? Паѣдимъ мы луччи къ дому: тутъ воды низнакомыя, а травы ниядомыя: — мы вады напьемся, паиремъ, а лошади травы наядутца—акалѣють“.—Пріизжають яны къ дому: вароты чугунины, завалъ зялѣзный, у четверть талщины, а четверть шарины, а замокъ у пудъ вѣсу. Ванька и гаворить на меньшига брата:— „Ну, братъ, твой рядъ вароты атчинять!“ Разагнаўся іонъ на сваей добрый лошади и ударіу іонъ абъ заборъ каблукомъ, вароты дайжа и ни здригнулися. Ванька гаворить:— „Эхъ братъ, плахой іось ты миѣ таварыщъ“!.. А іонъ на сваей добрый лошади якъ разагнаўся, якъ ударіу сваёю ногою: и завалъ палумаўся, и замокъ атвалиўся, и вароты аттварились. Во и гаворить Ванька:— „Во, якъ ба ты атчинялъ“!.. Узъизжають яны на дворъ, привязываютъ сванхъ лашадей къ камиги: авесъ насыпанъ, и вада налита, и сѣна заложина; уходятъ яны у комнату: стали засланы и вужинъ пастаўлинъ: баня вытаплина, и вѣники спарины, и бяльѣ паложина. Памылись яны у бани, бяльѣ пиримянили, пришли, сѣли вужинать. Ванька и гаворить на меньшига брата:— „Ну, братъ, твой чаредъ идить падъ калиновый мостъ

на старожу!.. Ды гаворить:— „На табѣ малаточикъ: усн-
шашъ, якъ дарога застогнѣть, лошадъ заржѣть, и кабель за-
брешитъ, и салавей засвищѣть,—тады бяги ка мнѣ и ударъ ма-
не: я прашнусь“. — Іонъ заняў дарогу скорымъ поспизымъ.
Скора дарога застогнала, лошадъ заржала, кабель забрихаў, и
сылавей засвистаў: акаляный духъ їдѣть. Спрашѣть у свайго
каня:— „Што ты, песься мяса, ни надѣся давязти мяне?“ —
А лошадъ атказываѣть:— „И ни надѣюся давязти табе на слабѣ,
патаму што нираўняга намъ іось.“ — Нѣтъ, конь, нираўняга
намъ у свѣти нѣтъ,—только іось мнѣ нираўняга Ванька-Ши-
рамыжка; — ну, тѣй, часъ атъ часу, минута атъ минуты, ду-
маѣть на воздуху идѣть, у святыхъ статъ; ну, іонъ воўси у
кравалитіа ни пайдѣть. — Ну, лошадъ и пашла на калынывы
моствѣ. А мяньшой братъ ужъ збѣгаў къ Ваньки-Ширамыжкы
и ударѣў яго малаткомъ у лобъ; Ванька прашнуўся и пубѣ-
жаў на калынывы мостъ. Ванька крикнуў: — „Стоѣ, ниваля-
ный духъ!—За што ты майго батюшку и маѣхъ братьѣіу пубѣ-
ждаѣшь?...“ А акаляный атвѣчаѣть:— „Ахъ, Ванька-Шира-
мыжка, я ни надѣўся на табе, што ба ты паступѣіу у кравалитіа.“ —
Ну, што дѣлаѣть? кроў за кроў сваю праливаю.—Во яны стали
битца и рубѣтца, Ванька яго убѣў и срубѣў, атняў у яго
и каня, и кабыля, и сакала, усѣ яго хазяѣства. Атраўляѣтца
іонъ у етѣй домъ; пустѣў каня къ сваймъ лапшадямъ, уходитъ
іонъ у комнату, лажѣтца атдыхаѣть. Даѣтъ Богъ бѣлыи свѣтъ.
устаѣють, мыютца и Богу молютца. Ванька и спрашѣть у таго
малаѣтца, што на каравулі быў:— „А што, братъ, ти харашо
табѣ було на каравулі?“ — А іонъ и гаворить: — „Ничаво,
братъ! Скушна-то была, скушна, да горя сваѣ аттерпѣў!—Ну,
приди-ка, братъ, паблѣжѣй!..“ Іонъ узяў яго валаса, сабраў и
сдѣлаў яму голыю главу:— „Вотъ я табе паучу, якъ каравулі
садыржаѣть!“ — Папили яны, да пагуляли. Ванька-Ширамыжка
гаворить:— „Ну, рѣбаты, видъ мы ня ў гости сюды прѣѣхали—
нужна далѣй атпраўляѣтца!..“ Ъѣхали яны можа надѣль десѣть,
только видѣють яны горыдъ быдѣта малъ, а домъ вялікѣ; Вань-
ка и спрашѣть:— „А што, братьѣя, а идѣ будимъ начувать?“ —
А яны яму атказывѣють:—А значумъ, братъ, здѣсь!“ — А іонъ
имъ гаворить:— „А, братьѣя, ну якъ можна здѣсь начувать?—
Инагда пайдѣть нѣнастѣя: травы нѣядомныя, воды нѣзнакомныя;
лошади травы зѣядуѣть—падохнуѣть, а мы вады напѣѣмся—па-

иремъ.— „И паѣхали яны къ етому дому: вароты чугунныя, завалы зялѣныя у двѣ четверти талщины и у двѣ ширины, а замокъ два пуда вѣсу. Іонъ и гаворить на сярэдняга брата:— „Ну, твой рядъ вароты аттварять!“—Іонъ разагнаўся на сваей добрый лошади и ударіў сваимъ каблукомъ: ну толька іонъ етага завала и ни патривожиў. Вотъ Ванька и гаворить:— „Плохи вы, мае таварыши!..“ Разганяйтца іонъ на сваей добрый лошади; якъ ударіў у вароты сваимъ каблукомъ: завалъ прикламіўся, замокъ атваліўся, вароты растварились:— „Ну, вотъ таперъ, братцы, паѣдимъ на етый дворъ!..“ Сичасъ зли-, заръ яны са сваихъ добрыхъ лашадей, привязывають къ ка-мнямъ: авесъ насипанъ, вада налита и сѣна заложина. Уходятъ яны у комнату: стали заслань, вужины нагатуваны и на столъ поданы и бяльбѣ паложина. Памылись яны у бани, бяльбѣ при-мывили, сѣли и павужинали. Гаворить Ванька-Ширамыжка на другога малайца:— „Таперъ, братъ, иди ты на старожу! На табѣ малатокъ: какъ толька дарога застогнить, лошадъ зар-жеть, кабелъ забрешить, салавей засвищитъ, тада бяги ка мнѣ у домъ, бей мене малаткомъ у лобъ: я прашнуса!“ — Іонъ атпраўляйтца падъ калиновый мостъ. Толька заняў іонъ ка-равулѣ: вотъ скорымъ поспихымъ дарога застагнала, лошадъ заржала, кабелъ забрихаў и салавей засвистаў. Тады етый маладецъ пабѣгъ за Ванький-Ширамыжый. Никаянный духъ ѣдитъ и гаворить на каня:— „Што ты, пестя мяса, ни на-дѣвиста мене давезть?“ — Лошадъ яму гаворить:— „Не, я ни надѣюсь давязти тябе: нираўняга намъ іостъ.“ — Іостъ у мене нираўняга Ванька-Ширамыжка: ну, тѣй часъ атъ часу, минута атъ минуты думайт идиць па воздуху, у святыхъ стать! Іонъ у кравалитіа ни паступить!..“ Уижжянтъ іонъ на калину мостъ. Толька іонъ узѣѣхаў, а Ванька гаворить:— „Стой, акаян-ный!..“ Акаянный гаворить:— „Ей, Ванька-Ширамыжка, я и ў вумѣ етыга ни диржаў, штоба ты у кравалитіа паступіў!..“ — Ну, кроў за кроў усигда праливаю!—Стали яны битца—ру-битца. Ванька акаяннаго збіў и зрубіў, атабраў каня, и ка-бия, и сакала. Атпраўляйтца Ванька-Ширамыжка у домъ, каня, кабия и сакала іонъ пустіў къ сваимъ лашадамъ, а самъ пашоў у комнату; лажитца атдыхать. Даецъ Богъ бѣлый свѣтъ. Мнютца и Богу молютца; ну, стали яны пить да гу-лять. Ванька гаворить:— „Ну, рибаты, польна намъ пить да

гулять:—паўднім далій, увидимь болій!..“ Ъхали яны мѣснцѣ или надѣль десить. Скора-то кажитца, да на скоро дѣйтца: доўга ўремя праваждантца.

Абхватаць ихъ темная ночь. Видюць яны горадъ быдта малъ, да дворъ вяликъ. Ванька гаворить: — „А што, братцы, идѣ будимъ начувать: ти у тымъ доми, ай тутъ, на поли?“ — Нѣтъ, братъ Ваня, значуимъ мы здѣсь... А іонъ гаворить: — „Ахъ, братыя, можна ли на поли начувать: пагода нинасная, трава ниядомая, вада незнакомая: лошади травы зьядуць—падохнуть, а мы вады напѣмся—памремъ.“ — Падѣхали яны къ етому дому: вароты чугуныя, завалы зялѣзныя, у три чет-вирти ширины, у три таўщины, замокъ три пуды вѣсьмъ. Ванька гаворить: — „Ну, рибяты, таперь мой чаредъ вароты атчиняць!“ И даеъ іонъ гонъ сваей добрый лошади, — якъ ударіў у вароты каблукомъ; ну, атбить-то іонъ ни атбіў ва-роты, а толька увагнуль. Даў іонъ сярдитій гонъ сваей лошади, якъ ударіў іонъ сваею усей щирый праўдню: заваль пириміўся, замокъ атваліўся, вароты растварились. Уизжають яны на етій дворъ, пускають лападей къ камяги: вада налита, авесъ насыпанъ, сѣна накладина. Уходють яны у божнату: сталы засланы, вужинъ нагатуванъ и на столъ пастаўлинь. Баяя ви-таплина, вѣники спарины, бяльлѣ паложина. У бани памылись. бяльлѣ пиримянили, павужинали.“ — Ну, таперь, рибяты, я на буду у спать, и вы на будитя дримать; наты вамъ калоду карты!“ Паставіў имъ чайный стаканъ вады: — „Сматрита: у картычки гуляйтя и ў стаканъ паглядайтя, а я пайду падъ калиновый мостъ. Якъ у етій стаканъ капля крови капнитъ, тады спускайтя и коній, и кабялѣй, и савалоў, и сами ка мѣ, къ мосту!“ Іонъ и пашоў падъ калиновый мостъ займать свой крѣпкій каравуль. Скорымъ поспихымъ дарога застагнала, ло-шадъ зарзала, кабелъ забрихаў, и салавей засвисталъ. Акаан-ный духъ їдить и гаворить: — „Што, пестя мяса, ни надѣиста мяне давязти?“ — Нѣтъ, ни надѣюсь я давязти тябе, нираўняга іосьть! — „А миѣ нираўняга у бѣлымъ свѣти нѣту, тольки іось миѣ нираўняга Ванька-Ширамыжка; такъ тѣй жа часъ атъ часу, минута атъ минуты думанть идить па воздуху и ў свя-тыхъ стать, — тѣй ни пайдеть у кравалитця.“ Ну, лошадъ и атираўлянтца на калинуў мостъ. Ванька и гаворить: — „Стої, никаанний духъ!“ Акаанний и гаворить: — „Ей, Ванька-Ши-

рамыжка, я на ета ни вображау, што ты быў у святыхъ, уступыш у кравалитію!“—Ну, кроў за кроў!.. За штожъ ты майго батышку и браттіу пубиждаишъ?—Ну я табе самаго пубяжду!.. Вотъ яны стали битца — рубитца. Убіў акаянный па калѣни Ваньку-Ширамыжку у грязь. Іонъ гаворить:— „Стой, акаянный духъ! Пара роздыхъ даваць!“ — Ну, гаворить: атдыхай сабѣ! Ну, атдыхай сколько, ни атдыхай, а я табе жіўцомъ праглычу!.. Высвабодіўся Ванька зъ етый дрягвы, бяреть іонъ сваю пирщатку, пускають іонъ яе у етый домъ, сбіў іонъ домъ па самую крышу етый пирщаткый, патамъ и гаворить:— „Ну, икаянный духъ, давай ипать ваюватца!“ Вотъ акаянный убіў Ваньку-Ширамыжку па поесь у грязь. Іонъ кричить:— „Стой, акаянная сила: пара ящо роздыхъ даваць!“ Выбіўся Ванька зъ етый дрягвы, сняў сваю шляпу и пускають на етый домъ: па вакошки домъ схватиў. Ударила малайцоў пу патыльницы: малайцы ашнулися, вочинь ужаснулися, глянули у стаканъ: кроў ручомъ тикеть. Яны сичась атвязыють сваихъ добрыхъ лапашей, и кабялей, и сакалей, и сами на калинуў мость. Ну, стали яны битца да рубитца, збили и зрубили акаянную силу, и лошадей атабрали, и кабиля, и сакала. Тады атпраўляютьца уся на етый дворъ, коніи пустили къ камаги, а сами уходятъ у комнату: стали Засланы, и вужинъ нагатувань и на столъ пастаўляють. Баяна вытаплина, вѣнники спарины, и бяльлѣ паложина. У бани памылись, бяльлѣ пиримянили, сѣли и павужинали, Богу пумалились и лягли спать. Заснули на троя сутыкъ багатырскимъ сномъ. На третііа сутки устали, памылись и Богу пумалились; Ванька-Ширамыжка гаворить:— „Ну, рибаты, во таперъ можна па рюмычки выпить и закусить!.. Ну, рибаты, вы у картычки пайграйтя, а я пайду прагуляюсь!“ Іонъ пашоў, находитъ на сакретный домъ, идѣ жила сямейства акаянный силы. Ну, тольки скинуўся Ванька мухню, уползъ у ихъ палаты и выслўшить ихъ разговоры. Толька и гаворить матъ навѣсткымъ сваймъ:— „Якъ вы будитя таперъ бизъ сваихъ мужоў? Пубядіў Ванька-Ширамыжка вашихъ мужоў.“—Малая навѣстка гаворить:— „А вотъ што, матушка, я яго спакушу!“—Свякрова и пытаить у яе:— „Ну, якъ жа ты яго спакусишь?“—А во якъ, матушка: накинута жары нищисленныя,—захочитца имъ пить, душа ихъ будить вонъ съ тѣла лѣзть,—а я скинуся ли пути—дароги крыницыю бялючавою, а у крыницы будить чара

залатая: вотъ яны, якъ стануть пить, и сичасъ памруть.— А сяреднія дочь гаворить:— „Ну, хуть ты ни спакусншь, дакъ я спакушу.“ — Сваякова пытаить:— „Ну, якъ жа ты спакусншь?— А во какъ, матушка: захочуть яны ѣсть, а хлѣба будить имъ дастать негди, а я скинуся яблыню: залатая яблыка и саребриная; якъ только яны пайдуть яблыкъ, то сичасъ и памруть.— А большая нявѣстыка гаворить: — Ну, хуть вы ни спакуснтя, дакъ я спакушу; нашла усякую тварь,—нилься имъ будить ни прайтить, ни праѣхать; накину я на ихъ сильную дрипату,—нилься будить имъ нигдѣ присѣсть; ну, я скинуся кравато тисавою и паринию пухавою: якъ са сну выбьютца, ляжутъ на ету кравать,—туть ихъ и разарвотъ.“ — Патомъ гаворить старуха, сама сваякова:— „Ну, мае нявѣстунки, када вы ихъ ни спакуснтя, то я ихъ спакушу!“ А яны спрашють:— „Ну якъ жа ты, матушка, ихъ спакусншь?“ —А во якъ! Выйдить у ихъ правизія, прѣдуть яны къ тремъ дарогамъ на-крнсть: хто паѣдить лѣвную дарогню лашадямъ харчъ будить, а сами съ голыду падохнуть; а када правую дарогню паѣдуть, лошади пакалѣють; а хто среднюю дарогню паѣдить — агнемъ сажу!— Ванька-Ширамыжка усе ета дѣла выслушау, атправѣся на сваю хватуру:— „Ну, ребяты, пара намъ сабиратца!.. Да правизіи бяритя сутынь на два!“ —Атпраўляютьца у путь, у дарогу. Здѣлалась пагода жаркая да таго, што на ихъ адежа смулить, ажну крававая смага на губахъ, душа изъ тѣла вонъ лѣзить, якъ ба найдить вадицы напнтя. Ванька-Ширамыжка гаворить:—Ну, ребяты, ни видауши горя, ня ўвидимъ добра!“ Многа-мала праѣхали; ли пути-дароги стайть крыница кнчавая, плавають чара залатая. Яны и гаворють:— „Ну, Ваня, слава Богу, сздау Господь намъ хуть душу пумачить!“ — Пагади, ребяты; ни зачарнууши, ня выпншь! Перва я выпью, а тады вы. — Злѣзъ са сваей добрый лошади, пирякстѣу ету крыницу хрестъ-на-хрестъ, рубануу яе сваю вострую мечу: заgrimѣла на ихъ кроу ручаемъ. Ванька и гаворить: — „Ну, во пойтя, ребяты!.. А паѣдимъ далій, увидимъ болій!“ Принжають яны къ путю-дароги, а душа ихъ вонъ лѣзить: ѣтъ сильна хочитца:— „Хуть ба якую виныградину Богъ сасла!“ А Ванька-Ширамыжка гаворить имъ:— „Эхъ, ребяты, када будимъ Богу угодны, ня будимъ галодны!“ При пути—дароги стайть яблынь: яблынь залатая, а яблыкы то саребрины.—

„Ну, Ваня, слава Богу, што іонъ сздаў намъ яблыню!“ А іонъ имъ гаворить: — „Эй, ребяты, ни хвалитесь: ни саципнуўши, у карманъ ни кладі! Перва саципну я!“ Падходить іонъ къ етій яблыни, пирякстіў ету яблынь хрестъ-на-хрестъ и рубануў сваєю востраю меччу: палилася кроў ручаёмъ. Іонъ и гаворить: — „Вотъ то-та, ребяты: я вамъ сказываў, што ни саципнуўши, у карманъ ни кладитя!.. Ну, паёдимъ далій, увидимъ болій.“ Ёдутъ яны дарогню, нильзя имъ ни прайдить, ни праёхать за ўсякю сквернастію: за вужами, за змяіми; выбились яны сильна ать свайго сна: — „Ахъ, братъ Ваня, хатитца намъ спать: душа изъ тёла вонъ лёзить.“ — „Ну, ребяты, када Господъ дастъ, усе будить. У скорымъ уреми, ли пути-дарози стаить кравать тисавая, ляжить пярина пухавая. Яны и гаворють: — „Ну, братъ Ваня, слава Богу!“ А іонъ имъ гаворить: — „Пагади, ребяты: ни лажится, а упередъ ляжу я!“ Падходить іонъ ки кравати тисавёй, ки пярини пухавёй; пиряхрестіў яе хрестъ-на-хрестъ, рубануў яе сваєю вострую меччу, — заgrimёла кроў руччомъ. — Іонъ и гаворить: — „Вотъ, ребяты, паляжитя таперь вы!“ Ну, паёдимъ далій, увидимъ болій!“ Прінзжають къ тремъ дарогамъ съ пиряхрестымъ. — „Вотъ, ребяты, давайта таперь раду радить! Якъ насъ три браты, такъ намъ 3 дароги: хто у права паёдить, тей сытъ будить, а лошади павалёють; хто у лёва паёдить, тей самъ памреть, а лошади будутъ сыты, а хто прима паёдить, акаянный духъ будить агнемъ жочъ у двинадцати вирстахъ.“ — Стали яны раду радить: — „Што, братъ Ваня, мы лападинага корму ни магомъ патриблять, а лошади нашъ магутъ упатриблять, — дакъ паёдимъ мы правую дарогню: и сами будимъ сыты, и лошади будутъ цёлы, — а мы ужъ притярибляли многа и голаду, и холоду.“ Тада Ванька — Ширамыжка тольки крикнуў сваймъ братьямъ: — „Пращайта!“ — Паёхаў іонъ сяреднимъ путёмъ — дарогню. Толька рячить яму яго добрая лошадь: — „Эй, Ванька, ни жалёй мяне, а паганай сильнёй. За нами идеть акаянный духъ и жгеть.“ Добрая лошадь ходу придаеть. Прискачили яны къ кузниці; кузница на 7 верстъ акружныстію. Крикнуў іонъ сваймъ буйнымъ голысымъ: — „Эй, Кузьма-Димьянъ, атчини кузню!“ Ускакныть іонъ у кузницу: — „Ну, Кузьма-Димьянъ, зачини кузницу! Схарани мяне ать акаянный силы, Кузьма-Димьянъ.“ Іонъ гаворить: — „Ну, какъ жа табе ать акаянный

силы спасти? — Клади, говорить, самыя первыя клещи ў горнѣ! Якъ прилѣтъла эта никаянная сила къ кузни: — „Эй, Кузьма-Димьянъ, здѣсь Ванька-Ширамыжка?“ — А Кузьма-Димьянъ говорить: — „Здѣсь“. — Падай мнѣ яво: я яго жѣўцомъ прагладу! — „Нѣтъ, никаянная сила, ни падамъ я яго табѣ.“ — „Атчаго жъ ты ня хочишь яго падать? — „Аттаво, што у мяне іось 12 мальчику учиникоу; яны атъ роду ни видали акаянный силы: якъ увидють, могутъ памерть, а я за ихъ даўжонъ атвичать, — а ты магешъ за три разы маю кузницу прализнуть! (Кузня была три четверти талцины). Я вѣдѣй табѣ яго на языкъ насажу и падамъ, штоба наши глаза ни видали, а вушѣ ни слыхали.“ — Акаянная сила зъ радости скорымъ поспихымъ къ кузниці. Скорымъ поспихымъ якъхватила, на четверть паласу выгнула, — утарой разъ, на другую, а у третей разъ и языкъ на четверть у кузню выгнула. Говорить Кузьма-Димьянъ: — „Бяри-ка, Ваня, клещи изъ горна вонъ, да хватай акаянную силу за языкъ!“ Говорить Кузьма-Димьянъ: — „Ну-ка, рибятѣ, бяри свае малаты!“ Якъначали яны ету валшебницу калатить: избили, скалатили и ў горни спалили, а попилъ етѣй на моря пустили; хто етага попилу нахватаўся, тѣй на вѣкъ видьмакомъ застаўся. Говорить Ванька-Ширамыжка: — „Ну, Кузьма-Димьянъ, благодарю тябе, што ты спасъ мяне атъ акаянныя силы! Я за ета табѣ паслужу: што ты будишь учиникамъ сваимъ давать на 12 чилавѣкъ, то мнѣ аднаму давать!“

Стуенить-ляпнить, идеть яго работа чиста и гладка, пайдуть яны съ Кузьмою пить да гулять. — Служѣ іонъ яму годъ, усею сваею ширню праўдую. Благодарить яго Кузьма-Димьянъ: — „Благодарю тябе, Ваня, за тваю работу! — Ну, я табѣ за тваю работу сдѣлаю зялѣзную кабылу... Ну-ка, рибятѣ, падпалавай пасканную жменьку, а ты, Ваня, садися и паизжай! — Када ета жменька згарить, тады будимъ кабылу пиряковывать!“ — Ванька-Ширамыжка тольки палъ-кузницы уѣхаў, жменька згарѣла. — „Ну, на-нава будимъ кувать кабылу. Ну, зялѣза падбаўляйтя и павышѣй падымайтя, да пубайчѣй прибывайтя!“ Вотъ и запалили яны альяную жменьку. — „Када кузницю абѣдишь, жменька ни згарить, — хараша кабыла будить; а згарить — то дрянъ.“ — Ну, зялѣза прибавѣўши, скували кабылу и запалили альяную жменьку; большую палавину кузни уѣхаў Ванька-Ширамыжка, а жменька и згарѣла. Ипятъ скували ка-

былу и запалили бужалёвачку: — „Ну, садись, Ванька-Ширамыжка: када кузню абѣдишь, а кужалёвачка старить, то кабыла будить дрянъ; а ни згарить, то будить хараша.“ — Ванька сѣў на кабылу, кузницу кругомъ абѣхаў, а кужалинни и третїя часть ни згарѣла. — „Ну, Ванька, хараша кабыла!.. За тваю услугу, Ванька, здѣлаю я табѣ пупирашку у двинадцать пудоў...“ Стаў Ваня атдавать благодарыньсть Бузьмѣ-Димьяну. — Аtpaўлянтца у свой путь-дарогу. Уѣхаў у лѣсъ, у пуцу нисхадимую. Тольки на яго нищастя навалились балшом: нильзя яму ни прайдить, ни праѣхать: засыпають яму глаза зялёнымъ листымъ. Гаворить Ванька: — „Госпади, твая воля! Ища якой-та урагъ на мяне наваливайтца!“ — Хватають сляпой Листинъ за яго добрую лошадь: — „Ну, Ванька, я табѣ праходу ни дамъ!..“ — За што жъ ты мнѣ ни даси праходу? — „А во за што: на што ты маихъ сынаўѣў пубядиў?“ — „А за то пубядиў: на што яны майго батюшку пубядили?“ — „А за што ты маихъ нявѣстмѣ пубядиў?“ — „А за то пубядиў: на што яны мяне хатѣли пагубить?“ — „За што жъ ты маю старуху сгубиў?“ — „А то жъ ни чилавѣкъ, што живой у руки даецца!“ — „Ну, када даставишь маю старуху, то пуцу; а ни дастанишь, то ни пуцу!“ — „А идѣ жъ я табѣ яе вазьму, када яе избѣли, скалатили, у горни спалили, а попилъ на моря пустили, — хто таго духу набраўся, тѣй на вѣкъ видьмакомъ астаўся?“ — Таперъ што знаишь, то и твари нада мною, а старухи тваей я даставить табѣ ни магу. — „Ну, када захочишь прайдить, ай праѣхать, то я табѣ скажу, што найдить, а ты найди.“ — Идѣ жъ мнѣ найдить то, што ты мнѣ скажишь? — „Юсть у царя Дадона Дадонавича 12 дачарей; привяди мнѣ самую малую: тада я тябе пуцу. — „Ванька атдаў яму у залогъ сваю зялѣзную кабылу и скорымъ поспихымъ пашоў у сваты ёъ Дадону Дадонывичу. Стричайтца зъ имъ чилавѣкъ Абжора: — „Ванька-Ширамыжка, вазьми и мяне съ сабою: я табѣ пригажусь!..“ — Ну, пайдемъ сабѣ умѣсти. — Многа ли, мала яны прашли, устричайтца зъ ими чилавѣкъ Абпоикъ: — „Здрастуй, Ванька-Ширамыжка, пайду и я съ табою: бизъ мяне ни какога тоўку ня будить!..“ — Ну, пайдемъ сабѣ умѣсти. — Стричайтца зъ ими ахотникъ: — „Вазьмита и мяне съ сабою: бизъ мяне ни якага тоўку ня будить!..“ — Ну, пайдемъ! — Пашли яны далій. Станить стоўбъ; палощить изъ таго стоўба агонь, а

нѣхѣ кричить: — „Рятуйте мене, я замерзъ! Ванька-Ширмыжка, вазьми и мене съ сабою: бизъ мене ни якаго тоѣку ни будить!..“ — „Да пайдемъ сабѣ!.. И идеть къ Ваньки члавѣкъ ать стаѣба. Ванька спрашнть: — „Ты што іось за члавѣкъ?“ — А я іось марозъ. — Пришли яны къ Дадону Дадоновичу. Тарчать у яго на тычинкахъ члавѣчискія головы. Ванька и гаворить. — „Братцы, будить и намъ ета честь!..“ А марозъ яму атказнть: — „Нихай-ка іонъ сваю галаву судя усторонить, а намъ што Богъ дастъ.“ — Ванька гаворить: — „Здрастуй, Дадонъ Дадоновичъ!..“ — Здрастуйте, добрыя люди!.. Што жъ вы ка мнѣ ходитя? — „А што, Дадонъ Дадоновичъ? У сваты къ вашій дочеи къ шилій.“ — Я добрыхъ людей даѣно къ сабѣ аждаю. — Приманть іонъ ихъ да чести, содитъ ихъ за тисовый столъ, даеть имъ на рюмки вотки и на крошки закуски: — „Вотъ, мае сваточки, я первый разъ усѣ такъ привѣчаю, а далій будить болій. Вотъ, мае сваточки, ни хатитя-ли вы зъ дароги у баню?“ — А ета ни худоя дѣла! — Гаворить марозъ: — „Што-то яны долга баню топятъ, — скажутка я, пагляжу.“ — Приходить іонъ у баню, пасматрѣть: баня хорошая; баньщикъ у кадки сядить, распаліѣ ету баню жарчѣй агни. — Іонъ думанть: — „Да, сватъ, хорошую ти баню пригатовіѣ!..“ Пиривярнуѣся, бзднкнуѣ у ету баню: баня ета и астыла, баньщика кувшиннымъ съ кадки выпирли. Патомъ и гаворить Дадону Дадоновичу: — „А што, сватокъ, скоро ли ваша баня будить гатова?“ — Ахъ, сваточек, я празабѣ!.. Сичасъ пасылаить свайго прислугу: — Ти скоро будить гатова баня?..“ Прислуга сичасъ асматрѣѣ: баньщикъ застыѣ, и изъ кадки яго кувшиннымъ выпирли. — „Вотъ, мае, вы, сваточки, наслаѣ я баньщика, а іонъ тамъ змерзъ.“ — Ну, содитъ іонъ ихъ за столъ, даеть имъ по двѣ рюмки водки и по двѣ крошки закуски. — „Ну, сваточки, ти ня хочитя вы атдыхнуть?“ — Да, ета ни худоя дѣла. — Ували ихъ атдыхать у сарай и заперли ихъ на завалъ. Сичасъ и приказаѣ іонъ етій сарай запалить. Марозъ гаворить: — „Ну, ребяты, лажитись пащитнѣй!..“ Іонъ бреть шкуратокъ изъ кармана и атягнть другъ друга. Закипѣѣ етій сарай. Якъ только звалитца на ихъ галаўня, засипить и пагаснть. Дадонъ Дадоновичъ и гаворить на сванхъ слугъ: — „Ступайта, сабярнтя у кучу ихъ кости!..“ — Марозъ и гаворить: — „Во сватъ: и ѣ агни мѣста ни даеть!“ —

Слуги сейчас и абаратились зъ етими ричами: — „Ну, што яны?“ — А што? — Ругають, гаворюць: и у агни намъ мѣста ни дасть. — Сейчас свать абарачіітца и просить ихъ: — Сваточки-галубчики!.. вотъ сукины дѣти!.. Вотка вольная: напились, трубку закурили, у вугль уранили. Ни жалка то мнѣ сарая, а жалка добрыхъ людей. — „Да, свать, благодаримъ: пажалѣ ты насъ!..“ Сейчас содить іонъ ихъ за тисовый столъ, дасть имъ по три рюмки водки и по три крошки закуски. — „Ну, вотъ, сваточки, а для добрыхъ людей даўно загатуваў: семъ валоў наварина, семъ валоў зажарина; семъ пачей хлѣба, семъ пачей пирогоў, семъ купъ вотки пригатувана и семъ купъ пива. Ну, вотъ, када вы усѣ ета папѣтя, пайдитя, тады я сваю дачку вамъ атдамъ.“ — Ну, сватокъ, што жъ дѣлать? — Нада папѣть, да пагулять!.. Ну, сѣли за тисовый столъ. — „Ну, сватокъ, ни насі-ка намъ стаканамі, а насі намъ вухатамі!..“ Закуску ня ношами носюць, а вазами возюць: Абжора вазьметъ булку хлѣба, да атразу у ротъ — и зѣбѣтъ; а Апоикъ атъ разу на цѣлму вухату выпивае. — „Ну, свать, выкачивай-ка бочки пива: пива живить вості.“ — Панили яны, пагуляли. — „Ну, сваты мае любовныя, няхай вашъ жанихъ сьинітца голу-бамъ, а мая нявѣста сарокѣю; — пущай яны лятать на зяленый дубъ: ежили вашъ голубъ прилятитъ упярѣдъ, то атдамъ сваю нявѣсту; а ежили мая сарока прилятитъ упярѣдъ, то ни атдамъ, — а будеть вамъ то, што вы видали у маімъ домі.“ — Атра-віўся страелець къ етому дубу. Прилятѣ голубъ, садитца на етій дубъ; прилятѣла сарока, садитца подли яго и зачичика-ла: голубъ уснуў. Страелець здѣлаў стрѣль; голубъ, услышаўши етнѣ стрѣль, прашнуўся и шибка палятѣў. Прилятѣ голубъ у дождъ; прилятѣла и сарока, стала чичикать. Голубъ гаворить: — „Досетъ табѣ чичикать: счичикалася!..“ — Ну, зятекъ мой любовный, принимай маю дачку... — „Благодаримъ тябе, Дадонъ Дадоньвичъ, за хлѣбъ, за снѣгъ, за угащенія...“ Атра-вились яны путѣмъ-дарогѣю. Благодарить Ваньку марозъ за свадьбу: — „Панили, пагуляли и пубясѣдывали... Павымаразіў я яго усн рѣки, усн балоты у яго царстві...“ — Благодарить ахотникъ: — „Вотъ паахотіўся: нѣскольки ўремя ня ўвидитъ и камаря у сваімъ царстві...“ Благодарить Ваньку Апоикъ: — „Панили, пагуляли и пубясѣдывали: нѣскалька ўремя вады ня ўвидитъ у сваімъ царстві...“ Благодарить Ваньку Абжора: —

„Благодарю, Ванька-Ширамыжка:—панили, пагуляли, пубасѣ-
дывали; на нѣскальки урема крошки хлѣба на увидить у сва-
имъ царстви.“—Приходють яны къ сляпому Листину:—„На,
сляпой Листинъ, ету красавицу: ни табѣ ею ўладѣть, а мѣ,
добраму молайцу!..“ Ина заплакала, якъ рика, горькими сля-
зами.—Листинъ гаворить:—„Нѣтъ, я яе такъ ни вазьму: ты
зъ ею грѣхъ мѣў!..“ Ну, какъ на ѣла душа чиснаку, такъ
ина и пахнутъ на будить. Выкапаў Листинъ яму, напалаіў пот-
ну вугалья: палощутъ полы висока-висока. Гаворить Листинъ:—
„Ну, када ты зъ ею гриха на мѣў, то пирайдешъ; а када
мѣў то пупадешъ.“ — Бяретъ Листинъ траву чирнабылину и
кладетъ черизъ ету яму, черизъ агонь.—„Ну, када твая ду-
ша чиста, то пирайдешъ; а начиста, то упадешъ.“ Ванька си-
часъ рухтайтца, идетъ черизъ травинку. Змінная каралеўна
схватила яго 12-ти пудовую пупирашку и пирилажила черизъ
яму. Ванька сичасъ шаркѣ, пашоў и пирайшоў черизъ ету яму.
Змінная каралеўна пупирашку сичасъ атхватила. Іонъ тады и
гаворить:—„Гасподь, мяне пиранесъ, навинную душу!..“ Сля-
пай Листинъ гаворить:—„Ну, бяри сваю кабылу!..“ Ванька-
Ширамыжка и гаворить:—„Я сваей кабылы ни вазьму.“—
Атъ чаго жъ?—„А ты зъ ею грѣхъ мѣў“.—Ета пуста-
ки.—„Нѣтъ, ни пустяки“.—Ну, я пирайду черизъ яму,
якъ ты.—И кладетъ сляпай Листинъ травину чирнабыли-
ну, атпраўляйтца черизъ агонь. Тольки іонъ атправіўся, а
змінная каралеўна схватила 12-ти-пудовую пупирашку и да-
вай бить пупирашку сляпога Листина зверьху: тутъ ина яго
и змясила умѣсти съ жарымъ. Тады и гаворить Ванька-Ши-
рамыжка:—„Слава Богу, што я усихъ сванхъ пубядитиліў пу-
бидіў!.. Ну, змінная каралеўна, таперъ идець са мною у маѣ
царства!..“ Прінзжантъ іонъ у сваѣ царства; тутъ яго сустри-
кають съ пупами, съ патріярхами, са ўсёю духоваю музьею;
сустрикають яго атоць и братыя; стали цалуватца, стали ми-
луватца. Уходитъ іонъ у свае палаты: стали пить, стали гу-
лять. Тады гаворють.—„Пайдѣхъ, батюшка, лукавицы размы-
зывать“.—Ну, сичасъ іонъ приходить къ лукавицамъ. Тамъ
нѣскалька лѣтъ билися цари и карали и ни магли тѣя лука-
вицы развизать и палавину царства узять. (А завизаў ети
лукавицы Ванька-Ширамыжка: када ети лукавицы развизать
хто, таму яго сястру замужъ атдавать). Ванька гаворить:—

„Нѣтъ, гаспада, ня вы визали, — ня вы и развязаваць буди-
та!..“ Ну, якъ самъ завязаў, самъ и развязаў, и палавину чар-
ства яму атаць сичасъ атписаў. — „Ну, таперъ, батюшка, маю
сястру, а сваю дачку за каго знанця, за таго и атдавайта!..“
Ну, сичасъ ня пива варить, ня мёдъ саладить, а свадьбу за-
вадить. Свадьбу сыйграли и палавину чарства узали; застаўся
Ванька-Ширамыжка жить у сваёмъ царстві, съ сваёю змінню
каралеўню, дочірью Дадона Дадонывича. — Сказка уся, а раз-
сказывать далій нильзя.

№ 8.

Доревня Бердэбяки Ельнинскаго ўѣзда.

**Абъ Ивані Гадимывичі, Алексіи Гадимывичі, Стаўри Га-
димывичі-Самъ-Малалѣтинъ-Пьяниці.**

Лошаты Івана Гадимывича — Лататай. Чуда-Юда Виззаканний.
Гадимъ Цимбалдавичъ. Ращей-лошаты. Конюхъ Івашка — сѣрая
сирмыжка — золотая пугувица. Гаравикъ. Баравикъ. Вусныя.
Рика Малиныўка. Калиныў мостъ. Чуда-Юда абъ трехъ гала-
вахъ. Чуда-Юда абъ шести галавахъ. Чуда-Юда абъ двина-
ццѣ галавахъ. Чудинъ-Юдинъ домъ. Свякрова и навѣстки
Чуды-Юды. Ваўшебныя краваты, ябланы, калодисы. Свякрова
примае личинны (образъ) Змян Шкурунен. Прыглатила Гар-
вика, Баравика и Вусныю. Валакаламскій плухъ. Царъ Ковнтъ —
барада зъ локытъ, съ 70 валюу сумка. Старикъ съ нятлю
зганяе зори да кучи, штоба святили. Рыбалоу. Два парни
лада полютъ — агонь у ихъ да нѣби. Царъ Ірадъ. Низгариний
чилавѣкъ. Алена пріўкрасная. Марья Вараноўна.

Въ нѣкатарымъ царстві, иинна ў нашымъ гусударстві, на
роўнымъ мѣстѣ, какъ на баранѣ, жиў царъ Гадимъ, и було у
яво три сына: первый сынъ Иванъ Гадимывичъ, другой сынъ
Алексій Гадимывичъ, третій сынъ Ставѣръ Гадимывичъ-Самъ-
Малалѣтинъ-Пьяница. Разгуливали уси паревичи по саду, а
атцу уздумалась правѣдать у сваёмъ царстві. Выходить іонъ
на паратныя сваё крыльцо и кричить громкымъ голыснѣмъ: —
„Иванъ Гадимывичъ!“ Иванъ Гадимывичъ къ палатушкѣ пад-
ступантъ, кармазынчыку сымае: — „Абъ чомъ, гасударь-ба-

тешка, требуютъ?—Сынъ мой милый, сынъ любимый, какъ-бѣ у нашихъ царствъ отвѣдать?—„Ета можна!“—Уходитъ Иванъ Гадимовичъ у пылаты, уходитъ, надивантъ царскую адежу и падевынъ вострую вѣшу. Идетъ іонъ на ставы-канюшни выбирать на сябѣ лошадь. Выбрау іонъ лошадь Лататая. Иванъ Гадимовичъ са двара санжау, атцу зъ матирью честь атдау. Паѣжау іонъ за горы крутѣя, за рѣки большѣя. А за гарами крутими, за риками большими, тамъ трава шауковая, раса зячужная; стоятъ тамъ кровати тисавѣя, пяринны пухавѣя, адіалы шаукавѣя. Лататай бросіуся на траву, а Иванъ Гадимовичъ легъ на каравать и уснуу. Увидау іонъ у ва снѣ сонъ дикый и сонъ страшный: наизжау Чуда-Юда Биззаканный. Прашнууся Иванъ Гадимовичъ и абрабѣу. Асидлау іонъ свайво Латату, пріѣхау дамой. Кани свайго паставіу на мѣста, коліи и адежду царскую палажіу у чухавусъ, а самъ пашоу къ свайму атцу съ пакланеніимъ:—„Атецъ мой, Гадимъ Цымбаловичъ!—И у полъ ни даѣхау: ударила мяне у потъ и бросила мяне у марозъ!“—Ну, сынъ мой, Иванъ Гадимовичъ, я табѣ усѣ прашаю: ты ища никада нійдѣ не быу и людей ты ни видау. Выходитъ царь Гадимъ на парадныя свай крыльцо и кричить громкымъ голысымъ:—„Аляксѣй Гадимовичъ!“—Аляксѣй Гадимовичъ къ палатушкѣ падступантъ, кармазничку свинантъ:—„Абъ чомъ, гасударь-батьшка, требуютъ?“—Сынъ мой, Аляксѣй Гадимовичъ, ты ни можна правѣдать, што у нашихъ царствъ?—„Усѣ, батьшка, мажно?“—Пашоу іонъ у дворецъ, надѣу царскую адежу и падпаясау залатую шпагу. Пашоу іонъ на ставы-канюшни и выбрау сабѣ лошадь Ращѣя. Аляксѣй Гадимовичъ съ палатушкѣ выѣжау, свайму атцу честь атдау и паѣхау за горы крутѣя, за рѣки большѣя. За гарами крутими, за риками большими, тамъ трава шауковая, раса зячужная; тамъ стоятъ каравати тисавѣя, пяринны пухавѣя, адіалы шаукавѣя. Ращѣй бросіуся на траву, а Аляксѣй Гадимовичъ легъ на каравать и уснуу. Видитъ іонъ сонъ дикый и сонъ страшный: наизжантъ на яво Чуда-Юда-Биззаканный и хочитъ яво паразитъ. Прабудіуся Аляксѣй Гадимовичъ атъ сну, абрабѣу, асидлау свайго рысистаго Ращѣя и паѣхау назадъ. Пріѣхау дамой, паставіу свайго Ращѣя на мѣста, сбросіу свай адежу паратную, цѣлыхъ три дни ни паказывауся на глази атцу. Пришоу атецъ, а іонъ ляжитъ на каравати:—„Милый

мой Аляксѣй Гадимовичъ! Ни атвѣдаў ли ты майго царства?“ — Нѣтъ, папінька, у поль не даўхаў. — „Ну, ты людей не видаў: табѣ я ета пращаю!“ — Гуляли царевичи па саду. Выходить Гадимъ на паратныя сваѣ крыльцо и кричить громкымъ голысымъ: — „Ставѣръ Гадимовичъ!“ — Ставѣръ Гадимовичъ къ палатушки падступаньт, кармазынчыку сымаить: — „Абъ чомъ, гасударь-батюшка, требунь?“ — Сынъ мой, Ставѣръ Гадимовичъ! Ти ня можна у царстві атвѣдать?“ — „Ахъ, батюшка! — Када мае братыя не атвѣдали, а я на гатові, — ну, ды папробую!“ — Пашоў іонъ на ставы — канюшні выбирать па сябѣ лошады; усіхъ абайшоу: на каторую руку не паложить, на калѣнкі упадѣтъ, а иная и саўсімъ прападѣтъ. Заплакаў іонъ; самъ сябѣ и думаньт: — „Зайду къ конюху Івашки-Сѣрый сирмяжкі-Залатѣй пугувицы.“ — Приходить іонъ и гаворить: — „Здрастуй, Івашка!“ — Здрастуй, Ставѣръ Гадимовичъ-Самъ-Малалѣтинъ-Пьяница, куда идѣтъ?“ — „Я зайшоў къ табѣ: ти нѣту у табѣ лошади па мнѣ; — у табѣ ихъ вялікі табуць!“ — Нѣтъ, мільі, у мяне лошади па табѣ нѣту: вотъ, выбирай самъ! — Ставѣръ Гадимовичъ стаў выбирать лошады па сябѣ: на каторую руку накладѣтъ — на калѣнкі упадѣтъ, а иная и саўсімъ прападѣтъ. Атыйшоў іонъ атъ Івана — Івашкі ў чистыя поля. Нямнога атыйшоў, конюхъ Івашка и кричить: — „Вярнись назадъ у свой атцоўскі домъ! Возлі анбара стант погрибъ, а ў погрибі стант лошады твайво дѣдушкі Цымбалды; ана ужэ 30 лѣтъ ёсть ярую пашаницу: вотъ тая лошады будыт табѣ годна!“ — Пришоў Ставѣръ Гадимовичъ къ таму погрибу и кривнуў багатырскымъ голысымъ. Тамъ лошады и зарзала, — какъ зарзала, то шестира дварей и атбила, а 6 атбіў Ставѣръ Гадимовичъ (ана стыяла за двінацяті дварымі). Выскычила съ погриба лошады и узвилась на дыбы, — аттаво ана узвилася, што 30 лѣтъ свѣту не видала: ўзапирт стыяла. Іонъ яе схватаў за пувады, какъ даріў пу христвахъ, — такъ ана и стала, какъ убитая. Увайшоў іонъ у погрибъ, а тамъ лизала адежа багатырская. Іонъ надѣў панцырь и падвизаў мечъ-кладанецъ и узяў примѣты багатырскія: залатую чарку и калоду картъ. Сѣў іонъ на лошады, ана ажну крэхнула, — кривнуў Ставѣръ Гадимовичъ багатырскымъ голысымъ: — „Пращай, атѣць — мати!“ — Какъ паўхаў, толька хвостъ балтануўся ў балакахъ. Іонъ ўхаў, висяліўся и самъ съ сабою разсуждаў: — „Благодарю я Атца-Бога: хутъ на свѣти пугуляю

нямного!..“ Падзвизжашы іонъ къ Балканскимъ гарахъ; горн
еты ажъ за болыи заходють. Ходить на етыхъ гарахъ Гара-
викъ зъ лупатыю: чирпанетъ гару, такъ и ссунить яе далоу.—
„Богъ помычъ, Гаравикъ!..“—Спасиба, Ставѣръ Гадимывичъ-
Самъ-Малалѣтинъ-Пьяница! Куды ѣдишь?—„Ѣду свѣту пагля-
дѣть и сябе показатъ!“—Вазьми и мяне съ сабою!—„Какъ жа
тыбе братъ, када ты при доужнысти?“—Ну, ета доужнысть
плахалъ!—„Ну, када такъ, то пайдемъ!“—Ставѣръ Гадимывичъ
ѣдитъ на лышиди, а Гаравикъ спраўляйтца за имъ услѣдъ.
Падходють яны къ дубамъ, Дубавикъ ходить, вырываютъ дубы
и раскидываютъ ихъ.—„Богъ помычъ!“—Спасиба, Ставѣръ Га-
димывичъ-Самъ-Малалѣтинъ-Пьяница!—Куда ѣдишь, куды
путь дяржишь?—„Ѣду свѣту бѣлыва пасматрѣть и сябе пака-
затъ!“—Вазьми и мяне съ сабою!—„Какъ жа тыбе ўзять: видъ
ты при доужнысти!“—А, ета доужнысть плахалъ: дубы у кучу
пазраслись, дыкъ я ихъ рассажю!—„Ну, када такъ, то па-
ѣдимъ!“—Дубавикъ вырваў дубъ у 12 абхватнѣ, идеть, пу-
пирайтца и за ими услѣдъ спраўляйтца. Падзвизжашы Ставѣръ
Гадимывичъ са сваими таварышними на ряку Донъ, садить тамъ
Вусыня: на 'дномъ вусу прудъ, а на другомъ—платина.—
„Здрастуй, Вусыня! Пумагай Богъ!“—Спасиба, Ставѣръ Гади-
мывичъ-Самъ-Малалѣтинъ-Пьяница! Куды ѣдишь, куды путь
дыржишь?—„Ѣду свѣту паглядѣть и сябе показатъ!“—Вазьми,
братъ, и мяне!—„Ахъ, зачимъ жа тыбе братъ: ты при доуж-
нысти!“—Ну, вы пиріизжайти-ка чиризъ мостъ, тада увидятъ.
што будить.—Яны пирѣхали. Вотъ іонъ, какъ виртануў сва-
имъ вусымъ, то и платина, и мостъ далоу съ вусоу. Узяў іонъ
съ сабою сѣпиль у 70 пудоу. Стала ихъ четири. Вотъ яны
заѣхали у тридывятны царства, у тридисятны гусударства, на
ряку Малинуўку, на Калинуў мостъ. Стыяла тамъ избушка
на куринныхъ ножкахъ, на бараннихъ рожекъ.—„Ну, ребята,
давайта мы ў етыхъ хатки атдыхнемъ сутыкѣ двою!“—Ета хатка
сама топитьца; питаннѣ, иданнѣ само гатунтъца. Сталы тамъ ду-
бовыя, скатирсти шаўковыя. Гуляли яны да вечира, да дѣлнть
имъ нечига—нада идить на старожу. Ставѣръ Гадимывичъ га-
ворить:—„Ну, Гаравикъ, ты аставайся тутъ на часахъ, а я
табѣ дамъ примѣты багатырскіи: чарку и калоду картъ; какъ
будить чарка поўна крови, то спяши ка мнѣ на падмогу. Я
пайду на ряку Малинуўку, на Калинуў мостъ?“—Буду

старатца, Ставѣрь Гадимовичъ; пубирати Богъ и тебе.— Паѣхаў іонъ на рѣку Малинѣу, на Калинѣу мость. Сѣу падъ мость и даждайтца, што будить. У самую поўнычъ ѣдять Чуда-Юда—Виззаканный, апаланяить силу бязвинную, абъ трехъ галавахъ. Іонъ толька на мость узѣѣхаў, яво конь спатыкнуўся, собыль забрихаў, саколъ зацыгнў. Іонъ гаворить:— „Ты, лашадинны мяса, чаго спатыкаиста? А ты, песья мяса, чаго брешишь?— А ты, истрябинны перья, чаго зацыгнў?— Няужли вы чуить супратіўніка?— У мяне іось супратіўникъ Ставѣрь Гадимовичъ, ды яво суда ворынъ касті ни занясць!“.. Ставѣрь Гадимовичъ выскачїу съ-падъ маста и гаворить:— „Ня ворынъ кості заносить,— самъ добрый молыдиць заходить!“ — Бросились яны ўрозъ на три вярсты, а сбились у кучу, какъ громъ пирядъ тучїй. Ставѣрь Гадимовичъ зрубїу яму 3 галавы и бросїу яго ў рѣку. Лошадь, собыля и сокыла узяў съ сабою. Пришоў къ хатѣ и гаворить: — „Гаравикъ, во табѣ каня, сабаля и сакала!“ — Пакорна благодаримъ! — Яны пїть-гулять да вечіры, да дѣлыть имъ нечива, даждались вечіра, — нала идить на старожу. Ставѣрь Гадимовичъ гаворить:— „Ну, Дубавикъ, стой на часахъ, вотъ табѣ примѣты багатырскїя: чарка и калода картъ: какъ чарка будить поўна крывѣ,—спяши тада ка мнѣ на падмогу!“ — Слухаю, Ставѣрь Гадимовичъ, буду стаять!—Паѣхаў Ставѣрь Гадимовичъ на рѣку Малинѣу, сѣу падъ Калинѣу мость. У самую поўнычъ ѣдять Чуда-Юда абъ 6 галавахъ. Конь яго на масту спатыкнуўся, саболъ забрихаў, сокыль зацыгнў. — „Ты, лашадинны мяса, чаго спатыкаиста? А ты, песья мяса, чаго брешишь?— А ты, истрябинны перья, чаго цыгнїшь? Няужли вы чуить супратіўніка? У мяне іось супратіўникъ Ставѣрь Гадимовичъ, — ды яво суда ворынъ касті ни занясць.“ — Ставѣрь Гадимовичъ выскачїу и гаворить:— „Ня ворынъ кості заносить,— самъ добрый молыдиць заходить!“ — Бросились яны ўрозъ, на 6 верстѣ, а ўдарились у кучу, какъ громъ пирядъ тучїй. Ставѣрь Гадимовичъ зрубїу яму 6 галовъ и бросїу ў рѣку, а каня, собаля и сокыла превѣу дамой и атдаў Дубавіку. На третїю ночъ становить іонъ на часы Вусню и приказыить яму, када чарка будить набигать кроўю, штоба спяшїу іонъ къ яму на падмогу. Сѣу іонъ падъ Калинѣу мость. У самую поўнычъ ѣдять Чуда-Юда абъ дивяти галавахъ. Толь-

ка іонъ узѣхаў на мость, яво конь спатыкнуўся, собыль забрихаў, а сокыль зацгыў.— „Ты, лашадиныя мяса, чаво спатыкаеся?—А ты, песься мяса, чаго брешишь? А ты, истрибиныя перья, чаго цыгаишь?—Няўжли вы чуиця супратіўніка?—У мяне іось супратіўникъ Ставѣръ Гадимовичъ,—ды ня ворынь яго суда кость занясесь!“—Ставѣръ Гадимовичъ выскычїу и гаворить:— „Ня ворынь кости заносить, самъ добрый молыдиць заходить!“ — Бросились яны ўрозъ на 9 верстъ, а сбились у кучу, какъ громъ пирядъ тучій. Ставѣръ Гадимовичъ срубїі яму 9 галоў и бросїі ў ряку, а каны, собыля и сокыла узяі съ сабою и атдаў Вусыни. Гуляли яны донь да вечира, да дѣлыть имъ нечыва, даждались вечира,—нада идить на каравуль. Ставѣръ Гадимовичъ гаворить:— „Ну, рибяты, сяни вы усї ня спитя! вотъ вамъ калода картъ, гуляйтя, а вотъ вамъ чарка: када будить ана набитать кроўю, то спяшнтя ка имъ на падмогу.“—Пашоў іонъ на ряку Малиныўку, на Калины мость, залѣзъ падъ мость и слухаить. А ети багатыри: Гарина, Дубавиць, Вусыня, гуляли—гуляли у карты и гаворить:— „Зъ имъ никада ничога ни случалась!“—Узяли ды й заспули. У самую поўнычъ ѣдить по Калинынымъ масту Чуда-Юда-Вязаканный абъ двынаццати гылывахъ. Узѣхаў іонъ на мость, конь яго спатыкнуўся, собыль забрихаў, сокыль зацгыў.— „Ты, лашадиныя мяса, чаво спатыкаеся?—А ты, песься мяса, чаго брешишь?—А ты, истрибиныя перья, чаго цыгнйшь?—Няўжли вы чуиця супратіўника?—У мяне іось супратіўникъ Ставѣръ Гадимовичъ,—ды яво суда ворынь касты ни занясесь!“—Ставѣръ Гадимовичъ выскачїу и гаворить:— „Ня ворынь кости заносить, самъ добрый молыдиць заходить!“—Разѣхались яны ўрозъ на 12 верстъ, а сбились у кучу, какъ громъ пирядъ тучій. Вотъ Чуда-Юда какъ ударїі Стаўра Гадимовича, такъ и убїі яво на калѣни у землю, а Ставѣръ Гадимовичъ сняў яму 3 галавы. И гаворить Ставѣръ Гадимовичъ:— „Ахъ, Чуда-Юда, дай мнѣ атдыхнуть, атца съ патирыю пумануть!“—Ну, пуминай!—Ставѣръ Гадимовичъ забраўся, какъ ударїі, сняўши сапогъ, у крышу хатен,—такъ и сняў яе на столъ, а ихъ ни разбудїі. Яны ипять разѣхались урозъ на 12 верстъ, а бросились у кучу, какъ громъ пирядъ тучій. Какъ ударїі яво Чуда-Юда, то убїі яво на поносъ у землю, а Ставѣръ Гадимовичъ яму 6 галоў сняў.— „Ахъ, Чу-

да-Юда, дай мнѣ атдыхнуть, атца съ матирью пумануть!“ — Ну, атдыхай! — Вотъ Ставѣръ Гадимывичъ выбраўся съ зами, сняў съ лѣвнй наги сапогъ, — какъ ударіў имъ у хатку, то пѣ вакны сняў. Зачапила тыхъ багатырей, ускочили яны, паглядать: ужу цоўна чарка кривы набѣгла. Яны пахватали свае струменты, бросились на Чуду-Юду и пурубили яво у куски, пурубили каня яво, собыла и сокыла и усѣ пубрасали ў раку. Ставѣръ Гадимывичъ гаворить: — „Ну, рибяты, було — празивали!“ — „Прасти, Ставѣръ Гадимывичъ!“ — „Ну, садитесь на коній, — паѣдимъ!“ — Многа ли, мала яны праѣхали, — іонъ имъ гаворить: — „Ну, рибяты, вы ѣдѣта тихимъ шагымъ, а я вараचуся назадъ: я пазабыў примѣты багатырскія.“ — Аны яму гаворить: — „Напрасна ѣхать за багатырскую примѣтню: даѣдимъ да горыда — еунимъ.“ — Нѣтъ, рибяты, готовая луччи! — Паѣхаў іонъ назадъ, а яны паѣхали далѣй тихимъ шагымъ. Ставѣръ Гадимывичъ паѣхаў у тридыватня царства, у тридыватня гусударства, идѣ стыаў Чудинъ-Юдинъ домъ. Успрыгнуў іонъ на третій атажъ, на балхонъ, стаў падъ вавномъ и слухантъ, што будутъ гаварить жонки, Аны и гаворить. Свякрова и гаворить. — „Ну, мае, вы, нявѣстухи, нѣту вашихъ мужей, а маихъ сыноў: вѣрна, ихъ пабіў Ставѣръ Гадимывичъ-Самъ-Малалѣтинъ-Пьяница!“ — Патомъ меншія нявѣстка гаворить: — „Я думаю во што сдѣлать: накіну на ихъ дрымату, забягу ўпяредъ и сдѣлаюсь чатырьми шатрамі, а ў тыхъ шатрахъ чатыри кравати. Яны захочуть спать, ляжуть на эти кравати, а ихъ и разарветъ на мелкія части.“ — Сяреднія гаворить: — „Я на ихъ накіну жароту: какъ яны захочуть пить, тада я забягу ўпяредъ, сдѣлаюсь калодисъ. Яны какъ напьютца, то ихъ и разарветъ на мелкія куски.“ — Большая нявѣстка гаворить: — „Я на ихъ накіну голыдъ: какъ яны захочуть ѣсть, я забягу ўпяредъ и сдѣлаюсь яблыня: залатая яблычка и сяребринныя. Яны какъ паидять ихъ, то ихъ разарветъ на мелкія кусочки.“ — А свякрова гаворить: — „Ну, я ни пу вашему: я каго даганю, таго и зѣмъ!..“ Ставѣръ Гадимывичъ гаворить самъ сабѣ. — „Ну, ладна: паглядимъ!“ — Паѣхаў іонъ даганять свайхъ таварышіў: у три часы дагнаў и гаворить: — „Ну, рибяты, хто у насъ будить старшій?“ — „А будь ты, Ставѣръ Гадимывичъ!“ — „Ну, када я, то и слухайта мяне у ваўсѣмъ!“ — Ъхали яны, ѣхали, захатѣлись имъ сильна

„Благодарю, Ванька-Ширамыжка:—папили, пагуляли, пубаё-дывали; на нѣскальки урема крошки хлѣба ня ўвидить у сва-ицѣ царстви.“—Приходють яны кѣ сляпому Листину:—„На, сляпой Листинь, ету красавицу: ни табѣ ёю ўладѣть, а нѣ, добраму молайцу!..“ Ина заплакала, якѣ рика, горькими слезами.—Листинь гаворить:—„Нѣтъ, я яе такѣ ни вазьму: ты зѣ ёю грѣхѣ мѣў!..“ Ну, какѣ ня ѣла душа чиснаку, такѣ ина и пахнутъ ня будить. Выкапаў Листинь яму, напаліў поўну вугалья: палощутъ полы висока-висока. Гаворить Листинь:—„Ну, када ты зѣ ёю грѣха ня мѣў, то пирайдешъ; а када мѣў то пупадешъ.“ — Бяретъ Листинь траву чирнабылину і кладетъ черизъ ету яму, черизъ агонь.—„Ну, када твая душа чиста, то пирайдешъ; а начиста, то упадешъ.“ Ванька сичасъ рухтанца, идетъ черизъ травинку. Змінная каралеўна схватила яго 12-ти пудовую пупирашку и пирилажила черизъ яму. Ванька сичасъ шаркѣ, пашоў и пирайшоў черизъ ету яму. Змінная каралеўна пупирашку сичасъ атхватила. Іонъ тады и гаворить:—„Гасподь мяне пирянесъ, нявинную душу!..“ Сляпёй Листинь гаворить:—„Ну, бари сваю кабылу!..“ Ванька-Ширамыжка и гаворить:—„Я сваей кабылы ни вазьму.“—Атѣ чаго жѣ?—„А ты зѣ ёю грѣхѣ мѣў“.—Ета пустяки.—„Нѣтъ, ни пустяки“.—Ну, я пирайду черизъ яму, якѣ ты.—И кладетъ сляпёй Листинь травину чирнабылину, атпраўлянтца черизъ агонь. Толькы іонъ атправіўся, а змінная каралеўна схватила 12-ти-пудовую пупирашку и давай бить пупирашку сляпога Листина зверьху: тутъ ина яго и змясила умѣсти сѣ жарымъ. Тады и гаворить Ванька-Ширамыжка:—„Слава Богу, што я усихъ сваихъ пубядитиліў пубядіў!.. Ну, змінная каралеўна, таперъ идемъ са мною у наё царства!..“ Прінзжанть іонъ у сваё царства; тутъ яго сустри-кають сѣ пупами, сѣ патріярхами, са ўсею духоваю музыкою; сустрикають яго атецъ и братьта; стали цалуватца, стали млуватца. Уходитъ іонъ у свае палаты: стали пить, стали гу-лять. Тады гаворють.—„Пайдѣхъ, батюшка, лукавицы размы-зывать“.—Ну, сичасъ іонъ приходить кѣ лукавицамъ. Таѣ нѣскалька лѣтъ билися цари и карали и ни маглі тѣя лука-вицы развизать и палавину царства узять. (А завизаў ети лукавицы Ванька-Ширамыжка: када ети лукавицы развизить хто, таму яго сястру замужъ атдавать). Ванька гаворить:—

„Нѣтъ, гаспада, ня вы визали, — ня вы и развязывать буди-
ти!..“ Ну, якъ самъ завизаў, самъ и развязаў, и палавину чар-
ства яму атець сичасъ атнисяў. — „Ну, таперь, батюшка, маю
сястру, а сваю дачку за каго знантя, за таго и атдавайта!..“
Ну, сичасъ ня пива варить, ня мёдъ саладить, а свадьбу за-
вадить. Свадбѣ сыйграли и палавину чарства узали; застаўся
Ванька-Ширамыжка жить у сваёй чарствѣ, съ сваёю змѣниною
каралеўною, дочірью Дадона Дадоньвича. — Сказка уся, а раз-
сказывать далѣй нильзя.

№ 8.

Доревня Бердѣяки Ельнинскаго уѣзда.

**Абъ Иванѣ Гадимовичѣ, Алексѣѣ Гадимовичѣ, Стаўрѣ Га-
димовичѣ-Самѣ-Малалѣтинѣ-Пьяницѣ.**

Лошаты Ивана Гадимовича — Лататай. Чуда-Юда Вяззаканный.
Гадимъ Цимбалдавичъ. Ращей-лошаты. Конюхъ Ивашка — сѣрая
сирьяжка — золотая пугувица. Гаравикъ. Баравикъ. Вусныя.
Рика Малинука. Калину мость. Чуда-Юда абъ трехъ гала-
вахъ. Чуда-Юда абъ шати галавахъ. Чуда-Юда абъ двана-
цати галавахъ. Чудинъ-Юдинъ домъ. Свякroва и нявѣстки
Чудн-Юдн. Ваўшебныя краваты, ябланы, калодисы. Свякroва
примають личины (образы) Змян Шкурупен. Прыглатила Гар-
вика, Баравика и Вусныю. Валакаламскій плухъ. Царъ Конытъ —
барада зъ локытъ, съ 70 валoу сумка. Старикъ съ мятлою
зганяить зори да кучи, штоба святили. Рыбалоу. Два парни-
лада полютъ — агонь у ихъ да нѣби. Царъ Ирадъ. Низгариний
чилавѣкъ. Алена пріўкрасная. Марья Вараноўна.

Въ нѣвѣтарамъ царствѣ, иминна ў нашимъ гусударствѣ, на
роўнымъ мѣсти, какъ на баранѣ, жиў царъ Гадимъ, и было у
яво три сына: первый сынъ Иванъ Гадимовичъ, другой сынъ
Аляксѣй Гадимовичъ, третій сынъ Ставѣръ Гадимовичъ-Самъ-
Малалѣтинъ-Пьяница. Разгуливали уси царевичи по саду, а
атцу уздумалась правѣдать у сваёй царствѣ. Выходить іoнъ
на паратныя сваё крыльцо и кричить громкымъ голыснѣмъ: —
„Иванъ Гадимовичъ!“ Иванъ Гадимовичъ къ палатушки пад-
ступантъ, кармазыничку сымають: — „Абъ чомъ, гасударъ-ба-

тешка, треба?—Сынъ мой милый, сынъ любимый, какъ-ба ў нашимъ царстви атвѣдать?—„Ета можна!“—Уходитъ Иванъ Гадимовичъ у пылати, уходитъ, надивае царскую адежу и падвизые вострую кошу. Идетъ іонъ на ставы-канюшни выбирать на сябѣ лошадь. Выбраў іонъ лошадь Латата. Иванъ Гадимовичъ са двара сажжаў, атцу зъ матирью честь атдаў. Паѣзжаў іонъ за горы крутѣ, за рѣки больша. А за гарами крутими, за риками большими, тамъ трава шаўковая, раса зямчужная; стаятъ тамъ кравати тисавѣ, пярини пухавѣ, адіалы шаўкавѣ. Лататай бросіўся на траву, а Иванъ Гадимовичъ легъ на караватъ и уснуў. Увидаў іонъ у ва снѣ сонъ дикый и сонъ страшный: найзжаў Чуда-Юда Биззаканный. Прашнуўся Иванъ Гадимовичъ и абрабѣў. Асидлаў іонъ свайго Латату, пріѣхаў дамой. Каня свайго паставіў на мѣста, копію и адежду царскую палажіў у чухавусъ, а самъ пашоў къ свайму атцу съ пакланеніемъ:—„Атецъ мой, Гадимъ Цымбаловичъ!—И ў полъ ни даѣхаў: ударила мяне ў потъ и бросила мяне ў марозъ!“—Ну, сынъ мой, Иванъ Гадимовичъ, а табѣ усѣ прашаю: ты ища никада нійдѣ не быў и людей ты ии видаў. Выходить царъ Гадимъ на парадныя сваѣ крыльцо и кричить громкымъ голосымъ:—„Аляксѣй Гадимовичъ!“—Аляксѣй Гадимовичъ къ палатушки падступантъ, кармазничку снімантъ:—„Абъ чомъ, гасударъ-батьшка, треба?“—Сынъ мой, Аляксѣй Гадимовичъ, ты ии можна правѣдать, што ў нашимъ царстви?—„Усѣ, батьшка, мажно?“—Пашоў іонъ у дварецъ, надѣў царскую адежу и падпаясаў залатую шпагу. Пашоў іонъ на ставы-канюшни и выбраў сабѣ лошадь Рацея. Аляксѣй Гадимовичъ съ палатушки выѣзжаў, свайму атцу честь атдаў и паѣхаў за горы крутѣ, за рѣки больша. За гарами крутими, за риками большими, тамъ трава шаўковая, раса зямчужная; тамъ стаятъ каравати тисавѣ, пярини пухавѣ, адіалы шаўкавѣ. Рацей бросіўся на траву, а Аляксѣй Гадимовичъ легъ на караватъ и уснуў. Видить іонъ сонъ дикый и сонъ страшный: найзжантъ на яво Чуда-Юда-Биззаканный и хочить яво паразить. Прабудіўся Аляксѣй Гадимовичъ атъ сну, абрабѣў, асидлаў свайго рысстаго Рацея и паѣхаў назадъ. Пріѣхаў дамой, паставіў свайго Рацея на мѣста, сбросіў сваю адежу паратную, цѣлыхъ три дни ии паказываўся на глази атцу. Пришоў атецъ, а іонъ ляжить на каравати:—„Милый

мой Аляксѣй Гадимовичъ! Ни отвѣдау ли ты майго царства?“ — Нѣтъ, папашка, у полъ ни даѣхау. — „Ну, ты людей ни видау: табѣ я ета прашаю!“ — Гуляли царевичи па саду. Выходить Гадимъ на паратня сваѣ крыльцо и кричить громкымъ голысымъ: — „Ставѣрь Гадимовичъ!“ — Ставѣрь Гадимовичъ къ палатужки падступантъ, кармазынчыку сымантъ: — „Абъ чомъ, гасударь-батюшка, требуишъ?“ — Сынъ мой, Ставѣрь Гадимовичъ! Ти ня можна у царствѣ отвѣдать?“ — „Ахъ, батюшка! — Када мае братья ня отвѣдали, а я на гатови, — ну, ды папробую!“ — Пашоу іонъ на ставы — ка-нюшни выбирать па сябѣ лошады; усихъ абайшоу: на каторую руку ни паложить, на калѣнки упадѣтъ, а иная и саўсѣмъ прападѣтъ. Заплакау іонъ; самъ сябѣ и думантъ: — „Зайду къ конюху Ивашки-Сѣрый сирмяжки-Залатѣй пугувицы.“ — Приходить іонъ и гаворить: — „Здрастуй, Ивашка!“ — „Здрастуй, Ставѣрь Гадимовичъ-Самъ-Малалѣтинъ-Пьяница, куда идѣта?“ — „Я зайшоу къ табѣ: ти нѣту у табѣ лошади па мнѣ; — у табѣ ихъ валикий табунъ!“ — Нѣтъ, милый, у мене лошади па табѣ нѣту: вотъ, выбирай самъ! — Ставѣрь Гадимовичъ стау выбирать лошады па сябѣ: на каторую руку накладѣтъ — на калѣнки упадѣтъ, а иная и саўсѣмъ прападѣтъ. Атыйшоу іонъ атъ Ивана — Ивашки ў чистыя поля. Нямнога атыйшоу, конюхъ Ивашка и кричить: — „Вярнись назадъ у свой атцоўскы домъ! Возли анбара стайтъ погрибъ, а ў погриби стайтъ лошады твайво дѣдушки Цымбалды; ана ужъ 30 лѣтъ ѣсть ярую пашаницу: вотъ тая лошады будить табѣ годна!“ — Пришоу Ставѣрь Гадимовичъ къ таму погрибу и крикнуу багатырскымъ голысымъ. Тамъ лошады и зарзала, — какъ зарзала, то шестира дварей и атбила, а 6 атбіу Ставѣрь Гадимовичъ (ана стыяла за двинацати дварьми). Выскычила съ погриба лошады и узвилася на дыбы, — аттаво ана узвилася, што 30 лѣтъ свѣту ни видала: ўзаирти стыяла. Іонъ яе схватау за пувада, какъ даріу пу христвахъ, — такъ ана и стала, какъ убитая. Увайшоу іонъ у погрибъ, а тамъ лажала адежа багатырская. Іонъ надѣу панцырь и падвизау мечъ-кладянецъ и узяу примѣты багатырскія: залатую чарку и калоду картъ. Сѣу іонъ на лошады, ана ажну вряхнула, — крикнуу Ставѣрь Гадимовичъ багатырскымъ голысымъ: — „Пращай, атецъ — мати!“ — Какъ паѣхау, только хвостъ балтануўся ў балакахъ. Іонъ ѣхау, висаліўся и самъ съ сабою разсуждау: — „Благодарю я Ата-Бога: хутъ на свѣти пугуляю

нямного!..“ Падзвизжаны іонъ къ Балванскимъ гарахъ; горн
еты ажъ за болыи заходють. Ходить на етныхъ гарахъ Гара-
виекъ зъ лупатыю: чирпанеть гару, такъ и ссунить яе далоу.—
„Богъ помычъ, Гаравиекъ!..“—Спасиба, Ставѣръ Гадимивичъ-
Самъ-Малалѣтинъ-Пяница! Куды ѣдишь?—„Ѣду свѣту пагля-
дѣть и сябе паказать!“—Вазьми и мяне съ сабою!—„Какъ жа
тыбе братъ, када ты при доужнысти?“—Ну, ета доужнысть
плахал!—„Ну, када такъ, то пайдемъ!“—Ставѣръ Гадимивичъ
ѣдитъ на лышиди, а Гаравиекъ спраўляйтца за имъ услѣдъ.
Падходють яны къ дубамъ, Дубавиекъ ходить, вырываютъ дубы
и раскидываютъ ихъ.—„Богъ помычъ!“—Спасиба, Ставѣръ Га-
димивичъ-Самъ-Малалѣтинъ-Пяница!—Куда ѣдишь, куды
путь дяржишь?—„Ѣду свѣту бѣлыва пасматрѣть и сябе пака-
зать!“—Вазьми и мяне съ сабою!—„Какъ жа тыбе ўзять: видъ
ты при доужнысти!“—А, ета доужнысть плахал: дубы у кучу
пазраслись, дыкъ я ихъ рассажю!—„Ну, када такъ, то па-
ѣдимъ!“—Дубавиекъ вырваў дубъ у 12 абхватѣў, идеть, пу-
пирайтца и за ими услѣдъ спраўляйтца. Падзвизжаны Ставѣръ
Гадимивичъ са сваими таварышыми на ряку Донъ, сидить тамъ
Вусыня: на дноу вусу прудъ, а на другомъ—платина.—
„Здрастуй, Вусыня! Пумагай Богъ!“—Спасиба, Ставѣръ Гади-
мивичъ-Самъ-Малалѣтинъ-Пяница! Куды ѣдишь, куды путь
дыржишь?—„Ѣду свѣту паглядѣть и сябе паказать!“—Вазьми,
братъ, и мяне!—„Ахъ, зачимъ жа тыбе братъ: ты при доуж-
нысти!“—Ну, вы пирізжайти-ка чиризъ мостъ, тада увидятъ.
што будить.—Яны пирѣхали. Вотъ іонъ, какъ виртануў сва-
имъ вусымъ, то и платина, и мостъ далоу съ вусоу. Узяў іонъ
съ сабою сѣпиль у 70 пудоу. Стала ихъ четири. Вотъ яны
заѣхали у тридыватны царства, у тридисатны гусударства, на
ряку Малинууку, на Калинуу мостъ. Стыяла тамъ избунка
на куриныхъ ножкахъ, на бараннихъ рожекъ.—„Ну, рибати,
давайта мы ў етны хатки атдыхнемъ сутыне двоя!“—Ета хатка
сама топитца; питаннѣ, иданнѣ само гатуйтца. Стали тамъ ду-
бовыя, скатирсти шаўковыя. Гуляли яны да вечира, да дѣлѣтъ
имъ нечига—нада идить на старожу. Ставѣръ Гадимивичъ га-
ворить:—„Ну, Гаравиекъ, ты аставайся тутъ на часахъ, а я
табѣ дамъ примѣты багатырскіи: чарку и калоду картъ; какъ
будить чарка поўна крови, то спяши ка мнѣ на падмогу. Я
пайду на ряку Малинууку, на Калинуу мостъ?“—Буду

старатца, Ставѣръ Гадимывичъ; пубирыги Богъ и табе.— Паѣхаў іонъ на ряку Малиныўку, на Калиныў мость. Сѣу падъ мость и даждайтца, што будить. У самую поўнычъ ѣдять Чуда-Юда—Виззаканний, апаланяить силу бязвинную, абъ трехъ галавахъ. Іонъ толька на мость узѣѣхаў, яво конь спатыкнуўся, собыль забрихаў, сакдль зацгыў. Іонъ гаворить:— „Ты, лашадинны мяса, чаго спатыкаистя? А ты, песья мяса, чаго брешишь?— А ты, истрябинны перья, чаго зацгыў?— Няўжи вы чуитя супратіўника?— У мяне іось супратіўникъ Ставѣръ Гадимывичъ, ды яво суда ворынь касты ни занясць!“.. Ставѣръ Гадимывичъ выскачїу сь-падъ маста и гаворить:— „Ня ворынь касты заносить,— самъ добрый молюдиць заходить!“— Бросились яны ўрозъ на три вярсты, а сбились у кучу, какъ громъ пирядъ тучїй. Ставѣръ Гадимывичъ зрубїу яму 3 галавы и бросїу яго ў ряку. Лошадь, собыля и сокыла узяў сь сабою. Пришоў къ хатки и гаворить: — „Гаравикъ, во табѣ каня, сабаля и сакал!“— Пакорна благодаримъ! — Яны питьгулять да вечіры, да дѣлыть имъ нечыва, даждались вечіра, — нала идить на старожу. Ставѣръ Гадимывичъ гаворить:— „Ну, Дубавикъ, стой на часахъ, вотъ табѣ примѣты багатырскія: чарка и калода картъ: какъ чарка будить поўна кривъ,—спяши тада ка мнѣ на падмогу!“—Слухаю, Ставѣръ Гадимывичъ, буду стаать!—Паѣхаў Ставѣръ Гадимывичъ на ряку Малиныўку, сѣу падъ Калиныў мость. У самую поўнычъ ѣдять Чуда-Юда абъ 6 галавахъ. Конь яго на масту спатыкнуўся, сабдль забрихаў, сокыль зацгыў. — „Ты, лашадинны мяса, чаво спатыкаистя? А ты, песья мяса, чаво брешишь?— А ты, истрябинны перья, чаго цыгынишь? Няужли вы чуитя супратіўника? У мяне іось супратіўникъ Ставѣръ Гадимывичъ, — ды яво суда ворынь касты ни занясць.“ — Ставѣръ Гадимывичъ выскачїу и гаворить:— „Ня ворынь касты заносить,— самъ добрый молюдиць заходить!“ — Бросились яны ўрозъ, на 6 версть, а ўдарились у кучу, какъ громъ пирядъ тучїй. Ставѣръ Гадимывичъ зрубїу яму 6 галовъ и бросїу ў ряку, а каня, собаля и сокыла превѣў дамой и атдаў Дубавику. На третїю ночь становить іонъ на часы Вусыню и приказнить яму, када чарка будить набигать кроўю, штоба спяшїі іонъ къ яму на падмогу. Сѣу іонъ падъ Калиныў мость. У самую поўнычъ ѣдять Чуда-Юда абъ дивяти галавахъ. Толь-

ка іонъ узѣхаў на мость, яво конь спатыкнуўся, собыль забрихаў, а сокылъ зацгыў.— „Ты, лашадиныя мяса, чаво спатыкаеся?—А ты, песься мяса, чаво брешишь? А ты, истрябинныя перья, чаво цыгаишь?—Няўжли вы чуиця супратіўніка?—У мяне іосьць супратіўникъ Ставѣръ Гадимовичъ,—ды ня ворынь яго суда кость занясець!“—Ставѣръ Гадимовичъ выскычў и гаворить:— „Ня ворынь кости заносить, самъ добрый молюдиць заходитъ!“ — Бросились яны ўрозъ на 9 верстъ, а сбились у кучу, какъ громъ пирядъ тучій. Ставѣръ Гадимовичъ срубї яму 9 галоў и бросїў ў ряку, а каня, собыля и сокыла узяў съ сабою и атдаў Вусыни. Гуляли яны донь да вечира, да дѣлать имъ нечыва, даждались вечира,—нада идить на каравуль. Ставѣръ Гадимовичъ гаворить:— „Ну, рибяты, санины вы усн ня спитя! вотъ вамъ калода картъ, гуляйтя, а вотъ вамъ чарка: када будить ана набигать кроўю, то спяшнтя ка мнѣ на падмогу.“—Пашоў іонъ на ряку Малинуўку, на Калину мость, залѣзъ падъ мость и слухаить. А ети багатыри: Гарыня, Дубавиць, Вусыня, гуляли—гуляли у карты и гаворить:— „Зъ имъ нывада ничога ни случалась!“—Узяли ды й заснули. У самую поўнычъ ѣдить по Калиновымъ масту Чуда-Юда-Визаканый абъ двынаццати гылывахъ. Узѣхаў іонъ на мость, конь яго спатыкнуўся, собыль забрихаў, сокылъ зацгыў.— „Ты, лашадиныя мяса, чаво спатыкаеся?—А ты, песься мяса, чаво брешишь?—А ты, истрябинныя перья, чаво цыгнешь?—Няўжли вы чуиця супратіўника?—У мяне іосьць супратіўникъ Ставѣръ Гадимовичъ,—ды яво суда ворынь кисти ни занясець!“—Ставѣръ Гадимовичъ выскачїў и гаворить:— „Ня ворынь кости заносить, самъ добрый молюдиць заходитъ!“—Разѣхались яны ўрозъ на 12 верстъ, а сбились у кучу, какъ громъ пирядъ тучій. Вотъ Чуда-Юда какъ ударїў Стаўра Гадимовича, такъ и убіў яво на калѣни у землю, а Ставѣръ Гадимовичъ сняў яму 3 галавы. И гаворить Ставѣръ Гадимовичъ:— „Ахъ, Чуда-Юда, дай мнѣ атдыхнуть, атца съ матирью пумануть!“—Ну, пуминай!—Ставѣръ Гадимовичъ выбраўся, какъ ударїў, сняўши сапогъ, у крышу хатки,—такъ и сняў яе па столь, а ихъ ни разбудїў. Яны ипать разѣхались ўрозъ на 12 верстъ, а бросились у кучу, какъ громъ пирядъ тучій. Какъ ударїў яво Чуда-Юда, то убіў яво на пось у землю, а Ставѣръ Гадимовичъ яму 6 галоў сняў.— „Ахъ, Чу-

да-Юда, дай мнѣ атдыхнуть, атца съ матирью пумануть!“—
 Ну, атдыхай!—Вотъ Ставѣръ Гадимивичъ выбраўся съ зяи,
 сняў съ лѣвнй наги сапогъ,—какъ ударіў имъ у хатку, то пѣ
 вакны сняў. Зачапила тыхъ багатырей, ускѣчили яны, пагли-
 дять: ужу поўна чарка криви набѣгла. Яны пахватали свае
 струменты, бросились на Чуду-Юду и пурубили яво у куски,
 пурубили каня яво, собыля и сокыла и усѣ пубрасали ў ряку.
 Ставѣръ Гадимивичъ гаворить:—„Ну, рибаты, було—прази-
 вали!—„Прасти, Ставѣръ Гадимивичъ!—„Ну, садитись на ко-
 ній,—паѣдимъ!“—Многа ли, мала яны прѣхали,—іонъ имъ
 гаворить:—„Ну, рибаты, вы ѣдъта тихимъ шагымъ, а я ва-
 рачуса назадъ: я пазабыў примѣты багатырскія.“—Аны яму
 гаворють:—„Напрасна ѣхать за багатырскую примѣтню: да-
 ѣдимъ да горыда—купимъ.“—Нѣтъ, рибаты, готовая луччи!—
 Паѣхаў іонъ назадъ, а яны паѣхали далій тихимъ шагымъ.
 Ставѣръ Гадимивичъ паѣхаў у тридыватня царства, у триди-
 сятня гусударства, идѣ стняў Чудинъ-Юдинъ домъ. Успрыг-
 нуў іонъ на третій атажъ, на балхонъ, стаў падъ вавномъ и
 слухантъ, што будутъ гаварить жонки. Аны и гаворють. Свя-
 крова и гаворить.—„Ну, мае, вы, нявѣстушки, нѣту вашихъ
 мужеў, а маихъ сыноў: вѣрна, ихъ пабіў Ставѣръ Гадимивичъ-
 Самъ-Малагѣтинъ-Пьяница!“—Патомъ меншія нявѣстка гаво-
 рить:—„Я думаю во што сдѣлать: накіну на ихъ дригату,
 забягу ўпередъ и сдѣлаюсь чатырьми шатрами, а ў тыхъ шат-
 рахъ чатыри кровати. Яны захочуть спать, ляжуть на эти ка-
 раваты, а ихъ и разарветъ на мелкія части.“—Середнія гаво-
 рить:—„Я на ихъ накіну жароту: какъ яны захочуть пить,
 тада я забягу ўпередъ, сдѣлаюсь калодисъ. Яны какъ на-
 шьютца, то ихъ и разарветъ на мелкія куски.“—Большая ня-
 вѣстка гаворить:—„Я на ихъ накіну голыдъ: какъ яны захо-
 чуть ѣсть, я забягу ўпередъ и сдѣлаюсь яблнны: залатая яб-
 лчка и саребринны. Яны какъ памдять ихъ, то ихъ разар-
 ветъ на мелкія кусочки.“—А свякroва гаворить:—„Ну, я
 ни пу вашиму: я каго даганю, таго и зѣймъ!..“ Ставѣръ Га-
 димивичъ гаворить самъ сабѣ.—„Ну, ладна: паглядимъ!“—
 Паѣхаў іонъ даганять сваихъ таварышіў: у три часы дагнаў
 и гаворить:—„Ну, рибаты, хто у насъ будить старшій?“—А
 будь ты, Ставѣръ Гадимивичъ!—„Ну, када я, то и слухайта
 мане у ваўсѣмъ!“—ѣхали яны, ѣхали, захатѣлись имъ сильна

спать: ажну валютца зъ лашадей. Пафхали яны на шатры, бросились яны едній путать и хатѣли лажитца спать, а Ставѣръ Гадимовичъ гаворить:— „Ну, ребятн, падажита: уняредъ я сабѣ каравать 'блюбую!“—Яны падаждали. Іонъ выхвату свой мечъ и давай рубить шатры и каравати: ни стала ни караватій, ничога, только кроў. Пафхали яны далій. Сдѣлалась жарка,—захатѣлись имъ пить. Увидили яны калодись, бросились тудн. Ставѣръ Гадимовичъ гаворить:— „Стои, ребятн! уняредъ я напьюсь!“—Выхвату іонъ свой мечъ и давай рубить калодись: нѣтъ нїдѣ ничога, только кроў. Пафхали яны далій, захатѣлись имъ дужа ѣсть. Видють яны: стаить яблынька, залатон яблычка и сяребриння. Яны бросились скарѣй на ету яблнню, а Ставѣръ Гадимовичъ гаворить:— „Стои, ребятн! уняредъ я!“—Вотъ іонъ выхвату мечъ, какъ почаў рубить,—нѣтъ нїдѣ начаво: только кроў.— „Ну, ребятушки, таперъ хто увнїдетъ, таво й Богъ упасетъ!“—Пафхали яны ва ўсею силу. Даганянтъ ихъ ета Змія-Шкурупея, схватила Дубувика и прыглатила и съ канемъ, и съ сабалѣмъ, и съ сакаломъ, и съ дубимъ. Патомъ прыглатила Гаравика и зъ лупатню, и са ўсими ято струментами, и съ ахотню. Пакуль ана справилась зъ ими,—яны на 1000 верстѣ уфхали. Даганянтъ ихъ Змія-Шкурупея, схватила Вусню и праглытила и съ вусами, и са ўсею яво ахотню. Ставѣръ Гадимовичъ у ету пору прїѣхаў къ зялѣзній кузнн, тамъ куетъ Кузьма-Димьянъ,—іонъ и гаворить на Кузьму-Димьяна:— „Святѣй Кузьма-Димьянъ, избаў ать нячистый силы!“ Кузьма-Димьянъ упустїу яво ў кузню и заперъ дверь. Прилятѣла Змія-Шкурупея на кузню и гаворить:— „Кузьма-Димьянъ! Падай мнѣ етыга падлица, а то я тебе съѣмъ!“—Ну, пралижи ать трехъ разъ стану,—тады я табѣ ято пасажу на языкъ!—Ана какъ стала лизать, то прализала ать трехъ разъ стану, высунала языкъ да самыи накавальни:— „Ну, садъ яго!“ Кузьма-Димьянъ распець клеши абъ 12-ти пудоу, схвату яе языкъ клещами, какъ узяў молитъ у 100 пудоу, какъ стаў жарить пу языку. Патомъ били, били и гаворють:— „Кархай нашига Вусню!“ Ана карханула и выкархнула Вусню живога са ўсею ахотню. Какъ стали бить яе у траемъ:— „Кархай Дубувика!“ Ина яво выкархнула саўснмъ и съ дубимъ. Дубавикъ какъ стаў яе жарить дубимъ: „Кархай Гаравика!“—Ина выхаркала и Гаравика са ўсею ахотню. Га-

равнѣ же бѣ лупатыю. Стаяу кала кузни Балакаламскѣ плугъ; яны узали залѣзныя ланцюги и запрягли же у етытъ плугъ. Паѣхали яны на ей къ морю, узидрали роу 12-ти аршинъ глубины и ширины. Падайшла ана къ морю, начала пѣть. Патуда пила, пакуда лопнула. Яны же спалили на агни, а залу ету разсыпали на полю: зала тутъ жа атживилась и сѣлалась машкарою. Атпускау ихъ Кузьма-Димьянъ и приказывау:—„Будитя ѣхатъ дарогю, будить кланитца лѣсъ зъ лѣснмъ, дарога съ дарогю, трава съ травою.—глядитя: ня смѣйтися!“—Яны ѣхали, видили ета и ни засмѣялися; а двѣ цурычки съ-падъ ния бутурнулися, яны усмихнулися: аткуль узаяся царь Кокытъ, барада зъ локытъ, 70 аршинъ залѣзная пуга, а съ 70-ти валоу у яво сумка. Іонъ ихъ абматау залѣзною пугю, усадиу ихъ у торбу, принесъ дамой и усадиу ихъ у астрогъ. Патомъ гаворить:—„Ну, Ставѣръ Гадимвичъ, іостъ у тридесатымъ царствѣ, у тридесатымъ гусударствѣ царь Ирыдъ, у яво іостъ дочка Алѣна Прикрасныя: када ни дастанишь, то на вѣки атсюль ни пуцу.“—Ну, атдай мнѣ маихъ таварышю, тада я дастану!—„Ну, нѣтъ: я таварышъ табѣ ни атдамъ.“—Ну, ладна: таварышю я табѣ тута астаюлю, тольва ты ихъ тутъ ня мучь.—Атправѣся іонъ у тридесатыя царства, у тридесатыя гусударства, къ царю Ирыду. И ѣдитъ іонъ па крутыхъ гарахъ, а па гарахъ ходитъ старикъ съ мятлоу:—„Здрастуй, Ставѣръ Гадимвичъ-Самъ-Малалѣтинъ-Пьяница! Куда ѣдишь?“—Ѣду къ царю Ирыду за Алѣною Прикрасною!—„Вазьми и мене съ сабою!“—А какъ жа мнѣ братъ табе: ты при доужнысти!—„А ета доужнысть плахая: я сганяю зори у кучу, штоба яны святѣли!“—Ну, паѣдимъ!—Ѣхали яны кала рѣчки. Сядитъ тамъ рыбалоу. „Здрастуй, Ставѣръ Гадимвичъ! куда ѣдишь?“—Ѣду къ царю Ирыду за Алѣною Прикрасною.—„Вазьми и мене съ сабою!“—Паѣдимъ! Да какъ мы чиризъ рѣчку пирѣдимъ: мѣста нѣту?—„А пагадитя!..“ Рыбалоу нагнууся, выпѣу усю рѣчку; када яны пирѣхали, іонъ же ипять выпустѣу. Ишли яны, ишли, видють: два парня палють ляда, у ихъ агонь да самыи нѣби.—Ставѣръ Гадимвичъ! вазьми и насъ съ сабою!“—Нѣтъ, ребята, вашъ агонь апасинъ: идѣ-побудъ вы ўсѣ царства выпалитя!—Тада адинъ паринъ зайшоу съ аднѣй стараны, а другой съ другой стараны: адинъ дунуу, другой плюнуу,—ни асталась ня днѣй искрыки:

и трубки даѣжа нильзя закурить. Такъ сабрались ихъ 5 члавѣкъ. Приходятъ яны къ дварцу царя Ирыда. Домъ яго агромный, кругомъ двара аграда зялѣзныя, а на вярху бнѣ тынѣ, на каждый тычинки па члавѣчиский галавѣ, толька на 5-ти тычинкахъ ни було галоу. Ставѣръ Гадимивичъ арабѣу и гаворитъ:— „Ну, рибаты, знать на етыхъ тычинкахъ будутъ сядѣть наши голывы!“—Ахъ, Ставѣръ Гадимивичъ, какой ти юсь багатырь: сичасъ и арабѣу!.. Богъ милосліу!.. Ты ни рабѣй, а иди прима къ царю; када іонѣ будитъ пытать, сколько васъ члавѣкъ, то ты гавари, што пять. Іонѣ будитъ гаваритъ:— „Я буду гатувать къ свадьби 500 быкоу,—ти паястѣ вы?“—А ты гавари:— „Пумиркуимся!“—Іонѣ будитъ гаваритъ:— „Я буду гатувать къ свадьби 500 булнѣхъ хлѣба, 500 пирогоу, 500 бочикѣхъ пива, ти паястѣ вы, ти пупѣтѣ вы?“—А ты гавари:— „Пумиркуимся!“—Пришоу Ставѣръ Гадимивичъ у домъ: царь Ирыдъ абѣдаить, и абѣдають зъ имъ крысы, мыши, лягушки и ўсякая тварь. Ставѣръ Гадимивичъ увидіу ету гагадысь, разсміяўся, а Ирыдъ ета приняу у капризь:— „Што жъ ты пришоу мяне прасмихатъ?..“—Нѣтъ, ваша царскыя вѣличества, я пришоу у сваты!— „Ну, якъ станить дѣўка на парѣ, — ня ўдѣржишь на дварѣ: пара атдавать. Сколько васъ усикъ члавѣкъ, штоба знать, штѣ и сколько пригатовить?“—Насъ пять.— „Ну, я сгацию 500 быкоу жаринныхъ, ти паястѣ вы?“—Пумиркуимся!— „Ну, я сгацию 500 пирогоу и 500 булнѣхъ хлѣба: ти паястѣ вы?“—Пумиркуимся!— „Ну, я наварю 500 бочикѣхъ пива: ти пупѣтѣ вы?“—Пумиркуимся!— „Ну, када такъ, то мае сваты. Атдаю Алену Прикрасную.—Я вамъ хачу вытапыть баню, штоба съ дароги памытца!“—Ну што жъ, ета харашо!—У яво баня была зялѣзная, спаливали у ей 100 сажинѣхъ дроу. Пасярѣдъ бани стаяу зялѣзныи чанѣ, а у тотъ чанѣ лѣзла 500 вушатыу вады. У етыѣ чанѣ были укладын зялѣзныя жезлы—парить ихъ. Быу у Ирыда низгаринный члавѣкъ,—іонѣ и тапіу баню. Вытапіу іонѣ ету баню; яны и идуть туды. А къ бани нильзя за 100 сажинѣхъ приступитца. Тада еты парни, каторыя палили ляды, зайшли съ двухъ старонѣхъ: адинѣхъ дунуу, а другой плюнуу,—у катлѣ вада гарача замерзла на аршинѣ и замарозила низгаринному члавѣку борду. Пришли яны къ Ирыду и гаворють:— „Што жъ вы каля насъ смяетисъ: у халодную баню пасылаить мытца?!.. Ни па-

вѣриу царь Ирьдъ и набѣгъ самъ у баню!— „Што жъ ты, низгаринный чилавѣкъ, ня вѣрна сдѣлау: я табѣ приказау тапить жарка, а ты сваю борнду умаровіу?..“ Схватіу яго за бараду и атарвау съ санками яе. Приказау іонъ сдѣлать пасередъ двара столъ, идѣ имъ абѣдать. Упярעדъ падали имъ 500 бочикъ водки. Рыбалоу какъ захватіу, такъ и пупавніу усю водку и ящо пупрасіу. Падали 500 пирогоу, 500 булнкъ хлѣба и 500 быкоу жаринныхъ. Съѣли яны пу кусочку, а рыбалоу разинуу ротъ и гаворить:— „Ну, рыбятн, кидай!“— Яны яму пирикидали усю закуску,—іонъ и ящо пупрасіу. Бататыри думали, што Ирьдъ скачить, а іонъ у харомахъ сидить и плачить. Патомъ рыбалоу гаворить:— „Братцы, стройтя ишахвотъ: я на дворъ хачу!“— Выстраили яму ишахвотъ на три ршина, узлѣзъ іонъ на верхъ, напакастіу,—дыкъ 5 дней ачищали на лападахъ. Царь Ирьдъ усадіу Марью Вараноуну у залатой барлинъ и гаворить— „Ну, вазитя: выйграли!..“ Пріѣхали яны къ тому мѣсту, идѣ два парни палили ляда; яны и гаворють:— „Ну, Ставѣръ Гадимывичъ, благодаримъ, што насъ ты напайу и накорміу!..“ Адинъ дунуу, другей плюнуу: ипять агонь да неби; стали аны ипять палить ляда. Падѣхали яны къ ряки; стала ана плакать и дасадывать и пупрасила у ихъ пить. Аны падали ей вадн у стакани; ана и гаворить:— „Нѣтъ, вы мяне пуститя: я сама съ ряки напыюся.“—Аны яе выпустили, скинулася ана рыбнй-шукню и пашла у ряку. Ставѣръ Гадимывичъ абрабѣу, а рыбалоу выпіу усю ряку, нашоу рыбу-шуку и падау Стауру Гадимывичу:— „Спасибо, Ставѣръ Гадимывичъ, што ты мяне напайу и накорміу!“—Патомъ сѣу ипять ли ряки и сидить. Падѣзжають Ставѣръ Гадимывичъ са старикомъ на горы Балканскія. Цареуна гаворить:— „Ахъ, пуститя мяне съ кареты: мнѣ тошна.“—Выпустили яе съ кареты, скинулася ана зорькню и пубижала пд нибу. Тьда старикъ схватіу сваю мятлу и паймау яе. Падаеть яе Стауру Гадимывичу.— „Спасибо, Ставѣръ Гадимывичъ, што ты мяне накорміу и напайу!“—Пасадіу яе у барлинъ и гаворить:— „Ну, таперъ ня босъ: ана будить твая!“—Падѣзжають яны къ царю Кокытю, ана и гаворить:— „Ну, Ставѣръ Гадимывичъ, я буду твоя!“—Какъ выпустили яе съ барлина, то царь Кокыть у яе атъ разу улюбіюся. А царь Кокыть вырыу яму 12 сажонъ ширинн и 12 глубинн. Пратянута была черизъ яе га-

рячая провылка, а у ями была вугальля гарячая. Ана атвартилась и сказала, штоба аны палажили чиризь яму тясницю, штоба толька ни видаў царь Кокыть. Тады царь Кокыть и гаворить:— „Ну, Ставѣрь Гадимивичъ, вѣхли вы съ царѣўню у дваємъ,—хто знаить, што у васъ було, а када ты праў, то прибяги па етнй провылцы тиризь яму!..“ Патомъ атвартиўся и стаў гаворить съ царѣўню.—Еты багатыри прыкнули тиризь яму тясницю, іонъ пярэбѣгъ, а тясница згарѣла. Тада и кричить:— „Ну, царь Кокыть, гляди: я пярэбѣгъ!“—Ды вижу, вижу!— „А ну-ка, царь Кокыть, можа и ты няить рибать мучіў: пярэбяги-ка и ты!..“ Іонъ хатѣў пярэбѣць, звліўся у яму и сгарѣў. Ставѣрь Гадимивичъ забраў сванхъ рибать: Гаравика, Дубавика и Вусню, узяў Алену Прекрасню, паѣхаў назадъ. Вусня астаўся шпять кала рѣчки, Дубавиць стаў разсаживать дубы, а Гаравиць стаў скапывать горы. Ставѣрь Гадимивичъ жаніўся на Алени Прекрасной и стаў царѣмъ.

Отъ старика Василя Михайлова.

№ 9.

Якъ Иванъ-дуракъ паймаў у рѣпн лятучига старика. Иванъ-дуракъ съ кримсалымъ лятучига старика зачичаить каралеўства и женитца на каралеўни. Каралеўна са спулубѣнныымъ аткрала кримсала и загубили Ивана-дурана. Быкъ и баранъ атъ лятучига старика (тожа лятучім) атжіўляють Ивана-дурана.

Жіў мужикъ, и была у яво три сына. Два сына была вунныхъ, а третій паглупѣй. Атець и гаворить на сына, каторый называўся у ихъ паглупѣй:

Хоть ба ты, сынъ, схадиў, идѣ-нибудь грудокъ падабраў—мы бъ рѣпн пасѣили малымъ рибатимъ, но и ты бъ инада бъ у случан рѣпину съѣў ба!..“

— О, батюшка, бѣлазе вы мнѣ сказали!

Какъ саскачѣў съ пачи далой босый и бязъ тапара, у лѣсъ и пабижаў. Прибѣжаў у лѣсъ, выбраў мѣста харошія на ляд-больши дисятинны. Онъ быў члавѣкъ сильна магучій: уздѣся ляда ни рубить, а съ каренными тигать. Троя сутыкъ тажа

пращіў, у томъ ляди, и дамой ни хадіў. На чатвертыя сутки приходіть дамой и гаворить на атца сваяво:

— „Панзжай, батюшка, у горыдъ, купи рѣпы цѣльный куль: будимъ мы сѣить съ табой!..“

Атецъ и гаворить на яво:

— „Перва жъ, нада выжить и падабратъ яво; ва-втарыхъ, кулемъ рѣпаю цѣльную даситину можна засѣить.“

Сынъ на атца атвичаить:

— „Ты схади—пасматри: даситина цѣльная ужъ гатова падъ пасѣвъ.“

Атецъ многа удивляўся и гаворить:

— „Звиди ты, сынъ, міне на то мѣста!“

Сынъ зъ атцомъ пашли на ляда. Приходіть атецъ ў ляда, тольби руками хлопнуў и галавою пакатаў, и сказаў атецъ на сына:

— „Какъ жа ета Бохъ памохъ тибѣ?“

Патомъ и гаворить:

— „То правда, што куля рѣпы нада!“

Паўхаў атецъ у горадъ, купіў куль рѣпы, привезъ дамой, пашли сѣить съ самымъ зъ ёстымъ сынимъ. Атецъ узяўся сѣить, а сынъ ляжить и пригавариваў:

— „Расті рѣпа на каретныму калясу!..“

Пасѣили рѣпу и пришли дамой. Черезъ три, чатыри дня спусіўши, гаворить сынъ на атца:

— „Батюшка, нада-бъ схадиць рѣпы пасматрѣть, ти ни тигаить ли яе хто!“

— Глуный ты, мой сынъ, ищѣ рѣпа нейди ни усадила! Онъ, ящю прупусіўши черизъ недѣлю, гаворить на атца:

— „Батюшка, нада пасматрѣть рѣпу: я и у ва снѣ видіў, што хто-та таскаеть яе.“

Атецъ гаворить:

— „А вотъ пайду—пасматрю!“

Приходіть атецъ къ рѣпи, гдѣ пасѣинныя—ужъ двѣ кучи тетивы патыганы бальшихъ. Приходіть дамой и гаворить:

— „Сынъ мой, ужъ рѣпу хто—та кушайть: уже двѣ кучи тетивы патыганы.“

Сынъ заплакаў, да и гаворить:

— „Вотъ, я тибѣ даўно пасылаў!..“

Сичасъ пубижаў сынъ къ рѣпы, пасмотрить: праўда, двѣ

кучи тетивы натягана. Сичасъ узяў сынъ—вытинуў рѣшину, да на плячо, принесъ дамой, то тая рѣшина у двери, въ избу, на ўходить: слишкѣмъ касѣй сажинь. Онъ узяў яе разсѣкъ на мелкія штуки, у избу укидаў. Дѣла приходять къ начі. Атець на большива сына гаворить:

— „Пайди къ рѣшны на карауль, хто яе тигаить!“

Етыть сынъ уздумаў:

— „Куда я пайду? Какой-нибудь тигаить страшилища, то и мнѣ смерть будить.“

Пашоў у пуню, пиринучуваў и дамой пришоў; гаворить атцу:

— „Никаво я ни видаў!..“

Приходить другая ночь. Пасылаить атець второва сына на карауль къ рѣшны. И етій убайўси самый етій страсти—гаворить:

— „И я ни пайду!..“

Забраўся у чужую пуню, пириначуваў, приходит дамой и гаворить атцу:

— „Никаво ни видаў я!..“

Приходит третія ночь. Гаворить атець на етыва сына, съ каторымъ рѣпу сѣили.

— „Таперича, сынокъ, тебѣ идить!..“

Сынъ атвичаў на атца:

— „Ужъ я вижу самъ, што мнѣ нада идить: самъ я іда вырубіў и съ табою сѣіў—самъ пайду на карауль“.

Пашоў сынъ у кузню къ кузницю, скуваў сибѣ палку жалѣзную у палпуда вѣсымъ и пашоў, гдѣ рѣпа пасѣиная, падъ тую капу. Сидить тама многа урема. Приходит самая полунычъ. Зашумѣў сильный вѣтирь, узлаа дажа лѣсъ лумать, здѣлалася дажа зямлитрисенія,—прилетѣла агромная чудовища-старикъ и пала на рѣпу. Вытащить рѣшину, тетевину атарветъ да у кучку бросить, а рѣшина у роти только хрищить, какъ онъ не ѣсть. Етыть жа самый Иванъ и смотреть. Стала яму жалка сильна рѣшны, разгарячилася яво сердца: онъ выскачіў аттуда вонъ съ-падъ капны и етыва старика етій жа палкный мизда крыль па спины и па галавы какъ ударіў. Онъ только крикнуў, падняўся и палятѣў, а етыть жа самый Иванъ за нимъ у дагонь—и усе яво палкною бьетъ. Етыть жа старикъ, какъ летѣў, прилитаить у въ избу у сваю. Самъ старикъ легъ на

палицу, голову палажіў на куць, а носъ палажіў на крюкъ, а Иванъ яво усе-таки бьетъ. Онъ (старикъ) атвичае яму:

— „Ня бей мене: я табѣ дамъ штуку.“

— Давай! а што ты мнѣ дашъ?

— „А вотъ тибѣ быка да барана.“

— А на што яны мнѣ?

— „Бада у случаи ты будишъ на чужой стараны и тибѣ ежели убьють, то баранъ будить бліять, а быкъ ривѣтъ: хто дома будить, то и знай, што ты ня жиў.“

Онъ яво ипать пашоў бить.

— „Ня бей мене: я тибѣ ишо штуку дамъ.“

— Давай! какую ты мнѣ штуку дашъ?

— „А вотъ тибѣ пузырекъ!.“

— Ли чаво онъ?

— „А ты павѣсь яво на жалѣзнымъ масту идѣ-нибудь асобенна. Какъ тебе убьють, такъ у пузырекъ будить полна криви; то тада барана съ быкомъ выпускай: яны тибѣ атживае, хто будить дома.“

Онъ яво, Иванъ, ипать узяў бить; то етѣй атвичае:

— „Ня бей мене: я тибѣ ишо штуку дамъ!“

— Давай! Што ты мнѣ дашъ?

Онъ вынимае яму камень и мысать. Иванъ атвичае:

— „Ли чаво жъ ета штука?“

— Ты папробуй сикануть, то пасыплетца сила—конница и пяхота, и разны сильныя багатыри“.

Иванъ, какъ сикануў три раза, то цѣльная комната салдае и зъ саблями; гаворятъ на Ивана:

— „Што прикажита дѣлать?“

— Вазьмита и зрубита етова старика у мелкія штуки!

Узяли яво, зрубили у мелкія штуки, у яму закапали.

Послѣ етова Иванъ узяў камень и мысать и усѣ ета спритаў — усѣ салдаты спритались. Наконѣцъ, пашоў Иванъ къ атцу сваяму дамой, павеў быка и барана; приводитъ дамой быка и барана и атдаў. атцу сваяму на руки и пузырекъ атдаў атцу и гаворитъ таперъ:

— „Батюшка, прашае: я тапера зъ вами жить ня буду! Кармита маяво быка да барана! Ежели у случаи станитъ быкъ ревѣтъ, а баранъ бліять, то и знай, што я на свѣти ня жиў,—

выпускайтя быка и барана изъ хлѣва вонъ, а ва-ўтарихъ, па-сматрива у пузырекъ, есть ли у ёмъ кроў.“

Попрацаўся и пашоў. Нѣскалькіх урэм іонъ ишоў. Приходить у адно каралеўства, къ каралю у горыдъ и у томъ горади усе у чорныхъ трбурахъ ходють и у пичали плачуть. Онъ и спрашивають у аднаво старика старава:

— „Што ета у васъ такая значить? Што у васъ за пичаль такая у вашихъ каралеўствіхъ?“

— Да вотъ пріѣхаў нипріятіль такой и сватантца къ дочери нашего карала, а каралеўна ни сагласна за яго итти, да и атець ни сагласнаъ, а нипріятіль атвѣчають на нашего карала:

— „Када ты ни атдашь сваю дочъ за мяне, силу твою пабью и горадъ выжгу, а усё—таки вазьму.“

А Иванъ атвѣчають на етова старика:

„Даложьтя свайму каралю, што я етова карала силу усю пабью, зачичу яво.“

Етуть жа старикъ далажѣў каралю:

— „Такой-та хвалитца: зачичу каралеўства и нипріятільскую силу усю пабью!..“

Кароль гаворить:

— „Паслать яво ка мнѣ сюда на глаза!“

Старикъ приходитъ къ Ивану и гаворить: жилають тебе кароль видить на глаза—ступай къ яму, пажаласта. Онъ и пашоў къ каралю на глаза. Кароль сустрѣў яво съ честию, съ славый, съ барабаннымъ боимъ, посадіў яво кароль раданъ съ сабой и гаворить кароль:

— „Праўда ли, што ты можешъ заштити мой горадъ ат нипріятіля?“

— Да, праўда!

— „Вяликую награду я тому даў ба, хто бъ силу яво пабіў, а за мене заступіўся!“

— А какую?

— „А што хочишь?“

— Дочъ вашу хачу за мене.

— „Съ вяликимъ удавольствіемъ,—только заступи!“

Иванъ и гаворить:

— „Пишитя къ тому каралю, штоба заўтри у двѣднѣ часу на вайну ваязжаў!“

А ужъ тотъ кароль са сваей арміи близка вокрыла горыда. На заўтрыва выизжантъ тотъ кароль у диватымъ часу, атпраўляйтца Иванъ тожа къ яму у диватымъ часу. Гаварить кароль на Ивана:

— „Ты жъ бери варміи у мене, сколько надоби и сколько есть!“

— Ни нада мнѣ ни аднаво чилавѣка: я—одинъ.

Иванъ атправился на страженія и ўзялъ Иванъ мысатикымъ рубить абъ креминь, и пасыпала сила — вармія нязмѣтная, конница — пяхота. Пяхота и багатыри двоя сутыкъ билися съ тымъ каралемъ: прибилъ и притапталъ таму каралю чиста усю силу Иванъ—едва мохъ кароль самъ уфхатъ живой. Тада Иванъ абратился къ сваяму каралю. Кароль благодарилъ Ивана за яво службу и на наво гаварить:

— „Нравитца тибѣ мая дочъ?“

— „Да, нравитца.“

— Желая атдать тебѣ за услугу дочъ сваю.

Пиривинчалися и стали жить. Патомъ таво, вдрухъ пажили съ мѣсяцъ, и гаварить ина на наво:

— „Друхъ мой милый, скажи, чѣмъ ты силу ету такую пабилъ и багатырей—пафхалъ вытъ ты биза всякый варміи—адинъ. Я на балхони стыяла и у падзорную трубку сматрѣла, што ты зъ мѣста далой ни тривожишся, а атъ тибѣ валила сила вармія, конница и пяхота; — то я усматрѣла, што ты рубилъ у ва што та.“

Онъ и гаварить:

— „Друхъ мой, ни ў ва што я ни рубилъ, ничаво у мене нѣтъ.“

Ана заплакала и атваратилася атъ яво, здѣлалася послѣ етыва балъна — только балъна ана зъ лукаўстымъ, хочить ана яво каба абмануть: онъ ей, мужъ, ни на праву пришолъ. Балъна ана цѣльную нидѣлю. Такъ какъ онъ узжалѣлся надъ ей и гаварить:

— „Да вотъ чѣмъ я побиваю силу. Есть у мене ружьѣ. Какъ я вазьму имъ махатъ — и пасыплитца конница, пяхота и багатыри.“

Ана и гаварить:

— „Пакажи мнѣ тоя ружьѣ!“

Онъ узялъ ей и наказалъ. Вотъ ана узяла аднаму салдату дала многа золата:

— „Ты ни гавари никому, а сходи во такую жъ ружье купи!“

Показала яму ета. Тотъ салдаты пашолъ, купилъ такое жъ ружье. Ана узяла атдала залатарямъ, штобъ яво азалатить, и узяла ета ружье азалатиўши на тоя мѣста поставила, а ета ружьё, каторая іонъ ей наказалъ, сичасъ узяла, на почту и атправила къ тѣму каралю, каторый вавался здѣсь.

Ана жылаить за таво замужъ, кабы етыва іѳ мужа и убитъ ба; и написала ина таму:

— „Пріизжай на вайну; зъ етыва ружья махай—сила пашпытца.“

А етытъ (мужъ) пашматрить: ружье азалочина. Онъ и гаварить на іѳ:

— „Жана мая, ли чаво ты азалатила ружье?

— А я усе раўно, какъ тибѣ бирагу, такъ и ружье твое.

Онъ засмѣялся наканецъ. Сичасъ выизжаить тотъ кароль на вайну. Сѣлъ и онъ на лошадь и пѣхалъ къ яму на встрѣчу, арміи жъ съ сабой ни взялъ нисколько. Какъ выѣхалъ, такъ узялъ ипать рубить мысатамъ абъ креминь—павалила сила—вармиа: конница и пяхота ни абнакнавенная—и багатыри цѣлнъ двоя сутыкъ билися, и прибилъ, прикатилъ онъ усю тую силу—едва мохъ самъ кароль уѣхать. Када узваратился у горадъ Иванъ, то тестъ яво састрикалъ зъ радости и благодарилъ за яго вяликую защиту. Ана, даждаўши, жана яво, да начи, узяла яго апать распрашивать; гаварить:

— „Друхъ мой, када хочишь, штобъ я жива была, дакъ скажи мнѣ, чѣмъ ты силу ету набиваишь; но ни скажишь, такъ я умру сійчасъ.“

Сама заплакала горькими слезами. сдѣлался надъ ею вобмаракъ, дажа ана пувалилася—чуть живая асталася.

Саскачили дактара, аттирали яе разными спиртани. Поемъ етыва и гаварить ей Иванъ, мужъ іѳ:

— „Пайдёмъ у асобенную комнату!“

Тагда вынимаить Иванъ мысатикъ и кримашекъ, якъ сталъ сѣчь, три раза сибанулъ—цѣльная комната салдаты и съ саблины; онъ тада и гаварить:

— Вотъ чѣмъ побивалъ слани!

Тада ана сказала на яво:

— „Вѣрю, друже мой, танерица я тибѣ.“

Сичасъ ама одѣлала гульбу, мазукантиу, разныя наигри; нибѣіакнавенна и сама танцовала—зъ лукавствомъ мужа сваяво Ивана узвисяляла, харонихъ разныхъ крѣпкихъ вотанъ мужа сваяво Ивана угащала, длі славы зъ лукавствомъ сама пакушила. Наканецъ таво, лягли спать. Ама узила, какъ заснуть Иванъ, вынила у яво етытъ мысатибъ и кримсала съ кармана, а сама апять жа дала многа чарвонныхъ прислуги сваяей и паслала купить такой жа мысатокъ и кримашокъ у лаўку. Узила на ета мѣста прастой и палажила, а етытъ узила у письмо и запичатывала и паслала къ таму жа каралу; писала яму:

— „Дружь мой, выизжай на вайну. Ета таперъ наложныя: напробуй сначала ету штуку дома“

Онъ какъ чиркнулъ три раза, такъ цѣлая комната и навалила салдатъ. Тада онъ и гаварить:

— „Праўда!“

Сичасъ жа атписывають, штоба етытъ кароль, яго прежній непріятель, къ диватаму часу выизжалъ на вайну. Иванъ етытъ и расгардился:

— „Ну, ужъ теперъ ни упущу яво.“

Пріизжантъ, гаварять: нипріятель близка. Онъ и гаварить:

— „Пушай жа ѣдитъ къ самому гораду.“

Наканецъ гаварять: непріятель ли самыва горыду. Онъ тада и выихалъ адинъ бизъ вармін. Вынилъ кримашокъ и мысатокъ и узалъ рубить—только агонь сыплитца, а ничаво зъ яво больши нѣту. Но тотъ кароль, какъ узалъ рубить, пасыпала вармія—воинница и пяхота, многа множества, и насакали на Ивана, схватили яво и убили. Тада кароль тотъ приказалъ срубить яво на мелкія части. И узали яво, срубіўши тѣла, у бочку уложили, жалѣзнымъ абручомъ сбили, у моря и ўпустили. То тоя время быкъ дома риветь, а баранъ бліѣтъ. Атець и гаварить:— „Вѣрна, майво Ивана сына нѣтъ на свѣти живова!..“

Пашолъ пасматрѣтъ, гдѣ пузырькѣ висить, есть ли у ѡмъ креў—ужъ пузырекъ цѣлый крани. Онъ узалъ выпустилъ быка и барана. Ане надялились на воздухъ и палатѣли. Прилитають на то мѣста къ морю.

— Ну, што жъ намъ съ табомъ дѣлать?

Гаварять быкъ и баранъ, што бочки имъ ни дасть нѣтъ моря.

— „Пайдемъ искать рыбалову, ня ловють ли идѣ ни на естъ рыбы!.. То будимъ прасить затынуть тоя мѣста.“

Прабижали каля моря, напали: лотка стантъ каля моря, а людей нѣту. Пасматрять: у лотки рыба балтантца. Ане ѣсть дужа хочуть. Баранъ гаварить:

— „Хуть ба ету рыбинку съѣлъ ба!..“

Ускачилъ баранъ у лотку, згребъ ету рыбинку. Ни атеуда узялась примагучія сильная рыба, гаварить:

— „Баранъ, ня ѣшь ты майво щукренка, любезныя дитенка: я тибѣ за ета какую угодна службу саслужу.“

Баранъ сказалъ на тую рыбину:

— Есь у мори бочка;—выкати мнѣ іѣ, то я пуцу твазю дитенка.

Тая рыба пашла, заказала вѣшь рыбамъ:

— „Ищитя бочку вотъ такая-то мѣста!..“

Разыскали анѣ бочку и выкатили на берихъ яму. Тада баранъ узялъ пустилъ рыба дитенка. Гаварить баранъ на быка:

— „Нада разбивать бочку!..“

А збита ана зялѣзнымъ абручамъ. Баранъ атышолъ атъ бочки далеча, разагнаўши, какъ ударилъ свани рагами, сичасъ два абруча збилъ далой; у другой разъ разагнаўши, какъ ударилъ, послѣдній, третій збилъ;—бочка ета и развалилася розна. Тада узяли ета тѣла и нирямили и умѣста пазлажили, какъ бытъ чилавѣку. Быкъ и гаварить на барана:

— Што-жъ намъ дѣлать? Нада намъ атживить. Зарѣжъ ты мяне и выварати зъ мяне трябухъ и кишки, да у средку маю и сядь. Палетить ворынъ зъ варанятами, ворынъ будить старый кривать, скажить:

— Крикъ, крукъ, свѣжія мяса, да абманъчивата!

А варанаты, какъ глушыи рибаты, и пупадають на етнѣ трябухъ,—а ты и схвати вараненка. Онъ скажить на тебе, ворынъ:

— „Не губи майво вараненка, любезныя дитенка: я тибѣ какую угодна службу саслужу.“

То баранъ узялъ и зарѣзалъ быка, вываратилъ зъ яво трябухъ и кишки и сѣлъ у средину. Летить ворынъ зъ варанятами. Ворынъ гаворить:

— Крукъ, крукъ! свѣжія мяса, да абманъчивата!

А вараняты, какъ глупныя ребята, пупадали.—Ионъ, баранъ, вараненка схваталъ. Воранъ гаварить:

— „Ня бей ты вараненка, любезныя дитенка: я тибѣ какую угодна службу суслужу.“

Баранъ гаварить на ворына:

— „Злетай ты! Есть адно мѣста живая вада и мертвая и прекрасная: принеси мнѣ етѣй трехъ сартоу вады, то тада я пушу табѣ дитенка.“

Ворынъ гаварить на барана:

— Падвѣжи мнѣ три пузырька!

Баранъ падвизалъ ворану падъ крыльѣя три пузырька—воранъ паднялся и палѣтълѣ; прилетѣтъ воранъ у то мѣста. Три ключа: у адномъ ключу мертвая вада, у другомъ ключу живая вада, у третимъ ключу прекрасная вада. То воранъ са усьхъ трехъ ключей узялъ вады у каждыи пузырькъ и палѣтълѣ. Прилетѣтъ ворынъ ипѣтъ на тоя мѣста къ барану. Гаварить баранъ:

— „Принесъ, воранъ?

— Принесъ.

— „Ну, давай іѳ сюда!“

Воранъ узялъ атдалъ пузырекъ барану. Баранъ узялъ и разарвалъ вараненка—воранъ и заплакалъ. Баранъ узялъ вараненка, какъ збрызнулъ мертваю вадой—онъ змиртвился; збрызнулъ живою вадой—сживился; збрызнулъ прекрасный вадой—то былъ вараненкъ харошъ, то ящѣ луччи сталъ. Сживился вараненкъ и паднялся и палѣтълѣ съ ворынымъ. Тада баранъ узялъ быка, збрызнулъ мертваю вадой—быкъ змертвился; збрызнулъ живой вадой—быкъ зживился, змыргѣтъ глазамъ, змотрить, а ни устанить. Какъ збрызнулъ яво прекрасный вадой, быкъ и ўскачилъ. Тада узялси еткимъ жа манернымъ и хазяина сваяго зрызгѣтъ. Спырызнули мертвыи вадой—онъ змиртвился; спрызнули живой вадой—онъ зживился; спрызнули прекрасный вадой, то ихъ хазяинъ и усталъ.

— „Ахъ, какъ я долга спалъ!..“

— Да; спалъ ты у мори, у бочки.

Гаварить Иванъ:

— „Пайдемъ къ атцу дамой!..“

А быкъ да баранъ на яво гаворять:

— „Ты зъ нами ни хади, а ступай къ етому каралю и за-

стаўся къ яму или ў павара, или у прислужныя каля яво хадить; да высматривай, гдѣ ляжить яво крешашокъ и мысатокъ!.. То ты тайна яво и вынь,—тада што знаешъ, то и дѣлай. Иде-жу купи себѣ харошую!..“ Наканецъ быкъ и баранъ пупрама-лись зъ Иванымъ; быкъ да баранъ дамой, а Иванъ памолъ у отытъ горыдъ, купилъ себѣ адежи харошій, адѣлся и патомъ приходить къ каралу:

— Ни наймете ли вы мене у прислужники или у пувара?—

Кароль и радъ етому дѣлу. А ни ўзнали ане яво ни кароль, ни жана яво, узали и наняли яво. Онъ служить харашо. Прадалжантца время и мѣсяцъ, и два. Онъ надсматрѣлъ, што мысатокъ и крешашокъ у жалети, у кармани. То онъ карала адно время раздывалъ и вынулъ мысатокъ и крешашокъ изъ кармана вонъ. То тую жъ ночь самую Иванъ, када ане заснули сильна крѣпка, три раза какъ чиркнулъ, такъ цѣлая конната оалдатъ и зъ саблями, и гаварить ане на яво:

— Што прикажита дѣлать?

Онъ гаварить:

— Узять етыва карала, пзрубить яво на мелкія части и палажить яво тѣла у бочку и жалѣзнымъ абручамъ збить и у моря на то мѣста, идѣ я былъ, укатить!

А жина яво ускачила и стала на калѣни, стала плакать и прасить Ивана и гаварить:

— Друхъ мой, Иванушка, прости мене!

Онъ простилъ —ни сталъ губить, аднача посадилъ ее на бахту на 12 дней, сутки давалась пища адинъ разъ: 1 фунтъ хлѣба и 1 фунтъ вады.

Наканецъ, када ана атесидѣла, пришолъ Иванъ, узалъ яе за руку и аттудава едва вывилъ, и стали патомъ жить мирна и харашо.

Абъ Игри Игравичи, абъ старинѣ палугримѣ.

Старикъ палугримъ самъ съ локать, кнутикъ на смиръ верстѣ, самъ съ каршокъ, а галава съ гаршокъ. Сидитъ на дубу на границы царства, хранитъ діунова каня. Абъ трѣхъ систрахъ обаратныхъ: яны зми съ виду, махаютъ жалниъ да верхнига навывка, а якъ накотютца у задниѣ павои, стануть сличными дзвонцами. А прекрасный Ирини. Сапохъ—басавохъ. Заморскій латуцій Абжора. Птица—ўсяму свѣту Хлапатница. Мать Абжоры су палета сурьезна, живеть у падземнымъ царствѣ; у яе питьѣ—и силу даеъ, и силу 'тымаеъ. У яе плѣнницы скинулись залатыми диріўцами съ сярэбринными вѣтачкамі. Валшебная хвустка: якъ кинишъ яе, атъ яе загарантца змля и вада. Щетачка: яе якъ кинишъ, аткуда возымутца махи и балоты. Игра Игравичъ насильникъ пріўкрасный Ирини, уходитъ атъ іе на лошади діунога старика, сапатъ босаногъ обаратней сличныхъ дзвонцъ, аграждантца хвустачкай, щетачкай и грибашкомъ. Пубиждаеъ заморскыга Абжору, што яго царства апусташіў. Спускаеъ зъ булавой у таръ-тарары, убиваеъ тамъ мать Абжоры, асвабждаеъ плѣнницъ—обаратней. Хитращами астаўлиъ братьими у таръ-тарары. Вылитаеъ изъ надземія на крыльяхъ птицы—ўсяму свѣту Хлапатницы: дѣтей яе іонъ спасъ. Братьимъ дабромъ за зло платитъ, тольки пригаваритъ: „знай, за што получаеъ!“

Въ адномъ дреўнымъ царствѣ быў царъ Игра, имѣў іонъ трехъ сыноў. Дожили яны да савяршенныхъ лѣтъ, и старшій сынъ стаў праситъ благаславенія у атца пувидать чужихъ земель, наказатъ и себе.

Атецъ и дазволіў яму атпраўлятца у чужея земли. Сынъ сѣдаеъ добрую лошадъ, садитца и атпраўлятца у путь. Приближаеъ ка границы атдоуськага царства, а на границы ставитъ дубъ, на томъ дубу сидитъ старикъ полугримъ. Полугримъ имѣў при сабѣ кнутикъ длинною на семь верстѣ; самъ іонъ съ вяршокъ, а галава съ гаршокъ. Полугримъ спрашайтъ, хто ѣдитъ, куды ѣдитъ, ти па хоти, аль па няволи. Каралевицъ у отвѣтъ яму: „Ека диковина! Узабраўся на дубъ—якъ ба че-

лавѣкъ, — а то мальчуганъ ростамъ съ вяршокъ, а галава съ гаршокъ!.. Ёду туды, куды мнѣ нада“.

Услыхаў палугримъ дерзкій атвѣтъ царевича, астанаўліць яго лошадь, бяретъ свой кнутъ и усыпаў царевичу, сколькы пришло, избіюдаваў яго ладна и вярнуў яго назадъ.

Царевичъ вазвратіўся къ батюшцы царю у сваю сталіцу. Атець дивіцца, што сынъ яго царевичъ скоро вярнуўся, и спрашайць: „Што съ табай злучилась, што ты скоро вярнуўся?— Ахъ, батюшка, на заставі, при границы тваёго царства, мнѣ уся ребр'а переламали — ни магу ужу далій ѣхать, и настану счюў за лучшее вярнутца.“

Проситца другой сынъ, сяредній, у чужое землі, павідать и чужыхъ заграничныхъ зямель и людей, да и сваю моладась паказать.

Батюшка царь дазваляйць и етому сыну атпраўляцца у чужое края.

Прыбліжыўся къ тэй заставі и тому дубу и етый сынъ.

Слышайць, якъ съ дубу кричить яму полугримъ: „Стой! Хто ѣдйць? Куды ѣдйшь? Ты па сваёй хѳдм, ты па няволи?“ — Царевичъ съ гордастыю узглянуў на етый дубъ, видйць мальчугана: самъ іонъ съ каршокъ, галава съ гаршокъ, и гаворыць яму царевичъ: „Ека диковина кака! туды ёду, куды нада.“ — Ну, калі такъ ты мнѣ рачышь, то я съ табой разсчытаюсь! Тутъ и птица бйзъ мйне ни адна ни пралытала, ни люди ни праѣзжали. — Прыгъ съ дубу, да и начаў яго кляўмыць, кнутыкымъ ахажываць: избіў царевича, якъ гамана.

Царевичъ избитый вазвратіўся ва сталіцу, къ батюшцы царю. Царевичъ разсказаў яму усё, што зъ имъ злучилась у дароги, атказаўся ать далъній паѣздкы.

Спустя нѣскалькы гадоў, младшій сынъ Игра Игравычъ просыць благаславенія у атца пувідать чужыхъ зямель и сябе паказать. Царь сына благаславіў, и іонъ атправіўся у дарогу. Пріѣхаў къ границы чужой зямлі и къ тому дубу, а полугримъ и гаворыць царскаму сыну: „Што, царевичъ Игра Игравычъ, куда ты ѣдйшь, ты па хоті, ты па няволи?“ — Нѣтъ, палугримъ, не то шта па няволи, а пу батюшкыному благаславенію: хачу праѣхать у чужое края, паглядѣць и чужыхъ зямель и сябе паказать.

— „Ну, знаю я твае намѣреніе, — толька ты, царевичъ, па

етий лошади ни даѣдишь, а вярнись дамой и праси у сваяго батюшки ту лошадь багатырскую, на каторай іонъ ѣздіу ать младости да старости!..“ Вазвратіўшись къ атцу, разсказаў усё, якъ пастуніў зъ имъ палугримъ, и просить атцоуськей багатырскій лошади на праѣздъ яму у загранишныя края.

— „Ну, сынь мой милый, атпраўляйся-жъ ты ипать къ палугриму!..“ Увидаў палугримъ царевича и гаворить яму: Што табѣ, царевичъ, сказаў твой атець?—Сказаў мнѣ мой атець, што лошадь станть у бирагу, у скляпу, а ключики у вапій милости.

Палугримъ и гаворить царевичу: „Я таперь знаю а тваой паѣздки: ты ѣдишь по свиту сябе паказать и дружки памсать“.—Спрыгнуў палугримъ съ дубу, атправились къ склепу. Аткиканти лошадь, а лошадь ать дреўнысти пасивѣла. Игра Игравичъ, увидаўши ету багатырскую лошадь, гаворить ей:—„Служила ты маму батюшки ать младости яго и да старости,—послужи таперь и мнѣ!..“ — Нѣтъ, Игра Игравичъ, я устарѣла—ни магу табѣ служить; а пазволь мнѣ у чистымъ поли пагулять, ярый пшаны пандать, замчужный расы пупивать!—Царевичъ съ палугримымъ и сами атправились пагулять и пувисалитца. Гуляли яны доуга и придоўга, а ў ета время и лошадь атьѣлась. Приходитъ Игра Игравичъ къ тому мѣсту, свиснуў багатырскимъ посвистымъ, маладецкимъ голасамъ: лошадь бяжить, надъ ёю змля дрыжить.—Скажи жа мнѣ напередъ, гаворить лошадь Игри Игравичу: якую табѣ службу служить!—„Я“, гаворить царевичъ: „хачу чужихъ зямель павидать, сваю красату паказать“.—Ну, скидайся мухню, пализай у мае лѣвыя уха, а у правыя вылизай: таперь ты красіў и силянъ, а тады яще болій будишь и красіў, и силенъ.—Вылизъ изъ вуха лошади царевичъ и ў праўду стаў и силянѣй, и красивій.—„Садись лягенька и дяржись кряпенька—паѣдимъ!..“ Усѣўшись на лшадъ, царевичъ прастіўся съ палугримымъ и ускакаў. У минуту времени, царевичъ Игра Игравичъ праскакаў на багатырскій лошади адно чужоа царства. Видить агроанный домъ. Астанавася здѣсь, привязынить іонъ вѣрную сваю лошадь, самъ уходить у етый домъ: видитъ агроанныя змїа, змїй жъ етый махають жалымъ да верхнига навалка. Царевичъ, не рабѣя, кладеть сваю шапку и низка кланіитца змїю. Змїй скатіўся у клубокъ, пакатіўся у дальній пакои—и выходитъ прикрасивая давица.

Дявица гаворить царевичу: „Здрастуй, Игра Игравичъ, куды ты їдишь: ти на хоти, ти на няволи?“—Я їду ни на няволи, а ну батушкыному благаславленню.—„Знаешъ ли, царевичъ: хто далека литаить, тотъ сваю галаву тираить,—а пакорную и павинную галаву и мечъ ни бареть. Ты, куды їдишь, туды ты на сваей клячи ни даїдишь. Астаїлай яе у майнъ дварѣ, а я дамъ табѣ сваяго добрага каня.“—Публагадаріў яе за услугу, сѣў на діўнага каня и паскакаў у чатвертыя царства. Якъ воласу пиригарѣть, іонъ праскакаў на етому царству, прискакаў къ застави чатвертыга царства, видить громадный домъ; привизаў діўныга каня, самъ пашоў у тотъ домъ. При ўходи у домъ видить грамадыга змія; ни чутъ ни рабѣя тога змія, кладеть сваю шапку къ мѣсту, низка пакланіўся змію—змії свярнуўся у клубокъ, пакатіўся у задніи пакон.—Выходить прекрасная дявица, и ателавивантца ей Игра Игравичъ. Дявица гаворить яму: „Куды їдишь? Ти на воли, ай на няволи?“—Ни на няволи, а ну батушкыному благаславленству.—„Даляко, царевичъ, литаишь, сваю галаву тираишь; ву, а пакорную и паклонную галаву и мечъ ни бареть: только ты на клячи, куды їдишь, ни даїдишь; а дѣлать ужъ нечига—думаю памочъ тябѣ: бари майго быстрага багатырскага каня, а сваяго астаў у канышши.“—Публагадаріў дявицу-красавицу, сѣў на быструю лошадь и паскакаў да слѣдующага чатвертыга царства. Ъхаў такъ быстра, што праїхаў усѣ царства, якъ воласу пиригарѣть. Падѣзжаиць къ застави, видить великадѣшний домъ. Астанаўліиць (ыстрага багатырскага каня, уходитъ у домъ, видить агромынга змія. Не рабѣючи, кладеть сваю шапку и низка кланіицца іонъ тому змію. Змії свярнуўся у клубокъ и пакатіўся у задніи пакон. Яўляицца пирядъ яго прекрасная дявица іонъ ателаніўся ей. Дявица спрашиить у царевича, ти на хоти, аль на воли їдить и куда, и за чимъ. Царевичъ атвѣчаиць пріукрасный дявици:—„Я їду къ муру-скому царю прасить руки яго дочири, пріукрасный Ирины.“—Знаю я етыга царя: іонъ мнѣ родный, но только ты на лошади на їзди, а атстаў яе у мяне, а я табѣ дамъ уиѣта каня шатерь—самалетъ, шапку—нивидимку и сапогъ бисапогъ... Да, смотри: якъ далатишь, ни ўхади у ихъ палаты, а атета-чавись у ихъ зяленымъ саду, штобъ ина ни тваяго голоса ни слыхала, ни тваяго воласа ни видала—а то ина табе спатра-

бить. Наблюдай еще, какъ цареўна Ирина будить итить на гу-
лины, у садъ, са сваним прислугам и ўзойдуть у шатерь на
отдыхъ—тады ты скорымъ поснихымъ къ ей у шатерь, пат-
дахни и кольцы на кольцы пумишайся, квасу напейся и ухади
скарѣй. Выслушаў усё, што яму гаварила и присавѣтывала,
публагодаріў яе и сѣў у самалетъ, и палятѣў къ мурумскому
царю, прекрасный дочери яго Ирины. Прилѣтѣўши, іонъ оста-
навіўся у парскимъ саду и выжидаў выхыду цареўны, при-
красный Ирины.

У ноудинъ вышла изъ дварца цареўна съ прислугам пагу-
лять по саду и, нагуляўшись, пайшла у шатерь на отдыхъ.
Тутъ Игра Игравичъ скорымъ поснихымъ уходитъ къ ей у ша-
теръ, такъ же на отдыхъ. Патдахнуўши съ ёю, нагаваріўшись
у волю, абмяніўся на кольцы, напиўся квасу и, ни накрѣўши
квашни, улятѣў у абратный путь. Прилѣтѣў къ прекрасный
дѣвицы; аткланиўшись ей, возвратіў ей самалетъ, шапку нивя-
димку и сапогъ бисаногъ, и благодарить яе. Дѣвица прикрас-
ная (звали яе Алёнай) сказала царевичу: „Далеко литаишь
и многа бѣдъ дѣлаишь: квасъ піў и квашни ни закрыў. Са-
дись же скарѣй на каня сванго и скачъ скарѣй: а то вить
за тобой будить пагона. Вотъ табѣ мая щетачка. Якъ будутъ
табе даганять, брасай скоро ету щетку—сдѣлаютца мхи и ба-
лоты; а пака ганцы канавы пракапають, масты намастятъ, да-
роги правядуть—ты усё то царства праскачишь.“ —Даганяють
царевича ганцы, а царевичъ брасантъ щетку—дѣлаютца мхи,
балоты, и, нака ганцы правяли дороги, іонъ ужъ праскачіў усё
царства. Падъизжають къ застави другога царства. Уходитъ ва
дворъ, аткланивантца прекрасный дѣвицы, атдаеть ей быстрага
багатырскага каня и поклонъ атъ сестры Алёны.

Другая дѣвица дала Игри Игравичу грибашокъ.—„Будить
за тобой пагона, тады брасай етнй грибашокъ: атъ етыга бу-
дуть сзади тебе агроинный лѣсъ. Пака лѣсъ разрубють и масты,
дорогу сдѣлають ты прискочишь у третія царства.“ —Усѣўся
на лашать добрый молюдиць и быў такоў. Даганяють пагона,
царевичъ бросіў грибашокъ, и вырысь агроинный густый лѣсъ.
Пака ганцы срубкай лѣса занимались, а царевичъ ускакаў у
третія царства.

Яўлянтца къ прекрасный дѣвицы, атдаеть поклонъ атъ
сестры. Прекрасная дѣвица гаворить: „Игра Игравичъ, за

вяликою бядою ѣздишь ты на свѣту. Смотри: ни патирай сваю галовушку; а беда у тебе ужъ на насъ твоемъ. Вотъ же табѣ атъ мяне хустычку. Будить за табой вяликая пагона— ты ни дупускай да сябе, брасай ету хустычку. Загаритца па-зади тебе и земля, и вада; пагона въ агонь ни пайдетъ, а вавратитца ва сваяси. Даганяить пагона, царевичъ Игра Игравичъ брасать хвустеу: загарантца и земля, и вада; ганцы въ агонь ужъ ня бросились, а тольки дивуютца. А Ирина гаворить: „Ну, Игра Игравичъ, таперь-та ты атъ моихъ рукъ ускальзнуу; но дажидай мяне съ гастинцымъ у твоемъ цар-стви!!.“

Царевичъ падъизжантъ къ старику палугриму. Астанауліитъ уташленнага свайго вѣрныга богатырскага каня, здрастунтца съ палугримымъ. Палугримъ радеханикъ благопалушнымъ вавра-щенію Игры Игравича.

— „О, Игра Игравичъ, далако ты литаишь, да и бѣдъ же многа надѣлау: то-та маладость—буйндость! Піу квасъ, да вавани ни накрну!..—„Паизжай же ты къ атцу твоему: у васъ большоя бизчастя. Налятѣу у ваша царства заморскій Абжора—выидантъ усѣ у вашимъ царства.“

Даскачіу скорымъ поспихымъ да сваяго царскаго дварца, входитъ ва дварецъ, видитца съ атцомъ и братьями. Начались распросы а путашествіи царевича; царевичъ атъ нити да нити разсказау атцу а сваемъ странстваваніи. Атецъ, нагаваріушисъ съ сыннымъ, гаворить и а сваемъ гори.

— „Вотъ, сынъ, и у мене, у маемъ царстви сильныя бизчастя. Налитантъ Абжора, па нѣскалька вуфъ водки выпивантъ и па нѣскальки валоу паидантъ.“

— Батюшка, прикажитя сдѣлать три прута залѣзныхъ, булку хлѣба и гарниць водки.

Латить Абжора, якъ громъ гримить; аўляитца ва дварецъ, якъ синная вапа, и ўходитъ у палаты, требунтъ папить и паѣсть.

Аўляитца царевичъ Игра Игравичъ съ булкою хлѣба и гар-цимъ водки.

Абжора горда рачить царевичу: „Щто, ты шутить узду-мау са мной: ты накормишь ты мяне етымъ кусочекимъ?“—Царевичъ и гаворить Абжори.

— Унасъ была карова-абжора: ѣла усѣ па такой булки хлѣба

и нила пу вядру вады марской, да патомъ абъѣлась и апилась... Няўжошъ и на тебе ня будить акаливання?!.. вѣдь акалѣишь и ты!..

Абжора и рачить царевичу: „Ты са мной мала пагаварывай!..“

— Ну, калі ты, галубчикъ, такоў, то я съ табой набо-
рѣсь. Падай-ка три прута маихъ.—Падають яму три за-
лѣзныхъ прута. Царевичъ давай яго бизувать па хрыбетнай
касти, сбіў три пруты, а Абжора ни пайся. Тады царевичъ
патребуваў дѣдушкину булаву. Валакуць тую булаву десить чи-
лавѣкъ царскихъ прислугъ. Абжора спужаўся ужу булавы—
крутнуўся атъ царевича такъ сила, што у рукахъ царевича
атстаўся и черипъ Абжоры, и палятѣў Абжора изъ царскага
дварца. Пустиўся у дагонь за Абжорой, но видить, што яго
ни дагонить: пустиў у слѣдъ за имъ дядоўськую булаву—па-
лятѣла булава за Абжорай, якъ зъ ружья пули.

Видить Абжора, што яго дѣла плоха,—ударіўся объ земель:
земля атъ сильнага удара разступилась, и Абжора заморскій
праваліўся сквозь землю. Загримѣла услѣдъ за имъ булава, и
сдѣлалась на томъ мѣсти окнища. Игра Игравичъ падходить
къ тому окнищу, сматривать туды и видить, што и канца-краю
нѣту.

Примходить ва дворецъ и гаворить атцу:—„какаво, батюш-
ка, накарміў и напайў заморскага Абжору? Іонъ, якъ кру-
тнуўся, у маихъ рукахъ атстался и черипъ яго съ валасани; но
баду адну сдѣлаў — жалѣю и самъ: булава дѣдушкина паля-
тѣла въ таръ-тарары за Абжорай. Атецъ гаворить царевичу:
„Ладна, што избавились атъ Абжоры, а булава, хуть и прапала,
нѣбольшая тутъ яще беда“.

— Охъ, нѣтъ, батюшка, я думаю булаву и тамъ найдить.

— „Ну, што ты чудишь?“ гаворить царъ сваяму царе-
вичу.

— „Батюшка, прикажита сдѣлать блокъ: я на блаку спу-
сусь и найду булаву. — Узяў ружьё, зарядіў и идеть къ бло-
ву; праваждають яго атецъ и братья. Царевичъ просить
атца-царя: „Батюшка, якъ спуснусь я у таръ-тарары, ты па-
стаў старажамі ли блака ни салдаты, а сыноў тваихъ—маихъ
братіў; я калі дерну за вѣреўку, то бѣ яны мяне аттѣль бы
тащили.“ — Ну, такъ яго и спустили. Іонъ самоў на тотъ
свѣтъ и тамъ начаў искаць булаву. Искаўши булавы, нашоў

гнѣздо птушникъ и прѣдѣливантъ ихъ бить. Птичники испужались и затрѣсли своими крыльцками, а іонъ адумаѣся. Рѣшѣся узять ихъ и кармить: можа, у нихъ нѣту нѣща, ни матери. Начаѣ ихъ кармить и пать да узросту ихъ. Птицы стали жалотывать, и слышать яни, што лятить ихъ мать-птица, усяму свѣту хлапятица. Стали яни дружка съ друженю такбавать: — „Што ты знаншь, сястрица? лятить наша мать-птица, усяму свѣту хлапятица; ина, ни растукаѣмись, ни разгукѣшесь, Игра Игравича спатрабить; нада намъ яго спрятать: хуть іонъ насъ нанугаѣ, да и памилуваѣ. А буди жъ ни яго скувантъ?“

А падружка-птичка атвичать: „А надъ ту скурлупу, нѣз которій мы сами выхадилъ“. — Такъ яго туда и спратали. Прилитантъ ихъ мать-птица, усяму свѣту хлапятица, и гаворить своимъ птенцамъ: „Дѣтки мае, гулубатки, хто васъ ускарміѣ, и хто васъ успаѣѣ? — я тога и сама бѣ аблагатварила!“ — Дѣти—птянцы и гаворють ей: Хадѣ тутъ яко-та ахотникъ, хатѣ насъ съ ружья пабить — наши жилачки усѣ назамерли; патомъ іонъ асумнѣся, стаѣ насъ кармить и стаѣ насъ пать, пакель мы ужъ стали пиралотывать. — „А дѣ жъ вы яго дивали?“ — Мы спратали падъ ту скурлупу, съ которій сами выхадилъ. — „Идитя и завѣтя яго ка мнѣ!“ — Птянцы яго вядуть къ сваей матери. Ина, ета птица, яго узекла и гаворить: „Здрастуй, Игра Игравичъ!..“ А іонъ ей: „Здрастуй, птица—усяму свѣту хлапятица!..“ — Вить ты, царевичъ, далако лѣтаншь, да сваю голову тиранишь; толька тынъ и барешъ, што пакорную и паклонную голову и нечъ ни бареть. Ты тѣй свѣтъ увесѣ абѣхаѣ и сюда лѣѣся! Што жъ тебѣ нужна здѣсь и зачѣмъ сюда у етый свѣтъ? — „Абжора занесѣ булаву; воть я пришоѣ атыскивать яе.“

— Што ты птянцоѣ маихъ карміѣ и паѣѣ, за то я тебе атблагадарю. Иди и разыскивай сваю булаву.

Іонъ приходитъ къ дому тога Абжоры, и на крыльцы сѣдять двѣ дѣвушки, слезна плачуть и каверъ выкизають, и яни такъ красивы, што идна другой красивѣй. Іонъ приходитъ къ нимъ и спрашнѣтъ у нихъ, якога яны званія и горады. Яни атвичаютъ яму: „Мы дѣвицы; адну завуть Марюхай, а другую Настюхай; званія мы царскага; украдены заморскимъ Абжорѣй. Марюшка царства Матлицкага, а Настюшка царства Вьюгина.“

Дявицы называли Игра Игравича; аўлянтца къ старухи. — „Ехъ, галубчикъ, ты тѣй свѣтъ увесъ аблитаў и на етнй пришоў; нѣтъ, нѣтъ, таперъ ня выкрутисся. За што ты маяго старика убіў?“ — За то, кажить Игра Игравичъ: што іонъ мая булаву унёсь. Вотъ я узяў у яго сваю булаву и атбіў яму галаву.

— „Ну, пайдемъ-ка на расправу!..“ Вышли за варота, и гаворить старуха: „Ну-ка, Игра Игравичъ, дуй поля—токъ!..“ Іонъ, якъ дунуў на 12-ть верстъ, выдуў хрустальный токъ. А ина дунула на 12 верстъ — выдула токъ чугунный; да и начали дратца. Царевичъ старуху сбиў. — „Стой, Игра Игравичъ: пайдемъ, пагулянимъ!..“

Старуха бяретъ свае залатыя ключи, атварають патайныя пагрябы. — У мене здѣсь іостъ двѣ кумы вина. Съ каторой староны будимъ пить вино: ти съ правый, ти съ лѣвый?

— „Я буду пить хутъ съ правый.“ — И, якъ напиўся, яше пасильнѣй стаў; а ина сильна асалапѣла.

Царевичъ и гаворить: „Ну, што, бабъ, адѣ будимъ вуватца?“ — А ина яму ня вымалвила и славечка. Тады іонъ узяў яе за валасы, трихануў — и кости съ кожи вытрисъ. Пришедши къ плѣнницамъ-дявицаамъ, и гаворить имъ: „Ну, таперъ я усихъ сванхъ и вашихъ урагоў пубядіў. Таперъ ни бярить ни злата, ни сребра, а забирайця драгацѣнныя каменья!..“ И атправились утрамъ къ блоку; узяў іонъ и сваю булаву.

Пришедши къ блоку, садитца у яго; а дявицы зарыдали горьками слязми и гаворють яму: „Мы табѣ у тваемъ гори пумагли нашимъ савѣтамъ, и ты абищаўся вывистъ насъ на руській свѣтъ, а между тѣмъ таперъ накидаишь насъ. Луччи ты посади насъ на блокъ, а тады самъ сядишь: твое братъя навѣрна пададутъ табѣ блокъ.“

Царевичъ признаў ихъ слава за праўду, посадиў дявицъ ва блокъ и трянуў имъ. Братъя яго и патынули. Давалаквивають близка ки беригу и замѣтили ихъ красату, и стали другъ съ другимъ гаварить: „Ну, братъ, ти правютца яны табѣ?“ — Атвочають другой братъ: Агу! а чаму жъ? — яея пригожія красавицы!.. — „Да во што, братъ. Якъ намъ, братъ, явитца, то іонъ возымить адну сабѣ, а другую каму нибудъ изъ насъ уступить... А мы разрѣжимъ вареўку, вытинуўши ихъ на край, и пустимъ туды адинъ блокъ. Тады еты дявицы бу-

дутъ нашими жонами, а братъ на вѣки застанитца на томъ свѣти.“

Давицы абразавалісь залатыми бярэзай і лiсьцямі на бярэзакъ сярэбрінані і свілісь макушка съ макушкаю, і окніца ета зарасло, і прывізаннѣ нн 'тталісь. Тады яны спугалісь і самі, да і думаюць, якъ ідiть къ атцу і што яму сказаць.

Прыходзюць 'ка 'тцу і гаворыць яму: „Батюшка, навѣрна, нашъ братъ на томъ свѣти лiба умірѣ, а лiба ўбiць окніца заруўнувалася, і вырыли два памятникі залатымі бярэзай съ сярэбрінані лiсьцямі са свiтлымі ўмѣсці макушкамі.“

Ігра Ігравічъ, узнатушы, што братыя яго яму імянілі, атпраўляіцца къ птiцы, усяго свѣта хлапатніцы, і гаворыць яму птiца:

„Што, Ігра Ігравічъ, зрадiлі табе твае братчыкі? — І iонъ заплакаў горькімі слiзаймі. — Штожъ дѣлаць? я надѣўся на іхъ нн такъ, якъ на чужіхъ, а яны ўтварілі мнѣ зло хужі чужіхъ.“

— Но я тваіму горю пумагу: ты маіхъ дятей васкарміў і васпаіў. Ступай: набей мнѣ птiчыкъ і, сколька набѣдшъ, усіхъ на нтiчку навязі, а заўтри рана ка мнѣ прыхаді.

Iонъ набіў птiць цѣлую нiзку і прыходіць къ ей. Іна і гаворыць яму: „Садісь на мане лягенька і даржись крыпенька, а, какъ замаруся, такъ кiдай мнѣ въ мой ротъ, штобъ не аслабѣць.“

Бяретъ iонъ булаву і садіцца на птiцу лягенька і даржiцца крыпенька, і пашлі на руськiй свѣтъ. Вынісла яго вочіны высока і спрашiць яго:

— „Ідѣ мы находімся? глянъ унізъ!..“ Iонъ паглядѣў унізъ і гаворыць: „Ничаво ня видна, толька адна вада, якъ хрушталъ—знатъ, мы надъ моріжъ.“— Іна сiйчасъ прывярнулася унізъ спіною, а у верхъ нагамі—царевічъ і загримѣў, якъ камінь у воду. Тады івноў падхватула яго і пытаіць: „А што, Ігра Ігравічъ, якъ ты спужаўся?“ — А iонъ ей атвiчаіць:

— „Я такъ спужаўся, што наінога атъ смерці атстаўся!“

— Вотъ жа такъ і мае дѣткі атъ табе пужалісь!— вотъ такъ-та хлѣбъ-солъ усігда атдаецца!—Вынісла на руськiй

свѣтъ и пустила. Іонъ и пашоу на гораду ка дварцу. Идетъ служба у Божьимъ храми, и питають іонъ:

— „Якей сядовни праздникъ?“ — Тутъ яму и атвичаютъ:

— „Нашъ царь на сыну сваємъ Игры Игравичу саракаустъ атпраўляить“.—Бейтя у калакала: Игра Игравичъ жиу и идетъ дамой. — Царю абъ емъ далажили, и іонъ вышїу къ сыну на ўстрѣчу, и радаваўся царь-батюшка благопалушнымъ вазвраще-нію сына.

Браты приближали, слезна плакали и рыдали, на калѣни упадали и гиварили яму: „Многа мы винуваты приѣдъ табою, якъ и предъ Богомъ.“ Игра Игравичъ братамъ сваймъ прастїу ихъ вину. Заветъ царя батюшку и свайхъ братцїу къ тому мѣсту, идѣ staanъ двѣ бярезы. Приходятъ къ тому мѣсту, стнать двѣ красивны красавицы. Падходитъ и Игра Игравичъ и гаворить имъ: „Здрастуйтя, цесареўны-плѣнницы!“ и яны яму пакланились.

Бяретъ іонъ за руку адну царевну Мархвуту и гаворить бодльшиму брату: „Вотъ табѣ нявѣста; а за што—знай, и свадьбу играй!..“

Тады бяретъ за руку Настасьсю и гаворить мяньшому брату: „Вотъ и табѣ нявѣста; а за што—знай, и свадьбу играй!..“

— Ну, што жъ ты, сынонь, гаворить царь: братьямъ нявѣсть атдаешъ, а сабѣ ни водный ни бярешъ?.. Игра Игравичъ твичаетъ: „Батюшка, аба мнѣ ни клапатитя: я сабѣ даўнымъ даўно пашоу.“ — Пашли яны у свае палаты свадьбу гулять; гуляли яны мѣсницъ, а можа, и надѣхъ десить. Въ адинъ день уся свита царская пашли у зялений садъ гулять, и тольки у етїй день и часъ у ета царства възизжають мураўская цареўна Алена и падъизжають къ царскому саду си сваймъ сьинимъ. Сынъ, увидаўши царскую свиту въ саду, гаворить матери: „Пасматри-ка, маминька, какъ нашъ дѣдушка гуляить съ мамимъ папинькай и съ дядюшками по саду!..“

— Пачаму жа ты, милый мой сыночїкъ, знаишь, што ети люди твае дѣдушка, папинька и дядюшки?—Сынъ на ета матери гаворить: „Ехъ, маминька, воранъ ворана далеча видить.“ — Игра Игравичъ узнау прикрасную Алену и скоримъ поспихимъ прѣма къ ей на ўстрѣчу, цулувались у сахарные уста, и приняу ихъ да чести у свае палаты, паказау и разсказау атцу, што ета прекрасная Алена яго нявѣста. Ни мала

ня медля, начали пива варить и свадьбу заводить. Свадьбу сыйграли, пива пили и мѣсяца два и три пувисялились. Царь-батюшка атаѣ яму (Игры Игрывачу) палавину царства. Яны стали жить и бытъ и дабро наживать.

№ 11.

Абъ старикъ—«самъ на кутѣ, носъ на крюку, ноги на грядкахъ»; якъ тѣй старикъ двумъ братѣмъ па паласть мяса изъ спины выризаѣ, а третій братъ старику тоя жъ здѣлалъ. Сказка, што мяншой братъ старику баіѣ; у тѣй сказки дубъ да нибѣсъ.

Жили три братѣи: два разумныхъ, а третій дуракъ. И наши яны на ахоту ѣ лѣсъ. Цѣлый день хадил и заблудил. Значували у ласу. Яны думали, якъ тутъ нучувать:

— „Агня у насъ, братія, нѣту!“

Старшій братъ гаворить:

— „Узлѣзь-ка, братъ, на високую елку, ня ўвидишь ли идѣ агонь.“

Средній братъ узлѣзь на високую елку и гаворить:

— „Вратцы, у етый стѣранѣ виднѣ аганекъ.“

Старшій братъ нашоу за 'гнемъ, приходитъ у густыя мѣста, къ балоту—посматривать: стаить избушка на курьихъ ножкахъ; увыйшоу у хату ахотникъ — ляжить старичекъ, самъ на кутѣ, а носъ на крюку, а ноги на грядкахъ.

Іонъ яму гаворить:

— Здрастуй, дѣдка!

— „Здрастуй, лябѣдка!“

— Дай-ка, дѣдка, игню.

— „Скажи сказку и призывку, третью небыльницу; а кыда ни скажишь, дынь дай пыласу съ спины выкряю и восьсю патру, и игню дамъ.“— Узяѣ жа іонъ яму са спины пыласу выкряѣ, восьсю патѣръ и игню даѣ.

Ахотникъ агонь узалъ и нашоу. Приходитъ къ своимъ братѣимъ: чуть ни дайшоу—спина у аго разбалѣлась, и агонь пигасть. Іонъ приходитъ къ братѣимъ и гаворить:

— „Зыгасъ агонь.“

— Иди, братъ, саредній братъ, за агнемъ!

И сряду иному брату здѣлалась тожа адно, какъ и старшаму брату—и етить имъ принесть агня. Пасылають дурака. Дуракъ нашолъ за агнѣмъ, и яны мѣждо себе разгаваривали:

— „Пуцай жа налннму дураку пыласу выкрыить—на 'днѣмъ намъ стрѣдять.“

Приходить дуракъ кн'збушки, у вайзбушкеу увашоаъ: лажить старичекъ, самъ на вутѣ, носъ на врюку, ноги на градкахъ,—и сказалъ яму.

— Здрастуй, дѣдка!

— „Здрастуй, лябѣдка!“

— Дай, дѣдка, агню!

— „Скажи сказку, прикыску, а третію нибыльницу. А кыда ни скажишъ, дыкъ дай выкрыю пыласу сы спины и во сію патру, и игню дамъ.“

Атвчачить дуракъ:

— „Я табѣ скажу, дѣдъ—только ни гавари, што „лгашъ.“ Если жъ скажишъ, выкрыю пыласу са спины и во сію патру и агня вазьму.“—Такъ іонъ, старикъ, на эта саглался.

Начау етить ахотникъ гаварить сказку.

— „Вотъ, дѣдъ, первыя сказка!“

Какъ я съ дѣдушкыю жилъ, а батюшка ни радился. Какъ батюшка радился, паслалъ мене батюшка на крезбныи звать. Я пашоу зазывать сасѣдїи: два двора минуу, а третій пазабыу—и усѣ такъ. Усѣе дярѣуно ни зызвалъ, а пришло народу на крезбины множества—ихъ и посадить нейдн. Я былъ дагадїу: каторыга на колъ, какорыга на рыгатиу—и усѣхъ пасажалъ.

У майго дѣдушки ясныовный коушъ былъ ни выдалбованный. Начау я потчивать сасѣдїу ближнихъ: два кыуша у лобъ, а третій гарѣлки; употчивау ихъ, што амѣ съ-застолья ни вылизуть.

Кой-какъ прачухалися, размышлися. Захатѣлъ мой дѣдушка

Я ўзялъ тыпарокъ и ўзялъ шилу, нашолъ на ахоту. Гара високая. Я на ту гару лѣзть. Дѣзъ, гѣзъ, ширался; узлѣзъ ни гару, сматрю: тамъ возира, шилутички: двѣ бѣлинькихъ, а третїя, якъ снажохъ, пустилъ на ихъ тыпарокъ: двухъ жима, а третїю усихъ трѣхъ убіу. Свалился тыпарокъ съ тыпарища—

тыпарокъ плавантъ, а тыпарища патанула. Якъ жа яво ды-
стать?

Я началъ вокрыла липникъ, алошникъ рубить ды драть и
рѣзвинны визать; навизалъ рѣзвинъ и началъ воду съ возира
вынашивать. Воду вынысилъ, дысталъ утычикъ и тыпарищійка
и тыпарокъ. Принёсъ дамоу.

— „Благодарю тебе, мой унучикъ! (дѣдушка гаворить):
я и съ крезбинъ пупраулюси-тва дичинкый.“

— Вотъ, мой дѣдичка, узяла мне ахота: апять пашолъ
къ яму на ахоту и тыпарокъ ни ўзялъ съ сабою. Иду вокрыла
трыснику—у трыснику, у былинкахъ, дятлы пицать. Я пашѣ-
рился, якъ етыхъ дятлыу узать—рука ня лѣзить.

Я гылаву усадилъ, пабѣл ихъ тамъ; хатѣл идить—гыла-
ва аттуда ня лѣзить, — гылаву атставиу. Пабѣхъ дамоу, узялъ
тыпарокъ, пришоу ипать къ етому трыснику, разрубилъ галаву
сваю, пылажилъ на плечи и пашоу.

Ишоу вокрыла ряки — рѣчка крутабирегая; зыхатѣл на-
питца; и съ сваей гылавы сняу чырапокъ, напился палажилъ
чырапокъ на гылаву, пашоу кала ряки, пысмастрѣу за рѣку,
увидау: мядвѣдъ щиниля дяреть. Я тиризе ряку пырискачилъ,
пришолъ къ мядвѣдю, тыпаркомъ яво пихнулъ—мядвѣдъ пы-
валился.

И гыварю мядвѣдю:

— „За што ты етыва чилавѣка дярешъ?“

Мядвѣдъ гыварить:

— „Абищауся щамель два пуда меду дать—во за ета я
яво я дяру“.

Я, дѣдичка, мядвѣдя прыгналъ. Щамель два пуда мѣду
мнѣ далъ. Ва што мнѣ етытъ мѣдъ узать? Я быу дагадліу:
смырау лыка, на лыка яво зывизалъ, да падъ пойсъ. Прихажу
къ рякѣ—пырайдить нейди. Тада у гырачынсти пырябѣхъ ско-
ра, а таперъ пырайти нейди. Пысмаблю падъ вустъ: стынять
дѣъ лотычки: идна дырявая, а другая бяздонная. И у дырявую
самъ сѣлъ, а у бяздонную мѣдъ пылажилъ. Пыряхалъ ряку,
пубижалъ дамой, залажилъ кабылу. Пріѣхылъ за мѣднымъ, нылажлъ
возъ мѣду, ящѣ нямножка и ни забралъ. Привезъ дамой — возъ
у вароты ня лѣзить. Я быу дагадліу: прабуравилъ шула бура-
вомъ—мой возъ и съ кабылымъ прыскачилъ. Кабылу атпрѣхъ,
начилъ мѣдъ прыберать.

И сярэднему брату здѣлалась тожа адно, какъ и старшаму брату—и етыть ни принесть агня. Пасылають дурака. Дуракъ пашолъ за агнѣмъ, и яны мѣжа собе разгазарили:

— „Пуцай жа нашиму дураку пыласу выкрыть—ня 'днѣмъ намъ стрѣдять.“

Приходить дуракъ кн'эбушки, у вайэбушке увашоаъ: лажить старичекъ, самъ на кутѣ, носъ на врюку, ноги на грядкахъ,—и сказаъ яму.

— Здрастуй, дѣдка!

— „Здрастуй, лабѣдка!“

— Дай, дѣдка, агню!

— „Скажи сказку, прыкызу, а третію нибыльницу. А кыда ни скажышь, днѣмъ дай выкрыю пыласу сы спины и восію патру, и игню дамъ.“

Атвычаить дуракъ:

— „Я табѣ скажу, дѣдъ—только яни гавари, што „нагешъ.“ Если жъ скажышь, выкрыю пыласу са спины и восію патру и агня вазьму.“—Такъ іонъ, старикъ, на эта сагалсился.

Начау етыть ахотникъ гаварить сказку.

— „Вотъ, дѣдъ, первыя сказка!“

Какъ я съ дѣдушкыю жилъ, а батюшка ни радился. Какъ батюшка радился, паслалъ мене батюшка на крезбыны звать. Я пашоу вазывать сасѣдїй: два двора минуу, а третій пазабыу—и усѣ такъ. Усея дярѣуню ни зыгавалъ, а прышло народу на крезбыны множества—ихъ и пасадить нейдѣ. Я былъ дагадлїу: каторыга на колъ, какорыга на рыгатыну—и усѣхъ пасажалъ.

У майго дѣдушкы асяновый коушь былъ яни выдалбованный. Начау я потчивать сасѣдїу ближнихъ: два кнѣша у лобъ, а третій гарѣлки; употчивау ихъ, што анѣ съ-застолыя на вылизуть.

Бой-какъ прачухалися, разыйшлися. Захатѣлъ мой дѣдушка дачинки. Я ўзялъ тыпарокъ и ўзялъ пилу, пашолъ на ахоту. Прихажу—гара високая. Я на ту гару лѣзть. Лѣзъ, лѣзъ, шилымъ пупирался; узлѣзъ ны гару, сматрю: тамъ возира, шывають три вутычки: двѣ бѣлиньныхъ, а третїя, якъ снажокъ, бѣлинька. Я пустилъ на ихъ тыпарокъ: двухъ мима, а третїю ни пуцау—усихъ трѣхъ убіу. Свалился тыпарокъ съ тынарища—

тыпарокъ плаванть, а тыпарища патанула. Якъ жа яво ды-
стать?

Я началъ вокыла липникъ, алошникъ рубить ды драть и
рѣзвинны визать; навизалъ рѣзвинъ и началъ воду съ возира
вынашивать. Воду вынысилъ, дысталъ утычикъ и тыпарищійка
и тыпарокъ. Принёсъ дамоу.

— „Благодарю тебе, мой унучикъ! (дѣдушка говорить):
я и съ крезбинъ пупраўлюси-теа дичинкый.“

— Вотъ, мой дѣдичка, узила мне ахота: апять пашолъ
къ яну на ахоту и тыпарокъ ни ўзялъ съ сабою. Иду вокыла
трыснику—у трыснику, у былинкахъ, дятлы пищать. Я памѣ-
рился, якъ етыхъ дятлыу узять—рука ня лѣзить.

Я гылаву усадилъ, паѣлъ ихъ тамъ; хатѣлъ идить—гыла-
ва аттуда ня лѣзить, — гылаву атставиу. Пабѣхъ дамоу, узалъ
тыпарокъ, пришоу ипять къ етому трыснику, разрубилъ галаву
сваю, пылажилъ на плечи и пашоу.

Ишоу вокыла ряки — рѣчка крутабирега; зыхатѣлъ на-
пцта; и съ сваей гылавы снѣу чиряпокъ, напился палажилъ
чиряпокъ на гылаву, пашоу кала ряки, пысметрѣу за рiku,
увидау: мядвѣдь щимила дяреть. Я тирияз ряку прыскачилъ,
пришолъ къ мядвѣдью, тыпаркомъ яво пихнулъ—мядвѣдь пы-
валился.

И гыварю мядвѣдью:

— „За што ты етыва чилавѣка дярешъ?“

Мядвѣдь гыварить:

— „Абищаўся щамель два пуда меду дать—во за ета я
яво я дару“.

Я, дѣдичка, мядвѣдя прыгналъ. Щамель два пуда мѣду
мнѣ далъ. Ва што мнѣ етытъ мѣдъ узать? Я быу дагадліу:
смырау лыка, на лыка яво зывизалъ, да падъ поимъ. Прихажу
къ рякѣ—пиряйдить нейди. Тада у гырячннсти пирябѣхъ ско-
ра, а таперъ пиряйти нейди. Пысметрю падъ кустъ: стнять
двѣ лотычки: идна дырявая, а другая бяздонная. Я у дырявую
самъ сѣлъ, а у бяздонную мѣдъ пылажилъ. Пирябѣхалъ ряку,
пубижалъ дамой, залажилъ кабылу. Пріѣхылъ за мѣднымъ, пылажлъ
возъ мѣду, ящѣ нямножка и ни забралъ. Привезъ дамой - возъ
у вароты ня лѣзить. Я быу дагадліу: прабуравилъ шула бура-
вошъ—мой возъ и съ кабылнй прыскачилъ. Кабылу атпрѣхъ,
начилъ мѣдъ приберать.

Кабыла атарвалась, пашла къ рякѣ, у лотки наѣлася мѣду, напилась вады—издохла.

Я и нашолъ кабылу ету. Абадраѹ и пувалокъ кожу даной.

Аглянулся назадъ: идетъ кабыла галѣя, а мужуки оди да-роги сѣють грачиху. Кабыла и пакаталася на грацкоѹи. Вотъ, мой ты дѣдичка, на маей кабыли стала росъ грачиха. Рнсла, рысла и затвила, ужъ начала пуспивать.

Отъ, мой ты дѣдичка, якъ увялились у яе татери. Я быѹ дагадліѹ: приправіѹ два карыба, на хвасту даѹбню. Што кабыла сходитъ у поля, то мнѣ два корабы тятерь и нясеть. Хадила мая кабыла падъ дубами: свалился жалѹдъ—и прямиа на кабылу и убился мижда ряберъ, и началъ, мой ты дѣдичка, да на маей кабыли да ростъ дубъ и маю кабылу прижалъ.

Вырнсь іонъ вочинъ вяликій—падъ самни нибиса.

Вотъ, ты мой дѣдичка, скоро гаваритца, да няскура дѣлантца.

Я якъ палѣзъ на тѣй свѣтъ, пагляжу, што тамъ дѣлантца: мой батька да на тваимъ батьки смалу возить.

Дѣдъ и гаворить:

— „Аѹгѣшъ!“—Етытъ жа ахотникъ и гаворить дѣду:

— „У насъ зъ вами былъ дагаворъ, штоба етыва слова ни гаварить.“

Тыда узалъ ахотникъ сы стариковый спины пиласу выкрнѹ, агня узалъ и пашоѹ къ братьимъ.

Братътя и гаворють:

— „Ну, што, братъ, ти выризалъ паласу?“

— Нѣ! Я яму.

Братътя здивилися и дамоѹ пунашли.

Деревня Бердебяки, Ельнинского уѣзда.

Абъ діўнымъ лятучимъ старикѣ—самъ съ кокыть, а барада семъдесять сажонѣ; абъ яго лашадяхъ, скидываўшихся сароканами и воронами. Иванъ Царевичъ.

Падарки діўнога старика Ивану Царевичу: 1) мѣдная лошадь и дырагое зьяжущее кальцо, 2) сяребриная лошадь и гусли самагуды, 3) зылатая лошадь и боты самаплясы. Иванъ Царевичъ збаўляить Димьяна атъ нипріятельскыга царя и яго сына Лукапера; зъ царскый дочкый женитца.

Нѣўкатарымъ царстви, нѣўкатарымъ гасударстви, быў царь, а у яго было войска: мурзы и татары. У етыга царя быў ў близи мужикъ, и было у етыга мужука три сына: два вумныхъ, а третій дуракъ. Пасѣили яны пашаницу. Пашаница урадилася харошія. Пувадіўся у ету пашаницу хадить нѣхта: пашаница паталочина. Мужикъ призваў свайго сына старшага и приказаў яму пашаницу старечъ. Пашоў іонъ къ пашаницы,—зайшоў у баню и праспаў да вутра. Пришоў двору и гаворить: „Ну, я ни видаў никога!“—На ўтарую ночь пашоў саредній сынъ, зайшоў у баню и праспаў да вутра. Пришоў двору и сказаў, што никога ни видаў. На третію ночь пашоў дуракъ, увайшоў у пашаницу и сѣў на мяжу. У самую поўнычъ прилятѣла дрямучія стада лашадей, и стали ети лошади пашаницу бить-таптать.—Пу мяжи идеть діўный старикъ: самъ съ кокыть, барада съ локыть, а 70 сажонѣ адна пуга. Идеть іонъ етыю мяжою, идѣ дуракъ сядить. Вотъ дуракъ ускочіў, уплутаўся ў бараду діўнога старика и пуваліў яго на землю, сѣў на яго и ни пускаить яго да самыга абѣда; лошади паслыхали шумъ, паскидались сароканами и варонами и палятѣли. Пара садитца абѣдать, а дурука усѣ нѣту. Мужикъ гаворить: „Идита вы яго узбудитя: а то праспить іонъ да самага абѣда.“—Падходють яны къ етому дураку и думали, што яго звѣрь ѣсть: варочіятца у пашаницы. Приводють яны діўнога старика къ атцу; атецъ и пытаить у дурука: „Дуракъ, а лошади идѣ?“—А палятѣли яны сароканами и варонами!—„Во, дуракъ пу дурацки гаворить: када жа лошади лятали?“—Атець гаворить:

: Запиргайти-ка вы талѣгу: пувязѣмъ етыва старика къ царю.“ — Гасударь етому старику сдѣлаў стоўбъ, аставіў толька вакопичка, штоба падавать яму пищу, а ключи атдаў царици и приказаў ни выпускать яго. У етыва гасудара быў сынъ. Атець яму дѣи патѣхи скуваў три булавы: мѣдную, сребрннуу и залатую. Царевичъ по саду хадіў и ети булавы видаў; залатыа адна у воду, другая у траву, а третія пунала къ діўному старику. Царевичъ гаворить: „Ахъ, діўнай старикъ, атдай мнѣ булаву!“ — Выпусти мяне: тада атдажъ! — „А какъ жа нѣ тебе выпустить: ключи у матери?! — А во какъ: приди и сажь: — „Маминька, у мяне балить глыня!“ — Ана станить у тебе ў галавы канать, а ты вытащи у яе ключи, а тада такнѣ жа парядкымъ и паложншь. — Царевичъ пришоў къ матери: „Маминька, галава балить!“ — А царица свайго сына вочнѣ любила. Стала ана у яго пытать, чаго галавѣ хварать: стала яго ласкать-цалувать, а іонъ у яе тайкомъ вырваў ключи, пубижаў и выпустиў діўнова старика. Старикъ сказаў: „Працай. Иванъ Царевичъ!“ — и палятѣ: толька яво и видели. Царевичъ пришоў апятъ къ матери свасей, гаворить: „Маминька, у мяне галава балить.“ — Царица стала у яго у гднви капать, іонъ нпять патѣхннѣу привнзаў ей ключи. А кароль прнгласіў уснхъ царей и князей. Прибыли уси князи и каралн глядѣтъ діўнога старика. Атварили етнть стоўбъ, пагляднть: нѣту тамъ ннчаво, тольки адннъ навозъ. Тада етнть царъ вочнѣ разсердїўся и гаворить: „Ну, када узнаю, хто яго выпустиў, то я тому голаву атрублю!“ — Уси князи и цари наразѣхались. Адннъ разъ Иванъ царевичъ гуляў па саду съ садоўннковымъ сыннмъ, Иванъ царевичъ гаворить на садоўннкова сына: „А што ба було тому, яго выпустиў діўнога старика?“ — Ахъ, Иванъ царевичъ, ета ужу було даўно: ннчога за ета ня будить. — „Ну, днѣк паслухай: діўнога старика выпустиў — я!..“ — Какъ такъ? — „А во такъ и такъ!..“ — Садоўнннмъ сынъ снчасъ прнбѣгъ къ царю: „Ваша вялнчнства, а што вы знанть?“ — А што? — „Діўнога старика выпустиў вашъ сынъ, Иванъ царевичъ.“ — Какъ такъ?! — „А, вотъ, такъ и такъ.“ — Кароль разгнѣваўся и узяў свайго сына падъ стражу и ка ўснмъ князнмъ и царямъ напнсаў: „Штоба были уси здѣсь у маемъ царствн: я буду казннть свайго сына.“ — Прибыли уси цари и князи и гаворнть: „Ну, какая табѣ польза,

што ты свайго сына казнишь? Када табѣ ужэ яго ни жалка, то выгнни яго изъ дварца и лиши наслѣдства.“—Царь паслушаў ихнита савѣту и выгнуў Ивана царевича изъ дому. Пашоў царевичъ, куды глаза глядять, и думанть: „Вярнуся я къ атцу, пушрашу сабѣ лошадь, а ў таварыши вадавозныыга сына.“—Вярнуўся іонъ къ атцу. Яму атецъ даў лошадь царскую, адѣжу царскую; мать яму дала денитъ, дали яму у таварыши вадавозныыга сына съ лошадью вадавозныўскую. Ъхали аны, ѣхали; захатѣлысь имъ питъ. Наизжають аны на калодисъ: вада у іонъ атъ краю аршина на чатыри, а ў калодиси плавайтъ диривянныя чашка. Какъ тутъ нанитца?—Вотъ вадавознѣ сынъ гаворить: „Вазьмемъ навязимъ пувады, я табе спущу туды: ты тамъ напѣдся и мнѣ падаси.“—Вотъ вадавознѣ сынъ навизаў пувады и спустиў у калодисъ Ивана царевича. Царевичъ напіўся и гаворить: „Вадавозъ, тани.“—Ну, нѣтъ ни пятагну!—„Пачаму?“—А патаму: пириманисъ са мной на плаття и на лапшадей: будь ты Иванымъ-вадавознымъ, а я буду Иванымъ царевичимъ—пятагну; а ня хочишь—прападай тамъ!—„Ну, тягни: я сагласинѣ!“—Вадавозъ вытигнуў яго, пуминяўся съ имъ на лапшадей и на плаття: Иванъ царевичъ стаў Иванъ вадавозъ, а Иванъ вадавозъ стаў Иванъ царевичъ. Пріѣхали аны у царства Димьяныва. Царъ Димьянъ гаворить: „Какова вы іосъ роду?“—Вадавозъ гаворить: „Я Иванъ царевичъ, а ета мой вадавозъ.“—Тада царъ гаворить: „Ну, ты у мяне будишь министиръ, и я табе приривинчаю на сваей дочки, а вадавоза твайго я пашлю служитъ на канюшню.“—Паставили яго на канюшню, а на канюшни тѣя самыя лошади, каторыхъ пасъ діўнаѣ старикъ. На заўтрига выгнуў іонъ етыхъ лапшадей у поля, за навѣя варата, на шурокыя раздолыя.—Выгнуў ихъ, сѣў на купинку,—лошади паскидались сароками и вѣронами и палитѣли низнама куды. Іонъ сядѣў, сядѣў на купинки и гаворить самъ сабѣ:—„Ахъ, черизъ каго я пагибаю, кады ня черизъ діўнова старика!?“—Діўнаѣ старикъ къ яму насетца, ажну барада трасетца.—„Иванъ царевичъ, садисъ на мяне: паѣдимъ ка мнѣ ў гости.“—Иванъ царевичъ сѣў на яго, за бараду дяржитца и паѣхаў у царства діўнога старика. Привѣзъ іонъ яго у свой домъ, а домъ тритажнѣ, и гаворить на сваю жану: „Жина моя милая, харошита гостя харашо и принимаютъ?“—А, канешня: вяди яго за столъ.—Вотъ яго

Дявицы пазвали Игра Игравича; аўлянтца къ старухи. — „Ехъ, галубчикъ, ты тѣй свѣтъ увесъ аблнтаў и на етнй пришоў; нѣтъ, нѣтъ, таперь ня выкрутисся. За што ты маяго старика убіў!“ — За то, кажить Игра Игравичъ: што іонъ маю булаву унёсь. Вотъ я узяў у яго сваю булаву и атбіў яму галаву.

— „Ну, пайдемъ-ка на расправу!..“ Вышли за варота, и гаворить старуха: „Ну-ка, Игра Игравичъ, дуй поля—токъ!..“ Іонъ, якъ дунуў на 12-ть верстъ, выдуў хрустальный токъ. А ина дунула на 12 верстъ — выдула токъ чугунный; да и начали дратца. Царевичъ старуху сбіў. — „Стої, Игра Игравичъ: пайдемъ, пагуляимъ!..“

Старуха бяретъ свае залатыя ключи, атварянтъ патайныя паграбы. — У мене здѣсь іостъ двѣ куфы вина. Съ каторой староны будимъ пить вино: ти съ правый, ти съ лѣвый?

— „Я буду пить хутъ съ правый.“ — И, якъ напиўся, яще пасильнѣй стаў; а ина сильна асалапѣла.

Царевичъ и гаворить: „Ну, што, бабъ, адѣ будимъ вудватца?“ — А ина яму ня вымалвила и славечка. Тады іонъ узяў яе за валасы, трихануў — и кости съ кожи вытрисъ. Пришедши къ плѣнницамъ-дявицамъ, и гаворить имъ: „Ну, таперь я усихъ сваихъ и вашихъ урагоў пубядіў. Таперь ни биритя ни злата, ни сребра, а забирайтя драгачѣнныя каменья!..“ И атправились утраемъ къ блоку; узяў іонъ и сваю булаву.

Пришедши къ блоку, садитца у яго; а дявицы зарыдали горьками слязми и гаворють яму: „Мы табѣ у тваемъ гори пумагли нашимъ савѣтамъ, и ты абищаўся вывистъ насъ на руській свѣтъ, а между тѣмъ таперь пакидашъ насъ. Луччи ты пасади насъ на блокъ, а тады самъ сядишъ: твае братыя навѣрна пададутъ табѣ блокъ.“

Царевичъ признаў ихъ слава за праўду, пасадіў дявицъ ва блокъ и трякнуў имъ. Братыя яго и патянули. Давалаквивають близка ки беригу и замѣтили ихъ красату, и стали другъ съ другимъ гаворить: „Ну, братъ, ти правютца яны табѣ?“ — Атвичають другой братъ: Агу! а чаму жъ? — Яея пригожія красавицы!.. — „Да во што, братъ. Якъ намъ, братъ, явитца, то іонъ возьмимъ адну сабѣ, а другую каму нибудъ изъ насъ уступитъ... А мы разрѣжимъ вярёуку, вытинуўши ихъ на край, и пустимъ туды адинъ блокъ. Тады еты дявицы бу-

дутъ нашими жонами, а братъ на вѣки застанитца на томъ свѣти.“

Дѣвцы абразавались залатыми бярэзавы і лiствыі на бярэзавы сярэбрынамі і свілісь макушка съ макушкаю, і окніца ета зарасло, і прызнавѣу нн 'тстались. Тады яны спугались і самі, да і думаюць, якъ ідць къ атцу і што яму сказаць.

Прыходюць 'ка 'тцу і гаворюць яму: „Батюшка, навѣрна, нашъ братъ на томъ свѣти лiба умрѣ, а лiба убить окніца заруѣнувалася, і вырысли два памятникі залатымі бярэзавы съ сярэбрынамі лiствыі са світымі жiвѣці макушкамі.“

Ігра Ігравічъ, узнаўшы, што братыя яго яму ізманылі, атпраўляіцца къ птцы, усяго свѣта хлапатніцы, і гаворіць яму птца:

„Што, Ігра Ігравічъ, зраділі табе твае братчыкі? — І іонъ заплакавъ горькімі слізамі. — Штожъ дѣлаць? я надѣіўся на іхъ нн такъ, якъ на чужіхъ, а яны утварілі мнѣ зло хужі чужіхъ.“

— Но я тваіму горю пумагу: ты маіхъ дятѣй васкарміў і васпаіў. Ступай: набей мнѣ птчыкъ і, сколька набѣдешъ, усіхъ на нтычку навязі, а заўтри рана ка мнѣ прыхаді.

Іонъ набіў птцъ цѣлую нізку і прыходіць къ ей. Іна і гаворіць яму: „Садісь на мане лягенька і даржись крыпенька, а, какъ замарюсь, такъ кідай мнѣ въ мой ротъ, штобъ не аслабѣць.“

Бяретъ іонъ булаву і садіцца на птцу лягенька і даржыцца крыпенька, і пашлі на руській свѣтъ. Вынісла яго вочынь высока і спрашайць яго:

— „Ідѣ мы находімся? глянъ унізъ!..“ Іонъ паглядѣў унізъ і гаворіць: „Ничаво ня відна, толька адна вада, якъ хрушталъ—знать, мы надъ морімъ.“ — Іна сійчасъ прывярнулася унізъ спіною, а у верхъ нагамі—царевічъ і заgrimѣў, якъ камінь у воду. Тады ізноў падхватила яго і пытаіць: „А што, Ігра Ігравічъ, якъ ты спужаўся?“ — А іонъ ей атвочаіць:

— „Я такъ спужаўся, што нямнога атъ смерці атстаўся!“

— Вотъ жа такъ і мае дѣтки атъ табе пупужалісь!— вотъ такъ-та хлѣбъ-солъ усігда атдаецца!—Вынісла на руській

свѣтъ и пустила. Іонъ и нашоу на гораду ка дварцу. Идетъ служба у Божьимъ храмя, и пытають іонъ:

— „Якей сяводни праздникъ?“ — Тутъ яму и атвичаютъ:

— „Нашъ царь на сыну сваемъ Игры Игравичу саракаустъ атпраўляить“.—Бейтя у калакала: Игра Игравичъ жиу и идеть дамой. — Царю абъ емъ далажили, и іонъ вышій къ сыну на ўстрѣчу, и радаваўся царь-батюшка благопалушнымъ вазвраще-нію сына.

Браты приближали, слезна плавали и рыдали, на калѣни упали и гиварили яму: „Многа мы винуваты придь табю, якъ и предъ Богамъ.“ Игра Игравичъ братамъ сваимъ прастіу ихъ вину. Заветъ царя батюшку и сваихъ братцыу къ тому мѣсту, идъ staanъ двѣ бярезы. Приходятъ къ тому мѣсту, стыять двѣ красивыя красавицы. Подходитъ и Игра Игравичъ и гаворить имъ: „Здрастуйтя, цесареўны-плѣнницы!“ и яны яму пакланились.

Бареть іонъ за руку адну царевну Мархвуту и гаворить большиму брату: „Вотъ табѣ нявѣста; а за што—знай, и свадьбу играй!..“

Тадъ бареть за руку Настасьсю и гаворить мяньшому брату: „Вотъ и табѣ нявѣста; а за што—знай, и свадьбу играй!..“

— Ну, што жъ ты, сыноекъ, гаворить царь: братьямъ нявѣстъ атдаешъ, а сабѣ ни водный ни бярешъ?.. Игра Игравичъ твичантъ: „Батюшка, аба мнѣ ни клапатитя: я сабѣ даўнымъ даўно нашоу.“ — Пашли яны у свае палаты свадьбю гулять; гуляли яны мѣсяцъ, а можа, и надѣль десить. Въ адинъ день уся свита царская пашли у зяленый садъ гулять, и тольки у етый день и часъ у ета царства вѣязжантъ жураўская цареўна Алена и падъязжантъ къ царскому саду си сваимъ сынимъ. Синъ, увидаўши царскую свиту въ саду, гаворить матери: „Пасматри-ка, маминька, какъ нашъ дѣдушка гулянтъ съ мамимъ папинькай и съ дядюшками по саду!..“

— Пачаму жа ты, милый мой сыночикъ, знаишъ, што эти люди твае дѣдушка, папинька и дядюшки?—Синъ на ета матери гаворить: „Ехъ, маминька, воранъ ворана далеча видить.“ — Игра Игравичъ узнау прикрасную Алenu и скорниъ поспихнимъ пряма къ ей на ўстрѣчу, цулувались у сахарные уста, и приняу ихъ да чести у свае палаты, паказау и разсказау атцу, што ета прекрасная Алена яго нявѣста. Ни мала

ня медля, начали пива варить и свадьбу заводить. Свадьбу сыиграли, пива напили и мѣсяца два и три пувисалились. Царь-батюшка атдаѹ яму (Игры Игрывачу) палавину царства. Яны стали жить и бытъ и дабро наживать.

№ 11.

Абъ старикѣ—«самъ на кутѣ, носъ на крюку, ноги на гряднахъ»; якъ тѣй старикѣ двумъ братѣмъ па паласть мяса изъ спйны вырizaѹ, а третій братъ старикѣ тоя жъ здѣлалъ. Сказка, што мяньшой братъ старикѣ баіѹ; у тѣй сказки дубъ да нибѣсъ.

Жили три братьи: два разумныхъ, а третій дуракѣ. И нашли яны на ахоту ў лѣсѣ. Цѣлый день хадили и заблудили. Значували у ласу. Яны думали, якъ тутъ нучувать:

— „Агня у насъ, братія, нѣту!“

Старшій братъ гаворить:

— „Узлѣзь-ка, братъ, на високую елку, ня ўвидишь ли йдѣ агонь.“

Средній братъ узлѣзь на високую елку и гаворить:

— „Вратцы, у етѣй стыранѣ виднѣ аганекъ.“

Старшій братъ пашолъ за 'гнемъ, приходитъ у густня мѣста, къ бахоту—пасматривать: стаятъ избушка на курьихъ ножкахъ; увыйшолъ у хату ахотникѣ — ляжить старичѣкъ, самъ на кутѣ, а носъ на крюку, а ноги на грядкахъ.

Іонъ яму гаворить:

— „Здрастуй, дѣдка!“

— „Здрастуй, лябѣдка!“

— „Дай-ка, дѣдка, игню.“

— „Скажи сказку и прикывку, третью небыльницу; а кыда ни скажишь, днѣз дай пыласу сы спйны выкрыю и восьсю патру, и игню дамъ.“ — Узяѹ жа іонъ яму са спйны пыласу выкрыѹ, восьсю патѣръ и игню даѹ.

Ахотникѣ агонь узалъ и пашолъ. Приходитъ къ сванимъ братьимъ: чуть ни дайшолъ—спина у яго разбалѣлась, и агонь пигаєъ. Іонъ приходитъ къ братьимъ и гаворить:

— „Зыгаєъ агонь.“

— „Иди, братъ, сяредній братъ, за агнемъ!“

И сареднину брату здѣлалась тожа адно, какъ и старшаму брату—и етыть ни принесть агня. Пасцлають дурака. Дуракъ пашолъ за агнѣмъ, и яны мѣжа себе разгаваривали:

— „Пуцай жа нашиму дураку пыласу выкерыить—ня днѣтъ намъ стрѣдять.“

Приходить дуракъ кы'збушки, у вайзбушку увашолъ: ляжить старичекъ, самъ на кутѣ, носъ на врюку, ноги на градакахъ,—и сказаль яму.

— Здрастуй, дѣдка!

— „Здрастуй, лабѣдка!“

— Дай, дѣдка, агню!

— „Скажи сказку, прыкызу, а третію нибыльницу. А кыда ни скажишъ, днѣтъ дай выкерыю пыласу сы спинны и восію патру, и игню дамъ.“

Атвычаить дуракъ:

— „Я табѣ скажу, дѣдъ—тольки ян гавари, што „нагешъ.“ Если жъ скажишъ, выкерыю пыласу са спинны и восію патру и агня вазьму.“—Такъ іонъ, старикъ, на эта сагласился.

Начау етыть ахотникъ гаварить сказку.

— „Вотъ, дѣдъ, первыя сказка!“

Какъ я съ дѣдушкыю жылъ, а батюшка ни радился. Какъ батюшка радился, паслалъ мене батюшка на крезбинны звать. Я пашоу зазывать сасѣдїй: два двора минуу, а третій пазабыу—и усѣ такъ. Усѣе дярѣуно ни зызвалъ, а прышло народу на крезбины множества—ихъ и пасадить шейди. Я былъ дагадліу: каторыга на колъ, вакорыга на рыгатыну—и усѣхъ пасажалъ.

У майго дѣдушки ясныовый коушъ былъ ни выдалбованный. Начау я потчивать сасѣдїу ближнихъ: два кыуша у лобъ, а третій гарѣлки; употчивау ихъ, што анѣ съ-застолья ни вылизуть.

Бой-какъ прачухалися, разыйшлися. Захатѣлъ мой дѣдушка дачинки. Я ўзялъ тыпарокъ и ўзялъ шилу, пашолъ на ахоту. Прихажу—гара високая. Я на ту гару лѣзть. Лѣзъ, лѣзъ, шилымъ пупирался; узлѣзъ ни гару, сматрю: тамъ возира, шывають три вутычки: двѣ бѣлиньныхъ, а третїя, якъ снажонъ, бѣлинька. Я пустилъ на ихъ тыпарокъ: двухъ мима, а третїю ни пунау—усихъ трѣхъ убіу. Свалился тыпарокъ съ тынарища—

тыпарокъ плавать, а тыпарища патанула. Якъ же яво дыстать?

Я началъ вокыла липникъ, алошникъ рубить ды драть и рѣзвинны визать; навизалъ рѣзвинъ и началъ воду съ возира вынашивать. Воду вынысилъ, дысталъ утычикъ и тыпарищійка и тыпарокъ. Принёсъ дамоу.

— „Благодарю тебе, мой унучикъ! (дѣдушка гаворить): я и съ крезвинъ пупраулюси-теа дичинный.“

— Вотъ, мой дѣдичка, узила мне ахота: анять пашолъ къ яму на ахоту и тыпарокъ ни ўзаль съ сабою. Иду вокыла трыснику—у трыснику, у былинкахъ, дятлы пищать. Я памѣрился, якъ етыхъ дятлы ўзять—рука ня лѣзить.

Я гылаву усадилъ, паѣлъ ихъ тамъ; хатѣлъ идить—гылава аттуда ня лѣзить, — гылаву атставиу. Пабѣхъ дамоу, ўзаль тыпарокъ, пришоу ипать къ етому трыснику, разрубилъ галаву сваю, пылажилъ на плечи и пашоу.

Ишоу вокыла ряки — рѣчка крутабирегая; зыхатѣлъ на-питца; и съ сваей гылавы сняу чиряпокъ, напился палажилъ чиряпокъ на гылаву, пашоу кала ряки, пысметрѣу за рику, увидау: мядвѣдь щимила дяреть. Я тиризъ ряку пырискачилъ, пришолъ къ мядвѣдю, тыпаркомъ яво пихнулъ—мядвѣдь пывалился.

И гыварю мядвѣдю:

— „За што ты етыва чилавѣка дярешъ?“

Мядвѣдь гыварить:

— „Абищауся щамель два пуда меду дать—во за ета я яво я дару“.

Я, дѣдичка, мядвѣдя прыгналъ. Щамель два пуда мѣду мнѣ далъ. Ва што мнѣ етытъ мѣдъ узать? Я быу дагадліу: сыдрау лыка, на лыка яво зывизалъ, да падъ поисъ. Прихажу къ рякъ—пиряйдить нейди. Тада у гырячынсти пирябѣхъ ско-ра, а таперъ пиряйти нейди. Пысматрю падъ кустъ: стыять двѣ лотычки: идна дыравая, а другая бяздонная. Я у дыравую самъ сѣлъ, а у бяздонную мѣдъ пылажилъ. Пирябѣхалъ ряку, пубижалъ дамой, залажилъ кабылу. Пріѣхылъ за мѣдомъ, пылажлъ возъ мѣду, ящѣ нямножка и ни забралъ. Привезъ дамой - возъ у вароты ня лѣзить. Я быу дагадліу: прабуравилъ шула буравомъ—мой возъ и съ кабылны пыскачилъ. Кабылу атпрѣхъ, началъ мѣдъ прыберать.

Кабыла атарвалася, пашла къ рѣкѣ, у лотки наѣлася мѣду, напилася вады—издохла.

Я и нашолъ кабылу ету. Абадраѣ и пувалокъ кожу дамоѣ.

Аглянулся назадъ: идетъ кабыла галѣя, а мужуки оди да-роги сѣють грѣчиху. Кабыла и пакаталася на грѣцѣоѣи. Вотъ, мой ты дѣдичка, на маей кабыли стала росъ грѣчиха. Рysла, рysла и затвила, ужъ начала пуспивать.

Отъ, мой ты дѣдичка, якъ увалилися у яе татари. Я бнѣ дагадлѣу: приправлѣу два карыбѣ, на хвасту даѣбнѣу. Што кабыла сходитъ у поля, то мнѣ два корабы татаръ и нѣсѣтъ. Хадѣла мая кабыла падъ дубами: свалилися жалѣудъ—и прѣма на кабылу и убился мѣжда рѣберъ, и началъ, мой ты дѣдичка, да на маей кабыли да ростъ дубъ и маю кабылу прижалъ.

Вырyсѣ юнѣ вочинѣ вѣликий—падъ самѣи нѣбѣса.

Вотъ, ты мой дѣдичка, скоро гаварѣтца, да нѣскора дѣланѣтца.

Я якъ палѣзъ на тѣѣ свѣтъ, пагляжу, што тамъ дѣланѣтца: мой батѣка да на тваимъ батѣки смѣлу возѣтъ.

Дѣдъ и гаворѣтъ:

— „Аѣгѣшъ!“—Етытъ жѣ ахотникъ и гаворѣтъ дѣду:

— „У насъ зъ вами былъ дагаворъ, штоба етѣва слова ни гаварѣтъ.“

Тыда узѣлъ ахотникъ сы старѣковнѣ спѣины пыласу вы-крѣнѣу, агнѣ узѣлъ и пашоѣ къ братѣтимъ.

Братѣтя и гаворѣютъ:

— „Ну, што, братъ, ты вырѣзалъ пѣласу?“

— Нѣ! Я яму.

Братѣтя здѣвѣлися и дамоѣ пупашли.

Деревня Бердебяки, Ельнинского уѣзда.

Абъ діўнымъ лятучимъ старикѣ—самъ съ кокыть, а барада семъдесять сажонѣ; абъ яго лашадахъ, скидываўшихся сароканами и воронами. Иванъ Царевичъ.

Падарки діўнога старика Ивану Царевичу: 1) мѣдная лошадь и дырагое зьяўщее калыцо, 2) сярэбриная лошадь и гусли самагуды, 3) зылатая лошадь и боты самаплясы. Иванъ Царевичъ збаўлянтъ Димьяна атъ нипрїятельскаго царя и яго сына Лукапера; зъ царскыи дочкыи женитца.

Нѣўкатарымъ царстви, нѣўкатарымъ гасударстви, быў царь, а у яго было войска: мурзы и татары. У етыя царя быў ў близи мужикъ, и было у етыга мужика три сына: два вумныхъ, а третій дуракъ. Пасѣили яны пашаницу. Пашаница урадилася харошія. Пувадіўся у ету пашаницу хадить нѣхта: пашаница паталочина. Мужикъ прызваў свайго сына старшага и приказаў яму пашаницу старечъ. Пашоў іонъ къ пашаницы,—зайшоў у баню и праспаў да вутра. Пришоў двору и гаворить: „Ну, а ни видаў никога!“—На ўтарую ночь пашоў сярэдній сынъ, зайшоў у баню и праспаў да вутра. Пришоў двору и сказаў, што никога ни видаў. На третію ночь пашоў дуракъ, увайшоў у пашаницу и сѣў на мяжу. У самую поўнычъ прылѣта дрымучія стада лашадей, и стали ети лошади пашаницу бить-таптать.—Пу мяжи идеть діўный старикъ: самъ съ кдыть, барада съ локыть, а 70 сажонѣ адна пуга. Идеть іонъ етыю мяжою, идѣ дуракъ садить. Вотъ дуракъ ускочіў, уплутаўся ў бараду діўнога старика и пуваліў яго на землю, сѣў на яго и ни пускантъ яго да самыга абѣда; лошади паслыхали шумъ, паскидались сароканами и варонами и палѣтѣли. Пара садитца абѣдать, а дурука усѣ нѣту. Мужикъ гаворить: „Идитя вы яго узбудитя: а то праспятъ іонъ да самага абѣда.“—Падходють яны къ етому дураку и думали, што яго звѣрь ѣсть: варочінтца у пашаницы. Приводють яны діўнога старика къ атцу; атецъ и пытантъ у дурука: „Дуракъ, а лошади идѣ?“—А палѣтѣли яны сароканами и варонами!—„Во, дуракъ пу дурацки гаворить: када жа лошади лѣтали?“—Атецъ гаворить:

Запиргайти-ка вы тятѣгу: пувязѣмъ етыва старика къ царю.“ — Гасударь етому старику сдѣлаў стоўбъ, аставиў только вако-
пничка, штоба падавать яму пищу, а ключи атдаў царици и
приказаў ни выпускать яго. У етыва гасудара быў сынъ. Атоць
яму дѣи пятѣхи скуваў три булавы: мѣдную, сребринную и за-
латую. Царевичъ по саду хадіў и ети булавы кидаў; залѣтѣла
адна у воду, другая у траву, а третія пунала къ діўному ста-
рику. Царевичъ гаворить: „Ахъ, діўнай старикъ, атдай мнѣ
булаву!“ — Выпусти мене: тада атдаѣ!“ — „А какъ же мнѣ та-
бе выпустить: ключи у матери?!.. — А во какъ: приди и ска-
жи: — „Маминька, у мене балить гыльва!“ — Ана станить у та-
бе ў галавы капать, а ты вытаци у яе ключи, а тада такнѣ
жа парядкнѣмъ и паложнѣшъ. — Царевичъ пришоў къ матери:
„Маминька, галава балить!“ — А царица свайго сына вочнѣ
любила. Стала ана у яго пытать, чаго галавѣ хварать: стала
яго ласкать-цалувать, а іонъ у яе тайкомъ вырваў ключи, пу-
бижаў и выпустиў діўнова старика. Старикъ сказаў: „Працай,
Иванъ Царевичъ!“ — и палѣтѣў: только яво и видели. Царе-
вичъ пришоў апятъ къ матери сваей, гаворить: „Маминька,
у мене галава балить.“ — Царица стала у яго у гдыни ка-
пать, іонъ нпѣтъ пѣтѣхнѣкѣ привнзаў ей ключи. А карель
прнтласіў усіхъ царей и князей. Прибыли уси князи и карали
глядѣтъ діўнога старика. Аттварили етытъ стоўбъ, паглядѣть:
нѣту тамъ ничаво, только аднѣ навозѣ. Тада етытъ царь
вочнѣ разсердїўся и гаворить: „Ну, вада узнаю, хто яго
выпустиў, то я тому голаву атрублю!“ — Уси князи и цари на-
разѣѣхались. Аднѣ разъ Иванъ царевичъ гуляў па саду съ
садоўннковнѣмъ сыннѣмъ, Иванъ царевичъ гаворить на садоўнн-
кѣва сына: „А што ба було тому, яго выпустиў діўнога ста-
рика?“ — Ахъ, Иванъ царевичъ, ета ужѣ було даўно: ннчѣга
за ета ня будить. — „Ну, днѣкъ паслухай: діўнога старика
выпустиў — я!..“ — Какъ такъ? — „А во такъ и такъ!..“ — Са-
доўнннѣмъ сынъ снчасъ прнбѣгъ къ царю: „Ваша вялнчства,
а што вы знатн?“ — А што? — „Діўнога старика выпустиў вашъ
сынъ, Иванъ царевичъ.“ — Какъ такъ?! — „А, вотъ, такъ и
такъ.“ — Кароль разгнѣваўся и узяў свайго сына падъ стражу
и ка ўснѣмъ князнѣмъ и царямъ напнсаў: „Штоба были уси
здѣсь у маемъ царствн: я буду казннть свайго сына.“ — При-
были уси цари и князи и гаворнть: „Ну, какая табѣ польза,

што ты свайго сына казнишь? Када табѣ ужэ яго ни жална, то выгнни яго изъ дварца и лиши наслѣдства.“—Царь паслушаў ихнига савѣту и выгнуў Ивана царевича изъ дому. Пашоў царевичъ, куды глаза глядять, и думанть: „Вярнусь я къ атцу, пуграшу сабѣ лошадь, а ў таварыши вадавозныгга сына.“ — Вярнуўся іонъ къ атцу. Яму атець даў лошадь царскую, адѣжу царскую; матъ яму дала денить, дали яму у таварыши вадавозныгга сына съ лошадьдю вадавознѣськю. Ъхали аны, ѣхали; захатѣлысь имъ пить. Нанзжають аны на калодись: вада у іонъ ать краю аршина на чатыри, а ў калодиси плаванть дыриванныя чашка. Какъ тутъ нанитца? — Вотъ вадавознѣ сынъ гаворить: „Вазьмешъ навязишъ пувады, я тебе спущу туды: ты тамъ напьѣся и мнѣ падаси.“ — Вотъ вадавознѣ сынъ навязаў пувады и спустиў у калодись Ивана царевича. Царевичъ напіўся и гаворить: „Вадавозъ, тани.“ — Ну, нѣтъ ни пятагну! — „Пачаму?“ — А патаму: пириманись са мной на платъта и на лападей: будь ты Иванымъ-вадавознымъ, а я буду Иванымъ царевичымъ — патагну; а ня хочишъ — прападай тамъ! — „Ну, тягни: я сагласинъ!“ — Вадавозъ вытигнуў яго, пуминаўся съ имъ на лападей и на платъта: Иванъ царевичъ стаў Иванъ вадавозъ, а Иванъ вадавозъ стаў Иванъ царевичъ. Пріѣхали аны у царства Димьяныва. Царь Димьянъ гаворить: „Какова вы іось роду?“ — Вадавозъ гаворить: „Я Иванъ царевичъ, а ета мой вадавозъ.“ — Тада царъ гаворить: „Ну, ты у мяне будишь министиръ, и я тебе пиривичаю на сваей дочки, а вадавозъ твайго я пашлю служить на канюшню.“ — Паставили яго на канюшню, а на канюшни тѣя самыя лошади, каторыхъ пасъ діўнэй старикъ. На заўтрига выгнуў іонъ етнхъ лападей у поля, за навѣя варата, на шурокыя раздолыя. — Выгнуў ихъ, сѣў на купинку, — лошади паскидались сароками и вѣронами и палитѣли низнама куды. Іонъ сядѣў, сядѣў на купинки и гаворить самъ сабѣ: — „Ахъ, черизъ каго я пагибаю, кады ня черизъ діўнова старика!“ — Діўнэй старикъ къ яму насетца, ажно барада трысетца. — „Иванъ царевичъ, садись на мяне: паѣдишъ ка мнѣ ў гости.“ — Иванъ царевичъ сѣў на яго, за бараду дяржитца и паѣхаў у царства діўнога старика. Привѣзъ іонъ яго у свой домъ, а домъ тритажный, и гаворить на сваю жану: „Жина моя милая, хорошига гостя харашо и принимаютъ?“ — А, канешня: вяди яго за столъ. — Вотъ яго

старикъ накарміу и напайу. Идетъ яго бѣльшій сынъ и бѣльшая дочка: „Вотъ табѣ,“ гаворить бѣльшій сынъ: „дарю мѣдную лошадъ“. Бѣльшая дочка надходить:— „Вотъ, Иванъ царевичъ, дарю табѣ залатая калечка за то, што ты нашига атца атъ смерти збавиу.“—Иванъ царевичъ публагадаріу ихъ за угащенія и за подарки; мѣдную лошадъ пустиу у поля, а калѣцо надѣу на правую руку, сѣу діуному старику на плечи и пріѣхау на тоя мѣста, идѣ Ивана царевича узяу. Крикнуу старикъ багатырскимъ голысымъ,—лошади сабрались уся. Иванъ царевичъ нагнау ихъ дамой. Увѣйшоу у хату, павужинау, пашоу на чирдакъ, калѣцо сняу и палажіу на вакио, а самъ лёгъ атдыхать, а калѣцо такъ и гарить. Ноччу выходитъ на крыльцо царѣѣна и видить: идѣ-то блистить. Ана пасылаеъ слугу узнатъ, идѣ ета бѣльщить? Ана вузнала и сказала царѣѣнъ: „Ета у Ивана вадавоза калѣцо“—Царѣѣна дала служанки денигъ и приказала ей купить ета калѣцо. Служанка прибігаеъ къ Ивану вадавозу: „Ванька вадавозъ, прайдай царѣѣни калѣцо?“—Каму нада, тѣй самъ прйдить!—Приходить царѣѣна: „Ванька вадавозъ, прайдай калѣцо?“—Я прадать ни прадамъ, а вашій милысти такъ атдамъ!—Узила царѣѣна калѣцо и гаворить:— „Ты ня іосъ вадавозъ, а ты, вѣрна, роду царскыва!“—Нѣтъ. я вадавозъ!—Царѣѣна пашла у домъ, а Иванъ царевичъ лёгъ и уснуу. На заутрига рана пу вутру выганяеъ Иванъ Иванычъ лашадей у поля. Выгнуу, сѣу на купинку; лошади наскидались сароками и варонами и палятѣли низнама куды. Прилятѣу діуной старикъ, Иванъ Царевичъ сѣу на яго и паѣхау къ яму у гости. Накаричили яво и напалили. Выходить сяредній сынъ и сяреднія дочъ. Сяредній сынъ гаворить: „Иванъ царевичъ, вотъ табѣ сяребринныя лошадъ за то, што ты избавиу атца нашига атъ смерти.“—Сяреднія дочъ яму падаеъ гусли-самагуды:— „Вотъ табѣ, Иванъ царевичъ, за то, што избавиу атца нашига атъ смерти.“—Иванъ царевичъ пустиу сваю сяребринную лошадъ у поля, узяу гусли-самагуды у руки и пріѣхау на діуномъ старикъ на купинку. Старикъ крикнуу багатырскимъ голысымъ,—лошади уся сабрались. Иванъ Иванычъ пригнау ихъ дамой, павужинау, пашоу на чирдакъ, павѣсиу гусли на стяну, лёгъ на кравать и гаворить: „Гусли-самагуды, играйта!“—Стали гусли играть

дужа харашо. Паслыхала царевна, гаворить на служанку: „Идѣ эта играютъ?“ — А эта у Ивана вадавoза! — Царѣуна дала ей денигъ и приказала купить гусли. Приходить ана къ яму: „Ванька вадавозъ, прайдай царѣуни эти гусли!“ — А каму нада, тотъ самъ придетъ. — Пришла царѣуна: „Ванька вадавозъ, прайдай мнѣ эти гусли!“ — Я прадать — ни прадать, а вашій милысти такъ атдамъ! — Узила царѣуна гусли и гаворить: „Ахъ, ты царскыва роду!“ — Нѣтъ, я вадавозъ! — Царѣуна пашла ў домъ, а Иванъ царевичъ уснуў. На заўтрига рана пу вутру выганияи Иванъ царевичъ коній у поля. Выгнуў, сѣў на купинку, — кони паскидались сароками и варонами и палатѣли низнама куды. Прилятѣў діўной старикъ, пасадіў Ивана царевича на спину и привезъ яво у свой домъ. Накармили яго и напайли. Приходить меншій діўного старика сынъ и меншія дочъ. Сынъ яму падаріў залатую лошадь, а дочъ боты-плісуны. Старикъ пасадіў яго на плечи, принесъ на купинку, идѣ узяў, даў яму 3 горсти зямлі: „Абайди 3 разы кругомъ лашадей и абсыпъ ихъ етыю зямлѣю.“ — Сабраў лашадей прыгнаў ихъ дамой, павужинаў, пашоў на чирдакъ, боты-самаплясы паставіў на вакно, а самъ лёгъ на кравать. Царѣуна паставила гусли на вакно и гаворить: „Ну, гусли-самагуды, играйтя!“ — Какъ зайграли гусли, боты-самаплясы какъ пашли плісать, ажну увесъ дворець дразжить. Паслыхала эта царѣуна и пасылать сваю служанку узнать, хто эта пляшеть. Служанка гаворить: „У Ивана вадавoза іось такая боты-самаплясы, — днѣъ эта пляшутъ еты боты.“ — Царѣуна дала служанки денигъ и приказала ей купить у Ваньки вадавoза боты-самаплясы. Приходить служанка къ Ивану Царевичу: „Ванька вадавозъ, прайдай царѣуни боты-самаплясы!“ — Каму нада, тѣй и самъ придетъ. Приходить царѣуна: „Ванька вадавозъ, прайдай мнѣ боты-самаплясы!“ — Прадать — я ни прадать, а вашій милысти такъ атдамъ! — Узила царѣуна боты и гаворить: „Ты царскыва роду!“ — Нѣтъ, царѣуна, я вадавозъ! — На заўтрига, рана пу вутру, Иванъ Царевичъ абайшоў 3 разы кругомъ лашадей, абсыпъ ихъ зямлѣю, — лашадей разарвала на мелкія куски. Узнаў абъ етымъ царь, приказаў Ивана царевича пасадить у тамницу.

У ту пору Кабардинскій царь написаў царю Димьяну: „Если ты ня выдаси сваю дачкѣ за майго сына Лукапера, то

усё ваша царства я выпалю.“ — Вотъ царь Димьянъ гаворить на свайго будущаго зятя (вадавоза): „Ну, што? атдать яму дочку или зъ войскимъ выступать?“ — Эхъ, батюшка, выступимъ зъ войскимъ! На другой день забили ў барабаны, затризвонили у калакала, и гаворить Иванъ царевичъ ў тишницъ: „Што ета такая: ти табильный день?“ — Нѣтъ, ета ян табильный день, а ета выступать царь Димьянъ прати цара Кабардинскаго. — „Ахъ, выпуститя вы мене наглядѣть!.. — Вотъ яго выпустили; іонъ черизъ аднатажную стяну пирискачѣу и праспау сутки. Прагнуўся іонъ и гаворить: „Ахъ, када ба таперъ мнѣ мѣдная лошадь, а ба черизъ часъ дагнаў ихъ! — Какъ лятить мѣдная лошадь, ажну зямля дрыжить. Иванъ царевичъ у адно вуха ўлѣзъ — напіўся, наѣўся, а ў другога вылизъ — стаў увесъ падъ мѣдными латами. Іонъ дагнаў цара Димьяна войска у адинъ часъ, налятѣу на Кабардинскыя войска, — усё войска пирабіў. А царь Димьянъ приказаў свайну войску придержить яго, што ба атблагадарить, а іонъ, какъ лятѣу, усё войска пумаў. Пустіў сваю лошадь у поля, пришоў къ тишницъ, — яго ипять заперли. Черизъ нѣскалька ўрёма Кабардинскій царь написаў царю Димьяну: „Если ты ня выдаси сваю дачку за сына майго Лукапера, то я тваё царства выпалю.“ — Вотъ яго министиръ пасавѣтываў, штоба выступать апать зъ войскимъ. Утримъ забили ў барабаны, затризвонили ў калакала. Иванъ царевичъ гаворить у тишницъ: „Што ета за шумъ?“ — А ета Кабардинскій царь хочить узять нашіа царя дочку, — дыкъ нашъ царъ выступать проти яго. — „Ахъ, рибаты, выпуститя вы мене?“ Яны яво выпустили. Іонъ пирискачѣу черизъ двутажную стяну и праспау 2-я сутыкъ. Прагнуўся и гаворить. „Ахъ, када ба мнѣ таперъ сярэбринныя лошадь!..“ Лошадь сичасъ къ яму и прилятѣла. Іонъ у адно вуха улѣзъ — напіўся, наѣўся, у другога вылизъ — стаў увесъ надъ сярэбринныи латами. Іонъ у адинъ часъ пиритаў войска цара Димьяна, налятѣу на Кабардинскыя войска и разбіў яго. Царь Димьянъ выстраіў сваё войска ўрядъ, штоба яго задержить и публыгыдарить, но іонъ разбіў и ихъ, пустіў лошадь сваю у поля, самъ пашоў у сваю тишницу. Черизъ нѣскалька ўрёма Кабардинскій царь написаў: „Када ня выдаси за сына майго Лукапера сваю дочку, то тваё царства усё выпалю: Лукаперъ зъ войскимъ идетъ.“ Кароль Димьянъ спужаўся и навезъ сваю

дочку. Начали бить у барабаны, званить у калакалы. Иванъ царевичъ говоритъ у тямницы: „Братцы, што ета такая? Ти ни табильный день?—Нѣтъ, ни табильный день, а ета царь Димьянъ везеть свою дочку Лукаперу.—„Братцы, пустить и мяне паглядѣть!“— Яны яго выпустили. Іонъ пирискачѣу черизъ тритажную стану и праспау троа сутыкъ. Устау и гаворить: „Ахъ, када ба таперъ нѣ залатаа лошадъ: я ба ихъ сичасъ дагнау!“ — Вотъ лить залатаа лошадъ. У ва’дно вуха угѣвъ, а у другоа вылизъ и стау увесъ у залатыхъ латахъ. Нагнау іонъ войска. Лукаперъ яво какъ увидѣу,—такъ бросились ўрозъ на 12 версты и ўдарились у кучу, какъ громъ пирядъ тучѣй. Лукаперъ Ивану царевичу на локыть руку атрубѣу, а Иванъ царевичъ Лукаперу выбѣу сердца. Царь Димьянъ выстраѣу сваб войска, што-ба яго задержитъ и атблагодарить; но іонъ, какъ лятѣу, разгнау усѣ войска, а када ѣхау кала царѣуны, то у яе съ галавы сарвау дарагой платокъ. Вотъ Иванъ царевичъ пустиу кани залатога у чистыа поля, завизау рану етымъ платкомъ, а зверху завартѣу грипку, пашоу и сѣу нить у тямницу. Вотъ царь Димьянъ уздумау свою дочку выдать за министра (вадавоза). Дочка гаворить: „Ватимка, я сагласна за яго выйдѣть занужъ, но унярѣдъ равнцита мой платокъ: я бнзъ яго внчатца ни магу!“ — Царь приказау абыскать уснхъ кнзей и вильможъ, но платка у ихъ ни нашли. Царѣуа гаворить: „Ну, ницѣти па астроганъ!“ Стали искать на астроганъ. Видѣтъ, што у аднаго (Ивана царевича) завернута рука. Атвизали, паглядѣть: платокъ! Яго сичасъ къ царю привали. „Ты юсъ какова роду?“ Я — Иванъ царевичъ, а што у васъ министръ, то—вадавозъ!“—Иванъ Царевичъ, атчаво ты ни гаварѣу нѣ, када я тебе спрашивала?—„Мнѣ було нильза: я дау такую клятву.“—Іонъ нѣ расказау, какъ яго вадавозъ хатѣу залѣтъ. Тада етыва вадавоза привизали къ хвасту лашадниниу и пустили на чистому полю. Иванъ царевичъ жанѣуся на Димьянвынѣй дочери, стау жить, наживать, да царствымъ упраўлять.

Отъ старика Василя Михайлова.

Гаспоть пасыланть святыхъ узнать, скольки правидныхъ душъ юсть на свѣти.

Ибѣ двухъ братиыхъ Иванахъ Иванавичахъ, икааннымъ Цюокъ, Ваби-Ягѣ. Багатыри (Ивана Ивановичи), при помощи сваяхъ вѣрныхъ слугъ: ильвоу, ваукоу и мядвѣдѣй, каторыхъ имъ припурчили „хазяинны“ етихъ звярей, адаливають сваяхъ урагоу: Бабу-Ягу, икааннага Цюока, — асвабаждаютъ слышную царѣу. Кучиръ слышный царевин убиваетъ сонныга багатыря, но яо слуги приносятъ живей и мартвей вады и ажѣляютъ яво. Другей разъ етыга жа самыга багатыря Ига разсикають на двѣ части лазовымъ прутынымъ; ну, іулянтца братъ багатыря и, при помощи сваей ахоты и ахоты брата, пубиждають Ягу и, надѣ угрозый смерти, вялить ей аживить брата.

Гаспоть паслау сваяхъ пасланниекъ свѣта правѣдать, сколько правядливыхъ душъ и сколько нисправядливыхъ. Замли пасланники къ мужучку, а у етыга мужучка была жина. Яни (супруги) не знали грѣха, ать чего грѣхъ, ать чего спасенье: яны знали только, якъ на можна лѣпши накарить и напанть прахожнга чидавѣка.

Пасланники публагадали старичковъ за хлѣбъ-соль и пришли къ Госпаду Богу, падаютъ свае списки; а Гаспоть гаворить имъ, сваямъ пасланникамъ: „Што жъ вы гаворита, что справядливый старичкоу у свѣти нѣту, што яны ни знаютъ, ать чаго грѣхъ, ать чаго спасинье?!.. Да какъ жа у етыга мужучка жина бременна...“ А пасланники ваютъ: Госпади, каку тамъ брежнему быть, када яны ужъ древнѣе старики?!.. — „Ну, ступайтя, паглядита, када мѣ на вѣрите: у ихъ радились двѣ сына!..“ Пасланники Вожи ипять пашли къ мужучку и увидили, што старуха, дѣяствитильна, двухъ сыновъ радла, и старикъ сы старухю горька плачуть и рыдають. Приходятъ ети пасланцы къ Госпаду Богу. „Ну, што, угоднички мѣе, што тамъ дѣлаетца?“ — А угоднички атвичають: „Госпнди, дѣяствитильно, твыя праўда!..“ — Но, вотъ, вы сказывали, што яны не знали грѣха ни въ младости, ни въ старости!.. Старикъ сы старухю гаркють и думють: „Што таперъ намъ дѣлать? Намъ

Гаспоть, ти жалѣючи, ти караючи, наказыванть?“—А старуха кажить старику: „иди, зави бабушку: видь жа нада у християнскую вѣру увадить!..

Старикъ нашоу бабушку; бабушка пришла и пирибабила сыновъ ихъ, да и гаворить старику: „Ну, иди, ищи кумовъ, да вить надабна двѣ пары.“—Старикъ стау плавать и рыдать ить совѣсти, якъ яму ихъ звать, и пашоу. Многа-ль, мала прашоу, сустрикайтца зъ имъ старичекъ и гаворить яму: „Здрастуй, братицъ, нищій убогій!“ — А іонъ яму гаворить: „Здрастуй, добрый чилавѣкъ!.. Куда ты далеча идешь?“—Ахъ, батюшка, ни знаю, какъ вамъ и гаварить ать совѣсти...“—Чого-жь? Ти худоя, ти харошія у тябе, а нада сказать.“—Да вотъ што: дау Гаспоть, радила мая хазайка двухъ сыноу—пустъ бы падъ младысть, а то вѣдь падъ старысть. Хто ихъ будить расти, хто будить кармить-пайть? а мы старики древнія... Старикъ яму и гаворить: „иди, зави двухъ кумоу ящѣ, а я за двухъ самъ адинъ кумынъ у тябе буду...“ Іонъ етому богу и радъ, што Гаспоть нанѣсь яму такова, челавѣка: пуцай жа таперъ окала мине ни смяютца ни старин, ни малыи!.. Многа, мала-ль прашоу іонъ, сустрикайтца яму жѣнщина.—Здрастуй, матушка!—„Куда тебе, старичекъ, Гаспоть насеть?..“ А іонъ плачить и горька рыдаить—слеза слязу пашибантъ.—„Дау намъ Гаспоть падъ старысть двухъ рабеныу—мыя жина родила; вотъ я и иду двухъ кумоу звать.“ — Яна яму и твичантъ: „Чѣмъ двухъ звать табѣ,—я адна за двухъ.“—Іонъ пирихрестіѹся Госпиду-Богу и сказау: „Слава табѣ, Госпиди! Іонъ мяне пакаріу,—іонъ мине и пажалавау!.. Таперъ кала мине ништо ня будить смятца.“

Приходить дамой. Хазайка и спрашітъ старика: „Што табѣ Гаспоть дау?“ Ти пазвау каго? — „Слава Богу, старуха! Нашоу старика и старуху. Старикъ будить адинъ за пару, а старуха адна за другую пару.—Старуха, старикова жонка, и гаворить старику: „Слава Богу! Пуцай кала насъ ни смяетца ни старій, ни малыи!..“

Яулянтца къ имъ кумъ и кума. Старикъ радъ да тогъ, што и самъ ни знаятъ, што имъ дѣлать. Пасадили гостей за столъ, якъ и законъ гласить, и сами ни знаютъ, якъ-бы палуччи угастить добрыхъ людей. Бабушка дѣтныъ пирамыла, пирахолила; а старикъ спрашітъ у кумоу сваихъ, якъ луччи

имъ, ти лошадь запречь. А кумъ-старикъ и гаворить: „Нѣтъ, кумъ, сходи вадицы чистый приняси!..“ Старикъ нашоу за вадой и принесъ суды чистый вадн.

Кумъ тадн и гаворить старику: „Пригатоу яще чистия вядро! Чѣмъ намъ ѣздить,—я луччи самъ тутъ ихъ прикряшу!..“ И наклау имъ пмена Иваны Ивановичи и прикрястиу ихъ и надау ихъ кумъ на печку. Кумъ-старикъ пасадіу кумоу сваихъ за тисовый столъ и стау угащать да таво, што и души у ихъ ня чууствувау.

Гуляли яны кребинны, якъ законъ гласить; просить изъзянѣ на хлѣбъ-соль не на сваю, а на 'тпоуьскую. Патонъ благодарить яго кумъ за хлѣбъ-соль и за угащеніе и прашаюца и идуть дамой: „аствайтись здаровеньки! Благодаримъ за угащенія ваша и за пріятнысть вашу!..“

А крестники Иваны Ивановичи за ими пашли; идуть и растутъ. Расли яны не часами, а минутами. Шли ани день-другей, и выросли яны и сдѣлались ужу имъ рябатишазми, а настоящими рябитами. Благаслауляють ихъ итець крестный, дзетъ имъ на браничку и на ножичку.—„Вотъ, дѣтки, кали заочита ѣсть, зѣбшѣтя на браничку; а станить вамъ скушна и грусна, сымитя на дудычѣи и найграйтя, жуду-горя развидѣта“. Атець ихъ мать горька плакали.

Старикъ кажить старухи: „Вотъ, старухъ, дау намъ Гаспотъ дѣтныкъ и узяу ихъ Гаспотъ!.. Хуть ба мы напидѣлись, хуть ба мы патѣшились сваими дѣтками!..“ Атець и мать Ивану Ивановичіу переставились, и Гаспотъ приняу ихъ да хвалы сваей. Хрестный атець прашаюца съ сваими хрестниками и гаворить имъ:—„Прашайтя, мае хрестнички!.. Вотъ вамъ путь и дарога!..“ Яны пашли аднымъ путемъ, а хрестный батька другимъ путемъ.

Абхватила ихъ темная ночь въ ласу темнымъ. Слышуть яны мядвѣжій гласъ. Сабрау мядвѣжій хазяинъ сваихъ мядвѣдѣ: яны рявуть, ажно землю дяруть. Атвѣщають мядвѣжій хазяинъ: „Идуть тутъ Иваны Ивановичи сильнамоціе багатыри. Яны вашига голоса ня ўзлюбють и вамъ голывы парубють. Вы, да мядвѣди аднагнѣздники, ступайтя къ нимъ на встрѣчу, кланйтись имъ и малитись имъ; када примуть васъ, кланитись имъ бытъ на вѣкъ вѣрными слугами!..“ Какъ приближали къ нимъ на встрѣчу, стали кланятца имъ и упрашивать ихъ. Яны атвѣчали

имъ: „Што вы, звярѣ дикіи, што вы кланіітисѣ намъ и а чомъ вы упрашиваѣтѣ насъ?“—Иваны Иванывичи, сильна магучіи багатыри, примѣтѣ насъ да хвалы сваей: будимъ вамъ вѣрными слугами.—Вынимають яны изъ карману браничка и дають яны па палавини браничка: адинъ адному мядвѣдо, а другой другому мядвѣдо;—и мядвѣды пашли, якъ вѣрны сабачки: адинъ па'дну сторону, а другой па другую. Скорѣ казка гаварѣтца, но многа времени праваждаѣтца. Уходятъ яны у лѣсъ, лѣсъ темный. Сабраў лѣвиный хазяинъ сваихъ ильвоў. Вотъ яны арають сваими галасами. Прещаютъ имъ ильвиный царь: „Ой, вы, паганні, уністожѣтѣ свой гласъ: ідутъ Иваны Иванывичи, сильнамочіи багатыри, яны вашѣга гласа ни вазлюбѣтѣ, а вамъ голывы парубѣтѣ. Вы, два ильвы аднагнѣзнікі, ступайтѣ къ имъ на ўстрѣчу; кланіітисѣ имъ и малітисѣ имъ; кады примѣтѣ васъ да хвалы сваей, будѣтѣ имъ вѣрными слугами!..“ Прибѣжали къ имъ, стали имъ кланіітца и малітца. Иваны Иванывичи спрашѣють ихъ: „Што вы, звѣрѣ дикіи, чаво вы ітѣ насъ хочітѣ, и што нада вамъ?“—Иваны Иванывичи, примѣтѣ насъ да хвалы сваей, и будимъ вамъ вѣрными слугами па жистѣ вашу и па жистѣ сваю!..“ Вынимають іоны бранички и дають яны пу палавини браничка,—и лѣвы пашли зъ ими, якъ вѣрны сабачки, во путь, во дарогу.

Входятъ въ темный лѣсъ, дремучій лѣсъ, слышать яны валчиный гласъ. Сабраў валчиный хазяинъ сваихъ всѣхъ валкоў и вѣщаѣтѣ имъ:—„Ой, вы, ваўкі, ваўкі, уймѣтѣ вы свой гласъ: ідутъ Иваны Иванывичи, сильнамочіи багатыри; яны вашѣга голысу ни ўзлюбѣтѣ и вамъ голывы парубѣтѣ. Вы, два ваўка-аднагнѣзнікі, ступайтѣ на ўстрѣчу къ имъ, кланіітисѣ имъ и упрашѣйтѣ ихъ;—кады примѣтѣ яны васъ да хвалы сваей, будѣтѣ вы вѣрными слугами па жистѣ ихъ и па жистѣ вашу!..“ Иваны Иванывичи вѣщають имъ: „Што вамъ, звярѣ дикіи, нужна вамъ, и чаво просітѣ у насъ?..“ Патомъ вынілі па браничку и дали имъ па палавини браничка: адинъ адному ваўку, а другой другому;—и пашли яны зъ ими, якъ вѣрны сабачки, у путь-дорогу.

Прашли яны мѣсяцъ и болій, приходѣтѣ къ пірахресткамъ, и стали яны, братъ съ братымъ, раду радітѣ: „Што, братъ, мы будимъ такъ жистѣ? Мы нікѣгда ни знаімъ, и насъ ніхто ня вѣдаѣтѣ. Дашлі мы да лѣтъ савяршенналѣтніхъ... Ну, какъ

ты думаешь?“ И гаворють яны, братъ съ братымъ, во што:— Ты иди адною дарогию, а я другою пайду.—Какъ же будить тоды, якъ на кога худая гадина спастигнѣтъ?—А во якъ: и дарози стаить барѣза,—уторнимъ мы въ яе свае ножички, каторыми насъ хрестный батюшка благаславіѹ. Вѣдь мы браничкыми питаемся, и сами, и звярѣѹ кормимъ, а яны усѣ у насъ цѣлы. Кали на кога изъ насъ выпадить худая гадина, и кали придетъ хто изъ насъ къ етнй барѣзи, то изъ ножичка будить итти кроѹ...”

Вотъ пагутаривши яны такъ, адинъ пашоѹ на права дарогаю, а другой налѣва. Пашедши налѣва, Иванъ Ивановичъ пришоѹ у чужую землю, у чужоя царства. Абхватыить яго темная ночь, проситца принучувать у адной бабылки. Бабылка увидила звярей Ивана Ивановича и испужалась. А Иванъ Ивановичъ вѣщаеъ ей: „Ня бойся манхъ сабакъ: яны такъ змирны, што и волысѣ ать ихъ ня сгинить.“ —Иди сабѣ, пириначуй!..

Уходить у вѣ избу, молитца Богу: „добрый вечеръ добрымъ людѣмъ!“ —Здрастуй, добрый чилавѣкъ! Лягчися съ дароги, сядь, пасяди!.. Ионъ садитца на стулочки, а содитъ звярей окала стѣнки. Дали яму паужинать, патомъ ионъ пумаліѹся Богу и легъ спать. Назаўтри па вутру устаеъ, мѣнитца и Богу молитца. Стали званиць къ вутрени, а ионъ гаворить бабылкѣ: „матушка, я пайду—Богу пумалюсѣ, а кабыльки маѣ пабудуць здѣсь.“ —Хазайка дома, бабылка, атрѣчила яму:

— „Када жиланія тваѣ пумалитца, то ступай!..“ Ионъ пашоѹ у вутрини застаѹся малитца и ѹ абѣдни. Прѣвзжала къ ибѣдни и каралеѹна. Иванъ Ивановичъ замичаить, што каралеѹна вочинѣ скушна. Приходитъ ионъ съ абѣдни и пытаить у хазайки: „Любезная хазаяшка, што ета значить у вашнѣмъ царствѣ, у вашнѣмъ горади, чернѣмъ трѣвурнѣмъ вѣѣ пути-дарогѣ павысланы?“ — Вотъ што, любезный, у насъ икаанный Цмокъ не даѹ ходу вадѣ: усю вадѹ у сябе удиржаѹ. Яму каждый день у пищу, на жертву, падають па челавѣку; тада ионъ выпускаить гораду вадѹ; а кали ни дадутъ, тады и ионъ вадѹ у сябе дяржить. Стали у насъ народы гаворить, штобѣ атдавать Цмоку людей па жѣребу, и выпаѹ жѣребъ на каралевнѹ. И вотъ заўтри каралевнѹ выпысывѣдыють и приобстѣть и пувазѹть къ икаанному Цмоку. На дрѹги день Иванъ Ивановичъ ознову

устаєть параньши и гаворить хозяйки: — „Матушка, ти можна мнѣ схадиць кѣ вутрени?“ — Када желанія ваша, иди! ить Бога никто ни 'тбивають. — Іонъ и 'тправіўся у Божій храмъ, кѣ утрени. Пріизжають туды и ихнія каралева, и ипять Иванъ Ивановичъ замичають, што ина дужа и скучна, и грустна. Іонъ утриню атстдїу, а абѣдни ни даждау: приходить на сваю кватеру, забирають вѣрныхъ свайхъ кабялѣу и бярець съ сабою вострую мечъ. — „Ну, благодарю тябе, хазяюшка! я прайдусь, прагуляюсь!“ И атправіўся кѣ рякѣ, идѣ находитца икаянный Цмокъ. Перша вазили жерстви у адны часы, а таперь прастрочили.

Иванъ Ивановичъ пришоу кѣ рякѣ са свайми кабиями и станть, а икаянный Цмокъ сразу выпадывають изъ вады шесть галоу, а Иванъ Ивановичъ схватіу етыхъ шесть галоу мячомъ, якъ лукувицы; тады шесть галоу падабрау и ў карманъ палажіу. У скорымъ времени Цмокъ выкидывають яще шесть галоу, а Иванъ Ивановичъ и еты голывы мячомъ атрубіу, а вѣрныи яго кабяли вытащили изъ вады и усѣ тулува Цмока на берегъ, голывы жъ Иванъ Ивановичъ падабрау и ў карманъ паклау. Вѣрнымъ кабиямъ сваймъ Иванъ Ивановичъ приказныть узять тулава етыга змїя, занесть у балота и зарыть глубока у землю, штобъ не была ни голысу, ни волюсу икаянныга Цмока слышна. Зашумѣла вада па ўсяму гораду, якъ громкїй громъ.

Вазуць каралеву кѣ икаянному Цмоку на жерству, и кучиръ думау, увидѣвши Ивана Иваныча ли ряки, што ета станть самый Цмокъ — разатнау добрыхъ лашадей, падламіу каляску и абаратіу каляску и выўратіу изъ каляски каралеву; каралева испужалась и сильна убилась.

Кучиръ быу малодный, халостный и вочинъ хитрый. Сичасъ атлатіу у лѣсъ и астанавіўся у краи, штобъ видѣть, што будить дѣлать икаянный Цмокъ съ каралеўнымъ.

Падходить Иванъ Иванычъ кѣ каралеўни, брызнуу ей халодныю вадою у глаза и гаворить каралевѣ: „ачнись и глянь на мяне!“ Каралева слышать, што русскїй гласъ гласить, глянула на яго быстра; тада Иванъ Ивановичъ сказау каралеви: „будишь ли ты таперь падвластна мнѣ?“ — Ативчала каралева: „мала таго, што я наўсигда буду падвластна,

буду и ноги ваши мыть и руду вашу пить.“ — Я вотъ тебе ать акаянныга Цмока спась; вотъ насматри яго двинащыхъ атрубленныхъ главъ! — Вынуу сейчасъ изъ кармана голыны и паказау каралеви. Каралева узрадывалася и спрасила у Ивана Ивановича, аткуда іонъ и якъ яго завуть—ня и атчества.— Я Иванъ Ивановичъ, магучій багатырь. Прашу тебе, каралева, када ты мене палюбила: панши у маей галавѣ вшей!..

Владеть ей сваю голуу и уснуу іонъ багатырскимъ сномъ. Падскакивантъ кучаръ каралеви, бяреть острый мечъ, штобы атрубить голуу Ивану Иванавичу, но ня могъ паднять мечи. У каляски былъ кучарской ножъ, и іонъ етнимъ нажомъ атрѣзау Ивану Ивановичу голуу, аткинуу ать тулова прочъ, и гаворить каралевѣ:—будешъ ли ты мнѣ поданныю и пайдешъ ли за мене замужъ? Если же не сагласна, то будить и табѣ то, што багатырю Ивану Ивановичу. — Ана атвѣтила яму: „А што дѣлать? Сагласна!..“ — Ни скажешъ ни 'тцу, ни матушки?—Каралева атвѣчала:—„нѣтъ!“

— Штобы у скорнсти намъ и ажанитца!...

Каралева на ўсе сагласна была.—„Нѣтъ,“ кучиръ гаворить: „дай клятву ва ўсѣмъ!..“ И ѣдутъ у дожъ. Пріѣхали дамой, атець съ матирью были вочень веселы, стали яе цуловать—милувать и спрашивать:—„Дочъ наша милая, скажи намъ, хто тебе спасъ ать Цмока Акаянныга!—Мы тому гатовы атдать палавину нашига царства“.—Каралеуна итвичайтъ:—„батьушка и матушка, спасъ мене ить акаянныга Цмока вашъ кучаръ!“ — И атвичаютъ яны:—„Знать яго счастья! быть на сяму!..“ Каралева и кажить атцу съ матирью: „Када мене взяли къ икаянному Цмоку на жерству, я имѣла абѣщаніе, када Богъ мене спасетъ, итти у дальнія манастири пумалитца Богу, и прашу у васъ а томъ дазваленія.“—Услышивши, кучиръ, што царѣуна хочить итти у манастири, сказау каралю, што іонъ ни сагласенъ на ета, и требывау сейчасъ жа пувинчатца съ каралеуною. На ета ина сказала: „Батьушка и матушка, я хачу исполнить мае абищаніе, — прашу васъ благасливить мяе итти пумалитца“. — А кучиръ требуйтъ пувинчатца. Парашили писать у саноудъ. Саноудъ атвѣтіу:—„Кали желаніе каралеви итти пумалитца, то нихай ина и идетъ.“—Каралева итправилася у манастирь жалитца Богу, а кучира узали у царскій дворець, адѣли и наградили чинами.

Прибѣгають звярьё Ивана Ивановича на то мѣста къ ракѣ, стали яны густь, стали яны рюсть, и аглушили сваймъ ревымъ усѣ царства. Рюсти яны сутки адны и другіи не переставая. Леў патомъ и гаворить: — „Масква слизайт на вѣрить! Што и намѣ пананпрасну густь и рюсть? Нада намъ каго такога нахадить, штобъ свайго хазяина атживить!“ — Звярьё и гаворить: Гдѣ-жъ намъ каго найдить? На тридцатымъ царствіи есть пастухъ чарадѣй, у яго есть вада живая, — іонъ и можить аживить намъ нашига хазяина — Ивана Ивановича. — Сгаварившись, ударили бѣжать на тридцатыя царства, тридцатыя гусударства. Прибѣгли у тридцатыя царства къ етому пастуху, и гаворить леў мядвѣдю и волку: „Ты, мядвѣдь, свиней дари, а ты, волкъ, у грудъ клади!..“ И начаў мядвѣдь свиней драть, а волкъ у грудъ валачить. Пастухъ, увидѣвъ ета, заплакаў и гаворить: „Звярьё, звярьё заграничныя, што вы ета дѣлайте, свинней маихъ истребляите, у грудъ валочите — и съ чимъ жа мине астаўляите?! Я тридцать лѣтъ пасу, надъ сабой никада такой бяды ни видаў. Скажита мнѣ, што вамъ нужна?“ — Леў атвичаў пастуху: „Дастаў намъ вады живой и мертвыи!..“ Пастухъ имъ въ отвѣтъ: „Магу я вамъ доставить, лишь только унистожыть маихъ свиней пубивать!..“ Пастухъ скорымъ паспѣхымъ атправіўся въ запавѣдныи сада, въ чужіи земли, набраў онъ два пузыря вады живой и мертвыи и предаставиў имъ! — „Палучите воду живую и мертвую!..“

Леў и гаворить пастуху: „Ти ни сблышіў ты?!.. гляди!..“ А мядвѣдю вилить завадскаго луччага кабана разадрать на-двая. Мядвѣдь кабана тотчасъ разадраў, а леў живою вадою сбрызнуў — и кабанъ ажіў. — „Ну,“ гаворить пастуху леў: „маладець, спраўдіў! Да ня гнѣвайся на насъ, што мы надѣлали табѣ бальшея убытки“. — Леў, мядвѣдь и воўкъ атправились скорымъ паспѣхымъ къ мертвому свайму хазяину — Ивану Ивановичу. Прибѣгли къ тому мѣсту, адѣ лижаў Иванъ Ивановичъ. Лей гаворить мядвѣдю и волку: „Прилажита галаву Ивана Ивановича къ яго тулуву!..“ Мертвыи вадою сбрызнули — трушъ амяртвѣў, а патомъ живою вадою сбрызнули, — на Иванъ Ивановичъ явилась краска, и іонъ устаў и улыбноўся. — „Ахъ, слуги мае вѣрные, вы мене доўга праждались: я уснуў крѣпка!.. — „Да, атвѣчали ему звѣрьё, слуги вѣрные: „кабъ не мы, заснуў ба ты на вѣки!..“ Ажіўши,

Гаспоть пасылантъ святыхъ узнать, скольни правидныхъ душъ іость на свѣти.

Ибѣ двухъ братѣихъ Иванахъ Иванавичахъ, икааннымъ Цмокъ, Баби-Ягѣ. Багатыри (Ивана Ивановичи), при помощи сванхъ вѣрныхъ слугъ: ильвоу, ваўкоу и мядвѣдѣй, каторыхъ имъ припурчили „хазяини“ етихъ звярей, адаливають сванхъ урагоу: Бабу-Ягу, икааннага Цмока, — асвабаждають сlišню царѣу. Кучирь сlišний царевни убивантъ сонныга багатыря, но яго слуги приносятъ живей и мартвей вады и ажѣляютъ яво. Другей разъ етыга жа самыга багатыря Ига разсикають на двѣ части лазовымъ прутыкымъ; ну, іулянтца братъ багатыря и, при помощи сваей ахоты и ахоты брата, пубиждають Ягу и, надъ угрозыи смерти, вялить ей аживить брата.

Гаспоть паслау сванхъ пасланиикѣу свѣта правѣдать, сколько правидныхъ душъ и сколько нисправидныхъ. Зашли пасланиики къ мужучку, а у етыга мужучка была жина. Яни (супруги) не знали грѣха, ать чего грѣхъ, ать чего спасенье: яны знали тольки, якъ на можна лѣпши накормить и напантъ прахожига члѣавѣа.

Пасланиики публагадарили старичковъ за хлѣбъ-солъ и пришли къ Госпаду Богу, падають свае списки; а Гаспоть гаворить имъ, сванмъ пасланиикамъ: „Што жъ вы гаворитя, что справидливый старичкоу у свѣти нѣту, што яны ни знаютъ, ать чаго грѣхъ, ать чаго спасенье?!.. Да какъ жа у етыга мужучка жина бремна...“ А пасланиики кажуть: Госпади, каку тамъ брежнему бытъ, када яны ужъ древніе старики?!.. — „Ну, ступайтя, паглядитя, када мнѣ на вѣрите: у ихъ радились два сына!..“ Пасланиики Вожѣи ипять пашли къ мужучку и увидили, што старуха, дѣйствительна, двухъ сыновъ радила, и старикъ съ старухю горька плачуть и рыдають. Приходють ети пасланцы къ Госпаду Богу. „Ну, што, угодничики мае, што тамъ дѣлаецца?“ — А угодничики атвѣчаютъ: „Госпыди, дѣйствительно, твоя праўда!..“ — Но, вотъ, вы сказывали, што яны не знали грѣха ни въ младости, ни въ старости!.. Старикъ съ старухю гарюють и думють: „Што таперь намъ дѣлать? Насъ

Гаспоть, ти жалѣючи, ти караючи, наказывають?“—А старуха бажить старику: „иди, зави бабушку: видь жа нада у християнську вѣру увадить!..

Старикъ нашоу бабушку; бабушка пришла и прибабила синовъ ихъ, да и гаворить старику: „Ну, иди, ищи кумовъ, да вить надабна двѣ пары.“—Старикъ стау плавать и рыдать ить совѣсти, якъ яму ихъ звать, и нашоу. Многа-ль, мала прашоу, сустрикайтца зъ имъ старичекъ и гаворить яму: „Здрастуй, братицъ, нищій убогій!“ — А іонъ яму гаворить: „Здрастуй, добрый члавѣкъ!.. Куда ты далеча идешъ?“—Ахъ, батюшка, ни знаю, бакъ вамъ и гаварить ать совѣсти...“—Чого-жь? Ти худоя, ти хорошія у тебе, а нада сказать.“—Да вотъ што: дау Гаспоть, радила мая хазайка двухъ сыноу—пустъ бы падъ младысть, а то вѣдъ падъ старысть. Хто ихъ будить расти, хто будить кармить-пайть? а мы старики древнія... Старикъ яму и гаворить: „иди, зави двухъ кумоу ящѣ, а я за двухъ самъ адинъ кумимъ у тебе буду...“ Іонъ етому богу и радъ, што Гаспоть нанѣсъ яму такова члавѣка: пущай жа таперъ окала мене ни смяютца ни старни, ни малы!.. Многа, мала-ль прашоу іонъ, сустрикайтца яму жѣнщина.—Здрастуй, матушка!—„Куда тебе, старичекъ, Гаспоть нясетъ?..“ А іонъ плачить и горька рыданть—слеза слязу нашибають.—„Дау намъ Гаспоть падъ старысть двухъ рабеныу—мня жина родила; вотъ я и иду двухъ кумоу звать.“ — Яна яму и твичайть: „Чѣмъ двухъ звать табѣ,—я адна за двухъ.“—Іонъ прихристїѣся Госпиду - Богу и сказау: „Слава табѣ, Госпиди! Іонъ мяне паварїу,—іонъ мене и пажалавау!.. Таперъ кала мене ништо ни будить сміятца.“

Приходить дамой. Хазайка и спрашїть старика: „Што табѣ Гаспоть дау?“ Ти пазвау каго? — „Слава Богу, старуха! Нашоу старика и старуху. Старикъ будить адинъ за пару, а старуха адна за другую пару.—Старуха, старикова жонка, и гаворить старику: „Слава Богу! Пущай кала насъ ни смяетца ни старнїй, ни малнїй!..“

Јулянтца бѣ имъ кумъ и кума. Старикъ радъ да тѣга, што и самъ ни знаить, што имъ дѣлать. Пасажили гостей за столъ, якъ и законъ гласить, и сами ни знають, якъ-бы палуччи угастить добрыхъ людей. Бабушка дѣтнѣкъ пирамыла, пирахолила; а старикъ спрашїть у кумоу свайхъ, якъ луччи

имъ, ти лошадь запречь. А кумъ-старикъ и гаворить: „Нѣтъ, кумъ, сходи вадицы чистый принеси!..“ Старикъ пашоу за вадою и принесъ суды чистый вадн.

Кумъ тадн и гаворить старику: „Пригатоу яще чистия вадро! Чѣмъ намъ ѣздить,—я луччи самъ тутъ ихъ прихришту!..“ И наклау имъ пмена Иваны Ивановичи и прихристіу ихъ и надау ихъ кумъ на печку. Кумъ-старикъ насадіу кумоу сванхъ за тисовый столъ и стау угащать да таво, што и души у ихъ ня чуѹствувау.

Гуляли яны крезбины, якъ законъ гласить; просятъ хазяинъ на хлѣбъ-соль не на сваю, а на 'тцоуьскую. Патомъ благодарить яго кумъ за хлѣбъ-соль и за угащеніе и прашаюцца и идуть дамоу: „аствайтись здаровеньки! Благодаримъ за угащенія ваша и за пріятность вашу!..“

А крестники Иваны Ивановичи за ими пашли; идуть и растутъ. Расли яны не часами, а минутами. Шли ани день-другей, и выросли яны и сдѣлались ужъ ни рябатишками, а настоящими рибитами. Благаслаўляють ихъ итець крестный, дасть имъ па браничку и па ножичку.—„Вотъ, дѣтки, коли захочита ѣсть, зѣѣшты па браничку; а станить вамъ скушна и грусна, сымнтя па дудычн и найграйтя, жуду-горя разведета“. Атець ихъ матъ горька плакали.

Старикъ кажить старухи: „Вотъ, старухъ, дау намъ Гаспотъ дѣтыкъ и узяу ихъ Гаспотъ!.. Хуть ба мы наглядѣлись, хуть ба мы патѣшились сваними дѣтками!..“ Атець и матъ Ивану Ивановичіу переставились, и Гаспотъ приняу ихъ да хвали сваей. Хрестный атець прашаюцца съ сваними хрестниками и гаворить имъ:—„Пращайтя, мае хрестнички!.. Вотъ вамъ путь и дарога!..“ Яны пашли аднимъ путемъ, а хрестный батька другимъ путемъ.

Абхватила ихъ темная ночь въ ласу темнымъ. Слышуть яны мядвѣжій гласъ. Сабрау мядвѣжій хазяинъ сванхъ мядвѣдѹ: яны явуть, ажно землю дяруть. Ативѣщантъ мядвѣжій хазяинъ: „Идуть тутъ Иваны Ивановичи сильнамоціе багатыри. Яны вашига голаса ня ўалюбють и вамъ голыны парубють. Вы, два мядвѣди аднагнѣздинки, ступайтя къ нимъ на вострѣчу, кланіитись имъ и малитись имъ; када примуть васъ, кланитись имъ бытъ па вѣкъ вѣрными слугами!..“ Какъ приближали къ нимъ на вострѣчу, стали кланятца имъ и упрашивать ихъ. Яны атвчали

имъ: „Што вы, звярё дикий, што вы кланіітисѣ намъ и а чомъ вы упрашиваѣта насъ?“—Иваны Иванывичи, сильна магучіи багатыри, примѣта насъ да хвалы сваей: будимъ вамъ вѣрными слугами.—Вынимають яны изъ карманы бранички и дають яны па палавини браничка: адинъ адному мядвѣдю, а другой другому мядвѣдю;—и мядвѣди пашли, якъ вѣрны сабачки: адинъ па'дну сторону, а другой па другую. Скорѣ казка гаварѣтца, но многа времени праваждаѣтца. Уходятъ яны у лѣсъ, лѣсъ темный. Сабраў львинный хазяинъ свѣихъ ильвоў. Вотъ яны арають свѣими галасами. Прещѣта имъ ильвинный царь: „Ой, вы, паганни, уністожѣта свой гласъ: ідутъ Иваны Иванывичи, сильнамочіи багатыри, яны вашига гласа ни вазлюбють, а вамъ голывы парубють. Вы, два ильвы аднагнѣзники, ступайта къ имъ на ўстрѣчу; кланіітисѣ имъ и малитисѣ имъ; када примуть васъ да хвалы сваей, будѣта имъ вѣрными слугами!..“ Прибѣжали къ имъ, стали имъ кланѣтца и малѣтца. Иваны Иванывичи спрашѣють ихъ: „Што вы, звѣрѣ дикий, чаво вы итѣ насъ хочѣта, и што наѣа вамъ?“—Иваны Иванывичи, примѣта насъ да хвалы сваей, и будимъ вамъ вѣрными слугами па жѣсть вашу и па жѣсть сваю!..“ Вынимають іоны бранички и дають яны пу палавини браничка,—и львы пашли зъ ими, якъ вѣрны сабачки, во путь, во дарогу.

Входятъ въ темный лѣсъ, дремучій лѣсъ, слышатъ яны валчинный гласъ. Сабраў валчинный хазяинъ свѣихъ всѣхъ валкоў и вѣщаѣта имъ:—„Ой, вы, ваўки, ваўки, уйміта вы свой гласъ: ідутъ Иваны Иванывичи, сильнамочіи багатыри; яны вашига голысу ня ўзлюбють и вамъ голывы парубють. Вы, два ваўка-аднагнѣзники, ступайта на ўстрѣчу къ имъ, кланіітисѣ имъ и упрѣшѣта ихъ;—кады примуть яны васъ да хвалы сваей, будѣта вы вѣрными слугами па жѣсть ихъ и па жѣсть вашу!..“ Иваны Иванывичи вѣщають имъ: „Што вамъ, звярѣ дикий, нужна вамъ, и чѣго просѣта у насъ?..“ Патомъ выніли па браничку и дали имъ па палавини браничка: адинъ адному ваўку, а другой другому;—и пашли яны зъ ими, якъ вѣрны сабачки, у путь-дорогу.

Прашли яны мѣсяцъ и болій, приходѣть къ пѣрахресткамъ. и стали яны, братъ съ братымъ, раду радѣть: „Што, братъ, мы будимъ такъ жѣть? Мы никѣга ни знаѣмъ, и насъ нѣхто ня вѣдаѣта. Дашли мы да лѣтъ савяршенналѣтнихъ... Ну, какъ

ты думаешь?“ И говорят яны, братъ съ братымъ, во што:— Ты иди адною дарогю, а я другою пайду.—Какъ же будишь тоды, якъ на кога худая гадина спастигнётъ?—А во якъ: ли дарози стаить барёза,—уторнимъ мы въ яе свае ножички, каторыми насъ хрестный батюшка благославлю. Вѣдь мы браничкыни питаемся, и сами, и звярьёу кормимъ, а яны усё у насъ цѣлы. Кали на кога изъ насъ выпадить худая гадина, и кали придетъ хто изъ насъ къ етй барёзи, то изъ ножичка будить итти кроу...”

Вотъ пагугаривши яны такъ, адинъ пашоу на права дарогаю, а другой налѣва. Пашедши налѣва, Иванъ Ивановичъ пришоу у чужую землю, у чужоя царства. Абхватить яго темная ночь, проситца принучувать у адной бабылки. Бабылка увидила звярей Ивана Ивановича и испужалась. А Иванъ Ивановичъ вѣщаетъ ей: „Ня бойся моихъ сабакъ: яны такъ змирны, што и волысь ать ихъ ня сгинить.“ —Иди сабѣ, परिначуй!..

Уходитъ у въ избу, молитца Богу: „добрый вечеръ добрымъ людѣмъ!“ —Здрастуй, добрый чилавѣкъ! Лягчися съ дароги, сядь, пасяди!.. Ионъ садитца на стулочки, а содитъ звярей окала стѣнки. Дали яму паужинать, патомъ ионъ пумалюся Богу и легъ спать. Назаўтри па вутру устаецъ, мѣнитца и Богу молитца. Стали званиць къ вутрени, а ионъ говоритъ бабылки: „матушка, я пайду—Богу пумалюсь, а кабылки мае пабудутъ здѣсь.“ —Хазайка дома, бабылка, атрѣчила яму:

— „Када жилиня тваѣ пумалитца, то ступай!..“ Ионъ пабыу у вутрини застаѣся малитца и ў абѣдни. Приѣзжала къ ибѣдни и каралеўна. Иванъ Ивановичъ замичаить, што каралеўна вочинь скушна. Приходитъ ионъ съ абѣдни и питаить у хазайки: „Любезная хазяюшка, што ета значить у вашинъ царствы, у вашинъ горады, чернымъ трѣвурымъ всѣ пути-дароги павысланы?“ — Вотъ што, любезный, у насъ икаанный Цмокъ не дау ходу вадѣ: усю ваду у сябе удиржаѣ. Яму каждый день у пищу, на жертву, падають па челавѣку; тада ионъ выпускаить гораду ваду; а кали ни дадутъ, тады и ионъ ваду у сябе дяржить. Стали у насъ народы гаворить, штобъ атдавать Цмоку людей па жѣребу, и выпау жѣребъ на каралеўну. И вотъ заўтри каралеву выпывѣднють и прибѣтаить и пувазутъ къ икаанному Цмоку. На другй день Иванъ Ивановичъ основу

устаеь параньши и гаворить хозяйки: — „Матушка, ти можна мнѣ схадиць кѣ вутрени?“ — Када желанія ваша, иди! ить Бога нихто ни 'тбиваить. — Іонѣ и 'тпавіўся у Божій храмѣ, кѣ утрени. Пріизжаить туды и ихнія каралева, и ивять Иванѣ Иванывичѣ замичаить, што ина дужа и скучна, и грустна. Іонѣ утриню атстоіў, а абѣдни ни даждаў: приходить на сваю кватеру, забираить вѣрныхъ сваихъ кабялѣў и бярець съ сабою вострую мечь. — „Ну, благодаарю тебе, хазяюшка! я прайдусь, прагуляюсь!“ И атпавіўся кѣ рѣкѣ, идѣ находитца икаянный Цмокъ. Перша вазили жерстви у адны часы, а таперь прастрочили.

Иванѣ Иванывичѣ пришоў кѣ рѣкѣ са сваими кабиями и стаить, а икаянный Цмокъ сразу выпадываить изъ вады шесть галоў, а Иванѣ Иванывичѣ схватіў етыхъ шесть галоў мячомѣ, якѣ лукувицы; тады шесть галоў падабраў и ў кармаиъ палажіў. У скорымѣ времени Цмокъ выкидываить яще шесть галоў, а Иванѣ Иванывичѣ и еты голывы мячомѣ атрубіў, а вѣрныи яго кабяли вытапили изъ вады и усѣ тулува Цмока на берегѣ, голывы жѣ Иванѣ Иванывичѣ падабраў и ў кармаиъ паклаў. Вѣрнымѣ кабиямѣ сваимѣ Иванѣ Иванывичѣ приказаить узять тулава етыга змія, занесть у балота и зарыць глубока у землю, штобѣ не была ни голысу, ни волюсу икаяныгга Цмока слышна. Зашумѣла вада па ўсяму гораду, якѣ громкій громѣ.

Вазуць каралеву кѣ икаянному Цмоку на жерству, и кучирѣ думаў, увидѣвши Ивана Иваныча ли ряки, што ета стаить саиый Цмокъ — разагнаў добрыхъ лапшадей, падлаиїў каласо и абаратиў каласку и выўратиў изъ каласки каралеву; каралева испужалась и сильна убилась.

Кучирѣ быў молодой, халостый и вочинѣ хитрый. Сичасѣ атлатѣў у лѣсѣ и астанаиўся у краи, штобѣ видѣть, што будить дѣлать икаянный Цмокъ съ каралеўною.

Падходит Иванѣ Иванычѣ кѣ каралеўни, брызнуў ей халоднию вадою у глаза и гаворить каралеви: „ачнишь и глянь на мяне!..“ Каралева слышитъ, што рускій гласѣ гласить, глянула на яго быстра; тада Иванѣ Иванывичѣ сказаў каралеви: „будишь ли ты таперь падвластна мнѣ?“ — Атвила каралева: „мала таго, што я наўсигда буду падвластна,

буду и ноги ваши мыть и руду вашу пить.“ — Я вотъ тебе ать акаянныга Цмока спась; вотъ насматри яго двинацѣхъ атрубленныхъ главъ! — Вынуу сейчасъ изъ кармана голынь и покажу каралеви. Каралева узрадывалась и спрасила у Ивана Ивановича, аткуда іонъ и якъ яго завуть—имя и атчества.— Я Иванъ Ивановичъ, магучій багатырь. Прашу тебе, каралева, када ты мене палюбила: пайщи у маей галавѣ вшей!..

Бладеть ей сваю голаву и уснуу іонъ багатырскимъ сномъ. Падскакивають кучаръ каралевы, бярець острый мечъ, штоби атрубить голаву Ивану Ивановичу, но ня могъ падняць мечи. У каласки былъ кучарской ножъ, и іонъ етымъ нажомъ атрѣзау Ивану Ивановичу голаву, аткинуу ать тулова прочъ, и гаворить каралевѣ:—будешъ ли ты мѣ поданнымъ и пайдешъ ли за мене замужъ? Если же не сагласна, то будить и таѣ то, што багатырю Ивану Ивановичу. — Ана атвѣтила яму: „А што дѣлать? Сагласна!..“ — Ни скажешъ ни 'тцу, ни матушки?—Каралева атвѣчала:—„нѣтъ!“

— Штобы у скорысти намъ и ажанитца!...

Каралева на ўсе сагласна была.—„Нѣтъ,“ кучиръ гаворить: „дай клятву ва ўсѣмъ!..“ И ѣдутъ у домъ. Пріѣхали дамой, атецъ съ матирью были вочень веселы, стали яе цулувать—милувать и спрашивать:—„Дочъ наша милая, скажи намъ, хто тебе спасъ ать Цмока Акаянныга!—Мы тому гатовы атдать палавину нашига царства“.—Каралеуна итвицають:—„Батюшка и матушка, спасъ мне итъ акаянныга Цмока вашъ кучаръ!“ — И атвицають яны:—„Знать яго счастья! быть на сляму!..“ Каралева и кажить атцу съ матирью: „Када мене вязли къ икаянному Цмоку на жерству, я имѣла абѣщаніе, када Богъ мне спасетъ, итти у дальнія манастири пумалитца Богу, и прашу у васъ а томъ дазваленія.“—Услышивши, кучиръ, што царѣуна хочить итти у манастири, сказау каралю, што іонъ ии сагласенъ на ета, и требавау сейчасъ жа пувинчатца съ каралеуною. На ета ина сказала: „Батюшка и матушка, я хачу исполнить мае абищаніе, — прашу васъ благасливить мяне итти пумалитца“. — А кучиръ требунтъ пувинчатца. Парянили писать у саноудъ. Саноудъ атвѣтіу:—„Кали желаніе каралеви итти пумалитца, то нихай ина и идетъ.“—Каралева итправи-лась у манастирь малитца Богу, а кучира узали у царскій дварець, адѣли и наградили чинами.

Прибѣгаютъ звярьё Ивана Ивановича на то мѣста къ рѣкѣ, стали яны густь, стали яны рюсть, и аглушили сваймъ ревымъ усѣ царства. Рюсти яны сутки адны и другіи не переставая. Леу патомъ и гаворить:— „Масква слизамъ ня вѣрить! Што и намъ панапрасну густъ и рюсть? Нада намъ каго такого нахадить, штобъ свайго хазяина атживить!“— Звярьё и гаворить: Гдѣ-жъ намъ каго найдить? На тридисатымъ царствіи есть пастухъ чарадѣй, у яго есть вада живая,— іонъ и можить аживить намъ нашига хазяина—Ивана Ивановича.—Ставарившись, ударили бѣжать на тридисатыя царства, тридисатыя гусударства. Прибѣгли у тридисатыя царства къ етаму пастуху, и гаворить леу мядвѣдю и волку: „Ты, мядвѣдь, свиной дари, а ты, волкъ, у грудь клади!“ И начау мядвѣдь свиной драть, а волкъ у грудь валачить. Пастухъ, увидѣвъ ета, заплакау и гаворить: „Звярьё, звярьё заграничныя, што вы ета дѣлаетя, свиной манхъ истребляитя, у грудь валочитя—и съ чимъ жа мине астауляитя?! Я тридцать лѣтъ пасу, надъ сабой никада такой бяды ни видау. Скажитя мнѣ, што вамъ нужна?“—Леу атвичау пастуху: „Да-стау намъ вады живой и мертвый!“ Пастухъ имъ въ отвѣтъ: „Магу я вамъ даставить, лишь только унистожъ манхъ свиной пубивать!“ Пастухъ скорымъ паспѣхымъ атправіуся въ запавѣдныи сада, въ чужія земли, набрау онъ два пузыря вады живой и мертвый и предаставіу имъ! — „Палучитя воду живую и мертвую!“

Леу и гаворить пастуху: „Ти ни сблышіу ты?!.. гляди!“ А мядвѣдю вялить завадскаго луччага кабана разадрать на-двая. Мядвѣдь кабана тотчасъ разадрау, а леу живою вадою сбрызнуу — и кабанъ ажіу. — „Ну,“ гаворить пастуху леу: „маладець, спраўдіу! Да ня гнѣвайся на насъ, што мы на-дѣлали табѣ бальшея убытки“.—Леу, мядвѣдь и воукъ атправились скорымъ паспѣхымъ къ мертвому сваяму хазяину—Ивану Ивановичу. Прибѣгли къ тому мѣсту, адѣ лижау Иванъ Ивановичъ. Лей гаворить мядвѣдю и волку: „Прилажитя галаву Ивана Ивановича къ яго тулуву!“ Мертвую вадою сбрызнули—трупъ ажартвѣу, а патомъ живою вадою сбрызнули,—на Иванъ Ивановичъ явилась краска, и іонъ устау и улыбнууся. — „Ахъ, слуги мае вѣрные, вы мене доўга праждали: я уснуу крѣпка!.. — „Да, атвѣчали ему звѣрьё, слуги вѣрные: „кабъ не мы, заснуу ба ты на вѣки!..“ Ажіуши,

Иванъ Ивановичъ идеть ипать съ своими звѣрами на прежню хватуру къ бабылки.

— „Здрастуй, мая милая хазяюшка! Пусти мяне изнову пахватирувать;—я за тваю услугу и самъ тябе награжу!..“ — Милысти прашу, атвѣтила бабылка: добрыхъ людей!..

Время правялось круглый годъ. Въ горади етымъ усѣ пути и дароги высланы краснымъ трѣвуримъ. Иванъ Ивановичъ у хазяюшки и спрашнѣтъ: „Скажи, хазяюшка, што ета значить, што у вашимъ горади высланы уси пути-дорожки краснымъ трѣвуримъ!“

Ина яму атвѣчаютъ: „Нашъ царь будить дочь свою замуъ атдавать за кучира: іонъ спасъ царѣуна атъ акаынныга Цюка“. Царѣуна сабираетца ужу падъ вянецъ, и усимъ старцамъ у царскимъ дворци большая нистязимасть. Каралева своимъ слугамъ приказала усихъ нищихъ раставить по шарамъ. Увидѣвши царѣуна нищихъ гаворить имъ: „Я, якъ пулучу законный бракъ, усихъ васъ буду дарить златамъ-серебрамъ!..“ Иванъ Ивановичъ уружаетца у Божій храмъ, астаулянтъ усѣхъ своихъ вѣрныхъ слугъ звярѣѣ при хватури, надивантъ сваю адежу ветхую, бяретъ здарову вязину, падходитъ іонъ къ етымъ убогимъ нищимъ, и закричаѣ громкимъ голасамъ: „Слишняя каралеуна, сздай намъ милыстню—не ради маяго прашенія, а ради сваей души спасенія, — ради Ивана Иванавича, сильна магучага багатыря!..“ Нищии уси за ета на яго стали аратъ: „Што ты адинъ у поли за воинъ?! Када желаніе яе милыстню падать, то яна и сама падасть.“ — Іонъ рѣчи еты приняѣ у свае сердца, заходитъ іонъ съ правага фланку—и якъ торнуѣ іонъ сваею вязинаю усихъ старцыѣ атъ первага да паслѣдняга. Нищии — убогии стали на яго жалабу падавать. Схватили яго канвойныи и гаворють яму: „Што ты за воинъ такей?“ — Иванъ Ивановичъ имъ и гаворить: „Гаспада палицейскія, када я винувать, вадитя мяне лишна къ Емпиратару. Када я стѣю казни, іонъ приказить снятъ съ мене голову, а а ня стѣю—наградить!..“

Приводють яго къ емпиратыру. Емпиратырь и спрашнѣтъ у яго: — „Што ты за храбрый такей воинъ, што ты убогихъ-нищихъ многихъ разабидѣѣ? Какъ тваѣ имя и атчества?“ — Я, гаворить Иванъ Иванавичъ: сильна магучій багатырь. Гасударь, а пакажу вамъ, якей я воинъ!.. Падайте мнѣ столъ абъ дви-

нацѣти нагахъ!—Падали яму столъ абъ двинацѣти нагахъ; вотъ іонъ и начау уси голывы зміевы выкидывать на етытъ столъ. Столъ етый ни удиржау Цмокавыхъ галоу: ноги аблажились и головы пакатились.

—Вотъ вамъ доказательства, какой я страшный воинъ! Ваша емпиратарства, я за вашу дочку, слишнюю каралеу, сваю кроу праливау; я яе, вашу дочку, нтъ акаанныга Цмоку избавіу; — а ня вѣрѣти маймъ славамъ, спраситя 'у вашій дочки: пускай ина сама скажитъ, хто яе атъ Цмока избавіу!.. Царь спрасіу слишнюю каралеу: „Хто тебе, милая мая дочь, скажи мнѣ: хто сахраніу тебе атъ смерти и атъ акааннага Цмока!..“ Ина атвѣчаитъ атцу:—“Батюшка мой, мине заберегъ атъ акаанныга Цмока Иванъ Ивановичъ, сильна магучій багатырь. — Емпиратырь гаворитъ: Якъ жа кучиръ гаворитъ, што іонъ тебе сахраніу атъ смерти, атъ икаанныга Цмока? — Ина атказытъ: „Кали вашъ кучиръ везъ мене на жерству къ икаанному Цмоку, іонъ разагнау сильна коній—калясо падламіу, каляску абаратіу;—я спужалась и сильна убилась, а кучиръ на лададахъ уѣхау у лѣсъ, стняу у краю и сматрѣлъ, якъ икаанный Цмокъ будить мною уродавать“. Ка мнѣ тады падашоу скорымъ поспихамъ Иванъ Ивановичъ, сбрызнуу мене халоднио водою и гаворитъ: „Ачнися. слишняя каралева!“ Услышіуши я русскій гласъ, ачнулась и прасила яго сказать, якъ яго звать и хто іонъ такэй.“ — Іонъ мнѣ тады сказау:—Я—Иванъ Ивановичъ, сильна магучій багатырь; я васъ сахраніу нтъ акаанныга Цмока. — И прасіу мене быть яго жаномъ. — И я тады жа атвѣтила яму, што сагласна на усѣ, што яму угодна. Са трудоу у яго галава свярбѣла, и прасіу мене искать вашей, — палажіу у мае бѣлѣни калѣни сваю багатырскую голову и заснуу. А вашъ вѣрныи кучиръ бальшимъ поспихымъ падѣѣхау ка мнѣ и узяу Ивана Иванавича вострую мечъ и якъ у яго была мала силы, іонъ мечи тога ня подніу, — а узяу съ каляски ножъ и атрѣзау Ивану Ивановичу багатырскую голову. А мнѣ вашъ кучиръ гаваріу такъ: ти будишь таперъ мая подданная? — а кали етыга ня хочишь, то и табѣ то жъ будить. Я заплакала слезна, сагласилась на яго требаванья, и дала яму яще и клятву. Но, усе—таки, у душѣ сваей я гаварила: ти ни дасть Богъ маяму сахранитилю ажитца? А кучиръ требовау аблыжна на

мнѣ жанитпа у скорымъ времени,—я жъ прасилась у мана-
стырь Богу пумалитца. Не кучирь мой сахранитиль, а Иванъ
Иванывичъ, сильна—мочій багатырь,—мой вѣрный сахранитиль.“

Царь приказау привести сюда кучира, разжалавать яго,
надѣть на яго сѣрую шинель, вывести изъ канюшни быструю
бѣшаную лошадь, привязать яго къ хвосту етай лошади:—„якъ
іонъ маю дочь сахраніу, нихай такъ яго бѣшанный таперь са-
хранить!..“

Конь быстрый па чистому полю разнёсь кости кучира.
Ивану Иванывичу, сильна магучему багатырю, надѣли царскую
карону, стали пива варить и свадьбу завадить. Абручили яго
са каралеунаю; приніу іонъ законный бракъ. Выхадили изъ
Божія храма, дарили ницію братію, и ниціи уси кричали
имъ „ура“.

Пришли ани ва дворець и стали пить да гулять и свадь-
бу играть. Атгулявши свадьбу, гаворить царь Ивану Ивана-
вичу: —„Ты не зять мой, а сахранитиль мой! Дарую табѣ
палавину маяго царства.“—Иванъ Иванывичъ пасылаетъ запис-
ку къ своимъ вѣрнымъ слугамъ—звѣрямъ и просить хазяюшку
къ сабѣ ва дворець на честь; заветъ и зварей.

Приходить хазяюшка, бабылка удава, набѣдная галава,
къ Ивану Иванывичу, паздраўлять яго съ законнымъ брачнымъ
и съ яго каралеуствамъ. Іонъ за яе услугу публагадаріу и
очень харашо наградиу; ина Ивану Иванавичу низехенька па-
кланилась.

Иванъ Иванывичъ живеть у дворцѣ мѣсиць, другой, и боль-
ши; —захатѣлась яму у чистыя поля прабхать пувисалитца, и
просить царя дазволить яму пагулять, чистыга поля пувидать
и сваю красату паказать. Царь дазвальять яму пагулять и гаво-
рить яму: — „Ну, Иванъ Иванавичъ, выбири для себе, па
тваюму трактиру, быструю лошадь!..“ Іонъ выбрау каня, слу-
ги яго асиддали и подали яму. Иванъ Иванывичъ усѣўся на
добрага каня, узіу острый свой мечъ. А царь гаворить яму:—
„пакатайся па гораду, а за горадъ, у чисто поля, ня їзди!
Іостъ у мине, у двинацати вирстахъ, Баба-Яга, пребальшая вал-
шебница; у ёй бальной—пребальной адинъ зялѣзныи зубъ; на
ступи їздить, таўкачомъ паганяить, мятлой слѣдъ замитантъ:
ана можить вась спакусить.“—Иванъ Иванавичъ атправіўся на
горадъ; многа-ль мала-ль пакатавшись на горади. атпраўлянт-

ца зъ гарадь:— „што я за воинъ, што я никога ня буду знать, ни мяне никто ня будить вѣдать“.—Вотъ іонъ ѣдитъ па чисту полю, и устрѣтилась зъ имъ Баба-Яга на ступи, таўкачомъ пыганяить, мятлой слѣдъ замитаить, съ зялѣзнымъ прибальшимъ зубымъ, и гаворить яму: „Здрастуй, Иванъ Ивановичъ, сильна магучій багатырь!“—Здрастуйтя, Бабушка-Яга, кастаная нага?— „Куда ты ета ѣдишь?“ — И атвичаить Иванъ Ивановичъ: „Ѣду“, гаворить:— „у чисто поля, поліѣ пувидать и сябе паказать! Да пара и старыхъ такихъ старухъ убирать!..“—Нѣтъ, гаворить Баба-Яга:—твое дѣла, Иванъ Ивановичъ, никада ни придется: мы ни такихъ видали и за сябе брасали!.. Иванъ Ивановичъ схватиў вострый свой мечъ, штобъ срубить галаву Баби-Яга; а Баба-Яга, апирядиў яго, якъ рубанула лазовымъ прутыкымъ и пиарѣзала яго на двая: адна палавина трупа па адну сторону, а другая па другую. Хорошая лошадь усккала дамой, зашла у канюшню и стала.

Дакладають царю: — „Прибизжала хорошая лошадь адна, а Ивана Иванавича нѣту!..“ Царъ и жина Ивана Иванавича заплакали горьки слязми: — „То-та маладой розумъ! мы сказали яму ня ѣздить за горадь... Вѣрна, Баба-Яга яго спатрыбила“...

Стала другому брату Ивана Иванавича скучна у другомъ царстві: думайтъ іонъ а брати и гадаить такъ:— „Не дарамъ мнѣ скучна: што-нибудь случилась съ маймъ братымъ неладная. Пайду къ той береги и къ тому мѣсту, идѣ я съ братымъ разлучиўся!..“

Приходить къ бярѣзи и видить братній ножичикъ, уторнутый у бярезу, увесь у криви. Заплакаў братъ гарючими слезами:

— „Знать ужъ маяго брата постигла большая несчастія!“— И атправіўся па той дароги, па который тоды пашоў яго братъ са свайми звѣрjami. Приходить у яго царства; день быў ясный, пагодливый. Идетъ іонъ кала саду царскаго и видить царевну у саду—гуляить; а царевна, увидивши Ивана Иванавича, брата яе мужа, признала яго за сваяго мужа (іонъ быў на брата пахожъ).

Падашедши близка къ яму, спрашінтъ у яго, хто іонъ такой. Итвичаить каралеви:— „я Иванъ Иванавичъ, сильна магучій багатырь.“—Ти не была у васъ брата, яще Ивана Иванавича?— Іонъ и сказаў:— „я радной братъ Ивану Ивановичу. сильна

магучиму багатырю; пришоу у ета царства павѣдать а нештъ.“—
Каралева здѣсь яму и гаворить:—„Вашъ братъ, Иванъ Ивана-
вичъ, сильна магучій багатырь, бнѹ мой мужъ. Іонъ аднажды
паѣхау пагулять па гораду и атправіўся за горадъ въ чисто
поля. А у насъ, у 12 вирстахъ, живеть пребальшая волшеб-
ница Бара-Яга: ина, вѣрна, яго спатрыбила. Астались у насъ
яго вѣрныя слуги, зварѣе, такіе жа, якъ ваши.“—Ина при-
казнить привясти къ Ивану Ивановичу льва, мядвѣдя и вал-
ка. Зварѣе узнали яго, стали у нагахъ яго кататца и лизать
яго руки. Иванъ Ивановичъ вынимае бранька и даеъ имъ
пу палавинки каждому звѣрю.

Цареўна притгласила Ивана Ивановича къ сабѹ у царскій
дварецъ:—„Ня будимъ ужу больши гарювать, а будимъ лучи
пуминать!..“

Гуляли яны день, другой, и больши; Иванъ Ивановичъ
просить у царя лашадки по гараду пакататца. Царъ дазвальятъ
и гаворить яму:—„Можешъ па свайму трактиру выбрать у маей
канюшни любую лошадь.“—Иванъ Иванавичъ па сваей натури
выбрау сабѹ лошадь, приказау асидлатъ и усѣўся на ей, узяу
съ сабой старый свой мечъ, сваихъ вѣрныхъ звярей. Пагуляўши
па гораду, атправіўся за горадъ.

Царъ жа упиради яму сказау, штобъ за горадъ не вѣзъ-
жать; а то будить зъ имъ то жа самая атъ Бабы-Яги, што
и съ братымъ яго. Іонъ, Иванъ Иванавичъ, не паслушаўся
царскага савѣта, атправіўся таки за горадъ, паѣхау тымъ пу-
тѣмъ—дарагаю, куда ѣздіў и братъ яго.

Ўдить Баба-Яга, зялѣзний зубъ у роти, и, пуўстричав-
шись зъ имъ, гаворить:

— „Здрастуй, Иванъ Иванавичъ!“—Здрастуй!—гаворить
ей и Иванъ Иванавичъ: — да што ты, старая баба, за воинъ
такей, што на ступи ѣдишь, таўкачомъ паганяишь, пумяломъ
слѣдъ замитаишь!..

Иванъ Иванавичъ приказау сваимъ вѣрнымъ слугамъ—
звѣрямъ: ильбу Бабу-Ягу мять, мядвѣдю лыки драть, а ваўку
вяреўку вить.

Стала Баба-Яга скрипѣть, стала вищѣтъ и прасить у Ива-
на Иванавича памилыванья, а Иванъ Иванавичъ не саглашаецца
яе памилывать, а требуютъ атъ Бабы-Яги воскресить брата яго,
багатыря сильна—мочнага. Баба-Яга гаворить Ивану Ивана-

чу:— „У мене іось воды, и живая, и мертвая;— жагу аживить и брата твоего.“ — Багатырь приказаў пустить Бабу-Ягу живую, и ана садитца на свою ступу и 'тираўляйтца у запавѣдныя свое сады за вадой; привозить вады. Иванъ Ивановичъ узліў на кустъ мертвой вады — и кустъ пачарнѣль; потомъ узліў на кустъ другой вады живой — и пашоў дымъ. Иванъ Ивановичъ смѣтіў, што ета не живая вада, а ядъ; — приказывають мать и пачрѣпчи жать Бабу-Ягу. Баба-Яга ипять просить багатыря о памилываньи яе; а Иванъ Ивановичъ атвѣчають ей:— „Я тады тебе атнущу и памилую, коли ты атжишишь майго любезнаго брата.“

Пустіў Баба-Ягу Иванъ Ивановичъ, и ина палатѣла ипять у запавѣдныя сады за живой вадой. Привозить два пузыря вады живой и мертвой и 'тдаеть багатырю. Багатырь, пулучивши ваду, приказываетъ льву держать Бабу-Ягу, а самъ паѣхаў искать брата. Многа-ль, мала-ль ѣхаў, находитъ на дароги братній трупъ, разрубленный на двѣ части; слажіў іонъ части еты умѣсти, абліў трупъ мертвой вадой — трупъ амяртвѣў; потомъ — живой вадой — трупъ пачарнѣў, а братъ ажіўся. Паздаровавшись братъ съ братымъ, ажившій братъ и гаворить другому брату:— „Охъ, какъ я доўга спаў!..“ А братъ атвѣчають:— „Да, кабы ни я, ты бы и на вѣки заснуў!..“

Перегаваріўши и нагаваріўшись, атпраўляютьца къ етнй Бабѣ-Ягѣ и гаворють своимъ звѣрѣямъ, вѣрнымъ слугамъ:— „Предай-тя Бабу-Ягу смерти!“ Звѣри сейчасъ разарвали Бабу-Ягу на мелкія части.— „Ну, други наши, напаситя большы дроў у кучу, сдѣлать кастёръ, палажитя на кастёръ Бабу-Ягу, сажечъ яе!..“ Дѣла сдѣлана. Багатыри Иваны Ивановичи атправились ва дворець, у горадъ. Приходятъ ва дворець; жина багатыря, увидѣўши свайго мужа, вазрадавалась и распрасила у яго а яго и смерти, и ажіўленіи. Узнаўши а ўсемъ, лны снова зажили и весела, и радастна у сваёмъ царствіи. Съ тыхъ поръ и живутъ и радуюцца сваяму благопалучію.

№ 14.

Деревня Бердебики Ельнинского уѣзда.

**Ибъ трехъ братьихъ ахотникахъ, двухъ изъ ихъ у ка-
минь абрашонныхъ, и абъ Бабѣ-Ягѣ, настянэй назѣ.**

Жію мужикъ; було ў яго три сына. Были яны вялікія ахотники; ну, какъ ахатыю ни занимались, а ни було никаму щастя. Яны якъ ѣздили па пушамъ и заблудились. Ёздили 3 дни и выбрались на большую дарогу. Яны мизъ сабою гаварили:— „Пайдемъ, братѣя, каждый сваей доли искать!..“ На большой дароги стняў стоўбъ. Ать тога стаўба три дароги, а на тымъ стаўбу 3 таблицы:— „Хто паѣдитъ управа, самъ будить сытъ, а конь будить голыдинъ; улѣва, лошадь будить сыта, а самъ будить голыдинъ; а третію дарогю хто паѣдитъ, у Вахрамеивымъ царствіи будить царемъ“.—Были яны голысь у голысь, волюсь у волюсь, ростъ у ростъ, какъ адинъ. Иванъ Ивановичъ быў старшій братъ. Пріизжаить онъ у Вахрамеіўскыя царства; приняў яво царь:— „Какъ тебе звать? Какая ты знаишь мастирства?“—А я самасильный ахотникъ.—Царь яво высылаў на ахоту. Лѣсъ быў нисхадимыя пуща. Идетъ звѣрь леў, якъ крутая гара, проти яво. Іонъ прилажіўся яво бить, а леў яму гаворить:— „Ня бей мяне, Иванъ Ивановичъ: я табѣ дамъ свайго дитенка,—іонъ табѣ пригадитца.“—Маленька прайшомши, выходитъ къ яму на ўстрѣчу мядвѣдица. Іонъ прилажіўся яе бить. Ана и гаворить:— „Ахъ, ты, Иванъ Ивановичъ, ня бей ты мяне: вотъ табѣ ў даръ мидвянѣнка,—іонъ табѣ пригадитца.“—Іонъ яе ни стаў бить. Маленька праходить, стрічайтца воўкъ и гаворить:— „Ахъ, Иванъ Ивановичъ, ня бей мяне!“—Іонъ яе ни стаў бить, а ина яму дала ваўчаненка. Іонъ купіў сабѣ лошадь. Яво ливяненкъ, мидвяненкыъ хадилл за имъ усигда услѣдъ. Царь Вахрамей абвинчаў Ивана Ивановича на сваей дочки. Иванъ Ивановичъ захатѣў послѣ свадьбы праѣхать на ахоту са лвяненкымъ, мидвяненкымъ и ваўчонкымъ. Была у етымъ царствіи на сѣвирную старану захожля пуща.—Жана и гаворить:— „Другъ мой милый, ня ѣзди ты у ету пушу! Тамъ вялікія халады и лютея марозы.“—Іонъ ѣздіў па старанамъ и разсуждаў самъ съ сабою:— „Какой я ахотникъ, када ня буду ў етый пуши?—Узяў и паѣхаў у ету пушу на

сѣвирную старану.—Какъ уѣхаў у лѣсъ, сдѣлалась теминь, холодный вѣтирь и лютый морозъ. И сдѣлаўся яму великий блудъ, заблудіў іонъ у темъ лѣсу и значуваў. Видить іонъ, шта идѣ-то аганекъ далека свѣтитца.— „Ну—ка, леў, ты силнѣ и прытыкѣ, приняси-ка намъ огню!—А ты, мядвѣдь, приняси-ка дроў!—А ты, воўкѣ, приняси-ка парасенка на вужинѣ!..“ — Леў агню принесѣ, воўкѣ парасенка, а мядвѣтъ нанасіў дроў, а іонъ агню разлажіў. Стали яны етыва парасенка гатувать на вужинѣ. У етымъ лѣсу жила вѣдьма, празывалась Баба-Ига, Кастинная Нага; сама ина была смуглы, а глаза у яе, какъ вуглы. Толька яны стали вужинать, а ина нясетца, ажну трясетца:— „Ахъ, милый мой наплезникѣ, абагрѣй мяне: а то я змерзла!..“ —Ахъ, бабушка, пади, грѣйся!— „Нѣтъ, батюшка, баюсь ахоты тваей!..“ —Нябось, бабушка, ступай: пѣла будишь!— „Нѣтъ, батюшка, вырви ъ валаскоў са сваей галавы, съ лашадиннѣ и са сваей ахоты“. Іонъ вырваў и падаў ей. Ина якъ дунула, такъ Иванъ Ивановичъ и яго ахота акамянѣла. А жана дажидаить яго дамой.

Ишоў дарогню Ивана Ивановича братъ Данила Ивановичъ. Стричаитца зъ имъ леў. Іонъ хатѣў убитъ яе, а ильвица гаворить: „Ахъ, Данила Ивановичъ! ня бей мяне: вотъ табѣ ливяненкѣ,—іонъ табѣ пригадитца!“ —Данила Ивановичъ ни стаў яе битъ, а ливяненка узяў. Нямнога праѣхамши, стричаитца зъ имъ мядвѣдица. Іонъ хатѣў яе убитъ, ана и гаворить:— „Ахъ, Данила Ивановичъ, ня бей мяне: вотъ табѣ ў даръ мидвяненка,—іонъ табѣ пригадитца“. —Узяў іонъ мидвяненка и паѣхаў дальши. Стричаитца зъ имъ ваўчица и гаворить:— „Ахъ, Данила Ивановичъ, ня бей мяне: вотъ табѣ ваўчаненка,—іонъ табѣ пригадитца!“ —Узяў іонъ ваўчаненка и паѣхаў. Пріѣхаў іонъ у Вахрамеива царства. А цареўна думала, што ета яе мужъ. А іонъ увузнаў, што ана жана братнія. Ана яво цулувала, руки къ сердцу прижимала:— „Я думала, што ты аттуда ни зваротиста: у насъ аттуда звароту нѣту.“ —Ана яво пайла и карьмила. бѣлу ложу застлала; спать яво укладала и сама зъ имъ лажилась. Іонъ мизъ сабою клаў вострую мечъ на галѣ:— „Ну, жана моя милая, сяннишнюю ночь хто къ каму пиравернитца, таму галава прочь!“ Аны пралижали, ни шивяльнулися. Рана пу вутру сабирайтца іонъ на ахату. Ана яму гаворить:— „Ахъ мой милый, ня ѣзди на сѣвирную старану: у насъ аттѣль нѣту зва-

роту!“—Іонъ вѣдїу на ахоту и заѣхау у тую пуцу. Стала яму тамъ холыдна, и заначувау тамъ. Льва паслау за агнемъ, мядвѣда за дравами, а ваўка за парасенкымъ. Стали яны гатовитъ вужинъ, какъ лятить Баба-Ига-Кастинная-Нага, сама смугылъ, а глаза какъ вугылъ, нясетца, ажну трясетца:—„Ахъ, абагрѣй мяне!“—Пади, бабушка, грѣйся!—„Нѣтъ, батюшка, вырви 5 валаскоу са сваей галавы, съ лошади и са сваей ахоты!“—Іонъ вырвау и падау ей. Ана какъ дунула, такъ Данила Ивановичъ за сваєю ахотыю и акамянѣу. — Ъхау на дароги третїй братъ Микита Ивановичъ. На сустрѣчу леу. Іонъ хатѣу убить яе, а ана и гаворить:—„Ахъ, Микита Ивановичъ! Ня бей мяне; а вотъ табѣ ливаненка: іонъ табѣ пригадитца!“—Узяу іонъ ливаненка и паѣхау. Стричантца мядвѣдица:—„Ахъ, Микита Ивановичъ, ня бей мяне: вотъ табѣ мидвяненка, — іонъ табѣ пригадитца!“—Узяу іонъ мидвяненка и паѣхау. Стричантца зъ имъ ваўчица:—„Ахъ, Микита Ивановичъ, ня бей мяне: вотъ табѣ ваўчаненка, — іонъ табѣ пригадитца.“—Прїѣхау Микита Ивановичъ къ етому стаўбу, а ужу еты таблицы пастерлись. Гаворить іонъ:—„Вѣрна, маихъ братьїї нѣту у живыхъ! паѣду искать свайхъ братьїї.“—А быу іонъ сильный магучїй багатырь и храбрый воинъ. Прїизжаить іонъ къ Вахрамеїускїй цареўны. Ана сдѣлалась рада, када яво увидала, и пачитала за свайго мужа. Цалувала, къ сердцу руки прижимала. Лажитца іонъ спать и кладеть мечъ падъ голыны:—„Ну, жина, сяннинною ночь, хто къ каму пирявернитца, таму галава прочъ.“—Яны цѣлую ночь ни шивальнулись. Устаўши, паѣхау іонъ искать свайхъ братьїї. Уѣхау іонъ у пуцу на сѣвирную старану, падѣѣхау іонъ къ етымъ камнымъ. Паслау льва за агнемъ, мядвѣда за дравами, а ваўка за парасенкымъ. Стау гатовитъ вужинъ. Какъ нясетца Баба-Ига, ажну трясетца:—„Ахъ, мїнї чилавѣкъ, пусти обагрѣтца!“—Пади, бабушка, грѣйся!—„Нѣтъ, батюшка, дай мнѣ 5 валосикну са сваей галавы, съ лапашинный. а также и са сваей ахоты.“—Тада іонъ и гаворить:—„Ну-ка, леу, и ты, мядвѣдъ, и ты, воўкъ, валакити-ка яе на агонь!..“ Вотъ ина крутилась. крутилась, а яе ахота тирзаетъ; тагда ана какъ закричить багатырскимъ голынымъ:—„Ахъ, Микита Ивановичъ,—ни пали ты мяне: я твайхъ усихъ братьїї ужїю!“—Ну, уживи!—Вотъ ана какъ дунула на еты камни, такъ яны и сдѣлались людymi. — „Ну, Иванъ Ивановичъ и

Данила Івановичъ, палитя яе!“.. Яе узали и спалили. Приѣхали яны уси троя у Вахрамеіѹскія царства. Вахрамей сабраў вялікіѹ балъ, и были уси карали, гуляли яны кала моря. (А Баба-Іга жила у мори). Марская Чудовища выкинула на бирігъ письмо. Яво и нашли карали, а у іомъ написана:— „Іванъ Івановичъ, Данила Івановичъ и Микита Івановичъ! Какъ вы пагубили маю мать, то я пагублю ваша царства; а если на хочишъ, Вахрамей, штоба тваѹ царства пагибла, то вывизи сваю дочку у залатомъ бярлини на край моря.“—Царъ Вахрамей пасадіў сваю дочку у залатой бярлинь и паставіў на край моря. Вахрамей ускрикнуў:— „Ахъ, братытя, ти на ўтушита вы Чуда-Юда, какъ утушили Бабу-Ігу?“—Аны паднялись яго тушить. Стали ноччу кала етій кареты.— „Ну, ильвы, дяржитя крѣпка за заднія колісы; а вы, мядвѣди, ляжта па краямъ; а вы, ваўки, када выйдить іомъ изъ моря, хватайтя яво за шію“.—У самую поўнычъ стала валнуватца моря. Сдѣлалась землетрясенія. Выскычѹ зъ моря, стаў тягнуць у моря бярлинь, а лвы нп пускають. — „Ну, мядвѣди, садитесь вы яму на плечи, а вы, ваўки, дярита яму икры.“—И пурубили яво на мелкія штуки. Привязли мядвѣди царѹну у царскій дворець, и сдѣлали вялікія багамаленія. Івана Івановича паставили царемъ у Вахрамеіевымъ царстві; Данилу Івановича у Азію, а Микиту Івановича у Америку.

Отъ Василія Михайлова.

№ 15.

Якъ Івана Івановича, русскаго царевича, сестра съ нѣнимъ злѣдѣмъ загубить хатѣла.

Нѣўкатарымъ царстві, нѣўкатарымъ государстві, а иминна ў томъ, ў катарымъ мы живемъ, жиў адинъ бѣдныѹ мужучокъ; іомъ только занимаўся ахотню; и была ў яго систра. Іомъ пайдетъ на ахоту, а систра яго астаецца дома, пригатувать яму што-нибудь паѣсть. Вотъ яны жили, жили долга ўремя, такъ и харашо, и сагласна, такъ, какъ, канешна, братъ съ сестрою. Патомъ и приходить къ ей такой плутина и машенникъ, а братъ яе пашоў на ахоту. Іомъ и гаворить ей:—„Здрастній, мня вушница!“—А ина яму гаворить:—Здрастуй.—„Што ты

думашь?“—А ина гаворить:—А ничаво,—„Идѣ твой братъ?“—спрасіу іонъ у яе, а ина гаворить:—А пашоу на ахоту.—„Давай мы съ табой спазнаймса!“—Стау іонъ яе змуцать. Ина, какъ въ недаумѣніи сваємъ, и сагласилась зъ имъ, а брата свайго ужъ бросила. Приходить братъ са 'хоты, а плутина свазау:—„Ты притварись, будта низдарова.“—Вотъ братъ и спрашінтъ въ яе:—„Сястрица, што ты ета?“ А ина гаворить:—А, брахнинька мой, я дужа бална.—„Ну, што жъ табѣ нада?“—Каба мнѣ дастау ваучиныга малака, то бы мнѣ и палуччила.—Вотъ іонъ и гаворить ей:—„Ну, што дѣлать, сястрица моя: пайду, какъ пибудь дастану.“—Вотъ іонъ и пашоу. Приходить у лѣсъ, бяжить воуѣ. Іонъ только нацѣліуся, штоба убить яго, а воукъ и гаворить:—„Стой, Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ, ня бей мяне, ни сиротъ маихъ дятей,—што табѣ нада?“—Іонъ и гаворить:—Мнѣ нада твняго малака.—На табѣ мылака и ваучаненка!“—И сказау яму:—„Яно табѣ када-нибудь пригадитца.“—Вотъ іонъ приносить дамой малака и ваучѣнка. Ина узила етыга малака и гаворить яму:—„Не, братъ, ета малако мнѣ ня польза, а када бъ ты мнѣ принєсь мядвѣжжига.“—Вотъ братъ ипять пашоу ў тотъ лѣсъ; идеть къ яму мядвѣтъ. Іонъ только хатѣу, штобы убить мядвѣдя, а мядвѣдь и гаворить яму:—„Стой, братъ, Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ; ня бей мяне, ни сирати маихъ дятей! Што табѣ нада?“—Мнѣ нада твайго малака.—„На табѣ майго малака и медвѣненка: іонъ табѣ када-нибудь пригадитца.“—Вотъ іонъ узяу мядвѣжжига малака и мидвяненка и пашоу дамой. Приноситъ ета малака дамой и гаворить:—„Ну, сястрица, принѣсь я табѣ малака мядвѣжжига, — только аздараўливай.“—А зладѣй тотъ гаворить, каторый яе змуцау: — „Во какой братъ твой: яго нибяруть ни звѣри злая, ни какая сила,—пашли яго ипять къ сѣсаму злому звѣрю — лѣву“. (Хатѣли, штобы стратить яго.) Ана и гаворить яму:—„Ну, братиць, спасиба табѣ, за тваѣ стараніа,—только мнѣ нѣтъ пользы; а кадабъ ты мнѣ принѣсь лвыныга малака, то бы я паздаровила.“—Ну, што дѣлать, сястрица моя? пайду, какъ-нибудь дыстану: или голува пылажу, или малака принясу.“—Вотъ іонъ и пашоу апять ў тотъ лѣсъ: идеть къ яму на ўстрѣчу лвыца и съ ливинятками; іонъ прицѣліуся убить яе. Ина и гаворить:—„Стой, Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ, ня бей, ни сира-

ти майхъ дятей: што табѣ нада? — Дай мнѣ свайго малака. — Ина яму дала малака и ильвиненка: — „Іонъ табѣ када-нибудъ пригадитца“. — Вотъ іонъ узяў ета малако и ильвиненка и пашоў дамой. Ина видить, што онъ ипять пришоў; ипять давай боііѣ стагнать и гаворить яму: — „Ну, братъ, ня луччѣиць мнѣ ить таго! ежили бѣ ты схадиў у ту мельницу, идѣ мелють на двинацать камней и за двинатцами двярми, да принесѣ бы мнѣ пылу, — тады бѣ я, тадабѣ палуччила“. — Ну, што дѣлать, сястрица, скажу и принясу. — Вотъ іонъ и пашоў и забраў съ сабою ўсю сваю ахоту: вуўка, мядвѣдя и льва. Вотъ онъ приходить у ту мельницу, стукнуў у двери; яму атварили и ўпустили, патомъ дали яму пылу и гаворють: — „Ну, ступай!“ — Толька іонъ вышіў съ тѣй мельницы, яны — храпѣ, и затварили ўсѣ двери, и ўся яго ахота асталася тамъ: воўкъ, мядвѣдь и леў. Приходить іонъ дамой, приносить етыга пылу. Систра видить, што іонъ пришоў бизъ ахоты, и гаворить свайму другу: — „Ну, таперъ харашо: знаимъ, што мы сдѣлаимъ! ахоту яго тамъ задержили.“ — Патомъ и гаворить систра брату: — „Ну, братъ, таперъ я палуччила, — иднака мнѣ вытыпи баю: я памыюсь“. — Вотъ іонъ пашоў тапить баню. Тапіў, тапіў; лятить воранъ: — „крукъ, крукъ!.. здрастуй, Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ!“ — Тапи какъ ня можна пу-марудливій: твая ахота ужъ четири дварей прагрызла!“ — Вотъ іонъ ўзяў такога гнильля дровъ и наклаў у печку, и ўсѣ топить, да топить. Прибигають систра: — „Ну, што, братъ, ти гатова?“ — Нѣтъ ящо, систра, падажжи намнога! — и стаў ипять тапить баню. Лятить ворынъ: — „крукъ, крукъ! здрастуй, Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ! падажжи намнога: твоя ахота скоро придетъ: асталася толька троа дварей грызть.“ — Іонъ ипять давай гнилушки падкладывать; приходитъ апать систра: ей ужъ ни тярпѣлася. — „Ну, што, братъ, ти гатова баня?“ — Нѣтъ, сястрица, падажжи намнога: сичасъ будить гатова. — Лятить третій разъ ворынъ: — „Ну, Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ, твоя ужъ ахота идетъ!“ — Вотъ ина съ сваймъ другимъ и пашли ў баню, а ахота яго на дворъ. Іонъ гаворить на сестру: — „Ну, систра, каго ты ета привила?“ — Ну-ка, мня ахота, пастарайся етыга мерина паймать и пащипать на мелкія кусочки.“ — Вотъ какъ стаў мядвѣдь на двирахъ, а воўкъ на другихъ, а леў якъ начаў паласкать: пар-

ваў, и пащипаў, и кости яго пажваў.—Я тамъ быў, медъ-вино піў, на губамъ тавло, а ў ротъ ни пупала.

№ 16.

**Ибъ трехъ братыхъ, аднымъ изъ ихъ дуракъ, Бабъ-Ягъ
настянэй нагъ и яе дачнахъ.**

Какъ жиў старикъ, и было ў яго три сына: два разумныхъ. а третій дуракъ. Наканецъ атець ихъ помиръ, и задумали аны пуминать атца. Вотъ аны наварили пива и слили яго ў бачонки и поставили яго ў погрибъ. Патомъ пасылають дурука ў горыдъ за пакупками:—„Ну, братъ, съѣзди ў горыдъ да купи намъ гаршкоў и соли!..“ Вотъ іонъ запрегъ лошадь и паѣхаў ў горыдъ, накупіў пакупыкъ и ѣдитъ дамой. Захатѣла лошадь пить. Іонъ хатѣў напаять яе,—ина сарпнула и ня пьетъ; вотъ іонъ пасалиў ей: высыпаў усю соль, што везъ,—тада конь напіўся. Праѣхаў ящо дальши у лѣсъ, выѣзжають на ляды—стыять пianeўя. Іонъ панадѣў уси гаршки на пни. Пріизжають дамой безъ пакупыкъ. Братья спрашють:—„Идѣ твае пакупки?“—А дуракъ атвичають:—„Я ѣхаў, ѣхаў,—дорогий конь захатѣў пить, то я ўзяў, пасалиў, тады іонъ напіўся. Ящо далій праѣхаў,—идуть къ намъ гости, да галагаловныя, бизъ шапыкъ,—такъ я ўзяў имъ шапки панадѣў.“—Ну, штожъ намъ таперъ дѣлать съ табой: атстанься ужъ дома, а мы паѣдимъ ў горыдъ за пакупыкыни.—Вотъ яны паѣхали ў горыдъ, а іонъ атстаўся дома. Думаў, думаў, што дѣлать?—„Пастой: вазьму пайду ў погрибъ!“—Пашоў іонъ ў погрибъ; узяў, паразліў уси бачонки съ пивымъ, патомъ искаў, искаў лодки, ни нашоў. Вотъ іонъ узяў карыта, утащіў туды, да и кататца на погрибу. Пріизжають братья зъ горыду, а іонъ гаворить: „Хадитя ка миѣ кататца!“—Яны и кричатъ на яго:—„Ахъ ты, дурачина, што ты ета надѣлаў?—Чимъ жа намъ таперъ атца пуминать?“ А іонъ гаворить имъ:—„А я думаў, што вы миѣ ета пива здѣлали кататца?“—Ну, братъ, давай ящо варить пива!—Вотъ яны наварили ящо болій таго пива и послали дурука назвать людей на пдминки. Вотъ іонъ пашоў и приказывають усимъ:—„Прихадитя, ўсѣ маладыя и старыя, а за дитыи я на кани пріѣду!“—Вотъ уси пуришли. Тады іонъ

запретъ каия и причанію вярёуку, сѣу и паѣхау. Вотъ іонъ прѣѣхау у дярёую и давай накладыватъ дятёй на калѣсы, якъ дровы, и увизау ихъ жердью. Привозитъ дамой, увайшоу у хату и гаворить: — „Ну, привезъ я вашихъ дятёй!“ — Матки ихъ пасмотрють дятёй и гаворять яму: — „Да идѣ жъ ты ихъ дѣу, нашихъ дятёй?“ — А іонъ гаворить: — А пысадіу на згу-вальню. — Яны паглядѣли: праўда. — Патомъ и гаворють одна на адну: — „Пагляди-ка, кумычка, якъ наши дѣти сидятъ радужкамъ!“ — А другая выигла и гаворить: — „А, Вожа мой, аны жъ ня живы!“ — Вотъ братьята видють, што будить худа, пабизали дамоу съ дому; а дуракъ глядѣу, глядѣу на ихъ, да какъ пуститца ўслѣдъ за ими, што іостъ силъ яго, и бягить, и кричить: — „Падажжия!“ — Братьята ета пачули и спугались, и гаворють адинъ другому: — „Братъ, нужна падаждать!“ — Вотъ яны падаждали яго; приходитъ іонъ къ имъ и гаворить на ихъ: — „Вы чаго ать мяне ушли?“ — А яны гаворють: — „Зачимъ жа ты давіу дятёй: намъ ба було дѣла плоха“ — Абиимають ихъ нощъ, іонъ и гаворить: — „Ну, куда мы тѣперъ пайдемъ: вить нощъ на дварѣ? — Пайдемъ куды-нибудъ, папросимся на начъ!“ — Вотъ яны ишли, ишли, — приходють у лѣсъ. Стануть тамъ хатка. Вотъ яны приходють ў туу хатку; тамъ сидятъ три дѣвушкы. Вотъ яны и гаворють, увайшоуши ў хатку: — Здрастуйтя, вумницы!“ — А аны атвичають: — „Здрастуйтя, гаспада кавалеры!“ — Пазвольтя намъ у васъ пириначувать!“ — „Можна, гаспада кавалеры! только у насъ іостъ матушка злая: ина называютьца Баба-Ига-Кастинная Ныга. Ина на ступи ѣздитъ, таўбачомъ пагнянять, пумяломъ слѣдъ замитають. Какъ ина дамой придетъ, то ина васъ паѣсть!“ — Ну, што жъ дѣлать? — Намъ, пашоуши ў міръ, идѣ-нибудъ умирать: — а мы ужъ за-начуимъ, да падѣзимъ хуть падъ печку!“ — Вотъ яны и за-начували, да падѣзли падъ печку. — Вотъ идеть ихъ matka, Баба-Ига-Кастинная Нага, у ступи ѣдитъ, таўбачомъ пагнянять, пумяломъ слѣдъ замитають. — Какъ увыйшла ў хату, гарпъ, сарпъ: — „Што ета тутъ у насъ косъ-Русъ пахнить?“ — А яны атвичали ей: — „Маминька, ты па Руси ѣздила, Руси набра-лась!“ — Нѣтъ, вы мнѣ ета ни гаварята, а штобъ большій братъ мнѣ сжаринъ быу! — А сама на заўтри уѣхала ипать. Вотъ яны затапили печку и гаворють: — „Большій братъ, выли-зай вонъ!“ — Вотъ іонъ и гаворить: — „Братъ дуракъ, лѣзь ты,

послунай мяне!“—Вотъ іонъ вылизайтъ, а яны палажили лупату на загнеть и гаворють:—„Садись, я тебе пракачу!“—А іонъ и гаворить:—Я ня ўмѣю: ну-ка перва ты!—Вотъ ина шлѣпъ, и сѣла на лупату, а іонъ коўсь яе у печку: ина тамъ и сжарилась.—Вотъ идеть Баба-Ига-Кастинная Нага, вытащи-ла яе съ печи и давай ѣсть, сѣбла, ипять пашла и приказала:—„Штобъ сярэдній братъ сжаринъ быў!—А идѣ жъ эта мая большія дачушка?“—А яны атвичали ей:—„А пашла гулять.“—Вотъ ина и пабѣхала ипять. Вотъ яны ипять затапили печку и гукають:—„Ну, сярэдній братъ, вылизай вонъ!“—А сярэдній братъ просить дурака:—„Братъ-дуракъ, вылизай вонъ: ты ужъ знаишъ, што дѣлать!“—Вотъ іонъ вылизайтъ, а ина и гаворить:—„Ну-ка, сярэдній братъ, садись на лупату: я тебе пракаўзну!“—А іонъ и гаворить:—„Я ня ўмѣю: ну-ка ты перва!“—Вотъ ина—шлѣпъ, и сѣла на лупату, а іонъ коўзь яе ў печку: ина тамъ и сжарилась; а самъ ипять залѣзь падъ печку. Вотъ и ѣдитъ Баба-Ига-Кастинная Нага, пріѣхала, вынила яе съ печи и зѣбла. Патомъ и гаворить: „Идѣ жъ мнѣ сярэднія дачушка?“,—А меншая атвичала:—„Пашли абѣя гулять!“,—А ина гаворить:—„Ну, штобъ меншій братъ сжаринъ быў!“—А сама пабѣхала. Вотъ ина затапила печку и гаворить:—„Ну, меншій братъ, вылизай вонъ!“—Вотъ іонъ вылизъ, —ина и гаворить:—„ну, садись на лупату: я тебе пракаўзну!“—А іонъ гаворить:—„Я ня ўмѣю: перва ты сядь!“—Вотъ ина шлѣпъ, и сѣла, а іонъ яе коўзь у печку: ина тамъ и сжарилась. Патомъ и гаворить: „Ну, братцы, вылизайта вонъ!“—Вотъ яны вылизали, да какъ пабѣгли утیکать. А Баба-Ига, какъ застучѣла, какъ заgrimѣла за ими ў-дагонь; а дуракъ астаўся, да какъ ухватиў табашникъ, да какъ ударить яе па галавѣ, ина тамъ и сунулась. Іонъ узяў: на адну нагу стаў, а за другую разарваў; патомъ и кричить на братоў:—„Падаждита: а то я васъ убью!“—Вотъ яны уздумали пра яго дурацкія мысли, оставились, а іонъ насеть къ имъ ету Баба-Ягу-Кастяную Нагу, ступу, таўкачъ и пумяло и гаворить на ихъ:—„Пумагита нѣ эта несъ!“—Вотъ яны насли, насли, принесли къ лѣсу и гаворють:—„Ну, идѣ будимъ начувать?“—А дуракъ и гаворить:—„А вазьмемъ, да узлѣзимъ на елку.“—Вотъ яны ўзлѣзли на ёлку, пумастили сабѣ каравать и лягли спать.—Вотъ

туда ѣхали извозники и заначували падъ етыю ѡлкуй. Вотъ одинъ изъ братоу и гаворить:— „Я хачу пумачица.“—А дуракъ и гаворить:— „Мачись у катѣлъ.“—Вотъ іонъ и давай мачитца ў катѣлъ, а извозники и гаворють:— „Ета раса идеть!“—А другой гаворить:— „Я хачу мараца!“—А дуракъ и гаворить:— „Марайся ў катѣлъ!“—Вотъ іонъ и давай мараца ў катѣлъ, а извозники гаворють:— „Ета шишки литять.“—Патомъ дуракъ якъ бросеть къ нимъ Бабу-Ягу, ступу, таўкачъ и пумало: извозники якъ пубижали ўси ўрозъ, а яны злѣзли зъ ѡлки, да за ими ўдагоню.—Нашли аднаго ў кустахъ, ўзяли, яму языкъ атрѣзали. Вотъ іонъ и залапатау разными языками, а дуракъ и гаворить:— „Во, я научіу чилавѣка разнымъ языкамъ!“—И гаворить на братію:— „Научити-ка вы мяне гаворить разными языками?“—А яны яму атвичали:— „Мы жъ не умѣимъ!“—Вотъ іонъ узяў и забіу ихъ обоихъ, а самъ пашоу дамой; стау жить, да паживать.

Издаўна ў свѣти рѣчь вядетца,
Што глушму ўсѣ даетца.

№ 17.

Деревня Бердѣяки Ельнинскаго уѣзда.

Ибъ Игри Игравичи, якъ іонъ сабѣ жонку дабываў ажно изъ Царь-града, якъ іонъ жа съ падземнаго царства царёу ать 12 галовыга змѣя свабадіу.

Какъ у нѣкаторымъ царстви, иминна въ нашимъ гусударстви быу царь Игра, и быда ў яво три сына: первый сынъ быу Иванъ Игровичъ, утарой сынъ Адыксѣй Игровичъ, третій сынъ Игра Игровичъ. Рана пу вутру призывау іонъ Ивана Игровича:— „Сынъ мой любимый, Иванъ Игровичъ, какъ видіу я сонъ свой діуныи, такъ хачу я прасить васъ правѣдать у царстви, што дѣйтца и што праводитца“—Магу, атець милый, магу узнать, што ў царстви дѣйтца и магу вамъ дать атвѣтъ. Іонъ пашоу на ставы — канюшни выбирать на сябѣ лошады, выбрау, сѣу и паѣхау. Пріизжаить къ дареўни: у дареўни стаить пуня на пали; іонъ выбраўся у салому и праспау у весь день и ночь. Рана пу вутру явіўся къ атцу сваяму:— „Атець мой

милий, паѣхаў я у царства и увидаў я страху многа, вара-
ратіўся назадъ.“ Іонъ и гаворить:— „Аляксѣй мой милый, снѣ
мой любимый, какъ ба намъ можна бы у царства атвѣдать.
Ежили ты у царствіи атвѣдаишъ, што дѣйтца, то полцарства
табѣ атпишу.“ — Іонъ и гаворить:— „Батюшка, усё можна, и усё
атвѣдаю, и праўду усю вамъ скажу.“ — Вынизжантъ іонъ у сваё
царства, увидаў многа дѣвчынъ и малодикъ, прабыў іонъ сутки
съ ими, прагуляў. Варатіўся у свой домъ къ атцу и гаворить:—
Батюшка мой, у полцарства ни даѣхаў: лошадь моя захрамала,
самъ сдѣлаўся низдароу: забалѣла моя галава, и варатіўся я
дамой.“ — Іонъ гаворить:— „Пѣ свиту ты ни нажаў, людей ты
ни видаў, атъ вѣтру у тебе забалѣла галава,—ляжъ и спи!..“
Выходитъ Игра на крыльцо и кличить:— „Игра Игрывичъ!..“ —
Игра Игрывичъ съ палатушени выступантъ, кармазыничку си-
мантъ: — „Абъ чомъ, гасударъ-батюшка, требунтъ?“ — Вѣтъ я
требую, штоба ты во царствіи атвѣдаў бы, то я табѣ усё
царства паступлю!.. — „Атець мой, если мае братья Иванъ
и Аляксѣй ни магли атвѣдать, но я ища малалѣтнѣ; што
Богъ мнѣ пашлетъ!.. Благаславита, атець мой рѣдний! па-
пробаю!“ — И пашоў на ставы - канюшни выбирать па слабъ
лошадь. Іонъ выбираў: на каторую лошадь руку ни нало-
жить, на калѣни упадеть, а иная саўсимъ прападетъ—ни вѣ-
трывать. Іонъ заплакаў и пашоў, узяў съ сабою тасьменную
уздечку и чиркаськыя сядѣльца, и стричантца зъ нѣмъ чла-
вѣкъ:— „Ты куда идешь, Игра Игрывичъ?“ — А ты хто? — „Я
панъ панскій, а сынъ дварянской, а на милости гасподскій—самъ
ваяводскій.“ — А што, милый мой члавѣкъ, ни видаў ли ты
нашива конюха, Ивана Ивашку, сѣрую сѣрмяжку? — „А на што
іонъ вамъ?—Тамъ іонъ съ табуномъ у поли.—А ни савѣтываў
ба я табѣ, Игра Игрывичъ, яво искать: у яво самыя пага-
ныя лошади, лядашія. А я пакажу вамъ, куда ідти. Вотъ падъ
Балканьскыю гарою іостъ ракинтивый кустъ, падъ тымъ кустымъ
кряница, то ты съ отымъ варатись назадъ, вазьми атцоўську
булаўку, штоба атець ни видаў; ала ни валикны: сѣднѣнъ
пудоу. Самыми паўднаныи лошадь будить бѣчь у кряницу; какъ
иная падеть на калѣнкахъ у кряницы, то ты же бей нѣзъ вунъ,
якъ твая сила,—хватай же за гриву и набрытывай же тисмен-
ную уздечку, накладывай на же черкасскыя сядѣльца, скажи на
же:—Тпру, Гремил! служи мнѣ, якъ твоя сила!“ — Игра Игры-

вичъ, какъ яму савѣтывали, такъ іонъ и сдѣлау: схватиу лошадь за гриву, забратау яе тысячную вуздечку, и палажіу чираскыя сядѣльца, и сказау на яе:—Ты, моя лошадь мила, служи миѣ, какъ твоя сила!“—Ударіу яе больна.—„Ахъ, Игра Игрывичъ, ты больна бѣдѣть!..“—Но ты, песься мяса, балыѣи мене убил!..—„Ну, садись на мене лягенька, держиси крепенька, а паганяи ни жалѣи!“—Іонъ и паѣхау у тридыватя царства, у тридисатя гусударства, за темныя ласы, за широкія горы. Тамъ станть домъ, агроинный домъ, каминный, трехатажний, только ў томъ доми ни двери, ни вакошка.—„Охъ, домъ, ты, домъ, стань, стань, пририварнись, ка миѣ двирями атварись!..“—Стау, пририварнуѣся, двирями яму атваріѣся; уходитъ у домъ, и сидитъ тамъ дѣвица на креслахъ и кауры вышиванть, такъ сильна прикрасна: видить яе ни видать, ни ѣказани ни сказать, ни пяромъ написать,—такъ ина красива.—„Здрастуй, дѣвица!..“ Здрастуй, Игра Игрывичъ! куда ѣдишь, куда путь держишь?—„Я ѣду ў Царь-Градъ, царь-дѣуки пувидать, живѣи вадн и мѣртвѣи дастать.“—Ну, када дастанишь, сваякъ намъ будишь!.. Только астауляйтъ вы сваю лошадь у мене, а вазьмитъ маю!—Іонъ сѣу и паѣхау ў тридыватя царства, ў тридисатя гусударства. Вотъ станть домъ трінтажний, ни вакошникъ, ни двирей.—„Ахъ, домъ, ты, домъ, стань, пририварнись, ка миѣ двирями атварись!“—Стау, пририварнуѣся, яму двирями атваріѣся. Уходитъ іонъ у домъ; сидитъ тамъ дѣвица, крашій красива соушника, яснѣи яснѣи мѣсица.—„Здрастуй, царѣуна!“—Здрастуй, Игра Игрывичъ!—Куда ѣдишь, куда путь держишь?—„Ни царскыя ваша честь, што ни даея миѣ ѣсть,—вы напоитъ, навармита,—тагда у мене разпрасита!“—Ина яво напанла, накарьмила и ѣсѣ ў яго распрасила:—Куда ѣдишь, куда путь держишь?—„Ѣду ў Царь-Горндъ, царь-дѣуки пувидать, живѣи вадн и мѣртвѣи дастать!“—Ну, када дастанишь, сваякъ намъ будишь; только вы вазьмитъ лошадь маю, а сваю астаутъ у мене!—Только какъ падѣдѣитъ къ Царь-Граду (тамъ стина трінтажная, каминная, а на третинѣи атажѣи тамъ натянута струна), то ты ни кидайся скакать черизъ трінтажную стяну, а будитъ приѣта: три галауни будутъ кѣреть; то ты какъ усматришь, што двѣ пагаснутъ, а адна будетъ кѣреть,—тагда скачъ чиризъ стяну. Какъ приважишь лошадь, пририварниши за стяной, у Царь-Гради, будутъ два ка-

лодися раскрытыя.—То ты купи два пузырька раўня. Ты такъ вады ни вузнайшъ, каторая живая, каторая мертвая, а будить хадить птица воранъ, то ты разарви яво на два, пумаки воби палавинки у калодисъ: када мертвая, сживить яго, а живая—атживить.“—Вотъ іонъ ува адинъ калодисъ яво (ворана) пумакнуў, то сживіўся; а у другой калодисъ пумакнуў, вырваўся и улятѣў. Вотъ іонъ мертвую ваду падвизаў падъ лѣвую паху, а живую падъ правую. Ета было у второмъ часу дня, када ў Царь-Гради цареўна атдыхала. Уходить іонъ у домъ; ана спить на канапен. Какъ іостъ чистыя зерныла: видна, какъ изъ кости у костку мозгъ приливають. Какъ увидаў яе красату, какъ разгарѣўся маладецъ, раскрнѣ яе и сдѣлаў съ ея сжажденія съ сонныю,—только вынуў іонъ карандашъ и паписаў на яе бѣлыхъ грудяхъ:—„Выў чужаземиць, квась піў, а дежен и накрнѣ.“—Выходитъ іонъ изъ палатъ къ сваей лошади; стаў на яе садитца,—лошадь упала на калѣни и гаворить:—„Игра Игравичъ, ты вочинъ тяжолъ! мійся ты ў етыхъ калодисяхъ—ни магу табе везть: ты вочинъ тяжолъ!..“ Іонъ какъ ня мнѣся, а стаў садитца, — апятъ ана упала на калѣнку:—„Мійся ящо; а то ты вочинъ тяжолъ!..“ Іонъ патуда мнѣся, пакуда съ яво патигла кроў-руда. Стаў садитца на лашадъ, ана и гаворить:—„Ну, пѣтижилъ, да дѣлать нечива.“ Ана какъ бросилась чиризъ каминную стяну, то сваею ногою зачепила струны. Сдѣлалась тривога на ўсемъ Царь-Граду и разбудила дѣўку. Глянула дѣўка на свае бѣлыя груди и гаворить:—„Ахъ, ты, нявѣжа: квась піў, да дежку ни накрнѣ! я табе даганд и агнемъ табе сажгу!“—Іонъ прилитаить къ етому самому дому, гдѣ сваю лошадъ аставиў. Ета цареўна яму лошадъ выводитъ, а сваю принимаить. Царь-дѣўка увила щитъ огниный, за двинадцять верстъ агнемъ пакеть.—„Што, систра, ти ни прайзжаў чужаземиць?—Нѣтъ, сястрица, ни видала.—„Атчаво твня лошадъ потна?“—А сичасъ пакупала, ярый пшаницы задавала,—аттаво и потна.—А Игра Игравичъ прилитаить къ таму двару, идѣ яво истинная лошадъ стяла. Ета цареўна яво лошадъ выводитъ, а сваю принимаить:—Ухади, милый чилавѣкъ! сваякъ намъ будишъ!“—Услѣдъ систра прилитаить, на шѣту пламенинымъ агнемъ палить за двинадцять верстъ ўпередъ:—„А што, систра, ти ни прайзжаў чужаземиць?“—Нѣтъ, сястрица, ни видала!—„Атчаво лошадъ твая потна?“—Сичасъ купала, ярый

пшаницы задавала, аттаво и потна.—Ана и гаворить:—„У васъ, вѣрна, заговоръ съ тою сястрою! даганю нивѣжу и агнемъ сажгу!“—А ета царевна яму сказала:—Если будить тебе даганять систра и будить агнемъ печь у плечи, то палатеннымъ етымъ махны упередъ! — И дала яму палатенца. Іонъ махнуъ палатеннымъ, и аткрылся моря да самого царя Игра. А ана, даѣхауши да моря, махнула палатеннымъ—сдѣлауся мость ать Царь-Града да царя Игра: залатая масница и сребриная. Іонъ даскакау по мосту, какъ самый ясный соколъ, а ей нильзя ѣхать: патаму квасъ пить и ня мылась ана. Скора ета кажитца, а пѣскара дѣлантца. Какъ уѣхала ана у Царь-Горыдъ и радила пару сгноу: адинъ сынъ Липарда, а другой Цымбалда. А Игра Игровичъ пріѣхау у сваѣ царства, у заповѣдныя луга, разнуздау сваю лошадь и апустиу павада, а самъ съ атваги легъ падъ зялѣный падъ кустокъ.—„Таперь я буду спать: никакво я ни баюсъ, патаму што пришоу на сваю старану.“—Какъ успауся іонъ багатырскимъ сномъ; а тую пору прахадили яво братья Иванъ и Аляксѣй, нашли яво сонныва и гаворють:—„Какой ета чилавѣкъ, што мы яго ни пазнаимъ, и какой чужаземницъ, или багатырь Чалубей наѣхау на наша царства?“—Аляксѣй и гаворить:—„Ахъ, братъ, ета ни багатырь Чалубей!..“—Какъ, братъ?—„А такъ, братъ: ета, вѣрна, нашъ Игра Игровичъ!—Іонъ атцоускія выязды выяздїу и выходы выхадїу: вѣрна, яму царственнымъ владѣть!“—Ну, што, братъ, будимъ съ нимъ дѣлать?—„А вошто: ета атцоускны булаўка,—вазьмень и убѣемъ яво ея!..“ Аляксѣй гаворить Ивану:—„Зачимъ намъ праливать атцоускую кроу?—А луччи—я знаю на тотъ свѣтъ дирку скрозъ зямлю—праकिनимъ яво туда!..“ Узяли яво, привалакли и бросили, и лятѣу іонъ цѣлый годъ. У палавини іонъ прашнууся и гаворить:—„Ахъ ба, да ни такъ,—за што жъ бы такъ?—Хто ета мнѣ сдѣлау!..“ Прилятѣу іонъ на тотъ свѣтъ, идѣ соўнушка нѣтъ,—только тамъ чадъ да курна. Прилятѣу, стау на ноги. Ляжить тамъ мечъ складанецъ 12 аршинъ царя Чалубея. Узяу іонъ мечъ у руку и пакивау ея.—„Ну, хараша штука, да только троху!..“ Стау прислушиватца и присматриватца. Слышитъ іонъ, што у ва 'дней старанѣ выють и плачуть, а ў другой старанѣ играютъ и скачуть. Такъ іонъ и думау, куда яму идить: или ў тую старану, идѣ играютъ и скачуть, или ў тую, гдѣ выють и плачуть.—Пашоу у тую старану, идѣ выють

и плачуть. А у пазимельнига царя выстрайць калчегъ, и вывизина дочка на сядзёніа Чуду-Юду Биззаканнаму, каторый выидаў гусударства. Заходить у тотъ калчегъ и гаворить:— „Здрастуй, цареўна!..“ Здрастуй, Игра Игрывичъ! Чаго вы ета суда залатѣли? Луччій ба я адна прападала, чимся и вы суда зашли!— Іонъ и гаворить ей:— „При двухъ насъ и смерть будить красна!..— Алена Прикрасныя, какая у васъ тутъ смерть ходить?“— А выходить у насъ Чуда марская, выила усё царскыя калѣна.— „Ну, какъ жа узнать, када іонъ будить зъ моря выходить?“— Тада будить зимлятресенія: іонъ вочинъ грузинъ,— на іомъ 12 галоў.— „Ну, харашо: я палажу троху, а вы мяне узбудитя.“— Патомъ іонъ и гаворить:— „Если вы мне станитя будить, ды ня ўзбудитя, то бейтя камини у паты; если и тады ни паслышу, то распаливайтя кирпичъ и кладитя къ майнъ пятамъ, патаму што я роўна годъ ни спаў: можа, усну параднынига и крѣпкыи сномъ.“— Ну, харашо: лажисъ и спи!.. А іонъ Чулубеву мечъ паставіў у вуглѣ. Сичасъ на ту пору падшлася буря, и стала тресца зимля. Ана (атъ яво любви и атъ крысаты) начала сильна будить. Іонъ заснуў багатырскыи сномъ и ни слыхаў, какъ ина была яво камини у паты и палила кирпичомъ жарка и клала къ падошвамъ, а іонъ усетки ни слыхаў за багатырскыи сномъ. Какъ выходить изъ моря на сухой край Чуда-Юда абъ двинацати галавахъ, такъ ина стала зъ имъ пращатца, и упала яе слиза на яво лицо и спалила яво, какъ агнемъ. Ускачіў іонъ атъ багатырскага сну:— „Ахъ, милая цареўна, чимъ ты такъ спалила лицо мае?“— Нѣтъ, я тябе ничѣмъ ни спалила, а стала пращатца съ табой, и упала мая слиза на твае лицо.— „Што, идеть іонъ?“— Идеть, нидалеча.— Іонъ схватіў Чулубеву мечъ и стаў для двярой на стараніѣ. Какъ идеть іонъ у сирадину, какъ расперъ іонъ калчегъ, такъ цареўна и абамлѣла, а іонъ крикнуў багатырскыи голысыи:— „Што ты, Чуда, самъ идешъ и за сабою выдешъ?“— Іонъ паваратіў свае голывы пасматрѣть, хто за имъ идеть.— Іонъ абаратіўся назадъ пасматрѣть, а Игра Игрывичъ какъ ударить яво мѣччу, сбіў яму далюў уси голывы. Тада узлѣ Чуду-Юду Биззаканнава и укинуў тулувища у моря. Лижавъ каминъ абъ сями тысячяхъ пудоў, узлѣ кончыкыи сапага и падняў, и палажіў голывы падъ яво. Тада паставіў у вуглѣ мечъ и логъ атдахнуть,— патаму: ни даспаў. Какъ атъ сонца стала видна у

царстви (када аны пагубили Чуду-Юду, чадъ наў на землю), царъ и гаворить:— „Ванька—вадавозъ, запряги-ка ты сваю лошада съ бочкою, панжай ты къ калчегу,—вѣрна, царѣуна пагублина,—привязи вады на кухню!..“ Ванька запретъ лошады и сѣў вярхомъ и дяржитца за дугу, за калцо (важгой ни було) и такъ ѣдить за вагою, и слышеть, што царѣуна паесть пѣсени, а ни плачить. А іонъ думаў заѣхатъ къ ей и ўзятъ плаття на кашпукъ, ажну царѣуна жива. Уходить у калчегъ:— „Здрастуй, царѣуна!..“—Здрастуй, Ванька-вадавозъ!..— „Какъ ты жива асталась?“—Вотъ етнѣ чмлавѣкъ, што снить, атрубіу яму голывы.— „А Чуду идѣ іонъ дѣў?“—А бросіу у моря.— „А голывы идѣ дѣў?“—А вотъ падъ етнѣ большинѣ камнѣ.—Іонъ стаў булудатца кала етнѣ мечи: узяў колъ, ата-двинуў яе атъ вугла и заваліу ету мечъ на Игра Игрынчца, и атрубіу яму голыву прочъ, свизаў яво ноги, прадернуў палку, атвизаў атъ бочкы варѣуку, привизаў за палку и причапіу къ кабыли за гужи, пувалоу яво ў моря и убросіу.—Тада приходить у калчегъ.— „Паслушай, царѣуна! ежили ты ни скажынѣ атцу, што я тябе избавіу, то и тябѣ атрублю голыву и звалаву у моря“.—Ана пирядъ нѣ дала клятвы и зѣла кусокъ зямли:—Скажу атцу, што ты мяне избавіу, а никто!—Тада іонъ яе пасадіу на бочку, ня ліўши вады, а самъ сѣў вярхомъ и падъизжамъ падъ царскія крыльцо. Такъ царъ стаў яму радъ: цалынкъ яво у шоку.— „Што, Ваня, видаў ли ты Чуда, какъ ано асталась живою?“—Я жъ яго убіу и памилываў яе!— „Ну, танерь будь мой самѣй первыи зять!..“—Приказаў строга на ўсяму царству, на три дни, ўсімъ ваеннымъ на три крышки вина кажныи сутки и на хунту гавядины, а ўсей сваей чѣри и мужукамъ пу палштоху вина, и наша штоба была крутая, и такъ три дни. Вагамаленія було три дни, и игры, и музыка.—Царѣуна паздраўляли, а Ваню-вадавоза васхваляли, што харошъ будить царскій зять, миласердинѣ. Стали аны пить-гулять да вечира, а дѣлыть нѣ стала нежива. Другъ на дружку, а ўси на Пятрушку, а Пятрушка бнѣ на мельницы и етыва дѣла ни знаеть, хто царѣуна избавіу. Ета дѣла правялося ни далека, ни близка, а роўна 14 лѣтъ. У падзямельныга царя, у яго царстви, ни пива варить, ни вина курить,—у яго усѣ гатова. Я тамъ бнѣ, дали нѣ палштохъ водки, а на закуску витчинны. Вадавоза Ваньку сдѣлали валикимъ княземъ сани,

заўтри, заўтри большы: чинь па чину. Захатѣў яво царь абруч-
чыть; ана и гаворить:— „Папінька мой, пазвольта мнѣ прагу-
лятца!“—Атець ей пазволіў. Узяла ина съ сабою злата—серибра
чатыры горсти, приходить ана на прыстань.— „Рыбаловы малай-
цы, закіньта вы свой брадникъ, паймайта мнѣ свѣжій рыбка,
а, можа, и ящо што пупадетца!“—Аны якъ затыгнули и выта-
щили на край тѣла Игра Игрывича. Ана и гаворить:— „Рыба-
ловы малайцы, вытыщили вы тулувища, вытащита и голыву!..“
Ана имъ дала по дви горсти золата. Аны вытащили голаву.—
„Таперь вы, рыбаловы, ступайта на сваю работу, а я пупа-
чу па етыму чылавѣку!“—Ана асталась адна. Ина праставила
голыву къ тулувищу, сѣла на іонъ и стала плакать. И ўзду-
мала:— „Етытъ чылавѣкъ ни нашива свѣту,—ти нѣту у яво
какихъ припасну?“—Стала ана яво абмыскавать, нашла падъ гѣ-
выю пахый пупурѣчикъ мертвый вады, — какъ пумачила, такъ
галава прижилася, какъ и была. Падъ правый пахый нашла
пупырекъ живой вады. Ина брызнула, ускачіў іонъ и гаворить:—
„Ахъ, царѣўна, какъ я сильна уснуў!“—Ана и гаворить:— „Еслибъ
ни я, то вѣкъ ба табѣ спатъ у мори!—Я ужу иду замужъ за
Ваньку-вадавоза. Пайдемъ къ папіньки, скажымъ, што ты мяне
избавіў.“—Вотъ и пашли къ царю. Пала ана на калѣни:—
„Папінька, ни Иванъ вадавозъ мяне избавіў атъ Чуды-Юды,
а вотъ етытъ чылавѣкъ.“—А царь гаворить: „Ты таперь ужу
каво-нибудъ луччы найдишь!“—Іонъ и гаворить:— „Ваша цар-
скыя вяличества! Если вы ня вѣрита, то спрасята у Ивана ва-
давоза, идѣ іонъ дѣў Чуду-Юду?“—Ванька князь, идѣ ты дѣў
Чуду-Юду?“—А ў мори.“—Ну, а голывы идѣ?“—А падъ ка-
нимъ.“—Ну, хади, намъ пакажи!—А Ванька гаворить:— „Ва-
ша царскыя вяличества, дайта мнѣ полкъ салдатъ, тада я па-
кажу.“—Іонъ узлѣ полкъ салдатъ и абыйшоў етытъ каминь:—
„Ну, рыбацы, падымай!“—Стали салдаты падымать, ничога ни
надѣлыють. Игра Игрывичъ и гаворить:— „Ну, ти браў іонъ
тада полкъ салдатъ, када клаў ихъ?“—Игра Игрывичъ паддѣў
кончынымъ сапага и падняў каминь. Патомъ схватіў Ваньку ва-
давоза за шиваратъ и убросіў падъ каминь: тамъ іонъ и кон-
чіў сваю жистъ. Гасударъ пригласаў яво жанитца на сваей до-
чири:— „Игра Игрывичъ! Жанись на маея дочири, владѣй на-
имъ царствымъ!“—Нѣтъ, я ни сагласиць жанитца на вашій
дочки, а пакажита мнѣ ходъ на бѣлны свѣтъ.—Царь сагла-

сіуса. Царь даў яму гуляць на цѣлыі мѣсяцъ, пакуль іонъ найдѣть дирку, куда яво вывѣсть. Іонъ узяў са скуки ружье и пашоу на ахоту. Выходить іонъ изъ горыда, стайтъ дубъ, а на тымъ дубу гняздо, и кричатъ тамъ птушныя. Іонъ стау прицѣливатца зъ ружья, а яны стали кричать жалка. Іонъ ихъ узжалѣўся бить. Паднялася вяликая буря, и пайшоу градъ. Узлѣзъ іонъ на етытъ дубъ, сдѣў съ сабе паддѣўку и укрыў етыхъ птушникъ. Пирійшла буря, іонъ сняў сваю паддѣўку и пашоу дамой. Царь сабрау усихъ птицъ: варонъ, жиравоу, кулювоу. Патомъ сабрау у сихъ звярѣў: мядвѣдіў, ваўкоу, зайцнў. Патомъ и стау пытать:— „Што, звярѣ, вы рыскайта усюдухъ,— ти ни знантя ли вы на бѣлыі свѣтъ ходу?“—Нѣтъ, ни знаимъ.— Іонъ какъ ускрикнуў на Жаръ-Птицу:— „Што ты, Жаръ-Птица, ти бувала ты на бѣлымъ свѣти, идѣ жаркыя сонца?“—Патомъ и гаворить:— „Вывиди мнѣ Игра Игрывича на тотъ свѣтъ, идѣ жаркыя сонца!..“ Птица и гаворить:— „Я вывиду, тольеа мнѣ нада 12 быкоу жаринныхъ да 12 чаноу пива.“—Гасударь 12 быкоу жарііў и 12 чаноу пива паставіў:— „Ну, ниси яво, а аттуда вазьми расписку атъ царя Игры“. Жаръ-Птица и гаворить:— „Ну, смотри, Игра Игрывичъ: вада я буду глядѣть назадъ, то ты кидай мнѣ часть гавядины и чанъ пива.“—Што ана назадъ ни глядѣла, то іонъ кидау ей па части гавядины и па чану пива. Патуда ей кидау, пакуда усе павыкидау: 12 быкоу и 12 чаноу пива, а на бѣлыі свѣтъ усѣтки ня выихау. Пасматрѣла ана разъ, пасматрѣла ана два; третій разъ какъ глянула, то іонъ атъ лѣвыи наги атрѣзау икру и бросіў ей. Ящо ана глянула назадъ, а ужъ свѣтъ бѣлыі видинъ. Іонъ съ-падъ правнй наги икру вырizaу и бросіў ей у горла. Вынисла яво на бѣлыі свѣтъ и гаворить:— „Лѣзъ далюу съ крылья!..“ Іонъ злѣзъ и ни ступить на наги. Она и гаворить:— „Што ты, Игра Игравичъ, ни станишъ на ноги? Што ты мнѣ на послѣдній разъ давау?“— Іонъ пабаяўся сказать, што ана яво зѣѣсть.— „Скажи, а то зѣѣтъ!“—Якъ сказау, птица знову палатѣла. Слитала на тотъ свѣтъ, принесла аттѣль живой и мертвай вады и атживила нагу Игры Игравичу. Пѣтамъ, усѣ здѣлаўши, ана и гаворить:— „Напиши мнѣ расписку, што я тябе на бѣлыі свѣтъ благопалушна даставила!“—Іонъ написау; ана и палатѣла назадъ. Іонъ какъ крикнуу багатырскимъ голысимъ:— „Охъ ты, лошадъ мая мила! Идѣ бѣ ты ни была, а суда прибыла!..“ Лошадъ бягить,

ажъ змѣля дражить: — „Ахъ, ты, милый мой наѣздникъ Игра Игрывичъ! — Увесь свѣтъ я выбигаю—насилу тебе нашоу!“ — Іонъ сѣу на яе и гаворить: — „Што у нашимъ горды дѣйтца? — А што дѣйтца? царь-дѣука усѣ царства знищилъ: усѣ тебе данскивайтца! — Іонъ прѣхаю двору, атець яму быу вочинъ радъ. Паслыхала царь-дѣука, што іонъ прѣхаю, пишеть: — „Ты, царь Игра! падай майво милыга!“ — Игра Игрывичъ и гаворить на Ивана: — „Сынъ мой, сѣзди ты къ царь-дѣуки: ти ня ты яе милый?“ — Іонъ сѣу на лапашъ и палатѣу черизъ мостъ къ царь-дѣуки. Падъизжають іонъ къ горыду, увидили яво царь-дѣуки дѣти и гаворють: — „Маминька, ти ни нашъ ета татинька ѣдять?“ — Какой ета вашъ татка? Ета диявѣнская варона ѣдять! — Ана яму пабила щоки и дала яму расписку: — „Штоба быу мой милый, а то усѣ царства выжгу!“ — Іонъ прѣзжають и гаворить: — „Ну, батюшка, убирайтися у куль да у воду: разарить царѣуна наша царства!“ Царь и гаворить Аляксѣю Игрывичу: — „Сынъ мой, сѣзди ты къ царь-дѣуки: ти ня ты яе милый?“ — Іонъ паѣхаю; ну ина и яму пабила щоки и дала расписку: — „Штоба быу мой милый: а то усѣ царства выжгу!“ — Тада и гаворить царь на Игра Игрывича: — „Ну, сынъ мой, сѣзди ти: ти ня ты яе милый!“ — Сѣу на сваю лошадъ багатырскую и лятѣу по масту: съ падъ ногъ жаръ гримѣу, якъ громъ, якъ молыдня катіуся. Версть за 100 паслышали дѣти, што громъ гримить. Вотъ падъизжають іонъ къ крыльцу, дѣти и гаворють: — „Маминька, ти ни татинька нашъ ѣдять?“ — Ина схватала ихъ на руки и гаворить: — „Ахъ, ты, Игра Игрывичъ, ссушіу ты маѣ сердца!“ — А іонъ ударіу ей у морду и гаворить: — „Ты, дѣвушка, б..дь, ты пади-ка у домъ сядъ, да дай папить, паѣсть!“ — Іонъ узяу царь-дѣуку, якъ пашли по масту, дыкъ и мостъ гнуѣся; а дѣти ишли, дыкъ и мостъ дунаѣся. Пришли къ атцу, пиравинчались, сдѣлали свадьбу. Пасѣіу батка аўса, и сказка мая ўся.

Отъ старика Василя Михайлова.

№ 18.

Якъ купецъ атыснаў прапа́длага сына на вострыви; якъ сынъ яго Ирыду падысаўся, абъизнаў Ирыдскыга ваўшебныга жирыбца.

Купеческыму сыну голыву атрубилі; яго ажіўляіць, при помашці тёткі Ирыдыва дачкы. Хитрацамі купеческій сынъ женіцца на Ирадавай дачкы (значала приваражініць ей балы́сть, а потымъ лѣчыць яе атъ рагоў ваўшебнымъ яблычкымъ, што дала яму каудунья). Алишіу сваю жонку відывавства: изъ яе кожи вылѣзають лягушкі, мыши. На ваўшебныхъ крылыныхъ мужъ съ жаною къ купцу літаць.

Жіў купецъ багатый, и быў у яго адінъ сынъ жинатый. Паѣхали яны са'тцомъ у чужоя землі за разными таварами. Накупіли тамъ таварыў цѣлы́й карабъ; сынъ атпраўляіцца зъ етымъ караблемъ дамою, а купецъ атстаётца тамъ. Ти многа, ти мала ѣхаў іонъ па морю, паднілася вальня и патапила карабъ: уся патанули, а купецкій сынъ приплыў на вострыў. Жіў іонъ на вострыви три гады. Пріізваіць яго атець дамою: сына нѣту дома. Іонъ у розыскі пріѣхаў къ морю, наняў легкія шлюпки. Ёхали 6 мѣсцыў и 6 дней; становіцца вѣтрь, паднімантца вальня. Гаворють найшчыкі:— „Гаспадинъ-купецъ, пристанімъ къ етому вострыву.“—Астановілись и просюцца у хазяина:— „Пустыя абагрѣтца!“—У етыга у хазяина быў ва хватори купецкій сынъ, и ни пазнають яны адінъ аднаго: ни батька, ни сынъ. Купецъ гаворить на хазяина:— „Вратъ хазяинъ, ти нѣту у тябе чылавѣка такога, штоба іонъ мнѣ казычку сказаў?“—А іось.— „Якъ ба яго прызвать изъ тѣй камнаты у ету?“—Выходитъ купецкій сынъ и гаворить:— „Да, я казычку магу сказать. У нѣкаторымъ горды, жіў купецъ и съ сынымъ. Якъ паѣхали яны у чужоя землі за разными таварами. Накупіли тамъ тавару на цѣлы́й карабъ. Купіў купецъ судно и грузіть етый таваръ, и атпраўляіцца купецкій сынъ дамою зъ етими таварами.“—Купецъ думаіць:— „Ну, ета ни казка, а истинныя праўда.“—Многа или мала яны праѣхали, узнялись сильныя вѣтры: карабъ разбіўся и патануў, а купецкій сынъ адінъ ни патануў и приплыў на вострыў.“—Купецъ

думаять:— „Ти ня мой то быў сынъ?“— И давай яго пытать:— „Якога ты роду и племя?“— Купецкій сынъ кажить:— „Я съ такога-то горыду, такога-то роду, такей-то хамилиі...“— Купецъ етый сильно узрадываўся, слезна заплакаў: — „Сынъ тн мой любезный, я тотъ купецъ, што атпраўляў сына: ужу третій годъ нѣту абъ ёмъ вѣсти!..“ Сынъ стаў на правыя калѣна и пацалуваў атца.— „Сынъ мой, ни затуживайся, што нѣскалька тысячъ прапала, а слава Богу, што ты жиў!— Будинь жить, паѣдимъ дамой?“— Съли яны на легкія шлёпки и паѣхали дамой. Вышли на сухапутьтя, наняли лошадь и ѣдутъ къ дому: ни многа, ни мала имъ да дому,— верстъ 50. Іўлянтца къ нимъ на талѣгу члавѣкъ, бутца знакомый.— „Я быў у вашнмъ домѣ: у васъ большой нищастя. А я вашиму нищастю пумагу.— Што вы мнѣ за ета дастѣ?“— (А ета быў чортъ).— Ну, штожъ табѣ за ета дате?— „Ну, дайте мнѣ то, што вы у дварѣ ни знатя.“— Думали яны, думали: усе у дварѣ знаютъ.— „Ну, няхай табѣ, чаго мы ни знамъ.“— Ну, расписитись кроўю.— Разрѣзали яны мизениць, расписались и паѣхали. А купецкага сына жана радила сына. Пріѣхали яны дамой, три дни пражили и уздумали:— „Да, во штѣ мы акыянному атдали...“ Малюбка тая расла ни па чисахъ, а па минутахъ, а трехъ гадоў стаў сабѣ каня сидлатъ. Паѣхали яны съ атцомъ вврѣхали прагуливатца. Ватка етый ѣдитъ пѣличъ зъ имъ и усѣ уздыхають. Сынъ у яго спрашіть:— „Ибъ чѣмъ, батюшка, тужишь и уздыхаешь?“— Атець яму ничога ни сказаў, только сказаў:— „Такъ, сынъ, задумаўся абъ сваймъ здароўи.“— А сынъ ета самъ знаить упаредъ, куда яго атписали. Скоря казка кажитца, ды ня скоря дѣйтца. Приходить етый гамынь, зъ распискю, за етымъ сыннмъ; а сынъ сильный багатырь. Просить іонъ гамыня:— „Дайте вы мнѣ сроку на 6 дней пупрашатца зъ радными разными.“— Даў яму гамынь сроку на 6 сутнхъ. Іонъ быў 6 сутнхъ у кузни. Скуваў сабѣ три пруты залѣзныхъ на 3 пуды; скуваў цѣпь залѣзную у 9 пудоў. Прайшло 6 сутнхъ, гамынь ипать пришоў за имъ.— „Ну“, гаворить купецкій сынъ: пагади! саўснмъ справіўся, только надметки надъ сапаги ни палажѣ: нада надеўвать сапаги.“— Абкуваў іонъ сапаги: по три пуды жодный сапогъ. Распращаўся іонъ зъ родными и пашоў, куды яму слѣдуютъ. Ишоў ня столько дорогю, што лисами, да балотами, вышіў на край: стаить домъ

зятівний, а крыша чугунная. Приходить къ хароминь, надау письмо. Тамъ письмо прачитали:— „Ну, купецкій сынъ, давао тебе тутъ дажидали. Ну, падѣшъ, атыхни, а у 11 часовъ будить табѣ служба.—Када тую службу саслужишъ, то будить табѣ награда.“—И іонъ быу такой красивый, што Ирмыза дичка улюбувались у яго и сажатѣла: ина абъ ѡмъ: ина знала, што будить яму. Іонъ легъ на кухню адинъ и задумаўся. Приходить чортава дачка.— „Што, купцоу сынъ, спишъ, ай такъ ляжишъ?“—А што, украсивая дѣвушка, ня сплю, а такъ ляжѹ: думу думаю.— „А ня думай: вутра мудрайтѣй вечира. Табѣ дадутъ жирибца абъязжать, то ни жирибець будить, а нашъ батька. Но ты яго ня бойся, а када іось у тебе ланцугъ, силляй яму на шю и садись.“—Ды ета-то у мяне іось.—У самню полимчъ вядутъ у канюшню купецкага сына. Тамъ чугунныя двери, зятівныя завалки. Іонъ якъ пришоу, двери еты якъ туухануу: еты двери на аскретки палумались; зятівныя завалы на калѣни палумау. Уходитъ у канюшню: стаить жирибець—изъ рота агонь пынить, изъ падъ хваста дымъ трубой, и нильзя къ яму падступитца—капытами засквизать. Іонъ на ета ни пасматрѣу: вынимаць пруть зятівный, якъ пднись таго жирибца пушить прями пд гнлмви; накинуу на яго ланцугъ зятівный,—накинуу, аббрытау яго; патуль яго біу зятівнымъ прутымъ, пакуль изъ 3 аршинъ асталась адна четверть. Іонъ еты атстатки яму заторнуу за задню правую нагу, за шкуру. Пау етнй жирибець на калѣни; тады іонъ на яго вярхомъ сѣу; какъ вярхомъ сѣу, новнй пруть узяу и выихау на поля. Жирибець етнй якъ узвіўся вышій лѣсу стаячага, выши 'болыка хадячага, а купецкій сынъ бьетъ ды бьетъ яго прутымъ—пруть дабиваиць—и жирибець ужу лятить паннжій: ужу купецкій сынъ на лѣсу сапагами чиркатиць. Бареть іонъ паслѣднй пруть, а канецъ атстальнаго прута жирибцу заторнуу за лѣвую нагу. Жирибець ужу на землю спустиўся, за нѣскалька тысячъ верстъ атъ тога дому. Ня можить жирибець везть купецкага сына, пристау. Іонъ, палажѹши на плячо ланцугъ, ня стольки етыга жирибца вѣу, сколько нѣсь. Привалокши яго къ дому, кричить:— „Дайтя вядро вады пуцанть жирибца: абъязсилѹ, — ни ўваду у канюшню!“ Насутъ слуги вядро халоднй вады, дали жирибцу напить: іонъ троху пувисялѣу. Увѣу у канюшню, приказау служащимъ, штоба прибрать жирибца, дать яму и корму и штоба давали, што іонъ

патребують. А етыта юнаша, купецкага сына, пустили атдыхнуць на трай судныкъ. Якъ іонъ багатырь, праспаў адны сутки—и ни шавальнуўся.—Къ етому жирябцу три разы пахадила дочъ, а іонъ быў замкнуць за троя дварей и ня могъ яе услиняць. На другея сутки пасылаюць купецкому сыну Ирадава дачка съ тымн, што насили яму ёсьць, письмо; у етымъ письмѣ написана:—„У другімъ царстві іось багатырь, у тога багатыря іось дочъ;—какъ ба етый купецкій сынъ паспробуваў зъ имъ пагуляць и яго чарства атабратъ.—Ты таперъ ничаво ня бойся: хужи первый службы ня будить. Када ты тоя чарства заваюишь, то я за тебе выйду замужъ.“—Читаў, читаў іонъ и задумаўся. Даў Богъ вутра; іонъ Богу пумаліўся, двери еты патлумаў и пашоў къ багатырю. Ишоў іонъ да тога багатыря ни многа, ни мала—адинъ годъ, а яму паказалісь адинъ день. Стаў съ багатыремъ ваюватца на такей на магучій гарѣ. Вуювались яны 10 дней и 10 начей. И купецкій сынъ-багатырь, ну ища иладъ: ни утраваў 10 дней и 10 начей, ни піўши, ня ёўши, ни спаўши. Замирились на роздыхъ на 3 часа. Зъ другой земли багатырь ни заснуў, а купецкій сынъ заснуў. Увидаў багатырь, што таварышъ яго спить. Іонъ яму узяў и атрубіў галаву и палажіў яе падъ каминь. Ирыдыва дачка пра ета узнала: прилитаць къ тетужки; а тетка яе была за тымъ багатыремъ, што галаву атрубіў купецкаму сыну. Давай прасить яе, штоба ина паранла, якъ скатить каминь зъ галавы. У тетужки було три сына. Засидлали яны коній, а матка у каласки паѣхала на тоя мѣста, идѣ було буйства. Пріѣхали на тоя мѣста: ляжить каминь. Гаворить багатырѣва жана сынама:—„Вотъ, сыны, вашъ батька ваюваўся, дакъ адинъ етый каминь палымаў,—а вы, сыны, хуть ба самѣ третъ падняли!..“—А, матушка, благаслави насъ!—Пробавали, пробавали, разшитали и скатили яго зъ галавы. Ина гаворить:—„Ну, дѣти, пакель дайдети да пары, ни выказывайта сами сябе: а то вы ища илады.“—Сыны ета ни знали, што падъ каминимъ галава, а матка имъ ни сказала, штоба яны ни пириказали батьки. Пріѣхали дамой, а у ихъ у доми плямѣнница. Тетка пытаць:—„На што ты яго такъ жалѣишь, па какой судьбѣ?“—А за то я яго такъ люблю, што хачу жанитца зъ имъ. Приходитъ къ етымъ галавѣ, аткапала яе и прилажила къ тулувишу. Дунула ина нѣскалькя разоў: прижилась галава, и стаў купечискій сынъ дѣхатъ. Чи-

ризь 3-я сутнѣ саўсина атживіўся. То бнў здароў, а то удвай
силы прибавилсь. А іонъ тога ни знаў, што яму, купецку сы-
ну, багатырь галаву атрубіў. Іонъ забыў, куды яму идить: ти
у тэй бокъ, идѣ Ирѣдъ, ти у тэй, идѣ багатырь. Идить дн
идить, падходить къ гамыныву царству, позна вечира пирай-
шоў рагатеку, видить: стантъ изобчыка плахая. Іонъ пашоў у яе
праситца на нычъ. Заходить у изобку, сядить тамъ старинькая,
старинькая старушка.— „А што, старушка, ти ня можна у тя-
бе атдыхнуть?“— „Можна.— Іонъ лёгъ и думанть.— Старуха га-
ворить:— „Э, маладэй юнышъ, абъ чомъ думаншь?“— „Ахъ, ста-
рушка! Якъ вамъ сказать?“— думаю, идѣ мае рѣдныя.— „Иди у
такую-то и ў такую роцу заўтри. Іостъ тамъ разныя дирива и
12 яблынь. На тыхъ яблыняхъ залатѣя яблнчки да сребри-
ныя. Ты сащипни зъ жѣдныи яблыни по 2 яблнчки и приняси
ихъ ка мнѣ, а я атмѣчу табѣ, атъ чаго яблыка кажныя.“—
Дала ина яму три карзинки на яблыки; іонъ и пашоў на заў-
трига. Іонъ ишоў кала рѣчки, и такая тамъ тынь, такая ба-
лота, што нильзя приступитца. Іонъ разсудіў узять двѣ достыч-
ки: адну достычку палажить, прайти, тада другую. Такъ іонъ
балота пирайшоў. Уходитъ у садъ: стантъ 12 яблынь, на жѣд-
ныи па 12 яблыкъ. Іонъ атщипнуў съ жѣдныи яблыки па 2
яблака. Приходитъ на нычъ къ тей старухи.— „Ну, што, лябе-
дикъ, дайшоў?“— „Дайшоў.— „А яблыки принесь?“— „Принесь.—
„Ну, лажись, атдыхни“— „Даў Богъ вутра.— „Ну, што, мо-
лицъ, уставай! На табѣ 3 карзинки!..“ И улажила у жѣдную
карзинку по 3 яблыки, а атстальнѣя пакинула дома.— „Атдай
ты ети яблыки за деньги ли царскаго дому, а тольки прикажи,
штоба яны ихъ да заўтрига ня кушали.“— Падходить іонъ къ
царскому дому и кричить:— „Эй, ти ни нада разныя хрухты?“—
Цареўна паслыхала, што продають яблыки. Ина ихъ купила, а
іонъ приказаў, штоба ихъ заўтри вутрынь зѣбли на ташакъ.
Самъ іонъ пашоў къ старухи начувать. Уси отыхъ яблыкъ ня
ѣли, а цареўна ня вытиршила: ина узила, да и зѣбла вечи-
рышъ, и вырась у яе на галавѣ рогъ; зѣбла другая—и дру-
гей рогъ взырьсь. Тутъ што дѣлать? Дахтароў сичасъ ети роги
зवादить;—ни якъ ня выличуть, а раги ужу вырасли на аршинъ.
Увесь горыдъ скалыхнуўся: адна у царя дачка—и тая зъ ра-
гами. Бабушка гаворить на купецкага сына:— „Уставай-ка, иди
у царскій дворець: тамъ дадутъ табѣ казну нямѣтную и ца-

реўну, а ты ей роги звяди.“—Ахъ, бабушка, да якъ же ихъ звестъ?—„А во, лябедикъ: пирядѣйся, а я тебе памью“.—Памыла ина яго—здѣлаўся іонъ старинькій старичокъ.—„Вазьми яблычки: нихай ина етыхъ два яблычки зѣсть: у яе роги атвалютца.“—Приходить іонъ къ дварцу, а тутъ у жодына пытають:—„Ти ни знанть хто раги атхадить?—Кали хто атходить, таму палавину чарства и цареўну у жонн.“—Вызваўся купецкій сынъ. Сичасъ дагаворъ падписали. Даў іонъ еты яблычки:—„Нихай ина ихъ зѣсть“. Адно яблычка ина зѣла, адный рогъ атваліўся; зѣла другая—и другой атваліўся. Тутъ назаўтрига па ўсімъ цыркванъ звоньтъ; гульбища такае пашли зъ радисти, што у цареўни роги атвалились. Купецкій сынъ ипять къ бабушкѣ пашоў и денигъ ей панесъ.—„Гляди жъ, лябедикъ: ты заўтри пайдешъ у дварець, а цареўна будить няздарова;—дакъ ты вяли, штоба баню жарка виталили и штоба акрамя тебе у бани нхто ня быў: а тольки ты да ина. И ты яе у духу да тыхъ поръ парь, пака у яе изъ-за шкуры пушаўзуть змѣи и мыши.“—Слуги топють, а іонъ ўсё глядитъ, штоба жарка було. Наталили да тыхъ поръ, што стали стѣны ясны. Ну, сичасъ цареўну у баню; іонъ яе у бани галую у катѣль, у варъ. Даў ей зелья, што яму дала бабушка: ина атживились. Тады іонъ яе якъ стаў парить, дакъ у ея изъ-падъ шкуры и змѣи, и лягушки, и вужаки разныя. Іонъ ей тада изъ вуха ў вуха дувуў: то ина была пригожа, а то у три рѣды пупригажѣла; то была малыда, а то у семь рѣдей пумылажѣла. Привозить яе съ бани, а ина такая красивая. Тутъ сичасъ па ўсімъ цыркванъ тризвонъ, а яго ужу царь такъ жалѣить, што луччи и ни нада: слугъ яму, чисавыхъ. Ажаниўся купецкій сынъ, а ўсе ня хочить у ирыдывымъ чарствѣ жить:—„Якъ ба къ атцу, къ матери, у Рассею атсель?“—Жина гаворить:—„Вазьму я у батюшки крылушки зъ магнита: на ихъ можна за нычъ палавину свѣта вылитать.“—Ну, лада!—Пажили яны ти многа, ти мала,—ни наравитца имъ тутъ жить. Жина атъ атца крылушки еты украла. Якъ уляглись уси спать, тольки были на старожѣ адны чисавѣя,—и то ни разгѣдали, какае ета штука зазвизжѣла. Лятѣли яны нѣскалька судныкъ да свайго чарства. Прінзжають къ атцу, къ матери, выкинули тую расписку, што давали начистыму духу. Атець и мать расписку прачитали и абрадывались свайму сыну, и усе чарства сыну и

яго жанѣ приручили, штобъ ина ни тужила на родинѣ. Атсталися жить я бытъ.

Сказка записана отъ старика Евдокима Хатуля.

№ 19.

Абъ смущенники Мильяни, удовымъ сыни, ваўшебнымъ калыцы, ваўшебный алмазки, игуminy Исаули и птицы Камъ.

Мильянъ куплять сабѣ слугу, малодыга мальчика, удовыга сына. Мальчикъ стануѣ у Мильяна ваўшебныя калыцо. Духъ ваўшебныга калыца приносить мальчика за Карпатскіи горы; ну и тамъ яго находить калдунъ и избивають да смерти; таўхануѣ малца у подземная царства, тольки малиць калыцо съ сабою снёсъ. Малиць находить сабѣ алмазку: духъ тѣй алмазки ящѣ сильнѣй, чимъ духъ калыца. Старичекъ изъ алмазки женить вьюнушу на царскій дачкѣ, строить каралу, свайму тѣтю виликалѣнныи палаты. Но видьмакъ Мильянъ дастаетъ алмазку хитращами и приносить яго съ вдовынаго сына жонкы у подземный дворець. Тѣсть хочить казнить зятя, ну у зятя іостъ ящѣ калыцо, каторыя спасаютъ яго атъ гибели. Изъ стаўба іонъ принясся ажю у подземный замкѣ. Када видьмака не была дома, наўчиѣ жонку загубить яго.

У нѣкатарымъ царствѣ, у нѣкатарымъ гасударствѣ, у томъ, у якомъ мы живемъ, вызываўся адинъ Мельянамъ, а іонъ не быѣ Мельянамъ, а быѣ смущенникъ. Етѣй смущенникъ воѣ знакомства съ купцомъ, и толька у етыга смущенника ни было ни кучира, ни лакея, а самъ и за кучира, и за лакея. Вотъ іонъ, быѣши у купца, и гаворить яму: гаспадинъ купецъ, надобенъ ба мнѣ какой-нибудь хлапецъ у кучира и у лакея: ти ни знаишь ты тутъ кога у горади?—Купецъ и гаворить смущеннику:—„У нашимъ горади іостъ бѣдная старуха, у ѣй іостъ сынишка, можна ѣй пагаварить: можить бытъ, ина и сагласитца табѣ атдать яго.“—Разыскали старушку и гаворють ѣй:—„Старушка, вотъ Мельянъ нуждайтца у лакея и кучари. Застаў-ка ты сваяго сына къ яму, а ня то саўсимъ прайдай.“—Ахъ, батюшка мой, а якъ жа мнѣ бизъ сына бытъ? Кто мяне будить вадить по міру?—

Мельянъ съ купцонъ и гаворють ей: „Ты палучишь бальшея за сына деньги—хадить по міру болій ня будишь. Агдай, агдай сына, старуха!..“ Мельянъ даеъ ей, старухѣ, сто рублей, сто рублей на пракармленія, да сыну сто рублей у годъ. Старуха сагласилась и атдаеъ сына Мельяну. Сына старухи звали Валадимирамъ.

Бареть Мельянъ Валадимира, садятца на лашадей, прашаютьца са старухаю и т'правляютца у путь.

Бдутъ Мильянъ съ Валадимирамъ день, другой, третій и болій, и болій. Гдѣ уздумантъ Мельянъ астанавитца и накарमितъ лашадей и паѣсть имъ самимъ,—тамъ на тымъ мѣсти а҃ляютца агроминый преукрасный домъ; у етымъ дома для ихъ и напитки и наѣдки разныя, каиямъ ихъ и сѣна, и іуса; а якъ уѣзжаютъ са двара, домъ тотъ исчизантъ, такъ што нѣтути ни акихъ признаку двара.

Валадимиръ усѣ ета замѣчантъ да и падумывантъ: што-та будить далій? Мильянъ Валадимира дужа жалѣу за то, што іонъ служіу яму вѣрна и честна: спау Валадимиръ съ хазяиннымъ Мильяннымъ у мягкихъ постеляхъ умѣсти; пили, ѣли, чаго душѣ хатѣлась.

У Мельяна на палцу калъцо залатоя. Въ адну ночь Мельянъ съ Валадимирымъ уляглись спать. Заснуу яго хазяинъ Мельянъ, а Владимиръ не спау, а задумау, якъ ба тоя залатоя калъцо у Мельяна украсть. И украу залатоя калечка, вышіу на крылечка, пиракинуу съ руки на руку залатоя калечка,—и удругъ а҃ляютца къ яму три молайца и гаворють яму: „Што, Валадимиръ, прикажишь дѣлать?“—Атдалить мяне, атвичантъ Валадимиръ: за Карпатскія горы!.. Яны, три молайцы, и гаворють Валадимиру:—„Харашо! исполнимъ тваѣ приказаніе.“ Устаеъ Мильянъ, заветъ къ сабѣ Валадимира, а Валадимира нѣтъ.

Мельянъ долгая время праваждау, усѣ Валадимира паждидау. Ждау іонъ Валадимира и доуга, а Валадимира якъ нѣтъ и усѣ нѣтъ. Хватіуса Мельянъ залатого калъца: калечка залатого нѣту,—іонъ и дагадауся, што Валадимиръ калъцо яго украу, и гаворить сабѣ:—„Ну, машенникъ, заставіу таперь мяне три года пастрадать!..“ У Мельяна была книга ирятника. Іонъ бареть ету книгу и начинаеъ читать, и гаворить яму тая книга:—„Валадимиръ, твой кучиръ и лакей, ужу да-

лека: іонъ ужу праѣхаў Карпатскія горн.“ Валадимиръ узнаў, што Мильянъ да яго дабыретца и будить яму атъ Мильяна плоха,—разрѣзаў на ногѣ большой палець, подѣ кожу заторнуў залатомъ кальцо, кальцо схуваў далѣка

Мильянъ атправіўся за Карпатскія горн атыскивать Валадимира. Шолъ іонъ три гада,—находить Валадимира, гаворить яму:—„Хто тебе суды даставіў и зачинъ ты мяне бросіў?“ Спрасіў такъ же у яго: „а гдѣ жъ мае кальцо?

Валадимиръ и гаворить Мильяну: „Кальца я у тебе ни браў—у мяне яго нѣту; а хто мяне суды даставіў, я и самъ не знаю,—не знаю, якъ здѣсь аявіўся; ня гнѣвайся, мой ты дядюшка: я придѣ табою ни ў чомъ нивинувать.“ Мильянъ начаў яго бить-калатить и сбіў на горькая яблага, а Валадимиръ только и гаворить яму: „ни знаю, ня вѣдаю!“

Атъ большога ужу сэрдца Мильянъ стукнуў а земель сваю нагою, и ў замѣ сдѣлалась большая щель—земля раздвалась; схватіў Валадимира за галаву и бросіў у ету щель. Валадимиръ праваліўся въ таръ-тарары; тады ўдаріў нагу ибѣ нагу, земля саядинилась умѣсти, и пропасти не стала; а Валадимиръ тамъ и застаўся. Захатѣлась Валадимиру тамъ ѣсть—іонъ ужу очунаў атъ бѣдла. Тамъ тожъ усяго многа и драгацѣнныхъ камнѣй, а ѣсть нечига. Атащаў бѣдний Валадимиръ, а кальцо залатомъ и пазабывъ, што яно у яго палци зарасло. Только увидіў іонъ тамъ рѣчку, а на другую сторону рѣчки спѣлный, преспѣлый виноградъ; іонъ скинуў съ сябе усе,—раздѣўся и паплыў на рѣчки къ винаграду.

Приплыў іонъ ки беригу—беригъ крутой, ухватіўся за беригъ—беригъ абрушіўся и садраў кожу съ пальца; являютца къ яму три малайцы и гаворють яму:—„Што, Валадимиръ, прикажишь намъ сдѣлать?“—Валадимиръ и гаворить имъ:—„Штобъ вытащили на берегъ!..“ Яны падхватили яго подѣ руки и вытащили изъ рѣчки. Просить ихъ Валадимиръ, штобъ яны яму дали пить и ѣсть. Итвичають яму три молайцы:—„Нѣтъ, мы тутъ ня можимъ тебе ни накормить, ни напоить: здѣсь іосьть сильнѣй и пазнатнѣй насъ. А вотъ мы табѣ пасавѣтунимъ, што сдѣлать. Тутъ іосьть алмазки сяребринныя и залатныя, усѣ новыя—ты ихъ ни бари, а ищи алмазки, маленькія и старинькія, вазьми яе сабѣ и бираги яе: будить табѣ служить тады сивинькѣй старичекъ.“

Нашоу іонъ дряннѣкую, старинѣкую алмазачку, тариу ібъ рукау, и іулянтца предъ яго старинѣкій старичекъ и гаворить яму: — „Што табѣ надаби?—Хачу пить и ѣсть—пригатоу мнѣ: вить я атащау. — Іонъ падѣѣу, падніу и старика публагадаріу и нашоу прагулянтца. Набрау узигъ драгацѣнныхъ каменіу, разныхъ драгацѣннастей; тариу іонъ алмазачку—явіўся ипять къ яму старичекъ и спрашнѣть у яго, што Валадиміръ прикажнѣ сдѣлать. Валадиміръ спрашнѣть: — „Ти можешъ на тотъ свѣтъ даставнѣть?“ — Старичекъ яму ў отвѣтъ: — „Магу! — „Ти жива мая матъ, скажи мнѣ!“ — „Жива.“ — „Я хачу лнжать на одной лажннцѣ съ матирью,—дастау мяне къ ей!“ — Старикъ сагласіўся исполннѣть яго слова и даставнѣть яго къ матери.

Матъ яго устала рана, виднѣть такога украснѣваго молайца на яе лажннцѣ—снльна ужаснуласъ и гаворнѣтъ: — „Госпади, тва воля! хто етнй украснѣвнй, аткуль іонъ и за чмѣ тутъ улгсѣ—ннхай ба я была маладая, а то внть старуха!.. И днвнцца сабѣ.

Владиміръ и гаворнѣть матери: — „Матушка, ты нн узнаешъ мнне, сына вашага?“ — Ина и гаворнѣть яму: — „Якъ я могла узнатъ?—Ты тадн бмѣ малннѣкій, а таперъ кудн якой маладецъ узѣўся—кроу съ малакомъ.“ — „Ахъ, матушка, чужѣ люди и вырнстутъ и выгладютъ—выучутъ, якъ на свѣтн жнть!

Публагадаріу Валадиміръ и друга Мельянава—купца тога герада, каторнй памохъ Мнльяну сгаварнѣть яго и матъ у кучнра и лакеи. Мала—много пажнѣ Валадиміръ съ матирью нз хваторн—наступнли Ражественѣскіѣ праздннкн; гаворнѣть сынъ матери: — „Матушка, я, нмѣя савяршенннѣ годы, думаю жаннцца. У нашнѣга царя іостъ дочка: якъ ба ты схаднла къ царю у сваты, пупраснла руки дочерн царскнй!..“ Матъ и гаворнѣть яму: — „Што ты задумау, мой сыннокъ?!.. Ти можнѣть статца, што бн царъ выдау за тябе сваю дочъ?!.. — „Матушка, пасланца нѣ бьютъ и нѣ вѣшають. Вазнн етнй мой узялокъ и нѣсн къ царю: када царъ прнмнѣть етнѣ вѣщн, атдасть за мяне и дочъ сваю!..“ Старуха, матъ яго, нтправнласъ съ узялокъ, зъ внщамн, къ царю у сваты. Прнходнѣтъ ка дварцу, стала дабнватца, якъ ба виднѣть самага царя. Яе дупустнли къ царю. Царъ спрашнѣть: — „Што табѣ нужна, старуха?“ — Ина гаворнѣть царю: — „Свѣтъ ты нашъ, вѣлнкій гусударъ, прнннсла табѣ атъ сына

маяго гостиниць и пришла просить за сына маяго руки твоей царьскій дочери.“

Царь братье узилъ, наглядѣу: драгоценныя вещи; послау за министарамъ. Пригавариу царь съ министарамъ, изъ узла вылажили на паднось уси драгацѣнасти — драгацѣнныя вещи уси царю пинаравились, и вилѣу министару прибрать у царскій кубинетъ, а старухи сказау царь: — „Иди, съ Богомъ: су временомъ тваѡ дѣла будить!..“ Пришла дамой и гаворить сыну: — „Ну, сынонь, царь вещи уси приняу, а мнѣ сказау: иди дамой, старухъ: дѣла тваѡ будить.“ — Вилось етиму многа-мала время, царь выдаеть сваю дочь у чужую землю за каралевича и пра старуху забмѣ. Пашла старуха у горадъ; видить, што на усихъ улицахъ прибиты афишки, штоба уси купцы атпускали бѣ хлѣбъ бизъ платы, а стоимасть и каличества хлѣба записывать у книгахъ: послѣ свадьбѣ царѣуны будить уплачивать доньги купечеству самъ царь. Приходить мать у хватуру и гаворить сыну, што видѣла и што слышила у горади. — „Вотъ, сынъ, абмануу насъ царь! выдаеть дочь сваю за каралевича у чужую землю; прапали твае драгацѣнныя вещи!..“ Сынъ матери атвѣчалъ: — Пускай сабѣ выдаеть, за кога хочить! ни хлапачи матушка! — Выходить дочь царева за каралевича. Паѣхали въ Божій храмъ падъ вянecъ; привинчались и начали гулять свадьбу. Многа была гостей у дварцы на свадьбѣ царскій дочки. Наступиу вечеръ.

Валадимиръ тернуу алмазку абъ рукау, — аѣлянтца къ яму старинькѣ старичекъ и гаворить: — Што прикажитя дѣлать, Валадимиръ? — Валадимиръ и приказываетъ старику: — Сяводни царская дочь вышла замужъ — дакъ ты нявѣсту, царскую дочь, палажи на мою лажницу ка мнѣ, а каралевичу стыять у маеѣ квартири на часахъ! — Усе ето такъ и залучилась. Утрамъ Валадимиръ братье алмазку, третъ абъ рукавы. Явиуся яму старичекъ и спрашиваетъ: — „Што прикажитя дѣлать?“ — Атвѣди царѣуны съ каралевичимъ у царскій дварець!.. Явились на вутра маладня ва дварець и ня смотрють адинъ на другога, якъ будта и вѣкъ ни видались другъ съ дружкѣю. Дружко дакладанть царю: — „Свѣтъ великѣй царь, каралевичъ съ вашѣй дочирью у большомъ нисагласѣ.“ — Царь ричить дружку: — „Пусть пабудуть и пазнакомютца да слѣдующаго дня!..“ Наступила ночь. Валадимиръ приказываетъ ипать старичку: — Ступай ва дварець,

привади царскую дочь въ мою лажницю и каралевица въ мою хватуру; угастить каралевица питиннемъ и ядиннемъ какъ нильза хужи, посадить яго у другой комнати, штоба царская дочь и я каралевица видели!—На утра приказнить старику атправить ихъ абонхъ ва дварець. Каралевиць съ царскюю дочирью ни глндять другъ на друга и не ютятся адинъ къ другому. Пад-ходить атець царейны съ дружкоймъ маладыхъ къ каралевицу и дочири сваей; а каралевиць падаить на калѣна передъ царемъ: — „Памилуйтя, Бога ради: я хуть и перевинчаѹся съ вашю дочирью, но жить съ ею ни сагласенъ, и ина мнѣ ни нужна.“—Царь удивіѹся и спрашнить у каралевица:— „Што эта значить? чимъ моя дочь табѣ ни нравитца?“—А каралевиць царю итвичанть:— „У вашинъ царстви іостъ якей-та Валадимирь: іонтъ ужу дѣѣ начи житья мнѣ ни даеть.“ — Дочь царя, увидавши атца, также гаворить: — „Батюшка, што хочитя са мною дѣлйитя — воля ваша! я съ каралевицимъ жить ни буду.“

Царь сильна агарчіѹся, чѹя ихъ такія рѣчи, и даѹ имъ разводную.

Каралевиць пулучіѹ разводную атъ царя, атправіѹся у свае царства. Царь призыванть свайго министра и савѣтунтъа зъ имъ, што тутъ дѣлать са Валадимирамъ. Министиръ утакаваѹ царю:— „Свѣтъ валикій гусударь, ти ни тотъ ета Валадимирь, каторага мать прихадила къ табѣ съ вузломъ дарагихъ вящей и разныхъ драгоцѣннастиѹ?“—(Царь и уздумаѹ пра старуху мать, сваху Валадимира, и якъ іонтъ даѹ ей наканецъ слова, што будить усѣ на яе желанію су временемъ).

— „Такъ-та. царь, ни праѹ и ты самъ: даѹши слова дяржись! Надабна за Валадимира и выдать дочь!..“ Царь паснятъ вистовога за Валадимирамъ, штобъ іонтъ явіѹся на лицо ва дварець къ царю. Валадимирь приходитъ къ царю, пакланіѹся яму, гаворить:— „Здрастуй, свѣтъ валикій гусударь!..“ Царь яму гаворить:— „Валадимирь, ты хочишь мою дочь узять замужъ?“—Хачу!—атвичанть царю Валадимирь.

— „Ну, а кали такъ ты хочишь, я атдамъ за тябе мою дочь, на такомъ толька условіи: кали ты пастроишь ли дочери моеи дварець луччій и красивій майго дварца, и штобъ была улица атъ майго дому да твайго вымашина дарагими камешьями!..“ Валадимирь атвичанть царю паклонамъ, и што іонтъ усѣ

приказання царемъ условія выпалнить. Мать Валадимира спрашнть:—Што табѣ Богъ дау? Чаго требувау ить тебе царь?—А іонъ матери речить:—Усе, слава Богу! Ни скучай, матушка! свадьба мая будить: я на царскый дочери жанюсь.—Наступаить вечерь. Валадимиръ выходитъ на крыльцо, бяреть сваю алмазку, третъ ибъ рукау.—Яўляйтца старичекъ.—„Милый мой старикашка, исполни мае приказанія: заутри на утри штобъ быу миѣ великалѣпный домъ, какаго нигдѣ ище ни бувала: пятиэтажный, у тысячу ваконъ, увесь штобъ былъ золатамъ атянуть: и стѣны, и крыша, и ўнутри также; штобъ улипа ать царскага дварца да дварца была выслана дарагими заморскими каменными; штобъ на улицы сабрались народы на сами челаѣкъ разныхъ инавѣрцыу,—штоба у каждага была на торбачки, золатамъ наполненнай; штобъ ли мене былъ бярлинъ залатой: колисы пяреднія сярэбринны, а заднія залатыя, лошади самыя луччія; упряжъ залатая, и кучира адѣты у самый луччій кастюмъ.“

Рана утримъ слѣдующага дни Валадимиръ выходитъ на вулицу, видить: домъ яму пригатоулинь великалѣпный, падають шистерку ламадей, садитца у бярлинъ и ѣдить къ царю ва дварець за царѣунаю винчатца.

Паѣхау іонъ на вулицю, а равами, гарами, разными вартѣпамі; а люди разныхъ вѣръ высыпають услѣдъ за нимъ изъ торбачекъ золота, якъ мякину. Тронуўся за нимъ народъ падбирать деньги—золота, и уси кричатъ Валадимиру „ура“. Емпиратаръ, услышау на горади сильный шумъ, пасылаить сваяго пасланца узнать, што такая злучилась у горади.

Пасланецъ царскій увидіу Валадимира, якъ іонъ мчитца на гарамъ и вартѣпамъ, увидіу, якъ и ў народъ разныхъ вѣръ сыплють диньгами якъ мякинай; вярнуўся пасланецъ назадъ и дакладанть царю аба ўсемъ, што видіу, и извѣщанть царя а пріѣзди Валадимира ва дварець.

Пріѣхау и Валадимиръ ва дварець, входить ва царскіи палаты; царъ приманть яго да чести вяликий, и начали свадьбу завадить; паѣхали въ Божій храмъ, приняли законный бракъ. Пиривинчались и вярнулись ва дварець и стали висялитца; гуляли свадьбу мѣсяць и два. Царъ подписау Валадимиру палавину свайго царства и обьявіу подданнымъ величать Валадимира каралемъ. Атгуляўши свадебку, пираѣхау Валади-

миръ съ каралевою въ каралевскій дворець, узяў къ сабѣ и матушку сваю, старуху, и начали жить и паживать.

Царь видить, што маладой кароль съ яго дочирью живутъ дружна, сталъ называть къ нимъ каждый день и глядитъ, ни наглядитца на милыхъ яму маладчихъ. Мельлянь, астаўшися за Карпатскими горами, вздумаў а Владимири, што іонъ, правалиўшися въ тарь-тарары, дѣлантъ тамъ. Бяретъ Мильлянь сваю иртычискую книгу и читають; а книга ета иртычиская и талкуить Мильяну смущеннику, што Валадимиръ ужъ жаніўся на царскій дочари, што яго изъ тарь-тарары вывѣ старий старшечекъ; што яму алмазка ва ўсемъ пувинуитца и пумугантъ; Мильянава кальцо на ёмъ, ну іонъ имъ на дѣйствуить.

Мильлянь смущенникъ и самъ насабираў алмазныя цѣлю карзину и приходитъ въ то царства, въ тотъ горадъ, гдѣ жиѣ Валадимиръ, аўляитца къ царю. Излишняя каралева, жина Валадимира, сядѣла на крыльцы. Смущенникъ идеть съ карзинкою алмазыѣ. Каралева и гаворить сваяму мужу, што прихадіѣ какой-то челаѣвѣкъ и гаваріѣ громка: — „У каго іось стария алмазки, будемъ мѣнять на новия, придачи ничога на будимъ брать!..“ Кароль и гаворить каралеви: — „Можь, тибѣ присдалось такъ?! Кто будить харошія и дарагія вещи на стария?!“ Мильлянь ужъ навеў ташнату на Валадимира, малодога караля. Валадимиръ, устаўши рана, пачуўствуваў сильную ташноту и гаворить свай каралеви: — „Такъ што-та мнѣ скушна и груска: пайду къ батюшки прагуляюсь и развяду маю таску.“ — Жана яму и гаворить: — „Иди, прайдись: скука, можь, и пройдить!.. Приходитъ къ батюшки - царю, сказантъ яму а свай скуки-тоски: ты нѣтъ чимъ жуду-горя развясить? — „Иди у мае зеленые сады: тамъ многа звярей — ты пагуляй и тамъ!“

Въ ета время праходить на царскаму дворцу Мильлянь и ипать такъа громка кричить, зазывая минять стария и грязния алмазки на новия залатия и сребренния, бизъ усякнй придачи. Слыша ета, каралева пасылантъ сваю служанку пазвать етыга чилаѣвѣка на лицо къ каралеви. — „Ну, ты обмѣниваешь стария алмазки на новия, а у майго мужа іось старая алмазка — сагласинъ ты абминять на новую?“ — Мильлянь съ радасцію абмѣниваить алмазки: бяретъ сабѣ атъ каралеви алмазку старую, а ей даеть новую залатую. Па выхиди изъ дворца, Мильлянь бяретъ старую алмазку, третъ абъ рукаѣ, и

яляйтца къ яму старый старичекъ и гаворить:—Што прикажишь дѣлать, Мильянушка?“—Мильянтъ и гаворить старику:—„Пириняси мене съ маладою каралеваю за Карпатскія горы, и штобъ на три сажени у земли быѹ сдѣланъ домъ и насъ тамъ наместить; а домъ Валадимироу, маладога богатыря быѹ разрыть, и вулицу уничтожить, а самая мѣста уплантавать.“

Царь, тестъ караля, рана вутрамъ сматривать у падзорную трубку и ня видить Валадимирывыхъ палатъ. А самъ Валадимиръ гуляить у саду царскамъ. Требуить царь министра, застаўляить яго пасматрѣть, ти іостъ дварецъ караля Валадимира. Министиръ присматрѣуся и кажить царю:—Царь, свѣтъ великій, и ўпраўду вѣдь дварца нѣтъ!—Паслали пасланца, пасланецъ утврждаить царю, што дварца нѣту, и тоя самая мѣста, идѣ быѹ дварецъ, уплантована. Министиръ талкуить царю:—„Паслать пасланца у зяловый садъ за каралемъ и узнать, ти тамъ іовъ или нѣту яго тамъ.“—Пасланецъ царскій находитъ караля Валадимира и заветъ яго къ царю-батюшки. Сичасъ яго ариставали. Царь, разгнѣванный увесь, гаворить:

—„Якой ты мнѣ сдѣлаѹ пазоръ: ты на вѣкъ убіѹ маю дочь!..“ И присудиѹ снятъ съ яго голову; но Валадимиръ упрасилъ царя не сымать съ яго галавы, а закупарить яго у ирамарный столпъ.

—„Можить быть, дѣла пирядѣляйтца, и я апраўдаюсь!..“ Валадимиръ, сидя у сталпѣ, вынуѹ залатоя кольцо, пириляжѹ зъ рѹки на руку, и три малайцы явились къ яму и гаворють:

—„Што табѣ нужна, Валадимиръ?“

— Скажита мнѣ, адѣ мая жана, каралева, находитца!..

Яны и атвичають: „Твая жина даѹно ужѹ за Карпатскими горами, у доми, на три сажени у зямли, съ Мильяннымъ смущеникымъ“.

—Таперъ сняситя мене къ Мильяну за Карпатскіе горы: хачу я павидать маю каралеву и узнать, што тамъ дѣтца съ нею. — Яны яго у минуту туда за горы доставили и навяли падзорныи трубы, и видить іонъ свою каралеву, видить и Мильяна: Мильянтъ смущеникъ саглашаить каралеву быть яму жаною, и пасяму-та стращаить яе разными страстями: іонъ скидываѹся и звирями, и змѣями — усѣ яе пугаѹ и стращаѹ, а каралева усе таки ни саглашалась быть яго жаною.

У адно время Мильянъ, сдѣлавшись змѣемъ, вылетѣу изъ падзямелья, — атсталась у дома адна каралева. Валадимиръ, у падзорную трубку глѣдючи, и усё ета видить.

Вазгарѣўся Валадимиръ вялікімъ жаластью кн сваей каралевы: бярець залатая кальцо, перекладывае оная зъ руки на руку, — явились къ яму три малайцы и гаворють: — „Што прикажышь дѣлать, Валадимиръ?“ — Іонъ просить ихъ савѣта: — „Ти можна яму ввайти кн каралеви?“ — Три малайца гаворють яму: — „Сдѣлайся мукхый, влетай у домъ, — туда прилятѣўши, прымишь видъ челаўѣка, можышь пагаварить съ ёю, сколькы угодна: у ета ўремя Мильянъ улятѣў и ня скоро будить.“ — Ина, каралева увидаўши Валадимира, узрадувалась — гаворить яму: — „Благодарю тебе, мой милый, што ты навастіў мене у большей скуки!.. Какъ тебе Гаспотъ сюда прынесь?..“

Кароль Валадимиръ ей рачить такжа; — „Якъ ты, милая мая, сюда залатѣла?“

Ана разказала яму, какъ Мильянъ абмѣніў ей алмазикъ и якъ іонъ яе мучить и страститъ. „А дѣ жъ мой находитца старый алмазикъ?“ — гаворить ей Валадимиръ. — „У гартани Мильяна, — гаворить каралева. — „Вотъ жа табѣ мой савѣтъ: слушай, каралева. Янитца Мильянъ, заплачъ горькими слезамі; Мильянъ тѣбе будить спрашивать а тваей пичали и будить спрашивать, што табѣ нада ить мяне; а ты скажи яму, штобъ іонъ дастаў руськага вина бутылъ и девить стаканнѣ; наливай усьи стаканы виномъ руськимъ; выпій первый стаканъ сама, а астальныя восемь стаканнѣ штобъ іонъ выпіў — приглашай яго къ етому!.. Въ паслѣдній васьмой стаканъ усипъ яду, да сматри: угащай яго палуччій и будь зъ нимъ ласкава; іонъ, якъ апьянѣвить, то выпыть и васьмой стаканъ зъ ядамъ.“

Явіўся къ ей Мильянъ. Каралева скушна и грустна. Мильянъ и гаворить: „Што ты, каралева, усё скучаешъ: аль табѣ нѣту питиння и ѣдиння; аль я хужи тваего Валадимира?“ — Ну, знать, такъ и бытъ, гаворить каралева: я атсель буду твоя! Дай жа таперъ на радацахъ выпымъ руський водки. и пригатоў девить стаканнѣ. — Мильянъ сдѣлаўся воранамъ и палятѣў у раздабыгнѣтъ; чрезъ нѣскалькы минутъ накатіў цѣлый падвалъ руській водки. Поставили девить стаканнѣ и бутлы водки.

Каралева налила усьи стаканы водкою. — „Ну, таперъ па-

пьемъ, пагуляимъ!..“ Вяреть ина первый стаканъ и пьеть:— „За здароўя тваё, Мильянушка!..“ Потѣмъ и гаворить;— „Ну, Мильянушка, галубчикъ мой, больши и ни угащай: я, якъ жѣнщина слабая—съ мене и будить предавольна-давольна, а ты, якъ здаровый мущина, пей уси атстальни!“—Сама жа каралева яду у паслѣдній стаканъ и ўсыпала, да такъ лоўка, што іонъ и ни замѣтїу. Мильянъ выпїу стаканъ, два и три—и пувисялїу; а каралева яще болїй яго лащить и разными шутками смяшить яго. Іонъ, развисялїушись, уси стаканы дапїу и атстальный зъ ядымъ и, якъ только дапїу,—такъ яго и разорвала. Кароль Валадимиръ у падворную трубку глядїу и усё ета видїу; а якъ яго, Мильяна, разарвала, іонъ тады бяреть залатая кальцо, съ руки на руку пирилажїу—явились три молайцы и гаворють яму:—„Што прикажита дѣлать?“—Валадимиръ гаворить имъ:—„даставить яго къ каралеви!..“. Три малайца сїю минуту и снясли яго къ каралеви. Іонъ, якъ пришоу, узяу изъ гартани Мильяна свой алмазїкъ. Приказау наносить дроу, саарудить кастеръ, вазлажить на кастеръ трупу Мильяна и сажечъ яго, а пепелъ атъ трупа усыпать у моря, штобъ и ў зямлѣ не была и пылинки яго трупа. Бареть алмазку, третъ абъ рукау; явїуся къ яму старый старичекъ:—„Што прикажита дѣлать, миластивный кароль Валадимиръ?“—„Штобъ были и напитки и наѣдки и разныя разнасти: хачу я съ маея каралевою пувисялитца и пагулять.“ Па слову яво усё явидасъ. Стали пить и гулять и висялитца. Пувисялїушись, алмазкью тернуу ибъ рукау,—явїуся ипять старикъ, спрашїить: „Што яще сдѣлать надаби?“—А во што: штобъ у маємъ царствии бнїу ипять такой жа дварець и такая жа улица, якъ и прежда; штобы была намъ и постель мягкая—усе ета штобы было у адну ночь, и штобъ мнѣ съ маею каралеваю ва дварцѣ начивать!.. Слова сказана, и дѣла сдѣлана. Кароль са сваею жаною начуить у сваймъ дварци. Царь-атець каралевы, утрамъ рана устауши, къ немаламу удїуленїю яго, видить каралевскїй дварець. Царъ призываить свайго министира и гаворить яму: „пасматри-ка, якъ слоўна дварець маея дочари каралеви!..“. Министиръ паглядѣу, да и падтверждаить слова царя: „Дїулюсь и я ни мала: учора я вѣау тамъ, ничога сябѣ было, а таперь вижу и ў праўду дварець тѣй самы, акей бнїу.“ — Ну, усѣтаки, паслатъ пасланца, штобъ іонъ узнаў

вѣрна. Паскакаў пасланецъ ки дварцу; видѣть: окала дварць стыять часовни. Яўлянтца пасланецъ къ царю и извѣщаѣ царя: „Дѣйствительна, дварець тѣй самы, и стыять часавни.“ Царь атъ радости пубижаў пашкомъ къ дочири ва дварець. Кароль съ каралевай замѣтили, што бягить къ имъ ихъ батюшка-царь; выбигають къ яму на ўстрѣчу и стали цудуватпамилуватца.— „А якъ я радъ, што вижу васъ такими, якни ужъ и ня думаў видѣть!..“ Кароль Валадимиръ, пака царь разгавариваў съ дочирыю, алмазкыю тирнуў ибъ рукаў, приказаў старику, штобы у зали большимъ были стали дубави, накрыты скатирти шалкавыи и пригатоулины напитки загранишныя: и шимпачины, и рамавины, и разныя такжа ѣдиньѣ,—штобъ каралю съ каралеваю и съ батюшкой-царемъ пувисялнтца. Усѣ была готова. Кароль Валадимиръ приглашанть къ столу царя и сваю любезнаю каралеву. Ну, да и на славу ужъ пугуляли. Такъ-то яны гуляли мѣсяць, два и пять. Были у царя, у батюшки, и тамъ пукнули уволю. Кароль стаў шпять паживать у сваємъ царствѣ благопалушна: усѣ была тиха.

У Мильяна спакуситили былъ радной братъ Исавулъ, а Исавулъ быў такей жа спакуситиль, якъ и братъ яго Мильянъ. Іонъ имѣў у сябе такжа дреўнію книгу иратницкую. Въ адно ўремя Исавулъ читаў сваю книгу иратницкую; ина яму и гаворить:— „Брата тваго Мильяна даўно нѣту на свѣти; яго истрабіў кароль Валадимиръ за жану сваю; живеть онъ, кароль, за Карпатскими гарами.“—Исавулъ, учуўши ета атъ сваей книги а пагибили брата Мильяна, стаў дабиратца да царства Валадимирыва—и дабраўся. Приходить іонъ у манастирь къ игумини. Игуминня была набажна, принимала къ сабѣ и храмыхъ, и сляпыхъ, и калѣкъ, и убогихъ, и давала усимъ нользу. Исавулъ, пабыўши у игумини разъ и два и нѣскальки разъ, выбрнў удобная ли сабе ўремя, задушіў яе, а самъ надѣў манашескую яе мантию, преабразиў сабе у игуминню и итиравиўся па дамамъ лячить бальныхъ. Праходитъ окала царскаго дварца. Каралева, увидаўши игуменню-Исавула, пригласила къ сабѣ у палаты. Быў ужъ вечеръ. Каралева любила гаварить и слушать разговоры а душиспасеніи и пригласила игуменню начивать у дварци.

Игуминня Исавулъ ибрадавалася приглашенію каралеви и заначувала. Многа гаварили яны а разныхъ вищахъ, и игу-

миния начала хвалить яе мужа и карая у томъ, што у ихъ и дварець великалѣбный, и іость у ихъ ва дварци уси рѣдкасти. Каралева и гаворить игуменни:— „Ахъ, матушка игуминия, мой мужъ, што только уздумайтъ, усѣ сдѣлать можить!“—Нѣтъ, каралева, вашъ мужъ яще ня ўсю праўду вамъ сказаў и иднага дѣла ни дастаў!

А каралева спрашаніѣ у Исавула игуменни:— „Якога дѣла?“— А вотъ якога дѣла. Іость на неби Камъ птица, падъ тѣю птицю яйцо. Вотъ, кали іонъ то яйцо дастанитъ, тады яйцо усю праўду скажитъ,—и то яйцо будитъ святитъ ва дварци, якъ день, такъ и ночь—точъ у точъ, якъ жаркыя сонца.—Игуминия Исавулъ, пиринучуваўши у дварци съ каралавай и назюкаўшись давольна, итправилаь па дамамъ горада. Карая самаго ва дварци тады не была. Каралева, па разгавори съ игуминіѣ, сдѣлалась ужу гнѣўнаю къ сваяму мужу—караю. Яўлянтца ва дварець мужъ каралевы. Замѣтиў, што каралева вочинъ гнѣўна, спросилъ яе:— „Чого ты такъ, милая мая, гнѣўна ка мнѣ?“—Якъ жа мнѣ на тебе, дружокъ, ня гнѣватца? Ты усей праўды ни гаворишь, хутъ и ўсе знаишь.— „Якой, какой?!.. Гавари, мая милая.“— А вотъ іость на неби Камъ птица, падъ тѣю птицю іость яйцо. Якъ дастаѣ тоя яйцо, то яно будитъ святитъ намъ день и ночь.— „О!“ атвичаитъ саманадѣбный кароль:— „мнѣ ничога ня стоить дастаѣ ета яйцо—дыстану!“

Баретъ сваю алмазку, третъ ибъ рукаў—яўлянтца старикъ. Кароль и гаворить старикѣ:— „Іость на неби птица Камъ, падъ тѣю птицю яйцо; дастанъ то яйцо, принеси къ намъ ва дварець: яно будитъ святитъ день и ночь!“ Выслушаў старикъ приказанія карая и гаворить:— „Вотъ я сдѣлаў тябе каралемъ, а таперъ назаву тябе дуракомъ. Што только я могъ табѣ дастаўляѣ, усигда дастаўляў и ни ў чѣмъ ни 'тказываў, а таперъ ты мене застаўляишь идитъ на неба и принестъ табѣ яйцо, т. е. сняѣ съ неба сонца и луну и принестъ табѣ ва дварець. Я ни магу быѣ больши Бога,—а хто табѣ сказаў и внушиў такую блажь?“—Святая игуминия Исаулъ,—ета саба, а баби, должно, ужъ чортъ!— „Игуминия ета ня іость игуминия, а Исаулъ, братъ Мильяныў; а святая игуминия, удавленная Исаулымъ, ляжитъ падъ мастомъ у сваей кельни.“— Исаулъ етій, падъ видимъ игуменни, ужу удаўленной, ходитъ па дамамъ лачитъ бальныхъ,—іонъ никога ня лѣчитъ, а даби-

райтца да галавы каралёвай и тваей, носить мечъ падъ мантией, съ намѣреніемъ, кали яго пазаветя ва дварець, снять съ васъ головы. Васъ предастиригаючи, савѣтую имѣть и вамъ вострый кинжалъ и диржать при сябѣ на ўсякій дурной случай, якъ будить Исаулъ къ вамъ ва дварець. Вотъ, што сдѣлай-ка такъ, Валадимиръ - каралекъ! Зави заўтри къ сабѣ игуминню Исаула ва дварець; скажи ей, што у тябе балить галава; а якъ придетъ игуминня Исаулъ лачить тябе ать галаўной боли, и будить іонъ читать надъ тваєю галавою, то ты старайся лѣваю рукою держать яго мечъ, а правую рукою бяри свой кинжалъ и развали яму брюха ать низу да верьха; тады изъ шасти сажаней дроў сдѣлай кастеръ, пували на кастеръ и сажги, а ать трупя Исаула пецилъ пусти на моря. Кароль приказанія старика старога исполні у точнасти и такимъ родамъ истрыбіў игуминню Исаула; а у канцы канцоў, пубядіўши усихъ сваихъ урагоў, царствуваў длинныя годы; подданныя яго яму радувались, и уси таржествували. Царства яго усигда была и мирна, и тиха, и спакойна.

№ 20.

Ибъ Ивани Миласернымъ.

У Ивана Миласерныга храмѣй воўкъ сына пахитіў. Якъ гнаўся за воўкомъ, жонки и ўтарога сына алишіўся. Царимъ становитца на суду Божьиму (свѣчка у яго сама сабою у церкви загарѣлася). Находитъ жонку и сынавей.

Иванъ Миласердный быў миласердинъ да кажныга. Была у яго пара сыноў. Пашоў жа іонъ на Христоў день на все-нащную. Прайшоў пиряулькѣ, лажить змяя на пиряхрѣстки. — Якъ, Иванъ Миласердный, ти луччи змолады ѣсть бѣлу рѣдкѣ, ай падъ старысть? — Іонъ ня мохъ етыва разсудить и вара-тіўся. — „Чагò ты, другъ, вара-тіўся?“ — Якъ сказаў іонъ жанѣ, што ни знаиць, якъ итвѣтитъ змяѣ, жана яму разсудила: — „Другъ мой, лѣпши змоладу тарпѣть нужду, а падъ старысть, штоба харашо была!“ — Іонъ тады ать жонки пашоў съ паскью у крамъ Божій. Приходитъ. Паску пасвятіў, сѣў падъ ва-реюшкый.

А нидалеча жила кума яго. — „Паду къ кумушки, — пу-
прашу хлѣбець!..“ Кумушка пупрасила яго присѣсть. Тымъ ча-
сымъ ина расплескала двѣ пиряпечки и запекла у меньшую
рыжа золыта и дала яму оби. — Стричаютца зъ Иванымъ Ми-
ласерднымъ убогія старцы — ужъ яны яго ни минуютъ:

— „Мы къ вашій милысти билися, штобъ разгавѣтца.“ —
Иванъ Миласердный атдаў имъ бѣольшую пиряпечку, а яны на-
жалѣли яго, што тоже челаѣѣкъ бѣднѣй, и заставили яму боль-
шую, а сабѣ узали меньшую.

Тадн убогія старцы пришли къ богатый кумушки. Ина
яще пекла пиряпечки. Старцы, якъ замѣтили бѣольшую пиря-
печку, и кажутъ: — „На-те вамъ нашу маленькую, а сабѣ возъ-
нимъ бѣольшую. Намъ, што болѣй, то лѣпши“. Такъ яны и пу-
минялись.

А богатая кумушка идетъ къ сваяму мужу:

— „Я табѣ признаюсь, што у Ивана праўды нѣтъ: такъ
и такъ.“ — Тадн мужъ жанѣ гавѣритъ:

— „Якъ ты жалѣючи давала, такъ табѣ и тваѣ золыта.“

Иванъ жа пирярѣзаў пирогъ на чатыри частычки: час-
тычку атдаў жонки, на частычки сынамъ и сабѣ узяў час-
тычку. И разышлися на разныя стороны. — „Жина моя, када
будемъ Богу угодни, то на будимъ галодны и увидимся!..“
Приходють жа яны къ синиму морю. Аткуда узяўся храмѣй
воўкъ и унесъ у зубахъ мальчыка. Иванъ Миласердный бѣгъ за
ваўкомъ и ни дагнаў, а тымъ часымъ стратіўся яго и другой
сыноекъ. И думантъ сабѣ Иванъ Миласердный: — „Люди атби-
вають у звѣря скатину, а я ни табью атъ яго рабенка, ан-
гыльскѣй души.“ — Пришоў у чужоя царства. Абнимають Ивана
Визчастнага ночъ. Приблудіўся къ изобки, а ў тѣй изобки
жила старушка.

— „Старушка, пусти на нычъ!..“ — Начуй сабѣ зъ Богымъ!..
Пашоў старикъ на горыду съ сумѣй, насабираў торбу хлѣба
и денежку. Ипать къ старухи на нычъ. Три раза хадіў ста-
рикъ и сабраў три денежки. Помиръ царъ. Дѣлаютца публи-
кація у двинацатымъ часу ибъ царю, штоба усякій имѣў свячу:
чїя свича загаритца, тѣй и будить царѣмъ. За гаспадами, за
кушцами, за ницію братію у церкви праходу не была. Старикъ
самъ сабѣ думантъ: Паду и я, стану у вуглушку, съ сумучкѣй.
Стаў сабѣ и іонъ са свячой. Якъ запѣли хирувимы, ни у каво

ни загарайтца свича; запѣли тожа—ни у кова; у третій язь запѣли,—агу, пырхъ свича у старика—и запалилися. Падхва-тили старица падъ пахи и сдѣлали царемъ. Присягнули. На 12 днѣу атырыли банку: пей-гуляй, высялися, народъ! Старикъ раскатываѣ па горыду, ну, тольки вспомянѣю ионъ а старушкы, што пріютила яго у сабе: вялѣѣ привязти яе честна-блугу-родна, штобъ ни испужать;—ина таки ладныга спужалася. Па-садили старушку у карету, пувязали къ царю. Тады вяльможы ўзраптали:—„Якей царь старецъ, ионъ тѣга и пачитаецъ!..“ Узяѣ старикъ старушку за правую руку и содить за столъ, по-тѣмъ и спрашайтъ:—„Скажи жъ ты мнѣ, ты якога рода, якога пувадѣнія!..“—„А я вотъ такога рода и пувадѣнія!.. Нѣ, ты жъ скажи мнѣ сваю статью... дакъ ты мужъ мой!..“

— „А ты жена моя!..“

Потомъ прїѣзжаютъ съ чужей земли купцы-карабельщики; идутъ яны къ яму, амператыру, съ гостинцами. Амператырь самъ прїѣхну сматрѣть карабли. Ходють два вьюнуши на карабляхъ—на калѣни у золотн, на локыть у серебри—такъ и зьяють. Амператырь стынѣ ать вутрени да вячерни, ни слова ни гаваріу, а усѣ дивунца вьюнушамъ: такого чуда нїйдѣ ня видывау. Ни дау ряду ни якыга карабельщикамъ и уѣхау—ужъ ударили у колымылѣ. На другой день прїезжантъ къ карабельщикамъ:—„Скажита вы мнѣ, якея ета у васъ два вьюнѣши: знайдины ли, куплены ли!..“ Карабельщики атазываютъ:—Мы ѣхали, а мужичи пахали землю; яны тольки што атбили у ваѣка рабенка,—мы купили яго у мужичкоу. Другога рабенка мы купили у рыбаловѣу. Рыбаловы тыя узали яго у стану, слышать: плачить рабеныкъ;—прїѣхали и узали у лотву. Дѣти ети узрасли и стали большея, якѣ и видита!..

Тоды гаворить царь (іонъ дагадаўся, што ета яго дѣти):— „Прадайтя юнушіў—ня будитя платить цехъ!..“ Хуть жалка была купцамъ, што пригожія рыбяты, иднака жъ якъ ни уважить царя? Продали ихъ амператрыу.

№ 21.

Абъ Ивани Бизщастнымъ.

Иванъ Бизщастный нищій. Царская дочка за яго красату выходитъ замужъ за яго. Иванъ къ купцамъ наймайтца и за мѣсяць зъ ими ѣдить; брошинъ купцами у бурю у марскую бездну. На марскомъ дони споръ рѣшають межда марскимъ царемъ и царицей, што дарожи: ти серебра, золота, ти драгацѣинныя каменныя, ти зялѣза и сталь. За то, што суяту прикратіу межда мужимъ и жаною, царь дарить Ивану ящикъ съ брудіянтами. Даганають сваихъ таваришіу; имъ дужа завидна, што Ивана да чести кароль примантъ. Дамой варнуѣся; у царя гость, а потѣмъ и зять.

Жііу купецъ богатый чилавѣкъ; у яво была три сына. Кѣда іонъ жистъ кончіу, атказау двумъ сынамъ, а Ивану ничаво ни 'тказау—ни гарѣлѣва гроша. Иванъ етытъ быу изъ сибя крысавицъ, и призвали яво, што „Иванъ нисчастный“, и нечива яму нигдѣ ўзять. Іонъ узяу сумку и пашоу по міру. Нѣскалька ўрема хадіу, и пуѣсимѣсна яво знають, што Иванъ Бищастный. Царская дочка увидала Ивана и крысату яво нибнакавенную, задумала, какъ ба за яво выйти замужъ, и узила царская дочка сумку, и узила съ сабою злата и сериѣбра и пышла по міру, штоба найти Ивана Бищастнава. Нѣскалька ўрема хадила и яво ни нашла. Адинъ купецъ карміу старцѣу. Ана ета услыхала и пашла на етытъ балъ; приходитъ: нашла Ивана Бищастнава, пакланилась:—„Здрастуй, Иванъ Бищастный!“ Атышоу етытъ абѣдъ старцѣу; тада ина начала гаварить:—„Вазьми мине за сябе, Иванъ Бищастный!“—А какъ жа мнѣ тябе ўзять?—„Пупраси купечества, штоба насъ ажанили! — Абъявили купечеству. Купечества множества сѣбралися и сыгласились ажанить ихъ, иминна дли смѣху, и начали складать деньги: каторый двадцать пять, каторый пятьдесятъ, каторый сколько могъ. Жанились, рублыгыдарили ўсѣ купечества, а тыда яны пашли у другой горыдъ. Ана сабѣ купила домъ и начала жить, паисправила ўсѣ хазайственныя дѣла. Абжились, ана даеъ пятьдесятъ рублей Ивану.—„Пади, другъ мой, купи мнѣ золота“. Іонъ пашоу у горыдъ. Хадіу, хадіу, нійдѣ ни найдѣтъ. У ва адна-

во старика на угалкѣ нашоу золыта, купіў, вришоу дамой, атдаў золыта. Паужинали, легъ Иванъ спатъ, а жонка запалила свѣчку и начала вышиватъ платокъ. За нѣскалька ўремя вышила платокъ. Иванъ чаю напіўся, ідэтъ у горыдъ прагуливатца; жина атдаеъ платокъ:— „Прадай платокъ!“—Іонъ пашоу, хадіў па ўсяму горду: къ катораму купцу ни пакажитца, усѣ баятца узятъ и думаютъ, какея ета тавары странныя;—па ўсяму гораду хадіў нихто ни купіў. Заходитъ къ самому етому старому, у каторага купіў золата. Іонъ и кличтъ:—„Што, Иванъ Бищасный, ти прадаешъ, ай пакупаишъ?“—Прадаю платокъ.—„Пакажи!“ Пасматрѣў старикъ платокъ и гаворитъ:—„Што, Иванъ Бищасный, што бярешъ: ти деньги, ай добрыя слова?“ Иванъ атвичаеъ яму:—Бяру добрыя слова.—Пришоу дамой, спрашиваеъ жина:—Што ты, мой другъ, узяў за платокъ?—Атвичаеъ іонъ:—„Узяў добрыя слова.“—Ина и сумилась: сама сабѣ и думаетъ, што етытъ дарагой платокъ за добрыя слова. Апятъ ідэтъ етытъ Иванъ у горыдъ, ана яму даеъ 100 рублей купитъ золыта. Іонъ пахадіў па горыду, ни находитъ ни ў аднѣй лаўки золыта, апятъ къ етому старику. Купіў на 100 рублей, приноситъ дамой, атдаеъ сваей супруги; ана ипятъ начала вашивать платокъ. Вышила за нѣскалька ўремя. Апятъ ідэтъ Иванъ у горыдъ, даеъ ина яму платокъ.—„Прадай платокъ!“—Хадіў па горыду: ў каторую лаўку ни зайдитъ, пакажитъ платокъ,—купечества баятца купать и думаютъ, гдѣ іонъ, Иванъ Бищасный, бяретъ етакія платки. Апятъ ишоу када етыва старика, старикъ и кличтъ:—Иванъ Бищасный, ти прадаешъ, ай пакупаишъ?—Прадаю платокъ!—„Што бярешъ: ти деньги, ай добрыя слова?“—Иванъ думаетъ:—Што жъ, узяў добрыя слова,—вазьму и другою.—Патомъ и гаворитъ:—„Вазьму добрыя слова.“—Приходитъ дамой. Жина спрашиваеъ:—„Што жъ ты узяў за платокъ?“—А утароя добрыя слова.—Жина ипятъ думаетъ:—Што жъ съ естыва будитъ: слова. Да слова,—што жъ съ естыва будитъ?—Апятъ замаўчала, терпять. Нѣскалька пожили, ипятъ ина яму даеъ денегъ палтара ста рублей:—Иди у горыдъ, купи золата!—Пашоу, на палтара рублей золыта у етыва старика купіў, принёсъ дамой, атдаў сваей жанѣ. Жина начала вышиватъ третій платокъ и вышила луччій прѣжнихъ. Идетъ Иванъ у горыдъ, ина яму атдаеъ платокъ:—Иди, прадай платокъ!—И думаетъ, што іонъ

взяметь за етыть платокъ. Пашоу іонъ у горыдъ, на ўсѣхъ лаўкахъ насіў, штоба яво прадать, и нѣхто ни купіў: усѣ баята пакупать етакія вещи. Идетъ кала етыва старика. Старикъ кричить:—Што, Иванъ, праднешъ или пакупашъ?— „Прадаю платокъ!“— Пакажи!—Пасматрѣў старикъ и гаворить Ивану:—Што барѣшъ: ти деньги, ай добрыя слова?—Иванъ гаворить:—Добрыя слова.—Тада старикъ гаворить:— „Будь даволинъ, —толька сматри, ни забудь майво приказанія:— „Замахни, да ни рубани, да падумай!..“ Публигадаріў Иванъ етыва старика и пашоу. Пришоу дамой, жана и спрашиваить:—Што жъ ты ўзяў за платокъ?— „Узяў добрыя слова!“—Жана ў большомъ сумлѣніи, и начали жить. Нѣскалька ўремени жили. Жина гаворить:—Што, другъ мой Ваня, я денегъ сдержила многа, а таперитка, какъ хатишь, нада имѣть работу.—Иванъ пашоу на пристань и наняўся тамъ у купцоу у работники, штоба ѣхать съ купцами за границу, и узяў деньги упередъ, атдаў сваей жанѣ на расходъ, а самъ Иванъ распращаўся съ своею жаною и уѣхаў за границу на карабляхъ. Жина яво тутъ забременила. Пріѣхавши, за границей прожили тамъ 16 лѣтъ, набрали таварыў на сѣмъ караблѣу купцы и атправились дамой. На мыри сдѣлалась на нихъ тривога: начали карабли тануць,—такомъ мѣста, што нужна чилавѣка бросить у моря. Аны начали приглашать Ивана Бишасныва, штоба іонъ сагласіўся у моря—іонъ сагласинъ, и на яво имя штоба карабль атписанъ сядьмой аму. И бросили яво у моря, а караблю апустили якорь. Карабль астанавіўся тамъ. Иванъ Бишасный пупау у пучину, сайшоу у присподнію, а тамъ свѣтъ такой жа, какъ и здѣсь,—пупау іонъ къ царю, а яво тамъ знаютъ.— „Здрастуй, Иванъ Бишасный! Разсуди ты насъ съ царицею, што мы живемъ 15 лѣтъ, а ўсѣ у насъ производѣца вражда, и споримъ, а иминна, за што: я гаварю царицы, што у свѣти дорожи нѣту золота, да серибра, да дарагова камѣння, а царица гаворить, што стали и зялѣза дорожи у свѣти нѣту!.. Иванъ Бишасный, разсуди ты насъ!..“ Иванъ гаворить имъ:—Я васъ разсужу: золыта и серибра и дарагея камення,—ета для царей, для князей, для вяликихъ лицъ; а сталь и зялѣза,—ета для мужукоу.—Іонъ ихъ разсудіў, и аны астались давольны Иванымъ, и сичасъ жа царь и съ царицею помирились и пацулувались.— „Благодаримъ тябе, Иванъ Бишасный, што ты успакоіў сердца наши, а мы тябе

за ета публагадаримъ!..“ Дали Ивану ящикъ брулліантыва камення, придѣлали яму пузыри и падвизали яму ящичикъ съ брулліантывымъ каменнимъ, а тада и сказали:—Благодарю, Иванъ,—у етымъ и пращай!“—Иванъ и пашоу: усхватила яво етими пузурами на верхъ моря. Пасматрить Иванъ: карабѣ тутъ и стати, каторый купцы на яво имя атеказали; іонъ цопъ, цопъ, да ў карабѣ и атправіўся у путь за купцами. Нѣскалька праѣхаў, пасматрить: наганяить свайхъ купцоу, а купцы пасмотрють:—Иванъ Бищасный ужъ ихъ наганяить. Нагнаў, пашли яны умѣсти 7 караблѣу. Ёдутъ путемъ. Дли моря живеть кароль. Даеъ знать у карабли, штоба ни праизжали мима, штоба зайшли на паклонъ каралю. Аны астанавились возли дварца каралеўскага и начали выбирать хорошія тавары каралю на паклонъ, атабрали ў купцоу и каждый па штуки и спрашють у Ивана:—„Иванъ Бищасный, што жа ты вазымѣшь?“—Иванъ имъ атвичаить:—Знають, братыя, какой карабѣ вы мнѣ пустой дали: зъ рагожами, да зъ михами, да самый паслѣдній таваръ?—няўжли жъ я, няўжли жъ мяне, за вашими падарками, ня примуть? И мяне за вашими падарками примуть.—Купцы еты ни знаютъ, што ва Йвана іостъ бралліантова камення ящикъ. Іонъ атбіў изъ ящика бралліантава камення са куриный жаўтокъ и спрятаў у рукаў, и пашоу вѣсти съ купцами Купцы кала яво смяютца:—„Какъ Иванъ, какъ Бищасный, такъ и Бищасный,—и идетъ ни съ чымъ къ каралю“.—Пришли и начали атдавать падарки каралю; а Иванъ кала яво паваратиўся. и вышіў кароль ў другую комнату;—Иванъ даў яму драгацѣнный каминь. Какъ пасматрѣть кароль на етытъ каминь драгацѣнный, такъ и асватила ўсяе комнату. Пасадіў кароль Ивана за столъ на кутѣ. Купцамъ падносятъ вино прислуги каралеўскія, а Ивану самъ кароль. Имъ, етымъ купцамъ, абидна: были ихъ работникъ—и знаютъ, што карабѣ яво пустой, и ничаво іонъ ни принесъ каралю. Публигадарили яны карала и пашли къ караблямъ. Иванъ ихъ нагнаў и смяетца кала етыхъ купцоу:—„Вотъ вы хазяины были мае, а кароль мяне угастиў са свайхъ рукъ.“—Имъ ета прискорбна, купцамъ. И захатѣла жина каралева пупрасить къ сабѣ на паклонъ. — „Пажалуйта, гаспада купечества, ка мнѣ на паклонъ: хочить вамъ каралеўна честь атдать.“—А ета купечества бяруть палуччи таваръ и спрашють у Ивана Бищасныва:—„Иванъ Бищасный, што жа

ты вазьмешъ на паклонъ? „—Иванъ атвичайтъ кунцамъ: — Братцы, вы знаята, што мой карабъ пустой, — буду я сытъ за вашими подарками. — А самъ Иванъ, атбіў у лщичку ўтарой камушикъ, и пашли. Принясли купцы каралеўни таваръ; аны тывары еты принимаютъ, а каралеўна ета кала Ивана вертитца. Иванъ изъ рукава каралеўни падаў камушикъ. Каралеўна у другую комнату увыйшла, освѣтила ўсёе комнату. Пасадилы купцоў за столъ, начали подчивать, а Ивана на кутъ. Купечеству етому паднасили служители каралеўски вино, а Ивану сама каралеўна паднасила и подчивала. Купечества пасматривають адинъ на другога: — „Што такая, што Ивану прилишній честь, чимъ намъ?“ — Аны публыгадарили и пашли, и межда сабою купечества гаворють: — „Ну, кадабъ третій разъ пупрасили на паклонъ. то тада ба мы сдѣлали то, чаво Иванъ и ня думайтъ! „—Захатѣла каралеўская дочка пупрасить на паклонъ: ня дорыги ёты тывары, што аны носють, а хатѣлась, штоба Иванъ принёсъ каралеўскій дочки камушикъ. Вотъ начали яны выбирать самыя луччія тавары, а на Ивана гаворють: — „Иванъ, а што жъ ты панясёшь?“ — А, штожъ, братьятя, вы знаята; за вашими тыварами и я буду сытъ. — Аны етымъ ужасна абидились, а Иванъ у рукаў камушикъ палажіў, и пашли къ каралю, и мижда сабою сдѣлали сагласію: — „Што-нибудь будить адно: или мы прападемъ, или Иванъ прападетъ.“ — Пришли къ каралю, атдають тывары, а окала Ивана каралеўская дочка ўетца; іонъ ей изъ рукава тайкомъ падаў камушикъ. Вышла каралеўская дочка ў асобую комнату, пасматрѣла: каминь асіяў. Пасадилы купцоў за столъ, Ивана на кутъ; начали подчивать: купцоў подчіють прислуги, а Ивана Бишаснава подчінь кароль, каралева и каралеўская дочка. Аны вышли изъ-за стала, публагадарили каралю и сказали ўси ў голысь, што яны нидавольны. Кароль спрашіть купцоў: — „А чимъ жа вы нидавольны?“ — Вотъ тѣмъ мы нидавольны, што, бывши ўпярעדъ работникъ, — яму честь больши насъ. — Кароль и гаворить: — „Можить быть, яво таваръ дарожи вашихъ ўсихъ караблеў“. Аны и гаворють: — „Мы сагласны на закону: ежилъ у яво, у нашива работника, у Ивана, да будить таваръ дарожи нашива, — дакъ мы сагласны, штобъ намъ головы парубили; но ежили у яво хужѣй таваръ, то яму атрубить гôлаву.“ — Спрашіть кароль у Ивана: — Сагласинъ ты на етытъ судъ: ежили твой таваръ хужи будить, — сагласинъ ты,

голаву штобъ табѣ рубить?— „Я сагласиѣ.“ — Сказаў Иванъ, и етымъ дѣла кончили. Патребуваў кароль присуствія сваѣ и купцоў етыхъ самихъ, штоба и яны магли расписатца у етнй атвѣтнхости: „Или Ивана голыву далой, или вамъ.“ — Аны ўсп расписалися. Какъ аны, 6 члавѣкъ, такъ и садьмой Иванъ Бищасный, пашли у карабли выгруживать таваръ, выгрузили и прирсматрѣли: казалася у купцоў, 6 члавѣкъ, таваръ луччи и багачи, а ў Ивана саўсѣмъ нѣту.— „Ну,“ гаворють купцы:— „вотъ, кароль, за то намъ и абидна: бывшій нашъ работникъ—и честь яму луччій“. — Присудили Ивану атрубить голыву. Еты купцы засмѣялися. Тагда Иванъ гаворить каралю:— Пазвольта мнѣ схадить у карабъ у пустой“. — Пашоў у карабъ и принеся драгачѣнныва камення ящикъ. Какъ принеся, аткрыў: засіяла жарчій сонца. Тады еты купцы 6 члавѣкъ усѣ срабѣли, штобъ лишитца гдымъ; пали на калѣни пиридь Иванымъ:— Прасти ты намъ ету ашибку: ни пагуби нашихъ жонъ и дѣтей. прости и прости! Мы табѣ за ету ашибку атдаѣмъ 6 караблей са ўсими таварами и обичаимъ даставить да горыда на самую пристань, будимъ тваими падвластными!.. Іонъ имъ прастіў и палучіў крѣмысть на ўсп карабли. Атиправилсь аны къ свайму горыду. Пріѣхали аны у начи, карабъ Иванъ Бищасный аставіў съ прикащиками на пристани, а самъ пашоў къ жанѣ. Прашоў у домъ тихонька, никаво ни разбудіў, дастаў агня, пасматрѣть на жану: жина спить и два маладцы абашыль лизать. Иванъ и думанть:— „Я за границу спраўляўся, а ина тутъ завила двухъ любоўныкы...“ Разсердіўся іонъ, схватіў саблю, только падняў и хатѣ зурубить ихъ, а патомъ уздумаў:— „Мнѣ старикъ сказаў три словы добрыхъ:— „Замахни, ды ни рубани, да падумай.“ — Іонъ ни стаў рубить, разбудіў жану; гаворить:— „Здрастуй, жина!“ — Жина прашнулася, испужалась; потѣмъ гаворить:— „Здрастуй, мой другъ, Иванъ Бищасный, даўно ужу я видала тябе: ужу 16 лѣтъ...“ — Другъ мой, какея ета лизать кала тябе маладцы?— „А ета, другъ мой, ета твае сынаў: ты, када атираўляўся за-границу, аставіў мне бяреминную,—я двухъ сыпоў и радила.— Ну, а тваѣ дѣла какаво?— А маѣ, слава Богу: пригнаў семъ караблѣў съ таварами. — Жина яму ня вѣрить:— „Идѣ табѣ узять ихъ, бязъ денегъ?“ — А Богъ мнѣ пашлаў за то, шта мнѣ атець ничога ни аставіў. Даў Богъ вутра, Иванъ Бищасный напродаў тавары и карабли, а деньги,

каличества ни малыя, принесъ къ жанѣ:— „Ну, жина, таперь паживѣмъ!“— Ну, другъ мой, таперь нада идить къ майму атцу пупрасить прашенія! Знаишь ли, какова я роду?— видь я роду— царскыя дочка! — Иванъ думаетъ:— „Какъ же ета: ишла ана за мяне нищій, а таперь— царская дочка?“— Я,— говоритъ ана: на тваю красату прилѣстилась, — дыкъ и пышла за тябе, и у миня па сю пору хранитца золыта и сирабро, каторыя я у атца узила. Таперича, мой другъ, паслушай и мяне,— да сматри ни ашибись! не назави атцомъ да ўремя, а вазьми-ка брулліантывыи камушиекъ атдай, ды нясц царю и пупраси пазваленія, штоба пазволіў табѣ царь у виду царскава дому и табѣ выстрайтца.“— Пашоў Иванъ Бищасный къ царю и падаріў яму брулліантывыи камушиекъ. Царь столька быў доволинъ, што ни знаить, чимъ наградить Ивана Бищасныва; спрашійт у иво:— Чимъ наградить тябе?— Иванъ яму атвичаить.— „Кыда мильс ваша, ваша высочества, пазвольтѣ мнѣ выстраить домъ ублизі вашива дварца.“— Царь гыварить:— „Я тибѣ пазваляю. Када у тябе ни хватить капіталу, то я пумагу тибѣ.“— Иванъ Бищасный царя публыгыдаріў. Начаў Иванъ строить домъ, наняў разныхъ мастароў: каминшикыў, стыляроў, кровильшикыў и какея мастира яму были толька нужны. Домъ етыть атдѣлали у два года. Тада узяў Иванъ нѣскалька комнатъ,— брулліантывыи камини павыбиліў стѣны. Атдѣлавши домъ, узяў брулліантывыи камушиекъ и панѣс царю у благодарнысть. Царь благодарить Ивана:— „Спасибо табѣ, Иванъ Бищасный. Нѣтъ, ты таперь ни Бищасный, а Иванъ Счасный! Ни знаю, чимъ тябе благодарить!“— А вотъ чимъ: када мильс ваша, то прашу на пасвященія дому майго васъ и лицъ равныхъ вамъ,— вотъ етыва я атъ васъ жилаю.— Царь, видимиши Ивана вумныга, пригласіў нѣкатарыхъ каралей и князей быть у Ивана на пасвященіи. У назначинныя ўремя зазванныя лица сабрались къ Ивану Бищасному. Была цирамонія, пили, гуляли, Ивана паздраўляли.— „Ни будь ты Иванъ Бищасный, а будь ты Иванъ Счасливый!“— Пришоў Иванъ Бищасный къ жанѣ, говоритъ:— „Ну, таперь какъ мнѣ у атца прасить прашенія?“— А ты иди и скажи:— „Праститѣ, царь!“— Приходить Иванъ къ царю и гаворить:— „Праститѣ, царь!“— Да я за табою ни вижу никакой вины, и мнѣ нечива табѣ прашать.— А іонъ ипать за сваѣ:— „Праститѣ, царь!..“ Царь яму гаворить, што яму не ў чимъ

пращать, а цари и карали гаворють:— „Ну, вы яму праститя, хушъ іонъ и ни виновинъ!..“—Царь гаворить:— „Ну, харашо, я табѣ, Иванъ, пращаю“.—Какъ только царь сказаў, што „пращаю“,—выходить Иваныва жина и сдѣлала паклонъ царю; Иванъ гаворить:— „Вотъ, ета ваша дочка, а мня жана.“—Тада узнаў царь абъ чымъ у яво Иванъ прасіў прашенія.—Царь быў вочинь даволинъ, што яво зять вумный члавѣкъ. Стали яны жить, паживать, да дабро наживать.

№ 22.

Бѣльскій уѣздъ, село Шоптово.

Якъ купецъ у Двины (у Двинѣ) пабыў, споръ мижъ рѣчнымъ царѣмъ и царицый рѣшѣ (споръ мижъ Нѣпамъ и Нявой) и разбагатѣў ать дароў Нѣпра (Нѣпа).

Быў плахой мужичекъ и занимаўся разными работами. Хадіў па ахотамъ, біў разныя звярьё и такъ три года, набіў три воза, наняў тройку лашадей у сусѣднихъ пу пяти рублей; привозить у горыдъ и стаить на площади цѣлый день, ни развязываить. Падходють таргаўцы; просить іонъ зъ ихъ три тысячи рублей денихъ. Ни магли яны купить ничаво. Пашли работники, атказали купцу благачасливому. Купецъ спрашайть:

— „Чаво вы ничаво ни купили?“

— Была такая-то таргоўля.

Купецъ пашоў къ тому мужичку на рынѣкъ. И гаварить купецъ:

— „Мужичекъ, што ты ни прадаешъ свае возы?“

— Када жъ мнѣ прадавать свае возы, када сяводнишній день нѣту купцоў на мой таваръ?

— „Што есть твой такей за таваръ?“

— Мине разны есть шкуры. Сколько есть у лясу птицъ— звѣрья—уси набиты.

— „Што просишъ за ихъ?“

— Три тысячи сирабромъ.

Іонъ ни сматрѣўши:

— Паизжай за мной!

Принзжаютъ къ дому купечискаму.

— Работники, убирайтя!

А самъ и ни пасматрѣу, што тамъ убирать.

— Ступай са мною у домъ! Кухарка, дай етому мужику трипезывать.

А самъ выносить деньги, атсчитывать три тысячи сирябромъ и двадцать пять цалковыхъ награды звышъ цаны и гаварить:

— „Што ты хочишъ, мужичекъ, пудучить: три тысячи сирябромъ, ай три слова Божьихъ?“

Онъ и сказывать:

— „Па бѣднати деньги, а па смерти, какъ умирать, нада три слова Божьихъ. Но у мене хазайка дужа страга, будить спрашивать: многа-ль денехъ узяу?“

А іонъ гаварить:

— „А ты скажи хазайки, што денехъ я узяу многа, а привезъ дамой ничего, а я жерствую табѣ на бѣднату на первый случай узять двадцать пять рублей. А жанѣ скажи: батюшка мой быу долженъ купцамъ, усяму гораду. За доугъ ман денюжки астанавили. Ана скажить: слава Богу! хушъ мы бѣдны да зъ даугомъ разабрались.“

— Ну, батюшка, гаспадинъ купецъ, гаваритя маѣ теперича три слова Божьихъ.

— „Первыя слова: будить тябѣ страшная смерть—ты яе ни убойся. Другоя слова: будишъ ты судить, сули па закону. Третія слова: намахнись, да ни ударъ. Таперича, мужичекъ, съ Богомъ дамой.—Вазьми жъ, мужичекъ, на пупраўку двадцать пять рублей денехъ. Ты ня убойся, мужичекъ, што три тысячи аставиу. Куда пажилаишъ, у работу первую ступай.“

Привзжантъ мужикъ дамой, и спрашивантъ жонка:

— Многа-ль узяу денехъ?

А іонъ гаварить:

— Узяу, слава Богу, многа, а привезъ дамой ничего.

— „Гдѣ жъ ты падѣу?“

— Мой батюшка быу усяму гораду должинъ—узяли за долгъ асталыны; астались мнѣ 25 рублей.

— „Слава Богу за ета! Хазяинъ, какъ жа мы будимъ жить зъ етымъ деньгамъ?“

— А будимъ жить, какъ Бохъ дастъ.

— „Да тутъ збыхана питнадцать рублей: нада атдать за лападей, за дисить купить у мужика хлѣбца.“

— Бохъ падасть.

И уздумаў іонъ у Ригу идить (вѣкъ ни хадіў), а ина атгавариваить:

— Съ кимъ ты мяне дома брасаишь?

— „А я брасаю табе дома съ Богимъ и сынимъ пати лѣтъ.“

— Ну, такъ Бохъ съ табой! Ступай съ Богимъ: мнѣ табе ни удиржать.

Пупрацаўся съ сусѣдимъ и пашоў у Ригу застанаваляца. Приходитъ на площадь въ горадъ. Нанимають купцы у Ригу.

— „Што ты вазьмешъ у Ригу за десить барыкъ?“

— А што дашъ на совѣсть?

(Въ старину все было на совѣсть; теперь и бумаги пишутъ, а такъ ни работаютъ).

— „Двинацить рублей сирабромъ.“

— Я и на то сагласинъ.

Давай Богу молитца. Онъ деньги узлѣ, дамой приходитъ.

— Вотъ, хазайка, еще, слава Богу, двинацить рублей. Бохъ намъ даў—заставіўся я у Ригу.

— „Ну, слава Богу, будимъ жить!..“

Удрухъ весна аткрылась. Паднимайтца вода. Пупрацаўся съ жаной и сынкомъ, и самъ у Ригу маршъ пашоў. Приходитъ къ купцу. Купецъ гаварить:

— Прасрочіў!

А онъ сказываить:

— Винувать!

— „Ну, рибятушки, аткрывай плисамъ воду изъ баракъ. Заўтришній день будить багамалѣпства, малебны будимъ служить. Десить барыкъ на тридцати пяти челаѣкъ на бареахъ.“

Сичасъ съ трехъ царевей падняли усихъ святыхъ и малились яны Богу сутки увесь народъ. Патомъ таво купецъ выноситъ саракавицу бочку. Удрухъ усхватилаъ буря, валнами заливаить бочки. Купецъ гаворить:

— Выть пришло намъ усимъ пумирать!

И пришоў іонъ у сваю комнату на барки, сматритъ на столъ: бумаги у сталу, а ляжить бумага на сталѣ. И читаить купецъ, слезна плачить; выходитъ къ сваяй сходки, спрашиваить усихъ на лицо:

— Правослаўныя люди, вѣтъ ли ахотничыў у моря слазить? Народъ атвичаить:

— „Усимъ умирать, такъ умирать, а ў моря ня лѣзть!..“
Мужичекъ уздумаў. Што мнѣ сказываў тотъ купецъ: „Будить страшная смерть—ни убойся!“

— „Гаспадинъ купецъ, што будить за работу? Я палѣзу у моря.“

— Даю тебѣ за то пять барыгъ и съ таваришчимъ. Майму народу прападать—и мнѣ упадать!

— „Пиши, гаспадинъ купецъ, падъ мине пять барыгъ!..“
Купецъ записаў и свидѣтелиў паставіў и даеъ іонъ яму бумагу:

— Кому будишъ атдавать?

— „Я палѣзу—и бумага са мною пайдетъ.“

Іонъ распращаўся су ўсимъ народамъ:

— Праститя мине грѣшныя!

— „И ты насъ прости!..“

Самъ балтыхъ у воду. Купецъ радъ, пашоў съ бумажный.

— Таперъ, робятушки, малитись Богу: будимъ атваливать!

Пумалились Богу—бура ухватилаь ящо сильнѣй, а онъ дажидайтца погоды. А тотъ по марю ходить палтара сутыгъ.

Темно на мори, какъ у тямницы. Вдрухъ аказывайтца свѣтъ, видная мѣста. Приходитъ на видныя мѣста, гдѣ свѣтъ яму Бохъ аказаў. На виднымъ мѣсти стаить женьщина и мушина и дѣлають споръ. Ишоў Нѣпръ ‘пу падземяю и ишла Нева рѣка, дѣвушка. Рѣка Нева не пускаить Нѣпа; Нѣпъ ня хочить пакаритца Нявѣ рѣкѣ. И приходитъ мужичекъ къ Нѣпу и Невѣ рѣкѣ, дѣвушка, и спрашіть у яво Нѣпъ:

— Хто у васъ на свѣти больши, ли мушина покорна баби, ли баба мущини?

Іонъ гаварить, Нѣпъ:

— Мужичекъ, разсуди па закону!

А ина стаить, ничаво ни атвичайть. Іонъ и уздумаў. Што мнѣ гаваріў купецъ: „Будишъ судить, суди па закону!“

А іонъ атвичайть, мужичекъ:

— Галубушка, ни прагнѣвайся: мая хазайка хараша, а мнѣ пакорна.

Удрухъ ина клонитца у ноги. Пацалувались, пашли умѣсти. Патомъ таго, гаварить:

— Благодарю, мужичекъ: па закону разсудіў. Таперича,

мужичекъ ступай: я тебе свяду на старинную жисть, идѣ ты живешъ на баркахъ.

Мужичку Нѣиръ даетъ драгацѣнныхъ камнѣи и гаварить мужичку Нѣиръ:

— Ты таму ихъ атдай, хто больши у васъ, у Расей.

Ну, и пашли. Атъ това мѣста палтара сутыкъ да барыкъ. Удрухъ іонъ узау мужичка на плячо и ускинуу на барку къ купцу. Удрухъ здѣлалась пагода прикрасная. Атвалили, пашли. Купецъ призывать етыга мужика къ сабѣ, у майбу. И гаварить купецъ мужичку:

— „Атдай мнѣ барки: вотъ тибѣ десить тысячъ.“

А мужичекъ атвѣчаить:

— Нинада мнѣ твае десить тысячъ, а дорга мнѣ слова законная.

— „Я буду съ табой судитца.“

— Када будишъ судитца, судись, а у мине бумага—грунтъ здѣлана.“

Привалили у уѣздный горадъ, купецъ падняу судъ, приѣзашоу усихъ судоу, пазадариу падаркамъ, и стали судить мужика.

— Атдай барки етны купцу за десить тысячъ.

— „Нѣтъ, нада мнѣ слова: у мине есть грунтъ—бумага. Кады вы судитя, атымня таеъ, а я ни сагласинъ.“

Сутъ ни ряшіу, пашли у губернской. И тамъ ни ряшили.

— Ступай, съ Богымъ, да царя!

Приходить къ царю. Купецъ на галавѣ падаеъ прашенія бѣламу царю. Пасматрѣу царь у бумагу, спрашіть мужика на лицо.

— Здрастуйтя, ваша амператарства!

— „Што у васъ съ купцомъ дѣла вдетца?“

— Извольтя бумагу.

Пасматрѣу царь и прачитау абъ яго пажажденіи.

— Дайтя етому купцу 100 палыкъ, зъ горыда вонъ!

Салдаты и дали яму 100 палыкъ и изъ горада вонъ выгнали. И вынимаить мужичекъ драгацѣнныи камни, асѣвлязъ весь дварецъ, а цареуна упунилась.—Съ гильдіи будить первый купецъ етытъ мужичекъ, вялѣу царь. Удрухъ стау мужикъ у паўгода ня тотъ. Іонъ и гаварить:— „Атпуститя мине

дамоу. Я жинать. Теперъ у мене астаўся сынъ пяти лѣтъ, а въ настоящее время яму даўжно быть десять.”

— Ступай за жаною и привяди жану и сына, и дарю я тибѣ деньщика, пару лошадей и два мечи ѣхать за жаною. А ў дароги, помни ты мае слава, ня бойся звѣря, а бойся чела-вѣка: чела-вѣкъ гаварить, а у яго за пазухай каминь ляжить.

И даў онъ имъ, царь, деннихъ на дарогу. Паѣхали. При-изжанъ у сваю дареўню, проситца на нычъ у сваей хазайки въ асно.

— Вамъ нашлегъ таперъ ня йдеть.

— „Чаво жъ такъ ня йдеть?“

— Мая изба каптѣлая,—вы добра адѣўшись.

— „Да мы хутъ ба абмарались, вѣтиръ абдунть, сажа палятить прочъ. Пускайшъ?“

— Пускаю.

Патомъ таго мальчикъ кѣдантца прями къ яму.

— „Мосить, я батька?“

А ина за яго, за мальчика, атвичанть:

— Батька твой бы худѣй, дренний!

Юнъ тада спрашиванть у жонки:

— Ти ўдава ты, ти жина?

— „Нѣтъ, я ни ўдава, ни жина: мужъ мой прапаў безъ вѣсти.“

— А какъ ты яго спаминайшъ?

— „Када жиў, дай Бохъ добрая здароўя, а умеръ, чарствія Божія.“

— Харашо, галубушка; ета лоўка!

— „Ну, малодушка, ета какой дѣдъ привединъ?“

— Ета у мене спитанецъ мой: мене питають, хлѣбъ да-быванть, сына кормить.

— „Што жъ юнъ тибѣ парабатыванть? Ты мнѣ, малодушка, атвичай, што рабатанть?“

— Пристаў ты ка мнѣ, какъ попъ на духу. Я гаварю тибѣ: плитеть лапти, сикѣтъ дровы и спить са мною.

Патомъ таво, полна разгаваривать—пара ужинать садитца.

— „Мы—дарожни люди: ѣсть хочимъ.“

— Чимъ потчивать? щи да хлѣбъ—больши ничаво нѣтъ.

Онъ дастаетъ хлѣбъ чистый-ситникъ: съ сабой захватіў у дарогу. Ана думанть:

— Вотъ благодать пришла!

Сѣли ужинать вси пять челаѣвъкъ. И нарѣзаѹ іонъ бѣлага хлѣба, и мальчикъ упаѹ ипать яму на калѣни.

Ина гаворать:

— Што ты къ еткимъ людямъ лѣзишь?

— „Мосить, батька!..“

А яго держить крѣпка.

— Какъ ты, малодушка, ня можешь признать мужа?

— „Я яго аблуплинага магу узнавать.“

Распариваѣтца, паужинавши, абъ упакою, какъ идѣ баку спать.

— „Купцы-паны, вамъ кутъ: аднаму на аднѣй лаўки, другому на другей. А ты, мальчикъ, на печку! А мы съ дѣдымъ на кровать, будимъ хлѣба дабывать!..“

Аганекъ пагасили, лягли спать. Деньщикъ захрапѣѹ, а іонъ ня спить: сонъ яво ни бяреть. Даждаѹся тога времени, што хазяйка съ пубратимымъ спить какъ зъ мужимъ! Разгарячѣѹся, узяѹ мечъ и пашоѹ жонки галаву сѣчъ. Падашоѹ къ ней, намахнуѹся ужъ жонки галаву снятъ прима далой и уздумаѹ тутъ жа: Што мнѣ сказана: „намахнись, да ни ударь!“ и другей разъ намахнуѹся; третій разъ ангиль дѣрхъ—мечъ брыкъ. Тады плюнуѹ и пашоѹ спать. Какъ лѣхъ спать, да паўдня праспаѹ—хазяйка и печку стапила. Устаеѹ, умываѣтца, ана падаеѹ яму абтиральникъ, и падходить къ купцу, и гаворить:

— „Разсуди, мой сынъ, што я видѣла ва снѣхъ нихарашо!..“

— Какой жа ты видала сонъ?

— „Я видала сонъ. Прихадіѹ купецъ, хатѣѹ мнѣ снятъ галаву далой. Малодушка, я сплю на лаўки, а валюсь будта съ крыши, кроѹ астанувалась...“

— Тибѣ пригрѣзнулась. Брасай-ка прихмати: давай абѣдать.

— „А у мене усѣ гатова.“

— Садись жа и ты зъ нами: будимъ трапезовать, и сноекъ зъ нами.

Тады адтрипезывали. Іонъ платяя далой и здѣлаѹся, якъ мать радила. И атвичаѣтъ:

— „Ты гаварила: узнаишь, якъ аблуплиннага. Я твой мужъ, а твой законъ.“

— Прости, мой друхъ! Вотъ тибѣ галава—сымай яе далой! Бухъ яму у ноги.

— „Бохъ тибѣ прастить—и я прашаю. Паѣдимъ у мой домъ и сынка вазьмемъ съ сабою; а ты, што пользаваўся маею пушчій—вотъ тибѣ домъ и харомы, аставайся на маймъ мѣсти!..“

Сѣли на лошаць и паѣхали къ царю, идѣ царь яму пажалаваў домъ. Пріѣзжантъ къ царю.

— „Привезъ жану сваю съ сынкомъ!..“

— Маладецъ, гаспадинъ купецъ! Таргуй съ сваей жаной, твари судъ и праўду: праўда гнила, да Богу мила.

№ 23.

Деревня Бердѣяки Ельнинскаго уѣзда.

Сказка абъ Иванѣ Ивановичѣ, купеческомъ сыни.

Иванъ Ивановичъ, купеческій сынъ, спасантъ атъ паруганія вобразъ Никола Чудатворца. Съ помыщу Никола Чудатворца, ѣдитъ у ваксонскій градъ на 'бломкахъ старыга атцоўскага карабля. Никола Чудатворицъ даеъ яму савѣтъ, якъ старецъ гробъ ваўшебницы, царскый дочири. Съ помыщу Никола Чудатворца И. И. алишѣ ваўшебницу злѣй силы и жанѣся зъ ею. Жонка И. И. пиридиваитца и дѣлаитца царимъ на Божьему суду (яе свича сама сабою у храми загаряитца).

У нѣкатарымъ царстви, ў нѣкатарымъ гусударстви, иминна ў томъ, ў каторымъ мы живемъ, анажды случилися ў адномъ горны, ища ета було ни сичасъ, а було при царю Юрику. Жѣў купецъ-сильный багачъ; було ў яго три сыны,—іонъ ихъ раздѣлиў на три двары; была ў яго адна дочка. Дочка пашла къ большимъ братамъ, а яны ѣздили таргувать па синимъ марямъ и пу большимъ гарадамъ. Самыга большаго брата пубядила у слаўнымъ горны Сывастопили: хатѣў іонъ пирѣхатъ бухту на Малахаў курганъ,—патапила яго карабли бурнымъ вѣтримъ. Упаў іонъ у большую бѣднсть: прадали домъ съ падъ адѣнки; а када продали яво домъ, то іонъ атъ скуки помёръ съ жаной,—асталась яво систра и сынъ яво, Иванъ Ивановичъ, у бѣдны хатки. Ня мѣли яны ни куска хлѣба. Питались яны пирщатками да насками: тетушка визала, а имъ на рынны пасылала; іонъ прадаваў и тымъ сваю тетушку питаў. У адно ўремя ни було у ихъ хлѣба, у тетки были адны

пиршати гатовы, а другея ни гатовы,—ина яво паслала съ адными пиршатками:—„Няси, мой племянникъ, дората за ихъ ни праси, а хуть хлѣба приняси.“—Атдау іонъ ихъ за 6 капѣекъ. Въ адно ўремя (було ў етнмъ жа горни, идѣ ани жили) ѣхали каломинскія извозники; ихъ було только 2, на 6-ти лашадей, съ дарагами таварами. Близъ площади быу кабачокъ; еты извозники тамъ абѣдали, и прагуляу адинъ извозникъ 6 лашадей съ дарагими таварами. Адинъ тыварышъ, какъ пабѣдау, такъ и паѣхау, а драгой таварышъ прагуляу три дни тама, прапіу іонъ уси деньги. Цулуванникъ атиравадіу лашадей у Маскву, а извозникъ усе гуляить. Прашнуѣс іонъ атъ свайга пьянства и спрашивантъ:—„А идѣ жъ мой тыварышъ?“—Паѣхау, пабѣдауши, а ты астаѣся водку пить.—„А идѣ жъ мае лошади съ таварами?“—А ты ни знаишъ?—„Ни знаю.“—Ты прапіу деньги и 6 лашадей съ таварами.—„Ну, хушъ пахмилі маю галаву за 6 капѣикъ!“—Пахмилю, када деньги іостъ, а иѣту,—ў доугъ ни дамъ.—„Паслухай, братъ, мяне: іостъ у мяне вобразъ св. Миколы, вазьми яго у мяне падъ заставу да заўтришняга вутра: іонъ за мяне паручитца, што атдамъ заўтри!“—Пашоу извозникъ, куда глаза глядять. А цулуванникъ застаўной вабразикъ за бочку закинуу. Устаеъ цулуванникъ рана пу вутру, свизау двѣ пары розыкъ, вынисъ абразикъ на вулицу и ударіу яво сапагомъ.—„Ты іосъ Микола, извозицкій паручитиль. Атдай 6 капѣекъ за водку: ты паручаѣси!“—У самую тую пору сирата Иванъ Иванвичъ прадау пиршати и ишоу двору, зайшоу къ етому цулуваннику пасматрѣтъ, каво іонъ сякѣтъ.—„Эй, праклятый, ти каво наказыишъ? Никаво ни видать, а ты наказыишъ.“—А ти пасматри, каво я наказыю: я наказыю Миколу Чудатворца,—іонъ паручіѣся за извозника!—„А на сколько іонъ табѣ паручіѣся?“—„А паручіѣся за 6 капѣикъ.“—„Ну, на табѣ 6 капѣикъ: атдай миѣ яго!“—Узяу Иванъ Иванвичъ абразикъ и пашоу къ сваей тетушки.—„Тетушка, вотъ купіу я сабѣ абразикъ!“—У каво купіу, племянничикъ?—„А у пракятава цалуванника: іонъ яво сѣкъ!—„А хлѣбца принѣсъ?“—„Нѣтъ, тетушка, ни принѣс!—„Ну, што дѣлать? пирабудимъ и такъ!—А яво два дяди сабиралісь у градъ Ваксонію съ разными таварами. Тетушка и гаворить: „Племянникъ мой, сходи ты къ имъ: ти ни вазьмутъ яни табе хуть съ хлѣбушка!“—Іонъ прибигантъ къ своимъ дядинъ:—

„Дядюшки мае, вазмня вы мяне хутъ сь хлѣбца: питатца вечимъ!“—Нѣтъ, племянникъ, узяўши табе, многа будить славы: ударъ табе—асуждать будуть, а мы вазьмемъ чужова: яво хутъ ударъ—дыкъ ничога, патаму—чужой; а табе мы узятыя можимъ!—Іонъ заплакаў:—„А какъ жа мнѣ быць?“—Какъ хочишъ,—хутъ прапади!—Идетъ іонъ и плачить; стричаитца зъ имъ старичокъ:—„Абъ чомъ плачешъ, Иванъ Ивановичъ?“—Какъ жа мнѣ ни плакать: мнѣ не чимъ питатца!—„Пайдемъ са мною на пристаў!“—Пришли яны на пристань.—„Вотъ видишъ-ли,“ гаворитъ старикъ, пабазывая на разбитый карабъ яво пакой-нава атца: „пайдемъ на іомъ у градъ Ваксонію!“—Ну, пайдемъ,—только я пайду, спрашусь у тетушки!—Іонъ пашоў. Приходить дамой и гаворитъ:—„Тетушка, мяне братыя твае ни приняли, а назваў мяне старичокъ фхатъ у Ваксонію на старимъ атцоўскимъ караблѣ!“—Ну, када приглашанъ табе старикъ фхатъ у Ваксонію, то и я табе благаслаўляю: фдъ!—Прибиганъ на пристаў къ старику и гаворитъ: „Тетушка благаславила: када угодна, то я пайду сь вами у Ваксонію!“—А карабъ ужу гатоў: начининъ, парусы натянута и машты па-стаўлены.

—Ну, Иванъ Ивановичъ, иди и сабирай, идѣ партнѣя шіють, акраўки, а идѣ сапожники шіють, абрѣзки и кирпичъ старый, и нагруживай етымъ карабъ.—Яны етыва накидали сичасъ повинъ, повинъ карабъ. Пафхали яны послѣ дядкѣ за три мѣсица, а дагналі ихъ у три часа. Привжають у градъ Ваксонію. Пріфхали яво дядьки и причалили къ пристани: яны привязли разныхъ тавару и разныхъ звирья. Набрали яны дарагихъ матерій Ваксонскому каралю у подарышъ и панясли. Яўляйтца Ваксонскій кароль на пристань:—„А што, гаспада купцы, ни слыхали нашива дива?“—Нѣтъ, ни слыхали.—„У нашихъ гради, у манастырѣ, ляжить мертвая царѣўна ужу 90 лѣтъ; каждую ночь ана съидаить па аднаму чилавѣк; то вы начуй-та у тымъ манастырѣ па ночки:—када परिначути, тада будѣта таргувать у гради Ваксоніи 7 лѣтъ бизданна и бизпошлинна; а къ вашимъ караблямъ я пристаўлю часавыхъ: я васъ ни пушу!..“ Такъ яны гулять да вечера, да дѣлать то имъ нечига; нады итить у манастыръ начувать. Братъ сь братимъ ставарились нанять начувать племянника:—„Племянникъ, परिначуй за мяне!“—А пайду упередъ спрашусь у дѣдушки!—

Приходить къ старику:—„Дѣдушка, мене нанимають дяди начувать у монастири!“—А я во што табѣ скажу: када будишь у яго прасить 2 карабля и дасть—начуй; ни дасть—ни начуй.—Приходить къ дядки и гаворить:—„Ну, дядя, када даси 2 карабля, то пириначую!“—Ну, што съ табою дѣлать? Бари, толька начуй!—Пришоў іонъ къ свайму дѣдушки. Дѣдъ яму даў книгу патребникъ и гаворить:—„Ну, иди у монастирь, стань пиридъ алтаремъ и читай. Што ана ня будить вытварять, ты ни аглядывайся назадъ!“—Пришоў у монастирь, а ли това монастиря навалина груда чилавѣчскихъ кастей съ большую харомину: усѣ пиридала цареўна людей, а кости аставались. Пришоў іонъ у церкву, пумаліўся Богу и паставіў абапыль дварей свѣчи, стаў читать книгу. У самую поўнычъ, ана какъ выскычила зъ гроба и стала бѣгать па церкви; скидывалась ина разными звирями и гѣдами, а іонъ усѣ читать, назадъ ни глядить. Дурачилась ина, пакуль патухъ прапѣў. Тада ана ударицась вобъ зимъ. Іонъ яе паднаў и палажіў у гробъ и паставіў яе у алтарь. Даў Богъ свѣтъ. Пришоў къ монастирю монахъ паслухать, ти жиў чилавѣкъ. Слышитъ, што жиў. Іонъ яво выпустиў. На другую ночь наняў яво другой дядя за два карабля. Ноччу ана што ни дѣлала, а іонъ витирпіў и ни паглядѣў назадъ, — ать страху у яго ажну кроў выступала. Ну, іонъ выдиржіў.—Прадаў старичокъ еты карабли. а деньги атдаў Ивану Ивановичу. На третію ночь нада идить Ивану Ивановичу. Старикъ яму даў 12 свячей и приказаў паставить абапыль алтаря па 6 свячей и вадѣў яму назадъ ни аглядыватца. Пришоў іонъ у церкву, пумаліўся Богу, паставіў свѣчи и стаў читать книгу. У самую поўнычъ выскычила ина съ гроба, стала бѣгать па церкви, лазила па иканастасу и на калякольнію: какъ ана ни бясилася, а стала и астипянилася, и прислушываитца, што іонъ читать. Какъ ана прислушалась, то іонъ узяў книгу у руки, ударіў яе по лбу и сказаў:—„Съ нами Богъ!“—Тады и ина сказала: „Съ нами Богъ!“—Тотъ жаразъ прапѣў патухъ. Ана ужу ни упала, а стала поплічъ зъ имъ читать книгу патребникъ. Асіяла бѣлымъ свѣтымъ,—ана ўсѣтки читать. Ишоў монахъ ачистить монастирь и паслыхаў, што у двухъ галасахъ читають; іонъ ета дакладывають царю. Царь гаворить:—„Ну, Ивана Ивановича привядитя ка мнѣ, а яе абвадитя кругомъ церкви 3 раза, выимитя у бани, прича-

шита; тада привади́ть ка ми́ѣ.“—Иванъ Ивановичъ, какъ шоу, ать радисти ни зашоу къ свайму дѣдушки, а прама пашоу къ каралю. Привали царёу: то была красива, а то ящо пакрасивила.—„Ну, Иванъ Ивановичъ, ты таперъ будъ ми́ѣ зять!—Часны́мъ пиркомъ да и за свадьбу. Сабрали усьхъ инастранныхъ каралёу на свадьбу. Толька яво паставили падъ вянecъ на адинъ рушникъ, приходитъ яво дѣдушка: — „Здрастуй, унучикъ! а какъ ты смѣу жанитца бизъ майго дазволу?—Ина наша вобчія царёуна: ты яе вычитывау, а я яе вымаливау,—яе нада намъ дялить!“—Винувать, дѣдушка, пиридъ табою, што ни паслушау тваю волю,—а если хочишь, бари яе!—Старикъ выхватиу кинжалъ и разсѣкъ на-двая яе тѣла. Парубіу яе на мелкія кусочки и вялѣу привести 12 вушатыу вады.— „А на што табѣ вода, дѣдушка мой?“—А вотъ на што: вы видали, када я яе рубіу, то изъ яе паўзли разныя гады: мыши, крысы, лягушки, ящирки;—нада яе пирамыть, пирисартирувать!—Іонъ яе пирамыу 12 разъ, слажіу усь куски, какъ яны были, и дунуу на яе Свѣтымъ Духымъ. Усклчила ина и стала такая чистая, што видна, какъ изъ кости у кость мозгъ пририбгаить.— „Ну, Иванъ Ивановичъ, ты мене аткупиу ать праклятыя цалуванника, а я тебе избавіу ать бясоўскыи силы и навѣу бытъ каралемъ: я—Никола Чудатворицъ!—сказау и скрыўся. Кароль Ваксонскій абвинчау Ивана Ивановича на сваей дочки. Посли етый свадьбы одинъ министиръ пригласіу Ивана Ивановича са сваею жаною къ яму на обѣдъ. Жина яму гаворить:—„Сматри, милый, мы пріѣдимъ къ министиру абѣдыть, стрѣнитъ насъ министиръ, министирша, яво дочки тебе будутъ усь цалувать, а мене министирша ни пацалунить,—пагребунть, то ты прими ета ў капризь, вратись дамой и на обѣдъ у ихъ.“—Иванъ Ивановичъ такъ и сдѣлау: у министира яво и яво жану усь цалували, а министирша ни пацалувала царёу—пагребувала. Иванъ Ивановичъ ни стау абѣдать, а уѣхау дамой.

Ана яму и гаворить:—„Найдить такова рядчика, каторый бы знау харашо Питярбургъ, и штоба ми́ѣ сдѣлали гардиропъ абъ 12 пакояхъ“.—Сдѣлали ей гардиропъ и привали рядчика. Ана ў 11 пакояхъ палажила золыта и драгоцѣнную адежу, а ў двинадцатый улѣзла сама. Патомъ и гаворить на рядчика:— „Ну, дастау ты мене ў Питярбургъ, на Гарохываю вулицу, ў

Бизабразнѣ домъ!“ — Іонъ придаставіѣ гардиропъ у Питябургъ, на Гарохивнѣ вулицѣ, ѣ Бизабразнѣ домъ. Патомъ радчикъ гаворить: — „Идѣ тутъ Ивана Ивановича тѣтушка живеть?“. — Яму паказали. — И гаворить іонъ на тѣтку Ивана Ивановича: — „Вотъ табѣ падарыкъ атъ твайго племянника Ивана Ивановича.“ — Купецъ атправіѣся дамой. Цареѣна паслыхала, што тѣтка яе мужа асталысь айна, гаворить: — „Тѣтушка, ти адна вы ѣ комнати?“ — Тѣтка абрабѣла: — „Адна!..“ — Тѣтушка, у двина-цѣтымъ нумири іостъ винтъ, — вынѣ яво! — Ана вынула и гаворить: — „Ну, што?“ — Цареѣна ей у дырчыку падала ключи и гаворить: — „Атамкни 12-й нумиръ“. — Ана атаменула. Цареѣна вышла и гаворить: — „Ну, я жина твайго племянника Ивана Ивановича!“ — Стали яны паживать, адна другую уважать. Тѣтушка захатѣла чистить ей башмаки, а ина тѣтушки — и мизъ ихъ сдѣлалась ссора. Тада ета цареѣна гаворить на тѣтушку: — „Тѣтушка, пасматрѣти: на вулицѣ ходитъ дѣвка!“ — Вижу. — „Ну, привавѣти яе, пажалуста!“ — Привавѣли яе ѣ горницѣ и гаворѣтъ: — „Дѣвушка, какова ты родѣ?“ — А я изъ-за Нявы ряки: атца зъ матирѣю у мяне нѣту — горькая сирата. — „Ну, наймѣсь ты къ намъ служить: принесть вадѣ, дроѣ, пачистить намъ башмаки, платѣтя, схадитъ на рынкѣ, принесть чаѣ, сахару, кохвиѣ, пукоріѣ.“ — Ина у ихъ нанилась. Аднѣ разъ ана идѣтъ сѣ рынка дамой; упяредѣ, видѣтъ ана, идѣтъ 2 купца (дяди Ивана Ивановича) и разгаваріѣтъ: — „Што, братъ, слыхаѣ, што нашива племянника жина находитѣца у сѣстры?“ — Нѣтъ, братъ, ни слыхаѣ! — (А яны етѣва ни знаѣтъ, што ета дѣвчычка слуга яе). — „Ну, братъ, харашо, када ана здѣсь: мы яе пазавѣмъ абѣдѣтъ къ сабѣ и атправимъ.“ — Дѣвчычка пришла и сказала абѣ етымъ цареѣни; а цареѣна сѣчасъ дагадаалась, што ета были дядѣки Ивана Ивановича. Патомъ ана гаворить: — „Тѣтушка, нѣхай ета служанка служить табѣ да вѣку; я вазѣмѣ сабѣ женскія и мужскія платѣтя и шапку.“ — Пашла ана у горнѣ Аршаву, на Вислу ряку, идѣ Ягорыѣскія варотѣ іостъ. Была ина у ту пору адѣта, какѣ харашія кухарка. У ту пору лавили рыбу 2 маладыхъ парни. — „Здрастѣй, милыя дѣчонка!“ — Здрастѣй! — „Но ты работы пытаишь или атъ работы плутаишь?“ — Нѣтъ, я ни плутаѣю, а я мѣста у кухарки нѣтаѣю! — Наймѣся къ намъ!“ — Мажно. — Ина нанилась у кухарки къ рыбаловаѣмъ. — Пражила ина мѣсѣцъ, а, можа, надѣѣѣ

десить, — стали яны каля яе абхадитца нн такъ-та: стали съ сабою клась спатъ.— „Бухарка, спи съ нами?“ — Можна: толька вы схадыта у баню, памыітиса бѣла, — вотъ тады у насъ будить дѣла! — Пака яны мылись, ина узшла увосъ ихъ капиталъ и пашла у Аршаў — горыдъ гулять. Пришли яны ў домъ, паглядать: нн кухарки, нн деннгъ. Аны яе искали, искали и нн нашли. Ана хадла по горыду; стричаітца зъ ею палкоўнікъ: — „Што, красавица, наймисъ ка мнѣ у кухарки?“ — Можна, ваша блугуродіа! — Вотъ ина пражла у палкоўніка мѣснцъ, а, можа, надѣдъ десить, — захатѣу палкоўнікъ любить яе. Ана гаворить: — „Ваша блугуродіа, упередъ у бани памыітиса бѣла, — вотъ у насъ будить дѣла; салдатамъ дайта вальготу: пѣ двн крышки вина ды по двн кашн.“ — Іонъ дау вальготу салдатамъ, а самъ паѣхаў у баню мытца. Пакуль іонъ памыўся, ана узшла шкатулку деннгъ палкоўніка, надѣла мужскоя плаття ды й пашла на Аршаў — горыдъ гулять. Пашла ана на Вислу ряку, нанилась тамъ ў работннкн кѣ мисннкѣ. А у ту пару у Аршавн нн було царя: царъ помирѣ. Сабралась съ разныхъ замель каралн и думалн, каво паставить царемъ. Уздумалн: — „Пагонимъ народъ у Ягорыўскія вароты: у каво свича загарытца, бытъ таму царемъ!“ — Праганялн: у самыхъ большихъ лицъ свѣчн нн загарѣлнсъ. Стали праганяць купечства — нн загарѣлнсъ. Стали праганяць работннкѣу — у етый царѣуны-работннка свича загарѣлнсъ. Тройчн праганялн — 3 равн загарялнся.

Тутъ уси ў адннъ голысъ крнкнулн: „ура!“ — Духоўныя прашлн: — „Многая лѣта!..“ Уси днржалн прнсгу — съ большихъ лицъ и да малыхъ. Съ трызвоннымъ и музыкѣу увалн яе ў царскнй дварецъ. Тотъ жа разъ прывалн харошыга жывапнсца; ана ў асобнй комнати завла сабѣ пуклн и выходить, какъ царнца. — „Вотъ табѣ горсть золнта; штоба быу патреть гатоу чнрызъ три днн!“ — Жывапнсцъ снау снмыкъ и черызъ три днн напсасу патреть. Ана яму дала 3 горстн золнта.

Валѣла ина свой патреть на талкушннмъ рынкн прыбнть на стоубѣ и прнставла самыхъ строгнхъ жандармѣу. — „Хто будить сматрѣтъ на мой патреть и сміятца, брать таво падъ стражу; хто будить ругать, таво бярыта падъ каравулъ.“ — Бѣгли два рыбаловы и засміялнсъ, — узалн ихъ падъ каравулъ; ѣхалн два дядн Івана Іванывнча, узвднлн патреть, стали ру-

гатца,—ихъ узяли падъ каравулъ; ѣхаў полкоўникъ, стаў ругать патреть—и яго узяли падъ каравулъ.

Иванъ Ивановичъ пріѣхаў изъ Ваксоніи у Аршаву, увидаў патреть, стаў плакать, и яво узяли падъ каравулъ. Больши жандармы никакo ни видали, сняли патреть и пували, которыхъ узяли падъ каравулъ, къ царьцѣ.— „Што, ребятн, много-ли посадили?—6 чилавѣкъ.—На заўтрига царица ихъ стала судить. Вывили рыбаловыѣ; ана и гаворить:— „Ета ребятн маладэя, халастэя,—дать имъ по 100 рублей и выпустить“.— Вывили яе дядиеъ:— „Дать имъ по 120 кнутаў и саслать на Сибирь“.— Вывили палкоўника:— „Ты какой палкоўникъ? Чиризъ женщинъ б...й ты салдатнѣ сбалуваў! Дать яму волчій билетъ, сламать яво шпагу на галавѣ и лишитъ дворянства.“— Вывили яе мужа, ана гаворить. — „Ну, етыва вядитя ка мнѣ у палаты.“— Вотъ ина пришла у палаты, стала яво абнимать цулувать, и стали яны двумя царствами упраўлять и тѣтушку привязали къ сабѣ.

Отъ старика Василя Михайлова.

Жѣ 24.

Якъ салдаты три начи старажій панойницу у бани, и яго хатѣли пагубить храмэя, сляпэя, кривэя и абъ 12 галавахъ; якъ потэмъ у церкви іонъ яе старажій и маніўся зъ ёю.

Какъ жиў адинъ купецъ миллионщикъ, и была у яго дочка валшебница. Наканецъ ина чустувала сваю кароткую жистъ, призываить свайго батюшку и гаворить:— „Ну, батюшка мой милый, батюшка любимый, я ужъ умираю, а што вамъ я буду приказывать, то вы исполняйтя тоя, какъ я умру: караульта мене три начи ў бани и три начи ў церкви.“ Наканецъ, сдѣлаўши ўсѣ заяўленія, ина пумирла. Іонъ и давай нанимать гробъ дѣлать и яму капать; патомъ приказаў кавалю сдѣлать два абручи зялѣзныхъ, улажиў яе ў гробъ и нагнаў ети абручи на гробъ и поставиў яе ў бани. Патомъ и давай нанимать старыѣ караулить етытъ гробъ съ купечискою дочкою. Вотъ и сагласиўся адинъ салдатикъ караулить. Приходитъ ночь. Іонъ узяў съ сабою свячей, ладану и книгу, пашоў ў баню, сѣў на стаўбѣ и давай книгу читать; читаў, читаў; патомъ у са-

мую полночь какъ лопнуть эти абручи, какъ лѣзить ина изъ гроба и гаворить:— „Хто тутъ такой при мнѣ іость?“— Увидѣла етыга салдатика на стаѣбѣ и гаворить:— „Эй, сляпѣя, кривѣя, сабирайтися сюды уси!“— Вотъ яны якъ сабралися и давай етыга салдата даставать са стаѣба: никакъ ня могутъ яго дастать са стаѣба. Патомъ пѣтухъ кукареку, то яны и прапали. Приходитъ етытъ салдатъ, и купецъ яму даѣ сто рублей. Патомъ, узѣѣши деньги, іонъ пашоѣ у кабакъ и для смѣласти выпіѣ водки, сколько яму було нужна. Патомъ купецъ стаѣ прасить салдата на другую ночь, и ужъ набіѣ чѣтыри абручи зѣлѣзныхъ. и гаворить:— „Ну, братъ, служіѣ ты мнѣ да барады, служи и да вуса. Вотъ табѣ двѣста рублей, только пириначѣй и другую ночь!“— Іонъ сагласіѣся, набраѣ съ сабою свѣчей, узѣѣ книгу и пашоѣ у баню, сѣѣ на стаѣбѣ и читаѣть книгу. Падходитъ дѣла къ паѣночи; вотъ ина выли-зѣѣ изъ гроба, и абручи зѣлѣзныя ѣрозъ. Ина и гаворить: „Эй, хто ета такой іость?“ И кричитъ:— „Сляпѣя, кривѣя, са-бирайтися ѣси сюда!..“ Вотъ яны какъ идутъ, какъ двинутъ, и давай етыга салдата тянутъ: хто рѣжноѣ, хто кулакомъ.— Пароли, пароли, никакъ ня магли яго дастать. Патомъ пѣтухъ кукареку, и яны нѣзнама—идѣпадивалися. Вотъ іонъ слѣзъ са стаѣба и идеть къ етому къ купцу. Вотъ іонъ и спрашіѣтъ у яго:— „Ну, што табѣ тамъ було?“— А іонъ гаворить:— „Если хочишъ спрасить, то можишъ самъ схадить, а мнѣ пѣжалѣѣй деньги.“— Вотъ іонъ яму атдаѣ деньги, а іонъ пашоѣ ѣ кабакъ и напіѣся водки пѣяна-дѣ-пѣяна. Патомъ и гаворить на яго етытъ купецъ:— „Ну, братъ, служіѣ ты мнѣ да вуса, служи и да барады: пириначѣй ужъ и третіѣ ночь!.. Вотъ табѣ триста рублей!“— Охъ, салдату ужъ какъ награзила, то ужъ и ня хочитѣа идить, да нечига дѣлѣѣтъ, нужна паслушать. Вотъ іонъ пашоѣ, набраѣ съ сабою свѣчей, узѣѣ книгу, и нагнали на гробъ восимъ абручей зѣлѣзныхъ. Вотъ іонъ узабраѣся на стоѣбѣ и читаѣть книгу. Только падходитъ дѣла къ полночи, абручи еты на гроби ѣрозъ, и выходитъ ина изъ гроба. Патомъ и гаворить: — „Хто тутъ іость такой?“— Патомъ и кричитъ: „Эй, сляпѣя, и храмѣя, и кривѣя, и абѣ двѣнадцѣтѣи гѣлавахъ. штобѣ были уси суды!“— Вотъ какъ идеть самый ихъ глаѣѣный съ двѣнадцѣтѣи гѣлавами, и пѣсабралися усѣ. Патомъ и гаво-рютъ:— „Ну, какъ мы яго аттѣда снѣнимѣтъ?“— А самый стар-

шіѣ съ двинадцати галавами и гаворить:— „А вѣ какъ ин
яго дастанимъ: идитя и сабаритя тѣ агарки, каторыя са 'бомиъ
старонъ палины.“—Вотъ яны павѣгли ў разныя стораны и са-
брали са 'бомиъ старонъ агаркаў. Вотъ яны и надпалили етытъ
стоўбъ. Видить етытъ салдаты, што дѣла яго плоха: ужъ да-
бирайтца агонь да яво.—А патомъ пятухъ кувареку, такъ яны
пашевли, а стоўбъ етытъ завалиўся, и салдаты етытъ жиў
астаўся. Патомъ даў Вохъ вутра, салдаты етытъ идеть къ
купцу и гаворить:— „Ну, гаспадинъ купецъ, то миѣ была бя-
да ни беда, а сяводни миѣ была беда: мяне саўсѣмъ стащили,
такъ што стоўбъ сгарѣў, а я астаўся, слава Богу, жиў.“—
Патомъ купецъ атдаў яму триста рублей деннигъ, іонъ и па-
шоў у кабаць, напіўся водки и приходить къ купцу, а купецъ
пашоў къ кавалю и приказаў, штоба іонъ увесь гробъ пасеку-
ваў злѣзымъ. Каваль ўсѣ ета исправіў. Вотъ купецъ прика-
заў, штоба яе нясли ў церкву и схаранили ў яму. Вотъ при-
нясли яе у церкву, а пупа дома нѣту, наставили яе начувать
ў церкви. Патомъ купецъ и гаворить на салдаты: — „Ну, братъ,
начуваў ты ў бани, пририначуй ужу и ў церкви: я табѣ за
ета палавину свайго вмушества атдаю.“—Вотъ іонъ сагласіўся,
и пашоў ў церкву начувать. Толька нямнога ўрема прайшло,
сичасъ абручи ети ўси ўрозъ; ина и вылизать изъ гроба. Сал-
даты и ўрабѣў, а ина на яво гаворить:— „Ня бойся, мой ни-
лнй, я вижу, какъ ты мяне бирагешъ и какъ ты много ста-
раистя!“—Патомъ какъ абнила ято, а іонъ яе за шію крѣпка,
такъ што яны ни маглі разжатца. А пятухъ—кувареку, такъ
ина и атсталась жива; узяў яе салдаты за руку и павѣў да-
мой. Привинчались, стали жить, да паживать, да добро на-
живать. Я тамъ быў, медъ, вино піў, па вусамъ тякло, а ў
ротъ ни пупала. Ета сказка ўся и расказывать нильзя.

№ 25.

**Абъ Егари бизшастнымъ, янъ іонъ дочъ индійскага цара
даставаў.**

Въ нѣкаторымъ царстви, въ нѣкаторымъ гасударстві, а
иминна ў томъ, въ каторамъ мы живемъ, быў нишчасныѣ Егаръ.
Какъ на учения идеть, бьютъ яго, и ни йдѣ іонъ сабѣ щастя

ни найдить: худа жить. Памаліўся Богу и выбраўся ў дарогу. Пашоў туда, куда глаза глядять. Ишоў и донь, и ночь, и нѣ-
 скалька дней: стащѣў Егарь бищасный няѣмни. Прибіўся къ
 рѣкѣ. Хадіў, хадіў, два пираходы нашоў. Узыйшоў на гару
 атъ рѣки и увидаў: станть домъ. Тотъ Егарь бищасный ни
 пубыўся страху: пашоў у тотъ домъ. Уходитъ у домъ: стаятъ
 стали, панакрты скатирстими бѣлыми; на сталахъ стыять уся-
 кія вини, и станть букаль. Егарь пашоў на комнатахъ и ни
 нашоў никого. Егарь и дивитца, што ета такая, акей тутъ
 іостъ житиль, што нѣтъ никаво, да хто та еты вини будить
 кушать. Егарь Богу пумаліўся, за столъ садіўся, у лѣвую руку
 бяретъ бакаль, а ў правую грахвинь, бяретъ, наливантъ и га-
 ворить:—„За здароўя таго, хто іостъ у дома, я буду водку
 кушать.“—Пакушаў Егарь винца и разныхъ другихъ кушаніў,
 вылизъ Егарь нѣ-за стала.—„Слава Богу, што Богъ даў мнѣ
 пицу, а то прихадилась памирать!...“ Ходить бищасный Егарь
 на комнатахъ, у виселымъ види, пасматрѣть: висить кисеть на
 стѣнѣ, на гвоздику. Радъ стаў Егарь, што, вѣрна, етый ки-
 сетъ висить съ табакомъ: дай я яго сниму аттуда!.. Сняў Егарь
 бищасный кисеть, пасматрѣў: у кисети табаки нѣтъ.—только
 іостъ у кисети кремишкѣ и мысатикѣ. „Дай я папробую сика-
 нуть! Эта падарожнаму чилавѣку сгадитца.“—Сикануў іонъ мы-
 сатикымъ па кремушку,—выскакивають двинадцать малайцоў:
 голысь у голысь, волысь у волысь, глазъ у глазъ, глядять якъ
 разъ. — „Што табѣ атъ насъ нужна?“ — А іонъ гаворить:—
 Нѣтъ, братцы, мнѣ ничаво ня нужна.—Яны узали и скрылись.
 Ходить Егарь па комнаты и завидіў кончикъ свѣчки.—„Дай
 вазьму; ина мнѣ сгадитца хоть сапаги пачистить!“—Торнуў
 Егарь бищасный етый свѣчкой абъ лѣвый рукаў,—выскачила
 шесть малайцоў: голысь у голысь, волысь у волысь, глазъ у глазъ,
 глядять какъ разъ и гаворють:—Што табѣ, Егарь бищасный,
 нужна?—„А во што: штоба была мнѣ папить, паѣсть и па-
 гулять.“—Гатова, гаворють яны: садитись и кушайта!—Егарь
 бищасный пакушаў. Патомъ вылизъ нѣ-за стала, публагадаріў
 Бога и гаворить:—„Слава Богу: Богъ мнѣ щастя паслаў.“—
 Вынимантъ мысатикъ и кремушкѣ, ударіў мысатикъ абъ кре-
 мушкѣ,—выскакивають двинадцать малайцоў: голысь у голысь,
 волысь у волысь, глазъ у глазъ, глядять якъ разъ и гаворють:—
 Што табѣ нужна?—„А во што мнѣ нужна: штоба даставить

мяне у индѣйскыя царства.“—Вотъ яны принесли яго уиндѣйскыя царства.—Хадіу іонъ на горыду и нашоу сабѣ квартиру скрытую. Дадина была комната, а ў тѣхъ комнати никто никада ни бувайтъ. Приносятъ къ яму хазяинъ ноччу вужинать, и пашоу у ихъ разговоръ:—А што, хазяинъ, скажи, ни патѣй, іость у вашига цара Далмата дочка?—„Да, братъ, іость дочка и висьма красива, толька ей усяго васимнадцать лѣтъ.—Настасься Прикрасная.“—Кончіуши савѣтъ, разашлись. Бяретъ іонъ мысатикъ и кремушикъ, сикануў мысатикымъ,—выскачили двинадцать малайцоў: голысь у голысь, волысь у волысь, глазь у глазь, глядять какъ разъ и гаворють:—Што табѣ угодна?—„Штоба мнѣ была принесина Настасься Прикрасная.“—Сичасъ яе и принесли. Палижаўши съ Настасьсію Прикрасною, Егаръ сатваріу грѣхъ. Патомъ и гаворють:—„Ну, гаспада, идѣ узяли, туда и атняситя.“—Даў Богъ день, и гаворитъ Настасься:—„Видила я у ва снѣ, што я выла.—Во тамъ-то и тамъ-то, случіўся нада мною грѣхъ.“—Сичасъ сабрали думшихъ синатѣраў разгадывать сонъ. Думшія синатѣры ни разгадали. Паслѣдаваў приказъ сабрать валшебницъ. Вотъ сабрали валшебницъ, стали яны гадать и разгадали сонъ:—„Ета ня сонъ, а праўда.“—А пачомъ праўда?—„Ета праўда па валшебнаму талисману.“—Даждаўши другей noci, насыпали гароху у мяшокъ и прарѣзали ў мяшку дырачку. Егаръ инатъ то самы дѣлайтъ: приказаў, штоба малайцы ипать принесли яму Настасьсё Прикрасною,—„Да сматрится: няситя ни путемъ, ни дарогую!“—Вотъ яны прискѣчили и панясли ни путемъ, ни дарогую: пакамысь данясли, дыкъ таго гароху нѣтути. Вотъ Настасься Прикрасныя палижала съ Егаримъ и атправилась на сваю лажницу. Приходить хрелья къ Настасьсё, пасматрить: гароху нѣту. Тутъ сдѣлаўся па гораду большой розыскъ. Хадили, хадили, а толку ни нашли. Сабрались ипать валшебницы. Парышили сабрать маку два гарца и привизать къ ей и прарѣзать ў мяшкѣ малинькую дырачку. Даждаўшись, Егаръ, третій noci, бяретъ мысатикъ и кремушикъ, сякетъ,—выскакивають двинадцать малайцоў.—Што нужна, Егаръ?—„Штоба была мнѣ принесина Настасься Прикрасная! Да сматрится: няситя ни путемъ, ни дарогую, а ўсѣ равами!“... Прискачили, падхватили и панясли, ни путемъ, ни дарогую, а ўсѣ равами. Нямножка Настасься палижала—съ двинадцатага часу да шастаго. Патомъ

и гаворить:—Ну, атняситя яе на лажницу!—То яны сколько ни насили, а макъ астаўся ў мяшочку. На заўтритга сдѣлали большой обыскъ. Вотъ яны и нашли ету дарогу. Вотъ яны пришли у тотъ домъ, идѣ жиў Егаръ. Нашли яны Егара и нашли макъ на лажницы, идѣ лижала Настасья Прикрасная. Вотъ и узали Егара падъ аристь, атабрали у Егара талисманъ, закрипили яго у стоўбъ и вялѣли яму выдавать хунтъ вады и хунтъ хлѣба. Прасядѣў Егаръ двинадцать дней, приносить яму хазяйка миластыню; іонъ и гаворить ей:—„Ахъ, хазяйка, ляжить у мяне кончикъ свѣчки, идѣ я спачиваў, на касякѣ, то ты придастаў миѣ яе!“.. Хазяйка приходитъ рана па вутру и приносить яму миластаню и съ миластынію падаецъ яму кончикъ свѣчки. Сичасъ іонъ бяретъ свѣчку и третъ абъ лѣвыи рукаў, выскакывають шесть малайцоў:—Што табѣ нужна, Егаръ?—„Штоба разламить етытъ стоўбъ!“—Нѣтъ, Егаръ ни магемъ, патаму што мы маласильны!..—„А ти магетя вы старый талисманъ дастать у царя Далмата?“—А ета дѣла сичасъ будить гатова!—Сичасъ яму и даставили кремушикъ и мысатикъ. Сичасъ рубить абъ кремушикъ мысатикымъ, выскакывають двинадцать малайцоў.—Што табѣ угодна, Егаръ?—„А што, вы ня видитя, што миѣ нужна? Штоба етытъ стоўбъ разбить и размитать и мятлою разместь, штоба було усядохуъ роўна!“—Вотъ яны склепъ разлумали, размитали и мятлою размяли. Увабраўся Егаръ за горадъ, павиливаить сваими слугами, штобы съ чатырехъ старонъ были навадины арудія, а пишаходамъ и щоту нѣту и конницы тожъ. Написаў канвертъ къ царю Далмату:—„Када ты миѣ ни атдашь дачки у супружества, то я твае царства и спяву, и сажгу, и пѣнилъ размяту!“—Устаецъ царъ, уходитъ у кабинетъ, пасматрѣть: на сталѣ ляжить пакетъ; іонъ прачитаў етытъ пакетъ, узяў падзорную трубу и пасматрѣў на ўсѣ чатыри стораны, разсматрѣў: многа силы сиради горада завлумилася, и гаворить:—„Нежили миѣ царства видать, то луччи дочъ сваю атдать!“—Сичасъ идеть стричать Егара съ музыкаю, хлѣбамъ и солью.

№ 26.

Якъ двѣ сѣстры брата загубили, а дудычка зѣ липинки тоя
дѣла уснимъ разсказала.

Была у хазяина двѣ дачей рѣднихъ и яще пасыныкъ, и
пашли яны у ягады. Узяли тни сестры и забили тога брата,
при ў дарози закапали, рукавами примахали, чибатами притап-
тали. На ту магилку посадили липинки. Ишли два краўцы, сна-
ли съ тѣй липинки дудачку и зайграли у тую дудучку:

„Патихѣньку, кравецъ,
Пумаленьку, кравецъ;
Была у мяне двѣ сѣстрицы,
Да ня роднинькыхъ,—
Яны мне загубили,
При ў дарози палажили.

Старшую дачку замыжъ выдавали, краўцы на свадьбу зай-
шли. Дядька нявѣсты и гаворить на краўцоу:

— Икая у васъ дудычка харошая—пниграю-ка я на ей.
Зайграла дудычка сваю пѣсню.
Пупрасила дудычку нявѣста, а дудычка ей игрантъ:

— „Патихѣньку, змѣя,
Патихѣньку, лютая!
Была у мяне 2 сѣстрицы,
Ды ня роднинькыхъ:
Яны мне загубили,
При ў дарози палажили,
Рукавомъ примахали,
Чибатомъ притаптали,
Липинку сажали.

Пасматрять падъ липинкѣй, а тамъ кости брата тыхъ дѣ-
выкъ лижать. Узяли ихъ къ коньскимъ хвостами привязали;
растаскали кони ихъ тѣла на чистомъ полю, дайжа и кости-
чикъ ни знайшли.

№ 27.

Абъ чилавѣки—што ни паспить, сто залатыхъ падъ падуш-
ный іўлянтца; абъ царейни—ина па комнати бѣгаить, а жа-
нихъ ей деньги сыль, панамистъ ина ни притомитца; якъ
яна жаниха свайго правадила, а потѣмъ іонъ яе атхадіў,
рохъ присадіў; потѣмъ атхадіўши, выличіў и жаніўся зъ
ею. Абъ ваўшебныхъ: 1) типлятахъ, 2) шапки нивидимки,
машинѣ трясейки, плети, 3) яблачныхъ.

У мужика курица знісла пару яечикъ у торговый день.
Іонъ ету пару яечикъ пднись прадавать. Спрашіть яўрей:

— „Нѣтъ ли чаво прадажнава?“

Жйду гаворить мужикъ:

— „Пара яечикъ іостъ.“

— Што ты за нихъ хочишь?

— „Пятьдисять рублей.“

— Свиння мужикъ! па капѣйки янчка.

Мужикъ пайшоў, идетъ кала лавыкъ.

Купецъ увидаў и спрашіть мужука:

— „Што прадаешъ?“

— Пару лечикъ.

— „Што табѣ за ихъ?“

— Питьдисять рублей. На етыхъ типлятахъ подпись: када
типлятки выйдуть, тады тыхъ типлятыкъ абжарить, зѣѣсь кры-
лушки и ножки: атъ етыва будить са сну сто залатыхъ іўлянтца
падъ падушкый.

— „Вотъ табѣ, братъ, пятьдисять рублей, вотъ табѣ чет-
вирть иржи награды, и тебе прашу: нiasi ихъ дамоў, падснпъ
падъ насѣдку,—и кыда ети типлятки выйдуть, то тыда приха-
ди ка мнѣ: я тибѣ дамъ крупы.“—Етытъ мужикъ насѣдчыку
пасадиў, и вывида курица пару типлятыкъ. Іонъ пашоў, етытъ
мужикъ, къ купцу. Купецъ даў яму крупы, даў яму и муки,
и што яму была нужна—усяго даў.

Када мужикъ пришоў дамой и разказаў жанѣ, то ина рада.

— „Слава Богу, што Бохъ паслаў намъ таланъ такую.“—
(Мужикъ ни знаить, што ета угодный яечки были).

Када типлятки пупавыйшли, имъ ужу три нядѣли, мужикъ
приходить къ купцу.

Купецъ мужику гаворить:

— „Вотъ тибѣ, братъ, валъ на гавядину и десить ведръ вина; вотъ тибѣ муки четвирть.“ — Даетъ яму крупы пять пудъ — и иминна, штобы была усяво дастатчна.

— „Здѣлай балъ, пригласи и мине будта бы и пупраси купцоу, маихъ ближнихъ сусѣдѣу, штоба мнѣ ня стыдна была къ табѣ прѣхать на балъ — а мнѣ твае угащеніе никакоя ни нада, тольки для мине пару типлятыкъ тыхъ зажарь.“

Ета была пригатурвана усѣ.

Зѣѣхались, каторыя были запрошынны; пили, гуляли.

Наканецъ, када атыйшоу столъ, тады іонъ, етый купецъ, гаворить:

— „Пажалуйтя, хазяинъ, мнѣ тыхъ жаринныхъ типлять!“

Подали яму типлять. Пасматривать на типлять: аборваны крылушки и ножки.

Купецъ за ета асирчау и гаворить:

— „Самныя нужныя аборвана, за каторыя стоить мнѣ пять дисаць рублей — крылушки и ножки.“

Атъ бальшей дасады купецъ пуѣхау и мужика етыва разбраіѣу. Мужикъ етый начау слѣдывать, хто такей ета здѣлау: типлять абарвау. Сынъ яго, мальчишка, аказалась, абарвау. Іонъ на яго злѣй годъ, што таперича іонъ яко живого ня пустить, якую іонъ приказію здѣлау. Етый мальчишка спужаѣся и дау ходу; забижау у дальнію дареюню.

Пириначувау. Пириначувавши, забраѣся падаліѣ, астана-віѣся у аднѣѣ удавѣ.

Та яво узила къ сабѣ:

— „Живи у мине, паси у мене скоть!“

Жалѣла ина яво и пригидала, якъ свайво рабенка. Нѣ скалькы лѣтъ іонъ пражіѣ; стали яво люди стыдить:

— „Тибѣ стыдна жить у няѣ и пастивить скоть.“

Іонъ падумау, и гаворить:

— „Тетка, ня буду я у тибѣ жить — пайду я атъ тибѣ.“

— Пагади тарговыга дня.

Тарговый день пришоу. Ина сказала:

— „Пайдемъ са мною, у горыдъ; — я атпущу тибѣ.“

Пашли яны у горыдъ, купила яму адѣжу, усю, якъ даѣжно, зѣ нохъ да галавы, и купила яму лошадь и сядло, и стозылатыхъ дала яму на дарогу, а етыва ина яму ни сказала пра

яво таланъ, што іонъ, якъ паспить, такъ у яво падъ падушкый сто зылатыхъ іўлянтца.

Сказаў іонъ теткі:

— „Блыгадарю, и прашай!“

И паўхнуў.

Нёскалькі уреми праўхаў, заізжаіць къ яўрею и спрашнїть, іось ли авёсь и сёна, и яму абёдь. Яўрей твичанть:

— „Милинькій, усё іось ли тябе.“

Іонъ застануваўся, начаў ібёдаць и лошать карміць; пабёдавши, захатёў атдыхнуць — устаў, расплатіўся за абёдь и паўхаў. Нёскалькі уреми праўхаў, захатёў спать. Іонъ астануваўся, зъ лошади сядло сняў, падлажїў сядло у голывы и лёхъ спать, лошать навизаў. Прашнуўся надъ вичирь, начаў лошать сидлатъ, пасматрїть: падъ сядломъ сто залатыхъ. Іонъ деньгі узаў, сёў и паўхнуў.

— „Слава Богу, ища деньгі іось.“

Паўхнуў ипать къ яўрейки, идё лошать карміў, а яўрейка нашла падъ падушкый сто залатыхъ. Якъ къ яўрейки прївхнуў, такъ яво устричанть она и гаворить:

— „Якой ты чилавёкъ, што мнё здёсь якую бяду заставїу?“

— Яку бяду?

— „А сто зылатыхъ забыў падъ падушкыю“.

— Я за ими и прївхаў.

Деньгі пулучїў и, узнаўши абъ сваймъ щасти, начаў збирать деньгі, сабраў множїства и уздумаў жанїтца съ етакымъ щастїмъ.

Праслыхаў: у аднаво царя іось дачка, каторая ни хатїть за бёднива итїть.

— „За таво пайду, хто мне заморить у горницы диньгами: кожїнь разъ, якъ на горницы пїряйду, двадцать пять рублей вымай!“

Етыть чилавёкъ атызваўся, прївхаў къ ей и гаворить:

— „Сыгласїнь.“

И начала ина хадить на комнатамъ. Якъ разъ пїряйдётъ, то 25 руб.; сколько разъ пїряйдётъ, усё на 25 руб. Дакъ она хадила, хадила и щотъ минула, а іонъ усё пу 25 руб. платїў за кажный разъ и щотъ патираў. Тада ина замарилася, патиребывала кресїль.

— „Садись, мой друхъ! ты мой жанихъ!“ Патребывала вотки и начала яво гастить. Да таво гастила, пакуль іонъ здѣлаўся хмялѣнъ, а тада начала распрашивать:

— „Съ якова званія?“

— Ды проста изъ мужикоу.

— „Идѣ казну такую узяў нибнакнавенную?“

— А я зѣў у двухъ типлять крылушки и ножки, ать етыва у мене здѣлалась тылань: падъ бырадою вырысла костычка малинькая за шкуруй.

Ана яво пырядкымъ распрасила, а тыда яво начала спавать—ды таво напайла, што іонъ съ кресла упаў и здѣлаўся бязъ чувствія.

Тада царьская дочъ съ-пыдъ барады вынула костку, прыкызала яго вытащить вонъ, бросить, якъ свинню, у роў.

Іонъ усё спаў. Якъ прашнуўся, видить, што лишиўся щастя, и пашоў биднячкомъ.

Нѣскальки ишоў,—дарутца три браты. Іонъ къ нимъ пыдайшоў и гаворить:

— „Братцы, за што вы дяретись?“

Яны яму атказываютъ:

— „Помиръ нашъ атець, и засталися три вещи: мышна-трясейка, шапка-нивидимка и третія плеть. Мышна-трясейка, што болій трясешъ, то болій денихъ; шапка-нивидимка — надѣнь яе на галаву, и тады, што хочишь, бари; плеть — махнешъ бытаўёмъ — представитца кабыла, а хлопнишь — дыкъ дѣўка. Кабылу прыдашь — деньги; дѣўку прыдашь — деньги; шапку нивидимку надѣнишь — никто ня ўвидить.“

— Вы ни дяритесь — я васъ разсужу. Атдайте миѣ уси ети вещи. (Яму атдали).

— Сами-жъ атыйдитя къ тому дериву и бягитя ка миѣ. Тыда, каторый упарѣдъ прибегить, тому усѣ три вещи.

Яны такъ и здѣлали.

Якъ атдалились ать яго, іонъ узяў шапку нивидимку надѣў; яны яво ни видала, усѣ дураками стыяли.

Пра царёўну уздумаў, атиправіўся къ ей, абазваўся жаникомъ.

Тада ина начала хадить тиризь комнату; патуль хадилъ, пакаль затамилась, а іонъ усѣ клаў па 25 руб.

Патребывала креслы и сѣла зъ женихошъ.

Жанихъ думаютъ:

— „Тада ина мине абманила: ну таперица ни'бманить.“

Патребывала вотки и начала жиниха сваго паять. Жанихъ пувисялѣу; тада начала ана распрашивать:

— „Якова ты званія и йдѣ столько денихъ набрау?“

Іонъ усе ей аткравенна пуразсказау.

Цареуна разгарѣлась на яво вещи, штоба ихъ атабратъ. Начала болій яво спаивать,—да таво спайла, што іонъ съ кресла упау; тада ина усѣ три вещи атабрала, яво раздѣла, приказала:

— „Вытащитя яво на дворъ и бросьтя яво у роу, якъ свинню.“

Прашнуѣся наскора, паглядить: чистъ, якъ липинку абадрала—нагъ и благъ, яко нѣтъ ничего. Пайшоу у поля, хатить ѣсть. Знайшоу у поли яблань; на тѣй яблони яблычки крупныи. Іонъ узрадуваѣся, што хуть жа яблыкъ пайдаить. Сарвау яблыка и зѣѣу—вырысь у яго роу на ўбу да самыхъ нохъ. Іонъ пувалиѣся, думаютъ: была нищастя и горя,—таперь пагарчѣла: за рогушъ прайтитъ нильзя:—якъ пайдешъ, а рохъ упираить у землю. Іонъ палозъ бокымъ, увидау на пыли яблынку зъ мелкими яблачками. Іонъ яблычка сарвау и зѣѣу—у няво рохъ атвалиѣся.

Іонъ тады гаворить:

— „Пастой жа, вещи мае ня прападутъ, што мине цареуна абабрала хмельныва.“

Іонъ узяу съ етыи яблынки вырвыу пять яблыкъ и пашоу у горыдъ; спрасіу, въ каторую церкву ѣздитъ царская свита. Яму тамъ паказали. Іонъ сибѣ купіу столикъ, на вулицы паставіу и палажіу пять яблыкъ, и сядить.

Када цареуна, наярчонная нявѣста яво, ѣхала къ абѣдни и увидила на вулицы яго съ яблалами, пасылаетъ служанку сваю:

— „На вотъ табѣ денихъ, служанка!“

Приходить служанка къ етому прадауцу, каторый ли столика прадаеть яблыки, и спрашнить:

— „Прадаешъ яблыки?“

— Прыдаю.

— „Што жъ ты възьмишъ за яблыки?“

Мнѣ тибѣ ни прадать. Ета ни ли тибѣ — каму нада, тѣй самѣ купить.“

Пришла служанка и докладанть:

— Гаспажа, вотъ такъ и такъ.

Царская дачка пу ўсяму горыду запрястила таргоўлю, штоба, пака абѣдня ни тыйдетъ, то ва ўсимъ горади штоба праджи не была ни на адну капѣйку!

Када абѣдня атыйшла, царская дачка падъязжають къ етму прадаўцу, каторый яблаками таргунть:

— „Прадай яблыка!“

— Купитя!

— „Дорыга ли ано?“

— Двацать пять рублей.

Царская дачка яблычка купила. Взила яво у платокъ, заваратила, пувизла яво домой. Пріѣхамши, пашла у сваю спальню и удиўлялася, смотрячи на ета яблыка, аткуль ета такой яблыка зарадилася—очень крупна и харошій наліў, и началъ иво кушать.

Скушила ета яблыка—вырысь у няе рохъ да самыхъ ногъ, и сидить ина, якъ чучила. Посли таво, пришоў царъ и смотритъ на сваю дачку и спрашють, што съ табой здѣлалась. Ина твичаютъ:

— Зѣла яблыка—дакъ вотъ аттаво у мине и вырысь рохъ.

Царъ начаў атыскивать врачоў, дядоў, бабынь, штоба маг-ли етыть рохъ у дачки яго снять, и никто ни мохъ етыва рога снять. Палавину гусударства атдаваў, только рохъ сыми.

Жанихъ, каторыва ина абманила, атазваўся:

— Я магу иснять съ цареўни рохъ, только штоба ў домѣ ни було ни аднѣй души: только ина, царская дочка, да я, а чисавыя, штоба были на двиряхъ, штобъ никакo ни пропустили ни ў домъ, ни съ дому. Сроку я даю 2 часа;—якъ два часа пакончитца, тады прашу итить у домъ.“

Етыть жа жанихъ наряченный приходитъ къ цареўни.

— Харашо ль тибѣ етакую уродную бытъ? Успохни прежніи дѣла, якъ мине абидила: вынула у мине съ-падъ баради щастя, яшо атабрала машну-трясейку, шапку-нивидимку и плеть. Дакъ вотъ я тибѣ прашу пакарочи, штоба была меніи влпатоў: атдай мае усѣ еты вещи—тады у тибѣ рага на будить.—Ина сагласна атдать:

— „На вотъ тибѣ ключики, приди у спальню мою, и тамъ ву шкатулки лижать усѣ твае вещи.“

Іонъ пашоу съ ключами, шкатулку знайшоу, аттваріу, и уси вещи свае знашоу и забрау. Тады приходятъ къ ей и гаворить:

— „Благодарю, што атдала. Пака жѣ таперича зѣйшѣ мелинькая яблычка.“

Зѣйла цареуна меленька яблака, у нѣе рохъ атвайўлся, и гаворить ей:

— „Ну, што, нявѣста нарядонная, икаво тибѣ зѣ рогишъ была жить? Вотъ такъ и я атъ васъ пастрадау,—дакъ ящо тибѣ ня ўсѣ страданія.

Узяу нарядонный жанихъ зѣ касы и пачау яе плетью драть, сколько хатѣу. Ина справила крикъ. Часовѣя гаварить, што кричить цареуна.

Тутъ далажили, пасматрѣли на часы, што двухъ часоу нѣту: „Іонъ, вѣрна, атрѣзаятъ рохъ...“

Іонъ жа яѣ дареть плетью. Якъ атадрау, тады ударіу яе батаўемъ, и здѣлалась цареуна кабылицы.

Тѣй атходчикъ надѣу шапку-невидимку и пубижау изъ даму; кала часовыхъ прабижау, яны ни видали.

Два часы прайшло—уходить туды у домъ самъ ампира-тырѣ. Пасматрить: яво дачки нѣтуты,—только што ляжить на палу рохъ аграмадный, а па залу ходитъ кабылица пѣгая.

Царь возжаснуўся, што ета значить такавѣя. Приказау ету кабылу свестъ на канишню. И многа уреми етыва протякло, царь абвѣстиу па ўсаму гасударству, што прапала дачка.

Кабылицу пѣгую падекували, а по царскый дочкѣ память—саборъ начали строить. Тада царь заявіу ня то, што па сваимъ гасударству, такъ па ўсѣхъ зимляхъ:

— „Хто ба мохъ мою дачку атыскать, то я атдаю ўсѣ сваѣ гасударства на вѣшнюю диржаву, а за таго бѣ дачку атдау!“

Сыскаўся тѣй самый, што плетью яе атадрау, гаворить:

— „Царь, я вашу дачку атыщу.“

— Што возьмишъ за ета?

Пѣгую кабылицу—болій зѣ васъ ничога ни вазьму.“

Царь абидіўся:

— „Што зѣ мяне мала бярешь?“

Якъ кабылицу атдали яму, павѡѹ яе у кузницу, раскуваѹ и паставіѹ на навозъ, пакуль капыты зарасли.

Тадѹ приходить къ кабылицѹ, хлопнуѹ плетью — и стала ина дѣвицѹю. Царь стаѹ радъ, и яво признаѹ за зятя, и усѡ диржаву яму атказаѹ, и дачку за яво сваю атдаѹ.

Я тамъ быѹ, медъ-вино піѹ; даѹ мнѣ синь кахтанъ — куда паду, гаворять:

— „Синь — харошъ, синь — харошъ, а мнѣ кажись: скинь. да паложъ!“

№ 28.

Сунта мышки съ вирыбьемъ, абъ быгатырѣ-арлѣ, абъ купеческимъ сыни Василіи Івановичи и сыни яго Івани Васильевичи, абъ присыпанки, нявѣсти Івана Васильевича.

Какъ сыгласіѹся вырабей и зъ мышкѹю на зиму сабѣ хлѣбъ гутувать и здѣлали пичару сабѣ у поли, у зямли. Пакель вырабей принясетъ сабѣ у пичару разъ хлѣба, а мышка два. Стали етый хлѣбъ зимою ѣсть: пака мышка абшалушить разъ зернушка, ядрушка галѡе бяретъ, а мякинѹ брысать, а вырабей саѹсинъ и зъ мякинѹю влюеть. И стала мышке абидна супрыти вырѣбѣя. Сычасъ и гыварить: — „Ты, вырабей, пыка я зернушка, а ты два, три яси.“ — Вырабей и гыварить на мышку: — „Ты, мышка, на панскыи линіи живешъ, а я — на мужицкыи: я ѣмъ зъ мякинѹю, а ты ядрушка абшалушишь; — ты большій зы мяне хлѣба портишь: я ѣмъ зъ мякинѹю, такъ табѣ падаецца, што маѣ большій.“ — Нѣтъ, вырабей, гыварить мышка: я съ табою такъ ни сыгласна умѣсти жить и такъ хлѣбъ ѣсть. Якъ мы етый хлѣбъ насили, давай мы таперича падѣлимъ етый хлѣбъ урозъ: пусть ни табѣ, ни мнѣ на будить гыѣуна. — Ну, и стали хлѣбъ етый дялить. Падялили роѹна, астаецца адно зернушка; мышка спорить, што „мнѣ ета зарно слѣдуитъ,“ ну, а вырабей сабѣ бяретъ. Спорили яны доѹга за ета зернушка, но между етыга сами съ сабой ни разабрались харашо, и ни падялили ета зарно. Гыварить вырабей: — „Пайдемъ, мышка, съ табою на судъ: стрѣнимъ звѣря или птицу, расскажем иѹ пра ету нашу дяльбу.“ — Стрѣли яны ильва и арла. (А зернушка ета, каторыя ни падялили, съ сабой насутъ). Гывыратъ

яны ильву и арлу:— „Сильный леў и сизый арель! Разсудитя насъ па закону Божьму: какъ мы сыгласились зъ мышкню сабѣ на зиму хлѣбъ гутувать, но толька стали мы умѣсти ѣсть: я ѣмъ съ шалушыю, а мышка голыя ядро; я пумужицкнму ѣмъ,—значить зъ мякнню, а ина голыя ядрушка,—значить, пн гасподскнму—и мякннки ня хочить: ина и болій зьиданть, значить, зы мяне. Ну, йна захатѣла дилитца ўпаредъ, а я ни хатѣу.“ — Яны, сизый арель и сы львомъ, и думують, якъ ихъ разсудить. Арель и гаворить на вырабѣ:— „Нутка, вырабей, влюй зернушка паскарѣй!“.... Мышки ета стала гнѣуна и абидна проти варабѣ, што яго права пувизла. Вотъ сичасъ леў и гаворить на арла:— „Ну, арель, и я бы, можа, разсудіу, якъ ты. Ну, якъ я іось звѣрь сильный, а ты птица,—ну, ўсе такъ ты ни даужна судить упаредъ за мяне; ета ты проти мяне разсудіу;—то давай съ taboo вавуватца: я ў гнѣу ета прняу.“ —И давай яны на чистымъ поли битца-рубитца, сизый арель сы львомъ, и збіу-скалатіу сизыга арла леў, ни иднаго пира на іомъ ни аставіу— „Ну, вотъ табѣ, сизый арель, за тваю вину: якъ ты ўпаредъ мяне судіу.“ — Сизый арель заплакау и суміўся сичасъ сибѣ:— „Придетца мнѣ на етымъ поли таперича прападать, галодный смертію прападать!“.. Ну, и глянуу іомъ на ўси чатыри сторны, сизый арель, и увидіу іомъ стаги пшонныя купечискія; пыкатіўся да тыхъ стаговъ котымъ и узлѣзъ на стогъ, каѣ-якъ, на верьхъ. Патомъ купечискій сынъ, каторыга были еты стаги, пашоу па ахоти ахотитца и нийдѣ ничаво ни забіу, и пашоу къ сваей пшанѣ насматрѣтъ стагоу, штоба яны ня ѣлися и ни тигалися, и замѣтіу етыга сизыга арла на стагу, съ сянную капу, и гаворить:— „Вотъ якая-то птица сядить: вотъ здѣсь я паахо-чуся!“.. Прилажіўся яго бить зъ ружья. Арель сизый и гаворить:— „Эхъ, купечискій сынъ, ня бой ты мене: мяне и такъ убили бивъ тебе; а кагда жилаишъ ты, купечискій сынъ, Василій Ивановичъ, вазьми мене на три гады пакаръмишь, када ў тебе капиталу хватить: када, дастъ Богъ, перья маѣ абрастетъ, то я табѣ тваю пабиду за три гады узварачу у трай.“ —Купечискій сынъ спрашінть у сизыга арла:—А сколько табѣ нада харчей у три гады?—Арель гаворить:— „Я вамъ расказу, купечискій сынъ, а вы ращитайтя, такъ какъ вы нѣвѣтя щоты у гольви. Я знаю, што вы—купечискій сынъ,

вочинь багатый,—априча васъ мяне нихто нимагеть пракаръ-
мить; но хатя и ни хватить у васъ капитала, на кольки ўрмя
вы можитя занять: я вамъ у-двоа, у-троа вашу пабиду зварачу.
Кажныи сутки мнѣ нужна харчей ать васъ пулучать пу 12
паръ валоу; но у етымъ вы ни сумнивайтесь: я вамъ усе ета
узварачу, када мнѣ Богъ дастъ у васъ абросьт и пулучить
силу сябѣ.“—Іонъ и стаў щитать, на щоты бить, ти хватить
у яго капиталу пракармить арла три гадн: на два съ пыла-
винню хватить, на паўгода ни хватить,—толька астаецца адна
рубаша на мнѣ.—„Ня бойся, купечискій сынъ, идѣ нибудь зай-
мешъ, а мине вазьми къ сябѣ и прыкарми три гадн, а я
тваю пабиду у-троа узварачу.“—Ну, іонъ узяў яго къ сабѣ
кармить; пракармиў усе свае имущства. Жана на яго и га-
ворить:—„Дуракъ дурака и нашоу: идѣ табѣ птица варотить
имущства, увесь твой капиталъ, каторый у тебе бнў?!..
Мерзкій ты, такой-еткій, вазьми яго вынеси на площадь, на
дварѣ и убей етыга арла-птицу?!“.. Узяла яво дысада—и,
дѣйствительна, быдта жана гаворить прауду. Саскребѣ арла за
сиза крылья и панесѣ яго на дворъ бить; пасадіў яго на се-
редъ двыра и прицѣлїўся яго бить зъ ружжа. Арелъ сизнѣ
гаворить яму:—„Охъ, Василій Ивановичъ, купечискій сынъ,
пользу ты етымъ ни палучишъ, што мине убьешъ, а пабиды
твоя ўсѣ пранала... Ня слухай ты жаны: якъ ня битца, а
мяне карми. Болій ты мяне кармиў 2¹/₂ года, а паўгода якъ
нибудь карми: занимай у-двай, у-трай, а карми, а ня слу-
хай жаны: а то ўсе твае прападетъ, што ты мяне кармиў.“—
Ипать узяў за яво сизыя крылья и панесѣ у горницю; ипать
стаў кармить. Пазычаў у-двай, у-трай, усе кармиў яго; ну,
и такъ яму нихто ня вѣрить, ни хватайт и сабѣ куска хлѣба
зѣсть. Жина ипать разгнѣвалася и стала яго ругать:—„Мерзкая
ты еткаа сволачъ, идѣ ты видіў, што бѣ табѣ птица уся па-
бѣды узращала у-двай, у-трай, у-пятира?!.. На табѣ нѣту
валасоу стольки на голыви, сколько у тѣбе далгоу, а сваѣ ба-
гатыя бящотныя имущства ты правѣу... Я табѣ гварю:
вазьми ты луччи яго забей...“ Апать іонъ, ать дысады ти-
жало уздыхнуўши, и панесѣ на дворъ арла бить. Гаворить
арелъ на купечискыга сына:—„Сынъ купечискій, Василій Ива-
новичъ, ну, меній таперь асталысь кармить мяне—адинъ тольк
мѣсяцъ: ни слухай ты жаны,—ну, карми мяне адинъ мѣсяцъ:

а то пользы ни палучишъ, што мяне забьешъ, а то тваё имущества усе прападець, и закабалинъ астанисся ты сильна ў дауги...“ Іонъ яго апятъ узяў за сязокрылля, ипять панесъ у горницу, ипять кормить, и ни дакормить тольки трехъ дней да трехъ гадоў, а изъ силъ выбіўся: никто яму ян вѣрить. Ипять жана крѣпка усердилься:— „Мерзкая сволицъ, што ты самъ сабѣ думашъ?!.. Кали ета було, штоба іонъ тваё узваратіў?!.. Убей яво!...“ Іонъ апятъ крѣпка уздыхнуў и пашоў арла бить.— „Ну, сизъ арель, вѣрна усе мае прапала: идѣ табѣ усё узваратить?— Охъ, Василій Ивановичъ, купечискій сынъ, карміў ты мяне три гады, а таперь асталысь кармить три дни. Якъ ня бейся, якъ ня бейся, ну дыстанъ на еты три дни 70 валоў... Жаль самаво сябе и жаль тебе, Василій Ивановичъ, купечискій сынъ! Нясмѣтныя ты сваё имущества усё пракарміў мною и у доугъ вочинъ залѣзъ многа,— а якъ ты мяне убьешъ, самъ прападешъ и я прападу: ну, якъ ни битца, а дастанъ ты мнѣ на етыхъ три дни харчей 70 галоў!.. Василій Ивановичъ ипять узяў яго за сязокрылля и панесъ у горницу. Ну, якъ ня біўся, даставіў яму на троя сутыкъ 70 галоў. Тады и гаворить етый арель на купчаскыга сына Василя Ивановича:— „Благодарю я табе, купечискій сынъ, Василій Ивановичъ, за хлѣбъ, за соль, за то, што ты мяне пракарміў три года: толька ты мяне три разы вочинъ испужаў, такъ што у мяне уся жылы замерли и астанавилысь уся кроў. Ну, а на табе за етый страхъ ня гнѣваюсь: жана табе у большую дасаду увадила. Ни убойся мяне, Василій Ивановичъ! я табѣ такой страсти ни узвырачу!...“ (Іонъ быў, етый арель, сильный и магучій багатырь; такъ сказать, што іонъ быў самъ вихырь— снызы арломъ).— „И таперь, какъ я стаў на стану, якъ и ўпредъ быў, и того сильнѣй: садись на мяне лягенька, дяржись крапенька: пайдемъ у нясмѣтныя быгатства тваю пабиду сыйскивать.“ У тридыватымъ царстви, за тридывать зямель, живеть мня большія систра;— палятимъ къ ей тваю пабиду узыйскивать. Но толька слушай мяне, Василій Ивановичъ, што буду табе учить,— такъ ты и дѣлай. Якъ прилятимъ мы къ большій сястрѣ и сядимъ на кастеръ агроный, проти сястриныга балкона, такъ вазьми палку у руки и бей мяне па галавѣ. Но йна, сколько лѣтъ мяне ни видала, ну, йна ужалитца, какъ ты мяне будишъ бить. Йна выйдить къ табѣ и ска-

жить:— „Купечискій сынъ, Василій Ивановичъ, за што майго братца бьешъ и такъ забивашъ: ти іонъ табѣ доўжонъ, али винувать? Када даўжонъ, али винувать, я ўси пабиды яго уплачу: бари злата или сребра, сколько табѣ ўгодна!“— Ну, ты, Василій Ивановичъ, ни бари ни злата, ни сребра, а скажи:— „Ни хачу я ни злата, ни сребра, а атдай мнѣ тую машиньку, што виситъ на станѣ и машинько зарасла!“— И прилятели яны къ большій сестрѣ арла. Василій Ивановичъ усе то сдѣлаў, што арель учиў, и требуваў машиньки, што мохымъ зарасла.— „Ну, нѣтъ, купечискій сынъ, Василій Ивановичъ, хуть ты яго забей, а машиньки ни 'тдамы!“— Василій Ивановичъ сѣў на арла лагенька, дяржитца кряпенька, и палятели яны къ сяредній сестрѣ. Ипать, на кастеръ дроў сѣўши, пачаў купечискій сынъ, Василій Ивановичъ, арла думъ паленю па галавѣ. Ипать выскакнѣ сяреднія систра и гаворить:— „Охъ, Василій Ивановичъ, купечискій сынъ, за што майго братца бьешъ, што іонъ табѣ даўжонъ, ай винувать?.. Ну, усе пабиды я табѣ узварачу удвай, утрай, тольки ня бей, бари злата и сребра, сколько табѣ ўгодна.“— Брала ина залаты ключи, атвыряла усе сундуки: „бари быгаства, сколько ўгодна.“ Василій Ивановичъ гаворить:— „Нѣтъ, ня нужна мнѣ ни злата, ни сребра, а дайте мнѣ тую машиньку, што на станѣ виситъ и мохымъ парасла.“— Нѣтъ, гаворить: якъ ты хочишъ, хуть яго забей, а машиньки ни 'тдамы.“ Сизъ арель разгнѣваўся на етыхъ двохъ сестеръ и гаворить Василію Ивановичу:— „Ну, Василій Ивановичъ, купечискій сынъ, палятимъ къ третей маей сестрѣ, самый меньшій!“— Далитають да малыи сестры, да лому яе. Якъ стайтъ яе домъ—ни ў сказкахъ сказать, ни ў ва снѣ видить, ни пяркомъ написать: залатой домъ и сребринный, залатая крыша и сребриная. Прилитають къ етому дому, садитца на кастеръ агромный, бярець палку и бьетъ арла па голыви. Завидила миньшая систра зъ висакдога свайго терима, выскакнѣ къ Василію Ивановичу и просить яго:— „Охъ, Василій Ивановичъ, купечискій сынъ! Ня бей майго братца сизага арла: кольки лѣтъ я яго ни видала ў глазы;— если іонъ табѣ доўжинъ, или винувать, то я табѣ уплачу у-пятира, у-дисятира усе пабиды твае: бари хочишъ злата, хочишъ сребра, сколько табѣ ўгодна...“ Ну, іонъ гаворить:— „Ня нужна мнѣ ни злата, ни

сребра,—только дайта тую машиньку, што висить на стянѣ, мохымъ пырсла.“ — Ина гаворить:— „Ничаво ни жалѣю,—только брось яго бить... И прашу пакорна у маи залатыи палаты папить—пагулять и ў мяне пагастювать“.—Іонъ, сизый арелъ, такъ абрадываўся, што скинуўся добрымъ моладцымъ, пазваў Василия Ивановича у сестрины залатэя палаты: „уся твая пабида узваротитца, што ты мяне паіў да карьміў!.. Вотъ, што ты мяне хатѣў, забить, хатѣў жаны паслушать?! у бабы волысь длинныѣ, да вумъ каротыкѣ... Ну, пайдемъ, папьемъ, пагуляимъ динька три!..“ Ну, яны пили, гуляли, доўга ўремя праваждали, по Василий Ивановичъ думаў: три дни гуляў, ажну три гады гастюваў,—три года за три дни прайшло. И гаворить Василий Ивановичъ:— „Ну, благодарю тебе, сизарелъ, за хлѣбъ-соль и за угашенія,—и съ сястрицыю съ твоею!.. Ну довольна я ў тебе пагуляў — три дня,—ни пыра ли мнѣ дамой къ своимъ дитѣмъ?—Живы ли аны тамъ;—якъ мы ихъ заставили голыхъ и бязъ крошки хлѣба?“—Ну, Василий Ивановичъ, вы думаетя, што вы прагастили три дни?—Нѣтъ, сяводни канчаитца роўна три гады... Натка жъ табѣ ету машиньку, што на стянѣ висить и мохымъ парасла, а бяри ты сабѣ на дарогу злата и сребра, штоба да дому дайдить; дарогую машиньку ни развязывый, а развяжи, якъ дамой придешь!.. Набраў іонъ сабѣ злата и сребра, сколько угодна, и пашоў іонъ; дабираўся да свайго дому три гады; только ни дайшоў да дому — такъ верстѣ 50 ни болій, и думантъ самъ сабѣ:— „Даў іонъ мнѣ машиньку; а тамъ Богъ яе знаить, што у ёй іось завязана, и ни вялѣў іонъ развязывать да дому...“ И любопытна яму пасматрѣть, што у ёй іось: а то навалитца жана яго ругать и нязвѣсна чаво искать будить. Якъ развязаў ету машиньку на дарози, тады якъ пашоў выходить изъ етый машиньки горыдъ приагромный, сталинный,—якъ пышла таргоўля па етому горыду, конница большая. Якъ ипать убрать горыдъ у машиньку, ни знаить, якъ искать завязычку, ни знаить. Іонъ сѣў, самъ сабѣ гарюнтъ и сильна плачить; сійчасъ находить на яво члавѣкъ, только ни нашъ, а чужэй, и спрашантъ у яго:— „Абъ чомъ таскуишъ, абъ чомъ гарюишъ, Василий Ивановичъ?“—Какъ мнѣ ни плакать, ни гарювать?—Ни магу горыдъ ипать у машиньку убрать и завязычки тѣй нейди на лугу искать!—Члавѣкъ етый гаворить:— „Пажалуй,

Василій Ивановичъ, я твайму горю пумагу,—только што мнѣ за ета будить?“—Я жъ низнаю, што табѣ за ета? Што угодна, то и заплачу табѣ.—Іонъ гаворить:—„Атсули мнѣ тоя, што у дварѣ ни знаишь;—я табѣ убяру яго.“—Но іонъ стау думать:—„Што у мяне тамъ іось, чаво ни жалъ,—што мнѣ яму атсулить?—Ну, я ўсе знаю, што у мене дома атсталысь: у мяне ничаво ни атсталысь;—а чаво ни знаю, то пуцай сабѣ яму.“—Ну, када такъ, Василій Ивановичъ, то разрѣжь мязенный перстъ на правый рукѣ и падпишись мнѣ, штоба ни атрикаўся!..—„Ну, пуцай сабѣ такъ!“—Василій Ивановичъ разрѣзаў сабѣ мязенный палиць на правый рукѣ и расписавъсь съ имъ. Іонъ сичасъ горыдъ етый убраў и завязкый завизаў; ну, Василій Ивановичъ и пашоў дамой. Пришоўши дамой, сустрикаиць яво етый рабеныкъ, што бизъ яго радіўся, Василій имя яму, и гаворить:—„Маминька, нашъ папинька идеть съ дароги и гастиньчикъ намъ нисеть.“—Нѣтъ, галубчикъ: іонъ, якъ быў прахвость, такъ и іось прахвость!—Никада іонъ ни сыйщитъ съ таго сизыга арла, и, што была—и то ўсе прапустаў.—Василій Ивановичъ атвичаить:—„Охъ, жана моя милля, ничаво наша ни упала, а ў-пятира, ў-дисятира ўсе паўплатіў сизый арель!“—Сичасъ узяў машонычку развизаў: изъ машонычки пашли гарада сталишныя, пашли тавары, пашла таргоўля, народъ пашоў разный и кажныхъ лицъ, кажныхъ вѣрѣ; даўги уси пуўплатіў, живеть нясмѣтна багата.—„Во, ты гаварила убить сизыга арла! А мы ўси даўги паўплатили, живемъ нясмѣтна багата... Харашо-ли табѣ, али нѣтъ?“—Какъ жа ни харашо?.. Харошиму усякій радъ.—Но только тошна яму видить етага сына, што бизъ яго радіўся, што акаянному атписаў;—іонъ абъ етымъ таскуить: жалъ рабенька, што іонъ дужа разуминъ. Ня ѣсть іонъ и ня пьеть, а такъ только душу пасеть, и етытъ сынишка яго видить, што іонъ чѣмъ-та виздароў, скушанъ и ни вясель; гаворить:—„Маминька, спрасятя у майго папиньки, а ў свайго мужа, атчаво іонъ скушинъ и ни вясель: или ў насъ ни хватаить злата-сребра, или чистаго хлѣба?—Сынъ мой вазлюбленный, можна и вамъ спрасить у атца?—„Ну, якъ іонъ мнѣ атець, а вамъ мужъ, то вы луччи спраситя: или іонъ якими балѣзными низдароў, или ящо што такой? Ти ў насъ ни хватаить дахтарѣў и ликарѣў, ай намъ нечимъ имъ заплачивать?—Абъ чамъ іонъ такъ хлапочить?“—Ина и стала у

яво спрашивать, легши зъ имъ вечиримъ на кровать тисовую, на пярину пуховую, а сынъ у патемичку пракраўся падъ ихъ тисову кровать, штоба слышать, якъ мать будить у яго спрашивать, и што іонъ будить ей атвичать.— „Охъ, ты, мой мужъ милый, Расскажи, абъ чомъ ты таскуишъ-пичалиста, или больна хвараншъ!..“ А іонъ и гаворить:— „Табѣ тога ни знать, што я таскую или хвараю.“—Якой ты мнѣ мужъ, какой ты милый іось, када ты мнѣ ни гаворишъ абъ сваѣмъ низдароўи или абъ клапатахъ? Усѣ жъ ба я разгадала или рады какой ба дала... а то што ты адинъ клапатишъ?.. Іонъ ей гаворить:— „Если табѣ сказать, абъ чомъ я клапачу, то ты магишъ зъ ногъ упасть, якъ ты баба іось: ты слабѣй мене...“—Но скажи: можа, Богъ дастъ, я ни упаду съ ногъ и табѣ пасавѣтню.—Што Богъ даў, таго ни минѣшъ!..— „Ну, скажу,—ўсе раўно: плюнуўши, слюни ни падымишъ. Атсуліў я етыга свайго сына, ни знаўши, што ты бизъ мене радила, нѣкаму каяннаму духу злomu!—“ Ну, што жъ дѣлать? Ни клапати: што Богъ дастъ, то и будить. Можа Гасподь ни дапустить яго да акааннага духа.—Іонъ ета усѣ падслухаў падъ тисовую кровать, што яны гаварили.— „Ну, матушка съ батюшкой, пращайта! Мнѣ у васъ жить нечига: куды атсулинъ, туды и нужна идить.“—Іонъ пашоў, куды яво глаза сматрять, и просить Госпада Бога: „Госпади, ни давади мяне да каанный силы, давади мяне, Госпади, на истинный путь!..“ И зайшоў іонъ у драмучій лѣсъ, заблудіў; прибудіўся къ изобки: стаить избушка на куриныхъ ножкахъ, на бараннихъ рожахъ. Ну, кругомъ іонъ ае хадіў, нійдѣ дварей ни нашоў, и гаворить:— „Стыла ты, изобка, ка мнѣ задкомъ, а таперь пириварнись и пирядкомъ!..“ Такъ яго Гасподь надавуміў сказать. Атваряютца яму сичасъ двери, и ў тѣй избушки сидить старушка.— „Здрастуй, старушка! Ня пустишъ ли мене патдыхнуть нямножка: я замаріўся и съ дарожки сбійся.“—Ина яго узнала и гаворить:— „Охъ, Иванъ Василливичъ, я знаю, ты идешъ ки никаанному духу,—тибе атець падписаў; но ибъ етымъ ни гарюй и ни таскуй: што Гасподь дастъ, то и будить. Ужинай паскарѣй: я тибѣ спрячу, твая прапашая галава!..“ Атверыла сундукъ и гаворить: „Ляжъ тутъ у сундукѣ, штоба ня слышна було твайго ни го-лыса, ни волыса!“—Ну, іонъ легъ у сундукъ и лижаў смирна. Позна вечера сабираютца туда дѣвушки и разный народъ; дѣ-

лають тамъ пѣсни, пляски и игры, патомъ и гаворють:— „Матушка, што ета у нашій хати русь-кось пахнить?“—А ина гаворить:— „Вы па Руси налитались, руськага духу набрались.“ (Ета було сборища присыпанникиў и скиданникиў). Ну, плясали, ну, скакали, патомъ таго и пашли усѣ. Ана сундуекъ атпирала и за бялы руки хватала:— „Ну, Иванъ Васильевичъ, ступай изъ сундука вонъ! Якъ я тябе буду учить, такъ ты и дѣлай: ты ужу ўремя прасрочиў, куды табѣ нада було явитца. Ступай къ яму! куды я табѣ пакажу стежку, туда и иди къ никыянному духу; што будить гаварить, то ты тада приди и и мнѣ скажи.“—Пыказала яму трапинку; іонъ, Богу пумалася, и пашоў. Приходить къ яво дому: для яго дому усѣ тычки, а на тычкахъ голыны; адинъ тычокъ только быў ни занить. Іонъ самъ сабѣ гаворить:— „Ну, вотъ ета, вѣрна, будить мня галава на етнѣ тычку!..“ Пришоўши къ яму, іонъ и гаворить:— „Здрастуй, дѣдушка!..“ Іонъ атвѣчаить:— „Здрастуй!.. Ну, ты сваѣ ўремя, мерзкій, прасрочиў... Но вотъ табѣ за правинку: іость у такимъ-то мѣсти роща сасновая; штоба ты яе за нычъ выпрятаў усю и карення выкапаў, штоба сахою узадраў, сдѣлаў лада, якъ сѣить нужна, и штоба на томъ лади пшаны пасѣиў, и штоба за нычъ пшана ета паспѣла, и штоба за нычъ ты пшану ету пажаў и пумалатиў, и штоба ты змалоў яе, и, пака жъ я устану, штоба пирогъ мнѣ быў и спечить, и принесинъ: тада я табѣ ету вину пращу, што ты апазніўся прійти ка мнѣ!—Ну, іонъ тижало уздыхнуў и къ етнѣ старушки пашоў. Приходить къ ей и сильна заскучаўся и загарюніўся, слязми абливаўся. Ина у яго спрашнить:— „Абъ чомъ, Иванъ Васильевичъ, сильна загарюніўся и слезна рыдаишь?“—Якъ мнѣ ни скучать, якъ мнѣ слезна ни рыдать?—Быда я етыга ня сдѣлаю, то мнѣ голову на тычокъ уздернуть.— „Ну, ни плачъ-ка, ни радай: утра буваить мудранѣй вечира. Ну, малися Богу, лажись спать!“—Пашоў іонъ сичасъ, пумалиўся Богу и легъ спать. Ина сичасъ вышла на крылечка, пиракинула зъ руки на руку калечка и кривнула бурлацкимъ голысымъ, свиснула маладецкимъ посвистымъ:— „Охъ, вы, слуги мае, слуги, слуги вѣрныя мае, сабирайтися ка мнѣ и съ сахами, съ баранами и съ зялѣзными!..“ Якъ сабрались къ ей народу и большая стижма, (усѣ яе присыпанники), и спрашиваютъ у яе: „Абъ чомъ, матушка, требуишь и што прикажишь дѣлать?“—

Вотъ пашлю я васъ у такую-то рощу, у сасновую: штоба ина за нычъ была расчищена и разодрана, и пшина на ей пасѣна, штоба ета пшина за нычъ пасѣла, и штоба была ана сжата, и змалочина, и смолана, и штоба да свѣту быу пирогъ спечинъ и ка мнѣ принесинъ.—Тутъ сичасъ якъ ударіу етый народъ разымъ на ету рощу. Да ящо ина приказала, штобы и прудники были съ прудами на ету рощу и жнеи съ сирнами. Тада сичасъ хто рубить начау, хто зялѣзками карення выкапавать, а хто услѣдъ ляда драть; а тутъ услѣдъ съ сіўнами сѣять, — и за нычъ пышаница ета уся узайшла, и за нычъ вырысла, и на-зрѣла, и сжали яе, и шумылатили, и пумалоли, и до свиту пирогъ спякли и къ матушки принесли. Сичасъ ина будить Ивана Васильевича:—„Охъ, Иванъ Васильевичъ, устань, прашнись: усе тваѣ дѣла исполнита. Нiasi твайму дѣдушки пиражокъ! Тваѣ ляда усѣ пупрятана, пышаница пажата, пумалочина, памолана, и пирогъ ужу гатоу.“ — Іонъ устау, Богу пумаліўся:—„Слава Табѣ, Божа! Можа, Господь и ни дапустить да никааный силы, штоба мяне сгубила!“ — Узяу етый пиражокъ и пашоу; принесъ къ яму, а іонъ ища спау; іонъ и гаворить на яго слугъ:— „Дакладитя майму дѣдушки, слуги, што я яму пиражокъ принёсъ!..“ Іонъ устау, приходитъ къ яму и гаворить:— „Ня можить быть ета, штоба ты ета усѣ паработау и принёсъ пиражокъ мнѣ изъ свѣжій пшаницы! — Ну, пашлю свaixъ вѣрныхъ слугъ пасматрѣть: если ета сдѣлана, якъ доўжна, то я тебе на сваей унучки ажаню (а яго унучки никращонники, присыпанники и скидуши); а ежили нипраўда, то голыву съ плечъ сыму. Када придется тваѣ дѣла, то каторую ты толька жилаишъ, ту между трехъ станкоу за сябе бярй!..“ Ну, паслау свaixъ вѣрныхъ слугъ узнать, ти праўда ета, што іонъ усе падѣлау: и пумалатіу, и пажау, и муки намалоу, и пирогъ спекъ. Ну, слуги пасматрѣли и яму гаварили:— „Дяйствитильна, усѣ ляда распрятана, и усѣ падѣлана.“ — Ну, такъ іонъ гаворить:— Ну, ступай, адумайся на три дня: ище кыда услужишъ, ажаню; а ня ўслужишъ, такъ голыву съ тебе сыму!..“ Іонъ сичасъ приходитъ къ етый сваей старушки, и спрашить ина ў яго:— „Ну, што табѣ дѣдушка гаваріу?..— Ета слава те, Госпиди, усе харашо;—што Богъ дастъ далій!— „Ну, ня бойся: када іонъ табѣ сказау такъ, то и ажевить— іонъ бокымъ ни атѣдить, а кыда будишъ маймъ зытимъ, то цѣлъ

будишь!“ — (А яе самая миньшая дачка христїанскїй вѣрн присыпанка). Іонъ сказау: — „Атчаво жъ харошага чилавѣка ни ўзять?—Да якъ мнѣ яе узнать, вашу малую дачку?“ — А я тїбе павучу: ступай ты на ету ряку, на купальню, и будить лятѣть па етїй рякѣ стада лябедыкъ; будутъ лятѣть лябедками, а сдѣлаютца злишними дѣвушками; а ты сядь днї берїга у кустикахъ да и сматри, што аны будутъ дѣлать. Ну, етїй первый танокъ пакупайтца, ты ихъ никакъ ня трогай, ни чипай; и другой танокъ прилатить злишнихъ дѣвушикъ, ты ихъ ня тронь и тѣй прапусти;—но третїї танокъ также будить лятѣть злишнихъ дѣвушикъ,—тѣй и сматри, и примичай, каторая апослї усихъ будить раздиватца: каторая апослї будить раздиватца, то малая дочка. Ну, якъ ня можна падкрадайся, штоба украсть у яе платѣтя, штоба ни 'дна и ни водня изъ ихъ ни видала!—Ну, іонъ пашоу къ рякѣ, къ купальни, и сѣу у кустикъ. Адинъ танокъ дѣвушикъ прапустиу—ня трогау, и другой также; но у третїимъ примичаитъ, каторая будить апослї раздиватца. Ну, и на счастья яго, па Божїй милости, и раздѣлась па одадь усихъ, паближи къ кусту, адна апослї усихъ; іонъ изъ кустика и выпаўзъ и яе платѣтя у кустикъ унёсь. Сичасъ етї дѣвушки изъ вадї павыскачили, адѣлись, лябедками скинулись и палатѣли, 11 лябедыкъ, а ина была 12-ая (У танку была па 12 дѣвушикъ). Ина хватилаь платѣтя,—платѣтя нима, лятѣть зъ ими нильзя; ина навазвратна, улѣзла па поисъ у ваду, у ряку, и гаворить:—„Скажитя, хто мае платѣтя утащїу: зъ муськога полу ай съ женскыга?—Если съ женьскыга полу, старшїй мане—тетинька мнѣ; меньшїй мане—пламенница мнѣ; а роўная мнѣ—сястрица мнѣ родная. Ну, если зъ муськага полу, када старши мане—дядюшка мнѣ; младшїй мане—братїцъ мнѣ; а раўница мнѣ—другъ мнѣ будить милый!“—Тада іонъ съ куста выходитъ, яе платѣтя кладетъ на берїгъ, самъ за кустъ зайшоу, пака ина адѣнитца. Ну, адѣўшись, ина и гаворить:—„Хади ка мнѣ, мой другъ милый, Иванъ Васильевичъ! Такъ тому и бытъ: вѣрна, табѣ мамѣ дружкымъ бытъ!“—Када іонъ вышїу зъ-за куста, цуловала яго ў сахарныя уста и приказывала:—„Сматри жъ, мой другъ, Иванъ Васильевичъ! што я табѣ буду приказывать, то ты и дѣлай, када намъ съ taboo Богъ судїу бытъ дружками. Ну, дѣдушка твой будить вывадить розна

три танка: прежде одинъ, потомъ другой, а тамъ третій. Первый танокъ будить 12 дѣвушкѣ: голова у голова, волосъ у волосъ, и одежда одна, и лицо будить одно; и другой танокъ тоже: голова у голова, волосъ у волосъ, росту, якъ одна, и лицо, якъ одно,—и съ того ни бари; ну, я буду у послѣднимъ танку и заламлю на правымъ боку множка свайго платочка,—узнавай пу платочкамъ; но другой разъ я буду тоже у послѣднимъ танку (выбирать будишь да трехъ разъ), и на канцѣ лентычка, што будить у моей касѣ, будить вѣзлѣмъ завязана на касѣ; а третій разъ на правый рукъ будить сдвинута кольцо къ средину суставу: узнавай па кольцо; а если ни узнаишь, то ни вѣзьмешь, самъ себя пагубишь, и я прападу.“—Ну, за три дни іонъ усѣ тутъ абхлпатау, приходитъ къ свай нареченный тещи; ина и гаворить:—„Ну, ти сдѣлау ты такъ, мой любезный нареченный зять, якъ я табѣ гаварила?“—Якъ же я етыга ни сдѣлау? Извольта пасматрѣть: кольцо у мене на рукѣ. Благодарю васъ, што вы мене атъ никаинный силы збирганта, моя теща нареченная.—„Ну, табѣ гулять некада: ступай ты у кузницу и скуй у 12 пудоу булаву и злѣзную узду... Ну, таперь, када ты скувау злѣзную узду и у 12 пудоу булаву, ступай къ никаинному духу, што іонъ табѣ скажить!“.. Іонъ пришоу къ никаинному духу.—„Ну,“ (гаворить никаинный духъ): — „када хочишь жанитца на моей унучки, то ящо саслужи службу, а ни жаню тебе, якъ балвана, зря. Іость у мене жирябецъ—тридцать лѣтъ ни вынжжанъ: када того жирябца вынзидишь, тада жаню.“—Іонъ сейчасъ приходитъ къ нареченный тещи и задумаѣся.—„Іобъ чомъ, нареченный зять, затужиѣся и горькими слизами заліѣся?“—Якъ мнѣ ни тужить, якъ ни гарювать? Іость у яго жирябецъ, тридцать лѣтъ ни вынжжанъ, и гаворить іонъ мнѣ: — „Када ты того жирябца вынзидишь, то на тымъ жирябцы пувазу падъ ванецъ тебе са свай унучкѣ.“—Я жъ табѣ ни дарымъ приказывала дѣлать 12 пудовую злѣзную булаву и злѣзную узду. Ета жъ уремя, етатъ же часъ у ва 'динъ мигъ бари сваю злѣзную булаву и вузду,—какъ ни можна бѣги паскарѣй: іонъ будить къ табѣ на ўстрѣчу бѣчь, ротъ разинить и ноздри шурока распахнуть, якъ бы зѣсть; зъ рта будить, якъ съ галауни, агонь сыпатца, а ў ноздри, якъ у душники, полн играть, а ў уши, якъ у трубы, дымъ сувать.—Ну, ты етыга ни убойся,

ни стращайся ничаво,—стой тверда и хорыша, вузду на яго надивай, якъ на можна паскарѣя; тада садись на яго вярхохъ и бей межда вушъ сваею булавою—ну, іонъ панясѣть табе па ўсяму свѣту: па шырымъ барамъ, па тѣмнымъ па лисамъ; но ты ўсѣ яго бей етый булавою по галавѣ... Іонъ браў узду паскарѣи и бѣгъ къ яму пасмалѣи, и сичасъ братаў яво вуздою залѣзныю, и сѣў на яго вярхохъ. Якъ пѣнісь конь па ўсяму свѣту: па шырымъ па барахъ, па тямнымъ по лисамъ; а іонъ ўсѣ бѣеъ яго булавою мижда вушъ; ну, самъ замаріўся и яго прибіў: ну тада ужу конь самъ вязеъ яго дамоі паклонна, пакорна, якъ и добрая лошады; іонъ яго узяў и паставіў у сарай.—Самъ пашоў къ яго вѣрнымъ слугамъ и гаворить: „Далажитя майму дѣдушки, што я выиздіў лошады: ина смирна и хараша; а таперъ, хуть и яму праѣхатца, даеъ на грѣхъ.“—Далажили слуги яму; дѣдушка етый выходить къ яму чуть живой:—„Ну, благодарю, унукъ, харашо, што ты мнѣ етыга жирибца выиздіў; такъ таму й бытъ, што табе надабна жанить: ну, уваду я табѣ 12 сваихъ унучикъ,—выбирай, каторую угодна табѣ!“—Ну, и вадеть іонъ первый танокъ 12 дѣвущикъ: ну, сами сабѣ яны красивы.—„Ну, выбирай мижда 12-ти любую, каторая табѣ панаравитца!“—Ну, іонъ и пашоў укругъ ихъ сматрѣтъ.—„Нѣтъ, здѣсь у етымъ танку мнѣ на паравитца ни водная.“—Никаянный и гаворить:—„Якъ табѣ мижда етыхъ красавицъ на выбрать сабѣ ни водную? Тутъ жа межда етыхъ красавицъ можна выбрать хоть адну!“—Нѣтъ, дѣдушка, здѣсь пу майму нараву нѣтъ ни водный.—„Ну, падажжи: увадў табе у другой танокъ: на выбиришь ли сабѣ межда тыхъ?“—Вадеть другой танокъ: голысь у голысь, волысь у волысь, и лицо, якъ адналички.—„Ну, сматри-ка: на выбиришь ли сабѣ мижда етыхъ?“—Пашоў кругомъ разсматривать ихъ, на выбраў тожа ни водный. Тада гаворить:—„Дѣдушка, нѣтъ мнѣ и здѣсь дружки!“—Ну, я атъ свайго слова на прочъ: увадў табе у третій танокъ.—У третій танокъ увеў: тожа голысь у голысь, волысь у волысь, расту аднаго, плятъя адно и лицомъ, якъ адналички, тожа, ну, красотки такея,—краши ихъ и ў свѣти нима. Ну, іонъ пашоў кругомъ ихъ и смотрить у ихъ на галавахъ платки. Ну, и замѣтіў, што у яе на галавѣ заламіўши краюшникъ платка; папалуваў яе у сахарныя уста и гаворить:—„Вотъ ета, дѣдушка, мая друж-

ка!“.—Ну, такой ты мерзкій, ня стоишъ ты етый дружки! Якъ ба ты межда 3 танкоу выбраў якую другую, дакъ ба я ни стаў съ taboo спорить—зразу ба атдаў, но ету зразу ни атдамъ: када да трехъ разъ узнаишъ; а ни узнаишъ, такъ голаву съ плечъ патираишъ, на тычокъ атдашъ.—Ну, ипять пирядѣу ихъ, пиримяніу уси платъти усимъ траимъ танкамъ; ипять первый танокъ вядетъ уняредъ.—„Ну, нарычонную и выбирай межда трехъ танкоу, пазнавай, каторую угодна табѣ!“ Іонъ ипять кругомъ ихъ абайшоу:—„Нѣтъ,“ гаворить:—„нарыченный дѣдушка, сабѣ ни водный ни нашоу.“—Ну, уводить другой танокъ; іонъ кругомъ етыга абайшоу, сабѣ ни водный ни знашоу.—„Нѣтъ, дѣдушка, и у етымъ ни водный.“ Увеу третій танокъ, паслѣдній. Іонъ ипять пашоу кругомъ ихъ сматрѣтъ и, какъ ина яму гаварила, пазнавать па якому атличію; замѣтиў яе па ленти, што была завязана на русый касѣ; іонъ ипять яе хватаў, у сахарныя уста цалуваў.—„Вотъ, дѣдушка, мая дружка нарыченная: далій етый я ни магу брать ни водной.“—Нѣтъ, урешъ, откая мерзнытъ! када третій разъ узнаишъ, дакъ вазмешъ, а ни узнаишъ, такъ голыву на тычокъ повѣсишъ.—Ну, ипять жа узяў, пиримяніу платъти усимъ тремъ танкамъ, ипять тожа увадиў два танка, и зъ 2-ухъ танкоу ни було яе; тада іонъ увеу третій танокъ; ина стаяла пасярѣдъ танка. Ну, стаў сматрѣтъ па рукамъ, узнавать сваѣ залатая кальцо, ипять узнаў:—„Вотъ, дѣдушка, мая нарычонная дружка!“—И прижаў іонъ яе къ сабѣ крѣпка, а ина яво крѣпчи. Ну, какъ хатѣу іонъ ихъ разарвать, ну, ня могъ: анѣ крѣпка диржались. Ну, гаворить:—„Такъ, пажалуй, бытъ, што тебе зъ ею жанить,—вѣрна, што таперь я вась зъ ею жанить буду!“.. И сичасъ жа ихъ винчаў:—„Ну, живить съ Богымъ,—ну только мнѣ ета ни ў нараў!“.. И заперъ ихъ у тѣмную комнату:—„Пасядитя,“ гаворить:—„да майго распараженія!“.. Но йна была дѣвушка нядурна, ды стала вумна: патайняя двери аттваряла, и мильга свайго за бѣлыя руки хватала, яму ў вуши утврждала:—„Пайдемъ, мой милый, съ taboo атсюдава на ўходъ: насъ усѣ раўно здѣсь съ taboo патратють, если мы ни ўйдемъ.“—

Ну, и пашли дарыгою къ дому Ивана Васильевича. Толька яны бѣгли, бѣгли па широкий дарози, и сказала йна:—„Падажжешъ-ка, Иванъ Васильевичъ! приляжымъ къ дарози: па-

слушаймъ пагони.“—И толька йна слышитъ, прилегши къ землѣ.—„Ну, Иванъ Васильевичъ, сильная пагона за нами гонитца; если дагонють, то голыны даюу пасмынутъ!“—Што жъ мы таперь будимъ дѣлать, я ни знаю.—„Ну-ка, када ты ни знаишъ, дакъ я знаю: я сама сдѣлаюсь свиньёю, а тябе сдѣлаю пшаную, и буду хадить па табѣ и буду калосься лавить, штоба ѣсть ихъ.“—Дабѣгла пагона да етйй пшаны и да етйй свиньни—далій ужу слѣду нѣту: слѣдъ утоинъ, и вярнулись назадъ; но етйй никаянний спрашнѣтъ:—„Што, ти дагналі?“—Нѣтъ, ни дагналі.—„На дарози видали што?“—Нѣтъ, ни видали,—толька видѣли пшану да свиньню: пшана такая густая, хуть ты барану пристау къ ей, а свинья пу пшанѣ ходитъ да ѣсть.—„Эй-ка, дураки! ета самыя яны! Нада було пшаницу бить-калатить и калосься ў землю убить, а свиньню було на мелкія части разарвать.“—Анѣ толька атъ ганцоу атварнулись, ипять у ходъ пашли. Никаянний духъ гаворить;—„Ступайтя, даганайтя ипять пшану и свиньню: пшану пабойтя, а свиньню на мелкія части разарвити!“.. Прибѣгли къ етйну мѣсту, идѣ была пшана и свинья; слѣдъ былъ знаишнѣ далши, а на етймъ мѣсти ничаво ужу ни було. Анѣ за ими ипять у пагону гнатца. Ина ипять гаворить яму:—„Ну, нада прилечъ къ землѣ пазлусать: ти нѣту за нами пагони?“—Ипять слышуть сильную пагону за сабою; ина яго скинула дубымъ, а сама стала бярёзю. Анѣ апять дабѣгли да етйхъ мѣстѣ, да дуба зъ бярёзый: слѣду нѣту далій. Ипять ганцы вярнулись да етйга нарычоннага дѣдушкы и гаворють:—„Нйдѣ мы ихъ ни нагналі.“—А па дароги видали што, ай нѣтъ?—„Видали на дарози: па аднымъ баку стаить дубъ, а па другимъ бѣлая бярёза.“—Эка, какея вы нипанятныя дураки! Ина стаяла бѣлая бярёзю, а іонъ дубымъ: нада було ихъ съ пнѣу завалить и на кавалкы пурубить. Бягитя ипять у пагону, ихъ наганайтя далій!... Аяѣ прибигають. На томъ мѣсти, идѣ быу дубъ и бѣлая бярёза, нѣтъ тутъ ничаво, а Иванъ Васильевичъ съ жаною пустились ипять на ўходъ. Ганцы вярнулись и сказали, што нѣтъ ни дуба, ни бярёзы.—„Ну,“ гаворить:—„ступайтя ипять далій у пагону!“.. Ина ипять приггла къ землѣ слушать сваю сильную пагону.—„Ну,“ гаворить:—„пагона сильная гонитца за нами!... Ну, я стану церквыю, а ты папомъ; ты толька хади па церкви, да звани.“—Дабѣгла па-

гона да етѣй церкви. Попъ ничаво ни гаворить, только ходить па церкви, да пѣть: „Госпыди памилуй, Госпади памилуй!“ — Далій слѣду нѣту ни якыга. Вярнулись назадъ. Никаинный духъ спрашнить: — „Ну, ти дагналы вы ихъ идѣ?“ .. — Нѣтъ, ни дагналы. — „А видали па дарови што?“ — Видили: на дарови перькы, а ў церкви адинъ попъ ходить, да болій никога нѣту, — тѣй попъ ходить да пѣть: — „Госпыди памилуй!“ .. — „Эй, какія вы, лѣшія, глупѣя: ина церькваю, а іонъ папомъ... Ну, таперича я самъ у дагонь пайдѣ!“ .. Только іонъ бягить, сильна ихъ даганяить, натискаить. Ина и гаворить: — „Ну, таперъ я паслушаю пагони за сабой!“ .. Прилигла къ сырѣй земли и гаворить: — „Ну, таперича, кажитца, намъ съ табою прапастъ: самъ дѣдушка идеть у пагону. Іонъ сгубить насъ; но только што Господь дастъ, — упувай на 'днаго Бога — болій ничаво! Я скинуся возирытъ, а ты вокунимъ; но іонъ скинитца щукыю и будить тябе лавить; приказывыть я табѣ буду: ни станавись къ щуки лицомъ, а ўсѣ приварачивайся хвостомъ: но ўреть, ни сажрѣть — падавитца!“ — Ну, іонъ лавиѣ, лавиѣ яго, — ничаво ня можить сдѣлать: становитца вокунъ хвостомъ. Іонъ тада вылизъ зъ возира, скинуѣся валомъ и давай ета возира выпивать, штоба етыга вукунька паймать. Но только ма-ла етага возира астаецца, — усѣ выпиваить; іонъ и гаворить, етѣй вукунекъ: — „У майго батюшки была каровища — абжорища, — абажралася да и акалѣла; няўжи жъ табѣ атъ етыга возира ничаво ня будить, и ни рванеть, значить, тваѣ брюха?“ .. Ну, яго слову Господь памогъ: якъ рванула яго на нѣскалька частей, — тада ина скинулася прекрасною дявицыю, а іонъ чистымъ молюдцымъ; пахдодѣтъ къ двару близка и разгаваривають разговоръ: — „Ну, мой другъ милый, Иванъ Васильевичъ, ступай къ атцу и къ матушки дамой: я тябе скину прилятѣть тиразъ сѣня моря галубцомъ, а сама сабе чорнымъ галекыю. Ну, какъ прилятишь ты дамой, и сдѣлайся чистымъ красивымъ маладцомъ, — только са ўсѣми здрастуйся и цалуйся, а зъ матирью съ храснѣю ни здрастуйся, и ни цалуйся: када ты зъ ею пазрастунься, то на мяне пазабудишь, а новую дружку искать будишь; а я палячу у Господній монастырь, пумалюсь Госпаду Богу, што Господь Богъ ни даў никаинному духу насъ пагубить!“ .. Ну, іонъ скинуѣся голабымъ и палятѣу дамой, а длі дома скинуѣся прекраснымъ молюдцымъ. Тутъ яму

атець — мати сильна абрадавались, што іонъ пришоу дамоу ать никайный силы, стали съ имъ цалуватца и милуватца; атець и мати, родная яво, крѣпка абинимались, цалувались, но Иванъ Васильевичъ ать хресный матери усѣ атварчивауся, — ни хатѣу ни здароватца, ни цалуватца; но стали яго родныя присаглашати: — „Якъ можна, ты съ хресною матирью ни здрастується: нна такъ табѣ рада, якъ и радная мати“ Ну, присыгласили яго паздароватца и пуцулуватца. Якъ жа паздаровуся и пуцулувауся, то на прежню сваю дружку пазабну. Атець — мати рады, што іонъ дайшоу да саваршенства лѣтъ. Стау атець — мати присыглышати, штоба яго жанить здѣсь, и высватау аму атець нывѣсту. И только зачали вичаринку гулять, Ивана Васильевича жанить; ну, нывѣста прежняя Богу пумалилась и, якъ ня можна, стала дабиратца пашкомъ, якъ нищяя братія; ну, и паслышала, што у яго вичаринка — іонъ женитца. Пришла йна сюда и давай праситца на нычъ у Василия Ивановича, гаворить: — „Пусти мене, Василий Ивановичъ, у тябе пиринучувать: я и какую нибудь пѣсню спаяю, якую нибудь птичку (изъ тѣста) зяшу.“ — Пажалуй, паначуйта у мене: наслегъ за сабою чилавѣка ня носить... Пускай вичаринки нашій пасмотрить, падивунтца. — Патомъ стали мясить каравай; нна стала дазвоятца памочъ пумясить. Дазволили. Прочія мѣсютъ шишки, а нна стала мясить голыба: сдѣлала голыба и пасадилла на верхъ сярэдъ каравая, паставили етыи каравай на столъ, ну, пасадилли яго зъ етыю нывѣстною за столъ, каторую атець высватау. Падходить нна (прежняя) къ сталу нищюу братіей и начинають у голаба спрашивать, а голубъ ей атвичають; ана и спрашяють у голыба: — „Голубъ мой, сизый мой, ти знаишъ, якъ мене вадилли у танки?“ — Онъ атвичають: — „Знаю.“ — Голубъ мой, сизый мой, ти знаишъ, якъ мене первый разъ ни атдали. — Іонъ атвичають: „Знаю!“ — Голубъ мой, сизый мой, ти знаишъ, якъ мене у другой разъ увадилли у танокъ? — „Знаю.“ — Голубъ мой, сизый мой, а ти знаишъ, якъ ты мене у третій разъ абщациу крѣпка, а я тябе ящо крѣпчи? — „Знаю.“ — Голубъ мой, сизый мой, а ти знаишъ, якъ мы съ табой пашли на ўходъ? — „Знаю.“ — Голубъ мой, сизый мой, а ти знаишъ, якъ я была свиньёю, а ты пашаницыю? — „Знаю.“ — Голубъ мой, сизый мой, а ти знаишъ, якъ я была бярезною, а ты дубымъ? — „Знаю.“ — Голубъ мой, сизый мой, а ти знаишъ,

якъ я была черквыню, а ты папомъ? — „Знаю.“ — Голубъ мой, сизый мой, а ти знаишь, якъ я была возирымъ, а ты вувунькомъ? — „Знаю.“ — Голубъ мой, сизый мой, а ти знаишь, якъ я тебе сдѣлала голубымъ, а сама чорнымъ галкыню? — „Знаю.“ — Голубъ мой, сизый мой, а ти знаишь, што я табѣ приказывала? — „Знаю.“ — Голубъ мой, сизый мой, а я жъ табѣ приказывала са ўсими здраствуватца, а съ хресною матирью нѣтъ? — Іонъ гаворить: — „Знаю.“ — Голубъ мой, сизый мой, а я жъ гаварила, што ты мяне пазабудишь? — Голубъ гаворить: — „Знаю.“ — Ну, вотъ тада Иванъ Васильевичъ узнаў ае, прыгнѣ къ ей тирязъ столъ, цалуваў ае у сахарныя уста и гаваріў: — „Вотъ, батюшка, мая сужиная: ина вывила мяне атъ никаынныга духа.“ — Ина сказала: — „Падаждитя: я на зямчужный расъ пакатався, бѣлымъ зельнымъ паўмываюся — и тада я вамъ покажу лицо сваё!..“ Ну, вотъ ина на расъ пакаталася, бѣлымъ зельнымъ паўмывалася, и стала такая красавица, што крашій ае у свѣти не було. То сичасъ ня цыва варить, ня медъ саладить: давай свадьбу завадить. Вотъ анѣ ажанилися и, слава Богу, и таперича живутъ такъ сагласна и харашо; при томъ ўреми я тамъ быў, медъ — вино піў, па губамъ тякло, а ў ротъ ни пупала. Сказка ўся, и рассказывать нильзя.

№ 29.

Древня Проверженка Ельнинскаго уѣзда.

Якъ вихырь и вѣтирь дарували мужуну жаренцы; якъ етым дары выпрысіў у мужика попъ, и якъ малайцы изъ торбы праўчили жадныга пупа.

Жіў мужучокъ бѣдный, и дятей у яго многа. Падходить празникъ гадавой, старуха и гаворить: — „Ну, што ты, старый песь, сидишь ты дома? Хоть ба жъ ты сходиў, у каго пупрасіў гарчикъ мучицы, али два!“ — Ну, іонъ и пашоў, узяўши торбачку; только зайшоў у дареўню къ мужучку: — „Братъ дядюшка, сдѣлный милысть: ти ни даў ба ты миѣ гарчикъ али два мучицы для праздника?“ — Іонъ узяў: — даў яму зъ лукошичкымъ: — „на, братъ, тиѣ и зъ лукошичкымъ!“ .. Выходить іонъ изъ дареўни вонъ; аткуль узяўся вихырь и вѣтирь, вырваў ета лукошичка изъ рукъ вонъ и пакатиў па

чистому полю. Заплакаў етны старикъ горькими слезами. — „Ну,“ гаворить: — „таперь дамой ня пайду, а то старуха и дамой ня пустить“... Абхватывають яго темная ночь у темныхъ лѣсахъ, и видить аганекъ. — „Пайду“, гаворить: „на етны зѣръ!“.. Стаить тамъ домъ, іонъ и проситца на нычъ. „Пусти“, гаворить: „любезная, на нычъ!“ Старушка и гаворить: — „Ступай, съ Богнымъ, начуй!“.. Уходитъ у комнату, прихристіўся Богу. — „Добрый вечеръ!“ — Старушка гаворить: — „Здрастуй, здрастуй, нищынкій, прахадн, садисъ!“.. Іонъ раздѣўся и сѣў адыхнуць. Пытаить старуха: — „идѣ ты ета буваў?“ — Што, гаворить: — матушка, рассказывать ета табѣ — доўгая пѣсня! дѣти драбня, дятей многа, паѣсть нечига, — падходить празникъ гадавэй: я пашоў мучицы даставать; даў мнѣ чилавѣкъ мучицы гарцы съ два, — я атправіўся було дамой; — атеуль узяўся вихрь и вѣтирь, вырвали у мяне ету мучицу зъ рукъ и пыватили на чистому полю, — дакъ я и ни пашоў за етны дамой. — „Ну,“ гаворить: „нищынкій, павужинай, пумалися Богу и лажисъ спатъ.“ — Приходють яе дѣти, вихрь и вѣтирь; стала на ихъ мать бранитца: — На што вы такъ, дѣти мае, шутку шутитя, балунтисъ; вы бѣ булувалися кала багатыга, а ни кала бѣдныга старика!“.. — Ну, матушка, ни бранисъ: мы яго наградимъ!... Ну, устаў етны старикъ, минитца, Богу молитца, — тады аны яму и гаворють: — „На табѣ, старикъ, жаренцы!“.. — Ахъ, батюшки, што мнѣ дѣлать зъ етны жаренцыми? — „А принеси дамой, скажи сваей старухи: што крутнеть, то куль муки, якой угодна.“ — Окорымъ поспихнимъ, стаў етны мужикъ дастатышна жить. Дажиданть празника бальшого, Христовага дня; прибраў іонъ, якъ законъ гласить, даждиданть священника и гаворить: — „Батюшка, зайдитя ка мнѣ съ иконами; прашу васъ, батюшка, атслужить мнѣ акафистъ али два!“.. Угашають іонъ пупа; гаворить попъ: — „што, Михалка, атчаво ты стаў багаты?“ — Батюшка, ды Богъ мнѣ даў!.. Попъ гаворить: — „Ды нѣ! Богъ ня Богъ, ды ня будь-ка ти самъ плохъ!“.. Хавайка мужукова гаворить: — „а я скажу!“.. — Ну, скажи, гаворить ей дѣдъ: тыбѣ худа будить. — „Батюшка,“ гаворить старуха: — „у насъ іось така жаренцы, што крутошь, то куль муки.“ — Священникъ гаворить: — „атдай мнѣ вѣдъ табѣ худа будить: у тебя ихъ хто нибудь украдить; а

када у тябе хлѣба ни хватить, то ка мяѣ приди,“ — Старуха и гаворить:— „Дѣдъ, атдадимъ: табѣ худа будить.“ — Священникъ, якъ еты жаренцы узяў, сичасъ досыть хадить съ абразами; гаворить:— „Я балѣны!“.. Ну, мужикъ пажіў, можа, годъ, и вышіў у яго увесъ запасъ хлѣба, и астаўся мужикъ ниятъ бѣдний,—нечига и паѣсть. Іонъ схадіў къ етому священнику разъ али два; іонъ даў яму мѣрку, али чвѣртку; третій пашоў разъ,—дакъ іонъ яму ни даў, а па шапки задаў. Аtpавіўся етый старикъ дамой, заплакаўши: було, да й нима!—Атстались яны изнова страдничивать, биднату тярпѣть. Пашоў етый дѣдъ изнова у бѣлый свѣтъ къ вихру да къ вѣтру:— „абманю якъ нибудь ихъ!..“ Заходить изнова у етый домъ и гаворить:— „Добрый вечеръ добрымъ людѣмъ!..“ Старушка гаворить:— „здраслуй, здраслуй, добрый чилавѣкъ!“—Ты ня пуститя на вычъ?...“— „А ступай, галубчикъ,—чаво жъ!..“ Іонъ увайшоў, раздѣўся, сѣў на лаўки; ина стала у яго распрашивать:— „Идѣ быў, старичокъ?“—Што, матушка, хадіў даставать мучицы.— „Ну, што жъ, старичокъ, ти дастаў жа ты!“—Даў чилавѣкъ гарца два, дакъ я отправіўся було дамой: откуда узяўся вихрь и вѣтирь, вырваў ету мучицу и пѣниль на чистому полю; абхватила мяне ночь,—я и зайшоў суды начувать.— „Ну, ву-жинай, маляся Богу и лажись спать: што Богъ дастъ, то и будить.“—Пумаліўся іонъ Богу и лёгъ спать.—Приходятъ яе сыны, вихрь ды вѣтирь. Стала ина ихъ бранить:— „ахъ, дѣти мае, што вы кала старыга чировѣка шутку шутитя!..“—Ахъ, матушка, ни брани: мы яму за ета заплотимъ.— Ну, даетъ Господъ день; іонъ устаеть, мнитца, Богу молитца; даетъ ему вихрь да вѣтирь залатую козку. Іонъ и гаворить:— „Ахъ, батюшки, што миѣ зъ ёю дѣлать?“—А вотъ што: привяди дамой, застали скатирсть бѣлую на столъ, вазьми яе за рожки и пастаў яе на ножки,—трихани: будить у тябе и злата, и сребра.“—Ну, и 'тираўляйтца мужучокъ етый на дароги дамой; пришоў іонъ дамой и гаворить:— „Ну, слава Богу! привеў залатую козку!“—А баба спрашінтъ:— „а што ты, дѣдъ, будишь дѣлать зъ ёю?“—Застали-ка ты бѣлую скатирсть на столъ, вазьми-ка ты ету козку за рожки и пастаў яе на ножки, трихани: будить злата и сребра.“—Стала ета баба радае такая:— „Ну, вотъ, дѣдъ, слава Богу, што Господъ даў самъ залатую козку!..“ Ну, ажидають яны изнова праздника Христоваго

дня, ажидають къ сябѣ священника; просять яго къ сябѣ службу паслужити:— „Батюшка, атслужити-ка акахвиста два, али три!..“ Іонѣ атслужіу. Содють яны яго, частють. Попѣ гаворить:— „Што, братъ Михалка, атчаво ты стау багатъ изнова?“—А, батюшка, Богъ мнѣ дау!.. — „Но, однака жѣ, Богъ ня Богъ, ды ня будь-ка ты самъ плохъ!..“ Старуха гаворить:— „Дѣдъ, я скажу!“... Іонѣ гаворить:— „Скажишъ, табѣ худа будить.“—А вотъ, батюшка, у насъ іосѣ залатая козка.—Попѣ гаворить:— „Атдайти вы мнѣ яе, а то вамъ худа будить: хто нибудь у васъ яе украдить.“—Баба гаворить:— „Дѣдъ, атдаднѣ!“—Атдавай!—гаворить. Старуха узила да и атдала. Пожили яны зъ годъ зъ этимъ капиталомъ, вышіу етнй капиталъ увесъ у яго; пашоу іонѣ къ священнику:— „Ну, што ты, Михалка, ка мнѣ ходишъ?“—Што, батюшка? Хуть ба съ пятерычку вы мнѣ дали!“...— „Ну, нечига дѣлать: первый разъ ужъ дамъ, а ящо ни хади ка мнѣ“. Ну, іонѣ ету пятерычку правѣу и ящо къ яму пришоу; іонѣ гаворить:— „Ну, што жѣ ты, Михалка, ходишъ?“—Батюшка, хуть ба мнѣ зъ рубликъ... Попѣ наставиу яго на парогъ и наказау ему семь дарогъ, ажну искры зъ глазъ пасыпались. Заплакау іонѣ горькими слизами и пашоу. Пашоу къ вихру да къ вѣтру:— „Спадманю якъ нибудь!“.. Приходить къ ихъ дому, стучитца падъ вакномъ:— „Добрый вечиръ добрымъ людѣмъ!“—Старушка атвѣчаить:— „Здрастуй, здрастуй, старичокъ!“...— Ти ня пуститя на нычъ?— „А хади, съ Богомъ.“ Іонѣ увыйшоу, раздѣся, сѣу на лаўки. Стала старуха распытывать у яго:—Идѣ ты, старичокъ, бувау?— „А, што, матушка? Хадіу мучицы даставать“.—Ну, што, ти дастау жа идѣ?— „Дау чилавѣкъ гарцы съ два мучицы; я и атправіуся дамой. Атеуль узяуся вѣтирь и вихырь, вырвали ету у мяне мучицу и панясли на чистому полю!“—Ну, садись-ка жѣ ты, вужинай, малися Богу да лажися спать: што Богъ дастъ, то и будить.—Приходють яе дѣти, вѣтирь ды вихырь; ина и гаворить:— „Ахъ, дѣтки мае, што вы кала стараго чилавѣка шутки блазнуитися?“—Ну, маминька, ни ругай насъ, ни брани: мы яму за ета заплотимъ.—Дау Богъ бѣлый свѣтъ; іонѣ устаеъ, мытца, Богу молитца. Гаворить вихырь да вѣтирь:— „Вотъ, старичокъ, на залатую торбу: торба залатая, кисти сярэбриныя“.—Старичокъ и гаворить:— „Што мнѣ зъ ёю дѣлать?“—А вотъ што: ни дахада да свайго дому, здѣнь шапку и стань на калѣникахъ,

васьми яе за вуши и скажи: три съ торбы! А какъ нада ихъ убрать, то скажи: три ў торбу!“—Атпраўлянтца старикъ да дому; ни дахада іонъ да дому, становитца на калѣни, скидывають шапку, биреть сумку за кисти, трѣхъ:—три съ торбы!—Якъ выскычили три съ торбы съ хорошими нагайками, якъ почали етыга старика прабирать хорошимъ праборымъ и гаворють:— „Ни давай козки, ни давай и жаренцыў!..“ Астаўляють яго чуть живога; іонъ и гаворить:—три ў торбу!—Ихъ и ни стала. Приходитъ іонъ у свой домъ:— „Ну, баба, слава Богу! принесь залатую торбу!“—На што жъ намъ, дѣдъ, залатая торба?— „А лѣзь-ка, бабъ, съ печки далоў, станавись-ка ты на калѣникахъ, бяри-ка торбу за вуши, ды скажи:—три съ торбы!“—Якъ сказала баба, выскычили аны, 3, съ торбы съ хорошими нагайками, начали ету бабу лупить:— „ни 'тдывай жаренцыў, ни 'тдывай и козки!“—Забивають ету старуху да смерти. Стала дѣду жалка сваей бабы:— „Скажи, баба, три ў торбу!“—Якъ сказала,—такъ аны и убрались у сваю торбу. —Дѣдъ гаворить:— „ну, што, баба, будимъ дѣлать? Будить у насъ праздникъ, у насъ таперъ капѣйки денигъ при души нѣту: хуть ба мы паслѣдній андыракъ заставили?“—А харашо, дѣдъ!—Заставили андаракъ капѣикъ за 50; ну, и ажидають священника:—Батюшка, зайдитя ка мнѣ, хуть малебинъ атслужитя!“... Ну, іонъ атслужіў малебинъ ему, быў у яго тамъ съ паўштохъ водки, мужикъ яго стаў угощать. Пошъ гаворить:— „Што, Михалка, атчаво ты изнова стаў багаты?“—Іонъ гаворить:— „Богъ даў!“—Ну, аднака жъ, Богъ ня Богъ, ды ня будь-ка самъ плохъ!“... А старуха гаворить:— „Дѣдъ, а я скажу, итчаво мы нпять багаты!..“ Дѣдъ гаворить:—Скажи, табѣ жъ худа будить.—А „батюшка, у насъ іосьт такая-то залатая торба, а кисти сяребринны.“—Атдайти-ка мнѣ яе, а то васъ хто-нибудь забьетъ.—Аны узjali и ету торбу яму атдали.—Ну, што жъ мнѣ зъ естыю торбыю дѣлать? Дѣдъ гаворить:— „Батюшка, ни даизжая да двара, станьтя на калѣнки, вазмня торбу у руки, здѣнтя шапку,—вы, батюшка, скажитя:—три съ торбы! А якъ нада увѣбратъ, скажитя: три ў торбу!—Скорымъ поспихымъ атправіўся священникъ зъ етыю торбыю. Сичасъ, ни даизжая да свайго двара, становитца на калѣни, здивають сваю шапку, биреть торбу у руки и гаворить:— „Три съ торбы!“—Якъ выскычили три съ торбы съ хорошими свайми плятьми, начали яго бить и

говорить:— „Атдай торбу, атдай и жаренцы, атдай и козку!“— Збили яго на горькая яблыка, чуть живаго атставили. Іонъ и говорить:— „три ў торбу!..“ Падъизжають къ свайму дому, уходить у комнату и говорить:— „Матушка, вотъ я привезъ залатую торбу!“— Што жъ мы будимъ дѣлать зъ эту торбю?— „Становись-ка, матушка, на калѣни, бари торбу за кисти и скажи:— „три съ торбы!“... Вискачили яны зъ нагайками, давай прабирать матушку и говорятъ:— „Атдай жаренцы, атдай и козку, атдай и торбу!“ Ужъ яны збили яе на горькия яблыка; стала жалка папу, да и говорить:— „Матушка, скажи: три ў торбу!..“ Патомъ ина говорить:— „Батюшка, пасылайта батрака, штобы сичасъ везъ жаренцы, козку и торбу,—штоба іонъ сичасъ атдаў ета Михалки, тѣму старыму псу;—штоба іонъ таперъ на мой дворъ и наги ни накладываў!“—Привозить работники уся ети вещи и говорятъ:— „На, старый песь, да на батюшенинъ дворъ и наги ни накладай,—спаживай самъ, што табѣ Богъ даў!“—Атстауса етый Михалка жить да быть, да добро наживать.

Отъ старика Евдокима Хатуля.

№ 30.

Якъ изъ трехъ братьіѹ меньшій пакойныга батьку старажіѹ, атъ яго волшебную лашатку пулучіѹ, а лашатка тая пумагла яму на цареўни жанитца.

Какъ жиў-быў адинъ старикъ. и было ў яго три сына: старшій Данила, сяредній Гаўрила, а третій Иванюша дурачокъ. Вотъ іонъ самъ помиръ и благаславиў сванихъ сыноў: большиму іонъ атказаў три каўпаки золыта, сяредниму два, а Иванюши дурачку адинъ каўпакъ—и тотъ безъ золата; патомъ приказаў имъ прихадить караулить яго. Вотъ и давай яны на бирку братца: каму перва начинать, и дасталася большиму брату идить. Вотъ іонъ и говорить:— „Братъ-дуракъ, сходи: ты, кажитца, смялѣй за насъ!..“ Вотъ іонъ узяў крайчикъ хлѣба и натеръ рогъ табаку, и пашоў еъ атцу на магилу. Приходитъ къ магилы, и ударіѹ іонъ дубинаю па грабницы, и кричить:— „Батька, ўстань!“—Вотъ устаў етытъ батька; патомъ яны узяли зъ имъ табаку панюхали, краюшку ету съѣли; іонъ и пашоў дамой. Патомъ на другую ночь дастаетца сяредниму брату идить.—

Вотъ іонъ и гаворить: — „Братъ дуракъ, вотъ табѣ калпакъ золотъ, — только сходи за мене на магилу батьки.“ — Вотъ іонъ ипять узяў — краюшку хлѣба атрѣваў, рогъ табаку насыпаў и пашоў на кладбища. Пришоў на кладбища, ипять узяў ударіў дубинаю па магилки и кричить: — „Батька, ўстань!“ — Патомъ вылизъ етытъ яго батька. Вотъ яны узяли — табакъ панюхали, краюшку хлѣба зѣбли; іонъ и пашоў дамой. — Патомъ настаеъ третія ночъ. Нужна идить Иванюши — дурачку. Вотъ іонъ и пашоў. Узяў хлѣбушка крайчикъ и насыпаў рогъ табаку. Приходить на магилу, узяў дубинаю стукнуў па магилки и гаворить: — „Батька, ўстань!“ — Батька ўстаў. Патомъ узяли — хлѣбушка паѣли, табачокъ панюхали, патомъ іонъ и гаворить: — „Ну, сынъ мой милый, сынъ мой любимый, хади-ка мы съ тобой: я табѣ ўсе свае хазайства аткажу“. Вотъ яны и пашли, вышли на поля; вотъ іонъ какъ свиснуў маладецкимъ голысымъ, а дявическимъ похвистымъ: — „Сіўчикъ — бурчикъ, работать нѣкавурчикъ, идѣ бѣ ты не быў, а сюда прыбыў, — стань переда мною, якъ листъ передъ травою?“ — и гаворить: „служи майму сыну, якъ и мнѣ служіў!“ Вотъ патомъ конь бяжить, ажъ змля дражить. Какъ бѣгъ, такъ на калѣни упаў и гаворить: — „Чого изволишь, Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ?“

А ў какомъ-то горади или ў какомъ-то каралеўстві правилася такая царѣўна и великая багатырка, и нійдѣ ана ня можить найдить сабѣ багатыря. Вотъ и посланъ приказъ ка ўсѣмъ гарадамъ, и селамъ, и дареўнямъ, штобы сабирались усѣ и малыя, и старыя, и пѣшкы, и на лапашахъ, у такой-то и такой горыдъ, къ такой-та и такой царѣўни: — „Хто узлѣзить или на лошади ускочить на третій пташъ, за тога и замужъ пайду!“ Вотъ и сабираютца браты Ивана дурака ѣхать къ царѣўни. Дуракъ и гаворить: — „Братцы, вазьмитя-жъ и мене!“ — А яны гаворють: — „Куда тябе, братъ, такога дурачину: ты только тамъ людей насмашышь, а намъ черызъ тябе будить совсна!“ — Патомъ яны пашли, а іонъ гаворить: — „Дайти-ка мнѣ лукошка: я пайду — у грибы схажу!“ — Вотъ яму дали пачапню, што ѣздють на гумно за аторей, — іонъ и пашоў ў лѣсъ. Вышіў на поля и гаворить: — „Ну, грибки-гаварушки, сабирайтисъ усѣ ў лукошка!“ — а самъ какъ крикнуў іонъ маладецкимъ голысымъ, а дявическимъ посвистымъ: — „Сіўчикъ — бурчикъ, работать нѣкавурчикъ, идѣ бѣ ты ня быў, сюда прыбыў, — стань переда

мною, якъ листъ передъ травою!“ — Вотъ конь бяжить, ажъ зима дражить, съ ногъ агонь свищить, а зъ ушей дымъ идетъ. — Какъ бѣгъ, такъ на калѣни упаѹ: — Чаго изволишь, Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ? — „А во што, конь мой милый, конь любимый! приказываю я табѣ, — да сматри, штобы намъ съ табою ни падгадить: ѹ такомъ-та и такомъ горади іостъ царѣуна, — штобы намъ туда пріѣхать и на третій иташь ускачить, царѣуну пацалувать и подарыкъ ѹзять!“ — Харашо, сказаѹ конь: Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ, только ты вазми: ѹ правыя вуха ѹлѣзь, а ѹ лѣвыя вылизь, — садись лягенька, дяржись кряпенька, а я палячу стрялой, штобы намъ яе снятъ далой!.. Вотъ іонъ какъ ѣхаѹ туда, то ажъ дымъ на дороги стаѹбомъ, падѣвжаить іонъ къ дварцу и пасматрить, хто на стяѣ лѣзить, а хто на углу лѣзить, а сколько убитыхъ ляжить. А іонъ какъ ѣхаѹ, такъ и ускачіѹ на балхонъ; съ царѣуну пацалуваѹся и подарыкъ приняѹ; патомъ и атправіѹся ипать на свае мѣста, пустиѹ свайго каня у запавѣдныя луги, а самъ узяѹ ету пачапню съ грибами. Идетъ дамой, а браты ужъ дома и рассказывають ани пра то, што тамъ была. А іонъ и гаворить: — „Ти ни я ета тамъ быѹ?“ — А яны гаворють: — „Ахъ ты, дурачища, ты! табѣ то ета дастанитца сдѣлать: табѣ ни дастанитца дайжа пасматрѣть!“ — А іонъ гаворить: — Нихай сабѣ, и ни я тамъ быѹ. — Пашоѹ іонъ у поля, запѣѹ пѣсню:

„Хадіѹ добрый моладыцъ
Па чистыму полю...“

Патомъ черизъ нѣскалька ўремя праявіѹся слыхъ, што ета царѣуна ипать будить сабирать ѹсихъ, каторыя были тада. Вотъ и сабираютца ипать еты браты. Патомъ етытъ Ванюшка дурачокъ и гаворить: — „Братцы, вазмита жъ и мене!“ — А яны атказывають: — „Ахъ, ты, дурачища, ты пухамелища: ну, куди намъ ета тябе узять: только народъ смяшить и Богу гряшить, да насъ стыдить?..“ Патомъ и гаворють: — „Ты вазми лукошка, да ступай ѹ лѣсъ, набяри грибоѹ: во ета твае дѣла!“ — Вотъ іонъ узяѹ лукошка, пашоѹ у лѣсъ, патомъ поставіѹ лукошка ѹ ласу, а самъ вышіѹ на чистыя поля, засвистаѹ маладецкыиъ голысыиъ, а дявическыиъ посвистомъ: — „Сіѹчикъ-бурчикъ, работать ніѹгавурчикъ, стань переда мною, якъ листъ передъ травою!“ — Вотъ конь бяжить, ажъ зима дражить, съ-падъ ногъ

агонь свищить, а зъ вушей дымъ трубою... Якъ бѣгъ, такъ и паў пирядъ имъ на калѣни:— „Што табѣ нада, Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ?“ — А во што, конь мой милый, конь любимый, какъ ба намъ ѣхать у тотъ горадъ, идѣ живеть та царевна, штоба намъ туда падѣѣхать и на ўтарой иташъ ускочить, съ царевною павидатца и падарыкъ принять!“ — „Ладна, гаворить конь Ивану дураку: — „Ну, Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ, сильный-магучій багатырь, пализай у правыя вуха, а ў лѣвыя вылизай, садись лягенька, дяржись крепенька!“ Вотъ пирядъ имъ конь лажитца, на яво Иванъ садитца. — Какъ заржаў, захрапѣў и стрялою палятѣў, — толька съ-падъ ногъ агонь свищить, а съ ушей дымъ стаўбомъ стаить. Какъ ускачіў къ царевни на ўтарой иташъ, съ царевною папалуваўся, падарыкъ приняў. А тутъ проста увесь горыдъ загружонъ народымъ: хто лѣзить па стянѣ, хто па углахъ — и ўсѣ якъ снапы падають абъ землю. А іонъ атправіўся іпать дамой, пустіў каня ў запавѣдныя луги, а самъ идеть дамой и громка пѣсинки пупиваить; принесъ лукошка грибоў. Тутъ пришли яво браты аттуда и давай дома хвалитца: — адинъ гаворить: — я чуть-чуть, ни далѣзъ; — другой гаворить: — я то и лѣзть ни начинаў: пубыяўся што убьесеть; а какой-та пріѣхаў на такой харошій лошади, — да какъ ѣхаў іонъ каля мяне, дыкъ я и зъ ногъ упаў.“ — А Иванъ дуракъ имъ гаворить: — „Ти ни я то ета тамъ быў?“ — А яны гаворють: — „Ахъ, дурачища ты: тябѣ тамъ ни дастанитца етыга дайжа пасматрѣть!“ — А іонъ гаворить: — Ну, пушай сабѣ я тамъ и ня быў! — Узяў іонъ сабѣ краешку хлѣба, пашоў на чистыя поля, папивая громка пѣсни:

— „Хадіў я, добрый моладыцъ,
Па чистому полю...“

Патомъ ета парица искать да искать етыга багатыря, — никакъ ни магла найдить. Патомъ ина іпать приказала и славесна накавала, штобы были на паслѣдній сборъ іпать ўсѣ. Вотъ уси сабираютца и уси сьязжаютца; вотъ ина и выходитъ на треттимъ итажи на балконъ. Вотъ тутъ хто лѣзить па стѣнамъ, хто принесъ зъ дому лѣсницу: никакъ нихто ня можить да-братца да парицы. — Патомъ какъ лятѣў Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ, на сваёмъ добрымъ кани. — такъ прямиа на балконъ и ўскачіў къ царевни. Тутъ ўсѣ удиўляютьца, какъ можна

на кани туда ўскачить. Вотъ ина и дала яму свое имянное кольцо и сказала:— „ты—мой абручонный другъ!“—Патомъ ихъ аттуда ўзяли падъ руки съ царёўнымъ прикраснымъ и пували ў гасударственный дварець; патомъ черизъ нѣскалька ўремя при-винчались: стали жить, да паживать, да дабро наживать.

№ 31.

Бѣльскій уѣздъ, село Шоптово.

Илья Мурамецъ.

Якъ малый сынъ пакойныга батьку калауріў и пулучіў за ета Свинку-„залатую щатинку“, Казу-„залатой рохъ“ и Бавька-„сіўчика-бурчика“.

Была у мужика три сына. Умираў атець ихъ и приказываў, штобъ всѣмъ вамъ на маемъ кладбищи паначувать,

И гаворить:

— „Я вамъ буду па части атказывать, раўнить.“—

Ну, пахаранили яго дѣти и, выходить, нада итти калаурить батьку. И каму нада идить? Бальшаку напярехъ. Бальшаекъ спужаўся, ни пашоў; нада идить Ильи Мурамцу. Даютъ яму за работу пирохъ, кусокъ гавядины. Илья Мурамецъ и пашоў начувать адняъ. Атець гласить съ магины:

— „Ты, большій сыноекъ, начуишь на моей магилачкѣ?“

— „Нѣтъ, Илья Мурамецъ, малый сыноекъ.“

— „Вотъ тебѣ часть: у тридивятимъ чаретви есть Свинка-залатая щатинка.“

Приходить дамой.

— Какую часть тибѣ батюшка атказаў?

— Атказаў?!.. Ти ходють мертвыи съ това свѣта дамой.

Выходить итти середнему—и тотъ даетъ пирохъ и кусокъ гавядины Ильѣ. Атказаў батька Ильѣ за среднива брата Казу-залатой рохъ. Идетъ Илья на сваю ночь,—атказаў яму батька кабылицу съ 11 жирибцами и Сіўчика-бурчика. Приходить дамой, часть сваю атъ атца атабраўши.

Удрухъ царь разсмалить бумаги па Россіи: выходить будить дочь яво на балконъ; хто падъѣдитъ къ ней на багатмрскій лошади, пацалунить яе, за таво атдасть царь дочку за мужъ.

И кормють братья лашадей, штобъ ѣхать царёуну глядѣть. Илья Мурамецъ узяў кашо́лку и пашо́у у грибы. Приходить у луги, кличить:

— Сивецъ-бурець, вѣчный каурець, стань пирида мною, какъ листь пиридъ травою!

Конь бажить зъ гары да гары, зъ ряки да ряки, пала на калѣнкахъ.

— Илья Мурамецъ, какую службу служить?

— „А вотъ какую службу: падъѣхать мнѣ къ царёуни на балконъ, такъ штобъ пацалавать іе.“

— Ну, палижай у лѣвныя ушка, у правныя вылизъ; садись смялѣя, паганяй ни жалѣя.

Дагнаў братьевъ пупароть ихъ хулудцомъ; запароў ихъ на смерть. Какъ разагнаўся на лашадки, чуть ни пуцулуваў царёуну. Аттуль зваратіўся, ящо запароў братію абайхъ. Призжанти дамой братья—балъныи. Лошаты пустіў у зилъныи луга; самъ пришоў пашой дамой. Вохають братья:

— „Запароў насъ нѣкій дуракъ да смерти!..“

— Братъя, братъя, ти ни я васъ пароў?

— Дуракъ, дуракъ, ляжи ты на печки: у тибѣ такой рожи нѣтъ и лошади нѣтъ.“

— Ни я, дакъ и я—ни я.

На заўтришній день ипять царёуну цулувать сабираютца братья.

— Паѣдимъ мы братъ другой дарогый! (іонъ и чуить).

Черезъ недѣлю апять паѣхали цулувать царёуну, а іонъ узяў кашо́лку, пашой пашо́у у грибы. Крикнуў лошаты, сѣў, какъ разагнаўся, прями у лицо и пацалуваў царёуну—ина яму звязду у лобъ прями и приляпила. Узваратіўся назадъ и ну ипять хлудцами, хлудцами зилѣзными избіў имъ уоѣтѣла. Пришоў дамой, звязду завизаў; апять, на пріѣздѣ, такіе жъ разговоры у него были зъ братѣими. Спрашивають царъ усихъ пашкомъ къ сабѣ. Разъ дуракъ ноччу звязды и ни прикрнѣ. То темна была—вдрухъ загарѣлась изба ать звязды; братья закричали:

— Ой, домъ нашъ гарить!

Іонъ звязду прикрнѣ—темна стала. Жонки ихъ гаворять:

— Глушныя, избѣи цѣлы, и вы гаваритя: гарить.

И пабились яны уси чиста: и жонки, и братья. Черезъ

мѣсиць пашли пѣшія къ царю; и прибрали весь народъ, и ни находитца тотъ чилавѣкъ са звѣздой. Наканецъ, пашли добрага маладца на печки и жанили на царскій дочири.

У царя еще два зяти; загадывають онъ зитямъ своимъ загадку:

— „Зятѣ мои милыи, зятѣ мои любезныи, хто дастанитъ мнѣ изъ васъ Свинку-залатую шарстинку! Кармита добрыхъ коній, штобъ они ни пристали въ дароги и паизжайта за дабычій!..“

Паѣхали старшіи два зити у зиленье луга искать свинки. а Илья, младшій зять, гаворить:

— Жонка, дай мнѣ вадавозную кабыленку!

Ну, и ина гаворить:

— Дайта мужу вадавозную кабыленку!

Онъ сѣў и начаў битъ лопать своими кулаками по ж... Ыдитъ на гораду, и уси сміютца: царскій сычъ какую кобыленку узяў.

Призжають Илья у зиланныи луга, кликнуў Сивчика-бурчика—а онъ бжжить, какъ жаръ гарить; пріѣхаў на Сивчика къ Свинки-залатой шатинки, сгребъ іе и привезъ въ свое царства.

А другіи зити пріѣхали ни съ чѣмъ и просятъ зити:

— „Атдай свинку!“

— Дайта зъ руки пу пальцу атрѣзать—атдайтъ!

Тѣ зити, хуть и бальныи, привозють Свинку-залатую шатинку, а Илья приносить, атдаетъ жанѣ шкуру вадавозный кабыленки.

Пасылають аять царъ зитей своихъ за казой:— „зятѣ мои любезныи, привизите мнѣ Казу-залатой рохъ!..“

Илья Мурамецъ привезъ іе на своемъ Сивчики и атрѣзаў за ету штуку у зитей на пальцу съ наги.

Наканецъ, приказывають царъ своимъ зитямъ дастать кабылицу у тридывятимъ царстви. Кличуть Илья своимъ Сивчика: такъ и такъ.

— А ты за мою мамынку бярешся: трудно дастать іе! Куй 12 хлудцовъ, штобъ каждый хлудецъ быў на пуду. Пализай у лѣвыи ушка, а у правыи вылизъ, садись смѣла, держись вѣривка!..

Дагнаў Илья Мурамецъ Кабылицу и стаў смалить іе па вушамъ.

— За што ты бьешь?

— А требуйть тебе царь на лицо.

— „Садись на мине, и дѣти мои пайдуть уси.“

Принзжанть Илья на царскіи дуги и видитца съ прочими зятями; атдаеть имъ сваю дабычу, тольки штобъ они пазволили яму атрѣзать на ряню на спины.

Зити скинули платья и дали яму атрѣзать.

Топоуть зитямъ бани, а яны идуть нѣхотна, Илья жъ захватіу у баню у кармани ряни и парсты.

Приходитъ царь у баню:

— „А йдѣ падѣлись ваши парсты?

А што ета у васъ на спины?“

Маучать; а Илья вынимають изъ кармана ряни и парсты, атдаеть царю и рассказывать яму, за што яны атдадины.

Приказау царь раздергать сванхъ зятей на конскихъ хвостахъ на чистому полю, а на Ивана сказау:

— „Тибѣ усе мае царства, а я буду твоимъ захрибетникомъ.“

№ 32.

Сказна а бѣднымъ и багатымъ брати, ваўшебный нурицы, скатирти, трубачки.

Въ нѣкаторомъ царствіи, въ нѣкаторомъ гасударствіи, а иминна ў томъ, у каторамъ мы живемъ, праявіўся разсказъ не ать насъ, какъ жили два браты: адинъ багатый, а другой бѣдный. Вотъ яны пражили нѣскалька лѣтъ; патомъ приходитъ, какъ у насъ называють, радитильскій день Раданица,—нужна паминать радитиліу. У багатага брата ўсяго довольна, а у бѣднага нѣтъ ничога. Патомъ іонъ, бѣдный братъ, и гаворить на сваю хазайбу:—Иди-ка, сходи къ майму брату, пупраси чаго нибудъ; можа, и дасть што-нибудъ пумянуть радитиліу.—Вотъ ина и пашла къ яго брату багачу. Уходитъ у хату:—„Здрастуйтя!“—Здрастуй, прахади, садись!—А ина гаворить:—„Нѣ, мнѣ некада сядѣть: пришла я къ вамъ дѣлымъ!—Брахиинька, саѣдай милысть, вызвыль ты мяне, што я буду прасить. У насъ сянни радитильскій день,—дай мнѣ кусочекъ мяса пумянуть радитиліу.“—А іонъ гаворить:—На, нiasi тому брату, атдай

яму, якъ чорту!.. Вотъ ина узила и панисла дамој; приносить и гаворить: — На, прислаў табѣ братъ атдать чорту!.. Вотъ іонъ и гаворить:—Ну, какъ жа мнѣ ѣсть? іонъ прислаў ии мнѣ, а чорту. Пайду искать чорта!—Вотъ іонъ ишоў, ишоў; стричаитца зъ имъ чортъ и гаворить:—Здрастуй, мужучокъ! куды идешъ?—А иду искать чорта.—А чортъ и гаворить:— „Я—чортъ, дай мнѣ ета мяса!“—А іонъ гаворить:—А ты мнѣ за ета што даси?— „А вѣ-што я табѣ буду давать,—смотри: ни бари ничога, а толька вазьми курицу чорную!“—Мужикъ атдаў чорту мяса, а чортъ гаворить:— „Ну, атступи три шага назадъ!“— Вотъ іонъ атступіў три шага назадъ, пасматривать: такея харомы пригожія, а што панастаўлина питиння, и идиння. и разнага кушання!—Вотъ іонъ тамъ жиў и гулаў. Патомъ яму гаворить:—Ну, што ты сабѣ вазьмешъ за ета мяса: золн-та ай сирибра? А іонъ гаворить:—Нѣтъ, ни нада мнѣ ни золн-та, ни сирибра, а дайта мнѣ чорнаю курачку.—Вотъ яны и гаворить:— „Ну, што съ табою дѣлать? Какъ ты чилавѣе харошій, та вазьми ужъ!“ .. Вотъ іонъ узяў ету курачку и пашоў. Ишоў, ишоў, и гаворить самъ сабѣ:—Ну, на што я узяў ету курицу?—луччій бы я узяў сабѣ золн-та или сирибра.—Вотъ сичасъ стричаитца чортъ и гаворить:— „Ты вазьми, да патисни ету курицу!“ .. Вотъ іонъ какъ начаў яе тиснуть, то ина и начала пакаститъ золн-тнмъ. Вотъ іонъ нямнога прайшоў, патомъ ипать яе патиснуў, насыпаў іонъ золн-та поўныя карманы. Патомъ ишоў, ишоў,—станть ка-бакъ. Іонъ зайшоў туда и гаворить на кабашника: дай мнѣ рюмку водки, и другую, и третію!... Патомъ и атдасть яму залатой, а кабашникъ гаворить:—Идѣ ты ета узяў залатой?—А іонъ гаворить: „У мяне война курица,—смотри-ка, што зъ яе будить!“ И давай яе тиснуть; вотъ ина и начала турить золн-тнмъ и сирябромъ. Патомъ ета кабашница напала яго сил-на пьяна. Іонъ легъ, а курицу палажиў у галавахъ. А кабаш-ница узила ету курицу и пиримянила. Патомъ іонъ устаў, схватиў ету курицу и пашоў дамој. Приходитъ дамој и гаворить на жонку:—Ну-ка, жонка, расстаўлай дярюгу!... Патомъ и начаў давить ету курицу; давиў, давиў, толька пабгадила усю дярюгу. Патомъ и гаворить:—Пайду ипать къ чорту!.. Ишоў, ишоў, стричаитца ипать съ чортнмъ. Іонъ и гаворить:—Нѣтъ, чортъ, дрень твоя курица: нѣтъ зъ яе толку ничаво,—ни дасть золн-та.—Чортъ и гаворить:—Ну, атступи ипать три шага ўпередъ!..

Пасматрѣть: ипать харомы. Чортъ и гаворить: — „Сматри: ничаво ни бари,—вазьми только скатирсть!“... Вотъ стали яво тамъ угащать. Патомъ и гаворють:—„Ну, што вазьмешь: золата али серибра?“—А іонъ гаворить:—Мнѣ ничога ни нада,—только дайта мнѣ ету скатаретку!—„Ну, што съ табой дѣлать? Вазьми!“... Вотъ іонъ узяў и пашоў. Патомъ и гаворить самъ сабѣ:—Ну, што я буду дѣлать съ етыю скатирѣткою? — А на сустрѣчу къ яму идеть чортъ и гаворить яму:—„Ты вазьмитрихани ету скатаретку, то табѣ будить, што нада.“ — Вотъ іонъ трихануў етыю скатареткою, то атеуль узялись такея напѣтки, такея наѣдки, — тутъ усѣ: и музыка. и харомы. Вотъ іонъ выпіў, выспаўся и идеть. Стаить кабаекъ. Іонъ туды увайшоў. Увайшоў и давай хвалитца цулуванницы. Цулуванница напамла яго сильна пьяна. Вотъ іонъ легъ, а скатирсть палажѣ падъ голавы. Ета цулуванница узила ету скатиртку и абманила. Прашнуўся іонъ, схватиў ету скатиртку и пашоў дамой. Во и гаворить на жонку:—„Таперь мы съ табою паживемъ! Сматри-ка, што я сдѣлаю.“ — Вотъ іонъ узяў, выніў ету скатиртку, — какъ трихануў яе, а изъ яе нѣту ничога. Жонка и гаворить:—„Каторый разъ ты ета мяне абмануишь?“ — Вотъ іонъ узяў ету скатиртку и пашоў ипать къ тымъ чиртямъ. Приносить и гаворить:—Што вы мнѣ ета дали? упередъ усе було, а таперь нѣтъ ничаво.—А яны и гаворють:—„Да, ты то, харошій чилавѣкъ, ать насъ ты бярешъ и къ сабѣ ни приводишь.—Ну, што хочишь брать золыта али серебра?“ А адинъ чортъ гаворить:—„Ни бари ты ни золыта, ни серибра, а вазьми сабѣ трубочку!..“ Вотъ іонъ и гаворить:—Ни давай ничаво,—только дай мнѣ ету трубочку! — „Ну, што съ табою дѣлать? вазьми!“—Вотъ іонъ узяў и пашоў.—Ишоў, ишоў и думанть:—„Ну, на што мнѣ ета трубочка?“—Хатѣў іонъ яе ужъ бросить; сичасъ яўляитца чортъ и гаворить:—Ты вазьми у ету трубочку и затруби!... Вотъ іонъ только затрубиў—выскакивають двинадцать малайцоў: голысь у голысь, вонысь у вонысь, глазь у глазь, глядять какъ разъ и спрашють:—Што табѣ нужна? А іонъ гаворить:—„А вѣд што мнѣ нужна: папѣть да пагулять.“—Вотъ тутъ сичасъ явилась такая музыка, и питяинне, и идяиннѣ. Патомъ, папіўши, пагуляўши, ипать іонъ падуў у трубочку,—ипать ничаво ни стала. Идеть іонъ ипать кала тога кабачка. Вотъ іонъ зайшоў туда. Патомъ и гаворить на ка-

башвицу: — „Паслухай, вумница! атдай маю чорную курицу и маю скятарку, а ежили ты ни атдаси, то я тебе сичась разарву на мелкія части!“... Вотъ эта кабашница и давай яго па шіямъ таўкаць изъ кабака. Вотъ іонъ якъ дунуў у ету трубочку, якъ выскачили двинадцать малайцоў: голысь у голысь, волысь у волысь, глазъ у глазъ; вотъ аны и гаворюць: — „Чаво изволитя?“ — А во чаво: штоба ету кабашницу сичась забить и крошки раздзялить. — Вотъ яны яе падхватили, какъ начали трипать, вотъ ина и гаворить: — „Стойта, стойта, братцы! атдамъ я вашу курицу и скятаретку!“ — Вотъ іонъ ипять дунуў у ету трубочку, и яны уси пуубрались. Узяў іонъ ету курицу и скятаретку, и пашоў. — Пришоў дамой и гаворить: — Ну, жонка, таперь наша дѣла — слава Богу! — А ина гаворить: — Ну, полна табѣ бала мяне сміятца! — А іонъ гаворить: — „Ну-ка, иди суда! — Ина падайшла. Вотъ іонъ какъ дунуў у ету трубочку, какъ выскачила двинадцать малайцовъ: што табѣ нада? — А во што: штоба была и напить, и паѣсть, и пагуляць!.. Тутъ стали такея харомы, што толька сматрѣть на ихъ! Какъ пашла такая музыка, што толька дяржись! — Сичась, іонъ якъ трихануў скятаретку, стали такея напитки и паѣдки! Вотъ яны тамъ бясѣдавали нѣскалька ўремя и пазвали сваяго брата багача. Патомъ, пакончившись ўся ета музыка, дунуў іонъ ипять у ету трубочку: якъ ни було ничога, такъ и нѣту ничога. Патомъ іонъ выніў курицу и гаворить: — Ну-ка, жонка, растяли дярюгу!.. Вотъ ина разаслала дярюгу. — Вотъ ана разаслала дярюгу, а іонъ и давай яе тиснуть, а курица пакастить золытымъ и сирабромъ. — Патомъ іонъ и гаворить: — „Схади къ брату за мѣркю! — Вотъ ина пришла къ багачу и гаворить: — Брахнинька, дай ты мнѣ мѣрки! — „На што?“ — „Ца што-та мѣрить. — Вотъ іонъ и гаворить на свая хазяйку: — Дай имъ мѣрку, каторая бизъ абручоў. — Вотъ ина узила ету мѣрку и панисла яе дамой. Намѣрили яны цѣлыхъ двѣ четверти золыта и наторкали ў избѣ па щеляхъ. Идетъ багачъ и замѣтіў на вокнахъ золыта, и думанть, што ета такая. Увайшоў у хату, пасматрить: па ўсей хати наторьвана золыта; іонъ и гаворить: Идѣ ты ета узяў? — „А Богъ мнѣ даў.“ — Вотъ іонъ и давай ета усюдохъ разсказывать. Патомъ дачулись паны (а ета було при крипасномъ праві); присылають памѣщикъ за етымъ мужукомъ: — „Штоба быў іонъ ка мнѣ!“ — Іонъ и пашоў къ памѣщику. — Памѣщикъ и гаворить: — Я слн-

хаў, што у табе есть курица, што с..нть золытымъ; да ящо скатяретка, а ў ей усякихъ напнткыў и наѣдыў давольна?— Да, ваша благодародія, іостъ!— „А идѣ ты ета узяў?“ — А Богъ мнѣ даў.— „Вотъ жа я табѣ приказню, штоба ета мнѣ при- несина была!— Думаў, думаў мужикъ: што тутъ дѣлать?— А баринъ гаворить:— „Ты мнѣ только на адинъ дянекъ!“— Іонъ атдаў.— День праходить—ни нясутъ, и другой, и третій, — а ўсё ни нясутъ. Вотъ іонъ узяў трубачку и пашоў къ пану. Приходить на гасподскій домъ и гаворить:— „Ну, баринъ, па- жалуйтя мае вещи!“ — А іонъ гаворить:— Эй, вы, слуги мае! Дайтя яму вящей, штоба іонъ и ни панѣсь!.. А іонъ какъ дунуў у трубу, якъ выскачили двинацать малайцоў:— Чаво из- волитя?— А іонъ гаворить:— „Валай усихъ!“.. Вотъ яны якъ начали етыхъ слугъ бить, етытъ памѣщикъ сматрѣў, сматрѣў и гаворить:— „На, братъ, твае вещи: а то и мнѣ ета будить!“— Вотъ іонъ узяў ету курицу и скатяретку и пашоў дамой. Стаў жить, да паживать, да дабра наживать.

№ 32.

Бѣльскій уѣздъ, село Шонтово.

Чаремшинна.

Мужик у стала худа жить.

„Пайду“, гаварить: „утаплюсь!“

Сидить старичекъ надъ рякомъ.

— „Куда ты, мужичекъ, лѣзишь?“

— А я лѣзу у ваду.

— „Зачѣмъ ты лѣзишь у ваду?“

— А худа мнѣ жить: дѣти зъ голыду умирають.

— „Ня лѣзь, мужичекъ, вѣ ваду: на табѣ скатирсть.“

— А што жъ ты будишь дѣлать съ скатиртью?

— „А ты скажи: развярнись — раскатись, дай питиння — идиння!.. Скатирть тебе и напоить, и накормить.

Онъ узяў скатирть и пашоў дамой.

Дамой ни лайшоў—значуваў на дароги. Бабка пупрасила яго на нычъ.

— „Прашу пакорна тибѣ на нычъ, садись, паужинай, му- жичекъ, лажись спать!..“

А сама узала скатирть, тую сибѣ узала, а яму дала прастую.

Приходить дамоу.

— „Ну, мались Богу, садись, хазяйка; будимъ сыты — довольны!..“

Сѣли за столъ. Узяу заслау скатирть.

— „Скатирть мая вазлюбленная, раскатысь — разварнись, дай питиння — идиння и падгуливання!..“

А скатирть, какъ лижала, ничаво ни дасть: ни питиння, ни идиння, ни падгуливання.

Заплакали дѣти, сѣдя за столомъ съ матирью.

И гаварить ина:

— Мучитель ты мой, замучіу ты мене!..

Іонъ и гаварить:

— „Пращай, жина! пайду, утаплюсь!.. — Пращайта, дѣтки!..“

Приходить на тоя мѣста тапитца.

— Што жъ ты, мужичекъ, топнись, а дѣти зъ голыду умирають!. Ни тапись, мужичекъ, вотъ табѣ барашку.

— „А што жъ я буду дѣлать зъ барашкамъ?“

— А ты скажи: триханись. барашка! будить табѣ золота; другой разъ триханись — будутъ тибѣ бумажки.

— „Благодарю, батюшка!..“

Публагодаріу яво и пашоу.

Уходитъ старушка на дорожку.

— „Ступай ка мнѣ на нычъ: будить у мене довольна и питиння и идиння“.

Пришоу къ ей; дала яму паужинать, дала яму прастого барашку, а тога сабѣ узала.

Приносить дамой хазяйки барашка.

— „Слава Богу: теперь будимъ зъ деньгамъ!..“

А ина атвичанть:

— „Мучитель мой, замучіу мене!..“

Ужъ не вѣрить яму.

Паставіу барашку на столъ

— „Триханись, барашка!..“

А іонъ стаить. якъ стаяу.

— „Хазяйка, ни плачъ: пайду утаплюсь.“

Приходить на тоя мѣста, лѣзить у воду.

Атвичанть яму хто-та:

— „Што у воду тѣзишъ?“

— Дѣти съ голыду съ жаною умирають.

— „Ни тапись, мужикъ! на табѣ чаремшинку.“

— А што жъ я буду дѣлать съ чаремшинкай?

— „А ты, идѣ начуишъ, скажи: Чаремшинка, разварнись!

Атдадутъ тебѣ барашку и скатирть; ани будутъ за 12-ю замками, за двинацатимъ двирямъ.“

Іонъ ипять идеть къ старушки, а ана яго заветъ:

— „Ступай! у мене многа питиння и идиння и пакой хорошій.“

Онъ легъ спать; а ина палажила яму прастую чаремшину.

Іонъ устаеть.

— „Вабушка, ета ни мая чаремшина.

— Што ты, глухой?! твая.

А іонъ скажить:

— Ни мая! Идѣ жъ вазьму яе, када ни мая?

Закричаў іонъ громкимъ голасамъ:

— Чаремшинка мая, раазварнись, рааскатись!..“

Идѣ не была двинацать маладцаў, ударили замки садить, двери лумать; замки пулумали, двери разлумали, ударили ету бабу бить, бить били, били на смерть.

— „Батюшка, памилуй мене!“ Просить ина етыва мужика.

— Атдай маю скатирть, атдай майго барашку.

— „Вазьми, батюшка, вазьми, атпусти только маю душу на пакаяніе: вотъ тибѣ барашка, скатирть.“

Мужикъ кричить:

— „Зварнись, чаремшинка!..“

Атдала ана яму скатирсть и барашку.

И приходить іонъ дамоў и приносить и скатирть, и барашку, и чаремшину.

— „Ти жива ты, хазайка?“

— Жива? Замучіў мене, мучитель мой!..

— „Садись же, хазайка! Будимъ пить—гулять, падгуливать!..“

Сѣў за столъ.

— „Скатиць мая вазлюбiная, раскатись—разварнись, дай питиння—идиння!“

Скатиць раскатилась—разварнулась.

Што тутъ питиння — идиння?!.. Чаво тольке душа падмаить!

— „Ти хочишь, штобъ денехъ табѣ дать?“

А мна гаварить:

— Да када бы ты денехъ даў, ета бѣ слава Богу!..

Паставіў іонъ барашку.

— „Барашка, триханись!..“

Барашка трихануў разъ—стала золыта; другой разъ трихануў—стала сѣребра; третій разъ трихануў—стали бумажн.

— „Ну, хазайка, ти давольна ты мною!“

— Давольна, дѣдушка!

Даказывають барину:

— „Вашъ мужичекъ гуляить—харчуить и васъ ужъ знать ня хочить.“

— Пади, старыста, дай яму вѣлю харошую!..

Абступили мужичка кругомъ:

— „Выходи, Иванъ, на пригонъ!..“

— Зачимъ я пайду на пригонъ? Ни пайду я на пригонъ.—
А самъ пьетъ чай да вино, гуляить за сталомъ.

Стараста гаварить:

— „Мужики, бари яво. вяжита у бараній рохъ!..“

А мужичекъ кричить:

— „Чаремшинка, разварнись!..“

Выскачпа 12 маладпоў, ударили вотчину тирибить: каму руку, каму нагу атбили.

Іонъ гласить:

— „Старысти паддайтя!..“

Якъ пѣчали старысту бучить.

Старыста атвочаить:

— „Батюшка, памилуй ты мене, грѣшника! Ни паганю я тибѣ вѣкъ на пригонъ!“

Мужикъ атвочаить:

— „Чаремшинка, згарнись!..“

— „Стуцай—садись са мной поплить: сичасъ будить питиннѣ—идиннѣ!..“

(Мужикоу ужъ ня просить: ихъ усихъ чаремшинка пабила).

— „Ни пайду, мужичекъ: баюсь у тебе абѣдать.“

— А ни пайдешъ ка мнѣ, ящо падсиплють больши.

Пріизжантъ дамоу, баринъ спрашнѣть старысту на лицо:

— „Ти выгнаў ты Ивана на пригонъ?“

А стараста гаварить:

— „Вы, баринъ, папробуйтя выгнать, а я низдароу: забилы да смерти.“

Баринъ кричѣть на кучира:

— „Запригай!..“

Паѣхаў баринъ самъ. Пріизжантъ:

— „Иванъ, выходи на пригонъ!..“

— Зачимъ я пайду на пригонъ?!

— „Какъ ты смѣу мнѣ такъ атвичать?“

— Баринъ, ни баюсь я тебе!..

— „Какъ ты мене ни баисьтя? я тебе у калодки пристаўлю у Сибирь.“

— Баринъ, ня смѣишъ.

— „Мужикъ, бирн яво, вяжи!..“

Мужики даўжны братъ. Мужикъ закричаў:

— „Чаремпинка мая, развярнись—раскатись!..“

Выскачила 12 маладцоу, ударили вотчину тирыбить: каму галаву, каму руку атарвали.

— „Баринъ,“ гаварить мужикъ: „ступай ка мнѣ абѣдать!..“

— Иванъ, я баюсь къ табѣ идѣть.

— „Ня бойся, баринъ, я тебе бить ня буду—только мнѣ вольную дай!..“

Пришоу къ яму баринъ:

— „Идѣ ты узяў питиння—идиння?“

(Онъ барина ня біу, а только прибіу старасту. Барина за што бить? Баринъ ни винувать).

— „Пиши, баринъ, вольную!..“

Написаў. Влѣў скатирти накармить барина.

— „Баринъ, ти нада тибѣ за вольную деньги?“

— Када даси, дай!

Юанъ узяў барашку, паставіу на столъ.

— Стриханись, барашка!..

Трихануўся барашка—усе золыта, выши барана.

Баринъ деньги и узяў.

— „Ти ни нада тибѣ сирибра?“

уступитя вы яго мнѣ!“—А што даси?—„Сто рублей.“—Ну-бари!—Привеў іонъ сабаку дамой, пумястіў яго у анбари, па, слаў яму пастелю, стаў яго карміць мяснымъ и паить малакомъ. Мать яму гаворить:—„Што ты, сынъ, балуишься? Атчаво ты ни таргуишь?“—Маминька! Хто бязъ денигъ таргуить?—Мать яму дала ящо сто рублей. Іонъ пашоў па горыду и ни нашоў тавару па сабѣ. Вышіў за гырыдъ, видить, што вадуть старыва коты и бьютъ яво палками.—„Рибяты, за што вы яго бьете?“—А іонъ састаріўся, мышей ня ловить, сбродыить,—дыкъ мы яго давить вадѣмъ.—„Рибяты, продайтя вы яво мнѣ!“—Што даси?—„Сто рублей!“—Ну, давай!—Узяў іонъ етыва кота, пумястіў яво у анбари на палицы, кормить яво мяснымъ и поить малакомъ. Мать яму гаворить:—„Сынокъ, што жъ ты ни таргуишь?“—Маминька, хто жъ таргуить бязъ денигъ?—Дала ана яму ящо сто рублей.—Пашоў іонъ па горыду и ни нашоў тавару па сябѣ. Вышіў іонъ за гырадъ и видить, што вози рѣчки сабраўся народъ и што-то бьютъ. Іонъ падашоў и гаворить:—„Рибяты, што вы дѣлаице?“—А пасматри: мы бѣѣмъ змяю!—Іонъ гаворить:—„Братцы, уступитя мнѣ яе!“—А што даси?—„Сто рублей!“—Узяў іонъ ету змяю, принѣсь дамой, наслаў у карзинку пуху, палажіў яе и стаў карміть. Мать яму гаворить:—„Сынокъ, што ты ни таргуишь?“—Ахъ, маминька, хто таргуить бязъ денигъ?—„Сынокъ, я табѣ ужу дала трыста рублей,—пакажи мнѣ свае тавары!“—Привеў іонъ яе и гаворить:—„Маминька, вотъ сабака—сто рублей.“—Ну, ета харашо.—„А вотъ котъ—тожа сто рублей.“—Ну, и ета харашо.—„А вотъ змя—сто рублей.“—Ахъ, ты сабачій сынъ: ета жъ змя—первый зладѣй, няси яе, идѣ ўзяў, а то и на дворъ ни бувай!—Узяў іонъ ету змяю, увизаў у платочикъ, принѣсь къ тому мѣсту, идѣ ўзяў, удариў яе вобѣ-змиъ. Змя скинулася царѣўнюю и гаворить:—„Благодарю, Иванъ Ивановичъ, што ты мяне аткупиў атъ зладѣіў, садись на мяне, паѣдимъ у маѣ царства ў гости къ майму атцу!“—Сѣў іонъ на яе и паѣхаў за 12 марей. А тамъ стайтъ домъ увесѣ падъ золотымъ. Вотъ палажила ана яво у траву-бурьянъ и гаворить:—„Ну, милый, ляжи тутъ: када будить атець мнѣ радъ, то за табой пришло залатѣй бярдинъ; а када ня будить радъ, то я табе аять атнясу у сваѣ царства.“—Пришла ана къ свайму атцу:—„Здрастуй, мой батюшка!“—Вотъ іонъ, какъ садѣў на стули, такъ

и стаў яе абнімаць:— „Здрастуй, мая дочь, я думаў, што табе ужу на свѣти нѣту!“ — Да, мой батюшка, мяне ба ні было на свѣти, — да мяне избавіў Иванъ Ивановичъ, купечискій сынъ! — „Ахъ, дочка мая любезная, зачѣмъ ты мнѣ яво ні даставила: я ба яго наградіў!“ — Батюшка, іонъ тутъ, — возлі моря, у бурьянъ-травѣ. — Сичасъ тутъ залажили у залатѣй барлинъ шастерку лашадей прѣма падъ яво. Привязли яго къ царскому дварцу и пувяли яво прѣма къ царю. Царъ яво стаў угащать. Иванъ Ивановичъ у яго 3 дни гастюваў. Цареўна яму гаворить:— „Будить табѣ атець дарить злата, серибра, палавину царства, — ты у яво нічога ні бари, а толька праси съ правый руки калечка.“ — Царъ яго прываў и гаворить:— „Праси у мяне, чаво хочитца: нічога ні пажалѣю!“ — Ахъ, царъ, усѣ мнѣ наравитца, а луччи ўсяго мнѣ наравитца ваша калечка на правый рукѣ! — „На што табѣ, милый, калечка — што толька яно красива?“ — Ну, дыкъ мнѣ ваша нічога ні нада, — толька дастаўта мяне у мой домъ! — „Ну, када табѣ, то нѣ: дарю табѣ калечка!“ — Агдаў царъ яму калечка. Запратгли залатую карету и даставили яго у траву-бурьянъ. Цареўна пасаділа яво на спину и даставила яво у тоя мѣста, идѣ іонъ яе нашоў. Паставила яго и гаворить:— „Када табѣ што уздумантца, то толька пирякинъ калечка зъ руки на руку, то табѣ усѣ будить.“ — Пришоў дамой, гаворить:— „Ну, маминька, я у чужихъ зимляхъ наўчѣўся таргувать, — таперъ благаславити мяне жанитца!“ — А, мой сынокъ, я табе благаслаўляю: выбирай сабѣ па нараву. — „Маминька, у мяне ужу навѣста найдина.“ — Какая? — „Маминька, я цареўну бяру!“ — Ахъ, сынъ мой, разви ета можна: мы люди бѣдныя, а за цареўну свататца? — „Ну, иди, иди, матушка!“ — Приходить ана къ дварцу и гаворить на часовыхъ:— „Здрастуйта, ребятъ!“ — Здрастуй, матушка! — Куда идешъ? — „А я иду къ царю у сваты.“ — Ну, ступай! „Здрастуйта, ваша царскія вяличества!“ — Здрастуй, бабушка, што скажишъ? — „Пришла у сваты къ вашій дочки за свайго сына Ивана Ивановича, — іонъ мальчикъ харошій, учѣўся таргувать у чужихъ гарадахъ.“ — Ну, харашо: толька пускай твой сынъ выстраить мрамрный дварець чищи майго: выстрынить, — будить зять; ня выстрынить, — голыву срублю. — Пришла ана къ свайму сыну и гаворить: — „Ахъ, сынъ мой! Убаротишъ ты мой вѣкъ: царъ приказаў пастроить дварець, чищи яго: а то

голыву срубить!“—Ну, матушка, лажись спать: вутра вечира мудрянѣй!—Старушка лягла спать, а іонъ у самую полночь вышѣ на паратныя крыльцо, пирякинуѣ калечка съ руки на руку; іуляютца 12 маладцоѣ:—„Што угодна?“—А во што: штоба къ вутру быѣ гатоѣ мрамарный дварецъ, пачищи царскыва!—Ня ўспѣѣ іонъ сказать, а ужѣ дварецъ гатоѣ. Назаўтрига гаворить:—„Ну, матушка, ступай у сваты!“ Приходить ана къ царю:—„Ваша вяличества, у сваты пришла!“—Ну, харашо: если твой сынъ хитиръ и мудиръ, пускай выстрынь мостъ: масница залатая, масница сяребриная,—тада атдамъ за яво дочъ.—Приходить ана дамой и рассказала свайму сыну, што приказаѣ царъ.—„Ну, матушка, лажись: вутра вечира мудрянѣй!“—Вотъ яво мать лигла, вышѣ іонъ на паратныя крыльцо, пирякинуѣ калечка съ руки на руку,—выскакывають 12 маладцоѣ:—„Што угодна?“—А во што: штоба была гатова да заўтришнига вутра сяребринный мостъ атъ майго двара да царивыга.“—Ня ўспѣѣ іонъ сказать, а мостъ ужѣ гатоѣ. Устаѣ царъ, паглядить: мостъ гатоѣ, блищить, ажѣну аткоски па нибисамъ. Пу вутру старушка идеть апять у сваты:—„Ваша царскыя вяличества, пришла ипать у сваты!“—Ну, харашо, бабушка, будить іонъ мнѣ зать;—а если къ заўтришнему вутру ни паставить абапылъ маста сяребринныя вѣтычки и ни нагонить птиць райскыхъ, каторыя ба пѣли пѣсни хурувимскія, то голаву срублю.—Приходить дамой и гаворить сыну: „Ну, сынокъ, царъ приказаѣ абапылъ маста паставить сяребринныя вѣтычки, и штоба на етыхъ вѣтычкахъ сядѣли птицы райскія и пѣли пѣсни хурувимскія—а то голыву срубить.“—Ну, матушка, лажись спать: вутра вечира мудрянѣй!—Старушка лигла спать, а іонъ вышѣ на паратныя крыльцо, съ руки на руку калечка пирякинуѣ,—выскакывають 12 маладцоѣ:—„Што угодна?“—А во што: штоба къ заўтришнему вутру абапылъ маста було панастаўлина разныхъ вѣтыкъ, залатыхъ и сяребринныхъ, штоба на етыхъ вѣтыкахъ сядѣли птицы райскія и пѣли пѣсни хурувимскія, и штоба абапылъ маста были панастаўлины разныхъ винъ.“—Іонъ гаворить, а дѣла дѣлайтца. Прашнуѣся царъ на заўтрига, видить: усѣ, што ни гаварѣѣ, сдѣлана. Старушка на другой день идеть у сваты, а ей сынъ приказаѣ:—„Када ни атдасть, то скажи яму, што вазьму няволію.“—Пришла ана и гаворить:—„Ваша царскыя вяличества, када ни атдадита та-

перъ, то няволю вазьмешъ!“—Ну, старухъ, слухай: я атдамъ сваю дачку, вада твой сынъ сдѣлаить къ заўтришнему вутру васкавую церкву, званы залатѣя, папы — патріярхи маладѣя, штоба ли церкви садѣла яблынь,—када ба мы ишли у церкву, ана бы твила,—а када будимъ идить съ церкви, штоба были яблыки спѣлыя: сдѣлаить—атдамъ дочку зя твайго сына; ня сдѣлаить—голыву яму атрублю.—Старуха пришла къ свайму сыну и гаворить:—„Ну, сынокъ, заўтри табѣ голыву атрубють: приказаў царь,—дыкъ и ты ня сдѣлаишъ таго!“—„Ну, матушка, ни пичался: вутра вечира мудранѣй, а таперъ лажись спать.“—Старуха лигла и заснула; Иванъ Ивановичъ вышіў на паратня крыльцо, пирякинуў зъ руки на руку калечка,—выскакивають 12 малайцоў:—„Чаво изволить?“—Штоба къ заўтришнему вутру была гатова васкавая церква, залатѣя званы, папы-патріярхи маладѣя, штоба ли церквы расла яблынка—какъ будимъ у церкву идить, штоба твила,—а какъ будимъ выхадить съ церкви, штоба яблыки паспѣли,—штоба мнѣ была адежа, какой и у царя нѣту“.—Іонъ гаворить, а дѣла дѣитца,—къ вутру усѣ гатова. Прашпаѣтца назаўтрига царь, чуить, идѣ-та званы звонють; іонъ гаворить на слугу:—„Идѣ эта звонють?“—А эта звонють ў новый церкви!—Гасударъ вышіў паглядѣть и видить, што праўда. У восимъ часоў падѣхала залатая карета, посадили царѣўну и царя и пувязли у церкву. Идутъ у церкву—яблынь твитить, выходють изъ церкви—ужу яблыки паспѣли. Пазвали на свадьбу Лукаѣра Цымбалдывича; іонъ пріѣхаў изъ-за двинадцати марей у 3 дни. Гуляли яны 15 дней; патомъ ужу атдають нявѣсту у жинихоў дворъ. Привезъ Иванъ Ивановичъ царѣўну у свой дварець, и прагуляли у яго доми 3 дни. Стали яны сабиратца спать, ана тайкомъ свайму адъютанту дала расписку и приказала, штоба Лукаѣръ быў гатоў:—„Мы атсудава уѣдимъ!..“—Лягли яны спачивать; царѣўна абласкала Ивана Ивановича и давай ў яго распрашивать, какъ іонъ пастроіў домъ. Іонъ и гаворить:—„Ета усѣ мнѣ калечка памагаить!..“ Вотъ, када іонъ заснуў, ана скинула у яго съ руки калечка, выбигла изъ дому, прибѣгла къ Лукаѣру и уѣхала съ имъ у яго царства. Назаўтрига гасударъ присылаить маладыхъ звать на чай. Прибигаить ардинариць:—„Иванъ Ивановичъ, гасударъ просить васъ на чай съ жаной и съ матирью.“—Иванъ Ивановичъ стаў яе искать пу палатамъ,

кликать яе, а яе и слѣдъ ужу прастыѣ. Тада яво узали падъ каравулъ; гасударъ сказаѣ: — „Ета, вѣрна, ты пагубиѣ маю дочку, што яе нѣту!“ — Пуваѣли яго на площадь, посадили на стулъ и залажили кругомъ стула кирпичомъ, аставѣли толька вакошичка, штоба падавать яму пищу. Іонъ тамъ сядѣѣ, можа. мѣсицъ, а, можа, надѣлъ десить; дамъ яго гасударъ узаѣ у сваю казну, а матъ яво пумястѣли у багадѣльню. Кату съ сабакъ нѣчага стала ѣсть; котъ гаворить на сабаку: — „Уздумай, сабака, што за насъ заплатѣѣ Иванъ Ивановичъ, а ми длѣ яго ничога ня сдѣлаѣ!“ — Ну, штожъ ба намъ сдѣлаѣ? — „Какъ што? — Я знаю, идѣ парѣѣна!“ — А йдѣ? — „У Лукапѣра. Сабака, пайдемъ на пристынь!“ — Пайдемъ! — Пришлѣ яны на пристанъ и ляглѣ падъ ракуитывымъ кустомъ. Котъ гаворить на сабаку: — „Вотъ, сабака, ты на силу крѣпчѣй мяне, а я на глазъ крѣпчѣй тябе: а атсуда вижу Лукапѣрыва царства.“ — Ну, када видишь, то пуплуемъ туды. — Пуплылѣ яны у Лукапѣрыѣ домъ. Пириплулѣ моря у палтара мѣсица. Приѣхалѣ яны у Лукапѣрыва царства и 3 дни атдыхалѣ у травѣ — бурьяни. Котъ гаворить: — „А што ты, сабака, знаишь?“ — А што? — „У етымъ царствѣ кошикъ нѣту, а мышѣ паѣлѣ усѣ добрыя.“ — Патомъ іонъ гаворить: — „Ну, сабака, ты ни хадѣ на царскѣй дворѣ; а то тябе сабаки разарвуть, а я пайду туды.“ — Вотъ котъ пашоѣ пряма ѣ харомнѣ. Увидала ката Марья Прикрасныя: — „Ахъ, Лукапѣръ! Вотъ кошка таво брадыги: ана яго бросѣла и пришлѣ ка миѣ. — Ну, бярѣ яе скарѣѣѣ у харомнѣ!“ — Узѣла яе Марья Прикрасныя на руки, стала яе гладѣть, а яна стала маркатать; тутъ яе сѣчасъ сталѣ карымѣть. Котъ набраѣ гавядины, бѣлыхъ хлѣбѣѣ и атнесъ сабаки: — „Ну, сабака, ляжѣ, пакулъ я спраѣѣлюсь!“ — Прибѣгла кошка у палаты и видѣть: Лукапѣръ съ парѣѣнню абѣдають, а зъ имѣ мышѣ, крысы: нѣту кошикъ. — Котъ, какъ стаѣ мытатъ етыхъ мышѣѣ, у 5 часоѣ намѣтаѣ 5 вазоѣ. Усадѣли яго у анбаръ на нычъ, дыкъ іонъ къ вутру вазоѣ 20 намѣтаѣ. Тутъ етѣму кату така честь: посадѣли за столъ, гавядины яму, а іонъ сѣѣѣ на многа, а то усѣ сабаки атноситъ. Выкармѣѣ іонъ сабаку харашо: стала ана дужа здарова. Адинъ разъ котъ сядѣть на парогѣ и видѣть: идѣть царъ мышѣѣ, лапы и вушѣ залатѣѣ. Котъ схватѣѣ яво за лапы и стаѣ давить етѣва царя мышѣѣ. „Ахъ, котъ, памѣлуй: я услужу табѣ чѣмъ угодна!“ — Если вы маѣ

кальцо ни дастанитя, то я васъ усихъ пиридаю! — „Атпусти мене: я табѣ ета сдѣлаю!“ — Коть яму павѣриу и атпустиу. Мышиный царь заставиу усихъ мышей искать кальцо, но яво ни нашли. Коть гаворить: — „Если вы майго кальца ня сыщита, то я вашъ увесь родъ пириваду!“ — Адна касая мышъ гаворить: — „Два глаза—рагаза, а у мене адинъ, да зорникъ: ни нада мнѣ и сорникъ!“ — Ета касая мышъ павѣгла у спальню Марьи Прекрасный и сѣла ли свѣчки. Цареуна пумалилась Богу, а кальцо палажила къ сабѣ ў ротъ. Касая мышъ прибѣгла къ мышинному царю и гаворить: — „Я видила вѣрна: ана яго палажила у ротъ.“ — Сабрались уси мыши, стали думать, какъ ба ета кальцо вынить. — Была крыса—чипурнѣжа (у ае быу двайной хвостъ), ана гаворить: — „Нихто у роти ни дастанитя кальца, а я дастану! Памачу у нужники свой хвостъ, — какъ цареуна ляжить, то я правалаку свой хвостъ ей на губамъ. — ана ать етыва зварцаить, а тутъ и выплюнитъ кальцо, — мыши яго и падхватютъ.“ — Вотъ мышинный царь приказау у спальни мышакъ стать на старожу: какъ выплюнитъ цареуна кальцо, то яго и несть къ царю. Вотъ эта крыса намачила у нужнику хвостъ, какъ цареуна лигла, инна и правалакла ей свой хвостъ на губамъ. Инна (цареуна) ускочила и стала варцать, и выплонула ета кальцо; мыши яво падхватили и приняли къ царю. Царь гаворить: — „Ну, ета харашо и для мене и для васъ: таперъ котъ ня будить насъ тревожить!“ — Принѣсь царь мышей да свѣту коту кальцо: — „Ну, котъ, вотъ табѣ кальцо: тирануу ты насъ довольна!..“ — Ну, а ба васъ больша тирануу: ухажу я дамой. — Пришоу къ сабаки: — „Ну, сабака, атпрауляимся дамой.“ — Сабака гаворить: — „Ну, дай мнѣ кальцо!“ — А котъ гаворить: — „Ну, ета ужъ ни дамъ! ты старъ: станишь кашлять—уронишь, а у мене зубы часты—буду диржать крѣпка!“ — Сабака ни стау спорить съ котымъ. Вотъ яны пушлули. Пули яны палтара мѣсица, ни пимши, ни ѣмши. Плувутъ, адинъ на другога глядять: видить сабака, што котъ ужъ тонить. У кота ужъ глазъ пасалавѣли, падняу іонъ голыву висока, а да беригу ища 50 верстъ. Хатѣу котъ сказать: — „Вазьми у мене кальцо.“ — Разинуу ротъ, кальцо бултыхъ у воду! — Вотъ яны гаворютъ: — „Госпыди, приняси насъ хутъ живыхъ да краю.“ — Паднилась вальна и принясло ихъ на пристань. Атдыхали яны у травѣ —

бурьяни 3 дни. Лижали яны три дни и три ночи—ни размыкали свае вочи: усѣ спали. На четвертый день яны гаворють:— „Пайдемъ мы къ сваей бѣднѣй хазяюшкѣ: ти ни пакормить ана насъ?“—Пришли яны къ сваей хазяйки на Оаминной нѣдѣли ў сѣриду. Хазяйкина багадѣльня была нидалека ать погаста;—ува ўторникѣ падавали ей милыстину: хто пирага, хто курятини, хто драконы. Увидала ана ката и сабаку, гаворить:— „Ахъ, вы, мае забиражители, вы, вѣрна, хатита фсть?“—Ана, што у яе було, то и атдала имъ. Наѣлись, яны и разсѣялись:— „Ахъ, абѣдъ харошій!“— „Ну, сабака, пайдемъ на пристань!“—Пришли яны къ морю и лягли на бирагу, падъ ракуитывымъ кустомъ. Вячерню зарею асватила беригъ, выходить зъ моря ракѣ Хабѣрь,—залатѣя клюшни и залатѣя глазы.— „Што, сабака, видишь ты ету аказію?“—Вижу!—Што мы будимъ дѣлать?“— „А иди яго и валаки на гару!“—Вотъ сабака схватаў яго за клюшни, а котъ за вусѣ, и павалакли яго на гару.— „Ахъ, памилуйта, за што вы мяне валакѣта?“—А вѣ за што: мы патиряли ў такомъ-то и такомъ мѣсти ў мори кальцо: када ты намъ яго ни дастанишь, то мы тябе задавимъ!“—Пустита вы мяне на волю: я вамъ яго дастану!“—Ну, ета ужѣ нѣ: моря вялика—утякѣшь!—Вотъ іонъ крикнуў багатырскимъ голысимъ,—собрались уси раки:— „Чаво изволита, царь?“—У такомъ-то и такомъ мѣсти ети гаспада патиряли залатѣя кальцо: найдита яго!—Раки пашли, какѣ темныя туча, искать кальца: узбутуражили усѣ моря, а кальца ни нашли; пускали напередъ клюшни. Вотъ адинъ ракѣ бнѣ бизъ клюшонъ: нашоў кальцо, нашоў и падаў царю, а царѣ атдаў кату; яны етыга царя—рака выпустили и пашли дамой. Думають яны, какѣ бн Ивану Ивановичу кальцо даставить. Котъ гаворить:— „Па читвиргамъ атпиряють тамницу, и туды ходють купцы падавать яму милыстину; я пайду и праскальзну къ яму, и пиридамъ кальцо.“—У чатвергъ пашоў котъ у тамницу.—Аттварили двери, купцы пашли туда съ падааніимъ, а котъ у двери праскальзнуў и залѣзъ падъ печку. Яво пароли аттудавя, но ня выпарали. Када вышли уси купцы съ тамницы, котъ вылизъ съ падъ печки и узлѣзъ на калѣни къ Ивану Ивановичу. Стаў іонъ яго гладить, котъ палажѣў кальцо на руку Ивану Ивановичу. Иванъ Ивановичъ зъ руки на руку калечка пирякинуў, выскакывають 12 малайцоў;— „Што угодна?“—А

вò што: штоба раскидали увесь астрогъ! — Вотъ яны, какъ стали раскидывать, дыкъ и народу многа пабили. Иванъ Ивановичъ вышіў изъ тамницы и пашоў къ свайму мрамарнаму дварцу, а ў етымъ дварцы жиў царіў пламенникъ. Пришоў и гаворить:— „Ваша блугуродія, пазвольта мнѣ ў маёмъ дварцы прынучувать?“ — Можна! — Вотъ Иванъ Ивановичъ у самую полначъ выходить на паратныя крыльцо, съ руки на руку калечка пирякинуў,—выскакывають 12 малайцоў:— „Чаво изволитя?“ — А вò чаво: штоба Лукапёрнѣ домъ быў къ вутру пирянесинъ суда съ жаною маєю Марію Прикрасною и съ Лукапёрнымъ! — На заўтрига паглядить: домъ ужу тутъ. Узяў Иванъ Ивановичъ сваю залатую шаблю, увыйшоў у домъ, а Лукапёръ спить, іонъ яго пракалоў шпагнѣю, а Марья Прикрасная упала на калѣни пирядъ имъ: — „Прасти, милнй! ва усёмъ винувать атець: іонъ мяне заставіў абмануть тябе!“ .. Іонъ ей прастіў, а царя выгнуў изъ дому ў чистныя поля, мать сваю узяў изъ багачдѣльни, ката и сабаку бярегъ, пака у гробъ лёгъ, а съ жаною жиў харашо.—

Отъ старика Василя Михайлова.

№ 34.

Якъ старуха свайго сына Воху на абученіе атдала, а потэмъ яго узнавала; научившись, старушкинъ сынъ самага Воха пирихитріў.

Какъ жила старушка, а у яе быў адинъ только сыночъ, и такъ ина имъ даражила, што, бувала, када яго ни ўвидить, то и низдарова. И заставила ина яго ў работники къ багатаму мужу. Вотъ іонъ жить годъ и другей, и стала яму дужа тижало. Приходить іонъ къ сваей матушки и жалитца:— „Матухна мая, кармилица, жиў я адинъ годъ ища — ничога, другей — ища такъ сабѣ, а третій — ужъ ни дай Богъ!“ — Вотъ ина и гаворить:— „Ну, сынъ, тарпи нямнога: я найду табѣ мѣста харошія и работу легкую.“ — Вотъ ина и пашла. Ишла ина день и другей, и умарилась. Сѣла сиряди лугу, на кургонушку, и гаворить:— „Охъ, Божа мой!.. А „Охъ“ тотъ, якъ тутъ быў, и гаворить:— „Што ты ета, старушка, задумалась и охайшъ?“ — Вить я „Охъ.“ Што табѣ нада, то я ўсѣ табѣ дамъ!.. А ина гаво-

рять:—А вѣд што мнѣ нада: если бы ты даў майму сыну легкую работу и харошія мѣста!.. „Ну, харашо!“ гаворить етатъ „Охъ“: привади свайго сына ка мнѣ!.. Вотъ ина и пашла дамой за сынамі. Приходить дамой и гаворить:—„Ну, сынъ мой милнй, нашла я табѣ мѣста харошія и работу легкую: ты сагласинь ты на маю совисть, я, кажитца, табѣ худога ни хачу ничога?“—Ну такъ штожъ? Пускай будить такъ: идемъ!.. Вотъ ина пашла на тоя мѣста, куда вилѣу прихадить ей „Охъ“.—Какъ привила, то и гаворить:—„Охъ!“—А „Охъ“ какъ тутъ бы:—Чаво изволита, милая мая старушка?—„А привила я къ табѣ сына на легкую работу.“—Ну, такъ штожъ? Давай: я яго ни забижу!—Ну, давай распишимся, на сколько ўремя ты мнѣ яго атдаси!.. Вотъ іонъ начаў расписыватца. Патомъ и гаворить:—Ну, я яго бяру на три года!—А старушка ужу хотъ ба и назадъ, да ужъ ни варотишъ: узяў етытъ „Охъ“ яе сына и павеў нивѣсна куда. Заплакала бѣдная старушка и пашла. Патомъ праходить годъ, и другей, и третій, бѣдная старушка ждеть, ждеть,—ни даждеть тога ўремя. Патомъ приходить тотъ день, старушка, такая рада, идетъ за сваймъ сыночкымъ. Прайшла ана адну дарогу, и другую, и третію, а на сустрѣчу къ ей идетъ старичокъ и гаворить:—Здрастуй, старушка!..—„Здрастуй, старичокъ паштѣнный!..—„Куды идешъ?—А старушка гаворить:—А, мой ты старичокъ паштѣнный!—Я иду, сама ни знаю куды. Атдала я свайго сыночка у легкую работу, сама ни знаю каму!—Старикъ и гаворить:—Ты вотъ идешъ, а сама ни знаишъ зачѣмъ: ты свайго сына ни узнаишъ.—А ина гаворить: „Ахъ, старичокъ, павучи жъ ты мяне, какъ мнѣ яго узнать!“ А бытъ такъ, мая ты галубушка! Какъ ты туда придешъ, то табѣ пригонютъ двинадцать жирябцоў—ростъ у ростъ, хвостъ у хвостъ, и нага у нагу, и глазъ у глазъ, и будутъ стнять, якъ разъ,—то ты сматри: усе будутъ стнять прима, и гріўи калясомъ, а у твайго сыночка будить окала гривы бѣлая пятно, то ета и сынъ твой.—Вотъ ина приходить на то мѣста, идѣ атдавала сваяго сына, сѣла на кургонушку и сказала: „Охъ!“ А „Охъ“ тотъ якъ тутъ бы:—Што, старуха, вѣрна, за сынымъ пришла?—„Да, мой галубчикъ, вѣрна такъ!“—Ну, падажжи нямнога!, — сказаў етытъ „Охъ“: сичасъ будить твой сынъ дастаўлинъ.—Чиризъ минуты три и гонить къ ей двинадцать жирябцоў—ростъ у ростъ и грива у гриву, нага у нагу,

хвостъ у хвостъ, глазъ у глазъ, и глядять какъ разъ.— „Ну пазнавай свайго сына!“ гаворить „Охъ“. А старушка гаворить:—А, мой ты галубчикъ, я табѣ ни такога свайго сына атдавала: атдавала малайца, а вы мнѣ даея жирибца!.. Вотъ „Охъ“ и пагнаў етыхъ жирибцоў:—Значить, ты свайго сына ни узнала; ступай дамой, а приходи на другой день!.. Заплакала бѣдная старушка горькими слезми, пашла дамой, бѣлыя руки лумаячи, гарючія слезы раняючи. Идетъ бѣдная и слѣду пиридь сабою ня видить. Праходить етытъ день и ночь, на другой день старушка ипять идетъ на тоя мѣста, такая рада, надѣитца, што сына свайго уж у таперъ вазьметъ. Прайшла дарогу и другую, пришла на ета мѣста и сѣла на кургоиушку, заплакала и гаворить:—Божа мой, Божа мой, куда то я свайго сыночка атдала!.. И гаворить:—„Охъ!“ „Охъ“ якъ тутъ быў.—Здрастуй, бабушка!..—„Здрастуй, здрастуй, мой ты галубчикъ!“—Што, вѣрна, за сыночкамъ пришла?—„Да, мой галубчикъ!“—Ну, пагади, сичасъ!—гаворить етытъ „Охъ.“—Вотъ, черизъ минуты три, лятать двинадцать галубей—пиро ў пиро, крыло ў крыло, ножка у ножку, діўбятъ панамножку, глазъ у глазъ, глядять, какъ разъ.—„Ну, бабушка“, гаворить „Охъ“: „пазнавай свайго сыночка.“—А ина гаворить:—Ахъ, мой ты галубчикъ! Тутъ майго сына нѣту: я табѣ атдавала малайца, а ты мнѣ даешъ галубца!—Вотъ узлѣ „Охъ“ и пагнаў гулубей. Заплакала бѣдная старушка горькими слезми и пашла дамой. Патомъ и гаворить ей „Охъ.“—Ну, бабушка, приходи на третій день: ожили ты ни пазнаишъ свайго сына, то іонъ астанитца на вѣки у мяне.—То було старухи горя, а то ящо пагаршѣла: стала ина саўсѣмъ вужъ бизъ вума; ина и гаворить:—„Што мнѣ таперъ дѣлать, какъ мнѣ сына пазнать?!.. Вотъ лаждалася ина третига дня и пашла. Прайшла ина адну дарогу, прайшла другую, падходить къ третій. Падходить къ ей на ўстрѣчу старичокъ.—Здрастуй, бабушка!—„Здрастуй, здрастуй, дѣдушка!“—Куды идешъ, бабушка?—„А иду, дѣдушка, сама ни знаю куды. Атдала я свайго сыночка у легкія заработеи, и сама ни знаю, якъ мнѣ яго варатить. Хадил я уж у два раза, да и сына ни видала. Первый разъ паказали мнѣ жирибцоў, другой разъ паказали галубцоў, а сына майго нѣту.“—Старичокъ ей гаворить:—Падажжи, я тябе паучу. Якъ придишъ ты туда, то табѣ привядутъ двинадцать малайцоў—воласъ

...и какъ разъ,—
...будутъ стнать и весна
...твой сынъ будитъ усё
...старичка и нанна
...Принла на ета
...и зашлась горькими слезами, и га
...Здрастуй, ста
...слова сказать за слезами. А юнъ
...за сына? — „Да, мой
...скажу „Охъ“: я сейчасъ при
...юнъ двинадцать чаа-
...глазъ у глазъ, гиндять
...— Ну, бабушка, назнавай, като
...патонъ забѣтла
...— Охъ, мой сынъ! — А „Охъ“ и
...что эта твой сынъ? —
...мой ты галубчикъ, сваю кроу!..“
...— Ну, бабушка, што съ табонъ дѣлать?...
...— Вотъ узла старунка
...Зотъ яны нили, нили, денгъ у
...Патонъ и гаворить ета
...— Ну, што, сынъ, будишь дѣлать? —
...— Научи-ка ты, бабушка! Я знаю, што ни
...а ты будишь продаватиль, да
...будутъ денгъ, купишь сабъ,
...сейчасъ чинъ-та пумазаўся и стаў
...никуда ни бувала и нивада
...— Ну, бабушка, вяди мяне ў горадъ и
...а узлечку вазьми съ мяне назадъ.—
...горадъ: только приводить ў горадъ, а
...горадъ закатіўся. Тутъ сейчасъ
...гаснада и анаралы: — Што, ба-
...купила? — А ина гаворить:—
...— Аткуда узяўся етытъ самнй
...Продай, бабушка, лошадь! — „А купи!“ —
...— только съ таениъ
...— Да полна, бабушка! гаворить
...да таргуватца, да таргуватца, узяў юнъ
...заплатіў денгъ и паўхаў. Патонъ

уздумала старуха, какъ жить бязъ сына, и гаворить: — „Што я сдѣлала? Іонъ мнѣ приказаў прадавать бизъ уздечки, а я прадала, якъ сама знала, — што мнѣ таперь дѣлать? — И дагадалася: — Ета, вѣрна, тотъ самыѣ „Охъ“ купіу у мяне лошадь. Патомъ падходить ина къ дярёўні; тамъ стаить у канцы дярёўні кабаць. Ина и гаворить: — „Дай зайду у кабаць!“ — (А ета ужу було прыпазна, падъ вечірѣ). Падходить къ кабаку, пасматрїть: стаить лошадь съ падтянутой уздой такъ, што ня можить ина и стаить. Ета лошадь и гаворить чилавѣчскимъ голысымъ: — Матушка мая милая, падайди ка мнѣ паближій, атвѣжи мяне, и скинь съ мяне уздечку, и вазьми сабѣ!.. А ина гаворить: — „Я баюсь тябе: ты мяне убьешъ“!.. А іонъ гаворить: — „Я твой сынъ, ваторага ты вадїла у горадъ прадавать!..“ Вотъ ина сбросила съ яго уздечку и палажила яго у сумку сабѣ. Патомъ уходить у кабаць и гаворить: — „Пазвольта сказать, гаспада: — чїя ета лошадь станяла кала кабака, сарвалася и пубижала?“ — Тутъ сїчасъ выскачіу етїѣ „Охъ“, а лошади ужъ и слѣдъ прастыў. Вотъ іонъ сїчасъ какъ скинитца валкомъ, да услѣдъ за имъ, а іонъ якъ скинитца ахотникымъ — и пашоў услѣдъ за ваўкомъ. Видить „Охъ“, што убьеть, — какъ скинитца агнемъ, и давай етыга ахотника жечъ. Патомъ ахотникъ видить, што верхъ яго пашибаить, — якъ скинитца вадою и давай агонь тушить. Етытъ „Охъ“ видить, што яго нїўзятки, какъ скинитца щукаю и давай ваду размахивать. Видить вада, што агонь бѣситца, — якъ скинитца яршомъ, а щука услѣдъ за имъ. Тада ершъ и гаворить: — „Какъ щука ня быстра, а ни вазьметь ирша съ хваста!“ — Вотъ какъ скинитца щука мелкимъ камнїмъ, а ершъ питухомъ и давай етїѣ камушки падбїрать. Видить „Охъ“, — што и самаго сѣсть; какъ скинитца іонъ ястрибымъ, и давай питуха лавить. Патомъ етытъ патухъ, якъ скинитца арломъ, — какъ ударіу етыга ястриба и съ капчылья далоў; патомъ етїѣ арель скинуўся чилавѣчскимъ, узяў етыга ястриба, парваў, а костычки палумаў, пашоў дамой къ сваей матушки, стаў жить, да паживать, да добра паживать. Сказка ўся, и разказывать нїльзя.

у воласъ, голасъ у голасъ, глазъ у глазъ, глйдать какъ разъ,— то ты сматри: усѣ будуть малайцы, усѣ будуть стыять и весла распивать, на тябе быстра узглядать, а твой сынъ будить усѣ пасупіѣшисъ стыять.—Старушка публагадарила старичка и пашла къ тѣму мѣсту, идѣ атдавала сына „Оху“. Пришла на ета мѣста, сѣла на кургонушку и залилась горькими слызми, и гаворить:—„Охъ“.—А „Охъ“ якъ тутъ быѣ.—„Здрастуй, старушка!“—А ина ня можить слова сказать за слызми. А іонъ спрашійтъ у яе:—Што, вѣрна, за сынамъ пришла?—„Да, мой ты галубчикъ!“—Ну, падажжи! сказаѣ „Охъ“: я сичасъ при-
вяду!—Черизъ минуты три вядеть іонъ двинадцать малай-
цоѣ: воласъ у воласъ, голасъ у голасъ, глазъ у глазъ, глйдать якъ разъ. „Охъ“ и гаворить:—Ну, бабушка, пазнавай, каторый твой!.. Вотъ ина сматрѣла, сматрѣла, патомъ замѣтила свайго сына и гаворить:—А во іонъ, мой сынъ!—А „Охъ“ и гаворить ей:—А пачомъ ты знаишь, што ета твой сынъ?— „Да какъ жа я ни пазнаю, мой ты галубчикъ, сваю кроѣ!..“ „Охъ“ и гаворить:— „Ну, бабушка, што съ табою дѣлать?!.. Вазьми: вѣрна, ужъ ета твой сынъ.“—Вотъ узмила старушка свайго сына и пувила дамой. Вотъ яны ишли, ишли, денигъ у ихъ ни канѣйки, а паѣсъ хочитца. Патомъ и гаворить ета старушка на свайго сына:—Ну, што, сынъ, будимъ дѣлать?— А іонъ гаворить:—„Маѣчи-ка ты, матушка! Я знаю, што ин сдѣлаимъ: я скинусь лошадыѣ, а ты будишь прадаватиль, да вяди мене и прадай; вотъ у насъ будуть деньги, купимъ сабѣ, што намъ нада“.—Вотъ іонъ сичасъ чимъ-та пумазаѣся и стаѣ такимъ жирыбцомъ, какога у свѣти никада ни бувала и никада ня будить, и гаворить:—Ну, матушка, вяди мене ѣ горадъ и прадай за харошую цѣну, а уздечку вазьми съ мене назадъ.— Вотъ ина пувила яго ѣ горадъ; толька приводитъ ѣ горадъ, а іонъ какъ зарзаѣ, ажъ увесъ горадъ закалатіѣся. Тутъ сичасъ пасабрались къ ей усѣ купцы, гаспада и анаралы:—Што, ба-
бушка, прадаешъ лошадъ, или купила?—А ина гаворить:— „Да, прадаю: извольта купить!“—Атеуда узяѣся етытъ самий „Охъ“ и гаворить:—Прадай, бабушка, лошадъ!—„А купи!“—Што вазмешъ?— „А давай пять тысячъ, — толька съ такимъ угаворамъ: уздечку мнѣ назадъ“.—Да полна, бабушка! гаворить етытъ „Охъ“.—Вотъ таргуватца, да таргуватца, узяѣ іонъ етага каня съ уздечкай, заплатіѣ деньги и паѣхаѣ. Патомъ

уздумала старуха, какъ жить бязъ сына, и гаворить: — „Што я сдѣлала? Іонъ мнѣ приказаў прадавать бизъ уздечки, а я прадала, якъ сама знала, — што мнѣ таперь дѣлать? — И дагада-
далась: — Ета, вѣрна, тотъ самый „Охъ“ купиў у мене лошадь. Патомъ падходить ина къ дярёўни; тамъ станть у канцы дярёўни кабаць. Ина и гаворить: — „Дай зайду у кабаць!“ — (А ета ужъ було прыпазна, падъ вечирь). Падходить къ кабаку, пасматрыть: станть лошадь съ падтянутой уздой такъ, што ня можить ина и стаять. Ета лошадь и гаворить чилавѣчскимъ голысымъ: — Матуска мая милая, падайди ка мнѣ паближй, атвяжи мяне, и скинь съ мяне уздечку, и вазьми сабѣ!.. А ина гаворить: — „Я баюсь тябе: ты мяне убьешъ“!.. А іонъ гаворить: — „Я твой сынъ, каторага ты вадила у горадъ прадавать!..“ Вотъ ина сбросила съ яго уздечку и палажила яго у сумку сабѣ. Патомъ уходить у кабаць и гаворить: — „Пазвольта сказать, гаспада: — чія ета лошадь стаяла каля кабака, сарвалася и пубижала?“ — Тутъ сичасъ выскачй етый „Охъ“, а лошади ужъ и слѣдъ прастыў. Вотъ іонъ сичасъ какъ скинитца валкомъ, да услѣдъ за имъ, а іонъ якъ скинитца ахотникомъ — и пашоў услѣдъ за ваўкомъ. Видить „Охъ“, што убѣеть, — какъ скинитца агнемъ, и давай етыга ахотника жечъ. Патомъ ахотникъ видить, што верхъ яго пашибаить, — якъ скинитца вадою и давай агонь тушить. Етытъ „Охъ“ видить, што яго ніўзятки, какъ скинитца щукаю и давай ваду размахивать. Видить вада, што агонь бѣситца, — якъ скинитца ярпомъ, а щука услѣдъ за имъ. Тада ершъ и гаворить: — „Какъ щука ня быстра, а ни вазьметъ ирша съ хваста!“ — Вотъ какъ скинитца щука мелкимъ камнимъ, а ершъ питухомъ и давай етый камушки падбирать. Видить „Охъ“, — што и самага събѣсть; какъ скинитца іонъ ястрибимъ, и давай питуха лавить. Патомъ етытъ питухъ, якъ скинитца арломъ, — какъ ударй етыга ястриба и съ капылѣя далоў; патомъ етый арель скинуўся чилавѣкимъ, узй етыга ястриба, парваў, а костычки палумаў, пашоў дамой къ сваей матушки, стаў жить, да паживать, да добра наживать. Сказка ўса, и разсказывать нильзя.

А цареўни Нисміяни.

Служіў салдатъ двадцать пять лѣтъ и ни видаў царя. Вотъ іонъ пашоу було дамой. Патомъ и гаворить:— „Стой, пайду—варачусь, я хотъ царя пасматрю: а то мнѣ бабы дырвенскія выпарюць глѣзы, што я служіў двадцать пять лѣтъ и ни видаў царя“.—Ну, пашоў іонъ черизъ рѣчку; паўзеть ракъ и гаворить:—Дай мнѣ, салдатъ, пятнадцатъ капѣйкъ: я табѣ прыгажусь патомъ.—Ишоў іонъ ящо дальши; бягить мышъ:—„Дай мнѣ, салдатъ, пятнадцатъ капѣйкъ: я табѣ прыгажусь!..“ Іонъ даў. Идетъ дальшій, бягить жукъ:—„Салдатъ, дай пятнадцатъ капѣйкъ: я табѣ прыгажусь!..“ Іонъ и етаму дай. Приходить къ царскому дварцу, а ў томъ дварци іостъ цареўна; ина и гаворить:—Хто мяне разсмяшить, тому я атдамъ палавину царства!—Салдатъ пашоў у кабакъ, заставіў свае рубашки, напіўся водки, пришоў іонъ съ кабака и заваліўся іонъ у царскихъ варахахъ у грязь. Аткуда узялись мышъ, и ракъ, и жуеъ. Патомъ ета мышъ, и ракъ, и жукъ сняли вѣ яго ету шинель и патащили ў ряку мыть. Мышъ валочить зубами, а ракъ сащаміў клюшнями, и палощуть. Патомъ ета мышъ принисла яму ету шинель, ракъ лажитца уверхъ клюшнями, мышъ усклада на ети клюшни шинель, а жукъ кругомъ литаить и сушить. Патомъ ета цареўна увидала ета чуда, пабѣгла къ свайму атцу и гаворить:—Пасматрится, папаша, якоя у нашихъ варахахъ чудиса, какихъ вы никада ни видали!.. И засміялась. Патомъ етытъ салдатъ усхватіўся и идетъ у дварець. Патомъ спрашивантъ чисавова:—Пустите мяне да гасударя!—Яго дапустили; іонъ увайшоў у дварець. Гасударъ выходить раздѣўши:—Вы, салдатъ, зачѣмъ пришли?—„Да я пришоў, што я двацать пять лѣтъ служіў и ни видаў царя: пришоў царя пасматрѣть!“—Да ты, салдатъ, пагади!.. Выходить гасударъ адѣўшись.—„Ну, ти видишь царя?“—Вижу.—„Ну, ты, братецъ, таперъ иди!“—Вялѣў яму гасударъ приходить вичаромъ. Салдатъ пашоу у тотъ самый кабакъ, заставіў рубашки, напіўся водки и идетъ во дварець. Ъдитъ министиръ и спрашивантъ:—Куда идешь?“—„А иду я во дварець.“—Вотъ табѣ сто рублей: ни рассказывай съ цареўный ничаво!.. Салдатъ узяў сто рублей и варатіўся.

Пашоу у кабаць, купіў хунтѣ канхветѣ и банку памады и вараціўся іпять во дварець. Патомѣ и кладутѣ спатѣ министра, салдата и царёуна: кѣ кѣму царёуна пиривѣрнитца, за таго и замужѣ идить. Вотѣ салдатѣ прашнуўся и гаворить: — Ахѣ, я с...ѣ хачу!.. А царёуна ужѣ спить. Министирѣ гаворить: — Ая даўно хачу! — Салдатѣ и гаворить: — Я пайду напакашу ў углѣ!.. А министирѣ гаворить: — А ужѣ и я пайду! — Вотѣ салдатѣ ни напакастіў, а министрѣ напакастіў. Прашнуўся салдатѣ и гаворить: — „Што ты, гаспадинѣ, спишѣ?“ — Нѣтъ. — „Намѣ будить худа: я свае г... паѣмѣ!“ — Вотѣ салдатѣ слѣзѣ у угалѣ и начаў ѣсть канхветѣ. Слышитѣ министирѣ, што іонѣ начаў ѣсть, и гаворить: — Пайду и я свае ѣсть!.. Министирѣ узяў у ротѣ, яво и начало тамѣ чистить, такѣ што іонѣ ня могѣ ѣсть. Патомѣ ихѣ выпустили. Салдатѣ отправіўся іпять у кабаць, а вечирѣмѣ идеть у дварець. Даганяитѣ яго министирѣ, даетѣ яму двѣста рублей: — „Ни расказывай сѣ царёуноу ничога!“.. А самѣ министирѣ кушіў сабѣ кусоѣ падошвы, бычоўку и иглу, заѣхаў у барезникѣ и гаворить на кучира: — Зашипвай мнѣ ж... Патомѣ іпять ихѣ палажжили у комнати: кѣ каму царёуна пиривѣрнитца, за таго и замужѣ пѣйдить. — Када министирѣ заснуў, мышѣ и пратачила ету падошву. Вотѣ жуѣ етыѣ палѣзѣ министру ў ж...у и напароў аттудѣ г..., а ракѣ етыѣ панесѣ на ѣсей пастели и па пухавикахѣ. Патомѣ ихѣ іпять распустили. Салдатѣ пашоу іпять у кабаць и напіўся гарѣлки. Патомѣ, вечирамѣ, салдатѣ идеть іпять у царскій дварець, а министирѣ ѣдитѣ, и даетѣ яму триста рублей, штоба іонѣ ничога ни гаваріў сѣ царёуною, а самѣ забіў ж...у кляпнемѣ и зашіў падошваю. Вотѣ, када лягли яны спатѣ, министирѣ ужѣ заснуў, то мышѣ и палѣзла тачить етому министру ж...у. Вотѣ ина пратачила падошву и гаворить: — Дѣзѣ, жуѣ! — Іонѣ палѣзѣ. Пасмотритѣ: а тамѣ кляпень. Што тутѣ дѣлатѣ? Мышѣ сказала: — „Стой, жуѣ! палѣзимѣ мы етому министру хватакомѣ у ноздри!“ — Етѣй министирѣ якѣ чихнетѣ, кляпень какѣ выскачить: жуѣ и убила. Патомѣ мышѣ и ракѣ и думаютѣ: — „Што намѣ таперѣ дѣлатѣ бязѣ жуѣ? — Давай мы яго напробуимѣ аткалыхаватѣ.“ — Калыхатѣ, да калыхатѣ, — аткалыхали. Патомѣ етыѣ жуѣ сѣ сердца якѣ палѣзѣ вѣ ... и наперѣ аттудѣ етыѣ калу, а ракѣ какѣ начаў вазить свайми кляшнями, такѣ што царёуни ужѣ и дѣтца нейди; то етѣ царёуна кѣ салдату

ближій, ближій, и падпаўзла къ яму падъ шинель. Ина и давал яго распрашивать, идѣ быў, идѣ служіў. Патомъ и гаворить:— „Ахъ, какой нявѣжа етытъ министиръ!“ Патомъ ихъ выпустили. Министра етыта привязали къ лащинному хвосту за яго дурную и слабую ж . . . , а салдата привинчали съ цареўною. Стали жить, да паживать, да добро наживать.

Ж 36.

Өама—Широкая Барада, багатырь магучій и хитрэй.

Өама багатырь, Широкая Барада, пахаў на сваей кабыленки. Пустіў кабыленку на паўдни и лѣхъ атдыхать. Пасѣли яму мухи на лысину, и ударіў іонъ мухъ етыхъ сибѣ на лысини. Убіў етыхъ мухъ, паглядѣў, што ихъ многа. Вьў іонъ грама-тинь; узяў етыхъ мухъ, пащитаў и записаў:

— „Хама, Широкая Барада, сильный—магучій багатырь, аднимъ махымъ семъ сотъ пабивахамъ.“—Закончіў такъ:

— „Таперь я сильный, магучій багатырь!..“

Узяў серпъ и дярюгу, садіўся на сваю лошадь и ѣхаў па дароги и видаў па дароги записки:

— „Праизжаить сильный-магучій Хама багатырь—аднимъ махымъ семъ сотъ пабивахамъ.“

Падъизжаить на запавѣдныи луги, близка царскій дворець, и разбиў шатеръ съ дерюги, лѣхъ атдыхать.

Ѣхаў тымъ путемъ багатырь, паднимаў багатырь ети записки и читаў, што праѣхыў сильный-магучій багатырь Хама, и падъизжаить къ Хамѣ близка, а Хама ляжить, надъ имъ дярюга распята.

Злазить багатырь съ лошади, падходить къ Хамѣ, къ Широкой Барадѣ, къ шатру:

— „Здрастуй, Өама Широкая Барада, сильный магучій багатырь!—Што миѣ пазволитя ти мима праѣхать, ай здѣсь астанавитца?“

— Ня смѣтъ мима ѣхать: разбивай шатеръ близка, лажися!

Ѣдит другой багатырь, раскладываитца здѣсь и съ лошады, падходить къ етому багатырю:

— Здрастуй!

— „Здрастуй!“

— Ти ты Оама, Широкая Барада!

— „Нѣ, ни я, а тѣй вонъ;—іонъ мине ни пусканти ѣхати даіі“.

Падходить пріѣзжій багатырь къ Хамѣ:

— „Здрастый, Оама, Широкая Барада, сильный-магучій багатырь!“

Серцамъ крикнуу: „Здрастый!“

— Што прикажита: ти мима приизжать, ай здѣсь астанавитца?

— „Нѣтъ, ня смѣтъ мима ѣхати,—астанавлей здѣсь!“

Узяу Оама ипять приляпіу близъ шатра записку:

— „Ня смѣтъ къ Хамѣ ѣхати!“

Ѣдит третій багатырь, глянуу: три шатры разбита, и на шатрѣ записка приложина.

Злазитъ зъ лошади багатырь, здрастунтца:

— Приважита мима ѣхати?

— „Нѣ, здѣсь астанавлііся!“

Пасматрїть гусударь: три шатры у запавѣдныхъ лугахъ, и лошади ходють.

Гусударь шлетъ багатыря узнать, якея ета за люди. Іонъ падъизжають къ шатрамъ:

— „Нявѣжи, шатры на чужихъ лугахъ разбили, лашадей пустили—выхадита на паядиннѣтъ! Сичасъ голыву сыму!“

Таварыши пришли къ Хамѣ падъ шатеръ:

— „Ти сами паѣдита къ багатырю, ай насъ пашлетя?“

— Васъ пашлю. Паизжай упяредъ тѣй, каторый напярѣдъ усихъ пріѣхау!

Паѣхау тѣй и убіу посланнива багатыря. Гусударь ждау, ждау—шлетъ другова багатыря на помычъ.

Тѣй багатырь закричау:

— „Нявѣжи, пупустили лашадей на чужимъ лугу, а сами лнжать!“

Лны къ Оамѣ. Оама гаворить:

— „Паизжай, братицъ, ты, сяредній!“

Сичасъ паѣхнуу етый, пагубіу посланнива багатыря.

Засылаить гусударь третива багатыря на помыщъ. Наиз-

бурьяни 3 дни. Лижали яны три дни и три ночи—ни размыкали свае вочи: усѣ спали. На четвертый день яны гаворють:— „Пайдемъ мы къ сваей бѣднѣй хазяюшки: ти ни пакорьмить ана насъ?“—Пришли яны къ сваей хазяйки па Өаминой надѣли ў сериду. Хазяйкина багадѣльня была нидалека атъ погаста;—ува ўторникъ падавали ей милыстину: хто пирага, хто куратины, хто драконы. Увидала ана ката и сабаку, гаворить:— „Ахъ, вы, мае забиражитили, вы, вѣрна, хатитя ѣсть?“—Ана, што у яе було, то и атдала имъ. Наѣлись, яны и разсмѣялись:— „Ахъ, абѣдъ харошій!“—Ну, сабака, пайдемъ на пристань!“—Пришли яны къ морю и лягли на бирагу, падъ ракетывымъ кустомъ. Вачерню зарею асватила беригъ, выходить зъ моря ракъ Хабѣръ,—залатѣя клюшни и залатѣя глазы.— „Што, сабака, видишь ты ету аказію?“—Вижу!—Што мы будимъ дѣлать?“—А иди яго и валаки на гару!“—Вотъ сабака схватаў яго за клюшни, а котъ за вусѣ, и павалакли яго на гару.— „Ахъ, памилуйта, за што вы мяне валакѣта?“—А вѣ за што: мы патиряли ў такомъ-то и такомъ мѣсти ў мори кальцо: када ты намъ яго ни дастанишь, то мы тебе задавимъ!“—Пуститя вы мяне на волю: я вамъ яго дастану!“—Ну, ета ужу нѣ: моря валика—утякѣшь!—Вотъ іонъ крикнуў багатырскимъ голысмъ,—сабрались уси раки:— „Чаво изволитя, царь?“—У такомъ-то и такомъ мѣсти ети гаспада патиряли залатѣя кальцо: найдитя яго!—Раки пашли, какъ темныя туча, искать кальца: узбутуражили усѣ моря, а кальца ни нашли; пускали напередъ клюшни. Вотъ адинъ ракъ быў бизъ клюшонъ: нашоў кальцо, нашоў и падаў царю, а царь атдаў катѣ; яны етыга царя—рака выпустили и пашли дамой. Думаютъ яны, какъ бы Ивану Ивановичу кальцо даставить. Котъ гаворить:— „Па читвиргамъ атпиряють тамницу, и туды ходють купцы падавать яму милыстину; я пайду и праскальзну къ яму, и пиридамъ кальцо.“—У четвергъ пашоў котъ у тамницу.—Аттварили двери, купцы пашли туда съ падаянѣмъ, а котъ у двери праскальзнуў и залѣзъ падъ печку. Яво пароли аттудавя, но ня выпарали. Када вышли уси купцы съ тамницы, котъ вылизъ съ падъ печки и узлѣзъ на калѣни къ Ивану Ивановичу. Стаў іонъ яго гладить, котъ палажѣў кальцо на рѣу Ивану Ивановичу. Иванъ Ивановичъ зъ руки на руку калечка пиракинуў, выскакывають 12 малайцоў;— „Што угодна?“—А

вò што: штоба раскидали увесь астрогъ! — Вотъ яны, какъ стали раскидывать, дыкъ и народу многа пабили. Иванъ Ивановичъ вышіў изъ тямницы и пашоў къ свайму мрамарнаму дварцу, а ў етымъ дварцы жиў царіў пламенникъ. Пришоў и гаворить:— „Ваша блугуродія, пазвольта мнѣ ў маёмъ дварцы прынучувать?“ — Можна! — Вотъ Иванъ Ивановичъ у самую полначъ выходить на паратныя крыльцо, съ руки на руку калечка пирякинуў, — выскакывають 12 малайцоў:— „Чаво изволитя?“ — А вò чаво: штоба Лукапѣрнѣ домъ быў къ вутру пирянесинъ суда съ жаною маєю Марію Прикрасною и съ Лукапѣрнимъ! — На заўтрига паглядить: домъ ужу тутъ. Узяў Иванъ Ивановичъ сваю залатую шаблю, увыйшоў у домъ, а Лукапѣръ спить, іонъ яго пракалоў шпаггю, а Марья Прикрасная упала на вальни пирядъ имъ: — „Прасти, милый! ва усёмъ винувать атець: іонъ мяне заставиў абмануть тябе!“ .. Іонъ ей прастіў, а царя выгнуў изъ дому ў чистныя поля, мать сваю узяў изъ багдѣльни, ката и сабаку бярдѣтъ, пака у гробъ лѣгъ, а съ жаною жиў харашо. —

Отъ старика Василя Михайлова.

№ 34.

Якъ старуха свайго сына Воху на абученіе атдала, а потѣмъ яго узнавала; научившись, старушкинъ сынъ самага Воха пририхтриў.

Какъ жила старушка, а у яе быў адинъ толька сыночекъ, и такъ ина имъ даражила, што, бывала, када яго ни ўвидить, то и низдарова. И заставила ина яго ў работники къ багатаму мужуку. Вотъ іонъ жить годъ и другей, и стала яму дужа тижало. Приходить іонъ къ сваей матушки и жалитца:— „Матухна мая, кармилица, жиў я адинъ годъ ища — ничога, другей — ища такъ сабѣ, а третій — ужъ ни дай Богъ!“ — Вотъ ина и гаворить:— „Ну, сынъ, тарпи нямнога: я найду табѣ мѣста харошія и работу легкую.“ — Вотъ ина и пашла. Ишла ина день и другей, и умарилась. Сѣла сиряди лугу, на кургонушку, и гаворить:— „Охъ, Божа мой!.. А „Охъ“ тотъ, якъ тутъ быў, и гаворить:— „Што ты ета, старушка, задумалась и охаишь?“ — Вить я „Охъ.“ Што табѣ нада, то я ўсѣ табѣ дамъ!.. А ина гаво-

рять:—А вò што мнѣ нада: если бы ты даў майму сыну легкую работу и харошія мѣста!.. „Ну, харашо!“ гаворить етатъ „Охъ“: привади свайго сына ка мнѣ!.. Вотъ ина и пашла дамой за сынаиъ. Приходить дамой и гаворить:—„Ну, сынъ мой милый, пашла я табѣ мѣста харошія и работу легкую: ты сагласинъ ты на маю совість, я, кажитца, табѣ худога ни хачу ничога?“—Ну такъ штожъ? Пускай будить такъ: идемъ!.. Вотъ ина пашла на тоя мѣста, куда вальѣу прихадить ей „Охъ“.—Какъ привила, то и гаворить:—„Охъ!“—А „Охъ“ какъ тутъ быѣ:—Чаво изволитя, милая мая старушка?—„А привила я къ табѣ сына на легкую работу.“—Ну, такъ штожъ? Давай: я яго ни забижу!—Ну, давай распишимся, на сколько ўремя ты мнѣ яго атдаси!.. Вотъ іонъ начаў расписыватца. Патомъ и гаворить:—Ну, я яго бяру на три года!—А старушка ужъ хоть ба и назадь, да ужъ ни варотишъ: узяѣ етытъ „Охъ“ яе сына и павеѣ низвѣсна куда. Заплакала бѣдная старушка и пашла. Патомъ праходить годъ, и другей, и третій, бѣдная старушка ждеть, ждеть,—ни даждеть тога ўремя. Патомъ приходить тотъ день, старушка, такая рада, идеть за свайиъ сыночкниъ. Прайшла ана адну дарогу, и другую, и третію, а на сустрѣчу къ ей идеть старичокъ и гаворить:—Здрастуй, старушка!..—„Здрастуй, старичокъ паштѣнный!..—„Куды идешъ?—А старушка гаворить:—А, мой ты старичокъ паштѣнный!—Я иду, сама ни знаю куды. Атдала я свайго сыночка у легкую работу, сама ни знаю каму!—Старикъ и гаворить:—Ты вотъ идешъ, а сама ни знаишъ зачѣмъ: ты свайго сына ни узнаишъ.—А ина гаворить: „Ахъ, старичокъ, павучи жъ ты мяне, какъ мнѣ яго узнать!..“ А бытъ такъ, мая ты галубушка! Какъ ты туда придеишъ, то табѣ пригонютъ двинадцать жирыбцоѣ—ростъ у ростъ, хвостъ у хвостъ, и нага у нагу, и глазъ у глазъ, и будутъ стынять, якъ разъ,—то ты сматри: уси будутъ стынять прима, и гріўки калясомъ, а у твайго сыночка будить окала гривы бѣлая пятно, то ета и сынъ твой.—Вотъ ина приходить на то мѣста, идѣ атдавала свайго сына, сѣла на кургонушеу и сказала: „Охъ!“ А „Охъ“ тотъ якъ тутъ быѣ:—Што, старуха, вѣрна, за сынииъ пришла?—„Да, мой галубчикъ, вѣрна такъ!“—Ну, падажжи нямнога!,—сказаѣ етытъ „Охъ“: сичас будить твой сынъ дастаѣлинь.—Чиризъ минуты три и гонить къ ей двинацать жирыбцоѣ—ростъ у ростъ и грива у гриву, нага у нагу,

хвостъ у хвостъ, глазъ у глазъ, и глядять какъ разъ.— „Ну пазнавай свайго сына!“ гаворить „Охъ“. А старушка гаворить:—А, мой ты галубчикъ, я табѣ ни такога свайго сына атдавала: атдавала малайца, а вы мнѣ даея жирибца!.. Вотъ „Охъ“ и пагнаў етыхъ жирибцоў:—Значить, ты свайго сына ни узнала; ступай дамой, а приходи на другой день!.. Заплакала бѣдная старушка горькими слязми, пашла дамой, бѣлыя руки лумаючи, гарючія слезы раняючи. Идетъ бѣдная и слѣду ширидъ сабою ня видить. Праходить етытъ день и ночъ, на другой день старушка ипать идетъ на тоя мѣста, такая рада, надѣйтца, што сына свайго ужъ таперь вазьметъ. Прайшла дарогу и другую, пришла на ета мѣста и сѣла на кургонушку, заплакала и гаворить:—Божа мой, Божа мой, куда то я свайго сыночка атдала!.. И гаворить:—„Охъ!“ „Охъ“ якъ тутъ быў.—Здрастуй, бабушка!..—„Здрастуй, здрастуй, мой ты галубчикъ!“—Што, вѣрна, за сыночкамъ пришла?—„Да, мой галубчикъ!“—Ну, пагади, сичасъ!—гаворить етытъ „Охъ.“—Вотъ, черизъ минуты три, летать двинадцать галубей—паро ў піро, крыло ў крыло, ножка у ножку, діўбать панямножку, глазъ у глазъ, глядять, какъ разъ.—„Ну, бабушка“, гаворить „Охъ“: „пазнавай свайго сыночка.“—А ина гаворить:—Ахъ, мой ты галубчикъ! Тутъ майго сына нѣту: я табѣ атдавала малайца, а ты мнѣ даешъ галубца!—Вотъ узяў „Охъ“ и пагнаў гулубей. Заплакала бѣдная старушка горькими слязми и пашла дамой. Патомъ и гаворить ей „Охъ.“—Ну, бабушка, приходи на третій день: ежили ты ни пазнаишъ свайго сына, то іонъ астанйтца на вѣки у мяне.—То було старухи горя, а то ящо пагаршѣла: стала ина саўсѣмъ вужъ бизъ вума; ина и гаворить:—„Што мнѣ таперь дѣлать, какъ мнѣ сына пазнать?!.. Вотъ лаждалася ина третига дня и пашла. Прайшла ина адну дарогу, прайшла другую, падходить къ третій. Падходить къ ей на ўстрѣчу старичокъ.—Здрастуй, бабушка!—„Здрастуй, здрастуй, дѣдушка!“—Куды идешъ, бабушка?—„А иду, дѣдушка, сама ни знаю куды. Атдала я свайго сыночка у легкія заработки, и сама ни знаю, якъ мнѣ яго варатить. Хадила я ужъ два раза, да и сына ни видала. Первый разъ паказали мнѣ жирибцоў, другой разъ паказали галубцоў, а сына майго нѣту.“—Старичокъ ей гаворить:—Падажжи, я табе паучу. Якъ придишъ ты туда, то табѣ привядуть двинадцать малайцоў—воласъ

у воласъ, голасъ у голасъ, глазъ у глазъ, глудятъ какъ разъ,— то ты сматри: усѣ будуть малайцы, усѣ будуть стыять и весила распивать, на тебе бистра узглядать, а твой сынъ будить усѣ пасупіѣшисъ стыять.—Старушка публагадарила старичка и пашла къ тѣму мѣсту, идѣ агдавала сына „Оху“. Пришла на ета мѣста, сѣла на кургонушку и залилась горькими слязми, и гаворить:—„Охъ“.—А „Охъ“ якъ тутъ быѣ.—„Здрастуй, старушка!“—А ина ня можить слова сказать за слязами. А іонъ спрашінтъ у яе:—Што, вѣрна, за сынаѣ пришла?—„Да, мой ты галубчикъ!“ — Ну, падажжи! сказаѣ „Охъ“: я сичасъ привяду! — Черизъ минуты три вадеть іонъ двинадцать малайцоѣ: воласъ у воласъ, голасъ у голасъ, глазъ у глазъ, глудятъ якъ разъ. „Охъ“ и гаворить:— Ну, бабушка, пазнавай, каторый твой!.. Вотъ ина сматрѣла, сматрѣла, патомъ замѣтила свайго сына и гаворить:—А вѣ іонъ, мой сынъ!—А „Охъ“ и гаворить ей:— А пачомъ ты знаишъ, што ета твой сынъ?— „Да какъ жа я ни пазнаю, мой ты галубчикъ, сваю кроѣ!..“ „Охъ“ и гаворить:— „Ну, бабушка, што съ табою дѣлать!.. Вазьми: вѣрна, ужъ ета твой сынъ.“ — Вотъ узмила старушка свайго сына и пувила дамой. Вотъ яны ишли, ишли, денигъ у ихъ ни капѣйки, а паѣсъ хочитца. Патомъ и гаворить ета старушка на свайго сына:—Ну, што, сынъ, будимъ дѣлать?— А іонъ гаворить:—„Маѣчи-ка ты, матушка! Я знаю, што ин сдѣлаимъ: я скинусъ лошадѣю, а ты будишъ прадаватиѣ, да вяди мене и прадай; вотъ у насъ будуть деньги, купимъ сабѣ, што намъ нада“.—Вотъ іонъ сичасъ чимъ-та пумазаѣся и стаѣ такимъ жирыбцомъ, какога у свѣти нивада ни бувала и нивада ня будить, и гаворить:—Ну, матушка, вяди мене ѣ горадъ и прадай за харошую цѣну, а уздечку вазьми съ мене назадъ.— Вотъ ина пувила яго ѣ горадъ; только приводитъ ѣ горадъ, а іонъ какъ зарзаѣ, ажъ увесъ горадъ закататіѣся. Тутъ сичасъ пасабрались къ ей усѣ купцы, гаспада и анаралы:— Што, бабушка, прадаешъ лошадъ, или купила?— А ина гаворить:— „Да, прадаю: извольта купить!“—Атеуда узяѣся етыѣ самыи „Охъ“ и гаворить:—Прадай, бабушка, лошадъ!— „А купи!“— Што вазмешъ?— „А давай пять тысячъ, — только съ такимъ угаворамъ: уздечку мнѣ назадъ“.—Да полна, бабушка! гаворить етыѣ „Охъ“.— Вотъ таргуватца, да таргуватца, узяѣ іонъ етага каня съ уздечкай, заплатіѣу деньги и паѣхаѣ. Патомъ

уздумала старуха, какъ жить бязъ сына, и гаворить: — „Што я сдѣлала? Іонъ мнѣ приказаў прадавать бизъ уздечки, а я прадала, якъ сама знала, — што мнѣ таперь дѣлать? — И дагададася: — Ета, вѣрна, тотъ самыѣ „Охъ“ купиў у мяне лошадь. Патомъ падходить ина къ дярёўни; тамъ стаять у канцы дярёўни кабаць. Ина и гаворить: — „Дай зайду у кабаць!“ — (А ета ужъ було прыпазна, падъ вечирь). Падходить къ кабаку, пасматрыць: стаять лошадь съ падтянутой уздой такъ, што ня можить ина и стаять. Ета лошадь и гаворить чилавѣчскимъ голысымъ: — Матушка мая милая, падайди ка мнѣ паближій, атвѣжи мяне, и скинь съ мяне уздечку, и вазьми сабѣ!.. А ина гаворить: — „Я баюсь тябе: ты мяне убьешъ“!.. А іонъ гаворить: — „Я твой сынъ, каторага ты вадила у горадъ прадавать!..“ Вотъ ина сбросила съ яго уздечку и палажила яго у сумку сабѣ. Патомъ уходить у кабаць и гаворить: — „Пазвольта сказать, гаспада: — чія ета лошадь стаяла када кабака, сарвалася и пубижала?“ — Тутъ сичасъ выскачиў етѣй „Охъ“, а лошади ужъ и слѣдъ прастыў. Вотъ іонъ сичасъ какъ скинитца валкомъ, да услѣдъ за имъ, а іонъ якъ скинитца ахотникомъ — и пашоў услѣдъ за ваўкомъ. Видить „Охъ“, што убѣеть, — какъ скинитца агнемъ, и давай етыга ахотника жечъ. Патомъ ахотникъ видить, што верхъ яго пашибають, — якъ скинитца вадою и давай агонь тушить. Етытъ „Охъ“ видить, што яго ниўзятки, какъ скинитца щукаю и давай ваду размахивать. Видить вада, што агонь бѣситца, — якъ скинитца арпомъ, а щука услѣдъ за имъ. Тада ершъ и гаворить: — „Какъ щука ня быстра, а ни вазьметъ ирша съ хваста!“ — Вотъ какъ скинитца щука мелкимъ камнимъ, а ершъ питухомъ и давай етѣй камушки падбирать. Видить „Охъ“, — што и самага съѣсть; какъ скинитца іонъ ястрибомъ, и давай питуха лавить. Патомъ етытъ питухъ, якъ скинитца арломъ, — какъ ударіў етыга ястриба и съ капыльля далоў; патомъ етѣй арель скинуўся чилавѣчскимъ, узяў етыга ястриба, парваў, а костычки палумаў, пашоў дамой къ сваей матушки, стаў жить, да паживать, да добра паживать. Сказка ўся, и рассказывать нильзя.

А цареўни Нисміяни.

Служіў салдатъ двадцать пять лѣтъ и ни видаў царя. Вотъ іонъ пашоу було дамой. Патомъ и гаворить:— „Стой, пайду—варачусь, я хотъ царя пасматрю: а то миѣ бабы дырвенскія выпарюць глѣзы, што я служіў двадцать пять лѣтъ и ни видаў царя“.—Ну, пашоў іонъ черизъ рѣчку; паўзеть ракъ и гаворить:—Дай миѣ, салдатъ, пятнадцатъ капѣйекъ: я табѣ прыгажусь патомъ.—Ишоў іонъ ящо дальши; бягить мышъ:—„Дай миѣ, салдатъ, пятнадцатъ капѣйекъ: я табѣ прыгажусь!..“ Іонъ даў. Идетъ дальшій, бягить жукъ:—„Салдатъ, дай пятнадцатъ капѣйекъ: я табѣ прыгажусь!“.. Іонъ и етому дай. Приходитъ къ царскому дварцу, а ў томъ дварци іостъ цареўна; ина и гаворить:—Хто мяне разсмяшить, тому я атдамъ падавину царства!—Салдатъ пашоў у кабаекъ, заставіў свае рубашки, напіўся водки, пришоў іонъ съ кабака и заваліўся іонъ у царскихъ варатахъ у грязь. Аткуда узались мышъ, и ракъ, и жукъ. Патомъ ета мышъ, и ракъ, и жукъ сняли зъ яго ету шинель и патащили ў ряку мыть. Мышъ валочить зубами, а ракъ сащаміў клюшнями, и палощуть. Патомъ ета мышъ принисла яму ету пиесль, ракъ лажитца уверхъ клюшнями, мышъ усклала на ети клюшни шинель, а жукъ кругомъ литаить и сушить. Патомъ ета цареўна увидала ета чуда, набѣгла къ свайму атцу и гаворить:—Пасматрися, папаша, якое у нашихъ варатахъ чудиса, какихъ вы никада ни видали!.. И засміялась. Патомъ етѣ салдатъ усхвятиўся и идетъ у дварець. Патомъ спрашиваить чисавова:—Пустить мяне да гасударя!—Яго дапустили; іонъ увайшоў у дварець. Гасударъ выходитъ раздѣўши:—Вы, салдатъ, зачѣмъ пришли?—„Да я пришоў, што я двацать пять лѣтъ служіў и ни видаў царя: пришоў царя пасматрѣть!“—Даты, салдатъ, пагади!.. Выходить гасударъ адѣўшись.—„Ну, ти видишь царя?“—Вижу.—„Ну, ты, братецъ, теперъ иди!“—Валѣў яму гасударъ приходить вычаромъ. Салдатъ пашоу у тотъ самый кабаекъ, заставіў рубашки, напіўся водки и идетъ во дварець. Ёдитъ министиръ и спрашиваить:—Куда идешь?“—„А иду я во дварець.“—Вотъ табѣ сто рублей: ни рассказывай съ цареўный ничаво!.. Салдатъ узяў сто рублей и вратіўся.

Пашоу у кабаць, купіў хунтѣ канхветѣ и банку намады и вараціўся ипать во дварець. Патомъ и кладуть спать министра, салдата и царёуна: къ ко́му царёуна пирявѣрнитца, за таго и заму́жъ идить. Вотъ салдатъ прашнуўся и гаворить: — Ахъ, я с...ъ хачу!.. А царёуна ужу спить. Министиръ гаворить: — Ая даўно хачу! — Салдатъ и гаворить: — Я пайду напакашу ў углѣ!.. А министиръ гаворить: — А ужу и я пайду! — Вотъ салдатъ ни напакастіў, а министръ напакастіў. Прашнуўся салдатъ и гаворить: — „Што ты, гаспадинъ, сплшъ?“ — Нѣтъ. — „Намъ будить худа: я свае г.... паѣмъ!“ — Вотъ салдатъ слѣзъ у угалъ и начаў ѣсть канхветы. Слышитъ министиръ, што іонъ начаў ѣсть, и гаворить: — Пайду и я свае ѣсть!.. Министиръ узяў у ротъ, яво и начало тамъ чистить, такъ што іонъ ня могъ ѣсть. Патомъ ихъ выпустили. Салдатъ отправіўся ипать у кабачокъ, а вечирымъ идеть у дварець. Даганяить яго министиръ, даеть яму двѣста рублей: — „Ни рассказывай съ царёуною ничога!“.. А самъ министиръ купиў сабѣ кусо́къ падошвы, бичоу́ку и иглу, заѣхаў у барезникъ и гаворить на кучира: — Запывай миѣ ж.... Патомъ ипать ихъ палажили у комнати: къ каму царёуна пирявѣрнитца, за таго и заму́жъ пѣйдить. — Када министиръ заснуў, мышъ и пратачила ету падошву. Вотъ жу́къ отытъ палѣзъ министру ў ж...у и напароў аттуда г...., а ракъ отытъ панесъ на ѣсей постели и па пухавикахъ. Патомъ ихъ ипать распустили. Салдатъ пашоу ипать у кабачокъ и напіўся гарѣлки. Патомъ, вечирамъ, салдатъ идеть ипать у царскій дварець, а министиръ ѣдитъ, и даеть яму триста рублей, штоба іонъ ничога ни гаваріў съ царёуною, а самъ забіў ж...у кляпнемъ и зашіў падошваю. Вотъ, када лягли яны спать, министиръ ужъ заснуў, то мышъ и палѣзла тачить етому министру ж...у. Вотъ ина пратачила падошву и гаворить: — Дѣзъ, жу́къ! — Іонъ палѣзъ. Пасмотрить: а тамъ кляпень. Што тутъ дѣлать? Мышь сказала: — „Стой, жу́къ! палѣзимъ мы етому министру хватакомъ у ноздри!“ — Етый министиръ якъ чихнетъ, кляпень какъ выскачить: жу́ка и убила. Патомъ мышъ и ракъ и думаютъ: — „Што намъ таперъ дѣлать бязъ жу́ка? — Давай мы яго напробуимъ аткалыхавать.“ — Калыхать, да калыхать, — аткалыхали. Патомъ отытъ жу́къ съ сердца якъ палѣзъ въ и наперъ аттуда етыга калу, а ракъ какъ начаў вазить сваими кляшнями, такъ што царёуни ужу и дѣтца нейди; то ета царёуна къ салдату

ближій, ближій, и падпаўзла къ яму падъ шинель. Ина и даваа яго распрашивать, идѣ быў, идѣ служіў. Патомъ и гаворить:— „Ахъ, какой нявѣжа етыть министирь!“ Патомъ ихъ выпустили. Министра етыга привизали къ лападиному хвасту за яго дурную и слабую ж . . . , а салдата привинчали съ цареўнаю. Стали жить, да паживать, да добро наживать.

№ 36.

Өама—Широкая Барада, багатырь магучій и хитрэй.

Өама багатырь, Широкая Барада, пахаў на сваей кабыленки. Пустіў кабыленку на паўдни и лѣхъ атдыхать. Пасѣли яму мухи на лысину, и ударіў іонъ мухъ етыхъ сибѣ на лысини. Убіў етыхъ мухъ, паглядѣў, што ихъ многа. Вьў іонъ грама-тинѣ; узяў етыхъ мухъ, пащитаў и записаў:

— „Хама, Широкая Барада, сильный—магучій багатырь, аднимъ махымъ семъ сотъ пабивахамъ.“—Закончіў такъ:

— „Таперь я сильный, магучій багатырь!..“

Узяў серпъ и дярюгу, садіўся на сваю лошадь и ѣхаў па дароги и видаў на дароги записки:

— „Праязжайть сильный-магучій Хама багатырь—аднимъ махымъ семъ сотъ пабивахамъ.“

Падъязжайть на запавѣдныи луги, близка царьскій дварецъ, и разбіў шатеръ съ дерюги, лѣхъ атдыхать.

Ѣхаў тымъ путемъ багатырь, падымаў багатырь эти записки и читаў, што праѣхыў сильный-магучій багатырь Хама, и падъязжайть къ Хамѣ близка, а Хама ляжить, надъ нимъ дярюга распята.

Злазить багатырь съ лошади, падходить къ Хамѣ, къ Широкой Барадѣ, къ шатру:

— „Здрастуй, Өама Широкая Барада, сильный магучій багатырь!—Што мнѣ позволитя ти мима праѣхать, ай здѣсь астанавитца?“

— Ня смѣть мима ѣхать: разбивай шатеръ близка, лажися!

Ѣдитъ другой багатырь, раскладываитца здѣсь и съ лошадыю, падходить къ етому багатырю:

— Здрастуй!

— „Здрастуй!“

— Ти ты Өама, Широкая Барада!

— „Нѣ, ни я, а тѣй вонъ;—іонъ мине ни пускати ѣхати даіі“.

Падходить пріѣзжіи багатырь къ Хамѣ:

— „Здрастий, Өама, Широкая Барада, сильный-магучій багатырь!..“

Серцамъ крикнуу: „Здрастий!“

— Што прикажитя: ти мима приаждати, ай здѣсь астанавитца?

— „Нѣтъ, ня смѣтъ мима ѣхати,—астанавлей здѣсь!..“

Узяу Өама ипять приляпіу близъ шатра записку:

— „Ня смѣтъ къ Хамѣ ѣхати!“

Ѣдит третій багатырь, глянуу: три шатры разбита, и на шатрѣ записка приложина.

Злазитъ зъ лошади багатырь, здрастунтца:

— Приаждати мима ѣхати?

— „Нѣ, здѣсь астанавлііся!..“

Пасматрїть гусударь: три шатры у запавѣдныхъ лугахъ, и лошади ходють.

Гусударь шлетъ багатыря узнать, якея ета за люди. Іонъ падъїзждати къ шатрамъ:

— „Нявѣжи, шатры на чужихъ лугахъ разбили, лашадей пустили—выхадитя на паядиннѣ! Сичасъ голыву сыму!“

Таварыши пришли къ Хамѣ падъ шатеръ:

— „Ти сами паддїтя къ багатырю, ай насъ пашлетя?“

— Васъ пашлю. Паизжай упаредъ тѣй, каторый напарѣдъ усихъ пріѣхау!

Паѣхау тѣй и убїу посланныва багатыря. Гусударь ждау, ждау—шлетъ другова багатыря на помычъ.

Тѣй багатырь закричау:

— „Нявѣжи, пупустили лашадей на чужимъ лугу, а сами лїждати!“

Яны къ Өамѣ. Өама гаворить:

— „Паизжай, братицъ, ты, сяредній!..“

Сичасъ паѣхуу етый, пагубїу посланныва багатыря.

Засылають гусударь третива багатыря на помычъ. Наиз-

жанть третій багатырь. На етыва багатыря пасланта Хама третьива таварыша:

— „Паизжай, братиць, живѣй, дай яму холи!..

Паѣхыу третій багатырь: пагубіу посланнива.

Якъ гусударь лишіўся трехъ багатырей, шлеть записку:

— „Якой ты іось сильный-магучій багатырь—просимъ тебе у гости!“

Нада ѣхать Хамѣ.

— „Я атпраўлюсь!..“

Дарюгу злажіу, серпъ узяў у руки, паѣхаў къ царю на лицо. Царь яво приніў да чести, упрашиваў быць яго заштитнымъ; Оама сагласіўся у яго жить, давать яму помачъ.

На етыва каралька падымантца другей, а у няво адинъ Хама.

— „Ну, Хама, паизжай, братиць на вайну!“

— Падай ты мнѣ лошадь самую лучшую, багатырьскую!..

Падали яму лошадь багатырьскую, асидлали.

Приказаў тонкая бярно у струмена, „слягу“ привизать. бярно ушерь струмень привизали.

— Привяжи ноги къ „сляги“. Привизали ноги.

И паѣхаў. Дакъ багатырьская лошадь тысячы пабила. Якъ крутнеть,—тысячи пабьетъ; якъ павернитца,—такъ народъ пувалить и пувалить.

Далажили каральку, што багатырь усё войска пабіў.

— „Атставайся у мене жить!..“

Пажіў три мѣсицы, а потѣмъ схватіў лападенку и удраў къ жонки, дамоў.

Ж 37.

Катигарошинка.

Купчиха забременила, праглытіўши гарохвину, и парадила сына Катигарошку. Іонъ дужа бнў бальшей багатырь: स्वाбадіў братіў и сястру атъ змѣя Шкурупея. Братья яго соиньга валасянымъ канатымъ къ дубу привизали, а іонъ и съ дубымъ тымъ пришоў дамоў.

Жіў купецъ съ жаною, двумя сынами и красавицый дочкый. На усё имущества купецъ накупіў таварыу и пашіў морижъ. Вискачила падъ тей часъ непагадь,—буря, атъ яе купецъ и затонуў са ўсимъ дабромъ.

Купчиха дуже пичалилась и тушнувала на мужу. Ища ни аправицась атъ етѣй бяды—глядь: за варотами другая бѣда.

Разъ у ясный день дѣти яе прагуливались у сваймъ саду, за камянной стѣной—аткуда ни вазьмись на тѣй часъ, на ту минуту, лютый змѣй Шкурупей: ня успѣли братья абразумитца атъ страху, а ужъ юнъ у темнымъ воблаки понисъ ихъ милую сястрицу.

Купчиха чуть ни аслѣпла атъ горя, усѣ плачучи; а братья паѣхали у путь дарогу за сястрою.

Купчиха бизъ сыноу жила плоха, абяднѣла, сама таскала воду.

Три года минула, якъ паѣхали сыны,—абъ ихъ ни слуху, ни духу. Идетъ купчиха за вадомъ, притамилась сильна, несши поўныи вѣдры; пристѣла атдыхнуть.

— „Вотъ да чаго дажила!“

Глаза атъ большого горя и кручиннушки слизами супоунились.

Выкатилась слязинка изъ глаза и ў вадро канула, сію минуту стала бѣлый атборный гарошинный. Спанравицась ина купчихи;—та праглатила яе и забреминила, хуть и сама ни знала, атъ чаго ета.

Радіўся мальчикъ на дива усимъ красивый, здаровый. Куны снысли мальчика хрястить палу, тѣй ни хатить:

— „Ни павѣрю, штобъ такой здаравенный малиць радіўся у старухи.“

Тириць нѣскальки дней поць самъ навѣдаўся къ купчихи; купчиха яму усѣ атказала, ничога ня ўтѣила.

Поць мальчика ахрястіў, назваў яго па злучаю Катигарошинный.

Ни па днямъ, а па часамъ росъ Катигарошинка, дайжи, такъ сказать, пу минутамъ; учіўся жъ харашо и скоро писать и чѣтать стаў ня тольки, што луччи за мальцыў,—луччи самыхъ учѣтилиў.

Таварищамъ ета была завистна; разъ это изъ ихъ кампаніи и назави Катигарошку „выблюдкомъ.“

За абыду паказалась Катигарошки, къ матери пабѣхъ, стаў жалаватца: жалкунтца и абъ батьки распрашѣть.

Якъ услыхаў Катигарошка, што сястру змѣй скраў—матка увесь разказъ, усю исторію гнала пу парядку—говорить:

— „Благославляю, матушка, у путь-дарогу!“
— Будь ты, сыночек, послѣднiя моя радость и утѣшенiя!
— „За сестрой! И ни затрiмать вамъ мене, маминька —
луччи атстаўт!“

Дала яму иголычку и сваё радительскыя благославенiя.

Изъ даму Катигарошка идеть къ кузняцу:

— „Пирякуй на трость иголычку!“

Катигарошка якъ падбросить скованную тростычку, а ладонь падставіў — тростычка и сплющицалась, у ей была ажно 25 пудоў.

Изнову скуваў тростычку: абъ багатырская калѣна ударицалась и слумалась.

Третiй разъ выйшла добрая трость: якъ надмахнуў яе у верху Катигарошка, ажно завизжѣла да прима яво на голыни, — асталась цѣла, и галава тожа цѣла, толькы волысы на ей дрогнули.

— Эта тростычка па мнѣ!

Зашагаў багатырь далiй, у путь-дарогу.

Даходить да большой раўнины; тамъ канюхъ стада ланцадей пастывить.

Якъ увидіў Катигарошку, канюхъ давай кричеть:

— „Ни хади, ни хади: на верхнiй дарови жирабець табе заточить.“

А iонъ усё идеть и идеть. Якъ жирабець набросіўся, iонъ яго схватаў за хвостъ, да абъ землю ударіў и шкуру стащіў.

— „Вѣ ты мнѣ своею лашадкѣю хваліўся, а таперча шкурумю палюбуйся!“

Плачить канюхъ: загубить яго таперъ змѣй-Шкурупей. Катигарошка, якъ услыхаў абъ Шкурупей, радъ, што на слѣдъ нагнаў — идеть къ змѣю; на дарови яно аблуніў быка-будуна, та жъ сторiя и зъ баранымъ-будуномъ.

Приходить къ возиру, у возира растеть магучiй дубъ, а падъ тымъ дубымъ находитца мужицвинный чилавѣкъ.

— Якога ты роду — племени?

— „Завусь я Катигарошинека, а иду я къ змѣю Шкурупею. Вотъ ты мнѣ покажи дарогу.“

— Пятъдiсять лѣтъ я бирагу возира свайго гаспадына, змѣя Шкурупея, и ищо никаму ни паздаровилась, хто са мною у бой вступаў. И ты, младый вьюнушъ, лишицья сичасъ жъ-

ни, если далій пайдѣшъ. Вотъ, вотъ сюда къ возиру, у потѣмъ къ дварцу, што виднѣйтца тамъ, на гарѣ, падлятитъ самъ мой хазяинъ, лютый змѣй — Шкурупей. Іонъ на два аршинъ вадъ выпиваить и на аршинъ зямлі пандантъ, и крѣпка-накрипка іонъ приказаў мнѣ нікога ни прупущать къ яму у дварець.

Катигарошинка задраўся съ мужишвиннымъ чилавѣкымъ, забіў яво и ужъ идеть и Шкурупейу дварець.

Тамъ у важна сядѣла скучая Купчихина дочка; якъ увидла чилавѣка, здивилась и дужа абрадавалась.

Катигарошинка шапку сняў, на галаву письмо атъ матери узлажіў и стаў на калѣнкахъ пирідъ вакномъ.

Систра узіла у руки письмо, нѣскалькі разъ прачитала яво, ну, усе ища сумлівалась, што Катигарошка яе братъ — тады тольки павѣрила тамъ, якъ іонъ у домъ увайшоў: замѣтила йна, што іонъ на маминьку пахожъ.

— Пажадѣй ты себе, Катигарошка, и увыйди атсюль, пакуль ища жиў; а братыя твае тутъ ужъ жистъ сваю прикончили...

— „Нѣ! ни за етимъ я сюды пришоў, и, пажалуйста, сястрица, ни извольта сумливатца: я зъ имъ снаўлюсь“...

Схувала систра, якъ магла тольки, сваяго брата. Лятитъ сичасъ змѣй, скинуўся чилавѣкымъ и стаў изъ себе красивымъ и стройнымъ молыцымъ.

„Хто-та іостъ у насъ изъ русьскихъ!“ сказаў змѣй.

— Ета ты на Руси налитаўся, русьскыга духа на хватаўся!

Катигарошинка ня стерпіў, кричить змѣю:

— Ета я пришоў къ табѣ у гости.

— „А ета ты, Катигарошина... ну, иди на глаза...“

Катигарошка усходить у комнату къ змѣю са сваею тростычкыю.

— Ну, падать намъ абѣдаты!

Уси кушании были згатуваны, якъ надаби бытъ, тольки напаслѣднѣй Шкурупей справіў сабѣ алавянныхъ, мѣдныхъ и чугунныхъ аряхоў; такъ кусаў іонъ ихъ, што яны скрипѣли то и дѣла у яго на зубахъ, а самъ искоса паглядантъ на Катигарошку, ти спужаўся іонъ.

— Ти видишь ты, якъ я душу арыхъ?

Ды вижу! Ета мине ни устрышанть: грызи сабѣ.

— „Ну, такъ пайдѣмъ у поля ли пайдинка“.

Пришли у поля.

— „Дуй сабѣ поля.“

— Ли мине и ета харашо.

Змѣй Шкурупей стау дуть — и падъ имъ сдѣлалась зиния мѣднаа, а на ей слядоу ни видать.

Катигарошка дяретца тростію, а Шкурупей руками и нагами;—притамиўся змѣй и на три дни просить вотдыха.

Катигарошка даеъ яму вотдыху тольки на три часы, съ тымъ ища, штобъ Шкурупей указау, куды іонъ падивау яго братьііу.

Шкурупей ни хатить, бытци'къ ни знанть; потѣмъ вядеть Катигарошку, а Катигарошка дяржить яго за горла, штобъ ни увайшоу. Идутъ у садъ.

Ли аграменнй дубовый калоды увидау Катигарошка свайхъ братьііу мертвыми: волысы ихъ утиснуты у расщепъ дубовый калоды — такъ тамились яны доўга, пакамисть бидняжи жистъ сваю прикончили.

— Атживи братьііу—а то тутъ жа забью тябе..

— „Пазволь мнѣ, Катигарошка, изъ дому принеся 2 бутылл.“

Катигарошка ипять идеть за имъ и за горла дяржить.

Дастау змѣй бутылчкы и изъ аднѣй пить хатить, — ужу къ роту паднѣсь.

— Дай мнѣ перва паспробывать! гаворить Катигарошка.

Якъ напіўся вадшебный вады, Катигарошка паслышау у сабѣ яще болій силы и за хитрость хатѣу было змѣя забить. Падашли изнову къ миртвицамъ, перви брызнули на ихъ мертвый вадой — яны стали, словна якъ живны, тольки дыханія у ихъ нѣтути. Якъ брызнули на миртвяцоу изъ другой бутылл,—братья ажили; думаўши, што ихъ атъ смерти Шкурупей збавіу, стали пирядъ имъ на калѣнки и благодарять за збаўленіе. На ту пору за абыду паказалась Катигарошки, што яво братья змѣю кланіютца — узяу яму жистъ и прикончіу свай тростычкый.

Сестра и братья такея радыи пувисялились, потѣмъ пустились у путь—дарогу.

Астанувались притдахнуть на зялёный далини, ли возира, падъ тымъ самымъ дубымъ, идѣ стыяу мужиствинный члавѣкъ.

Путникы абнила ночь.

— Я ни магу итти далей! гаворить Катигарошка:—Мине сномъ атамливанть. — Я засну здѣсь падъ танистымъ дубымъ, прихинусь къ яму, абанрюсь на сваю тростычку. — Я сплю ни пу вашиму—крѣпка; дакъ я научу васъ, якъ равбудить мене, када придить уремя трогатца у дарогу: выбійта изъ моихъ рукъ тростычку—я сейчасъ прашнусь.

Тольки прагаваріу ета, а ужъ самъ хралить багатырскимъ сномъ.

Братья завидывали яму—стали мижда себе рѣчь джржать, якимъ роднымъ Катигарошку стратить.

— „Нашоѣся жъ съ виру члавѣкъ и праславіўся!

Ня можить бытъ, штобъ іонъ намъ братъ быў: маминька наша ужу у такимъ возрасти, што даже ніўвозможна и падумать, штобъ у яе дѣти радилісь. Убѣѣмъ-ка яго. Ну, аднимъ махымъ, пажалый, яго не забешъ—тутъ іонъ прашнетца и намъ ни здубрывать тады. Вѣ што, здѣлаимъ валасяной канать, свяжимъ Катигарошку пу рукамъ и нагамъ, привязимъ къ дубу—самъ іонъ ни аслабанитца, и намреть голодною смертыю.

Абкрутили братья Катигарошку канатымъ, привязали къ дубу, сястрѣ жъ вялѣли маучать.

Вярнулись старшіи сыны съ сястрой къ купчихи и хвалились, што са змѣимъ справились и сястру аслабанили.

Мать абъ Катигарошки распрашивать, а яны бутцакъ ни чога ни знаютъ и ни вѣдають.

Прашнуўся Катигарошка и гаворить:

— „Ахъ, какъ я спау доўга!“

Чутно яму, што привязанъ; пуцаўся, патыгнуўся—дубъ задрыжѣў; якъ выпраміўся—дубъ вырваў и пашоў такъ къ матери. а за сабою древа тащить.

Мать дужа зрадувалася, якъ увидила Катигарошку, а братья хуватца.

— Выхадитя, кайтись; развяжитя мине! Ня выйдитя, дужа плоха вамъ будить.— Вышли и развязали яго.

— „Ну, пращаю вамъ першую и паслѣднюю вину.“

Посли таво жили харашо, Катигарошку вали за старшова.

Ж 38.

Ибѣ чатарехъ царёунахъ, змѣихъ абѣ трехъ, шасти, двяти, двинацѣти галавахъ, абѣ шляннѣй гарѣ, абѣ мядвѣдихъ, ваунахъ, ильвахъ, пу парачки, у дварцахъ; абѣ зялѣзныхъ пиршатычнахъ, абѣ ваушебный тростычни.

Жіў-быў адинь царь, была у яго красавица жонка и троя сыноў. Царь такъ любіў сваю жонку, што ни тпуцаў яе ат сябе. Разъ тольки царица пашла у садъ на прагулку са сваими сынками падъ ручку. Атеуда ни вазьмись на ту пору змѣй, схватаў царицу—сынки дайжа глазымъ ни смигнули.

Войжа мой, царь такъ асирчаў, што старшимъ сынамъ на глази наказыватца ни приказаў — яны за маткнѣй паѣхали, и младшій сынъ за ими услѣдъ.

Заходитъ Иванъ Царевичъ на дарези къ старушкѣ; у яе тѣй жа змѣй дачку унесъ. Старушка усими ласками и просьбами упрашнѣть царевича атнѣть у змѣя яе дачку. Клубочникъ старушкинъ даводитъ Ивана Царевича да другой старушки — и тую змѣй дачкой абидіў. Даходитъ іонъ и да третій старушки — и надъ тою тожа змѣй падиутіў, — дачку ухапіў.

Падходитъ іонъ къ крутѣй горки, идѣ змѣи жили; здѣсь и братья его были, ни знаючи, якъ на гару узлѣзъ. Царевичъ знайшоў пиршатки съ зялѣзными каптюрами, и на гару узлѣзъ. Тамъ дварецъ; увакрухъ дварца широкій дворъ, у варотъ двара пара мядвѣдѣй. Иванъ Царевичъ прайшоў мѣжда звярѣў, тольки вадицы имъ наліў, пакуль яны занялись пить.

Падашоў къ дварцу, а тамъ сядить пріѣкрасная царёуна; стаў на калѣнки и письмо узлажіў на галаву атъ первый старушки.

Царёуна дужа убрадувалася матушкиному письму и схувала Ивана Царевича падъ краватьтю. Ну, якъ прилятѣў змѣй абѣ трехъ галавахъ, Иванъ Царевичъ тога змѣя забіў. Потѣмъ іонъ пабываў у двухъ дварцахъ, што стирягли ильвы и тигры.

забіў двухъ змѣіў а шасты и дивяти галавахъ, स्वाбодіў двухъ царёўнъ, дачокъ старшихъ сясѣръ—старушникъ.

Заставаўся чарѣдъ у матушки пубывать; ина жила у сті-
кляннымъ дварцы.

Мать тожа схувала сына падъ краватьню; прилятѣў змѣй
нѣбъ 12 галавахъ и стаў съ царичю шуѣу шутить—хочить
яе бытца палицый придушить, а потѣмъ спяхватіўся:

— „Што ета у насъ руськимъ духымъ пахнить?“

— Ета, душишка, ты па Руси налитаўся, русьскыга духу
набраўся!

Тутъ Иванъ Царевичъ палицу у змѣя выбіў, а потѣмъ и
забіў яго самаго. Потѣмъ якъ напѣўзла маханькихъ змѣинять,
ажно темно стала—цѣлая туча! Царица дала сыну такой мя-
чникъ—уси змѣинятки въ аднае кучу паскатились, потѣмъ ихъ
сажгли.

Иванъ Царевичъ дужа пичалиўся, што патираў захѣзныи
пирщатки. Царица и царёўны давай палатенцы спивать, а
потѣмъ на сшитыхъ палатенцахъ унизъ спустились. Тутъ братья
палатенцы и пирярѣзали, штобъ Ивана Царевича унизъ ни
пустить:

— Пахвалимся, што мы царёўнъ раздабыли.—Атець дужа
пичалиўся, што любимага сына нѣтъ; а старшіи сыны свадьбы
зативають съ царёўнами. А царёўны ни бытъ: сунятца съ
жинихами, штобъ яны имъ тоя и тоя здѣлали да свадьбы.

Царевичъ Иванъ тымъ часымъ звярнуўся дамой: пумагла
яму тростычка, што іонъ на гарѣ знайшоу.

Атець нерва бяды на сыноу, а потѣмъ прастіў имъ: разымъ
три свадьбы атпразднывали.

Старикъ пасѣилъ пышаницу, у яе увадилася табунъ дикихъ коніѹ. Шаўра, младшій сынъ старика, ламаднѣхъ етихъ пуна-
лавилъ и атдаў сванимъ адинаццати братьямъ, сабѣ заставиўши
ваўшебниѹ кабылицу. Паѣхали братья сабѣ жоникъ дабываць
и пажанились на вѣдьминныхъ дачкахъ. Шаўра, ня будучи
плохъ, падслушалъ, што вѣдьма хочить ихъ загубить: такъ она
хвалилась другимъ вѣдьмамъ. Нарядіў братіѹ у адѣжу жоникъ
и самъ такъ нарядіўся;—днѣхъ вѣдьма сванихъ дачокъ загубила,
а Шаўра зъ братьями утѣкъ. Паступилъ на службу къ царю
и царю спавравіўся. Вальможы научили царя даваць Шаўри
трудныя работы,—ну яго ламадка пумагла яму уси тни труд-
ныя работы пасполнить:

1) Пиріадіўся купцомъ и увѣзъ дочъ ваўшебницы, каторая
по мырю гуляить и изъ костычки у костычку мозгъ прили-
вайть. Хуть и гналась за имъ ваўшебница, ну ни дагнала,
тольки заплакала. — „Пубядилъ, Шаўра, ты маю галовушку!
Пубядилъ ты мене, ну сваю жистю расплатисься“.

2) Потѣмъ Шаўра спаймалъ табунъ ваўшебницыныхъ ла-
шаднѣхъ.

3) Изъ церкви образъ дастаў, атманіўши народушка (народъ
выспналъ изъ церкви Шаўраву лошадь 'смагрѣть). Утѣкъ съ
вобразамъ, а у церкви старыя плаття заставилъ.

4) Стаў гуся даставать и ледва утѣкъ. Гусь быў на вярху
башни, ать яго 12 струнъ ишло, и звинѣли тѣ струны, якъ
икая беда горнуду даўжна злучитца. Шаўра перва 9 струнъ
атѣбѣхъ, а потѣмъ астатнія три. Цареўна-ваўшебница и узнала
абъ Шаўри,—удагонъ за имъ.

5) Живой и мертвыя вады дастаў ли царя. Сваю ла-
шатеку забіў и паймаў на ей сиза ворына. Сизый ворынь
даў Шаўри у залогъ варапѣнка, а самъ палятѣў за вадой.
Ваду ту дужа бирагли у горнуды; ну, якъ ворынь низинька
литаў — што такая? давай ворына ли патѣхи лавить, а юнъ
тады шибка къ вадѣ, якъ яны атдалились, — схватаў вадѹ и
къ Шаўри. Шаўра вадичую ламадку атживіў и ледва,—ледва
утѣкъ ать ваўшебницы. Царь вягълъ Шаўру изрубить; якъ

яго атживили,—вадица живая и мертва аказалась харошію;—
вядѣль сябе зарубить. Изрубить яго—изрубили, а ужъ живом
вадою паливать ни стали—здѣлаўся царѣмъ Шаўра.

Ч О Р Т Ъ.

(Чортъ сжѣшивается съ домовымъ и лѣсовымъ).

Ж 1.

Якъ чортъ мужику мельникыву дачну высватаў, а потѣмъ
мужина загубіў и яго сусѣда.

Бакъ жиў адинъ мужучокъ, и бнў у яго адинъ сынъ. Вотъ
старичокъ помиръ, астаўся яго адинъ бѣдный сынншка. Думаў,
думаў, што яму дѣлать, аставшись аднаму дома; патомъ и га-
ворить самъ сабѣ: — „Вазьму, ажанюсь!“ — И пашоў у сваты
Вотъ іонъ сватаў, сватаў,—нійдѣ ня высватаў, и годъ, и дру-
гой прахадіў, и третій,—нійдѣ ня высватаць. Патомъ идеть
дамой и заливантца — плачить, гаворить самъ сабѣ: — „Божа,
мой Божа, няўжели я такой зарадіўся нищасный?..“ Пагади,
гаворить іонъ самъ сабѣ: — „пупрашу-ка я хуть чорта,“ — и га-
ворить: — „Хуть ба чортъ мнѣ даў нявѣсту!“ — Вотъ тутъ чортъ
выскакываць къ етому мужичку: — „Здрастуй, добрый чила-
вѣкъ.“ — (Іонъ ни знаў, што ета чортъ). — Здрастуй! — „Што
ты тутъ ящишь?“ — спрасіў у яго чортъ. Мужикъ и гаворить: —
„Ищу сабѣ я нявѣсту: ужъ третій годъ никакъ ни найду.“ —
Чортъ и гаворить мужичку: — „Я табѣ дамъ нявѣсту“ — Му-
жикъ и гаворить: — „Сдѣлай миласть, развяжи ты мнѣ ету
акову!“ — Вотъ чортъ и гаворить на мужика: — „Ну, ступай за
мною!“ — Вотъ іонъ приводитъ яго къ балоту, да яеъ ударить
тростю пу балоту: балота тоя растварилась на двѣ части, такъ
што яны пашли у тоя балота. Приходють: тамъ стоятъ такое
харошн, што толька на пускатрѣть и сидать тамъ три дѣвуш-
ки. — Чортъ и гаворить на етыг мужичка: — „Ну, выбирай, ка-
торая табѣ наравитца“. — Патомъ мужикъ етытъ и гаворить: —
„Баторую атдадита, то и мая.“ — Вотъ чортъ и гаворить: — „Ну,
прінзжай заўтри, а я табѣ атдамъ дѣўку!“ — Мужикъ спра-
шінтъ у чорта: — „У какою жъ урема мнѣ прінзжать?“ — А
прінзжай вечирамъ! — Вотъ іонъ приходить дамой и гаворить: —
Ну, слава Богу, я сабѣ высватаў нявѣсту, да такую красавицу,
што толька ў книги написать!“ — А тутъ яго спрашінють: — Идѣ жъ

ты ета сабѣ высватау? — А іонъ гаворить: — „А якоя вамъ дѣла? — Идѣ высватау, тамъ и будить“. — Патомъ и гаворить: — „Паѣдимъ на свадьбу!..“ А яму атвичають свое рѣдныя: — „Ну, куды мы паѣдимъ, калѣ ты намъ ничога ни гаворишь.“ — А іонъ гаворить: — „А я вамъ я ни кланіюсь.“ — Пашоу у горыдъ, наняу тамъ ламавыхъ извожикну и паѣхау у тоя балота. — Вотъ яны пріѣхали къ тѣму мѣсту, мужикъ и кричить на чорта: — „Сватъ, а, сватъ, выйди къ намъ!..“ Вотъ высмычїу чортъ и гаворить: — „Ну, панзжайтя за мною!..“ Вотъ ети уси яго зазванныя паѣхали ў балота, пасмотрють: а тамъ такей домъ, такея харомы, што вужась сматрѣть. — Патомъ чортъ засаживанть усихъ за столъ, атдау имъ дѣуку и гаворить: — „Ну, таперъ панзжайтя! — А я къ вамъ буду заўтри вечирнымъ, — ажидайте мене: тады я вамъ увесь пародакъ накажу.“ — Вотъ яны пріѣхали дамою; тутъ приходятъ яго сусѣды и удіўляютьца, аткуда ета іонъ привезъ сабѣ такую красивую нявѣсту. Патомъ привинчались, начали играть свадьбу. Вотъ приходитъ вечиръ, ажидають яны чорта къ сабѣ на свадьбу, а іонъ приказау: — Вазьми, налей два пирярѣзы сиради двыра, адинъ вотки, а другей пива, и атвари вароты!.. Вотъ іонъ узяу наліу два пирярѣзы, паставїу сиради двара; натомъ пашоу атварять вароты, ўзяу пирихрестїуся и вароты пирихрестїу, пришоу у хату, дажидау — дажидау: нима чорта. — „Што тутъ такоя? — гаворить іонъ: такъ іонъ забавїуся?“ — А іонъ кричить у вакошка: — „Вазьми, вылії пирярѣзы и налей другея, и расхрести вароты!.. Вотъ іонъ пашоу на дворъ, выліу тыя пирярѣзы, каторыя были налиты съ воткаю, да наліу другея, патомъ падшоу къ варотамъ, да узяу рукою надмашъ и атварїу. Ни успѣу увайти у хату, а чортъ ужъ тутъ. Вотъ пасадїу яго за столъ и гаворить: — „Вѣ, сватъ нашъ, вѣ сватъ нашъ!“ И давай яго угащать, патомъ, справїуши всѣ ети дїла, атпраўляютьца чортъ дамою и гаворить: — „Ну, я табѣ ни сватъ и ты мнѣ ни сватъ; а вотъ я табѣ укажу, хто твой сватъ: ў такомъ-то и такомъ мѣсти стантъ мельница; тамъ живеть мельникъ, ета яго дочка, — то табѣ сватъ, а ета яго дочка.“ Патомъ и пашоу. Вотъ яны атгуляли свадьбу. Нѣскалька ўремя прайшло, ўздумау сусѣдъ жанить свайго сына. Приходитъ къ етому мужуку, каторому чортъ дау нявѣсту, и гаворить яму: — „Братъ, ты-тки тамъ знакомъ: нѣтъ ли тамъ ящо дѣвчкы?“ — А іонъ и

говорить:— „О, братъ, тамъ ящо много!“ — Братъ, сходимъ мы туды! — „Ну, такъ штожь?“ — говоритъ іонъ:— „Пайдемъ, я на-пробую старатца.“ — Вотъ яны пришли къ балоту, давай бить тростью пу балоту и кричать:— „Сватъ, выйди къ намъ!“ — Ня чуть ничога; яны и ў другой разъ — ня чуть; яны у третій разъ: якъ выходитъ етій чортъ зъ зялѣннымъ пасухомъ, якъ ударіў абонхъ мужукоў; тамъ яны и жистъ сваю кончили.

№ 2.

А бѣднымъ и богатымъ брати.—Якъ бѣдный братъ разжіўся ать игня, што даў яму яней-та дѣдушка; богатый братъ пагарѣў ать таго жъ аганьку.

Какъ жили два браты: адинъ богатый, а другой бѣдный: такъ бѣдня жиў, што нечимъ було и сабаки выгнуть. Вотъ прайшло нѣскалька лѣтъ, приходитъ праздникъ Христовъ день. У богатыхъ ўсяго довольна, а у бѣдныхъ и крошки хлѣба нима. Богатый затапіў печку и ўсяго панагатуваў: питний, и идинный, и разнага кушання; а бѣдному нечимъ и агня уздуть дома. Іонъ думаў, думаў, што тутъ дѣлать. Патомъ и говоритъ на хазяйку:— „Уставай-ка: сходи агня (попросить?) къ сусѣдинъ!“ — Вотъ она устала и пошла: къ аднаму сусѣду сходила, а также къ другому, — ни дають нигдѣ агню; вотъ іонъ и говоритъ: — „Падаж-жи-ка! пайду схажу къ брату свайму, богачу: можить быть, іонъ дастъ: вить агонь ня хлѣбъ.“ — Вотъ іонъ пашоў къ яму, и тотъ ни даў — говоритъ на яго:— „Ты какой-нибудь валшебникъ, што надъ праздникъ просишь агню!“ — Пришоў іонъ да-мой, да какъ заплачить горькими слезми:— „Вожа мой, Вожа!“ — говоритъ:— „няжъ я такой зарадіўся нищасный на свѣти, што миѣ ни дають ничога ўзаймы, дайжа и агню ня вѣрють!“ — и говоритъ на хазяйку:— „Дай-ка миѣ лапты: я пайду ў церкву.“ — Ишоў, ишоў къ церкви; пасматрѣть: у поли рощица, и гарить аганекъ. Вотъ іонъ увидаў, узрадуваўся и говоритъ самъ сабѣ:— „пайду-ка я къ яму, хто ета тамъ разлажіў.“ — Под-ходитъ іонъ къ аганьку, садитъ старичокъ; іонъ и говоритъ:— „Здрастуй, дѣдушка!“ — „Здрастуй, здрастуй, гаспадинъ хазя-инъ! — атвичаў яму старикъ. — Куда, братъ, идешъ? — „А мой ты дѣдушка, иду ў церкву! Да вѣдъ што я васъ хатѣў пупра-

ситъ: абхадіў я ўсю дярэўню, нійдѣ ни дастаў агня: дайта вы мнѣ аганька!“ — А вазьми, братъ! — „Да ува што я вазьму, мой ты дѣдушка?“ — А іонъ и гаворить: — А дяржи палу, — а табы усыплю!.. — А іонъ и гаворить: — А, мой ты дѣднышка, адна у мяне свитынька плахенькая, и тая прагарить! — „Ня-бось,“ гаворить іонъ: „ни прагарить!“ — Вотъ іонъ яму выставіў палу, іонъ яму усыпаў аганька; іонъ и панесѣ дамой. Принесѣ дамой и высыпаў на загнѣтку; пасматрыць іонъ: усѣ золыта, да сѣрибра. Тутъ іонъ и абрадаваўся. И тскачила искырка агня; іонъ узяў, ўздуў игню и кричить на хазяйку: — „Пади-ка суда, пасматри, што намъ Богъ даў.“ — Тутъ прыйшла хазяйка; узрадывалісь, и ни знають, што имъ дѣлаць. Вотъ іонъ и гаворить — „ну, таперъ я пайду, да што-нибудь куплю: какъ у насъ заўтри праздникъ, то нада кой-што прыгатувань. Вотъ іонъ пашоў, купіў што яму було нада ка’бѣду, къ празднику Христову дню. Патомъ и гаворить: — „ну, я таперъ пайду ў церкву.“ — Приходить сь церкви, Богу пумаліўся; патомъ и гаворить на жану: — „Ну, таперъ што я думаю сдѣлаць, жана мнѣ милая! какъ у насъ сяводни праздникъ, то я пайду ў кабакъ и вазьму ки’бѣду палштохъ вотки.“ — Вотъ іонъ принесѣ палуштохъ водки и гаворить: — „Пайду-тка я пазаву къ сабѣ свайго брата багача.“ — А хазяйка яму гаворить: — „Идѣ іонъ къ намъ пойдить?“ — Аднака пайду, пупрашу. — Вотъ іонъ пашоў, пупрасіў свайго брата багача. Патомъ приходить братъ. Сѣли яны за столъ. выпили па рюмки, выпили па другей; патомъ етытъ багатый братъ и спрашінтъ: — „Братъ, за што ты ета купіў вотки?“ — А Богъ даў. — „Братъ, сдѣлай милынь, скажи!“... Вотъ прайшло нѣскалька урема, етытъ бѣдныи стаў заживаць — все болій и болій, такъ што и багатыга багачи. Патомъ прайшло яще нѣскалька ўрема, годъ или два, стаў такои тѣмаръ етытъ бѣдныи братъ, што и казынн сваей ни знають. Патомъ багатый братъ и зазваў яго на честь брата, и даваи яго спрашиваць: — „Скажи, братъ, мнѣ, чаго ты пубыгатыў?“ — Вотъ іонъ думаў, думаў, патомъ и гаворить: „Ну, братъ, я табѣ раскажу. Вотъ какъ быў у насъ праздникъ Вяликадня, Христоу день, — ни случилась у мяне агня ў доми; то я хадіў-хадіў пы дярэўни: ни йдѣ мнѣ агня ни дали. Вотъ я напрунуўся и пашоў у церкву. Вотъ я вижу: ў роши кала церкви гарить аганекъ. Вотъ я надхажу ка’гну, тамъ сидить стари-

чокъ. Я прихажу къ яму и гаварю:— „Здрастуй, дѣдушка!“— А іонъ мнѣ гаворить:— „Здрастуй, здрастуй, гаспадинъ хазяинъ!“— Патомъ я пупрасіу агню, іонъ мнѣ дау; я принесъ дамой: якъ выснаѹ на загнеть, пасматрю: ўсѣ золыта да сѣрибра.“— Вотъ етытъ багачъ и думантъ самъ сабѣ:— „Падажжи: и я такъ сдѣлаю!“— Вотъ іонъ ждеть—ни дажжеться тѣмъ празднака. Патомъ на другей дѣнь приходить праздникъ; вотъ іонъ и гаворить на жонку:— „Ну, жонка, тапи печку!“— Вотъ ина витанила и гаворить:— „ну, таперъ загаси агонь, штоба ў насъ ў доми ни днѣй искырки ни було.“— Вотъ ина узила и вадою залила. Патомъ приходить вечиръ, етыму багачу ўсѣ адны думки, какъ ба паболій денгъ дастать. Узлѹ и пашоу кала тѣй роши пасматрѣтъ. Гарить тамъ аганекъ. Іонъ приходить къ тѣму аганьку; тамъ сидить старичокъ. Іонъ и гаворить:— „Здрастуй, дѣдичка!“— Здрастуй, здрастуй, гаспадинъ хазяинъ!— „Куда ты идешъ?“— А, мой ты дѣдичка, я хатѹ у васъ агня пупрасить!— „А изволь, дамъ, гаспадинъ хазяинъ! дяржи палу!“— Ну, какъ багачъ на денгъ жадинтъ, то іонъ ни чога ни сказау и выставіу палу. Вотъ іонъ яму усынаѹ, іонъ и пашоу дамой; ни дахады шагоу двадцать, домъ багача загарѣўся,—такъ багачъ и пагарѣў!

№ 3.

Якъ три браты спорили, хто помохъ имъ хату срубить:
Бохъ или чортъ.

Жили три браты и ў три дня три хаты срубили. Адинъ гаворить: „Богъ помогъ“, а двоя гаворють: „чортъ помогъ.“ Шли ани дарогый, стричантца зъ ими чортъ.— „Буда вы идѣтъ?“— Мы идѣмъ да ўстрѣчи. Разсуди намъ: мы гаворимъ: чортъ помогъ, а іонъ гаворить: Богъ помогъ.— „Я разсужу вамъ: ета чортъ помогъ.“— Ну, братъ, што мы съ нимъ здѣлаимъ?— „А вазьмемъ вѣкалимъ яму глаза и пустимъ ў лѣсъ!“ Вотъ яны вѣкалили яму глаза и пустили ў лѣсъ. Нашоу іонъ избушку, вайшоу у яе и ўлѣзъ падъ печь. Збираютца туда черти. Адинъ гаворить:— „я нашоу денгъ ў бани падъ палѣмъ“, а другей гаворить: „я сяводни ўстрѣтѹ трѣхъ братоу, да аднаму вѣкалили глаза“; а третій гаворить:— „ахъ, кабы

іонъ сюда: ў насъ, на згувальни, ростеть такая трава: патри
ою глаза, и станить сматрѣть.“ А іонъ ета и слышитъ; потомъ
на утру вышіў изъ хатки, нарваў травы, патеръ глаза и етаў
сматрѣть. Потомъ сказаў: „падажди, найду ў ту баню; вазьму
тѣ деньги надъ палкомъ.“ Вотъ іонъ пашоў ў ту баню, ка-
пать, да капать надъ палкомъ, выкапаў іонъ карету деннгъ.
Вотъ іонъ кушіў сабѣ лошадь, забраў еты деннгы и навезъ да-
мой; прїизжантъ къ варотамъ; жина и дѣти увидали и гаво-
рятъ:—„Пасматрїтя: ѣдїтъ нашъ батька на трехъ каняхъ и вь-
зетъ деннгъ цѣлый возъ.“—Ета нипраўда, гаворить жина: ужъ
яго и кастей нїма! Вотъ іонъ и гаворить:—„Жина, сходи къ
брату, пуспраси мѣрен: мѣрїть деннгы!“ Вотъ ина пашла и при-
нїсла мѣрку, перемѣрили деннгы. Яе брату завїдна стала и
гаворить іонъ: „Братъ, идѣ ты ўзяў деннгы?—А мнѣ Богъ
даў. „Братъ, выкали и мнѣ глаза!“ Вотъ іонъ яго ўзяў, вы-
калаў яму глаза и пустиў ў лѣсь. Вотъ іонъ пашоў хатку;
искаў, искаў двери, нашоў яе и ўлѣзъ надъ печку. Вотъ са-
брались черти и гаворють:—„Вотъ, сянни быў у насъ нѣхта
ў хати; вазьмемъ-ка, пасмотрїмъ: нѣтъ ли каго?“ Нашли яго
надъ печкнѣй и разарвали на двї части.

Ж 4.

Якъ мельникъ чорта надуваў.

Въ нѣкатарымъ царствїи, въ нѣкатарымъ гасударствїи жиў
адинъ прудникъ и очинъ іонъ харашо панимаў на щотъ мель-
ницы. Вотъ іонъ адинъ разъ малоў, малоў—каминъ яго и аста-
навїўся. Іонъ и то дѣлать, іонъ и другоа дѣлать,—ничета ни
бареть; іонъ и гаворить:—„Што за чертъ!“ — А чортъ якъ
тутъ быў:—„Што табѣ нада?“ — Да какъ, што нада: зачѣмъ
ты такъ шутишь?—„Да за тымъ я шучу, штоба ты ни малоў.“—
А што мнѣ дѣлать?—„А давай у карты гулять.“—На во шта жъ
мы будимъ гулять?—„Хочешъ на арѣхи, а хочїишь на щаўкї.“—
Дай мнѣ слабоды на три часы. — Вотъ мельникъ пашоў къ ка-
валю, да скуваў сабѣ малатокъ на пружини и нажавъ алаван-
ныхъ арѣхаў; тады и приходить къ чорту гулять. Вотъ чортъ
разъ узяў, другой разъ узяў, а третїй разъ прудникъ схама-
нуўся. Какъ здали карты, чортъ и спрашїить у прудника:—

„Што у тебе?“—Хрѣсти!—Чортъ и гаворить:—„Бари, бари!“—
Вотъ аны гуляли, гуляли; патомъ чортъ какъ станить яго арѣ-
хи кусать: жветъ, жветъ, да й выплюнить, а прудникъ, какъ
выигрантъ, такъ и пакусаить. Вотъ чортъ и гаворить:—„Ни
давольна ли гулять на рѣх: твае арѣхи дренъ,—давай луччи на
щаўчки.“—Вотъ, какъ здадутъ карты, чортъ и спрашїить:—
„Што ў тебе?—А прудникъ гаворить:—„У мяне хрести!“—
Тады чортъ гаворить:—„Бари, бари!“—Вотъ прудникъ, какъ
стаў давать свае щаўчки, чортъ и гаворить:—„Нѣтъ, пруд-
никъ, давольна и на щаўчки гулять!“—А што будимъ таперъ
дѣлать?—„А вò што, братъ прудникъ! пайдемъ ляде маты-
чить.“—Ну, пайдежъ!—Прудникъ матычить цѣлый день на ла-
пичку, а чортъ лясатыну распрячить. Вотъ аны наматычили
большая поля.—„Ну, што мы будимъ сѣить?“—гаворить чортъ.—
А пасѣимъ пшаницы.—Вотъ аны пасѣили пшаницы; росъ да
росъ тая пшаница и ужъ паспѣла. Тады приходить чортъ къ
пруднику:—„Ну, прудникъ, давай пшаницу дялить!—Што ты
вазьмешъ: макушки или камлюшки?“—Я вазьму макушки.—
А чортъ:—„А я вазьму камлюшки.“—Вотъ прудникъ ирветъ
макушки, да возить дамой и кладеть ў гумно, а чортъ ирветъ
иржища, да носить ў кусты. Патомъ прудникъ начаў сваю
пшаницу малоть, пумалоў яе; приходить чортъ къ пруднику.—
„Дай миѣ пакушать сваей части!“—Мельникъ даў чорту па-
кушать ляпешки. Чортъ и гаворить:—„А, ты мяне надуў; па-
гади: таперъ ужъ ни надуишъ.—Давай ипать ляда матычить.“—
Вотъ аны взматычили.—„Ну, прудникъ, што мы таперъ па-
сѣимъ?“—А таперъ ужъ пасѣимъ рѣпы.—Вотъ аны пасѣили
рѣпы. Вотъ рѣпа паспѣла.—„Ну, прудникъ, будимъ рѣпу дя-
лить.“—А давай.—Да сматри, ни ашибись: ни вазьми апать
камлюшки.—„Нѣтъ,“—гаворить чортъ:—„ладна: ты мяне усѣ
надуваяшъ, а таперъ ты ни надуишъ: таперъ ужъ я вазьму ма-
кушки.“—А прудникъ етыму и радъ; вотъ аны стали дялить
рѣпу, прудникъ и спрашїить:—„Ну, што ты вазьмешъ?“—А
таперъ ужъ я вазьму макушки.“—Вотъ прудникъ стаў выби-
рать рѣпу, а чертъ давай валачить титиву ў кусты. Вотъ аны
зъ етыю рѣпуу управились; приходить чортъ къ пруднику и
гаворить:—„ну, давай кушать: чїе каму панравитца.“—Вотъ
чорту даў прудникъ пакушать адпу рѣпку; чортъ и гаворить
пруднику:—„Ну, прудникъ, наша дружба кажитца съ табомъ

ўрозъ.“ — А прудникъ и гаворить:— „Если такъ, то убирайся прочь!“ — Чортъ и гаворить пруднику:— „Што табѣ нада ящо!“ — А прудникъ и гаворить:— „А вѣ што мнѣ нада: пазычъ мнѣ денегъ тысячъ пятнадцатъ.“ — А, ета можна! — А када ты мнѣ ихъ атдаси? — Прудникъ и гаворить:— „А вѣ када я табѣ атдамъ: када будуць идить свиньи съ поля пашкомъ, да будить большая жарота.“ — Вотъ чортъ давай выбирать самы жаркій день и пашоу на выганъ, и смотреть, какъ свиньи идуть: ты шагымъ, или иѣтъ, а свиньи идуть сваимъ параднымъ. — Нильгѣ чорту у прудника денегъ спрасить. Вотъ юнъ и гаворить:— „Ну што, прудникъ, видъ мае деньги прапали? — Што табѣ ящо нада?“ — Ты падажди нямнога, патомъ ипать приди. — Вотъ черизъ нѣскалька ўремя чортъ ипать приходить къ пруднику, а прудникъ стау надъ рякой и давай вить вярёу; чортъ и гаворить:— Прудникъ, што ты ета дѣлаешъ!“ — А я ўсю кавязу, усихъ чартей зъ вады завязу! — Вотъ чортъ и гаворить пруднику:— „Братъ прудникъ, здѣлай милась, и вей! — Што ты ў мяне деньги заимау, то я у тебе ужу и буду спрашивить!“ — Вотъ съ тѣхъ поръ прудникъ съ чортомъ и раздружѣся.

№ 5.

Жадный бобыль.

По приказанію какого-то существа, сидящаго въ липѣ, исполняются всѣ желанія прихотливаго бобыля; но когда онъ пожелалъ, чтобъ его сдѣлали богомъ, а дѣтей боженятами, то былъ обращенъ въ медвѣдя, а дѣти въ медвѣжатъ.

Жіу сабѣ бобыль и ни имѣу у себя лошади. Пашоу у лѣсъ дровы рубить. Пашоу юнъ сухую липу, падходить къ ей и стукантъ у яе разъ, два и три. Яму хто-та изъ липы и гаворить: „Мужучокъ, што табѣ нада?“ Юнъ испужауся етыта челаваѣка, атдаліуся атъ липы и думантъ, што ета бѣ значила? Падумау, падумау, падходить ипать къ липы и твичантъ тѣму голасу:— „Хачу липу срубить сабѣ на дровы, атаплять печь и сагривать дятей!“ Голасъ яму ипать гаворить:— „Иди дамой: у тебе, у тваемъ доми, усяго давольна: и ската, и дроу, и изба твая типла, и дѣти сагрѣлись.“ — Приходить дамой, жина

яго устрѣтила на дварѣ и гаворить яму:— „У насъ атъ разу у доми нашимъ усяго многа: и ската, и хлѣба, и дроў. и изба наша такая теплая; хади скарѣй да хаты и сагрѣйся!..“

Пасидѣу мужучокъ у сваей теплой хаты, палюбуваѣся ска-тишкаю, да и гаворить жанѣ:—А што ты думашъ? насъ усѣ бизпакоуть нашій дярѣўни выбарныи: давай имъ и то, и то. Пайду-ка я къ липи.—Пришоу къ липи и стукнуу у липу разъ и два. Съ липы челаѣтческій голасъ яму и гаворить:— „Што табѣ нада, бабыль?“—Мужучокъ и гаворить:— „Приха-діу я тады рубить ету липу сабѣ на дровы, а якъ ты якей-та сказау мнѣ: ни руби липы на дровы, иди дамой! у тябе усяго давольна: и ската, и хлѣба, и дроў, и теплая хата—такъ и запраўду злучилась. Я тяперь думаю, якъ бы мнѣ быть вы-барнымъ—ни хачу я лумать шапки пиридѣ дяривеньскимъ на-шимъ выбырымъ.“—Голасъ яму въ атвѣтъ:—Иди ипять дамой, и будить па тваему жилианію.“—Іонъ и пашоу дамой.

Приходитъ дамой, жана гаворить яму:

— „Прихадіу къ намъ стараста — требуютъ тябе на гас-подскій дожъ.“—Іонъ пашоу туды, а тамъ была дяривень-ская сходка, и избрали усею дярѣўнію выбарнымъ.

Прахадіу нямнога мѣсяцыу у должнысти выборнага, — на-скучила яму ета сабачая доўжность — бѣгать па дярѣўни, вы-бирать деньги на валасныхъ и писарей. Пайшоу ипять къ той липи:— „Знать ужу, што у той липи не прастой голасъ!..“ При-ходитъ и стукъ у липу, — изъ липки голысь спрашінтъ:— „Што пришоу, и што табѣ нада, бабыль?“—Хачу, гаворить: быть старастаю у сваей дярѣўни.—Изъ липы яму голасъ атвичантъ:—Иди дамой: будишь и старастаю.—На тотъ жа день и ўпраў-ду яго усею дярѣўнію паставили старастаю. Нямнога іонъ па-быу у етый доўжнасти, падумываить, што у етый доўжнасти не наживешъ денегъ; задумау атказатца и атказаѣся. Приходитъ къ липи и просить доўжнасти упраўляющага у багатаго гаспа-дина. Стукъ тапаромъ у липу, изъ липы голасъ спрашінтъ:— „Што нада?“—Хачу быть упраўляющимъ у багатаго пана.— „Ну, иди: заўтри будить твае дѣла.“—На заўтри требуютъ яго багатый гаспадинъ и спрашінтъ у яго сагласія быть въ ииѣин упраўляющимъ; іонъ сагласіѣся съ радыстію и стау распаря-жатца хазяйствамъ барскимъ. Тутъ-та іонъ нѣскальки гадоу пражіу и нажіу бальной капиталъ, а, нажіуши многа денегъ,

атказаўся атъ доўжнасти. Задумаў бабыль быць багатымъ гаспадынымъ. Приходьць дамой и гаворить жанѣ:—Ти цѣла тая липа, ти ни срубіў-то хто яе? Ти даўно ты была у лясу?—Жана авичаить:—„Цѣла, никто ни зрубіў!..“ — Ну, пайду къ липи!—Стукнуў у липу.—Што табѣ нада?—„Хачу быць багатымъ гаспадынымъ и завладѣть имѣніемъ тога багатага гаспадина, адѣ быў я многа гадоў у праўляющимъ.“—Иди—и будить па тваему жилаію!—Атправіўся у домъ тога гаспадина и зарандаваў яго имѣнія. Начаў распаряжатца имѣніемъ, стаў ва ўсѣ усматриватца, переличивать свае даходы. Пажіўши большіе годы, зашумѣў бабыль. Задумаў гаспадинъ бабыль быць царемъ. Идетъ къ липи и стукъ тапаромъ у липу. Тутъ спрашійть голасъ:—„Што нада?“—Хачу быць царемъ, штобы мнѣ винились усе народы.—„Иди, и будишь царемъ.“ — Пришоў во имѣнія, и требуютъ яго во сталицу каранавать во царя. Накрасаваўшисъ на бѣлымъ свѣти царемъ, захатѣў быць богамъ, а жина была бѣ багинію, а дѣтки бажинятками. Пріѣхаў на родину, пашоў гулять па полю и заходить къ липи и стукнуў у липу. Голасъ громка и сардита гаворить яму:—Бабыль царь, што табѣ нада?—Накрасаваўся я на бѣлымъ свѣти царимъ, а хачу таперь быць раўнымъ богу.—„Нѣтъ, царь, раўнымъ богу быць табѣ нельзя, а будь таперь мядвѣдимъ, штобы табе на лавцугѣ павадили, да вязинаю пувазили!.. Вудуть табе люди баятца, но будишь и ты людей баятца.—Аташоў бабыль царь, сдѣлаўся мядвѣдимъ, жана мядвѣдицый, а дѣти мидьвижинятами и пашли по лису и таперь ходють страшилищами.

№ 6.

Абъ лисавымъ и ахотники.

Адинъ мужикъ пашоў у лѣсъ рубить дровы. Вотъ іонъ рубіў, рубіў дровы, засадіў у кряжъ клинъ, ня выніў яго и пашоў дамой. Черизъ нѣскалька ўрема адинъ ахотникъ хадіў па етнму лѣсу и услышаў чилавѣчискій голасъ—кричить чилавѣкъ.—Патомъ іонъ и давай туда падхадить, пасмотрить: чилавѣкъ! а ета хавлинь лисавѣй, стаў етыть клинъ вынимать и увязаў іонъ туда свае руки: клинъ выніў, а руки тамъ и асталісь. Вотъ іонъ и гаворить на ахотника:—Братъ, сдѣлай ми-

ласть, пади суда, вынь мае руки. — Ахотникъ падашоў и выніў яму руки съ этага края. Лисавей хазяинъ и гаворить на ахотника: — „Ну, братъ, благодарю я тебе, прихаді у такой-то и такой день суда: я табѣ заплачу.“ — И приказаву: — „Сматри, штоба адинъ ни прихадіў, а привади съ сабою вѣрнаго чилавѣка.“ — Пришоў ахотникъ дамой и думайть, каво тутъ узять: — „Матку узять — баюсь, што срадить, батьку — то жа; — вазьму я луччій жонку: ина, кажитца, варнѣй усихъ будить, патаму што я яе мужикъ, а ина мнѣ жонка; а што намъ заплаціть, то ўсѣ наша ўмѣсти.“ Патомъ и гаворить на жонку: — Ну, жонка, пайдемъ са мною!.. Пашли. Приходють на тоя мѣста, тога хазяина ища нѣту. Вотъ яны сѣли намнога пасядѣть. Патомъ іонъ и гаворить на жонку: — На-ка, ты ў мне пайщи ў галавѣ!.. Уклаў іонъ ей галаву у калѣни, и лавай ина яму искать вошій. Патомъ іонъ и заснуў у яе на калѣняхъ. — Вотъ идеть тотъ хазяинъ и насеть большой мѣхъ ленигъ. Ина давай яго будить, будила, будила: никакъ ни магла разбудить. Вотъ хазяинъ и гаворить на бабу: — Стой, маладушка, ни буди, а вѣ што ты мнѣ сдѣлай! какъ іонъ твой мужъ, то я яму атдамъ ети деньги, то іонъ табѣ ни дасть; а ты вѣ што сдѣлай: на табѣ тапоръ, атруби яму галаву, — то я табѣ атдамъ ети деньги, и будишь ты ими пользовацца, какъ табѣ нужна!“. — Ина и сагласилась, узшла у яго тапоръ и толька замагнула, а іонъ цанъ за тапоръ и гаворить: — „Ой, братъ любезный чилавѣкъ, устань: што ты ета привеў навѣрнаго чилавѣка на смерть сваю? Ежли ба ни я, то и прапаў ба! — Скажи, братъ, мнѣ спасибо, што я тебе памилував ать нахальный смерти: таперь я табѣ довольна заплаціў.“ — Патомъ и гаворить: „Ты ба пришоў луччи съ сабакою: никада іонъ табѣ ни зрадить и варнѣй яго у тебе дома нѣту.“ — Лисавей хазяинъ ушоў. Вотъ етытъ ахотникъ, какъ узавъ за валаси сваю жонку, и да самага дому біў, и усѣ приказываву: — Вѣ табѣ деньги: вѣ табѣ и золыта, и серибра, и мѣдныя мидяки!

А бѣднымъ и багатымъ брати.

Багатый братъ отказывать у помани бѣдному брату и дасть яму у крайній нужди мѣрку хлѣба съ тымъ, штоба бѣдный братъ дазволіу выкалатъ сабѣ воки. Сляпэй ужу, ходючи у темнымъ лѣси, падслушіть разговоръ незнама чей, якимъ ета родымъ здѣлать можна, штобъ яго глаза видели, якъ денныхъ заробить (мельницу пастроить, дупечискую дачку выличить). Сляпэй уси ихъ таўхи сибѣ на усѣ заматаў: стали видить яго воки, и дужа іонъ разбагатѣў. Братъ завидыть сляпцу, вялить выкынуть сабѣ воки, идеть у тей жа темный лѣсѣ, ну тамъ гибнуть атъ тей жа самыи силы, што пумагла яго брату: тамъ яму и канецъ.

Жили два радныхъ брата. У иднаго брата было многа дѣтей, а другога не была никдга. Меньшій братъ гаворить старшему: — „У тебе, братъ, дѣтей многа, а у мене нѣтъ никдга — што жъ мнѣ быть батракомъ на тваихъ дѣтей? Хачу я съ табой раздялитца.“ — Када ты, гаворить мнагаслѣйный братъ: — желаншъ дялитца, то дялись: будуть и у тебе када нибудь дѣти, и ты тада узнаишъ, якъ жить. — Вотъ яны и раздялились, разрушили сваё имущество. Пашли годы худѣя, прибяднѣў старшій братъ са сваими дробными дѣтьми — не стала у яго хлѣба. Падходить праздникъ гадавэй, и идеть іонъ къ мяньшому брату прасить мѣрки хлѣба у пазынь; жонка и гаворить мужуку: — „Адѣ іонъ табѣ дасть муки у пазынь — на вошта іонъ будить табѣ вѣрить?“ — Эхъ, жонка, жонка! Дасть Гаспотъ ноў, и я тады брату итдамъ за 'дну мѣрку три мѣрки, — Жонка и кажить мужику: — Иди сабѣ! Приходить къ брату — братъ яго абѣдаить; іонъ и гаворить: — Здрастуйта вамъ, хлѣбъ — соль милысти вашій! А яны яму атвищають: — Спасибо! — И ни пригласіу яго къ абѣду. Пабѣдавши, братъ пумаліўся Богу и легъ на палу и, лежа, гаворить бѣдному брату: — „Што ты ка мнѣ ходишъ?“ — Бѣдный братъ и просить у багатаго брата вызвалить мѣркай муки ради праздника. Братъ и гаворить брату: — Дать то дать мѣрку муки, да чимъ ты мнѣ атдаси? Табѣ дать, якъ я знаю, усе раўно, якъ у ваду усыпнать. Ка-

ли ужъ ты такъ галодишь, хочешъ ѣсть — дай мнѣ выкалать глаза тваѣ... Палились у брата бѣдняка изъ глазъ слезы. Падумаѣ, падумаѣ и гаворить брату:— „Такъ и быть! Выкалывай глаза: мнѣ патомъ, якъ низрячему, ня совѣстна будить прайдять по міру прасить хлѣба. Но такъ какъ живому смерть страшна усякаму, то вывиди мяне на дворъ, завязжи платкомъ мае глаза!..“ Братъ вывѣу на дворъ брата и завязау платкомъ яму глаза, узяу спичаѣкъ и выкалау яму глаза; насыпау патомъ яму мѣрку муки:— „Дарую табѣ ету муку за тваѣ глаза!..“ Бѣдный братъ узяу муку и силъна заплакаѣ, заплакаѣ ужу ни слизами, а кроѣю. Онуплю идя да дому, приносить іонъ муку, поставіу на сваю переклеть, уходить у хату и гаворить сваей жанѣ:— „Ну, баба, иди, прибяри муку: дау намъ братъ мѣрку муки къ праздину!..“ Баба и кажитъ:— Спасиба яму за адалжѣнія!.. Ти публагадариу жа ты яго за муку, а кали нѣтъ, иди, публагадари яго!— Мужикъ и гаворить сваей баби:—А што жъ яще? Да, и якъ луччій благодарить яго? Вить жа іонъ за ету муку выкалау у мине мае глаза.—Жонка и гаворить мужику:— „Хоть бы іонъ и галаву съ плечъ табѣ сняу!.. ты тога стѣишь: ты прапіу и праматау усѣ!..“ Стала яму больна и жалка.— „Чимъ жа я починаю нашій бѣднати, гаворить мужикъ баби: кали Гаспотъ намъ ни дау!.. Ня больши жъ людей я прапивау!..“ Заплакаѣ іонъ яще пущи:— „Ну, таперь ужу мнѣ ня совѣстна прайдять сляпому по міру: у насъ; слава Богу, іостъ дѣти, іостъ каму правестъ мяне сляпога.“—Стала баба сваритца и кажитъ яму:—А якъ жа дамъ табѣ свайго дитенка—хуть ты задавись, аль ба затапись?!—Дай жа мнѣ хуть сумучку, кали дитенка ни даешъ“.—Пулучіу сумучку, итправиуся у бѣлый свѣтъ. Выходить изъ сваей дареѣни на выганъ; выганъ агарожинъ на двѣ стораны,—и пашоу етымъ путемъ, шуная жардѣ. Прашедши далій, сбѣуся съ дароги и убѣуся у темный лѣсъ. Абхватила яго бѣднага темная ночь. — „Ну, таперь, кажитца, будить мнѣ смерть: съядутъ мяне ти ваўки, ти мядѣвѣди!..“ Ащупау іонъ густня чатыри ели. Пумалиуся Богу и легъ тамъ спать. Праспавши многа—мала, слышитъ два челаѣтческіе гласы, каторые гаворють:—Вотъ што у свѣти дѣитца. Были два брата: адинъ багатый, а другей бѣдный съ дятъми, и ни захатѣли яны

жить умѣсти—раздѣлялись. Старшій братъ съ дѣтьми прибяднѣу. Якъ нашли годы худѣя, — ни стала у яго хлѣба, пашоу къ брату прасить мѣрку муки: — Вызваль, братъ, муки мѣрачку: мае галадують. — А братъ спрашнѣть у брата: — Дать то дать!.. Да, чимъ мнѣ ты атдася? — А братъ яму и гаворить: — Када Богъ зародить, я табѣ атдамъ за 'дну мѣрку три мѣры!.. А іонъ патребывау у яго глаза яго: — „Дай я,“ гаворить братъ: — „выкалю у тебе твае глаза, — тады и дамъ табѣ мѣрку муки.“ — Братъ сагласіўся на ета, и братъ брату выкадау глаза и дау яму за ета мѣрку муки. — За ета, галасы гаворють: — Гаспоты ни паможить у жисти и брату багачу... А, якъ пришоу дамой, жонка напустилась на яго: — „Мала тваныхъ глазъ!.. хуть ба и голову съ тебе сняў!..“ Іонъ прасіу у сваей жонки хлапца у павадыри, а жонка яго и хлапца ни дала. — Вотъ и пашоу сляпой изъ дярѣни и зайшоу у лѣсъ, и думайть бѣдны: тутъ яму ужу будить смерть: ти ваўки, ти мядвѣды яго задяруть. — А хто-та и гаворить: „Яго можна яще выличить, — іонъ будить видить.“

— А якъ жа, челаўчэскій голасъ гаворить: — якъ жа памочъ яму — варатить яму глаза? — „Тутъ атъ етыхъ еліи нидалѣка іось амчарина съ вадою — стоить яму прамыть тѣю вадою — іонъ и будить видить ящо арчѣй. А ящо іось у такога-та памѣщика мельница ибъ шаста паставахъ — яму тады занять ету мельницу, и тады іонъ палучить бальшую казну.“

— „А яще третія статья. У аднаго кунца бальна дочъ, — іонъ можить яе выличить и палучить бальшую тожъ казну.“ — Да 'тъ чаго жъ ина низдарова? — гаворить челаўчэскій голасъ другому голасу. — „А вотъ атъ чаго. Калі купеческая дочъ гавѣла пастомъ и священникъ саабщау св. тайнъ, упала частица на полъ и заранилась у щели кала алтаря; — ина съ тыхъ поръ и забалѣла. Частица дароу гніеть, и купеческая дочъ балить. Стоить вынуть тую частицу и дать ей праглытить, — ина и будить здарова.“ — Гласы еты умолкли.

Іонъ усѣ ета выслушау, прашнуўся, памнўся расой, пумаіўся Богу, да и думайть и самъ съ сабою разсуждаить, што іонъ слышау. Стау шунать стежку, пашоу тою трапинкаю; дашоу да амшаринны, умыу свае глаза вадою и стау видить луччи прежняява. Ваздау хвалу Богу, стау видить зорка и пашоу дамой. Жонка и спрашнѣть у яго, хто яго выличіу и

даў глазы, а іонъ кажить: — „Богъ мнѣ даў глаза — вотъ я и вижу.“

Пагаваря съ жаною, атправіўся къ памѣщику заняць а шасты паставахъ мельницю. Заходить къ старости, спрашійть: „Ти дома баринъ?“—Просить яго далажить, што іонъ пришоў заняць у барина мельницю. Баринъ сагласіўся и дазволіў яму заняць мельницю на такомъ условіи: народъ атъ барина, а работа мужучка. Мужучокъ и гаворить барину: іосьть у васъ дубъ,—яго мнѣ нада распилить на двинацъ кряжоў, сдѣлать изъ макушки дубовый хрѣстъ и паставить у прорву.

Баринъ сагласіўся дать дубъ; работники распилили дубъ на кряжи, а на макушки сдѣлали хрѣстъ, паставили у прорву и закатали дубовыми кряжами; тады стали хлуды хлудить и засыпать землю. Пашла мельница у ходъ. Баринъ, застаўшись мужичкомъ доволенъ, спрашійть, што будить стоить за яго труды.— „Скажи“, гаворить: „плату, и я табѣ атдамъ деньги.“— Мужикъ атвичаить барину:— „Я здаюсь на вашу совѣсть: што дадита,—тымъ буду и даволия.“—Иди, гаворить баринъ: на маю канюшню, выбири тройку любыхъ лашадей, три тѣлѣги и падъизжай къ мамъ имбарамъ. —Наваліў яму три тѣлѣги хлѣбомъ, насыпаў мяшокъ денегъ и вѣлѣў пріизжать къ яму и яще, калі ў чомъ пануждаецца.—Пріѣхаў мужучекъ дамой, привозить хлѣбъ; жана устрѣчаецъ яго ласкава.— „Вотъ и ладна,“ гаворить ана:— „атрудіўся, и іосьть, што намъ ѣсть; іосьть у насъ и лошади и деньги.“

Мужучекъ гроши атдаецъ жанѣ, лашадей дѣтямъ. а самъ атпраўляйтца у горадъ купечискую дочку лаячить. Приходить къ кушцу и гаворить яму: — „Гаспадинъ купецъ, а слышаў, што вашъ дочъ бальна:“—Купецъ и гаворить:— „Тошна, бальна: я ужъ бальшую казну раздаў, а пользы нѣту.“—Ну, гаспадинъ купецъ, праситя священника служить заўтри абѣдню!—Купецъ пупрасіў служить ибѣдню, и дочъ привязали у церкыў, штобъ яе приабстить. Мужучекъ пупрасіў дазваленія у священника сказать яму слова; священникъ дазволіў гаварить слова, и іонъ гаворить:— „Не была ли у васъ у церкви якоганыбудь злучая, якъ вы ету купечискую дочъ причащали?“—Священникъ и рассказаў яму а быўшимъ случаемъ, якъ дары упали, и іонъ ни знайшоў.

Мужикъ лѣкаръ и кажиць: — „Батюшка, пазвольте мнѣ

пайскать: можа, и найду яе!..“ Вотъ іонъ и находитъ у шелки частицу и гаворить: — „Батюшка, надабъ ету частицу палажить у кѣлихъ и причасиць яе!..“ Якъ ина, купеческая дочка, причасилась, стала и здорова-здоровенька. Вышла изъ Вожья храма,—а ть бальной радости пубижала дамой. Мужучекъ принизжайтъ сь яе кучирамъ на купеческихъ лапашахъ въ домъ купца. Атець сь матирью купеческай дочери рады и благодарять Бога, што дочь ихъ здорова, чаго яны ужъ и ни ждали. Сь радости яны стали етыга мужучка угащать, якъ няможна луччій, угащали, угащали и спрашюють у мужичка:

— „Чимъ тѣбе наградить, и чаго ты ить насъ желаишь? Скажи намъ!“ —

Мужучекъ имъ рачить: „Чимъ вамъ угодна, што ваша желанія—я челаваѣкъ нѣбагатый.“ Купецъ даетъ яму тройку лышадей сь тѣлѣгами и насыпаетъ хлѣбомъ нѣскальки мяшкоу, даѣ и денгъ рублей сто и двѣсти. Правая купецъ мужика, кажиць яму:— „Ну, братецъ, добрый мужучекъ, кали ужъ ета спаживѣшь, принизжай ка мнѣ, а я тѣбе па жисть сваю ни забуду.“ Мужучекъ публагодаріѣ купца, атправіѣся у свой домъ. Привозитъ мужучокъ дамой хлѣбъ на дарованныхъ яму вѣднихъ. У варатахъ устрѣчаютъ яго и жана, и дѣти, усѣ рады и ни надивуюцца, што іонъ усяго памногу привѣзъ имъ. Сабрались сусѣди, стали успрашивать у яго: „Атколь ты ета усе бярешъ. усяго па многу привозишь?“ А іонъ имъ и кажить: „Эхъ, братцы, Богъ усѣ даетъ мнѣ!..“ На заѣтри мужучекъ жанѣ гаворить: „Нагатуй-ка ты мнѣ усяго палуччи: пазаведемъ къ сабѣ брата у гости.“

Пасылають сваяго сына звать брата на честь. Братъ яго приходитъ къ яму на честь; іонъ яго ласкава устричаить, па-здароўкальсь, и просить брата присѣсть за столъ. Жана паставила на столъ усякая ѣдѣнія, разная снадобья, а самъ принесъ вина, и стали яны пирувать. Пувисялѣли два брата, падгудяли ладна, и спрашиють братъ брата:— „Вотъ ты таперь багачи мяне стаѣ,—скажи ты мнѣ усяе праѣду, якъ ты нажиѣ такая багатства: коніѣ, тѣлѣгъ, хлѣба и денегъ?“—Братъ и гаворить яму:—Богъ ета мнѣ усѣ даѣ. — „А хто жъ табѣ даѣ глаза?“ А во якъ: ты мнѣ якъ выкалаѣ глаза, я на другой день зайшоѣ у лѣсь, тамъ найшоѣ амчарину, памыѣся вадою и стаѣ видить. Пагударіѣши, братъ атправляетца дамой. Приходитъ

дамой и говорить жанѣ:—„Бабѣ, а бабѣ! Што ты знаишь?—Што?—„Братъ мой дужа разбогатѣу. Бяри-ка спичакъ и выкалывай мнѣ глаза!...“ Баба яго и кажить яму:—Што ты, бѣляны, знать, абѣѣся?—вижъ падгуляу ладна!.. кали яму глаза!?. Што жъ ты будишь тады бизъ глазъ?!—„Ну, если ня хошъ выкалывать мае глаза, то я выкалю твае!..“—Баба и гаворить яму: „Чимъ жа ты мнѣ будишь калоть мае глаза, я выкалю твае!..“ Узяла спичакъ и вынула яго глаза. Узяу сумучку и пашоу тымъ самымъ путемъ за дярѣню, якимъ путемъ хадіу сляпой братъ яго. Убіўся у темный лѣсъ, абхватила яго темная ночь; іонъ улегся падъ тыми елями, падъ каторыми нучувау сляпой братъ яго. Ноччу слышитъ іонъ гласы челаѣческіе, а людей нѣту,—адны только гласы:—„Вотъ тотъ сляпой мужучекъ чуу, якъ мы разгаваривали; іонъ нашоу амчарину, умѣся вадою и стау видить; пабыу у барина, запрудіу прорву, идѣ мельница—мельница пашла работать. Іонъ за работу пулучіу ать барина коній, хлѣба многа и денегъ,—таперь сдѣлаўся у дярѣни первымъ багачомъ.“—А што ты думайшь, гаворють челаѣческіе галасы: ти нимаешъ тутъ кога падъ елями, ти ни падслушиваишь хто нашихъ рячей?—Находятъ падъ елями сляпога мужика, акаяннага тога брата, и гаворють яму:—Ты за чимъ сюды пришоу, падслушиваешъ наши рѣчи? — „А ета ты, галубчикъ, акаянный!.. Брату выкалау глаза и пазавидывау яго багатству. Тотъ съ большога горя захадіу сюда, падъ ети ели, а ты самъ захатѣу выкалать свае глаза. Мы тябе придадимъ смерти, и прападешъ ты, якъ песъ!.. Іонъ татчасъ амяртвѣу, и стачили яго черви.

№ 8.

Якь мужикъ пиряспори́у чорта, хто пѣсню падаўжѣй зятя-
нить, и якь чортъ ать мужика ажно за воблаки утикаў.

Какъ жи́ адинь мужучо́ть и такей іо́нь бы́у раба́тыга па тапори́ый чы́сти, значы́тъ, плотни́къ. Вотъ іо́нь у аднаго хазя́ина атдѣла́у до́мъ, пото́мъ приходи́тъ къ яму́ друго́й и га-воры́тъ:— „Приди́, бра́тъ, ка́ мя́, якъ кончы́шь ту́тъ.“ — А пи́-ряхо́дь бы́у у друго́ю даре́юю, та́къ сказа́тъ, вере́тъ за пѣть или́ за ше́сть. Вотъ іо́нь на́кончі́у ў еты́га хазя́ина ўсю́ рабо́ту

и ращитаўся, патамъ пашоў у другую дярёўню къ тому хазяину. каторый яго зваў. Вотъ іонъ прашоў вярсты двѣ или три, стричаѣнца зъ имъ чортъ и гаворить: — „Здрастуй, мужучокъ!“ — „Здрастуй, нязнакомый чилавѣкъ!“ — „Да, какъ такъ: нязнакомый чилавѣкъ?“ гаворить чортъ мужуку: — „ежили нязнакомый, то. давай, пазнакоимся!..“ — А какъ мы съ табой будимъ знакомитца? — гаворить чортъ мужуку. — „А во какъ: давай мы съ табой пѣсни пѣть“. — Ну, давай! — гаворить мужикъ. Вотъ мужикъ и зацѣпъ пѣсню, а чортъ яму ня можить падвести. Патомъ мужикъ и гаворить на чорта: — „Нѣ, во што я табѣ скажу: сколько намъ съ табой ня пѣть, а мнѣ нада къ свайму хазяину паспѣть, а мы луччи во што здѣлаимъ: — хто будить пѣсни пѣть. тога на сябѣ и несть.“ — Патомъ чортъ и гаворить: — „Вотъ я запаю пѣсню, а ты мяне няси!“ — Вотъ мужикъ сѣў, а на яго чортъ узлѣзъ, начинать пѣсню, патомъ сичасъ и канчаить. Мужикъ гаворить: — „Ну, што, твая ўся?“ — Уся. — „Ну, таперь ты присядь: я на табе узлѣзу“. — Вотъ мужикъ узлѣзъ на чорта, іонъ яго нясець, а мужикъ и начинать: — „Ц-о-а-и-е.“ — Чортъ патомъ и спрасіў у мужука: — „Ну, што, ти ўся?“ — А мужикъ гаворить: Какъ уся? Я и ни начинаў“. — Вотъ чортъ вочинь спугаўся, какъ бросить етыга мужука, а самъ на ўходъ. А мужикъ ўслѣдъ за чортымъ: — „Даржи! дяржи!“ — Но нивакъ ня могъ дагнаць чорта, патаму што іонъ скрыўся за ’бдылка, а мужикъ пашоў сваей дарогѣй.

Жѣ 9.

Якъ дякынъ чорту падписаўся, а потѣмъ чортывы деньги спажіў.

Какъ жиў адинъ дякынъ у какомъ-то селѣ; іонъ жиў парадшна: имѣў и скатину, и хлѣба, а такъ же и дянжонькѣ. Вотъ іонъ, якъ зацѣпъ, такъ и праціў усѣ свае имущства, — ни асталось и рубашки на тѣли. Патомъ приступіў ужъ къ жонкиному дабру. Вотъ яго жонка сматрѣла, сматрѣла, усяи бросила яго и пашла. Вотъ іонъ дабіўся да таго, што и паѣсть нечива. Патомъ іонъ думаў, думаў, што яму дѣлать и куда яму идить, и гаворить: — Пайду къ чорту. — Вотъ іонъ и пашоў. Ишоў, ишоў; стричаѣнца зъ имъ чортъ. — Куда ты идешъ? — А

дякинъ гаворить: — Пайду искать чорта, ти ни пумагѣть мнѣ хуть тотъ, када атъ мене Богъ атступіѣся. — Сичасъ и яўляйтца къ яму чортъ. — Чаго табѣ угодна? — „А во што мнѣ нужна: дайта мнѣ деннигъ, то я вамъ падпишусь“. — А многа табѣ нужна? — „А дайта, сколько можна“. — Вотъ чортъ и вясетъ яму шляпу золата: — „Ну, на табѣ деннигъ и падпишись!..“ — Я падпишусь, только дайта мнѣ сроку хуть на пить лѣтъ! — „Ну, ладна!“ — Пцправіѣся дякинъ, паѣхаў за жаною и гаворить: — Ну, жонка, паѣдимъ дамой: у мене таперъ усяго давольна: и деннигъ, и хлѣба, и адежи, — какъ была уняредъ, такъ и таперитка!.. Ина и гаворить: — „Пашоў ты! Аткуль у тебе будутъ деньги?“ — А іонъ гаворить: — „Помни, што на пѣяницу Богъ хлопъ родить!..“ — Ина сагласилась, пріѣхала дамой, пасматрѣть: усяго давольна, и спрашінть: — Гдѣ ета ты узяў столько ўсяво? — А іонъ гаворить: — „Маўчи: за еты деньги мнѣ будить тижало атвичать!..“ Вотъ яны пражили пять лѣтъ, падходить ужъ тоя ўремя, што нужна ужъ етаму дякану идить къ чиртямъ. Іонъ думамъ, што яму дѣлать. Патомъ и гаворить: — Пайду къ пацу, што іонъ мнѣ скажить. — Приходить къ пацу и гаворить: — „Батюшка, сдѣлайта миласть, пумагитя вы мнѣ! я вотъ падписаўся къ чиртямъ, а таперъ ўремя падходить: мнѣ нужна явитца туда.“ — Попъ и гаворить: — „Во што я табѣ скажу: ежили ты вытирпшиъ, дамъ я табѣ книгу и настаўлю тебе у церкву на три ночи“. — Диканъ на ета сагласіѣся. Приходить вечиръ, нужна дякану идить у церкву. Вотъ іонъ и пашоў, и приказаў яму попъ: — „Сматри-жъ, какъ будишь читать, то што будить надъ табою случатца, а ты ни сматри никуда на старану!..“ Вотъ перваю ночь какъ идуть ети черти, стали яны яго смущать: и кричатъ, и гукають, а іонъ никаму ни слова; патомъ даеъ Богъ день, идеть іонъ дамой. Попъ гаворить: — Ну, што табѣ была? — „А, маўчи, батюшка, ни спрашивай!..“ Патомъ и другую ночь такъ тожа стерпіў; третія ночь была ящо хужій; ну, усѣ вытирпіў. Пакончіў іонъ ету судьбу, и пиристаў водку пить. Стаў жить ящо багатій тогда. якъ у пярעדъ жиў. Такъ спажиў чартоўскія деньги.

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХЪ.

(Шутливый).

№ 1.

Якъ мядвѣдь, воукъ и патухъ лисицу изъ зайчыга домика турили, и якъ лисица вымудрилась мядвѣдя загубить.

Какъ быѹ зайчикъ и лисичка. Вотъ приходитъ зима, у зайчика была избушка дубиная, а у лисички лединая. А када кончилась зима, лисичкина избушка растала, а зайчикыва стоять. Вить даѹно сказана, што лисичка хитрица... Вотъ лисица пупрасилась у зайчика на дянекъ, да и выгнула яго. Идетъ зайчикъ и плачить; стричаитца зъ имъ мядвѣтъ и спрашнить у яго:— „Чаго, зайчикъ, плачишь?“ — „Да якъ жа мнѣ ни плакать:—пупрасилась лисичка на кватеру, да й выгнула. — „Ну, падажжи, зайць“, — говоритъ мядвѣдь:— „я яе выгнню!“ — Вотъ идетъ мядвѣдь къ зайчикывый избушки и стучить, и на ўвесь лѣсъ грючить: — „Лиса, выходи вонъ!“ — Ина и говоритъ: — „Ну, падажжи! сичасъ! — только увабуюсь“. — Патомъ лисица и ни выходить. Идетъ зайчикъ, снова плачить; стричаитца зъ имъ воукъ. — „Чаго ты, зайчикъ, плачишь?“ — „Да какъ жа мнѣ ни плакать: — пупрасилась лисица вѣ кватеру, да й выгнула! — „Ну, падажжи: я яе выгнню!“ — Идетъ воукъ къ избушки и зубами ляпантъ: — „Лиса, выходи вонъ!“ — Сичасъ, сичасъ, сичасъ: только напрунусь! — А съ избушки и ня думантъ идить. Вотъ идетъ зайчикъ и плачить; стричаитца зъ имъ диравенскій патухъ. — „Чаго ты, зайчикъ, плачишь?“ — „Да якъ жа мнѣ ни плакать: пупрасилась лисица у мяне на кватеру, да мяне и выгнула! — „Ну, падажжи: я яе выганю!“ — Вотъ идетъ патухъ и шаетъ, и кричить, а лисичка у аюшка сматривъ. А лисица говоритъ: — „Здрастуй, петя, питушокъ! здрастуй, краснѣй грибошокъ!“ — А патухъ говоритъ: атвари ваюшка нямножка: я табѣ галоўку пакажу!“ — Патомъ и кричить: — „Нясу касу на плечи, — хачу лису пасѣчи. Лиса выходи вонъ: а то якъ пайдуть таўчы за таўчками, саўки за саўками. — Лиса, выходи вонъ!“ — Вотъ ина якъ выскачить, якъ пубаяжить. Бижала, бижала. Какъ увидѣ яе мядвѣдь, да какъ пуститца атъ яе утѣкать: бѣжаѹ, бѣжаѹ, — прибігантъ, мужикъ дровы рубить. Ионъ, какъ бѣгъ къ яму. и легъ на калесы, и говоритъ мужику: — „Ну, мужикъ.

када прибігить лисица и спросить:— „Што ета у тябе лижить?“ — а ты скажи:— „Драва“.— Прибігають лисица и гаворить на мужука:— „Мужикъ, што ета у тябе на калесахъ ляжить?“ — А ета калода!— А лисица гаворить:— Кабъ калода, то увазана бъ была!“ — А мядвѣдъ гаворить мужику:— „Увяжи мене тихонька“.— Вотъ мужикъ увизаў мядвѣдъ. Патомъ ипать прибігають лисица. — „Мужикъ, што ета такая?“ — А ета калода.— А лисица гаворить:— „Кали бъ калода, то ў ей ба тарчаў тапоръ!“ — Мядвѣдъ и гаворить тихонька мужуку:— „Уторни патихоньку мнѣ у бокъ тапоръ“.— А мужикъ узяў, да якъ муздануў су ўсей пары, такъ што мядвѣдъ и глаза падъ лобъ падкатиў: іонъ яго узяў, абадраў и павезъ дамой.

№ 2.

Якъ воўкъ хазяина заставіў кармить сабачку и якъ сабачка ваўна абманіў.

Быў у хазяина сабачка, жиў нѣскалька гадоў, брихаў окала двыра, абиригаў домъ ать злыхъ людей и вароў; сабачка хадіў у поля, абиригаў ать звярей разный скоть.

Адинъ разъ пришоў у стада воўкъ и паймаў аўцу. Сабачка етыва ваўка дагнаў, ирвануў яво за ляшку, — воўкъ ету аўцу бросіў и убижаў. Тады и думанть воўкъ, какъ ба етому сабаки атплатить за то, што яво іонъ укусіў, но никакъ ня могъ паймать.

Сабачка стаў старъ, пирристаў брихать; тада ета хазяйка пиристала сабачку кармить на хазяйскому приказу, а кармила сама на сябѣ. Атащаў етытъ сабачка, стаў хадить изъ двара у дворъ, штоба найдить сабѣ пищи. Шлаўся етытъ сабачка и стричаитца съ ваўкомъ; воўкъ гаворить на етыва сабачку:— „Ага, сабачка, пупала ты ка мнѣ ў зубы: вотъ таперъ я тябе зѣвмъ!“ — Сабака гаворить:— „Братъ, ѣшь: у мене таперъ кожа да кости;— мене ни приказаў хазяинъ кармить“.— Воўкъ гаворить:— „Харашо ли табѣ, сабачка, бытъ ня ѣвши?“ — Вотъ и мнѣ такъ жа ѣсь хатѣлсь, када я паймаў аўцу, а ты у мене уватняў.— А хатишь, сабака, што тебе хазяинъ будить кармить?“ — Атчаво жа нѣтъ?— Да какъ ты мнѣ ета сдѣлаишь?“ — Ну, што мнѣ будить за труды?“ Сабачка гаворить:— „А я табѣ сашью боты“. Сабачка

абищанія сдѣлаў; воўкъ гаворить сабачки:— „Есь ли у твоей хазяйки малинькій рабёнычикъ?“—Іосъ.— „Ну, смотри: пайдетъ хазяйка у поля жать, и ты иди за нею, да ляжъ тамъ, утайся ни падалеча атъ рабенка. Кагда рабёныкъ заплачитъ, то я схвачу яго и панясу;—хазяйка закричитъ:— „ту, ту, ту, ту! да: „тютю, тютю!“ а тагда ты пабяги хуть нямнога ка мнѣ, да хуть адинъ разъ гарени, да смотри: ни укуси мене, какъ ты тада укусиў“.—Сабачка такъ и сдѣлаў. Аткуль узяўся воўкъ, схватиў рабенка и панесь. Хазяйка закричала:— „ту, ту, ту, тютю, тютю“; сабачка бяжить на голысь хазяйки; хужъ и силы не была, аднака гаркнуў, а воўкъ рабенка бросиў. Тада хазяйка гаворить:— „Охъ, ты мой тютичка, вотъ табѣ лусту хлѣба: а то ты атащаў“.—Пришла хазяйка дамой и злобитца на хазяина:— „Какой жа ты хазяинъ, што ни приказаў сабачку кармить: када бы ни сабачка. то нашива ба рабенка ни було ў живыхъ“.

Хазяинъ тада начаў сабачку кармить, сабачка начаў пуправлятца. Чиризъ нѣскалька ўремя увидаў воўкъ сабачку:

— „Ну, што, братъ, ти кормить тябе хазяинъ?—„Кормить.—„Ну, таперича мнѣ нада за труды боты спить“. — Я спію, ды мнѣ нада казловый таваръ.—„Ну ладна: я казла принясу“.—Воўкъ принесь здаровыга казла и палажіў у роў.—Сабачка нашоў етыва казла, съѣў яво и растаўстѣў. Увидаў сабачку воўкъ:— „Ну, што, сабачка, боты абѣщанья? Сабачка гаворить: „Таперича нада падошвы“.—Ну, какея падошвы?—„А падошвы нада свинныя“. — Пашоў воўкъ, пиймаў вупря агромныва, и привалокъ къ дому, и палажіў у раву. Сабачка напаў етыва вупря и усяго съѣў. Сабачка пуправіўся, стаў сытъ, легыкъ и праворинъ. Увидаў яво воўкъ:— „Ну, давай боты!“—Но, ужъ я таперича шлыкъ!—Узяў сабачка и скуваўся падъ вароты. Значить, сыбачка ваўка и абманіў. Думаить воўкъ, какъ ба сабачку за абманъ паймать и съѣсть,—ня могъ воўкъ сабачку падладить и съѣсть. Сабачка загуляўся: была свадьба сабачча, и сабачка быў на свадьби шафирымъ, и атащаў съ пьянства и пубижаў дамой, а воўкъ на сустрѣчу:— „Ага!... вотъ таперь ты пунаўся ка мнѣ!“ А сабачка гаворить:— „Ахъ, братъ, идѣ ты ета быў—Я тябе занскаўся“. — Воўкъ гаворить:— „А што, братъ?“ — А вѣдъ што: у нашива хазяина Никольщина, пайдемъ: будимъ и сыты, и пьяны.—

..Ну, какъ жѣ мнѣ идить: мяне пазнають? — „Пайдѣмъ: ты будишъ стыять у синяхъ, у патьмахъ.—А ета дѣла було позна вечирымъ. Сабачка гаворить:—Ты будишъ стыять у патьмахъ, а я пайду у хату, узлѣзу на лаўку и хвостомъ святець скину. Народъ закричить:—Воўкъ тябе ѣшъ!—А ты изъ сянѣпъ у патьмахъ мизъ народу ды ў хату, ляжъ падъ столъ,—вѣ мы и пугуляимъ съ табою на Микольщини.—Народъ у хати сядить за сталомъ, пьеть водку и закуснить пирьгами. Народъ, каторый закуснить, а каторый пираги рыняить падъ столъ.

Сабачка ваўку гаворить:— „Вотъ, братъ, найдайся!“ — Принесъ хазяинъ водки и паставиў на столъ. Народъ пьяный шатнуў столъ, и разлили ету водку. Хата ета была нямошнина, а падъ сталомъ была ямка; ета водка уся у ямку стекла. Сабачка ваўку гаворить: — „Во, пей гарѣлку.“ Напиўся воўкъ гарѣлки, сколько яму було угодна. Бабы у хати начали пѣть цѣсан; воўкъ гаворить сабачки: запяю и я?— „Нѣтъ, нямнога пагади“. — Воўкъ падаждаў, пака сабачка ушоў за парогъ, и запѣў: — у-у-у-у,— народъ увесь пугаўся; — паглядять: ета воўкъ ряветъ. Схватили яни вилки и убили етова пѣсинника ваўка. Сабачка и абмануў ваўка. Начаў хазяинъ яво кармить, какъ и маладова кармиў.

Ж 3.

Деревня Проверженка Ельнинскаго уѣзда.

Якъ котъ и сабана съ ваўномъ дружбу вадили, и воўкъ ихъ кармиў, пѣтэмъ сабачну зѣў.

Захатѣў сабака ѣсть и котъ тожа, третій воўкъ. Сабачка вышіў на дарогу, на поля; даганяить яго котъ: — „Здароў, сабака!“ — Здрастний, котъ. Дыганяить ихъ воўкъ: — „Здароўта, сабака и котъ“. — Пытаить у ихъ: — „Куды ты, сабака, бягшъ?“ — Ёсть хачу, воўчинька. — „А ты жъ, котъ, куды бягшъ?“ — А што, воўчинька, и я ѣсть хачу. — Воўкъ и гаворить: — „И я ѣсть хачу.“ — Ну, сабака съ котымъ, кали будить мяне слухать, дакъ я васъ накармлю. — Прабѣгли яны па лясу, вышли. Ходить табунъ коній. Воўкъ на сабаку гаворить: — „Гляди жъ: я пунаўзу каня рѣзать, — якъ падымитца моя шерсть дыбырѣмъ, тады мнѣ скажи!“ — Воўкъ къ каню

падкрадайтца, паўзеть и спрашнѣть: — „Ти падымантца мая шерсть?“ — А, а, воўчинька, паднмлась твая шерсть уся дыбырѣмъ. — „А што, сабака, ти красны мае вочи?“ — А, а, воўчинька, такъ красны — кроўю накупѣли! — Ухватіўся воўкъ на чатыри наги, цапъ каня за глотку и заўў. Гукайтъ: — „Хади. сыбака, ѣсть и зави ката.“ — Воўкъ стаў ѣсть, и сыбака, и котъ. Котъ лизнуў, зьѣў пачонычки троху, — сытъ, надуўся и сядить. Сабака зъ голаду нализаўся крывй — ѣсть некуды. Атастаетца пашти ни пачинатый конь аднаму ваўку. Іонъ гаворить: — „Ну, што жа вы прикинули аднаму лошадь убирать?“ — Воўчинька, мы такъ наѣлись, што у нашимъ раду нхто такъ ня ѣў!.. — Воўкъ гаворить: — „Глядитя жъ: я васъ и кармлю, и частую, а вы мяне только слухайтя.“ — Стала зырить. Наѣўся ду́жа воўкъ и ня злѣзить зъ етыга каня — абѣўся — и гаворить: — „Сабака, бярись зубами за кдтыў хвостъ, а я вазымусъ за твой: ти ни стягннтя вы мяне зъ етыга каня?“ — Котнѣ етнй прыгъ, а сабака якъ таскануў воўка, сь каня яго скоро звалоць, ажнуть у сабаки хвостъ атарваўся. Якъ воўкъ бы хазяиннымъ надъ сыбакымъ и катомъ, іонъ и приказннть: — „Сыбака, вы, и котъ! Пауважътя вы мяне: багнтя патнши, — я васъ за то кармнў, — а то мяне раздушнть.“ — Прайшли яны тн многа, тн мала, ледва у кусты увнйшли, гаворить воўкъ: — „Лажнтись вы спать и ни ўстывайтя, пакуль я прашнуўся, — тады мы и ни такъ пайдёмъ.“ — Яны гаворють: — „Буднть спать, воўчинька, пакуль ты устанншь!“ — Котъ паспаў зъ раня да вечера и выспаўся, сабака нца спнть и воўкъ тажа. Буднть котнкъ сабаку: — „Уставай, а то буднть намъ плоха!“ — Прашнуўся сабака, и стали зюкыть сь котымъ: — „Да, котъ, харашо, што ты мяне разбуднў: а то якъ прашнетца воўкъ. іонъ захочнть ѣсть, — перва мяне зьѣсть!“ — Гаворнть котъ: — „Утыкомъ, сабака, атъ ваўка у дярёню, на дворъ: я чернзъ заборъ, а ты падъ заборъ.“ — Яны такъ и здѣлали: котъ узлѣзъ на ганкн у чулани, а сабака урыўся у сўвалку и лажнтъ. Прашнуўся воўкъ и гукантъ: — „Сабака!“ — Ня чутъ. Устаў іонъ и ду́жа долга глядѣў и патыгнваўся, пакамнсь разнйшоўся. Узнншоў на нхъ слѣдъ и гаворнтъ: — „Трудна було мнѣ на слѣдъ напасть, а таперъ я нхъ даганю!“ — Дагнаўшн нхъ, раздару!“ — Бѣгъ, бѣгъ, да самыи да дярёни; збунтували другея сыбаки слѣдъ: ѣхаў па дярёни прапзжающнй, и за нмъ бѣгли сыбаки

брихаты — забунтували сляды. Ни знашоу ихъ слѣду и гаворить:— „Сколько мы, ваўки, съ сыбаками на выгныки гуляли, дакъ усё ваўки сыбакъ дыгали.“ — Пачуў воўкъ, што на край дярёўни брешить сыбака.— „Пайду, у яго распытаю пра тога сыбаку!“—Падходить и гаворить:— „Ты, крайній сыбака, ти ня быў идѣ на сабаччій свадьби, ти ни хвалиўся сыбака, якъ ихъ воўкъ карміў?—А, а, воўчинька, хвалиўся адинъ сыбака, якъ ихъ воўкъ карміў; только іонъ гаваріў, што и съ котымъ быў.—Воўкъ дагадаўся:— „Ета иминна мае ускормники!.. Што, сабака, раскажи, идѣ мнѣ яго найдить?“—Скажу, воўчинька, и покажу, када ня будишь мяне ёсть.—Воўкъ сыбаки за ета бокымъ кланіўся. — „Будить зъ дярёўни“, гаворить сыбака: „пастухъ скотъ выганять, — будить сабака тотъ ли пастуха свинней заганять“.—Пагода стыла нинасная. и лѣзуть уси свинни дамой урозсыпъ. Сыбаку пастухъ зацкуваў. Якъ бѣгъ сыбака—такъ за свинку, а сзадѣ бѣгъ воўкъ. ды хвать сыбаку за спинку. гаворить:— „Што, сыбака-абманщикъ, абманіў мяне? — Тяперь я тябе зъѣмъ!“ А сыбака хатѣў ваўка абманить:— „Ахъ, воўчинька, ты насъ карміў, дакъ я увидіў, што ты идешъ,—дакъ я табѣ свинку паймаў...“— Не, сабака! Брасай-ка ты свинку, а падавай-ка мнѣ сваю спинку!.. Изъѣў воўкъ сабаку.

Отъ старика Евдокима Хатуля.

№ 4.

Абъ хвѣрый свинки.

У хазяина свинка была хворая. Ина днемъ съ двара ни скадила, а, ночка пришла, свинка съ двыра пашла. Вышла свинка ў чистыя поля, да ў правѣя. Падумала, пагадала, какъ житъ, какъ бытъ, какъ сваю голову кармить: спустила хвостъ и рыла. прайшла хазяйскую пыласу мима, а ў чужую ўзышла, и ў авесь. Свинни вѣтычки сниматьъ, зернышки глытатъ, саломку хазяину астаўлять. У аўсѣ сидить воўкъ, да й прижоўкъ. Свинни спустила брови низка, падыйшла къ ваўку близка. Ваўчища устаў и калпачища сняў:— „Здравствуй, свинни, супаросыя жина!—Зачимъ тутъ ходишь, зачимъ тутъ шляйся?— Тутъ живутъ ваўки. тутъ живутъ сѣрыя, хватають авецъ, и

табѣ, свиння, будить паслѣдній канецъ“. — Ай, ваўчища, ня їшь мене: я табѣ стада пырысать привяду! — „Нѣтъ, свиння, хушъ ты брови висока падымаишъ, да мене ни абманишъ!“ — Узяў свинку за сивую спинку, падъ кустикъ сѣў и свинку сѣў, и ўсихъ свинныхъ пасыненъ цумнуў.

№ 5.

(Село Даньково Смоленскаго уѣзда).

Якъ старикъ ваўна забіў.

Жіў сабѣ адинъ старикъ; была у яго старуха; было у яго двоя уныкаў: мальчикъ да дѣвчыца; да было у яго ящо чатыри іўцы да жирабенныкъ. Разъ дѣдъ сядить водли выкна; падыйшоў къ яму воўкъ и запѣў:

„Жіў дѣдъ ды бабушка,
Да унукъ, да ўнучыца,
Ды чатыри 'вечички,
Пятый жирабеннычикъ!“

Стала старику ваўка жалка: атдаў іонъ яму адну аўцу. Воўкъ апять пришоў, аўцу зьѣўши, и апять запѣў. Патуль хадіў, пакель усе у старика павыкалатыріў пѣснію: и авецъ, и жирабенка. Усердіўся дѣдъ на ваўка: узяў бальшанный каминь и сѣў днi вакна. Якъ пришоў ваўкъ, старикъ каминимъ узяў ды й ваўка забіў.

Отъ кравца Лаврина Егорова.

№ 6.

Ерасть Ераставичъ и Хворасть Хворастовичъ.

— „Здрастуй, Ерасть Ерастовичъ! — „Здрастуй, Хворасть Хворастовичъ! — „Какъ жа паживаить Иванъ Крюкнѣ? — А живеть, паживаить, да хлѣбушка пажимаить. — „Гаварили жъ: яго павѣсили“. — Да, павѣсили. — „Зашто?“ Да 'бнакавенна за што: за шею. — „Да за какую причину?“ — Причина то нибальшая, да судъ то г.....: сняў зъ ж... партки, да у пуца съ ж... сараханъ. — „Быў ли ты ня ярмалки? — „Быў“. — Велика ярмалка?

Ня мѣриў.—Што тамъ прадаецца?—Капуста на гаршкамъ, табака на ражкамъ, а сахаръ на мишкамъ.—Што жъ ты кушіў?—А я купіў сабѣ гарошку трошку, да и разсыпаў.—А падабраў?—Слава Богу: мѣрычку.—Харашо тваё дѣла.—Харашо, да ня дужа.—А якъ?—Да такъ.—Да якъ-жа?—Да такъ жа: пасѣіў я тотъ гарохъ, да и урѣдіў.—Худа, братъ, тваё дѣла.—Худа, да ня дужа.—А што жъ?—А то-жъ.—Да якъ жа?—Да такъ жа: узыйшоў мой гарохъ, хуть рѣдакъ, да стручистъ и пярчистъ.—Харашо, братъ, тваё дѣла!—Харашо, да ня дужа.—А што жъ?—А то жъ: якъ павадилісь ў тотъ гарохъ да паповы свинни.—Худа, братъ, тваё дѣла!—Худа, да нядужа.—А што жъ?—А то жъ: я етыхъ свинней бить, да лунить, кадушку сала насаліў.—Харашо, братъ, тваё дѣла!—Харашо, да ня дужа.—А што?—А то: якъ пувадилісь у тоя сала да паповы кошки; я тыхъ кошникъ лунить, да сшіў жонки шубу.—Харашо, братъ, тваё дѣла.—Харашо, да ня дужа.—Да якъ жа?—Да такъ жа.—А што?—А то: якъ пашла жонка ў тэй шуби ка 'бѣдни, вотъ попъ вылуціўся, даякнъ вытриціўся, а дачки ўзяли да сняли.—Худа, братъ, тваё дѣла!—Худа, да ня дужа.—А што?—А то: я судитца, да радитца,—высудіў сабѣ вала абъ тридцати рагахъ.—Да то лось!—У тябе ў глазахъ сдалось! У насъ то лось, што жирибятнѣ за шію тигаить.—Да тожъ воўкъ!—Падъ бокъ тябе тоўкъ! У насъ то воўкъ, што асинку гложить!—То-жъ заіцъ.—Трасцу ты знаишъ: у насъ то заіцъ, што па ёлви скачить!—Да то бѣлка!—Плаваишъ мелка: ж... а видна! У насъ то бѣлка, што зямельку роить.—Да то кротъ!—Трасца табѣ ў ротъ.—У насъ то кротъ, што г....ы роить.—Да то жъ граць!—Пашоў, ни плачь! То кукуреку пяеть.—Да то жъ патухъ!—Пашоў, пратухъ,—сѣ табою и гаворить ни хачу.

№ 7.

Ш у т л и в а я .

(Деревня Чепищево Смоленскаго уѣзда).

Я радіўся и сѣ дѣдымъ нахадіўся.—Дѣдъ быў уменъ, а я умнѣй яво. А такъ сказать и хитрѣй. Мы жили богата: имѣли у сябе сорыкъ кошникъ дойныхъ, а два ката алавыхъ—малака въ

атвалъ: люди идягъ, а мы глядимъ, да паплевываемъ..... У насъ была двѣ лошади, адна кабыла, сорыкъ пѣжинъ и съ пѣжинаю: каждая пѣжина стоила па сорыкъ рублей съ палтиною. Бывала — бяжить, дажа зимля дражить, а упадеть, дынь три дни ляжить. — Дѣтъ старъ, а я малъ, сидимъ да плачимъ, покажѣтъ добрый человекъ придетъ да падымить. — Люди ѣдутъ у Рослау падъ навѣлку удваихъ па шестѣрки, а у насъ лошади хараши, у двайхъ на пари; люди валютъ по три кули соли, а намъ ета кладъ легка; людямъ дають задатки па накладнымъ, а намъ вѣрютъ и такъ. — Дѣдъ нашоу искать клади, искау цѣлый день, ня столько на нагахъ хадіу, сколько ракамъ ползау. Нашоу. Мы валили на пару и навалили за цѣлый день семъ хунтоу хмелю. — Люди пувязли па указанію, а я придумау, добрый унукъ, сварить пива, каторавя люди ни пили и ни знали, и сварили адинъ ковшъ. — Я дѣда паслау сазвать хазіу на ету пирושку; дѣдъ привеу людей и паказывау имъ пива; аткуда ни была сучка и выпила ета пива. Я яе за хвостъ, да въ забой, и набили мы зъ дѣдымъ три карцы пива. Какъ нашоу мой дѣдъ съ чарекю, а я съ-зади харошею палкаю: дѣдъ чарку, а я палкаю двѣ. — Къ намъ люди пришли на нагахъ, а атъ насъ ракамъ папаузли. Вотъ какъ жили! На трехъ гумнахъ малатили: на адномъ — макъ, а на другомъ такъ, а на третьимъ цыпы вѣшали. — Бывала, мы пайдемъ съ дѣдымъ малатить, ажно гумно дражить. — Баба наплекетъ блиноу, каровій хвостъ залупить, да масла укалупить, а мы ядимъ, пу губамъ тикетъ. — А бывала ляпѣшникъ наплекетъ, ноги свяжить, да пряма задымъ и пумажить. У насъ была карова адна. Бывала, гавядины захочить, пупаламъ карову пирысакотъ: перидъ на гавядину, а задъ паставить къ стянѣ, баба такъ и доить; — а бывала, палянитца, вазьметъ и виль-лить въ гарлачъ. А при смерти ихъ астауся я, мудрецъ; а када умру, всяку разказу канецъ.

№ 8.

Село Пречистое Духовщинскаго уѣзда.

Ш у т л и в а я.

— Ты — мальчикъ! ты — малакасошь!

— „Нѣтъ, я жилъ еще съ дѣдымъ: мѣтка была въ дѣвкахъ, атець халастой. Мы жили богата: семъ была кошикъ доинныхъ,

да два ката убойныхъ, масла назбировали многа — на цѣлму пристѣну, лапашами таптали. У насъ кабыла была жеребна, жеребенка ни ўвидали, у масла затаптали; стали кавырать масла, и нашли жирыбенка. Жалка была жирыбенка: жирыбенекъ былъ вяликъ. Лошадей была на многу — чатверка, и усе хорошіи. Кабыла машастая — на три вярсты у сутки шастала. Пѣгая — зъ двара ня бѣгала. Палавая — выиздить весь дворъ, ни ўставая. Былъ конь съ пабѣжкой — усе паганяли далбежкой. Припашикъ хлѣба былъ большой. Окала кута сами засѣвали, окала парога заставляли. Уражай былъ хорошій: наклали на кажухъ цѣлый стохъ хлѣба. Атеуда ни вазьмись котъ: какъ прыгнулъ съ палать пряма на стохъ хлѣба. Стохъ обярнулся и пупалъ пряма въ ряжку. Дѣдъ мой загаревался.

— „Ни гарюй: наваримъ соладу, наваримъ пива“. — Надѣлали соладу, наварили пива, зазвали гостей. Дѣдъ узалъ надалбанный коушикъ, а я дубинку. Какъ стали потчивать гостей — хто ракамъ, хто бокамъ, тавъ и пупаўзли. Мы зъ дѣдымъ плотники хорошіи были. Какъ станемъ избу рубить, — у первымъ вянци двери прарубимъ, у второмъ окны, а на третимъ вѣнци закачиваемъ хату и ў старыхъ каромыслахъ зарубки зарубаемъ.

№ 9.

Село Пречистое Духовщинскаго уѣзда.

Ш у т л и в а я.

(Пра ахотникнѹ).

Какъ жи ахотникъ Аниська, и была у яго три сына, и была у ихъ цатыри сабаки: занимались яны ахотнѣ дужа сильна.

Пачули яны звирья дужа многа въ атшѣби, въ лясѹ. Аня сабрались и пашли у цатварыхъ. Пришли у лѣсъ и атамнѣли. Обняла ихъ ночь. Стали яны аганекъ развадить. Потомъ, развѣўши аганекъ, стали кушання варить. Патомъ, тольки яны зварили, приходитъ къ имъ чилавѣкъ сядой.

— Здрастуй вамъ, маладцы!

— „Здрастуй, старичекъ!..“

Янѣ атказали, и стали садитца ужинать. Посадили яго съ сабой. Онъ стаў ужинать зъ ими, Наказалась яму мала.

— „Што жъ вы мене ни накармили довольна?“

— Старикъ, атдавай сваю торбу — пушай ёсть!

Зѣўу — мала! Большой атдаў торбу и малый — уси зряду атдали ужъ усе съ сябе — зѣўу — и мала!

— Батька, атдавай собаку!

Зѣўу — кричить: мала! Зѣўу сынавей: аднаво за другимъ атдаў ихъ батька. Батьку зѣўсть хопить. Ёдить баринъ на дарожки; іонъ схватиў за барвення, якъ крикнуў — и прашнуўся. Ета сонъ быў. Ляжить іонъ у сваей хатѣ, сыны лижать на пецѣхъ и жонки зъ ими, а сабаки уси патыри падъ стѣлнымъ.

№ 10.

Атчого ахотникъ пиристаў ахотыю займатца.

Въ адномъ пумащеніи жиў ахотникъ, очинь чилавѣкъ харошій и ѡпатный. Вотъ и случилась яму адинъ разъ: пашоў іонъ на ахоту и убиў лисичку, прине́съ яе дамой, {узяў яе аблупіў, а гавядину выбрасіў на ули́цу. Ета гавядина устала и пубижала. Іонъ видитъ ету аказію и утарапіўся; ўходитъ у хату и гаворить своимъ дамашнимъ: — „Што ета такая за чуда? — Выбрасываў я ужъ нѣсколька штукъ, да такога чуда ня видыву.“ — Патомъ ў адномъ пумащеніи жиў ужъ старый ахотникъ, и была ў яго два сына. Вотъ аднажды іонъ стричаитца зъ нимъ и рассказывають яму: — „Братъ, паслухай-ка маеі аказіи: убиў я лисицу, аблупіў яе, гавядину выбрасіў на вулицу, а ина устала и пубижала“. — Вотъ іонъ и гаворить, етытъ ахотникъ: — Ета аказія — ни аказія, — а была ў мяне аказія. Пашоў я на ахоту съ двумя сынами, и ўзяли пару сабакъ, пошли далѣеа атъ дому верстъ за пидцять, — памѣстїа нїзнакомны; хадили мы, хадили — абнимають насъ ночь, я и гаварю на сынавей: — „Ну, што будимъ дѣлать: гдѣ будимъ начувать?“ — А яны гаворють: — А во што, батюшка! атъ дому мы далеча, дярёўни тутъ близка нѣтъ, — разложимъ мы агонь тутъ падъ елєй и пириначумъ. — Вотъ яны здѣлали приваль, поставили ружьи, расклали аганѣкъ и заначували. Патомъ мае сынаўя, какъ день хадили, умарились, лягли и придрямали. А атѣцъ ихъ завѣсіў ватылокъ и давай варить сабѣ вужинъ; вотъ іонъ вариў, вариў; приходитъ къ яму чилавѣкъ, и, ни гаваря яму ни слова, вытащїў етытъ

катылокъ и давай ѣсть; паѣў увесь, патомъ и гаворить:— „Ну, што яще ѣсь?“—А іонъ гаворить:—Ну, што жъ табѣ ѣсь? Вотъ у мяне ляжить булка хлѣба. — Іонъ узяў и тую ѣсь: — „Ну, што яще ѣсь?“—А што жъ табѣ ѣсь: вунъ ляжить сабака.— Іонъ узяў и сабаку зѣў, и гаворить:— „Ну, што яще ѣсь?“—А вотъ другая ляжить!—Іонъ узяў и другую зѣў:— „Ну, што яще ѣсь?“—А вотъ стыять ружьи!—Іонъ узяў и ружьи паѣў. Іонъ и думайть: нидалека ужъ приходитъ рядъ и да сыноў и да мяне, и думайть, какъ бы сыноў узбудить; талкаў, талкаў: ни адинъ ни устаў. Іонъ и думайть самъ сабѣ:— „Вотъ пакуда мяя жистъ была и сыноў майхъ!..“ А іонъ и гаворить:—Ну, што миѣ яще ѣсь? — „А што жъ табѣ ѣсь: вунъ стайть катылокъ!“—Іонъ узяў и катылокъ зѣў.— „Ну, што яще ѣсь?“—А што жъ табѣ ѣсь: вунъ сынъ ляжить!—Іонъ узяў и сына зѣў. Патомъ и гаворить:— „Ну, што яще ѣсь?“—А вунъ и другой сынъ ляжить!—Іонъ узяў и другога сына зѣў. Патомъ и гаворить:— „Ну, што яще ѣсь?“—А іонъ ужъ яму и гаворить:— „А што жъ таперь? Ёшъ и мяне ужъ!—Нѣтъ ничога!—Вотъ іонъ и гаворить:— „Ну, таперь вѣ што я табѣ скажу: я падѣў. — Ты вазьми, да на мяне сядь, а я тябе пувязу, и буду везь тябе дарогню; — тамъ будить стыять сасна; то ты сматри: какъ ня можна хватайся за яе, а то я тябе далѣка связу!..“ Вотъ іонъ такъ бнжаў кала сасны, и етыть ахотникъ какъ ухвѣтїўся за ету сасну абѣими руками, пасматрить: нѣтъ ничога: ни тога чилавѣка, што яго нѣсь, ни той сасны, што стыяла на дароги, а пасматрить іонъ: ухвѣтїўся дома ў сваей хати за палицу;—а ўсѣ яго дома, и ўсѣ яго цѣла; патомъ пирекрѣстїўся и сынамъ приказавъ: „Давольна ахотитца!..“

Ж 11.

(Деревня Чепищезо Смоленскаго уѣзда).

А мужикъ, што лоўна ўратъ умѣў.

Адинъ гасударъ любіў, хто врѣть. Поставить глубокую тарелку золота и паложить рядомъ мечъ: ежили гасударъ скажить, што ты, братицъ, врѣшь, то бари золота, а ежили вѣ яго разсказѣ гасударъ не ашибетца сказать на раскащика, што ты врѣшь, то галава прочь.—Адинъ старикъ, парядачна вышїўши,

ряшіўся ідць къ гасударю, ня столька вратъ, сколько праўду гаварить, абы золата палучить. — По приходу яго у гасударя быў пиръ, сабралися вельможи. Далажили яму, што старикъ пришоў вратъ для ихнива пиршинства; гасударь етому очинь радъ. Приказали насыпать цѣльная блюда золата и палажить мечъ; то старикъ сдѣлаў первый разсказъ: — „Я, гаварить, ўчера паўхаў пахатъ падъ яравоя, лошадъ мая была слабая, я рана атпрегъ. Мая лошадъ пакачалась и на двѣ части перервалася; перидъ пабижаў дамой, а задъ ў поли иржеть“. —

Вельможи гаварять:—Врѣть мужикъ!

А гасударь гаварить:—Мужикъ хитерь: всѣ сдѣлать.

— „Я задъ къ периду загнаў, лыкамъ сшіў и ракиты-вымъ каломъ убіў, самъ лёгъ атдыхать; прабудіўся,—ракита выросла на маеѣ лошади не такъ високо, а да самѣга неба.— Я ўздумаў па етый ракити лѣзть на неба.“

А вельможи гаварять:—„Врѣть мужикъ: можить ли такая дерива вырасти да неба?“

А гасударь гаварить:—„мужикъ хитерь: у няго ўсѣ можить случитца“.—„Я пашоў на небу“....—А вельможи спрашивають:—Видаў ли ты тамъ Бога? — „Видаў“ — Што Іонъ тамъ дѣлаить?—„А съ учиниками въ карты играить“.—Вельможи гаварять, што мужикъ врѣть, а гасударь гаворить: — Вы жъ можете са мною играть въ карты, такъ и Богъ съ учениками.— Вельможи гаварять: „Ета ни праўда: Богъ етымъ ни занимайтца“.—А гасударь гаварить, што мужикъ хитерь: усѣ можить придумать.—„Я, тамъ пахада, знаю ўремя, што нада запрягать лошадъ: хатѣў спуститца внизъ ва землю,—ракита, быўшая на лошади, падгнила и звалилась, а мѣи полдни далжны астатца прагуламъ.—Аднака я прашоў на небу, увидаў, што багатый мужикъ съ паловова аўса вѣить на чистый.—Ета млѣшка, то-есть, мякина, падъ небо лятить; я давай лавить, да сѣў вярѣўку вить“.—Вельможи гаварять:—„Што врѣть мужикъ: можна ли съ мякины вярѣўку вить“? а гасударь гаварить:— „мужикъ хитерь: ўсѣ можить сдѣлать“.—Патомъ я вярѣўку ету привизаў на нѣби и начаў спускатца па ней,—не далѣзъ да зямли ня болѣй ста верстъ:—вярѣўка каротка. — Я ўварьху атрѣзаў, а низъ наставиў“. — Вельможи гаварять:—„врѣть мужикъ: какъ можна вварьху атрѣзатъ, а внизъ наставить?—Іонъ ба убіўся.—А царъ гаворить: „мужикъ хитерь: ўсѣ можить сдѣлать“.—„Патомъ по-

лѣзъ далѣй, вярѣўка асталась каротка—ня болѣй на сто сажаней,—я и падумаў, што можна саскачить,—поляніўся паттачывать—и пуцаў прамя ў аржавинню па самыя шію—вылѣзътѣ вы магу.—Пашоў ў дярёўню, ўзяў лупатку и аткапаўся“.—Вяльможи гаварать, што мужикъ ўрѣтъ:—какъ жа іонъ вылізъ па шію и пашоў ў дярёўню за лупаткю? ана яму ня нужна,—іонъ врѣтъ.“—А гасударъ гаварить:—„Мужикъ хитѣрь: ўсѣ сдѣлавъць“.—„Патомъ я пашоў ў рѣку, абмыўся и пашоў на шурокую далину, гдѣ пастухъ пасеть авецъ.—И и гаварю:—„Здрастуй, пастухъ маладецъ!“ А іонъ и гаворить:—Я ни пастухъ маладецъ, а царскій атець!—Тада гасударъ сказаў:—Врѣшь, братицъ: мой атець ни пасъ авецъ!—„А хто, ваша вяличества, ўрѣтъ, тотъ и золыта грябѣтъ.

Отъ крестьянина Тимофея Воронова.

№ 12.

(Бѣльскій уѣздъ, Шонтово).

Лгала и Палагала.

Въ адно время жилъ мужикъ бѣдна. Была у яго пара дѣтей, яму пражить нечимъ. Онъ и гаварить на хазяйку, на сваю жану:

— „Варавать идить я бажся, а пайду, хазяйка, илгать: ни дасть ли што-либо хто“.

Узялъ и пашолъ. Нѣскальки урема прайшоу, идеть къ яму на устрѣчу чилавѣк; сышлись анѣ у мѣста, и гаварить адинъ на аднаво:

— „Здрастуй!“...

— Што ты есть за чилавѣкъ?

— „Я Илгала“.

— А я, братъ, Палагала.—Вазьми мине съ сабой!

— „А пайдемъ, братъ!“

И пашли яны умѣстихъ. Нѣскальки уреми прашли у стараны—стайтъ пень. Илгала гаварить:

— „Братъ, вонъ волкъ пубижаль!“...

А Палагала гаварить:

— „Я два видилъ, какъ прабижала. да прамаўчалъ“.

Илгала гаварить:

— „Маладець, гавари усе такъ!“

Нѣскальки уремя прайшли — кочка.

Илгала гаварить:

— Вонъ тамъ каўрига хлѣба!

Палагала гаварить:

— Я видѣль: двѣ ляжить, да промаўчалъ — табѣ ни сказалъ.

— „Маладець, гавари упирѣдъ такъ!“

Нѣскальки уреми ишли, прайшли адно мѣста. Агародники прайзжають — грады смотрють, хочуть капусту садить пачинать. Анѣ гаварять:

— „Бохъ помачъ вамъ, агародники!“

— Благодаричъ!

Илгала спрашивантъ въ агародникахъ:

— А какъ у васъ, рибяты, качання вялика радитца?

— „Ды парядашная — у вядро и у фунтыў трыдцать вѣснмъ качанъ бываить.“

А Лгала и гаварить:

— „Ета ни капуста, а капустишка! А какъ у насъ капуста радитца — рота салдаты падъ адинъ листь ать даждю ставитца“.

Самъ Илгала на гароу пашолъ. — Палагали и гаварять:

— „Што, братъ, праўда ли ета?“

Палагала атвочантъ:

— Какъ жа ни праўда? Када нашъ агародъ близка кала бальшей дароги, то фхали какія-то люди пастиривомъ у карети. Лошади чаво-та разгарячились, да къ гридамъ близка и падваратилися (у каляскахъ жа воси жалѣзныи) и на винтахъ восъ зачепилася за качанъ и атламалася, а качанъ стаить.

А тѣ гародники и гаварять:

— „Хто ета пашелъ напарѣдъ — хазяинъ?“ Палагала гаварить.

— „Хазяинъ. а я работникъ“.

— А што. какъ бы мы пупрасили яго поучить, какъ садить капусту?

— „Можна. Прасить!“

Узяли прасить:

— Научитя и насъ такъ садить!

Илгала гаворить:

— „Можна, только дорга стоитъ“.

— А што жъ тибѣ за работу?

— „Триста рублей“.

На яго гаварить:

— Мы согласны дать.

— „Дайте мнѣ двѣсти рублей задатку: мнѣ нужна у гаротѣ итить симяноу купить: ваши симяна нягодны“. Яны дали яму двѣсти рублей задатку. Илгала узял Палагалу и размѣрилъ агародъ на своему, зъ лукаўствомъ, какъ гряды дѣлать. Илгала узялъ и пашолъ, а Палагалы тихонька сказалъ: „Только да начи, а то уходи и ты!...“ Ночь прайшла, и Палагала ушолъ. Тада анѣ слышлись умѣста.

— „Ну, братъ, слава Богу! двѣсти рублей пупала“.

Нѣскальки уреми прашли, ипать жа у ходъ. Хатятъ агародники садить агурцы.

— „Бохъ помачъ!“

Илгали гаварятъ аны:

— „Благодаримъ!“

— А што, ребяты, какъ у васъ агурцы вилики радятца?

— „А парядышныи: какъ бачоныкъ, у вухатъ — дакъ съ бачоныкъ съ тотъ“.

Илгала и сказалъ:

— О, какіе ета агурцы! ета ни агурцы, а шалушки. А какъ у насъ агурцы радятца: у въ абѣдъ сонца кала агурца staanъ — и то сонца ни видать тиризь агурець.

Самъ узял кала гароду пашолъ. Агародники спрашіють у Палагалы:

— Прауду ли ета онъ гаварить?

„Прауда! У насъ агародъ былъ близка кала бальной дароги. Агурецъ росъ, росъ и черезъ бальшую дарогу переросъ. Ъхали гаспада читвирикомъ, лошади разгарячились кала агурца — кучиръ ня мохъ выдиржить ихъ, а прима на гурець. На сирядину какъ узѣѣхали, агурець такъ и праламился, калеска съ лашадами въ агурець и правалилась — едва кучиръ мохъ далой саскачить. Ходичи рубить кучиръ агурець, ня можить калеску съ лашадами найдить — правалились пасяредъ. Анѣ и спрашивають у Палагалы:

— „Что ета тибѣ?“

— Хазяинъ.

— „А можна ли намъ яво попросить, штобъ насъ научилъ такимъ манерамъ агурцы садить?“

— Можна.

Анѣ сичасъ падходюць ка Ігалы и сказали:

— „Друхъ, научи насъ такія агурцы садить!“

— Можна, только дорга стоить.

— „Што жъ тибѣ за работу?“

— Тысячу рублей,

— „Ну, мы сагласны дать“,

— Шесть сотъ задатку мѣ.

Анѣ шесть сотъ рублей дали яму. Задатку узяли, съ лукаўствамъ стали гряды размирать. День правили, даждалися да начи, узяли и ушли Ілгала съ Палагалый. И гаварить Ілгала на Палагалу:

— „Слава Богу, восимсотъ рублей дастали“.

Наканецъ, пашли у хотъ дальши. Пришли въ горыдъ. Строятъ мастира саборъ. Анѣ и гаварять:

— „Бохъ помачъ вамъ, рибяты!“

— Благодаримъ!

„А какъ, рибяты, вашъ саборъ будить високъ?“

— Да параднышыва.

— „Вы ня можитя, вѣрна, или сами терпѣть, или высату паднимать; а какъ мы строимъ саборъ, дакъ падъ воблаки“.

Самъ Ілгала пашолъ кругомъ сабору. Анѣ у Палагалы спрашивають:

— „Праўда ли ета?“

— А какъ жа нипраўда? Када мы адно мѣста выстраили саборъ, ни сказанна высокій, а панамарёу патухъ да на самую калакальню, на верхъ, на крестъ узабрался....

(А мѣсиць былъ у палавинку, на вятохъ схадилъ).

— Пасматрится: панамарёу патухъ, какъ сидѣлъ, такъ палавину мѣсица аддалбалъ!

(А устаръ народъ былъ прастой, глупой: онъ ихъ, Палагала, и абманилъ).

Анѣ пасматрѣли на мѣсиць: всяво палавинка.

— „Выть праўда! А што, рибяты, ни паучитя ли насъ такъ высока работать саборы?“

Ілгала сказалъ:

— „Можна пуучить, только дорга стоить“.

— Многа жъ ли тебѣ нада?

— „Двѣ тысячи рублей“.

— Мы сагласны дать

Онѣ, Илгала, и гаварить.

— „Тысячу рублей мнѣ задатку пажалуйтя!“

Анѣ ему дали тысячу рублей задатку.

Анѣ да вечера коя што пароботали, зѣ лукаўствомъ—хутъ примѣры дѣлали; ночь какъ пришла, ушли воўси дамой.

Пришолъ Лгала дамой къ жаны сваей и Палагалу съ сабой привель. Прахадилъ Лгала цѣлыва палгода. Жана съ дитями съ голыда пумирала, по міру хадила и ни магла пракармитца.

Тада Илгала гаварить на жану:

— „Вотъ сколько денехъ умъ мой принесь!“

Тада жана яво абрадавалася и гаварила:

— „Слава Богу! А хто жъ ета съ табой пришолъ?“

— А ета таваришъ мой, памошникъ!

Узявъ съ имъ надилилъ деньги Илгала, далъ сваяму таваришу пятую часть денехъ. То 'нѣ друхъ друга публагадарили, и усякѣй на свайхъ мѣстахъ жить атстались.

Б Ы Т О В Ы Я.

№ 1.

О добросовѣстномъ бѣднякѣ.

Одинъ бѣднякъ служилъ добросовѣстно, нанимаясь за небольшую плату; какъ онъ женился на волшебницѣ; какъ выстроились у него богатые хоромы, какъ онъ построилъ своему барину волшебный мостъ, лядо взмотычилъ, хлѣбъ посѣялъ, на тотъ свѣтъ сходилъ и отъ покойнаго барина узналъ, куда тотъ деньги спряталъ.

Какъ жиў старичокъ; онъ ў такой жиў бѣдности: только имѣў сабѣ хазяйства адну хатку, да и та чуть только стоятъ, и быў у яго только одинъ сынъ. Вотъ наканецъ етытъ старикъ и помиръ, астаўся адинъ бѣдный сыннишка. — Вотъ іонъ жиў, жиў, и думантъ:— „Што мнѣ таперь дѣлать? вазьму, да и пайду куда-нибудь, наймусь ў работники“. — Вотъ іонъ пашоў.

Ишоў, ишоў, пришоў ў горыдъ, падайшоў у лаўку кь купцу и гаворить яму:— „Здрастуй, дядюшка!“—Здрастуй, милый члавѣкъ!— „Наймитя мяне кь сабѣ“.—Пажалуй, братъ, найму,— што вазьмешъ?— „А три капѣйки сирабромъ!“—Ну, изволь, сагласинъ!— Вотъ іонъ жиў, жиў, даживаить годъ.— „Ну, дядюшка, пажалуй ращеть!“—А изволь палучить.— Вотъ іонъ узяў ети три капѣйки, и думанть:— „Што мнѣ зъ ими дѣлать?— Вазьму: пайду кь калодисю и брошу ихъ у воду.“—И сказаў:— „Ежили я жиў харашо, то еты деньги ни патонютъ; а ежили я жиў худа, то ани патонютъ.“—Вотъ іонъ пришоў кь калодисю, да и бросіў ихъ туда; аны и патонули.— Вотъ іонъ думаў, думаў:— „Што мнѣ дѣлать?—Пайду апять кь яму.“— Вотъ іонъ приходить изнова кь яму и гаворить:— „Братъ, найми мяне ипять кь сабѣ!“—Ну, што жа таперь вазьмешъ?— „А таперь шесть капѣикъ!“—Ну, харашо, сказаў купецъ: живи, будить заплочина.— Вотъ іонъ атжиў и другей годъ, палучіў шесть капѣикъ. Думаў, думаў:— „Гдѣ ихъ дѣтъ?—Вазьму: ипять пайду кь калодцу.—Приходитъ кь калодисю, взяў и ети бросіў у воду, и ети патанули; патомъ іонъ и гаворить:— „Ахъ, я нявѣрна служіў два года; пайду и третій годъ служить.“—Приходитъ кь купцу и гаворить яму:— „Братъ, жиў я ў табе два года,—найми, братъ, и на третій.“—Ну, харашо, што вазьмешъ?— „А, братъ, таперь ужъ двѣнадцать капѣикъ.“—Ну, такъ што же? дамъ!—Вотъ іонъ атжиў и третій годъ, приходить кь купцу:— „Ну, братъ, пажалуй ращотъ!“—Вотъ купецъ атдаў ращотъ, публагадаріў купца, патомъ пашоў и гаворить:— „Што жа мнѣ таперь дѣлать?“—Вотъ іонъ пашоў у горадъ, приходить у лаўку и гаворить на лавашника:— „Дай, братъ, мнѣ воску!“—Лавашникъ и спрашиять:—Скольки вамъ угодна?— „А, пажалый, на ўсѣ деньги!“—Іонъ думаў, думаў, сколько яму дать; навѣсіў пудъ и гаворить:—Пажалуй деньги.—Іонъ атдаеть яму двинадцать капѣикъ и гаворить:— „Ў мяне болій нѣту!“—Ну, ступай съ Богымъ!—Вотъ іонъ ишоў, ишоў, приходить кь лѣсу, разлажіў агонь и гаворить:— „Ежели дымъ пайдетъ кверху, то я жиў харашо, а ежели ўнизъ, то худа.“—Вотъ и пашоў дымъ вверхъ; приходить кь яму старикъ и гаворить яму:— „Што ты дѣлаишъ?“—А узнаю щастя, батюшка! я служіў у хазяина три года и выслужіў сабѣ двинадцать капѣикъ, и купиў сабѣ воску; вотъ

и палажіў яго падъ дровы: куды дымъ пайдеть: уверхъ или ўнизъ?—Вотъ старикъ и гаворить:—„Што тябѣ нада: багатства или наявѣсты?“—Нѣтъ, батюшка, я хачу жанитца: парайти-ка мнѣ наявѣсту!—„А ступай у церкву, да какъ будишъ идить на крыльцо, тамъ будуть стыять нищія,—вотъ ты пагляди на правую руку: между ихъ будить стыять дѣвушка, то твая наявѣста.“—Вотъ іонъ пабижаў у церкву, падходить къ крыльцу, пасматрыць на эту дѣвушку: а ина стайць уся ў сапляхъ; іонъ падходить къ ей и гаворить:—„Абатри сапли!“—А ина яму атвѣтила:—„Хто любить мяне, тотъ абатреть и пацалуить мяне!—Вотъ іонъ падайшоў къ ей, выніў изъ кармана платокъ, абтеръ и пацалуваў яе; потомъ ўзяў яе за руку и павеў у церкву: перевѣнчались. Потомъ ина и гаворить:—„Ну, милый мой, пайдемъ типерь: пакажи мнѣ сваѣ хазяйства.“—Ну, іонъ и гаворить:—Пайдемъ.—Вотъ аны пашли, идѣ стыяла яго избушка,—а ужъ тамъ нѣтъ ничога. Ипа и спрашійть:—„Ни помніў ли ты, ни було ли у тебе какаго-нибудь хазяйства?“—Вотъ іонъ и гаворить:—„Да, кажитца, помню: идѣ-то було ў мяне ў памяти адинъ тапоръ, да и тотъ бизъ тапарнища.—Нука, пайщи яго!—Да на што іонъ тябѣ?“—„А мы сдѣлаимъ домъ!“—Вотъ іонъ пу примѣтамъ капать, да капать на томъ мѣсти, адѣ стыяла избушка, нашоў падъ стѣной и гаворить:—„Ну, какъ мы сдѣлаимъ? у насъ нѣту денигъ.“—„Лажись-ка, мой милый!—утра мудрыиѣй вечира.“—Вотъ аны лягли на етымъ мѣсти, идѣ стыяла избушка; назаўтрига устають такіа надъ ними харомы, што толька ня жить, а пасматрѣть. А прати ихъ хатки стыаў гаспоцкій дворъ; гаспадинъ старый самъ помиръ, а астаўся яго сынъ. Назаўтра устаў рана, пасматрѣў ў вакно и увидаў етытъ домъ, удиўляитца и гаворить:—„Хто ета такей домъ пастроіў?“—Ета нашига бѣдныга мужука сынъ.—Вотъ іонъ пасылаить сваяхъ вѣрныхъ слугъ, штобы привести яго.—Вотъ іонъ приходить къ гаспадину, и спрашійть гаспадинъ:—„Хто тябѣ такой домъ пастроіў?—Ваша благородія, я самъ.“—„Ну, братъ, вада ты такъ умѣишъ, то выстрай жа атъ майго дому да твайго сяребриный мостъ, на пять верстъ, а на бакамъ высадъ разными диривами, и штобъ на ихъ магли ростъ яблаки: адинъ бокъ залатой, а другой сяребриный, и штоба аны магли съ сучка на сучокъ пирыскакывать“.—Вотъ идеть іонъ дамоу и скучайтъ, а жина ў яго спрашійть:—„Што ты скушинъ такъ,

милий мой? — Да якъ же мнѣ ни скучать? даѹ мнѣ панъ задачу. да й нималую! — „Ну, ни таскуй, милый мой, лажись-ка, адыхай: утра вечира мудрянѣй!“ — Вотъ іонъ лажитца спать, назаўтри устаеть, пасматрить: ўсѣ гатова. — Призывають яго гаспадинь. — „Ну, братъ, благодарю тябе за службу вѣрную; ну, братъ, саслужи яще: вотъ етытъ лѣсъ, што протіѹ майго дому, выруби, и выпали, и взматычъ и пасѣй розъ, — всѣ ета ў адну ночь, — и штобы ва ржи магли бы галки спрятатца“. — Идетъ іонъ дамой и скучають; жина спрашють: — „Што ты, милый мой, скучаишь?“ — Іонъ ей атвочають: — Да какъ же ни скучать? приказаѹ мнѣ гаспадинъ етытъ лѣсъ вырубить, выпалить. взматычить и засѣить, — и штобы ў хлѣбѣ магла галка спрятатца. — „Ну, лажись же, мой милый! утра вечира мудрянѣй.“ — Назаўтрига прашнуѹся: ўсѣ гатова. Призывають яго гаспадинъ: — „Ну, благодарю тябе за двѣ службы; — суслужи и третю: мой атець помиръ, а деньги палажѹ, ни знаю идѣ: — вотъ сходи, да узнай.“ — Вотъ іонъ идетъ дамой и плачь; жина яго спрашють: — „Чаго ты, мой милый, плачешь?“ — Да какъ же мнѣ, милая мая, ни плакать? — то были задачи, ни задачи, ну, вотъ то задача: — какъ мнѣ сходить на тотъ свѣтъ да спросить у яго атца деньги? — Ну, вотъ я табѣ расскажу, якъ спросить: ты вазьми съ сабой яго упрѣляющаго, па дароги ты иди, — тамъ найдешь краснинькій клубочикъ; — ты вазьми яго съ сабой: куда іонъ пакотитца, туда и ты иди за нимъ“. — Вотъ іонъ шоѹ, шоѹ, находитъ клубочикъ и пустиѹ яго. Вотъ клубочикъ катіѹся, катіѹся, прикачиваютьца къ избушки; іонъ пастучаѹ у двери, яму атварили, выходитъ къ яму дѣвушка и гаворить яму: — „Што табѣ нужна?“ — Вотъ што мнѣ нужна, гаворить іонъ: мая галубушка, ни зная ли вы, идѣ наша паньѣ? — „Падажжи, милый чилавѣкъ, я табѣ расскажу. Дай ка ты мнѣ краснинькій клубочикъ, а я табѣ дамъ сининькій; вотъ ты вазьми, пусти яго: куды іонъ пакотитца, туда ты и иди.“ — Вотъ іонъ узяѹ яго за витычку и пустиѹ; іонъ и пакатіѹся. Прикачиваютьца на три дароги и астанаўливаецца. — Вотъ и вѣдуть ў карети, прѣма яму на ўстрѣчу: іонъ и кричить. — „Здрастуйта, гѣманы. не здѣсь ли наши паны? — Яны атвочають: — Здѣсь, вали бѣ астаѹся, іось! — Іонъ атвочаѹ: — „Іось. — Ну, давай сюды!“ — Вотъ етыга памѣщика высадили съ кареты, а упрѣляющаго ўсадили ў карету, да я гаворють: —

„Ну, скарѣй гавари, ну, скарѣй гавари!—Вотъ панъ написаў яму расписку:—„Атдай майму сыну: іонъ деньги найдеть.“— Вотъ іонъ приносить расписку паничу, — да нашли деньги у доми, падъ паломъ, забаванья. Вотъ аны ихъ дастали, стали жить, да паживать, да добра паживать.

№ 2.

Якъ старуха съ сынымъ деньги зарабатала: сынъ чужім вещи хувантъ, а старуха схову атгадаить.

У аднэй дярёўни жила съ сынимъ бѣдная старушка. Ина уздумала сабѣ чудно зарабатывать хлѣбъ. Сынъ яе варуить и, якъ ня можна, даліѣ хувантъ дѣнги, а старушка схову сыниію людѣмъ показывать и за то денюжки сабирать съ добрыхъ людей.

— „Вяликая знахарка наша старуха!..“ кажутъ на дярёўни.

И прапади на ту пору кальцо у пана (ета влучилась ища ва ўремя крипаднаго права). И ни такъ пану кальца тога жалъ, якъ дужа абидна, што приближѣнныи слуги кальцо скрали. Пасылаить панъ карету за старухѣй—знахаркѣй. Кучиръ и лакей, украўши кальцо, захатѣли спытать, ти лоўка атгадывать знахарка. Вотъ аны падлажили у ящикъ кареты, падъ сидѣнья, нѣскальки яицъ: ти пазнаить старуха, што на яйцахъ сидить. Страшна старухи къ пану ѣхатъ, ну, и ни паслѣхатъ нильзя: тады вить ни шутили. Старуха и гаворить, усѣвшись съ нипривычки у кареты и са страху:

— „Мягка мнѣ, а сижу я, слоўна курачка на яечкахъ!..“

— Вить какъ у сукъ влячила—старуха ты правлятая!—падумаў кучиръ.

Пу пріѣзди старухи у паньскій домъ дѣлають ей новыя спытанія. Велина была ли яе зготовить супъ изъ курицы. Поваръ (а іонъ рямасло сваѣ знаў дужа харашо—хазъ быў) такъ варону сваріў, што супъ вышіў, слова тѣй куринѣй, ящо пачици.

— Укусна, дужа укусна!—гаворить старуха, сама супъ пахлебываить.—Да што послѣ будить? Ахъ, пупалась я, — слоўна тая варона у супъ.

— „Тутъ и сумливатца нечига: ета шельма знахарка!..“ падумаў лакей. Сазнались старухи, што калёцо украли.

— „Ну ладна, украли сабѣ, такъ и украли; а принясика мнѣ сюда лебидя, да падайця калёцо.“ — Принесли.

— Дайця жъ яму на маніхъ глазахъ праглытці калёцо у хлѣбн, да глядця: ни 'бманця! — Лебидь праглатіў калёцо съ хлѣбымъ. Потѣмъ старуха и гаворить барину:

— „Баринъ, ня извольта панапрасну гнѣватца, сябе раздражать, а прашу васъ выслушать, што я вамъ скажу: лебидь праглытці ваша калёцо“. — Вспароли зобъ лебидю, глянуть: калёцо! Баринъ приказаў наградить старуху. А сынъ и гаворить атцу (паничи ети заужда ахотники спорить):

— „Панинька, пайзвольта-ка: я загадаю старухи: старуха васъ абманіла.

— Старухъ, гаворить баринъ, ну, сматри! если ты 'тгадаишъ, што загадаецъ табѣ паничъ, награжу тебе якъ надаби быць; а ни 'тгадаишъ, столки-та табѣ лозаннѣ у спину. — Паничъ павѣў старуха у садъ:

— „Угадай, што спрячу у рукѣ“. — Съ етymi славами атайшоў атъ яе. А пагода стаала вясенняя: дярэвья распустились и ужъ твитами пакрылись, пѣли птички, літали жучки и мятлушки: усякыя дыханія хвалила Госпыда Бога—а на душѣ у старухи ящо болій скрѣбло.

— Што-та скажу я паничу? А чуть было я и ня вырвалася на волюшку, а тутъ... Паничъ ходить по саду и самъ сабѣ думаетъ, што бы такая старуха паднясти ли атгадки. Сарвѣтъ листокъ и сійчасъ жа бросить: — Ета абнакнавенна. Твѣтокъ съ ябланки—тожа вочинъ абнакнавенна. Лятѣў жука, буцъ паничу абъ лобъ. Паничъ падняў жука:

— Нихай старуха жука атгадаецъ—паглядимъ!“

— Ну, бабъ, што у мяне ў рукѣ.

— „А, паничекъ ты мой!..“ гаворить старуха: „А пупалася Жучка на мучку у баринныхъ ручки!..“ — Ета ана жучку пра сябе сказала: яе на дярэўні уси мальчишки такъ кликали: Жучка, Жучка—и пашла ина „Жучкню“ зватца и сама сябе звала такъ. — А паничъ што падумаў: ета старуха пра жучка, што іонъ у рукѣ дяржить.—Якъ махнеть тога жука падъ ноги:

— „Ахъ, угадала таки, вѣдьма!“ — Пашли къ паниньки.

Наградіу баринъ старуху, якъ наможна луччи, у карети атвезъ приказавъ. Зажила старуха са своимъ сынимъ на славу, а вавувать приистала.

Ж 3.

Якъ попъ съ дяканымъ дянѣгу наживали: дяканъ чужоя вещи хуваль, а попъ атгадываль.

Попъ съ дьяканымъ уздумали заниматца вотъ чимъ: дьякынъ крадить и хувать крадинныя вещи, а попъ атгадыть, идѣ тѣя вещи. И праслылъ попъ знахаримъ па усей странѣ, дайжа дашоль абъ немъ слыхъ да самыга да царя.

А у царя прапаѣ дарагѣй перстинь, и ня стольки дорагѣ царю тѣй перстинь, скольки дорга узнать, „хто изъ моихъ приближныхъ людей абманилъ мене, украѣ мой перстинь.“

Пасылаить царь за папомъ, ибъ каторымъ іонъ былъ наслышанъ. Привязали папа у дарагѣй карети, посадили за столъ у пышныхъ палатахъ и замкнули, поють и вориють на славу. Ну, попъ такъ и клапотить, такъ у яго на сердци и скрабуть кошки, дайжа ида на умъ найдеть.— „Харашо то мнѣ здѣсь, гаворить іонъ, пачти што у слыхъ. Сяжу мяхеа, ѣмъ смашная кушання, а апасля-то што будить. Брюха наѣдайся, а ж... атдувайся!..“

А украли еты перстинь виниралы Брюхыѣ и Ж..... Яны падашли къ двери и слушають, што знахарь тѣй, попъ, будить дѣлать. Услышали послѣднія слава, потѣмъ и гаворють адинъ на воднаго: — Братъ, што ты знаишь? вить батька-то ета на насъ гаворить!.. (Правядлива сказана: на вори шапка гарить). Пришли къ папу и сазнались: — Идѣ намъ укрытца ать васъ — вы вить запраѣскій знахарь — а пришли мы къ вамъ и по добраму сазнаемся у сваей винѣ: мы украли перстинь. Хто Богу ня грѣшинъ, а царю ни винувать! Низвиняйти жъ, батюшка, абъ чомъ васъ бизнакомъ, а пакрыйта насъ... И мы вашу милюсть ни забудимъ, и будимъ вамъ благодарны — и ни якъ нибудь.

Попъ етому дужа абрадываѣся и гаворить: — „Ну, ето харашо, што вы сами сазнались. Палавина вины вамъ за ета пращанца: павинную галовушку и мечъ ни сачѣть. Принасити-ка сюда лебидя!“.. Принясли. — Закатайта на моихъ глазахъ пер-

стинь у хлѣбѣ и дайтя яму праглытити. — Потѣмъ у присутствіи царя и ўспароли лебидю зобъ и вытигнули перстинь.

Царь и гаворить: — „Я оченъ даволинъ, — на крайній мѣри. ни на каво изъ васъ мнѣ думка ня будить. Тутъ лебидь усяму причинный.“ — Атблагадаріу царь пуца и атпустиу, а виньралн ящо таго болій яму были благарны. Посли таво зажилъ пощ на славу, а вурувать поўна.

№ 4.

Деревня Проверженка Ельнинскаго уѣзда.

Абъ убогихъ старцахъ, якъ ихъ мазурикъ надуу.

Ишли старцы на гораду, и було ихъ 12: 6 сляпыхъ, 5 храмыхъ, а 12-ий храмаить, да ня дужа и руками троху дѣйстуйть. Ишли яны на вулицы близка къ трахтиру. Выходить къ имъ мазурикъ: — „Здрастуйтя, убогія!“ — Здрастий, батюшка! — Приходють храмѣя напярעדъ, а сляпѣя — сзадѣ; мазурикъ на сляпыхъ гаворить: — „Вотъ вамъ, сляпѣя, 100 рублей!“ А самъ и пашоу, ничога имъ ни даўши. Сляпѣя астанавились и думаютъ, што деньги узяу хто нибудь изъ ихъ. — „Што будимъ дѣлать зъ етими диньгами?“ — А пайдѣмъ-ти-ка у трахтеръ, папѣмъ да пагуляимъ. — Пашли у трахтирь: — „Трахтирщикъ, дай-ка намъ на 100 рублей папить да пагулять!“ — Дн ти іось жа у васъ деньги? — „Дн іось!“ ... Сѣли. Трахтирщикъ имъ на 100 рублей падау. — „Ну, што, убогія, пажалуйтя рашотъ!“ — А вотъ сичасъ. — Во яны адинъ у иднаго стали пытатъ: — „Ти у тябе деньги?“ — Нѣту. — Мучіўся, мучіўся трахтирщикъ — нѣту денигъ. Уходитъ мазурикъ тѣй, што деньги давау: — „Ну, што, ребяты убогія, чимъ вы разабижены?“ — Да вотъ такъ и такъ, батюшка! — „Ну“, гаварить мазурикъ: — „я вамъ пуваражу, — толькѣ сабаритя денигъ!“ ... Во еты сляпѣя, хто питачекъ, хто капѣичку: набрали рублей 5, и атдали мазурику. — Ну, сляпѣя, прихадитя вы заўтри на такую-то вулицу: я вамъ пуваражу, а сянни некада. — Пришли яны назаўтрига на тую вулицу. Приходитъ и мазурикъ: — „Ну, убогія, прашу я васъ на поминки!“ — А куда жа намъ идить, батюшка? — „А идитя за мною“. — Привеу іонъ ихъ у царскій дварець, самъ узяу да и пашоу, куда яму нада. Яны думаютъ: — „Пришли

мы на поминки: када жь будуть насъ частить?“... Приходить къ имъ салдаты:— „А што вы, убогія, зайшли суды бязъ просу?“—Какъ, батюшка? Насъ аднѣ завѣў на поминки: будить атца пуминать.—Салдаты далажѣ царевны:— „Пришли нѣйкія убогія вашига атца пуминать, а іонъ ища добръ-здароў и царствымъ вирадуть.“—Царевна ни ўзлюбила:— „Забрать ихъ у тямвицу, кармить, панть, пакель царь умреть“... Засажали етыхъ сляпыхъ, коржють, поють, а яны радуютца, што харашо имъ. Царевна думанть:— „Дакуда я буду кармить етыхъ убогихъ? Эта утрата бальшая.“—Думанть: распустить ихъ на сваю родину, гдѣ каторый радѣся, и давать по 3 рубли у мѣсяць.—Старцы Богу молюцца за етыга мазурика: „Дай яму Богъ здароўя, якъ мы таперъ спакойны!“... Стала имъ в тутъ нихарашо:—Якъ умреть царь, дакъ намъ и ни давядетца на поминкахъ пабыть: давай прашенія сплшимъ, штоба ипать було можна намъ па гораду хадить, а то намъ и жалавання царская ни нада“... Эта прашенія дайшло да царевны: усердился ина, што имъ ни наравитца лежа на баку хлѣбъ зараблять, ни приказала ина имъ пендіи давать, а дазволила имъ хадить па ярмалкамъ стадами и пуминать. Старцы етымъ довольны стали.

Записано отъ старика Евдокима Хатуля.

Ж 5.

Деревни Проверженка Ельнинского уѣзда.

Якъ Андрея Хвадей за грошъ мучѣй.

Быў Хвадей, и було у яго многа дятѣй, и бѣднысть уаго была бальшая: дятѣй питать нечимъ. А у дрўгимъ сялѣ быў Андрей и той быў бѣдинъ. Думаў Хвадей:— „Якъ ба тутъ разжитца у скорымъ рази денигъ? Пайду вичаромъ позна у церкву: нибяру тамъ денигъ“.—Вышѣ на дарогу. Идетъ на сустрѣчу къ яму чилавѣкъ,—такъ яны сустрѣтились:— „Здароў“.—Здароў.—Куды ты идешъ?—А иду када бѣ идѣ што уварувать“.—Ну, пайдемъ умѣсти: я тожа иду варувать“. (А етый чилавѣкъ быў Андрей). Идутъ яны и радютца:

— „Куды пайдемъ?—Абварувать мужучка — плакатца будить.“—Гаварить Андрей:— „Будимъ мы аднаму Богу грѣшны: пайдемъ у храмъ, набяремъ денигъ!“... Набрали яны денигъ

примножиства, вышли яны изъ церкви да лѣсу; зайшоуши у пушу, дялили деньги трай сутыкъ. Дялили яны ни на щоть, а на мѣру, и дасталысь имъ по три шапки денегъ; атстаецца адинъ грошъ старинный, лишній, и Хвадей на 'Ндрея гаворить:

— „Што, Андрей? Иди ты на рынкъ, размяни етй грошъ, а такъ яго мы ни раздялимъ“. — Распращалисютка и пашли каждый па сваимъ дварамъ. Какъ Андрей пришоу дамой, изъ радысти деньги еты прибрау, а пра грошъ и забыуся. Были у Андрея рибятки и знашли етй грошъ у яго платъти. Стали гулять и грошъ етй патирали. Уздумау Хвадей:— „За што жъ Анрею грошъ лишній?—Пайду, вазьму у яго“. Приходить Хвадей къ Андрею: — „Ну, Андрей, падавай грошъ!“ — Андрей Хвадею у первымъ рази пакариуся: — „Братъ Хвадей, пашли дѣти на вулицу гулять и грошъ патирали!“...—О, нѣ, братъ Андрей, идѣ хочишъ бяри грошъ, а яго падавай!... Андрей Хвадею за етй грошъ давау шапку денегъ.— „Нѣ“, гаворить: — „ни нада мнѣ твае деньги, а буду у тебе спрашивать етй грошъ, пакуль памрешъ“.—Андрей думанть, што Хвадей гаваріу:— „Буду спрашивать етй грошъ, пакуль памрешъ“... Якъ Хвадей пашоу, Андрей и приставіуся, што бутца намерь; адѣли яго, палажили на кутъ. Пачуу Хвадей, што Андрей паміръ:

— „Пайду жъ я, зъ имъ пупращаюсь, што я зъ имъ суятіуся за грошъ“. — Приходить Хвадей у избу: — „А што, Андрей, було бяречъ грошъ,—дакъ ба ты и ня вумиръ.... Дай жа зъ имъ пупращаюсь!“ — Узяу Хвадей у зубы иглу и давай яго у зубы калоть. Андрей тярпѣу, тярпѣу,—нада атживатца!—Судились яны за етй грошъ три гадъ. Андрей Хвадею уси деньги за етй грошъ атдавау, а іонъ ни узяу. Думанть Андрей:— „Умру и прикажу, штоба мяне и зъ гробымъ у церькву паставили“. — Такъ Андрея зъ гробымъ звязли и паставили у церькву на нычъ. Идутъ у ету ночь вары и лумають двери, улѣзли у двери и ходють. Думанть Андрей:— „Ти ня Хвадей ета пришоу?—Кали іонъ мяне сяредъ дня усяго скалоу, а наччу іонъ мяне саўсимъ замучить“.—Андрей стау у грабу крышву падымать, штоба вылизть. Увидали вары, што изъ гроба лѣзять мяртвецъ, и гаворють:— „Утикайтя: будить вамъ худа“... Сколько яны денегъ набрали, уси съ пирацугу пубрысали. Андрей вышіу зъ гробу, пирикрястіуся: — „Госпыди, грѣхъ на грѣхъ, а еты деньги зыбару: ти ня будить тутъ граша?“—Думанть па-

томъ Андрей:— „Уси деньги забраўши, мнѣ будить нильзя ат-живитца: скажутъ: у церкви начуваў и деньги забраў! Вазьму одинъ грошъ и ляжу у гробъ“.— Увидіў сторожъ, што церква разломана, и зазваніў іонъ тривогу. Пасбижаўся народъ; стали гаварить, стали кричать. Кричить Андрей съ гробу:— „Народъ православный, узимитя мнѣ крышку!“... Вышіў іонъ зъ гроба, пошъ яго спрашнїть:— „Што, Андрей, ты тутъ быў, ти ня чуў ты, ти ня видіў, хто быў тутъ?“... Гаворить Андрей:— „Батюшка, я чуў, што нѣхта ходитъ тутъ, дакъ я закричѣў:— „И я тутъ!“— Дакъ вары гаворють:— „Ухадитя, ребяты, а то тутъ мертвыя устають!“... Приходитъ Андрей зъ гробу дамой и гаворить хазяйки:— „Ну, хазяйка, слава Богу! Таперь будимъ жить: я грошъ дастаў, съ Хвадеимъ расплачѣся!— Приходитъ Хвадей. Андрей гаворить:— „Ну, Хвадей, грошъ я дастаў, вазьми яго, да разминяй самъ:— сабѣ вазьми палавину и мнѣ палавину!... Якъ мы съ табою были за братца, одинъ аднаго пачитали, а пѣтомъ я два разы за тябе умираў, за етый грошъ я табѣ три шапки денегъ атдаваў, а ты быў нямилысліў!— Гаворить Хвадей:— „Братицъ мой, я тябе и калоў.... Ну, братъ, бари сабѣ шапку денегъ. а грошъ нѣхай мнѣ.“— „Нѣ, братъ, я табѣ и три шапки даваў, да ты ни браў!...“ Хвадей гаворить:— „Ну, бари сабѣ 1½ шапки денегъ, только будимъ жить харашо!“— Узяў Андрей деньги, и жили яны харашо одинъ съ аднымъ.

Записано отъ старика Евдокима Хатуля.

№ 6.

Деревня Проверженка Ельнинскаго уѣзда.

Якъ храмэй, сляпэй и глухей царю служили.

Сабрались у кучу на дарогу: храмэй; сляпэй и глухей. Сляпэй гаворить на храмага:— „Ну, идѣ намъ денегъ дастаѣ?..“ Удругъ имъ причулысь, што глухей нѣшта сказаў:— „Пайдемъ къ царю: іонъ намъ будить деньги давать.“— Пришли къ царскому дварцу, и стали яны, идѣ чисавѣя ходють на калавурѣ. Идетъ чисавѣй на хватуру, а яны гаворють:— „Гаспадинъ чисавѣй, далажитя царю, што мы пришли у работники къ яму наниматца.“— Царъ гаворить:— „Спрасятя ихъ суда“.— Прихо-

дють яны налїшна кѣ царю.— „Ну, мужучен, какою вы работою у мяне хатїтя занятца?“—Свѣтъ гасударь, даїтя намѣ работу, каторая палегчи!—Пасылають царь у думу:— „Якѣ тамѣ уздумаютъ яму работу дать палегчи?“—У дѣмї уздумали:— „Сляпога пасадить картошкин стяречъ; храмога живатину пастивить; глухога паставить на царскихъ варотахъ, штоба іонѣ чуѣ, хто будить калакалѣмѣ ѣхать.“ — Развяли ихъ усїхъ: кѣжнаго на сваѣ мѣста. Нямнога яны пубыли, храмѣй думаютъ:— „Ну, што жѣ ета мы ни дагаварїлись съ царѣмѣ, па сколькои кѣжнїму жалаваннїя. Пайдѣ-тка я адїнѣ дагаварѣюсь.“ — Храмѣй двѣ вярсты ишоѣ два мѣсица. Далажили царю, што храмѣй пришоѣ прасить жалаваннїя. Царь приказаѣ пазвать яго.— „Ну, што, харашо живатину пастивить?“—Царь, вялїкїй анпиратырѣ! Я ища живатину и ни пастивїѣ и ни видаѣ яе.— „А идѣ жѣ ты быѣ два мѣсицы?“—А, царь-гасударь, мяне туды на кани звязли, а я уздумаѣ, какоя ты намѣ будїшѣ жалаваннїя платить, и пришоѣ аттѣль пашкомѣ.— Царь гаворить:— „Яму ни живатину пастивить, а яго пасадить на бахту и карьмить.“—Сляпѣй сядѣѣ на картошкахъ, и узнали пра ета гаражани; дакладають царю, што атѣ сляпога усѣ у гароди параскрали. Царь приказаѣ яго привести.— Ну, какѣ ета ты, сляпѣй, калавурїѣ картошки—усї параскрали?—Свѣтъ гасударь, я нїкога ни видаѣ.— „Вотѣ жа, иди на хватуеру кѣ храмоу.“ — Слуги звяли сляпога кѣ храмоу.—Царь приказаѣ:— „Запрягїти три тройки, и привесѣтя кѣ жодный тройки па 3 калакалы, и ѣдѣтя кала глухога.“—Запрягли и ѣдутѣ кала тыхъ варотѣ, идѣ глухей,—іонѣ нїчѣгда и на чуїть. Данясли царю:— „Іонѣ и на ноги ни ўстаѣ—на чуїть нїчога.“—Привесѣть и яго кѣ храмоу и кѣ сляпому.—Сабрались яны ў кучу, и гаворить царь на слугѣ:— „Звасїтї и храмога, и сляпога, и глухога у думу.“—Гаворить тады царь на сваїхъ сынаторыѣ:— „Ну, якѣ вы разсудїли ихъ па разнымѣ работамѣ, то разсудїтя, хто тутѣ вїнувать за етыхъ работнїкыѣ?“—Судїли, судїли, паставїли:— „Храмѣй праѣ: на што яго ставанїли скатїну пастивить, када знали, што іонѣ хромѣ?“—Етыга судѣю, што присудїѣ храмога скатїну пастивить, аштрахувать на 1000 рублей и атдать штрахѣ храмоу на пракармленїя.—Присудїли съ судѣи 1000 рублей и сляпому; глухому тожа съ судѣи 1000 рублей,—патаму што яны знали, хто глухѣ, хто слѣпѣ.

Царь приказаў, штоба ихъ развязли па дамахъ на царскій щотъ, а дэвѣги дастаўляць ни разымъ, а па троху: а то яны разымъ зъ диньгами збадуюцца,—нечимъ будить да смерти пракарнитца; а если атъ ихъ дэньги атстануюцца, то можна послѣ ихъ смерти сродствинникамъ палучить.

Отъ старика Евдокима Хатуля.

№ 7.

Ибъ чудацкѣ Микули: якъ іонъ праўчій любоўніка купчихи, патуяніў глупыхъ мужикоў, папу шутну сшутіў и ў батрачки, замѣстъ бабы, у пупа наймаўся.

Якъ быў мужикъ бѣдный; худа у яго была: одна кабылевка—и тая низдарова. Такъ сусѣди яго присыгласили:— „Братъ Микула, сбуди ты ету кабылку, а мы табѣ купимъ другую, харошую.“—Такъ іонъ ету лошадь завеў у кусты, забіў яе, а шкуру блупіў и панесъ у горыдъ прадавать (а горыдъ быў близка). Іонъ ету шкуру прадаў; дали яму за яе 70 капѣйкѣ на ассигнацію. Узяўши тая дэвѣги, зайшоў у питейный, выпіў, закусіў и сабраўся дамой идить. Пашоў дожжъ, и такей магучій, бальшей. Зайшоў іонъ къ аднаму купцу пасядѣть, пакаमितъ дожжъ пирайдить. Купецъ быў у лаўки, а жонка адна дома. Пріѣхаў къ ей любоўникъ. Жана купцова стала яму рада: давай пить, гулять, и лягли яны умѣсти спать; а жонка купцова празабыва, што купецъ скоро прайдить зъ лаўки. Мужучокъ сядить и усѣ ета видить. Патомъ таго стаў купецъ у домъ стукатца:—агу, любоўнику етому дѣтца некуды. Жана купца гаворить:—Иди у прихожію, пализай падъ печь.“—Мужучокъ ета видить, што харашѣ адѣтый чилавѣкъ падъ печь палѣзъ атъ хазяина,—убаяўся іонъ:— „Када іонъ у харошій адѣжи хувайтца, — палѣзу и я къ яму...“ Палѣзъ и мужикъ падъ печку. Захатѣў мужикъ етый у любоўника денегъ атабратъ, и гаворить яму:— „Братъ, сянии у мяне памѣръ батька и ни вялѣў ни плакать, ни скучать, а вялѣў висялитца...“ Любоўникъ гаворить:— „Братъ, патярпи! Вотъ табѣ 100 рублей: только маўчи!“—Ну, сто рублей вазьму, да ўрядъ ти утарплю! заяю. — Узяў мужикъ у любоўника сто рублей. Троху пасядѣў, да якъ закотить пѣсни на ўвесь домъ... Ку-

пець ета чуць и гаворить на жану:— „Што, любезная, катца, у нашымь доми пѣсни играють!“ — Жюнка гаворить:— „И—и, ета идуть па вулицы парни и пляють“. Мужъ етиму, значить, вѣры паняў:— „Тошна, знать, праўда!“ — Мужучокъ гаворить на любоўника:— „Братъ, стала мнѣ тошна: бяри свае назадъ деньга, а я пѣць хачу.“ — Любоўникъ гаворить:— „Братъ, вазьми мае сапаги, яны стоюць рублей 12,—а толькі маўчи!“...—О-о, нѣ, братъ! и деньга бяри, и сапаги ни нада,—ня утерплю!— Ну, аднака угаваріў яго и сапаги яму атдаў—мужикъ маўчыць. Надѣў мужикъ сапаги и думанть:— „У этага любоўника конь харошъ, запяю...“ Якъ запѣў іонъ пѣсню, ажну домъ тращить. Любоўникъ гаворить:— „Братъ, маўчи: у мяне на дварѣ станць конь съ тыхъгню,—сто рублей стодить—бяри яго сабѣ,—толькі маўчи.“ — Мужикъ гаворить:— Ну, буду тарпѣць,—толькі ни знаю! батыкина слова нада выпаўнить: ета вялікіі рацотъ.“ — Ну, патярпи! — Купецкая жана улажила мужа спать, а сама пашла вароты атчиняць, любоўника выправаживать. Етиму любоўнику совисна паказатца у разодраннымъ жупѣни, у растоптанныхъ кавирзняхъ: усе мужуку атдаў. Во етій мужикъ лѣзить папарѣдъ, а любоўникъ сзадѣ. Купчиха думала, што напарѣдъ лѣзить яе любоўникъ: узгла да й падарила яму кальцо залатая; ина яму и лошадъ паказала. Мужучокъ на ету лошадъ сѣў и благодарить купчиху. А настаящій любоўникъ ни ўдпрыма и виду ей ни паказаў, што іонъ яе любоўникъ. Дуў іонъ пашкомъ вярсты три или чатыри. Мужучокъ етій, вѣхаўши, на сваё поля узвѣхаў. Мужучки ужѣ выихали пахать; старикни ни знають, што ета вѣдить Микулка, а маладзѣ гаворють:— „Ета Микулка вѣдить.“ — Падъизжанть іонъ къ етнимъ мужучкамъ и гаворить:— „Пумагай Богъ, сусѣди!“ — Яны яго спрашють:— „Братъ Микулка, якою ета ты судьбою сабѣ етёму лошадъ купіў?“ — Микулка гаворить:— „А, братцы, вы мнѣ сказали ету кабылу убитъ;—во я яе забіў, а шкуру прадаў.“ — Мужучки гаворють:— „Што жъ ты за шкуру узяў?“ — А, братцы, узяў я 170 рублей; за то купіў тыхъгю, вапа, да и самъ сябе адѣў.—Ныничи, братцы, кони ни па чомъ: харошая лошадъ рублей 5, а харошая шкура рублей 200.— Еты мужучки сабралісь у вучу и давай рѣдитца:— „Што, братцы—сусѣди, бросимъ пахать, коніі пабѣдѣмъ, а шкуры прададимъ, а сами падѣлаимся купцами!..“ Бросили яны пахать, сохи на калѣсы, и

пупріѣхали дамоу. Жоны спрашіють:— „А, што, ти видили, якъ Микулка ѣхаў?“ — А-а, и мы сванхъ коніи пабьемъ, а шкуры прададимъ: ета іонъ за шкуру купіў. — Жоны гаворють:— „А луччи будить, кали мы бросимъ пахать, а станимъ таргувать!— Бьють яны лашадей ўсей дареўній. Дни два били етыхъ коніи, усіхъ пабили, аставили па адномъ тольки дровы вазить. Па-нагрузили яны шкуръ, пувязли прадавать. Уизжають яны у горадъ на площадь; идуть тарговныя мищани и гаворють, увидіўши етій абовъ:— „О, Госпади, нечій абовъ идеть съ кожами,— якога-то купца?“ — Сустрикаютьца яны зъ ими и гаворють:— А што, мужуки, якога ета купца таваръ?—Ета нашъ собствинный.—И вѣскальки мищанъ гаворить:— „Госпиди, во наказаў: са ўсей дареўни кони падохли!“—Мужуки еты астанавились на площади и атпрягли коніи. Приходють къ нимъ пакупатиликажеўники. — „А што, мужучки, прадаеца шкуры? — А няго жъ ни прадаеца? — „Ну, якую жъ пану будить прасить атъ шкуры?“ — А, братъ, ни раўна: іось па триста, па двѣста и па 50 рублей — икая шкура. — Мищани гаворють на другога мужука:— А што, милый чилавѣкъ, вѣрна, у васъ іонъ пубунтуваўшись: просить за шкуру то, што за завадскую лошадь и за живую ни дають!“—Етій мужикъ гаворить:— „Эка-та дуракъ! Да мае шкуры ища дарожи: мае кони были пабуйнѣй!“ — Мищанинъ надрадъ траихъ мужукоў папытаў: па триста, да па сто рублей. И пришоў тотъ мищанинъ, каторый у Микулки шкуру купіў, и спрасіў, пачомъ шкуры. — Яны и яму сказали: — „Іось па триста, па сто—ня роўна.“ — Тотъ имъ стаў гаворить, а яны гаворють:— „У насъ учора Микулка съ саўсимъ пиздаровый лошади шкуру прадаў, а узяў 170 рублей; а наши кони вонъ якоа были!..“ Мищанинъ етій гаворить: — „Братцы. да я учора у Микулы купіў шкуру за 70 капѣйкъ, на 'сигнаціи. Када ня вѣрять,—хадить, шкуру паглядить!“—Мужучки еты шкуру пазнали. Заплакали еты мужучки: абманіў Микулка! Продали еты шкуры, ѣдуть дамоу, и плачуть, и радютьца: — „Микулу етага мы зальлемъ! А живая галава усяго наживеть,—якъ нибудь прыбьемся!“—Пріѣхали дамоу, призываютъ Микулку:— „Ну, што, Микулка, мы тябе съ свѣту збудимъ: ты насъ снадманіў.“ — Микулка ни 'тпирайтца: — „Да, братцы, стою я таго!“ — Яны яго биза ўсякага званія звизали, пувязли къ рякъ.— „Ну, што, аднаму или дванимъ яго пихать, будить грѣхъ.“—Адинъ ста-

рикъ гаворить:— „Братцы, Микулка нихай тутъ настать, а мы пойдимъ у зарысть, высилимъ на кожныга хазяина на хлудцу аднѣй мѣры.“ — Вотъ яны пашли, а яго бросили. А зарысть ать возира была зъ вярсту. Стаить Микулка и кричить: — „Ахъ, кабы хто да на маѣ мѣста стаў: я пя ўмѣю ни читать, ни писать, а мяне судьею ставють: у день сто рублей, а ў надѣлю тысяччу.“ — Ъхаў нѣйкій праизжающій, ни зъ нашихъ земель, каталическій вѣры. Услыхаў іонъ етый крикъ; пасылаить кучира:— „Иди-ка ты, узнай, чаго іонъ кричить!“ — Кучиръ пытайтъ у Микулки:— „Чаго ты кричишь?“ — А во чаго: поставили мяне судьею, я ня ўмѣю ни читать, ни писать, а дають мнѣ у день сто рублей, а ў надѣлю тысяччу; дакъ я хачу ета мѣста каму-нибудь придаить.“ — Кучиръ пра ета сказаў пану. Во етый панъ абрадаваўся и ѣдитъ къ Микулки на тройки лошадей. — „Ну, придаси сваѣ мѣста?“ — Ды придамъ. — Панъ яму атдаў тройку лашадей и кучира. Напрянуў панъ Микулкину адежу, а сваю атдаў яму, а самъ стаў на Микулкина мѣста. Сѣў Микулка на коніи и паѣхаў. Мужуки идуць зъ роши и гаворють:— „Етими хлудцами упихнемъ Микулку у рѣчку уси разныѣ: гриха будить усимъ па троху.“ — Во яны етага пана и упихнули. Гаворють мизъ сабою:— „Нихай-ка іонъ тѣперь чуды пачудить, а то іонъ хатѣў усю дярѣню звестъ.“ — Идуць яны дамой. Во и Микула зъ ими сустрикайтца на тройки коніи, у карети, съ кучирымъ. — „А што, Микулка, ти ты жиў?!..“ — А вы думанта, што нѣ? Вы мяне за коніи заливали, а тамъ ихъ, кольки каму нада. Я тольки у воду пунаў, то сказаў: — „Давай тройку бурныхъ съ вупряжу!“ — Мнѣ сичасъ и падали. — Пришли мужуки дамой и гаворють жонкамъ: — „Мы Микулку було напрасно залили, — ня нужна було заливать. Іонъ намъ многа спосабу даў. — Якога? — спрашють жонки. — „А во: іонъ изъ вады пріѣхаў на тройки бурныхъ коніи, у карети и съ кучирымъ.“ — А-а, дакъ ета усимъ нада заливатца, а мы вамъ башлыки пашимъ, штоба паскарѣй захлябнулись. — Во стали яны шить, жѣдная на свайго мужука, — напили примножества на старыхъ и на маладыхъ, штоба коніи зъ вады паболѣй привяли. Даў Богъ тѣя часы, када нада було заливать. Уся дярѣня вышла на биригъ, штоба пихать у воду. Усихъ пунуѣпихали, адны жоны пу биригу ходють и дажидають, ти скоро будутъ зъ вады на каняхъ ѣхать. Дажидали яны коніи ать палночи да бѣлыга

свѣту, — нѣту. Ужу пастухъ панская стада выгнуў кѣ рѣчки; пытають у ихъ:— „Што ета вы, лябедки, рана ходитя?“—Яны ета пастуху разсказали. Пастухъ имѣ атказыть:— „Эхъ, вы! Вамъ жа таперь свайхъ мужоў вѣкъ ни видать...“ Яны узали адна аднаё за шыю, за руки, идуть и плачуть:— „Микулка спадманіў!“ Микулка самъ быў дужа красіў, ну и жина была тожа красива --- ни пызнаишъ: якъ адно лицо были. Радитца Микулка съ сваею жаною:— „Таперь мужукоў у дярёўни нѣту; я пайду пахатъ на багачову паласу.“—Выихаў пахатъ на ўсихъ свайхъ лашадяхъ, — и такъ еты лошади хараши, што луччи нѣту.

Пачуў попъ, што Микулка чуды чюдить:— „Пайду, пупрашу Микулку, штоба іонъ мнѣ чўду счудіў.“ — Приходить кѣ Микулки на поля:— „Я хатѣ ба тябе пубизнакомить: счуди ты мнѣ чўду харошую?“ — Ахъ, батюшка, таперь харашо пахатъ халадкомъ, а у жаръ дрянъ...“ Ну, якъ етый попъ быў для свайго приходу дужа миласэрдинъ,—нильзя яму, Микулки, ни паслухатъ пупа: нада яму чўду здѣлатъ.— „Ну, вотъ, батюшка, вы пасадитя здѣсь, а я пайду и чўду счужу!“ — Атирѣхъ коній и пашоў. Пашоў бярэзничкымъ, прибигають на папоў дворъ.— „Здрастуйта, матушка!“—Здрастуй, Микулка. Што ты кѣ намъ пришоў?— „А вотъ, матушка! я ли дарози пахаў, ли мяне быў батюшка.—Ну, прайзжаў нѣхта и заспоріў зъ батюшкыю, што у васъ у доми нѣту 3 тысячъ денегъ. Бада іось, дакъ давайта: я панясу батюшки, а вамъ тады дадутъ 6 тысячъ—тысяча на тысячю.“ — Пупадѣя яму 3 тысячи вѣдала и съ шкатулкыю. Дайшоў Микулка да гумна:— „Ну, што, ета чуда ня чуда, а нада ящо“... Вярнуўся іонъ кѣ пупадѣѣ:— „Матушка, я забыў: батюшка вялѣў са ўсихъ старонъ домъ запалить, а прайзжающій вамъ выстраить каминный, трітажны...“ У пупадѣи были дочеи, яны и гаворють:— „Ахъ, маминька, вада такъ, дакъ запалимъ! нашъ таперь диривянный, а то будить каминный.“ — Микулка да тыхъ поръ ни пашоў, пакуда запалили домъ. Видить попъ съ поля, што яго домъ гарить, Вязить и гаворить:— „Ай, да Микулка! Во чўда счудіў,—чуднѣй и ни нада“... Прибигають кѣ дому, стала яго пупадѣя ругать:— „Ну, на што ты Микули приказаў ета дѣлатъ?“—Да, ета я яго пупрасіў чўду счудить... Ну, чўднѣй етага чуда и ни нада... А ти вынила ты деньги? — „Якѣ?!.. Ты жъ вялѣў

Микулки принести къ табѣ деньги!..“ — Ну, счудиў жа іонъ, чуднѣй етыга и нѣту... И жалитца нильзя... Ну, упарѣдъ лясн были паболіѣ: яму паны падалили лѣсу, — іонъ мѣсицы у два абстроіўся. — Микулка усѣ знаў, што будить. Разъ іонъ гаворить жонки: — „Ну, жонка, сянии придеть къ намъ попъ табе у батрачки нанимать. Пригатуй ты мнѣ саянъ, платокъ—усю адежу, — я надѣнусь бабыю.“ — Надѣўся іонъ, сѣў падъ кудель и прядеть. Приходить попъ: — „Здрастуй, Микульчиха!..“ — Здрастуйта, батюшка. — „Ну, идѣ жъ Микулка?“ — А, батюшка, плуту плутоўськая и смѣрть: якъ спаліў вамъ дворъ, — дыкъ нѣкуды сыйшоў, да и нѣту. — „Ну, а што, когда ба ты нанилась ка мнѣ у работницы?“ — Атчаго жъ, батюшка? — Мнѣ усѣ адно: чимся такъ жить, луччи нанятца куды. — Узила пряслицу на плячо и пашла за папомъ. Приходить у домъ; пупадѣя радае такая, што красива баба. Даў Богъ синакосъ. У дякана батраки, у дичка батраки, а ня 'динъ зъ паповыю батрачыю ни справитца. Три гады служіў Микула за ўдаву. Ну, быў у етнѣ салѣ пристолъ, пріѣхаў адинъ дячокъ къ етому папу у гости. Микула гатуить усѣ замисть женщины и удавою узываитца. Гаворить дячокъ папу: — „Батюшка, я заўдавѣў; хазайства вадить нѣкыму, — пагаваритя вы батрачки, штоба ина за мяне пашла замужъ.“ — Священникъ стаў гаворить: — „Ну, ти пѣйдишъ за дичка за мужъ?“ — Дакъ атъ чаго жъ? Када іонъ мною ня гребуйтъ, дакъ пайду... Тадн ужу знаў попъ, што эта быў Микулка, а ни Микульчиха.

Отъ старика Евдокима Хатуля.

№ 8.

Шутъ Шуткинъ, якъ іонъ пупа, мужиноў и пана правѣў.

Какъ жиў адинъ члавѣкъ, а называўся іонъ Шутъ Шуткинъ. Захатѣлась яму адинъ разъ прайдитца кала дароги. Идетъ іонъ дарогуй, а кала дароги попъ пашить; іонъ и гаворить яму: — „Здрастуй, батюшка!“ — Здрастуй, Шутъ Шуткинъ! — Братъ, сшути мнѣ шутку! — „Ахъ, батюшка, сшутіў ба, да шутки дома пазабыў. Ежели вамъ угодна, то выпригитя мнѣ каня, а я сѣвѣжу за шутками.“ — Вотъ попъ выпригъ каня и атдаў Шуту Шуткину. Шутъ Шуткинъ и паѣхаў за шутками. Заѣхаў у ба-

лота, утапіў каня, атрѣзаў яму галаву, хвостъ, а потымъ инять приляпіў и пашоў къ папу: — „Ну, батюшка, за шутками ня зѣздіў, а толька каня утапіў; пайдемъ тянуть“. — Вотъ яны перва узяли за галаву, тянули, тянули, — ня вытянули. Патомъ Шутъ Шуткинъ и гаворить: — „Ну, батюшка, бари ка ты за галаву, а я за хвостъ!“ — Вотъ попъ узяў за галаву, а Шутъ Шуткинъ за хвостъ. Стали тянуть. Попъ тягнуў, тягнуў и атарваў галаву прочъ, и гаворить на Шута: — „Ну, братъ сшутіў ты мнѣ шутку; — што мнѣ таперъ дѣлаць?“ — „А купи, батюшка, ящо!“ — Вутъ попъ бросіў каня, а самъ пашоў дамой; а Шутъ узяў ету лошадь, аблушіў, шекуру прадаў и купіў сабѣ клячу. Павеў яе ў дзрэвню, да приводить къ тремъ таварышамъ и купіў ей гарницъ аўса, пасыпаў ей: — „Вотъ, сматрѣ: паѣсь етытъ авесъ, а пирядѣлаць на сирабро“. — Вотъ ина паѣла гарницъ аўса, а іонъ узяў и падсыпаў падъ яе гарницъ сирабра. — „Вотъ, пасматрѣ: паѣла гарницъ аўса, а навалила гарницъ сирабра“. — Братъ, прадай яе намъ. — „А купіть!“ — „Што вазьмѣшь?“ — Три тысячі! — „О, братъ, такъ дорага будить!... Ну, да што дѣлаць? Мы свае деньги варотимъ“. — Вотъ яны купили лошадь. Адинъ и гаворить: — „дай братъ, перва мнѣ!“ А другой гаворить: — „А, нѣ, пѣрва мнѣ!“ Третій гаворить: — „Да хто узяў, тотъ узяў!“ — Вотъ адинъ узяў; пиринучивала ина ў яго, падсыпаў ей мѣрку аўса и гаворить: „Ну, жонка, къ заўтриму ты шій машну: денѣгъ у насъ будить многа заўтри!“ — Вотъ іонъ на заўтрига пашоў падбирать денѣги, пасматрѣть: тамъ ня денѣги, а толька навозъ. Вотъ идеть къ яму другой таваришъ и спрашіть у яго: — „Што, братъ, какъ тваѣ дѣла?“ — А я ужъ братъ свае денѣги варатіў. — „Ну, братъ, давай таперъ мнѣ: я свае варачу!“ — Вотъ іонъ приводитъ яе, паставіў яе на чистымъ палу, да засыпаў ей, какъ ня можна болій аўса. — „Вотъ многа денѣгъ будить заўтри!“ Пашоў на заўтрига сматрѣть: а ина паѣла авесъ да напакастила. Приходить третій таваришъ: — „Што, братъ, у тебе?“ — А іонъ атвѣчаить яму: — „Слава Богу! я свае варатіў“. — Патомъ и гаворить третій — „Ну, таперъ дай-ка мнѣ!“ — Вотъ и третій такъ сдѣлаў, приходить и гаворить: — „Што, братцы, у васъ? у мяне г...о!“ — Ну, братъ: усѣмъ раўно! — И гаворють яны: — „Пайдемъ мы да зарѣжымъ яго!“ ... Вотъ яны приходють къ Шуту и гаворють яму: — „Ну, братъ, Шутъ, мы тебе пришли рѣзать!“ —

А іонъ и гаворить имъ:— „Вратцы, что вы мене будить гаюд-ныга рѣзать? — падаждитя: жонка блиноу напакетъ, падѣмъ блиноу; тады ужу рѣжыта!“ — А іонъ узяў да начиніў авечій пазыръ кроўю, да падвизаў яго падъ паху, приходить и гаворить:— „Жонка, пакы блины!“ — Ина яму гаворить:— „Што ты ета зіурѣў?“ — А іонъ схватіў ножъ, да ей падъ бокъ; ина — брыкъ и завалилась. Яны ета видють, што іонъ яе зарѣзаў:— „Вратцы, ухадитя!“ — А іонъ и гаворить:— „Падажжитя: я яе атжіўлю!“ — Чимъ жа ты яе атживишь? — „А во чимъ: увидитя!“ Приносить кнутъ, сикануў яе три разы и гаворить:— „Пужка-живушка, атжави маю жанушку!“ — Вотъ ина ускочила и давай печь блины, падкармила ихъ усихъ. Вотъ яны и гаворють:— „Братъ Шутъ, продай намъ ету пужку!“ — Купитя! — „Што вазмешъ?“ — А три тысячы рублей! — „Да ти ня дорыга будить?“ — Нѣтъ, ина стоить! — Вотъ яны купили ету пужку и и панясли съ сабой. Адинъ и гаворить:— „Дай-ка, перва я застаўлю сваю жонку напечь блиноу!“ — Вотъ іонъ узяў ету пужку, пришоў дамой и гаворить:— „Жонка, пакы блины!“ — Што жъ ты ета ашалѣў? я жъ блиноу ни ўтваряла! — Іонъ схватіў ножъ, да жонку падъ бокъ и заколоў. Патомъ узяў ету пужку — живушку, сѣкъ, сѣкъ, сѣкъ. а жонка ни ўстаеъ — няжива. На заўтрига приходить таваришъ: — „Ну, што? икава пужка?“ А братъ, ища разъ толька сикануў-дыкъ ина падпрыгнула! — „Ну, братъ, таперъ дай мнѣ“. — Вотъ іонъ узяў пужку и приходить дамой:— „Жонка, пакы блины!“ — Што ты ета ашалѣў: какія я буду блины печь? — Іонъ схватіў ножъ, да калынуў ей падъ бокъ — ина и завалилась. — Вотъ іонъ узяў ету пужку живушку. сѣсъ, сѣкъ: ни ўстаеъ жонка!... — Назаўтрига приходить третій таваришъ: — „Ну, што, братъ, икавд тваѣ дѣла?“ — А, братъ, толька сикануў адинъ разъ, дакъ ина и ўскочила! — „Ну, братъ, дай таперъ мнѣ!“ — Приходитъ дамой и гаворить: „Ну, жонка, пакы блины!“ — А ина и гаворить: ти ты ўзбясіўса? — А іонъ схватіў ножъ и заколоў сваю жонку. Патомъ ўзяў ету пужку сѣкъ, сѣкъ: ни ўстаеъ жана! — Назаўтрига и гаворють адинъ другому: — „А мы видъ свайхъ жонкѣ пакалоли!“ — Вотъ яны и гаворють:— „Пайдемъ, зарѣжимъ Шута Шуткина!“ — Вотъ яны и приходють къ Шуту, а яго нѣтути. Спрашивають у хазяйки: — „А йдѣ жъ ета Шутъ?“ — А ина гаворить имъ, да и заплакала: — „Мае вы галубчики, мой Шутъ памеръ!“ — Яны и гаворють

ей:— „Пакажи намъ хуть яго магилку.“ — А ина и гаворить имъ:— „А идить на кладбища: идѣ будить парьта зимля, тамъ іонъ и ляжить.“—Вотъ яны приходють на кладбища: свѣжая ни атрытая магилка. (А іонъ ня помирѣ, а атъ ихъ схараніўся). Вотъ яны и гаворють:— „Вазьмемъ мы, хоть на яго магилку напакастимъ!“—Вотъ адинъ и гаворить:— „Ну-ка, первая я!“—Вотъ іонъ толька сѣў, а Шутъ какъ парнеть яго аттуль шилымъ ў душлю,—вотъ іонъ какъ падскочить, да какъ закричить:— „Ай, братцы, іонъ жа жиў! Вазьмемъ мы, яго вытащимъ вонъ!“—Вотъ яны вытащили яго вонъ, да давай яго бить, а іонъ давай ихъ прасить: — „Братцы, ня бейтя: я васъ пакармлю мѣднымъ!“—Вотъ іонъ—павеў ихъ ў пчальникъ и накарміў ихъ мѣднымъ.— „Братцы, за што вы мяне хатѣли зарѣзать?“—А вѣ за што, Шутъ! ты первая намъ прадаў лошадь, да абмануў; ў другой разъ съ абманымъ ты прадаў намъ пужку-живушку; а ящо абмануў насъ у третій разъ, што ты помирѣ: мы стали пуминаць тябе, а ты насъ шилымъ було закалоў.—А Шутъ гаворить:— „Да, паминъ вашъ харошій,—разви такъ пуминають члавѣка?“—Ну, да прости ужъ насъ, Шутъ,—ну што дѣлать?— „Да Богъ зъ вами!“—Вотъ яны немнога пагада и гаворють:— „Пайдѣмъ мы ў яго пчальникъ, да вазьмемъ самыхъ харошихъ пчоля!“—А Шутъ ета пачуў и пабѣгъ упередъ за ихъ у пчальникъ и улѣзъ ў пустой улій, да ўзяў съ сабою вѣнчикъ. Вотъ яны приходють у траихъ у пчальникъ и гаворють:— „Ну, каторый будимъ выбирать?“—А каторый будить шумѣть, тотъ и вазьмемъ!—Вотъ яны падходють къ таму, идѣ сядѣў Шутъ, узали яго на плечи и панясли дамой. Вотъ яны нясли, нясли, а іонъ сѣдючи тамъ: свись! А яны и гаворють:—Братцы, пайдѣмъ паскарѣй: Шутъ даганяить!—Ишли яны, ишли, а іонъ ипать, сѣдючи, тамъ: свись!— „Братцы, Шутъ даганяить!“—Патомъ іонъ ў третій разъ: свись! Вотъ яны якъ бросили улій, да какъ пубигать ухадить, а іонъ за ими ў дагоню:— „Стой, падажди, ни ушли!“ Вотъ яны бѣгли, бѣгли, патомъ астанавились и гаворють:— „Чаго жъ мы уходимъ?—Разви мы ни справимся ўтраихъ са́днымъ! Пайдѣмъ, да хуть пакушіимъ меду!“—Вотъ яны приходють ипать къ вульлю и гаворють:— „Ну, давайта медъ ѣсть!“—Вотъ адинъ закалупнуў рукою, да палажиў ў ротъ, патомъ и другой, и гаворють:— „Ахъ, какъ харашо!“—А третій узяў и гаворить имъ:— „Ета г...о!“—А яны

и гаворють:— „Ну, братъ, усѣмъ раѣно!“—Патомъ и гаворють: „Ну, братцы, ета намъ усѣ Шутъ панадѣлау! давайта яго искать: іонъ тутъ нейди нидалѣка!“—Вотъ яны искали, искали, нашли яго и гаворють:— „Ну, таперь мы табе ни прапустимъ!“ Вотъ яны ўзяли, вязуть яго и привязали къ возиру, посадили яго ў мяшокъ и гаворють: „Пайдемъ за тапаромъ прасѣчь пролыбеу“. Вотъ іонъ остаўся адинъ ли дароги ў мяшкѣ; ѣдитъ гаспадинъ, а іонъ и кричить: „Ня ўмѣю ни читать, ни писать, а на тотъ свѣтъ у карали иду!“—Памѣщикъ и гаворить:— „Давай, я за табе ў карали пайду!“—Яго аттуда памѣщикъ выпустіу, а Шутъ усадіу яго ў мяшокъ, пихнуу яго ў ваду и гаворить: „Пиши тамъ бурыхъ и сивыхъ!“—А самъ сѣу на памѣщикавыхъ лападей, паѣхау дамой, стау жить, да паживать, да добра паживать. а худа праживать.

№ 9,

Якъ мужикъ съ салдатамъ палоу губили.

Въ нѣкатарымъ царствѣ, въ нѣкатарымъ гасударствѣ, не имина у томъ, ў каторымъ мы живемъ, жиу мужикъ, и такой багатина, што іонъ ни знау сваей казны.—Вотъ иднажды радила яво жана; іонъ гаворить сваей жанѣ:— „Ну, што мы таперь будимъ дѣлать?“—А жана яму гаворить:—А ступай, пазави кумоу, и пирякстимъ!—Ну, какъ мужикъ багатый, то и скупой, и гаворить жанѣ:— „Нѣтъ, жанушка, мы ни такъ сдѣлаимъ: ежили зазави кумоу, да зазави многа народу, то будить намъ многа страты,—а луччи мы здѣлаимъ во такъ: пайду я къ священнику и пазаву ято аднаго къ сабѣ ў домъ,—іонъ у насъ пиряхрестить, мы яго угастимъ, и будить намъ меншій сходу.“—А хазайка яму гаворить:— „Ахъ, ты то уздумау харашо, да ни такъ: будутъ насъ люди асуждать“.— „Ну, што дѣлать?“—гаворить іонъ: „видъ старая пасловица гаваритца: хуть глазамъ то стыдна, да живату-то раднына: намъ будить меншій сходу.“—Ну, дѣлай, какъ хочишь!—гаворить хазайка. Вотъ іонъ и гаворить:— „Ну, пригатоўти-ка, што тутъ нужна, а я пайду за папомъ.“—Вотъ яны и стали пригатаўлять, а іонъ памоу за папомъ. Приводить папѣ и гаворить яму:— „Ну, батюшка, пиряхрести мнѣ рабенка!“—А попъ гаворить:—А идѣ жъ твае

кумы? — „А я кумоу ни зваў: прихрыстити такъ, — и большій ничаво!“ — Попъ и гаворить яму: — Ну, ета будить стоить пять рублей! — Ахъ, якъ мужуку жалка паказалась, што попъ запра-сіў пять рублей! Какъ схватиў колъ, да пуна па галавѣ — и за-біў. Тада ўзяў яго, падкняў падъ печку, патамъ сѣў. Сядить и думать, што таперь дѣлать. — „Вазьму, пайду за другимъ папомъ!“ — Паѣхаў іонъ ў другога сяло; привезъ іонъ другога пуна и гаворить яму: — „Батюшка, прихрыстити мнѣ рабѣнка: нашага пуна нѣту дома.“ — Попъ и гаворить: — Ну, штожъ, мож-на. — А іонъ знаў ўпярѣдъ, што ета мужикъ богатый и ску-пой, и гаворить яму: — „Ета, братъ, стоить десить рублей!“ — Ипять стала жалка етому атдать деньги. Іонъ схватиў колъ и етыга пуна убіў, да падъ печку; сѣў и думать, што таперь дѣлать. — И гаворить: — „Пайду за третьимъ!“ Вотъ только іонъ хатѣ за третьимъ папомъ ѣхать, заходитъ къ яму прихожій салдатъ; іонъ и гаворить на салдата: — „Братъ, прихрысти ты мнѣ рабѣнка!“ — Салдатъ сагласіўся; узяў съ дареўни куму ўдаву и павезъ рабѣнка; прихрыстіў; приз-жаить аттуда; іонъ и просить сасѣдника мальчика: — „Зъѣзди, братъ, пупраси священника!“ — Призжаить священникъ на крез-бины; вотъ начали пить да гулять; патамъ посла етыга заспо-ріў попъ зъ етымъ мужукомъ; іонъ схватиў колъ да и убіў етыга пуна. Патамъ сѣў и задумаўся, и гаворить етому куму салдату: — „Братъ кумъ, пасаби ты мнѣ, — што вазьмешъ, — сняси куды нибудъ етыга пуна!“ — А іонъ и гаворить: — Дай сто рублей: снясу! — „Ну, што дѣлать, за етымъ ни станить: няси!“ — Вотъ іонъ и гаворить: — „Ты иди за акно, а я табѣ яго падамъ.“ — Вотъ іонъ пашоў за акно. а мужикъ выташіў папа съ-падъ печи и гаворить етому салдату, свайму куму: — „На, братъ, няси, да сматри, штобъ назадъ ни зваратиўся!“ — Салдатъ узяў яго и панесь у ряку, ўкинуў яго и патапіў. Па-томъ пришоў къ етому мужуку и гаворить: — Ну, што? ти при-шоў? — А іонъ выташіў другога съ-падъ печи и гаворить: — „Братъ, няси снова! іонъ ипять тутъ!“ — Ну, падавай! — гаво-рить салдатъ. Мужикъ яму падаў. Салдатъ знёсь и приходит ипять и спрашнїть: — Ну, што? — А етытъ хазяинъ гаворить: — „Іонъ ипять тутъ!“ — Ну, давай, ипять панясу! — Іонъ атдаў яму и третыга папа. — Патамъ идеть іонъ аттуда и запоў за скирду дроў, и гаворить сабѣ: — Што тутъ за такая? дай пусматрю: ня

будить ли іонъ идить апять? — А подли етый скирды стыяў священнику домъ, и захатѣлись етому священнику прайдица: только іонъ вышіў, а салдатъ яго увидаў и гаворить: — А, братюга, пунаўса! я тебе третій разъ нясу, а ты ўсё вылизашь!..“ Схватиў етыга пуна, паташіў ў ряку и затапіў. Патомъ приходить къ етому хазяину, свайму куму, и гаворить: — „Ну, братъ кумъ, праўда твоя: я ня вѣріў, што попъ ўсё прихадіў, а я яго три раза насіў, а таперь, братъ, павѣрю! Какъ жа іонъ мане распатѣшіў! только я яго третій разъ знесъ и затапіў ў ряку глубока, патомъ иду назадъ. и захатѣлась мнѣ схадить да вѣтру: я ишоў, ишоў: стаить скирда дроў, — я туда зайшоў, пасматрю: идеть попъ. Я спрашію, што за люди, а іонъ гаворить: — „Свае люди!“ — Я спрашію: — Кто ты такой? — А іонъ гаворить: „Я попъ!“ — А, бабушка, пунаўса! — Вотъ я яго схватиў за-касы, притаціў яго, затапіў и колымъ засунуў глубока падъ кустъ“ — Мужикъ и гаворить: — „Ну, братъ кумъ, таперь ужъ іонъ назадъ ни зворотитца!“ — Вотъ ети куманьки, мужикъ и салдатъ распрастались, абнялись, пацалувались, патомъ стали жить, да паживать, да дабро наживать.

№ 10.

Янъ мужикъ съ цыганымъ деньги сѣили.

Какъ жиў адинъ мужикъ сильна багатый, и було у яго сильна многа пчолъ. Патомъ іонъ и завеў дружбу са аднымъ цыганымъ. Радил аго хазяйка, іонъ узяў яго кумымъ; патомъ часта угащаў яго мѣдымъ, а такъ же и вотачкнй, — аднымъ словымъ, какъ браты раднны. — Ну, у цыгана, какъ ня кумъ, какъ ни пубратимъ, а ўсё дурацкія мысли, а ўсё думанть, какъ ба мужука абдѣлать. Адинъ разъ и приходить къ мужуку; — „Здрастуй, кумъ!“ — гаворить цыганъ. — Здрастуй, здрастуй! — гаворить мужикъ куму свайму цыгану. Патомъ цыганъ и гаворить куму свайму мужуку: — „Вѣд, братъ кумъ, што я уздумаў, — гаворить цыганъ свайму другу: давай мы съ табой займѣмся аднымъ дѣлымъ!“ — Какимъ? — „А вѣд какимъ: будимъ мы съ табою сѣить деньги!“ — Мужикъ и гаворить: — „Ну, давай, пасѣимъ!“ — Патомъ дажидають іонъ цыгана. Чрезъ нѣскальки ўремя приходить цыганъ къ мужуку и гаворить: —

„Ну, братъ кумъ, вѣдѣла я ўремя: ежили мы пасѣвимъ мѣрку денегъ, то будить двѣ или три.“ Вотъ яны пасѣили прежде нямнога, а потомъ цыганъ узяў да сваихъ яще прибавіў столько. — Назаўтрига приходить цыганъ къ мужуку и гаворить: — „Ну, кумъ, пайдёмъ выбирать деньги!“ Вотъ яны пашли выбирать деньги: пасѣили одинъ гарниць, а выбрали три. Потомъ мужикъ и гаворить цыгану, свайму куму: — „Ну, братъ кумъ, спасибо табѣ! падажди таперь: пасѣвимъ болій!“ — А цыганъ гаворить: — „Ну, кумъ, дажидай мяне!“ — Мужикъ стаў ажидать, пакуда придетъ цыганъ. Приходитъ цыганъ и гаворить: — „Ну, братъ кумъ, сяводни будить ночь харошая: какъ ня можна болій пасѣвимъ! — Вотъ мужикъ стаў такой радный: вынясь ўсю сваю казну, — вѣдѣла я пасѣили. — А цыганы ўжѣ животь забалѣў, и гаворить мужуку: — „Братъ кумъ, сматри самъ, а мянѣ ужѣ нѣмчы: триханула мяне ўсяго ў дрожь.“ — Потомъ мужикъ легъ спать, а цыгану ужѣ паздаровила: пашоў да деньги еты падабраў. — Назаўтри мужикъ устаў и гаворить: — „Нѣшта майго кума ни слыхать!“ — Приходитъ цыганъ и гаворить: — „Ну, братъ кумъ, кажитца, што наши деньги прыпали! Сяводни ўсю ночь такая сухавѣца. Пайдёмъ-ка, пасмотримъ!“ — Пашли яны сматрѣть, а денегъ нѣтъ ни капѣйки. — Мужикъ завнѣ и загаласіў, и гаворить цыгану: — „Ну, братъ кумъ, вѣдѣла ты мянѣ!.. Што таперъ дѣлать? — Вазьму удаўлюсь или утаплюсь!..“ Мужикъ и жистъ сваю кончіў, а цыганъ павѣхаў дамой, стаў жить да паживать, да ў мужукоў варувать.

№ 11.

Деревня Проверженка Ельнинскаго уѣзда.

Якъ полъ абманіў Тараса аднажды, а Тарасъ яго дважды.

Жіў мужучокъ бѣдный, и была у яго жина, а дятей ни було. Прижіўся да тога. што хлѣба купить не за шта. Была у ихъ карова. — „Ну“, гаворить мужикъ. — „жонка, пувядёмъ, продадимъ корову да хлѣба купимъ.“ — Павёў мужикъ карову продавать. Ёдить священникъ съ причетымъ зъ горыда, сустрикайтца зъ етымъ мужукомъ: „Здароў, Тарасъ!“ — Здароў, батюшка. — „Куды ты ета казу выдешъ?“ — Батюшка, ета жѣ карова! — „Нѣтъ, свѣтъ. ета каза: вунъ и дяканъ скажыть.“ —

Дяканъ гаворить: — „Ета каза!“ — Мужучокъ етнй асуміўся. Попъ гаворить: — Братъ Тарасъ, продай мнѣ ету казу — вотъ табѣ 3 рубли!“ — Нечига дѣлать мужучку: іонъ узяў и продаў ету карову замість казы за 3 рубли, и пашоў двору. Гаворить на жану: — „Икая ты глупыя: замість каровы казу забратала!“ — Жонка на яго напустилася: — „Што ты, съ ума сайшоў?!.. Козы уси дома, а каровы нѣтуті...“ — Ну, баба, што дѣлать?! я продаў священнику, — якъ нибудь апосля разбяремся.“ — Даў Богъ другая скрысення. Ёдить Тарасъ у горыдъ, и знанть, што священникъ са сваимъ причетымъ зайдець у трахтирь абѣдыть. Падгаваріў іонъ трахтирщика: — „Я выпью и закушу на гривинникъ, а ты гавари, што на сто рублей.“ — Еты причетники сидять у другимъ нужири и гаворють: — „Вд мужикъ Тарасъ: за адинъ абѣтъ сто рублей правеў! Ета жъ мы у читваромъ и то — рублей 10 правядемъ, а іонъ сто рублей!..“ Глидять яны у дырку: чимъ ета будить Тарасъ расплачиватца. Тарасъ якъ тащить калпакъ аршина у 1½, уноситъ у трахтирь. Ударіў разъ на калпаку: — „Што, трахтирщикъ, заплочина?“ — Заплочина. — Попъ ета видитъ и дивитца съ причетымъ. Другей разъ ударіў Тарасъ на калпаку — да звиданія. Третей разъ ударіў, — гаворить трахтирщикъ: — „Ну, маладецъ, Тарасъ: платить умѣишь.“ — Священникъ и гаворить: — „Рибяты-причетники, купимъ у Тараса етнй калпакъ: іонъ намъ будить нада: у насъ жодную паѣздку будить дармавѣй абѣдъ у трахтири. Ну, дякниъ, ты клади 25 рублей, дячки паложуть умѣсти 25, а я адинъ 50: за 100 рублей, можа, прадасть калпакъ.“ Тарасъ ёдить дамой, даганяить яго священникъ: — „Што, Тарасъ? Продай етнй калпакъ намъ: етнй калпакъ насъ будить вызвалять. Што ты за яго вазьмешь? Мы табѣ, Тарасъ, дадимъ 50 рублей сирябромъ.“ — Нѣ, батюшка, ни какъ нильзя атцоўская благаславленія пакидать: хуть жа разъ злучитца у горыди быць, дакъ папью — пагуляю. — „Ну, паслухай, Тарасъ: вотъ табѣ 100 рублей сирябромъ?“ — Нѣ, ужу, батюшка, када хочитя купить, дакъ прадамъ за 150 рублей. — „Ну, причетники, купимъ сичасъ, а то хто нибудь дарожи дастъ.“ — Купили етнй калпакъ за 150 рублей. Пріизжанть Тарасъ двору и гаворить на хазяйку: — „Ну, хазяйка, бранились ты на мяне, што я замѣста казы карову продаў, — продаў и я свой калпакъ за 150 рублей.“ — Тарасъ етнй троху цуправіўся жить. Священникъ дажиданть праздника,

штоба їхать у горыдъ на дармавой абѣдъ. Паѣхали яны и зъ жонкамі, и зъ нянькамі, и зъ дятлы у горыдъ. Заказали трахтирщику: — „Дай-ка намъ на 200 рублей папцъ-пагулять!..“ Трахтирщикъ гатоў: падаў на 200 рублей. Якъ паѣли: — „Ну, гаспадинъ священикъ, пажалуйця и ращотъ!“ Батюшка вылазитъ: — „Сичасъ, гаспадинъ трахтирщикъ!“ — Принесъ панамаръ зъ двара калпакъ. Священикъ якъ ударіў: — „Ну, ти ў ращоты, трахтирщикъ?“ — Не-е, попъ, падай дзеньгі! — Сичасъ попъ атдаў дьякану бить: дьяканъ біў, біў, — усё ращотъ спрашюць. Уси еты калпакъ били, а ўсе ращотъ спрашюць. Сталі складыватца, заняли дзеньгі и заплаціли у трахтирѣ. — Тарасъ еты дзеньгі года за два спустіў, гаворить на хазяйку: — „Што, баба? Умирай-ка ты, а я паѣду за священикымъ; я яму скажу: — „батюшка, пажалуйця съ пакаяніемъ: мая хазяйка низдарова.“ — Прііжжають къ священику. Батюшка и пытають: — „Ну, што ты пріѣхаў?“ — А што, батюшка, пажалуйця съ пакаяніемъ: хазяйка умирають. Сабраўся попъ и паѣхаў съ Тарасымъ. Прііжжають. Хазяйка ужо умерла и ляжить на кутѣ прибраная: — „Вотъ, батюшка, благаславити-ка вы мяне! у мяне іосъ старинная дубина, (ища калі свѣтъ зачинаўся): я сваю жонку три раза ударю, дакъ ина атживитца.“ — Ну, гаворить попъ: када ета ища атъ старыхъ атцоў, то благаслаўляю! — Батюшка зъ вотарапу вышіў у сѣнцы, а Тарасъ примѣръ здѣлаў: жану іонъ ня біў, а ударіў па лаўки вокала яе три разы — ина замичѣла. Якъ батюшка бы чилавѣкъ добрый, то абрадаваўся, што чилавѣкъ атживіўся. Уходитъ у хату: ина ужо сядить на лаўки и пакиваватца; тутъ ей дали вадіцы халоднинькій напитокца. Ина стала ачухаватца; батюшка публагадаріў яго за ета и паѣхаў дамой. Пріѣхаў дамой и пирисказыть свайму причету злучай, што при имъ злучіўся. — „Какъ ба намъ ету дубину купить: якъ мы на похараны їздимъ, то мы етыю дубинною атживали ба мртвяцоў. Складѣмся мы и купимъ у яго дубину.“ — А вы, батюшка. зѣздитя, патаргуйтѣ. — „Нѣ, паѣдмѣтѣ уси туды.“ — Прііжжають яны къ етому Тарасу. — „Што, Тарасъ, прадаси намъ тую дубину, што людей атживають?“ — Прадамъ. — „Што ты за яе вазьмешъ?“ — Ахъ, батюшка, дайтѣ 500 рублей. — Ну, яны и радютца: „Я“, гаворить попъ: „адинъ палажу 250 рублей, а вы, причетъ, у траѣмъ 250.“ — Атдали дзеньгі и дубину съ сабою узали. Тольки яны пріѣхали дамой. пріѣхаў къ имъ купецъ багатый: — „Ба-

тющка, у мяне сянни жина пумирла: пубизпакойтиса тѣла сха-
ранить.“ — Сичась, гаспадиня купецъ, пріѣдимъ. — Сабрались
яны ѣхать и узали ету дубину съ сабой. Пріизжають, ляжить
на сталѣ тѣла. Гаворить попъ на дякана:— „О,— о, мы яе ат-
живимъ! Няси-ка, панамарь, дубину!“ — Купецъ ета глядитъ, на
што ета панамарь дубину нясєть. Ударили три разы яе—ни
'тжїўляйтца. Сродствинники далажили абъ етымъ купцу. Купецъ
стаў на ихъ жалитца, што тѣла пабили. Папоў етыхъ пубрали
на судъ да спраўки дѣла.

Отъ старика Евдокима Хатуля.

№ 12.

Якъ папоў батранъ пупадьдѣ праўчїў и дыякана, яе спа-
любоўника, и пупа нащотъ пупадьди абразумїў.

Въ нѣкатарамъ царстви, въ нѣкатарамъ гасударстви, на
иминна ў томъ, у каторымъ мы живемъ, жїў попъ. Вотъ ну-
жинъ быў яму работникъ; вотъ идєть прахожїй чилавѣкъ,
и гаворить:— „Батюшка, я слышаў, што вамъ нужна работника.“
— Да, нада. — „Ну, наймитя мяне!“ — А какую плату табѣ дать,
прахожїй чилавѣкъ? — „А сто рублей, батюшка“. — Да какова
ўремя? — „А пакуда за печкью тилаты замычатъ!“ — Попъ ду-
маў, думаў, какія ета тилаты; патомъ и гаворить:— „Ну, такъ
и такъ“. — Вотъ іонъ яго наняў; патомъ и гаворить: — „Ну,
братъ, паѣдимъ у поля пахатъ“. — Вотъ яны ѣдутъ на цѣлю
нядѣлю пахатъ. (А работникъ знаў, што дякынъ живєть съ пу-
падьдѣю). Вотъ яны пахали, пахали цѣлыи день; патомъ при-
ходитъ ночь; атпрягли лашадей, паужинали; попъ лажитца спатъ,
а работникъ сядить. Попъ и гаворить:— „Што жа ты ни ла-
жистя?“ — А іонъ атвѣчаєтъ:— „Нѣтъ, батюшка, мнѣ нельзя
спатъ.“ — Чаго такъ нильзя? — А іонъ яму гаворить:— „А у меня
палуношница.“ — А іонъ гаворить:— Ахъ, Божа мой, якъ мнѣ
тябе жалка! — День работаў, работаў, и ночь ни спатъ! — Ну,
што дѣлать, батюшка!“ — Только попъ заснуў, а работникъ, за
што наняўся, тога и сматрїть. Садитца на каня, и паѣхаў да-
мой; пріизжаєтъ дамой, а дякынъ съ пупадьдѣй пирують. Іонъ
пасматрѣў у вакошка и давай стучєть:— „Аттварити-ка мнѣ“. —

Пупадья и спрашіть: — Хто тамъ такей? — „Я, работникъ вашъ“. — Пупадья и гаворить: — „А, дяканька мой, куды мнѣ тябе дѣтъ? — Пализай ты надъ полъ“. — Вотъ іонъ уходить у хату и гаворить: — „Ахъ, къ какому я бизпакойнаму папу наняўся: день работай, а ночь ня спи! Вялѣў мнѣ, штобы я печку вытапіў и тилить напай“. — А ѣдъ ты, ѣдъ: я сама напаяю. — „Нѣ, матушка! пушай ня грѣхъ будить пубажитца, што я свае справіў“. — Вотъ іонъ затапіў печку, нагрѣў поила и давай тилить пайть. Вотъ іонъ пайў, пайў, и пупаўся яму дяканъ. Вотъ, іонъ какъ саскребѣ яго за гриву, ужъ іонъ яго тапіў, тапіў, абпачкаў яго ўсяго ў поила, а самъ вышіў и смотреть падъ вакно. Вылзайть дяканъ съ-падъ полу и гаворить: — „Вд, наняли работника, какого бизпакойнага“. — Работникъ и паѣхаў ипать у поля. Прінзжайть къ свайму мѣсту, къ шалашу, попъ спить, и іонъ легъ спать. Назаўтрига устаеъ попъ и будить работника: — „Ну, братъ, уставай: будимъ пахать“. — Работникъ устаеъ и начинаить пахать. Вотъ яны пахали ипать да вечира, атирагли коній, паужинали; попъ легъ спать и гаворить: — „Ну, братъ, лажись, да спи!“ — Нѣтъ, батюшка, вы знатя: у мене палунощница! — Попъ заснуў, а работникъ ипать паѣхаў, прінзжайть дамой; стукъ, стукъ, падъ вакно и гаворить: — „Атвари, матушка!“ — (А дяканъ ужъ тамъ). Ина и спрашіть: — „Хто тамъ такей?“ — Іонъ и гаворить: — „Ета я, работникъ!“ — Што ты пріѣхаў? — Ина и гаворить: — „А, дяканька, ты мой, а йдѣ жъ мнѣ тябе дѣтъ? Лѣзь на горницу, да ўлѣзь у мяшокъ!“ — Вотъ іонъ узлѣзь на горницу и ўлѣзь у мяшокъ. А работникъ уходить у горницу и гаворить: — „Ахъ, къ какому я бизпакойнаму папу наняўся: день пашимъ, а ночь упрѣдлайся!“ — Ина и спрашіть: — Што жъ іонъ табѣ приказавъ? — „Да какъ жа, што? — Вялѣў узлѣзъ на горницу и пиричитать мяшки съ перьвимъ!“ — Да я сама знаю, сколько ихъ тамъ. Паѣзжай ты у поля! — „Нѣтъ, матушка, нихай мнѣ ня грѣхъ будить пубажитца, што я сваѣ справіў“. — Вотъ іонъ палѣзь на горницу, и давай ети мяшки считать, и пупаўся яму мяшокъ, идѣ сядѣў дякынъ, — вотъ іонъ яго збросить, збросить абъ землю, да й ипать устащить, патомъ пиричитаў и ипать паѣхаў у поля. Вышіў за вароты и смотреть падъ вакно: уходить дякынъ, увесъ избитый, и гаворить: — „Во, наняли работника, какого бизпакойнага: яму и ночи нѣтъ“. — Пріѣхаў работникъ ипать

къ свайму мѣсту и легъ спать. Назаўтрига попъ и будить работника: — „Ну, братъ, уставай, — пара пахать!“ — Пахали; пахали ипять да вечера, потомъ атпрыгли коній и лягли спать. — Работникъ ипять устаѣ, сѣѣ на каня и паѣхаѣ ипять дамой. Вотъ іонъ стукъ, стукъ у вакошка и гаворить: — „Матушка, аттвари!“ — А ина гаворить: — „А, дяканька мой, куды жъ мнѣ тябе дѣтъ? Вазьми, лѣзь за печку!“ — Вотъ ина яго схувала; потомъ и спрашнѣть: — „Хто ета тамъ такей?“ — А іонъ атвнчаить: — „Ета я, работникъ вашъ!“ — Што ты прѣхаѣ? — „Да вакъ жа, матушка, какой вашъ бизпакойный попъ: самъ ляжить спать, а мене пасылаить печку вытапить, вады нагрѣтъ и ѣсѣхъ прусоѣ за печкаю павыварить!“ — Паѣзжай ты, спи: я ѣсѣ падѣлаю. — „Нѣтъ, матушка, пускай мнѣ ня грѣхъ будить пубажитца, што я сваѣ справиѣ“. — Вотъ іонъ затапѣу печку, нагрѣѣ вады и давай прусоѣ заваривать: абварѣу усяго дякана; а самъ пашоѣ и стаѣ падъ вакошкымъ. Дякынъ вылизъ изъ-падъ печки и гаворить: „Ну, я таперь досытъ хадить къ табѣ за такимъ машенникымъ: ета ни работникъ, а ета машенникъ: іонъ мнѣ ни йдѣ ни даеъ спакойна спрататца. А вотъ, што табѣ скажу: заўтри я паѣду пахать, а ты мнѣ принеси абѣдать!“ — „А йдѣ мнѣ тябе найти?“ — „А я буду пахать падъ бязезныкымъ на пѣгымъ кани.“ — А работникъ ета и слышитъ; потомъ и паѣхаѣ ипять на мѣста, легъ спать и заснуѣ. Назаўтрига попъ устаеъ и будить: „Ну, уставай: давай пахать“ — Ипять пахали; потомъ и гаворить: — „А што ты, батюшка, знаишь?“ — А што? — „Сяводни намъ матушка принасеъ палудनावать!“ — А пачеъ ты знаишь? — „А я видѣу ва снѣ“. — Вотъ приходитъ дѣла къ палудню, а іонъ пахаѣ на враномъ кани; вотъ іонъ узяѣ да збросѣу съ сябе далоѣ штаны, падпаясаѣ лошадеъ и здѣлаѣ яе пѣгую. Вотъ ина идеъ и нясеъ абѣдать дякану. Глядѣла, глядѣла съ краю, идѣ пашутъ на пѣгымъ кани; потомъ идеъ пряма къ имъ. Потомъ іонъ и гаворить: — „Во, батюшка, вить намъ матушка палудनावать насеъ: мой сонъ збыѣся!“ — Вотъ ина падходитъ ближи, пасматрѣть: ни дякынъ, а попъ, то ужъ ей некуда диватца; ина приносѣть пряма къ имъ и плачить, а попъ спрашнѣть: — „Што ты ета сяводни ѣздумала пра насъ?“ — А ина гаворить: — „А, батюшка, сяводни маеъ матушки день, то я принисла къ вамъ атслужѣть панахвиду“. — Вотъ іонъ и гаворить на батрака: —

„Сходи-ка за дякнымъ“. — Вотъ іонъ пришоў къ дякнну и гаворить яму: — „А што ты, дякннъ, знаишь?“ — А што? — „А вить попъ знаить, што ты съ пупадьдѣю живешъ!“ — Потомъ пашоў къ папу и гаворить: — „Нѣ, батюшка, найдетъ: іонъ гаворить, штоба вы пришли!“ — Вотъ іонъ пашоў за дякнымъ, а работникъ гаворить: — „Батюшка, вазьми палку, а то яго сабаки укусютъ тебе.“ А дякннъ, якъ увидиў, што попъ идеть съ палкнѣю, думаў, што ета яго попъ идеть битъ за то, што съ пупадѣй живеть, — да какъ пуститца на ўходъ, а попъ гаворить: — „Дяканъ, дякннъ, падажжи! што ты ета збясіўса?“ — А іонъ гаворить: — У тебе мысли дурнѣя! — Попъ пришоў и гаворить: — „Дяканъ нашъ, знать, ашалѣў! я кричу: падажжи! а іонъ уходитъ, якъ воўкъ.“ — Ну, што дѣлать? я и одинъ атслужу!“ — Вотъ, што дякану несина, то попъ зъ работникомъ усѣ пакушали за здароўя дякана. Вотъ яны ў субботу пріѣзжають дамой; назаўтра нада служить абѣдню. Попъ пашоў служить, а дякннъ ня думайтъ: баитца папа.

Вотъ аднажды пупадьдя пашла ў калодись вады брать, пришли и другея бабы, и пашли у ихъ тамъ разговоры, а работникъ упяредъ адну ўдаву падгавариў, штобы ана ей рассказала, чѣмъ ихъ истребить; вотъ ина и гаворить: — „Матушка, у мяне іостъ такае капли, что ежели даси ихъ, то яны атъ аднаго аглохнутъ, атъ другога аслѣпнутъ, а атъ третьтига падохнутъ.“ — Вотъ ина и гаворить ей: — Ахъ, мая ты галубушка, дай мнѣ етыхъ капель! — Баба гаворить: — „Матушка, я дарма ни дамъ.“ А што вазьмешъ за ихъ? — „А только сто рублей!“ — Пупадьдя вынула и атдала; вотъ ина приносить вады и гаворить папу: — „Батюшка, я вамъ сяводни нагатую. чаго вы хочитя?“ — Ну, гатуй! — А работникъ гаворить папу: — „Батюшка, паслухайтъ мяне, што я буду дѣлать, то и вы дѣлайтъ.“ — Ну, харашо! — сказаў попъ. — Вотъ ина засадила ихъ за столъ, давай имъ падавать, да ўсѣ еты ликаретвы такъ и падыспаить. Вотъ яны аслѣпли; ина поставила другоя, то яны аглохли. Кричатъ одинъ на другога. А ина гаворить: — „Ну, слава Богу!“ — Поставила третія, а яны ѣли, ѣли и завалились, а ина зъ радости заскакала, сняла са стала, што яны ѣли, заслала чистую скатярѣтѣу, пубижала зъ радости за сваймъ дяканымъ, привила и гаворить яму: — „Во, што хатѣла, то й падѣлала!“ — Вотъ яны сичасъ начали пить, гулять;

пили, пили; гуляли, гуляли; а потомъ саскребъ дякынъ пупадью и пувалоць за печку и замичбли, якъ тилаты. Тады работникъ и гаворить:— „Батюшка, тилаты мичать за печею.“— Работникъ ускачіў, попъ ускачіў: во й давай тянуть ихъ аттуда. Вотъ попъ дякана біў, біў, и валасы ўси пупавырваў. Тада работникъ и гаворить папу:— „Ну, батюшка, я жиў у васъ и служіў вамъ; таперь ужъ мнѣ пажалуйтя ращотъ“.— Вотъ попъ узяў: работника ращитаў, пупадью прагнаў изъ дому дадоў, а самъ стаў жать, да паживать, да добро наживать. Я тамъ быў, медъ—вино піў, па губамъ таяло, а ў ротъ ни пупала; дали мнѣ валача, куда-то памача; я быў смѣль, узяў да й зѣў.

№ 13.

Якъ мужикъ свайго батюшку паднадіў.

Въ нѣкатарымъ селѣ быў священникъ очинь сярдытый, и магарышлы, и багатый. Вотъ адинъ быў мужикъ, и такой іонъ быў шутъ и такой машенникъ. — Потомъ адинъ разъ што-та быў гадавой празникъ; вотъ іонъ и приходитъ ў церкву, пумаліўся Богу (а дила сваи іонъ ужъ абстрипау). Потомъ послѣ абѣдни падходить іонъ къ папу и гаворить: — „А што, батюшка, ти грѣхъ ета, што я здѣлаў?“—Ну, што?—гаворить попъ.— „Да вѣ што: я выгнаў съ паповыга гароху свинью.“—Вѣ дуракъ: ну, какой жа ета грѣхъ, што ты папу здѣлаў пользу,—ета братъ ящо табѣ дажа спасѣба!—Да потомъ ящо гаворить:— „Вѣ што, батюшка! што я съ паповыга калидору ваўка выгнаў?“ — Всѣ дуракъ! гаворить попъ: ета жъ какой грѣхъ, — ета ты мнѣ то-жа пользу здѣлаў: іонъ бы жъ тама паѣў мой и скотъ, и дятѣй, и ўсѣхъ ба майхъ дамашнихъ паразагнаў!... За ета, братъ, тожа спасѣба!... Потомъ гаворить:— „Да вѣ што ящо, батюшка, хатѣў я вамъ сказать: только я прижаў ў церкву, и увесь народъ стаить, а шаптуны такъ и шепчутъ: то ти грѣхъ, што я ихъ выгнаў?“—Іонъ и гаворить: Во мужикъ, значить. дуракъ: ну, какой жа грѣхъ, съ Вожжій перьквы выгнать нячистую силу?—Ета ты, значить, палуциў сабѣ спасѣние!... Вотъ попъ яму ўсѣ прастіў, потомъ и нашоў ламой, раздѣўся, и садитца іонъ абѣдать, и ў яго быў ў домѣ

гость, и сѣли аны ўси абѣдать. Попъ и гаворить на пупадѣдѣ:
— „Намъ нѣси гавядины паѣсь“.—А ина и гавѣрить:—Я тамъ
кидала у гарохъ свинину,—будитя ли вы яе ѣсть, или нѣтъ?—
А іонъ гаворить:—„Давай!“—Вотъ ина пубижала ў кухню,
цапъ у гарщокъ: нѣту той свинины; тутъ ина и давай на ра-
ботницу шумѣть; патомъ приходитъ у горницу и гаворить папу:—
„Мой ты папочникъ, я кидала у гарщокъ свинину, а патомъ
яе и нѣту;—я ни знаю, хто яе утащѣ.“—А попъ кусъ самъ
сабе за языкъ:—„Ну,—гаворить,—пупадѣдѣ, ты сваю свинину
ни спрашій: яе утащѣ такей-то и такей мужучокъ, и яму
прастѣ.“—Патомъ тотъ гость и пубижавъ у калидоръ, а тамъ
лижала ваўчинная шуба, и шубы той нѣту:—„Ну, братъ“, гаво-
рить попъ на тога гостя: „а ты, братъ ни спрашивай: я ѣ
тваю прастѣ.“—Патомъ яшо адинъ памѣщикъ у церкви хватъ
у варшанъ, хатѣ пасматрѣть, каторый часъ, а часоў и нѣту.
Тутъ стаў такой розыскъ, а попъ гаворить на етыга памѣ-
щика:—„Ну, братъ, и ты не ищи свайхъ часоў: ў насъ ў ся-
воднишний день ў трайхъ вышла прапажа, то я ўсю прастѣ и
разряшѣ, а нашимъ вещамъ: свиньни, ваўку и шаптунамъ, ўзва-
роту ня будить!..“

№ 14.

Абъ паповымъ батракъ.

Какъ жиў адинъ попъ, такей чилавѣкъ быў добрый, благо-
дѣтельный, а пупадѣдѣ была лихая. Вотъ іонъ искаў, искаў,
сабѣ работника, никакъ ня могъ найдить, патаму што пупадѣдѣ
была лиха. Патомъ адинъ сусѣдъ яго приближній и гаворить:—
„Ну, батюшка, я вамъ, якъ ближній сусѣдъ, то я уважу васъ:
взвѣмита майго сына къ сабѣ ў работники,—только ў такомъ
палажѣніи, штобы ваша хазяйка ни магла въ ѣмъ распаря-
жатца.“—Ну, такъ што жъ? ета можна, са ўсѣмъ удавольствіемъ.—
Патомъ и гаворить:—„Ну, смотри, пупадѣдѣ, ў маимъ работ-
ники ты ни распаряжайся!“—Вотъ етому работнику такъ ха-
рашо была. Патомъ приходитъ осинъ, нужна ѣхать у калядѣ.
Попъ и гаворить на работника:—„Ну, братъ, запригай лошадъ:
мы паѣдимъ съ табою у каляду!“—Вотъ яны ѣздили, ѣздили;
абнила ихъ ночь, и гаворить священникъ:—„Нужна праситца

на нашлегъ. Вотъ іонъ, канешна, какъ священникъ, ни мужику чита: прїѣхаў къ богатому мужику и гаворить:— „Пусти насъ на нычъ!“ — А іонъ и гаворить: — А, милости просимъ! Вотъ яны заначували. Ну, канешна, священнику тамъ ужъ была угащенія харошія, а на работника и позабыли; іонъ нашоу убирать лападей, а яны ужу лягли спать. Приходить работникъ, и паѣсь ничига, патомъ и легъ спать на ѣмши. Лижаў іонъ—лижаў,—ня спитца, хочитца паѣсть: вить кишки на свой братъ, ня ѣмши на будить; іонъ устаў, идеть къ папу и гаворить:— „Батюшка, я дужа ѣсь хачу!“ — А што я табѣ дамъ? Иди-ка, пасматри: на печки утворишь хлѣбъ,—яго ты и падѣлшъ“. — Вотъ іонъ и палѣвъ на печку, аткрыў дяджу, искаў, искаў ложки—ни нашоу, и давай ѣсть горстью; увесь пубмазаўся, слѣвъ аттуда и гаворить папу:— „Батюшка, што мнѣ дѣлать? я ўвесь пубмазаўся!“ — А пошъ видаў, што висить рукамоиникъ для парогу,—вотъ іонъ и гаворить:—Иди: для парогу висить рукамоиникъ,—ты иди и вымыйся!—Вотъ іонъ нашоу къ тому рукамоинику, а тамъ ў аббитику чистый дегать; вотъ іонъ удѣў туды руки, а оттуда на выдвинуть. Ужъ іонъ насіўся, насіўся съ естымъ абитинымъ: ни знаить, што яму дѣлать. Патомъ уздумаў: сяредъ избы стояли маслабойныя жорны; іонъ и гаворить самъ сабѣ:— „Пайду да разабью абъ каминь етытъ аббитикъ!“ — Падходитъ іонъ къ етымъ жорнамъ, пасматривать: бялѣйтца каминь на жарнахъ. То іонъ у патѣмку ни разсматрѣў харашенька: думаў каминь, а тамъ лижаў лысый старикъ. Во іонъ падашоу, да какъ ляпнуть етыга старика на лысини: Божа мой, етытъ старикъ какъ ускочить, какъ справить крикъ! Етому работнику некуды диватца: какъ бяжить къ папу и гаворить:— „Батюшка, паѣдимъ дамой, у насъ тамъ нисчастя!“ — Пошъ скарѣй ускочіў и кричить на работника:— „Праворній запригай лападей: паѣдимъ дамой!“ — Вотъ яны какъ сѣли, какъ паѣхали. Патомъ работникъ и гаворить папу: — „Ну, батюшка, я васъ спадманіў: у насъ дома усѣ харашо, а толька я сдѣлаў ниблагалашна“. — Чимъ жа такъ? — А во чимъ: какъ захатѣў я ѣсть, искаў, искаў паѣсть—ничива. Утворишь быў хлѣбъ, я искаў, искаў ложку—ни нашоу, я и давай ѣсть горстью: абмазаўся увесь. Висѣў рукамоиникъ, я хатѣў вымыть руки: думаў вада, а тамъ дегать. Усадіў я туды руки, а аттуда и на выну; я стаў искать, ба што мнѣ яго разбить. Стыяли сиради

хаты жорны, а на тыхъ жорнахъ спаў лысый старикъ. Я падашоў, хатёў разбіць абъ жорны, да какъ ударю етыга старика па лавбяню: іонъ закричѣў, да какъ справіў пиритраску!“ — Вотъ попъ и гаворить на работніка: — „Ну, братъ, спасибо табѣ, што ты такъ здѣлаў, а то бы тамъ насъ задержали и лашадей ба нашихъ атпргли, а таперь, слава Богу, мы дома.

№ 15.

Якъ попъ казломъ здѣлаўся.

Якъ жиў мужикъ бѣдный, и была у яго мать — старушка старенькая. Какъ помирла яго matka, то іонъ приходитъ къ ба-тющки: — „Идѣ прикажися, батюшка, магилку выкыпать?“ — А іонъ гаворить: — „Моспане, на кладбищи, падъ рябиный.“ — Мужикъ стаў капать магилку и вырыў катяловъ съ деньгами; іонъ ибралываўся дужа: будить, чимъ матку схаранить и чимъ справить похараны. — Послѣ пахаронъ зазваў батюшку на абѣдъ; попъ видить, што похараны спраўляются, якъ у багатаго му-жика, и гаворить: — „Скажи ты мнѣ, братъ, аткуда у тебе день-ги?“ — Мужикъ разсказаў папу усю праўду. — Приходши дамой съ абѣду, попъ и гаворить на пупадѣю: — „Ну, моспаня, вяди казла рѣзаты!“ — Привела пупадѣля казла, попъ казла зарѣзаў, мяшкомъ кужурѣну аблупіў и съ рагами, потѣмъ надѣўши на сябе кужурину, и приходить вечирамъ къ мужику падъ акно, атчиніў и рукою гравъ, гравъ. Мужикъ такъ и абамлѣу атъ испугу: — Хто ты? — „Чортъ.“ — Что табѣ нада? — „Атдай катя-локъ денегъ, што нашоу!“ — Мужикъ думайтъ: — Нада атдать! — и атдаў. Приходитъ попъ дамой, — стаў скидывать шеуру, а шеура и прирасла къ яму. Тады матушка панисла деньги му-жику: — „На, братъ, назадъ твае деньги: за ихъ наказаў Богъ дужа батюшку.“ — Послѣ тога попъ и кужурину казляную сняў, а было казломъ застаўся.

Какъ попъ тяліўся.

Попъ піў малако силна. Іонъ пашоў у баню. Пупадьдзя і гаворить папу, калі іонъ съ бани пришоў: — „Батюшка, ня пейця малако, а то вы телитись, када будить пить болій.“ — Попъ ни няўся, а, пришедши зъ бани, стаў яще болій пить малако. Забурчѣло у яго у живатѣ. Тады попъ скупаўся: — „Пайду у чужоя сяло; а то стыдна будить, бали талюсь у сва-емъ сялѣ.“ — (Попъ падумаў, што спрудитца, што пупадьдзя ска-зала). Бѣгши, попъ найшоў на задавленніка, а цапаги у тога задавленніка такія чудесныя. Давай скидывать цапаги — ня лѣ-зуть; тады попъ и узяў и атрѣзаў ихъ съ нагами, уварнуў ихъ и у расу и приходить на дярэўню. — Мужикъ пустіў пу-па на нычъ; попъ палѣзъ на печку, распрянуўся и легъ спатъ. У то уремя у ихъ карова талилась нѣччу: попъ ужу уснуў, када ёъ яму палажили таленка. — Ноччу іонъ прашнуўся, ви-дять ли сябе таленка и дивитца: — „И ни замѣтїў, якъ тяліў-ся!..“ Прибѣгши дамой, и гаворить: Во, матушка, тяліўся — и ня ўчуў! А тутъ хазяева устали и гаворють: — „Што ета пупа нашіга ня слышна!.. Идѣ жъ ета нашъ попъ?“ — И гаворють: — Што ета ноги лижать ли таленка? — Таленкѣ, ета ты нашіга батьку зѣў? — А таленкѣ: Ми, ми! — Нѣтъ, ня ми, а ета ты нашіга батьку спатрабіў, никаанний!..

Бѣльскій ўѣздъ, село Шоптово.

Якъ панъ атняў у мужина пирохъ да гуся, а мужикъ за ета трожжи набїўся пана.

Ишоў мужикъ па дароги, ўў пирохъ да гуся. Ъхали паны.
— Мужикъ, атварачивай!

А мужикъ варатить морду па старанамъ, а съ дароги ня йдетъ. Астунувались лошади: мужикъ ни даѣтъ имъ ходу, а зваратить нильзя: абапалъ канавы.

Баринъ атвичайтъ на кучира:

— „Саскачи, пасматри, што ета за мужикъ такей съ да-роги ня йдетъ.“

— „Етытъ мужикъ ни прастой, а ёсть пирохъ да гуса!..“

— „Атыми, братъ кучирь! и я хачу пирага да гуса.

Кучирь узяў атыяў у мужика пирохъ да гуса.

— Помни, баринь! атыяў пирохъ да гуса—я тибѣ трожжи набьюся!

— „Кучирь, што іонъ гаварить?“

— А вотъ, што гаварить: Помни, баринь! атыяў пирохъ да гуса—я тибѣ трожжи набьюся!

— „Паганяй, кучирь! ня слухай, што мужикъ гаварить.“

Пріязжають дамой, сѣѣли панъ съ кучирамъ пирохъ да гуса.

Мужикъ барина знанть, а баринъ мужика ни знанть. Удрухъ мужикъ узяў пилу и идеть у господскій домъ нанниматца рѣзать калодья, и выходить стараста:

— „Ти пильщикъ ты, братъ?“

— Да пильщикъ!—(А самъ у руки пилы ни браў).

— „А можешъ ты мнѣ десить пилъ сабрать народу?“

— Магу.

— „Пайду, къ барину сажу, пириталкую“...

— Што, баринъ, пришоў къ намъ пильщикъ. — Ти ни пара намъ калодья у лѣси нарѣзать?“

— Дауно я думаю рѣзать. Пришли мнѣ мужичка етыва.

— „Ступай, мужичекъ, къ барину пану дѣлать абъ калодью!..“

Мужичекъ приходить.

— Здрастунтя, ваша блугородіе!

— „Драстуй! Можешъ калодья нарѣзать?“

— Магу.

— „А што, братъ, какую ты вазьмешъ пану рѣзать калодья?“

— Мы паѣдимъ у лѣсѣ: тамъ ужъ, баринъ, пану будимъ дѣлать.

— „Я пашлю старысту съ табой“.

— А то, баринъ, паѣдимъ уѣсти: я у тибѣ буду за кучира.

— „Да и праўда: чимъ яво таскать, луччи у дваихъ паѣдимъ.“

— Прикажитя старысти запречъ лошаты и ўзять тапарокъ.

Ну, стараста запрѣхъ лошаты, сѣў баринъ зъ мужикомъ и паѣхаў у лѣсѣ. Пріѣхали у лѣсѣ, абглядѣли десить кучъ и па триста калодъ у кучи. Баринъ гаварить:

— „Теперь сѣчь буду вагу.“

Мужикъ пащупалъ у канцу гнилетѣти.

— Какъ же мы будимъ дѣлать цѣны?

— „Вотъ, баринъ, ты попробуй руку, ты праѣда, што гнилая!“

Баринъ, какъ ня глупъ, а палѣзъ даставать гнилетѣти своєю рукой. Ну, іонъ вагу выдириу — руку и притиснула. И гаварить:

— Миѣ ужъ руку нилзя вытинуть! Што ты ета дѣлаишь? А мужикъ атвѣчати:

— „Баринъ, помни, какъ ты атнимаѣ широхъ да гуса, я казаѣ: трошя набѣрся! Разъ буду бить.“ — Пашоѣ мужикъ, вырязаѣ хлудецъ лазовый, давай яво снுவать, сколько угѣла. Патомъ набѣрся и ушоѣ прочъ. — Кучиръ ждаѣ, ждаѣ и паѣхаѣ зъ баринимъ у змыси. Призжаишь старыста. Баринъ гаварить:

— Куда я паѣду? Избить я увесь, и ащо абищантца избить етѣй пражаждай.

Узлѣ старыста — падевириѣ канецъ ваги, вытинуѣ руку, привезъ барина дамоѣ бальнова. Извѣстна: бой ня медъ! Баринъ гаварить на старысту:

— „Пильнуѣ дахтарѣ при дароги: ти ни знаютъ яны, якъ мине папользавать?“

И ѣдрухъ мужичекъ накупляѣ пузырькоѣ двадцать и идеть скрозъ господскѣй домъ; пузырьки навѣшины на шеѣ. И уходятъ старыста на вулицу:

— „Ти дѣхтаръ ты?“

— Значить, дохтаръ, када у мине разныи ликарства навѣшаны!

— „Пагади, братъ! я даѣду, барину далажу.“ — Пришоѣ къ барину:

— „Дохтаръ идеть на нашиму чистиму двару, и ликарства у яго многа навѣшина на шеѣ!“

— Призави, братъ старыста, яго у домъ ка миѣ! — Старыста гаварить:

— Мужичекъ, ступай къ барину у домъ!

Приходитъ мужичекъ у домъ.

— „Можиишь мине папользавать: я очинъ болѣнъ.“

— Магу, баринъ! „Тапитеа баню: миѣ тибѣ нада у бани лячить.“

Вытащили баню, пуляли барина у баню; лакей да баринъ и мужикъ у трапхъ пришли у баню. Пришли у баню, а вѣника нѣтъ.

— Што, баринъ, мы пришли, вѣника жъ нѣтъ—нада намъ вѣникъ: иди, лакей, за вѣникамъ дамоу!—Лакей пашоу тады. Мужикъ и гаварить:

— „Помнишь, казау, якъ атняў пирохъ да гуся, трожжи набьюся! Вить буду бить больна.“—Далека отъ дома узяў мужикъ барина дуть. Забіў ящо сильнѣй, самъ и ушоў. Приходить лакей.

— Забіў той мужикъ—взяи на лашадяхъ!

Привязали ипать у домъ барина бальнова. Какъ лехъ баринъ, палгода лежаў. Стаў баринъ, слава Богу, пупраўлятца. Мужикъ ипать къ яму: наняў тройку лашадей бурыхъ—и ѣдитъ скрозь хутыръ.

— Ти жиў той баринъ, што атняў пирохъ да гуся: а пріѣхну, третій разъ набьюся! — И услышала дворня, што іонъ кричить ва весь горадъ; патнались за имъ, распустіўши черныи крылья. Патомъ таго, скачіў у господскій закауликъ, а коніи пустіў — яны все за ими. Хуть бы адинъ чилавѣкъ застаўся у дома—только баринъ. Онъ сичасъ шарпъ у харомы къ барину.

— Здрастуйта, баринъ! Ти жиў ты. Якъ атняў пирохъ да гуся, а казаў: трожжи набьюся.—Пачаў барина бить. Баринъ гаварить:

— Вазьми деньги у кутниихъ углахъ,—только атстань атъ мине!—Мужикъ, якъ на быў глушь, егребъ шкатулку и ушоў. Прибѣгавтъ слуги—баринъ лажить забитый.—„Зачѣмъ вы пабѣгли? Мужикъ мине саўсѣмъ забіў. Пазавита священника:—я скоро умру.“

На третія сутки баринъ приставіўся, и стали яго пуминать, и а быў у тоя ўремя на палинкахъ. Чарствія яму Вожія!

№ 18.

Мужикъ пану шутычку сшутиль.

Панъ сказалъ мужику: „Сшuti мнѣ шутычку“, а мужикъ ему сказалъ:—Привалила рыбка къ гати—некаму тигати.—Пришолъ панъ къ гати, а рыбки ни водный нѣту: мужикъ шуточку и сшутиль.

Ж 19.

Баринъ—яму мужикъ парай—лашадей сабѣ изъ тынвѣ
высиживаѣ.

Какъ пасѣиу одинъ мужучокъ гарбузоѣ, и ўдалися аны
такоя хороша, и такъ довольна. —Вотъ аны пасѣли, и давай
іонъ ихъ выбирать, и павезъ ѣ горадъ продавать. Падходитъ
къ яму памѣщикъ и гаворить яму: „Што ты ета, мужучокъ,
прадаешъ?—А іонъ гаворить:—А яйцы.—„А што зъ ихъ можна
здѣлать?“—А іонъ гаворить:—А во што зъ ихъ можна здѣлать:
сжели ты хочишь ѣздить на хорошихъ лашадахъ, сядь на оты
яйцы, да на высокій ѣлки, и высидинишь сабѣ такихъ лошадей,
какихъ ты никада не видываѣ.—Вотъ іонъ купиѣ сабѣ отыхъ
гарбузоѣ нѣскалька штукъ, потомъ и гаворить на отыга му-
жука: —„Ну, братъ, теперъ я табѣ дамъ сто рублей,—только
ты мяне сведи, на которій елки можна высидить лашадей.“—
А отытъ мужучокъ знаѣ, идѣ ляжить занцѣ, надѣ которыю
елкамъ. Вотъ іонъ и павеѣ яго туда, и гаворить:—„Ну, садись,
да смотри, ни слизай, пакамысь съ—падѣ тебе вылизуть оты
лошади“.—Вотъ іонъ идеть къ дому и приказывають жанѣ:—
Принаси мнѣ заўтрикать, абѣдать и вужинить, а мнѣ дамой
хадить некада.—Вотъ жина насилла яму одинъ день, и другой
день, и третій день, а потомъ какъ-то и пазабылася.—Вотъ
іонъ сядѣѣ, и захатѣлася ему такъ сильна ѣсть, то и іонъ самъ
сабѣ и гаворить, сидя на елки:—„Ахъ, Божа мой, вотъ какая
мая жина: на хорошихъ-то лашадахъ бы ѣздила, а пра мяне то
и забыла!“—Потомъ и гаворить:—„Падажди; только дамой
пріѣду, то ина ета будить поминить, што ина пра мяне паза-
была!“—Какъ то стаѣ паварачиватца, да какъ заgrimить іонъ
зъ отый елки, а падѣ тѣй елкуй лижаѣ занцѣ, то отытъ занцѣ
какъ ускочить, какъ пубижить, а іонъ то за нимъ ўслѣдъ и
кричить: „Ай, ни дасѣдиѣ я сабѣ лашадей!“—Тотъ только и
быѣ такоу: пубижаѣ у лѣсъ. Вотъ іонъ пришоѣ дамой, и давай
сваю барыню бранить:—„Какъ ты не магла мнѣ принести па-
ѣсть, а я только стаѣ було дасѣживають сабѣ хорошихъ ла-
шадей, и захатѣлася мнѣ дужа сильна паѣсть,—то я хатѣѣ
було слѣзть тихинька съ сваей насѣтки, да какъ абламіѣся, да
абъ землю, а лошадъ нидасѣжаная съ—падѣ мяне, то я же даганяѣ

даганяў,—нікакъ ня могъ яе джржаць; а еслн бы ты мнѣ прн-
ннсла паѣсть, то былн бы у насъ лошади нн такея, какея у
насъ теперъ іось: када я малннькага, н то ннкакъ ня могъ
паймаць, а еслн бы я дастѣдїў, то нмѣ бы н здержн не была,—
а таперъ ты сама вннувата,—усѣ н ѣзді на такіхъ, какія
іось“.....

Ж 20.

Калядный гость.

Сватъ къ свату прншоў у гостн на калядкн. Атгастїў
калядкн; сватъ н спрашнць у свата:—„Тн харашо была на
калядн?“—Харашо.—„Ну, пабудь-ка ты да маслнны!.. Ета
луччїй буднць“.—Даждали маслннкн н маслннку атгастнлн.
Потѣмъ сватъ н гаворнць:—„Тн харашо была, сватъ, на ма-
слнну?“—Да, дужа харашо, сваточекъ!... „Пабудь-ка да вя-
лнкоднн... паглядн, какъ тада буднць!“.—Атгастїў гостъ н
Хрнстоў дѣнь. Тамъ вннхалн людн у поля пахатъ; агу, ха-
заннѣ н гаворнць:—„Братъ воннчка, прагонѣ ты мнѣ каляд-
ннка гостя: парядкамъ іонѣ мнѣ надакучнў“.—И пупраснў ха-
заннѣ воннца, штобѣ іонѣ здѣлаў, што наднбн.

Потѣмъ хазаннѣ гаворнць на гостя:—„Ну, братъ, бнрагнсь:
снчасъ ка мнѣ прїднць воннць зватъ на прнгонѣ „на семерн зѣ
дварн воннць.“ Іонѣ, братъ, на дужа—то любнць калядннхъ га-
стей; дакъ я табѣ, братъ, параню: палажу я тнбе у мншку, на
калѣсахъ, замѣсть тѣга хлѣба.

Прнходнць воннць къ хазаннну:—„Чаломъ вамъ! А ета
што у тнбе на калѣсахъ за мншокъ съ мякнннн?.. Ахъ,
какъ бы мнѣ найтн калядннага гостя?... У тнбе братъ, мнѣ
казалн, адннѣ гостъ (Да пу мншку бутца нннарѣкнмъ кну-
томъ). Я-бѣ яго!—(да разѣ, два, трн, чатырн кнутомъ). Ну,
братъ, ннзвнннн, што тнбе бнзнакоїў: казалн добрые людн,
бытца у тнбе гостъ калядннн—я бѣ яго забнзуваў бы да снертн.

Потѣмъ, якъ ушоў воннць, якъ выпустнў хазаннѣ гостя,—іонѣ
скарѣн дамой. Іонѣ ужу, самъ гостъ, харашо знанць, дагадаўся,
што нада робнць: абротъ у рукн, саху на плечн, да у поля
пахатъ.

№ 21.

Хлѣбъ-соль!—Просимъ пакорна покушать!

Одинъ крестьянинъ былъ большой охотникъ покушать. Какъ увидить обѣдающихъ и, по обычаю, скажетъ имъ „хлѣбъ—соль“, а обѣдающіе, по обычаю, отвѣтятъ: „просимъ покушать“, крестьянинъ этотъ никогда не отказывался отъ „хлѣба—соли“, а присаживался за столъ и обѣдалъ.

Стали замѣчать его привычку и ужъ не просили его покушать, а только благодарили за доброе слово:—„Спасибо табѣ за добрыя слова, милый чаловѣкъ!“

№ 22.

Подъ порогомъ иголка.

Дѣвка все отказывалась работать подъ предлогомъ, что она не довидитъ — плохо у нея зрѣніе.

Пришли сваты и положили для испытанія ея зрѣнія иглу подъ порогомъ; дѣвка тотчасъ замѣтила иглу: „подъ порогомъ иголка!“...

№ 23.

Химя—дренна имя.

Одна баба за переимѣну имени отдала рубль денегъ да шубку, и приказано было бабѣ сѣсть въ ступу, когда никого дома не будетъ, распустить волосы и молчать, что бы съ нею ни дѣлали; и на все это баба согласилась, потому что ей не нравилось ея имя: „Химя—дренна имя!“

Сынъ первый замѣтилъ, что какое-то чудовище сидитъ въ хатѣ, побѣждалъ, отцу рассказаль. Отецъ не повѣрилъ, а какъ пришелъ, то испугался,—а какъ хорошенько разглядѣлъ, то и началъ бить жену кнутомъ, а она все не лѣзетъ со ступы. Ну, наконецъ вылѣзла—не стало терпѣнья—да и говоритъ съ сожалѣніемъ мужу:—„Кагда-бъ ты не сѣлъ меня кнутомъ, я бы въ святыхъ аявилась“.—

№ 24.

Р о з в и с н я .

Адну бабу звали Розвисній. Баби етій ни правилась ета имя. Думались ей: — „У усѣхъ бабъ именина, какъ именина, а у мене какою-1. гадкыя, ни людская имя.“ — Адинъ паринь вызвался цырякстятъ яе; вылѣлъ ей лечъ у лажу, да хадилъ вакрыгъ ае и пригаваривалъ:

„Вада махавая,
Баба маладая,
Шубушка навая!“...

Какъ абайшолъ три раза съ этимъ приговоромъ, то сказалъ:

„Шуба ня шутка:
Будь ты Аксютка“.—

Шубу-то парень сабѣ узялъ, а баба стала называтца Аксютій.

Б Ы Л Ь .

№ 1.

Дѣўка викавуха, якъ яе цыгани абманили.

Жила дѣўка-викавуха. Узышли на дворъ къ мужичку цыгани. Дѣўка выхадила на дворъ и спрашійть:

— Кто такей?

— „А сваты. Пайдешъ замужъ за насъ? Бяри у матери ключи, выбирай дабро — паѣдимъ жанитца!..“ Ина ать матери забрала ключи и стала надивать усю адѣжу съ иибара.

— „Ты напратывай адѣжу палуччи!..“

Напрянула ина новыи знизъ.

— „Ну, садись на коній!..“

Садидись на лашадей, паклаўши дабро, съизжали са двара, паѣхали вакрыгъ дяреўни, абѣхали три раза, штобъ даўжѣй

ѣхать. Падвозють яе (дѣўку) къ хати, къ свайму дому, нувяли яе въ хату.

— „Сядь, пасяди здѣсь у хати, пакамість ламадей мы атвязѣмъ!..“ (А цыгани дамоу паѣхали).

Ина ждала, сядѣла долга, скоро ль жиники у хату придуть. Стала призывать сѣдя. Падъ тоя урема матка яе прашаулась, какъ ана називантъ:

„Ахти, Божа мой, у маминныхъ даўно спять, а я ня сплю, малада!..“ Мать спрашінтъ:

— „Чаго ты ня спитъ називаючи — далоўки бѣ слѣзла!..“

— Я тибѣ — нявѣстка, а ты — мая свекра!

— „Ахъ, ты с..... дочка, што ты уродуишь?! Я жъ тибѣ матка!..“ Ана, пасматривъ, адѣта — напрунута.

— „Куда жъ ты адѣлась, дачушка?“

— А, маминька, замужъ сабралась.

Ина узшла чипалу у руки, ну яе дунтъ.

— „Уставайти-ка, сыны! Нѣтъ ли чаго у насъ у доми: дочка жъ замужъ идеть.“ Пасматривъ сыны: забрадина сала, забрадина усе дабро. Была матка яе, была, души паслушаўши.

Ж 2.

Д и л ь б а.

Свара и дильба ни тириць мужикоў, а тириць бабѣ.

Жили два брата, была у ихъ шесть ламадей. Паѣхали яны у извозъ на двѣ надѣли, а бабы, ихъ жонны, здѣлали бранку — и ну дялитца зъ бранки, бизъ мужей. Узялись дялить дабро: скоть, хлѣбъ — усе паразмѣрили, чашки и ложки — усе надылили, абразоў — усе параздялили, — ну, и ажидають сваихъ мужей зъ дароги. Пріизжають мужѣ. Выхадилы вонки стричати ихъ, ламадей атпритать насабляли. Гаворить адна на мужа на свайго:

— „Вотъ нашъ хлѣў: пуцай у свой.“ А іомъ гаворить:

— Вонъ колья атцоўская: сюда пуцать нада.

Пустили ламадей туда, у канюшню. Узварачивались усе у хату, стали вабразамъ малитца, каторыя ли парогу вабраза. Та гаворить:

„Вд наши абразы: атець ставіў абразоў ву кутѣ.“ — Стали усе малитца у вѣ одно мѣста, къ куту. Сѣли за столъ.

Ильоть каждая свайну мужу. Пытають мужья:

— „Што, вы падыялились, жонны?“

— А мы падыялились.

— „А мы дыкъ съ братымъ ни даялились.“—Сліў варива у вадну чашку. Якъ нальлють чашу, умѣста усѣ смѣшывали. Пабѣдали яны, напаняли лашадей, изнову сѣли на лаўцы.

— Што, братъ, будимъ дѣлать зъ жинаніи?

Другей гаворить:

— „Ни нада бить ихъ: будишъ калѣкнѣ кармить, если пряхбешъ руку-нагу.“

— Я знаю, што зъ ими дѣлать.

— „А што ты знаишъ, братъ?“

— Пайдѣмъ въ имбаръ са мною, убирай адежу зъ имбара усю вонки; я сваю раздѣну жану, и ты раздивай, пасодинѣ ихъ у въ амбари галыхъ — вѣ тутъ яны пакаютца у въ имбарі.—Раздѣўши, пасадили бабъ въ имбарі. Яны тамъ ругались, бѣгались, смерзли ужу, а патачки нѣтути. Тада, якъ праняў голыдъ и холыдъ сильный, гукають мужей:

— „Атваритя намъ!.. Пумирились“.

— Разви пумирились?

— „Па вѣкъ вѣшний ня будимъ бранитца и даяитца.“— Вышуцали съ имбару.

— „Ну, жонки, на вѣкъ вѣшний ни бранитесь, ни даяитесь! Вотъ вамъ наказаніа: если вы другой разъ забранитесь— въ имбаръ! Во якъ!..“

Ж 3.

Село Пречистое, Духовищенскаго уѣзда.

Съ заработныѣ вярнуўся.

Какъ жиў я бѣдна и пашоў у Питирь у заработки. Зажіў капиталу парядышныга, надѣў калоши харошія. Была у мене на дароги сусѣдка выдадина (замужъ). Я зайшоў, калоши бро-сіў у ей и адежду харошію тамъ-жа. Прихажу дамоў аборван-ный. Ватка на мене съ жонкый асирцали и у избу ни пуска-ють. Курица узлатить на столъ — и тую маніъ иминимъ бро-няютъ:—Кыштъ, арванъ Питябургская!

— Атыскаў я адежду харошію, надѣў калоши. — А жина

пагуливають, нашла пубратимѣхъ хорошихъ. Пастригся я пу маскоўскаму и прихажу къ ей.

— „Здрастуй, маладица!“

Батька мине ни узнаѣ зъ жаною—и, ну, (на) ўскоки батька зъ жаною. Я сяжу; да паглядаю на ихъ. Патомъ батька гаварить:

— Вывадитя чилавѣка чужистранныва паскакать съ маею снахой!—Пашоѣ я зъ ей плясать, и увидѣла ина у мине на рукѣ свае залачонныя кальцо, патомъ узнала, што я мужъ яе—скватала за шю, стала прасить прашенія. Набіѣ яе—и прочъ пашоѣ, и таперь ни живу зъ жонкаю.

№ 4.

Деревня Медвѣдовка, Смоленскаго ўѣзда.

Шерстобить.

Ета було 1879 гаду. Приходить чилавѣкъ на дареўню Пивувку и гаворить:—„Идѣ ба ета миѣ було хватуру тутъ найдить, штоба було двѣ хаты?“—Абнакавенна, яму паказали:—„А вунъ у Скрабуна Ивана Данилава двѣ хаты, и хаты хорошія“.—Приходить іонъ къ етому Скрабуну Ивану Даниливичу и гаварить:—Вы Скрабунъ Иванъ Данилиловичъ?“—Я.—„Ну, якъ ба ета миѣ зъ вами пазнакомитца?“—Атчаго жъ?—Можна.—Што жъ вамъ угодна атъ мине?—„А я бѣ жилаѣ у васъ хватуру нанять:—у васъ двѣ хаты“.—Ну, чимъ жаты будишь у маею хати заниматца?—А я думаю здѣсь аткрыть красильню и магу валинки валить—шерсть прибивать“.—Я бѣ та ни жилаѣ ба сабѣ еткихъ сусѣдѣй, патаму, Богъ тябе звантъ, хто ты.—Жѣнщины сибрались и стали угаваривать яго:—„Ну, усе адно, мы возимъ за 15 верстѣ красить, а таперь будить када пустишь, у сваей дареўни красильщикъ“.—Скрабунъ етѣй гаворить:—„Вохъ, када ба іонъ вамъ ни накрасіѣ такъ, што и насіѣ будить нечига!“... Племянникъ яго гаворить:—Да нѣ, дядя, у насъ, усе адно, хата такъ стайтъ, а іонъ будить намъ платить по 2 рубли у мѣсицѣ,—хата у два гады сама сябе выплатить!—Старикъ гаворить:—„Такъ то—такъ, братъ, ни гляди, кабъ ня вышла на маѣмъ: таперь ты мяне, старика, ни слухаишь, а тады можа пумянишь!“... Нявѣстка гаворить:—

„Ну, гляди: ты ня слухай старика!“... Сичасъ сабрались уси бабы, хату ету вымыли, вычистили. Сыбрались уси жэнщины, нанясли яму аряхоу, здѣлали жарѣху. Красильщикъ гаворить на маладога хазяина:— „Ну, во што, братъ, гатуй ка ты къ заўтриму пару коній: паѣдимъ у Рослыѣ пакупки дѣлыть. Ды при-
няси-ка ты съ кабака на свае деньги водки: ета будить ать мяне угащенія; а я послѣ атпладу: у мяне тапера нѣту денѣгъ мелкихъ“..... Маладѣй гаворить на старага:— „Дядька, а, дядька, дай-ка ты мнѣ цалковый“...— На што?— „Ды вотъ, красиль-
щикъ просить купить гарчикъ водки; іонъ послѣ аддасть“...— Старикъ гаворить:— На ўжу, на... Усѣ 'дно— ета пропала“... Даў яму старикъ цалковый. Привязали водки. Красильщикъ гаворить на старика:— „Ну, старикъ, ты ўсе гаворишь пламеннику ни такъ, якъ слѣдуить, а вотъ мы тольки съ табой азнако-
мимся, то праживемъ умѣсти 10 гадоў...“— Ну, нѣтъ, гаво-
рить старикъ: хуть са Богъ даў намъ съ табой пиринучу-
вать“.— Гарѣлку ету яны распили и лягли спать. Назаўтрига устали рана, гаворить красильщикъ на маладога хазяина:— „Ну, запригай, братъ, паѣдимъ.“— Ды вотъ, братъ, мае кони ня ко-
ваны!...— „А ты вазьми съ сабою деньги и падковы: мы и падкуемъ на дароги“... Даў яму старикъ денѣгъ и гаворить:— „Ну, ѣдь, ѣдь, да хотъ ба самъ пришоў назадь!“— Ну, вярзи, вярзи, дядька... Пріѣхали у Рослыѣ; красильщикъ гаворить:— „Ну, братъ, ты ламадей падкуй, а я пайду закупки дѣлыть“...— Заказали яны сабѣ харошій абѣдъ на пастаялики. Красильщикъ приходить зъ горылу, а кони ужъ падкованы. Сѣли яны абѣ-
дыть. Пабѣдыли.— „Ну, братъ“, гаворить красильщикъ: „пай-
демъ у лаўки!“.. Вотъ пришли яны у ва дну лаўку, выбрали два катла; гаворить красильщикъ:— Ну, братъ, ты тутъ пасяди, а я пайду у другую лаўку куплять краску“.— Сидѣў етѣй му-
жикъ доўга на етыхъ катлахъ,— красильщикъ ни йдетъ. Ла-
вышникъ усѣ у яго распрасіў. Патомъ гаворить:— „Кони ти іось?— Іось. (А красильщикъ, ишоўши, узяў у яго 3 рубли, што яны брали на водку). Лавышникъ гаворить:— „Ну, братъ, иди-ка ты на хватуру: тваихъ коній нейди даўно нѣту!“... При-
ходитъ на хватуру: нѣту ничога: ни ламадей, ни калѣсь. Спрашнѣть у дворника:— „А идѣ жъ мае кони?“— А на ко-
нихъ жа паѣхаў хазяинъ, а я табе и знать ни знаю.— Ну, запла-ти-ка жъ абѣдъ.— Мужикъ етѣй аставіў жупанъ у двор-

ника за обѣдъ, поли ў руки, пумаліўся святынь Раслаўскимъ ды н дамой. Приходить дамой; старикъ гаворить:— „Здароў.— А идѣ жъ кони?— А што, ни мня прауда?— А?..... Вотъ да-сель мы н видили сванхъ канѣчкы!“.. Сѣли вуживать:— „Ну. нисн-ка жъ, братъ, гарѣлки Раслаўскій, пумийѣмъ сванхъ коній!..— А іонъ жа н деньги у мяне узяў! гаворить пляменникъ.— Пра ўсе н расказаў старику. Старикъ гаворить:— „Ну, што жъ, ха-ратно: моли Бога, што самъ ища жиў атстаўся!“.. А кони были харошія: адинъ рублей 100 стоіу, а другой рублей 70.

Отъ старика Емельяна Даниловича.

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
по отдѣленію этнографіи.
Т. XX.

СМОЛЕНСКІЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ.

СОСТАВИЛЪ

В. Н. ДОБРОВОЛЬСКІЙ.

RECEIVED

APR 21 1891

Library of
the University of
Michigan

ЧАСТЬ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Е. Евдокимова, В. Итальянская, № 11.

1891.

Записки по Отдѣленію Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

- Томъ I, подъ редакціею дѣйств. чл. *В. Н. Ламанскаго*. СПб. 1867. Ц. 2 р.
- II, „ „ „ „ *Л. Н. Майкова*. СПб. 1869. Ц. 2 р. 50 к.
- III, „ „ „ „ *Л. Н. Майкова*. СПб. 1873. Ц. 2 р. 50 к.
- IV, „ „ „ „ *А. И. Савельева*. СПб. 1871. Ц. 3 р. 50 к.
- V, подъ наблюденіемъ дѣйств. чл. *О. Ѳ. Миллера*, и *Н. А. Гильдебрандта*. СПб. 1873. Ц. 2 р. 50 к.
- VI, подъ редакціею дѣйств. чл. *Н. Н. Веселовскаго* и *Н. И. Лерта*. СПб. 1880. Ц. 2 р.
- VII, подъ редакціею дѣйств. чл. *Л. Н. Майкова*. СПб. 1877. Ц. 3 р.
- VIII, Сборникъ юридическихъ обычаевъ. Подъ редакціею дѣйств. чл. *П. А. Матвѣева*. СПб. 1878. Ц. 3 р.
- IX, 1) Извѣстія Константина Багрянороднаго о Сербяхъ и Хорватахъ, *К. Я. Грота*. 2) Волжскій бассейиъ по Кинигъ Большаго Чертежа, *Е. К. (Горюхиной)*. 3) Исслѣдованія по каменному вѣку. *Н. С. Полякова*. Подъ редакціею дѣйств. чл. *Л. Н. Майкова*. СПб. 1882. Ц. 2 р. 50 к.
- X, вып. 1. Путешествіе черезъ Сибирь до границъ Китая Николая Сизаварія въ 1675 г. Подъ редакціею дѣйств. чл. *Л. Н. Майкова*. СПб. 1882. Ц. 1 р.; вып. 2. Посольство къ Зюнгарскому хунтайчи Пэванъ Рабтану Ивана Цыковского и путевой журналъ его за 1722—1724 годы. СПб. 1887. Ц. 1 р.; вып. 3. Демонологическіе рассказы Киргизовъ. М. Миропіева. Подъ редакціею дѣйств. чл. *Н. Н. Веселовскаго*. СПб. 1883. Ц. 30 к.
- XI, Антропологическія исслѣдованія среди Мордвы-Эрзя, В. Н. Майнова. Подъ редакціею дѣйств. чл. *Л. Н. Майкова*, СПб. 1883. Ц. 3 р.
- XII, Сказки и преданія Самарскаго края, собранныя Д. Н. Садовниковымъ. Подъ редакціею *Л. Н. Майкова*. СПб. 1884. Ц. 2 р. 50 к.
- XIII, подъ редакціею чл.-сотр. *Ѳ. М. Истомина*: вып. 1. Угро-русскія народныя пѣсни, собранныя Г. А. Де-Волланомъ. СПб. 1885. Ц. 1 р.; вып. 2. Гомельскія народныя пѣсни, записаны З. Радченко. СПб. 1880. Ц. 1 р. 50 к. вып. 3. Пличуки. Этнограф. Сборникъ. СПб. 1890. Ц. 1 р. 20 к.
- XIV, подъ редакціею дѣйств. чл. *П. А. Соколовскаго*: вып. 1. Очеркъ юридическаго быта Мордвы, В. Н. Майнова. СПб. 1885. Ц. 1 р., вып. 2. Вотяки Сосновскаго края. Гр. Верещагина. СПб. 1886. Ц. 1 р.; вып. 3. Вотяки Сарapulьскаго уѣзда Вятск. губ., Гр. Верещагина. СПб. 1888. Ц. 1 р.
- XV, печатается.
- XVI, Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи, А. М. Позднѣева. СПб. 1887. Ц. 3 р.
- XVII и XVIII, печатаются.
- XIX, вып. 1. Соловки. П. Ѳ. Ѳедорова. Кронштадтъ. 1889, подъ редакціею дѣйств. чл. *В. Н. Ламанскаго*. Ц. 3 р. вып. 2. Народныя обычаи Саратовск. губ. А. Н. Минхъ, подъ редакціею чл.-сотр. *А. Н. Пыпина*. Ц. 1 р.